Институт психологии Российской академии наук

Государственный академический университет
гуманитарных наук
Факультет психологии

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО

Материалы VII Международной конференции
молодых ученых «Психология – наука будущего»

14–15 ноября 2017 года,
Москва

Под редакцией

А. Л. Журавлева,
Е. А. Сергиенко

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2017

УДК 159.9
ББК 88
П 86

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Редакционная коллегия:

А. А. Бузина, Ю. В. Быховец, Г. А. Виленская, М. В. Дан, Е. Н. Дымова, А. Л. Журавлев (отв. ред.), *И. И. Знаменская, Н. Н. Казымова, Е. А. Кольцова, Н. А. Королева, Е. И. Лебедева, Д. А. Никитина, Е. А. Никитина, М. А. Падун, Т. В. Рыцарева, Е. А. Сергиенко* (отв. ред.), *А. Ю. Уланова, Н. Е. Харламенкова, А. Б. Эйдельман*

П 86 **Психология – наука будущего:** Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». 14–15 ноября 2017 года, Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 998 с.

ISBN 978-5-9270-0363-1

УДК 159.9
ББК 88

Сборник подготовлен к VII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». Статьи авторов из разных городов Российской Федерации и ближнего зарубежья отражают широту научных интересов молодых исследователей.

Издание подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (*РФФИ*), *проект № 17-06-14031*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

ISBN 978-5-9270-0363-1

Предисловие

Конференция молодых ученых «Психология – наука будущего», организованная Институтом психологии РАН и факультетом психологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) проводится 14–15 ноября 2017 г. уже в седьмой раз.

Данная конференция подтверждает сложившуюся традицию проведения конференций молодых ученых, демонстрируя постоянный интерес и понимание важности роли молодого поколения научных кадров в развитии науки. Психология – наука будущего, и ее будущее – в руках молодых ученых, уровень профессионализма которых и определят ее развитие, поэтому Институт психологии РАН и факультет психологии ГАУГН придают особое значение регулярности проведения конференций молодых ученых. Несмотря на все сложности и трудности в жизни научных учреждений, в развитии научного потенциала должна быть непрерывность и целеустремленность.

Кроме квалифицированной помощи молодым ученым со стороны ведущих научных сотрудников и преподавателей Института психологии РАН и ГАУГН, которая осуществляется в процессе работы секций, вечерних выступлений с докладами известных ученых, у конференции есть и другая цель – публикация сборника научных статей, что также позволяет не только представить результаты и планы собственных исследований, но и получить картину направлений научного поиска в нашей стране и за ее пределами, сравнить собственные усилия с контекстом развития психологической науки в целом.

Научный лекторий, традиционно проходящий в рамках молодежных конференций, позволяет познакомиться с последними научными разработками ведущих ученых. В предыдущие годы лекции прочли А. Л. Журавлев, Ю. И. Александров, В. В. Знаков, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Н. Е. Харламенкова, Е. А. Сергиенко и др. На VII конференции молодых ученых планируются лекции С. К. Нартовой-Бочавер и Я. А. Ледовой.

Каждый год программа конференции дополняется новыми мастер-классами и сессиями. В этом году будет предложена форсайт-сессия «Российская психология – 2035: взгляд в будущее молодых ученых», которую проведет Т. А. Нестик, доктор психологических наук, профессор, и мастер-класс ассоциированного научного сотрудника ИП РАН И. И. Знаменской и к. психол. н., доцента ИП-ПО МГПУ Е. А. Журавлевой «Профессиональная этика психолога в эпоху публичности».

На конференцию было прислано более 300 статей, из них 150 – с очным участием. Конференция характеризуется широким региональным охватом. Кроме традиционных крупнейших научных центров: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, представлены работы из региональных университетов и научных центров таких городов, как: Архангельск, Ярославль, Курск, Ростов-на-Дону, Кисловодск, Челябинск, Арзамас, Ижевск, Казань, Симферополь, Севастополь, Пермь, Владимир, Иркутск, Краснодар, Вологда, Владикавказ, Тверь, Калининград, Саратов, Рязань. На конференцию также присланы работы из зарубежных стран: Украины (Киев, Одесса), Белоруссии (Минск, Брест, Гродно, Могилев) и Азербайджана (Баку).

Разнообразен и круг направлений психологии, в рамках которых ведутся разработки. Это общая психологии, когнитивная психология, психология развития, социальная психология, психология личности, психофизиология, психология труда и инженерная психология, клиническая психология. Наибольшее число статей прислано по направлениям психологии развития, социальной психологии и психологии личности, и это отражает доминирование научных поисков в данных областях психологической науки.

Конференция «Психология – наука будущего» получила поддержку Российского фонда фундаментальных исследований, что свидетельствует о признании конференции экспертным сообществом. Мы выражаем искреннюю признательность за финансовую поддержку, потому что это позволяет издать материалы конференции и обеспечить ее проведение без взносов участников и оплаты за пуб-

ликации. Поддержка ведущим научным фондом конференции свидетельствует о большом значении психологии в отечественной науке, о значимости профессионального роста молодых ученых.

В сборнике материалов конференции работы расположены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, в конце сборника представлены сведения о них: место работы или учебы, должность, электронный адрес всех участников конференции – все это призвано способствовать научной коммуникации.

Мы надеемся на успешную и творческую работу VII конференции «Психология – наука будущего», ставшей традиционной для Института психологии РАН и ГАУГН и проходящей один раз в два года. Данная форма научной работы позволяет осуществлять поддержку молодых ученых, которая так необходима для преемственности в развитии науки, для ее будущего.

Редколлегия

О сходстве полярных стратегий смыслообразования*

И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, М. В. Годунов (*Ростов-на-Дону*)

Цель исследования – изучение особенностей актуализации полярных оценок в смысловом пространстве у лиц с различными стратегиями смыслообразования. Исследование стратегий образования смыслов позволяет вскрывать механизмы смысловой регуляции и моделировать взаимодействия индивидуума в разнообразных жизненных ситуациях, требующих оценивания и выбора (Абакумова, Ермаков, Фоменко, 2013). Предполагается, что возможна организация смысловой сферы по двум стратегиям, отражающим предпочтения к приспособлению или развитию личности. Подобную дуальность отмечает Д. А. Леонтьев при анализе признаков выбираемых стратегий жизни в виде двух альтернатив, когда симбиотическое выживание как бегство от ответственности к коллективной личности противопоставляется трансцендентной автономии для истинного личностного роста (Леонтьев, 2014). Определим две полярные стратегии следующим образом (Годунов, Абакумова, Енин, 2016):

– *развивающая стратегия смыслообразования* – ориентированный на осознание мотивов и порождение актуальных целей способ трансформации смысловой сферы, направленный на формирование перспективных смыслов и своевременную перестройку их содержания для осуществления возможности личностного

* Исследование выполнено в рамках реализации внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-01 «Разработка технологий инициации смыслообразования как компонента современных коммуникативных систем с целью обеспечения информационной безопасности сети Интернет».

роста под влиянием внешних факторов, оцениваемых как преодолимые условия жизни при самодетерминации индивидом своей жизни;

– *приспособительная стратегия смыслообразования* – основанный на формальной и стереотипной предзаданности целей способ организации смысловой сферы, направленный на необходимость компенсации недостатков развития индивида путем подстройки и однообразного движения в слое уже обретенных личностных смыслов под воздействием внешней среды, воспринимаемой как доминирующей и детерминирующей его жизнь.

Проверяется гипотеза о том, что развивающая и приспособительная смыслообразующие стратегии кроме различий имеют и частичное совпадение своих признаков, что свидетельствует о единстве смысловой сферы личности и наличии общих оснований процессов смыслообразования.

Личностные смыслы – прообразы, а личностные свойства – изоморфные образы, как производные от смыслов. Благодаря им проявляются и осуществляются личностные свойства во взаимодействиях, и по их определенному наличию можно судить об имеющихся актуальных смыслах и стратегиях смыслообразования. Для них разработано описание посредством биполярных семантических шкал, в которых свойства личности являются ключевыми денотатами как особыми метками-индикаторами смысла.

Нами предлагаются девять адаптированных шкал личностных свойств для построения частного семантического дифференциала (ЧСД) по определению особенностей приспособительной и развивающей стратегий. Каждая из шкал представляет актуализацию смыслообразования в одном из направлений: мировоззренческом, поведенческом, вербально-лингвистическом, логико-математическом, визуально-пространственном, моторно-двигательном, музыкально-ритмическом, межличностном, внутриличностном. В шкале три верхних слова отражают развивающую стратегию смыслообразования, средний уровень показывает промежуточное состояние, а три нижних слова отражают приспособительную стратегию (Годунов, 2016).

Проверка гипотезы проводилась батареей тестов, в которую, кроме шкал ЧСД, входили: тест СЖО по Д. А. Леонтьеву, фрустрационный тест Розенцвейга, тест М. Куна «Кто я?», тест множественного интеллекта Гарднера, анкета саморефлексии И. А. Стеценко. Объем выборки – 145 чел., среди которых проведена градация по возрастному (18–23 и 26–56 лет), гендерному (мужчины и женщины), профес-

сиональному признаку (учителя средних школ Ростовской области, а также студенты-психологи и студенты-историки 1–3 курсов ЮФУ).

Для выявления силы корреляционных связей между исследуемыми показателями тестов в группах выборки по признакам вычислены коэффициенты линейной корреляции Пирсона. Его стабильное положительное статистически значимое наличие ($p \leqslant 0{,}05$) обнаружено только для показателя осмысленность жизни «ОЖ» теста СЖО по Д. А. Леонтьеву, который будем считать основным показателем-маркером исследуемых стратегий.

Это позволяет выявить страты, соответствующие развивающей и приспособительной стратегиям. Стратификация в каждой группе выборки по признаку (молодой/средний возраст; мужчины/женщины; студенты-психологи/студенты-историки/учителя) проводилась относительно средней величины ($ОЖ_{СР}$) с учетом его среднеквадратичного отклонения (СКО): в верхнюю страту развивающей стратегии относились респонденты, имеющие показатель $ОЖ \geqslant (ОЖ_{СР}) + 0{,}5(СКО)$; в нижнюю страту приспособительной стратегии попадали респонденты, имеющие $ОЖ \leqslant (ОЖ_{СР}) - 0{,}5(СКО)$.

В выявленных двух полярных стратах для девяти полярных шкал исследуемого частного семантического дифференциала определены средние показатели, округление которых до целых величин дало эмпирическое описание личностных профилей смыслообразующих стратегий. Помимо различий, обнаружены следующие совпадения в их описаниях:

Показатель «логичность» является общим в личностном профиле для обеих смыслообразующих стратегий во всех трех выборках по возрастному, гендерному и профессиональному признакам.

При изменениях по возрасту для развивающей стратегии пять совпадений: «выразительность», «оригинальность», пластичность», «музыкальность», «внимательность», а для приспособительной стратегии – «точность». При переходе между полярными стратегиями для среднего возраста есть три показателя, общих для обеих стратегий: «корректность», «оригинальность», «доверчивость», для молодого возраста общих показателей нет.

При изменениях в группах мужчин и женщин для развивающей стратегии совпадения: «выразительность», пластичность», «музыкальность», «доверчивость», для приспособительной стратегии только «точность». При переходе между полярными стратегиями выявлено, что для мужчин имеется два показателя, общих для обеих стратегий: «ответственность» и «снисходительность», а для женщин таких общих показателей нет.

Для различных профессиональных категорий, имевшихся в выборке, совпадения для развивающей стратегии имеют более широкий спектр в виде шести показателей: между студентами-историками и студентами-психологами – «ответственность», «снисходительность», «внимательность»; между студентами-психологами и учителями средних школ – «музыкальность» и «оригинальность»; для всех трех профессиональных групп общим является показатель «выразительность». При этом для приспособительной стратегии таких общих показателей нет. При переходе между стратегиями выявлено, что для студентов-историков имеется два показателя, общих для обеих стратегий – «ответственность» и «снисходительность»; для учителей средних школ таких общих показателей выявлено два – «осмысленность» и «корректность»; для студентов-психологов таких общих показателей нет.

Проведенным исследованием установлено, что показатель «осмысленность жизни» теста СЖО по Д. А. Леонтьеву можно считать основным показателем, маркирующим актуализированную стратегию образования смыслов переживающего субъекта. Данный показатель-маркер имеет статистически значимые положительные корреляционные связи с полярными шкалами разработанного частного семантического дифференциала личностных свойств. При различных комбинациях акмеологических признаков выборки они показывают мультифакторный срез качественного содержания и направленности трансформации ценностно-смысловой сферы переживающего субъекта в процессе взаимодействий различного порядка. Выявлены свойства личности, являющиеся общими в личностном профиле для обеих полярных стратегий смыслообразования при градациях всех вышеуказанных акмеологических признаков или частично. Это подтверждает гипотезу исследования.

Литература

Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Фоменко В. Т. Новодидактика. Кн. 1. Методология и технологии обучения: в поисках развивающего ресурса. М.: Кредо, 2013.

Годунов М. В. Ансамбль свойств личности: интерпретация и диагностика биполярных семантических шкал. Кн. 1. М.: Кредо, 2016.

Годунов М. В., Абакумова И. В., Енин А. Л., Генердукаева З. Ш. Стратегии смыслообразования: современные представления в работах отечественных исследователей: Учебное пособие. М.: Кредо, 2016.

Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Общая теория смысла, психологические

концепции смыслообразования, смыслодидактика: Хрестоматия / Сост. И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, И. А. Рудакова. М.: Кредо, 2014. С. 288–295.

Особенности эмпатии у педагогов детских дошкольных учреждений

С. Ю. Абакумова (*Екатеринбург*)

Эмпатия является одним из важных компонентов профессиональных способностей педагога, она, подобно красной нити, проходит через все другие компоненты его деятельности.

Под эмпатией понимают такое духовное единение людей, когда один человек настольно входит в переживания другого, что может как бы стать им на время, соединиться с ним. Такая эмоциональная особенность личности имеет большое значение при взаимодействии людей, а также в понимании ими друг друга (Бойко, 2006).

Актуальность темы мы находим в необходимости исследования эмпатии как одного из важнейших качеств педагога в дошкольном учреждении, так как значимой потребностью общества в настоящее время является создание атмосферы человечности и гуманности в отношениях. Педагог является одним из первых взрослых, с которым сталкивается ребенок-дошкольник – будущий член общества. Именно поэтому психологи и ученые уделяют большое внимание исследованию такого феномена, как эмпатия (Митина, Митин, Анисимова, 2015).

При общении с педагогом ребенок учится устанавливать контакт, выстраивать отношения, чувствовать настроение другого человека. Взаимоотношения с воспитателем являются для него неким образцом общения с социумом. Поэтому, на наш взгляд, именно педагогам дошкольного образования важно иметь высокий уровень эмпатии (Хлебодарова, 2012).

Предметом исследования является эмпатия у педагогов детских дошкольных учреждений.

Объектом исследования выступили 50 педагогов, работающих в дошкольных учреждениях г. Екатеринбурга (как частных, так и муниципальных) в возрасте 21–42 лет.

На основании теоретического анализа литературы по проблеме изучения эмпатии в деятельности педагога дошкольного учреждения была сформулирована гипотеза исследования, состоящая из двух положений.

1. Вероятно, удовлетворенность жизнью у педагогов отражается на уровне эмпатии. Если педагоги не удовлетворены профессиональной жизнью, аспектами своей жизни, результатами своей жизнедеятельности, то они ограниченно будут проявлять эмпатию в воспитании и обучении детей.
2. Возможно, профессиональное выгорание отрицательно коррелирует с эмпатией, в частности: педагоги, имеющие выраженные симптомы профессионального выгорания, неэмоциональны, безучастны и скупы в проявлении эмпатии, и наоборот.

Целью исследования стало изучение социально-психологических особенностей эмпатии у педагогов детских дошкольных учреждений с разным уровнем удовлетворенности жизни и степенью профессионального выгорания.

В соответствии с целью исследования были определены следующие задачи:

1) изучить особенности эмпатии у педагогов детских дошкольных учреждений;
2) рассмотреть взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью педагога и уровнем его эмпатии;
3) рассмотреть взаимосвязь между уровнем профессионального выгорания педагога и уровнем его эмпатии.

При обработке результатов использовались количественные и качественные методы, дескриптивная статистика, расчет стандартного отклонения и нормального распределения, выборочный коэффициент корреляции Пирсона, Т-критерий Стъюдента. Обработка произведена с помощью программной среды Microsoft Office Excel 2016 и SPSS 20.3 for Windows Release.

Первоначально нами было проведено анкетирование педагогов по разработанной ранее анкете.

Проведенное анкетирование выявило, что профессиональная деятельность является эмоционально затратной. Дети требуют значительного количества сил, эмоций и активности от педагога. Педагогам сложно управлять и организовывать деятельность в детском коллективе, поэтому могут возникать конфликты между детьми. В общении с коллегами они ценят понимание, отзывчивость и умение выслушать накопленные мысли и чувства, способность поддержать и дать правильный совет. Из анализа нашей анкеты мы выявили, что педагоги отмечают, что главными качествами при работе с детьми являются отзывчивость, терпение и открытость. Именно в этом случае педагогическая деятельность будет приносить удовольствие

и будет найден индивидуальный подход к каждому ребенку. По данным анкетирования педагогов, удручает, что «их деятельность крайне насыщена не только разнообразными видами деятельности с детьми, но и большим объемом отчетной документации». Именно поэтому у педагогов накапливается эмоциональная усталость, физическое истощение и опустошенность. Это негативные предвестники в переживании профессионального выгорания или кризиса в педагогической деятельности.

Полученные показатели по тесту на оптимизм свидетельствуют, что развитие такого качества, как «оптимизм», у педагогов представлено очень неравномерно. Выражены крайние формы проявления качества в одинаковой степени: низкий (иначе называют «чрезмерный пессимизм») и высокий («чрезмерный оптимизм»). Возможно, такой разброс результатов может говорить о категоричности отношения педагогов к своей профессии – им свойственно либо слишком критично относиться к работе, либо ставить блоки и защиты.

Анализ результатов по методике В. В. Бойко установил, что у педагогов недостаточно развиты эмпатийные тенденции. Так, педагоги к проявлению эмпатии подходят рационально, они сознательно сопереживают и сочувствуют, проявляют ответную реакцию, когда это требуется. Серьезная сложность заключается в том, что у педагогов не развита проникающая способность к эмпатии, педагоги не стремятся развивать коммуникативный потенциал. Социально-психологическая траектория развития личности педагогов направлена на подведение итогов, поэтому для них неактуально развитие и формирование новых психологических образований.

Анализ результатов по опроснику на выгорание (MBI) К. Маслач и С. Джексон (в адаптации Н. Е. Водопьяновой) показал, что педагоги находятся на стадии «редукция личных достижений». В целом, педагоги удовлетворены своими профессиональными достижениями, у них выражена самореализация в профессиональной деятельности, они дорожат достигнутыми результатами и адекватно оценивают свой внутренний потенциал.

Результаты, полученные по шкале удовлетворенности жизнью Э. Динера, свидетельствуют, что педагоги демонстрируют тенденцию к внутреннему гармоничному состоянию и высокому уровню психологической удовлетворенности, несмотря на противоречивые данные. Очевидно, это связано с тем, что они удовлетворены своим профессиональным развитием (Маслач, 1978).

Результаты, полученные по субъективной шкале счастья (С. Любомирски, Х. Леппер), показывают, что у педагогов выражено бла-

гоприятное субъективное переживание счастья. Они дают положительную оценку условиям своей жизни и достигнутым целям, свои результаты они могут соотнести с эталоном или идеалом.

Результаты математического анализа показали, что удовлетворенность жизнью положительно коррелирует с эмпатией, чувством счастья. Такое состояние благоприятно отражается на работе с детьми. Данные результаты подтверждают первое положение нашей гипотезы (Прядеин, 2013).

Также корреляционно-статистический анализ доказал, что нахождение в состоянии профессионального выгорания отрицательно связано с проявлением эмпатии (готовность развивать качество и эмоционально реагировать в необходимых ситуациях поддержки), субъективным ощущением счастья. В работе педагога это может негативно сказываться при работе с детьми. Данные результаты подтверждают второе положение нашей гипотезы.

Таким образом, в ходе проведенного эмпирического исследования, была достигнута поставленная нами цель – изучение особенностей эмпатии у педагогов детских дошкольных учреждений.

Получены данные, свидетельствующие о том, что переживание состояния профессионального выгорания негативно отражается на проявлении эмпатии и субъективным ощущением счастья у педагогов нашей выборки. Чем более выражено профессиональное выгорание у педагога, тем меньше он будет проявлять эмпатию при работе с детьми и чувствовать себя счастливым человеком. С другой стороны, удовлетворенность жизнью отражается на уровне проявления эмпатии. Так, чем выше удовлетворенность жизнью, тем чаще педагоги будут проявлять эмпатию, испытывать состояние счастья в своей жизни, что отразится на их работе с детьми.

Литература

Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Наука, 2006.

Маслач К. Профессиональное выгорание: как люди справляются // Вопросы психологии. 1978. № 5. С. 112–117.

Митина Л. М., Митин Г. В., Анисимова О. А. Профессиональная деятельность и здоровье педагога. М.: ИЦ «Академия», 2015.

Прядеин В. П. Психодиагностика личности: избранные психологические методики и тесты. Сургут: СурГПУ, 2013.

Хлебодарова О. Б. Эмпатия в структуре ценности личности // Вопросы психологии. 2010. № 6. С. 54–58.

Определение уровня семейной тревожности родителей в условиях гематологического заболевания ребенка

С. А. Абдулганиева, М. Ч. Мирзабеков (*Ярославль*)

Заболеваемость гематологическими болезнями (в том числе лейкозами, различными формами рака и наследственными болезнями) во всем мире, в том числе в России, имеет тенденцию к увеличению. Например, по данным Министерства здравоохранения РФ, в России в год регистрируется до 3000 случаев вновь выявленных лейкозов у детей младше 14 лет и около 5000 случаев в возрастной категории до 18 лет (Кузник, 2010).

Заболевание всегда становится стрессовым фактором как для самого больного, так и для его близких. Если ребенок страдает врожденным заболеванием или тяжелая болезнь носит хронический характер, вся его семья зачастую оказывается на длительное время в облаке психотравмирующей ситуации и потому нуждается в психологической помощи (Исаев, 2005). Именно поэтому специалистам, которые взаимодействуют с пациентами и их семьями, важно знать, каким образом реагируют на болезнь как сам больной, так и окружающие его близкие люди, а также следить за изменениями их отношения к болезни, клинике и т. д.

Цель исследования: сравнение уровня семейной тревожности родителей здоровых детей и детей с гематологическими заболеваниями.

В качестве *гипотезы исследования* выступает предположение о том, что уровень семейной тревожности выше у родителей детей с гематологическим заболеванием по сравнению с родителями здоровых детей.

Материал и методы исследования: родители 20 детей (экспериментальная группа), проходивших лечение в отделении гематологии и химиотерапии Областной детской больницы г. Ярославля (средний возраст родителей – 35,3 года, детей – 6,8 года); родители 20 здоровых детей (контрольная группа), проходивших медицинский осмотр в Городском центре здоровья (средний возраст родителей – 35,8 года, детей – 6,8 года). Методики: «Анализ семейной тревоги Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса; проективная методика «Человек под дождем» Е. С. Романовой и Т. И. Сытько. Программа Statistica 8: корреляционный анализ (непараметрическая версия, ранговый коэффициент корреляции Спирмена), U-критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования: между группами по общему тестовому показателю, включающему показатели чувства вины, тревожности

и напряженности, получены достоверные различия ($p<0,05$). Родители в экспериментальной группе испытывают чувство беспомощности и ощущение неспособности вмешиваться в ход событий в семье. Гематологическое заболевание ребенка становится источником постоянного психологического давления. Им приходится прилагать усилия, чтобы сдержать чувства фрустрации, раздражения, агрессии. Родители, особенно перед детьми, желают показать, насколько они сильны и смогут побороть тяжелые заболевания, но делают это без внутренней уверенности. Внешняя смелость в борьбе с болезнью оборачивается внутренней напряженностью и тревогой. Родители пребывают на лечении вместе с детьми на протяжении длительного времени. Они вынуждены отлучиться от других членов семьи, уйти с работы; у них сужен круг общения. Показатель общей семейной тревожности в экспериментальной группе выражается в умеренной предрасположенности к преобладанию отрицательно окрашенных переживаний, связанных с семейной жизнью. Получены достоверные различия по показателям: 1. Чувство неполноценности ($p<0,01$); 2. Инфантильность ($p<0,05$); 3. Конфликтность в семье ($p<0,001$); 4. Тревожность ($p<0,001$). Показатели в экспериментальной группе выражены сильнее. Корреляционный анализ: В экспериментальной группе показатель «Конфликтность в семье» имеет положительную корреляцию с субшкалой «Тревожность» и со шкалой «Общий уровень семейной тревожности». Тревожность переносится на окружающих чувством страха, незащищенности, беззащитности. Тревожные опасения за состояние ребенка усиливают негативные переживания родителя. Возрастание переживаний приводит к возрастанию конфликтности в семье, отсутствие готовности членов семье поддерживать друг друга обостряет ситуацию. В экспериментальной группе проявляются тенденции отрицательных корреляционных связей: субшкала «вина» – симптомокомплекс «недоверие к себе»; субшкала «вина» – симптомокомплекс «импульсивность»; шкала «общий уровень семейной тревожности» – симптомокомплекс «импульсивность». Это означает, что у родителей больных детей проявление импульсивности и недоверия к себе отрицательно взаимосвязано со склонностью к отрицанию своей виновности в отношении неудач в семье. Тенденцию к отрицательной взаимосвязи импульсивности и семейной тревожности в экспериментальной группе можно объяснить тем, что родители не предаются тяжелым переживаниям в случае неконтролируемых вспышек раздражительности, объясняя свое поведение тяжелой ситуацией.

Выводы

1. Уровень семейной тревожности выше у родителей детей с гематологическим заболеванием по сравнению с родителями здоровых детей.
2. По методике «Анализ семейной тревоги» в экспериментальной группе более выражена шкала «Общий уровень семейной тревоги», чем в контрольной группе
3. По методике «Человек под дождем» в экспериментальной группе сильнее, чем в контрольной группе, выражены симптомокомплексы «чувство неполноценности», «инфантильность», «конфликтность в семье» и «тревожность».
4. В экспериментальной группе получены значимые положительные корреляционные связи между тревожностью/общим уровнем семейной тревожности и конфликтностью в семье; отрицательные связи между импульсивностью и количеством детей в семье/образованием.

Полученные результаты дают возможность оказания адресной психологической помощи родителям детей, больных гематологическими заболеваниями.

Литература

Исаев Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб.: Речь, 2005.

Кузник Б. И., Максимова О. Г., Карасева Н. Г. Клиническая гематология детского возраста. М.: Вузовская книга, 2010.

Романова Е. В., Сытько Т. И. Проективные графические методики: методические рекомендации. СПб.: Речь, 1992.

Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008.

Стиль межличностных отношений и аутоагрессивные тенденции у подростков с различным риском развития зависимого поведения

И. Н. Абросимов (*Москва*)

Актуальность. Современные эпидемиологические исследования в области наркологии указывают, что, несмотря на снижение общих показателей наркотизации и алкоголизации в нашей стране, уровень

потребления психоактивных веществ среди населения остается на достаточно высоком уровне (Кошкина, Киржанова, Бобков, 2016). Наряду с биологическими и социальными аспектами возникновения и развития зависимостей большое внимание многие исследователи уделяют проблеме изучения и клинико-психологических факторов при решении задач профилактики (Сирота, Ялтонский, 2014; Геронимус, Абросимов, Колпаков, 2017) и реабилитации (Меркурьева, Малыгин, Искандирова, 2013; Ялтонский и др., 2017). Учитывая социально-демографические особенности феномена зависимости, актуальной является проблема злоупотребления ПАВ и интернет-зависимости в подростковом возрасте.

Цель данной работы – исследование аутоагрессивных тенденций в соотношении со стилем межличностных отношений у подростков с различным риском зависимого поведения.

Гипотеза исследования: стиль межличностных отношений и аутоагрессивное поведение играют значимую роль в формировании риска зависимого поведения среди подростков, их показатели отличаются в группах с различным уровнем риска зависимого поведения.

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 75 подростков, обучающихся в учреждении среднего профессионального образования (техникум) по специальности «Геология» (Московская область), в возрасте от 14 до 17 лет (средний возраст составил 16,01±1,03 года). Исследование включало в себя применение следующих психодиагностических инструментов: 1. Тест-опросник «Склонность к зависимости от употребления психоактивных веществ»; 2. Методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири; 3. Опросник психопатологической симптоматики Дерогатиса – SCL-90-R (Simptom Check List-90-Revised); 4. Опросник суицидального риска (модификация Т. Н. Разуваевой).

Для проведения сравнительного исследования на основании опросника «Склонность к зависимости от употребления психоактивных веществ» общая выборка подростков была разделена на две соотносимые по полу и возрасту группы: группа А – подростки с низким риском зависимого поведения (n=50) – и группа Б – подростки с высоким риском зависимого поведения (n=26). Данные группы статистически значимо различались по общему показателю риска ($p \leqslant 0,05$).

Математические методы, применявшиеся при анализе данных: дескриптивный анализ, вычисление и описание средних значений (Me), стандартных отклонений (SD); анализ значимости различий: вычисление и описание различий между исследуемыми группами по критерию U Манна–Уитни (SPSS Statistics 22).

Результаты и их интерпретация. Описание психопатологической симптоматики в общей выборке показало, что все шкалы не превышают нормативныеданные, приведенные авторами методики. Однако при сравнении данных показателей в выделенных группах было обнаружено, что в группе Б – подростков с высоким риском зависимого поведения – статистически значимо выше, чем в сравниваемой группе показатели по шкалам Соматизация (0,62±0,41, 1,03±0,68 балла; P=0,004), Межличностная сензитивность (0,91±0,57, 1,31±0,87 балла; P=0,036), Депрессивность (0,67±0,49, 1,04±0,68 балла; P=0,020), Тревожность (0,71±0,50, 1,15±0,67 балла; P=0,005), Враждебность (0,87±0,63, 1,60±0,70 балла; P=0,001) и Психотизм (0,44±0,35, 0,90±0,76 балла; P=0,001). Шкалы Враждебность и Паранойяльность превышают нормативные данные, приведенные авторами методики.

Особо интересными представляются результаты исследования риска и структуры суицидального поведения. Так, в группе Б статистически значимо выше показатели по шкалам Демонстративность (2,08±1,58, 3,36±1,37 балла; P=0,005), Уникальность (1,66±1,60, 3,12±1,68 балла; P=0,002), Несостоятельность (3,33±1,59, 5,00±1,09 балла; P=0,001), Социальный пессимизм (3,97±1,63, 4,87±1,30 балла; P=0,050), и Негативная временная перспектива (1,88±1,46, 3,52±1,77 балла; P=0,001).

Подросток, входящий в группу высокого риска развития зависимости, склонен привлекать внимание к своей персоне, которую считает исключительной, не похожей на других. Как уже отмечалось ранее, окружение воспринимается как враждебное, неспособное воспринять его уникальные негативные переживания и не позволяющее реализовать или даже сформулировать свои планы в будущем. Это представляет собой опасность, так как данная группа подростков обнаруживает себя незащищенной перед социумом и готовой к реагированию развитием не только аддиктивного, но и в целом саморазрушающего типа отклоняющегося поведения. Положение о феноменологической сопряженности зависимостей и суицидальной активности подтверждается результатами большого количества эмпирических исследований. Поэтому важной остается задача клинико-психологического сопровождения образовательного процесса с целью ранней диагностики и профилактики риска аутоагрессивного, в том числе зависимого поведения в подростковом возрасте.

Наконец, исследование стилей межличностных отношений в сравниваемых подгруппах позволяют дополнить ранее полученные результаты. Подростки группы Б отличались более высокими показателями по шкалам Прямолинейность–Агрессивность

(6,48±3,04, 8,33±2,69 балла; P=0,035) и Недоверчивость–Скептичность (6,55±2,93, 8,20±2,51 балла; P=0,044). Эти шкалы являются лидирующими в структуре индивидуальных стилей межличностных отношений. При этом в группе А выше показатели по шкале Ответственность–Великодушие (8,25±3,40, 6,33±3,04 балла; P=0,050). В структуре индивидуальных стилей межличностных отношений данных подростков лидирует Сотрудничество–Конвенциальность.

Подростки, отличающиеся высоким риском зависимого поведения, характеризуются преобладанием враждебных тенденций в реализации неконструктивных межличностных отношений. На фоне интенсивного чувства собственной неполноценности и оценки имеющихся негативных переживаний как уникальных подростки данной группы не справляются с преодолением эмоций и транслируют их вовне, что снижает эффективность взаимоотношений с окружающими и общую адаптивность.

Выводы

1. Результаты проведенного исследования позволяют описать два континуума в модели развития зависимого поведения подростков, базирующейся на процессах оценки внутренних негативных, в том числе аутоагрессивных переживаний, их трансформации и трансляции. Данные континуумы соотносятся с низким и высоким уровнем риска развития зависимого поведения в подростковом возрасте.
2. Подростки с низким риском зависимого поведения характеризуются подозрительным и настороженным отношением к другим, что может быть рассмотрено здесь как адаптивная форма избирательности в общении. Негативные переживания не расцениваются ими как уникальные, преодолеваются и не транслируются в межличностные отношения, что снижает конфликтогенность общения с другими и приводит к сотрудничеству с ними.
3. Формирование высокого риска зависимого поведения в подростковом возрасте может быть рассмотрено в связи с искаженной оценкой своей неполноценности и несостоятельности, которая не способствует адаптации и коррекции поведения, а служит источником тревоги и депрессии в эмоциональном фоне и враждебных тенденций в межличностных отношениях. Имеющиеся эмоциональное напряжение и коммуникативные сложности могут быть преодолены с помощью аутоагрессивного, в том числе аддиктивного, поведения за счет отвлечения от непереносимых «токсичных» переживаний и/или снижения их интенсивности.

4. Разработка мероприятий клинико-психологического сопровождения, направленного на мониторинг и контроль риска зависимого поведения среди подростков, может в качестве мишеней психодиагностической и психокоррекционной работы рассматривать такие психологические параметры как оценка собственной несостоятельности и индивидуальный стиль межличностных отношений.

Литература

Геронимус И. А., Абросимов И. Н., Колпаков Я. В. Структура семейной системы как фактор развития зависимого поведения подростков // Вопросы наркологии. 2017. № 6. С. 48–50.

Кошкина Е. А., Киржанова В. В., Бобков Е. Н. Эпидемиология наркоманий // Наркология / Под ред. Н. Н. Иванца, И. П. Анохиной, М. А. Винниковой. М.: Издат. группа «ГЭОТАР-Медиа», 2016. С. 26–38.

Меркурьева Ю. А., Малыгин В. Л., Искандирова А. С. Нейропсихологическая диагностика интернет-зависимости у подростков // Психиатрия. 2013. № 4. С. 56.

Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Я-концепция в подростковом возрасте и ее роль в формировании механизмов адаптации. М.: МГМСУ, 2014.

Ялтонский В. М., Сирота Н. А., Ялтонская А. В., Московченко Д. В. Множественные аддиктивные расстройства у подростков (сочетание химических, пищевых и поведенческих зависимостей) // Школа В. М. Бехтерева: от истоков до современности / Под ред. Н. Г. Незнанова. СПб.: Альта Астра, 2017. С. 371–372.

Особенности наблюдаемого поведения детей в возрасте 5–8 лет с опытом и без опыта институционализации

В. В. Агаркова, Р. Ж. Мухамедрахимов (*Санкт-Петербург*)

В последние годы в Российской Федерации наблюдается тенденция к увеличению замещающих семей. Все больше детей переводятся из сиротских учреждений в приемные семьи, семьи усыновителей, опекунов, возвращаются к биологическим родителям. Результаты исследования поведения детей с опытом институционализации, переведенных в семьи, широко представлена в современной научной литературе, однако большинство из них были получены зарубежными исследователями на выборках детей, усыновленных в семьи социально и экономически развитых стран, и с использованием

метода опроса родителей (Juffer, Van IJzendoorn, 2005). В настоящее время отсутствуют данные об особенностях поведения детей, переведенных в семьи российских граждан, полученные при помощи наблюдения за поведением детей в семье.

Целью настоящего исследования является изучение наблюдаемого поведения детей в возрасте 5–8 лет с ранним опытом институционализации в доме ребенка после перевода в российские семьи. Нами была выдвинута *гипотеза* о том, что характеристики наблюдаемого поведения детей с опытом жизни в доме ребенка будут негативно отличаться от характеристик поведения детей, от рождения воспитывающихся в биологических семьях. Мы предполагаем, что ранний опыт депривации оказывает влияние на эмоциональное развитие детей, что отражается на его поведении при встрече и общении с незнакомым взрослым.

Выборку составили 50 детей (19 мальчиков и 31 девочка) в возрасте от 61 до 104 месяцев, распределенных по двум группам. В первую группу вошли дети с опытом институционализации – группа ОИ (31 ребенок: 9 мальчиков и 22 девочки) в возрасте от 61 до 104 месяцев (средний возраст=76,6±11,7 месяца), воспитывающихся в семьях г. Санкт-Петербурга. Все дети имели опыт жизни в типичном доме ребенка и находились в нем в среднем в течение 14,0±7,9 месяца, среднее время пребывания детей в семье на время обследования составляло 46,3±13,4 месяца. Часть детей этой группы была переведена из дома ребенка в семьи усыновителей, приемных родителей и опекунов, не имеющих биологического родства с ребенком (группа ОИ-НБС) (21 ребенок: 7 мальчиков и 14 девочек), другая часть (10 детей: 2 мальчика и 8 девочек) – к биологическим родителям или под опеку родственникам (группа ОИ-БС). Вторую группу составили 19 детей (10 мальчиков и 9 девочек) в возрасте от 61 до 98 месяцев (средний возраст 76,9±12,0 месяцев) от рождения воспитывавшихся в семьях родителей и не имевших опыта жизни в доме ребенка (группа БОИ).

Наблюдение за поведением детей проводилось с использованием метода оценки поведения ребенка во время посещения семьи незнакомым для ребенка членом исследовательской группы – CBHV (Child's Behavior during Home Visit; Unpublished manuscript; Muhamedrahimov, Palmov, 2007). Поведение детей оценивали члены исследовательской группы, прошедшие обучение наблюдению и анализу поведения детей (The St Petersburg – USA Orphanage Research Team, 2008), имевшие опыт наблюдения за поведением детей с опытом и без опыта проживания в учреждениях, со значимым уровнем согласованности результатов наблюдения по методу CBHV.

Данная методика включает два блока характеристик поведения ребенка. Первый блок оценивает поведение ребенка в первые три минуты прихода незнакомого человека по таким характеристикам, как: беспокоится; использует маму для успокоения и регулирования своего состояния; проявляет неразборчивое дружелюбие. Второй блок направлен на оценку поведения ребенка в течение всего домашнего визита и включает наблюдение как за уже представленными характеристиками поведения, так и за такими, как: спустя некоторый период знакомства принимает и сотрудничает с незнакомым человеком как партнер, проявляя интерес и позитивную вовлеченность; ведет себя вызывающе, провоцирует, нападает; проявляет внимание и заботу по отношению к матери; послушно выполняет предлагаемые задания без положительной эмоциональной вовлеченности; использует незнакомого человека для успокоения и регулирования своего состояния.

Результаты сравнения показателей наблюдаемого поведения детей, проведенного с использованием дисперсионного анализа с исключением влияния пола (ANCOVA), свидетельствуют, что в первые 3 минуты посещения семьи членами исследовательской группы, характеристики поведения детей с опытом (ОИ) и без опыта (БОИ) институционализации не отличаются. Однако, в течение всего визита дети группы ОИ, по сравнению с детьми БОИ, больше проявляют неразборчивое дружелюбие ($M \pm SD_{ОИ}=2,0 \pm 1,1$; $M \pm SD_{БОИ}=1,2 \pm 0,5$; $p=0,01$), ведут себя вызывающе, провоцируют ($M \pm SD_{ОИ}=1,3 \pm 0,5$; $M \pm SD_{БОИ}=1,0 \pm 0,0$; $p=0,037$). Значимых отличий в проявлении характеристик наблюдаемого поведения у детей групп ОИ-НБС и БОИ во время визита обнаружено не было. Показано, что дети группы ОИ-БС, по сравнению с детьми группы БОИ, больше проявляют неразборчивое дружелюбие в течение первых трех минут ($M \pm SD_{ОИ\text{-}БС}=2,5 \pm 1,2$; $M \pm SD_{БОИ}=1,4 \pm 0,8$; $p=0,004$) и в течение всего визита ($M \pm SD_{ОИ\text{-}БС}=2,5 \pm 1,2$; $M \pm SD_{БОИ}=1,2 \pm 0,5$; $p=0,001$), а также ведут себя вызывающе, провоцируют ($M \pm SD_{ОИ\text{-}БС}=1,5 \pm 0,7$; $M \pm SD_{БОИ}=1,0 \pm 0,0$; $p=0,003$) и используют незнакомку для успокоения и регулирования своего состояния ($M \pm SD_{ОИ\text{-}БС}=1,6 \pm 1,1$; $M \pm SD_{БОИ}=1,1 \pm 0,2$; $p=0,019$). Дети группы ОИ-БС, по сравнению с детьми ОИ-НБС, чаще проявляют неразборчивое дружелюбие в первые 3 минуты визита ($M \pm SD_{ОИ\text{-}БС}=2,5 \pm 1,2$; $M \pm SD_{ОИ\text{-}НБС}=1,5 \pm 0,7$; $p=0,006$), а в течение всего визита чаще ведут себя вызывающе, провоцируют ($M \pm SD_{ОИ\text{-}БС}=1,5 \pm 0,7$; $M \pm SD_{ОИ\text{-}НБС}=1,2 \pm 0,4$; $p=0,028$).

Полученные в работе данные подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что характеристики поведения детей с опытом институционализации негативно отличаются от таковых у детей, от рожде-

ния проживающих в биологических семьях, однако более всего это верно для детей, переведенных из сиротского учреждения в семьи к биологическим родителям и родственникам. Результаты исследования в целом соответствуют полученным ранее данным о том, что детям с опытом институционализации свойственны такие особенности поведения, как неразборчивое дружелюбие, вызывающее/провоцирующее поведение и использование незнакомца для успокоения (Rutter et al., 2010), однако эти данные впервые получены на выборке детей, проживающих в российских семьях. Следует отметить, что, согласно полученным данным, наблюдаемое поведение детей с опытом институционализации, проживающих в неродственных семьях не отличается от поведения детей из обычных семей Санкт-Петербурга, все отличия были обнаружены за счет высоких показателей у детей с опытом жизни в доме ребенка, переведенных в семьи биологических родителей или родственников. Таким образом, дети с опытом институционализации из семей родственников больше проявляют неразборчивое дружелюбие, ведут себя вызывающе, провоцируют и используют незнакомку для успокоения и регулирования своего состояния. Учитывая то, что неразборчивое дружелюбие является признаком нарушения привязанности, а поведение по отношению к матери – частью оценки типа привязанности (O'Connor et al., 2000), можно сделать вывод, что дети с высокими показателями по данным параметрам являются более эмоционально неблагополучными. Полученные результаты могут быть свидетельством того, что условия жизни (эмоциональные, социально-экономические) в семьях не родственников качественно отличаются в лучшую сторону и могут снижать риски возникновения нарушений поведения.

Результаты данного исследования подтверждают долгосрочное влияние раннего опыта институционализации на развитие и поведение ребенка (Мухамедрахимов, 1999), а также выделяют дополнительные направления для информирования и обучения будущих замещающих родителей, подчеркивают необходимость особой подготовки и сопровождения биологических семей с детьми, имеющими опыт институционализации.

Литература

Мухамедрахимов Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

Juffer F., Van IJzendoorn M. Behavior problems and mental health referrals of international adoptees: A meta-analysis // Journal of the American Medical Association. 2005. V. 293. № 20. P. 2501–2515.

O'Connor T.G., Rutter M., Beckett C., Keaveney L., Kreppner J. The effects of global severe privation on cognitive competence: Extension and longitudinal follow-up // Child Development. 2000. V. 71. № 2. P. 376–390.

Rutter M., Sonuga-Barke E., Beckett C., Castle J., Kreppner J., Kumsta R., Schlotz W., Stevens S., Bell C., Gunnar M. Deprivation-specific psychological patterns: Effects of institutional deprivation // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2010. V. 75. № 1. P. 1–252.

The St. Petersburg – USA Orphanage Research Team. The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2008. V. 73. № 3. P. 295.

Чувствительность к справедливости: восприимчивость к нарушению норм или неравнодушие к судьбе другого?

А. А. Адамян (*Москва*)

Понятие чувствительности к справедливости (ЧС) было разработано М. Шмиттом как личностная характеристика, отражающая готовность человека воспринимать несправедливость или возможность несправедливости (вне зависимости от конкретного содержания норм справедливости, присущих конкретному субъекту) и его эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции на нее (Baumert, Schmitt, 2016). В зависимости от того, какую роль играет человек в ситуации, автор концепции выделяет чувствительность к справедливости с позиции независимого наблюдателя, жертвы, преднамеренного нарушителя справедливости или же бенефициара. Значимость исследования ЧС связана во многом с наличием просоциальных поведенческих коррелятов ЧС с позиций свидетеля, наблюдателя и бенефициара, что позволяет рассматривать эти измерения ЧС как желательные с позиции общества (Baumert, Scmitt, 2016; Нартова-Бочавер, Астанина, 2014).

Исследователи ЧС подчеркивают, что в этом конструкте не фиксированы конкретные нормы справедливости. В исследованиях было показано, что не существует связи между степенью выраженности ЧС и тем, какой принцип справедливости человек разделяет: принцип равенства, принцип пропорциональности и т. д. (обзор: Baumert, Schmitt, 2016). В то же время до сих пор в исследованиях не изучалось соотношение ЧС с другой значимой категорией психологии морали – заботой. Справедливость и забота рассматриваются как два альтер-

нативных основания морального поведения (Нартова-Бочавер, 1992; Молчанов, 2005). Справедливость – центральное понятие в концепции когнитивного конструктивизма морального сознания Л. Кольберга, а забота – основание морали, согласно эмпатийному подходу К. Гиллиган, разработанному изначально в рамках критики концепции Л. Кольберга. Ключевые отличия между справедливостью и заботой как основаниями морали заключаются в том, что у К. Гиллиган «моральное я» (moral self) не является беспристрастной инстанцией, оценивающей происходящее с безличной моральной точки зрения. Субъект морального действия, по К. Гиллиган, – это конкретный человек, который заботится о конкретном другом. Само познание того, какой поступок будет моральным в отношении данного человека, – это также моральная задача, заключающаяся в понимании потребностей этого другого человека, возможно, отличных от собственных потребностей субъекта, и требующая особых моральных способностей: эмпатии, сострадания, эмоциональной чувствительности. В отличие от морального субъекта в модели Л. Кольберга, моральный субъект К. Гиллиган действует, исходя не только из собственных представлений о должном, а еще исходя из текущей ситуации, он существует и действует в мире. В модели Л. Кольберга краеугольное место занимает процесс мышления, логического рассуждения, эмоции играют лишь второстепенную роль, у К. Гиллиган значимо взаимодействие эмоциональной и когнитивной сфер. Если в модели Л. Кольберга моральные принципы универсальны и применимы к любой ситуации, в модели К. Гиллиган мораль берет свое начало не в представлениях о верном и ложном, а в чувстве связанности между людьми и рассматривается как то, что должно поддерживать эту связанность (Blum, 1988). Предполагать наличие связи между чувствительностью к справедливости и выраженной ориентацией на заботу как основание морального выбора позволяют результаты исследований, где была показана связь между ЧС с позиций свидетеля, бенефициара и жертвы и эмпатией (Baumert, Schmitt, 2016).

Цель и гипотеза. Целью проведенного исследования являлось изучение взаимосвязи между ЧС и ведущей ориентацией морального сознания личности и уровня развития морали в рамках этой ориентации. Гипотеза исследования заключалась в том, что существует взаимосвязь не только между ЧС и ориентацией на справедливость как основание морального выбора, но также и ориентацией на заботу.

Характеристики выборки. Участниками исследования были студенты первого курса НИУ «ВШЭ», добровольцы (N=98; средний возраст=18,6, SD=1,2; среди них 81 девушка).

Методики и математические методы, применявшиеся при анализе данных. Четыре аспекта чувствительности к справедливости изучались с помощью опросника ЧС (Baumert, Schmitt, 2016). Для диагностики уровня развития моральных суждений в соответствии с двумя основными периодизациями развития морального сознания – периодизации Л. Кольберга и К. Гиллиган–Н. Айзенберг – использовалась методика «Справедливость–Забота», разработанная В. С. Молчановым (Молчанов, 2005). В опроснике присутствуют как пункты, относящиеся к стадиям периодизации развития морального сознания Л. Кольберга, так и пункты, описывающие стадии морального развития по К. Гиллиган–Н. Айзенберг. Для анализа данных применялись описательные статистики, корреляционный анализ (использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты и их интерпретация. Согласно полученным результатам, уровень ЧС с позиции жертвы статистически значимо связан с показателями конвенциональной морали по Кольбергу: с ориентацией на мнение других, стремлением быть «хорошим» ($r=0,321$, $p=0,002$), опорой на социальный закон и порядок ($r=0,204$, $p=0,05$) – и постконвенциональной морали – ориентацией на универсальные этические принципы ($r=0,246$, $p=0,018$). Показатели оставшихся типов ЧС положительно коррелируют исключительно с ориентацией на заботу как моральный принцип, а именно – с рефлексивной эмпатической ориентацией: для ЧС с позиции свидетеля $r=0,299$ ($p=0,004$), для $ЧС_{бенеф.}$ $r=0,218$ ($p=0,036$), для $ЧС_{наруш.}$ $r=0,338$ ($p=0,001$). При этом ЧС бенефициара и ЧС нарушителя значимо отрицательно связаны с выделяемой в качестве подуровня в рамках уровня самоозабоченности ориентацией на себя, свои интересы ($r=-0,219$, $p=0,035$; $r=-0,228$, $p=0,028$ соответственно). ЧС нарушителя также отрицательно связана с доконвенциональным уровнем развития морали в рамках ориентации на справедливость как моральный принцип: для власти авторитетов, боязни наказаний $r=-0,291$ ($p=0,005$), для ориентации на инструментальный обмен $r=-0,26$ ($p=0,012$).

Полученные результаты говорят о том, что для человека, рассуждающего в терминах справедливости, соглашающегося с утверждениями, что он глубоко и долго переживает свершившуюся несправедливость в отношении другого, значимым является пострадавший человек, а не ориентация на поддержание справедливости как нормы распределения, будь она связана с личными интересами, стремлением поддерживать существующий социальный порядок или самостоятельным осмыслением категорий справедливости. При этом тот,

кто особенно восприимчив к ситуациям несправедливости с позиций нарушителя или бенефициара, закономерно не разделяет идею приоритета собственных интересов по сравнению с интересами других. Человек с высокой ЧС с позиции нарушителя является противником идеи, что кто-то, даже самый авторитетный, может устанавливать правила, что нормы взаимовыгодного обмена всегда являются справедливыми. По-другому выглядит картина представлений о морали у человека, который склонен ощущать себя жертвой несправедливой ситуации. Для такого человека важна внешняя сторона, последствия справедливого поведения в виде оценки со стороны других, а также представления о справедливости как об отдельной ценности. В то же время ориентация на благо отдельного человека как основание морали этому человеку не свойственна.

Выводы

Результаты исследования дают основание рассматривать ЧС как общую восприимчивость человека к моральному содержанию, не сводимую исключительно к установкам в отношении абстрактного понятия справедливости и его реализации на практике, и открывают перспективы исследований чувствительности к справедливости в этом более широком контексте.

Литература

Молчанов С. В. Развитие морально-ценностной ориентации личности как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте: Дис. ... канд. психол. наук, 2005.

Нартова-Бочавер С. К. Экспериментальное исследование ситуационной изменчивости мотивации помощи // Психологический журнал. 1992. Т. 13. №. 4. С. 15–23.

Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–23.

Baumert A., Schmitt M. Justice Sensitivity // Handbook of social justice theory and research. N. Y.: Springer, 2016. P. 161–180.

Blum L. A. Gilligan and Kohlberg: Implications for moral theory // Ethics.1988. V. 98. № 3. P. 472–491.

Амбивалентные переживания как референт сложной и дифференцированной эмоциональной сферы

Т. А. Адмакина (*Санкт-Петербург*)

Нередко в сфере искусства можно найти произведения, которые стимулируют реципиента на сложные, неоднозначные эмоции, вызывающие амбивалентную реакцию. Под амбивалентностью эмоционального переживания понимается двойственность, противоречивость (о чувствах, впечатлениях), равная ценность двух и более эмоциональных переживаний. Данный феномен обусловлен потребностью человека испытывать не только простые эмоции (например, радость и возбуждение от прослушивания быстрой мажорной музыки, или горечь и опустошенность от воздействия минора в медленном темпе), но и актуализировать в эмоциональной сфере дифференцированные эмоции более высокого уровня (например, светлая, одухотворенная печаль, возникающая при прослушивании лирических пьес, либо восторг и агрессия, которые стимулируются маршеобразными произведениями). Известно, что человек способен одномоментно, симультанно испытывать полярные переживания, что свидетельствует в пользу системной организации эмоций (Изард, 1988).

В диссертационном исследовании Т. А. Адмакиной (Адмакина, 2012) был обнаружен интересный феномен. У некоторых испытуемых музыкальные стимулы вызывали противоречивые образы и эмоции, что диагностировалось следующим образом: при наличии одновременно двух противоположных по значению ассоциаций в ответ на прозвучавшее музыкальное произведение (например, светлая грусть, приятная тоска, конец и бесконечность, рай и ад), а также в случаях изображения двух контрастных по содержанию образов (например, сочетание солнца и дождя в одном рисунке, маска с веселым и грустным лицом, дерево, наполовину голое, наполовину одетое в листву и т. д.).

Цель исследования: предполагается изучить на музыкальном материале феномен амбивалентных реакций не в когнитивной сфере (диагностируемых в виде образов, ассоциаций), а в области переживаний, и попытаться выяснить причину возникновения таких противоречивых эмоций.

Вопрос исследования: являются ли амбивалентные переживания субъективным, индивидуальным явлением (детерминированным индивидуально-психологическими особенностями реци-

пиента), или имеются системные закономерности (определенные музыкальные стимулы вызывают амбивалентные эмоции у большинства слушателей).

Испытуемые прослушивали 4 музыкальных фрагмента: вариацию № 3 В. А. Моцарта, прелюдию № 16 А. Н. Скрябина, композицию «Я ли в поле» П. И. Чайковского, пьесу «Шопен» из цикла «Карнавал» Р. Шумана. После каждого произведения слушатели заполняли модифицированную методику «Семантический дифференциал», состоящую из десяти однополюсных параметров (оцениваемых от 0 до 3 баллов): энергичность, вдохновение, страх, опустошенность, наслаждение и т. д.

В настоящем исследовании были выделены два параметра методики «Семантический дифференциал» – опустошенность и вдохновение. У каждого испытуемого подсчитывалось сочетание ненулевых показателей по обозначенным признакам. Например, если испытуемый после прослушивания музыкального фрагмента оценивает свое состояние как опустошенное (от 1 до 3 баллов) и одновременно вдохновенное (от 1 до 3 баллов), другими словами, по обоим признакам имеются ненулевые значение, то данная эмоциональная реакция диагностируется как амбивалентная (в номинативной/дихотомической шкале). Далее подсчитывался процент амбивалентных реакций по каждому произведению в ниже обозначенной выборке.

Выборку составили 157 человек от 16 до 26 лет различного профессионального профиля. Представителей мужского пола – 21,65%, женского пола – 78,35%.

Результаты и их обсуждение. Было обнаружено, что некоторые музыкальные произведения вызывают у реципиентов однозначные переживания. Например, произведения Моцарта и Шумана чаще вызывают у испытуемых вдохновение без примеси каких-либо отрицательных эмоций. А музыкальные фрагменты Чайковского и Скрябина помимо вдохновения актуализируют у слушателей еще и опустошенность.

Процент сочетания ненулевых показателей по параметрам вдохновения и опустошенности у одного и того же испытуемого в ответ на конкретное музыкальное произведение распределился следующим образом: Моцарт – 8,2%, Скрябин – 66,8% Шуман – 26,1%, Чайковский – 64,3%.

Сочетание таких противоположных характеристик, как вдохновение и опустошенность в музыкальных фрагментах Скрябина и Чайковского, обусловлено их композицией. В настоящей статье мы не будем анализировать детали музыкального построения, одна-

ко авторы нередко используют конкретные приемы для актуализации противоположных эмоций, создающих катарсический эффект. По мнению Л. С. Выготского, произведение искусства заключает в себе противоречие, вызывающее взаимно противоположные чувства, которые затем приводят к эмоциональной разрядке. В монографии «Психология искусства» автор, к примеру, рассуждает о рассказе И. Бунина «Легкое дыхание», где в ритме холодного тона повествуется об убийстве, выстреле, страсти, т. е. способ изложения антагонистичен содержанию, предмету литературного произведения, что и приводит к мучительным переживаниям читающего.

В. М. Аллахвердов в своем труде «Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений» (Аллахвердов, 2001) пишет о том, что создание противоречий в художественном тексте является основным механизмом воздействия произведений искусства на человека. В качестве таких способов он выделяет: соединение в обобщении осознаваемого и неосознанного, конструирование логической невозможности, конструирование двусмысленностей, порождение обманутых ожиданий, игру с символами.

Таким образом, выявлены закономерности в переживании амбивалентных эмоций при прослушивании определенных произведений, другими словами, некоторые музыкальные стимулы чаще вызывают полярные эмоции.

Появление музыки, вызывающей сложные, неоднозначные эмоции, вероятнее всего, связано с процессами социализации человека и усложнением его эмоциональной сферы. Обратимся к филогенезу музыкального искусства. Первоначально музыка выполняла биологически-утилитарную функцию, обеспечивая накопление энергии перед охотой, активизацию жизненных сил в процессе труда, а магические обряды вызывали чувство господства над природой (преобладала потребность в актуализации положительных переживаний, энергетического подъема или успокоении). Появление отрицательных астенических эмоций (печаль, скорбь) в искусстве, видимо, связано с коммуникацией, социальным аспектом существования. Томкинс полагает, что печаль выполняет коммуникативную функцию, она сообщает окружающим о дисгармонии (Tomkins, 1963). Печаль играет важную роль в формировании и развитии механизмов эмпатии (Huebner, lzard, 1988). Б. И. Додонов придерживается позиции, что лирические переживания («опоэтизированная» печаль) возникают в связи с подавленными коммуникативными интенциями людей (Додонов, 1978).

Таким образом, в нашем исследовании обнаружены закономерные явления в переживании амбивалентных эмоций – в зависимости от художественных задач, композиторами создаются такие музыкальные произведения, которые стимулируют большинство слушателей на неоднозначные и/или полярные переживания. Потребность людей испытывать подобного рода эмоции возникла на определенном этапе антропогенеза в связи с усложнением социальной организации, коммуникации людей, что привело к развитию и дифференциации их эмоциональной сферы.

Литература

Адмакина Т. А. Психологические характеристики эмоциональной отзывчивости на музыку: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012.

Аллахвердов В. М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб.: ДНК, 2001.

Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.

Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2003.

Tomkins S. S. Affect, imagery, consciousness: II. The negative affects. N. Y.: Springer, 1963.

Особенности понятийных характеристик ментальных репрезентаций психических состояний*

Р. Р. Акбирова (*Казань*)

В настоящее время в психологии возрастает количество исследований, посвященных изучению содержательных особенностей субъективного отображения психической реальности, раскрытию структурно-функциональной организации внутреннего мира человека. В этом контексте особую актуальность приобретают исследования метальных репрезентаций. В своем исследовании мы исходим из определения ментальной репрезентации, сформулированного М. А. Холодной: «Ментальная репрезентация – это актуальный умственный образ того или иного конкретного события (т. е. субъективная форма «видения» происходящего)» (Холодная, 2002, с. 152). По мнению М. А. Холодной, репрезентации формируются на основе внешнего контекста (поступающей извне информации) и внутреннего

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-00884.

контекста (наличной у субъекта информации) за счет включения механизмов реорганизации опыта (Холодная, 2002). Ментальные репрезентации со временем приобретают определенную структуру: в них выделяют ассоциативный, оценочный, понятийный и образный уровни (компоненты) (Прохоров, 2014). В данной статье будет рассмотрен понятийный уровень ментальных репрезентаций психических состояний.

Цель нашего исследования: изучить понятийные характеристики ментальных репрезентаций психических состояний. Мы предполагаем, что понятийные характеристики ментальных репрезентаций характеризуются специфической феноменологией, определенной степенью устойчивости и вариативности и зависят от личностных характеристик и структур сознания.

Эмпирическую базу исследования составили учащиеся школ г. Казани (6–11-е классы) в количестве 114 чел., студенты 1–3-х курсов в количестве 106 чел., магистры и аспиранты Казанского университета в количестве 66 чел. Общее число испытуемых – 286 чел., в возрасте 12–36 лет. При анализе полученных данных использовались методы обработки и анализа статистических связей и различий (методы описательной статистики, метод сравнения средних значений с использованием критерия Стьюдента для зависимых выборок, корреляционный анализ, непараметрический критерий – U-критерий Манна–Уитни–Уилкоксона).

Перед испытуемыми стояла задача дать определение психическим состояниям разного уровня психической активности (*восторг, влюбленность*, *жалость, удовольствие, раздумье и др.*). Данные определения впоследствии соотносились со словарной справкой (словари В. И. Даля, С. И. Ожегова и др.) для сравнения внутреннего понимания психических состояний испытуемых с общепринятым. Общее процентное число совпадений определений как у студентов 1-го и 2-го курсов, так и аспирантов ниже несовпадений. В результате исследования не были выявлены преимущества студентов или аспирантов в понимании тех или иных психических состояний, так как совпадающие и несовпадающие определения и студентов 1-го и 2-го курсов, и аспирантов находятся приблизительно в одинаковом соотношении. Обобщая результаты, полученные в ходе исследования школьников, можно сказать, что у учащихся старших классов способность к вербализации развита лучше, чем у учащихся средних классов. При определении значений психических состояний учащиеся старшего звена используют большее количество элементов в структуре понятий и чаще обращают внимание

на психологические характеристики состояний и реже – на описание конкретных ситуаций, в которых возможно переживания данного состояния.

В результате исследования динамики понятийных характеристик ментальных репрезентаций магистрантов 2-го курса Казанского университета в количестве 16 чел. были выявлены незначительные изменения репрезентаций состояний после воздействия аутогенной тренировки, релаксации, медитации и мобилизации. При аутогенном воздействии наибольшим изменениям были подвержены неравновесные состояния (состояний высокого и низкого уровня психической активности). Медитация способствовала изменению определений относительно равновесных состояний. После активации и мобилизации относительно равновесные состояния наряду с определениями психических состояний низкого уровня психической активности претерпели лишь незначительные изменения, тогда как определения состояний высокого уровня психической активности значительно отличались до и после медитации (увеличивался и уменьшался процент определений испытуемых, совпадающих со словарем). Следует отметить, что релаксация и медитация приводят к увеличению числа вариантов психических состояний.

Для выявления различий понятийных характеристик до и после воздействий использовался t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Между понятийными характеристиками репрезентаций до аутогенной тренировки и после не были выявлены значимые различия ($p=0,244$). Среднее количество совпадающих со словарем определений до медитации оказалось статистически незначимо выше количества совпадающих определений после медитации ($p=0,580$). Значимые различия между совпадающими определениями до и после активации и мобилизации также не были обнаружены ($p=0,458$).

В качестве личностных характеристик нами были выбраны факторы модели большая пятерка (Big five): *экстраверсия, привязанность, самоконтроль, эмоциональная неустойчивость, экспрессивность,* а также *рефлексивность.*

В категорию жизненных смыслов и ценностей были включены: *альтруистические, экзистенциальные, самореализации, коммуникативные, семейные* и другие.

Для изучения стилевых предпочтений мы использовали когнитивные стили: *полезависимость – поленезависимость; гибкий – ригидный познавательный контроль, словесный – сенсорно-перцептивный способ переработки информации.*

При высоких значениях по фактору *Экстраверсия* изменения в понятийных характеристиках после воздействия более выражены, чем при *Интроверсии. При эмоциональной неустойчивости* наблюдаются более выраженные изменения в количестве совпадающих определений до и после воздействий.

Испытуемые были разделены нами на две группы. В первую группу вошли испытуемые, понятия о психических состояниях которых после воздействий существенно не изменились, во вторую группу вошли испытуемые, в понятиях которых после воздействий наблюдались изменения (увеличение или уменьшение определений состояний, совпадающих со словарем). Далее мы использовали непараметрический статистический критерий – U-критерий Манна–Уитни–Уилкоксона, для оценки различий в выраженности показателей личностных характеристик и структур сознания между двумя выборками. У студентов при устойчивости понятийных характеристик ментальных репрезентаций психических состояний наблюдается преобладание таких ценностей как *сохранение среды обитания* (U=5,500, p=0,017) и *дружба* (U=8,000, p=0,032), в отличие от студентов, чьи понятийные характеристики менее устойчивы. При преобладании словесного способа переработки информации (вербальности) понятийные характеристики репрезентаций состояний более устойчивы (U=8,000, p=0,050).

Выводы

Обобщая результаты исследования понятийных характеристик ментальных репрезентаций психических состояний, сделаны следующие выводы.

1. Между внутренним пониманием значений психических состояний и их общепринятой формулировкой выявлены существенные различия. Установлено, что индивидуальные представления о психических состояниях в большинстве случаев не совпадают с наиболее популярными определениями. Так, наибольший процент совпадения составил лишь 57% (*утомление*), а наименьший – для состояния *влюбленности* – 8%!
2. Согласно полученным данным, среди несовпадающих определений обнаруживаются наиболее часто встречаемые у разных испытуемых определения.
3. В ходе исследования динамики понятийных характеристик ментальных репрезентаций психических состояний были выявлены изменения, которые различны для состояний разного уровня

психической активности. Однако различия между понятийными характеристиками ментальных репрезентаций до и после воздействий незначительны, что указывает на их устойчивость к разного рода воздействиям (аутогенная тренировка, медитация, активация и мобилизация). Наиболее устойчивыми являются репрезентации после активационного и мобилизационного воздействия, а наименее – после аутогенного воздействия.

4. Понятийные характеристики ментальных репрезентаций психических состояний взаимосвязаны с личностными характеристиками и структурами сознания. Понятийные характеристики более устойчивы у субъектов с выраженными показателями *интроверсия, эмоциональная устойчивость* и *вербальность* (вербальный способ переработки информации).
5. У субъектов с относительно устойчивыми понятийными характеристиками и субъектов с вариативными понятийными характеристиками наблюдаются различия в когнитивных стилях и иерархии ценностей.

Литература

Прохоров А. О. Репрезентация психического состояния: характеристика образа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4. Ч. 1. С. 215–224.

Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

Сравнительный анализ суеверности как характеристики мировоззрения сельской и городской студенческой молодежи

Р. Р. Акбирова, Л. Р. Сибгатуллина (*Казань*)

В современной психологической науке наблюдается недостаточная изученность феномена суеверности, в частности, ее выраженности среди молодежи, получающей высшее образование. Молодые люди составляют основу будущего общества, а получение высшего образования подразумевает формирование и развитие научного мировоззрения, которое, на наш взгляд, является антагонистичным магическому мировоззрению и суеверности как его проявлению. На особенности мировоззрения личности в социуме в большей степени оказывают влияние социальные нормы и культурные ценности конкретного типа поселения.

Исследованием суеверности и суеверий занимаются такие ученые, как Д. С. Григорьев, Н. Н. Измоденова, Ю. В. Саенко, М. Ю. Строгальщикова и др.

Основываясь на исследованиях вышеперечисленных ученых, мы можем дать определение феномену суеверности как характеристике мировоззрения человека, его особому отношению к реальности. На наш взгляд, ближе всего к данному феномену в современной психологии находится категория «веры». А. М. Двойнин дает следующее определение веры: «Вера – это внутреннее отношение личности, мифологизирующее отношение человека к действительности» (Двойнин, 2011). Суеверность в данном контексте может рассматриваться как частный случай веры, поскольку она также подразумевает внутреннее отношение личности к происходящему и мифологизирует (опосредует) его отношение к действительности. В отличие от религиозной веры, сутью которой является убежденность в существовании сверхъестественного, всемогущего Бога, который влияет на жизни людей и события, происходящие в реальности, сутью суеверности является убежденность в наличии причинно-следственной связи между различными событиями и отдельными действиями (или бездействием) человека и возможными неприятностями, которые с ним произойдут в будущем, а также убежденность в существовании различных сверхъестественных существ (привидений, духов и т. д.) и их способности влиять на жизнь людей. Таким образом, суеверность и религиозная вера с точки зрения психологии должны быть не противопоставлены друг другу, а рассмотрены как различные проявления феномена веры.

Н. Н. Измоденова указывает на то, что суеверия относятся к социальным представлениям или к формам коллективного сознания, которые формируются в процессе совместной жизнедеятельности людей. Суеверия понимаются ею как предрассудки, представляющие собой веру в какие-либо потусторонние силы, содержащие допущение, часто неосознанное, что от этих сил можно найти защиту или достигнуть с ними приемлемого для человека компромисса (Измоденова, 2013).

Ю. В. Саенко предлагает выделять 3 аспекта суеверий: когнитивный (категоризация и предвидение возможных последствий незнакомых событий), аффективно-мотивационный (эмоциональное переживание тех или иных событий) и поведенческий (ритуальные символические действия, необходимые для защиты) (Саенко, 2006).

Согласно А. В. Мудрику, для сельских поселений характерны традиционные черты, такие как размеренный ритм жизни, нето-

ропливость и сохранение элементов природосообразности (Мудрик, 1997). Также в деревнях наблюдается выраженный контроль социумом жизнедеятельности человека. В селах поддержание традиций является ценностью, а пренебрежение ими влечет осуждение со стороны окружающих. Все вышеперечисленные особенности являются важными составляющими уклада жизни сельского жителя.

Что же касается города, то такой тип поселения отличается концентрацией большого количества жителей, характерной дифференцированностью социально-профессиональной и этнической структуры населения (Ярушкин, Сатонина, 2007), т. е. на ограниченной территории могут проживать представители разных культур и национальностей.

Исходя из культурных различий представителей сельской и городской студенческой молодежи, мы предполагаем, что студенты, проживающие и обучающиеся в городе, и студенты, приехавшие из сельской местности на обучение в город, имеют существенные различия в мировоззрении и уровень их суеверности также может разниться.

Нами было проведено исследование с целью сравнить выраженность феномена суеверности, а также ее структурную организацию у представителей сельской и городской студенческой молодежи. В исследовании приняли участие 245 человек, из них 167 – проживающих и обучающихся в городской местности и 78 – приехавших из сельской местности на обучение в город. В качестве испытуемых выступали студенты – бакалавры в возрасте 18–25 лет, обучающиеся в Казанском (Приволжском) федеральном университете, Новосибирском государственном педагогическом университете, Чувашском государственном университете и Ярославском государственном университете. Исследование проводилось с использованием сети Интернет, все методики были переведены в гугл-форму и рассылались испытуемым по электронной почте.

В работе были использованы следующие методы и методики: анализ научной литературы, методы математико-статистической обработки данных, анкетирование, «Опросник суеверности» И. Р. Абитова, опросник «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика.

Все полученные данные были проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова–Смирнова. Выяснено, что распределение данных можно отнести к нормальному и, следовательно, можно использовать параметрические критерии для выявления взаимосвязей и различий. Использовались статистические методы обработки результатов, включающие вычисление коэффициентов Пирсона и Стьюдента, корреляционный анализ.

При использовании критерия Стьюдента у студентов, проживающих в сельской местности, выявляются более высокие показатели по шкале «традиционная религиозная вера» ($p \leqslant 0,05$; $t=2,139$) и «колдовство» ($p \leqslant 0,05$; $t=2,124$).

На следующем этапе обработки эмпирического материала выяснялась структурная организация исследуемых показателей. При использовании коэффициента корреляции Пирсона выявлено, что в группе городской молодежи показатель «традиционная религиозная вера» имеет прямые связи с показателями веры в пси-способности ($p \leqslant 0,01$; $r=0,455$), колдовство ($p \leqslant 0,01$; $r=0,671$), суеверия ($p \leqslant 0,05$; $r=0,464$), спиритизм ($p \leqslant 0,01$; $r=0,607$), экстраординарные формы жизни ($p \leqslant 0,05$; $r=0,315$), предсказания ($p \leqslant 0,01$; $r=0,590$), с показателем суеверности ($p \leqslant 0,01$; $r=0,519$).

При использовании коэффициента корреляции Пирсона выявлено, что в группе сельской молодежи показатель «традиционная религиозная вера» имеет прямые связи с показателями веры в пси-способности ($p \leqslant 0,01$; $r=0,378$), колдовство ($p \leqslant 0,01$; $r=0,546$), спиритизм ($p \leqslant 0,01$; $r=0,494$), экстраординарные формы жизни ($p \leqslant 0,01$; $r=0,301$), предсказания ($p \leqslant 0,01$; $r=0,390$), с показателями суеверности ($p \leqslant 0,01$; $r=0,292$).

Результаты исследования указывают на то, что студенты из сельской местности более привержены догматам традиционных религий, чем студенты-горожане. Более выраженная религиозность данной группы молодежи может быть связана с тем, что поддержание культурных традиций в селах является ценностью, а пренебрежение ими влечет осуждение со стороны окружающих. Устоявшееся мировоззрение ригидно к изменениям.

В обеих исследуемых группах показатели веры в паранормальное тесно взаимосвязаны друг с другом. Это может говорить о единой природе всех верований, диагностируемых с помощью «Шкалы веры в паранормальное». Также показатели традиционной религиозной веры связаны значимыми прямыми связями с показателями других верований: в спиритизм, в колдовство, в предсказания, в пси-способности, в суеверия. Хотя данные типы верований порицаются в традиционных религиях. Это подтверждает наше предположение о том, что религиозная вера и вера в паранормальное, суеверность не противопоставленные друг другу явления, а частные случаи проявления психологического феномена веры. Также обращает на себя внимание наличие значимых взаимосвязей показателя суеверности (по опроснику суеверности И. Р. Абитова) с большинством показателей веры в паранормальное, что подтверждает внешнюю валидность разработанной нами методики.

Выводы

1. Феномен суеверности по своему содержанию близок к вере в паранормальные явления, и его можно рассмотреть как проявление психологического феномена веры.
2. У студентов, приехавших из сельской местности на обучение в город, более выражена вера в традиционные религиозные догматы, чем у студентов, проживающих и обучающихся в городской местности.

Литература

Двойнин А. М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности. СПб.: Речь, 2011.

Измоденова Н. Н. Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6. С. 20–35.

Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М.: РАО–МПСИ, 1997.

Саенко Ю. В. Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 85–97.

Ярушкин Н. Н., Сатонина Н. Н. Ценности и социально-психологическая адаптация сельской и городской студенческой молодежи // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2007. № 2. С. 147–152.

Особенности жизнестойкости в подростковом возрасте

Н. А. Александрова (*Мурманск*)

Подростковый возраст – особый период развития личности, в котором формируются основы сознательного и осознанного поведения, формируются социальные установки, нравственные ориентиры, временная перспектива. В этом возрасте происходит остропротекающий переход от детства к взрослости. Качественные трансформации характерны как для психической жизни современных подростков, так и для культурно-исторической ситуации их развития (Кобзева, 2016). Анализ общепсихологической картины подросткового возраста указывает на то, что формирование жизнестойкости в этот возрастной отрезок важно не только для личностного развития, но и является основой жизненной программы, которая строится в подростковом возрасте и будет реализована на последующих за ним этапах жизненного пути.

Жизнестойкость – способность человека приспосабливаться и противостоять различным неблагоприятным факторам. В зарубежной психологии этот феномен обозначает термин «hardiness» введенный С. Мадди.

В отечественной психологии жизнестойкость – это черта характера, которая помогает личности преодолевать заданные обстоятельства и самого себя, при этом основными ее компонентами являются готовность к новому и личностные убеждения в возможности справиться с проблемной ситуацией (Д. А. Леонтьев), системное психологическое свойство, формирующееся для дальнейшей возможности превращения проблем в новые возможности (С. А. Богомаз), развивающаяся система убеждений (М. В. Логинова).

Жизнестойкость способствует саморегуляции как в условиях стресса, так и в условиях монотонной деятельности. При этом чем выше уровень жизнестойкости, тем эффективнее деятельность индивида в стрессовых ситуациях, в то время как сниженный уровень жизнестойкости в частых случаях приводит к увеличению шанса на развитие соматических заболеваний. Так как жизнестойкость формируется в течение жизни, важным является ее своевременное развитие. Добиться этого можно с помощью ряда основных техник: реконструкцию ситуаций, при которой происходит определение стрессовых ситуаций; фокусирование и компенсаторное самосовершенствование (Леонтьев, 2006).

Таким образом, жизнестойкость – это не только способность индивида успешно преодолевать неблагоприятные условия, но и высокая устойчивость к воздействию стрессовых факторов и фрустрирующих ситуаций.

Сензитивным периодом для формирования жизнестойкости является подростковый возраст. Именно в этом возрасте индивид начинает зависеть от внешних обстоятельств, мыслей других людей, своих собственных идеалов и представлений (Э. Эриксон), и то, как подросток научится преодолевать неблагоприятные внешние и внутренние факторы, станет ведущим типом отношения к проблемам в будущем.

Эмпирическое исследование особенностей жизнестойкости в подростковом возрасте проводилось в 2017 г. на базе МБОУ СОШ № 34 г. Мурманска. В нем приняли участие 34 респондента в возрасте 13–14 лет, обучающихся по программе «Школа России».

Цель исследования – изучить психологические особенности жизнестойкости в подростковом возрасте.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что уровень проявления жизнестойкости у подростков взаимосвязан с вза-

имоотношениями в семье и контролем над стрессовыми ситуациями.

Психологическая диагностика жизнестойкости проводилась с помощью теста жизнестойкости (Леонтьев, 2006), анкеты «Референтная группа» (модификация лаборатории психологии подростка под руководством Т.Д. Марцинковской) (Марцинковская, 2015) и методики определения толерантности к неопределенности (адаптация Н.А. Бажановой, Г.Л. Бардиер) (Социализация..., 2016). Выбранные методики позволяют рассмотреть феномен жизнестойкости с позиции культурно-исторического подхода, так как рассматривают индивида и условия его существования через призму познания. Статистическая оценка полученных результатов проводилась с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты исследования позволяют утверждать, что подростки адекватно воспринимают как себя, так и окружающий социум (56%). Внутреннее напряжение в стрессовых ситуациях характерно только для 44% подростков. Чувство отверженности доминирует у них в структуре личности (26,4±9,1), поэтому они не получают удовольствие от собственной деятельности и ощущают себя «вне жизни». Вместе с тем подростки убеждены в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, даже если успех не гарантирован (24,7±6,5), а все то, что с ними случается, стимулирует развитие за счет опыта (13,41±3,9).

Семья для подростка является наиболее референтной группой в отношении свободного времени и отдыха, доверительных отношений, важности мнения, что подтверждает исследование Г.Р. Хузеевой (Хузеева, 2013). Следует отметить, что важность мнения (2,4±0,9) доминирует в этой референтной группе. Второе место занимают приятели по интересам, с ними подростки предпочитают проводить свободное время и отдых (1,9±1,3), но при этом не всегда ценят их мнение (1,4±1,6). И только на третьем месте друзья, с которыми подростки хотят проводить досуг (1±1,5), не выстраивая доверительных отношений (0,4±2,9) и не принимая во внимание их мнение (0,4±4,2).

Отличительной особенностью подросткового возраста являются пассивность и пониженный жизненный тонус (16,2±4,5), нежелание искать новые источники для решения возникающих проблем (16,4±4,6), фиксация на проблемах, минимальная вера в успех своей деятельности (17,3±4,2), себя, свои достоинствах и силы (17,3±3,9), шаблонность (17,1±5,3), трудности в изменении новых ситуаций, упрямство (18,7±4,9), не развитое самообладание в фрустрирующих

ситуациях, а также в ситуациях, когда не определены цели и ожидания (16,9±4,6).

Таким образом, несмотря на то, что подростки адекватно воспринимают жизненные трудности, они в большинстве своем не умеют продуктивно их преодолевать. Частые неудачи, отсутствие продуктивных навыков разрешения конфликтных ситуаций стимулирует негативное отношение к ним окружающих, что влечет снижение самооценки и мотивации. Поддержку в ситуациях конфронтации чаще всего подростки ищут в семье.

Жизнестойкость характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности (Леонтьев, 2006), поэтому выявление ее взаимосвязи с наиболее значимыми для индивида группами и толерантностью к неопределенности позволит разработать стратегии, направленные на ее формирование. Результаты статистического анализа указывают на то, что в подростковом возрасте увеличение контроля над событиями в своей жизни и деятельности взаимосвязаны с повышением уровня доверия в семье ($p \leqslant 0,05$) и важностью мнения ее членов ($p \leqslant 0,01$). Высокий уровень сплоченности и доверительных отношений в семье способствует снижению внутреннего напряжения подростка в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания и восприятия этих ситуаций как менее значимых. Поэтому социально-психологический климат семьи определяет не только психологические факторы, способствующие совладанию со стрессом, но и соматическое здоровье подростка. Необходимо отметить, что чем выше контроль и способность выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность, тем больше подростки верят в успех, ориентируются на позитивное развитие событий, фиксируются на возможностях решения стрессовых и фрустрирующих ситуаций ($p \leq 0,05$).

Итак, для подросткового возраста характерен достаточно высокий уровень умений разрешения проблемных и фрустрирующих ситуаций. Шаблонность действий в проблемных ситуациях у подростков обоснована страхом перед ошибками, так как неудачи вызывают у них часто яркие негативные эмоции, с которыми им тяжело справляться. Однако отличительной особенностью этого возрастного этапа развития является признание необходимости адаптироваться к изменяющимся условиям социума, а также желание иметь поддержку и высокий уровень доверительных отношений в семье.

Литература

Кобзева О. В. Специфика образа мира в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2016. Вып. 53. Ч. 7. С. 236–242.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Марцинковская Т. Д. Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик. М.: МПГУ, 2015.

Социализация в мультикультурном пространстве: Метод. пособие / Т. Д. Марцинковская, Е. М. Дубовская и др. М.: МПГУ, 2016.

Хузеева Г. В. Особенности восприятия субъективного социального пространства у современных подростков, проживающих в различных условиях // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 13. С. 10. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 01.09.2017).

Психические состояния любви и влюбленности: понятийная и ассоциативная репрезентация

Е. М. Алексеева, А. А. Сингатуллова (*Казань*)

Актуальным в настоящее время является изучение репрезентаций психических явлений, прежде всего, эмоций и психических состояний. Ввиду того что состояния как психическое явление являются индивидуальным и субъективным феноменом психики, необходимо целостное изучение и описание содержания и структуры репрезентаций психических состояний (актуального, прошлого, будущего, положительных и отрицательных, равновесных и неравновесных), их универсальных и специфичных компонентов. Объектом исследования становятся не сами психические состояния, возникающие на основе переживания актуальной ситуации жизнедеятельности, а субъективное описание представлений о том или ином психическом состоянии.

Ключевым в наших исследованиях является то предположение, что постепенно с накоплением индивидуального опыта ментальные репрезентации могут приобретать иерархическую многокомпонентную структуру, где выделяются ассоциативный, оценочный, понятийный и образный уровни. Имеется ряд работ, где представлены результаты изучения отдельных уровней репрезентации психических состояний, их феноменологические и языковые особенности (Alekseeva, Bulatova, 2016; Alexeyeva, Chernov, 2015; Chernov, Alekseeva, 2016).

Закономерности и особенности понятийной и ассоциативной репрезентации психических состояний изучались в рамках комплексного эмпирического исследования, в котором приняли участие 96 студентов Казанского (Приволжского) федерального университета в возрасте от 18 до 23 лет. Экспериментальная процедура была разработана при помощи компьютерной программы DMDX (Forster, Forster, 2003), позволяющей замерять время речевой реакции на стимулы с точностью до миллисекунды. Одной группе испытуемых нужно было устно назвать первую пришедшую в голову ассоциацию к каждому из предъявляемых на мониторе компьютера стимулов – понятий психических состояний. Другая группа испытуемых называла оценочные ассоциации к состояниям в виде прилагательных, отвечая на вопрос «Какое то или иное состояние?». В третьей части исследования применялся метод свободного описания объекта. Испытуемым была дана следующая инструкция: «Пожалуйста, дайте краткое письменное объяснение следующим понятиям психических состояний. Ни на кого не ориентируйтесь, нет ни хороших, ни плохих ответов».

Впоследствии производился качественный и количественный анализ эмпирических данных. Ответы респондентов в первой и во второй части эксперимента были проанализированы относительно времени реакции при помощи программы Check Vocal (Protopapas, 2007). Полученные результаты позволили выделить понятийные и ассоциативные характеристики отдельных состояний.

Так, ядром состояния *любви* – положительного состояния высокого уровня психической активности – являются понятийные объяснения при помощи слова «привязанность» (14,7% ответов респондентов). Следующий слой включает в себя описания: «безусловное принятие», «чувство, ради которого...» – по 5,8%. На периферии оказались почти все описательные формулировки: «чувство крайней симпатии», «чувство родства», «положительное чувство», «единение», «эмоциональная зависимость» и т.д.

Время свободной ассоциативной речевой реакции на стимул «любовь» составило 2164,2 мс, а на стимул «влюбленность» – 2198,9 мс, что большее, чем среднее время свободной ассоциативной реакции на 25 названий психических состояний, составившее 2114,6 мс.

Кроме количественных характеристик (24 и 23 различные ассоциации к состоянию любви и влюбленности соответственно) можно описать качественные особенности ассоциативных полей данных состояний. Ассоциативное поле состояния *любви* не имеет четко вы-

раженного ядра. Околоядерный слой заполняют ассоциации *счастье* (9,6%), *молодой человек/парень* (9,6%), *семья* (9,6%), *радость* (6,4%), *чувство* (6,4%). Богатая периферия (19 различных ответов) представлена такими ассоциациями, как *привязанность, бабочки в животе, искренность, страсть, облако, сердце, подруга, к родителям, ревность, сердечки, любимый, уважение, взрыв, спокойствие, свадьба, вечно, жизнь.*

Однозначного ядра не имеет и ассоциативное поле состояния *влюбленности.* В околоядерный слой вошли *окрыленность* (14,2%), *радость* (10,7%), *эйфория* (7,1%), *симпатия* (7,1%). На периферии: *молодой человек, взаимно, потрясающе, воздушность, сердце, радуга, восторг, новый фильм, книги, строить глазки, весна, парень, подросток, конфеты, возвышенность, счастье, ревность, надолго, юношество.*

Рассмотрим оценочные ассоциативные характеристики состояний любви и влюбленности. Время оценочной ассоциативной реакции (в форме прилагательного) на понятие «любовь», составившее в 1978,7 мс, существенно меньше среднего времени оценочной реакции на 25 названий состояний (2246,9 мс), тогда как время оценочной ассоциативной реакции на понятие «влюбленность» (2235,5 мс) практически лежит в диапазоне среднего времени реакции на все состояния.

К понятию психического состояния любви было дано 20 оценочных ассоциаций-прилагательных (8 из них образуют околоядерные слои), а к понятию влюбленности – 23 (2 из которых входят в околоядерные слои). В околоядерные слои оценочного ассоциативного поля состояния любви вошли прилагательные *вечная* и *большая* (по 19% респондентов), *взаимная, сильная, влюбленная, восторженная, страстная, красная* (по 6%), а состояния влюбленности – *счастливая* (11%), *красивая* (7%). Периферию оценочного ассоциативного поля состояния любви заполнили прилагательные *великая, греющая, нежная, светлая, беззаветная, странная, красивая, радостная, безразмерная, прекрасная, бескорыстная, счастливая,* а состояния влюбленности – прилагательные *странная, воодушевленная, ранняя, искренняя, приятная, ненадежная, первая, весенняя, легкая, мимолетная, любимая, розовая, игривая, быстрая, неуверенная, поверхностная, воздушная, восхищенная, прекрасная, порхающая, минутная.* Таким образом, для состояний любви и влюбленности характерны разные особенности оценочных ассоциативных полей: в то время как оценочное ассоциативное поле состояния любви состоит из достаточно четко выраженных околоядерных слоев, у состояния влюбленности богато представленной является, прежде всего, периферия.

Литература

Alekseeva E. M., Bulatova A. M. Associative representation of mental state concepts in the bilingual mental lexicon // Turkish online journal of design art and communication. 2016. V. 6. P. 2309–2316.

Alexeyeva E. M., Chernov A. V. Representation of mental states: Associative level // Social Sciences (Pakistan). 2015. V. 10. P. 1959–1963.

Chernov A. V., Alekseeva E. M. Estimated characteristics of mental states' representations // Journal of organizational culture, communications and conflict. 2016. V. 20. P. 94–99.

Forster K. I., Forster J. C. DMDX: A Windows display program with millisecond accuracy // Behavior Research Methods, Instruments and Computers. 2003. V. 35. № 1. P. 116–124.

Protopapas A. CheckVocal: A program to facilitate checking the accuracy and response time of vocal responses from DMDX // Behavior Research Methods. 2007. V. 39. № 4. P. 859–862.

Когнитивный контроль в тесте «рисунок–рисунок»*

М. В. Аллахвердов, О. В. Львова (*Санкт-Петербург*)

Интерференционный тест «Рисунок–рисунок» появился как модификация теста Струпа в 1989 (Glaser, Glaser, 1989). В его основе лежит идея классического теста – наличие задачи реагировать на один стимул, и мешающее ему задание игнорировать другой стимул. В этом тесте испытуемому предъявляются изображения двух разных объектов с задачей назвать целевое изображение (задается инструкцией) и игнорировать другое изображение. В изначальном эксперименте Глейзеров два изображения размещались в разных частях экрана. В одной серии целевой рисунок располагался выше фиксационной точки, а дистрактор – ниже, а в другой серии они менялись местами. Авторы обнаружили эффект интерференции в случае называния и категоризации изображений (там же), предполагая, что интерференция возникает на концептуальном уровне обработки.

Данная модификация быстро стала широко исследуемым феноменом, так как возникла возможность проверять популярные модели возникновения интерференции в результате лексической обработки стимулов (например, модель WEAVER++, модель Коэна и др.).

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-06-05112.

Лексическая обработка предполагает прохождение нескольких стадий обработки входящих стимулов для получения ответа, т. е. они исходят из предположения о структурных, или ресурсных, ограничениях когнитивной системы, в которой требуется разная сила для активации тех или иных элементов обработки. Предполагается, что лексическая обработка изображения требует большего количества переходов между различными элементами модели, чем слова, что и приводит к интерференционному эффекту в классическом тесте Струпа и в тесте «Рисунок–слово».

Исходя из этой логики интерференционный эффект в исследованиях Глейзеров не должен был бы наблюдаться. Так, некоторые авторы (Damian, Bowers, 2003) высказали предположение, что эффект в экспериментах Глейзеров был вызван, в первую очередь, возникновением у испытуемых пространственный путаницы, т. е. какой из двух стимулов нужно называть. Для доказательства этого утверждения авторы предложили другой вариант теста: оба рисунка размещаются в одной точке пространства, одно изображение изображается внутри другого. Задачей испытуемого было называть большее изображение. Был получен небольшой, но значительный интерференционный эффект относительно контрольной группы при предъявлении двух рисунков, но результат не показал влияния семантической близости концептов на величину временной задержки ответа.

Мы исходим из того, что ограничения во времени реакции, как и другого поведения, объясняется в первую очередь функциональными, или контекстными, ограничениями (Аллахвердов, Аллахвердов, 2014). Исходя из этого, объяснение интерференционного эффекта в эксперименте Глейзеров как результат пространственной путаницы (т. е. путаницы инструкции) представляется нам более логичным, чем лексические объяснения. Интерференция возникает как результат взаимодействия двух процессов сознательного контроля: контроля операций и контроля задачи. Контроль операций проверяет соответствие совершаемых действий некоторому внутреннему алгоритму решения представленной задачи, а контроль задачи проверяет, выполняются ли все поставленные перед человеком задачи (подробнее см.: Аллахвердов, Аллахвердов, 2014). При переключении между задачей называния одного стимула и игнорированием другого может происходить путаница в инструкции (какую именно задачу я сейчас решаю), что и приводит к интерференции. Безусловно, семантическое и фонетическое сходство оказывает влияние на величину интерференции, но именно вследствие работы сознательного контроля.

Важность наличия именно второй игнорируемой задачи наблюдается в проведенном нами исследовании (N=60, средний возраст – 21 год), направленном на изучение влияния процессов сознательного контроля на величину интерференции в тесте «Рисунок-рисунок». Эксперимент был поделен на 3 этапа, каждый из которых, в свою очередь, был разделен на 2 части: контрольную и экспериментальную. На первом этапе в экспериментальной части целевой стимул (цельный контур помидора, груши, яблока или перца) размещался внутри игнорируемого стимула (в контуре одного из оставшихся изображений). На втором этапе контур целевого изображения был нарисован пунктиром, а игнорируемый контур – цельной линией. На третьем этапе, наоборот, целевое изображение было нарисовано сплошной линией, а игнорируемое изображение – пунктиром. Использовался дизайн с контрбалансировкой, чтобы минимизировать влияние последовательности прохождения этапов. Выбор набора был случайным. Контрольная часть на всех этапах представляла собой предъявление целевого изображения в прямоугольнике, который воспринимался испытуемыми как рамка. И так же как и в экспериментальной части, на первом этапе и целевое изображение, и рамка были цельными, на втором этапе – в цельной рамке предъявлялось пунктирное изображение, а на третьем этапе – цельное изображение в пунктирной рамке. Контрольная часть всегда предшествовала экспериментальной. В обеих частях по инструкции испытуемые должны были нажимать на клавишу, соответствующую целевому изображению. Таким образом, дизайн исследования предполагает двухфакторную структуру с повторными измерениями: 3 этапа × 2 части.

Во-первых, мы предполагали, что на всех этапах будет наблюдаться интерференционный эффект, т. е. экспериментальная часть будет выполняться дольше, чем контрольная. Во-вторых, мы проверяли гипотезу о том, что усложнение целевого задания (т. е. пунктирная прорисовка целевого изображения) будет приводить к снижению интерференции, в то время как усложнение дополнительного задания игнорирования (т. е. пунктирная прорисовка дистрактора) будет приводить к увеличению эффекта.

Данные показали, что интерференционный эффект наблюдается на всех 3 этапах. Так, на первом этапе интерференция была 124 мс ($t(59) = -11{,}6$, $p<0{,}001$), на втором этапе – 68 мс ($t(59) = -6{,}522$, $p<0{,}001$), на третьем – 73 мс ($t(59) = -6{,}531$, $p<0{,}001$). Таким образом, мы получили подтверждение нашей первой гипотезы. Интерференция в тесте «Рисунок–рисунок» действительно возникает. Однако нами был получен неожиданный результат при анализе времени выполнения

контрольного задания. В нем также встречается две задачи: назвать целевое изображение и игнорировать рамку. Изначально мы ожидали, что данное задание будет контрольным, и во всех условиях время называния будет зависеть только от характеристик целевого стимула. Так, на втором этапе в контрольной части время называния изображенного объекта будет больше, чем на первом или третьем этапе, где изображенный объект был цельным. Однако полученные результаты оказались не такими однозначными. В результате дисперсионного анализа было обнаружено, что время выполнения контрольной части отличается на 3 этапах ($F(10, 108)=3{,}949$, $p<0{,}001$). Первичный анализ данных показал, что время реакции на стимул на первом этапе меньше, чем на втором и третьих этапах. Разница в скорости выполнения контрольной части между первым и вторым этапами может быть вызвана тем, что пунктирное изображение объекта сложнее идентифицировать, чем цельное. Однако как можно объяснить неожиданный результат различия в скорости выполнения контрольной части на первом и третьем этапе?

Мы предполагаем, что это может быть вызвано работой контроля задачи. Рамка, нарисованная пунктирной линией, вызывает у когнитивной системы необходимость проверки: «А не является ли такая пунктирная рамка – тоже важным стимулом». Другими словами, пунктирная рамка не воспринимается как случайный параметр фона, а становится «фигурой», на которую нужно не обращать внимания. Другими словами, появляется вторая задача игнорирования, что и приводит к увеличению времени. Стоит отметить, что полученный результат нельзя считать в полной мере подтверждением нашей теории по двум причинам. Первая заключается в том, что случайное распределение этапов для контрбалансировки привело к тому, что каждая из 6 возможных комбинаций предъявлялась 10 людям, поэтому полученные результаты являются ориентировочными. Вторая причина заключается в том, что представленный здесь результат является дополнительным наблюдением, который требует дополнительной проверки. Таким образом, нам представляется важным проведение конфирматорного исследования с большим количеством испытуемых, которое позволит в полной мере подтвердить идею о влиянии когнитивного контроля на интерференционные задачи.

Литература

Аллахвердов В. М., Аллахвердов М. В. Феномен Струпа: интерференция как логический парадокс // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2014. № 4. С. 90–102.

Damian M. F., Bowers J. S. Locus of semantic interference in picture-word interference tasks // Psychonomic Bulletin and Review. 2003. V. 10. № 1. P. 111–117.
Glaser W. R., Glaser M. O. Context effects in Stroop-like word and picture processing // Journal of Experimental Psychology: General. 1989. V. 118. № 1. P. 13–42.

Исследование психологических аспектов грудного вскармливания недоношенных детей

Ю. В. Андреева (*Ярославль*)

По данным ВОЗ, грудное молоко является самым естественным видом питания ребенка первого года жизни. Этот эволюционно сложившийся способ кормления нельзя заменить никакими современными технологиями и искусственными адаптированными смесями. Грудное молоко является готовой пищей для новорожденного и ребенка первого года жизни, так как содержит в оптимальном соотношении все необходимые питательные вещества и воду, обеспечивает иммунологическую защиту, оказывает регуляторное влияние и способствует налаживанию эмоционального контакта мать–дитя.

Одной из основных причин, нарушающих процесс естественного вскармливания, является раздельное нахождение матери и ребенка в первые дни жизни малыша. Прикладывание к груди недоношенных детей сразу после рождения оказывается невозможным из-за угрожающих жизни состояний и необходимости применения аппаратов жизни обеспечения. Поэтому при налаживании естественного вскармливания в дальнейшем возникает ряд трудностей (неспособность матери понять, что ребенок проголодался, страх сделать что-то неправильно при кормлении, страх недокормить или перекормить ребенка и т. д.). Г. Г. Филиппова (2002) относит подобную ситуацию материнства к девиантному и указывает на необходимость организации послеродового взаимодействия матери с ребенком, с целью преодоления этих трудностей и налаживания эмоционального диадического контакта.

Целью нашего исследования было изучение психологических факторов, влияющих на успешность восстановления грудного вскармливания.

Задачи исследования: изучение влияния социального анамнеза на успешность грудного вскармливания, изучение влияния тре-

вожности на грудное вскармливание, изучение влияния на грудное вскармливание установочного поведения к новорожденному, а также оценка данных факторов в динамике.

Гипотеза: на сохранение грудного вскармливания недоношенных детей влияют социально-психологические факторы.

Выборка составила 60 человек: 30 матерей контрольной группы, находившихся в отделении патологии новорожденных, и 30 матерей из послеродового отделения, родивших в срок. Все опрошенные женщины не имели медицинских противопоказаний к грудному вскармливанию.

Использовалась анкета, оценивающая социальный анамнез, Методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина, проективная методика «Моя мама, я и мой ребенок» И.А. Золотовой. Спустя месяц после опроса мы связывались с матерями и беседовали по поводу грудного вскармливания за пределами стационара.

При анализе данных экспериментальной и контрольной группы выявлено, что в среднем срок гестации, на котором произошли роды в контрольный группе выше (39±1,066), чем в экспериментальной (33±4,5).

Матери недоношенных детей чаще изображают ребенка несоответствующим фактическому возрасту (67%), в то время как женщины, родившие в срок, в 60% случаев изображают ребенка младенческого возраста. Данная особенность может говорить о том, что женщины, родившие раньше срока, не готовы в полной мере принять свою роль матери, принимать потребности ребенка в данный момент времени и удовлетворять их. Возможно, это связано именно с тем, что преждевременные роды помешали женщине в полной мере почувствовать себя матерью. Большинство матерей планируют кормить своих детей грудью: 96% матерей недоношенных детей и 93% женщин, родивших в срок, т.е. мотивация к грудному вскармливанию не зависит от срока, на котором произошли роды. Так, матери недоношенных детей реже прибегают к прикладыванию ребенка к груди, т.е. непосредственно естественному вскармливанию (7%), в то время как женщины из контрольной группы в 61% случаев используют данный вид вскармливания. Достоверных различий по искусственному вскармливанию не отмечено, однако существует тенденция, что матери недоношенных детей чаще используют смеси (24%), чем женщины, родившие в срок (10%). Более сильная тенденция наблюдается относительно смешенного вскармливания, т.е. совмещение прикладывания к груди с использование смесей в бутылочках. Экспе-

риментальная группа – 50%, контрольная – 27%. В данном случае можно говорить о группе риска, т. е. существует вероятность как благоприятного исхода, когда женщина перейдет на полностью грудное вскармливание, так и неблагоприятного – если родительница откажется от естественного вскармливания в пользу искусственных смесей. Спустя полтора месяца после выписки из перинатального центра достоверно большая часть женщин, родившая в срок, придерживается грудного вскармливания (64%), в то время как матери недоношенных детей лишь в 20% случаев, т. е. это меньше половины. Кроме того, увеличивается разрыв и в плане смешенного вскармливания, экспериментальная группа – 37%, контрольная – 7%. В то же время не обнаружено различий по отношению к искусственному вскармливанию. Матери недоношенных детей, так же как и женщины, родившие в срок, одинаково часто прибегают к использованию смесей. Среди причин женщины называют: не берет грудь, пропало молоко, однако данные причины можно отнести, скорее, к организационным факторам, зависящим от самой матери. Объективная причина – прием антибиотиков – была обнаружено лишь в двух случаях – 1 женщина из контрольной группы и 1 из экспериментальной.

Родительницы, у которых эти роды были вторыми и последующими, имеют опыт кормления грудью старших детей. В то же время в экспериментальной группе женщины, имеющие опыт естественного вскармливания, реже кормят младших детей грудью.

Чем старше женщина, родившая в срок, тем лучше она понимает реакции ребенка, в то же время чем больше возраст матери недоношенного ребенка, тем реже она будет прибегать к полностью естественному вскармливанию.

В экспериментальной группе обнаружено, что чем больше срок гестации, тем лучше женщина понимает реакции ребенка и реже изображает малыша несоответствующим возрасту.

Интересно, что женщины, родившие в срок и имеющие высшее образование, хуже понимают реакции ребенка, чем те, у кого нет высшего образования. Кроме того, женщины с низким уровнем образования реже планируют грудное вскармливание. Обратная ситуация наблюдается у матерей недоношенных детей: чем выше уровень образования, тем лучше понимание реакций. Возможно, во втором случае имеет место усиление когнитивного компонента.

К медицинскому персоналу по вопросам грудного вскармливания чаще обращаются матери недоношенных детей, у которых имеется высокий уровень тревоги, в то же время они чаще используют докорм в виде искусственных смесей.

При подробном анализе проективной методики выяснено, что матери недоношенных детей, которые рисуют нечеткие, мелкие изображения, слабо надавливая на карандаш, склонны к более низкому уровню ситуативной тревожности. В случае женщин, родивших в срок, низкий уровень тревожности личностной проявляется в символичном изображении (ягодки, кружочки), т. е. можно предположить наличие психологических защит как в одном, так и другом случае, однако механизм и мишень действия этих защит различаются.

Корреляционный анализ показал следующее. Женщины с высшим образованием, родившие в срок, чаще после выписки из перинатального центра прибегают к кормлению смесями, а не грудным молоком. Смешенное вскармливание, т. е. докорм смесью, встречается у матерей с высоким уровнем ситуативной тревожности и низким уровнем личностной. Так как изображение большого количества деталей на рисунке является проявлением общей тревоги, то можно заключить, что женщины, находящиеся в данном состоянии во время нахождения в перинатальном центре, склонны прибегать к искусственному вскармливанию.

Иная картина складывается в группе матерей недоношенных детей. Женщины, находящиеся в браке, реже прибегают к искусственному вскармливанию. Матери, которые планировали кормить грудью, следуют своим планам и реже прибегают к использованию смесей. Таким образом, важным аспектом работы с будущими матерями и только родившими женщинами является выработка мотивации к грудному вскармливанию.

Родительницы, которые, находясь в стационаре, понимали проявления, реакции, потребности ребенка, при выписке чаще сохраняют естественное вскармливание. В то же время матери, которые изображали ребенка взрослым, т. е. не принимают свою материнскую позицию, роль по отношению к ребенку, реже кормят малыша грудью.

Выводы

1. Матери недоношенных детей чаще прибегают к искусственному и смешанному вскармливанию как в стационаре, так и после выписки, чем женщины, родившие в срок.
2. При нахождении в стационаре на выбор естественного или искусственного вскармливания матерями недоношенных детей оказывают влияния ситуативные факторы, связанные с фрустрирующими событиями. В то время на женщин, родивших в срок, основное влияние оказывают сложившиеся в течение прошлого опыта мнения и ценности.

3. Важным аспектом сохранения естественного вскармливания матерью недоношенного ребенка является осознание, принятие на себя роли матери, желание брать ответственность за малыша и прислушиваться к его потребностям, т. е. когнитивный компонент, в то время как у женщин, родивших в срок, на первое место выходят личностные особенности.

Литература

Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учеб. пособие. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

Отношение к смерти у детей дошкольного возраста

М. А. Андреева-Ко-Сен-Дин (*Санкт-Петербург*)

Психологический опыт ребенка выстраивается из ряда экзистенциальных вопросов, и одна из тем, с которой ребенок сталкивается в свой дошкольный период, – это тема смерти. Актуальность проблемы отношения детей к смерти носит всеобщий характер в разные периоды жизни человека. Так, С. А. Абдулгалимова пишет по этому поводу: «В рамках различных научных направлений (культурология, аксиология, психология личности, психология развития, психотерапия) описываются различные аспекты интенциальных проявлений личности, перечень которых зачастую очень разнится, в зависимости от авторской позиции исследователя. Однако почти все исследователи сходятся в том, что одна из наиболее влиятельных составляющих экзистенциальной сферы – отношение к смерти, которое возникает у каждого человека в самом начале его личностного развития и, трансформируясь на протяжении всей последующей жизни, оказывает значительное влияние на формирование как внутреннего мира, так и приоритетных способов взаимодействия с окружающим миром» (Абдулгалимова, 2010, с. 3).

Проблема отношения детей и подростков к смерти представлена в отечественных научных публикациях, в основном, благодаря переводам англо-американской литературы по этой теме (например, в работах Т. О. Новиковой, Д. Н. Исаева, Т. А. Гавриловой), а также немногочисленным исследованиям, выполненным на выборке подростков и, в основном, юношей (например, Исаев, Новикова, 2003; Гаврилова, 2004, 2008, 2010; Хозиев, Васеничев, 2015; и др.). В то же время можно отметить, что комплексных психологических исследований

по этой теме в рецензируемых изданиях нам встретить не удалось. Причиной этому является не только табуированность темы смерти, особенно – в отношении детей, но и трудности методологического, методического и этического плана (Баканова, 2016).

Однако возрастающее число исследований по этой теме позволяет сделать вывод о том, что отношение к смерти у детей является одной из актуальных, но малоизученных проблем современной психологии в контексте современной семьи и танатологического просвещения. Ряд исследований, выполненных в последние годы, не до конца раскрывают ряд теоретических и практических проблем отношения к смерти у детей дошкольного возраста. Можно по-прежнему говорить о существенном недостатке эмпирического материала по проблемам отношения к смерти у детей, ее психологической оценки и профилактики, особенно в отечественной психолого-педагогической литературе.

Таким образом, целью нашего исследования, выполняемого в рамках магистерской диссертации под руководством А. А. Бакановой, является изучение особенностей отношения к смерти у детей дошкольного возраста в контексте танатологического просвещения родителей и педагогов. Гипотезой выступает предположение, что отношение к смерти детей 3, 4–5 и 6–7 лет имеет как общие, так и специфические особенности, знание о которых представляется значимым для повышения танатологической компетентности родителей и педагогов.

Теоретико-методологическим основанием настоящего исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов:

1. Представления о психологических особенностях развития детей дошкольного возраста (Ш. А. Амонашвили, Л. С. Выгодский, В. В. Давыдов, А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, Н. В. Корнейчуков), в том числе – их когнитивного (Л. П. Локалова, Л. И. Никонова, Ж. Пиаже) и эмоционального развития (Л. С. Акопян, О. В. Винокурова, Н. А. Довгая, О. Жигарькова, А. Д. Кошелева, Е. Н. Юрчук).
2. Признание значимости темы смерти в психологическом опыте ребенка (S. Antony, M. Nage, J. D. Kennet, A. Gasel, М. Макинтайр, И. Обрах, Д. Кучер, С. Шонфилд, С. Смиланиский, В. Слотер, И. Уайт, С. Салливан, Т. О. Новикова, Т. А. Гаврилова, А. И. Захаров и др.).
3. Представления экзистенциальной психологии о значимости отношения к жизни и смерти в процессе становления личности

(Р. Ассаджиоли, А. А. Баканова, А. С. Баранова, Дж. Бьюдженталь, Т. и Э. Йоманс, Е. Кублер-Росс, С. Левин, А. Маслоу, Р. Мэй, Дж. Рейнуотер, В. Франкл, Э. Фромм, И. Ялом и др.).

4. Значимость танатологического просвещения в профессиональной компетентности помогающих специалистов (А. А. Баканова, М. Травкова, Т. А. Гаврилова, И. В. Юстус, О. Ю. Трушина и др.).

Говоря о методах нашего исследования, следует отметить, что в работах некоторых авторов (например, Гаврилова, 2009; Баканова, 2016) отмечается, что англо-американские исследователи в качестве методов изучения отношений детей к смерти использовали: метод завершения историй и специально организованные наблюдения за детьми в семейной обстановке (Antony, 1972), изучение рисунков (Lonetto, 1980) и ответов на вопросы о смерти (Nagy, 1948). В более современных зарубежных публикациях (Prichard, Epting, 1992) отмечается, что среди психометрических методов изучения отношения детей к смерти могут быть использованы структурированные интервью, рисунки, а также феноменологические методы. Отмечается также, что большая часть исследований в этой области опирается именно на структурированные интервью, но в то же время активно разрабатываются феноменологические подходы. В связи с этим представляется, что полуструктурированное интервью для родителей и педагогов, а также анализ проблемных ситуаций, связанных с пониманием смерти детьми позволит собрать достаточный по объему и глубине исследовательский материал, отражающий особенности представленности темы смерти в психологическом опыте детей.

На данный момент нами проведено пилотажное исследование, которое состояло из двух видов интервью: первое включало в себя интервью родителей и воспитателей, которым предлагалось описать ситуации столкновения ребенка дошкольного возраста со смертью, а также привести примеры ответов на возникшие вопросы детей дошкольного возраста; второе – ретроспективное интервью, в котором взрослые люди могли поделиться своими первыми воспоминаниями о столкновении со смертью.

В интервью приняли участие 16 человек. Из них 4 мужчин и 12 женщин.

Выделено три возрастные категории среди участников интервью:

1. 13 участников в возрасте 25–30 лет.
2. 3 участника в возрасте 30–35 лет.
3. 1 участник в старше 60 лет.

Пилотное исследование позволило получить следующие результаты.

1. Анализируя интервью родителей детей дошкольного возраста, можно говорить о том, что на каждом этапе дошкольного возраста, отношение детей к смерти меняется в зависимости от конкретной ситуации и первого опыта столкновения со смертью. Если первый опыт знакомства ребенка со смертью связан с человеком или животным, интерес и восприятие его глубже, чем опыт, полученный через игру, сказку или фильм.
2. На разных этапах дошкольного возраста само отношение к смерти варьируется. Например, ребенок в возрасте 2–3 лет, обладая знанием о смерти, не воспринимает смерть как законченное действие, ждет продолжения, восстановления или возвращения умершего человека (животного); не относится серьезно к подобным сообщениям и разговорам, быстро отвлекается на игрушки или другие предметы во время разговора. Ребенок в возрасте 4–5 лет начинает понимать необратимость смерти, начинает эмоционально реагировать (плакать, сердиться, кричать). В возрасте 6–7 лет ребенок, получая информацию о смерти, формирует свое отношение к ней не только в зависимости от своего восприятия окружающей действительности на данном этапе развития, но также от специфики детско-родительских отношений и формы предоставления информации о смерти. Например, родитель может предоставить информацию о смерти с религиозных позиций, через примеры сказок и мультфильмов, давая собственные объяснения (в том числе – через эвфемизмы типы «улетела на облачко», вводящие ребенка в заблуждение), а также объяснять смерть с позиции естественнонаучного представления об этом явлении.
3. Реакция ребенка зависит от условий, в которых взрослый представил информацию о смерти, эмоционального восприятия действительности ребенком, и его отношения к умершему/ей.
4. Главным проводником в разговоре о смерти для ребенка в любом возрасте становится эмоционально-устойчивый и психологически зрелый взрослый, который может быть по-настоящему рядом, когда дети задумываются о жизни и смерти, – не избегая вопросов и не смущая ответами.

Ретроспективное интервью показало нам, что главные воспоминания взрослых об их первом, как они считают, опыте, приходятся на возраст от 6 лет. Участники отметили, что наиболее травмирующими оказались трагические события в подростковом периоде.

Полученные в ходе исследования результаты могут найти практическое применение в рекомендациях для родителей, педагогов и других помогающих специалистов. Несомненно, что результаты будут полезны также для лучшего понимания взрослыми того, как дети могут постигать жизнь и самих себя, сталкиваясь со смертью.

Литература

Абдулгалимова С. А. Психологические особенности преодоления страха смерти у старшеклассников с разными смысложизненными стратегиями: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

Баканова А. А. Тема смерти в психологическом опыте современной семьи: к постановке проблемы // Психологическое благополучие современной семьи: Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Н. В. Нижегородцевой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 21–24.

Гаврилова Т. А. Проблема детского понимания смерти // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2009/4/Gavrilova.phtml (дата обращения: 28.08.2017).

Рисковое сексуальное поведение и формирование личности в подростковом возрасте

А. Н. Алёхин, Т. Д. Антонова (*Санкт-Петербург*)

Подростковый период психического онтогенеза характеризуется актуализацией биологических, психофизиологических и собственно психологических процессов, которые опосредованы, в том числе, средой, в которой осуществляется психическое развитие и формирование личности.

Существенным элементом этого периода является половое созревание (Кон, 2001), которое сопровождается в разной степени осознаваемым влечением к сверстникам противоположного пола. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о тенденции к снижению возраста дебюта половых отношений (Кон, 2001; Светличная, Мосягин, Губерницкая, 2012). Здесь отмечается рассогласование физического и психического развития в период, когда сексуальность становится «достоянием сознания» и встраивается в жизнь подростка (Агарков, Кащенко, 2011). Раннее начало половой жизни в традиционном обществе всегда рассматривалось как «неприемлемое» и «девиантное» (Кон, 2001).

При анализе сексуального поведения подростка, нельзя обойти стороной моральные аспекты формирования личности, которое подразумевает усвоение и присвоение принятых в обществе социальных норм. Рассматриваемый процесс интериоризации, в свою очередь, проявляется в деятельности посредством переживания, осознания, принятия. При этом моральное развитие личности состоит в усвоении норм поведения, транслируемых актуальной социокультурной ситуацией развития. Выделяется несколько уровней морального развития человека (Кон, 1984):

- доморальный (период раннего детства до 9–10 лет): эгоистическая направленность;
- конвенциональная мораль (с 9–10 до 16): ориентация на заданные обществом нормы;
- автономная мораль (с периода ранней юности): ориентация на уже сложившуюся целостную систему нравственных и моральных соотношений.

Таким образом, подростковый период психического онтогенеза предполагает переход от конвенциальной морали к автономной, что обусловливает нестабильность формируемых личностных отношений в процессе становления рефлексии.

В свою очередь, и клинико-психологические исследования современных подростков свидетельствуют о том, что способности к рефлексии собственных переживаний у тинейджеров существенно ниже, чем у их сверстников прошлых поколений: например, лишь 14% респондентов идентифицируют себя по признаку половой принадлежности (Алехин, Осташева, 2013).

Таким образом, сексуальное поведение в подростковом возрасте при недостаточном уровне рефлексии побуждений определенно является рисковым для подростков. Важной клинико-психологической проблемой здесь становится анализ формирования высших психических функций, в частности, мышления, определяющего уровень рефлексии. Таким образом, анализ связи рискового сексуального поведения подростков, уровня развития познавательных процессов и особенностей формирования личности представляются актуальной задачей медицинской психологии, решение которой является необходимым условием научного обоснования профилактических мероприятий, направленных не только на снижение риска расстройств репродуктивного здоровья, но и нарушений психического развития и формирования личности.

Литература

Агарков С. Т., Кащенко Е. А. Сексуальность от зачатия до смерти: онтогенез сексуальности: Учеб. пособие. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011.

Алехин А. Н., Осташева Е. И. Особенности формирования личности в подростковом возрасте как индикаторы качества образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2013. № 6. С. 13–18.

Кон И. С. Подростковая сексуальность на рубеже XXI века. Социально-педагогический анализ. Дубна: Феникс+, 2001.

Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

Светличная Т. Г., Мосягин И. Г., Губерницкая С. В. Анализ мировых тенденций сексуальной культуры в XX–XXI веках // Экология человека. 2012. № 7. С. 42–49.

К вопросу о влиянии ситуации на креативность в социальном взаимодействии старших школьников*

М. Ю. Антропова, Н. В. Мешкова (*Москва*)

Интерес к влиянию ситуации на креативность возник в 70-х годах прошлого века при обнаружении влияния вознаграждения на креативность детей (Hennessey, 2003). За рубежом основной массив исследований сфокусирован на предметной и вербальной креативности в ситуациях оценивания, соревнования, ожидания вознаграждения, ограничения времени на ответ, манипулирования страхом смерти, состояния ностальгии (Мешкова, 2015), при этом неисследованной остается проблема ситуации угрозы ценностям. Что касается исследований креативности в социальном взаимодействии, то их явно недостаточно даже за рубежом. Под креативностью в социальном взаимодействии понимается способность личности находить оригинальное решение в социальных ситуациях таким образом, чтобы оно максимально соблюдало интересы данной личности и минимально нарушало интересы других людей, вовлеченных в ситуацию (Мешкова, Ениколопов, 2016).

Цель нашего поискового исследования – выявить влияние ситуации на креативность в социальном взаимодействии на примере старшеклассников. Предмет исследования – креативность при ре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00608.

шении проблем в социальном взаимодействии; объект исследования – взаимодействие креативности и ситуации у школьников старших классов.

Задачи исследования: 1) изучение показателей креативности (беглость и оригинальность) в различных ситуациях негативной и положительной коннотации; 2) выявление взаимосвязи показателей креативности и ценностей.

Основная гипотеза исследования: существуют различия в показателях креативности, обусловленные ситуационными характеристиками. Для подтверждения основной гипотезы были выдвинуты частные гипотезы-следствия, согласно которым, во-первых, существуют различия в показателях беглости в ситуации с негативной и положительной коннотацией; а во-вторых, существуют различия в показателях вредоносной креативности, обусловленные ценностями личности.

В поисковом исследовании приняли участие 52 старшеклассника в возрасте 15–17 лет из двух школ г. Москвы (из них – 33 девочки и 19 мальчиков) – гимназии (29 учащихся) и среднего общеобразовательного учреждения с дополнительным образованием театрально-музыкальной (далее – творческой) направленности (23 учащихся).

Испытуемым был предложен блок из трех социальных ситуаций для выявления креативного потенциала: две ситуации с негативной коннотацией – обиды и анонимности – для диагностики вредоносной креативности (задание состояло в том, чтобы написать как можно больше оригинальных идей анонимной мести обидчику – антисоциальная креативность). В третьей ситуации респонденты придумали как можно больше оригинальных идей поздравления друга с днем рождения (просоциальная креативность). При обработке полученных данных учитывалось количество ответов на каждую социальную ситуацию (беглость) и оригинальность ответов. В случае просоциальной ситуации ответы рассматривались и по нанесению вреда.

Также был использован Портретный ценностный опросник Шварца – пересмотренный (PVQ-R) (Шварц и др., 2012).

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе поискового эмпирического исследования были получены следующие результаты беглости ответов в социальных ситуациях.

В общей выборке: а) корреляция показателей беглости в ситуациях с негативной коннотацией (социальные ситуации № 1 и № 2), значимая на уровне $p<0,01$; б) отсутствие корреляций показателей беглости ситуаций № 1 и № 2 с показателями беглости социальной ситуации с позитивной коннотацией (социальная ситуация № 3); в) корреляция беглости агрессивных ответов в ситуации № 3

с беглостью в социальной ситуации № 1 (коэффициент корреляции $p<0,05$); г) отсутствие значимых различий по показателям креативности во всех трех ситуациях.

Детальное изучение обеих групп дало следующие зависимости: а) в группе учащихся творческой школы выявлена корреляция показателей беглости в ситуациях с негативной коннотацией ($p<0,05$); б) в группе учащихся гимназии – корреляция показателей беглости в ситуациях с негативной коннотацией ($p<0,01$) и корреляция беглости агрессивных ответов в просоциальной ситуации с беглостью в асоциальных ситуациях ($p<0,05$ и $p<0,01$ соответственно). Также в обеих группах отсутствуют корреляции показателей беглости асоциальных ситуаций (антисоциальная креативность) с показателями беглости просоциальной креативности.

При сравнении выборок по критерию Манна–Уитни были выявлены значимые различия между двумя группами учащихся в показателях беглости в ответах по второй социальной ситуации. У старшеклассников гимназии беглость в данной ситуации значимо выше, по сравнению с учащимися школы творческого профиля ($p<0,05$).

Наличие между группами испытуемых значимых различий в показателях беглости в социальной ситуации № 2 свидетельствует о том, что испытуемых одной из групп (в данном случае, учащихся в школе не с творческой направленностью) в большей степени задела именно она. Суть ее состояла в том, чтобы придумать как можно больше оригинальных идей мести за причиненный ущерб – пролитие супа на участника ситуации. Значимость ее попробуем объяснить с помощью различий в уровне высшей ценности «Самоутверждение». Согласно Ш. Шварцу, ценности самоутверждения входят в стремление к удовлетворению собственных интересов (Шварц и др., 2012), а данная ситуация может создавать угрозу статусу подростка в группе, она и «зацепила», проявившись в повышенных показателях беглости по сравнению с другой группой испытуемых. Отметим, что в этой группе выявлены значимо высокие показатели по ценностям«Достижение», «Власть (ресурсы)», «Власть (достижение)», «Безопасность (личная)» ($p<0,05$; по критерию Манна–Уитни), как и по шкале «Самоутверждение», являющейся ценностью высокого порядка ($p<0,01$; по критерию Манна–Уитни).

Что касается ответов респондентов, которые можно рассматривать как наносящие вред (намеренный или не намеренный) в просоциальной ситуации, то приведем некоторые из ответов: придумать квест, где злодеями и персонажами будут близкие люди; вылить утром воду в кровать именинника; подстеречь друга на улице, надеть

мешок на голову, связать и посадить в машину; на улице кинуть ему торт в лицо; напугать. Интересно, что данные ответы принадлежат не только юношам, но и девочкам-старшеклассницам. В целом же девочки-старшеклассницы оказались более изощренными в мести за нанесенную обиду. Например: заставить обидчика сдавать ЕГЭ столько раз, пока он не получит 100 баллов (испытуемая № 2 из школы творческой направленности) и стать его куратором в игре «Синий кит» (испытуемая № 5 из гимназии). Пример оригинального ответа старшеклассника (испытуемый № 26 из гимназии): вырасти, стать учителем и отбить у детей обидчика желание учиться.

В нашем исследовании выявлялись параметры асоциальной и просоциальной креативности. Согласно полученным данным, эти два вида креативности не являются единым конструктом, что подтверждается отсутствием корреляции показателей беглости в асоциальных ситуациях и просоциальной ситуации, что дает возможность рассматривать вредоносную креативность как самостоятельный вид креативности.

Таким образом, полученные зависимости показывают наличие взаимосвязи ценностей и вредоносной креативности, а также отсутствие связи между показателями беглости в ситуациях с негативной и позитивной коннотацией, что подтверждает обе – частные и общую – гипотезы.

Выводы

1. Можно выделить два типа креативности в социальном взаимодействии: вредоносная/антисоциальная и просоциальная.
2. Ситуация и легитимность задачи играют важную роль в использовании творческого потенциала для нанесения вреда.
3. Значимость ситуации, в которой используется творческое мышление, может определяться ценностями личности.
4. Вредоносная креативность не имеет гендерных ограничений. Подростки обоих полов продуцируют идеи мести, даже в ситуациях с позитивной коннотацией. Данный факт нуждается в дальнейшем осмыслении и исследовании с точки зрения личностных и темпераментальных характеристик.
5. При диагностике вредоносной креативности не следует ограничиваться одной социальной ситуацией, поскольку в незначимых для подростка ситуациях ее можно не обнаружить. Одна социальная ситуация при выявлении асоциальной креативности может привести к ложным выводам об отсутствии негативного креативного потенциала у диагностируемых.

Литература

Мешкова Н. В. Современные зарубежные исследования креативности: социально-психологический аспект // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 8–21.

Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н. Направления исследования креативности в социальном взаимодействии// Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 118–128.

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

Hennessey B. A. The social psychology of creativity // Scand. Journ. Educ. Res. 2003. V. 47. № 3. P. 253–271.

Активация базальных ядер при различных типах вознаграждения: метаанализ фМРТ исследований*

М. Арсалиду (*Москва, Торонто*), *С. Виджайараджах* (*Торонто*), *М. Г. Шараев* (*Москва*)

Возможность получить вознаграждение – важный источник мотивации для всех биологических видов. Как животные, так и люди адаптируют свое поведение с целью получить вознаграждение. Человек дополнительно использует когнитивные процессы, такие как сложная аргументация, интроспекция и принятие решений, при выборе типа поведения, приводящего к вознаграждению. Решения, приводящие к вознаграждениям, управляют повседневными действиями отдельного человека, а на больших масштабах – экономикой и политическим курсом страны.

Цель работы. При изучении процессов вознаграждения были обнаружены некоторые вовлеченные в эти процессы области мозга, однако специфические роли этих областей (например, таких, как прилежащее ядро, хвостатое ядро, путамен и бледный шар) остаются неясными. Целью настоящей работы было выяснить роли отдельных частей базальных ядер при различных типах вознаграждения по данным большого числа фМРТ исследований.

* Выражаем благодарность Российскому научному фонду за поддержку № 17-18-01047.

Методы

Используя те же методы поиска литературы, что в работе Sescousse et al. (2013), были сформированы три поисковых запроса для фМРТ исследований по денежным, пищевым и эротическим вознаграждениям в поисковой системе PubMed. Поиск денежных, пищевых и эротических вознаграждений проводился по ключевым словам: (money OR monetary OR financial) AND reward AND (fMRI OR neuroimaging); (food OR taste OR juice) AND (reward OR pleasant) AND (fMRI OR neuroimaging); (erotic OR sexual) AND (stimuli) AND (fMRI OR neuroimaging).

Для оценки активации, связанной с типичной обработкой вознаграждения, для метаанализа отбирались эксперименты, в которых принимали участие здоровые взрослые участники без вредных привычек. Исследования, в которых изучалось ожидание вознаграждения или содержащие субъективно незначимые стимулы, были исключены. Пищевое вознаграждение состояло в том, чтобы участник получал какую-то форму питания в качестве награды. Эротическое вознаграждение представляло собой демонстрацию фотографии или фильма эротического содержания. Количество экспериментов в каждой категории было значительно выше рекомендуемого в настоящее время порога 17–20 экспериментов (Eickhoff et al., 2016). Итого в метаанализ были включены: статьи с исследованием денежных (n=111 экспериментов, n=1182 областей активации) эротических (n=37 экспериментов, n=620 областей активации) и пищевых (n=52 эксперимента, n=608 областей активации) вознаграждений.

Метаанализ. Метаанализ проводился с использованием метода Activation Likelihood Estimation (ALE, версия 2.3.6) группы Brain Map (Eickhoff et al., 2016; Turkeltaub et al., 2002). Все координаты в системе MNI были преобразованы в систему Talairach, при помощи функции преобразования Ланкастера программного обеспечения Ginger ALE. Координаты активаций из исследований вознаграждения были объединены для создания 3D-карт, изображающих вероятность активации внутри каждого вокселя в шаблоне МРТ. Значимые области активации были определены в зависимости от того, была ли вероятность активации, связанной с вознаграждением большей по сравнению со случайным пространственным распределением активаций. Уровень значимости был выставлен с учетом поправки на множественные сравнения (на уровне кластера активаций) p=0,05 некорректированных p=0,001 (Eickhoff et al., 2016). Области интереса: го-

ловка и тело хвостатого ядра, путамен, латеральный и медиальный бледный шар были определены по анатомическим шаблонам TT: Deamon с использованием AFNI (Cox, 1996). Анатомические маски затем применялись к ALE-картам.

Результаты

В исследованиях приняли участие 5642 испытуемых. В общей сложности 3649 взрослых (49% мужчин, средний возраст – 27 лет) участвовали в экспериментах с денежным вознаграждением; в экспериментах с эротическим вознаграждением участвовало 935 взрослых (68% мужчин, средний возраст – 27 лет); 1077 взрослых (33% мужчин, средний возраст – 25 лет) участвовали в экспериментах с пищевым вознаграждением.

Денежное вознаграждение. Задачи, связанные с денежным вознаграждением, активируют обширный набор областей. Наибольший кластер активаций находится в правой части головки хвостатого ядра; этот кластер распространяется и на левое полушарие, включает в себя области в левой головке хвостатого ядра, стволе мозга и билатеральной островковой доле. Кластер с наибольшей вероятностью быть обнаруженным имеет максимум на левой области передней поясной коры (BA 32). Кластер также включает в себя левую часть медиальной фронтальной извилины (BA 10).

Эротическое вознаграждение. Самый большой кластер активации для эротических стимулов имеет максимум в левом таламусе, также включает в себя билатеральную головку хвостатого ядра и миндалину. Активные области с наибольшей вероятностью быть обнаруженными находятся в затылочно-височных областях (BA 37).

Пищевое вознаграждение. Самый большой кластер активации в экспериментах с пищевым вознаграждением также является кластером, с наибольшей вероятностью быть обнаруженным и достигает максимума в правой островковой доле; другие области включают путамен, клауструм, таламус и головку хвостатого ядра в обоих полушариях.

Обсуждение

В ходе работы были проанализированы данные исследований фМРТ, связанных с денежным, эротическим и пищевым вознаграждением. Найдены общие и различные корковые и субкортикальные области, активирующиеся в зависимости от типа вознаграждения. Например, денежное вознаграждение вызывает обширную активацию в поясной коре и в левой медиальной фронтальной извилине, BA 10. Эротические стимулы вызывают обширную активацию в фузиформной из-

вилине и в медиальной фронтальной извилине BA 10, а также в инфериофронтальной извилине, тогда как пищевое вознаграждение вызывают обширную активацию в островковой доле и в правой инфериофронтальной извилине (BA 47).

Общим для всех типов вознаграждений является активация, наблюдаемая в базальных ядрах. Базальные ядра играют решающую роль в обработке вознаграждений. Все типы вознаграждений показывают согласованную активацию в головке и теле хвостатого ядра, путамене, медиальном и латеральном бледном шаре.

Области интереса: базальные ядра. В исследованиях всех видов вознаграждений наблюдаются согласованные паттерны активаций с максимумами на головке хвостатого ядра и латерального бледного шара. Кластеры с максимумами на теле хвостатого ядра наблюдаются при эротическом и пищевом вознаграждении, тогда как кластеры с максимумами на путамене наблюдаются при денежном и пищевом вознаграждении.

Согласованной активации не наблюдалась для хвоста хвостатого ядра. Отметим, что, хотя максимумы кластеров активации найдены на разных ядрах, в большинстве случаев кластеры большие и распространяются на смежные структуры. Например, хотя общий пик кластеров активации для всех типов вознаграждения не наблюдался в прилежащем ядре, только активация при денежном вознаграждении имеет надпороговые вокселы в этой структуре.

Данные фМРТ здоровых взрослых людей показывают, что базальные ядра участвуют во всех типах движения тела, когнитивных задачах, связанных с рабочей памятью и принятием решений, а также эмоциями и вознаграждением (Arsalidou et al., 2013). Наши текущие данные согласуются с прошлыми результатами в том, что процессы вознаграждения затрагивают все ядра базальных ядер; хотя в предыдущей работе (Arsalidou et al., 2013) не описано, какие именно части базальных ядер активируются в зависимости от типа вознаграждения. Настоящая работа восполняет этот пробел.

Литература

Arsalidou M., Duerden E. G., Taylor M. J. The centre of the brain: Topographical model of motor, cognitive, affective and somatosensory functions of the basal ganglia // Human brain mapping. 2013. V. 34. № 11. P. 3031–3054.

Cox R. W. AFNI: Software for analysis and visualization of functional magnetic resonance neuroimages // Computer biomedical researches. 1996. V. 29. № 3. P. 162–173.

Eickhoff S. B., Laird A. R., Fox P. M., Lancaster J. L., Fox P. T. Implementation errors in the GingerALE Software: Description and recommendations // Human brain mapping. 2017. V. 11. № 604102. P. 7–11.
Turkeltaub P. E., Eden G. F., Jones K. M., Zeffiro T. Meta-analysis of the functional neuroanatomy of single-word reading: method and validation // Neuroimage. 2002. V. 16. № 3. P. 765–780.

Биологическая обратная связь как психофизиологический метод воздействия при тревожно-депрессивных состояниях

Е. Н. Артемьева, А. Г. Соловьев (*Архангельск*)

Число лиц, страдающих тревожно-депрессивными расстройствами, растет с каждым годом, что связано с многочисленными факторами, включая характер профессиональной деятельности с постоянным напряжением внимания и психоэмоциональной напряженностью (Зарипов, Потапов, Ашанина, 2015), перманентным пребыванием в состоянии стресса из-за регулярных переживаний (Киворкова, Соловьев, Боев, 2015) и т. д. Тревожно-депрессивные состояния (ТДС), как правило, имеют затяжной характер и деструктивно влияют, в первую очередь, на психоэмоциональное и психофизиологическое состояние человека. Известно, что медикаментозное их лечение нередко оказывается недостаточно эффективным, а также может вызывать побочные явления (Мельников, Смекалкина, 2014); в дополнение к фармакологическому лечению или альтернативой к нему будет актуальным поиск нелекарственных методов терапии (Старостин и др., 2012). Среди современных немедикаментозных методов психокоррекции ТДС одним из перспективных является метод биологической обратной связи (БОС).

Целью исследования явилось обоснование особенностей использования БОС как психофизиологического метода воздействия при ТДС.

Принцип действия метода БОС основан на возможности адекватно реагировать на работу своего организма, регулировать психическое, эмоциональное и физиологическое состояние; во многом эффективность тренингов БОС будет зависеть от уровня мотивации самого человека, его волевых свойств, способности к удержанию внимания, а также личностных качеств (Унакафов, 2008). В зависимости от воздействия на ту или иную область тела человека для получения психофизиологической информации и дальнейшей работы

с нею при ТДС применяются следующие виды БОС: электроэнцефалографический, температурно-миографический, миорелаксационные тренинги, тренинг по кожно-гальванической реакции и на стабилометрической платформе и др.

Механизм воздействия метода БОС при ТДС непосредственно связан с когнитивной, эмоционально-волевой, мотивационной составляющими личности, значимая роль отводится также поведенческому компоненту; поэтому от индивидуальной специфики данных сфер, а также от особенностей психических функций, таких как восприятие, память, мышление, будет зависеть эффективность тренингов с БОС. Так, например, хорошо развитые интеллектуальные качества и способности могут помочь человеку быстрее обнаружить наличие взаимосвязи между непроизвольными функциональными системами организма и собственными психическими процессами.

Методика проведения тренинга БОС при ТДС связана со спецификой возможности удерживать значения показателей собственного организма в пределах допустимых значений и тем самым способствовать поддержанию функционального состояния организма, в целом. Для сознательного изменения параметров БОС, в частности, увеличения активности альфа-ритма, человеку необходимы отработанные в ходе сеансов БОС умения психической саморегуляции, волевых усилий и концентрации внимания. С течением систематической работы над изменением своего состояния умения по саморегулированию и самоконтролю для изменения параметров тех или иных функций организма могут перейти в навыки; посредством произвольной саморегуляции возможно изменение работы непроизвольных функциональных систем организма.

Поскольку метод БОС-тренинга является средством воздействия на механизмы работы мозга, важно учитывать индивидуальные закономерности мозговой деятельности конкретного человека, ее нейродинамики, с учетом выявленных особенностей – проводить коррекцию нейродинамических процессов, в связи с чем возможен подбор индивидуального курса тренингов. Психокоррекция с использованием метода БОС при ТДС может сочетаться с различными видами психотерапии, в частности, с рациональной и кататимно-имагинативной, а также с релаксационными и поведенческими техниками. Терапевтический процесс может проходить в игровой форме, с использованием визуальной и акустической стимуляции, что, как правило, вызывает у лиц с ТДС положительную эмоциональную реакцию и желание проходить повторные курсы реабилитации (Киворкова, Соловьев, Боев, 2015). Одним из возможных

побудительных мотивов к занятиям с БОС является психологическое консультирование, в ходе реализации основной цели которого – поиска совместно с психологом способов решения имеющихся проблем – человеку дается установка на то, чтобы посредством внутренних психических действий выстраивать собственную работу над изменением психической и физической составляющих своего состояния. При этом для лиц с ТДС, как правило, характерны такие дисфункциональные психические состояния, как психическая напряженность, беспокойство, фрустрация, что сказывается, прежде всего, на их самосознании: появляются частые сомнения в себе, понижается самооценка. Успехи в ходе тренингов с БОС, когда человек видит результат свой активной работы – изменение показателей нарушенных психофизиологических параметров организма, помогают улучшить его психоэмоциональное состояние, уменьшить напряжение, пробудить заинтересованность в достижении результата, повысить самооценку, что является особенно важным для лиц с ТДС; сеансы с БОС могут помочь человеку отвлечься от своих переживаний. В связи с этим можно говорить о том, что метод БОС в процессе занятий осуществляет психотерапевтическую, психостимулирующую и психорелаксационную функции.

Таким образом, использование БОС как психофизиологического метода воздействия при ТДС посредством волевых усилий, мотивационных и личностных качеств человека, способствует активизации психофизиологических механизмов саморегулируемого поведения, психологической самоадаптации, включающей сложные когнитивные и эмоциональные механизмы обеспечения целенаправленных действий.

Литература

Зарипов А. А., Потапов Р. В., Ашанина Е. Н. Современные представления об использовании принципа биологической обратной связи в коррекции функционального состояния организма у сотрудников силовых ведомств при сменном режиме деятельности // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2015. № 2. С. 86–99.

Киворкова А. Ю., Соловьев А. Г., Боев И. В. Применение биологической обратной связи в медико-психологической реабилитации жен военнослужащих // Экология человека. 2015. № 9. С. 3–6.

Мельников А. И., Смекалкина Л. В. Современные подходы к восстановительному лечению невротических депрессий с применением нелекарственных методов // Валеология. 2014. № 1. С.25–30.

Старостин О. А., Соловьев А. Г., Барачевский Ю. Е., Мусаев Р. Б. Коррекция нарушений психофизиологических функций у специалистов опасных профессий путем сочетанного использования разномодальных физических факторов // Экология человека. 2012. № 5. С. 36–40.
Унакафов А. М. Адаптивный метод программно-аппаратной поддержки процессов тренировки эмоционального контроля человека // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 6. С. 37–41.

Взаимосвязь между стилем вождения автомобиля и реакциями на провокацию агрессии женщин-водителей

Н. С. Астрейко (*Минск*)

Под стилем вождения автомобиля следует понимать совокупность устоявшихся способов действий водителя на дороге во время движения, обусловленных рядом личностных и ситуационных факторов, определяющих уровень безопасности (аварийности) на дороге. В ряде исследований эмоциональное и поведенческое реагирование водителей на провокацию агрессии рассматривается как ситуационная детерминанта стиля вождения автомобиля.

С целью проверки данного предположения было проведено изучение взаимосвязи между стилем вождения автомобиля и реакциями на провокацию агрессии для женщин-водителей. В качестве метода было выбрано анкетирование. Выборка для данного исследования состояла из респондентов в возрасте от 18 до 51 лет (средний возраст – 30,3 года) в количестве 190 чел.

Для проведения исследования использовались следующие методики:

– многофакторный опросник стиля вождения О. Таубман-Бен-Ари в адаптации И. А. Фурманова и Н. С. Астрейко, состоящий из 8 шкал: диссоциативный, терпеливый, опасный, агрессивный, высокоскоростной, безаварийный, тревожный, осторожный стили вождения (Фурманов, Астрейко, 2016);
– опросник провокации агрессии, разработанный Д. О'Конер и адаптированный В. В. Воловиковой – инструментарий направлен на определение способов реагирования в ситуациях провокации агрессии (Фурманов, 2007), состоит из 12 ситуаций, в которых окружающие ведут себя враждебно или провокационно. К шкалам эмоционального реагирования относятся: злость,

гнев; радость, печаль, горе; страх. К шкалам поведенческого реагирования – активная агрессия, пассивная агрессия, подавление агрессии, ассертивность, бегство (уход из ситуации).

Вне зависимости от пола были выявлены следующие взаимосвязи показателей стилей вождения автомобиля и эмоционального реагирования на провокацию агрессии:

- положительная взаимосвязь между злостью, гневом и агрессивным ($r=0,22$, $p\leqslant0,01$), высокоскоростным ($r=0,19$, $p\leqslant0,01$) стилями вождения и отрицательная взаимосвязь с терпеливым ($r=-0,16$, $p\leqslant0,05$) и осторожным ($r=-0,12$, $p\leqslant0,05$) стилями;
- положительная взаимосвязь между радостью и опасным ($r=0,19$, $p\leqslant0,01$) стилем вождения.

К тому же, вне зависимости от пола, установлена взаимосвязь между показателями стилей вождения автомобиля и реакциями респондентов на провокацию агрессии:

- положительная взаимосвязь между активной агрессией и опасным ($r=0,27$, $p\leqslant0,01$), агрессивным ($r=0,32$, $p\leqslant0,01$), высокоскоростным ($r=0,19$, $p\leqslant0,01$) стилями вождения и отрицательная взаимосвязь с терпеливым ($r=-0,21$, $p\leqslant0,01$) стилем вождения автомобиля;
- положительная взаимосвязь между пассивной агрессией и опасным ($r=0,13$, $p\leqslant0,05$) стилем вождения;
- отрицательная взаимосвязь между подавлением агрессии и тревожным ($r=-0,13$, $p\leqslant0,05$) стилем вождения;
- положительная взаимосвязь между ассертивной реакцией на провокацию агрессии и высокоскоростным ($r=0,13$, $p\leqslant0,05$) стилем вождения;
- отрицательная взаимосвязь между бегством, уходом из ситуации и тревожным ($r=-0,17$, $p\leqslant0,01$) стилем вождения.

Корреляционный анализ выявил наличие взаимосвязи между показателями стиля вождения автомобиля и эмоционального реагирования на провокацию агрессии для женщин:

- положительная взаимосвязь между злостью, гневом и агрессивным ($r=0,28$, $p\leqslant0,01$), высокоскоростным ($r=0,18$, $p\leqslant0,05$) стилями вождения и отрицательная взаимосвязь с терпеливым ($r=-0,21$, $p\leqslant0,05$) и осторожным ($r=-0,17$, $p\leqslant0,05$) стилями;
- положительная взаимосвязь между радостью и опасным ($r=0,23$, $p\leqslant0,01$) стилем вождения.

Кроме того, для женщин установлена взаимосвязь между показателями стилей вождения автомобиля и реакциями респондентов на провокацию агрессии:

– положительная взаимосвязь между активной агрессией и опасным ($r=0,31$, $p\leqslant0,01$), агрессивным ($r=0,23$, $p\leqslant0,01$) стилями вождения;
– положительная взаимосвязь между пассивной агрессией и высокоскоростным ($r=0,19$, $p\leqslant0,05$) стилем вождения;
– положительная взаимосвязь между ассертивной реакцией на провокацию агрессии и высокоскоростным ($r=0,21$, $p\leqslant0,05$), терпеливым ($r=0,19$, $p\leqslant0,05$) стилями вождения;
– отрицательная взаимосвязь между бегством, уходом из ситуации и тревожным ($r=-0,22$, $p\leqslant0,05$) стилем вождения.

Таким образом, стиль вождения автомобиля для женщин-водителей обусловлен рядом поведенческих (активная и пассивная агрессия, подавление агрессии, ассертивная реакция, бегство) и эмоциональных (злость, гнев и радость) реакций на провокацию агрессии.

Литература

Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция. СПб.: Речь, 2007.

Фурманов И. А., Астрейко Н. С. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения // Философия и социальные науки. 2016. № 2. С. 88–93.

Перспективы семейной жизни молодых супругов в контексте планирования рождения ребенка*

А. В. Афонина, Е. А. Ипполитова (*Барнаул*)

Актуальность исследования перспектив семейной жизни молодых супругов обусловлена изменениями социальной ситуации, затрагивающей сферу семейных отношений, трансформацией ценностей и целей в сферах семьи и брака.

В современной психологии проблематика жизненных перспектив выступает актуальной областью исследования обобщенных

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-36-00023 «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире».

представлений человека о будущем, конкретизирующихся в аспекте изучения возможных направлений его самореализации, в том числе в семейной сфере (К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Н.С. Пряжников, И.А. Ральникова и др.). С точки зрения К.А. Абульхановой-Славской, при создании семьи объединяются жизненные перспективы разных людей. В большинстве случаев жизненной перспективой в семье для женщины является ребенок, а мужчина порой не находит в его рождении и воспитании значимой для себя перспективы. В этом случае перспективы мужчины и женщины оказываются в противоречии, что нередко ведет к разрушению семьи (Абульханова-Славская, 1991).

Практически каждые мужчина и женщина, достигшие половой зрелости, имеют потенциальную возможность стать родителями. Переход мужчины к состоянию отцовства, а женщины к материнству, т.е. к рождению у них первого ребенка, – значимое событие в их жизни, прежде всего семейной жизни. Важность этого события часто недооценивается. Биологическая способность быть родителями не всегда совпадает с психологической готовностью к выполнению этой роли. Родительство является сложной динамической структурой, включает родительские ценности, установки и ожидания, родительское отношение, родительские чувства, родительские позиции, родительскую ответственность, стиль семейного воспитания (Овчарова, 2005), которые в целом должны гармонично вписаться в картину будущей семейной жизни молодых супругов. Таким образом, особую остроту проблема планирования жизненных перспектив молодых супругов приобретает на этапе планирования рождения ребенка.

В связи с этим было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 19 супружеских пар: 38 работающих мужчин и женщин в возрасте 21–29 лет, состоящих в бездетном браке от 1 года до 4 лет. Комплекс методов исследования включил методы сбора эмпирических данных (анкетный опрос, психологическое тестирование – модифицированные Е.А. Ипполитовой варианты методик Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» и психологического инструмента жизненного выбора А.Г. Шмелева), статистические методы анализа данных (описательные статистики, критерий U-Манна–Уитни).

Анализ результатов анкетного опроса показал, что все супружеские пары планируют зачатие и рождение ребенка в ближайшие пять лет. Выявлено, что ценностно-смысловое содержание жизненных перспектив молодых супругов отражает их ориентированность

на взаимную поддержку, доверие, любовь, верность, разнообразное времяпрепровождение. Следовательно, на этапе создания семьи мужчинам и женщинам в равной степени важно иметь доверительные отношения, сохранять традиционные ценности любви и верности, при этом иметь возможность развлекаться, получать новые впечатления. Вместе с тем применение U-критерия Манна–Уитни ($p \leqslant 0{,}001$) позволило установить, что если для женщин более важны в семейных отношениях взаимопонимание и рождение детей, то для мужчин более ценны сексуальное удовлетворение и материальное благосостояние. Можно предположить, что выявленные семейные ценности демонстрируют значимость для женщины, состоящей в браке и не имеющей детей, принятия и понимания супругом ее целей, желаний, стратегий поведения, а также планирования, подготовки к зачатию и рождения ребенка. В то время как для мужчин, состоящих в бездетном браке, важен больше физический комфорт, связанный с удовлетворением сексуальных потребностей и улучшением материальной основы семьи.

Рассмотрим результаты исследования представлений о возможностях достижения семейных ценностей супругов, состоящих в бездетном браке. Почти все ценности являются в одинаковой мере доступными для обоих партнеров, которые уверены в возможности достижения в будущем доверительных отношений, любви, верности, уважения, разнообразного времяпрепровождения, материального благосостояния. Однако есть некоторые различия. Для женщин, состоящих в бездетном браке, более доступным представляется достижение со своим супругом общности интересов ($p=0{,}002$), тогда как наличие детей является для них менее доступной ценностью ($p \leqslant 0{,}001$), так как они понимают всю сложность зачатия и вынашивания ребенка. Мужчины же испытывают больше затруднений относительно видения путей достижения взаимности интересов с супругой, увлечений, но испытывают уверенность относительно возможности самореализации себя в родительстве.

Обратимся теперь к анализу жизненных целей молодых супругов. Мы видим, что женщины, по сравнению со своими мужьями, в большей степени склонны выдвигать цели по поводу улучшения психологического климата семьи (понимание, уважение друг друга, совместные путешествия, проведение общего досуга, забота о здоровье и т. п.) и рождения детей ($p \leqslant 0{,}001$). Тогда как карьерный рост и материальное обеспечение семьи планируется ими в гораздо меньшей степени ($p \leqslant 0{,}001$). Возможным объяснением этого является максимальная включенность молодых жен в семейные отношения, что,

скорее всего, связано с актуальностью на данном возрастном этапе самореализации женщины именно в семейной сфере, значимости рождения и воспитания детей. Мужчины, в отличие от супруг, в большей степени планируют создание материальной основы семьи (покупку жилья, машины, переезд от родителей) и карьерный рост (повышение по службе, переход на более оплачиваемую работу). Менее актуальным для них является рождение детей и почти не важным – улучшение психологического климата семьи. Можно предположить, что мужчины на данном возрастном этапе занимаются самореализацией в профессиональной сфере с целью улучшения материального положения семьи.

Таким образом, в современных социальных условиях при наличии некоторой совместной основы жизненных перспектив молодых супругов, в равной степени ориентированных на традиционные ценности любви и верности, создание доверительных отношений, присутствует опасная с точки зрения сохранности брака тенденция – несогласованность перспектив по ряду ценностных ориентиров и содержанию жизненных целей. Жизненные перспективы женщины в семье сконцентрированы на взаимопонимании с партнером, зачатии, вынашивании и рождении ребенка, а мужчины, ценящие физический комфорт больше, планируют самореализацию в профессиональной сфере.

Литература

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
Овчарова Р. В. Психология родительства. М.: Академия, 2005.

Изучение саморазвития детей младшего школьного возраста городской и сельской школ

Г. С. Ахтямова (*Казань*)

Проблема саморазвития детей постоянно находится под пристальным вниманием педагогов и психологов на протяжении многих лет. Ведь важно, чтобы будущее поколение умело самостоятельно принимать решение, мыслить, применять на практике полученные знания, стремилось к развитию собственных способностей, достигало определенных целей и умело находить выход из любой ситуации.

К данной теме в своих исследованиях обращались многие зарубежные и отечественные ученые, педагоги и ведущие психологи. К примеру, Ш. Амонашвили считал, что младшешкольное детство –

наиболее благоприятный период для развития; позже страсть к развитию слабеет, и то, что не достигнуто в это время, не будет доведено до совершенства и даже, может быть, будет утеряно. Согласно взглядам В. В. Давыдовой, Л. И. Божович, учащиеся, начиная уже с младшего школьного возраста, способны самостоятельно ставить цели и анализировать собственные действия (Цукерман, 1997).

Целью нашего исследования является изучение уровня саморазвития у учащихся начальной школы городской и сельской местности.

В качестве *гипотез* нами были выдвинуты следующие положения: 1) уровень саморазвития учащихся городской и сельской школ несущественно отличаются; 2) уровень саморазвития зависит от мотивации, условий обучения и самодисциплины.

В исследовании принимали участие учащиеся начальной школы МБОУ «Русско-татарская средняя общеобразовательная школа № 129» Приволжского района г. Казани – 3–4 классы, 79 чел.; младшие школьники МБОУ «Габишевская средняя общеобразовательная школа имени Махмута Ахметовича Гареева» Лаишевского муниципального района Республики Татарстан – 3–4 классы, 70 чел.

Для исследования саморазвития у детей были использованы следующие методы: 1) теоретический анализ психолого-педагогической литературы; 2) эмпирические методы, такие как анкетирование, наблюдение, опрос, тестирование и беседа; 3) методика «Определение уровня саморазвития». Для статистического анализа результатов исследования применялась программа Excel 2010.

В результате проведенного исследования мы получили следующие данные:

1) из 79 учащихся МБОУ «Русско-татарская средняя общеобразовательная школа № 129» Приволжского района г. Казани 50 человек показали высокий уровень саморазвития, 21 чел. – средний и 8 – низкий;
2) из 70 учащихся МБОУ «Габишевская СОШ им. М. А. Гареева» Лаишевского муниципального района РТ 45 чел. – высокий, 15 – средний, 10 – низкий;
3) наблюдались средние показатели в категории «Мотивация» среди учащихся сельской школы, младшие школьники городской школы показали высокий результат;
4) уровень самодисциплины и целеустремленности были достаточно высоки у учащихся обеих школ.

Результаты тестирования выявили несущественные различия в ответах учащихся сельской и городской школ. Из этого следует, что само-

развитием занимаются младшие школьники общеобразовательных учреждений сельского и городского типов. Кроме того, такие факторы, как мотивация и самодисциплина, также влияют на уровень саморазвития школьников младшего школьного возраста. Таким образом, наша гипотеза оказалась верной.

Литература

Цукерман Г.А. Психология саморазвития: Задача для подростков и их педагогов. Рига: Эксперимент, 1997.

Роль толерантности к неопределенности в становлении профессионального образа мира*

А. В. Барканова, О. В. Балина (*Томск*)

Несмотря на то, что современные требования к качеству подготовки выпускников вузов регламентируются ФГОС поколения 3+, исследователи и практики отмечают их недостаточную готовность к началу самостоятельной профессиональной деятельности, в особенности это касается выпускников гуманитарных специальностей (Колтунова, 2014). В этой связи обращение к исследованию специфики профессионального образа мира человека на разных этапах его личностно-профессионального становления представляет значительный научный и практический интерес. Именно эта научная категория отражает, в какой степени выпускники вузов осознают ценность и смысл действий, которые составляют сущность их будущей профессиональной деятельности (Серкин, 2012; Козлова, Малкова, Щеглова, 2012).

Исследователи также отмечают значимость внутренних ресурсов человека (его личностный потенциал) для активного включения в самостоятельную профессиональную деятельность. Например, отмечается наличие специфики отдельных параметров личностного потенциала (жизнестойкость, самоорганизация, самодетерминация, рефлексивность, удовлетворенность жизнью) во взаимосвязи с успешностью личностно-профессионального становления на разных его этапах (Козлова, Овчинникова, 2016). Однако роль такого параметра личностного потенциала, как толерантность к неопределен-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 8.1.24.2017, финансируемого по Программе повышения конкурентоспособности ТГУ.

ности, в становлении профессионального образа мира выпускников остается недостаточно изученной, несмотря на то, что такое знание способно пролить свет на особенности данного процесса в условиях стремительно меняющегося мира. В недавних исследованиях показано, что этот параметр оказывается значимым при овладении деятельностью, требующей готовности действовать в неопределенных и неоднозначных ситуациях (Атаманова, 2014).

Таким образом, *цель* нашей работы заключалась в выявлении роли толерантности к неопределенности в проявлении специфики профессионального образа мира студентов-выпускников. Мы предположили, что толерантность к неопределенности как параметр личностного потенциала обуславливает особенности содержательных характеристик профессионального образа мира студентов-выпускников гуманитарного профиля, образующих его ядерный слой: базисные убеждения и ценностные карьерные ориентации.

Исследование проводилось на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет». В исследовании приняли участие студенты-выпускники факультета психологии (n=48) и факультета иностранных языков (n=24). Общую выборку составили 72 чел.

Вся выборка была поделена по степени выраженности толерантности к неопределенности (Шкала толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е. Г. Луковицкой) с использованием описательных статистик (квантили) на три группы: Группа 1 (n=18) – низкие значения – *Mn*=73,11; Группа 2 (n=39) – средние значения – *Mn*=97,59; Группа 3 (n=15) – высокие значения – *Mn*=117,80.

Для выявления роли толерантности к неопределенности в определении специфики содержательных характеристик профессионального образа мира, образующих его ядерный слой (базисные убеждения и ценностные карьерные ориентации), процедуре сравнительного анализа (t-критерий Стьюдента для независимых выборок) были подвергнуты данные выделенных групп, полученные по следующим методикам: 1) «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман, перевод и адаптация О. Кравцовой); 2) «Якоря карьеры» (Э. Шейн, перевод и адаптация В. Э. Винокуровой, В. А. Чикер, модификация С. А. Богомаза). Статистическая обработка собранного эмпирического материала осуществлялась с помощью пакета программ SPSS Statistica 23.0.

Результаты и их интерпретация. В отношении базисных убеждений анализ полученных результатов показал, что статистически значи-

мые различия (p<0,05) между выделенными для анализа группами (по степени выраженности толерантности к неопределенности) были выявлены между: 1) Группой 1 (низкая толерантность к неопределенности) и Группой 2 (средние значения по Шкале толерантности к неопределенности; 2) Группой 1 и Группой 3 (высокая степень толерантности к неопределенности.

В первом случае это межгрупповые различия проявились для таких шкал базисных убеждений, как «ценность собственного Я» (t=–2,977; p=0,004) и «степень удачи или везения» (t=–2,979; p=0,004). Другими словами, студенты-выпускники гуманитарного профиля со средними показателями по толерантности к неопределенности обладают большей самооценкой и в большей степени верят в удачу в сравнении с теми, у кого толерантность к неопределенности выражена слабо.

Студенты-выпускники гуманитарных специальностей с высокими показателями по Шкале толерантности к неопределенности также статистически достоверно (p<0,05) отличались от участников исследования с низкими показателями по этому параметру в отношении ценности собственного Я (t=–4,482; p=0,000) и степени удачи и везения (t=–2,417; p=0,022). Отметим, что самые высокие значения по такой шкале базисных убеждений, как «ценность собственного Я» (*Mn*=4,80), получены именно в группе с высокой степенью толерантности к неопределенности.

Кроме того, были найдены статистически достоверные межгрупповые различия (Группа 1 и Группа 3) и в отношении такого показателя базисных убеждений, как «доброта окружающего мира» (t=–2,058; p=0,048). Следовательно, студенты-выпускники гуманитарного профиля, обладающие высокой толерантностью к неопределенности, могут характеризоваться высокой самооценкой, большей степенью уверенности в благосклонности окружающего мира и везения в жизни.

Далее, сравнение степени выраженности ценностных карьерных ориентаций в выделенных для анализа группах не показало статистически достоверных (p<0,05) различий ни по одному из параметров («ориентация на служение», «ориентация на вызов», «ориентация на предпринимательство», «ориентация на свободу для», «ориентация на свободу от»). Однако полученные количественные значения по указанным показателям позволяют говорить о некоторой тенденции. В частности, Группа 3 (высокая толерантность к неопределенности) демонстрирует самые высокие значения по таким карьерным ориентациям, как «ориентация на служение» (*Mn*=5,77) и «ориентация на вызов» (*Mn*=4,00). А в Группе 2 (средний уровень

толерантности к неопределенности) отмечается наибольшее значение по показателю «ориентация на предпринимательство» (*Mn*=4,11). Возможно, определенный уровень толерантности к неопределенности способен быть своего рода маркером карьерных устремлений студентов-выпускников того или иного профиля. В пользу этого предположения выступают и результаты корреляционного анализа между толерантностью к неопределенности и ценностными карьерными ориентациями, проведенного в целом по выборке. Было выявлено наличие положительной статистически достоверной взаимосвязи между толерантностью к неопределенности и ориентацией на вызов (r=0,276; p=0,019).

Выводы

Исследование степени выраженности толерантности к неопределенности у студентов-выпускников гуманитарного профиля во взаимосвязи с содержательными характеристиками их профессионального образа мира, образующими его ядерный слой (базисные убеждения и ценностные карьерные ориентации), позволяет говорить о важной роли этого параметра личностного потенциала для понимания сущности процесса личностно-профессионального становления в условиях вуза. В частности, обнаружены статистически достоверные различия между группами выпускников с низкими, средними и высокими показателями по толерантности к неопределенности в отношении таких базисных убеждений, как «ценность собственного Я», «степень удачи или везения» и «доброта окружающего мира». В целом по выборке на статистически достоверном уровне выявлено наличие положительной взаимосвязи между толерантностью к неопределенности и карьерной ориентацией на вызов.

Литература

Атаманова И. В. Динамика становления профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности студентов технических специальностей // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 194–204.

Козлова Н. В., Малкова И. Ю., Щеглова М. С. Особенности профессионального образа мира студентов высшей школы (на материале сибирских вузов) // Сибирский психологический журнал. 2012. № 45. С. 20–27.

Козлова Н. В., Овчинникова Ю. В. Особенности образа мира личности на разных этапах личностно-профессионального становления // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 96–112.

Колтунова Ю. И. Трудности трудоустройства и профессиональной адаптации выпускников вузов// Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 24. С. 68–71.
Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 4. № 33. С. 78–90.

Предикторы выбора стратегии поведения в межкультурном конфликте

А. А. Батхина (*Москва*)

Современное общество во многих странах переживает глубинные социокультурные изменения. Такие процессы, как глобализация, вынужденная и добровольная миграция, развитие международных отношений, приводят к увеличению частоты межкультурных контактов. К сожалению, такое культурное «столкновение» нередко сопровождается возникновением непонимания, предубеждений и конфликтов. При этом внимание исследователей межкультурных отношений, как правило, обращено на изучение таких явлений, как негативные установки, предрассудки и стереотипы, в то время как межкультурный конфликт и его социально-психологические регуляторы изучены не так хорошо. Однако, как и любое другое межкультурное взаимодействие, межкультурный конфликт имеет ряд особенностей и осложняется воздействием различных факторов (Ting-Toomey, 2015). Для выработки инструментов мирного урегулирования межкультурных конфликтов необходимо понимать особенности их протекания и поведения их участников. Изучение предикторов поведения сторон конфликта поможет, с одной стороны, расширить представление о природе межкультурных конфликтов и отношений в целом и установить взаимосвязи между данными предикторами, а с другой стороны, поможет понять, какие параметры стоит учитывать при урегулировании конфликтов такого рода.

Проведенный анализ современной психологической литературы, посвященной изучению поведения участников межкультурного конфликта, показал, что наибольший интерес для дальнейшего исследования представляют социокультурные и ситуационные предикторы (Hammer, 2009; Marsella, 2011; Tong, Chen, 2008). К социокультурным факторам, влияющим на конфликтное поведение, в первую очередь, относят определенные ценности конкретной культуры, разделяемые

на индивидуальном уровне ее представителями. А в качестве ключевого ситуационного предиктора принято выделять такой феномен, как межгрупповая тревожность, т. е. тревога, связанная с ожидаемым или реальным взаимодействием с людьми из другой этнической или культурной группы. Стоит отметить, что влияние межгрупповой тревожности на конфликтное поведение пока что во многом остается теоретическим конструктом и недостаточно полно изучено в эмпирических работах (Oommen, 2013).

Таким образом, *цель* данного исследования заключается в выявлении взаимосвязи ценностей и межгрупповой тревожности с выбором стратегии поведения в межкультурном конфликте у представителей национального большинства в России, Германии и Израиле.

Основываясь на анализе предыдущих исследований, были выдвинуты следующие гипотезы.

Общая гипотеза: выбор одинаковых стратегий поведения в межличностном конфликте с представителем другой культуры членами групп национального большинства в разных странах может быть обусловлен сходным уровнем межгрупповой тревожности и сходными ценностными приоритетами.

Частные гипотезы

1. Высокий уровень межгрупповой тревожности связан с выбором таких стратегий поведения, как уход и доминирование.
2. Респонденты из культур с высоким уровнем индивидуализма или маскулинности будут предпочитать стратегии, ориентированные на достижение собственных интересов, а из культур с низким уровнем – стратегии, ориентированные на интересы другой стороны. Респонденты из культур с высоким уровнем избегания неопределенности будут предпочитать уход, а из культур с высоким уровнем дистанции власти – доминирование.
3. Респонденты со сходными ценностными приоритетами будут выбирать одинаковые стратегии конфликтного поведения.
4. Межгрупповая тревожность является модератором взаимосвязи ценностей с выбором стратегии поведения в межкультурном конфликте.

Методология исследования

Выборка будет представлена национальным большинством России, Германии, Израиля. Предполагаемый способ привлечения респондентов – «снежный ком», когда респонденты привлекаются при помощи коллег и знакомых.

Процедура исследования. Исследование планируется проводить в два этапа. На подготовительном этапе будет разрабатываться авторская методика по изучению предпочитаемых стратегий конфликтного поведения для российской, немецкой и израильской выборки. Помимо этого, при необходимости будут переведены и адаптированы другие методики.

Основной этап исследования будет направлен на проверку выдвигаемых гипотез. Он будет состоять из следующих шагов: привлечение респондентов в России, Германии и Израиле; предъявление им методик, приведенных ниже; статистическая обработка результатов; их анализ и интерпретация. При предъявлении методик респонденты из каждой страны будут случайным образом разделены на две группы. Каждая группа будет заполнять полный комплект методик, приведенных ниже, с единственным различием: первой группе будет предъявляться первый вариант авторского опросника по изучению предпочитаемых стратегий конфликтного поведения (конфликт с представителем чужой этнической группы), а другой группе – второй вариант опросника (конфликт с представителем своей этнической группы). Все остальные методики будут предъявлены обеим группам в одинаковом виде.

Методики. Для более полного и детального изучения выбора стратегии поведения в межкультурном конфликте было решено разработать собственную методику. Разработка методики будет происходить в несколько этапов. Сначала посредством интервью или открытого опроса будет производиться «сбор» наиболее типичных и обыденных конфликтных ситуаций, которые возникают в рабочей среде в каждой из изучаемых стран. Из собранных конфликтных ситуаций будут выбраны те, которые являются общими для всех стран. Эти ситуации войдут в итоговый опросник в виде конфликтных сценариев, где оппонентом будет выступать либо представитель собственной этнической группы (версия опросника № 1), либо представитель чужой этнической группы – мигрант (версия опросника № 2). Затем к каждому конфликтному сценарию будет сформулирован вопрос: «Представьте, что вы попали в следующую ситуацию, оцените, с какой вероятностью вы поступите тем или иным образом, описанным ниже?», а также варианты ответа, соответствующие основным стратегиям конфликтного поведения согласно модели двойной заинтересованности (сотрудничество, соперничество, компромисс, уступки и уход). Для ответа будет использована шкала Лайкерта (5 градаций: совершенно точно так поступлю; скорее всего, так поступлю; затрудняюсь ответить; скорее всего, так не поступлю; совершенно точно

так не поступлю). Варианты ответов для каждой ситуации пройдут экспертную оценку. Таким образом, для каждой страны – России, Германии и Израиля – будут разработаны опросники с одинаковым количеством конфликтных ситуаций в двух вариантах. На данный момент производится сбор типичных конфликтных ситуаций в каждой стране.

Для изучения ценностей будет использован обновленный ценностный опросник Ш. Шварца PVQ-R. А для изучения уровня межгрупповой тревожности – 10 шкал, предложенные У. Стефан и К. Стефан. В качестве дополнительной методики планируется использовать Social Dominance Orientation Test. Все методики будут взяты в адаптации или адаптированы для каждой выборки (Россия, Германия, Израиль).

В качестве методов статистической обработки будут использованы следующие: иерархический регрессионный анализ, анализ модерации, корреляционный анализ, структурное моделирование.

Данное исследование поможет сформировать более полную картину о межкультурном конфликте и регуляторах поведения его участников. Таким образом, *научная новизна* исследования заключается в нескольких аспектах:

- изучение в одном исследовании нескольких предикторов конфликтного поведения (индивидуальных и культурных ценностей и межгрупповой тревожности) и их взаимосвязи друг с другом;
- разработка нового методического инструментария для изучения предпочитаемых стратегий поведения в конфликте с представителем своей и чужой культуры.

Результаты анализа выбора стратегии поведения в межкультурном конфликте, совершаемом представителями разных культур, внесут вклад в исследование социокультурных детерминант поведения человека и психологических особенностей межкультурного взаимодействия.

Литература

Hammer M. R. Solving problems and resolving conflict using the intercultural conflict style model and inventory // Contemporary leadership and intercultural competence: Exploring the cross-cultural dynamics within organizations / Ed. by M. A. Moodian. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2009. P. 219–232.

Marsella A. J. The Challenges of ethno-cultural diversity in an era of asymmetric globalization // Dynamics of Asymmetric Conflict. 2011. V. 4. № 1. P. 52–58.

Oommen D. The relationship between mental distress, assessed in terms of anxiety and depression and conflict management in the context of cultural adaptation // Journal of Intercultural Communication Research. 2013. V. 42. № 2. P. 91–111.

Ting-Toomey S. Conflict Facework Theory // The Sage Encyclopedia of Intercultural Competence / Ed. by J. M. Benett. Los-Angeles: SAGE Publications, 2015. P. 325–330.

Tong Y., Chen G.-M. Intercultural Sensitivity and Conflict Management Styles in Cross-Cultural Organizational Situations // Intercultural Communication Studies. 2008. V. 17. № 2. P. 149–161.

Вариабельность сердечного ритма при решении лингвистических задач, актуализирующих индивидуальный опыт разного возраста*

А. В. Бахчина, И. С. Парина (*Нижний Новгород*)

Вариабельность сердечного ритма (ВСР), как изменчивость последовательных интервалов между соседними сокращениями сердца, отражает характер кортико-висцеральных соотношений, выстраиваемых для эффективной организации поведения на уровне целого организма (Laborde et al., 2017). С позиций системной психофизиологии предполагается, что каждый поведенческий акт в континууме реализуется актуализацией набора функциональных систем (ФС), сформированных на разных этапах онтогенеза (активацией нейронных групп, специализированных к реализуемому поведенческому акту и к предыдущим поведенческим актам в истории формирования первого) (Александров, 2009; Швырков, 1995). Концепция системогенеза (Швырков, 1995) предполагает, что фиксация новой ФС в процессе научения не вытесняет ФС из уже имеющегося набора, а модифицирует их. Развитие индивида проявляется в структуре индивидуального опыта как формирование новых ФС, реализующих достижение более дифференцированных (детализированных) результатов, чем ранее сформированные ФС (Александров, 2009). В рамках описанного подхода, мы предполагаем, что сердце, как часть целого организма, необходимо включаемая в реализацию всех поведенческих актов, направленных на достижение разных результатов, вступает при этом в отношения с разными наборами ФС. Иными словами,

* Выполнено при поддержке грантов РФФИ, проект № 16-36-00101, проект № 16-36-60044 мол-а-дк.

при последовательной смене поведенческих актов в континууме активность сердца согласуется с разными наборами центральных нейронов и разной активностью периферических нейронов, что и формирует вариативность временных интервалов между его сокращениями.

Описанное ниже исследование проверяет гипотезу о том, что сдвиг системной организации поведения в сторону более рано сформированных систем будет сопровождаться изменениями в активности сердца в сторону снижения сложности динамики сердечного ритма. Исследование направлено на выявление характеристик режимов вегетативного обеспечения поведения в процессе научения, на примере обучения иностранному языку. Для этого проведено сопоставление динамики ВСР при реализации языкового индивидуального опыта разного возраста.

Исследование включало непрерывное измерение сердечного ритма у русскоговорящих участников при решении задач на родном (русском) и иностранном (немецком) языках. Исходя из сказанного выше, реализация поведения на иностранном языке (приобретенном позднее в онтогенезе по сравнению с родным языком) актуализирует более дифференцированные наборы систем. Это подтверждают, например, исследования, демонстрирующие динамику функциональной специализации нейронов у певчих птиц в процессе обучения песни. Так при разделении протозвука на два отдельно оформленных звука в песни, в вентральном гиперстриатуме птиц обнаруживаются нейронные группы специфически активирующиеся для реализации каждого из сформированных звуков, а также группы нейронов, которые продолжают неспецифично активироваться для реализации обоих звуков (Okubo et al., 2015). Поскольку более поздний языковой опыт (иностранный язык), как и позднее сформированные мотивы в репертуаре певчих птиц, обеспечиваются большим количеством нейронных групп (актуализируются системы не только текущего поведения, но и системы протоактов, предшествующих его формированию), постольку можно предположить, что динамика сердечного ритма будет менее регулярной (более нестационарной) при реализации поведения на иностранном языке, чем на родном, так как количество элементов, с активностью которых сердце согласует свою, в данном случае будет больше.

Характеристики выборки и методики

В исследовании приняли участие 17 студентов НГЛУ им. Н. А. Добролюбова (15 – ж., возраст: 19–21, медиана = 20), которые имели опыт изучения немецкого языка от 1 до 15 лет (медиана = 4).

В эксперименте испытуемым давалось задание прочитать предложение и вставить пропущенное в нем слово. Предъявляемые в задании предложения были разделены на две группы – на русском и немецком языках. Каждая группа включала 25 предложений. Пропущенное слово всегда было существительным в функции дополнения. Порядок предъявления групп предложений был контрбалансирован в выборке. Предложения в каждой группе предъявлялись в случайном порядке. Регистрировалось время ответа (мс) (период между моментом начала предъявления предложения и нажатием клавиши Enter для перехода к следующему) и количество ошибок. За ошибочные принимались предложения, на которые не было дано ответа (пропуск) или данное испытуемым слово не соответствовало предложению по смыслу или грамматически.

При выполнении заданий у участников проводили беспроводную регистрацию сердечного ритма с использованием датчика Zephyr (HxM BT) и программы «HR-reader» (В. В. Кожевников). Анализ динамики сердечного ритма за периоды выполнения заданий на русском и немецком языках включал вычисление: средней длительности RR-интервалов (HR (мс)), величины стандартного отклонения RR-интервалов (SDNN (мс)), величины выборочной энтропии (SampEn), которая выражает сложность (нерегулярность) последовательности RR-интервалов (Richman et al., 2004). SampEn была выбрана для оценки сложности последовательностей RR-интервалов, так как она выражает степень нестационарности сигнала, т. е. чем выше регулярность сигнала, тем ниже величина SampEn (ниже сложность) и наоборот. Значения SampEn не зависят от длины анализируемой последовательности, поэтому этот показатель может быть использован для сравнения последовательностей разной длины. SampEn вычислялась со значениями входных параметров: m=2 (размерность вложения), r=0.2•SDNN («фильтрующий фактор»).

Описание результатов и выводы

Сдвиги показателей ВСР за периоды решения заданий на русском и немецком языках оценивались критерием Уилкоксона. В результате получено, что значения SampEn были достоверно выше (T=8,00; Z=3,24; p=0,001) при решении заданий на немецком языке (Медиана=1,3, 25%=1,11, 75%=1,35), чем на русском (Медиана=1,11, 25%=1,07, 75%=1,17). Значения SDNN (T=52,00; Z=1,16; p=0,25: Медиана_n=47,27, 25%_n=38,99, 75%_n=51,66; Медиана_r=49,96, 25%_r=41,72, 75%_r=61,08) и HR (T=53,00; Z=1,11; p=0,27: Медиана_n=85,19, 25%_n=93,59, 75%_n=81,37; Медиана_r=83,91, 25%_r=94,25, 75%_r=78,76) до-

стоверно не отличались в двух условиях. Последнее принципиально важно, так как это означает, что выполнение задач на иностранном языке, в данном случае, не сопровождалось большим напряжением или ресурсообеспечением организма по сравнению с выполнением задач на родном языке. Однако время ответа при работе с предложениями на немецком языке (Медиана=10124, 25%=8150, 75%=13289) было достоверно выше, чем с предложениями на русском языке (Медиана=4663, 25%=3809, 75%=5468) (Z=3,51; p=0,0004). Аналогично количество ошибок при работе с предложениями на немецком языке (Медиана=9, 25%=4, 75%=12) было достоверно выше, чем с предложениями на русском (Медиана=0, 25%=0, 75%=0) (Z=3,51; p=0,0004). Это означает, что задача на немецком языке была субъективно более трудной для участников. Но, поскольку не было обнаружено достоверных корреляций между временем ответа или количеством ошибок и значениями энтропии сердечного ритма, мы полагаем, что полученный эффект относительно динамики SampEn связан именно с фактором возраста реализуемого индивидуального опыта и будет проявляться и при сравнении одинаковых по трудности задач.

Таким образом, актуализация языкового опыта, приобретенного относительно позднее в индивидуальном развитии (немецкий язык по сравнению с русским), сопровождалась увеличением сложности динамики сердечного ритма, без изменений его среднего значения и общей дисперсии. Выявленная большая сложность последовательностей межударных интервалов в сердечном ритме при решении задач на иностранном языке позволяет принять выдвинутую в начале гипотезу.

Литература

Александров Ю. И. Развитие как дифференциация // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма / Сост. Н. И. Чуприкова. М.: Языки славянских культур. 2009. С. 17–28.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.

Laborde S., Mosley E., Thayer J. F. Heart Rate Variability and Cardiac Vagal Tone in Psychophysiological Research – Recommendations for Experiment Planning, Data Analysis and Data Reporting // Frontiers in psychology. 2017. V. 8.

Okubo T. S., Mackevicius E. L., Payne H. L., Lynch G. F., Fee M. S. Growth and splitting of neural sequences in songbird vocal development // Nature. 2015. V. 525. № 7582. P. 352.

Richman J. S., Lake D. E., Moorman J. R. Sample Entropy // Methods in Enzymology. 2004. V. 384. P. 172–184.

Целевое планирование будущей семейной жизни современной молодежи*

К. А. Бедарева (*Барнаул*)

Тенденции и перспективы развития молодежи представляют для общества большой интерес и практическое значение, прежде всего, потому, что они определяют его будущее. Здесь существенное место занимает отношение молодежи к браку и семье, так как в молодости основной задачей развития является создание собственной семьи, именно эти годы являются сензитивным периодом для выбора спутника жизни, построения совместных планов.

Наряду с этим семья как активнодействующий социальный институт зависит от тех социальных изменений, которые происходят в современном обществе. Вместе с изменением экономики, культурных тенденций, общественного мнения меняются и представления молодых людей о семье и браке. В современном мире возросло разнообразие форм и типов отношений в семейной сфере. Теперь мы наблюдаем не только традиционные семьи, но и гражданские браки, гостевые браки, повторные браки, неполные семьи, все большее количество детей растет с одним из неродных родителей. В качестве основных тенденций трансформации брачно-семейной сферы можно назвать возрастание допустимости разводов и индивидуалистических тенденций в браке, смену представлений о содержании ролей мужчин и женщин в семье. Наблюдается ориентированность молодых людей на недолговечность супружеского союза, наличие завышенных требований к будущему брачному партнеру (Ипполитова, 2012). В условиях таких изменений интересным является анализ тенденций планирования семейного будущего современными молодыми людьми.

Научная разработка проблемы планирования будущей семейной жизни традиционно осуществлялась в контексте исследования жизненных перспектив личности как целостной картины будущей жизни во взаимосвязи ожидаемых и планируемых событий (К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, И. А. Ральникова). Согласно мнению исследователей, жизненная перспектива охватывает ряд сфер, в которых человек может представлять свое будущее – это сферы семьи, профессиональной деятельности, досуга, саморазвития и др. (Ральникова, 2011).

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-36-00023 «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире».

К настоящему моменту в психологии и социологии накоплено достаточное количество работ, посвященных анализу семейных ценностей молодежи, их представлений о будущей семье, брачном партнере, предполагаемом ролевом взаимодействии с ним (Гурко, 2008; Журавлева, 2006). Однако масштаб и динамика социальных изменений, в значительной степени затрагивающих сферу брачно-семейных отношений, актуализирует интерес к динамике целевого планирования будущей семейной жизни молодежи в течение последних лет. В связи с этим было предпринято эмпирическое исследование, направленное на выявление особенностей содержания семейных целей современных студентов.

В проведенном исследовании приняли участие 126 студентов вузов из разных городов России в возрасте от 18 до 21 года. В 2014 г. было опрошено 66 чел. (25 юношей и 41 девушка), в 2017 г. – 60 чел. (27 юношей и 33 девушки). В качестве методов был использован анкетный опрос, психологическое тестирование (модифицированный вариант психотехнического инструмента жизненного выбора А. Г. Шмелева «Персоплан»), методы математико-статистической обработки данных (описательные статистики, критерий Краскела – Уоллиса).

Согласно полученным данным, выявлена специфика целевого планирования будущей семейной жизни молодежи в 2014 и в 2017 гг. Так, наиболее часто встречаемой целью в брачно-семейной сфере представителей обеих групп выступает рождение детей, что позволяет делать оптимистичные прогнозы относительно демографической ситуации в нашей стране. Далее рейтинги респондентов, опрошенных в разные годы, различаются. В 2014 г. список семейных целей продолжался следующим образом: 2-е место – «заключение официального брака», 3-е место – «построение карьеры», 4-е место – «приобретение собственного жилья», 5-е место – «личное развитие», 6-е – «заключение гражданского брака». У респондентов 2017 г. рейтинг семейных целей выглядит следующим образом: 2-е место – «создание материальной базы семьи», 3-е место – «личное развитие», 4-е – «построение карьеры», наименее значимыми для этой группы являются «построение семьи» и «заключение гражданского брака». Таким образом, социальные изменения, сложившаяся за последние годы ситуация экономической нестабильности, отразилась на повышении для современных молодых людей значимости создания материальной базы семьи до брака, стремления к заключению которого являются менее активными.

По результатам статистического анализа, обнаружены достоверные различия между группами молодежи, опрошенными в 2014

и 2017 гг., относительно целевого планирования семейного будущего. Прежде всего, по сравнению с 2014 г., у современных молодых людей значительно уменьшилось общее количество целей (p=0,0001) в брачно-семейной сфере, они меньше видят средств их достижения (p=0,0001) и одновременно меньше барьеров на пути к достижению целей (p=0,001). Эти данные свидетельствуют о том, что современные молодые люди склонны меньше планировать свое семейное будущее в возрасте 18–21 лет, поэтому не видят средств достижения желаемого, но при этом испытывают меньше опасений по поводу возможности его достижения.

Относительно содержания семейных целей можно заключить, что в 2017 г. менее важными для молодежи целями становятся «заключение официального брака» (p=0,017) и «заключение гражданского брака» (p=0,041). Наиболее приоритетными становятся цели, связанные с развитием собственной личности (p=0,004). Можно отметить, что наблюдается снижение стремления молодежи к заключению брака, как официального, так и гражданского.

В целом на основании полученных данных можно заключить, что за последние три года при сохранности стремления к рождению детей изменились приоритетные цели молодых людей в направлении меньшего планирования вступления в брак при увеличении целевого планирования развития собственной личности. Таким образом, планирование будущей семейной жизни у молодых людей за последние три года претерпевает изменение с точки зрения насыщенности и содержания, что может быть связано с общей тенденцией увеличения возраста вступления в брак, создания семьи.

Литература

Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Ипполитова Е.А. Семейные перспективы молодежи в изменяющемся мире. Барнаул: АЗБУКА, 2012.

Ральникова И.А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия АГУ. 2011. Т. 1. № 2 (70). С. 60–62.

Личностные особенности мужчин и женщин, психологически готовых и не готовых к браку

М. Л. Белановская (*Минск*)

На современном этапе развития общества семейные взаимоотношения претерпевают глубинные изменения, испытывая влияние различных факторов, обусловленных трансформацией социальной среды (Лисовский, 2003; Олифирович, 2017). В условиях переживания современной семьей кризисных явлений большую значимость приобретает проблема психологической готовности молодых людей к браку и семейной жизни, определяющей последующее брачное поведение личности.

Конструкт «психологическая готовность к браку» можно рассматривать как личностное новообразование, как структуру, определяющую готовность к определенному брачному поведению личности на фазе ее подготовки к семейной жизни (Жолудева, 2009). Психологическая готовность к браку, в нашем понимании, дает ответ на вопрос о процессе формирования готовности к определенному поведенческому акту – к вступлению людей в брак или отказу от такового.

Проведенный анализ различных исследований, посвященных проблеме психологической готовности к браку, дает возможность отметить, что изучаемый конструкт является многофакторным личностным образованием, которое опосредуется особенностями его структурных компонентов. В качестве наиболее значимых структурных компонентов психологической готовности к браку мы выделяем мотивы вступления в брак, ценности, потребности, брачно-семейные установки, самооценку готовности к браку, гендерную и ролевую идентичность.

Цель исследования – выделение личностных особенностей мужчин и женщин, психологически готовых и не готовых к браку.

Гипотезой выступило предположение о том, что содержание компонентов психологической готовности к браку у готовых и неготовых к супружеству мужчин и женщин будет различным. Задачей первого этапа выступало изучение всех выделенных компонентов психологической готовности к браку у мужчин и женщин в добрачный период. Задачей второго этапа исследования являлось выделение интегральных характеристик личности мужчин и женщин, психологически готовых и не готовых к браку. В качестве диагностического инструментария были использованы следующие методики: «Уровень со-

отношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова); «Методика полового дифференциала» (В. Е. Каган); «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири, модификация Ю. А. Решетник и Г. С. Васильченко); «Метод парных сравнений» (В. В. Скворцов); «Измерение установок в семейной паре» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская); авторские полуструктурированные самоотчеты «Мотивы вступления в брак» и «Самооценка готовности к браку». Выборка исследования включала 110 мужчин и женщин, не состоящих в браке в возрасте ранней взрослости (20–30 лет). В качестве математических методов, применявшихся при анализе данных, выступили U-критерий Манна–Уитни, φ^*-критерий Фишера, χ^2 Пирсона.

Результаты исследования позволяют отметить, что в добрачный период в качестве общей для мужчин и женщин тенденции отмечаются: высокая значимость ценности счастливой семейной жизни при низкой ее достижимости; низкая потребность в близких контактах с Другими; положительное отношение к романтической любви и детям в сочетании с негативным отношением к людям. Высокая тенденция к андрогинии в структуре гендерной идентичности при большой степени сходства Я-образа и образа будущего брачного партнера с одновременным преобладанием доминирования, дружелюбия и альтруизма приводит к стиранию различий в представлениях о себе и Другом, что ведет к трудностям в построении партнерских взаимоотношений. При высоком сходстве основных компонентов психологической готовности к браку у мужчин и женщин их содержательные характеристики различаются иерархией ценностей, доминирующими потребностями, самооценкой готовности к браку и мотивами вступления в брак ($p \leqslant 0{,}05$).

Для выявления значимости различий по всем изученным параметрам психологической готовности к браку у мужчин и у женщин с высокой и низкой общей самооценкой готовности к браку был проведен статистический анализ при помощи U-критерия Манна–Уитни. Выявленные достоверные различия компонентов психологической готовности к браку у респондентов с разным уровнем ее общей самооценки являются основанием для построения интегративных характеристик субъективно психологически готовых и неготовых к браку мужчин и женщин.

Выявлено, что субъективно психологически готовые и неготовые к браку женщины имеют значимые различия по таким параметрам, как мотивы вступления в брак ($U=237{,}0$, $p \leqslant 0{,}05$), самооценка готовности к семейной жизни ($U=146{,}0$, $p \leqslant 0{,}05$) самооценка готов-

ности к регистрации отношений в ЗАГС (U=66,5, p⩽0,05), самооценка готовности к рождению детей (U=58,0, p⩽0,05), самооценка готовности к воспитанию детей (U=114,0, p⩽0,05), самооценка материальной готовности к семейной жизни (U=129,0, p⩽0,05), самооценка готовности к выполнению хозяйственно-бытовых обязанностей (U=92,5, p⩽0,05), самооценка готовности к совместному досугу (U=113,5, p⩽0,05), самооценка готовности к заботе о семье и близких (U=112,0, p⩽0,05), самооценка уровня коммуникативных навыков (U=191,0, p⩽0,05), самооценка готовности к удовлетворению сексуальных потребностей супруга (U=219,5, p⩽0,05), мнение, что каждый должен вступить в брак (U=221,0, p⩽0,05), самооценка желания вступить в брак в настоящий момент (U=141,0, p⩽0,05), значимость ценности счастливой семейной жизни (U=252,5, p⩽0,05), значимость потребности развивать свои силы и способности (U=234,5, p⩽0,05).

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что субъективно психологически готовые к браку женщины обладают внутренними мотивами вступления в брак, оценивают себя как имеющих все необходимые компетенции в области брака, с высокой значимостью ценности счастливой семейной жизни при низком уровне потребности развивать свои силы и способности. В свою очередь, субъективно неготовые к брачным отношениям женщины не имеют доминирующих внутренних мотивов к вступлению в брак (внутренние, внешние и смешанные мотивы проявлены практически в равной степени). У данной группы респондентов значимо ниже проявлены все компоненты самооценки готовности к браку, отмечается более низкая значимость ценности счастливой семейной жизни и более высокая потребность в развитии своих сил и способностей.

Сравнительный анализ субъективно психологически готовых и неготовых к браку мужчин показал наличие значимых различий по таким параметрам, как мотивы вступления в брак (U=155,0, p⩽0,05), самооценка готовности к семейной жизни (U=39,0, p⩽0,05), самооценка готовности к регистрации отношений в ЗАГСе (U=43,0, p⩽0,05), самооценка готовности к рождению детей (U=54,5, p⩽0,05), самооценка готовности к воспитанию детей (U=107,0, p⩽0,05), самооценка материальной готовности к семейной жизни (U=103,5, p⩽0,05), самооценка готовности к выполнению хозяйственно-бытовых обязанностей (U=65,0, p⩽0,05), самооценка готовности к совместному досугу (U=114,0, p⩽0,05), самооценка готовности к заботе о семье и близких (U=137,0, p⩽0,05), самооценка готовности к удовлетворению сексуальных потребностей супруга (U=175,0, p⩽0,05), самооцен-

ка желания вступить в брак в настоящий момент (U=143,0, p⩽0,05), значимость ценности интересной работы (U=180,5, p<0,05), уровень соответствия персональной гендерной идентичности (U=160,0, p⩽0,05).

Полученные данные позволяют утверждать, что субъективно психологически готовые к браку мужчины обладают внутренними мотивами вступления в брак, оценивают себя как готовых к выполнению большинства необходимых компетенций в области брака (кроме коммуникативных умений), имеют более низкую значимость ценности интересной работы, а также характеризуются высоким соответствием персональной гендерной идентичности своему полу. В свою очередь, мужчины, субъективно неготовые к брачным отношениям, не имеют доминирующих мотивов к вступлению в брак (внутренние, внешние и смешанные мотивы проявлены в равной степени). У данной группы респондентов значимо ниже проявлено большинство компонентов самооценки готовности к браку, отмечается высокая значимость ценности интересной работы и более высокий уровень несоответствия персональной гендерной идентичности своему полу.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы: у психологически готовых и неготовых к браку мужчин и женщин отмечаются различия в структуре компонентов психологической готовности к браку. Выявлено, что в возрасте ранней взрослости психологически готовые к браку женщины обладают внутренними мотивами вступления в брак, высоко оценивают свои компетенции в области брака, имеют высокую значимость ценности счастливой семейной жизни при низком уровне потребности развиваться во внесемейном контексте. Психологически готовые к браку мужчины в возрасте ранней взрослости также обладают внутренними мотивами вступления в брак, высоко оценивают уровень необходимых компетенций в области брачно-семейных отношений, имеют низкую значимость ценности интересной работы, а также характеризуются высоким уровнем маскулинной персональной гендерной идентичности.

Литература

Жолудева С. В. Психологическая готовность к браку на разных этапах периода взрослости: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 2009.

Лисовский В. Т. Молодежь: любовь, брак, семья. СПб.: Наука, 2003.

Олифирович Н. И. Теория семейной психотерапии: системно-аналитический подход. М.: Академический проект, 2017.

Личностно-психологические факторы прокрастинации у студентов

В. В. Бециашвили (*Санкт-Петербург*)

Студенческий возраст – период активного развития личности, профессионального самоопределения. Препятствием для гармоничного личностного и профессионального роста может стать прокрастинация – склонность откладывать на потом выполнение сложных, непривлекательных задач или принятие решений. Прокрастинация негативно влияет на продуктивность и успешность во всех сферах деятельности, в том числе является одной из причин снижения академической успеваемости у студентов, сопровождается эмоциональным дискомфортом, тревогой, чувством вины, снижением самооценки.

Термин прокрастинация был введен в 1977 г. П. Рингенбахом. С конца 1970-х годов в зарубежной психологии все большее внимание уделяется данной проблеме (Ellis, Knaus, 1977; Burka, Yuen, 1983; Lay, 1986; Solomon, Rothblum, 1986; Tuckman, 1991; Ferrari, Johnson, McCown, 1995; Specter, 2000; Steel, 2007). В отечественной психологии исследования феномена прокрастинации начались с середины 1990-х годов (Шухова, 1996; Михайлова, 2005; Карловская, 2008; Варваричева, 2008, 2010; Гаранян, 2009; Юдеева, 2011; Крюкова, 2012; Колпакова, 2013; Ковылина, 2013; Барабанщикова, 2015). На сегодняшний день не существует единой общепризнанной и универсальной теории, объясняющей феномен иррационального откладывания важных дел на потом.

На основе данных, полученных зарубежными и отечественными исследователями, можно говорить о том, что прокрастинация является сложным, многогранным феноменом, связанным с комплексом ситуативных и личностных факторов, в том числе с тревожностью (Lay, 1986; Ferrari, 1992; Понарядова, 1996; Ваваричева, 2008; Барабанщикова, Останина, Климова, 2015), перфекционизмом (Варваричева, 2008; Kagan, 2010; Ларских, Матюхина, 2015), низкой самоэффективностью и самооценкой (Крюкова, 2012; Киселева, 2014), копинг-стратегией бегство–избегание и эмоционально-ориентированной стратегией совладания (Крюкова, 2012; Ивутина, Шуракова, 2013), направленностью на избегание неудач (Кузьмина, 2008), ориентацией на негативное прошлое (Specter, Ferrari, 2000; Барабанщикова, 2015; Чевреиди, 2016). Дальнейшее исследование взаимосвязей личностно-психологических показателей с прокрастинацией

поможет более точно и полно определить причины формирования склонности к откладыванию дел на потом, а также расширить возможности снижения прокрастинации.

Целью нашего исследования стало выявление личностно-психологических факторов прокрастниции у студентов.

Гипотеза: высокий уровень прокрастинации у студентов взаимосвязан с пессимистичным стилем объяснения успехов и неудач, непродуктивными типами рефлексии (самокопание и фантазирование), низким уровнем самоуважения, самодетерминации, жизнестойкости и осмысленности жизни, высокой личностной тревожностью.

В исследовании приняли участие 55 студентов 3-го курса СПбГЭУ в возрасте 19–21 лет, обучающиеся на факультете экономики и финансов, в том числе 5 юношей и 50 девушек. Для определения склонности к откладыванию дел на потом был использован опросник общей прокрастинации для студентов К. Лэй в адаптации О. С. Виндекер, М. В. Останиной. Для оценки личностно-психологических особенностей студентов были применены следующие методики: шкала личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина; шкала самоуважения М. Розенберга; опросник стиля объяснения успехов и неудач (СТОУН) Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина и В. Ю. Шевяховой; опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина; шкала самодетерминации личности Б. Шелдона, в адаптации и модификации Е. Н. Осина; тест жизнестойкости С. Мадди, в адаптации Е. Н. Осина и Е. И. Рассказовой; тест «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева.

Были применены следующие методы статистической обработки данных: U-критерий Манна–Уитни – для сравнения групп студентов с различным уровнем прокрастинации по личностно-психологическим показателям; коэффициент корреляции r Пирсона, факторный анализ с применением метода вращения Varimax.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что студенты с высокой склонностью к прокрастинации (20% респондентов) отличаются от студентов, никогда или редко откладывающих важные дела на потом (низкий и средний уровень прокрастинации), более высоким уровнем личностной тревожности ($p \leqslant 0{,}015$), низкими показателями общей осмысленности ($p \leqslant 0{,}037$) и управляемости жизни ($p \leqslant 0{,}018$), низкими значениями самоуважения ($p \leqslant 0{,}003$), жизнестойкости ($p \leqslant 0{,}013$), вовлеченности ($p \leqslant 0{,}027$), самовыражения ($p \leqslant 0{,}009$), более частым применением непродуктивных типов рефлексии – интроспекция ($p \leqslant 0{,}015$) и квазирефлексия ($p \leqslant 0{,}001$), пессимистичным стилем объяснения успехов и неудач ($p \leqslant 0{,}024$).

Корреляционный анализ (коэффициент корреляции r-Пирсона) позволил выявить наличие значимых прямых взаимосвязей между прокрастинацией и личностной тревожностью, непродуктивными типами рефлексии и обратных взаимосвязей – с самоуважением, показателями самодетерминации (автономия и самовыражение), жизнестойкостью, оптимистичным стилем объяснения успехов и неудач, уровнем осмысленности жизни (в том числе со шкалами «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результат», «Локус контроля – Я», «Локус контроля – жизнь»). Реже откладывают дела на потом студенты, оценивающие себя положительно, несмотря на встречающиеся в жизни трудности и неудачи, убежденные в своей способности повлиять на ход событий жизни. Студенты, часто откладывающие дела на потом, менее удовлетворены своим прошлым и настоящим, неясно представляют свои цели и планы на будущее, не уверены в своей способности контролировать, выбирать свой жизненный путь. Низкая жизнестойкость и высокая личностная тревожность оказывают негативное влияние на способность вовремя начать активные действия. Напротив, ощущение вовлеченности в жизнь, готовность активно включиться в деятельность, несмотря на риск потерпеть неудачу, ориентация на получение опыта способствуют ориентации на действие, вместо его избегания. Студенты, чаще других откладывающие дела на потом, склонны к пессимистичному атрибутивному стилю: рассматривают негативные события как вызванные постоянными, глобальными причинами, не поддающимися контролю, и наоборот, удачи кажутся им случайными. При такой оценке причин жизненных событий складывается представление о бесполезности собственных усилий для предотвращения негативных событий в будущем или для достижения успеха, который зависит от случая.

Рассмотренные выше личностно-психологические характеристики тесно взаимосвязаны между собой, факторный анализ позволил выделить 3 основных фактора: «Уверенность в себе», «Восприятие себя и жизненных ситуаций», «Непродуктивная рефлексия». Отмечается значимая отрицательная корреляция ($r=-0{,}475$, $p<0{,}001$) общей прокрастинации и фактора «Уверенность в себе», включающего в себя показатели осмысленности жизни, жизнестойкости, самоуважения и самовыражения, а также личностной тревожности и склонности к самокопанию (с отрицательным знаком). Выраженная склонность к откладыванию важных дел на потом связана с неверием в свои силы, отрицательной оценкой себя и своих возможностей влиять на ход собственной жизни, чувством беспомощности,

высокой личностной тревожностью, неудовлетворенностью жизнью. Фактор «Положительное восприятие себя и жизненных ситуаций», также отрицательно связанный с прокрастинацией ($r=-0,286$, $p<0,01$), отражает уверенность в собственной ценности и оптимистичный атрибутивный стиль. Фактор «Непродуктивная рефлексия», положительно связанный с прокрастинацией ($r=0,354$, $p<0,01$), включает в себя два неадаптивных типа рефлексии, выделенные Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиным (Леонтьев, Осин, 2014): самокопание (интроспекция) и фантазирование (квазирефлексия). Можно предположить, что излишняя интроспекция затрудняет переход от размышлений к действиям, фокусируя внимание на негативных мыслях и переживаниях, а фантазирование позволяет на время избавиться от тревоги и самообвинения, связанных с необходимостью приступить к выполнению неприятного или трудного дела.

Гипотеза о существовании взаимосвязи между прокрастинацией и личностно-психологическими особенностями студентов подтвердилась. Выраженная склонность к откладыванию дел на потом связана с пессимистичным стилем объяснения успехов и неудач, непродуктивными типами рефлексии, низким уровнем самоуважения, самодетерминации, жизнестойкости и осмысленности жизни, высокой личностной тревожностью. Выявленные личностно-психологические факторы, взаимосвязанные с уровнем прокрастинации у студентов, позволяют предположить, что уверенность в себе, положительное восприятие себя и оптимизм, избегание излишнего самокопания и фантазирования могут способствовать снижению уровня прокрастинации у студентов.

Литература

Варваричева Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121–131.

Мохова С. Б., Неврюеев А. Н. Психологические корреляты общей и академической прокрастинации у студентов // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 24–35.

Ferrari J. R., Johnson J. L., McCown W. G. Procrastination and task avoidance: Theory, research, and treatment. N. Y.: Plenum, 1995.

Milgram N. N., Tenne R. Personality correlates of decisional and task avoidant procrastination // European Journal of Personality. 2000. V. 14. № 2. P. 141–156.

Steel P. The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // Psychological Bulletin. 2007. V. 133. № 1. P. 65–94.

Психологическое наследие А. А. Потебни

Е. Л. Бобылев (*Арзамас*)

Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) – выдающийся ученый России и Украины. Он родился в семье мелкого дворянина. Учился в классической гимназии, затем в Харьковском университете на историко-филологическом факультете. После его окончания преподавал литературу в харьковской гимназии. В 1860 г. защитил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии...». В 1874 г. защитил докторскую диссертацию «Из записок по русской грамматике». В 1875 г. возглавил кафедру истории русского языка и литературы в Харьковском университете, которую занимал до конца жизни. А. А. Потебня также был председателем Харьковского историко-филологического общества и членом-корреспондентом Академии наук. В 1862 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» появился ряд статей ученого, объединенных затем в его главную книгу «Мысль и язык». Значительная часть работ А. А. Потебни была опубликована уже после его смерти.

А. А. Потебня в основном известен как выдающийся лингвист и языковед, однако с течением времени становится все очевиднее, что научное наследие этого ученого значительно шире, богаче и многогранней, чем было признано до сих пор. Ставя основные вопросы лингвистики, А. А. Потебня искал им разрешения в психологии. Только сближая языкознание с психологией, можно, по мнению ученого, развивать плодотворно и ту и другую науку. В русском литературоведении и языковедении той эпохи лингвист, не будучи профессиональным психологом, стал основателем психологического направления (Бобылев, 2014).

В целом, психологизм был распространенным явлением в XIX в. Суть его заключалась в принятии за исходное начало всех порождений человеческой культуры работу индивидуального сознания. Психологизм был присущ возникшему в середине XIX в. в Германии направлению «психология народов». Психология народов пыталась изучать народное, а не индивидуальное сознания. Сначала гербартианцы Х. Штейнталь и М. Лацарус, а затем В. Вундт утверждали, что первоэлементы психики объясняют «дух народа», каким его запечатлевают язык, обычаи, мифы и другие феномены культуры. Это и был путь психологизма. В научный оборот вошли факты, которые не интересовали физиологическую психологию. Однако опора на гербартианскую концепцию «статики и динамики представле-

ний», уходящую корнями в индивидуалистическую трактовку души, не могла объяснить, каким образом факторы культуры формируют психический склад народа.

А. А. Потебня хотя и считал своими учителями В. Гумбольдта, Гербарта, Лацаруса, Штейнталя и даже И. Канта, как выдающийся ученый, понимал психологизм несколько иначе. А. А. Потебню часто критикуют за его «субъективный идеализм», так как он часто говорил, что «мир является нам лишь как ход изменений, происходящий в нас самих» (Потебня, 1913, с. 25). Да, ученый так говорил, но субъективизм ли это?! Положение А. А. Потебни о том, что поэзия и наука – формы познания мира, конечно же, имеет совершенно другой смысл, чем в устах психолога-марксиста. Единственной целью как научного, так и поэтического произведения является, по взглядам А. А. Потебни, «видоизменение внутреннего мира человека» (Потебня, 1913). Поэзия для ученого есть средство познания не объективного мира, а лишь субъективного, но это познание осуществляется посредством объективно существующего произведения. Таким образом, лингвист выходил за рамки художественного текста в сферу психической жизни людей, выступающих адресатами этого текста и обретающих в нем объективный инструмент овладения своей эмоционально сферой.

В своей книге «Мысль и язык» он, следуя принципу историзма, анализировал эволюцию умственных структур, которыми оперирует отдельный индивид, впитывающий эти структуры благодаря усвоению языка. Творцом языка является народ как «один мыслитель, один философ», систематизирующий результаты накопленного в ходе истории общенационального опыта. Мыслящие на этом языке индивиды воспринимают действительность сквозь призму запечатленных в нем внутренних форм, тем самым их субъективный мир раскрывается через объективные данные о прогрессе национального языка как органа, образующего мысль. Тем самым А. А. Потебня косвенно был инициатором построения культурно-исторической психологии. Вопрос о «духе народа», о национальном своеобразии его психологического склада рассматривался исходя из запечатленных в языке свидетельств исторической работы этого народа. Позднее эти идеи с новой силой будут развиваться Д. Н. Овсянико-Куликовским, Г. Г. Шпетом и особенно Л. С. Выготским, который в своей культурно-исторической психологии обозначит значимость формальной стороны искусства и культуры. Именно идеальная форма культуры объективно организует субъективный мир отдельного индивида, посредством его общения с другими людьми (Выготский, 1987).

Как крупный языковед и теоретик искусства, А. А. Потебня по праву представлен в авторитетных современных энциклопедических изданиях. Этим важнейшим разделам его наследия посвящена более или менее обширная литература. В то же время вклад ученого в науку как психолога явно еще не оценен по достоинству и не изучен в достаточной степени. А. А. Потебня был психологом не по специальному образованию, а по призванию, и потом неслучайно ни один учебник по истории психологии, истории эстетики и философии не оставляет личность этого ученого без внимания.

Литература

Бобылев Е. Л. Проблема психологического анализа искусства в гуманитарной науке на стыке 19–20 веков // Приволжский научный вестник. 2014. № 11–2. С. 10–14.

Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.

Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков: Мирный труд, 1913.

Взаимосвязь установок студентов по отношению к Интернету со стратегиями сетевой активности

Д. Г. Богуславская (*Москва*)

Виртуальность проявила себя всему человечеству с особой силой и в новом качестве: компьютерной и интернет-реальности. До сих пор она вызывает интерес во всех проявлениях, а в определенной степени и опасность. Виртуальная реальность расширяет свои границы и представляет уже особый феномен современности. Она является сущностным признаком коммуникации, что вступает в силу и создает перестройку всех сфер жизни человечества. Особенно влиянию виртуального мира поддается молодежь, которая отличается недостаточной психологической готовностью к общению в Интернете. В связи с этим особое значение имеют особенности установки по отношению к Интернету.

Виртуальная реальность исследуется в работах Н. А. Носова, М. Ю. Опенкова, Ю. М. Осипова и др. Социально-психологические аспекты компьютерной деятельности и общения представлены в работах К. Янг, Л. П. Гурьева, А. Е. Войскунского, Е. П. Белинской, А. Е. Жичкиной и др. Среди современных исследований установок по отношению к Интернету следует отметить публикации Э. В. Губенко, которая представила адаптированную версию «Опросника

установок по отношению к Интернету» Р. Дэвиса; Н. Л. Сунгуровой, описавшей особенности установок современной студенческой аудитории по отношению к Интернету (Губенко, 2017; Сунгурова, 2016, 2017).

Важным аспектом, влияющим на процесс личностно-профессионального самоопределения студентов, являются установки. Сама установка является проявлением неосознанной психологической готовности, базирующейся на предшествующем опыте, предрасположенности к определенной активности в определенной ситуации. Можно сказать, что установка дает личности определенную устойчивость к различным воздействиям окружающей реальности (Александров, 2008).

На уровне социального взаимодействия в психологии принято говорить о социальной установке как готовности человека действовать тем или иным образом по отношению к данному конкретному объекту в каких-то конкретных обстоятельствах. Социальные установки помогают человеку приспосабливаться к окружающей социальной среде, эффективно взаимодействовать с ней.

Установки по отношению к Интернету – это особый вид установок. Их также насчитывается большое количество. Но главным образом ученые делают акцент на классификацию установок по отношению к Интернету, предложенную Р. Дэвисом, которая существует в адаптации Э. Губенко. Автор выделяет четыре типа установок: одиночество/депрессия, социальный комфорт, сниженный самоконтроль, отвлечение. Установка по отношению к Интернету выполняет функции приспособления, а также защиты мировоззрения пользователя от определенных угроз; организации восприятия и анализа поступающей информации в коммуникативном процессе, игровой, учебной и поисковой деятельности.

Цель исследования – выявить взаимосвязь установок студенческой молодежи по отношению к Интернету со стратегиями сетевой активности.

При планировании исследования была выдвинута следующая *гипотеза:* позитивные установки по отношению к Интернету связаны с психологическими стратегиями «Активностью в восприятии альтернатив» и «Активностью в действии», негативные установки свойственны при склонности к интернет-зависимости.

Эмпирическая база и характеристики выборки*:* исследование проводилось на базе Российского университета дружбы народов. Участвовали студенты-первокурсники филологического факультета, инженерной академии, института космических технологий

в возрасте от 18 до 21 года. Объем выборки составил 92 чел. (63 студента-журналиста, 29 студентов-инженеров, из них 66 девушек и 25 юношей).

Проверка гипотез осуществлялась с опорой на такие методы исследования, как: теоретические (теоретический анализ литературы по данной проблеме исследования); эмпирические (анкетирование, тестирование); методы математической обработки психологических данных: X_r^2-критерий Фридмана, корреляционный анализ. Компьютерная обработка данных осуществлялась с использованием программных пакетов Excel и IBM SPSS Statistics 13.

Методики исследования: 1. Анкета пользователя информационно-компьютерными технологиями (Н. Л. Сунгурова); 2. Опросник установок по отношению к Интернету (Э. Губенко); 3. Опросник поведения в Интернете (А. Е. Жичкина).

Результаты анкетирования, проведенного на первом этапе исследования, позволили выявить общую картину взаимодействия студентов с электронными технологиями.

Основным источником получения информации для студентов является Интернет (85%), далее предпочтение отдают семье как источнику информации (9%), затем печатным изданиям (4%) и телевидению и друзьям (по 1%).

Наиболее привлекательным аспектом использования электронных технологий большинство респондентов отметило: новые возможности в работе или учебе (27,6%) и возможность самосовершенствования (22,5%), необходимость электронных технологий для развития современного общества (19,7%) и электронные технологии – это помощники (19,7%). Наиболее отторгающим фактором использования электронных технологий является физическое переутомление, вызываемое электронными технологиями (38,4%), далее уменьшение значимости труда человека (36,8%), преувеличение необходимости электронных технологий (15,7%).

Исходя из представленных данных, можно заметить, что пользование Интернетом имеет амбивалентный характер с положительными и отрицательными сторонами.

Чаще всего студенты используют Интернет для поиска информации, связанной с работой или учебой (4,7), а также для скачивания различных программ, книг, музыки (4,3). Помимо этого, можно отметить частоту пребывания в Интернете, чтобы пообщаться с уже имеющимися знакомыми в реальной жизни (4,1). При этом можно отметить отсутствие заинтересованности студентов в поиске новых знакомств и контактов.

На втором этапе исследования мы провели сравнительный анализ результатов по опроснику установок по отношению к Интернету Э. Губенко.

Полученные данные показывают, что доминирующей шкалой является «Социальный комфорт» (3,47). Далее следует шкала «Сниженный самоконтроль» (3,11), что может свидетельствовать о частых желаниях студентов выйти в Интернет. «Отвлечение» (2,03) говорит об избегании выполнения более важных и ответственных дел студентами путем ухода в виртуальную среду. Последнее место занимает «Одиночество/депрессия» (1,39), что может свидетельствовать об адекватном пользовании Интернетом и возможности существовать без него. Согласно критерию – Фридмана по различным шкалам отношения к Интернету доминирует шкала «Социальный комфорт», (=156,6; p=0,000). Это означает, что участники опроса комфортно чувствуют себя в сети, для них это уютное место, куда можно сбежать от насущных проблем, возможно, там им даже лучше, чем в реальности.

Далее был использован «Опросник поведения в Интернете» А. Е. Жичкиной. В ходе проведенного исследования была выделена доминирующая стратегия у студентов – «Активность в восприятии альтернатив» (2,66). Таким образом, для студентов характерно стремление к поиску идентичности, стремление испытать новый опыт, который невозможно испытать в реальном общении. По шкале «Активности в действии» результаты оказались низкими (1,66), это означает, что пользователи часто ведут себя в соответствии с требованиями социальных ролей. Склонность к зависимости от Интернета находится в пределах нормы у студентов (1,67). У респондентов практически отсутствует навязчивое желание выйти в Интернет, отсутствует потеря субъективного контроля над использованием Интернета. Статистическая обработка результатов по критерию Фридмана подтвердила значимые различия (=69,127, p=0,000).

Установка на «Социальный комфорт» положительно коррелирует со стратегией «Активность в восприятии альтернатив» (r_s=0,356, p⩽0,05). Студенты, которые комфортно чувствуют себя в Интернете и идут сюда за спокойствием, стремятся найти себя и испытать новый опыт в виртуальной сети. Шкала «Интернет-зависимость» положительно связана с установками «Сниженный самоконтроль» (r_s=0,529, p⩽0,01) и «Отвлечение» (r_s=0,292, p⩽0,01). Это говорит о том, что студенты, которые не могут сократить время пользования Интернетом, а также используют его в качестве средства избегания реальных проблем, наиболее склонны к интернет-аддикции.

Полученные результаты проведенного эмпирического исследования позволили выявить взаимосвязь между установками студентов по отношению к Интернету и стратегиями поведения в сетевом пространстве. Таким образом, выдвинутая при планировании исследования гипотеза нашла свое подтверждение.

Литература

Александров А. Г. Зависимость установок в популяции зрелого возраста от критериев качества жизни // Медицина и образование в Сибири. 2008. № 4. С. 2.

Губенко Э. В. Опросник установок по отношению к интернету. URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/internet_questionary (дата обращения: 18.05.2017).

Сунгурова Н. Л. Сравнительный анализ установок студентов по отношению к Интернету // Акмеология. 2016. № 4. С. 156–162.

Сунгурова Н. Л. Личностные детерминанты взаимодействия студенческой молодежи с информационно-компьютерными технологиями: монография. М.: РУДН, 2017.

Формирование субъективного ощущения счастья у студентов посредством выполнения намеренных «действий счастья»

В. Ю. Боровик (*Новополоцк*)

На сегодняшний день общество характеризуется как нестабильное и напряженное. Этому способствуют различные отрицательные факторы (экономические, политические, духовные, социальные), которые приводят к нарушениям и изменениям как индивидуальных личностных качеств человека, так и общества в целом. При этом государство теряет собственный потенциал развития в лице добросовестных работников, готовых трудиться на благо общества.

Счастливый человек лучше видит и использует собственные возможности и потенциал. Высокий уровень счастья в обществе является залогом успешности развития и процветания государства. Будучи счастливым, индивид тем самым улучшает не только свое психическое состояние, но и физическое, что, в свою очередь, наилучшим образом сказывается на уровне удовлетворенности жизнью. Поэтому как изучение самого феномена счастья, так и разработка способов повышения его субъективного уровня являются актуальными.

Цель представленного исследования – провести анализ эффективности повышения уровня субъективного ощущения счастья с помощью отдельных намеренных «действий счастья» (объятия с близкими и друзьями, прослушивание любимых музыкальных композиций, самоубеждение). *Объектом* исследования является субъективное ощущение счастья как показатель внутренней удовлетворенности жизнью, *предметом* – эффективность «намеренных действий счастья» для повышения уровня субъективного ощущения счастья у студентов.

Гипотеза исследования: если испытуемые будут выполнять определенные регулярные действия («действия счастья»: объятия с близкими и друзьями, прослушивание любимых музыкальных композиций, самоубеждение), то у них произойдет повышение уровня субъективного ощущения счастья. Наше предположение основано на «теории сорока процентов» счастья американского психолога С. Любомирски (2014).

Выборка (3 экспериментальные и 1 контрольная группы) составила 80 испытуемых (по 20 испытуемых в каждой из групп). В ее состав вошли студенты 1–3 курсов спортивно-педагогического факультета Полоцкого государственного университета, а также студенты других учебных заведений. Выборка сформирована путем рандомизации без учета гендерных и возрастных различий.

Для проведения исследования использовался метод формирующего эксперимента. Независимой переменной в данном эксперименте являются предложенные испытуемым намеренные «действия счастья», зависимой переменной – уровень субъективного ощущения счастья у испытуемых.

В ходе исследования была проведена первичная диагностика с помощью методики Оксфордский опросник счастья (Эксакусто, 2012), целью которой является выявление текущего уровня субъективного ощущения счастья у трех экспериментальных групп.

На этапе экспериментального воздействия испытуемым из трех экспериментальных групп было предложено в течение месяца регулярно выполнять по одному заданию с фиксацией хода его выполнения, собственного самочувствия и настроения в тетради (дневнике).

Объятия (Экспериментальная группа № 1). Испытуемым предлагалось каждый день в течение месяца обнимать не менее 6 человек с фиксацией количества объятий в дневнике.

Музыка (Экспериментальная группа № 2). В течение месяца необходимо прослушивать любимые композиции около 1 часа в день и более (при условии прослушивания без наушников и на средней/низкой громкости) с записью о своем самочувствии и настроении.

Самоубеждение (Экспериментальная группа № 3). В течение месяца, каждый день (утром и перед сном), у зеркала необходимо повторять (вслух) то, чего хотелось бы достичь (например: «Я самый успешный студент», «Я самый лучший друг», «Я отлично себя чувствую» и т. д.).

Предполагалось, что задания № 1 и № 2 оказывают влияние на аффективный компонент счастья, а задание № 3, в свою очередь, влияет на когнитивный компонент. Все экспериментальные задания направлены на формирование позитивного взгляда на жизнь, повышения самооценки и общего уровня субъективного ощущения счастья.

После завершения экспериментального воздействия был проведен ретест с помощью Оксфордского опросника счастья у экспериментальных групп для фиксации результатов эксперимента. Кроме этого, ретест был проведен в контрольной группе с целью убедиться в отсутствии выраженных изменений у испытуемых за время проведения эксперимента.

Для обработки полученных в ходе исследования данных были выбраны критерий Манна–Уитни и критерий Вилкоксона. Критерий Манна–Уитни был использован для оценки достоверности различий между несвязанными выборками, критерий Вилкоксона – для сопоставления результатов «тест–ретест» у контрольной и экспериментальных групп (Ермолаев, 2003).

Результаты. После проведения доэкспериментальной диагностики было произведено сопоставление показателей *субъективного ощущения счастья в экспериментальных и контрольной группах* с помощью непараметрического критерия различий U Манна–Уитни с целью определить, насколько данные выборки эквивалентны. В результате сопоставления диагностических показателей уровня субъективного ощущения счастья трех экспериментальных и контрольной группы установлено, что выборки являются эквивалентными ($p>0,05$).

Далее, после экспериментального воздействия и ретеста было проведено сопоставление показателей субъективного ощущения счастья (Оксфордский опросник) по *результатам теста и ретеста у экспериментальных групп.* Сопоставление проводилось с помощью критерия Вилкоксона.

По итогам подсчета результатов в *экспериментальных группах № 1 и № 2* ($T_{эмп}>T_{кр}$), уровень значимости оказался $p>0,05$ ($p=0,13$ и $p=0,12$ соответственно), и, следовательно, он попадает в зону незначимости на оси значимости. Указанные результаты свидетельствуют о том, что экспериментальное воздействие оказалось не эффективным на достоверном уровне.

Экспериментальная группа № 3 (*самоубеждение*). Так как $T_{эмп}<T_{кр}$, то мы можем утверждать, что сдвиг в типичную сторону достоверно преобладает.

По итогам подсчета результатов, уровень значимости $p<0,01$ ($p=0,004$), и, следовательно, он попадает в зону значимости на оси значимости. Указанные результаты свидетельствуют о том, что экспериментальное воздействие оказалось эффективным.

Было проведено сопоставление результатов *теста и ретеста у испытуемых контрольной группы* с помощью непараметрического критерия Вилкоксона. Выраженные изменения в контрольной группе за время проведения эксперимента отсутствуют ($p>0,05$).

На заключительном этапе исследования было произведено сравнение результатов ретеста у экспериментальных и контрольной групп с помощью критерия U Манна–Уитни. Уровень значимости оказался $p>0,05$ (для Э1 и Э2), что говорит нам об отсутствии изменений в экспериментальных группах № 1 и № 2 после экспериментального воздействия; $p<0,05$ (для Э3), что, в свою очередь, говорит нам о наличии изменений в экспериментальной группе № 3 после экспериментального воздействия.

Выводы. По результатам нашего исследования, можно говорить о том, что для повышения субъективного ощущения счастья наиболее действенным является воздействие на когнитивный компонент счастья, который, в свою очередь, влияет на аффективный компонент. Воздействие на когнитивный компонент счастья является более эффективным за счет влияния на глубинные установки личности, что, в свою очередь, вызывает ощутимый и стойкий результат в виде изменения жизненных установок на более позитивные, изменение взгляда на себя и мир с положительной стороны и приводит к формированию оптимистического атрибутивного стиля личности.

Целенаправленное же воздействие на аффективный компонент счастья с помощью намеренных «действий счастья» возможно как дополнение с целью усиления результата, так как при отдельном их применении он носит относительно временный характер за счет влияния на эмоциональный фон личности.

Для достижения наилучшего результата, как мы полагаем, необходимо использовать данные намеренные «действия счастья» комплексно.

Литература

Ермолаев О. Ю. Математическая статистика для психологов. М.: Флинта, 2003.

Любомирски С. Психология счастья. Новый подход. СПб.: Питер, 2014.
Эксакусто Т. В. Тренинг позитивного мышления. Коррекция счастья и благополучия Ростов-н/Д.: Феникс, 2012.

Диагностика эмоциональных нарушений и копинг-стратегий у больных рассеянным склерозом

Ю. В. Бочек (*Ярославль*)

Изучение рассеянного склероза сегодня является одним из наиболее динамично развивающихся разделов клинической неврологии и актуальным направлением для врачей-неврологов, психиатров и клинических психологов (Завалишин и др., 2011).

Разнообразие эмоциональных нарушений, а также возможные подходы к их коррекции являются главными определяющими факторами изучения и самого рассеянного склероза, и уровня психологического благополучия больных этим заболеванием (Резникова и др., 2012; Рассказова, Гордеева, 2011).

Целью данной работы является диагностика эмоциональных нарушений и копинг-стратегий у больных рассеянным склерозом.

Гипотеза исследования: у больных рассеянным склерозом есть эмоциональные нарушения, а именно – депрессивные, астенические, повышенный уровень личностной и ситуативной тревожности, а также склонность к дезадаптивному совладающему поведению.

Обследование проводилось на базе Кафедры нервных болезней с медицинской генетикой и нейрохирургией Клинической больницы № 8 г. Ярославля. В обследовании принимали участие 51 чел., больные рассеянным склерозом в возрасте от 18 до 60 лет (из них 30 женщин и 21 мужчина). Все больные когнитивно сохранны, не подвержены инвалидизации.

При диагностике депрессии было выявлено, что у 53% испытуемых депрессия отсутствует, а у 47% депрессия колеблется от легкого уровня до выраженной степени. Это объясняется тем, что больные рассеянным склерозом сталкиваются с множеством трудностей, например, в процессе самого лечения (который не всегда проходит благополучно), а также с проявлением физиологических изменений (нарушением сна, аппетита и др.), изменением памяти, внимания, пониженным настроением и др.

При исследовании астении было выявлено, что у 55% испытуемых астения отсутствует, а у 45% астения слабо выраженная или легкого уровня. Это можно объяснить тем, что испытуемые обладают меньшим потенциалом сил, но стараются работать в ритме, как и здоровые люди. Также астения является показателем того, что рассеянный склероз – признак именно эмоциональных изменений, а не только неврологических.

При диагностике личностной тревожности было выявлено, что у 16% испытуемых уровень тревожности низкий, у 41% – умеренный, а у 43% – высокий уровень. Это объясняется тем, что осознание своей болезни вызывает тревогу у больных, что впоследствии делает тревожность не только актуальным состоянием, но и личностной чертой. На высокий уровень проявления тревожности также влияют неудобства (особенно в психологическом аспекте), которые приносит заболевание, а также постоянная тревога за свое здоровье, за свое будущее и т. д.

В исследовании при диагностике ситуативной тревожности, было выявлено следующее: низкая тревожность – у 11% испытуемых; умеренная тревожность – у 33% и высокий уровень тревожности – у 56%. Стоит отметить, что ситуативная тревожность связана с тем, в каком состоянии испытуемый находится в актуальной ситуации. Соответственно, менее чем у половины испытуемых, было спокойное, равновесное состояние. У большей части испытуемых – наоборот, неспокойное состояние, дискомфорт и напряженность. Вероятно, это связано с их внутренним состоянием, дискомфортом по поводу вопросов в методике, актуализации неприятных эмоций, вызывающих тревогу.

Были выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами в проявлении депрессии (где t-кр. Стьюдента=3,55, при p=0,01), астении (где t-кр. Стьюдента=4,16, при p=0,01), личностной тревожности (t-кр. Стьюдента=2,6, при p=0,05) и ситуативной тревожности (t-кр. Стьюдента=3,47, при p=0,01). Таким образом, у женщин среднее значение значимо выше, чем у мужчин, больных рассеянным склерозом.

В результате изучения копинг-стратегий было выявлено, что наиболее используемой копинг-стратегией среди больных рассеянным склерозом является «Принятие» (принятие реальности произошедшего, стрессовой ситуации), а также «Активное совладание» (активные шаги или прямые действия, направленные на преодоление стрессовой ситуации) и «Планирование» (обдумывание того, как вести

себя в отношении сложной жизненной ситуации, разработка стратегии поведения).

Самыми редко используемыми копинг-стратегиями являются «Использование „успокоительных“» (принятие алкоголя, лекарственных средств или наркотиков как способ избегания проблемы и улучшения самочувствия, поднятия настроения) и «Поведенческий уход от проблемы» (отказ от достижения цели, регулирование усилий, направленных на взаимодействие с источником стресса).

Также нами были выявлены значимые различия между двумя группами (мужчины и женщины), где t-критерий Стьюдента = 2,220 (при p=0,05) при выборе копинг-стратегии «Концентрация на эмоциях и их активное выражение». Это значит, что женщины больше склонны фокусироваться на неприятных эмоциях, негативных ситуациях и выражать отрицательные эмоции, чем мужчины, больные рассеянным склерозом.

Были выявлены значимые различия по копинг-стратегии «Юмор», где t-критерий Стьюдента равен 4,210 (при p=0,01), т. е. мужчины чаще используют юмор, чем женщины, в стрессовых ситуациях, а именно – переводят сложившуюся ситуацию в шутку, стараются воспринимать произошедшее с юмором, находят в случившемся забавные моменты.

Таким образом, выявив эмоциональные нарушения у больных рассеянным склерозом, а именно – проявления депрессии, астении, повышенную личностную и ситуативную тревожность, будет целесообразно составление программы, направленной на коррекцию этих нарушений. Также изучение нарушений, связанных с протеканием рассеянного склероза, может значительно повысить качество имеющейся лечебно-реабилитационной работы и способствовать созданию индивидуально-ориентированных лечебных программ.

Литература

Завалишин И. А., Спирин Н. Н., Бойко А. Н., Никитин С. С. Хронические нейроинфекции. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011.

Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования. 2011. № 3.URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 01.09.2017).

Резникова Т. Н., Селиверстова Н. А., Никифорова И. Г., Ароев Р. А. Психологические варианты эмоциональных нарушений у больных с рассеянным склерозом // Вестник психотерапии. 2012. № 41. С. 99–108.

Теория систем в психологии

П. П. Бражников (*Москва*)

В наше время многие науки используют такой инструмент, как теория систем. Данная теория основана на простой, но достаточно строгой логике и позволяет понять многие эмпирические закономерности, наблюдаемые в различных областях. Более того, помимо объяснения наблюдаемых явлений, она способна предсказать ранее не замеченные тенденции. Психологическая наука не является исключением. Современная теория систем рассматривает человека в качестве самоподдерживающейся адаптивной системы (Анохин, 1973). Такими же системами являются многие другие субъекты, например большинство биологических систем.

Адаптивность систем выражается, в первую очередь, в том, что они способны вырабатывать стратегии, наиболее эффективные при имеющейся внешней ресурсной базе. В зависимости от частоты появления источников ресурсов и их ценности, системы стремятся избегать во взаимодействии с ними либо ошибок первого рода, либо ошибок второго рода. Ошибки первого рода – это термин, обозначающий в статистике пропуск важного события, в данном случае – пропуск источника ресурса. Ошибками второго рода являются ложные реакции при отсутствии необходимого события, в рассматриваемой модели – при отсутствии источника ресурсов. Применяя одну из двух стратегий, система повышает вероятность получения ресурсов. Ресурсы, соответствующие данным стратегиями, условно можно охарактеризовать как скудные и частые, либо как интенсивные и редкие, соответственно.

Так как человек использует больше одного типа ресурсов, то необходимы механизмы для работы с источниками ресурсов обоих типов, требуется профилактика обоих видов риска. Для этого у человека, как и у многих животных, имеется два полушария мозга (Rooij, Favela, 2016). Одно отвечает за быструю реакцию на частые источники ресурсов (Kahneman, 2011) и направлено на профилактику ошибок 1-го рода. Так как быстрая реакция не позволяет долгую обработку информации, то один из вычислительных центров, полушарий мозга, выполняет простое сравнение входящей информации с прошлыми образами – правое полушарие. Получается, что оно управляет оперативной деятельностью человека. Второе полушарие, чаще левое, направлено на более долгие процессы, на будущие цели и стремится к профилактике ошибки 2-го рода через повышение эффективности. Отложенная во времени необходимость действовать позволяет

структурировано работать с информацией, найти в ней соответствующие цели закономерности.

Важно, что системы являются устойчивыми структурами, а значит, все процессы в них не единичны, а повторяются во времени. При этом в любом обмене ресурсов, на практике, невозможен мгновенный процесс. Одного из двух обмениваемых ресурсов всегда будет недостаточно для компенсации имеющихся потоков встречного ресурса. Это означает, что такой ресурс будет возвращен позднее, т. е. часть источников таких ресурсов будет работать на будущую отдачу встречным источникам ресурсов. Фактически, такие источники ресурсов станут подсистемой встречных источников. Избыточный же ресурс инвестируется в будущие потоки противоположного ресурса, подчиняя себе их источники. Подобные процессы инвестирования и заимствования ресурсов в человеке соответствует интровертным и экстравертным взаимодействиям. Так как основных ресурсов в человеческих системах два: физические и социальные (Tomasello, Call, 1997), то именно их потоки и обмениваются в течение жизни. Один из них будет инвестируемым и экстравертным, второй – заимствуемым и интровертным. Какой именно ресурс будет инвестируемым, а какой заимствуемым, определяется в процессе раннего онтогенеза. Также как то, какой ресурс требует профилактики ошибок 1-го рода и обработки левым полушарием, а какой профилактики ошибок 2-го рода и обработки правым полушарием. Эти две характеристики являются независимыми, а потому в правом полушарии, отвечающем за оперативные процессы, в том числе непосредственное общение, может оказаться как инвестируемый, экстравертный ресурс, так и заимствуемый, интровертный ресурс. Что влияет на оценку человека как экстраверта или как интроверта.

Характеристики ресурсов, формирующие стратегию системы при взаимодействии с ними, определяются относительно характеристик встречного ресурса. Таких характеристик у каждого ресурса две: средняя ценность его источников относительно средней ценности встречных источников и их средняя частота относительно частоты появления источников противоположного ресурса. Соответственно, произведение этих параметров определяет достаточность количества ресурса для компенсации ответного потока, что влияет на выбор системой экстравертной или интровертной стратегии.

Другой параметр определяет особенности распределения во времени поступлений ресурса. Если ресурс поступает редко и в больших количествах, то его необходимо накапливались для поддержания будущих взаимодействий и для профилактики ошибки 2-го рода. Если

ресурс поступает часто, то ресурс нужно тратить сразу, для профилактики ошибки 1-го рода. Данная характеристика в формулах определяется делением относительной ценности ресурса на его относительную частоту. Этот показатель влияет на то, каким полушарием будет обрабатываться информация, касающаяся данных ресурсов.

Следующая закономерность систем проявляется в случаях, когда один из основных ресурсов системы не имеет преимущества перед другими ни по ценности его источников, ни по их частоте. Тогда источники второго ресурса будут одновременно и ценнее и чаще источников встречного ресурса. В таком случае однозначно более выгодная стратегия во взаимоотношениях с такими источниками ресурсов отсутствует. Система вынуждена применять стратегии профилактики обеих ошибок, но, в силу ограниченности возможностей, обе стратегии будут менее строго направлены. При этом сохранится более приоритетная стратегия. Она определяется тем, по какому параметру источников ресурсов – ценности или частоте – относительное преимущество избыточного ресурса выше или по какому параметру относительная недостаточность дефицитного ресурса ниже. Соответственно, если относительно более важной характеристикой является ценность источников ресурсов, то используется стратегия накопления, в случае большей важности частоты – стратегия оперативных трат ресурса.

Таким образом, можно условно выделить восемь ресурсных состояний для каждого из двух основных ресурсов человека, социальных и предметных. Конечно, границы между ними несколько условны, но случаи близости к границам на практике редки. Так как ресурсы взаимосвязаны и их характеристики измеряются относительно друг друга, то строго математически каждому состоянию одного ресурса соответствует только одно состояние второго ресурса. Однако человек, как перераспределяющая система, не живет достаточное количество циклов обмена, чтобы принцип обратной связи привел два ресурса к равновесию. Как показывает практика, каждому состоянию одного ресурса могут соответствовать два состояния встречного ресурса, с сохранением доминантной стратегии взаимодействия с ним, но с отличающейся строгостью стратегии (Бражников, 2016).

Случаются и иные отклонения от нормальной работы системы, но они уже ведут к психическим отклонениям. Например, если вместо предметного и социального потоков ресурсов человек взаимодействует с двумя различными предметными потоками ресурсов, то это проявляется в аутизме, различном при различных страте-

гиях взаимодействия. Наоборот, два различных потока социальных ресурсов приведут к шизофрении.

Описанные выше стратегии человека как адаптивной системы и механизмы их формирования в зависимости от ресурсной базы влияют на психологию личности человека. Именно так формируются многие известные эмпирические различия в темпераменте, стиле обучения, характере, психотипе. Многие такие различия отлично вписываются в представленную модель и таким образом получают научное обоснование. Некоторые примеры будут приведены в докладе.

Однако, помимо основного процесса обмена ресурсов, формирующего личность человека, такие же закономерности регулируют все другие его проявления. Особенности личности являются базовыми, однако для конкретных частных предметных или социальных ресурсов в конкретный отдельный период жизни будет свое относительное распределение источников, влияющее на то, как человек будет с ними оперировать.

С этим связана еще одна закономерность, характерная для человека как адаптивной системы. Любой акт траты любых ресурсов является инвестированием в потоки ресурсов, но не в единичные акты обмена. Именно это и порождает такие классические отклонения от рационального поведения, как попытки получить то, на что потрачены деньги или время, даже если это перестало быть выгодным. Так как системы являются фрактальными, то их закономерности можно обнаружить на любом масштабе, а значит не только в более частных проявлениях, нежели личность человека, но и в более общих, таких как поведение социальных групп.

Таким образом, представленная модель теории систем применительно к психологии может существенно повысить понимание эмпирически выведенных закономерностей, используя строгую логику.

Литература

Анохин П. К. Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973.

Бражников П. П. Формирование психики как развитие самообучающейся системы // Психология и психотехника. 2016. № 9. С. 787–793.

Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. N. Y.: Farrar, Strauss, Giroux, 2011.

Tomasello M., Call J. Primate Cognition. N. Y.: Oxford University Press, 1997.

van Rooij M. M., Favela J. W., Malone L. H. A nonlinear dynamical systems theory perspective on dual-processing accounts of decision-making under uncertainty // Proceedings of the 38th Annual Meeting of the Cognitive Science Society. Philadelphia: Cognitive Science Society, 2016. P. 1673–1678.

Особенности когнитивного стиля узкий/широкий диапазон эквивалентности в академической успеваемости младших школьников*

Е. Г. Будрина, М. А. Кузнецова (*Москва*)

В когнитивной психологии в последние годы активно исследуется такое перспективное направление как когнитивные стили. Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения (Холодная, 2004).

В настоящее время существует описание около двадцати когнитивных стилей, наше исследование касалось одного из них – узкий/широкий диапазон эквивалентности (У/ШДЭ). Суть данного когнитивного стиля заключается в том, мало или много категорий существует в индивидуальном понятийном опыте. В экспериментах на свободную классификацию объектов было обнаружено, что некоторые испытуемые разделяют объекты на много групп, имеющих малый объем (узкий диапазон эквивалентности), другие же испытуемые образуют мало групп, имеющих большой объем (широкий диапазон эквивалентности). По мнению Р. Гарднера, узкий диапазон эквивалентности предполагает более детализированную категоризацию впечатлений, что позволяет говорить об использовании этими испытуемыми более точных стандартов в оценке различий объектов. Чем больше групп объектов выделяется в условиях их категоризации, тем выше понятийная дифференциация (Холодная, 2004).

О наличии в дошкольном возрасте когнитивных стилей существует три точки зрения. Основная из них состоит в том, что в детском возрасте стилей как таковых нет, именно в силу возрастной специфики психического развития дети – полезависимы, импульсивны, отличаются когнитивной простотой и т. д.

М. А. Холодная (2004) в своем исследовании на студентах университета продемонстрировала расщепление когнитивного стиля У/ШДЭ и выпадение непродуктивной субгруппы «детализаторы». В исследовании Е. Г. Будриной (2009), проведенном на подростках 5–9-х классов разных моделей обучения, продемонстрировано, что чаще всего выпадает также субгруппа «детализаторы».

* Работа выполнена в рамках Государственного задания ФАНО, тема № 0159-2017-0005.

Если исходить из этих исследований, то возрастная специфика когнитивного стиля У/ШДЭ остается непонятна. Мы видим, что в дошкольном возрасте когнитивный стиль – униполярное измерение, в подростковом возрасте когнитивный стиль уже сформирован, хотя и наблюдается выпадение одной субгруппы. Остается вопрос: а что же происходит с когнитивным стилем У/ШДЭ в младшем школьном возрасте? Возникает еще один вопрос: как распределяются субгруппы когнитивного стиля У/ШДЭ по уровням академической успеваемости? Связь когнитивного стиля У/ШДЭ с успешностью обучения неоднозначна. И. П. Шкуратова предполагает, что подчеркивание различий между объектами (понятиями, высказываниями), характерное для лиц с высокой понятийной дифференцированностью, мешает при необходимости обобщить, сжать материал, но оказывается полезным при более точном и подробном его воспроизведении (Шкуратова, 1994). По данным В. А. Колги, ни один из полюсов понятийной дифференцированности не дает преимуществ для успешности обучения. Если высокая понятийная дифференцированность (аналитичность) способствует выявлению специфичности предлагаемой задачи, то низкая – большей широте переноса навыков из одной ситуации в другую (Колга, 1976).

Поэтому *целью* нашего исследования являлось выявление специфики когнитивного стиля узкий/широкий диапазон эквивалентности в младшем школьном возрасте и особенностей проявления данного стиля в академической успеваемости младших школьников.

Гипотеза исследования. Независимо от академической успешности в младшем школьном возрасте преобладают субгруппы полюса широкий диапазон эквивалентности когнитивного стиля У/ШДЭ.

Характеристика выборки. Исследование проводилось на базе средней общеобразовательной школы. Общая выборка составила 140 учащихся начальной школы, из них 75 мальчиков и 65 девочек. Средний возраст испытуемых на момент исследования составил 9 лет 9 месяцев.

Для диагностики когнитивного стиля узкий/широкий диапазон эквивалентности использовалась модификация методики «Свободная сортировка объектов» в адаптации Е. Г. Будриной (2016). Показатели узкого/широкого диапазона эквивалентности: *Основной показатель:* Количество групп (КГ); *Дополнительный показатель:* «Дифференцированность категорий» (ДК).

Обработка полученных результатов проводилась с применением стандартизированного пакета программ SPSS (версия 19). Что-

бы выявить стилевые субгруппы, применялся кластерный анализ по методу Уорда. Для оценки различий средних значений использовался t-критерий Стьюдента. Для подсчета достоверно значимых различий между процентными долями применялся коэффициент углового преобразования Фишера (φ-критерий).

Результаты и их интерпретация. В своем исследовании мы рассматриваем данный когнитивный стиль как квадриполярное измерение. В плане теоретических ожиданий полюс широкого диапазона эквивалентности должен быть представлен двумя субгруппами – «категоризаторы» и «глобалисты», а полюс узкого диапазона эквивалентности – субгруппами «дифференциаторы» и «детализаторы». Две стилевые субгруппы («категоризаторы» и «дифференциаторы») относятся к продуктивным и две («глобалисты» и «детализаторы») – к непродуктивным (Холодная, 2004).

При поведении кластерного анализа в когнитивном стиле узкий/широкий диапазон эквивалентности было получено три субгруппы, а не четыре, как теоретически ожидалось.

Полюс узкого диапазона эквивалентности представлен одной субгруппой – «дифференциаторы» (n=15), произошло выпадение второй непродуктивной стилевой субгруппы – «детализаторы». Испытуемые субгруппы «дифференциаторы» имеют самое высокое значение основного показателя «КГ» (10,8/±2,6) и самое высокое значение дополнительного показателя «ДК» (14,4/±1,6), т. е. образуя большее количество групп, имеющих небольшие объемы, испытуемые применяют для объяснения выделенной группы более точные, разнообразные и редкие категориальные признаки.

Полюс широкого диапазона эквивалентности представлен двумя субгруппами. У испытуемых субгруппы «глобалисты» (n=51) самое низкое значение основного показателя «КГ» (5,6/±1,3) и самое низкое значение дополнительного показателя «ДК» (5,1/±1,6), т. е. образуя небольшое количество групп, имеющих большой объем, испытуемым труднее выделить принцип, по которому они объединили слова в одну группу. Вторую субгруппу полюса широкого диапазона эквивалентности можно *условно* назвать «категоризаторы» (n=74), так как она занимает промежуточное положение между двумя крайними субгруппами «дифференциаторы» и «глобалисты». Для того чтобы полученную субгруппу интерпретировать как «категоризаторы», мы не должны были получить отличия в основном показателе «КГ» (7,6/±1,3) между этой субгруппой и субгруппой «глобалисты» ($t=8{,}306$, $p\leqslant 0{,}001$) и отличия в дополнительном показателе «ДК» (9,1/±1,4) с субгруппой «дифференциаторы» ($t=-11{,}605$, $p\leqslant 0{,}001$).

Чтобы рассмотреть проявление когнитивного стиля У/ШДЭ у младших школьников с разной академической успеваемостью, мы «условно» разделили учащихся на три группы – «успешные», «средние», «неуспешные» – по показателю «Общий средний балл» (ОСБ), который суммирует академическую успеваемость ребенка.

В группу «*неуспешные*» (n=15) вошли ученики, «ОСБ» которых находится в рамках от 2,6 до 3,6 балла. В группу «*средние*» (n=84) вошли ученики, «ОСБ» которых находится в рамках от 3,8 до 4,6 балла. В группу «*успешные*» (n=41) вошли ученики, «ОСБ» которых находится в рамках от 4,8 до 5 баллов.

В группе «неуспешных» учащихся выделено только две субгруппы, которые относятся к полюсу широкого диапазона эквивалентности, и различий между субгруппами «глобалисты» (46%) и «категоризаторы» (54%) не выявлено. В группе «средних» и «успешных» учащихся выделено три субгруппы, т. е. в этих группах появляются ученики с высокой понятийной дифференцированностью – субгруппа «дифференциаторы»; кроме этого, процент субгруппы «категоризаторы» (52% «средних» и 59% «успешных») имеет достоверные различия с субгруппой «глобалисты» ($\varphi=2{,}542$, $p\leqslant 0{,}05$ и $\varphi=2{,}938$, $p\leqslant 0{,}001$ соответственно).

Выводы

В младшем школьном возрасте когнитивный стиль У/ШДЭ находится на стадии формирования, так как представлен тремя, а не четырьмя субгруппами, имеет место выпадение одной из непродуктивных субгрупп – «детализаторы», и с возрастом может произойти изменение в составе и соотношении стилевых субгрупп. Во всех трех группах академической успеваемости в данном возрасте субгруппы полюса широкого диапазона эквивалентности являются доминирующими или преобладающими. Только у учащихся имеющих средние и высокие показатели академической успеваемости появляется группа детей с высокой понятийной дифференцированностью и преобладанием продуктивных субгрупп.

Литература

Будрина Е. Г. Динамика интеллектуального развития подростков в условиях разных моделей обучения // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 33–46.

Будрина Е. Г. Когнитивный стиль узкий/широкий диапазон эквивалентности в младшем школьном возрасте: возможности диагностики //

Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 126–131.
Колга В. А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976.
Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского педагогического университета, 1994.

Особенности мировосприятия лиц, переживающих внезапную утрату

Е. А. Бурина (*Санкт-Петербург*)

В психологической литературе вряд ли можно найти четкое определение понятия мировосприятия. Многие ученые касались изучения данной проблематики, в частности, эту тему развивали В. Франкл, И. Ялом, Р. Мэй, Э. Фромм, С. Гроф, Р. Янофф-Бульман и др.

Мировосприятие – это восприятие человеком внешних факторов окружающей его действительности и дальнейший анализ влияния данных факторов на его жизнь. Контекст, заданный темой исследования, в значительной степени сужает данное понятие. Безусловно, переживание утраты, как и любая другая кризисная, а порой и экстремальная, ситуация в жизни человека, откладывает немалый отпечаток на восприятие мира. Утрата, будучи в любом случае необратимой, сталкивает человека с изменениями в его смысловой структуре. У человека зачастую меняются жизненные ценности, отношение к людям, к самому себе. Это событие затрагивает и области смысла жизни, религиозных взглядов. Безусловно, какие-то сферы могут остаться неизменными, так как переживание утраты – это индивидуальный процесс, а следовательно – все, что происходит с человеком в период горевания, также индивидуально и уникально. Но в каждом уникальном случае можно найти и выделить некие общие закономерности, присущие большинству людей.

Проанализировав большой объем литературных данных, представилось возможным выделить характерные особенности мировосприятия в контексте переживания утраты:

1) базовые убеждения: общее отношение к благосклонности окружающего мира (благосклонность мира, доброта людей); общее отношение к осмысленности мира (справедливость мира, контролируемость мира, случайность, как принцип распределения происходящих событий); убеждение относительно собственной ценности, способности управления событиями и везения (ценность собственного «я», степень самоконтроля, степень удачи и везения);
2) отношение к смерти: страх смерти; мысли о смерти и бессмертии; мысли о том, что происходит после смерти;
3) отношение к себе: изменение отношения к себе; изменение своих социальных ролей; самореализация;
4) ценностно-смысловая сфера: поиск смысла жизни; изменение жизненных ценностей; наличие жизненных закономерностей; жизненный выбор; изменение образа жизни; смысл внезапности утраты; удовлетворенность жизнью; чувство ответственности; чувство одиночества; вопросы веры и религии (вера в некие божественные силы, управляющие жизнью).

Целью данного исследования явилось выявление общих закономерностей особенностей мировосприятия людей, переживающих внезапную утрату.

В связи с поставленной целью, были сформулированы следующие *задачи* исследования: изучить особенности переживания утраты, базовые убеждения, а также основные жизненные ценности лиц, переживающих внезапную утрату.

Для реализации поставленных задач были использованы следующие *методы* исследования:

1. Тематическое интервью (Бурина, 2017).
2. Опросник «Шкала базовых убеждений» (Janoff-Bulman, 1992).
3. Методика «Ценностные ориентации» (Рокич, 1973).

Анализ и обработка данных осуществлялась в программе SPSS Statistics с использованием описательных статистик, а также многофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). Для анализа результатов интервью применялся качественный контекст-анализ.

Выборку исследования составили 75 респондентов, в возрасте от 18 до 64 лет, из них: 36 мужчин, 39 женщин. Все респонденты имеют высшее образование. 38 чел. присутствовали при ситуации утраты, и 37 чел. отсутствовали. Время, прошедшее после утраты близкого человека, имеет широкий диапазон: от 5 дней до 10 лет,

но при этом все респонденты отмечают, что еще не совладали с данным переживанием.

Все участники исследования являются членами группы помощи и поддержки людям, переживающим утрату. В данную группу респонденты обращались добровольно, в поисках поддержки и/или психологической помощи. Все участники исследования рассматривают утрату как очень значимое жизненное событие, которое повлекло за собой большие перемены в их жизни.

При проведении исследования соблюдались все этические нормы, особое внимание уделялось принципам анонимности и конфиденциальности полученных данных. Также респондентам по их желанию предоставлялась обратная связь по результатам методик. Все респонденты получали консультативную помощь в рамках работы группы, а также в индивидуальном порядке при необходимости или по запросу.

Результаты исследования и их обсуждение. Были изучены базовые убеждения респондентов. Почти по каждой шкале значение среднего увеличивается, согласно времени, прошедшему после утраты. Полученные результаты демонстрируют заниженные значения по всем шкалам методики на рубеже от 5 дней до 1 года после произошедшей утраты. В период от 1 до 2 лет показатели попадают в диапазон средних значений. В промежутке от 2 лет и далее все значения находятся на среднем или высоком уровне. Исключением из такой закономерности являются показатели, полученные по шкале «степень удачи или везения»: почти все значения по данной шкале сильно занижены, что отражает веру переживающих утрату в их невезение в жизни, что подтверждается данными из интервью.

Результаты изучения ценностных ориентаций показывают, что самыми часто выбираемыми терминальными ценностями у всех респондентов являются: счастливая семейная жизнь, наличие хороших и верных друзей, жизненная мудрость. Из списка инструментальных ценностей респонденты чаще всего выбирали: жизнерадостность и чуткость.

Качественный анализ результатов интервью выявил, что самыми незначимыми областями переживания утраты являются: удовлетворенность своей жизнью, желание изменить свой образ жизни, а также мысли о вопросах веры и религии. При этом самыми значимыми сферами переживающие утрату называют: переживание чувства ответственности, поиск смысла жизни, мысли о смерти и о том, что происходит с человеком после нее, вера в наличие жизненных закономерностей.

Также области переживания утраты оценивались респондентами по критерию легкости–тяжести их переживания. Легче всего переживаются такие области, как удовлетворенность своей жизнью, желание изменить свой образ жизни, вера в возможность контролировать происходящие жизненные события. При этом тяжелее всего респондентам справляться с такими сферами, как: мысли о вопросах, связанных с одиночеством; переживание чувства ответственности; особый смысл переживания утраты; поиск смысла жизни; мысли и смерти и о том, что с человеком происходит после нее.

По результатам исследования, были выявлены определенные общие закономерности мировосприятия для разных групп людей. Среди горюющих, присутствовавших и отсутствовавших при ситуации утраты, не было выявлено никаких различий ни в одной из исследованных особенностей мировосприятия. Среди групп, разделенных по половому признаку, различия в закономерностях особенностей мировосприятия обнаружены по таким аспектам, как «отношение к смерти» и «ценностно-смысловая сфера». Соответственно, не было выявлено различий особенностей по двум другим компонентам – «базовые убеждения» и «отношение к себе». В целом, женщины склонны переживать утрату более гладко и равномерно, нежели мужчины, т. е. мужчинам в отличие от женщин в большей степени присуще наличие неких периодов эмоциональных спадов или, наоборот, подъемов. Также особенности мировосприятия различаются в каждой группе людей, разделенных по признаку – время, прошедшее после ситуации утраты.

В ходе более детального анализа полученных данных выявлены следующие закономерности:

1. Тема «отношения к смерти и к тому, что происходит после нее», а также тема «страха смерти» особо тяжело переживаются горюющими вне зависимости от времени, прошедшего после утраты, по причине особой актуальности и значимости данных тем, их возможной «непроработанности» до ситуации утраты близкого, несформированности четкой позиции относительно затронутых вопросов. Эта позиция постепенно вырабатывается и/или меняется в ходе переживания и совладания с утратой.
2. «Отношение к себе» изменяется на протяжении всего переживания утраты. По результатам исследования, не было выявлено закономерностей направлений изменения отношения к себе; данные изменения носят индивидуально-обусловленный характер.

3. У всех респондентов на временном промежутке от 8 месяцев до 1 года наблюдается феномен «вторичного путешествия по горю» (Линдеманн, 1984), при котором горюющий заново переживает схожие эмоции и чувства с теми, которые он испытывал в первое время после утраты близкого, поскольку «работа горя» идет по спирали, а к 1 году как раз и завершается первый цикл переживания утраты.

Литература

Бурина Е. А. Утрата: переживание и совладание // Гуманитариум. 2017. № 3 (4). С. 24–27.

Линдеманн Э. Клиника острого горя // Психология эмоций / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.

Janoff-Bulman R. Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. N. Y.: Free Press, 1992.

Возрастные особенности смысложизненной сферы во взаимосвязи с личностными характеристиками в период молодости

М. Е. Бурова, Э. Б. Карпова (*Санкт-Петербург*)

Проблема смысла жизни разрабатывалась в отечественной психологии личности, главным образом, в рамках деятельностного подхода. Под категорией «личностный смысл» понимаются: смыслообразующие мотивы, побуждающие человека к деятельности; субъективно значимое для человека отношение к действительности, реализуемое им в деятельности; смысловые установки, выражающие личностный смысл; деятельность личности, регулируемая смысловыми установками (Абдулгалимова, 2011). В некоторых работах понятие «смысл жизни» отождествляется с понятием «смысложизненные ориентации» (Чулкова, 2012). Смысложизненные ориентации личности рассматриваются в психологии как результат осознания человеком ценностей, целей и смысла собственной жизни (Хайбулаева, 2015). Ряд авторов включают смысловые образования в структуру личности. Согласно Д. А. Леонтьеву, смысловая сфера является главной ее подструктурой. Пронизывая личность, смысловые структуры, являются отражением меры ее зрелости (Леонтьев, 1993). С одной

стороны, в личности интегрированы отдельные составляющие ее подструктуры, в том числе смысловая сфера, с другой – сама смысловая сфера может формироваться под влиянием отдельных личностных характеристик человека. Ряд авторов отмечают существенную роль жизненных смыслов в процессе развития личности. Проблема динамики смысложизненных ориентаций тесно связана с особенностями возрастного развития на разных стадиях психического онтогенеза (Хайбулаева, 2015). При этом немало работ посвящено изучению смыслов именно в подростковом и юношеском возрасте, поскольку в этот период происходит формирование мировоззрения и оформление личности, вследствие чего закладываются предпосылки для становления ее жизненного смысла. Период молодости, возрастные границы которого охватывают период от 18 до 30 лет, также характеризуется наличием критических периодов – кризиса ранней взрослости (20–23 года) и нормативного кризиса взрослости (около 30 лет), в период которого смысложизненные ориентации могут претерпевать изменения. На современном этапе изучению особенностей смысложизненной сферы и ее взаимосвязи с особенностями личности в этот период уделено мало внимания, что свидетельствует о необходимости исследований в данной области.

Целью настоящего исследования была проверка предположения о наличии взаимосвязи особенностей смысложизненной сферы и личностных особенностей лиц молодого возраста.

Исследование проводилось дистанционно посредством заполнения испытуемыми электронных версий опросников.

В исследовании приняли участие 60 чел.: 38 женщин и 22 мужчины в возрасте от 19 до 30 лет (средний возраст – 22,7 года). Выборка была разделена на две возрастные группы: в первую группу вошли 45 чел. в возрасте от 19 до 23 лет включительно (17 мужчин и 28 женщин; средний возраст – 21,5 лет), во вторую – 15 чел. в возрасте от 24 до 30 лет (5 мужчин и 10 женщин; средний возраст – 26,6 года). По признакам «образование» и «семейное положение» группы респондентов сбалансированы.

Участникам исследования предлагалось выполнить следующие методики: Тест смысложизненных ориентаций – СЖО (Леонтьев, 1986) и опросник «Большая пятерка» (Орел, Рукавишников, Сенин, Мартин, 2010). Для математической обработки полученных данных использовались статистические методы: непараметрический критерий U Манна–Уитни и коэффициент корреляции Спирмена. Статистическая достоверность данных определена на уровне $p<0,03$.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие *задачи.*

1. Провести сравнительный анализ показателей целей, процесса, результативности жизни, представления о себе как о хозяине собственной жизни, возможности контролировать события собственной жизни и общего показателя осмысленности жизни в каждой из исследуемых групп.
2. Провести сравнительный анализ показателей по личностным факторам «Экстраверсия-интроверсия», «Привязанность–обособленность», «Самоконтроль–импульсивность», «Эмоциональная неустойчивость–эмоциональная устойчивость», «Экспрессивность–практичность» в каждой из исследуемых групп.
3. Изучить взаимосвязь особенностей смысложизненной сферы и личностных особенностей испытуемых в каждой из исследуемых групп.
4. Провести сравнительный анализ изучаемых показателей у испытуемых в зависимости от гендерной принадлежности.

Обнаружено статистически значимое различие между испытуемыми двух групп по личностному фактору «Самоконтроль–импульсивность» ($U=202,50$, $p<0,03$); по остальным изучаемым показателям статистически значимых различий между исследуемыми группами не обнаружено. В первой исследуемой группе (19–23 года) обнаружена положительная взаимосвязь между шкалой «Экстраверсия–интроверсия» и всеми субшкалами теста СЖО на статистически значимом уровне ($p<0,001$). Шкала «Эмоциональная неустойчивость–эмоциональная устойчивость» имеет отрицательную корреляцию со всеми субшкалами теста СЖО на статистически значимом уровне: с субшкалами «Процесс жизни», «Результативность жизни», «Локус контроля – Я» и общим показателем осмысленности жизни на $p<0,001$; с субшкалами «Цели в жизни» и «Локус контроля – жизнь» – на $p<0,01$. Также обнаружена положительная взаимосвязь шкалы «Экспрессивность–практичность» с субшкалами «Процесс жизни» ($r=0,38$, $p<0,03$), «Локус контроля – Я» ($r=0,37$, $p<0,03$), «Локус контроля – жизнь» ($r=0,38$, $p<0,01$) и общим показателем осмысленности жизни ($r=0,40$, $p<0,01$). По результатам корреляционного анализа во второй группе (24–30 лет) обнаружена отрицательная корреляция между шкалой «Эмоциональная неустойчивость–эмоциональная устойчивость» и всеми субшкалами теста СЖО (кроме субшкалы «Локус контроля – Я») на статистически значимом уровне: с субшкалами «Процесс жизни», «Результативность жизни», «Локус

контроля – жизнь» на $p<0,01$; с субшкалами «Цели в жизни» и общим показателем осмысленности жизни – на $p<0,03$. По результатам сравнительного анализа изучаемых показателей, между группами испытуемых, в зависимости от гендерной принадлежности, не обнаружено статистически значимых различий.

Таким образом, сравнительный анализ особенностей смысложизненной сферы и особенностей личности показал, что вне зависимости от гендерной принадлежности у молодых людей в возрасте от 24 до 30 лет наблюдается более высокий самоконтроль поведения, проявляющийся в наличии высокой сознательности и добросовестности, ориентации на соблюдение общепринятых норм поведения, чем у лиц, находящихся в первом периоде ранней взрослости (19–23 года).

Результаты корреляционного анализа в группе респондентов в возрасте от 19 до 23 лет позволяют сделать вывод о взаимосвязи высоких показателей осмысленности жизни испытуемых с наличием у них экстраверсии с одной стороны, и наличием эмоциональной устойчивости – с другой. Также с высокой степенью вероятности можно предполагать, что чем более легкое, беззаботное отношение к жизни, чем больше интереса и любопытства к различным ее сторонам у молодых людей этого возраста, тем в большей степени для них характерно ощущение удовлетворенности от проживаемой жизни, наличие представления о себе как о человеке, обладающем свободой выбора и способном контролировать свою жизнь.

У участников исследования в возрасте от 24 до 30 лет, как и у респондентов первой группы, можно предположить наличие взаимосвязи высоких показателей осмысленности жизни с наличием эмоциональной устойчивости. Однако у респондентов данной группы наличие представлений о себе как о личности, обладающей свободой выбора, не связано с наличием эмоциональной устойчивости. Можно предположить, что становление смысложизненной сферы в этот период не находится в прямой зависимости от эмоционального фона, а носит более сложный характер.

Отсутствие статистически значимых различий между особенностями смысложизненной сферы и личностными характеристиками в группах испытуемых в зависимости от пола позволяет предположить, что гендерная принадлежность не оказывает влияния на изучаемые характеристики.

Сделанные на сравнительно небольшой выборке выводы позволяют заключить, что изучение смысложизненной сферы во взаимосвязи с личностными характеристиками является перспективным и требует дальнейших исследований.

Литература

Абдулгалимова С. А. Понятие смысла жизни и смысложизненных парадигм // Вестник Социально-педагогического института. 2011. № 2. С. 83–92.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

Хайбулаева А. Г. Динамика ценностных и смысложизненных ориентаций молодежи в полиэтнической образовательной среде: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2015.

Чулкова М. А. Смысложизненные ориентации и особенности их проявления в юношеском возрасте // Психология в современном развивающемся мире: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск: ИЦ ЮурГУ, 2012. С. 222–227.

Распознавание базовых эмоций детьми дошкольного возраста*

Е. А. Бутолина, Е. И. Лебедева (*Москва*)

Распознавание эмоций рассматривается как необходимая способность для понимания ментального мира других людей, поскольку в ситуации взаимодействия мы имеем дело с субъектом переживания и оцениванием его состояния по внешним проявлениям, которыми могут являться улыбка, нахмуренные брови и другие признаки. Понимание эмоций у детей развивается достаточно рано, даже младенцы способны к простой дифференциации эмоциональных состояний (Meltzoff, Moore, 1983). В дальнейшем, в процессе развития, происходит повышение уровня детской осведомленности о своих и чужих эмоциях и к концу дошкольного возраста дети переходят от простой констатации того или иного эмоционального состояния к развернутой интерпретации чувств, к пониманию ситуативных и ментальных причин эмоций и точному описанию мимических проявлений базовых эмоций (Harris et al., 1989; BaronCohen, 1991).

Цель нашего исследования состояла в изучении возрастной динамики распознавания детьми дошкольного возраста базовых эмоций, а также, на основе полученных данных, выявить различия распознавания базовых эмоций детьми у людей разных возрастов.

* Работа выполнена по Госзаданию ФАНО № 0159-2016-0004.

Мы предполагали, что дети дошкольного возраста лучше будут распознавать базовые эмоции по фотографиям лиц своих сверстников, чем подростков и взрослых.

В исследовании приняли участие 15 детей трехлетнего (от 3 лет 1 мес. до 3 лет 9 мес.; Me=3 г. 5 мес., 9 мальчиков) и 15 детей пятилетнего возраста (от 5 лет 0 мес. до 5 лет 11 мес.; Me=6 лет 5 мес., 5 мальчиков).

Для оценки распознавания эмоций по лицевой экспрессии на фотографиях детям предъявлялись 32 фотографии лиц людей обоего пола разного возраста (дошкольники, подростки, люди зрелого и пожилого возраста) выражающие 4 базовых эмоции – радость, печаль, страх и гнев. Всего было 8 серий – в каждой серии предъявлялись фотографии лица только одного человека.

Ребенку предлагалась следующая инструкция: «Перед тобой четыре фотографии девочки/мальчика/девушки/юноши/женщины/мужчины/ бабушки/дедушки. Это один и тот же человек, только он сфотографирован в разное время. Покажи, на какой фотографии он/она радостный, грустный, испуганный, сердитый?». Мы употребляли название эмоций в самом тексте инструкции для уменьшения влияния прагматического фактора. Данное условие снимает этот фактор, поскольку детям изначально говорится название эмоции, что облегчает им их распознавание.

При анализе результатов распознавания эмоций по фотографиям лиц детей дошкольного возраста были обнаружены возрастные различия в распознавании страха: трехлетние дети значимо хуже распознавали страх, чем пятилетние (φ=1,972, $p \leqslant 0,05$). Однако в распознавании эмоции радости, между трех и пятилетними детьми значимых различий не было обнаружено (φ=1,586, $p \leqslant 0,05$). Также и в распознавании эмоций печаль и гнев, значимых различий не обнаружено. При анализе различий в распознавании разных эмоций детьми одного возраста оказалось, что страх распознается детьми трех лет значимо хуже, чем радость (φ=2,437, $p \leqslant 0,01$). Значимых различий в распознавании отрицательных эмоций не было обнаружено. Пятилетними детьми все базовые эмоции на фотографиях лиц сверстников распознавались одинаково хорошо (80–100%).

Анализ результатов распознавания эмоций по лицевой экспрессии на фотографиях лиц подростков и людей зрелого возраста показал, что радость распознается трехлетними детьми значимо лучше, чем отрицательные эмоции (φ=2,314, $p \leqslant 0,01$ – печаль и гнев у подростков; φ=1,942, $p \leqslant 0,05$ – страх у подростков; φ=3,19, $p \leqslant 0,01$ – страх и гнев у взрослых и φ=3,585, $p \leqslant 0,01$ – печаль у взрослых). В распознавании эмоций подростков пятилетними детьми не было обнаруже-

но значимых различий – большинство детей правило распознавали все базовые эмоции. Что же касается распознаваний базовых эмоций у взрослых людей – то хуже всего пятилетние дети распознавали печаль, по сравнению с радостью (φ=1,936, $p \leqslant 0,05$).

Также была обнаружена возрастная динамика в распознавании эмоций подростков и людей зрелого возраста на фотографиях – трехлетние дети значимо хуже распознавали страх (φ=2,437, $p \leqslant 0,01$ – подростки; φ=2,262, $p \leqslant 0,05$ – взрослые), печаль (φ=2,81, $p \leqslant 0,01$ и φ=2,259, $p \leqslant 0,05$) и гнев (φ=2,81, $p \leqslant 0,01$ и φ=2,695, $p \leqslant 0,01$), чем пятилетние дети.

Распознавание детьми трехлетнего возраста отрицательных эмоций лиц пожилого возраста на фотографиях достоверно отличалось от распознавания радости: большинство детей хуже распознавали печаль (φ=2,437, $p \leqslant 0,01$) и гнев (φ=2,81, $p \leqslant 0,01$), но не страх φ=1,325, $p \leqslant 0,05$).

Анализ различий распознания базовых эмоций детьми дошкольного возраста в зависимости от возраста модели на фото показал, что независимо от возраста, эмоцию радости одинаково хорошо распознают и трехлетние и пятилетние дети.

Трехлетние дети лучше всего эмоцию печали распознали на фотографиях лиц сверстников (73,3%), хуже всего – лиц зрелого возраста (26,6%) (φ=2,656, $p \leqslant 0,05$). Также печаль трехлетние дети распознавали у подростков и пожилых лиц хуже, чем на фотографиях лиц сверстников (φ=1,881, $p \leqslant 0,05$). В отличие от них, у детей пятилетнего возраста значимых различий в распознавании печали в зависимости от возраста модели обнаружено не было.

Анализ различий в распознавании страха в зависимости от возраста модели на фотографии показал, что дети трехлетнего возраста достоверно хуже распознавали страх на фотографиях лиц зрелого возраста, чем пожилого (66% и 33% соответственно; φ=1,865, $p \leqslant 0,05$). При распознавании эмоции страха пятилетними детьми у лиц разных возрастов не было выявлено значимых различий.

Эмоцию гнева трехлетние дети лучше всего распознали у сверстников (73,3%), хуже всего – на фотографиях лиц зрелого возраста (33,3%; φ=2,262, $p \leqslant 0,05$). Также были обнаружены значимые различия между распознаванием гнева на фотографиях лиц подросткового и пожилого возраста по сравнению с фотографиями сверстников (φ=1,881, $p \leqslant 0,05$). Пятилетние дети лучше всего распознали эмоцию гнева у сверстников и подростков (100–86,6%), в отличие от лиц пожилого возраста (60%; φ=3,292, $p \leqslant 0,05$).

Таким образом, были обнаружены возрастные различия в распознавании детьми 3 и 5 лет отрицательных эмоций на фотографиях

лиц разного возраста. Дети трех лет испытывали затруднения при распознавании всех базовых отрицательных эмоций, но лучше всего распознавали печаль, гнев и страх на фотографии лиц сверстников и лиц пожилого возраста, в то время, как пятилетние дети хорошо распознавали радость, печаль и страх, вне зависимости от возраста модели на фотографии и испытывали затруднения только при распознавании гнева у лиц пожилого возраста.

Наша гипотеза о более легком распознавании детьми дошкольного возраста эмоций сверстников подтвердилась частично: действительно трехлетние дети легче распознавали эмоции у своих сверстников и лиц пожилого возраста, в то время как пятилетние дети – у сверстников и подростков.

Наши данные согласуются с нашими предыдущими исследованиями распознавания детьми эмоций по лицевой экспрессии. В исследовании О. А. Прусаковой была продемонстрирована возрастная динамика понимания детьми дошкольного возраста базовых эмоций на фотографиях: в три года дети хорошо распознавали только эмоцию радости, в то время как к пяти годам дети распознавали все базовые эмоции, и только треть детей испытывала трудности в распознавании гнева (Сергиенко и др., 2009). Также в предыдущем сравнительном исследовании распознавания эмоций детьми дошкольного возраста с типичным развитием и детьми с расстройствами аутистического спектра были обнаружены значимые различия в распознавании детьми трех и пяти лет с типичным развитием лицевой экспрессии эмоций гнева и печали на фотографиях (Сергиенко, Лебедева, 2003).

В дальнейшем мы планируем увеличить количество участников исследования и сравнить распознавание детьми дошкольного возраста базовых эмоций лиц разного возраста на фотографиях и графических изображениях, а также сравнить распознавание базовых эмоций и понимание причин эмоций и понимание неверных мнений детьми дошкольного возраста

Литература

Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И. Понимание обмана детьми дошкольного возраста в норме и при аутизме // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 54–66.

Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Baron-Cohen S. Do people with autism understand what causes emotion? // Child development. 1991. V. 62. № 2. P. 385–395.

Harris P. L., Johnson C. N., Hutton D., Andrews G., Cooke T. Young children's theory of mind and emotion // Cognition and Emotion. 1989. V. 3. № 4. P. 379–400.
Meltzoff A. N., Moore M. K. Newborn infants imitate adult facial gestures // Child development. 1983. V. 54. № 6 P. 701–709.

Различия в представлении об успехе у современных девушек и юношей

Д. А. Бухаленкова (*Москва*)

В подростковом возрасте происходит активное построение образа мира, выстраивание системы ценностных ориентаций через усвоение общественных ценностей и норм, на основе которых происходит личностное самоопределение подростка (Выготский, 1984; Гинзбург, 1988). При этом одной из активно транслируемых современным обществом ценностей является успех.

Оценка собственной успешности, основывающаяся на понимании успеха, является важным фактором формирования у подростка целостного представления о себе, своих возможностях, что определяет постановку целей на будущее и переживание осмысленности своей жизни. Таким образом, для эффективной психологической работы с подростками необходимо знать доминирующие в подростковой среде представления о мире и их ценностях.

Целью данного исследования является изучение представлений подростков об успехе и их связи с возрастными и половыми особенностями.

В данном исследовании мы исходили из гипотезы, что в подростковом возрасте представления об успехе отражают как социальные представления, так и специфику возрастных задач развития и включают достижение жизненных целей, социальное признание и саморазвитие.

Кроме того, мы предположили, что существуют половые различия в представлениях об успехе современных девушек и юношей, обусловленные традиционными образцами гендерных ролей мужчины и женщины (Кон, 1989).

В исследовании приняли участие 500 подростков в возрасте от 15 до 17 лет (M=16,1), являющихся учениками общеобразовательных школ и гимназий г. Москвы. Из них 209 (41,8%) юношей и 291 (58,2%) девушка. На момент тестирования 349 (69,8%) подростков являлись учениками 10-го класса, а 151 (30,2%) – учениками 11-го класса. Ис-

следование проводилось в групповой форме: в течение одного урока подростки в классе заполняли все психологические методики.

Для прямого изучения представлений подростков об успехе нами был разработан опросник «Представления об Успехе Подростков» (ПУП), основанный на разработанных в гуманитарных науках классификациях данного понятия (Тульчинский, 1994). В данной методике подростки должны были выразить степень своего согласия с приведенными характеристиками успеха по 5-балльной шкале.

Также в исследовании использовались качественные методы изучения представлений подростков об успехе: в одной методике испытуемые должны были указать пять примеров успешных людей и причины их выбора; также был использован метод незаконченных предложений.

В исследовании были использованы методы статистического анализа данных при помощи компьютерной программы SPSS 18 (выявление значимых различий с помощью критериев Манна–Уитни и χ^2).

Результаты и их интерпретация. Анализ результатов выполнения опросника ПУП показал, что подростки определяют успех как достижение поставленных целей, которое требует преодоления препятствий и связано с позитивными переживаниями (удовлетворением от полученного результата и чувством заслуженного счастья). Для современных подростков успех, в первую очередь, связан с личностным ростом и самореализацией, тогда как признание социума для них имеет гораздо меньшее значение, что может быть объяснено возрастными особенностями старших подростков (Божович, 1997; Выготский, 1984) или же спецификой русского понимания успеха (Тульчинский, 1994).

Было получено множество значимых различий в том, на каких успешных людей ориентированы современные юноши и девушки. Согласно собранным нами данным, девушки чаще, чем юноши, выражают свое несогласие с задачей выделения конкретных успешных людей (соответственно средние значения: 0,06 и 0,01 ответов; $p=0,004$) и в большей степени, чем юноши, склонны описывать образ успешного человека в общих чертах при ответе на данный вопрос (соответственно: 0,08 и 0,04 ответов в среднем; $p=0,042$). С одной стороны, это может говорить о более глубоком, детальном понимании успеха, а с другой стороны, об отсутствии у девушек конкретных примеров, ориентиров в их жизни.

Закономерными является различие в количестве мужских и женских примеров у каждого из полов: юноши чаще ориентируются на успешных мужчин, тогда как девушки указывают чаще примеры

успешных женщин. Половые различия также проявляются в тех жизненных сферах, которые становятся источниками образцов успешности для девушек и юношей: юноши чаще пишут об успешных политиках, бизнесменах, спортсменах, тогда как девушки чаще приводят примеры из сферы шоу-бизнеса и своего окружения (семьи, друзей).

Важно также выделить некоторые особенности причин выбора девушками и юношами примеров успешных людей. Юноши, выбирая успешных личностей, были склонны в большей степени опираться на более объективные, общепризнанные критерии успешности: общественные достижения, власть, поэтому они чаще приводили в качестве примеров политиков, бизнесменов, спортсменов. Девушки же чаще приводили в качестве примеров людей из своего близкого окружения, поэтому они более подробно и развернуто описывали обстоятельства их жизни: реализацию поставленных целей вопреки жизненным трудностям, личностный рост и самореализацию, необходимость трудиться для достижения поставленных целей. Также более важным для них, чем для юношей, критерием успешности было создание любящей семьи, воспитание детей. Все выявившиеся различия затрагивают важный для современных девушек вопрос о совмещении успешной карьеры и семьи, нахождении гармоничного пути самореализации в разных жизненных сферах, поэтому они уделяют больше внимания данным аспектам жизненного успеха.

Также результаты свидетельствуют о том, что девушки имеют более развернутый, детальный образ успеха: они видят в нем не только значимый общепризнанный результат, как юноши, но и трудный путь его достижения, требующий приложения множества усилий и развития соответствующих личностных качеств.

Анализ незаконченных предложений показал, что девушки в большей степени связывают успех в жизни с самореализацией и достижением целей, личностным ростом, тогда как для юношей более значимой составляющие жизненного успеха является материальная обеспеченность. При этом ценность семьи имеет высокую значимость как для мужской, так и женской части выборки подростков.

Кроме того, результаты сравнения ответов подростков на два незаконченных предложения «Успех для мужчины...» и «Для женщины успех...» позволил установить значимые различия в представлениях подростков о мужской и женской успешности: успех для женщины, в представлении подростков обоих полов, в первую очередь связан с любовью, замужеством и материнством, тогда как карьера, материальное обеспечение семьи, авторитет и самореализация имеет большую значимость для успешного мужчины.

Выводы

Сопоставление всех полученных в исследовании данных позволяет сделать вывод о значимых различиях в представлениях об успехе современных девушек и юношей, которые показали, что девушки чаще имеют более детальный и осознанный образ успеха, чем юноши, что явно оказывает влияние на их самоопределение. Полученная информация может стать основой для коррекционной работы с представлениями подростков о себе и своем будущем.

Литература

Божович Л. И. Личность и учение подростка // Психологическая наука и образование. 1997. № 1. С. 5–10.

Выготский Л. С. Педология подростка. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. «Детская психология» / Под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 5–242.

Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С.19–27

Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.

Тульчинский Г. Л. Разум, воля, успех: О философии поступка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

Исследование эффективности восприятия и запоминания технологической информации в разных информационных средах с учетом психофизиологических характеристик пользователей

А. Н. Варнавский (*Рязань*)

Использование различных информационных сред в образовательном процессе диктует необходимость проведения исследований, направленных на учет индивидуальных психофизиологических особенностей обучаемых, и выбора наиболее оптимальной среды для обучения с учетом таких особенностей.

В настоящее время в интерактивных электронных системах обучения информация, как правило, предоставляется с помощью видеороликов, которые просматриваются на персональном компьютере (ПК) или различных мобильных устройствах. Такой способ является достаточно эффективным.

Можно отметить, что активно развиваются направления использования систем виртуальной реальности (ВР) в образователь-

ном процессе (например, Селиванов, Селиванова, 2014; Третьякова, 2010; Knote et al., 2016; Parmar et al., 2016). В данных работах отмечается, что ВР, прежде всего, удобна тем, что позволяет визуализировать работу любого объекта сложной конфигурации, создает эффект присутствия этого объекта и любой ситуации. При этом мало работ посвящено исследованию психофизиологической цены использования систем виртуальной реальности для организма пользователя.

В работе Т. И. Ежевской (2009) отмечается, что любая информационная среда является фактором риска для пользователя. В результате чего возможно негативное изменение функционального состояния головного мозга и психики пользователя при работе с этой средой. Поэтому актуальной является задача оценки того, насколько та или иная информационная среда, оптимальна для обучения того или иного пользователя по критерию минимизации психофизиологической цены такого обучения.

Целью работы является сравнение эффективности восприятия и запоминания технологической информации при ее просмотре в разных информационных средах (ВР и на ПК) с учетом психофизиологических характеристик пользователей и построение моделей для выбора более эффективной среды.

Поставлена следующая *гипотеза исследования:* показатели когнитивных процессов в разной степени влияют на эффективность восприятия и запоминания технологической информации при просмотре видеоролика в среде ВР и на ПК. В качестве показателей когнитивных процессов выбраны показатели памяти, внимания, уровня логического мышления и ведущего канала восприятия информации (ведущей модальности восприятия).

Исследование носило экспериментальный характер, а модели были построены в результате регрессионного анализа.

A. *Участники.* Участниками эксперимента являлся 21 студент 2–4 курсов бакалавриата и 1–2 курса магистратуры Рязанского государственного радиотехнического университета. Число лиц мужского пола – 15, женского – 6. Средний возраст участников – 20,7±1,6 год.

B. *Материалы.* Для проведения психофизиологической части эксперимента использовались: тест Равена для оценки уровня логического мышления, тест оперативной памяти на основе запоминания и попарного сложения соседних цифр в предъявляемых цепочках цифр, таблицы Шульте для оценки скорости внимания,

методика «Диагностика доминирующей перцептивной модальности С. Ефремцева» для оценки ведущего канала восприятия информации. Для проведения эксперимента по работе в системе виртуальной реальности использовались очки ВР HIPER VRM, смартфон Lenovo A916 и программа VRCinema, преобразующая видео для просмотра в очках ВР. Использовались два 2-минутных видеоролика, на которых была показана динамика поведения индикаторов панели оператора при управлении химическим реактором. Также использовался видеоплеер и ПК.

С. *Процедура исследования.* Эксперименты проводились в первой половине дня в одинаковых внешних условиях индивидуально с каждым испытуемым. Среднее время выполнения эксперимента одним испытуемым – 1,2 часа. С каждым испытуемым был проведен инструктаж и объяснен смысл проводимого эксперимента. Испытуемый выполнял методику С. Евфремцева, затем проходил тест Равена. После минутной паузы для отдыха испытуемый проходил тесты на оперативную память и внимание, в том числе тренировочные задания. После этого испытуемый переходил к просмотру первого видеоролика на ПК. Его задачей было запомнить выбираемые команды при инициализации реактора и показания индикаторов в процессе работы реактора в контрольные моменты времени. После просмотра видеоролика испытуемый записывал запомненные команды и показания индикаторов. Затем производилась настройка очков ВР под конкретного испытуемого и выполнялся просмотр второго видеоролика в ВР-очках с последующим анкетированием испытуемого.

В результате выполнения эксперимента определялись: *mem* – коэффициент оперативной памяти (процент верно воспроизведенных цифр-сумм в тесте на оперативную память); *att* – коэффициент скорости внимания (средняя скорость поиска и выбора одной цифры в таблице Шульте); *iq* – коэффициент уровня логического мышления; *vis* – коэффициент преобладания визуального канала восприятия информации; *va* – отношение коэффициента преобладания визуального канала восприятия информации к коэффициенту преобладания аудиального канала восприятия информации; *Ncom1*, *Ncom2* – процент верно воспроизведенных команд после просмотра видеоролика на ПК и ВР соответственно; *Nind1*, *Nind2* – процент верно воспроизведенных показателей индикаторов в контрольные моменты времени после просмотра видеоролика на ПК и в среде ВР соответственно. Введены две производные переменные, соответст-

вующие отношению результатов просмотра на ПК к результатам просмотра в ВР: Ncom=Ncom/Ncom2 и *Nind=Nind1/Nind2/.*

Обработка и обсуждение результатов эксперимента. На первом шаге определялись корреляции между выделенными психофизиологическими показателями пользователей и показателями результатов просмотра видеороликов в разных средах. Получено, что эффективность просмотра видеоролика в среде ВР в первую очередь определяется показателями памяти и уровня логического мышления. Эффективность просмотра видеоролика на ПК определяется, в первую очередь, скоростью внимания и соотношением *va* коэффициентов преобладания визуального канала восприятия информации над аудиальным. Если сравнивать отношение результатов просмотра на ПК и в ВР, то можно видеть влияние разных психофизиологических показателей на значения *Ncom* и *Nind.*

Проведен регрессионный анализ и построены математические модели, связывающие показатели эффективности просмотра *Ncom1, Nind1, Ncom2, Nind2* с психофизиологическими показателями пользователей *mem, iq, va, att:*

$Nind1 = a1 \cdot mem + a2 \cdot va,$ где $a1>0$, $a2>0$ и $R^2=0{,}8593$ ($F(2, 19)=224$, $p<0{,}001$);
$Ncom1 = a3 \cdot att,$ где $a3>0$ и $R^2=0{,}876$ ($F(1, 20)=141{,}2$, $p<0{,}001$);
$Nind2 = a4 \cdot mem,$ где $a4>0$ и $R^2=0{,}8754$ ($F(1, 20)=140{,}5$, $p<0{,}001$);
$Ncom2 = a5 \cdot mem^3 + a6 \cdot iq^4,$ где $a5>0$, $a6>0$ и $R^2=0{,}8566$ ($F(2, 19)=209{,}5$, $p<0{,}001$).

Значения *Ncom* и *Nind* были преобразованы в два уровня: 0 и 1 в зависимости от превышения каждым значением величины 1 (1 – работа пользователя была более эффективна при просмотре ролика на ПК, а 0 – в очках ВР).

Построены логистические регрессии, которые позволяют прогнозировать успешность просмотра видеоролика с учетом показателей когнитивных процессов испытуемых. В частности, регрессия $Ncom(iq, mem, att, vis) = \frac{e^{a_0+a_1 \cdot iq+a_2 \cdot mem+a_3 \cdot att+a_4 \cdot vis}}{1+e^{a_0+a_1 \cdot iq+a_2 \cdot mem+a_3 \cdot att+a_4 \cdot vis}}$ позволяет исходя из значений *iq, mem, att, vis* и порогового уровня 0,59 верно классифицировать успешность просмотра видеоролика на компьютере по сравнению с ВР 85,7%.

Значимость работы заключается в дифференцированном и персонифицированном подборе оптимального средства обучения и информационной среды подачи информации с учетом психофизиологических показателей обучаемых. Кроме того, анализ полученных

моделей позволяет сделать вывод о вкладе того или иного показателя когнитивных процессов в успешность обучения в среде ПК и ВР.

Литература

Ежевская Т. И. Психологическое воздействие информационной среды на современного человека // Психологические аспекты напряженности и конфликтологии. 2009. № 2. С. 38–41.

Селиванов В. В., Селиванова Л. Н. Виртуальная реальность как метод и средство обучения // Образовательные технологии и общество. 2014. № 3. С. 378–391.

Третьякова Т. П. Аспекты применения технологии «Виртуальная реальность» в системе профессионального образования // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2. С. 205–208.

Knote A., Edenhofer S., Mammen S. V. Neozoa: An immersive, interactive sandbox for the study of competing. IEEE. 2016. P. 5–10.

Parmar D., Babu S. V., Lin L., Jörg S., D'Souza N., Leonard A. E., Daily S. B. Can embodied interaction and virtual peer customization in a virtual programming environment enhance computational thinking? // Research on Equity and Sustained Participation in Engineering, Computing and Technology (RESPECT). 2016. P. 1–2.

Адаптация детей мигрантов на примере СПб ГБУ СО социальный приют для детей «Транзит»

Е. А. Варфоломеева (*Санкт-Петербург*)

Одной из наиболее ярких особенностей ситуации в современной России являются миграционные процессы. Они охватывают и «втягивают» в свою орбиту все социальные слои и группы населения, различные сферы жизнедеятельности человека. Это, в свою очередь, влечет за собой резкое возрастание социально-психологической напряженности со стороны как мигрантов, так и коренных жителей.

Без сомнения, процесс миграции отражается не только на взрослой личности, но и на личности ребенка. Дети мигрантов, как и взрослые, стоят перед проблемой необходимости адаптироваться к новым социокультурным условиям. Это важно, поскольку в результате данного процесса меняется все, что раньше традиционно окружало юных переселенцев: от природно-климатических условий, социальных, экономических, психологических отношений до отношений в собственной семье.

Кроме того, нельзя не учитывать личностные изменения, происходящие у детей в условиях миграции. Эти условия наиболее значимы для юношеского возраста, когда в самосознании молодых людей происходят качественные изменения, вызванные личностным и профессиональным самоопределением, что находит отражение в направленности личности растущего человека. Этим изменениям подвержены люди, включенные в процессы внешней и внутренней миграции.

Стоит отметить, что до сих пор нет однозначного определения «миграция», не определены условия, позволяющие рассматривать миграционный процесс позитивно. Нам импонирует определение миграции, предложенное С. К. Бондаревой. Под миграцией она понимает пространственную активность (перемещение) индивида, направленную на овладение ресурсами новых территорий, связанную с переменой места жительства (Бондарева, Колесов, 2004). Определение автора миграции более оптимистично и позволяет рассматривать ее как постоянное явление, способствующее решению проблемы территорий.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная адаптация является важным условием в процессе вживания мигранта в новый «мир», социум. Нам интересен процесс адаптации молодых людей. Мы считаем, что этому процессу способствует молодежная субкультура, которая всегда носит интеграционный характер. Мы предполагаем, что молодежная субкультура, может способствовать эффективной социальной адаптации мигрантов. Молодые люди реализуют себя в неформальных группах как элементах субкультуры. Благодаря субкультуре они взаимодействуют с обществом и доминирующей культурой (культурой взрослых).

Вышесказанное определило *цель и задачи* нашего исследования:

- определить уровень толерантности представителей неформальных объединений к мигрантам;
- выявить направленность личности мигрантов и коренного населения;
- определить возможности субкультуры в адаптации молодых людей мигрантов.

В эмпирическом исследовании приняло участие 100 чел.: 49 воспитанников СПб ГБУ СО социального приюта для детей «Транзит» и 51 подросток СОШ № 288. Анализ результатов позволил выделить две группы. В первую группу вошли испытуемые с большим значением выраженности индивидуальной направленности («Я»), а во второй

группе оказались испытуемые, показавшие выраженную направленность на общество («О»). В свою очередь, в этих двух группах были выделены по две подгруппы. Группа «Я» была разделена на подгруппы: «Я – индивидуальное» и «Я – уединенное». Группа «О», соответственно, на «Принятие общества» и «Требования к обществу».

Первую подгруппу с выраженностью «*Я – индивидуальное*» составили испытуемые 16–18-летнего возраста (8,8%). Эти испытуемые положительно относятся к себе и проявляют стремление реализоваться в обществе, определить свою позицию и место в нем. В данную подгруппу в большей степени входят испытуемые, являющиеся коренными жителями. Испытуемые данной группы не являются членами неформальных групп. Это говорит о том, что молодые люди стремятся утвердиться в социально значимых группах и видах деятельности. На первое место по влиянию и значимости в своей жизни они ставят семью, на второе место они ставят друзей и сверстников.

Анализируя описания испытуемыми данной группы одного дня из прошлой жизни, настоящей и будущей, можно сделать вывод, что они направлены в будущее. Надо отметить, что они оптимистично относятся к прошлой жизни, описывая ее через воспоминания ярких и позитивных событий. В настоящей жизни они выделяют повседневные события, связанные с реализацией социально значимой деятельности – учебой. Описывая свое будущее, они больше внимания уделяют предстоящему поступлению и поиску перспективной, интересной работы.

При взаимодействии с другими национальностями, по данным методики «Социограмма», представители этой подгруппы ставят себя как представителей своей национальности в центр. Это означает, что молодые люди или требуют к себе особенного внимания, или демонстрируют представление о себе как о лидерах в многонациональном пространстве.

Данные по второй подгруппе первой группы с выраженной направленностью «Я – уединенное» показывают, что в данной группе преобладают мигранты русской национальности (40,5%). Основной возраст испытуемых, составляющих эту группу, – 16 лет. Для молодых людей характерно то, что для них наиболее значимой и ценной является их собственная личность, со своими проблемами, интересами. Интересы окружающих также учитываются, но их ценность, по сравнению с собственными, гораздо ниже. Большинство испытуемых данной группы входят в неформальные группы. Наиболее популярными оказались неформалы: стритрейсеры, металлисты, панки, рэперы, ЭМО, хиппи. Как и в первой группе, на первое мес-

то по значимости в своей жизни они поставили семью, второе место занимают друзья, третье – сверстники.

Испытуемые данной группы большое внимание уделяют будущей жизни. Наиболее значимым для них является поступление в вуз и получение диплома. При анализе методики «Социограмма» большинство испытуемых ставят себя в начале круга и выделяют себя большим кружком, т.е. обособляют себя от окружающих, пытаются выделиться и проявить себя. Они общаются со многими национальностями, но приближают к себе лишь определенные группы. Наиболее близки им русские, казахи, татары. Как видно, представители данной подгруппы в основном общаются с представителями тех национальностей, которые указали члены первой подгруппы.

Во второй группе с направленностью на общество в первую подгруппу вошли испытуемые, которые принимают общество таким как есть, пытаются с ним активно взаимодействовать. Основной возраст испытуемых этой подгруппы – 16–18 лет (3,6%). В ней преобладает коренное население русской национальности. Данная группа на первое место по значимости ставит друзей, на второе место семью, третье место занимает TV. Как и в предыдущих группах, акцент делается на будущей жизни. В неформальные группы не входят.

31,75% составили испытуемые второй подгруппы второй группы с яркой выраженностью ориентацией на общество. Интересно, что они занимают позицию потребительского отношения к обществу. Они считают, что общество им обязано, раз они поставлены в такие условия. Основную массу составляют мигранты 16-летнего возраста. Они стараются не выделяться из основной массы общества, взаимодействуют с разными национальностями. В приоритетах на первом месте они ставят друзей, затем семью и значимых взрослых. Основная масса данной группы состоит в неформальных группах.

Большое внимание уделяют своей будущей жизни, а именно получению образования и созданию семьи, стремятся заводить новые знакомства, но при этом не выделяют себя из основной массы.

В ходе исследования мы выделили третью группу, которую составили испытуемые с равной направленностью как на себя, так и на общество. Данную группу составили 15,3% испытуемых. В этой группе превалируют коренные жители русской национальности. На первое место по значимости они ставят семью, на второе место – сверстников.

Исходя из выше сказанного, можно сделать следующие *выводы.* Дети мигрантов в большей степени были представлены в подгруппе, которая составлена молодыми людьми, занимающими позицию по-

требительского отношения к обществу. Они считают, что общество им обязано, раз они поставлены в такие условия. В то же время они являются членами разнообразных неформальных молодежных объединений, что еще в большей степени создает основу позиции противостояния обществу. Небольшая часть детей мигрантов попадает в подгруппу молодых людей, стремящихся к уединению. Их общение сводится только к взаимодействию с представителями своей национальности, хотя большинство молодых людей также является членами разнообразных неформальных объединений. Мы считаем, что управление неформальными группами позволит решать разнообразные проблемы детей.

Литература

Бондарева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «Модэк», 2004.

Дмитриев А. В. Миграция конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006.

Зверева Г. И. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации. М.: Аспект-Пресс, 2003.

Психофизиологические закономерности решения моральных дилемм «свой—чужой» у детей 4—11 лет и взрослых*

М. А. Видинеева, И. М. Созинова (*Москва*)

В любом обществе большую проблему представляют конфликтные межгрупповые отношения, которые играют значительную роль в проявлениях национализма, расизма, этноцентризма и пр. В основе межгрупповых отношений лежит разделение окружающих на «своих» и «чужих». Разное отношение членов группы к «своим» и «чужим», вероятно, обусловлено различными свойственными этой группе моральными правилами. По-видимому, эти моральные правила прошли эволюционный отбор и способствуют выживанию группы. Нравственность при этом может рассматриваться как ха-

* Работа выполнена при поддержке ОГОН РФФИ № 15-06-10895-а и в рамках исследовательской программы Ведущей научной школы РФ «Системная психофизиология» (НШ-9808.2016.6).

рактеристика субъективного опыта, связанная оценкой субъектом соответствия/несоответствия собственного поведения моральным нормам сообщества.

В ходе онтогенеза происходит развитие нравственного отношения к «чужому». Старшие дети чаще поддерживают «чужого», нежели младшие, в ситуации, когда ограниченный ресурс необходим для выживания «чужому», а «своему» для получения необязательного блага (Созинова, Александров, 2014).

С точки зрения системно-эволюционного подхода (Швырков, 1995), развитие субъекта в онтогенезе осуществляется за счет формирования «новых» систем в структуре индивидуального опыта. При совершении любого действия, в том числе в ситуации морального выбора, актуализируются как более древние, так и вновь сформированные системы поведения субъекта. Показано, что любое поведение обеспечивается набором систем разного возраста.

При решении моральных дилемм «свой–чужой», ответ субъекта, вероятно, будет обусловлен тем, какой набор систем актуализируется в данный момент. Так, при вовлечении большей доли более древних систем испытуемый, предположительно, должен чаще делать выбор в пользу «своего», а при большей доле вновь сформированных систем – в пользу «чужого» (Созинова, Александров, 2014). Было показано, что в условиях стресса – фактора дедифференциации (временного уменьшения вклада более новых систем и увеличение вклада более древних систем в реализуемое поведение), у взрослых наблюдается снижение предпочтения «чужого» (Знаменская и др., 2016).

При этом в ситуации решения моральных дилемм в случае формирования новой единицы опыта (набор систем, активированных при достижении результата поведенческого акта) может проявляться противоречие между системами разного возраста, реализация которых обеспечивает альтернативные стратегии поведения (Швырков, 2006). Это «межсистемное рассогласование» можно измерить с помощью анализа изменения показателей вариабельности сердечного ритма (ВСР) (Созинова, Бахчина, 2017) и рассмотреть, в каких ситуациях морального выбора оно происходит.

В процессе изучения психофизиологических особенностей решения моральных дилемм «свой–чужой» было выявлено, что у детей, предпочитающих помощь «чужому», наблюдается большее «межсистемное рассогласование», зарегистрированное в показателях ВСР, нежели у детей, чаще отдающих предпочтение «своему» (Созинова, Бахчина, 2017). Это, вероятно, связно с конфликтующей активностью вновь сформированных и более древних систем поведения субъекта,

так как у детей ситуация решения этих моральных дилемм «запускает» процессы, связанные с научением, формирования новой единицы опыта, что, в свою очередь, приводит к рассогласованию. Это можно объяснить тем, что формирование/согласование дифференцированного опыта (Александров, 2008) еще не окончено, что способствует возникновению конфликта «древних» и «новых» систем.

В рамках планируемого исследования предполагается, что сопоставление психофизиологических характеристик, в частности ВСР, решения моральных дилемм у взрослых (у них согласование систем, актуализация которых способствует реализации поведения по отношению к «своему—чужому», должно быть завершено) и детей для получения более полной информации о решении моральных дилемм.

Исходя из результатов анализа данных, полученных при решении моральных дилемм с участием детей, можно выделить две возможные альтернативные *гипотезы* относительно психофизиологических характеристик решения тех же дилемм у взрослых. 1. У взрослых по сравнению с детьми будет наблюдаться такое же «межсистемное рассогласование» при стратегии предпочтения «чужого», что может быть связано с отсутствием или несформированностью данного элемента опыта в дифференцированной структуре опыта данного субъекта. 2. Рассогласование при выборе в пользу «чужого» у взрослых по сравнению с детьми наблюдаться не будет, так как процесс формирования/согласования дифференцированного опыта субъекта завершен.

Для проверки сформулированных гипотез планируется опросить мужчин и женщин от 17 до 28 лет, анамнез которых не отягощен заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

Эксперимент будет проходить в виде индивидуальной беседы испытуемого с экспериментатором и осуществляться в три этапа.

1) Беседа на отвлеченные темы, в ходе которой будет зафиксированы ФИО, возраст, дата рождения, увлечения, род деятельности участника исследования.
2) Предъявление шести моральных дилемм «свой—чужой», в рандомизированном порядке (подробнее см.: Созинова, Александров, 2014).
3) Тесты не дилеммного типа на выявление психологических характеристик, предположительно связанных со стратегией решения моральных дилемм «свой—чужой»: Шкала оценки «близости»—«дальности» «своего»/«чужого»; тест «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко.

В ходе предъявления моральных дилемм участников исследования будут ставить перед выбором одной из двух альтернатив: отдать ограниченный ресурс «чужому», поскольку он необходим ему для выживания, или «своему», поскольку он «свой» и ресурс ему нужен, хоть и для необязательной выгоды. В ситуации выбора в пользу «своего» «чужому» грозит смертельный исход.

Шкала оценки «близости–дальности» «своего/чужого» состоит из шкалы с 7 делениями, в начале которой изображен человек, а на его месте испытуемый должен представить себя. По инструкции, испытуемый оценивает каждого персонажа дилеммы относительно себя – начала шкалы. Чем дальше участник исследования ставит картинку с персонажем от начала шкалы, тем более «чужим»/менее «своим» он считает этого персонажа.

На основе полученных данных планируется вычислить коэффициент поддержки «чужого». Коэффициент будет посчитан как среднее арифметическое баллов по каждой дилемме у каждого испытуемого, при этом «1» будет обозначать выбор в пользу «чужого», а «0» – выбор в пользу «своего».

Одновременно с проведением опроса будет регистрироваться кардиоритмограмма с помощью беспроводного датчика Zephyr HxM и программы Stress Monitor. Впоследствии будут посчитаны следующие показатели ВСР: временн*ые* (статистические) показатели – ЧСС (частота сердечных сокращений) и SDNN (стандартное отклонение всех нормальных RR-интервалов) – с помощью программы MSExcel; спектральные показатели – LF (мощность низкочастотного компонента ВСР), HF (мощность высокочастотного компонента ВСР), LF/HF (соотношение мощностей низко- и высокочастотного компонента ВСР), TP (общая мощность ВСР) – с помощью программы Rrv7 (И. С. Шишалов); также будет применен метод нелинейной динамики ApEn (апроксимированная энтропия).

Будет проведено сопоставление полученных переменных у взрослых и детей. Изменения вариабельности сердечного ритма, связанные с разницей в физиологии у взрослых и детей, будут учтены при сравнении фонового состояния (этап беседы) показателей детей и взрослых. Степень рассогласования будет оцениваться по показателю LF/HF (подробнее см.: Созинова, Бахчина, 2017). Предполагается, что полученные результаты внесут вклад в понимание психофизиологических закономерностей решения моральных дилемм «свой–чужой» людьми с разными стратегиями поведения на разных этапах онтогенеза.

Литература

Александров Ю. И. Эмоция и мораль // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 186–208.

Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Алекандров Ю. И. Отношение к «чужим» при стрессе: системная дедифференциация // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 44–58.

Созинова И. М., Александров Ю. И. Динамика нравственного отношения к представителям аутгрупп у российских детей 4–11 лет // Материалы международной научно-практической конференции «Духовно-нравственное развитие подрастающего поколения как научно-теоретическая и прикладная проблема». 4–5 декабря 2014 г. Набережные Челны. Сборник научных статей. Набережные Челны, Казань, 2014. Т. 1. С. 84–89.

Созинова И. М., Бахчина А. В. Применение анализа вариабельности сердечного ритма при решении моральных дилемм «свой–чужой» на разных стадиях онтогенеза // 13-й Международный междисциплинарный конгресс «Нейронаука для медицины и психологии». 4–10 июня 2017 г., г. Судак. С. 384–385.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Роль речи в психологическом здоровье детей дошкольного возраста*

Г. А. Виленская, Е. И. Лебедева (*Москва*)

Истоки проблематики психологического здоровья можно найти в гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Рождерс, Г. Олпорт). Именно в рамках этой парадигмы были созданы психологические модели здоровой личности, существенно обогатившие представление о психологической норме. В отечественной психологии понятие «психологическое здоровье» вошло в 2000-е годы. В самом общем виде оно рассматривалось как совокупность личностных характеристик, являющихся предпосылками стрессоустойчивости, социальной адаптации, успешной самореализации. Необходимыми условиями психологического здоровья, по мнению ряда современных ученых, выступают полноценное личностное развитие, позитивное

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-02155.

«эмоциональное мироощущение», эмоциональное благополучие (И. В. Дубровина, М. Ю. Стожарова, А. Д. Кошелева, Я. Л. Коломинский).

Контроль поведения, будучи регулятивной функцией субъекта, обеспечивает постановку и достижение целей, оценку и согласование своих возможностей и ресурсов с текущей ситуацией и с долговременными планами. Все это является одной из важных составляющих психологического здоровья. Развитая саморегуляция, как показано в лонгитюдных исследованиях (например, Moffit et al., 2011), коррелирует с успешностью в различных сферах жизни, с успешной самореализацией человека, достижениями в социальной и профессиональной сферах и т. д.

Другим важнейшим критерием психологического здоровья оказывается понимание ментального мира других людей, которое является одним из важнейших механизмов социализации и обеспечивает успешную коммуникацию детей со взрослыми и сверстниками, позволяя успешно создавать и поддерживать социальные (дружеские, инструментальные и т. д.) взаимодействия, что можно рассматривать как одно из ключевых условий психологического здоровья и успешной адаптации детей.

Основываясь на многочисленных литературных данных о роли речи в развитии саморегуляции и понимания ментального мира (Сергиенко и др., 2009; Nillsson, de Lopez, 2016; Vissers et al., 2016), мы решили изучить особенности модели психического и контроля поведения у детей с различным уровнем развития речи. Среди типично развивающихся детей, посещающих неспециализированный детский сад, наблюдался значительный разброс в уровне развития речи, включая и существенное отставание вербального ментального возраста от хронологического. Поскольку все эти дети, независимо от уровня их речевого развития, находились в одинаковых условиях, их сравнение позволит более корректно выявить роль речи в развитии как контроля поведения, так и модели психического.

Методики, исследующие развитие понимания ментального мира, использованные в нашем исследовании, мы разделили на две группы: исследующие предикторы и собственно модель психического. Для оценки предикторов развития модели психического использовались задачи на понимание визуальной перспективы, понимания желаний человека по их внешним проявлениям в поведении и понимания источника знаний детьми (понимание принципа «видеть, значит знать»). Для оценки собственно модели психического использо-

вались задачи на понимание неверных мнений (аналог «Салли–Энн теста»), понимание ошибочности собственных ложных убеждений и ложных убеждений других людей, понимание обмана и неверных мнений в сказках.

Предлагаемый набор методик позволяет диагностировать уровень развития трех компонентов контроля поведения (когнитивного, эмоционального и контроля действий) (Виленская, Лебедева, 2014).

Когнитивный контроль оценивался с использованием методики «День–Ночь» и субтеста «Словарный» из теста интеллекта Д. Векслера (детский вариант).

Контроль действий оценивался при помощи ряда проб из моторной шкалы теста Бейли (BSID-2) и шкалы Озерецкого; для детей 5-летнего возраста к моторным пробам были добавлены задания из батареи нейропсихологического обследования А. Р. Лурия – пробы на серийную организацию движений, реципрокную координацию движений, динамический праксис, а также при помощи субтеста «Кубики Кооса» из теста интеллекта Д. Векслера (детский вариант).

Для оценки эмоционального контроля применялись тест тревожности Теммл–Дорки–Амена. Для контроля уровня интеллектуального развития применялся тест «Нарисуй человека» Гудинаф–Харриса.

Статистическая обработка проводилась при помощи пакетов статистических программ SPSS 19.0 и Statistica 6.0.

Всего в исследовании участвовало 119 детей, в возрасте 3 лет – 42 чел. (от 3 лет 0 мес. до 3 лет 10 мес., Me=3 г. 7 мес., 16 мальчиков); в возрасте 4 лет – 44 чел. (от 4 лет 0 мес. до 4 лет 11 мес., Me=4 г. 6 мес., 20 мальчиков); в возрасте 5 лет – 32 чел. (от 5 лет 0 мес. до 5 лет 11 мес., Me=5 лет 5 мес., 12 мальчиков).

Целью нашей работы было сравнение уровня развития контроля поведения и модели психического в зависимости от уровня развития речи, а также выявление своеобразия во взаимосвязях контроля поведения и модели психического у детей с отставанием вербального ментального возраста от хронологического и у детей без такового.

Отставанием в речевом развитии мы считали разницу между хронологическим и вербальным ментальным возрастом более чем на 6 месяцев в пользу хронологического возраста.

Результаты показывают, что число детей с отставанием в речевом развитии увеличивается с возрастом (в 3 года – 4 чел., в 4 года – 6 чел., в 5 лет – 20 чел.). Это тревожный факт именно с точки зрения психологического здоровья – дети, изначально развивающиеся

в нормальном темпе или даже с опережением, с возрастом начинают отставать от возрастных нормативов в развитии речи.

В группах 3- и 5-летних детей дети с отставанием в развитии речи старше ($U=38,00$, $p<0,001$) и имеют худшие показатели речевого развития ($U=21,00$, $p<0,001$). В группе 4-летних дети с разным уровнем развития речи не различаются по возрасту, но различаются по показателям речевого развития (вербальный ментальный возраст ($U=20,50$, $p<0,001$)).

Роль речевого развития в развитии модели психического изменяется с возрастом. Если в 3–4-летнем возрасте обнаруживается взаимосвязь между пониманием отдельных аспектов ментального мира и уровнем вербального ментального возраста, то в 5 лет эта связь утрачивается, что предполагает, что значение речевого развития для становления модели психического на этом этапе становится менее существенным.

Межгрупповой анализ успешности выполнения задач, оценивающих развитие предикторов модели психического, в группах детей с отставанием и без отставания в развитии речи показал значимые различия у детей в 3 и 4 года. Дети без отставания в речевом развитии лучше справлялись с задачами на понимание различий в визуальной перспективе (88,3% в 3 года и 87,9% в 4 года) ($j=1,755$, $p\leqslant0,05$, $j=2,013$, $p\leqslant0,05$–3 года; ($j=2,31$, $p\leqslant0,01$, $j=1,64$, $p\leqslant0,05$–4 года) и с задачами на понимание желаний по направлению взора и пониманию источника знаний ($j=2,79$, $p\leqslant0,01$, $j=2,469$, $p\leqslant0,01$–3 года; $j=2,261$, $p\leqslant0,05$, $j=2,214$, $p\leqslant0,05$–4 года). Также они лучше справляются с задачами на понимание неверного мнения и лучше понимают неверные мнения в сказках ($j=1,795$, $p\leqslant0,05$, $j=2,013$, $p\leqslant0,05$–3 года; $j=1,851$, $p\leqslant0,05$, $j=1,66$, $p\leqslant0,05$–4 года).

Взаимосвязи контроля поведения и модели психического различаются не только в зависимости от возраста, но и в зависимости от уровня речевого развития ребенка.

Среди 4-летних детей с отставанием в развитии речи более тревожные дети лучше понимают внутренний мир другого человека (связь интегрального показателя понимания ментального мира и тревожности ($r=0,87$, $p<0,02$). Возможно, дети более тревожны, так как еще не могут полностью обработать и осмыслить получаемую информацию о внутреннем мире Другого в силу недостаточности речевого обеспечения когнитивных процессов. Та же связь наблюдается и в 5 лет ($r=0,49$, $p<0,03$), т. е. проблемы, имевшиеся в предыдущем возрасте, у этих детей по-прежнему не разрешены.

Дети с нормативным развитием речи демонстрируют в этом возрасте наиболее тесную связь между моделью психического и контролем поведения, причем наибольшее количество связей имеет показатель понимания ментального мира Другого в экологически валидных ситуациях (с тревожностью $r=-0,32$, $p<0,05$, с вербальным $r=0,43$, $p<0,005$ и невербальным ментальным возрастом $r=0,41$, $p<0,03$, а также с показателем интеллекта по тесту «Нарисуй человека» $r=0,45$, $p<0,004$). В отличие от детей с отставанием, у них тревожность с показателями модели психического связана отрицательно, т.е. они чувствуют себя увереннее в социальном взаимодействии, поскольку достаточно развитая речь позволяет им успешно обрабатывать информацию о модели психического партнеров по общению.

Таким образом, уровень развития речи оказывается непосредственно связан с механизмами адаптации ребенка к своему социальному окружению и с его психологическим здоровьем (уровень тревожности).

Полученные данные способствует более ясному пониманию факторов, воздействующих на адаптацию ребенка и внутренних психологических механизмов адаптации к меняющимся социальным условиям и требованиям, и позволит создать комплексную многомерную модель субъективных факторов психологического здоровья.

Литература

Виленская Г.А., Лебедева Е.И. Развитие понимания ментального мира и контроля поведения в дошкольном возрасте// Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 5. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 29.05.2017).

Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН, 2009.

Moffit T.E., Arseneault L., Belsky D. et al. A gradient of childhood self-control predicts health, wealth, and public safety PNAS February 15. 2011. V. 108. № 7. P. 2693–2698.

Nilsson K.K., López K.J. Theory of mind in children with specific language impairment: a systematic review and metaanalysis // Child development. 2016. Т. 87. № 1. С. 143–153.

Vissers C., Koolen S., Hermans D., Scheper A., Knoors H. Executive functioning in preschoolers with specific language impairment // Front Psychol. 2015. V. 6. P. 1574.

Особенности организации концепта «работа» как фрагмент индивидуальной картины мира в период ранней взрослости

Е. В. Волкова, Е. А. Тен (*Москва*)

Цель работы состоит в изучении соотношений организации концепта «работа» и ментальных ресурсов на этапе ранней взрослости.

Ментальные ресурсы – количественная мера возможности выполнения какой-либо деятельности; условия, позволяющие с помощью определенных преобразований получить желаемый результат; совокупность индивидуально-психологических свойств индивидуальности, осознаваемых человеком как полезные для достижения успешности в трудных жизненных ситуациях (Волкова, 2016).

Индивидуальная картина мира – ментальный образ, возникающий в жизнедеятельности человека и помогающий ему ориентироваться в мире, обществе и самом себе. Также индивидуальная картина включает концептуальное знание о действительности и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание, потому что изначальное открытие бытия реализуется через его чувственный опыт, в котором представлен обобщенный результат взаимодействий с окружающей действительностью.

Сортировке истинного от неистинного в познавательном процессе человеку помогают не только ментальные ресурсы. Немаловажную роль играет индивидуальная картина мира, которая помимо преобразования нашего бытия и взаимодействия с окружающим миром преобразует и сами ментальные ресурсы.

Становление бытия представляет бесконечный поток образований, т. е. человек строит мощную базу индивидуальной картины мира, преобразуя новые уровни бытия, включая нижележащие уровни.

Бытие человека – взаимодействие индивида с обществом, миром и самим собой.

Концепты (концептуальные структуры) как носители свойств понятийного мышления (Веккер, 1976; Волкова, 2016; Холодная, 2012) принимают активное участие во всех формах организации ментального опыта, обуславливая особенности индивидуальной картины мира, особенности социального поведения человека и произвольной саморегуляции психической деятельности, т. е. концептуальные структуры выполняют базовую функцию в структуре индивидуальных ментальных ресурсов и в значительной мере определяют продуктивность жизнедеятельности индивида.

Высший уровень в системе индивидуальных ментальных ресурсов представлен концептами (концептуальными структурами), которые отвечают за процессы концептуализации, благодаря процессу концептуализации человек наделяет объекты внешней и/или внутренней среды ресурсным значением, приписывая им личностный смысл и ценность для достижения тех или иных результатов (Волкова, 2016; Хазова, 2014; Холодная, 2012).

В исследовании принимало 32 чел., а именно представители работающей молодежи в возрасте от 18 до 35 лет, разнообразных профессий: аналитик, бухгалтер, судебный пристав, художник, стилист, программист и т. д.

Диагностический комплекс включал методики оценки индивидуальных ментальных ресурсов (Русалов, 2012; Волкова, 2016) и методики исследования особенностей организации концепта «работа» – направленный ассоциативный эксперимент и визуальный прототип концепта. Для оценки содержания концепта использовался частотный анализ признакового состава, проводившийся в соответствии с рекомендациями З. Д. Поповой и И. А. Стернина (Попова, Стернин, 2007). Особое внимание уделялось сопоставлению количества позитивных и негативных оценочных признаков концепта «работа».

Для оценки меры обобщенности визуального прототипа концепта мы опирались на критерии оценки образного состава концепта предложенные М. А. Холодной (Холодная, 2012):

0 – тематические или личностные ассоциации, связанные с работой респондента;
1 – реальная картина работы – то, что можно увидеть;
2 – имеются элементы обобщения – то, что нельзя увидеть непосредственно;
3 – обобщенная абстрактная схема, модель.

Общее количество ассоциаций составило 205 прилагательных из которых выявилось ядро концепта из таких признаков, как утомительная, скучная, нудная и т. д.

Структурный анализ показывает, что общеоценочная зона концепта составляет 91 (44,4%) от общей совокупности признакового состава концепта «работа», причем положительных оценочных признаков значительно меньше (17,1%), по сравнению с негативными (27,3%).

Из данных описательной статистики (мера адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина (KMO) =0,573; критерий сферичнос-

ти Бартлетта=41,962; ст. св.=21; p<0,004) следует правомерность применения факторного анализа. График собственных значений и тест Кэттелла показали наличие трех значимых факторов, описывающих 71,8% от всей совокупной дисперсии признаков.

В первый фактор (33,6%) вошли показатели формально-динамических свойств индивидуальности (общая адаптивность), мотивации (мотивация значимости и мотивация доступности профессиональной деятельности) и такая фундаментальная черта личности, как экстраверсия. Полученные данные свидетельствуют о важной роли биологически обусловленных свойств индивидуальности в структуре мотивации.

Во второй фактор (23,2%) вошли показатели фундаментальных свойств личности «нейротизм» и «психотизм» и показатель «отношение к работе», причем последний с отрицательным знаком, т. е. чем выше показатели нейротизма и психотизма, тем в большей мере выражена негативная оценка работы.

Третий фактор (15,121%) составили показатель экстраверсии и показатель образности концепта «работа» с отрицательным знаком. Полученные данные могут свидетельствовать о разной мере обобщенности визуального прототипа концепта у экстравертов и интровертов. (Но это предположение требует дальнейших исследований.)

Анализ рисунков, где отображены образные впечатления респондентов, выявил преобладание тематических, личностных ассоциаций или реальной картины работы.

Среди рисунков доминируют образы малоподвижной работы, такие как человек в кресле за компьютером. Наиболее яркие обобщенные образы несут за собой неравное распределение работы и в целом заработка.

Среднее значение показателя визуального прототипа концепта составила 0,78, что свидетельствует о низком уровне обобщенности образа. Причем, у респондентов с преобладанием негативных оценочных признаков концепта «работа», обобщенность образа выше, чем у респондентов с преобладанием положительных оценочных признаков, но это различие ввиду малой выборки не достигло статистической значимости.

Молодые люди с преобладанием положительного оценочного взгляда на работу, несмотря на меньшие показатели интеллектуальной активности и общей адаптивности, отличаются меньшей скоростью принятия решений (низкие показатели импульсивности), имеют ситуативное представление о работе и особо не задумываются о значимости предстоящей деятельности.

Для молодых людей с более высокими показателями адаптивности, интеллектуальной, в первую очередь, играет роль значимость предстоящей деятельности. Они любознательны и открыты новому опыту, с легкостью выявляют новые характеристики реальности, которые не соответствуют или противоречат сложившимся представлениям и личностному опыту (толерантность). Они отличаются высокой скоростью принятия решений (импульсивность) и одновременно тщательной поэтапной перепроверкой фактов, использованием продуманных и взвешенных способов решения задач (рефлективность). Невозможность реализовать свои способности в значимой для них профессиональной деятельности, вероятно, также может быть одной из причин преобладания негативных оценочных суждений о работе и ситуативного образного представления о ней.

Согласно данным регрессионного анализа, чем выше показатели поленезависимости, ниже показатели тревожности, толерантности и гибкости познавательного контроля у респондентов, тем больше в составе концепта представлено положительных оценочных признаков состава концепта «работа».

Полученные данные свидетельствует о сложности концепта «работа» и сложности выбора между своими интересами и благополучием в денежном плане. Безусловно, концептуальные структуры представляют ключевой фактор, который связывает ментальные ресурсы в единое ментальное образование, которое обуславливает продуктивность жизнедеятельности человека, но, с другой стороны, особенности организации каждого индивида зависят напрямую от уровня ментальных ресурсов человека.

Литература

Веккер Л. М. Психические процессы. Мышление и интеллект. Т. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.

Волкова Е. В. Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Хазова С. А. Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2014. № 4. С. 31–42.

Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Идентификация жертв буллинга в контексте поливиктимизации*

И. В. Волкова (*Санкт-Петербург*)

Оценка распространенности буллинга в российских школах затруднена тем, что существующие инструменты оценивания часто представляют собой самооценочные опросники, основная проблема которых – искажение ответов в силу особенностей самооценки отвечающего и воздействия эффекта социальной желательности. Другой сложностью при исследованиях буллинга становится новизна этого понятия в научной литературе и ограниченное употребление среди носителей русского языка. Иными словами, описания, представленные в опросниках, иногда трудно понять из-за того, что сам термин «буллинг» еще недостаточно хорошо знаком респондентам. Как следствие, ответы на прямые вопросы могут нести в себе искажения. Для компенсации этого эффекта значительная часть современных инструментов содержат в себе более детализированные вопросы, которые помогают воссоздать ситуацию или припомнить некоторые детали. Между тем те исследования, где речь не идет о распространенности конкретных его проявлений, а лишь о явлении как таковом, опираются на ответы на прямые, общие вопросы (Harel-Fisch et al., 2011; Luxenberg, Limber, Olweus, 2015). В такого рода работах предполагается, что самономинирование на роль жертвы буллинга отражает реальное положение вещей (т. е. незначительно количество тех, кто ложно приписывает себя либо к жертвам, либо к не-жертвам). Другие исследования, в которых изучается распространенность видов буллинга, описывают лишь указанные виды, избегая говорить о распространенности буллинга как явления (Wolke et al., 2001). В таких исследованиях акцент смещен на исследование представленности в выборке конкретного вида буллинга, его частотности, но очень редко изучаются эффекты сочетания разных видов насилия.

В определении буллинга одним из ключевых аспектов выступает неоднократность и/или регулярность переживания (Goldsmid, Howie, 2014). Поскольку буллинг является одним из типов насилия над детьми, к нему должны быть применимы те же особенности, которые относятся к этой области. Среди прочего, при исследованиях буллинга можно применять и понятие поливиктимизации. Поли-

* Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 15-06-10575 «Исследование личных и средовых детерминант подросткового буллинга».

виктимизацией называется процесс, в котором человек или неоднократно подвергался одному виду насилия, или подвергался нескольким видам насилия. При каждом эпизоде травма становится глубже и страдания из-за каждого эпизода усугубляют друг друга (Finkelhor, Ormrod, Turner, 2007). В ситуациях буллинга, по определению, подразумевается неоднократность травмирования, но нерегулярное совершение разных видов насилия (например, если ребенка высмеивали, исключали из группы и насмехались над ним) буллингом может и не считаться. Между тем концепция поливиктимизации предполагает, что такое поведение не менее травматично, следовательно, имеет смысл считать этих детей если не жертвами буллинга, то жертвами насилия в целом.

Наше исследование проводилось в общеобразовательных школах Нижнего Новгорода. В исследовании приняли участие 717 респондентов, учащиеся 5–11 классов в возрасте от 11 до 18 лет. Согласие на участие в исследовании дали педагоги, дирекция школы и родители учеников. Проект одобрен Этическим комитетом Санкт-Петербургского государственного университета. После пояснения термина «буллинг» респондентам предлагалось оценить свою роль в ситуациях буллинга при помощи опросника Д. Олвеуса. Сначала респонденты отвечали на прямой вопрос «Как часто ты повергался буллингу в школе в течение последних 2-х месяцев?». Если респондент отвечал, что это происходило с ним чаще раза в неделю (т. е. минимум 4 раза за месяц), то такой респондент в нашем исследовании попал в число самономинированных жертв буллинга. Если подросток отвечал, что это происходило один или два раза, то такой респондент попадал в группу переживших единичный случай насилия. Про ответивших, что с ними такого не происходило за последние 2 месяца, можно предположить, что жертвами буллинга они себя не считают. Затем респонденту предлагалось ответить на вопросы о частоте переживания конкретных видов буллинга, например, как часто за последние 2 месяца его обзывали, дразнили и смеялись над ним. При помощи этих вопросов также возможна идентификация жертв буллинга, поскольку если ребенок переживает хотя бы один из видов издевательств чаще раза в неделю, то он может считаться жертвой буллинга. Интерес вызывает сопоставление ответов на прямой вопрос (число самономинированных жертв) и детальные вопросы об опыте переживания конкретных видов буллинга (идентифицированные жертвы).

В нашем исследовании сами себя жертвами буллинга назвали 104 (14,5%) опрошенных, еще 110 (15,3%) сказали, что с ними это проис-

ходило однажды или дважды, но большая часть (70,2%) опрошенных отметила, что они не жертвы буллинга.

С другой стороны, если рассмотреть ответы на более детальные вопросы о частоте видов насилия, то можно выделить четыре категории детей:

- Отметившие, что они не повергались ни одному из видов насилия на протяжении последних двух месяцев, или подвергались одному или двум видам насилия один или два раза. С большой вероятностью предположим, что эти подростки – не жертвы буллинга или насилия. Таких респондентов было 483 чел. (67,4%);
- Отметившие, что они подвергались трем и более видам насилия, но один или два раза. Скорее всего, эти подростки будут страдать от эффектов поливиктимизации, так как регулярно сталкиваются с разными видами издевательств. Таких респондентов в нашей выборке было 68 чел. (9,5%);
- Отметившие, что они подвергались нескольким видам насилия, и хотя бы одному из них чаще раза в неделю. Эти подростки являются жертвами буллинга в классическом понимании: они неоднократно и продолжительно подвергаются разным видам издевательств со стороны сверстников в школе. Число таких респондентов в нашей выборке составило 119 чел. (16,6%);
- Отметившие, что они подвергались одному виду насилия чаще раза в неделю. Эти подростки тоже считаются жертвами буллинга, наиболее уязвимыми к конкретному виду насилия. Таких в нашей выборке было 36 чел. (5,0%).

При сопоставлении обнаруживается, что имеет место ложное самономинирование: 14 (13,6%) опрошенных, которые считают себя жертвами, не были идентифицированы как жертвы буллинга по вопросам о конкретных видах насилия. Это может происходить как вследствие личностных особенностей респондентов, так и в результате недостаточной представленности форм и видов буллинга в опроснике. Одновременно с этим из тех детей, кто не считает себя жертвами, 21 чел. (4,2%) сталкивался как минимум с тремя видами буллинга, но однократно 28 чел. (5,7%) подвергались разным видам буллинга и хотя бы одному из них регулярно, 28 чел. (5,7%) переживали один вид насилия регулярно. Кроме того, из тех, кто посчитал, что произошедшее с ними – единичный случай: 34 чел. (31,5%) сталкивались однократно как минимум с тремя разными видами насилия, 20 чел. (18,5%) подвергались разным видам буллинга и хотя бы одному из них регулярно и 3 чел. (2,8%) регулярно переживали один вид насилия.

Таким образом, число непредставленных жертв при ответе на прямой вопрос составило 134 чел. (18,7% от общего числа респондентов). 14 респондентов (1,9% от общего числа респондентов) ложно назвали себя жертвами. Значительная часть жертв буллинга страдала от поливиктимизации, т. е. подвергалась разным видам насилия со стороны обидчиков. Все эти эффекты необходимо учитывать при оценке распространенности буллинга, особенно при использовании опросников с общими, неподробными вопросами.

Литература

Finkelhor D. O., Ormrod R. K., Turner H. A. Poly-victimization: A neglected component in child victimization // Child Abuse and Neglect. 2007. V. 31. № 1. P. 7–26.

Goldsmid S. H., Howie P. Bullying by definition: an examination of definitional components of bullying // Emotional and Behavioural Difficulties. 2014. V. 19. № 2. P. 210–225.

Harel-Fisch Y., Walsh S. et al. Negative school perceptions and involvement in school bullying: A universal relationship across 40 countries // Journal of Adolescence. 2011. V. 34. № 4. P. 639–652.

Luxenberg H., Limber S. P., Olweus D. Bullying in U. S. schools. 2014 status report. Center City: Hazelden Publishing, 2015.

Wolke D., Woods S., Stanford K., Schulz H. Bullying and victimization of primary school children in England and Germany: prevalence and school factors // British journal of psychology. 2001. V. 92. № 2. P. 673–696.

Психотравмирующие ситуации в жизни хоккеистов высокой квалификации и способы их преодоления (на основе биографического анализа)

М. Г. Волкова (*Ярославль*)

Феномен стресса в профессиональной жизни человека в последние годы обсуждается и исследуется весьма широко (Загайнов, 2010; Щербатых, 2014). Особую актуальность данная проблема приобретает в области спорта высших достижений. Наше исследование посвящено изучению психотравмирующих ситуаций в профессиональном хоккее, и для этого есть ряд оснований. В последнее время руководство Национальной Хоккейной Лиги вынуждено изменять регламент проведения Чемпионата НХЛ, увеличивая размеры штрафов и дисквалификаций в отношении хоккеистов за проявление агрессии

и нарушение спортивного режима, связанного с употреблением алкоголя и наркотиков. Причиной данных изменений послужило большое количество судебных исков в адрес руководства клубов и лиги со стороны игроков, закончивших карьеру вследствие травмы или ухудшения состояния здоровья. За последние пять лет более десяти действующих и бывших игроков НХЛ покончили жизнь самоубийством или погибли от непреднамеренной передозировки сильнодействующими лекарственными препаратами. Кроме того, в настоящий момент многие игроки проходят курсы реабилитации, направленные на избавление от различного вида зависимостей (алкогольная, наркотическая) и последствий многочисленных травм, полученных за годы профессиональной деятельности.

Нами была поставлена *цель* – выявить основные виды стрессовых ситуаций, имеющих психотравмирующий характер для личности спортсмена-хоккеиста высшей квалификации, а также определить основные способы совладания, последствия и исходы переживания этих психотравмирующих событий.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что при проживании психотравмирующих событий в области спорта высших достижений хоккеисты в попытке совладать с ними чаще используют деструктивные способы, нежели конструктивные.

В качестве *методов* исследования использовался биографический метод. Для изучения причин появления зависимостей и депрессивных состояний у спортсменов нами были изучены и проанализированы опубликованные биографии и интервью 23 известных хоккеистов, средний возраст которых составил 36 лет. Большинство исследуемых нами спортсменов имели амплуа «Тафгай», их главной задачей было нейтрализовать соперника путем нанесения травмы в процессе драки.

В результате анализа источников нами была выявлена группа стрессовых ситуаций, встречающихся в жизни наибольшего количества исследуемых нами хоккеистов. Это такие события, как:

1. Травма, повлиявшая на ход спортивной карьеры или ставшая причиной окончания спортивной деятельности, – 13 чел.
2. Вынужденное окончание или прерывание спортивной карьеры – 10 чел.
3. Смена клуба (обмен, окончание контракта, отчисление) – 6 чел.
4. Смерть близкого человека – 5 чел.
5. Проблемы в семье (развод, конфликты с другими членами семью) – 4 чел.

Кроме того, нами были выделены группы малочисленных психотравмирующих событий, кардинально изменивших жизнь и карьеру хоккеистов. К ним относятся: психическое заболевание (2 чел.), сексуальное насилие со стороны тренера (2 чел.), издевательства со стороны одноклубников (1 чел.) и наличие фобии (1 чел.).

В период переживания стрессовых ситуаций у хоккеистов отмечался ряд психологических проблем. Самой распространенной проблемой являлась депрессия (20 чел.), большая группа спортсменов (15 чел.) страдала от различного вида зависимостей, таких как алкогольная, наркотическая, зависимость от лекарственных препаратов. Более того, у 12 чел. было выявлено посттравматическое стрессовое расстройство. В стрессовых ситуация 6 чел. чувствовали неуверенность в себе, а 5 спортсменов испытывали приступы неконтролируемой агрессии. Также были выявлены случаи обострения психических заболеваний (2 чел.) и расстройства сексуального характера (1 чел.).

В процессе изучения биографий были определены способы преодоления хоккеистами данных психологических проблем. Мы разделили данные способы на две группы: конструктивные и деструктивные.

К *конструктивным* способам можно отнести следующие: 1) лечение в реабилитационном центре – 11 чел.; 2) лечение физических травм в специализированных медицинских учреждениях – 2 чел.; 3) смена профессиональной деятельности по окончанию карьеры – 3 чел.

К *деструктивным* способам преодоления стрессов мы отнесли: 1) суицид – 8 чел.; 2) попытка суицида – 3 чел.; 3) передозировка лекарственными препаратами, повлекшая смерть, – 3 чел.

Из данных исследования видно, что количество спортсменов, обратившихся за квалифицированной помощью (15 чел.), превышает количество хоккеистов, по разным причинам не получивших своевременную помощь и поддержку, что привело к трагическим последствиям (11 чел.).

Выше мы отмечали, что большинство исследуемых нами спортсменов имели амплуа «Тафгай». Согласно исследованиям мозга хоккеистов, проведенным учеными университетов США и Канады, многочисленные сотрясения и травмы головы, полученные в процессе драк, привели к повреждениям большей части коры головного мозга. Это дает нам право говорить, что данные повреждения могли привести к ухудшению не только физического, но и психического здоровья спортсменов.

Одной из задач нашего исследования было выяснить, с чем связан выбор хоккеистами своего профессионального амплуа. В процессе изучения автобиографий нами был выявлен ряд причин, повлиявших на принятие решения.

1. Низкая результативность в юниорской лиге

Семь спортсменов отметили, что многие клубы НХЛ приобретали в свои ряды игроков-юниоров, имеющих низкую результативность, с целью защиты более результативных хоккеистов, подвергающихся постоянным атакам со стороны соперника.

2. Большая конкуренция внутри команды

Десять хоккеистов указали на то, что причиной проявления агрессии с их стороны было желание закрепиться в составе, обратить на себя внимание тренеров и завоевать уважение партнеров по команде. Особенно сильно это проявлялось в первом сезоне после перевода из юниорской лиги, когда игроки испытывали сильное психологическое давление ввиду страха быть отчисленным из команды.

3. С целью самозащиты и самоидентификации

Трое игроков назвали основной причиной своего агрессивного поведения необходимость самозащиты и самоидентификации. Один из игроков, подвергавшийся физическому и психологическому насилию со стороны одноклубников, видел агрессию как единственный способ самозащиты и возможности сохранения места в составе. Проявляя агрессию по отношению к другим игрокам, он хотел создать себе репутацию жестокого, беспринципного человека, тем самым оберегая себя от возможности повторения случаев насилия. Что касается двух игроков, ставших жертвами сексуального насилия, то их целью было самоопределение своей сексуальности, необходимость доказать себе свою принадлежность к сильному полу.

Основываясь на результатах, полученных в ходе нашего исследования, мы можем сделать вывод, что психолого-педагогическое сопровождение является наиболее эффективной мерой предотвращения психологических травм, полученных хоккеистами на протяжении всей карьеры. Необходимо изучать возможные риски нанесения вреда психическому и физическому здоровью спортсмена-юниора при выборе им профессионального амплуа, разрабатывать программы психологической поддержки спортсменов, вынужденных прервать или закончить выступления из-за травмы, а также прово-

дить исследования в области других сфер деятельности, в которых спортсмены смогут реализовать себя по окончанию спортивной карьеры. Кроме того, необходимо проводить профилактическую работу с руководством и воспитанниками спортивных школ с целью снижения уровня проявления агрессии в детском и юношеском хоккее.

Литература

Загайнов Р. М. Кризисные ситуации в спорте и психология их преодоления. М.: Советский спорт, 2010.

Щербатых Ю. В. Психология стресса и его коррекция: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. С. 112–114.

Особенности организации концептов «ресурсы», «резерв» и «потенциал» у юношей и девушек

Н. Э. Волкова (*Москва*)

Термины «ресурсы», «резерв» и «потенциал» широко представлены в современном русскоязычном культурном сознании. Данные понятия не только принадлежат к интернациональной лексике, но также вошли в лексико-семантическую систему русского языка на базе иноязычного источника. Вместе с тем употребление данных концептов в одном понятийном ряду свидетельствует об их недостаточной дифференциации. Любой концепт присутствует в языковом сознании этноса как «инвариантно-вариативное знание определенного социума о каком-либо явлении духовной или материальной культуры, реализующееся через пространство разноуровневых и разнопорядковых языковых знаков» (Фахрутдинова, 2000). Согласно исследованиям М. А. Холодной (Холодная, 2012) и Е. В. Волковой (Волкова, 2016), концепт является стержневым фактором в структуре индивидуальных ментальных ресурсов, особенности организации которого определяют продуктивность жизнедеятельности человека. Концепт, по мнению М. А. Холодной, представляет собой не только ментальную репрезентацию, соответствующую определенному слову; но и категорию, подразумевающую тот или иной смысл и способность осуществлять реидентификацию объекта, на основе выделения и анализа его индуктивных свойств и причинно-следственных связей между ними (Холодная, 2012, с. 86). Независимые исследования М. А. Холодной и Е. В. Волковой (Kholodnaya, Volkova, 2016) показали: чем выше уровень организации концептуальных структур

(концептов), тем выше уровень концептуализации, поленезависимости, интеллекта и креативности, компетентности и успешности профессиональной деятельности. Более того, высокоорганизованные концепты, обусловливающие продуктивность понятийных преобразований, ведут к уменьшению энергозатрат на выполнение деятельности.

Существует большое количество разнообразных методов исследования концептов, каждый из которых имеет свои собственные цели и задачи, кроме того, они взаимодействуют между собой, дополняя друг друга, что позволяет исследовать концепт как объект взаимодействия языка, мышления и культуры. В настоящем исследовании используется метод семантического дифференциала Ч. Осгуда. Согласно Ч. Осгуду, три основных фактора, определяющих семантическое пространство концептов, являются универсальными «аффективными компонентами значения» и имеют свои корни в эволюции приматов (Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957):

1) оценка (красивый–уродливый, хороший–плохой);
2) сила (сильный–слабый, большой–маленький);
3) активность (активный–пассивный, быстрый–медленный).

Эффективность и валидность метода была подтверждена многими исследователями, например Е. Ю. Артемьевой, Ю. М. Забродиным, В. Ф. Петренко, В. В. Петуховым, В. И. Похилько и др.

Целью исследования является изучение специфики представлений о «ресурсах», «резервах» и «потенциале» в реальных условиях речевого функционирования у юношей и девушек.

Организация исследования. Чтобы получить наиболее полную и объективную картину отражения признаков исследуемых концептов у юношей и девушек, для участия в исследовании привлекались русскоязычные студенты из разных городов: Москвы, Таганрога и Пензы – и разных специальностей: психологи, учителя начальных классов, радисты (49 юношей и 124 девушки в возрасте от 18 до 24 лет).

В исследовании использовалась модификация М. А. Холодной методики семантического дифференциала Ч. Осгудас 34 биполярными шкалами, обозначающими сенсорные и эмоционально-оценочные признаки. Измеряемые концепты «ресурсы», «резерв» и «потенциал» оцениваются по ряду биполярных градуальных шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов (например, «хороший–плохой», «радостный–печальный»). Респондентам предлагалось сделать выбор в 7 графах, каждой из которых были приписаны баллы от –3 до +3 соответственно. Этот метод является комбинаци-

ей метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования, что позволяет не только корректно фиксировать значения исследуемых концептов, но и выявить, каким образом в сознании респондентов (юношей и девушек) отражена их картина вербального и визуального восприятия.

«Семантический дифференциал» представляет собой метод оценки участия сенсорно-эмоциональных впечатлений в функционировании концепта. Он включает 34 пары прилагательных, позволяющих выделить следующие группы признаков:

- сенсорные признаки (упругий–вязкий, гладкий–шершавый, мягкий–твердый, легкий–тяжелый, хрупкий–прочный, сухой–влажный, холодный–теплый, острый–округлый, беззвучный–звучащий, тихий–громкий, яркий–блеклый, красочный–бесцветный, круглый–угловатый);
- эмоционально-оценочные признаки (веселый–грустный, спокойный–тревожный, нежный–грубый, безобидный–страшный, гармоничный–хаотичный, активный–пассивный, приятный–отвратительный, сильный–слабый);
- пространственно-временные признаки (прямой–кривой, близкий–далекий, высокий–низкий, короткий–длинный, маленький–большой, плоский–объемный, волнообразный–зубчатый, тонкий–толстый, просторный–тесный, непрерывный–прерывистый, стремительный–медленный, изменяющийся–постоянный, вращающийся–неподвижный, плавный–резкий).

Для исследований степени различий понятий в зависимости от пола респондентов, следуя рекомендации Ч. Осгуда, мы в нашем исследовании применяли дескриптивный и иерархический кластерный анализы с предварительной факторизацией.

Согласно средним значениям выборов, понятие «ресурсы» описывается набором из 31 шкалы у юношей и 26 шкал у девушек, имеющих разный содержательный аспект. Из трех направлений семантического пространства, выявленных Ч. Осгудом, таких как «сила», «активность» и «оценка» (Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957), у девушек, как и у юношей, доминирует «оценка». Однако восприятие «ресурса» у них совершенно разное. Если для девушек «ресурсы» «красочные» (–1,14), «стремительные» (–0,59), «звучащие» (0,23), то у юношей – «острые» (–0,41), «тихие» (–0,18), «беззвучные» (–0,18), «плавные» (–0,10), «прерывистые» (0,14), «теплые» (0,12) и «шершавые» (0,1). Общим моментом является выраженность эмоциональной привлекательности объектов («оценка» и «активность») как у девушек, так

у юношей. Следует отметить, что, в терминах М. А. Холодной, у юношей и у девушек при оценке концепта «ресурсы» на первый план выходят сенсорные и пространственно-временные группы признаков.

Содержательный анализ концепта «резерв» также выявил большую выраженность размерности свойств концепта у юношей и девушек. У данных респондентов сохраняется направленность семантического пространства – «оценка». У юношей наблюдается «слипание» факторов «оценка» и «активность». При этом девушки дали такие характеристики концепту, как «гармоничный» (–0,7), «просторный» (–0,59), «плавный» (–0,58), «волнообразный» (–0,48), «красочный» (–0,44), «нежный» (–0,14), «холодный»(–0,31), «вращающийся» (–0,1), «тонкий» (–0,18), «прочный» (0,37), «длинный» (0,22), а юноши – «беззвучный» (–0,73), «активный» (–0,31), «тяжелый» (0,59), «неподвижный» (0,53), «грубый» (0,39) и «угловатый» (0,2). Как у юношей, так и у девушек общим моментом является выраженность эмоциональной привлекательности объекта. Однако у девушек превалирует пространственно-временная группа признаков концепта «резерв», по сравнению с сенсорной и эмоционально-оценочной группами, в терминах М. А. Холодной, а у юношей на первый план выходит группа сенсорных признаков.

Содержательный анализ концепта «потенциал» выявил, что семантическое пространство у юношей и у девушек представлено набором признаков, характеризующих степень динамичности и изменчивости объектов во времени (т. е. активность), а также выраженности эмоциональной привлекательности объектов (т. е. оценка), в терминах Ч. Осгуда. Для девушек «потенциал» – «изменяющийся» (–0,94), «нежный» (–0,53), «легкий» (–0,24), «плавный» (–0,17) и «теплый» (0,15), а для юношей – «круглый» (–0,39), «холодный» (–0,18), «твердый» (0,39), «тяжелый» (0,2) и «постоянный» (0,1). В терминах М. А. Холодной, у девушек пространственно-временные и сенсорные группы признаков преобладают над эмоционально-оценочными, последняя группа признаков у юношей вообще не представлена.

Сопоставительный анализ семантических пространств концептов «ресурсы», «резерв» и «потенциал» показал, что у девушек чаще представлены эмоционально-оценочные группы признаков (концепты «резерв» и «потенциал»), в то время как у юношей доминирует сенсорная группа признаков.

Литература

Волкова Е. В. Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Фахрутдинов Ф. Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости. Иваново: Изд-во «Ивановский гос. университет», 2000.
Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
Kholodnaya M. A., Volkova E. V. Conceptual structures, conceptual abilities and productivity of cognitive functioning: the ontological approach // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. V. 217. P. 914–922.
Osgood C. E., Suci G. C., Tannenbaum P. H. The Measurement of Meaning. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1957.

Тип отношения к родителям как фактор психологического благополучия женщины среднего возраста

М. Е. Воронина (*Кострома*)

В научной психологии наблюдается устойчивый интерес к проблемам психологического благополучия женщины (М. В. Бучацкая, О. А. Овсяник, О. Б. Подобина, Т. Д. Шевеленкова, Л. Б. Шнейдер). Этот интерес связан с особенностями социально-ролевого репертуара современной женщины (Берн, 2002), жесткими и противоречивыми требованиями к ней со стороны общества.

Важное значение для личностного развития взрослой женщины и достижения ею психологического благополучия имеют кризисы значимых отношений с повзрослевшими детьми и стареющими родителями, которые происходят на возрастном этапе средней взрослости (Л. Доннерстайн, Г. Крайг, А. А. Реан, Е. Е. Сапогова, Е. В. Филиппова). Приспособление к взаимодействию со стареющими родителями – важная жизненная задача женщины среднего возраста (Г. Крайг, Р. Пиррет, А. Реан, Н. А. Шеманова, К. Эльячефф).

Женщина среднего возраста начинает испытывать новые формы близости с пожилыми родителями (вследствие снижения уровня их физического и психического здоровья). Она нередко ощущает предельно высокий уровень близости–заботы в отношениях с родителями и одновременно *интрузивности,* которая реализуется через проявление чувств собственности и ревности родителей по отношению к дочери (Уорден, 2007). Обязанность осуществления ухода за родителями имеет высокий личностный смысл, но, в тоже вре-

мя, может стать источником серьезного стресса. В настоящее время существует устойчивая тенденция демографического старения населения – увеличение числа пожилых людей в общей численности населения, увеличение средней продолжительности жизни (Шабунова, Барсуков, 2015), соответственно период, в течение которого женщина заботится о пожилых родителях, увеличивается и совпадает с очень значительной частью ее жизненного пути.

Нами проведено эмпирическое исследование влияния типов отношения к родителям на психологическое благополучие женщины в период средней взрослости. В исследовании участвовала 61 женщина среднего возраста; все респонденты заботятся о своих стареющих родителях. Возраст женщин от 38 до 56 лет. Для изучения отношения женщины к родителям использовался следующий комплекс методик: интервью «Мои родители» (модификация «Интервью о привязанностях для взрослых» М. Мэйн), методика «Типовое семейное состояние» с модифицированной инструкцией (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкий), тест по изучению межличностной вины IGQ (L. O'Connor, J. Berry, J. Weiss), «Опросник стиля привязанности» ASQ (J. Feeney, P. Noller), методика «Образ родителей» (составлена с опорой на методику «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда). Психологическое благополучие женщин изучалось с помощью «Шкалы психологического благополучия» (К. Рифф). Статистический анализ данных проводился с опорой на факторный анализ и однофакторный дисперсионный анализ.

Контент-анализ материалов интервью позволил выделить 4 основных типа отношения женщины среднего возраста к родителям. Критерием дифференцирования стало соотношение близости и ощущения интрузивности в отношении женщин к пожилым родителям. Для оценки близости анализировались темы «Позитивные чувства к родителям», «Негативные чувства к родителям». В качестве индикатора интрузивности рассматривалась категория «Эмоциональная свобода/зависимость от родителей» в личных историях женщин. Ниже дано описание выделенных типов отношения.

1. *Глубокая теплая привязанность* (высокий уровень близости и ощущение сильной интрузивности) – 36% выборки. Для этого типа характерна эмоциональная зависимость женщин от своих родителей, но при этом взаимоотношения психологически комфортны.
2. *Здоровая близость* (высокий уровень близости и ощущение низкого уровня интрузивности) – 37% выборки. Женщины с таким типом отношения к родителям проявляют к ним внимание, заботу,

оказывают им эмоциональную поддержку. При этом женщина сохраняет внутреннюю свободу, определенную дистанцию в отношениях с родителями.

3. *Амбивалентное отношение* (низкий уровень близости и ощущение высокого уровня интрузивности) – 13% выборки. Взрослые дочери с этим типом отношения испытывают эмоциональную зависимость от родителей, отношения носят конфликтный характер, вызывают у женщин много негативных чувств.
4. *Дистанцированное отношение* (низкий уровень близости и ощущение низкого уровня интрузивности) – 13% выборки. Для этого типа характерно отсутствие доверия, формализация отношений с родителями. Мотивация участия в жизни родителей, заботы о них формируется в основном на когнитивном уровне (Воронина, 2015).

Факторный анализ компонентов отношения женщины среднего возраста к родителям (метод максимального правдоподобия) позволил выделить 2 фактора, объясняющих 43% дисперсии. В первый фактор (20% дисперсии, условное название «Конфликтный тип отношения») вошли такие компоненты, как *общая неудовлетворенность ситуацией отношений* (0,95), *тревожность* (0,89), *нервно-психическое напряжение* (0,86), *близость* (–0,56), *вина ответственности* (0,79). Второй фактор (23% дисперсии, условное название «Тревожная привязанность») составили *вина выжившего* (0,86), *вина отделения* (0,74), *потребность в одобрении* (0,66), *вина ненависти к себе* (0,66), *вина ответственности* (0,65), *погруженность в отношения* (0,55), *близость* (0,49). Факторный анализ частично подтвердил типологию отношения женщины к родителям, сделанную на основе качественного анализа материалов интервью. Первый фактор соотносится с типом отношения «Дистанцированное отношение», второй фактор с типом «Глубокая привязанность». Не удалось математически выделить такие типы отношения, как «Здоровая близость», «Амбивалентный тип отношения».

Однако, опираясь на анализ значений факторов для каждого из наблюдений и качественный анализ, всех респондентов можно разделить на четыре основные группы. Первые две группы соответствуют выделенным факторам, у третьей группы респондентов значения факторов имеют равноценную положительную выраженность (по результатам качественного анализа тип «Амбивалентное отношение»), в четвертой группе наблюдений отрицательные значения обоих факторов (по результатам качественного анализа тип отношения «Здоровая близость»).

С помощью однофакторного дисперсионного анализа было выявлено, что тип отношения к родителям является фактором таких параметров психологического благополучия женщины, как *самопринятие* (F=3,4; p=0,02), *баланс аффекта* (общая удовлетворенность собой и своей жизнью, F=5,8; p=0,00), *человек как открытая система* (восприимчивость к новому опыту, F=3,2; p=0,03), *автономия* (F=6,6; p=0,00). Средние значения параметров психологического благополучия в группах женщин с разным типом отношения к родителям распределяются следующим образом (показатели расположены в указанном порядке: «здоровая близость», «глубокая привязанность», «амбивалентное отношение», «дистанцированное отношение»): *самопринятие* (57,9; 52,1; 53,2; 61,3); *баланс аффекта* (обратная шкала) (85,3; 97,6; 104,3; 84,6); *человек как открытая система* (62; 65,3; 60,2; 58,1); *автономия* (обратная шкала) (39,8; 44,5; 46,3; 36,9).

Попарное сравнение (критерий Бонферрони) дало следующие результаты.

- Женщины с «дистанцированным отношением» (p=0,04) имеют более высокие показатели *самопринятия,* по сравнению с женщинами с «глубокой привязанностью» к родителям.
- Женщины с «дистанцированным отношением» (p=0,02) и типом отношения «здоровая близость» (p=0,01) более удовлетворены собой и своей жизнью, по сравнению с женщинами с «амбивалентным отношением» к родителям.
- Женщины с «глубокой привязанностью» (p=0,03) к родителям более восприимчивы к новому опыту, по сравнению с женщинами с «дистанцированным отношением».
- Женщины с типом отношения «здоровая близость» (p=0,03) имеют более высокие показатели *автономии,* по сравнению с женщинами с «амбивалентным отношением» к родителям. Женщины с «дистанцированным отношением» более независимы, по сравнению с женщинами с «глубокой привязанностью» (p=0,01) и «амбивалентным отношением» (p=0,00).

Описанные выше результаты показывают, что женщины с такими типами отношения к родителям, как «дистанцированное отношение» и «здоровая близость», более благополучны по ряду параметров (более независимы, склонны к самоуважению, удовлетворены собой и своей жизнью), по сравнению с женщинами с «амбивалентным отношением» и «глубокой привязанностью» к родителям. Такая закономерность, на наш взгляд, обусловлена большей степенью свободы в значимых отношениях с родителями у женщин с «дистанцированным отношением» и типом «здоровая близость».

Литература

Берн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак, 2004.

Воронина М. Е. Исследование типов отношения женщины среднего возраста к родителям // Материалы Международного молодежного научного форума / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2015. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/section_22_6931.htm (дата обращения: 31.03.2017).

Уорден М. Семейная психотерапия. Диагностика, техники, секреты мастерства. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.

Шабунова А. А. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-demograficheskogo-stareniya-naseleniya-rossiyskoy-federatsii-i-puti-ih-preodoleniya (дата обращения: 31.03.2017).

Соотношение личностной и семейной идентичности в семьях повторного брака

И. В. Ворошилина (*Минск*)

Личностная идентичность – непрерывное целостное «Я» человека, внутреннее субъективное представление о себе, отношение к себе в мире, ощущение собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, обусловливающее некоторую тождественность самому себе (Эриксон, 1996). Это сложное образование имеет многоуровневую структуру, подразумевающую когнитивный, эмоционально-оценочный компоненты, и выполняет функцию самоорганизации и адаптации личности.

Необходимое условие, способствующее формированию и изменению идентичности со временем, – сравнение себя с другими в процессе взаимодействия: изначально с ближайшим окружением – семьей, позже – с друзьями, значимыми взрослыми и социумом в целом.

Таким образом, личностная идентичность как вторичный конструкт вписывается в семейную идентичность (Антонова, 1996). Вбирает в себя ее структурно-содержательные компоненты: идеалы и ценности, устремления и суждения, правила и роли, тревоги и ожидания, значимые события, разделяемые всеми членами семьи в ходе ее жизненного пути.

Вместе с тем идентичность семьи как образ принадлежности к значимой социальной группе, «эмоциональное и когнитивное „Мы“ семьи» не поглощает уникальность и индивидуальность личности, а вступает с ней в симбиоз (Аккерман, 2000). Индивид всегда несет в себе образ личностной идентичности и идентичности собственной семьи. Что позволяет каждому члену семьи быть отличным от других, привносить в систему отношений что-то свое, при этом сохранять общность и поддерживать близость друг с другом.

Что же происходит, когда привычный первичный «шаблон» с устоявшимися нормами и ценностями разрушается вследствие распада семьи, пребывания ее некоторое время в неполном составе, а затем реструктуризации системы при образовании смешанной семьи? Сохраняются ли былые непрерывные связи, в какой мере, поддерживается ли симбиоз идентичностей, или образ «Я» ребенка противопоставляется новой семейной организации, только-только создающей свою тождественность?

В попытке найти ответы на эти вопросы проведено исследование, целью которого было сравнить отношение ребенка к себе (эмоциональный компонент личностной идентичности) и к своему семейному окружению (образу группы) во временном континууме в смешанных и первичных семьях.

Гипотеза исследования: взаимосвязи между формирующейся личностной идентичностью ребенка и изменяющейся идентичностью семьи (из-за развода и вступления родителя в повторный брак) сохраняются, но отличаются от взаимосвязей, поддерживаемых в первичных семьях.

Характеристика выборки: 160 респондентов раннего юношеского возраста (экспериментальная группа (88): 45 девушек и 43 юноши из смешанных семей; контрольная группа (72): 45 девушек и 27 юношей из первичных семей).

Методы: диагностический «Цветовой тест отношений» (Эткинд, 1983), где в качестве выбранных категорий были представлены: «я в прошлом, настоящем, будущем», «моя семья в прошлом (до развода, неполная, смешанная), в настоящем и будущем», «мать», «отец», «отчим/мачеха», «друг»; математической статистики – коэффициент ранговой корреляции Спирмена (p=0,05).

В процессе цветового ранжирования испытуемые ассоциативно определяли, какими они видят себя и свое ближайшее окружение, а также какой представляется им семья во временном разрезе. Схожесть выборов позволяла судить о принадлежности респонден-

та, его тождественности и включенности в ту или иную категорию. В результате были выявлены следующие взаимосвязи.

В экспериментальной группе: «Я в прошлом» и «Семья до развода родителей» (0,19), «Я в прошлом» и «Неполная семья»/ «Смешанная семья» (0,38/0,44), «Я в настоящем» и «Семья в настоящем» (0,37), «Я в будущем» и «Семья в будущем» (0,36). В контрольной: «Я в прошлом» и «Семья в прошлом» (0,47), «Я в настоящем» и «Семья в настоящем» (0,42), «Я в будущем» и «Семья в будущем» (0,69). Образ семьи до развода родителей уже не связывается с непрерывной личностной идентичностью респондентов, поскольку, возможно, утеряны связи с событиями прошлого семьи, ее идеалами вследствие давности и отсутствия свидетельств былой жизни (в фотографиях, вещах, упоминаниях об этом близких и др.) или травматичности переживаний предразводного периода. Все остальные переменные имеют памятный «отпечаток» для становления личности молодых людей. При этом чем больше респондент доволен собой, тем лучше воспринимает и семью повторного брака, подчиняясь ее нормам и правилам, интериоризируя ее ценности и поступая в соответствии с ними. Сравнивая показатели двух групп, можно заметить, что испытуемые из первичных семей, в отличие от респондентов из смешанных семей, предполагают еще большую общность в будущем: в реализации совместных планов, ожидании приятных событий и поддержке в горестных, укоренении семейных традиций в собственных семьях.

Далее показалось целесообразным сравнить образ себя с образом родного и приемного родителя, разделив выборку по половому признаку. Экспериментальная группа: для девушек – «Я» и «Мать» (0,26), «Я» и «Отец» (0,08), «Я» и «Отчим» (0,21); для юношей – «Я» и «Мать» (0,44), «Я» и «Отец» (0,31), «Я» и «Отчим» (0,25). Контрольная группа: для девушек – «Я» и «Мать» (0,33), «Я» и «Отец» (0,34); для юношей – «Я» и «Мать» (0,34), «Я» и «Отец» (0,51). У девушек из смешанных семей нет статистически значимых связей. Это подразумевает, что в становлении личностной идентичности на данном возрастном этапе они ориентируются на иные образцы для подражания, вне семьи, обладающие большей привлекательностью. Возможно, из-за чрезмерной категоричности в оценке родителей, потери их авторитета, нежелания повторять ошибки прошлого семьи, или это первые попытки проявления автономности, а она требует бросить вызов родительским и общественным нормам. У юношей из семей повторного брака другая картина: биологические родители имеют определенный вес, к ним прислушиваются, берут с них пример. Почему так?

Какое-то время, в неполной семье, мальчик бессознательно или осознанно брал на себя ответственность, играя роль супруга для матери, а потому более привязан к ней сейчас. Относительно отца, возможно, есть доля идеализации отсутствующего в его жизни родителя как защитная реакция (обесценивание могло бы отрицательно сказаться на формировании мужских качеств у мальчика). Связь с приемным родителем оказалась статистически незначимой. В качестве причин могут быть скрытая конкуренция с отчимом за расположение матери, нежелание предавать образ родного отца, самоустранение нового супруга от воспитания «ее» ребенка. Для девушек из первичных семей характерна приблизительно одинаковая по силе связь с обоими родителями, что говорит о значимости для формирования личностной идентичности, гендерной в частности, образцов поведения и взаимодействия обоих родителей. Для юношей большую ценность представляет образ отца, что полностью соответствует процессу полоролевой идентификации.

Для проверки предположения о преобладающем воздействии внешнего окружения на развитие личностной идентичности молодых людей была взята для анализа еще и категория «Друг». В итоге по экспериментальной группе обнаружены значимые взаимосвязи: для девушек (0,62), для юношей (0,46). По контрольной: для девушек (0,30), для юношей (0,27). Таким образом, молодые люди из смешанных семей более склонны искать модели для отождествления вне семьи, чем девушки и юноши из первичных семей. Можно предположить, что связано это с ранним взрослением детей в прошлом после пережитых семейных событий и со свойственной уже юношескому возрасту переоценкой ценностей и выстраиванием собственных взглядов на мир.

Выводы

В ситуации реорганизации семьи взаимосвязи между личностной и семейной идентичностью по-прежнему сохраняются, но приобретают свою специфику (в формировании личностной идентичности уменьшается «вес» семейных ценностей, идеалов, суждений и растет «доля» моделей поведения и образцов для подражания из социальной среды).

Литература

Аккерман Н. Теория семейной динамики // Семейная психотерапия: Хрестоматия / Сост. Э. Г. Эйдемиллер, Н. В. Александрова, В. Юстицкис. СПб.: Питер, 2000. С. 70–76.

Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
Эткинд А. М. Цветовой Тест Отношений: Метод. рекомендации. Л.: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 1983.
Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Исследование особенностей чувственного восприятия у обучающихся предподросткового и подросткового возрастов

Е. А. Высоцкая (*Иркутск*)

Актуальность выбора темы исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, знание особенностей полимодального восприятия учащимися позволит активно использовать все модальности перцепции в переработке и воспроизведении учебного материала. Во-вторых, активизация полимодальности восприятия способствует развитию всей познавательной сферы личности обучающегося. Исследования, посвященные выявлению модальных предпочтений при восприятии различной информации, показывают частое несовпадение ведущей модальности восприятия у учителя с ведущей модальностью восприятия у учащихся. Это влечет за собой недостаточный контакт с учеником, трудности в восприятии передаваемой информации, снижение уровня познавательного интереса у школьников.

По мнению Т. Н. Бандурки, повышение успешности восприятия и усвоения учебного материала учащимися достигается в результате осознания ими особенностей собственной полимодальности и управления ею (Бандурка 2005, 2013). Вслед за Т. Н. Бандуркой мы считаем, что в основе познавательной деятельности лежит сенсорно-перцептивная организация личности школьника, его полимодальное восприятие.

Анализ источников показал, что в отечественной психологии (Ананьев, 1982; Барабанщиков, 2006; Бандурка, 2005, 2013; и др.) вопросам перцепции, психологии восприятия уделяется достаточное внимание со стороны психологов, занимающихся вопросами общей психологии, дифференциальной психологии, возрастной и педагогической психологии. На наш взгляд, все еще недостаточно исследо-

ваний, показывающих влияние полимодальной перцепции на учебную деятельность.

Методологическую основу нашей работы составили исследования особенностей полимодальной перцепции, концепция развития полимодального восприятия и теоретическая модель чувственного восприятия Т. Н. Бандурки (Бандурка 2005, 2013).

Теоретико-методологической основой данного исследования являются: принцип системно-структурного подхода (Б. Ф. Ломов, В. А. Барабанщиков, В. Н. Носуленко); принципы субъектно-деятельностного (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. В. Брушлинский) и знаково-речевого (Л. С. Выготский) подходов; работы, раскрывающие общие закономерности перцептивной деятельности и полимодальности восприятия (Б. Г. Ананьева, В. А. Барабанщикова, Л. М. Веккера, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева, Ю. М. Забродина, А. В. Запорожец).

Целью нашей работы является выявление и уточнение особенностей полимодального восприятия у девочек и мальчиков предподросткового и подросткового возрастов. Объект данного исследования – полимодальное восприятие у обучающихся. Предмет исследования – особенности полимодального восприятия у девочек и мальчиков предподросткового и подросткового возрастов. Цель, объект и предмет исследования определили необходимость постановки следующих задач: анализ психолого-педагогической литературы по проблемам полимодального восприятия у обучающихся; выявление особенностей полимодального восприятия у девочек и мальчиков предподросткового и подросткового возрастов; сравнение балльных значений модальностей в полимодальном восприятии у девочек и мальчиков предподросткового и подросткового возрастов.

Исследование проводилось на базе школы № 21 г. Иркутска. Выборка исследования включала 132 респондентов-школьников в возрасте от 10 до 16 лет (66 респондентов, обучающихся в 5-м классе: 33 девочки и 33 мальчика и 66 респондентов, обучающихся в 9-м классе: 33 девочки и 33 мальчика).

Для решения исследовательской задачи была использована методика выявления особенностей полимодального восприятия, которая разработана на основе теоретической модели чувственной перцепции Т. Н Бандурки. При обработке данных исследования были использованы методы описательной (дескриптивной) статистики, критерий U Манна–Уитни и χ^2 критерий Пирсона.

Гипотеза исследования: мы предположили, что чувственное восприятие у девочек и мальчиков предподросткового и подростко-

вого возраста не различается. Для проверки достоверности различия мы сформулировали рабочие гипотезы. Гипотеза H_0: уровень балльных показателей полимодального восприятия девочек и мальчиков предподросткового возраста не отличается от уровня балльных показателей полимодального восприятия девочек и мальчиков подросткового возраста. Гипотеза H_1: уровень балльных показателей полимодального восприятия девочек и мальчиков предподросткового возраста отличается от уровня балльных показателей полимодального восприятия девочек и мальчиков подросткового возраста.

Анализ и обсуждение, полученных результатов. Исследование особенностей чувственного восприятия предподросткового возраста: наибольшие балльные значения у девочек – зрительной и обонятельной модальностей, наименьшие – гаптической, висцеральной и слуховой модальностей восприятия. У мальчиков наибольшие значения у зрительной, вкусовой и обонятельной модальностей восприятия, наименьшие – у висцеральной и слуховой модальностей восприятия. У подросткового возраста: наибольшие балльные значения у девочек – зрительной и обонятельной, наименьшие – у кинестетической и слуховой модальностей восприятия; наибольшие балльные значения у мальчиков – зрительной и обонятельной, а наименьшие – у висцеральной и слуховой модальностей восприятия.

Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее развиты в данной выборке зрительная и обонятельная модальности восприятия, а наименее слуховая, что говорит о том, что в учебной деятельности обучающиеся совсем не умеют слушать своих одноклассников и учителей.

Исследование предпочтений модальностей восприятия у обучающихся предподросткового возраста: наиболее предпочитаемые модальности – зрительная у 40%, обонятельная – 23%, кинестетическая – 15%; наименее предпочитаемые или ресурсные у гаптической и слуховой по 1% соответственно. Исследование предпочтений модальностей восприятия у обучающихся подросткового возраста: наиболее предпочитаемые – зрительная у 33%, обонятельная – 19%, вкусовая – 11%; наименее – 1% обучающихся.

Результаты исследования предпочтения модальностей восприятия показывают, что для данной выборки характерно зрительно представленная информация, что говорит нам о том, что у подростков в восприятии окружающей действительности на первый план выступают зрительные образы, картины, прежде чем войти в аудиторию они хорошо просмотрят ее, только потом займутся делом.

Изучение групповых тенденций в полимодальном восприятии у обучающихся позволяет сделать вывод о том, что нельзя утверждать о безусловном предпочтении зрительной модальности восприятия, так как восприятие ситуативно и предпочтения определенных модальностей может изменяться в соответствии с целью жизнедеятельности, деятельности и общения.

Для сравнительного анализа чувственного восприятия у девочек и мальчиков предподросткового и подросткового возраста были использованы критерии U Манна–Уитни и χ^2 Пирсона. Сравнивались балльные значения модальностей восприятия у мальчиков предподросткового и подросткового возраста, а также у девочек предподросткового и подросткового возраста.

Критерий U Манна–Уитни (критерий предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо признака, количественно измеренного) показал, что подтверждается гипотеза H_1: уровень балльных показателей полимодального восприятия у девочек и мальчиков предподросткового возраста отличается от уровня бальных показателей полимодального восприятия у девочек и мальчиков подросткового возраста.

Критерий χ^2 Пирсона (предназначен для сопоставления двух эмпирических распределений одного и того же признака) выявил, что $\chi^2_{Эмп}$ превышает критическое значение, что доказывает: расхождения между распределениями статистически достоверны, подтверждается гипотеза H_1.

Проведенное исследование позволило выявить особенности полимодального восприятия у девочек и мальчиков предподросткового и подросткового возрастов. Анализ данных исследования позволяет сделать вывод о различиях в чувственном восприятии девочек и мальчиков предподросткового и подросткового возраста, что, думается, необходимо учитывать преподавателям в учебном процессе.

Литература

Ананьев Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982. С. 9–31.

Бандурка Т. Н. Осознание собственного полимодального восприятия у студента как путь развития его субъектности и понимания им своих духовно-нравственных истоков // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 4. С. 59–66.

Бандурка Т. Н. Полимодальность восприятия в обучении. Как раздвинуть границы познания. Иркутск: Оттиск, 2005.

Барабанщиков В. А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр–Высшая школа психологии, 2006.

Запорожец А. В., Зинченко В. П. Восприятие, движение, действие // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982. С. 50–79.

Проблема идентичности у студентов

Д. В. Гиголаева (*Владикавказ*)

Формирование идентичности в рамках многонационального государства всегда представляло собой проблему. Актуальность формирования российской нации, гражданского самосознания, воспитания патриотов России, проблемы достижения межнационального мира и согласия отражены в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, Национальной доктрине образования в Российской Федерации на период до 2025 года. При всем многообразии и многочисленности исследований, посвященных проблеме идентичности и ее различных аспектов, их взаимосвязь с ценностными ориентациями личности рассмотрена недостаточно широко. Ряд ученых или в само определение понятия идентичности, или в его основные характеристики включают представление о ценности, о значимости данной характеристики для субъекта, а ценностные аспекты идентичности остаются во многом умозрительными (Гогицаева, 2012; Гуриева, Михалюк, 2014). На наш взгляд, ценностные ориентации субъекта в значительной степени определяют характеристики его идентичности, поскольку ценности наделяют объекты действительности особым статусом, а также обладают побуждающей силой. Один из способов изучения связи ценностей и идентичности – сравнение ценностных ориентаций и самоописаний в зависимости от тех или иных факторов, например, пола и размера города проживания, что и было нами предпринято (Кочисов, Гогицаева, 2014). Использованы методики: «Портретный ценностный опросник» и «Тест двадцати утверждений/Кто Я?» (Шварц и др., 2012). В исследовании приняли участие 100 респондентов: 50 студентов психолого-педагогического факультета СОГУ им. К. Л. Хетагурова и 50 студентов факультета психологии СПбГУ. При анализе ответов на вопрос «Кто Я?» выделены 20 категорий. Примерно одинаковая доля респондентов во всех группах отмечает свою учебную позицию

(70–90%), семейную принадлежность (60–90%), отношение к себе (55–60%), общую направленность личности (50–60%), коммуникативные характеристики (40–65%), отношение к труду и деловые качества (35–55%), отношение к людям (37–50%), профессиональную позицию (30–50%), гражданственность (20–30%). Девушки чаще, чем юноши, отмечают свой пол и указывают на дружеские и романтические отношения, используют характеристики, отнесенные в будущее. Девушки из Санкт-Петербурга чаще описывают свои интересы и персональные рефлексивные характеристики, но реже – свои физические данные. Студентки СОГУ им. К.Л. Хетагурова чаще приводят экзистенциальные рефлексивные характеристики. Среди ценностных ориентаций студентов наиболее значимы ценности, относящиеся к категории «рост и развитие»: благожелательность, самостоятельность мыслей и поступков, репутация. Для СПбГУ значима ценность достижения, для всех девушек – гедонизм. Девушки из РСО-А высоко оценивают безопасность, личную и социальную. Таким образом, для юношей и девушек из СПбГУ важными являются ценности, входящие преимущественно в категорию «рост и развитие», а у девушек из СОГУ две категории ценностей – «рост и развитие» и «избегание тревоги» – уравновешены.

Юноши СПбГУ отличаются от девушек СПбГУ более высокими оценками самостоятельности мыслей и более низкими оценками достижения, личной безопасности, универсализма и благожелательности. Это означает, что для девушек более значимы ценности категорий сохранения и самоопределения, а не открытость изменениям и самоутверждение. Студентки СОГУ отличаются от питерских более низкими оценками ценностей власти и репутации и более высокими оценками ценностей скромности и универсализма.

Далее результаты были сгруппированы при помощи кластерного анализа на основании рангов ценностей. Получены 3 кластера, их условно можно обозначить как социальный (N=19), личностный (N=25) и промежуточный (N=37). Оценки ценностей в полученных кластерах значимо различаются (по критерию Манна–Уитни) между собой по 9–16 из 19 ценностей методики. В кластерах максимально различаются ценности категории «личностный фокус», наибольшее число отличий в категории «социальный фокус» отмечено между социальным и личностным кластерами. Все кластеры значимо различаются между собой по ценностям стимуляции, достижения и власти. Таким образом, критическим значением для характеристики ценностных ориентаций личности является выраженность ценностей индивидуализма. В промежуточном и социальном кластерах чаще

упоминаются указания на романтические и дружеские отношения, немного чаще – семейная принадлежность. В личностном кластере чаще упоминается профессиональная позиция, в промежуточном кластере – указания на пол, гражданственность, а также характеристики, отнесенные в будущее.

Подводя итоги, можно отметить, что заметна гендерная специфика ответов: девушки склоняются к социальному фокусу ценностей и более активно описывают свои социальные контакты и включенность в социальные группы, причем у студенток СОГУ это проявляется ярче. Это может быть вызвано различиями систем ценностей городов. Для юношей характерен акцент на личностном фокусе ценностей и профессиональном и личностном развитии. Можно выделить и специфичные черты. Студентки СПбГУ, для которых важны ценности достижения и власти, чаще указывают свои интересы (например, «актриса», «люблю рисовать») и персональные характеристики. Можно предположить, что в своих увлечениях они стремятся реализовать ценность достижения и отчасти проявляют стремление контролировать окружающую среду и людей. Студенты с более выраженными социальным фокусом ценностей чаще упоминают отношения со своими близкими и друзьями, а студенты с выраженными индивидуалистическими ценностями указывают на них реже, а чаще – на профессиональные качества и характеристики. Можно заключить, что ценностные ориентации связаны с характеристиками идентичности. Более детально изучение данной проблемы возможно при расширении спектра анализируемых аспектов идентичности.

Литература

Гогицаева О. У. Формирование этнической идентичности: теоретический аспект // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 7. С. 215–219.

Гогицаева О. У. Этническая идентичность личности студентов // V съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: Материалы участников съезда. Т. 2 / Под ред. Ю. П. Зинченко, А. Л. Журавлева. М.: Российское психологическое общество, 2012. С. 343–344.

Гуриева С. Д., Михалюк О. С. Проблема личностной и социальной идентификации в «Я – образе» // International scientific-practical congress of pedagogues and psychologists “The generation of scientific ideas” European Association of pedagogues and psychologists “Science”. 2014. С. 113–122.

Кочисов В. К., Гогицаева О. У. Стереотипность восприятия этнических групп в процессе этнокультурного взаимодействия // Теоретичес-

кие проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы IV-й Международной научной конференции. Т. 2 / Отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2014. С. 33–37.

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

Индивидуальный биографический тренинг как средство оптимизации смысловой и осознанной саморегуляции карьеры личности*

Т. В. Гижук (*Гродно*)

В предыдущих работах нами обоснована возможность модификации биографического тренинга, разработанного А. А. Кроником и Р. А. Ахмеровым, для оптимизации осознанной и смысловой саморегуляции личности (Гижук, 2015).

В процедуре предлагаемого нами индивидуального биографического тренинга можно выделить два этапа: *диагностический* и *формирующий.* Задача *диагностического этапа* заключается в актуализации сложившейся субъективной картины карьеры личности и выявлении ее существенных особенностей. Данный этап включает в себя следующие *процедуры:* поиск личностно значимых и профессионально важных событий, определение их значимости, установление хронологии событий, целевой и причинный анализ межсобытийных связей. Психологическая реконструкция системы причинных и целевых связей между событиями карьеры способствует пониманию личностью ее профессионального пути, позволяет осмыслить собственную карьеру, по-новому взглянуть на события своей профессиональной жизни, увидеть собственную роль в ее детерминации и, как результат, психологически овладеть ею.

После ознакомления испытуемых с результатами диагностического среза целесообразно приступить к процедуре оптимизации субъективной картины карьеры. Показателями, задающими ориентиры на формирующем этапе, будут выступать параметры функциональ-

* Исследование проводилось при поддержке гранта БРФФИ Г15М-139 от 04.05.2015 г. «Психологические факторы повышения профессиональной успешности учителей в условиях оптимизации общего среднего образования Республики Беларусь».

ного оптимума субъективной картины карьеры, выявленные нами в предыдущих исследованиях (Гижук, 2016). В соответствии с этим индивидуальный биографический тренинг, *целью* которого является оптимизация субъективной картины карьеры личности, должен решать следующие *задачи:*

1. Осознание личностью позитивного профессионального опыта при чувстве нереализованности.
2. Повышение профессионального оптимизма личности.
3. Повышение субъективной продуктивности профессиональной карьеры.
4. Повышение степени однородности субъективной картины карьеры личности.

С целью апробации индивидуального биографического тренинга были сформированы экспериментальная и контрольная группы: в экспериментальную группу вошли 17 педагогов в возрасте от 27 до 52 лет (M=38,64), педагогический стаж – от 7 до 30 лет (M=15,17), а контрольная группа включила 19 педагогов в возрасте от 25 до 59 лет (M=38,35), стаж работы – от 1,5 до 37 лет (M=14,29). Состав обеих групп был гетерогенным по социально-демографическим признакам, уровню оплаты труда, квалификационной категории и трудовому стажу. Работа с контрольной группой ограничивалась проведением трех серий замеров, а с педагогами экспериментальной группы был проведен индивидуальный биографический тренинг.

Результативность индивидуального биографического тренинга оценивалась путем сопоставления параметров смысловой и осознанной саморегуляции карьеры личности до и после участия в нем. Такой способ оценки результатов формирующего воздействия широко распространен в психологической науке и практике, на его продуктивность указывает А. А. Кроник: «Сравнивая показатели методик до и после тренинга, мы можем статистически проверить связь эффекта с воздействием и установить его психотерапевтическую эффективность» (Кроник, Ахмеров, 2003, с. 240).

С этой целью было осуществлено три диагностические сессии с каждым из участников:

– первая диагностика осуществлялась до тренинга и была направлена на выявление исходных параметров психической регуляции;
– результаты второй диагностики, проводимой непосредственно после тренинга, свидетельствовали о его «моментальной» эффективности;

– третий срез проводился спустя четыре недели после окончания тренинга и был направлен на оценку не только устойчивости сдвигов в системе психической регуляции, но и успешности использования психических новообразований в реальной жизни.

Диагностические замеры производились с помощью методик: «Опросник профессионального самоотношения» (Карпинский, Колышко, 2010); «Шкала удовлетворенности карьерой» (Карпинский и др., 2015); «Метафоры профессиональной деятельности» (Карпинский и др., 2015); «Оценивание пятилетних интервалов карьеры» (Гижук, 2016). Обследование проводилось анонимно, для идентификации результатов использовался специальный шифр.

Первоочередной задачей апробации тренинга выступает определение типичных сдвигов параметров психической регуляции, на которых направлено оптимизирующее воздействие. Предполагалось, что индивидуальный биографический тренинг стимулирует позитивные сдвиги в смысловой регуляции карьеры, заключающиеся в снижении уровня бессмысленности и негативного смысла профессиональной деятельности, на фоне повышении позитивного личностного смысла профессиональной деятельности. Свидетельством положительного сдвига по данным параметрам выступит динамика изменения баллов по шкалам методики «Метафоры профессиональной деятельности». Следующим было выдвинуто предположение об оптимизирующем влиянии индивидуального биографического тренинга на субъективную картину карьеры личности, которое заключается в повышении ожидаемой продолжительности карьеры, субъективной насыщенности значимыми событиями прошлого, настоящего и будущего профессиональной жизни. Характеристика сдвига выявлялась исходя из динамики параметров субъективной картины карьеры, измеренной с помощью методики «Оценивание пятилетних интервалов карьеры». Исходя из рассмотрения субъективной картины карьеры как фактора профессиональной успешности, было выдвинуто предположение о возможности опосредованной коррекции профессиональной успешности. Динамика изменения профессиональной успешности диагностировалась путем сопоставления удовлетворенности карьерой и профессионального самоотношения личности как интегральных критериев профессиональной успешности до и после участия в тренинге. Диагностика профессиональной успешности осуществлялась два раза: до тренинга и спустя четыре недели. Замер непосредственно после участия респондента в индивидуальном биографическом тренинге нецелесообразен, так как коррекция профессиональной успешнос-

ти осуществляется опосредованно путем применения полученных навыков в реальной жизнедеятельности.

Оценка статистической значимости сдвигов в психической регуляции карьеры между первым и вторым, первым и третьим, вторым и третьим диагностическими замерами осуществлялась с помощью критерия Т Вилкоксона.

При проведении формирующего эксперимента дополнительная методическая сложность определения эффекта коренится в том, что положительные сдвиги могут быть обусловлены не только специальным психологическим воздействием, но и неучтенными факторами, с целью преодоления данной сложности целесообразно ввести контрольную группу, которая не была подвергнута формирующему фактору. Нами была сформирована контрольная группа общей численностью 19 педагогов, которые также проходили три диагностических замера через временные промежутки, равные прохождению аналогичных замеров в экспериментальной группе. Для доказательства эффективности индивидуального биографического тренинга проводилось два вида статистического анализа: во-первых, синхронизированная оценка статистической достоверности сдвигов исследуемых параметров у педагогов экспериментальной и контрольной групп, а во-вторых, сравнение между собой анализируемых параметров у педагогов экспериментальной и контрольных групп. Эффективность индивидуального биографического тренинга признавалась в двух случаях: во-первых, если сдвиг в экспериментальной группе оказывался достоверным при его недостоверности в контрольной группе, и, во-вторых, если анализируемые параметры у участников экспериментальной группы после проведения тренинга имели статистические отличия от параметров у участников контрольной группы.

Результаты апробации индивидуального биографического тренинга указывают на эффективность его применения для оптимизации смысловой и осознанной саморегуляции карьеры личности.

У участников тренинга диагностируются устойчивые во времени позитивные изменения *личностного смысла профессиональной деятельности:* наблюдается снижение бессмысленности и негативного смысла профессии при одновременном, синхронном увеличении позитивного смысла профессиональной деятельности.

Параметры субъективной картины карьеры личности после тренинга приближаются к *функциональному оптимуму* данного образа: наблюдается рост насыщенности субъективной картины карьеры значимыми событиями в целом и ее временных модусов (прошлого, настоящего и будущего).

У участников тренинга наметилась тенденция роста *профессиональной успешности* от первого диагностического среза к последнему, указывающая на продуктивный перенос приобретенных в ходе индивидуального биографического тренинга новообразований в повседневную профессиональную жизнь.

Таким образом, индивидуальный биографический тренинг является эффективным средством оптимизации смысловой и осознанной саморегуляции карьеры, он обеспечивает системное изменение основных параметров личностного смысла профессиональной деятельности и субъективной картины карьеры. Если осмысливать психологическое содержание изменений, то их общая тенденция заключается в повышении уровня субъектности личности по отношению к собственной профессиональной жизни.

Литература

Кроник А. А., *Ахмеров Р. А.* Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2003.

Гижук Т. В. Индивидуальный биографический тренинг как средство оптимизации субъективной картины карьеры педагога // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3. «Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія». 2015. № 3 (200). С. 136–141.

Карпинский К. В., Колышко. А. М. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2010.

Карпинский К. В,. Гижук Т. В., Галузо П. Р., Иванов С. А. Новые методы субъектной психодиагностики: коллективная монография. Гродно: ГрГУ, 2015.

Гижук Т. В. Субъективная картина карьеры как фактор профессиональной успешности педагога: Дис. ... канд. психол. наук. Гродно, 2016.

Особенности мотивации воспитателей ДОУ как одна из составляющих удовлетворенности сотрудников своей профессиональной деятельностью

Л. Р. Гильмутдинова (*Йошкар-Ола*)

Педагогическая деятельность на сегодняшний день становится предметом научных исследований ученых многих наук, в том числе и психологических.

Нынешняя неустойчивость социально-экономических условий развития общества, уменьшение престижности немалых профессий, которые востребованы в образовательной сфере, сложность трудоустройства негативно сказывается в мотивационной сфере педагогов как с точки зрения мотивов выбора профессии, так и удовлетворенности им.

Мотивация и удовлетворенность профессионала – две стороны одного объективного процесса – профессиональной деятельности. Одним из важных компонентов профессиональной мотивации является уровень удовлетворенности работником собственной деятельностью. Психологическим механизмом возникновения высокой профессиональной мотивации является переживание вероятности удовлетворения всех основных и в первую очередь, социальных потребностей личности. А. А. Реан выявил следующую закономерность: удовлетворенность профессией имеет значимые корреляционные связи с оптимальностью мотивационного комплекса педагога. Удовлетворенность специалиста избранной профессией тем выше, чем оптимальнее у него мотивационный комплекс: высокий вес внутренней и внешней положительной мотивации и низкий – внешней отрицательной. Чем оптимальнее мотивационный комплекс, тем более активность педагога мотивирована самим содержанием педагогической деятельности, стремлением достичь в ней определенных позитивных результатов, тем ниже эмоциональная нестабильность и выше удовлетворенность деятельностью (Шекшня, 2009).

По словам Л. Якокка и Д. Мак-Грегора во главе профессиональной мотивации стоит процесс удовлетворения потребностей человека, которые отражают его нужды и которые профессионал пытается удовлетворить в своей профессиональной деятельности. Мотивы созидаются под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Первые представлены системой ценностей сотрудника. В него входят компоненты – идеалы, желания, склонности, мечтания и т. д., определяющие внутреннюю сферу человека. Перечисленные ценности в ходе жизнедеятельности человека становятся относительно устойчивыми в ситуациях личностного или профессионального выбора ориентиров жизни.

Исследованием мотивации труда педагогов в различных аспектах занимались следующие ученые: Л. М. Митина, В. В. Гузеев, Е. П. Ильин, В. И. Слободчикова, Н. В. Прутченкова и др. Они доказали, что не только группа мотивов и даже не ведущие мотивы, но и гармония интересов в отношении профессиональной деятель-

ности определенным образом упорядочивают отношение личности к основным целям жизни и удовлетворенности профессиональной деятельностью (Кибанов, 2009).

На фоне повышенного внимания к этой проблеме особую актуальность приобретает вопрос об устойчивой мотивации профессионального развития воспитателей дошкольного образовательного учреждения. Необходимым является побуждение педагогических работников к продуктивной деятельности, создание условий для удовлетворения их мотивов и потребностей. Важность изучения мотивации определена и тем, что она является одним из методов управления личностью, воздействия на ее потребности и желания в саморазвитии. В настоящее время в образовательной системе происходят положительные изменения, которые позволяют педагогу раскрывать личный творческий потенциал, быть активным участником инновационных процессов. В связи с этим важно рассмотреть вопросы исследования выраженности тех или иных мотивов у педагогов дошкольного образовательного учреждения.

Целью нашего исследования стало исследование особенностей мотивации и удовлетворенности профессиональной деятельностью педагогов дошкольного образовательного учреждения.

Эмпирической базой исследования явились воспитатели МБДОУ «Детский сад № 6 «Солнышко» г. Йошкар-Олы. Выборка для исследования – 16 чел.

Высшую категорию составляют – 36% педагогов; 1 категорию – 22%; 2 категорию – 6%; 8 разряд – 36% педагогов.

Для эмпирического исследования особенностей мотивации воспитателей был использован опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан).

Мотивированные на успех педагоги составили 26% испытуемых. Данные сотрудники отличаются выбором таких задач, успешность решения которых бы зависела не от случая или неудачного сложения обстоятельств, но от их собственных усилий и способностей. Люди, мотивированные на успех очень активны, инициативны в деле. Сталкиваясь с препятствиями на пути к достижению цели, быстро находят способы их разрешения. Продуктивность деятельности в наименьшей степени зависит от внешнего контроля. Ставятся предельно достижимые цели. Выполняя задания проблемного характера, а также в условиях нехватки времени результативность деятельности неоднократно улучшается. Упорство в разрешении проблемы увеличивается параллельно ее трудности. Специалисты образовательного учреждения сосредоточены на достижении успеха и полу-

чении положительных отзывов о своих достижениях, эффективно дают оценку своим возможностям, успехам и неудачам.

Мотив «боязнь неудач» выявлен у 13% испытуемых. Они склонны к избеганию трудных задач, в большинстве случаев стараются действовать стереотипно. Люди такого типа малоинициативные. Избегают ответственных заданий, ищут причины отказа от них. Ставят завышенные цели перед собой, но при этом недооценивают свои возможности. Во многих случаях, предпочитают несложные задания, требующие небольших профессиональных знаний. Отличительным признаком является склонность к переоценке своих успехов в свете неудач, что объясняется эффектом контроля ожиданий. В ходе выполнения задач проблемного характера, при дефиците времени, результативность деятельности снижается. Отличаются обычно небольшой настойчивостью в достижении цели (нередко бывают исключения). Воспринимают и переживают время как «бесцельно текущее». В случае неудачного решения какого-либо задания их привлекательность, как правило, снижается.

61% исследуемых респондентов имеют «тенденцию (тяготение) к мотивации успеха». Люди данного типа при столкновении с трудностями стараются найти наилучшее решение проблемы, продумав все возможные варианты, во избежание неприятностей в работе.

Проверив по критерию углового преобразования Фишера, мы выявили следующую закономерность: мотив «стремления к успеху» и мотив «боязни неудач» находятся в относительно равных соотношениях. Это объясняется неярко выраженным мотивационным полюсом, в отличие от тенденции (тяготения) к мотивации успеха, где разница между данным показателем и критерием мотив «избегания неудач» оказалась статистически значима.

Исследование по методике «Изучение интегральной удовлетворенности трудом» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов). Цель – исследование общей удовлетворенности собственным трудом, оценка ее составляющих (Истратова, Эксакусто, 2012).

В ходе исследования были выявлены следующие *результаты.*

87% испытуемых имеют средние показатели общей удовлетворенности трудом. 9% исследуемых обладают высоким уровнем удовлетворенности профессиональной деятельностью. 4% опрошенных имеют низкий уровень удовлетворенности своим трудом.

Таким образом, обнаружена следующая тенденция:

– на первом месте стоит удовлетворенность взаимоотношениями с руководством;

– на втором – удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками;
– и на третьем – заинтересованность работой.

Отсюда следует, что для данных воспитателей преимущественное значение имеют благоприятные отношения с руководством и членами коллектива, немалое значение уделяется также заинтересованности своей деятельностью. Их активность мотивирована самим содержанием трудовой деятельностью, стремлением достичь в ней определенных позитивных результатов.

Таким образом, мы выявили, что мотивация педагогов в первую очередь, направлена на достижение успехов в профессиональной деятельности. Активность сотрудников мотивирована самим содержанием трудовой деятельностью, устремлением в достижении определенных позитивных результатов в сотрудничестве со всеми участниками образовательного процесса, в первую очередь с руководством. Для педагогов характерно благоприятное отношение с руководством и членами коллектива. Особенно высокие значения, полученные по таким компонентам как сотрудничество и взаимодействие между сотрудниками, говорят о том, что именно эти критерии оказывают опосредованное влияние на повышение продуктивности деятельности.

Отсюда следует, что теоретическое понимание и практическое применение знаний о мотивации приводит как к общему повышению эффективности деятельности педагогов дошкольного образовательного учреждения, так и к удовлетворенности трудовой деятельностью.

Литература

Кибанов А. Я., Баткаева И. А., Ловчева М. В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: Учебник. М.: Инфра-М, 2009.

Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. Психодиагностика. Личностные и профессиональные качества. Ростов н/Д: Феникс, 2012.

Шекшня С. В. Управление персоналом современной организации. М.: Интел-Синтез, 2009.

Факторы продуктивности совладания со стрессом разрыва близких отношений с партнером у девушек*

Т. П. Григорова (*Кострома*)

Близкие отношения с романтическим партнером, несомненно, представляют значительную ценность для человека и развития его личности в разных возрастах. В юности и ранней взрослости создание и поддержание подобных отношений выступают позитивным новообразованием, по Э. Эриксону. В благополучных близких отношениях, окрашенных переживанием позитивных чувств и эмоций, удовлетворяются важные для личности потребности: переживание безопасности, принятие и любовь. Разрыв же близких отношений, даже в том случае, если они стали тяжелыми, непереносимыми для обоих или для одного партнера, тем не менее, является сильнейшим стрессом в жизни человека (D. Felmlee, S. Sprecher, A. K. Бочавер, Т. Е. Карташева и др.). Т. Холмс и Р. Раге, исследовавшие возникновение заболеваний в зависимости от различных стрессогенных жизненных событий, считают такое событие, как *разрыв с партнером,* третьим по силе своей стрессогенности после таких событий, как *смерть супруга* (*супруги*) и *развод* (Holmes, Rahe, 1967).

В психологии принято рассматривать разрыв близких отношений как процесс, начинающийся с разъединения с партнером, снижения изначальной удовлетворенности отношениями с ним. С каждой фазой происходит все большее наполнение отношений негативными переживаниями, вследствие чего они становятся непереносимыми, возникает крайняя степень обособления партнеров, исчезает диадический копинг (Крюкова, Дорьева, 2016; Екимчик, Крюкова, 2015).

Однако, так же как и близкие отношения с партнером, которые включены для личности в более широкую систему взаимоотношений с миром, являясь хоть и значимой, но все же частью этих взаимоотношений, так и разрыв отношений происходят в контексте разнообразных жизненных условий, событий, происходящих с индивидом.

Л. А. Нефф, Б. Р. Карнэйв изучали влияние внешних стрессоров на когнитивные процессы в браке. Было установлено, что внешний стресс оказывает негативное влияние на восприятие и оценку характера партнера, а также восприятие качества близких отношений. Кроме того, отмечается, что несовладание партнеров с внешними

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-10671.

стрессорами снижает удовлетворенность отношениями, способствует их распаду (Екимчик, 2016).

Нами проведено эмпирическое качественно-количественное исследование ряда факторов, связанных, по нашим предположениям, с продуктивностью индивидуального копинга, ориентированного на завершение близких отношений: общего накопления внешних, не связанных с отношениями, стрессовых воздействий в течение года, предшествующего разрыву отношений с партнером; субъективной оценки собственных копинг-действий, удовлетворенности ими. Мы предположили, что продуктивность и специфика копинга, направленного на совладание с разрывом близких отношений, а также удовлетворенность собственными копинг-усилиями снижаются в зависимости от силы пережитых стрессов в иных сферах жизнедеятельности личности, приводящих к общему снижению ее адаптационного потенциала.

Метод. Выборка: 20 девушек, в возрасте 20–23 лет (средний возраст – 21 год, SD=0,3), которые 1,5–2 года назад пережили разрыв близких отношений с романтическим партнером. Длительность самих отношений у 14 девушек составляла 2 года, у 6 девушек – 2,5 года. Для всех испытуемых это был второй опыт близких романтических отношений, т. е. все они уже имели опыт романтических отношений с партнером: переживания влюбленности, а также опыт совладания с разрывом отношений. Применялись психодиагностические методики: Опросник способов совладания – *WCQ* (адаптирован Т. Л. Крюковой и др., 2004), Шкала накопления стресса (Модификация опросника Холмса и Раге, 1967) и интервью.

Результаты. Было подтверждено, что все респонденты, принявшие участие в исследовании, переживали разрыв отношений как стресс высокой силы. Это выражалось в описании своих чувств, эмоций и состояний как крайне негативных, невыносимых, мешающих полноценно участвовать в различных сферах жизнедеятельности (*депрессия, боль, тоска, отчаяние, потеря смысла жизни* и др.) (по данным интервью). Разрыв отношений с партнером происходил по различным причинам, не включающим в себя такие высокотравматичные обстоятельства, как применение партнером насилия, измену (собственную или партнера), разрыв отношений без объяснений. Наиболее часто встречающейся причиной расставания с партнером наших респондентов является значительное усиление конфликтности в отношениях, снижение эмоциональной близости, удовлетворенности общением с партнером. Такое изменение отношений имеет название *dissolution,* или «растворение, таяние» (Regan, 2011).

В интервью респондентам также предлагалось оценить, справились ли они на данный момент со стрессом разрыва близких отношений, и на чем основывается их оценка. 9 девушек (из 20) отмечали, что им так и не удалось совладать со стрессом, что выражается в частых навязчивых негативных воспоминаниях о партнере, возникшем недоверии к людям, снижении общительности, подавленности, чувстве одиночества, устойчивом снижении настроения.

18 девушек (из 20) говорили о том, что с подобным видом стресса необходимо и возможно справляться максимально быстро и эффективно, а принятое решение не должно меняться (*«надо было забыть его как можно быстрее», «назавтра бы вычеркнула его из своей жизни и начала бы новую», «слишком много переживала», «слишком долго переживала» и др.*). Вместе с тем респонденты склонны предъявлять к своим возможностям завышенные требования (*«надо было держать себя в руках», «надо было сразу переключиться», «надо было сразу понять, что это за человек», «жалею, что не рассталась раньше»*). На наш взгляд, подобные установки отличаются неадекватностью в оценке реальной силы переживаемого стресса, соответствуют завышенным требованиям к себе, а также стремлению к вытеснению стрессовой ситуации, избеганию подлинных копинг-усилий, нежеланию сталкиваться со своими негативными чувствами, горем, болью и давать себе право их испытывать.

Нами выявлено существование слабых отрицательных связей между уровнем накопления внешних стрессовых воздействий и копингом *планирование решения проблемы* ($r=-0,323$; $p\leqslant 0,02$). Кроме того, чем выше была сила пережитых внешних стрессов и чем чаще они переживались, тем чаще испытуемые обращались к стратегии *бегство–избегание* ($r=0,298$; $p\leqslant 0,03$). Вероятно, данные связи можно объяснить общим снижением адаптационного уровня вследствие переживания непосильных эмоциональных нагрузок. Также испытуемые, подвергавшиеся в течение года, предшествующего разрыву отношений, стрессам большей силы, реже обращаются к стратегии *положительная переоценка* ($r=-0,241$; $p\leqslant 0,04$), что может быть связано с нарастанием пессимистичности в оценке происходящих событий, накоплению негативных последствий стресса. Кроме того, такие испытуемые реже обращаются к *поиску социальной поддержки* ($r=-0,224$; $p\leqslant 0,04$) и чаще – к стратегии *принятие ответственности* ($r=0,215$; $p\leqslant 0,04$) при совладании со стрессом разрыва отношений. Вероятно, это связано с ненахождением адекватной поддержки от окружающих, ее возможном низком качестве, о чем часть испытуемых сообщали в интервью.

Те из испытуемых, кто считает, что им удалось полностью справиться со стрессом разрыва близких отношений, значимо чаще использовали такие стратегии, как *планирование решения проблемы* (r=0,384; p⩽0,02) и *дистанцирование* (r=0,241; p⩽0,03). Вероятно, активное применение ими подобных разноплановых стратегий делало их копинг более гибким, а следовательно, более продуктивным. Напротив, те из испытуемых, кто не смог за длительное время полностью совладать со стрессом разрыва отношений, чаще обращались к стратегиям *бегство–избегание* (r=0,449; p⩽0,01), *поиск социальной поддержки* (r=0,332; p⩽0,01), *самоконтроль* (r=0,217; p⩽0,02). Использование данных стратегий препятствует как совершению целенаправленных действий для снижения стрессового воздействия, так и полноценному выражению и проживанию своих эмоций. Вероятно, чрезмерная, неадекватная поддержка от окружающих может усиливать чувство беспомощности, жалости к себе, поддерживать негативные чувства в отношении партнера.

Таким образом, неудовлетворенность своими копинг-усилиями, накопление стрессовых переживаний удлиняет переживание стресса и негативных эмоций, снижает продуктивность копинга, направленного на совладание с разрывом близких отношений. Мы предполагаем, что в практической психологии, в рамках профилактики накопления негативных стрессовых воздействий, несовладания, была бы эффективна положительная эмоционально-когнитивная переоценка человеком своих усилий по совладанию, возвращение доверия и принятия себя, своих действий и чувств.

Литература

Екимчик О. А. Стресс в близких гетеросексуальных отношениях. 2016. Т. 9. № 49. С. 6. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 25.08.2016).

Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. Психология совладания с завершением близких отношений // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 4. С.117–125.

Крюкова Т. Л., Дорьева Е. А. Динамика завершения/разрыва близких отношений партеров: возможности профилактики негативных последствий // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV Международной научной конференции. Кострома, 22–24 сентября 2016 г. Т. 2 / Отв. ред.: Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. С. 67–71.

Holmes T. H., Rahe R. H. The Social Readjustment Scale // J. of Psychosomatic Research. 1967. V. 11. № 2. P. 213–218.

Regan P. Close Relationships. N. Y.: Routledge, 2011.

Идеологии межгрупповых отношений и предубеждения россиян в отношении чеченцев, белорусов, узбеков и китайцев*

Д. С. Григорьев, Д. И. Дубров (*Москва*)

В связи с возрастанием этнического многообразия в отдельных странах все большее обсуждение получают идеологии межгрупповых отношений (Pedersen et al., 2015). Данные идеологии представляют собой систему убеждений относительно того, каким образом человеку возможно успешно адаптироваться к культурно гетерогенной среде, исходя из различных принципов социальной категоризации (Guimond et al., 2013). Например, ассимиляционизм предполагает наличие в обществе одной общей культурной группы, при этом этнические меньшинства и мигранты должны соответствовать основной части общества, приняв доминирующую культуру, полностью отказавшись от своей собственной (рекатегоризация). Этнический дальтонизм подразумевает игнорирование различий между группами (декатегоризация). Мультикультурализм и поликультурализм предполагают принятие и поддержание культурного многообразия, но для мультикультурализма особую ценность представляют культурные различия между группами сами по себе (подчеркивание категорий). Тогда как поликультурализм предполагает наличие тесной связи между всеми этническими группами, проживающими в одном обществе, и меньшее значение придается границам между ними; иначе говоря, все культуры не являются изолированными системами, а результатом межгруппового взаимодействия (подчеркивание связей между категориями).

В литературе имеются противоречивые результаты относительно роли каждой из этих межгрупповых идеологий в гармонизации межэтнических отношений (Pedersen et al., 2015). В этой связи необходимы дополнительные исследования социально-психологической адаптации личности к условиям культурно гетерогенного общества в различных национальных контекстах, обобщив результаты которых, мы могли бы лучше понять как общие, так и культурно-специфические механизмы и последствия данных межгрупповых идеологий для межэтнического взаимодействия.

Мы рассматривали данный вопрос на российской выборке, поскольку население России составляет более 190 этнических групп,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-36-01127).

а сама Россия, по данным ООН на 2015 г., занимает 3 место среди стран по количеству мигрантов (Лебедева и др., 2016). При этом проживающие в России мигранты имеют различную культурную дистанцию по отношению к принимающему населению, например, она больше для иммигрантов из Закавказья и Центральной Азии, также они скорее воспринимаются как единая аутгруппа с внутренними мигрантами из российских регионов Северного Кавказа, чем с иммигрантами из Украины или Беларуси. Исторически сложившиеся этнические иерархии остаются типичными для постсоветской России (Hagendoorn et al., 1998). Таким образом, отношение к различным аутгруппам во многом может различаться в зависимости от конкретной группы (Лебедева и др., 2016).

В исследовании, которое носило поисковый характер, мы рассмотрели четыре этнические группы (чеченцы, белорусы, узбеки и китайцы), имеющие разную культурную дистанцию, с целью изучения особенности взаимосвязи между межгрупповыми идеологиями (ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, поликультурализм) и предрассудками в российском контексте. Кроме того, учитывался позитивный опыт взаимодействия в форме частоты межгрупповых контактов, позитивности межгрупповых контактов и эмоций в отношении этих групп и воспринимаемой этнической плотности в месте непосредственного проживания.

Поскольку данные идеологии в значительной мере зависят от специфического национального контекста (Guimond et al., 2013), а в России межгрупповые идеологии в качестве принципов категоризации вместе никогда не рассматривались, сформулировать конкретные гипотезы представляется проблематичным. Данное исследование являлось первой попыткой понять роль межгрупповых идеологий для межэтнических отношений в России.

Общая выборка составляла 359 россиян из ЦФО России: 167 женщин (46,5%) и 192 мужчины (53,5%), в возрасте от 16 до 68 лет (M=33,9; SD=11,9). В качестве инструментария использовались шкалы, имеющие доказанную в исследованиях Международной НУЛ социокультурных исследований НИУ ВШЭ (Лебедева и др., 2016) валидность и надежность (для нашего исследования все $\alpha>0,70$). Обработка данных осуществлялась с помощью программной среды R, а в качестве метода статистического вывода применялось моделирование структурными уравнениями.

Структурная модель имела приемлемые показатели соответствия данным ($\chi^2(66, N=359) =148,03, p<0,001$; CFI=0,974; RMSEA=0,059;

SRMR=0,047). Результаты показали, что этнический дальтонизм и поликультурализм негативно связаны с предубеждениями в отношении чеченцев, узбеков и китайцев. Предубеждения по отношению к белорусам отрицательно связаны только с мультикультурализмом. Процент объясненной дисперсии предрассудков по отношению к рассматриваемым группам варьировался от 12 до 35%.

Поскольку мультикультурализм характеризуется более выраженными и точными как позитивными, так и негативными стереотипами в отношении аутгрупп и более вероятным их использованием при оценке представителей аутгрупп (Guimond et al., 2013), мы предположили, что культурная близость и позитивные стереотипы по отношению к белорусам, которые распространены среди россиян, приводят к меньшей предубежденности по отношению к ним. Кроме того, в этом случае подчеркивание различий, предполагаемое мультикультурализмом, не представляет угрозы для российской культуры, поскольку различия во многом являются поверхностными и не затрагивают нормы, ценности и убеждения. Слишком легко поддерживать культурный плюрализм, когда речь заходит о культурно близких группах, в отличие от более отдаленных в культурном отношении групп (чеченцы, узбеки и китайцы), нормы, ценности и убеждения которых могут угрожать культурной безопасности россиян (Лебедева и др., 2016). Ассимиляционизм может рассматриваться в качестве ответа на межгрупповую угрозу, восстанавливая культурную безопасность за счет сохранения доминирующего положения принимающего населения, путем навязывания доминирующей культуры (Guimond et al., 2013).

В случае с белорусами мультикультурализм в проверяемой нами модели полностью разделял дисперсию поликультурализма и дополнительно объяснял уникальную дисперсию предубеждений, что аналогично результатам, найденным ранее (Pedersen et al., 2015). Тем самым мы можем сказать, что поликультурализм имел позитивное влияние во всех рассматриваемых случаях. По-видимому, улучшить межгрупповые отношения, уменьшив предубеждения, действительно возможно благодаря признанию связей между группами через их совместное прошлое и текущие взаимодействия. Более того, кажется, что поликультурализм в такой трактовке больше похож на мультикультурную идеологию в понимании Berry и Kalin (Berry, Kalin, 1995), так как создается основа для общей множественной идентичности, в отличие от простого признания и оценки членства в группах (т.е. как рассматривался мультикультурализм в нашем исследовании).

Отсутствие значимой взаимосвязи между этническим дальтонизмом и предубеждениями по отношению к белорусам в соответствии с рассуждениями выше можно объяснить особенностями межгрупповых отношений с этой этнической группой в России. В то же самое время для чеченцев, узбеков и китайцев этнический дальтонизм может быть отражением знаменитого клише «нет плохих наций, есть плохие люди», который довольно часто встречается в публичном дискурсе в России. Таким образом, этнический дальтонизм может помочь вывести суждения о представителях аутгрупп из этнических категорий, которые уязвимы для предубеждений.

Результаты нашего исследования показали, что использование поликультурализма, который предполагает признание прочных связей между всеми группами и меньшее внимание к границам между ними, в качестве межгрупповой идеологии в России имеет потенциал для снижения предрассудков как к культурно близким, так и к культурно отдаленным этническим группам.

Литература

Лебедева Н. М., Татарко А. Н., Берри Дж. У. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.

Berry J., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 National Survey // Canadian Journal of Behavioural Science. 1995. V. 27. № 3. P. 301–320.

Guimond S. et al. Diversity policy, social dominance, and intergroup relations: Predicting prejudice in changing social and political contexts // Journal of Personality and Social Psychology. 2013. V. 104. № 6. P. 941–958.

Hagendoorn L. et al. Inter-ethnic preferences and ethnic hierarchies in the former soviet union // International Journal of Intercultural Relations. 1998. V. 22. № 4. P. 483–503.

Pedersen A., Paradies Y., Barndon A. The consequences of intergroup ideologies and prejudice control for discrimination and harmony: Intergroup ideologies and prejudice control // Journal of Applied Social Psychology. 2015. V. 45. № 12. P. 684–696.

Роль подсказки взглядом в формировании имплицитных стереотипов*

А. А. Грязнова, Н. В. Морошкина (*Санкт-Петербург*)

В экспериментах С. Типпера и его коллег (Bayliss, Tipper, 2006; Bayliss et al., 2007; Kirkham et al., 2016), на которых базируется наше исследование, был получен эффект влияния неверной подсказки взглядом на снижение уровня доверия к подсказывавшим лицам. Объяснение данного эффекта базируется на идее о том, что повышение/понижение беглости обработки информации в процессе выполнения когнитивных задач вызывает эмоциональные переживания (положительные или отрицательные), которые в свою очередь могут быть перенесены на оценки доверия к лицам, присутствовавшим в задаче.

В нашем исследовании изучается влияние конгруэнтности подсказки взглядом виртуальных агентов (Баков и Зоков) на уровень симпатии к ним при решении задачи категоризации. При этом нас интересовал вопрос о том, будет ли симпатия, сформированная таким образом, неосознанно распространяться испытуемым на других виртуальных агентов, сходных с теми, что участвовали в основной задаче. Иными словами, мы предполагали, что роль виртуальных агентов в когнитивной деятельности человека (то, являются ли они помощниками или наоборот) может вести к возникновению имплицитных стереотипов в отношении целого семейства агентов, сходных по своим перцептивным характеристикам.

Цель исследования – изучение влияния подсказки взглядом виртуального агента в условиях решения когнитивной задачи на формирование имплицитных стереотипов в отношении агентов подобного типа.

Гипотезы исследования

1. Конгруэнтная подсказка взглядом виртуального агента при решении когнитивной задачи будет повышать уровень симпатии испытуемого к этому виртуальному агенту; неконгруэнтная подсказка взглядом при решении когнитивной задачи будет снижать уровень симпатии испытуемого к виртуальному агенту.
2. Симпатия/антипатия к нескольким виртуальным агентам, объединенных семейным сходством, возникшая вследствие их содействия испытуемому при решении когнитивных задач, будет неосознанно переноситься им на всю категорию виртуальных агентов данного типа.

* Исследование поддержано грантом РФФИ (ОГОН) № 16-06-00858.

Методика

Эксперимент был разработан с помощью программы PsychoPy версии 1.84.2 и реализован на ноутбуке с разрешением монитора 2560 × 1600 пикселей.

Выборка. В эксперименте приняли участие 40 добровольцев в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст – 22,1); 31 женщина.

В качестве стимульного материала для эксперимента было разработано 16 изображений виртуальных агентов двух семейств: 8 Баков и 8 Зоков. Баки и Зоки представляли собой геометрические фигуры с элементами лица (глаза, нос, рот), основными отличительными особенностями Баков была выпуклая форма (например, круг), а Зоков – вогнутая (например, звезда).

Помимо виртуальных агентов, в эксперименте использовались изображения 16 предметов категории «кухня» и 16 предметов категории «гараж». Стимульный материал предъявлялся в двух блоках. Между блоками не было перерыва. В каждом блоке виртуальный агент был представлен дважды. Всего: 64 предъявления (32 для Баков и 32 для Зоков).

Эксперимент состоял из 3 этапов. Первый и третий этап – оценка агентов по шкале от –100 (самый несимпатичный) до 100 (самый симпатичный). На первом этапе предъявлялось 16 агентов (по 8 из каждой категории), а на третьем этапе предъявлялось 8 старых агентов и 8 новых (по 4 Зока и Бака), созданных по принципу старых.

Второй этап – решение задачи категоризации. Справа и слева от центра экрана появлялось по одному из предметов кухни или гаража. Испытуемым нужно было отнести данные предметы к одной из категорий нажатием клавиши K (kitchen – кухня) или G (garage – гараж). В это же время на экране присутствовали виртуальные агенты, которые либо «помогали» решать испытуемым задачу (конгруэнтная подсказка взглядом), либо «мешали» (неконгруэнтная подсказка взглядом).

Последовательность предъявления стимульного материала на 2 этапе была следующей:

1) фиксационный крест в центре экрана – 600 мс;
2) виртуальный агент в центре, смотрящий прямо на испытуемого – 1500 мс;
3) «перемещение» взгляда виртуального агента вправо или влево – 500 мс;

4) появление изображения из категории кухни/гаража справа или слева от агента – 2500 мс (стимул остается на экране до ответа испытуемого, потом пропадает);
5) «перемещение» взгляда виртуального агента обратно прямо – 1000 мс;
6) пустой экран – 500 мс.

Испытуемые были разделены на две группы случайным образом. В группе 1 (Good Baki) правильную подсказку взглядом производили все агенты из категории Баки, а неверно подсказывали Зоки. В группе 2 (Good Zoki) правильно подсказывали Зоки и неправильно – Баки.

Всем испытуемым предъявлялось равное количество Зоков и Баков, таким образом соотношение верных и неверных подсказок было 50/50. Предметы кухни и гаража предъявлялись случайным образом и не были привязаны к определенному типу агентов. Испытуемые заранее не знали ни о том, какими признаками Зоки отличаются от Баков, ни о том, что один из типов агентов всегда подсказывает правильно, а другой – наоборот.

Результаты эксперимента

Все данные были обработаны в статистическом пакете SPSS методом двухфакторного анализа ANOVA с повторными измерениями.

Обнаружено влияние конгруэнтности подсказки взглядом агента на скорость выполнения задачи категоризации. При неправильной подсказке агентами время решения задачи категоризации было в среднем больше (среднее время в группе Good Baki – 0,9 мс, в группе Good Zoki – 0,82 мс), чем при правильной (среднее время в группе Good Baki – 0,85 мс, в группе Good Zoki – 0,79 мс) ($F(1, 38)=18,045$, $p<0,001$). Влияния фактора группы не обнаружено ($F(1,38)=2,143$, $p=0,151$).

На третьем этапе обнаружено снижение симпатии ко всем агентам по сравнению с первым этапом в обеих группах ($F(1,631)=4,627$, $p=0,032$). Помимо этого Баки были оценены в среднем выше, чем Зоки на первом и третьем этапе независимо от группы ($F(1,631)=10,997$, $p=0,001$). Взаимодействия факторов типа агентов, группы и номера этапа не выявлено ($F(1,631)=0,030$, $p=0,862$).

В постэкспериментальном интервью большинство испытуемых описывали Баков как более дружелюбных, доверительных и симпатичных, Зоки вызывали меньше симпатии в обеих группах. Мы предположили, что это могло быть связано с формой агентов: скорее всего, испытуемые больше предпочитали округлые формы угловатым.

Полученные результаты не соответствуют нашим ожиданиям: мы предполагали, что в группе Good Zoki оценки всех Зоков (как старых, так и новых) повысятся, а оценки Баков снизятся. В группе Good Baki оценки должны были повыситься на третьем этапе для Баков, а оценки для Зоков – снизиться. Вместо этого наблюдается снижение всех оценок в обеих группах.

По данным постэкспериментального интервью, 21 испытуемый сказал о том, что все агенты ему скорее мешали; 7 испытуемых предположили, что агенты могли им помогать, если смотрели в ту же сторону, где появлялся объект, однако они могли мешать при неправильной подсказке; 12 испытуемых отметили, что агенты никак не влияли на решение задачи категоризации. Вполне вероятно, что на фоне общего негативного впечатления от агентов все оценки могли значительно снизиться при повторном оценивании. Однако конкретные механизмы снижения оценок могут быть различны. Снижение оценок могло быть связано с изменением беглости обработки поступающей информации, как вследствие неверных подсказок со стороны агентов, так и вследствие попыток испытуемых намеренно игнорировать предъявляемых агентов. Кроме того, некоторые испытуемые могли вполне осознанно снизить оценки виртуальных агентов, поскольку у них сложилось впечатление, что все агенты старались их запутать. По-видимому, количество неверных подсказок (50%) оказалось слишком большим, и это привлекло внимание испытуемых, хотя их основная задача состояла в категоризации предметов кухни и гаража, а не в определении их местоположения. Дальнейшая работа будет направлена на повторную проверку основных гипотез с более четким разделением фигур агентов двух семейств. Процент неверных подсказок планируется уменьшить, а также будет введена контрольная группа без подсказок.

Литература

Bayliss A. P., Frischen A., Tipper S. P. Gaze Cueing of Attention: Visual Attention, Social Cognition and Individual Differences // Psychological Bulletin. 2007. V. 133. № 4. P. 694–724.

Bayliss A. P., Tipper S. P. Predictive Gaze Cues and Personality Judgments: Should Eye Trust You? // Psychological Science. 2006. V. 17. P. 514–520.

Kirkham A. J., Manssuer L. R., Strachan J. W. A., Tipper S. P. Incidental Learning of Trust: Examining the Role of Emotion and Visuomotor Fluency // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 2016. V. 42. № 11. P. 1759–1773.

Особенности вербализации при экспликации профессионального опыта

Е. А. Грязнова, Н. Н. Мехтиханова (*Ярославль*)

В настоящее время все больше внимания уделяется проблеме экспликации знаний, профессионального опыта. Чем компетентнее становятся субъекты деятельности, тем они менее способны вербализовать те знания, которые используют в их профессиональной деятельности. Значительная часть психологического содержания профессионального опыта является не высказанной и не выраженной явно (Конева, 2011; Корнилов, 2000). В то же время именно эти имплицитные знания наиболее значимы для успешного выполнения деятельности, а также для эффективного обучения менее опытных субъектов деятельности (Носуленко, Самойленко, 2016).

Зачастую мы понимаем, что знаем вещи, которые не можем описать. Яркий пример тому – запоминание клавиатуры печатной машинки или компьютера. Многие квалифицированные машинистки не могут вспомнить порядок клавиш, не вообразив себя печатающими. Очевидно, их пальцы знают, где находятся клавиши, но они просто не имеют сознательного доступа к этому знанию.

Возможности экспликации во многом определяют сохранение и передачу профессионального опыта. В то же время эта проблема недостаточно изучена и требует решения особенно в профессиональных областях (Технологии сохранения и воспроизведения..., 2016).

Процесс извлечения (экспликации) знаний подразумевает, что они должны быть объективированы каким-либо способом и оформлены в доступном виде. Процесс извлечения и передачи знаний традиционно происходит в виде вербального или другого знакового описания или демонстрации некой последовательности действий (Мехтиханова, 2016).

В настоящее время создано множество методов и процедур работы по извлечению знаний и опыта профессионалов, существуют различные способы обработки полученных результатов и программные средства, автоматизирующие процессы извлечения знаний экспертов. Основой большинства процедур является вербализация профессиональных знаний.

Цель работы состояла в исследовании особенностей вербализации при экспликации профессионального опыта.

В соответствии с целью было проведено эмпирическое изучение экспликации опыта на примере конкретного профессионального навыка – печатания текста на клавиатуре.

Гипотеза исследования заключалась в том, что вербализация при экспликации профессиональных знаний связана с рядом когнитивных и личностных особенностей субъекта труда.

Выборка составила 30 человек: 19 мужчин и 11 женщин с разным уровнем образования, занимающиеся различной трудовой деятельностью.

Методы

1. Моделирование деятельности наборщика текста вручную. Испытуемые должны были набрать текст (отрывок из художественного произведения) на клавиатуре.
2. Интервью с испытуемым об особенностях работы с текстом с целью экспликация опыта. Испытуемых просили максимально подробно описать тактику выполнения задания, приемы, которыми они пользовались.
3. Анкета об индивидуальных и профессиональных особенностях.
4. Опросник Н. Н. Мехтихановой на выявление уровня склонности к вербализации (Мехтиханова, 2011).
5. Методики на выявление объема рабочей памяти «5 цифр», переключение внимания «Красное и черное» и распределение внимания «Таблицы Шульте».

При обработке результатов использовались следующие методы:

– Математической статистики – метод Н – критерия Краскела–Уоллиса, корреляционный анализ (rs – коэффициент ранговой корреляции Спирмена).
– Метод анализа вербальных отчетов испытуемых, предложенный в работе Т. А. Ребеко (2004).

Полученные данные кодировались по 6 качественным дескрипторам. Для оценки перцептивных и функциональных признаков было разработано 6 биполярных шкал. Перцептивные признаки описывались следующими дескрипторами: «представленность начала процесса», «представленность завершения процесса», «представленность контекста». Функциональные признаки описывались следующими дескрипторами: «процессуальность/одномоментность», «функциональные связи между действиями», «наличие мотивационной установки.

Результаты исследования

Рассмотрим лишь некоторые из полученных результатов. Вся выборка была нами разделена на 2 полярные группы по объему верба-

лизации и уровню склонности к вербализации: «хорошо вербализующие» и «плохо вербализующие».

Между этими группами были получены достоверно значимые различия по объему рабочей памяти, переключению и распределению внимания, представленности перцептивных и функциональных признаков. «Хорошо вербализующие» испытуемые обладают значительно большим объемом рабочей памяти, могут быстрее переключать и устойчивее распределять внимание, чем «плохо вербализующие» испытуемые. Эти особенности их когнитивной сферы позволяют им выполнять две функции во время эксперимента: вербализации и печатания. По-видимому, процессы внимания обеспечивают сопутствующую вербализацию (как при «мышлении вслух»), что подтверждает данные полученные ранее (Мехтиханова, 2011). Рабочая память позволяет дать ретроспективное описание процесса выполнения задания.

Существенные различия между группами «хорошо вербализующих» и «плохо вербализующих» зафиксированы по наличию в вербальных продуктах перцептивных и функциональных признаков. Это позволяет понять, что же содержательно эксплицируют испытуемые. Речь может идти о представленности декларативных и процедурных знаний. По нашему мнению, перцептивные признаки, характеризуют декларативные знания, а функциональные – процедурные. При передаче профессионального опыта более важными и более сложно извлекаемыми являются, как отмечают многие исследователи (Технологии сохранения и воспроизведения..., 2016), именно процедурные знания. В нашем эксперименте у испытуемых, несклонных к вербализации, в описаниях выполнения деятельности доминировали функциональные признаки. Фактически они описывали сам процесс печатания, его особенности и сложности.

Эти результаты подтверждает и анализ корреляционных отношений. В группе «плохо вербализующих» мы выделили большое количество связей среди дескрипторов. Например, корреляционная связь между действиями, между мотивационной установкой и представленностью начала процесса, наличием контекста, выделением этапов и т. п.

У «хорошо вербализующих» особая роль принадлежит мотивационной установке. Она связана со многими показателями, в частности, с объемом описания процесса выполнения деятельности. Важно, что перед началом задания экспериментатор не упоминал, что потребуется описать процесс печатания. Можно предположить,

что такие установки, как «быстро напечатать», «не допустить ошибки» и т. п., способствуют вербализации.

Таким образом, исходя из проведенного нами эмпирического исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Объем вербализации опыта определяется когнитивными и мотивационными характеристиками субъекта деятельности.
2. Содержание вербального продукта при экспликации опыта связано со склонностью испытуемых к вербализации.

Изучение вербализации как основного способа экспликации профессионального опыта должно быть продолжено не в направлении увеличения объема вербального продукта, а в направлении актуализации и представленности в нем процедурных знаний.

Литература

Конева Е. В. Мышление в профессиональном и житейском опыте. Ярославль: ЯрГУ, 2011.

Корнилов Ю. К. Психология практического мышления. Ярославль: Диапресс, 2000.

Мехтиханова Н. Н. Проблема извлечения знаний и феномен склонности к вербализации // Познание в деятельности и общении: от теории и практике к эксперименту / Под ред. В. А. Барабанщикова, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 445–452.

Ребеко Т. А. Перцептивно-функциональная репрезентация неизвестных объектов // Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 17–48.

Носуленко В. Н., Самойленко Е. С. К вопросу построения системы описания и передачи когнитивного опыта профессионала // Психологические и психоаналитические исследования: Ежегодник 2015–2016 / Под ред. А. А. Демидова. М.: Моск. институт психоанализа, 2016. С. 80–96.

Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта / Отв. ред. В. Н. Носуленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Влияние комплекса средовых факторов на уровень тревожности школьников средней школы г. Москвы

М. Н. Даначева (*Москва*)

Проживание и обучение учащихся школ столичного мегаполиса проходит в разных экологических и социальных условиях (Глебов, 2014). Воздействие комплекса неблагоприятных факторов биосоциальной среды крупного промышленного города может значительно усложнять адаптационный процесс учащихся к школьной среде, вследствие высокой восприимчивости детского организма к действию различных факторов окружающей среды (Глебов, Шастун, Трифонова, 2016).

В этой связи важным представляются исследования, имеющие практико-ориентированную и прикладную направленность. Научные исследования такого рода важны, так как они позволяют изучить комплексное воздействие антропогенных и социальных факторов среды на морфофункциональное развитие и адаптационные процессы индивида в процессе онтогенеза. К сожалению, работ такой направленности на сегодняшний день пока недостаточно. Ранее проведенные исследования в этой области в основном касались изучения влияния комплекса факторов химического загрязнения на психическую деятельность детей, однако комплексных исследований рассматривающих сочетанное воздействие биосоциальной среды на течение адаптационных процессов учащихся школ до настоящего время еще недостаточно (Сидельникова, Радыш, 2015; Glebov, Arakelov, 2014).

В связи с вышеперечисленным выше *цель* нашего исследования – оценка воздействия средовых факторов на психоэмоциональное состояние учащихся средней школы.

Гипотеза исследования. Совместное негативное воздействие комплекса факторов экологической и социальной среды, их сочетаемость может оказывать существенное негативное влияние на психоэмоциональное (тревожность) и физиологическую работу функциональных систем (сердечно-сосудистая, нервно-психическая) учащихся средней школы.

Методы исследования. Проведение комплексного исследования учащихся школ проводилось во второй половине дня. В качестве метода по выявлению тревожности (личностной и ситуативной тревожности) нами взят психологический тест Спилбергера–Ханина. Обработка результатов проводилась с помощью статистического пакета программ StatSoft Statistica 6.0. Сравнительный анализ полученных

результатов по тестовым заданиям сравниваемых групп учащихся проверялась с помощью t-критерия Стьюдента. При этом вычислялся уровень статистической значимости (p) сравниваемых параметров. На уровне значимости $p<0,05$ различия считались достоверными.

Результаты исследования и их обсуждение. Состояние экологической и социальной среды исследуемых районов столичного мегаполиса. Состояние окружающей среды столичного мегаполиса в целом характеризуется как «напряженное» и связано с активной хозяйственной деятельностью москвичей.

Неблагоприятное экологическое состояние можно наблюдать в Южном, Юго-Восточном, Центральном и частично в Северном административных округах. В Северо-Западном, Западном, Юго-Западном и частично Северо-Восточном экологическая обстановка считается благоприятной.

Неблагополучные экологические условия ЮВАО связаны с загрязнением окружающей среды соединениями токсичных металлов (свинца, марганца, мышьяка, хрома, никеля, кадмия и др.). Напротив, в ЮЗАО не выявлены промышленные мощности и район исследования – Тропарево – находится в лесной зоне.

Среди неблагоприятных экологических факторов отмечалось химическое «загрязнение» окружающей среды (атмосферы, почвы) и транспортный шум.

К значимым социально-экономическим факторам, влияющим на развитие ребенка, были отнесены социально-экономический статус семьи (материальный уровень, условия проживания, полнота семьи и т. д.), детско-родительские отношения.

Таким образом, неблагоприятные экологические условия в ЮВАО были связаны с химическим загрязнением атмосферы и транспортным шумом.

Неблагоприятной социальной средой считались: недостаточный уровень благосостояния семьи, некомфортные жилищные условия, неполные семьи, сложные взаимоотношения в детско-родительских отношениях и т. д. После определения комплекса факторов среды нами были составлены варианты сравнения показателей психоэмоциональной сферы и психофункционального состояния учащихся средней школы классов. Были сформированы 4 группы в которых сравнивались показатели учащихся с «загрязненной» территории ЮВАО (СГ1); показатели учащихся с «чистой» территории ЮЗАО (СГ4); показатели учащихся с «загрязненной» территории и с благоприятными социальными условиями, ЮВАО (СГ2); показатели учащихся с «чистой» территории с благоприятными социальными

условиями ЮЗАО (СГ4); показатели учащихся с «загрязненной» территории с благоприятными социальными условиями ЮВАО (СГ2); показатели учащихся с «чистой» территории с неблагоприятными социальными условиями ЮЗАО (СГ3); показатели учащихся из «загрязненной» территории с неблагоприятными социальными условиями ЮВАО (СГ1); показатели учащихся из «чистой» территории с неблагоприятными социальными условиями ЮЗАО (СГ3).

Для выявления психоэмоционального состояния учащихся средней школы, проживающих в разных округах Москвы, было проведено тестирование уровней личностной и ситуативной тревожности, как важных составляющих психического развития детей и подростков.

Известно, что индикатором негативного состояния психоэмоциональной сферы индивида является показатель *ситуативной тревожности* и особенно высокие значения его уровня (>45 баллов). Было выявлено, что показатели уровня «высокий» ситуативной тревожности отмечались у учащихся средней школы группы СГ1, где неблагоприятное сочетание экологических и социальных факторов дало самый большой процент встречаемости по этому показателю – 38,2%. Разнонаправленные действия экологических и социальных факторов снижало процент встречаемости учащихся по показателю «*высокий*» уровень ситуативной тревожности в подгруппе СГ2 и СГ3 и составило 24,4 и 22,1% соответственно. В подгруппе СГ4 показатель «*высокий*» уровень ситуативной тревожности учащихся составил 17,2%.

Личностная тревожность, имеющая у человека биологическую составляющую, была выявлена у учащихся группы СГ1 по показателю уровень «*высокий*» личностной тревожности, где он составил 33,3%, а в группах СГ2 и СГ3–21,1 и 20,6% соответственно. В СГ4 этот показатель по уровню «*высокий*» личностной тревожности составил 15,7%.

Статистический анализ полученных данных выявил значимость различий между показателями исследуемыми группами (СГ1-СГ4) по ситуативной тревожности: СГ1 и СГ2 p=0,001168; СГ1 и СГ3 p=0,000000; СГ1 и СГ4 p=0,000000; СГ2 и СГ3 p=0,007562; СГ2 и СГ4 p=0,000000; СГ3 и СГ4 p=0,833412.

Таким образом, можно отметить, что для лиц с преобладанием активности симпатического отдела вегетативной нервной системы свойственна высокая личностная тревожность.

Заключение. Сравнительный анализ исследуемой выборки показал, что учащиеся группы СГ1 больше всех испытывали сложности в психоэмоциональной сфере (тревожность, страхи), по сравнению с учащимися группы СГ4. Среднее положение по состоянию тревожности (личностной и ситуативной) заняли студенты группы СГ2 и СГ3.

Изучение совместного воздействия неблагоприятной экологической и социальной среды на детский организм показало существенное ухудшения адаптационных процессов учащихся средней школы. При различных сочетаниях неблагоприятного и благоприятного воздействия экологической и социальной среды и наоборот, действия факторов среды нивелировались, что отражалось на адаптационных процессах учащихся. При благоприятном воздействии экологической и социальной сред адаптационные процессы учащихся средней школы протекали без перенапряжения функциональных систем.

Литература

Глебов В. В. Оптимизация режима труда и отдыха в психофизиологической адаптации учащихся школ // Известия СГУ. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 1–1. С. 87–91

Глебов В. В., Шастун С. А., Трифонова Т. А. Сравнительный анализ психоэмоциональной и когнитивной сферы младших школьников, проживающих на территории Москвы с отличающимися средовыми условиями // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Медицина». 2016. № 4. С.9–21.

Даначева М. Н., Шастун С. А., Глебов В. В. Особенности психоэмоциональной сферы и адаптации учащихся средней школы, проживающих в разных условиях столицы // Агаджаняновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 28–29 января 2016 г. М.: РУДН, 2016. С. 42–43.

Сидельникова Н. Ю., Глебов В. В., Радыш И. В. Сравнительный анализ умственной работоспособности и интеллекта детей младшего школьного возраста, проживающих в разных средовых условиях столичного мегаполиса. // Технология живых систем. 2015. № 3. С. 13–17.

Glebov V. V., Arakelov G. G. Level of Schoolboys' Psychophysiological Adaptation Process in Metropolis Megapolis // Procedia – Social and Behavioral Sciences. V. 146. P. 226–232.

Психологический контекст личностной саморегуляции девиантных подростков

А. А. Даниелян (*Санкт-Петербург*)

В наши дни социально-экономические, культурные условия деятельности человека, быстрый ритм жизни подвергают формирование личности подростка к возрастающим информационным

и эмоциональным нагрузкам, напряжениям. Это приводит к увеличению тревожности и развитию негативных психических состояний, что и обостряет проблему формирования и совершенствования способностей подростка к управлению собственными ресурсами, регуляции собственных психических состояний, установлению баланса между влиянием внешних факторов, внутренним состоянием и формами поведения. Проблема закономерностей и механизмов произвольной саморегуляции человеком своих действий является многоаспектной и комплексной; более того, саморегуляцию можно отнести к числу наиболее неоднозначных понятий в психологии личности. Подросток, у которого нарушена саморегуляция, отличается несформированными границами между личностью и окружающей средой, не осознает свои ресурсы, свой личный потенциал, что в конечном итоге приводит к тому, что у подростка развиваются сильные защитные механизмы, психологические барьеры, мешающие ему исполнить свои планы и намерения. В этом случае цель специалистов, в частности психологов, выяснить те внутренние побудительные силы, внутренние психологические барьеры, которые препятствуют достижению цели и сознанию внутреннего потенциала.

Несмотря на имеющиеся научные исследования и накопленный практический материал, вопросы, связанные с проблемой саморегуляции, остаются по-прежнему одними из наиболее актуальных. Характер поведения человека связан с особенностями его саморегуляции.

Истоки понятия и знания о саморегуляции находятся в далеком прошлом, когда стало формироваться философское мышление. Работа Аристотеля «О душе» является основным источником об античном понимании особенностей происхождения психических феноменов. Слово, являясь посредником между внутренним миром человека и внешней действительностью, сформированное в процессе предметной, трудовой деятельности человека, является основным орудием, с помощью которого можно создать модель потребного будущего. Эта модель сравнивается с моделью, которая создана в человеческом мозгу, с картинами уже существующих ситуаций. Именно различие между моделью будущего и настоящего и образует движущую силу, определяющую дальнейшее построение произвольного действия. По мнению Н. А. Бернштейна, этот механизм является важным фактором в формировании саморегулирующейся системы поведения (Бернштейн, 1997).

Анализ научной психологической литературы позволяет констатировать тот факт, что разные авторы давали свои определения меха-

низмов и структур саморегуляции, благодаря чему сложилось представление о личностной саморегуляции как о многомерном явлении, которое может занять достойное место в научной среде. Практическая значимость саморегуляции значительно возрастает при рассмотрении личностных проблем подростков.

Проблемы саморегуляции ярко проявляются в подростковом возрасте, который является кризисным этапом в развитии личности. В большинстве случаев это связано с развитием полового созревания.

Подростковый возраст характеризуется повышенной возбудимостью, совершением необдуманных действий, поступков, импульсивностью, неуравновешенностью, а также конфликтами между требованием социальной среды и формированием автономного «Я», стремлением к независимости, к свободе. Как показывает практика, обретая свободу, подросток не умеет продуктивно использовать ее. Отсюда и возникает необходимость организованной целенаправленной психолого-педагогической деятельности по формированию саморегуляции психических состояний, поскольку умение человека регулировать свое состояние, управлять своим поведением в различных ситуациях является важным показателем зрелости личности, отчего во многом и зависит его личностная успешность (Змановская, 2003).

С целью преодоления этих негативных явлений необходимо выявить, какие механизмы воздействуют на формирование девиантного поведения, а также определить, из-за влияния каких факторов у подростков нарушается структура саморегуляции поведения. Эти вопросы приводят к выяснению тех барьеров, которые мешают самоконтролю или саморегулированию поведения. Психологические барьеры (внутренние и внешние) выступают в роли ограничителей, которые неизбежно приводят к возникновению сильного внутреннего напряжения и внутреннего конфликта. Зарубежными исследователями был проведен опрос среди подростков. Они выявили психологические барьеры, которые проявлялись у подростков при обращении за помощью к психологу, – их список приводится ниже (Carey, Neal, Colins, 2004).

Барьеры подростков при обращении к психологу:

1. Я сам могу решить свои проблемы.
2. Я думаю, что я сам должен справиться с моими проблемами.
3. Я никогда не осмелюсь поговорить с психологом.
4. Взрослые не могут понять подростков.
5. Даже если бы я хотел, у меня не было бы времени встретиться с психологом.

6. Психолог может заставить делать то, что я не хочу.
7. Я не хотел бы, чтобы моя семья узнала, что я хожу к психологу.
8. Я не могу позволить себе пойти на консультации.
9. Моя проблема не решится.
10. Если я обращусь за помощью к психологу, то буду считать себя сумасшедшим.

При анализе этих барьеров становится очевидной важность саморегуляции в подростковом возрасте. Саморегуляция определяется в разных формулировках как сила воли, настойчивость или самоконтроль. Исследования показывает, что способность к саморегуляции необходима для эмоционального благосостояния.

Саморегуляция психических состояний подростка – это целенаправленное, сознательное воздействие, целью которого является намеренное изменение, преобразование психических состояний. Нарушение саморегуляции может проявится как неумение гибко и адекватно реагировать на динамику ситуации и условий; неспособность планировать свои действия и прогнозировать результат. Основываясь на теории четырех стадии действия или, как ее еще называют, «модели Рубикона», мы предполагаем, что в стадии принятия решения формирование намерения «до-действия», когда человек, имея определенные намерения, должен искать или же формировать условия и возможности для воплощения в жизнь своих намерений, – именно здесь у подростков и появляются внутренние барьеры. По данной причине и переход на этап действий, где он должен уже реализовать свои намерения, не осуществляется.

«Модель Рубикона». Рубикон формирование (выбор) – инициирование намерения (подготовка к действию) – реализация намерения (действие) – дезактивация намерения (оценка). Переход со 2-й стадии на 3-ю не всегда дается легко и не у всех получается. Иногда процесс контроля над действиями в этой стадии не осуществляется.

Исходя из вышесказанного, мы попытались перевести и адаптировать на русский язык опросник «Саморегуляция» авторов Миллер и Браун, которые сформулировали семиступенчатую модель саморегуляции (Brown, 1998; Miller, Brown, 1991):

1) получение необходимой информации;
2) оценка информации и ее сравнение с нормами;
3) запуск изменений;
4) поиск возможностей, вариантов;
5) формулировка, разработка планов;
6) осуществление планов;

7) оценка эффективности плана (который перерабатывается, возвращается к 1 и 2 шагам).

Хотя эта модель была разработана специально для изучения аддитивного поведения, описанные ею процессы саморегуляции являются общими принципами самоконтроля поведения. Опросник «Саморегуляция» (SRQ) был разработан как первая попытка оценить процессы саморегуляции через самоотчет. Тест находится в стадии адаптации, и полученные результаты будут основой для публикации следующей статьи.

Литература

Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1997.

Змановская Е. В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2003.

Brown J. M. Self-regulation and the addictive behaviors // Treating addictive behaviors. N. Y.: Plenum Press, 1998. P. 61–74.

Carey K. B., Neal D. J., Colins S. E. A psychometric analysis of the self-regulation questionnaire // Addictive behaviors. 2004. V. 29. № 2. P. 253–260.

Miller W. R., Brown J. M. Self-regulation as a conceptual basis for the prevention and treatment of addictive behaviors // Self-control and the addictive behaviors. Sydney: Maxwell Macmillan Publishing Australia, 1991. P. 3–79.

Вегетативное обеспечение чтения обычных текстов и текстов с искажениями*

В. А. Демарева, А. В. Полевая, Н. В. Кушина, О. С. Перевизник
(*Нижний Новгород*)

Работы де Гроота об особенностях кратковременной памяти у шахматистов середины XX в. положили начало активному исследованию связи между восприятием и абстракцией в психологии. Предложенная им модель CHREST (Chunk Hierarchy REtrieval STructures) актуальна и по сей день и может быть применена к новым исследованиям. Де Гроотом выявлены четкие различия в выполнении задачи на память, включающей кратковременное предъявление шахмат-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-36-01364, проект № 15-06-10894.

ных позиций, взятых из турнирных игр, у игроков разного уровня (DeGroot, 1946). Обычно игроки уровня мастера спорта и выше могут воспроизвести правильно расположение фигур взятых из турнирных игр, тогда как более слабые шахматисты справляются гораздо хуже. Однако при воспроизведении расположения фигур, выстроенных в случайном порядке, эффективность решения задачи у мастеров спорта и новичков существенно не различается. Одинаково плохое выполнение задачи со случайным расположением фигур независимо от уровня и хорошее воспроизведение турнирных позиций мастерами спорта наглядно проиллюстрировало принцип, что знание является ключом к профессиональной компетенции (DeGroot, 1946). В процессе накопления опыта у профессионалов создаются специальные блоки перцептивной информации, относящиеся к решению данной профессиональной задачи. Таким образом, создание блоков перцептивной информации создает преимущества для профессионалов при решении профессиональных задач.

В рамках данного исследования парадигма де Гроота применяется в новой области: в сфере проявления компетенций в иностранном языке при работе с текстами. *Общая гипотеза* исследования состоит в следующем. Люди с профессиональным владением иностранным языком смогут без труда прочитать текст с искажениями; в то же время, при чтении структур из перемешанных слов, не составляющих текста, не будет наблюдаться различий у людей с элементарным и профессиональным уровнем знания иностранного языка. Различия при чтении текстов будут проявляться в особенностях траектории движения взора. Оценка сложности поставленной задачи будет отражена в спектральных показателях вариабельности ритма сердца (ВРС). Отсюда общая цель исследования: выявить особенности ВРС и движений взора при работе с текстами (А – обычными, Б – с искажениями, В – с перемешанными структурами) на иностранном языке у людей с элементарным и профессиональным уровнем владения иностранным языком.

В данной статье приводятся предварительные результаты изучения особенностей ВРС при работе с текстами (А – обычными, Б – с искажениями, В – с перемешанными структурами) на французском языке у русскоязычных людей с элементарным уровнем владения французским языком.

Отметим, что ВРС – общепринятый термин для описания изменений мгновенной частоты сердечных сокращений и RR-интервалов. Анализ ВРС – это метод, который позволяет оценить состояние механизмов регуляции физиологических функций в организме челове-

ка и животных, в частности, общую активность регуляторных механизмов, нейрогуморальную регуляцию сердца, соотношение между симпатическим и парасимпатическим отделами вегетативной нервной системы (Баевский и др., 2001).

Для целей данного исследования выбран следующий подход к анализу и оценке ВРС. Колебания длительности RR-интервалов рассматриваются в качестве результата «влияния многоконтурной, иерархически организованной многоуровневой системы управления физиологическими функциями организма». Основой данного подхода являются положения биокибернетики и теория функциональных систем. Динамика показателей ВРС обусловлена формированием разных функциональных систем (Баевский и др., 2001).

Во многих работах показано, что анализ ВРС позволяет исследовать в том числе перцептивные процессы, поскольку сердце играет важную роль в модуляции таких когнитивных функций, как сенсомоторная и перцептивная деятельность, а сердечная модуляция коры обусловлена афферентными входами на нейронах таламуса, где синхронизируется работа всей коры (McCraty, Shaffer, 2015). Таким образом, анализ ВРС может использоваться для изучения вегетативного обеспечения процесса работы с текстами разного типа и интерпретации полученных результатов с позиции когнитивной деятельности человека.

В рамках данной статьи мы приводим промежуточные результаты исследования, которые позволят ответить на следующие вопросы:

1. Как влияет тип читаемого текста на показатели ВРС у людей с элементарным уровнем владения французским языком?
2. Как влияет порядок читаемого текста на показатели ВРС у людей с элементарным уровнем владения французским языком?

Предполагается, что у людей с элементарным уровнем владения иностранным языком недостаточно блоков перцептивной информации для восприятия текстов на неродном языке. В силу этого процесс чтения текстов с искажениями для них будет значительно более энергозатратен, чем процесс чтения обычных текстов. Исходя из сказанного, гипотеза данной части исследования следующая: у людей с элементарным уровнем владения иностранным языком будет выше активность симпатического контура регуляции при работе с текстами с искажениями по сравнению с обычными текстами.

Характеристики выборки

В исследовании приняли участие 10 чел. в возрасте 24,1±1 лет (7 женщин и 3 мужчины). Все испытуемые имеют элементарный уровень владения французским языком, что подтверждается результатами тестирования (средний балл – 7,1±0,8 при максимальном количестве баллов 20). Тест составлен преподавательским составом одной из языковых школ Нижнего Новгорода и включает в себя 20 вопросов с четырьмя вариантами ответа.

Технология регистрации ВРС

Для сбора данных о вегетативном обеспечении процесса работы с текстами разного типа на французском языке проводилось непрерывное измерение сердечного ритма с помощью технологии событийно-связанной телеметрии (Полевая и др., 2016). Персонифицированный анализ динамики вегетативной регуляции проведен на основе спектральных показателей вариабельности сердечного ритма. Методом динамического Фурье-анализа с окном 100 с и шагом 10 с вычислялись следующие показатели: суммарная мощность спектра вариабельности сердечного ритма – TP (мс^2), характеризующая адаптационный потенциал; мощность спектра в области частот от 0,04 до 0,15 Гц – LF (мс^2), характеризующая активность симпатической нервной системы по модуляции сердечного ритма; мощность спектра в области частот от 0,15 до 0,4 Гц – HF (мс^2), характеризующая активность парасимпатической нервной системы; отношение LF к HF – индекс вегетативного баланса, характеризующий напряжение регуляторных систем (McCraty, Shaffer, 2015).

Стимульный материал

В качестве стимульного материала использовались три текста различного типа, составленные преподавательским составом одной из языковых школ Нижнего Новгорода. Текст А (обычный) состоял из 233 слов и был представлен на шести слайдах. Текст Б (с искажениями: замена рода (у существительных, прилагательных, притяжательных местоимений), замена лица и числа у глаголов (сказуемое не согласовано с подлежащим)) состоял из 187 слов и был представлен на четырех слайдах. Текст В (набор слов, не составляющих связный текст) состоял из 171 слова и был представлен на трех слайдах. После каждого текста испытуемым нужно было ответить на два вопроса для проверки понимания прочитанного. Шрифт текста – Counter New, 48 кегль, цвет фона – Silver, цвет текста – черный.

Стимульный материал предъявлялся на установке SMIHiSpeed 1250. Расстояние между монитором и глазами испытуемых составляло 75 см, размер монитора – 502 мм (37°) по горизонтали и 412 мм (30°) по вертикали. Разрешение экрана 1680×1050 px. Помещение, в котором проводилась процедура эксперимента, имело постоянно поддерживающийся уровень освещения.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных: непараметрический критерий Т-Вилкоксона для сравнения усредненных спектральных показателей ВРС для каждого испытуемого при чтении текстов А, Б и В; критерий ранговой корреляции Спирмена для оценки связи спектральных показателей ВРС. Обработка результатов проводилась в пакете Statistica 10.

Результаты и их интерпретация

Ниже будут представлены результаты анализа отдельно для каждого из спектральных показателей ВРС (LF, HF, TP, LF/HF).

LF. Минимальные значения LF ($LF_А$=639,9±130,8 мс^2) приходятся на чтение текста А (обычный текст). Это меньше, чем при чтении текста с искажениями ($LF_Б$=827,2±176,1 мс^2; $T_{АБ}$=5; $p<0,05$) и при чтении текста с перемешанными структурами ($LF_В$=1034,5±244,2 мс^2; $T_{АВ}$=7; $p<0,05$). Более высокие значения активности симпатического контура регуляции ритма сердца выше при чтении текстов с искажениями и перемешанными структурами по сравнению с чтением обычных текстов может быть связано с ментальным стрессом или с когнитивной усталостью от эксперимента (Castaldo et al., 2015).

HF. Значимых отличий при чтении испытуемыми разных текстов не выявлено, что может быть связано с недостаточным объемом выборки в данной части исследования.

TP. Максимальные значения TP ($TP_В$=2702,9±443,5 мс^2) приходятся на чтение текста В (с перемешанными структурами). Это больше, чем при чтении текста с искажениями ($TP_Б$=1845,3±330,9 мс^2; $T_{БВ}$=1; $p<0,01$) и при чтении обычного текста ($T_А$=1034,5±244,2 мс^2; $T_{АВ}$=0; $p<0,01$).

LF/HF. Максимальные значения LF/HF ($LF/HF_В$=3,85±1,18 мс^2) приходятся на чтение текста В (с перемешанными структурами). Это больше, чем при чтении текста с искажениями ($LF/HF_Б$=2,89±0,82 мс^2; $T_{БВ}$=6; $p<0,05$), чем при чтении обычного текста ($LF/HF_А$=2,25±0,55 мс^2; $T_{АВ}$=5; $p<0,05$).

Динамика TP и LF/HF одинакова при чтении последовательности текстов разного типа. Учитывая, что показатель TP значимо свя-

зан с показателем LF (R=0,79, p<0,001) и формулу расчета индекса вегетативного баланса, можно сделать вывод, что в данном эксперименте основной вклад в динамику ВРС вносит именно низкочастотный компонент (LF). Как было указано выше, рост низкочастотного компонента (LF) может быть связан с утомлением от процедуры эксперимента или с психическим стрессом.

Выводы

Промежуточные результаты исследования позволили ответить на два поставленных вопроса.

1. При чтении текста с искажениями / с перемешанными структурами отмечается увеличение активности симпатического контура регуляции, общей мощности спектра ВРС и индекса вегетативного баланса у людей с элементарным уровнем владения французским языком.
2. Порядок читаемого текста линейно влияет на большинство спектральных показателей ВРС у людей с элементарным уровнем владения французским языком.

Литература

Баевский Р. М., Иванов Г. Г., Чирейкин Л. В., Гаврилушкин А. П., Довгалевский П. Я., Кукушкин Ю. А., Миронова Т. Ф., Прилуцкий Д. А., Семенов А. В., Фёдоров В. Ф., Флейшман А. Н., Медведев М. М. Анализ вариабельности сердечного ритма при использовании различных электрокардиографических систем. Ч. 1 // Вестник аритмологии. 2001. № 24. С. 65–87.

Полевая С. А., Парин С. Б., Еремин Е. В., Буланов Н. А., Чернова М. А. Разработка технологии событийно-связанной телеметрии для исследования когнитивных функций // XVIII Международная научно-техническая конференция «Нейроинформатика-2016»: Сборник научных трудов. М.: НИЯУ МИФИ, 2016. Ч. 1. С. 34–44.

Castaldo R., Melillo P., Bracale U., Caserta M., Triassi M., Pecchia L. Acute mental stress assessment via short term HRV analysis in healthy adults: A systematic review with meta-analysis // Biomedical Signal Processing and Control. 2015. V. 18. P. 370–377.

Groot A. D. de. Het denken van den schaker: een experimenteel-psychologische studie. Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1946.

McCraty R., Shaffer F. Heart Rate Variability: New Perspectives on Physiological Mechanisms, Assessment of Self-regulatory Capacity and Health risk // Glob. Adv. Health Med. 2015. V. 4. № 1. P. 46–61.

Особенности восприятия цен потребителями в социальной и экономической психологии*

С. С. Демцура (*Челябинск*)

Одним из аспектов направлений изучения социальной и экономической психологии является описание человеческого поведения в экономических ситуациях и психологических закономерностей данного поведения. Человеческим поведением движет человеческое восприятие. В словарях даны следующие определения понятию «восприятие». С медицинской точки зрения, восприятие трактуется как психический процесс отражения действительности, который заключается в формировании субъективного образа объективной реальности. В педагогическом словаре восприятие описано как система преобразования информации, которая обеспечивает человеку отражение реальности, а также ориентирование его в окружающем мире. В Толковом словаре С. И. Ожегова приводится следующее определение термину «восприятие»: чувственное отражение реальности в сознании человека. Восприятие означает умение человека различать и усваивать явления окружающего мира, создавать их образ, т. е. когда говорят о восприятии, то имеют в виду индивидуальную способность отражения явлений окружающей действительности, которая влияет на поведение индивида.

Исследованиями проблемы восприятия цен занимались такие ученые, как А. А. Волкова, В. В. Герасименко, И. В. Гладких, И. В. Липсиц, И. А. Петиненко, Ж. В. Светланова, В. М. Тарасевич и др. Авторы отмечают, что цена является воспринимаемой величиной. Они рассматривают восприятие цены как поведение покупателей относительно цен, соединяющее открыто наблюдаемые и психологические процессы. Основным качеством восприятия является его избирательность. Под избирательностью мы подразумеваем преимущественно вычленение объектов из общего ряда по каким-либо признакам. Факторами, вызывающими реакции и влияющими на ценовое поведение, могут быть: уровень цен, скидки, ценовые акции, ценовые гарантии и др.

Данная статья посвящена рассмотрению психологических особенностей восприятия цен студентами университета. В качестве *це-*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 14.04.2017 г. № 16-454 по теме «Эмпирическое исследование восприятия и оценки цен потребителями образовательных услуг».

лей статьи мы рассматриваем следующие: провести аналитический обзор современных подходов к процессу восприятия студентами цен на образовательные услуги и исследовать соответствующие психологические особенности.

Гипотеза исследования: положительное ценовое восприятие возможно при разработке и реализации программы работы со студентами психологической службы университета. В качестве базы исследования нами был выбран ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ» г. Челябинска.

В настоящее время образовательные услуги на рынке могут носить краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный характер, но основное их назначение – подготовка квалифицированных кадров. Для организаций высшего образования характерно оказание всех вышеперечисленных видов – это и курсы повышения квалификации (краткосрочные), курсы переподготовки (кратко- и среднесрочные), обучение по программам бакалавриата и магистратуры (долгосрочные) и др. (Демцура, Рябчук, Гордеева, 2017).

При восприятии цен потребителями образовательных услуг подразумевается процесс, включающий принятие решений и обобщающий разнообразные ощущения, полученные человеком в результате воздействия на него цен. Отметим, что Р. С. Немов определяет восприятие как осмысленный и связанный с речью синтез разнообразных ощущений человека, которые влияют на процесс принятия решений (Немов, 2011), т. е. восприятие цены связано с тем, как воспринимается величина стоимости (Рябчук, Демцура, Гордеева, 2017). При этом оценивается степень нужности самого товара (услуги) в данный момент и в будущем.

Согласно теории перспектив можно оценить также негативные и положительные последствия покупки. В этом контексте речь идет не о прямом психологическом восприятии ценовых различий. Оценивается и сравнивается риск выбора того или иного ценового варианта.

В связи с тем что восприятие зависит от жизненного опыта человека, от степени его умения сравнивать прошлые представления, информацию с настоящим, то и восприятие одной цены разными людьми будет разное. Не только опыт является индивидуальной особенностью, влияющей на восприятие, также стоит отметить и умственный уровень субъекта.

Еще одной особенностью восприятия является его подвижность и управляемость. Основными экономическими факторами, которые влияют на уровень восприятия цен, могут быть мотивы человека, его стремления, задачи, поставленные им, потребности и ожидания. Однако в экономическом мире человек не может удовлетворить

все свои потребности, и данный факт ставит его в ситуацию выбора, где основным фактором является предпочтение и ограничение. В результате анализа настоящей экономической ситуации возможна оценка вариантов и выбор предпочтения. Хотя, в действительности, во многих случаях выбор университета происходит в зависимости от оценки ЕГЭ, которая показывает уровень развития умственных способностей абитуриента, либо от благосостояния других людей (членов семьи), также выбор может быть связан с общественными и семейными традициями.

Как уже отмечалось выше, одни и те же цены по-разному воспринимаются разными людьми. Таким образом, речь идет о разной интенсивности психологических импульсов. При этом люди могут основываться на собственных субъективных мыслях, убеждениях и установках, оттого и принимать иногда нерациональные решения.

Результатом восприятия и накопленного опыта всегда является образ. Применительно к ценообразованию образ выступает в виде верхнего и нижнего пределов цен (max и min цен), в интервале между которыми находится возможность покупки товара (услуги) (Рябчук, Демцура, Гордеева, 2017).

Поэтому восприятие цены – это такое принятие информации о ценах, когда объективно существующие цены и ценовые сигналы трансформируются в субъективные ценовые впечатления и в таком виде включаются в систему оценок покупателя.

Среди методов, применяемых нами в исследовании, можно выделить следующие: наблюдение; сравнение; измерение; эксперимент; анализ. Помимо перечисленных методов мы также применяли опрос, собеседование, тесты и т. д. Программа эксперимента включает в себя индивидуальную и групповую работу психолога со студентами. С целью оценивания сформулированной гипотезы нами был выбран U-критерий Манна–Уитни. В результате расчетов получилось значение $U_{Эмп}=4$, которое находится в зоне значимости, т. е. мы можем констатировать тот факт, что гипотеза является достоверной.

Восприятие зависит от психологических особенностей воспринимающего его индивида, т. е. от его темперамента и характера, взглядов, мировоззрения, интересов и др. В результате восприятия складывается образ, включающий комплекс разных общих ощущений, которые приписываются сознанием предмету и процессу.

Стоит говорить о том, что восприятие образовательных услуг высшего образования будет более адекватным у объектов по истечении времени, при реализации студента как специалиста. Восприятие цены образовательной услуги будет изменяться у личности в зави-

симости от приложения ее знания в ее практическую деятельность, от степени приобретенного ею опыта. Говоря о целостности восприятия, важно помнить, что окончательный результат может мысленно достраиваться на основании некоторых элементов. Мотивация, желание учиться, избирательность восприятия – вот те факторы, которые влияют на удовлетворенность ценовой политикой образовательной организации.

К тому же хотим отметить важную особенность восприятия – апперцепцию, которая заключается в том, что цены на образовательные услуги воспринимаются личностно каждым в зависимости от его жизненного и профессионального опыта, его интересов, мировосприятия, установок, знаний, умений и навыков, профессиональной компетентности.

Литература

Демцура С. С., Рябчук П. Г., Гордеева Д. С. Ценовая политика государства и вузов на рынке образовательных услуг // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 84–88.

Немов Р. С. Общая психология: Учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.

Рябчук П. Г., Демцура С. С., Гордеева Д. С. Восприятие и оценивание цен на образовательные услуги // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 174–177.

Рябчук П. Г., Демцура С. С., Гордеева Д. С. Определение стоимости коммерческого обучения в вузе // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 239–243.

Анализ когерентности ЭЭГ при генерировании юмористических фраз путем инсайта

И. С. Дикий, А. Ю. Лаврешина (*Ростов-на-Дону*)

В рамках бурно развивающегося в последние годы направления исследований мозговых коррелятов творчества вопрос о сходстве и различиях психофизиологических механизмов творчества и юмора остается открытым.

Между тем учеными отмечается психологическое сходство чувства юмора и креативности. Несоответствие ожиданиям, чувство удивления и новизны, разрушение привычных контекстов и нахождение новых связей между явлениями отмечаются психологами как черты,

присущие творчеству и юмору. Восприятие юмора, подобно креативности, происходит через инсайт (Коровкин, Никифорова, 2014; Мусийчук, 2014).

И если нейронные корреляты восприятия юмора на сегодняшний день в определенной степени изучены, то мозговые механизмы генерирования юмора еще ждут своего исследования.

Цель исследования – изучение биоэлектрической активности коры мозга при генерировании юмористических фраз путем инсайта.

В исследовании приняли участие 78 праворуких специалистов сферы искусства (поэты, музыканты, художники), средний возраст – 23 года, из них 38 мужчин и 40 женщин.

Задачи исследования:

1) изучить силу и характер распределения когерентных связей ЭЭГ у участников исследования при создании ими инсайтным и не инсайтным способами оригинальных и юмористических фраз;
2) провести сравнительный анализ выраженных когерентных связей ЭЭГ у участников исследования при создании ими инсайтным и не инсайтным способами оригинальных и юмористических фраз, а также при создании инсайтным способом оригинальных и юмористических фраз.

В исследовании использован метод ЭЭГ. Регистрация ЭЭГ осуществлялась в 64 отведениях монополярно с двумя референтами при помощи многоканального электроэнцефалографа Нейровизор-136 («МКС», Россия).

Регистрация ЭЭГ проводилась в спокойном состоянии (глаза закрыты) и в процессе выполнения двух функциональных проб. Во время функциональных проб на мониторе предъявлялись друдлы – рисунки, состоящие из простых геометрических форм. Участникам исследования нужно было ответить на вопрос «Что может быть изображено на рисунке?». В первой функциональной пробе им предлагалось найти не типичное, оригинальное решение. Во второй функциональной пробе предлагалось найти оригинальное и вместе с тем смешное решение.

После нахождения ответа испытуемого просили ответить на вопрос «Пришло ли решение внезапно, путем инсайта?». С учетом полученных ответов, все записи функциональных проб ЭЭГ были дифференцированы для анализа на четыре группы: 1) нахождение оригинального решения путем инсайта; 2) нахождение оригиналь-

ного решения не инсайтным путем; 3) нахождение смешного решения путем инсайта и 4) нахождение смешного решения не инсайтным путем.

Для анализа выбирались 5-секундные безартефактные отрезки ЭЭГ, предшествовавшие ответу испытуемого, на каждом из которых усреднялись значения коэффициента когерентности (КК) для каждого испытуемого в следующих частотных диапазонах: тета (4–7,5 Гц), альфа (7,5–13,5 Гц), бета (13,5–35 Гц) и гамма (35–70 Гц).

Для статистической обработки данных применялся сравнительный post hoc анализ с использованием критерия Фишера. Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 12.0.

В результате проведенного исследования выделены когерентные связи, выраженные при нахождении оригинальных и юмористических фраз инсайтным и не инсайтным способами. Это внутри- и межполушарные когерентные связи в передних, преимущественно префронтальных, и в задних, преимущественно окципитальных, отделах коры головного мозга.

В тета-диапазоне при создании юмористических ответов когерентные связи в задних отделах коры каждого из полушарий головного мозга выражены сильнее при не инсайтном способе решения в отличие от инсайтного ($p<0,05$).

В альфа-диапазоне при нахождении решения путем инсайта все выраженные когерентные связи сильнее в случае оригинального ответа в отличие от смешного, за исключением связей в затылочных отделах коры правого полушария ($p<0,05$), которые наиболее вовлечены в процесс нахождения юмористического решения путем инсайта.

В бета-диапазоне при инсайтном решении когерентные связи в задних отделах коры левого полушария более сильные при нахождении оригинального ответа, а в задних отделах коры правого полушария – юмористического.

В гамма-диапазоне более сильные когерентные связи в префронтальной области коры правого полушария отличают не инсайтный способ нахождения решения от инсайтного, а в случае нахождения юмористического решения эти различия достоверны ($p<0,05$). Сильные когерентные связи в затылочной области коры левого полушария достоверно отличают инсайтный способ оригинального решения от не инсайтного ($p<0,05$). Генерирование оригинального решения функционально связано с задними отделами коры правого полушария, а генерирование юмора – с затылочными областями коры каждого полушария.

Полученные нами результаты в определенной степени соответствуют представленным в научной литературе данным о мозговых коррелятах творчества и инсайта. В нашем исследовании во всех функциональных пробах выявлены выраженные внутри- и межполушарные когерентные связи в передних и задних отделах коры головного мозга, роль которых в процессе творчества неоднократно отмечалась исследователями (Дикая, Дикий, 2015). Так, в нашем исследовании задние отделы коры головного мозга могут быть задействованы в случае актуализации информации из памяти с целью генерирования оригинальных и юмористических фраз. Активность фронтальных отделов повышается при проверке качества сгенерированных идей и принятия решения о прекращении или продолжении поиска.

Особая роль в функциональной мозговой организации творческой активности отводится альфа-синхронизации (Fink, Benedek, 2014). Альфа-синхронизация во время нахождения оригинального решения в задних отделах коры мозга, выявленная в нашем исследовании, может отражать состояние повышенной концентрации вовлеченных мозговых сетей. Выявленная нами альфа-синхронизация в окципитальных отделах коры головного мозга, может отражать торможение поступления сигналов от зрительной системы, обеспечивая, таким образом, беспрепятственную обработку информации в релевантных решаемым задачам отделах коры мозга (например, во фронтальных).

Данные, полученные в результате изучения корковой активности при решении анаграмм инсайтной стратегией, выявили дезактивацию коры за счет повышения мощности альфа-ритма и активацию заднего отдела коры правого полушария за счет изменения мощности гамма-активности (Kounios, Beeman, 2014). Нами получены схожие результаты при генерировании юмористических фраз путем инсайта по показателям когерентности ЭЭГ.

На основе полученных результатов и их обсуждения нами сделаны следующие выводы.

1. Можно заключить о функционировании нейронной сети, в которой передние и задние области коры головного мозга участвуют в генерировании как оригинальных, так и юмористических идей.
2. Во всех исследуемых частотных диапазонах выраженные когерентные связи в префронтальных областях коры правого полушария функционально отличают не инсайтный способ решения от инсайтного. Инсайтное решение от не инсайтного отличают выраженные когерентные связи в затылочной области коры

правого полушария во всех исследуемых частотных диапазонах, а также в затылочной области коры левого полушария в высокочастотных диапазонах.

3. Когерентные связи в префронтальной области коры правого полушария и межполушарные связи в затылочных областях коры мозга в низкочастотных диапазонах, а также в задних отделах коры каждого из полушарий мозга во всех исследуемых диапазонах выражены при инсайтном оригинальном и юмористическом решении, что позволяет заключить о сходстве этих ЭЭГ-коррелятов генерирования юмористических фраз и инсайта. Специфичными для генерирования юмора путем инсайта оказались окципитальные области правого полушария.

Литература

Дикая Л. А., Дикий И. С. Творческий мозг. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2015.

Коровкин С. Ю., Никифорова О. С. Когнитивные и аффективные механизмы юмористической фасилитации решения творческих задач // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 37–51.

Мусийчук М. В. Юмор как форма интеллектуальной активности // Общество: социология, психология, педагогика. 2014. № 1. С. 35–41.

Fink A., Benedek M. EEG alpha power and creative ideation // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2014. V. 44. P. 111–123.

Kounios J., Beeman M. The cognitive neuroscience of insight // Annual review of psychology. 2014. V. 65. P. 71–93.

Физические нагрузки: польза или вред? Влияние чрезмерных физических нагрузок на здоровье человека

В. А. Дихорь, А. И. Лыткина (*Екатеринбург*)

В настоящее время все больше людей начинают задумываться о своем здоровье, приобщаясь к здоровому образу жизни (ЗОЖ): изучают тематическую литературу, статьи в Интернете, посещают фитнес-центры. С 2012 г. доля систематически занимающихся физической культурой и спортом в РФ выросла с 22,5 до 35,8% в 2016 г. Повсюду популяризуются правильное питание, здоровый сон, профилактика последствий стресса и, безусловно, активные занятия физической культурой. Однако никто не упоминает, что даже

при соблюдении основных законов ЗОЖ можно получить обратный эффект – стоит только перейти черту, и поддержание здоровья превращается в погоню за «стандартами» красоты, постоянным увеличением нагрузки, отказом от повседневных дел в пользу тренировки, что, впоследствии, приводит к формированию поведенческой аддикции (Кривощеков, Лушников, 2011).

В социальных сетях появляются блоги, советующие определенный режим питания и меню, появляются комплексы тренировок. Например, фитнес-группы в социальной сети «ВКонтакте»: «Workout | Будь в форме» (1494760 подписчиков), «0% жирности» (3415690 подписчиков), «FITNESS спорт мотивация» (1694699 подписчиков), «Workout – тренировки и мотивация» (1248905 подписчиков), «90–60–90 – Спортивные девушки» (5485279 подписчиков) и др. Таким образом, люди используют упражнения, в полной мере не понимая принцип их работы, когда и как можно их использовать (имеются ли ограничения в связи с определенными заболеваниям, каков должен быть уровень подготовки и пр.), а самое главное, какое влияние производят они на организм.

Актуальность исследования заключается в выявлении основных социально-психологических факторов, провоцирующих у людей зависимость от упражнений.

Цель исследования – выявление основных причин неадекватных физических нагрузок, которые могут привести к зависимости от упражнений.

В связи с целью исследования была выдвинута *основная гипотеза:* предполагается, что влияние социальных сетей, некомпетентность и отсутствие теоретической базы в области фитнеса могут стать причиной неграмотных чрезмерных физических нагрузок, а как следствие, аддикции от упражнений.

Новизна исследования заключается комплексном подходе к анализу причин формирования зависимости от упражнений у людей, ведущих активный образ жизни, а не занимающихся спортом профессионально. Профессиональные спортсмены чаще сталкиваются с проблемой перетренированности, нежели аддикции. В случае спортсменов-любителей и людей, ведущих активный образ жизни, следящими за своим здоровьем, эффект перетренированности ведет к возникновению аддикции, в большей степени из-за недостатка информации о правильном распределении нагрузок в течение тренировочного процесса

Объектом исследования является зависимость от чрезмерных физических нагрузок людей, ведущих активный образ жизни. *Предме-*

том исследования является особенности формирования аддикции упражнений у людей, ведущих активный образ жизни.

Методы исследования: авторская анкета «Восприятие физических нагрузок людьми, ведущими активный образ жизни» (Дихорь, Лыткина, 2017).

Для того чтобы исследовать суть проблемы было проведено анкетирование на базе кафедры сервиса и оздоровительных технологий ИФКСиМП, УрФУ в апреле 2017.

Для проведения исследования было опрошено 104 респондента (63,5% женщин и 36,5% мужчин) от 17 до 40 лет, жители города Екатеринбурга, ведущие активный образ жизни.

В результате были выявлены основные факторы, влияющие на возникновение аддикции к упражнениям у людей, ведущих активный образ жизни.

Аддикция к упражнениям, как любая поведенческая аддикция, не приносит пользы здоровью человека. Перетренированность сказывается на всем организме (34% отвечающих на авторскую анкету не пропустили бы тренировку из-за упадка сил или плохого самочувствия).

Рассмотрим наиболее значимые выводы, полученные в данной работе.

1. Анализ самовосприятия чрезмерных физических нагрузок людьми, ведущими активный образ жизни, показал:

1) Среди респондентов практически 25% имеют отклонения от нормированного тренировочного плана, а значит, находятся в группе риска аддикции к упражнениям.
2) 69% опрошенных занимаются физическими нагрузками, чтобы привести свою фигуру «в порядок», из них – 74% женщин.
3) Более 50% опрошенных смогли бы отказаться от своих повседневных дел ради тренировки, при пропуске которой у людей меняется настроение в худшую сторону, появляется чувство стыда, потрясения, апатии.
4) Большинство респондентов признают существование зависимости от физических нагрузок, но отрицают свою причастность к данному феномену.
5) Для 65% респондентов мотивирующим фактором являются социальные сети, в которых они находят не только изображения человека с «идеальной» фигурой, но и целые комплексы тренировок. Собственными же результатами на данных площадках готовы делиться 24% опрошенных.

2. Контент-анализ популярных фитнес-групп в социальной сети «ВКонтакте»показал:

1) Основными пользователями контента являются девушки.
2) Все исследованные фитнес-группы предоставляют бесплатные комплексы упражнений, но отсутствует информация о противопоказаниях, последствиях и необходимом начальном уровне подготовки.
3) Главной составляющей контента всех сообществ является мотивация подписчиков к изменению своей внешности.
4) Большинство подписчиков оставляют под записями на стене сообщества комментарии, указывающие на подавленность из-за отсутствия «нужных» параметров фигуры, они испытывают из-за этого чувство стыда.

Таким образом, мы сформировали основные факторы, влияющие на возможное возникновение аддикции к упражнениям:

– влияние социальных сетей на некомпетентных в сфере физической культуры и здоровья пользователей;
– отсутствие теоретических знаний о составлении нагрузок тренировочного процесса, формирования мышечной массы, основ похудения и пр.;
– психические особенности человека: низкая самооценка, тенденция к развитию дисморфофобии, подверженность к аддиктивному поведению.

На наш взгляд, лучшим выходом из этой ситуации будет, безусловно, консультация специалистов: квалифицированный фитнес-тренер составит рациональный тренировочный комплекс, сбалансированный рацион питания; консультация спортивного врача предостережет от нежелательных последствий перенапряжения при неравномерном распределении физических нагрузок, укажет на возможные противопоказания. При возникновении аддикции необходимо обратиться к спортивному психологу для грамотного лечения.

Со стороны фитнес-клубов для снижения риска зависимости помогут ограничения по посещению (не чаще 3–4 раз в неделю), информирование о составляющих здорового образа жизни, медицинских противопоказаниях.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась: социальные сети провоцируют молодежь на стремление изменить свою внешность и стать похожими на идеалы с обложки. Кроме того, из-за некомпетентности и неграмотной оценки своих возмож-

ностей могут произойти проблемы из-за перетренированности, которая может стать причиной аддикции к упражнениям.

Литература

Дихорь В.А., Лыткина А.О. Авторская анкета «Восприятие физических нагрузок людьми, ведущими активный образ жизни» URL: http://google/forms/7oFqXV9PDI9GAKxP2 (дата обращения: 10.10.2017).

Итоги работы комитета по физической культуре и спорту в 2016 году URL: http://kfis.spb.ru/statistika (дата обращения: 10.10.2017).

Кривощеков С.Г., Лушников О.Н. Психофизиология спортивных аддикций (аддикция упражнений) // Физиология человека. 2011. № 4 (37). С. 135–140.

Взаимосвязь характеристик смысловой сферы личности и интернет-зависимости у студентов

В.Ф. Доронина (*Пермь*)

На сегодняшний день сеть Интернет завоевывает все новую аудиторию пользователей. Начиная с 90-х годов XX в. интернет-ресурсы активно развиваются и предоставляют широкий круг возможностей для коммуникации, работы, ведения бизнеса, досуга и т.д. Вместе с тем среда Интернета может стать благоприятной почвой для формирования зависимого поведения. Особую тревогу вызывает то, что зависимость от Интернета наиболее часто проявляется в юном возрасте – в среде подростков и юношей, что затрудняет их социализацию, препятствует способности сделать карьеру, создать семью (Малыгин, 2011).

По данным фонда «Общественное мнение», суточная аудитория Интернета в России составляет 61% россиян, за неделю в Сеть выходят 68%, за месяц – 70% российских граждан (Интернет в России, 2017). Основной социальной категорией, использующей Интернет, является молодежь от 18 до 24 лет, т.е. представители юношеского (студенческого) возраста (Интернет в России, 2017).

Юношеский возраст является сензитивным для формирования ценностно-смысловой сферы личности (Божович, 2010). Согласно Д.А. Леонтьеву, смысл является регуляторным принципом поведения человека, принципом регулирования поведения с жизненным миром индивида. Смысловая реальность пронизывает все отношения субъекта с миром. Поэтому изменения в смысловой сфере личнос-

ти всегда коррелируют с изменениями в этих отношениях (Леонтьев, 2003). Таким образом, своеобразие смысловой сферы студентов отражается на их поведении и деятельности.

Одной из смысловых структур, обеспечивающей регуляцию жизнедеятельности, являются мотивы. В частности, к данной структуре относятся мотивы учебной деятельности. В них проявляется тот смысл, который имеет для студентов учебно-профессиональная деятельность. Учеба в вузе является ведущим видом деятельности в юношеском возрасте, которая обеспечивает подготовку к профессиональной жизни в будущем. Поэтому в мотивах учебной деятельности у студентов ярко проявляются их особенности смысловой регуляции жизнедеятельности.

В связи с тем что смысловые структуры опосредуют все отношения личности с миром, то интернет-зависимое поведение как одна из форм таких отношений также имеет объяснение в особенностях смысловой сферы личности студента. Таким образом, мы можем искать пути профилактики и преодоления интернет-зависимости у студентов в изменении смысловой регуляции их жизнедеятельности, в частности мотивации учебной деятельности.

Объект нашего исследования – смысловая сфера личности студентов. *Предмет* – взаимосвязь характеристик смысловой сферы личности и интернет-зависимости у студентов.

Цель – выявить взаимосвязь аспектов смысловой реальности (смысложизненных ориентаций и мотивов учебной деятельности) и интернет-зависимости у студентов, а также особенности изучаемых феноменов у первокурсников с разным уровнем интернет-зависимости.

Задачи

1) провести теоретический анализ понятий «смысложизненные ориентации», «мотивация учебной деятельности» и «интернет-зависимость»;
2) выявить выраженность смысложизненных ориентаций, компонентов мотивации учебной деятельности и компонентов интернет-зависимости у студентов;
3) выявить значимые различия в выраженности смысложизненных ориентаций и мотивации учебной деятельности у студентов с разным уровнем интернет-зависимости;
4) выявить взаимосвязи указанных психических образований;
5) разработать рекомендации по профилактике и преодолению интернет-зависимости на основе проведенного исследования.

Гипотезы

1. Существуют значимые различия в выраженности смысложизненных ориентаций и мотивации учебной деятельности у студентов с разным уровнем интернет-зависимости.
2. Существует взаимосвязь данных аспектов смысловой реальности и интернет-зависимости у студентов.

Исследование проводилось на выборке студентов 1 курса Пермского государственного национального исследовательского университета в апреле 2016 г. в количестве 103 чел. Осуществлялась психодиагностика с помощью методик «Шкала интернет-зависимости Чена» (Малыгин, 2011), «Тест смысложизненных ориентаций», «Шкалы академической мотивации» (Гордеева, Сычев, Осин, 2014). Затем производилась математическая обработка данных при помощи корреляционно анализа Пирсона и Т-критерия Стьюдента.

Были получены следующие *результаты.* Юношей и девушек характеризуют в целом средняя, ближе к высокой, осмысленность жизни; они мотивированы на выполнение учебной деятельности как внутренними, так и внешними по отношению к данной деятельности причинами; большинство учащихся склонны к интернет-зависимости, т.е. их нельзя назвать ни интернет-аддиктами, ни абсолютно свободными от аддиктивного влияния Интернета.

Выявлено, что у интернет-зависимых студентов, по сравнению с «интернет-независимыми», значимо ниже субъективное ощущение осмысленности своей жизни по всем показателям. Также у них значительно слабее выражены внутренние мотивы учебной деятельности, внешние же мотивы и амотивация выражены сильнее.

Раскрыты общие тенденции для выборки: 1) чем выше уровень интернет-зависимости, тем ниже внутренняя мотивация учения студентов, выше внешняя мотивация и амотивация; 2) чем выше уровень интернет-зависимости, тем ниже субъективное ощущение осмысленности своей жизни студентами.

Для группы учащихся с низким уровнем интернет-зависимости характерна слабая связь между проявлениями аддикции и изучаемыми смысловыми образованиями, тогда как интернет-зависимым студентам присуща более тесная связь феноменов смысловой реальности с аддикцией. Можно сделать вывод, что при качественном переходе от низкого уровня зависимости к высокому, усиливается роль смысловой регуляции жизнедеятельности в проявлениях интернет-зависимости.

Полученные результаты подтверждают гипотезы нашего исследования.

По результатам исследования нами были предложены рекомендации по профилактике интернет-аддикции в условиях высшего учебного заведения. Их реализация основана на коррекции смысловой регуляции жизнедеятельности студентов, создании условий для нахождения студентами жизненных смыслов в реальности в противоположность интернет-среде. Эти цели реализуются путем организации системы кураторства студенческих групп, включения учащихся в различные виды деятельности, развития навыков целеполагания у студентов, развития интернального локуса контроля, изменения содержания и форм обучения с целью поддержки внутренней мотивации.

Литература

Божович Л. И. Проблемы формирования личности. М.: Директ-Медиа, 2010.

Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 96–107.

Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2016–2017 гг. URL: http://fom.ru/SMI-i-internet/13300 (дата обращения: 20.08.2017).

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

Малыгин В. Л. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М.: МГМСУ, 2011.

Динамика психического состояния Винсента Ван Гога (на примере автопортретов парижского периода 1886–1888 гг.)

М. М. Дробышева (*Москва*)

Гениальность – один из немногих феноменов, изучение которого актуально с давних времен и до наших дней. Для понимания механизмов этого процесса, факторов формирования гения и определения критериев гениальности необходимо глубокое погружение в прошлое. При изучении гениального художника, оказавшего влияние на развитие современного искусства, особенно важным является не только изучение биографии творца, но и непосредственный анализ его творческих продуктов (произведения искусства, особенно автопортреты, письма, дневники). Произведения искусства являются

важным источником психологического познания, что объясняется идеями об объективировании, опредмечивании психики субъекта в результатах его труда, отражении его представлений в художественной форме. Не менее важным является использование воспоминаний современников гения, данных биографов и искусствоведов.

Одним из факторов формирования и развития гениальной личности, выделенных в работе Е. Н. Холондович, наряду с природной одаренностью, психической патологией, объектом подражания в юности, является наличие *кризисов как катализаторов развития гениальности,* способствующих мобилизации всех сил гения, в том числе и творческих (Холондович, 2013). В парижский период жизни Ван Гога его кризисные состояния выражались в: крушении надежд получить профессиональное образование и войти в круг художественной элиты, стать высокооплачиваемым и известным художником; разочаровании в своих, ранее поставленных, целях; новом поиске себя как художника; неоправдавшихся надеждах на совместную деятельность с братом Тео и личную жизнь. Эти кризисные ситуации нашли отражение в его автопортретной галерее, созданной им в период пребывания в Париже с марта 1886 по февраль 1888 г.

Целью настоящего исследования стало: выявление динамики психического состояния художника в конкретный (парижский) период его профессионального становления. В качестве основного *метода исследования* применяли метод психолого-исторической реконструкции личности гениального художника. В работе были поставлены следующие *задачи:* провести анализ биографических данных художника в работах исследователей-искусствоведов и письмах художника к его близким; проанализировать изменение в психическом состоянии художника в его автопортретах парижского периода; сопоставить полученные данные.

Выбор периода для анализа психического состояния был не случайным. Он показателен в плане изменений не только художественного стиля Ван Гога, но и его психического состояния. Именно здесь Винсент начал создавать свои автопортреты. Несмотря на большое количество знакомых и совместную жизнь с братом Тео в Париже, художник чувствовал себя одиноким. Автопортреты заменяли ему письма и выполняли роль дневника, в котором можно проанализировать свои чувства. Художник изображал на полотне собственные переживания, то, каким он был и каким он хотел быть, экспериментируя со своим психологическим обликом, как с разложением цвета (Дмитриева, 1980). Винсент использовал автопортреты и как способ заявить миру парижских художников о том, что он равен им.

Как отмечают исследователи, приехав в Париж весной 1886 г., Ван Гог занялся восстановлением своего здоровья и созданием образа респектабельного буржуа. Он постоянно говорил о необходимости обзавестись кругом друзей и нужных знакомых, приобрести известность и стать коммерчески успешным художником (Найфи, Уайт-Смит, 2016). Свое состояние он переносит на *Автопортрет с трубкой* (*F208*). Как и все портреты 1886 г., работа исполнена в темно-золотой теплой гамме. Ван Гог изобразил себя настоящим парижанином, в солидном костюме, с волевым, но немного нервным выражением лица. Темные, «земляные» цвета отражают общее душевное состояние Ван Гога: с одной стороны, тревогу по поводу неизвестного будущего, с другой стороны, освещенное лицо и твердый взгляд говорит об уверенности в выбранном пути, о непоколебимости решения стать настоящим художником. По словам брата Тео, в этот период у Ван Гога не складывались отношения с окружающими. В нем как бы уживались два человека: «Один – изумительно талантливый, деликатный и нежный; второй – эгоистичный и жестокосердный» (Дмитриева, 1980, с. 87). Эта двойственность хорошо заметна на портрете.

Первый большой парижский кризис, связанный с поспешным уходом из студии Ф. Кормона, крушением надежд на образование и общение с другими художниками, вынужденная замкнутость и одиночество стали своеобразным пусковым механизмом для создания последующих автопортретов, в том числе и первого в образе художника – *Автопортрет в темной фетровой шляпе у мольберта* (*F181*). Взгляд Винсента обеспокоен: он всматривается в зеркало, пытаясь «схватить» свое отражение и запечатлеть его на холсте. При этом глаза художника смотрят в сторону, а не на зрителя. Волевое напряжение уверенного в собственных силах человека, каким он был в момент приезда, уступило место тревоге. На передний план автопортрета выступают внешние атрибуты – мольберт, холст, традиционная куртка художника и, на контрасте с ней, шляпа респектабельного горожанина.

В начале 1887 г. Винсент вышел из долгого заточения в мастерской на окраине Монмартра, ближе к природе. Спустя почти год после прибытия в столицу художник принял идеи импрессионистов, и на его полотнах появились яркие цвета, много света, эксперименты с мазками, точками. Винсент вновь стал создавать на автопортретах «опрятного молодого человека» (Найфи, Уайт-Смит, 2016, с. 55).

Весной 1887 г. большое впечатление на Ван Гога оказала встреча с Полем Синьяком. Их короткое общение отразилось в автопортретах,

которые были выполнены в манере этого художника – упорядоченными точками и чистыми цветами (Найфи, Уайт-Смит, 2016). В мае Тео сообщил о своем намерении жениться, что повергло Винсента в глубокое отчаяние, так как брак мог разрушить мечты художника об их творческом содружестве, в том числе и в материальном плане. Хотя его картины оставались светлыми, «душой он все глубже погружался во мрак» (Найфи, Уайт-Смит, 2016, с. 59). Горечь, цинизм, пустота, разочарование проскальзывали в его письмах к сестрам (Найфи, Уайт-Смит, 2016). Однако Тео вернулся в Париж без невесты, неудавшаяся личная жизнь сплотила братьев и прибавила сил Винсенту. Тео занялся карьерой, и братья стали иметь успех и уважение. Показательным является портрет Винсента *в серой фетровой шляпе* (*F296*). Светло-серая шляпа, принадлежащая Тео, бледно-сиреневый пиджак, голубая бабочка и ярко-голубые глаза, которые, несмотря на общий «щегольский» образ, придают портрету мрачный вид из-за напряженного взгляда. На лице заметна усталость от жизни в Париже, от непростых взаимоотношений с окружающими. При этом исчезли сомнения и страхи. Винсент верит, что еще может сделать серьезные успехи и избавить брата от денежного бремени. К новому, 1888 г. Ван Гог написал свой последний парижский *автопортрет в образе художника* (*F522*). Эта работа – своеобразное подведение итогов Ван Гогом в поиске своего стиля. Его лицо на портрете сосредоточенно, взгляд и положение тела в пространстве обращены к мольберту. На портрете Ван Гог предстает именно как Художник, «уверенный в себе, без напыщенности, но и без ложной скромности» (Азио, 2012, с. 172). Сам художник считал эту работу автобиографичной, отражающей психический и физический упадок сил от жизни в Париже, говоря о том, что его лицо было похоже на лицо «человека при смерти». Однако жена его брата Тео, Йоханна, считала этот автопортрет наиболее похожим на Винсента. Она описывала художника при первой встрече как крепкого мужчину со здоровым цветом лица, улыбкой и очень решительного вида (Hendriks, 2011).

В феврале Ван Гог покинул Париж, говоря об этом городе, что «там нет ничего здорового», и находясь «в состоянии предельного напряжения» (Дмитриева, 1980, с. 86).

Заключение

Итак, проведенный анализ показал следующее. Динамика психического состояния художника характеризуется резкими спадами и подъемами настроения, выражающимися в чередовании уверенности, спокойствия с напряженностью, замкнутостью, тревожнос-

тью и т. п. Это проявляется на автопортретах в следующих признаках: расслабленное/напряженное, уверенное/растерянное выражение лица; пристальный/рассеянный взгляд; настороженный/доверчивый взгляд; потухший/живой взгляд; облик респектабельного горожанина или крестьянского художника. Состояние его психического здоровья также постоянно меняется. На портретах он предстает то крепким, дышащим здоровьем мужчиной, то больным человеком со взглядом «загнанного животного».

Выявлена взаимосвязь между поиском художником собственного стиля в живописи и выражением его лица на портрете. От автопортрета к автопортрету, по мере формирования уникального стиля живописи, изменяется выражение его лица. Так, например, сначала он изображает себя в образе уверенного в себе респектабельного парижанина. Затем состояние его меняется, и он предстает в образе нервного, обеспокоенного, напряженного художника – типичного представителя артистической среды того периода. На следующем портрете можно увидеть уставшего, находящегося на пределе физических сил, но преодолевающего свое состояние волевым усилием, Художника, способного, по его мнению, изменить искусство.

В процессе исследования был выявлен ряд проблем: противоречие впечатлений от автопортретов среди искусствоведов, современников и самого художника; изображение Ван Гогом себя на портрете не только в действительном образе, но и в желаемом; отсутствие ярко выраженного разнообразия эмоций. Таким образом, важной задачей для дальнейшего исследования динамики психического состояния по автопортретам является использование метода экспертных оценок.

Литература

Азио Д. Ван Гог. М.: Молодая гвардия, 2012.

Дмитриева Н. А. Винсент Ван Гог. Человек и художник. М.: Наука, 1980.

Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. В 2 т. СПб.: Азбука, 2016.

Холондович Е. Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Hendriks E., Tilborgh L. van. Vincent Van Gogh. Paintings. V. 2. Antwerp and Paris, 1885–1888. L.: Lund Humphries, 2011.

Социально-психологические факторы представлений подростков о городе проживания

Т. В. Дробышева, М. В. Карпова (*Москва*)

Проблемы влияния урбанизации на психическое здоровье жителей, их психологическое благополучие с середины 1970-х годов стали объектом исследований самых разных специалистов – психологов, социологов, архитекторов, философов, культурологов и др. (В. Л. Глазычев, А. В. Иконников, М. С. Каган, Л. Б. Коган, Ю. Круусвал, Ю. А. Левада, Т. Нийт, М. Раудсеп и др.). Однако аспекты взаимодействия предметно-пространственной, социальной и природной среды города и человека столь многообразны, что даже междисциплинарная область прикладных исследований (урбанистика) не в состоянии выявить все возникающие проблемы (А. А. Барабанов и др.). Причем чем больше размер города (численность его населения), тем менее благополучными воспринимаются горожанами условия проживания в нем, чем меньше размер города, тем меньше возможностей для самореализации он предоставляет человеку (Социально-психологические..., 2016; и др.).

В отличие от исследований восприятия города взрослым населением и молодежью, специфика восприятия городской среды детьми и подростками реже становится предметом психологических и социально-психологических исследований (Дробышева, Войтенко, 2017; Сибирева, 2011; и др.). Анализ исследований показал, что существующие работы в большей степени фиксируют внимание на содержании представлений детей и подростков, в то время как факторы и механизмы их конструирования остаются малоизученными. Данный факт определил *актуальность* настоящего исследования, *целью* которого стало выявление связи между представлениями подростков о городе проживания и их социально-психологическими характеристиками.

В качестве *объекта исследования* выступили московские подростки (67 чел.) в возрасте от 13 до 15 лет. Из них: 36 девочек и 31 мальчик. *Программа* исследования включала: ассоциативный тест, методику «социальная идентичность» Н. Даудрих, авторский опросник, ориентированный на выявление представлений респондентов о городе их проживания. С помощью анкеты выявляли социодемографические характеристики респондентов, время проживания их семьи в мегаполисе, широту социальных контактов. Методы статистического анализа: для выявления различий использовали критерий Ман-

на–Уитни (при $p<0,05$). Взаимосвязи показателей изучали с опорой на критерий Спирмена (при $p<0,05$). Дополнительно использовали частотный анализ, описательные статистики.

Результаты исследования

Частотный анализ содержания представлений показал, что в структуре представлений подростков наиболее выражены: позитивные оценки предметно-пространственной среды города (24% выборки) (красивый, удобный, комфортный, много красивых мест и т. п.), нейтральные оценки пространственных характеристик города (19%) (большой, огромный, масштабный и т. п.), негативные оценки окружающей среды (19,4%) (грязь, свалки, мусор и т. п.), признаки мегаполиса (12%) (удаленность расстояний, пробки на дорогах, скученность, мигранты и т. п.), а также объекты, связанные с историей и культурой города (13,4%) (музеи, театры, исторические памятники, Красная площадь, Кремль).

Оценочный компонент представлений включал две категории суждений разной модальности – то, что нравится, и то, что не нравится в городе подросткам. Среди позитивно воспринимаемых респондентами элементов городской среды – объекты природной и предметно-пространственной среды: парки, жилые районы, архитектура, интересные и красивые места города (52% респондентов). Также подростки выделяют в городе те объекты города, которые предоставляют им возможности свободного времяпрепровождения: магазины, развлекательные центры, музеи, театры, городские мероприятия и развлечения (19,4%). Люди как элементы городской социальной среды, а также общение с ними позитивно воспринимаются только 6% респондентов. Они отмечают: интересных людей, вежливость, хорошее отношение, известных горожан, близких друзей и т. п. – как характеристики социальной среды города, значимые для позитивного отношения к нему. Негативное отношение к городу основывалось на оценках: окружающей среды (грязь, свалки, мусор, плохая погода) (28%); большого числа мигрантов, представителей других национальностей (мигранты, «нерусские») (19%); признаков мегаполиса (высокие цены, проблемы с транспортом, много машин, плохие дороги, пробки, шумно, беспорядок, суета) (18%); асоциального поведения некоторых горожан (невежественность, расизм, разбои, пьянство, жадность, воровство, агрессия, насилие, алкоголизм, педофилия и т. п.) (15%).

Последующий корреляционный анализ показал, что негативное восприятие респондентами большого числа мигрантов в городе свя-

зано с показателями их идентичности с семьей (r=–0,25; p=0,020), т. е. чем выше общность с семьей, тем в меньшей степени вызывает недовольство у подростков наличие мигрантов в городе. Такая же связь идентичности наблюдается относительно восприятия подростками асоциального поведения некоторых жителей города (оскорбления, расизм, разбои, пьянство и т. д.) (r=–0,35; p=0,003). По всей видимости, идентичность респондентов с семьей выполняет функцию защиты, изменяя модальность оценок восприятия социальной среды. Высокая степень идентичности с единомышленниками, наоборот, провоцирует недовольство у респондентов асоциальным поведением некоторых жителей города (r=0,26; p=0,031). Также негативное восприятие мигрантов в городе связано с широтой социальных связей исследованных школьников (переменная «наличие друзей в кружках по интересам») (r=0,27; p=0,028). Чем больше друзей, разделяющих взгляды и интересы подростков, тем выше степень раздражения от присутствия мигрантов в мегаполисе. Таким образом, высокая степень идентичности с группой сверстников (друзья и единомышленники) акцентирует внимание на неблагоприятных социальных условиях проживания в большом городе.

Выявлены различия (по критерию Манна–Уитни) в восприятии подростками пространственной характеристики города проживания (большой, огромный, масштабный и т. п.) в зависимости от наличия/отсутствия друзей в школе (p=0,042). Чем больше друзей, тем субъективно более сжато пространство мегаполиса в представлениях подростков. Мир их социальных отношений как бы ограничивает город пространством школы, микрорайона, округа, в котором они проживают. Наоборот, школьники, имеющие меньше друзей в школе, воспринимают пространство города как более протяженное. Также выявлены различия в восприятии подростками природной среды города в зависимости от наличия/отсутствия у них друзей во дворе (p=0,033). Чем больше друзей во дворе, тем позитивней воспринимается природная среда города, и, наоборот, чем меньше друзей во дворе, тем более неблагополучной она воспринимается (p=0,009), т. е. широта социальных связей исследованных подростков со сверстниками может быть рассмотрена как социально-психологический фактор конструирования респондентами элементов природной и пространственной среды города в исследованных представлениях.

Заключение

Итак, респонденты, проживающие в условиях большого города, воспринимая его, акцентируют внимание, в первую очередь, на ха-

рактеристиках его предметно-пространственной и природной, и, во вторую, – социальной среды. В целом, позитивная модальность исследованных представлений связана с теми возможностями свободного времяпрепровождения, которые предоставляет большой город своим жителям (развлекательные центры, музеи, театры, городские мероприятия и праздники). Они являются важным показателем удовлетворенности подростков условиями проживания в мегаполисе. Негативная же сторона жизни в большом городе в представлениях школьников связана, в большей степени, с характеристиками его социальной среды. Речь идет о большом числе мигрантов и асоциальном поведении некоторых категорий жителей города. Также негативно воспринимаются респондентами элементы предметной среды города (грязь, мусор, плохие дороги, пробки из машин). Эти и другие «теневые» стороны большого города характеризуют его в восприятии подростков как мегаполис (см.: Г. Зиммель, Ст. Милгрэм и др.).

Обнаружено, что разные виды социальной идентичности респондентов обуславливают специфику восприятия ими условий проживания в городе как более или менее благополучных. Так, высокая идентичность подростков с семьей, выражающаяся в близости, тесноте связей, общности взглядов с родителями и другими родственниками, выполняет в сознании подростков функцию «защиты», снижая остроту восприятия негативных сторон социальной жизни мегаполиса (мигранты, преступность и т. п.). Наоборот, идентификация с друзьями – единомышленниками обостряет восприятие школьниками негативных сторон жизни в городе. Также широта социальных связей исследованных подростков – наличие друзей в школе, во дворе, в кружках по интересам определяет восприятие пространственных (размер) и негативных социальных характеристик города. По всей видимости, восприятие пространственной и природной характеристики города как мегаполиса зависит от плотности коммуникаций подростков в микросоциуме.

Литература

Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю. Факторы социально-психологического благополучия личности в мегаполисе: представления детей о городе проживания // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 169–189.

Сибирева М. Ю. Ранняя социализация в городской среде: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2011.

Социально-психологические исследования города. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Особенности проявлений когнитивных стилей в структуре индивидуальности в период ранней взрослости

Т. А. Дудникова, Е. В. Волкова (*Москва*)

Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего. Кроме того, когнитивные стили трактовались как предпочтения относительно определенных способов интеллектуального поведения, которые в наибольшей мере соответствуют познавательным склонностям и возможностям данного субъекта. В свою очередь, эти индивидуальные расхождения образуют некоторые типичные формы когнитивного реагирования, относительно которых группы людей являются похожими и отличаются друг от друга. Таким образом, понятие когнитивного стиля используется с тем, чтобы обозначить, с одной стороны, индивидуальные различия в процессах переработки информации и, с другой, типы людей в зависимости от особенностей организации их когнитивной сферы.

Анализ литературных источников показывает, что когнитивный стиль, как психологическое образование высшего порядка, включает в себя не только способы приема и переработки сенсорной информации, поступающей из предметного мира, но и информацию, отражающую межличностный мир общения, мир самоощущения и внутренний мир личности – смысловые, мотивационные и многие другие глубинные особенности человека (Русалов, Волкова, 2015).

В исследовании приняли участие 633 студента вторых курсов московских университетов (ГАУГН, МИП, МГППУ), Калужского университета (КГУ им. К. Э. Циолковского), Пермского университета (ПГПУ) следующих факультетов: географии, современных иностранных языков и литературы, филологический, фундаментальной и прикладной лингвистики, психологии, организации работы с молодежью и социальной работы, юридический, искусства и гуманитарной науки, дизайна, журналистики, педагогический, туристический, землеустройства и кадастра, психолого-педагогический, исторический, клинической психологии. Минимальный возраст респондентов – 17 лет. Максимальный – 30 лет. Средний возраст выборки – 19,65±1,80.

Методический комплекс представлен двумя блоками.

1 блок. Когнитивные стили:

1) CPQ – полная и сокращенная версии опросника когнитивных стилей (Rusalov, Volkova, 2016) – полезависимость (ПЗ), поленезависимость (ПНЗ), узкий диапазон эквивалентности (УДЭ), широкий диапазон эквивалентности (ШДЭ), гибкость познавательного контроля (ГИБ), ригидность познавательного контроля (РИГ), импульсивность (ИМП), рефлективность (РЕФ), конкретная концептуализация (КОНКОН), абстрактная концептуализация (АБСКОН), толерантность к нереалистическому опыту (ТОЛ), нетолерантность к нереалистическому опыту (НЕТОЛ);
2) методика «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (Kagan, 1966) – импульсивность (ИМП), рефлективность (РЕФЛ);
3) методика «Включенные фигуры» Г. Уиткина (Witkin, 1965) – полезависимость (ПЗ), поленезависимость (ПНЗ);
4) методика «Свободная сортировка слов» в модификации В. Колги.

2 блок. Особенности индивидуальности:

1) опросник формально-динамических свойств индивидуальности (показателей темперамента в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах);
2) русская модифицированная и адаптированная версия опросника фундаментальных свойств личности (экстраверсия/интроверсия, нейротизм, психотизм);
3) опросник черт характера – гипертимность, застревание, эмотивность, педантичность, тревожность, циклотимность, демонстративность, возбудимость, дистимность, экзальтированность;
4) модифицированные версии опросников мотивации достижения (Spence, Helmreich, 1983) и выбора профессии – доступность профессии и ее ценность;
5) тест интеллекта «Логические операции».

Теоретически, можно предположить существование трех комплексов, обусловливающих особенности поведения и деятельности в период ранней взрослости, а именно: когнитивных, когнитивно-личностных и личностных. Факторный анализ позволил выделить 8 факторов, описывающих 64,34% дисперсии.

Содержательный анализ данных факторов показывает, что среди них три «чисто» личностных комплекса («Экстравертивно-коммуникативный», «Нейротический», «Психотический»), два «чисто» ко-

гнитивно-стилевых комплекса (продуктивный и непродуктивный), два когнитивно-личностных комплекса (психомоторный и психотический факторы) и один интеллектуальный комплекс (Логико-интеллектуальный). Как мы видим, некоторые признаки вошли в несколько факторов (полезависимость, узкий диапазон эквивалентности, широкий диапазон эквивалентности, рефлективность, индекс интеллектуальной активности, психотизм, эмотивность, тревожность, дистимность, мотивация достижений), что требует более строго выделения факторов. Для решения данного вопроса мы обратились к графику собственных значений функции, согласно которому целесообразно обратиться к анализу трех значимых факторов.

В первый фактор, описывающий 14,59% дисперсии, вошли показатели когнитивных стилей *нетолерантности* (0,591), *ригидности* (0,535), *конкретной концептуализации* (0,498), *широкого диапазона эквивалентности* (0,473), *полезависимости* (0,470); фундаментальных свойств личности – *нейротизм* (0,743); черт характера – циклотимность (0,679), экзальтированность (0,644), *тревожность* (0,640), *застревание* (0,569), *эмотивность* (0,553) и *дистимность* (0,450). Данный фактор, вслед за Русаловым и Волковой (Русалов, Волкова, 2015), может быть назван нейротическим когнитивно-личностным комплексом.

Во второй фактор, описывающий 13,24% дисперсии, вошли только показатели когнитивных стилей (*абстрактная концептуализация* (0,806), *гибкость* (0,726), *толерантность* (0,699), *поленезависимость* (0,650), *рефлективность* (0,570), *узкий диапазон эквивалентности* (0,501), *конкретная концептуализация* (0,422)), *мотивации достижений* (0,587) и *интеллектуальная активность* (0,553). Поэтому данный фактор был назван когнитивно-интеллектуальным комплексом.

В третий фактор, описывающий 13,22% дисперсии, вошли показатели *экстраверсии* (0,880), *коммуникативной активности* (0,849), и таких черт характера как *гипертимность* (0,799), *демонстративность* (0,685) и *дистимность* (–0,686). Данный фактор был назван коммуникативным комплексом.

Таким образом, когнитивные стили могут функционировать как самостоятельные психологические образования, так и совместно с другими структурами индивидуальности. Тем не менее, выявленные связи между когнитивными стилями и индивидуально-психологическими особенностями – темпераментом, фундаментальными свойствами личности, характером, мотивацией и интеллектом могут служить дополнительным подтверждением теоретической гипотезы о значимости данных свойств индивидуальности в структуре индивидуальных ментальных ресурсов человека.

Литература

Русалов В. М., Волкова Е. В. Личностно-когнитивные стили и их связь с темпераментом и характером человека в период ранней юности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 32–42.

Kagan J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journ. of Abnorm. Psychology. 1966. V. 71. № 1. P. 17–24.

Rusalov V. M., Volkova E. V. Cognitive styles and Personality // Personality and Individual Differences. 2016. V. 99. P. 266–271.

Spence J. T., Helmreich R. L. Achievement-related motives and behaviors // Achievement and achievement motives: Psychological and sociological approaches / Ed by J. T. Spence. San Francisco: Freeman, 1983. P. 7–74.

Witkin H. Psychological differentiation and forms of pathology // Journ. of Abnormal Psychology.1965. V. 70. № 5. P. 317–336.

Динамика психологического благополучия в трудной жизненной ситуации*

Е. Н. Дымова (*Москва*)

Психологическое благополучие представляет собой сложную структуру, основанную на базовых ценностях и потребностях человека, которая отражает ощущение человеком удовлетворенности собственной жизнью и собой как личностью. Как конструкт, психологическое благополучие, подвержено комплексному воздействию и внешних и внутренних условий, причем внешнее воздействие преломляется через внутреннее. Таким образом, можно предположить, что в зависимости от условий среды ощущение психологического благополучия может меняться. Настоящее исследование направлено на изучение данного предположения. В качестве внутреннего воздействия в исследовании рассматривается уровень посттравматического стресса и психопатологической симптоматики, внешнее воздействие представлено в исследовании регламентированными условиями – срочной службой в армии.

Целью данного исследования выступил анализ различий психологического благополучия, выраженности посттравматического стресса и психопатологической симптоматики в группах молодых людей, проходящих срочную военную службу и студентов вузов.

* Работа выполнена в соответствии с Государственными заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0004.

В качестве *гипотезы* было выдвинуто предположение, что в трудных жизненных обстоятельствах люди психологически менее благополучны, им характерны более высокие показатели посттравматического стресса и психопатологической симптоматики.

В исследовании принимали участие респонденты мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет, проходящие срочную военную службу в военных частях Московской области (123 чел.), а также студенты вузов г. Москвы и Московской обл. (70 чел.). Исследование проводилось с помощью методик: Шкалы психологического благополучия (ШПБ) (The scales of psychological well-being – ШПБ), адаптированные П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой (Шевеленкова, Фесенко, 2005); Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (Гражданский вариант) (МШ) (Mississippi Scale-MS), адаптированная Н. В. Тарабриной с соавт. (Тарабрина и др., 2009), и Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (Simptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R), адаптированный Н. В. Тарабриной с соавт. (Тарабрина и др., 2009).

Исходя из выдвинутой гипотезы, для начала необходимо было проверить наличие взаимосвязи между показателями посттравматического стресса, выраженностью психопатологической симптоматики и шкалами психологического благополучия. С помощью статистического анализа (коэффициент корреляции r Спирмена) было показано, что чем выше показатели посттравматического стресса (МШ), тем ниже психологическое благополучие (ШПБ), а высокому уровню посттравматического стресса соответствует высокий показатель психопатологической симптоматики (SCL-90-R). Тем самым было показано, что существует взаимосвязь между изучаемыми показателями и правомерно перейти к следующему этапу исследования, а именно к выявлению и изучению различий данных параметров относительно социальных условий в группах участников исследования.

В выраженности психопатологической симптоматики молодым людям, проходящим военную службу, по сравнению со студентами, характерны более высокие показатели обсессивности–компульсивности ($p=0,001$), депрессии ($p=0,001$), межличностной сензитивности ($p=0,001$), психотизма ($p=0,012$), а также общего индекса тяжести симптомов ($p=0,016$). Также им характерен более высокий уровень посттравматического стресса. Относительно психологического благополучия, различия обнаружены по шкалам: «Позитивные отношения с окружающими» ($p=0,002$) как умение устанавливать и поддерживать общение, сопереживать собеседнику, прийти к компромиссу, желание быть гибким во взаимодействии с окружающими; «Цели

в жизни» (p=0,001) и«Осмысленность жизни» (p=0,001) как наличие целей и чувства осмысленности жизни; «Самопринятие» (p=0,005) как показатель осознанности и принятия своих как положительных, так и отрицательных качеств; «Баланс аффекта» (p=0,006) как общая эмоциональная оценка себя и собственной жизни; «Человек как открытая система» (p=0,024) как способность воспринимать и интегрировать новый опыт и реалистично воспринимать все аспекты существования, также различия были выявлены и по общему баллу Психологического благополучия (p=0,001). Данный этап исследования показал наличие различий в группах солдат и студентов по большинству показателей.

Для более детального рассмотрения различий психологического благополучия, было принято решение разделить группу солдат на подгруппы по уровню посттравматического стресса. С помощью критерия отклонения значений от средней величины (M±½σ) группа солдат была разделена на подгруппы: 16 участников, общий балл которых по Мисисипской шкале – менее 69 баллов (группа «Н»); 27 солдат со средними показателями («группа С»); 17 респондентов, с общим баллом более 80 баллов (группа «В»). Сравнение подгрупп «Н» и «В» с помощью критерия Манна–Уитни показало, что имеются значимые различия практически по всем шкалам психологического благополучия: «Позитивные отношения с окружающими» (p=0,003); «Автономия» (p=0,002); «Управление средой» (p=0,005); «Личностный рост» (p=0,001); «Цели в жизни» (p=0,000); «Самопринятие» (p=0,004); «Баланс аффекта» (p=0,001); «Автономия-2» (0,008) и общим баллом Психологического Благополучия (p=0,009). Следовательно, данное исследование показало, что солдаты с более выраженным уровнем посттравматического стресса психологически менее благополучны, чем солдаты с низким уровнем посттравматического стресса.

Заключение. Представленные в исследовании результаты в целом подтверждают выдвинутое предположение и показывают, что, действительно, люди, которые находятся в трудных жизненных обстоятельствах, в настоящем исследовании, солдаты срочной военной службы, имеют более выраженный уровень посттравматического стресса и психопатологической симптоматики, чем люди, которые, напротив, не ограничены условиями среды, в настоящем исследовании представленные группой студентов. Также обнаружены различия как между солдатами и студентами по некоторым шкалам психологического благополучия, так и внутри группы солдат с разным уровнем посттравматического стресса.

Полученные результаты еще раз подтверждают комплексный характер психологического благополучия и могут выступить основой для последующих изучений данного конструкта, а также посттравматического стресса, психопатологической симптоматики и других факторов.

Литература

Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Казымова Н. Н. Специфика психологического благополучия в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы // Психологическое исследование. 2012. № 2 (22). С. 2. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 01.09.2017).

Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Методика исследования психологического благополучия личности. М.: Сова, 2005.

Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being //Journal of Personality and Social Psychology. 1989. V. 57. № 6. P. 1069–1081.

Ryff C., Keyes C. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 69. № 4. P. 719–727.

Различия в диадическом копинге партнеров близких отношений*

О. А. Екимчик (*Кострома*)

Проблема стресса и копинга в близких отношениях мужчины и женщины в настоящий момент остается актуальной и мало исследованной в отечественной психологии. Близкие отношения мужчины и женщины могут быть подвержены разного рода внутренним негативным явлениям: в виде ревности, конфликтности, неудовлетворенности, так и внешним: финансовая и социально-экономическая нестабильность, информационные перегрузки и т. п., порождающим диадический стресс. Вслед за Г. Боденманном (Bodenmann et al., 2006) под диадическим стрессом мы понимаем стрессовое событие, которое относится к обоим партнерам; либо когда оба партнера напрямую сталкиваются с одним и тем же стрес-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-10671.

совым событием, или когда напряжение появляется внутри самой пары; либо косвенно, когда напряжение одного партнера перетекает, заражает другого партнера и влияет на них обоих и качество отношений. Диадический копинг мы рассматриваем как совместные усилия, действия пар или совместное использование общих ресурсов для преодоления стресса. При этом считаем, что совладание, ориентированное на отношения, является одним из условий сохранения и функционирования близких отношений и их позитивной динамики (Бебнева, Крюкова, 2016)

Целью нашего эмпирического исследования стал детальный анализ различий стратегий диадического копинга у мужчин и женщин в близких отношениях.

Выборка: 164 пары, состоящие в близких отношениях (N=328 чел., из них 164 женщины и 164 мужчины) в возрасте от 18 до 42 лет (среднее значение – 24,35, стандартное отклонение – 3,99), от 4 месяцев до 7 лет (средний стаж отношений – 1,8 года).

Методы: Dyadic Coping Inventory (DCI) (Опросник диадического копинга – Боденманн, 2008) направленный на оценку диадического копинга, методы математической статистики электронный пакет SPSS 19.0.

В обработке эмпирических данных нами были применены две стратегии:

1) сравнили по половому признаку выраженность копинг-стратегий диадического копинга у мужчин и женщин, состоящих в условно благополучных близких отношениях, с помощью т-критерия Стьюдента для независимых выборок; U-критерий Манна–Уитни;
2) сопоставили стратегии диадического копинга партнеров по близким отношениям с помощью т-критерия Стьюдента для зависимых выборок.

С помощью вышеуказанных манипуляций были получены весьма интересные результаты. В ходе сравнения мужчин и женщин по выраженности диадического копинга мы выявили следующие различия:

1) личный делегированный копинг выше оценивают мужчины, чем женщины ($m_м$=7,24, $m_ж$=6,87, t=2,25, p=0,03);
2) общение партнера во время стресса выше оценивают мужчины, чем женщины ($m_м$=13,84, $m_ж$=12,79, t=3,67, p=0,000).

На наш взгляд, сообщение партнеру о личном стрессе со стороны женщин с одной стороны отражает их стремление решать проблему совместно, с другой стороны может свидетельствовать о поиске под-

держки в лице партнера. Мужчины отмечают у себя готовность взять на себя часть обязанностей и облегчить жизнь женщины во время стресса. Кроме того, с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни были выявлены различия между мужчинами и женщинами по субшкале «Информирование о личном стрессе партнера» (U=7491, p=0,000). Женщинам больше, чем мужчинам, свойственно информировать партнера о личном стрессе.

Далее мы сопоставили между собой оценку диадического копинга партнерами по близким отношениям (мужчиной и женщиной) в каждой диаде. В общей оценке диадического копинга пары различий нет. Различия выявляются, когда мы сопоставляем между собой отдельные стратегии диадического копинга партнеров.

Выявлено, что в близких отношениях женщины более склонны рассказывать партнеру о переживаемом стрессе, чем мужчины партнерше ($m_м$=12,77, $m_ж$=14,92, t=–8,47 p=0,000). Мужчины также выше, чем женщины, оценивают общение партнера во время стресса ($m_м$=13,75, $m_ж$=12,79, t=3,46, p=0,001). Следовательно, мы можем отметить то, что во время диадического стресса женщина больше стремится установить коммуникацию с партнером, нежели мужчина, путем информирования его о переживаемом стрессе, стремлением поделиться эмоциями и дать обратную связь о значимости поддержки.

Выявлены различия и в том, как партнеры оценивают свои поддерживающие копинг-стратегии. Женщины считают, что оказывают несколько большую поддержку мужчине в стрессовой ситуации ($m_м$=19,26, $m_ж$=19,92, t= – 2,34, p=0,02).

В оценке стратегий делегированного диадического копинга также существуют достоверно значимые различия. Делегированный копинг в диадических отношениях более характерен для мужчин, чем для женщин ($m_м$=7,20, $m_ж$=6,87, t=1,99, p=0,05). Мужчина при диадическом стрессе стремится взять на себя часть дел партнерши, чтобы уменьшить ее нагрузку, решить за нее некоторые заботы. Женщины отмечают, что делегированный копинг партнера выше, чем собственно у них ($m_м$=7,19, $m_ж$=7,55, t= – 2,19, p=0,03). По другим параметрам оценки диадического копинга мы различий не выявили.

Далее мы сопоставили между собой самооценку диадического копинга и то, как партнер оценивает вклад субъекта в диадический копинг, выраженность у него тех или иных стратегий. Получились весьма интересные различия, объясняющие ряд противоречий в диадах. В частности у нас получилось, что каждый из партнеров оценивает свой поддерживающий копинг выше, нежели партнер воспринимает эту поддержку. Мужчина отмечает свою эмоцио-

нальную поддержку партнерши во время диадического стресса чаще (субшкала «Поддерживающий копинг субъекта»), чем женщина у своего партнера (субшкала «Поддерживающий копинг партнера») ($m_м$=19,26, $m_ж$=18,29, t=3,44, p=0,001). Женщины, наоборот, указывают на свою поддерживающую роль во время диадического стресса больше (субшкала «поддерживающий диадический копинг субъекта»), чем замечает эту поддержку партнер (субшкала «поддерживающий диадический копинг партнера») ($m_м$=18,57, $m_ж$=19,92, t=–4,59, p=0,03). Следовательно, мужчина и женщина в отношениях указывают на свое стремление эмоционально поддержать партнера, помочь оценить проблемную ситуацию и найти решение больше, чем его воспринимает их партнер(ша). Это может приводить в переоценке собственных усилий и вклада в разрешение проблемы, с одной стороны, а с другой стороны – к недооценке вклада партнера в отношения.

В отношении делегированного копинга, суть которого состоит в инструментальной помощи партнеру (партнерши) и частичном снятии его/ее нагрузки, получился прямо противоположный результат: самооценка собственных усилий ниже, чем этот вклад оценивает партнер/партнерша (различия с уровнем достоверности: p<0,03). Как мужчины, так и женщины высоко оценивают инструментальную поддержку партнера и стремление помочь в делах.

Кроме того, выявлено различие в оценке негативного копинга у мужчины. Женщины чаще отмечают выраженность негативного копинга партнера, чем сам мужчина (различия значимы на уровне p<0,02). Следовательно, мужчина, по мнению партнерши, чаще стремиться избегать ее во время стресса, отказывается признавать серьезность ситуации и упрекает партнершу.

Таким образом, диадический копинг партнеров имеет как половые особенности, так и специфику, связанную с распределением ролей в диаде, качеством близких отношений. Рассогласование оценок диадического копинга своего и партнера в стрессовой ситуации может служить поводом для конфликта. Субъективные ощущения недостатка эмоциональной поддержки партнера и его принятия, нежелание говорить о стрессе могут привести к отчуждению.

Литература

Бебнева Е.А., Крюкова Т.Л. Интимность и совместность в совладании со стрессом у партнеров в начале совместного проживания // Психологическое благополучие современной семьи: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. 2016. С. 2–30.

Bodenmann G., Pihet S., Kayser K. The Relationship between Dyadic Coping, Marital Quality and Well-being: A Two Year Longitudinal Study // Journal of Family Psychology. 2006. № 20. P. 485–493.

Особенности переноса ранее сформированного навыка в новые ситуации у змей *Elaphe radiata*[*]

Р. В. Желанкин (*Москва*)

За последние десятилетия появляется все больше данных о наличии мыслительных способностей у хладнокровных высших млекопитающих (амниот). В ряде экспериментальных исследований показано, что пресмыкающиеся способны решать такие логические задачи, требующие наличия мышления, которые по своей сложности не только не уступают, но порою даже превосходят те, что доступны психике теплокровных позвоночных (Wilkinson, Huber, 2012). Однако эти данные носят разрозненный и несистематизированный характер.

Таким образом, до сих пор остается нерешенным вопрос о том, когда и в связи с какими эволюционными факторами у представителей ранних хладнокровных позвоночных формировались способности к осуществлению мыслительных операций: абстрагирования, обобщения, символизации и др. Ответ на этот вопрос имеет фундаментальное значение для целостного понимания эволюции мышления у позвоночных.

Одним из критериев мышления является способность к экстренной интеграции ранее образованных независимых навыков (Зорина, Полетаева, 2003). Данная способность, в свою очередь, базируется на более простом феномене – способности переносить ранее приобретенный опыт в новые условия для решения новых типов задач (Хватов и др., 2015, 2016).

Цель исследования: изучить особенности переноса ранее сформированного навыка в новые ситуации у змей *Elaphe radiata*.

Гипотеза исследования: змеи способны переносить навык, приобретенный в одной ситуации, в качественно новую ситуацию.

Испытуемые: 8 ужеобразных змей вида *Elaphe radiata* в возрасте около 1 года.

Оборудование. Экспериментальная установка представляет собой стеклянный ящик с двумя отсеками. Отсек 1 – пусковая каме-

* Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-06-00832-а).

ра 310×390 мм. Пол покрыт шпатовой и мраморной окатанной галькой белого цвета. Отсек 2 – «влажная» камера (укрытие) 250×390 мм. В качестве субстрата использовалась сосновая кора-мульча, сфагнум, крошка кокосовой коры. Субстрат увлажнялся исходно и затем дополнительно каждые 2 дня. В этом отсеке располагалась поилка. Стены и потолок отсека с внешней стороны были окрашены черной светонепроницаемой краской, благодаря чему в нем постоянно поддерживался низкий уровень освещенности. Камеры разделены между собой стеклянной перегородкой, также окрашенной в черный цвет. В перегородке имеются три круглых отверстия, диаметр которых можно варьировать с помощью дополнительных вставок.

В эксперименте использовалось два типа круглых отверстий в перегородке между отсеками:

1. Большое отверстие диаметром 14 мм – достаточно крупное для проникновения через него тела змеи.
2. Малое отверстие диаметром 8 мм – в данное отверстие змея проникнуть не могла.

Процедура эксперимента

Перед началом эксперимента змея в течение семи дней содержалась в экспериментальной установке с тремя большими отверстиями.

В начале каждой пробы змея помещалась в центр отсека 1. Нахождение на жестком субстрате в светлом помещении, лишенном каких-либо укрытий, являлось отрицательной стимуляцией для животного, и оно стремилось покинуть отсек 1 и проникнуть в отсек 2 («влажную» камеру) через одно из трех отверстий. Время пробы не ограничивалось; проба считалась завершенной, когда змея осуществляла успешную попытку проникновения во «влажную» камеру через большое отверстие, т. е. когда ее тело полностью покидало пусковую камеру.

Эксперимент состоял из трех серий. Каждая серия проводилось с интервалом в 24 часа, временной интервал между пробами внутри серии составлял 15 мин.

Серия 1. Схема расположения отверстий в перегородке: № 1 – большое, № 2 – малое, № 3 – малое. Задачей первой экспериментальной серии являлось формирование у животного навыка наиболее быстрого проникновения во второй отсек. Экспериментальная серия продолжалась до тех пор, пока животное в течение пяти проб не совершало неуспешных попыток проникновения в малые отверс-

тия и сразу же проникало во второй отсек через большое. За одну попытку проникновения считались ситуации, когда змея прижималась мордой к отверстию, совершая в направлении него ундуляционные (извивающиеся) движения телом. Серия состояла из 30 проб. Критерии формирования навыка: снижение количества неуспешных попыток проникновения в малые отверстия, сокращение времени решения задачи.

Серия 2. Схема расположения отверстий: № 1 – малое, № 2 – малое, № 3 – большое. В данном случае ставилась задача сформировать у животного новый навык попадания во второй отсек через отверстие, располагающееся в другой части экспериментальной установки. Серия состояла из 30 проб. Критерии формирования навыка были прежними.

Серия 3. Схема расположения отверстий: № 1 – малое, № 2 – большое, № 3 – малое. Остальные параметры аналогичны серии 2.

Мы считали, что животное перенесло ранее сформированный навык в новую ситуацию, если во второй и третьей сериях оно совершало достоверно меньше попыток проникновения в малые отверстия, нежели в первой серии. Это означало бы, что животное не просто выучило тот факт, что проникать во второй отсек нужно через отверстие, располагающееся в определенной части экспериментальной установки, но и научилось распознавать малое отверстие как непроницаемое для своего тела. Иначе говоря, это бы свидетельствовало о том, что животное способно переносить ранее приобретенный опыт «непроницаемости» отверстия в новую измененную ситуацию.

Для математической обработки данных использовался критерий χ^2.

Результаты

Серия 1. В первых пяти пробах количество попыток проникновения в большие отверстия составило 40, в малые отверстия – 41; в последних пяти пробах: большие – 40, малые – 0. Распределения достоверно отличаются (χ^2=30,62; df=1; p<0,01).

Серия 2. В первых пяти пробах количество попыток проникновения в большие отверстия составило 40, в малые отверстия – 16; в последних пяти пробах: большие – 40, малые – 0. Распределения достоверно отличаются (χ^2=13,71; df=1; p<0,01). Распределение количества попыток проникновения в малые и большие отверстия в первых 5 пробах серии № 2 не имеет достоверных отличий от данного распределения в последних 5 пробах серии № 1 (χ^2=6,62; df=1; p<0,05).

Серия 3. В первых пяти пробах количество попыток проникновения в большие отверстия составило 40, в малые отверстия – 4; в последних пяти пробах: большие – 40, малые – 0. Распределения не имеют достоверных отличий (χ^2=3,82; df=1; p>0,05). Распределение количества попыток проникновения с малые и большие отверстия в первых 5 пробах серии № 3 достоверно отличается от данного распределения в последних 5 пробах серии № 1 (χ^2=21,34; df=1; p<0,01).

Интерпретация результатов. Данные по количеству проникновений в различные отверстия указывают, что к концу 1 и 2 серии у змей формировался навык решения задачи. При этом в начале каждой следующей серии (в первых 5 пробах) животные совершали меньше неуспешных попыток проникновения в малые отверстия, нежели в первых пяти пробах предыдущей серии. Это свидетельствует о том, что змеи способны переносить ранее приобретенный опыт «непроницаемости» отверстий для их тела в новую ситуацию. При этом подобный перенос опыта улучшается у них от серии к серии, т. к. в третьей серии фактически отсутствовала динамика научения, т. е. навык уже был сформирован к ее началу. Эти данные согласуются с ранее полученными нами данными на сцинках (Хватов и др., 2016).

Выводы

Полученные результаты дают основание заключить, что выдвинутая гипотеза была подтверждена. В дальнейшем мы планируем проведение исследований на более обширной выборке, а также на других видах пресмыкающихся.

Литература

Зорина З. А., Полетаева И. И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М.: Аспект-Пресс, 2003.

Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н. Схема собственного тела у змей *Lampropeltis triangulum campbelli* // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 119–138.

Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н. Учет границ собственного тела сцинками *Tiliqua gigas* // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 54–71.

Wilkinson A., Huber L. Cold-Blooded Cognition: Reptilian Cognitive Abilities // The Oxford Handbook of Comparative Evolutionary Psychology / Ed. by T. K. Shackelford, J. Vonk. Oxford, 2012.

Психологическое исследование природы зависимости от видеороликов и видеоблогов

Н. В. Жигалина, Ю. В. Филиппова (*Ярославль*)

Одним из относительно новых, но быстро набирающих популярность направлением передачи информации является видеоблогинг. Его суть такова: интернет-пользователь выкладывает в сеть видеозапись, где он ведет диалог со своим зрителем, показывает, что происходило с ним в этот день: что он ел, где он был, с кем разговаривал и т. д.

В связи с высокой популярностью и слабой изученностью психологических составляющих данного явления, актуальным является решение вопроса о его природе. Стоит отметить, что зависимость от таких видеороликов граничит с зависимостью от Интернета, зависимостью от просмотра TV, зависимостью от СМИ и зависимостью от человека, так как сочетает в себе все четыре этих компонента, но одновременно является феноменом целостным и отличным от них. Как показывает А. В. Котляров, около трети подростков в будни проводят в Интернете от 3 до 8 часов, а половина – от 5 до 12 часов (Котляров, 2006). Именно поэтому исследования в данной области носят чрезвычайно важный характер, актуальный не только для нашей страны, но и в целом для всего мира.

Целью нашего исследования являлось изучение психологической природы зависимости от видеоблогинга и определение возможности понимания этого явления, как частной формы интернет-зависимости.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что зависимость от просмотра видеороликов и видеоблогов является частной формой интернет-зависимости.

Методика и процедура исследования. В исследовании приняло участие 39 чел. (10 юношей и 29 девушек) в возрасте от 13 до 25 лет.

Использовались следующие диагностические *методики:* методика К. Янг на выявление интернет-зависимости; методика В. Менделевича на определение склонности к зависимости от компьютерных игр и авторская анкета на определение склонности к просмотру видеороликов и видеоблогов. Для обработки данных применялись методы математической статистики: корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) и непараметрический коэффициент определения достоверности различий Манна–Уитни.

На первом этапе работы была проведена диагностика уровня склонности к просмотру видеороликов в сети Интернет, определенная с помощью авторской анкеты. Анкета была разработана нами на основе выделения симптомов склонности к просмотру видеороликов и видеоблогов. Были выделены следующие симптомы проявления данного феномена:

– потеря дозового контроля и чувства меры;
– изменение образа жизни;
– эмоциональные нарушения;
– физиологические изменения.

Далее были выделены поведенческие признаки, соответствующие данным симптомам, и проведена их операционализация в форму вопросов. Также был определен уровень интернет-зависимости и уровень склонности к зависимости от компьютерных игр (по методикам К. Янг и В. Менделевич соответственно).

Обработка результатов и статистический анализ проводился в программе Statistica 6.0.

На первом этапе обработки данных определялась взаимосвязь возраста и пола со склонностью к просмотру видеороликов в сети Интернет. В первом случае использовался метод корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), во втором – критерий определения достоверности различий Манна–Уитни.

На следующем этапе статистической обработки была предпринята попытка доказать, что зависимость от видеороликов является частным видом интернет-зависимости. Для этого мы определили корреляцию между склонностью к просмотру видеороликов в сети Интернет и известными стандартизированными шкалами, диагностирующими интернет-зависимость.

Результаты

Полученные результаты показали, что достоверных половых различий в склонности к просмотру видеороликов и видеоблогов не выявлено (U=132,5; p-level=0,69). Взаимосвязь этой склонности с возрастом находится на грани статистической тенденции (p-level=0,14).

Значение коэффициента корреляции между уровнем интернет-зависимости и зависимостью от видеоблогов, определенной с использованием авторской анкеты, составила – 0,67 ($p<0,001$). Между зависимостью от видеоблогов и склонностью к зависимости от компьютерных игр – 0,39 ($p<0,014$). Полученные коэффициенты корреляции значимые и положительные.

Обсуждение результатов

Отсутствие половых различий мы связываем с тем, что как юноши, так и девушки могут найти для себя интересующую их информацию в видеороликах. Снимают видео как женщины, так и мужчины, поэтому видеоролики способны заинтересовать в равной степени оба пола.

Также полученные результаты показывают наличие тенденции к отрицательной корреляционной связи между склонностью к видеоблогингу и возрастом испытуемых. Это означает, что в большей степени подвержены этому явлению более молодые люди. Это соответствует результатам Г. У. Солдатовой (2012), которая отмечает, что в целом более зависимы от Интернета и от просмотра видеороликов подростки, что обусловлено их открытостью новому и сравнительно большим количеством свободного времени.

Наличие значимых положительных корреляций между зависимостью от просмотра видеороликов в сети Интернет с интернет-зависимостью (К. Янг) и склонностью к зависимости от компьютерных игр позволяет нам предположить, что зависимость от видеороликов и видеоблогов имеет природу интернет-зависимости. Это объясняется схожей симптоматикой данных зависимостей, а именно: потерей дозового контроля и чувства меры, изменением образа жизни, эмоциональными нарушениями и физиологические изменениями.

Видеоблогинг как явление появилось чуть больше 10 лет назад, но уже прочно закрепилось и привлекает огромное количество зрителей, потенциальных аддиктов. Именно поэтому исследовать данное явление необходимо уже сейчас.

Литература

Войскунский А. Е. Психологические исследования феномена интернет-аддикции // Материалы Второй Российской конференции по экологической психологии / Под ред. А. Е. Войскунского. М.: Экопсицентр РОСС, 2000. С. 251–253.

Котляров А. В. Другие Наркотики, или Homo Addictus: Человек зависимый. М.: Психотерапия, 2006.

Солдатова Г. У. Чрезмерное использование интернета детьми – зависимость или новый образ жизни: Данные межрегионального исследования // Материалы научного семинара EU Kids Online III. Германия, 2012.

Особенности детско-родительских отношений в семьях народов Севера как фактор контроля поведения детей*

А. В. Жиркова (*Якутск*), *Г. А. Виленская* (*Москва*)

Семья вместе с базовым воспитательным воздействием на ребенка передает и культурные традиции, которые складывались на протяжении многих лет, и закладывает ребенку модель поведения на всю его дальнейшую жизнь. Несомненно, разные народы имеют свои исторические корни, культуру, традиции и обычаи, которые, накладывают свой отпечаток на специфику взаимодействия между членами семьи. В этой связи этнические особенности внутрисемейного общения влияют на развитие определенных личностных качеств ребенка, в частности на развитие контроля поведения.

Наше исследование направлено на изучение взаимосвязи развития контроля поведения детей с содержанием детско-родительских отношений, тесно связанных с культурой, традициями этноса и проживающих на исконной территории, а также в семьях с «европейским» стилем воспитания. Особенностью нашего исследования является изучение данного вопроса в рамках детско-родительских отношений семей народов Севера.

Е. А. Сергиенко подчеркивает необходимость рассматривать феномен саморегуляции поведения в рамках системно-субъектного подхода как представление о контроле поведения на индивидуальной основе саморегуляции. Контроль поведения понимается как психологический уровень регуляции, опирающийся на индивидуальные ресурсы человека, что обеспечивает индивидуальное своеобразие выбора способов адаптации (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010). Данный процесс рассматривается как единое целое, включающее в себя когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и волевой контроль. В исследованиях Г. А. Виленской вопрос саморегуляции поведения рассматривается на ранних этапах развития ребенка, где изучается характер взаимосвязи родительского отношения с различными аспектами контроля поведения и выбираемыми детьми конкретными стратегиями саморегуляции, которые различаются в зависимости от индивидуальных особенностей детей (Сергиенко, Виленская и др., 2002). Анализ исследований показывает, что в качестве внутреннего условия, опосредующего процесс взаимодействия ребенка со средой, выступает темперамент,

* Работа выполнена по Госзаданию ФАНО № 0159-2016-0004.

модулирующий процессы эмоциональной регуляции, проявление когнитивных возможностей, адаптацию к социальной среде, являющийся одним из важных факторов, влияющих на формирование регуляции поведения, на характер и стратегии взаимодействия ребенка с окружающим его миром.

Созданные поколениями народные традиции в воспитании детей сегодня приобретают особый интерес. В течение многовековой истории народы Севера создали уникальную систему воспитания, отражающуюся в детско-родительских отношениях. Воспитание детей в семьях в районах Севера осуществлялось с учетом природно-климатических условий этого края. И развитие личности ребенка заложено в традиционной преемственности поколений и контролируется этими отношениями. Специфичностью в детско-родительских отношениях семьей народов Севера являются традиции и обычаи, связанные с продолжением рода и активным участием детей в трудовой деятельности (Винокурова, 1997). Многие из них сохранились в семьях и до наших дней: взаимопомощь и ответственность в семье и с окружением, авторитет родителей и авторитет детей, высокие нравственные требования, предъявляемые к детям на основе конкретных примеров поведения родителей; немногословность и сдержанность в речах; доброта и бережное отношение к людям и родному краю. Удачно сочетаются, казалось бы, несовместимые моменты, такие как авторитет родителей и самостоятельность детей в своем мнении и поведении (Попов, 1994).

В данной работе в качестве выборки исследования мы остановились на детях младшего школьного возраста. Выбор этого возрастного периода обусловлен тем, что начало младшего школьного возраста является кризисным периодом в развитии регуляции, когда к ребенку, с одной стороны, предъявляется множество требований, касающихся его умения организовывать свое поведение в связи с началом обучения в школе, а с другой стороны – интенсивно развивается произвольность, волевое поведение, контроль импульсивного поведения, способность к планированию и целеполаганию. Волевые черты характера, такие как самостоятельность, настойчивость, целеустремленность, в данном возрасте проявляются периодически при достижении целей, актуальных для ребенка, и могут сочетаться с внушаемостью, неуверенностью в ситуациях, для решения которых он не обладает необходимым запасом знаний и опыта.

Цель исследования: изучить роль родительского отношения в развитии контроля поведения младших школьников в семьях народов Севера.

Объект исследования: контроль поведения младших школьников.

Предмет исследования: особенности контроля поведения в зависимости от родительского отношения, этнической принадлежности и семейного уклада в семьях народов Севера.

В исследовании принимают участие дети младшего школьного возраста из 150 семей: 50 семей эвенков, проживающих на исконной территории, 50 семей сельской местности Якутии, 50 русскоязычных семей города Якутска.

Гипотезы исследования. Мы предполагаем, что:

- контроль поведения ребенка и особенности семейного воспитания закономерно соотносятся. Наибольший вклад в контроль поведения вносят такие характеристики родительского отношения как эмоциональное принятие родителями ребенка и требовательность/строгость;
- контроль поведения детей различается в зависимости от культурных установок и этнических традиций воспитания, принятых в семьях;
- особенности семейного уклада (воспитания) являются одним из факторов развития контроля поведения;
- индивидуальные особенности детей и родителей (темперамент) связаны как с контролем поведения детей, так и с характеристиками семейного воспитания.

Исходя из теоретических положений исследования о том, что контроль поведения ребенка закономерно взаимосвязан с особенностями семейного воспитания, нами была использована методика изучения родительских установок (Parental Attitude Research Instrument – PARI), предназначенная для изучения отношения родителей (прежде всего, матерей) к разным сторонам семейной жизни (семейной роли). Хотя приоритетной целью методики PARI является изучение отношения родителей к семейной роли, охватывается более широкий пласт параметров детско-родительских взаимоотношений: эмоциональный контакт, эмоциональная дистанция с ребенком, концентрация на ребенке.

По результатам нашего исследования уже на первоначальном этапе изучения детско-родительских отношений выявлено, что у 40% респондентов в группе семей, проживающих на исконной территории Севера, исчезло большинство традиционных правил, утеряны тесные связи внутри семьи, возникают проблемы в преемственности традиций и обычаев, отмечается низкий уровень культуры детско-родительских отношений. Основополагающими факторами выше-

перечисленного могут быть проживание детей в длительном отрыве от родителей в интернате, потеря своей национальной идентичности из-за длительного отдаления от родителей, своей культуры, самоустранение отцов от воспитания детей.

В нашем исследовании при изучении внутрисемейных отношений установлены следующие доминирующие признаки в родительском воспитании:

1) в семьях, проживающих на исконной территории, – уравнение отношений между родителями и ребенком (56,4%) и развитие активности ребенка (87,6%);
2) в семьях сельской местности – сверхавторитет родителей (67,8%) и стремление ускорить развитие ребенка (87,5%);
3) в русскоязычных городских семьях – чрезмерная забота, установление отношений зависимости (82,6%) и суровость, излишняя строгость (58,6%).

Наименее выраженными признаками стали:

1) в семьях, проживающих на исконной территории, – суровость, излишняя строгость (66,4%) и чрезмерная забота, установление отношений зависимости (71,3%);
2) в семьях сельской местности – семейные конфликты (65,2%) и подавление сексуальности (61,8%);
3) в русскоязычных городских семьях – подавление агрессивности (68,7%) и партнерские отношения (57,4%).

В семьях, проживающих на исконной территории, наблюдается больший акцент на партнерские отношения в детско-родительских взаимоотношениях, но при этом отмечается излишняя эмоциональная дистанция, как уклонение контакта с ребенком. В других двух группах имеется излишняя концентрация на ребенке через чрезмерную заботу и вмешательство в жизнь ребенка. Во многом это объясняется семейными, родовыми традициями и менталитетом респондентов.

В дальнейшем планируется изучить индивидуальные особенности детей и родителей и их взаимосвязь с контролем поведения детей. Также будет изучаться вопрос о детско-родительских отношениях в семьях, проживающих на исконной территории, в контексте влияния семейного воспитания, культурных установок и традиций, принятых в семьях, на контроль поведения детей. На сегодняшний день данная область исследования актуальна в семьях, где проблемы обострились в связи с утратой преемственности между поколе-

ниями в передаче традиций, родной культуры, с нарушением устоев семейного уклада, что, несомненно, отрицательно отражается на развитии личности ребенка.

Литература

Винокурова У. А. Воспитание и образование детей народов Севера. Якутск: Бичик, 1997.

Попов Б. Н. Изменение семьи народов Якутии. Якутск: Бичик, 1994.

Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Рязанова Т. Б., Дозорцева А. В. Близнецы от рождения до трех лет. М.: Когито-Центр, 2002.

Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

О мозговых основах социального познания, поведения и психической патологии при невротических расстройствах

Д. И. Жукова (*Санкт-Петербург*)

В последнее десятилетие в зарубежной клинической психологии и психиатрии интенсивно дискутируется связь депрессивного реагирования с «перфекционизмом» – дисфункциональная личностная черта, стремление личности устанавливать чрезмерно высокие стандарты и, как следствие, невозможность испытывать удовлетворение от результатов. Теоретические разработки в этой области были сделаны в середине прошлого столетия социальными психоаналитиками K. Horney. и A. Adler. В настоящее время такие ученые, как A. Beck, S. Blatt, D. Quinlan, P. Hewitt, G. Flett, R. Frost, R. Heinberg, А. Б Холмогорова и Н. Г. Гаранян, убеждены в том, что чрезмерное стремление к совершенству сопряжено с хроническим субъективным дискомфортом, высоким риском психических расстройств и сниженной продуктивностью деятельности (Гаранян и др., 2005).

Изучение феноменологии перфекционизма может производиться различными путями, но перфекционистские установки всегда сопряжены с личностью человека, с его «Образом Я». На сегодняшний день нет однозначности при выделении составляющих и факторов перфекционизма, большую полемику вызывают также инструменты, тестирующие различные параметры и формы перфекционизма (Холмогорова, 2011). В нашей работе мы рассматриваем автобиографическую память как особую психическую составляющую, позволя-

ющую обратиться к опыту личности, тесно связанную с «Образом Я» и позволяющую в связи с этим стать опорой для исследования генеза и стабилизации перфекционистских установок.

Доказано, что структурно-функциональной единицей организации материала в автобиографической памяти является «автобиографическое событие», выступающее в зависимости от целей и условий воспроизведения в различных формах: «яркий момент жизни – эпизод», «важное событие жизни» (и его особый вариант «переломное событие»), «характерное для личности событие», «жизненный период», «личностная эпоха» (Нуркова, 1996). Таким образом, можно не только проследить связь перфекционизма с депрессией, но и рассмотреть феномен перфекционизма с позиций теории мотивации достижения, соотнести это понятие с более традиционными (мотив «стремление к успеху», мотив «избегания неудачи»; уровень притязаний, защитные тактики целеполагания). Клинические наблюдения показывают, что лицам с высоким уровнем перфекционизма присущи выраженный страх пред ошибкой и неудачей, преимущественная ориентация на блестящий результат при невозможности получать удовольствие от процесса деятельности, что позволяет предположить доминирование мотива избегания неудачи и активацию защитных тактик целеполагания (Юдеева, 2007). Важный пробел зарубежных исследований перфекционизма заключается в отсутствии экспериментальных подходов к анализу этого феномена (Hewitt, 2005). Важно также отметить, что особое значение перфекционистские установки приобретают в критические периоды жизни человека, при планировании будущего, что определило выбор нами лиц юношеского возраста в качестве исследуемой группы. Таким образом, мы полагаем необходимым изучение особенностей автобиографической памяти у лиц с высоким уровнем перфекционизма.

Цель работы – изучение особенностей автобиографической памяти у с высоким уровнем перфекционизма.

В контексте обозначенной нами проблемы исследования нами были сформулированы следующие гипотезы.

Гипотеза 1: Для склонных к депрессии лиц характерен высокий уровень перфекционизма.

Гипотеза 2: У лиц с высоким уровнем перфекционизма и склонностью к депрессии имеются особенности автобиографической памяти, касающиеся образа собственного «Я», идеального «Я» и Другого, и иные перцептивные искажения, типичные для пациентов с клинической депрессией. Также данным лицам присущи неразвитые, примитивные механизмы психологической защиты.

Гипотеза 3: Перфекционистские установки являются результатом искажения в структуре мотивации и фрустрации иных неудовлетворенных потребностей.

С целью проверки сформулированных нами гипотез было использовано 6 методик: 1) опросник депрессивности А. Бека (Beck Depression Inventory – BDI); 2) опросник перфекционизма Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогоровой; 3) клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний, разработанный К. К. Яхиным и Д. М. Менделевич; 4) автобиографическое интервью В. В. Нурковой; 5) метод экспертной оценки рассказов; 6) использовалась запись изменений электрической активности мозга (ЭЭГ) испытуемых во время продукции свободных ассоциаций без нарочитых внешних речевых воздействий и при таких воздействиях на базе учебной лаборатории психофизиологии СПбГУ.

Наше исследование проводилось на базе СПб ГБУЗ «Городская больница Святого Праведного Иоанна Кронштадтского», неврологическое отделение. Первоначально в исследовании принимало участие 140 чел. в возрасте 18–25 лет. Из них было отобрано в основную группу 30 чел. с высоким уровнем перфекционизма и 10 чел. в контрольную группу с низким уровнем перфекционизма.

Обработка полученных результатов производится с помощью пакета статистических программ SPSS for Windows, Standard Version 19.0, Copyright SPSS Inc., 2010.

Всего обрабатывалось 120 протоколов опроса: 90 протоколов автобиографических рассказов испытуемых с высоким уровнем перфекционизма и 30 протоколов автобиографических рассказов испытуемых с низким уровнем перфекционизма. По результатам обработки экспертной оценки автобиографических рассказов в основной и контрольной группах были подсчитаны совпадения. Полученные в результате упорядочивания «сырых» данных значения для всех показателей были переведены в проценты и представлены в сводной таблице.

Предваряя обсуждение результатов по предложенной схеме, заметим, что испытуемые, относящихся к основной группе, мы определили как личностей с высоким уровнем депрессии.

«Образ Я» лиц с высоким уровнем перфекционизма в своей концептуальной части очень нечеток, неуловим, ситуативен, содержит фрагментарные, необъединенные части, как в зеркале отражающие разнообразные внешние факторы, события, границы «Я» размыты, нет достаточной автономности. Так как «Я» – это тоже представитель сверхзначимого, аффективно насыщенного и потому искажен-

ного, зыбкого мира социальных объектов, то к нему тоже относится большинство вышеназванных типов реакций и параметров. Имеет место не только неустойчивость, ситуативность самооценок, но и нестабильность самих шкал и параметров самооценивания, и такая флуктурирующая система не позволяет сформировать никакой интегрированной и иерархизированной концепции (ни в области знания о своих качествах, ни во внутренней картине болезни, ни в оценке себя как коммуницирующего объекта). В то же время наблюдаются отдельные, спорадически возникающие, довольно точные и дифференцированные оценки, осознание отдельных сторон и моментов, но совершенно без зрелой интеллектуальной переработки, поэтому порождающие интенсивную тревогу и страх, шоковые реакции, а отсюда – симптоматику вегетативного ряда или социальные фобии; понятно, что постэффектом такого рода «осознаний» является еще более значительное последующее вытеснение проблем. Лица с высоким показателям перфекционизма испытывают широкий спектр негативных эмоций, не только печали, депрессии, страха и тревоги, но и вины, враждебности, неудовлетворенности собой. С этой аффективной основой связано множество других проявлений – негативные когниции, склонность к соматическому дистрессу, негативным оценкам себя и других. С негативной аффективностью тесно связаны другие личностные характеристики – низкая выносливость, пессимизм, низкая самооценка и склонность хронически переживать неудовлетворенность работой и жизнью в целом. Ощущения бессилия и беспомощности возникают от чувства досады, возникающего каждый раз из-за невозможности достичь желаемой цели, и от потери времени, которое уходит на достижение идеального результата. Изначально предъявляя к себе высокие требования и позиционируя себя как совершенных личностей или создателей идеальных творений, личности с высоким уровнем перфекционизма испытывают чувство стыда и затруднения в ситуации, когда другие люди видят, что они недотягивают до собственных, манифестируемых ранее стандартов. Собственное «Я» они воспринимают полярно: либо как совершенно хорошее, либо как плохое, понятие «достаточной хорошести» им незнакомо. Дифференцированность «Образа Я» – средняя или низкая, чуть более дифференцировано восприятие социальных объектов, но признаки диффузности и нечеткости сохраняются.

Полученные результаты могут быть использованы психологами и психотерапевтами в консультативной и психологической помощи.

Литература

Гаранян Н. Г., Новикова Ю. А., Юдеева Т. Ю. Перфекционизм в структуре различных типов личности // Материалы 14 съезда психиатров России. М., 2005. С. 431.

Нуркова В. В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Вестник МГУ. Сер. 14. «Психология». 1996. № 1. С. 58–59.

Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Интегративная психотерапия тревожных и депрессивных расстройств на основе когнитивной модели. М.: Медпрактика-М, 2011.

Юдеева Т. Ю. Перфекционизм в структуре разных личностных типов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 20. С. 37–42.

Hewitt P., Flett G. Perfectionism and stress process in psychopathology // Perfectionism: Theory, research and Treatment / Ed. G. Flett, P. Hewitt. Washington, 2005.

фМРТ-исследование минимальных различий в мимике как средстве невербальной коммуникации*

О. В. Жукова, Ю. Е. Шелепин, В. А. Фокин, Г. Е. Труфанов, П. П. Васильев, А. В. Соколов (*Санкт-Петербург*)

Исследование механизмов распознавания мимики в системе межличностной коммуникации является важнейшей фундаментальной проблемой когнитивных наук. В данном исследовании акцент сделан на распознавание лица в пороговых условиях наблюдения. Коммуникация рассматривается с точки зрения классической психологии, как реальный процесс взаимодействия конкретных индивидов, в процессе которого раскрывается субъективный мир одного человека для другого (Ломов, 1983).

Цель исследования – методом фМРТ оценить минимум информации, вызывающий «отклики мозга» при распознавании мимики.

Методы исследования. Исследование состояло из двух серий: психофизической и психофизиологической. Выборку составили 43 испытуемых в возрасте от 21 до 29 лет, в основном студенты СПбГУ, ИТМО, СПбПУ. В психофизиологической серии приняло участие 29 испытуемых (13 мужчин и 16 женщин), возрастной диапазон

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02135-П).

и мужчин и женщин – от 22 до 29 лет (средний возраст мужчин – 26,1±1,2 года, средний возраст женщин – 24,9±1,9, средний возраст по группе – 25,4±1,7). В серии фМРТ-исследования приняло участие 14 испытуемых (10 мужчин и 4 женщины), возрастной диапазон и мужчин и женщин – от 21 до 27 лет (средний возраст мужчин – 24,4±2,1 года, средний возраст женщин – 22,5±1,3, средний возраст по группе – 23,9±2,1).

В процессе подготовки стимулов применили методику непрерывного 3D морфинга лица на базе программного обеспечения Face Gen (Singular Inversions, Canada), которая зарекомендовала себя как надежный инструмент синтеза с большим набором инструментов для моделирования различных мимических выражений. Для анализа «эмоциональной» и «когнитивной» составляющих процесса распознавания лиц синтезировали два оппонентных вида эмоции (радость и грусть) и два типа поворота (направо и налево). Использовали шкалу Face Gen для морфинга различных градаций выраженности признака эмоции и поворота головы, где «10» – максимальная степень выраженности мимики и поворота, а «0» – отсутствие признака. Максимальная степень поворота головы соответствовала 10°. На каждое изображение была наложена аддитивная некоррелированная помеха, амплитудой 30, 50 и 70% от средней яркости изображений. Для каждой градации мимики и поворота рассчитали процент измененных пикселей по параметру RGB в сравнении с нейтральным прямо ориентированным лицом. Размер пикселя составил – 0,27 мм. Угловые размеры изображений с учетом расположения испытуемых составили 2,5°. Показано, что количество измененных пикселей, при изменении градаций выраженности признака поворота, значительно больше в сравнении с эмоцией. Оппонентные шкалы морфинга в рамках одного признака (или поворота или эмоции) выравнены между собой.

Для оценки порогов восприятия мимических выражений лиц и градаций поворота головы использовали традиционные психофизические методы измерения порогов (Бардин, 1976). Распределение активности в головном мозге человека при наблюдении лиц определяли с помощью метода функциональной магнитно-резонансной томографии (Friston, 1994).

Математические методы. Статистическую обработку фМРТ-данных проводили методом множественной регрессии в рамках обобщенной линейной модели (GLM). Данный метод позволяет выявлять параметры регрессии для каждого вокселя изображения, которые являются статистической мерой соответствия между появлением про-

бы и соответствующими изменениями зарегистрированного BOLD сигнала. В качестве регрессоров выступали параметры регистрируемого сигнала (тип пробы и его длительность), параметры смещения положения головы и некорректные пробы. Осуществляли коррекцию на множественность сравнений (FDR). Далее проводили статистическое параметрическое картирование с целью проверки гипотезы о случайном распределении данных. Нулевая гипотеза гласила, что все пикселы изображения распределены случайно. Оценку локальной активности относительно целого мозга проводили методом двухкомпонентного t-теста (t-критерий Стьюдента, $p<0,001$).

Результаты. В психофизической серии исследования установлены пороги распознавания мимических выражений и поворота лица, их зависимость от градации выраженности признака, уровня аддитивной некоррелированной помехи и количества измененных пикселей изображений. Выявлено, что порог распознавания мимики выше в сравнении с распознаванием поворота головы. Кривые поворота и эмоции статистически значимо отличаются, начиная с градации 2 выраженности признака по шкале Face Gen вне зависимости от уровня аддитивной некоррелированной помехи ($p<0,01$). При добавлении к тестовым изображениям помехи, амплитудой 30% и выше, от средней яркости изображений, наблюдается значимое снижение показателей правильных ответов при распознавании мимического выражения, но не поворота головы. Пороги распознавания испытуемыми «мимики радости» и «мимики грусти» в тестовых изображениях, в условиях отсутствия аддитивной некоррелированной помехи или небольших ее значениях, статистически значимо отличаются на уровне градаций 4–5 выраженности признака ($p<0,01$). В условиях предъявления тестовых изображений с помехой амплитудой 50% от яркости изображения, отличия выявлены только на уровне тенденции ($p<0,1$).

В серии фМРТ-исследований изучены «отклики мозга» на тестовые изображения лиц. Выбраны несколько градаций выраженности признака – 2, 4 и 7. Они расположены на восходящих участках психофизических кривых. Выявлено, что наблюдается одновременный значимый рост показателей правильных ответов испытуемых, измененных пикселей изображения и активированных вокселей головного мозга в зависимости от градаций выраженности признаков. Показано, что изменение пикселей и правильных ответов носит пропорциональный характер. Это справедливо в отношении распознавания поворота головы. Для распознавания эмоций получили значимую регрессию. Это означает, что в начале кривые по измененным пикселям растут быстрее правильных ответов; потом кривая выхо-

дит на плато, т. е. появляется пропорция. Количество активированных вокселей также статистически значимо меняется в зависимости от градаций выраженности поворота головы (p=0,029), но не эмоции (p=0,463). Методом оценки локального кровотока во времени, усредненного по 8 фазам стимуляции, было показано, что амплитуда BOLD-сигнала в пороговых условиях наблюдения (предъявление тестовых лиц с градацией 2 выраженности признака) статистически значимо (p<0,001) отличается от других экспериментальных условий.

Выводы. Таким образом, в комплексном исследовании, с привлечением психофизических и фМРТ-методов, оценен минимум информации, вызывающий «отклики мозга» при распознавании мимики. Показано, что наблюдается одновременный значимый рост показателей правильных ответов испытуемых, числа измененных пикселей изображения и числа активированных вокселей головного мозга в зависимости от градаций выраженности признаков. Показано, что в пороговых условиях наблюдается статистически значимое увеличение уровня BOLD-сигнала практически во всех областях головного мозга человека, обеспечивающих распознавание, принятие решения и организацию двигательного ответа.

Литература

Бардин К. В. Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. М.: Наука, 1976.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М: Наука, 1984.

Friston K. J., Jezzard P. J., Turner R. Analysis of functional MRI time-series // Human Brain Mapping. 1994. V. 1. P. 153–171.

Понятие «медитации» в российской ментальности

А. А. Загирова (*Москва*)

Нарастающая популярность медитации как среди обычных людей, так и среди ученых требует четкого очерчивания ее определения. Понятие «медитация» пришло к нам из различных духовных практик, философских течений и религиозных традиций, которые зачастую имели совершенно противоположные друг другу идеологии. Вобрав в себя духовный опыт буддизма, ислама (суфизма), христианства, индуизма и даосизма и перекочевав в нашу культуру, понятие медитации в настоящий момент имеет очень широкий круг значений,

из-за чего возникает большая путаница при использовании этого термина как в обыденной жизни, так и в научной литературе.

Наше исследование направлено на изучение семантического пространства понятия медитации в российской ментальности. Сначала мы сделаем теоретический анализ основных трактовок медитации, отберем наиболее известные и представим их на оценку российской публике.

Основные определения медитации

Термин «медитация» происходит от латинского «meditatio», точнее от глагола «meditari», который в разных контекстах означает «обдумывать», «мысленно созерцать», «вырабатывать идеи.

В Ветхом Завете «хага» означает, помимо прочих значений, еще и «размышлять», «умственно созерцать». Когда Тора была переведена на греческий язык, слово «хага» было переведено как «melete». В латинской Библии слово «хага/melete» было переведено как «meditatio» (Cunningham, Egan, 1996). Использование термина «meditatio» применительно к одной из частей поэтапного процесса мысленного созерцания впервые встречается у монаха Гиго II в XII в.

Термин «медитация» используется в качестве перевода названия восточных духовных практик, называемых на санскрите «дхьяна» – термин, известный в китайском буддизме как «чань», в японском как «дзэн», в корейском как «сон» и во вьетнамском как «тхиен». Слово «дхьяна» происходит от санскритского корня «dhyai» и тоже имеет значение «мысленно созерцать», «размышлять». Индийский мистик и философ Ошо (Шри Раджниш, 2015) говорит о том, что медитация – это безоценочное наблюдение, результатом которого становится прекращение мыслей и эмоций.

В толковом словаре по аналитической психологии В. В. Зеленского «медитация – это техника сфокусированной интроспекции» (Зеленский, 2008).

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой дается такое определение медитации: «приведение психики человека в состояние самоуглубленности и сосредоточенности (сопровождающееся телесной расслабленностью), играющее важную роль для обретения познания в некоторых религиозно-философских учениях; *устар.* размышление, рассуждение» (Ефремова, 2000).

Советский психолог и психофизиолог Л. П. Гримак пишет, что медитация – это «повышенная концентрация внимания на определенном предмете или явлении или состояние неожиданной рассредоточенности мыслей» (Гримак, 2015).

Исследование

Цель нашей работы – изучить значения понятия медитации в российском менталитете. Для этого были взяты следующие трактовки медитации, сформулированные в разных философских традициях, философами, психологами.

Медитация – это:

1) размышление (*лат.*);
2) непосредственное восприятие действительности, созерцание (буддистская традиция);
3) повышенная концентрация внимания на определенном предмете или явлении (Л. П. Гримак);
4) безоценочное наблюдение, результатом которого становится прекращение мыслей (Ошо);
5) состояние неожиданной рассредоточенности мыслей (Л. П. Гримак);
6) состояние, в котором теряешь границы собственного «Я», сливаешься с «вне-Я» (Вселенским (Мировым) Духом, Разумом, Богом) (восточные традиции).

В таком виде понятия предоставлялись в виде опроса в социальной сети «ВКонтакте».

Выборка. Всего в опросе приняло участие 243 чел.: 169 женщин (70%) и 74 мужчины (30%), среди них было: до 20 лет – 6 чел. (2,5%); от 20 до 30 лет – 164 чел. (67,5%); от 30 до 40 лет – 55 чел. (22,6%); от 40 до 50 лет – 18 чел. (7,4%).

Результаты исследования. Наибольшее количество людей, принявших участие в опросе, отдало свои голоса за вариант ответа «F», что составило 47%. Ровно в 2 раза меньшее количество людей выбрало вариант ответа «E» – это 23,5%.

На третьем месте оказался вариант ответа «D» – его выбрали 9% опрашиваемых. Почти в равных долях участники опроса проголосовали за варианты «C» и «B» – это соответственно 6,6 и 6,2%. Меньшее количество людей выбрало шестой вариант в опросе «A» – 4%. 3,7% людей выбрали свой вариант ответа. Исходя из получившегося распределения частот, мы можем сделать очевидный вывод о том, что наиболее популярным и выбираемым вариантом ответа о том, что такое медитация, является «F» (47%), а наименее популярным – это «E» (4%), т. е. разница между наиболее и наименее популярным выбранным ответом больше чем в 11 раз.

Основная аудитория, принявшая участие в нашем исследовании, – это люди от 20 до 30 лет (67,5%). Почти в три раза меньшее

количество людей от 30 до 40 лет приняли участие в опросе (22,6%). И почти в три раза меньше второй группы людей составили участники от 40 до 50 лет (7,4%). Наименьшей группой людей, принявших участие в исследовании, оказалась категория до 20 лет (2,5%). Можно предположить, что, с одной стороны, категория людей от 20 до 30 лет является наиболее заинтересованной в вопросе медитации, с другой стороны – именно эта возрастная категория больше всего пользуется данной социальной сетью.

Иерархия распределения частот ответов принявших участие в опросе мужчин и женщин одинакова, за исключением двух пунктов. Наиболее популярным ответом на вопрос, что такое медитация, является: F (36,5% – мужчины (далее – м.) и 52,1% – женщины (далее – ж.)), на втором месте оказался вариант ответа: D (20,3% – м. и 24,9% – ж.).

Третье место занял вариант ответа «С» (12,2% – м. и 7,1% – ж.). Дальше мужчины больше отдавали предпочтение варианту ответа «А» (12,2%) (ж. – 4,1%), а женщины «В» (5,3%) (м. – 8,1%). На шестом месте вариант ответа «Е» (5,4% – м. и 3,6% – ж.). Седьмое место занял вариант ответа: «Свой вариант» (5,4% – м. и 3% – ж.).

Можно заметить, что распределения частот ответов мужчин более однородные – меньше разрыв между количеством отданных голосов за каждое понятие (36,5%, 20,3%, 12,2%, 12,2%, 8,1%, 5,4%, 5,4%), в отличие от распределения частот ответов женщин (52,1%, 24,9%, 7,1%, 5,3%, 4,1%, 3,6%, 3%).

Выводы

В результате проведенного исследования на базе социальной сети «ВКонтакте» мы выяснили, что большинство людей считает, что медитация – это состояние, в котором теряешь границы собственного «Я», сливаешься с «вне-Я» (47%). Распределение ответов мужчин и женщин совпадает по предлагаемым категориям, за исключением двух пунктов: мужчины больше предпочитают вариант, что медитация – это размышление (12,2%), чем вариант, что это чувственное восприятие действительности, созерцание (8,1%). Женщины же, наоборот, больше предпочитают вариант ответа, что медитация – это чувственное восприятие действительности, созерцание (5,3%), а не размышление (4,1%). Распределения частот ответов мужчин более однородные. В дальнейшем было бы интересно провести опрос в других социальных сетях (Facebook, Instagram, Одноклассники) и посмотреть, изменится ли картина распределения ответов.

Литература

Гримак Л. П. Резервы человеческой психики. Введение в психологию активности. М.: Ленанд, 2015.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии. М.: Когито-Центр, 2008.

Шри Раджниш (*Ошо*). Книга о медитации. Основы, техника, практика. М.: ИПЛ, 2015.

Исследование привязанности в системе отношений семьи (на примере триады ребенок–мама–бабушка)

Ю. А. Задорова, Е. В. Куфтяк (*Кострома*)

Актуальность исследования обусловлена достаточно широким привлечением внимания к проблеме привязанности в мировой психологической науке. Концепция привязанности имеет хорошо разработанную методологию и экспериментально-психологический аппарат (Боулби, Эйнсвор, 1991). Привязанность рассматривается как глубокая эмоциональная связь, выступающая результатом общения и тесного взаимодействия диады «ребенок–взрослый». В зарубежных исследованиях обнаружена связь относительно собственного состояния матери и ее ранних отношений со своими близкими взрослыми, которые влияют на особенности ее отношений с ребенком. Тем самым стабильные и безопасные отношения обеспечивают устойчивую организацию эмоциональных и поведенческих паттернов, тогда как риск и опасность вызывают страх, приводят к дезорганизации. В ряде психологических исследованиях указывается на межпоколенную трансляцию типов привязанности из поколения в поколение, т. е. от матерей к ребенку (Hautamäki, Hautamäki et al., 2010; Куфтяк, 2015).

Цель исследования: изучение взаимосвязи качества привязанности близких взрослых (матери, бабушки) и отношений привязанности ребенка к матери. Исследование проходило с участием детей старшего дошкольного возраста, посещающих дошкольное образовательное учреждение г. Костромы. В исследовании приняли участие 30 триад ребенок–мама–бабушка.

Следуя вышеизложенной логике, мы предположили, что качество привязанности ребенка к матери строится в соответствии с «рабо-

чими моделями привязанности» матери и бабушки, существующими в контексте наследуемых внутрисемейных циклов безопасной/небезопасной привязанности.

Нами были использованы следующие методики: оценка привязанности ребенка к матери проводилась с использованием «Опросника оценки типов привязанности к матери» (Пупырева, Бурменская, 2007). При исследовании матерей и бабушек использовались следующие методики: «Самооценка генерализованного типа привязанности» (RQ; K. Bartholomew, L. Horowitz, 1998; адаптация Т. В. Казанцевой, 2011), изучающая типы генерализованной привязанности; опросник «Опыт близких отношений» (ECR-R; R. C. Fraley, N. G. Waller, K. A. Brennan, 2000; адаптация Т. В. Казанцевой, 2008), направленный на изучение тревожности и избегания в близких отношениях. Для статистической обработки данных применялась программа Statistica 6.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что большинство обследованных дошкольников составили дети с надежным типом привязанности (67%). У данной группы детей отмечается близкая эмоциональная связь с матерью, они стремятся к контакту с ней, именно она является для них мощным источником поддержки в любой ситуации.

У более трети детей (33%) выявлен ненадежный тип привязанности: тревожно-амбивалентный или избегающий. Дети с тревожно-амбивалентным типом зачастую в отношениях с матерью проявляют тревогу: в определенной ситуации могут расстраиваться, если мамы не оказалось рядом. Для детей с избегающим типом характерна эмоциональная холодность в отношениях с матерью, они не стремятся к тому, чтобы она была рядом с ними. Внешне для них характерны большая автономность и независимость в отношениях.

Статистические различия по показателям привязанности ребенка к матери позволяют говорить о том, что между детьми с ненадежным типом привязанности и детьми, надежно привязанными, разница состоит в эмоциональной близости с матерью ($p<0,000$). Так, ненадежно привязанные не имеют доверительных и теплых отношений с матерью, они не стремятся к близкому контакту с ней. Было установлено, что дети с ненадежным типом привязанности испытывают определенные затруднения в социальном контексте ($p<0,005$): ребенок отвергает помощь или присутствие матери, ее присутствие не вселяет в него уверенность, он не любит обращаться за помощью

к своей матери, часто рассчитывает на собственные силы. Дети с надежной привязанностью воспринимают мать как источник помощи и поддержки ($p<0,000$), предпочитая обратиться к ней за помощью. Дети с надежным типом привязанности давали более высокую оценку эмоциональной чуткости их собственных матерей, чем ненадежно привязанные ($p<0,000$): дети оценивают своих матерей, говоря о том, что их мама всегда найдет время, чтобы пообщаться с ними, уделить им внимание, поинтересоваться их делами и переживаниями.

Проводя последующий анализ распределения привязанности у матерей и бабушек с учетом выявленных групп детей с надежной и ненадежной привязанностью, отметим следующее. У большинства матерей выявился надежный (тип А), который встречается и у бабушек (т. е. их собственных матерей). Данный тип выступает доминирующим в группе бабушек и матерей детей с надежным типом привязанности. При надежном типе привязанности взрослые принимают взаимозависимость и осознают при этом свою самодостаточность.

Второй тип, который выявлен у исследуемых матерей и бабушек: отстраненно-избегающий (тип С). При данном типе взрослый чувствует себя комфортно без близких отношений, ему важно ощущать свою независимость. Следует отметить тот факт, что в группе бабушек детей с ненадежным типом привязанности данный тип С – преобладающий (60%).

Определенный процент в группах детей с надежным и ненадежным типами привязанности составили матери, у которых выявлен тревожно-противоречивый тип (тип В), проявляющийся в стремлении к близости параллельно со страхом быть покинутыми.

В ходе обработки данных были выявлены различия между показателями привязанности матерей и бабушек в группах детей с надежным и ненадежным типами привязанности.

Выявлено, что матери детей с надежным типом привязанности больше ориентированы на межличностную зависимость и проявление эмпатии в отношениях с близкими ($p<0,03$), что указывает на отсутствие у них дискомфорта, переживаемого в отношениях с другими людьми (низкие значения показателя), в отличие от матерей детей с ненадежным типом, которым свойственны эмоциональная сдержанность и независимость, что согласуется с представлениями об избегании близости в отношениях.

Обнаружена разница показателей тревожности и избегания в близких отношениях в группе матерей и бабушек надежно привязанных детей ($p<0,03$). Матери больше ориентированы на проявление сочувствия и зависимости в отношениях с близким, что указы-

вает на отсутствие у них дискомфорта, переживаемого в отношениях с другими людьми, в отличие от бабушек (их собственных матерей), которым свойственны эмоциональная холодность и независимость, что согласуется с сохранением определенной дистанции и близости во взаимоотношениях.

Установлены различия на уровне тенденции между матерями и бабушками детей с ненадежным типом привязанности, указывающие на то, что для матерей более характерен тревожно-противоречивый тип (тип В), проявляющийся в стремлении к близости в отношениях с близким человеком, при этом испытывая определенный страх одиночества ($p<0,08$), в отличие от бабушек (их собственных матерей), которые не испытывают излишней потребности в близости.

Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что в течение жизни показатели тревожности и избегания в отношениях привязанности могут трансформироваться в направлении надежности или ненадежности под влиянием определенного опыта, полученного в отношениях со значимыми лицами.

Выводы

Большинство выборки обследованных дошкольников составили дети с надежной привязанностью к матери, чуть более трети детей имели ненадежный тип привязанности. Надежно привязанные дети эмоционально близки к матери и воспринимают ее как источник поддержки и помощи, мать эмоционально чутка к ребенку.

Наиболее встречаемый тип привязанности у большинства матерей и бабушек (т. е. их собственных матерей) – тип А. Данный тип выступает приоритетным в группе бабушек и матерей детей с надежным типом привязанности. Вторым по частоте встречаемости является отстраненно-избегающий (тип С), преобладающий в группе бабушек детей с ненадежным типом привязанности.

С практической точки зрения, использование результатов уместно в семейном консультировании и для разработки психопрофилактических и психокоррекционных программ.

Литература

Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.

Задорова Ю. А. Влияние привязанности близких взрослых на привязанность ребенка к матери // Актуальные вопросы медицинской науки: сборник тезисов научных трудов студентов и молодых ученых Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ярославль: Дом ЯГТУ, 2015. С. 178–179

Куфтяк Е. В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1 (86). С. 78–83.
Пупырева Е. В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
Hautamäki A., Hautamäki L., Neuvonen L. Transmission of attachment across three generations: continuity and reversal // Clinical Child Psychology and Psychiatry. 2010. V. 5. № 3. P. 347–354.

Проблема реального субъекта: моральное функционирование в ситуации принятия групповых моральных решений

В. А. Заикин (*Москва*)

Одной из основных проблем практического приложения когнитивного и эволюционного подходов к исследованию морального функционирования групп является их абсолютная центрированность на индивидуальном, причем изолированном субъекте. Для любой науки о человеке такая выхолощенная позиция недопустима и может критически сказаться на эмпирических фактах, получаемых на ее основе (Андреева, 2005). Но какими бы острыми ни были критические замечания в адрес когнитивного подхода, следует помнить, что именно в его рамках была разработана самая распространенная и валидная методика оценки уровня развития индивидуального морального сознания – тест моральных дилемм Л. Колберга (Lapsley, 1996).

В своей работе Дж. Хайдт намечает основные предпосылки для переоценки модели субъекта, указывая на противоречия между когнитивным подходом и исследованиями социальных эффектов и группового влияния, которые предпринимались в рамках социальной психологии (Haidt, 2007). Однако Дж. Хайдт не делает значимых выводов по данному вопросу, и нам представляется важным обобщить эти данные с целью их эмпирической проверки.

Одну из попыток определить, с каким же субъектом мы имеем дело в социальных науках, предложил отечественный экономист А. Аузан. С его точки зрения, человек обладает множеством черт и особенностей, не позволяющих ему соответствовать тем требованиям, которые предъявляют к нему общество и экономические за-

коны нормативного поведения (Аузан, 2011). Рассмотрим значимые для нашего исследования черты реального субъекта.

Первой чертой субъекта, является его ограниченная рациональность. В когнитивном подходе к морали субъект, напротив, представляется абсолютно рациональным. Так, исследователи данного направления считают, что если человек, находящийся на более низкой стадии морального развития, выслушает все доводы и рациональные аргументы, он переосмыслит основания своих моральных суждений, и его уровень морального развития повысится. Заметим, что данное утверждение может быть критически переосмыслено с позиций психологии социального познания. Из основных положений данной области социальной психологии хорошо известно, что человек не может быть абсолютно рациональным. Наибольшую погрешность в процесс социального познания вносит влияние социального контекста и группы (Андреева, 2005).

Второй чертой реального субъекта является склонность к оппортунизму. В когнитивном подходе утверждается, что человек не может регрессировать от более высокой стадии морального сознания к более низкой. Однако в социальной психологии существуют примеры, когда групповое решение оказывало значимое влияние на характер индивидуального решения и при этом как повышало его качество, так и наоборот, снижало его (Зимбардо, 2011). Однако, как правило, изучение этих фактов не затрагивало моральных решений группы, а также их влияния на индивидуальный уровень морального функционирования субъекта.

Третьей чертой является пассивность реального субъекта. В когнитивном подходе к моральному функционированию утверждается, что человек направлен на поиск новой информации с целью повышения уровня своего морального сознания и формулировку всеобщих принципов нравственности. Однако в психологии социального познания существует противоположенный этому тезис. Г. М. Андреева приводит обобщенный анализ метаисследования К. Гергена на эту тему. Он проанализировал основные стратегии познавательной активности субъектов, описанные в литературе, и провел ряд собственных исследований, в результате чего делает вывод о том, что люди вообще не склонны к поиску новых данных, а скорее стремятся к подтверждению своих исходных убеждений. Особенно выделяется тип «когнитивный скряга», который вообще не склонен к познавательной активности после того, как его представления достигли когнитивного баланса (Андреева, 2005).

Выдвинутые выше характеристики субъекта не претендуют на опровержение существующих взглядов или концепций в психологии морали. Но мы считаем, что они свидетельствуют о возможности альтернативных подходов к моделированию и интерпретации реального поведения субъекта, тем более, что собственно групповое решение моральных дилемм слишком редко становилось предметом социально-психологических исследований. В целом, данные характеристики субъекта не являются принципиальным нововведением для социальной психологии, они имплицитно представлены во многих социально-психологических концепциях, и наша цель – это акцентировать на них внимание, как на возможных интерпретациях и объяснительных механизмах поведения человека.

Проблема исследования: В современной психологии морали одной их центральных является проблема субъекта морального решения. Еще не более полувека назад бесспорной казалась точка зрения, согласно которой субъект, личность совершает моральный выбор на основе своего индивидуального морального сознания. Но теории и прикладные исследования в области психологии морали сегодня показывают, что это положение не столь однозначно и может быть пересмотрено в свете новых взглядов. Особенно очевидным все более становится дефицит знаний о том, как функционирует группа, становясь субъектом морального решения, какие групповые процессы и психологические феномены стоят за этим.

Цель исследования: изучить феноменологию процесса принятия группового морального решения, поведение индивидуальных субъектов в контексте группы.

Объект исследования: моральное сознание, моральные суждения и решения.

Предмет исследования: процесс принятия группового морального решения.

Выборку основной части исследования составили 86 чел., которые были разделены на шесть групп. В первой части исследования мы выявили социометрическую структуру трех групп; затем для контроля достоверности полученных данных мы подобрали еще три группы, сходные по численности и социометрической структуре. Для наглядности распределения приведем таблицу формальных характеристик групп основной части исследования.

Таким образом, в выборке основной части исследования было 35% мужчин и 65% женщин, возраст респондентов находился в диапазоне от 18 до 24 лет, средний возраст респондентов составил 21,9 года. Как мы видим, выборка в достаточной степени уравнена

по полу, средний возраст респондентов соответствует цели исследования и методикам сбора эмпирических данных. Экспериментальные и контрольные группы также уравнены между собой по возрасту, полу и количеству респондентов.

Гипотеза исследования: поведение субъекта в рамках групповой дискуссии более согласуется с реальной моделью субъекта, чем с моделью, предложенной в рамках когнитивного подхода.

Результаты процесса принятия группового морального решения были крайне интересны и неоднозначны. В группах 1, 2, 5 и 6 было достигнуто единое групповое моральное решение соответствующее третьему уровню развития морального сознания, что можно оценить по структурным элементам решения: Хайнц должен украсть лекарство, *только если любит* свою жену, и *не должен понести наказание* за этот поступок. Группы 3 и 4 не смогли принять единое групповое моральное решение, поскольку активные участники группы отстаивали решение соответствующие второму уровню развития морального сознания: *Хаинц не должен красть лекарство, поскольку это ему навредит, и каждый должен заботиться о своем благополучии, не нарушая закон.*

Ограниченная рациональность проявлялась в том, что участники более низких уровней не могли в полной мере ориентироваться в аргументах и позициях участников более высокого уровня. В целом их познавательная активность была направлена на сохранение баланса, а не на поиск новой информации. В совокупности с феноменом моральной регрессии данная характеристика подтверждает, что моральное сознание не является исключительно когнитивной структурой.

Характеристика склонности к оппортунизму проявила себя в том, что участники более высокого уровня с удивительной легкостью отказывались от своих аргументов при принятии группового решения. Причины этого могли быть различны: одним было важно сохранить отношения в группе, другим повысить свой статус. Но подобное положение вещей явно противоречит когнитивным теориям морали и позволяет с уверенностью сказать, что ситуация может быть значимым фактором, влияющим на уровень развития морального сознания и его проявления.

Характеристика пассивности проявилась в том, что участники дискуссии были не склонны искать дополнительные причины и основания своей позиции. Их удовлетворял более доступный, а не более верный тип аргументации. Несмотря на то, что дискуссии протекали достаточно оживленно, участники очень редко выделяли в аргументах позицию оппонента, критически оценивали ее и воз-

вращали суждения более высокого уровня, тем самым повышая когнитивную сложность суждений.

Таким образом, основой интерпретации поведения и суждений субъекта в ситуации принятия группового морального решения могут быть такие характеристики, как ограниченная рациональность, склонность к оппортунизму и пассивность. Данные характеристики проявляют себя только на групповом уровне взаимодействия субъекта и позволяют более точно описывать групповые процессы и моделировать поведение людей на групповом уровне принятия моральных решений.

Безусловно, что предложенные нами интерпретации могут быть специфичными для нашей выборки и дизайна исследования, но этот и многие другие вопросы должны найти свое продолжение в нашей исследовательской работе в дальнейшем.

Литература

Андреева Г. М. Психология социального познания. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2005.

Аузан А. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория. М.: Инфра-М, 2011.

Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2011.

Haidt J. The New Synthesis in Moral Psychology. Science 18 May 2007. V. 316. № 5827. P. 998–1002.

Lapsley D. K. Moral psychology. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

Способы совладающего поведения у подростков с хронической соматической патологией

А. Э. Зайцева (*Томск*)

Современные медицинские технологии позволяют увеличивать продолжительность жизни людей с хроническими соматическими заболеваниями (в том числе с витальной угрозой). При этом отмечается, что многие хронические заболевания, такие как сахарный диабет, вегетососудистая дистония и заболевания желудочно-кишечного тракта в современном обществе «молодеют». Раннее начало заболевания неизбежно оказывает влияние на развитие ребенка, формирование его личностных качеств и образа жизни.

Целью данного исследования является выявление особенностей совладающего поведения у подростков с различными хроничес-

кими заболеваниями. Гипотеза, положенная в основание исследования: хроническое соматическое заболевание оказывает влияние на личность ребенка, в частности на способы его совладающего поведения. При этом у подростков с различными заболеваниями обнаруживаются различные способы совладающего поведения, оказывая влияние на их качество жизни.

Теоретико-методологическое основание составляет концепция А. А. Новик, рассматривающая качество жизни ребенка в условиях болезни как интегративную характеристику жизнедеятельности ребенка, включающую в себя физическое, психологическое и социальное функционирование ребенка, учитывающее специфику субъективного восприятия. Обобщение данных осуществляется на основании биопсихосоциального подхода к рассмотрению феноменов болезни, здоровья и онтогенеза (Новик, Ионова, 2007).

Эмпирический доступ к феномену «качество жизни» в данном исследовании обеспечен методикой SF-36 (адаптированный вариант для подростков). Контроль над переменной, измеряющей уровень тревожности, обеспечивает опросник «Способы совладающего поведения», разработанный Р. Лазарусом и С. Фолкманом (1988), адаптированный Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой (2004), дополнительно стандартизированный в НИПНИ им. Бехетерева Л. И. Вассерманом, Б. В. Иовлевым, Е. Р. Исаевой, Е. А. Трифоновой, О. Ю. Щелковой, М. Ю. Новожиловой, который позволяет выявить ведущий способ преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности подростка (Вассерман и др., 2001).

Всего в исследовании приняло участие 100 подростков, каждый их которых имел клинически подтвержденный диагноз хронического соматического заболевания, а также находился на стационарном лечении детского многопрофильного медицинского учреждения города Томска. Возраст респондентов варьировал в диапазоне от 13 до 17 лет. Группы сравнения составили подростки с сахарным диабетом, вегетососудистой дистонией и с заболеваниями желудочно-кишечного тракта.

Статистическая валидизация данных обеспечена логикой корреляционнго и однофакторного дисперсионного анализа на платформе SPSS.

Значимые взаимосвязи копинг-стратегий обнаружены у всех групп сравнения: обнаружены обратные корреляционные связи между уровнем ролевого функционирования и частотой применения копинг стратегии по типу «бегство–избегание» ($r=-0{,}218$, $p=0{,}039$), между уровнем интенсивности боли, связанной с качеством жиз-

ни, и частотой выбора копинг-стратегии по типу «поиск социальной поддержки» (r=–0,249, p=0,018), и «принятие ответственности» (r=–0,222, p=0,035), между уровнем социального функционирования и частотой выбора копинг-стратегии по типу «принятие ответственности» (r=–0,238, p=0,024), между уровнем психологического функционирования, а также частотой выбор копинг-стратегии по типу «принятие ответственности» (r=–0,255, p=0,015) и «бегство–избегание» (r=–0,330, p=0,001). Прямые корреляционные связи обнаружены между уровнем общего здоровья и частотой выбора копинг-стратегий по типу «десантирование» (r=0,209, p=0,048), между уровнем социального функционирования и частотой выбора копинг-стратегий по типу «поиск социальной поддержки» (r=0,256, p=0,015).

Значимые достоверные различия обнаружены в выборе копинг-стратегий детьми с заболеваниями различных нозологических форм. Копинг-стратегия принятие ответственности (F=3,252, p=0,031) достоверно чаще применяется детьми с вегетососудистой дистонией. Реже ее используют дети с сахарным диабетом, и наиболее редко дети с заболеваниями желудочно-кишечного тракта. Данный тип преодоления трудных ситуаций заключается в чрезмерном принятие ответственности, самообвинении, самокритике. Так, возможно, такая болезнь, как вегетососудистая дистония возникает у подростков, использующих данный тип тактики в трудных жизненных ситуациях. Здесь высоко вероятно появление психосоматических расстройств.

Конфронтационный копинг, на уровне статистической тенденции, чаще используют дети с заболеваниями желудочно-кишечного тракта, реже с вегетососудистой дистонией и сахарным диабетом (F=3,358, p=0,08). Достаточно логично, что дети, использующие данный тип копинг-стратегии имеют низкий уровень приверженности лечению. Данный тип совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях характеризуется непоследовательностью в действиях против негативных влияний. Так, ребенок не пытается научиться жизнь с болезнью, а лишь противопоставляет себя болезни.

Копинг-стратегия, направленная на планирование решение проблемы, на уровне статистической тенденции чаще используется подростками с сахарным диабетом, чем подростками с другими нозологическими формами заболеваний (F=2,621, p=0,06). Сам диагноз – сахарный диабет, ориентирует ребенка и его родителей на конкретный стиль жизни, которые подразумевает высокий уровень самоконтроля ребенка за состоянием своего организма. Закономерен и тот факт, что, научившись с раннего возраста контро-

лировать свое соматическое состояние, контролировать болезнь, ребенок и в других ситуациях использует адаптивные способы саморегуляции.

Обнаружены статистически значимые прямые корреляционные взаимосвязи всех групп сравнения между возрастом дебюта заболевания и частотой выбора копинг-стратегий по типу «конфронтационный копинг» (F=0,263, p=0,012) и «планирование решение проблемы» (F=0,182, p=0,047). На уровне статистической тенденции обнаружена прямая корреляционная связь между возрастом дебюта заболевания и частотой выбора копинг-стратегии «принятие ответственности» (r=0,201, p=0,08). Чем старше ребенок на момент возникновения и постановки диагноза, тем он в более высокой степени способен использовать копинги функционального характера.

Дети, не соблюдающие диету, достоверно реже используют копинг-стратегию положительная переоценка (F=2,625, p=0,049). Дети, соблюдающие приверженность лечению, достаточно часто в трудных жизненных ситуациях (таких как болезнь) направлены на поиск позитивных сторон. Анализируя результаты, описанные ранее, мы видим, что дети с сахарным диабетом, наиболее серьезным из представленных заболеваний, которое является угрожающим для их жизни, характеризуется более высоким показателями жизнеспособности. Так, показатель жизнеспособности у подростков с сахарным диабетом на значимом уровне достоверности (p=0,045) вероятно обусловливается стратегией преодоления трудных жизненных ситуация «положительная переоценка». Обнаружено, что чем ниже уровень психологического функционирования, связанного с качеством жизни, у подростков с сахарным диабетом, тем выше частота выбор копинг стратегии «бегство–избегание» (p=0,005).

Внутри группы подростков с вегетососудистой дистонией обнаружена статистически достоверная обратная корреляция между возрастом дебюта заболевания и частотой выбора копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» (F=2,635, p=0,04). Так, дети, чье заболевание дебютировало в более раннем возрасте, достоверно чаще ориентируются на помощь близкого социального окружения в трудной ситуации. В группе заболеваний желудочно-кишечного тракта подростки, не соблюдающие диету, достоверно реже используют копинг-стратегию положительная переоценка (F=2,864, p=0,0656), а также чаще, на уровне статистической тенденции, используют конфронтационный копинг (F=2,773, p=0,062) и копинг по типу «планирование решение проблемы» (F=2,500, p=0,082).

Литература

Новик А. А., Ионова Т. И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. 2-е изд. / Под ред. акад. РАМН Ю. Л. Шевченко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Гигиеническая оценка и нормативные величины показателей качества жизни подростков, обучающихся в разных типах образовательных учреждений, по данным опросника MOSSF-36: Методические рекомендации. 2012.

Вассерман Л. И., Горьковая И. А., Ромицына Е. Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение: Метод. пособие. СПб.: ФАРМиндекс, 2001.

Влияние медитации на динамику оценочных характеристик ментальных репрезентаций

Р. Р. Зиннатуллина (*Казань*)

На сегодняшний день все больший интерес в научной психологии вызывают исследования, связанные со спецификой структуры и содержанием сознания человека, и, в частности, его ментальной репрезентации. Рассматриваемая проблема относится к разряду мультидисциплинарных, о чем свидетельствует интерес к ней со стороны ученые разных областей психологии: психолингвистики, социальной психологии, психофизиологии и когнитивной психологии. Несмотря на высокий интерес к заявленной проблеме, на данный момент не существует единства в трактовке понятия «ментальная репрезентация». Согласно исследователям феномена ментальной репрезентации А. В. Брушлинскому и Е. А. Сергиенко, «модель ментальной репрезентации является в сущности вариантом разработки проблемы психического отражения, включающей проблему субъективного образа, но делает упор на познавательном аспекте или когнитивной функции психического».

Ментальная репрезентация дана человеку для познания окружающего его мира, благодаря психическому отражению он способен перерабатывать информацию, которую он получает извне, на основе чего формируются индивидуальные когнитивные образы представлений о самом себе и мире, в зависимости от внутреннего наполнения психическим содержанием и прошлого опыта, который находится за плечами каждой личности. Таким образом, ментальная репрезентация представляет собой выстраивание некого конструк-

тора образов по восприятию модели внешнего мира за счет внутреннего психического облика личности, основанного на прошлом индивидуальном опыте самого субъекта.

Цель исследования: выявить влияния медитации на оценочный уровень ментальных репрезентаций студентов.

Гипотеза исследования: изменение оценочного уровня ментальных репрезентаций психических состояний зависит от воздействия медитативных техник.

Методика исследования: для проведения исследования использовалась методика семантического дифференциала (в нашей модификации); для обработки полученных данных использовались методы математической статистики (t-критерий Стьюдента для независимых выборок, методы описательной статистики (вычисление среднего), корреляционный анализ (методом r Пирсона). Для обработки данных применялся стандартный пакет математического анализа SPSS 16.0.

Изучение ментальных репрезентаций состояний имеет особую значимость, так как психического состояние является наиболее индивидуальным и субъективным феноменом психики, и выявление универсальных и специфичных компонентов в представлениях о них может продемонстрировать важные закономерности в формировании структуры представлений о мире в целом и о себе (Алексеева, 2011). Вопрос о ментальных репрезентациях связан с изучением того, как человек познает самого себя и других, как накапливает эти знания о внешнем предметном и социальном мире, как эти знания представлены в сознании. В отечественной психологии ментальные репрезентации изучаются как результат отображения внешнего в виде системы сложившихся представлений, входящих в индивидуальный опыт субъекта.

С целью диагностики оценочных характеристик ментальных репрезентаций состояний радости, печали, гнева и заинтересованности была сформирована выборка из 105 испытуемых в возрасте 19–22 лет, все – студенты Казанского федерального университета разных специальностей. С целью выявления влияния медитации на оценочный уровень ментальных репрезентаций состояний гнева, радости, спокойствия и утомления была сформирована выборка из 22 чел. Исследования проводились в ходе лекционного и семинарского занятия. Для проведения исследования использовалась методика семантического дифференциала (в модификации А. В. Чернова и Р. Р. Зиннатуллиной). Оценка психических состояний проводилась по 41 биполярным шкалам, полюса которых заданы с помощью

вербальных антонимов, описывающих противоположные качества объектов.

В результате проведенного исследования были установлены инвариантные составляющие ментальных репрезентаций различных психических состояний. К примеру, в качестве ядерных образований состояния «радости» можно выделить такие характеристики, как: легкий, радостный, активный, добрый, жизнерадостный, любимый, теплый, бодрый – представлено в сознании абсолютно всех; простой, расслабленный, творческий, ожидаемый, громкий, здоровый, общительный, уверенный – наблюдается у подавляющего большинства респондентов, оценивавших данное состояние.

Состояние «печаль» характеризуется такими составляющими, как: печальный, унылый. Сравнивая данные состояния, мы видим, что состояние «печаль» имеет больше вариативных характеристик, чем состояние «радость». Это объясняется тем, что «печаль» описывается различными респондентами по-разному, а значит, и представлено в сознании большим набором элементов.

По результатам, состояние «гнева» обладает следующими ядерными (напряженный) и оклоядерными (плохой, маленький, темный, противный, злой, волнующий, бодрый) образованиями, а на периферии можно встретить описания: пассивный, длительный, хаотичный, уверенный, частый. Данные показатели свойственны большинству опрошенных, остальные характеристики являются вариативными и представлены в околоядерных образованиях или на периферии.

Рассмотрим познавательное состояние заинтересованности. Для рассматриваемого состояния ядерными образованиями являются такие характеристики, как: светлый, приятный; на околоядерном уровне можно отметить следующие составляющие: легкий, радостный, маленький, активный, осознаваемый, жизнерадостный, умный, восприимчивый, теплый, уравновешенный, адекватный, а на периферии представлены следующие описания – произвольный, мягкий, любимый, изменчивый.

После корреляционного анализа (коэффициент r Пирсона) мы выделили ведущие характеристики, которые будут доминировать при возникновении и переживании данных состояний.

В результате исследования влияния медитации на динамику оценочных характеристик психических состояний, в состоянии радости мы обнаружили следующие инвариантные составляющие – непроизвольный, ожидаемый, умный; вариативным составляющим для состояния радости является характеристика – румяный.

Для состояния гнева: вариативные – тяжелый, сильный, неосознаваемый, напряженный, ненавистный, зажатый, неуравновешенный.

Для состояния спокойствия: инвариантные – точный; вариативные – хороший, практичный, унылый, сонливый.

Для состояния утомления: инвариантные – темный, отвлекаемый, неадекватный; вариативные – практичный, замкнутый, неуверенный, частый, сонливый.

После сравнения средних оценочных характеристик состояний радости, гнева, спокойствия и утомления до и после медитации (по Т-критерию Стьюдента) мы можем выделить те характеристики, которые усилились/ослабли после медитации.

Характеристики, которые усилились после медитации в состоянии «радости», – напряженный, практичный, твердый. Характеристики, которые ослабли, – раскованный, румяный. На основе этих данных, мы можем предположить, что с помощью медитации человек может регулировать такие характеристики, как раскованный, румяный. После медитации индивид состояние радости оценивает немного по-другому, оно становится напряженным, практичным, твердым.

При описании состояния «гнева» после медитации мы видим, что оно стало легким, осознанным, расслабленным, уравновешенным, здоровым. Единственная характеристика, которая усилилась после медитации – успокаивающий. На основе таких результатов, мы можем предположить, что состояние гнева становится более регулируемым.

При описании состояния «спокойствия» после медитации мы видим, что респонденты описывают данное состояние не таким унылым, печальным, хорошим, как до медитации. Испытуемый считают, что состояние спокойствия стало более практичным, управляемым и светлым.

При описании состояния «утомления» после медитации мы видим, что данное состояние в представлении у респондентов является не таким пассивным, медленным, невосприимчивым, замкнутым, сонливым, частым, как до медитации. Состояние «утомления» становится более управляемым и практичным.

На основе предложенных результатов, мы можем сказать, что данные состояния регулируются с помощью медитации. После сравнения средних оценочных характеристик состояний радости, гнева, спокойствия и утомления до и после медитации (по Т-критерию Стьюдента) мы выделили те характеристики, которые усилились/ослабли после медитации.

Литература

Алексеева Е. М. Оценочный уровень ментальной репрезентации психических состояний // Материалы II Всероссийской научной конференции «Психология сознания: современное состояние и перспективы». Самара: ПГСГА, 2011. С. 340–342.

Субъективный опыт и ценность жизни Другого: исследование моральных суждений людей разных национальностей*

И. И. Знаменская (*Москва*)

Моральные дилеммы, в которых для спасения жизни пяти человек требуется пожертвовать жизнью одного (см.: Arutyunova et al., 2016), позволяют проверять множество гипотез о моральном сознании, моральном развитии, моральных суждениях людей, а также проводить эксперименты с разным дизайном (интервью, онлайн-опрос, письменные нарративные техники). Классическая дилемма вагонетки (trolley dilemma) подразумевает выбор: совершить действие и спасти пятерых людей, при этом погубив одного другого человека, либо бездействовать, позволив пятерым людям умереть, но при этом выживет один другой человек.

В классическом варианте люди обезличены: не сказано ни о поле, ни о возрасте, ни о каких-либо других особенностях людей. Подразумевается, что эти люди для респондента – абстрактные незнакомцы. С утилитарной точки зрения пять жизней однозначно больше, чем одна, т. е. для максимизации пользы стоит спасти пятерых несмотря на жертвование жизнью одного. Однако даже в ситуации обезличенности героев дилеммы респонденты не оценивают такой поступок как строго обязательный, но могут посчитать, что он недопустим (Arutyunova et al., 2016), особенно если смерть одного человека сопряжена с намеренным причинением ему вреда.

Если же ввести дополнительную информацию (Cikara et al., 2010), то люди начинают по-разному воспринимать ценность жизни героев дилеммы. Социальная категоризация заставляет выше оценивать жизни «своих», нежели членов аутгрупп. Авторы выделяют два ортогональных фактора оценивания: миловидность, теплота (warmth)

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00229, Институт психологии РАН).

и способности (competence). Например, дети и пожилые люди высоко оцениваются по первому фактору, и это компенсирует низкие значения по второму («хоть они и не могут работать и приносить пользу обществу, они милые»). Агрессивный или некрасивый человек (низкие значения по шкале теплоты) может оцениваться высоко, если он специалист высокого уровня («ну и что, что он хам, зато какой хороший бухгалтер/адвокат/тренер»). А бездомные, к примеру, имеют низкие значения по обеим шкалам, и получается, что высока допустимость жертвования жизнями пяти бездомных, чтобы спасти одного физика/ребенка/врача. Авторы описывают нейробиологические механизмы принятия решения при оценке жизней людей разных социальных категорий и связывают их с поведенческими проявлениями при решении дилемм: люди могут открыто выражать предубеждения и стереотипы относительно «чуждых» групп.

R. Kurzban с соавт. предполагают, что на моральные суждения человека могут влиять как «социобиологические» установки, изложенные в теории Гамильтона, так и этические установки, описанные И. Кантом (Kurzban et al., 2012). Если исходить из теории родственного отбора Уильяма Гамильтона, то респондент в ситуации противопоставления «жизнь пяти незнакомцев или жизнь родственника» должен однозначно выбирать родственника, так как это обеспечит распространение генов респондента (если родственник выживет и размножится, он передаст в том числе общие с респондентом гены своим потомкам). Либо если все герои – родственники, идти по пути «наибольшей выгоды», т. е. спасти пятерых (5>1). Кантианская мораль, напротив, не допускает преднамеренного убийства ни при каких обстоятельствах. Преимущественно оцениваются средства для достижения цели, а не результаты или цели сами по себе. Авторы подчеркивают, что при принятии интуитивного морального решения люди опираются именно на такие негласные правила («нельзя убивать»), невзирая на выгоды и утилитарные соображения.

Эмпирическая проверка показала, что и Кант, и Гамильтон были правы, но в разных обстоятельствах. Люди достоверно чаще выбирали решение пожертвовать жизнью одного, чтобы спасти пятерых, в ситуации с друзьями или братьями, чем в ситуации с незнакомцами.

Ранее в наших исследованиях было показано, что в состоянии стресса люди более, чем в обычном состоянии, склонны поддерживать «своих», даже если они неправы (Знаменская и др., 2016). Все вышесказанное определило *цель* будущего исследования: выявить динамику ценность жизни «своих» и «чужих» (представителей этнических групп разной степени близости) при стрессе.

Респондентами выступят представители двух этносов: русские и татары, живущие на одной территории и свободно владеющие русским языком. Поскольку в качестве стрессогенного контекста был выбран экзамен, это будут студенты 2–4 курса университета.

Отношение к «чужим» будет исследоваться с помощью набора моральных дилемм, в каждой из которых респондент должен будет оценить по 7-балльной шкале допустимость спасения жизни пятерых людей ценой смерти одного человека, а также привести обоснование своего ответа. При этом о пятерых людях не будет никакой информации, они будут обезличены, а один, который им противопоставляется, будет назван по имени (подобную схему также использовали Cikara et al., 2010). Всего планируется использовать 8 дилемм, по две на а) «своего» (для русских – русское имя, для татар – татарское), б) «чужого», с которым есть повседневный опыт общения (для русских – татарское имя, для татар – русское); в) «чужого», образ которого транслируется ежедневно в СМИ и хорошо известен, но повседневного общения нет (американское имя); г) «чужого», с которым нет повседневного общения и нет «типичного» образа, транслируемого в массовой культуре ежедневно (испанское имя). Таким образом будет исследоваться ценность жизни одного человека, этническую принадлежность которого можно понять из имени, в противовес ценности жизни пятерых людей, о которых ничего неизвестно (обезличенных). Дополнительно будет проведен контент-анализ вербального обоснования ответов для изучения моральных суждений относительно дилемм.

Для проверки гипотезы о связи состояния стресса и отношения к «чужим» этническим группам с каждым участником будет проведено 2 серии эксперимента (интраиндивидуальный план): во время семестра (контроль) и непосредственно перед сдачей экзамена (стресс). Серии будут контрбалансированы: для половины респондентов первой будет контрольная серия, для другой половины – экспериментальная. Для контроля наличия стресса в процессе эксперимента с помощью телеметрической системы (см. описание метода в: Знаменская и др., 2016) у участников будет регистрироваться сердечный ритм.

Эксперимент будет проводиться с помощью компьютерной программы для предъявления моральных дилемм. Будет регистрироваться время ответа на дилемму и время обоснования ответа. В общей сложности одна сессия длится 15–20 мин.

План эксперимента включает в себя контроль побочных переменных разного уровня (подбор релевантных методик, слепой ме-

тод оценки наличия стресса, проверка согласованности экспертных оценок, строгое соблюдение процедуры, регламентирование взаимодействия экспериментатора и участников, добровольное информированное согласие участников на эксперимент и др.). Комплексный анализ данных, полученных с помощью количественных и качественных методов, позволит получить валидные результаты.

Литература

Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Александров Ю. И. Отношение к «чужим» в состоянии стресса: системная дедифференциация // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 44–58.

Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I., Hauser M. D. Sociocultural influences on moral judgments: East–West, male–female, and young–old // Frontiers in psychology. 2016. V. 7. P. 1334

Cikara M., Farnsworth R. A., Harris L. T., Fiske S. T. On the wrong side of the trolley track: Neural correlates of relative social valuation // Social cognitive and affective neuroscience. 2010. V. 5. № 4. P. 404–413.

Kurzban R., DeScioli P., Fein D. Hamilton vs Kant: Pitting adaptations for altruism against adaptations for moral judgment // Evolution and Human Behavior. 2012. V. 33. № 4. P. 323–333.

Взаимосвязь профиля латеральной организации и особенностей произвольной саморегуляции в юношеском возрасте

К. В. Зубкова (*Курск*)

Согласно точке зрения В. И. Моросановой, О. А. Конопкина и А. К. Осницкого, саморегуляция включает в себя процессы инициации и выдвижения субъектом целей активности, а также управление достижением этих целей.

Построение общей модели саморегуляции было осуществлено в ходе исследований двигательной активности Н. А. Бернштейна, П. К. Анохина. Теория функциональных систем (1935) послужила основой для разработки концепции осознанной саморегуляции деятельности. Саморегуляция, согласно О. А. Конопкину, внутренняя, целенаправленная активность субъекта по инициации, построению и поддержанию деятельности, направленная на достижение цели (Конопкин, 2004). Структура саморегуляции: цель, модель условий, программа исполнительских действий, система критериев

успешности деятельности, контроль и оценка результатов, коррекция (Осницкий, 1996).

Следует рассмотреть ценность процессов саморегуляции в юношеском возрасте. Когда мы говорим о системе саморегуляции у юношей, то подразумеваем зрелость представлений о своих возможностях при решении задач, постановке целей, связанных с саморегуляцией, а также сформированную систему умений и навыков этих представлений. Саморегуляция является базовым процессом и формируется на личностном, социально-психологическом и нейропсихологическом уровнях. В свою очередь, на личностном уровне саморегуляция проявляется в целеустремленности, постановке мотивов, на социально-психологическом уровне осуществляет регуляцию межличностных отношений, формирование мировоззрения. С позиции нейропсихологического уровня саморегуляция обусловлена определенными структурами головного мозга, а именно 3-м функциональным блоком мозга, по А. Р. Лурия, расположенным в лобных отделах (Москвин, 2002). Третий блок мозга – уровень произвольной саморегуляции, самостоятельного, активного программирования (соответственно прогнозирования результатов) человеком протекания любого психического процесса и своего поведения в целом (на ближайшие 10 минут или на длительный отрезок времени) (Кураев, Соболева, 1996).

Известно, что профиль функциональной межполушарной асимметрии мозга является типологической характеристикой центральной нервной системы и определяет общие регуляторные и когнитивные процессы (Моросанова, 2001). Следовательно, правое полушарие отвечает за построение образов, постановку целей, мотивационную составляющую. А левое полушарие с помощью вербального мышления отвечает за планирование и моделирование деятельности, что позволяет представления реализовать в более осознанную и детализированную степень (Никишина и др., 2014).

Таким образом, к юношескому возрасту человек может сам ставить цели, приводить к конечному результату и удерживать в поле своего сознания в сфере саморегуляции до момента их достижения. Изучение особенностей произвольной саморегуляции во взаимосвязи с профилем функциональной межполушарной асимметрии позволяет нам более тщательно оценить возможные трудности в системе регуляции и эффективности действий.

Цель: изучение особенностей произвольной саморегуляции во взаимосвязи с латеральной организацией мозга.

Гипотеза: различия произвольной саморегуляции взаимосвязаны с разными вариантами латеральных профилей межполушарной асимметрии, у юношей.

Характеристика выборки. Объем выборки составил 30 чел. в возрасте от 19 до 23, студенты медицинского вуза: 15 праворуких (контрольная группа); 15 леворуких (экспериментальная группа).

Методы исследования: 1) нейропсихологические пробы, направленные на исследование межполушарной асимметрии мозга и межполушарного взаимодействия А. Р. Лурии; 2) опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой; 3) для статистического анализа нами был выбран непараметрический критерий U Манна–Уитни. Все расчеты проводились с использованием статистического пакета фирмы StatSoft Statistica 6.0.

Результаты. Статистически значимые различия были обнаружены по шкалам «моделирование» (p=0,1), «самостоятельность» (p=0,05). Испытуемые, относящиеся к правополушарному типу, имеют более низкий показатель по шкале «моделирования» в сравнении с экспериментальной группой, что свидетельствует о слабой сформированности процессов и может приводить к неадекватному восприятию ситуации. Однако были выявлены более высокие показатели по шкале «планирование». Что свидетельствует о сформированной потребности в осознанном планировании деятельности, планы в этом случае близки к реальности, устойчивы, детализированы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно. Испытуемые, относящиеся к левополушарному типу, имеют низкий показатель по шкале «самостоятельность», что характеризуется как зависимость от оценки окружающими их деятельности. Более высокие показатели по шкалам «гибкость» и «общий уровень саморегуляции», что в свою очередь свидетельствует о способности перестраивать, вносить коррекции в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий. Таким образом, данные, полученные при подсчете результатов, свидетельствуют о достоверных различиях произвольной саморегуляции с разными вариантами латеральных профилей межполушарной асимметрии, у юношей.

Выводы

Исходя из результатов исследования, испытуемые-левши неадекватно оценивают условия обстоятельств, что препятствует удовлетворению своих действий в определенных ситуациях, но это не мешает детально планировать цели деятельности. Испытуемые-правши демонстрируют пластичность своих планов и целей в непредвиденных

обстоятельствах, однако они зависимы от мнений и оценок окружающих и чаще некритично следуют чужим советам. Изменение условий не влияет на значительную осознанность в достижении целей.

Литература

Конопкин О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъективного развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С.128–135.

Кураев Г. А., Соболева И. В. Функциональная межполушарная асимметрия мозга и проблемы валеологии // Валеология. 1996. № 2. С. 29–34.

Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 2001.

Москвин В. А. Проблема связи латеральных профилей с индивидуальными различиями человека (в дифференциальной психофизиологии): Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Оренбург, 2002.

Никишина В. Б., Петраш Е. А., Бушуева О. Ю., Запесоцкая И. В. Анализ показателей функциональной асимметрии мозга у больных с ишемическим инсультом: нейропсихологическое исследование // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2014. Т. 114. № 12. Ч. 2. С. 28–32.

Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.

Взаимосвязь личностных свойств «Темной триады» со стилями любви в период ранней зрелости

А. В. Ильиных (*Пермь*)

С давних времен и до сегодняшнего дня одной из центральных проблем в теоретической и прикладной психологии является проблема изучения личности, ее структуры и базовых свойств. Накоплено огромное количество исследовательского материала, который раскрывает различные аспекты данной проблемы, но все же большинство современных исследований направлено на изучение «позитивных» свойств личности человека и их связи с различными аспектами жизни. О «негативных» свойствах личности начали говорить относительно недавно, когда Дж. Макхоски (середина 90-х годов XX в.) в своих работах высказал предположение, что макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническая психопатия тесно связаны друг с другом (Ларина, 2010). Позже Д. Полхусом

и К. Уильямсом было предложено само понятие «Темная триада», которое объединяло три эти черты. После чего сиптомокомплекс прочно вошел в число психологических терминов и является одним из самых новых и перспективных направлений в изучении свойств личности (Егорова, 2014).

Все черты «Темной триады» так или иначе вносят вклад в отклоняющееся поведение человека: носители всех черт «Темной триады» прибегают к манипулятивным стратегиям и обману в межличностных отношениях, в частности, при общении с партнерами противоположного пола (Дериш, 2015). Можно предположить, что все черты личности, входящие в симптомокомплекс «Темной триады» будут оказывать огромное влияние на его стиль любви (отношений) с партнером в силу выраженности негативных свойств. Но ни западные, ни отечественные ученые не проводили исследований на данную тематику, ввиду чего она представляет огромный интерес. Таким образом, целью данного исследования является определение взаимосвязи свойств «Темной триады» со стилем любви.

В эмпирической части исследования приняли участие 165 студентов Пермских вузов в возрасте 20–30 лет, 84 мужчины и 81 женщина. Для исследования стилей любви использовалась методика «Измерения любовных стилей» (Д. А. Ли), для изучения свойств личности – краткая форма опросника «Темная триада» (Д. Полхус и К. Уильямс).

Полученные данные подвергались математико-статистической обработке с использованием корреляционного анализа по Пирсону.

В результате обработки полученных данных было обнаружено, что в выборке женщин каждый из компонентов «Темной триады» положительно взаимосвязаны с определенным стилем любви.

Так, показатель макиавеллизма положительно коррелирует с показателем стиля «Прагма». Чем выше проявление макиавеллизма у женщин, тем более они ориентированы на стиль любви «Прагма». Это можно объяснить тем, что макиавеллист – это коварная, расчетливая, манипулирующая личность, которой в отношениях не важны чувства любви и положительные эмоции, получаемые от партнера, а важны приземленные чувства выгоды, наживы и расчета, что в полной мере соответствует стилю любви «Прагма».

Показатель нарциссизма, в свою очередь, имеет положительную взаимосвязь с показателем стиля «Эрос». Женщины с ярким проявлением нарциссизма ориентированы на стиль любви «Эрос». Это страстная физическая любовь, в которой отношения развиваются крайне быстро, большое внимание уделяется внешнему облику партнера и сексуальным связям с ним. Можно предположить,

что эта связь обуславливается тем, что нарциссы являются абсолютно самовлюбленными личностями, которым очень важен не только свой внешний облик, но и партнера. Они настолько зациклены на себе и на своем преображении (особенно женщины-нарциссы), что им нет никакого дела до своего партнера, им лишь важно, чтобы он хорошо выглядел и устраивал их в постели.

Показатель психопатии положительно коррелирует с показателем стиля «Лудус». Чем выше проявление психопатии, тем более женщины ориентированы на стиль любви «Лудус». Психопатический человек – отменный актер во всех жизненных ситуациях, а особенно во взаимоотношениях с другими людьми. Вот даже и в самых интимных и близких отношениях они выбирают стиль любви «Лудус», который характеризуется как игра, в которой нет глубоких чувств, где допускаются измены и партнеры ориентированы на собственное желание получить удовольствие.

В выборке мужчин количество взаимосвязей между изучаемыми показателями значительно больше, чем в выборке женщин. Мужчины, у которых преобладает такая черта личности, как макиавеллизм, придерживаются стиля любви «Лудус», и у них совсем не выражен такой стиль любви, как «Эрос». Как мы рассмотрели выше, «Лудус» – это игра, а «Эрос» – это страсть, таким образом, мужчины-макиавеллисты настроены в отношениях на собственное желание получить удовольствие, а не на мысли и чувства другого человека. На наш взгляд, так происходит потому, что макиавеллисты – ярко выраженные эгоисты, настроенные на построение не долгих, мимолетных связей.

Нарциссизм у мужчин, так же как и макиавеллизм, положительно связан со стилем любви «Лудус» и отрицательно с «Агапе». Мужчины-нарциссы пренебрегают духовностью, жертвенностью и самоотдачей в отношениях с партнершей. Для них важна гедоническая любовь, в которой нет серьезности намерений и присутствует лишь вечная игра и флирт. Это может быть связано с тем, что основными способами отношения к людям у нарциссов являются идеализация и обесценивание.

Психопатия отрицательно коррелирует со стилем любви «Эрос» и положительно с «Лудус». Это означает, что в этом случае мужчины тоже, так же как и макиавеллисты и нарциссы, играют в некую игру, но немного по другим причинам. Как уже было сказано выше, психопатическая личность – это отличный актер, который в каждой ситуации надевает подходящую маску. Меняя партнерш, меняя свое поведение, он не только пользуется ситуацией, но и держит ее

под своим пристальным контролем на все сто процентов. А это является самым главным для таких людей. Можно предположить, что такой стиль любви они выбирают потому, что хотят уберечь свое итак несчастное Я от тех разочарований, которые может принести партнер. Полностью контролируя ситуацию, играя с партнером в любовь, можно защитить себя от боли и переживаний.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у мужчин и женщин одни и те же черты «Темной триады» взаимосвязаны с абсолютно разными стилями любви. В женской выборке обнаружены только единичные положительные корреляции с определенными стилями отношений. А в мужской выборке существует множество как положительных, так и отрицательных связей с различными стилями. Нужно отметить, что такой стиль любви, как «Лудус», в группе респондентов мужчин имеет особое значение, ведь все компоненты симптомокомплекса положительно коррелируют с ним. И можно предположить, что если мужчина будет обладать данным симптомокомплексом, то, скорее всего, он будет придерживаться данного стиля любви.

Литература

Дериш Ф. В. Симптомокомплекс «Темная триада» во взаимосвязи с базовыми свойствами личности // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. № 1. С. 18–27.

Егорова М. С., Ситникова М. А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 12–35.

Ларина А. Д. Подходы, установки и перспективы в исследовании макиавеллизма // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 75–83.

Личностные предикторы академических достижений у азербайджанских учащихся

А. М. Исмаилова (*Баку*)

Вопрос об оценках и достижениях в учебной сфере всегда будет важным; и учет личностных предпосылок успешности учебной деятельности можно рассматривать как одну из центральных проблем психологии образования. Мы поставили цель выяснить, какие факторы будут оказывать влияние на успехи в обучении именно в азербайджанской школе и вузе. Мы уже изучали, какое место имплицитные теории (ИТ) занимают в регуляции учебной деятельности в Азербайджане, сравнивая наши результаты по влиянию имплицит-

ных представлений об интеллекте и личности у азербайджанских студентов с российскими в кросс-культурном исследовании студенческих выборок (Kornilova, Chumakova, Izmailova, 2015).

Однако наша новая работа расширяет представления о личностной регуляции успешности обучения, поскольку проделана с целью сравнения влияния ИТ также применительно к старшему школьному и студенческому возрастам и установления дополнительных предикторов успеваемости студентов еще и в контексте влияния со стороны факторов Большой пятерки (экстраверсия, согласие, сознательность, эмоциональная стабильность, открытость опыту). Помимо выявления потенциальных предикторов успешности обучения, у студентов необходимо проанализировать, будут ли эти же предикторы также определять успешность учения у старших школьников. При переходе от подросткового возраста к юношескому меняется ведущая деятельность, социальная ситуация развития и характер новообразований, что может в итоге влиять на перестраивание системы предикторов.

Мы сравнивали студенческую выборку со школьниками для проверки гипотезы о том, что учащиеся, обучаясь в вузе, не только приобретают умения и знания, но растут личностно, встраиваясь в новую систему отношений, новую социальную ситуацию развития, которая отличается от школьной. По ходу обучения в высших учебных заведениях у студентов также перестраивается и изменяется социальная позиция личности, меняются ведущие мотивы деятельности учащегося (Смирнов, 2014). На самоорганизацию учебной деятельности влияют индивидуально-психологические особенности личности студентов.

Таким образом, *цель* нашего исследования: выявление тех личностных свойств Большой пятерки и ИТ, которые будут предикторами академических достижений.

Участники и схема исследования: сравнивались две группы учащихся: 1) старшие школьники 9 и 10 классов международного образовательного комплекса № 132–134 г. Баку – 77 чел. (44 женщин, 33 мужчин; возраст – от 14 до 16 лет: M=14,6; SD=0,6) и студенты Бакинского филиала МГУ – 70 чел. (48 женщин, 22 мужчин; возраст – от 19 до 21 лет: M=19,8; SD=0,8).

Психодиагностические методики исследования

1. *Опросник Имплицитных теорий интеллекта и личности К. Две–С. Смирнова* (Смирнов, 2005). Апробация опросника на азербайджанской выборке была сделана в 2015 г. Мы сравнивали

данные с результатами российской выборки; это представлено в совместном докладе на международной конференции «Психология и педагогика», состоявшейся в апреле 2015 г. в г. Стамбуле (Kornilova, Chumakova, Ismailova, 2015).

2. *Краткий опросник Большой пятерки – КОБП* (*TIPI*) *в русскоязычной апробации* (Корнилова, Чумакова, 2016). Утверждения подбирались из описаний пяти факторов уже существующих опросников Большой пятерки.

   В нашем исследовании мы ожидали выявить взаимосвязи между психологическими особенностями азербайджанских студентов и школьников, измеренными в рамках модели Большой пятерки, и их академической успеваемостью (в условиях азербайджанской системы образования).

3. Академическая успеваемость вычислялась как средний балл студентов и школьников за последние 3 семестра и полугодия – GPA (gradepointaverage).

Результаты

Сравнение групп по высоте переменных. Средние показатели и уровень значимости различий по критерию Стьюдента по всем измеренным показателям между группами школьников и студентов показали, что различия в группах есть только на уровне тенденции по показателям успеваемости (p=0,08) и самооценки обучения (p=0,05). Успеваемость, как и самооценка обучения, у школьников выше, чем у студентов.

Регрессионный анализ. Для показателя *успеваемости* по студенческой выборке одна модель (F (df) =15,174 (4), p=0,000, Δ Adjusted R2=0,517) продемонстрировала значимый вклад переменных принятие *имплицитной теории «приращиваемого» интеллекта* (B=*–0,025, p=0,006*), *самооценка обучения* (B=*0,065, p=0,0001*), *несогласие* (B=*–0,059, p=0,017*), *эмоциональная стабильность* (B=*0,046, p=0,047*).

Для этой модели было построено следующее уравнение по студенческой выборке: *Успеваемость=4,060 + (–0,25) • Принятие имплицитной теории «приращиваемого» интеллекта + 0,065 • Самооценка обучения + 0,059 • Несогласие + 0,046 • Эмоциональная стабильность.*

Для школьников построенные модели не продемонстрировали значимых вкладов личностных переменных в успеваемость.

Выводы

1. Личностные черты учащихся, как и разделяемые ими имплицитные теории интеллекта и личности, выступают предикторами успеваемости в группе студентов.

Выявлены значимые вклады следующих личностных предикторов академической успеваемости у азербайджанских студентов: самооценка обучения, имплицитная «константная» теория интеллекта, несогласие (критичность) и эмоциональная стабильность.

2. В модели регрессионного анализа выступил положительный вклад со стороны константной теории интеллекта (знак «–») у «инкрементальной» ИТ.
3. Тот факт, что у школьников эти личностные показатели не выступили предикторами успеваемости, говорит о том, что они формируются с возрастом и в процессе развития в новой социальной ситуации – обучения в вузе.

Литература

Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 01.09.2017).

Смирнов С. Д. Модифицированный вариант методики К. Двек для оценки типов имплицитных теорий интеллекта и личности, присущих студентам // Труды СГУ. Гуманитарные науки. Психология и социология образования. 2005. Вып. 82. С. 40–55.

Смирнов С. Д. Психология и педагогика для преподавателей высшей школы. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014.

Kornilova T. V., Chumakova M. A., Izmailova A. M. Implicit Theories of Intelligence and Personality, Attitudes towards Uncertainty, and Academic Achievement in College Students: cross-cultural study // The 3rd International Academic Conference on Social Sciences. Batumi: The International Institute for Academic Development Batumi, 2015. P. 189–202.

Движения глаз при решении графически представленных химических задач: сравнение новичков и экспертов*

Ю. А. Ишмуратова, И. В. Блинникова (*Москва*)

В исследовании анализируются различия в показателях движений глаз при решении сложных задач по химии экспертами и новичками. Метод бесконтактной регистрации движений глаз позволяет

* Работа поддерживается Российским фондом фундаментальных исследований, грант № 17-06-00652.

выявить особенности обработки визуальной информации. В качестве базовых показателей регистрируются фиксации и саккады*. Считается, что более продолжительные фиксации свидетельствуют о более длительной когнитивной обработке, с затратой больших усилий, установлением большего количества связей и с выходом на более глубокие «семантические уровни». Также обнаружено, что суммарное время фиксации больше на тех областях, которые считаются релевантными задаче, чем на тех, которые считаются нерелевантными (Blinnikova et al., 2016; Jarodzka et al., 2010).

Исследования показали, что экспертам и новичкам присущи различные стратегии движений глаз при решении профессиональных задач (Jarodzka et al., 2010). Например, эксперты быстрее находят и смотрят значимо дольше на релевантную информацию† и, таким образом, решают задачи более эффективно, чем новички (Tang et al., 2016). В последнем метаанализе (Gegenfurtner et al., 2011) были рассмотрены исследования с участием 819 экспертов, 187 специалистов среднего уровня и 893 новичков в различных профессиональных областях. Авторы приходят к выводу, что эксперты отличаются от новичков по следующим параметрам: количество фиксаций на стимуле, количество фиксаций на релевантной и нерелевантной области, время решения задачи, эффективность решения задачи.

Целью нашей работы является определение различий в движениях глаз и связанных с ними когнитивных стратегиях между новичками и экспертами.

Гипотеза нашего исследования: эксперты и новички при решении графически представленных химических задач используют разные стратегии переработки информации.

Методика

Испытуемые. В исследовании приняли участие 35 химиков в возрасте от 17 до 55 лет (средний возраст – 35 лет). Испытуемые были разделены на две группы по критерию стажа работы. Из них 17 чел. – студенты химических специальностей, средний стаж работы – 0,5 лет. 18 чел. – профессиональные химики, работающие по специальности более 8 лет, средний стаж – 10 лет.

---

* Фиксация определяется как состояние, при котором глаз остается неподвижным в течение определенного периода времени. Саккада – это быстрое перемещение глаза от одной фиксации к другой (Holmqvist et al., 2011, с. 21–23).

† Обычно обозначаемые как «зоны интереса» (Area of Interest, или AOI).

Процедура и стимульный материал. Испытуемым предъявлялись 4 текста с описанием химических процессов (производство лаков, перекиси водорода, винилхлорида, пенополиуритана), после каждого текста последовательно предъявлялись три задания, оформленные в виде графических схем, относящихся к данному тексту. Первое задание – заполнить пропуски на схеме химического процесса, используя дополнительно приведенную информацию. Второе – обнаружить ошибки в схемах. Третье – указать на блоки, которые переставлены местами*. Всего каждому испытуемому было продемонстрировано 16 слайдов. Испытуемые решали задачи с помощью «кликов мышью». Время выполнения не ограничивалось.

Аппаратура. Предъявление стимулов осуществлялось с помощью 19" ЖК-монитора, расположенного на расстоянии 60–65 см от испытуемого. Создание эксперимента проводилось в SMI Experiment Center. Регистрация движений глаз осуществлялась с помощью системы бесконтактной видеорегистрации движений глаз SMI Hi-Speed с частотой 500 Гц.

Регистрируемые показатели. В эксперименте регистрировались показатели движения глаз, время на выполнение задачи, правильность ответов испытуемых. Все показатели фиксировались автоматически с помощью программы SMI Experiment Center. Ответы испытуемых и примечания заносились в письменный протокол экспериментатором.

Результаты и обсуждение

Время выполнения заданий. Были обнаружены значимые различия между группами экспертов и новичков во времени выполнения всех типов заданий: при чтении текста ($F(1,138)=69,88$, $p<0,01$), заполнении пропусков в схемах ($F(1,138)=59,23$, $p<0,01$) и нахождении ошибок в схемах ($F(1,138)=19,13$, $p<0,01$). Эксперты значимо быстрее справлялись со всеми типами заданий.

Количество правильных ответов. Обнаружены значимые различия в проценте правильных ответов в задачах на заполнение схем ($F(1,138)=10,79$, $p<0,01$) и в задачах на обнаружение ошибок ($F(1,138)=22,81$, $p<0,01$). Эксперты давали большее количество правильных ответов, чем новички.

Время первого нажатия на мышь. Оказалось, что при решении задач на заполнение пробелов и нахождение ошибок в схемах эксперты кликали на мышь значимо быстрее, чем новички ($F(1,270)=75,29$,

* При обработке результаты по второму и третьему заданию объединялись.

$p<0,01$). Это свидетельствовало о том, что эксперты быстрее принимали решение.

Моргания. Было показано, что новичкам присущи более продолжительные моргания, что в целом свидетельствует об избыточном операциональном напряжении. Значимые различия были получены при чтении текстов ($F(1,138)=15,79$, $p<0,01$) и при обнаружении ошибок ($F(1,138)=7,36$, $p<0,01$).

Общие показатели движений глаз. В целом, все показатели, так или иначе связанные с продолжительностью нахождения на слайде (протяженность пути сканирования, количество фиксаций и саккад, общая продолжительность фиксаций и саккад, общая амплитуда саккад), были значимо меньше у экспертов. Однако ни по средней длительности фиксаций, ни по средней протяженности, продолжительности и скорости саккад значимых различий установлено не было. Это свидетельствует о том, что эксперты решают задачу за счет более эффективной организации движений глаз и лучшего распределения внимания.

Показатели движений глаз в областях интереса. Были определены зоны интереса (AOI) для каждого типа заданий. В задачах, где необходимо было заполнить пустые элементы в химических схемах, были выделены две зоны интереса: «пространство схемы», расположенное слева и «пространство ответов», расположенное в правой части слайда. Что касается «пространства схемы», то было обнаружено только одно различие между экспертами и новичками – продолжительность первой фиксации. Этот показатель, свидетельствующий о скорости общей ориентировки в задании, был значимо меньше у экспертов. Кроме этого, обнаружилось, что у экспертов значимо больше средняя длительность фиксаций ($F(1,137)=8,77$, $p<0,01$) и меньшее количество возвратов в «пространстве ответов». Это может свидетельствовать о более эффективной стратегии в решении химических задач: эксперты больше сосредоточены на ответах и меньше обращаются к схеме, которую они хорошо себе представляют.

В задачах, где необходимо было обнаружить ошибки, в качестве зон интереса были выделены блоки, включающие ошибки, и те, где ошибок не было. Полученные данные показали, что экспертам присущи значимо более продолжительные фиксации на ошибках в схемах ($F(1,298)=3,87$, $p<0,05$) и меньшее количество возвратов ($F(1,297)=20,94$, $p<0,01$). Эксперты находили ошибку в схеме и использовали ее как средство для дальнейшего анализа схемы. Новички же гораздо чаще возвращались к ячейкам с ошибками.

Выводы

Эксперты затрачивают меньше времени на решение задачи и подготовку ответа, при этом решают задачи более правильно за счет меньшего количества усилий.

Анализ показателей движений глаз в графических задачах показал, что для экспертов характерны более длительные фиксации, которые концентрируются на ключевых областях графических репрезентаций задач. Новичкам в целом свойственны более короткие фиксации, которые равномерно распределены относительно пространства отдельных элементов задачи. Также было установлено, что эксперты совершают меньше перемещений между областями интереса, чем новички.

Эти данные могут быть интерпретированы как доказательство существования двух разных стратегий в выполнении задач. Новичкам свойственна перцептивная стратегия, которая направлена на то, чтобы вычерпать как можно больше информации из предъявленного схематического изображения. Эксперты используют более эффективную когнитивную стратегию, предполагающую использование накопленных знаний и ментальных репрезентаций.

Литература

Blinnikova I., Izmalkova A. Eye movement evidence of cognitive strategies in SL vocabulary learning // Intelligent Decision Technologies: Smart Innovation, Systems and Technologies. 2016. V. 57. P. 311–323.

Gegenfurtner A., Lehtinen E., Säljö R. Expertise differences in the comprehension of visualizations: A meta-analysis of eye-tracking research in professional domains. Vancouver: American Educational Research Association, 2012.

Jarodzka H., Scheiter K., Gerjets P., Van Gog T. In the eyes of the beholder: How experts and novices interpret dynamic stimuli // Learning and Instruction. 2010. V. 20. P. 146–154.

Tang H., Day E., Kendhammer L., Moore J., Brown S., Pienta N. Eye Movement Patterns in Solving Science Ordering Problems // Journ. of Eye Movement Research. 2016. V. 9. P. 1–13.

Психологические основы успешности практики осознанных сновидений

К. А. Казакова, Л. А. Дикая (*Ростов-на-Дону*)

На сегодняшний день проблема изучения феномена осознанного сновидения (ОС) является одной из самых актуальных. Современное общество, нацеленное на максимальное раскрытие своего потенциала, заинтересовано в познании и применении на практике новых и необычных возможностей своего мозга. Однако путь к эмпирическому исследованию таких явлений содержит в себе множество проблем, вследствие чего ОС ограждает себя от научного вмешательства, оставаясь по сегодняшний день недостаточно изученным феноменом.

Осознанное сновидение представляет собой измененное состояние сознания, при котором человек осознает, что видит сон, и может, в той или иной мере, управлять его содержанием (LaBerge, 1990). T. Snyder и J. Gackenbach (1988) сообщают статистику, что около 58% всех людей переживали ОС как минимум раз в жизни, а 21% видит контролируемые сновидения один или несколько раз в месяц.

Зарубежными учеными было проведено множество различных исследований относительно природы феномена ОС (Stumbrys, Erlacher, 2016), которые легли в основу нашей работы. T. Stumbrys и D. Erlacher (2016) занимались изучением влияния ОС на состояние субъектов после пробуждения. Полученные данные помогли составить полноценную картину настоящего исследования.

В данной работе рассматриваются психологические характеристики лиц, практикующих ОС. Цель настоящего исследования – выявить взаимосвязь между способностью успешного выхода в ОС и психологическими характеристиками личности.

Задачи исследования: 1) изучить направленность локуса контроля и уровень субъективного контроля лиц, практикующих выход в ОС; 2) изучить личностные ориентации (включая потребность в познании) субъектов, занимающихся практикой ОС; 3) выявить уровень креативности лиц, практикующих выход в ОС; 4) сравнить психологические особенности субъектов, успешно практикующих выход в ОС (УП) с субъектами, испытывающими трудности в данной практике (ИТ), и лицами, не сталкивающимися с опытом ОС (НП).

Гипотеза исследования – характерными особенностями субъектов УП могут выступать внутренний локус контроля, высокий уровень креативности и познавательной потребности.

Поскольку ОС предполагает повышенное внимание и представляет собой когнитивный навык, который может быть наработан с помощью техник самофокусировки и мнемонических операций, мы предположили, что это будет связано с высокой потребностью в познании.

D. Bernstein и K. Belicki (1995) выявили, что частота ОС положительно коррелирует с воображением. В их исследовании уровень развития воображения испытуемых измерялся с помощью физиогномического теста, который предоставлял возможность оценивать испытуемых по их склонности «оживлять» и «очеловечивать» простые линейные чертежи. Таким образом, мы решили измерить уровень креативности в настоящем исследовании, чтобы пролить свет на вопрос о творческих способностях лиц, занимающихся практикой ОС.

В качестве методов выступили интернет-опрос, психологическое тестирование (тест креативности П. Торренса, опросник личностных ориентаций Э. Шострома, методика определения локуса контроля Дж. Роттера, опросник «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера) и статистическая обработка данных (Statistica 6.0).

В исследовании приняли участие 113 испытуемых, которые были поделены на три группы: 1) субъекты УП – 27 чел.; 2) субъекты ИТ – 34 чел.; 3) субъекты НП – 52 чел. Испытуемые представляли собой лиц, заинтересованных в феномене ОС, имеющих трудности в выходе в ОС и успешных практиков данного состояния. Также присутствовала группа, не имеющая отношения к изучаемому явлению. Возраст варьировался от 20 до 42 лет, 69 мужчин и 44 женщины. Участие испытуемых в исследовании было обеспечено с помощью объявления в социальных сетях.

Перед основной процедурой психологического тестирования всем испытуемым был предложен специально разработанный нами тест на определение корректности отнесения субъектов к той или иной группе, а также достоверного понимания определения феномена ОС у исследуемой группы. Данный опросник включал в себя такие вопросы, как: «Что в вашем понимании является ОС?», «Как часто вы добиваетесь состояния ОС?», «Опишите в процентном соотношении количество ваших удачных попыток выхода в ОС по отношению к неудачным» и др.

После вводного анкетирования каждый испытуемый прошел психологическое тестирование по четырем личностным опросникам. Уровень креативности был измерен с помощью теста П. Торренса, где способности к творческой деятельности были дифференцированы по следующим градациям: «плохо», «ниже нормы», «несколько ни-

же нормы», «норма», «несколько выше нормы», «выше нормы», «отлично». Опросник личностных ориентаций Э. Шострома (Тест САТ, Опросник САМОАЛ) использовался в целях получения информации по каждой из следующих шкал: «Ориентация во времени», «Поддержка», «Ценностные ориентации», «Гибкость поведения», «Сензитивность», «Спонтанность», «Самоуважение», «Самопринятие», «Взгляд на природу человека», «Синергичность», «Принятие агрессии», «Контактность», «Познавательные потребности» и «Креативность». Методика определения локуса контроля Дж. Роттера состояла из шкал «экстернальность», «интернальность» и «нейтральная шкала». Опросник УСК (уровень субъективного контроля) включал в себя следующие шкалы: шкала общей интернальности («Ио»), шкала интернальности в области достижений («Ид»), шкала интернальности в области неудач («Ин»), шкала интернальности в семейных отношениях («Ис»), шкала интернальности в области производственных отношений («Ип»), шкала интернальности в отношении здоровья и болезни («Из»).

В результате анализа статистических данных были получены достоверные результаты ($p \leqslant 0,05$) в отношении проявления у субъектов ведущих шкал по тесту П. Торренса, опроснику Э. Шострома и методикам Дж. Роттера.

Подтверждая выдвинутые нами гипотезы, были получены следующие результаты исследования:

У всех субъектов УП была выявлена внутренняя направленность локуса контроля, характеризуясь прежде всего преобладанием шкалы интернальности в области достижений (76%), соответствующая высокому уровню субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Большинство лиц ИТ относились к интернальному типу (69%) с преобладанием шкал «Ид» (56%) и «Ин» (44%), что говорит о склонности обвинять самого себя в разнообразных неприятностях и страданиях.

У субъектов УП в качестве ведущих личностных ориентаций выступили познавательные потребности (51%), сензитивность (14%) и креативность (35%). Полученные данные указывают на высокую степень стремления к приобретению знаний об окружающем мире. У лиц ИТ были обнаружены преобладание следующих шкал: познавательные потребности (37%), спонтанность (34%) и контактность (29%), указывающие на способность непосредственно выражать свои чувства, а также способность к быстрому установлению глубоких, тесных и эмоционально насыщенных контактов с людьми.

У субъектов, успешно практикующих ОС, по методике П. Торренса были выявлены способности к творческой деятельности в соответствии с градациями «несколько выше нормы» (17%), «выше нормы» (43%) и «отлично» (40%). У субъектов, испытывающих трудности в выходе ОС, было обнаружено преобладание таких категорий креативности как «норма» (39%) и «несколько выше нормы» (61%). У контрольной группы были выявлены признаки различных градаций креативности.

По сравнению с лицами ИТ и НП, субъекты УП характеризуются внутренней направленностью локуса контроля, высоким уровнем креативности и выраженной познавательной потребностью.

Делая вывод относительно причин неудач субъектов, практикующих ОС, можно предположить о развитом чувстве субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям, а также недостаточном уровне творческих способностей.

Таким образом, нами были выявлены психологические особенности личности, имеющей успех в практике выхода в ОС, а также показаны взаимосвязи между уровнем успешности владения техниками ОС и психологическими особенностями личности.

Литература

Bernstein D. M., Belicki K. On the psychometric properties of retrospective dream content questionnaires // Imagination, Cognition and Personality. 1995. № 15. P. 351–364.

LaBerge S. Lucid Dreaming: Psychophysiological Studies of Consciousness during REM Sleep // Sleep and Cognition / Eds R. R. Bootzen, J. F. Kihlstrom, D. L. Schacter. Washington, D. C.: American Psychological Association, 1990. P. 109–126.

Snyder T. J., Gackenbach J. Individual differences associated with lucid dreaming // Conscious mind, sleeping brain / J. Gackenbach, S. LaBerge. N. Y.: Plenum Press, 1988. P. 221–259.

Stumbrys T., Erlacher D. Applications of lucid dreams and their effects on the mood upon awakening // International Journal of Dream Research. 2016. V. 9. № 2. P. 146–150.

Роль СМИ в процессах совладания с переживанием террористической угрозы*

Н. Н. Казымова, Ю. В. Быховец (*Москва*)

В век информационных технологий важной задачей является изучение воздействия информации на психическое здоровье населения. Наиболее ярким и драматическим по силе воздействия является освещение СМИ террористических актов. Действия террористов дают тем больший эффект, чем шире освещают их СМИ. На данный момент в психологии накоплен большой массив данных, свидетельствующих о психотравмирующем воздействии картин терактов в СМИ. У так называемых косвенных жертв терактов могут выявляться признаки ПТСР (проигрывание в памяти услышанного и увиденного (флэшбэки), ночные кошмары, возникающие вспышки раздражительности или гнева, высокий уровень беспокойства, нарушения концентрации внимания), страх стать жертвой теракта, расстройства адаптации, депрессия, различные формы избегающего поведения, увеличение потребления психоактивных веществ и т. п. (подробнее см.: Быховец, Тарабрина, 2010). В ряде работ специальным предметом исследования становились информационные сообщения о терактах, которые рассматривались в качестве предикторов симптомов стресса, связанного с переживанием террористической угрозы (напр., Maeseele et al., 2008).

Целью нашей работы стало изучение отношения к новостным сообщениям СМИ о терактах и сопряженность этого отношения с интенсивностью переживания террористической угрозы.

Исходным предположением стало то, что большое значение для возникновения интенсивных переживаний террористической угрозы имеет канал передачи информации о теракте, а также такие параметры новостного сообщения как надежность и количество предоставляемой информации.

В исследовании приняли участие 119 чел. в возрасте от 17 до 45 лет. Респонденты были разделены на подгруппы по полу и возрасту. В юношескую группу вошли 67 чел. в возрасте от 17 до 21 года: 39 девушек (средний возраст – 18,92 года) и 28 юношей (средний возраст – 18,86 лет). Группу от 22 до 45 лет составили 52 респондента: 37 женщин (средни возраст – 30,84 года) и 15 мужчин (средний возраст – 27,73 года).

Особенности включенности населения в новостной дискурс о терроризме и отношение к новостной информации о нем были изучены с помощью анкеты. Респондентам предлагалось ответить

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15-36-11108.

на вопросы о том, каким способом они получают новостную информацию о терактах, как часто они ее обсуждают, насколько они в ней заинтересованы и считают ли они ее надежной и достаточной. Кроме того, мы спрашивали респондентов о том, случалось ли им или их близким непосредственно пострадать от теракта, были ли они очевидцами этого события или, возможно, сталкивались с обстоятельствами теракта по роду своей профессиональной деятельности.

Интенсивность переживания угрозы терактов оценивалась с помощью Опросника переживания террористической угрозы (ОПТУ), разработанного в Лаборатории посттравматического стресса Института психологии РАН (Быховец, Тарабрина, 2010).

Результаты проведенного исследования показали, что наиболее предпочитаемым источником получения новостей является интернет (*вопрос анкеты № 1*). На втором месте оказалось телевидение, радио – не очень популярно среди молодежи, а печатные источники информации нашими респондентами не используются вообще.

Согласно проведенному опросу, в 63,6% случаев респонденты внимательны к предоставляемой в новостях информации о терактах; они предпочитают не переключать каналы ТВ или радио с выпуска новостей, содержание которых касается терроризма (*вопрос № 2*). Еще 32,2% респондентов сообщили, что не всегда внимательны к таким новостям и время от времени переключают ТВ с канала, по которому передают новости. Только 4,2% опрошенных нами людей ответили, что всегда намеренно переключают такие новости, так как стараются уберечь себя от плохих известий.

Ответ на *вопрос № 3* разделил респондентов по частоте обсуждения темы террористических актов за последний месяц: одинаковое количество опрашиваемых не обсуждали эту тему вовсе или обращались к ней не больше 1–2 раз (по 41,2% в каждом случае), примерно 9,2% респондентов обсуждали эту тему 3–4 раза за последний месяц, 8,4% респондентов сообщили, что часто (больше 4 раз) обращались к ней в своих разговорах. При этом большинство респондентов (60,5%) сообщило о том, что им интересно узнавать подробности о терактах (*вопрос № 4*).

На основании общего балла ОПТУ, среди всех опрошенных нами мужчин и женщин были выделены подгруппы респондентов с высоким и низким уровнем переживания террористической угрозы. Данные этих подгрупп были сопоставлены между собой по показателям восприятия и отношения к информации о терактах. Результаты показали, что в женской части выборки, а именно в подгруппе с интенсивным переживанием угрозы терактов, частота обсуждения

темы террористических актов оказалась достоверно более высокой (U=203,00, p=0,02). Мужчины с интенсивным переживанием террористической угрозы критичнее относятся к информации о терактах в СМИ, считая ее фрагментарной и не дающей полного представления о происходящем (U=60,00, p=0,02). Заинтересованность темой терактов не связана с уровнем переживания террористической угрозы, и не зависит от пола (p>0,05).

Также респонденты оценивали отдельные компоненты новостной информации о террористической угрозе с точки зрения количества и надежности этой информации. Для оценки предлагались следующие темы: политические аспекты терроризма, кадры с мест терактов, объективные данные о материальных последствиях теракта, действия правительства по борьбе с терроризмом, информация об оказании помощи пострадавшим со стороны спецслужб, информация о том, как себя вести в случае теракта, сочувствие и помощь пострадавшим со стороны неравнодушных граждан, высказывания экспертов, опыт выживших и свидетельства очевидцев. Респондентам предлагалось оценить достаточно или нет информации по этой теме и можно ли доверять этой информации или она вызывает у них сомнения.

На основании суммы оценок количества и надежности информации были выделены группы респондентов, которые дают низкие (сумма баллов 0–3), средние (4–6 баллов) и высокие (7–9 баллов) оценки этим параметрам. В целом, большинство респондентов (54%) можно отнести к группе средних оценок, склонной отмечать 4–6 параметров как достаточные по количеству предоставляемой информации и вызывающие доверие. На втором месте (30%) – низко оценивающие количество и надежность информации о терактах. Наименьшей по численности группой оказались люди, удовлетворенные количеством и надежностью информации (16%).

Статистический анализ интенсивности переживания ТУ в выделенных группах проводился отдельно для мужчин и женщин с помощью критерия Манна–Уитни. Ни в группе женщин, ни в группе мужчин не было выявлено различий по интенсивности переживания ТУ между людьми, по-разному оценивающими количество и надежность информации (p>0,05).

Обсуждение результатов. Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что тема террористической угрозы является значимой для опрошенных нами респондентов. При этом большинство из них, проявляя интерес к информации о терроризме и терактах, относится к этой информации настороженно и с определенной долей недоверия. Однако такое критическое отношение было выяв-

лено нами в подгруппе с высоким уровнем переживания террористической угрозы, что говорит о том, что оно не выполняет своей защитной функции и является, скорее, проявлением общего недоверия как базовой установки личности при высокой заинтересованности темой терроризма. В целом, такие параметры новостных сообщений как количество предоставляемой информации и ее надежность не связаны с интенсивностью переживания террористической угрозы. Данный результат свидетельствует о том, что психологические последствия террористических актов связаны не только с объемом предъявляемой информации и ее содержательной стороной, но также с личностными особенностями потребителей информации. В проведенном нами ранее исследовании было показано, что к числу возможных предикторов интенсивных переживаний террористической угрозы может быть отнесена, в частности, эмоциональная нестабильность (Быховец, 2008). Можно предположить, что более частое обсуждение темы терактов среди женщин, интенсивно переживающих террористическую угрозу, помогает им снизить тревогу и получить эмоциональную поддержку. Мужчины с высоким уровнем переживания террористической угрозы испытывают нехватку информации о терактах для снижения тревоги в связи с переживаниями террористической угрозы.

Литература

Быховец Ю. В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов Российской федерации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.

Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Интенсивность переживания травматического опыта в период ранней и средней взрослости*

Н. Н. Казымова, Д. А. Никитина (*Москва*)

На протяжении всего жизненного пути человек сталкивается с различными событиями, бросающими вызов его внутренней устойчивости и благополучию. Многие из этих событий, становясь частью

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-02155.

жизненного опыта, способствуют развитию у человека полезных навыков по саморегуляции, адаптации, совладании с проблемными ситуациями. Но иногда интенсивность переживания тяжелых событий может превышать внутренние ресурсы, препятствуя нормальной адаптации и поддержанию оптимального уровня функционирования. Изучение такого травматического опыта представляет собой важную практическую задачу.

В теоретическом плане ведутся дискуссии относительно диагностических критериев посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), они изменяются и уточняются. Последние изменения критериев диагностики ПТСР, внесенные в DSM-V, закономерно поставили вопрос о разработке нового адекватного методического инструментария, отвечающего современным требованиям руководства DSM. В 2016 г. коллективом лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН был осуществлен перевод на русский язык и апробация опросника PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist-5; Weathers et al., 2013). Было показано, что данный опросник обладает хорошими психометрическими характеристиками и может быть использован для изучения влияния стрессоров высокой интенсивности и их последствий для психики человека.

Целью данной работы стало изучение травматического опыта и интенсивности его переживания.

Общий объем выборки составил 359 чел. (206 женщин и 153 мужчины) в возрасте от 17 до 56 лет (средний возраст – 24 года). Исследуемая выборка представлена респондентами, жителями трех городов РФ: Москва, Астрахань, Чита.

В исследовании был использован опросник PCL-5 (Тарабрина и др., 2017), позволяющий зафиксировать наиболее тяжелое жизненное событие, а также оценить интенсивность признаков ПТСР, вызванные переживанием этого события. Часть респондентов заполнила PCL-5, содержащий в качестве включенного компонента опросник LEC-5: перечень стрессовых ситуаций, потенциально имевших место в жизни индивида. Кроме того, для оценки интенсивности посттравматического стресса была использована Миссисипская шкала (МШ – Тарабрина и др., 2007).

Мы получили большое количество разнообразных ситуаций, представляющих уникальный жизненный опыт респондентов. С целью обобщения полученных данных, на первом этапе была проведена классификация ситуаций, которые указывались респондентами как самые тяжелые события в их жизни, произошедшие с ними

лично или с их родными и близкими, а также свидетелями которых они стали. В качестве основы для классификации этих событий был использован список стрессовых ситуаций, содержащийся в LEC-5.

Статистическая обработка данных проводилась в компьютерной программе Statistica 8.0 и включала в себя расчет коэффициента корреляции r_s Спирмена, анализ групповых различий с помощью U-критерия Манна–Уитни.

Результаты исследования. Анализ полученных данных показал, что наиболее частотными травматическими событиями являются, во-первых, такие события, которые можно отнести к столкновению человека со смертью: из 359 опрашиваемых – 108 чел. указали именно это событие. В основном респонденты указывали смерть близкого родственника (бабушка, дедушка, мама, папа, брат или сестра), реже друга или подруги, одноклассника. Респонденты чаще упоминали именно естественную смерть (83 чел.), однако 12 чел. выделили событие, связанное со смертью в результате несчастного случая (обычно упоминая автоаварии, автокатастрофы, пожары). Отдельно были отмечены события, связанные с убийством и самоубийством, из общего числа респондентов только 13 чел. указали данное событие. Во-вторых, респонденты наиболее часто отмечали, что испытывают стресс по поводу переживания событий, связанных с транспортными авариями. Всего зафиксировано 59 подобных ответов. Здесь упоминаются события, которые произошли не только с близкими членами семьи или друзьями респондента, опрашиваемые также часто выделяют, что были свидетелями автомобильной аварии незнакомых для них людей. В-третьих, опрашиваемые часто выделяют такое событие, как стресс по поводу переживания опасного для жизни заболевания или травм. Всего зафиксировано 40 таких упоминаний в качестве наиболее тяжелого события. Часть респондентов указывает на переживания по поводу болезни родственника или друга, другая часть испытывает стресс по поводу собственного заболевания или травмы.

В исследовании важно было оценить не только частоту встречаемости потенциально травматических событий, но и понять степень интенсивности влияния данных событий. Для этой цели было выделено три группы респондентов с высокими, средними и низкими показателями по общему баллу методики PCL-5. Деление проводилось по квартилям, где нижняя граница квартиля равна 3, верхняя – 23 (min=0, max=70, Me=11). Таким образом, были выделены три группы, различающиеся по интенсивности переживания травматического события: в группу с высоким баллом вошли респонденты со значе-

ниями по общему показателю методики PCL-5 от 24 баллов и выше (n=86), в группу со средним уровнем переживания – от 3 до 23 баллов (n=197), в группу с низкой интенсивностью – до 2 баллов (n=76).

Предварительно отметим, что во всех трех группах наблюдаются симптомы ПТС, такой вывод можно сделать на основе показателя по методике Миссисипская шкала (МШ). В группе, где интенсивность переживания травматического события оценивалась высоко, показатель МШ равен 100 баллам (Me), в группе со средними значениями Me=80. Наконец, в группе с низкими оценками травматичности события показатель МШ равен Me=75. Однако корреляционный анализ на уровне значимости $p<0,05$ показал, что показатель МШ и общий балл методики PCL-5 взаимосвязаны только в двух группах: с высокими ($r_s=0,6$) и средними ($r_s=0,3$) оценками интенсивности переживания. Дальнейший анализ проводился именно в этих группах.

В группе респондентов, где потенциально травматические ситуации переживаются наиболее интенсивно, чаще упоминаются события, связанные со смертью (из 95 упоминаний 26 получили максимальных балл), а также болезнью или травмой (из 40 упоминаний 13 получили наивысший балл).

В группе, где потенциально травматические ситуации переживаются умеренно вошли также события, связанные со смертью (24 средних оценок из 95), однако здесь чаще упоминались события, связанные со смертью в результате несчастного случая. Чуть реже упоминаются опасные заболевания (12 средних оценок из 40). Наиболее часто средними оценками респонденты фиксируют транспортные аварии (28 средних оценок из 59).

Таким образом, выделенные в качестве наиболее распространенных события являются также и наиболее травматичными.

Анализ половых различий в степени переживания наиболее частотных событий был проведен с помощью критерия U Манна–Уитни. Было показано, что степень интенсивности переживания ситуаций, связанных с автоавариями, опасными заболеваниями, смертью, не различаются в мужской и женской выборках ($p>0,05$).

Таким образом, применение методики PCL-5 в исследовательских целях позволяет изучать не только интенсивность имеющихся признаков посттравматического стресса, но также и учитывать конкретный пережитый индивидом травматический опыт. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что наиболее тяжелыми и вызывающими интенсивное беспокойство даже спустя большой промежуток времени событиями являются ситуации утраты близких, опасные заболевания, а также автоаварии. Несмотря на то, что эти

ситуации распространены, а некоторые из них, как например естественная смерть, неизбежны, они представляют собой наиболее травмирующий жизненный опыт, тяжесть переживания которого может быть усугублена развитием стойких негативных симптомов посттравматического стресса.

Описанные результаты задают основной вектор для дальнейшего развития исследования, в русле которого планируется уточнение понятия «травматическое событие», выделение специфики воздействия различных по характеру стрессоров. Кроме того, в дальнейшей работе должен быть учтен фактор давности события, а также более подробно рассмотрены социодемографические характеристики участников исследования.

Литература

Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макарчук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.

Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Weathers F. W., Litz B. T., Keane T. M., Palmieri P., Marx B. P., Schnur P. P. The PTSD Checklist fo rDSM-5 (PCL-5) (2013). URL: https://www.ptsd.va.gov/professional/assessment/adultsr/ptsd-checklist.asp (дата обращения: 10.07.2017).

Влияние формулировки во времени на оценку вероятности событий и принятие решений

А. П. Карабанов (*Москва*)

Принятие решений связано с проблемой снижения неопределенности задачи и оптимизации процесса выбора, обусловливаемых имплицитными эвристическими средствами. Эти средства могут рассматриваться как инструмент работы с информацией, тогда как выбор конкретного механизма оптимизации задачи из множества зависит от специфики проблемы и ситуации, что приводит к необходимости изучать особенности задач и условий их предъявления для объяснения механизма работы эвристических механизмов.

Механизм влияния особенностей задачи на выбор эвристических средств является неоднозначным, и зачастую объясняется через их влияние на определение полезности исходов. К примеру, описанный Д. Канеманом и А. Тверски (Канеман и др., 2005) эффект формулировки, демонстрирующий различные предпочтения при акцентировании в задаче положительных или негативных следствий выбора, может пониматься именно в связи с изменением эмоциональной оценки исходов, приводящей к различной оценке не отличающихся формально альтернатив. Мы предположили, что могут существовать и другие эффекты, работающие по аналогичному принципу.

В своих работах N. J. Roese (1997) обсуждает проблему контрфактуального мышления как процесса генерации альтернативных исходов в отношении ранее совершенного выбора. Как было обнаружено K. D. Markman, M. N. McMullen (2003), генерация гипотетических исходов может происходить непосредственно в процессе осуществления выбора (симуляционная эвристика) и участвует в процессе сравнивания альтернатив между собой в ходе принятия решения. В ряде исследований была показана связь параметров сложности задачи с механизмами оценки альтернатив: связь аффективной окрашенности контрфактуального мышления со степенью ожидаемости желательного исхода (Roese, Olson, 1996) и прямая связь количества альтернатив с повышением ожиданий от выбора (Diehl, Poynor, 2010). Таким образом, факт наличия гипотетических альтернатив, характерный для ситуации принятия решения в реальном времени, может оказывать влияние на выбор даже безотносительно качества этих альтернатив. Если же исход уже наступил, генерация контрфактуальных альтернатив должна быть выражена в меньшей степени, что в свою очередь будет влиять на оценку альтернатив и предпочтения.

Цель исследования заключалась в изучении механизмов снижения неопределенности при оценке вероятности и принятии решения в задачах, сформулированных в прошедшем и настоящем времени.

Гипотеза состояла в том, что формулировка задачи в прошедшем времени оказывает влияние на оценку и предпочтение альтернатив.

Методика

В исследовании приняло участие 108 чел. – преимущественно студентов факультета психологии ИП им. Л. С. Выготского (97 девушек, средний возраст – 18 лет, стандартное отклонение – 3,5). Каждому из испытуемых было предложено две задачи:

1) Оценить по аналоговой шкале от 0 до 100% вероятность следующих событий:

- Как вам кажется, какова вероятность того, что Иван попадет в ДТП, если сегодня после работы он будет возвращаться домой в состоянии сильного алкогольного опьянения с существенным превышением скорости?
- Вчера Николай удачно добрался до дома. Оцените вероятность того, что он бы попал в ДТП, если бы ехал в состоянии сильного алкогольного опьянения с существенным превышением скорости?

Обе задачи не имеют правильного решения, так как не содержат достаточного количества информации для оценки вероятности событий. Однако оба события являются равновероятными, и отличаются только относительным временем оценки – до или после наступления события. Поэтому нас интересовали не столько сами оценки для каждого из условий, сколько различия между ними у каждого конкретного человека.

2) Задача «азиатская проблема» в оригинальной и модифицированной версиях. Испытуемым было необходимо совершить альтернативный выбор между надежным (спасти 1/3 людей, пожертвовав оставшимися) и рискованным (с вероятностью 1/3 спасти всех, с вероятностью 2/3 потерять всех), модификация заключалась в том, что задача переформулировалась в прошедшем времени, т. е. так, будто некий исход уже произошел, но неизвестен.

Результаты и обсуждение

Как показали результаты первой задачи, 45,4% испытуемых давали отличающиеся оценки вероятности одного и того же события, причем локализованные в прошлом события оценивались как менее вероятные в сравнении с теми, которые предполагали исход в будущем (критерий знаковых рангов $Z=-3{,}918$, $p<0{,}001$).

Были продемонстрированы различия и в самом принципе оценивания. Гипотетическое событие оценивалось как более вероятное в 8,3% случаев ($n=9$), возможное в будущем – в 34,3% случаев ($n=37$). Мы произвели кластеризацию наблюдений (двухэтапый метод) по оценкам вероятностей двух событий и фактору их согласованности (с погрешностью в промежутке ±4%), в результате чего получили трехкластерную модель.

Наблюдения в кластерах 1–2 демонстрируют линейную зависимость оценок пары событий, тогда как в кластере 3 они независимы

друг от друга. Таким образом, мы можем говорить о трех принципах оценивания вероятности событий, формируемых пессимистичностью оценки и нечувствительностью к формулировке условия задачи, что можно расценивать как более рациональный паттерн.

Результаты второй задачи говорят о выраженном предпочтении надежных альтернатив (77%) рисковым (23%) при локализации события в прошлом; при формулировке в настоящем – будущем времени распределение предпочтений было равномерным, что говорит о значимом влиянии формулировки на предпочтения (χ^2=10,255, $p<0,01$).

Во всех вариантах задачи «азиатская эпидемия» вероятности событий были заданы 33,3% для положительного и 66,6% для негативного исхода. Эти вероятности примерно соответствуют процентным долям предпочтений в пользу положительного (23,2%) и негативного (76,8%) исходов, т. е. говорят о том, что испытуемые в каждой из ситуаций используют искаженные оценки. В ситуации гипотетического выбора используется минимаксная эвристика, суть которой заключается в минимизации вероятности максимального убытка (на 10% меньше априорной вероятности), а в ситуации выбора в возможной ситуации демонстрируется либо эффект пренебрежения вероятностью, основанный на упрощении принципа оценки альтернатив, либо максиминная эвристика, т. е. максимизация вероятности получить наибольшую выгоду (≈50%, т. е. на 17% больше априорной вероятности).

Заключение

Таким образом, полученные результаты говорят в пользу выдвинутой нами гипотезы о влиянии времени, в котором формулируется задача, на оценку альтернатив и их предпочтение. В задаче на выбор формулировка приводила к использованию различных имплицитных механизмов снижения неопределенности, в задаче на оценку – к рассогласованным оценкам идентичного события почти в половине исходов. Однако механизм этого воздействия до конца неясен. Является ли он следствием различной степени участия контрфактуального мышления, либо обусловлен различиями в эмоциональной оценке ожидаемого (в будущем) или гипотетического (в прошлом) событий – перспективная тема для дальнейших исследований?

Литература

Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.

Diehl K., Poynor C. Great expectations?! Assortment size, expectations and satisfaction // Journal of Marketing Research. 2010. V. 47. № 2. P. 312–322.
Markman K. D., McMullen M. N. A reflection and evaluation model of comparative thinking // Personality and Social Psychology Review. 2003. V. 7. № 3. P. 244–267.
Roese N. J., Olson J. M. Counterfactuals, casual attributions, and the hindsight bias: A conceptual integration // Journal of Experimental Social Psychology. 1996. V. 32. № 3. P. 197–227.
Roese N. J. Counterfactual Thinking // Psychological Bulletin. 1997. V. 121. № 1. P. 133–148.

Толерантность как системное качество личности школьника в контексте инклюзивного образования

М. М. Кашапов, А. А. Волченкова (*Ярославль*)

В психологии инклюзивного образования возникает спектр психолого-педагогических проблем, связанных с пониманием толерантности в контексте создания условий для комфортного пребывания и обучения детей с ОВЗ.

Актуальность изучения феномена толерантности определяется потребностью общества в рассмотрении толерантности как основы создания инклюзивной культуры образовательной организации; конструирования образовательных технологий, направленных на формирование толерантности. Решение данной проблемы, на наш взгляд, оказывается продуктивным при условии рассмотрения толерантности в рамках системного подхода. По мнению А. В. Карпова, системный подход, как и любой иной подход, представляет собой не «статический» методологический императив, а является развивающимся, эволюционирующим принципом познания (Карпов, 2004).

При рассмотрении феномена толерантности как системы мы учитывали, что человек с позиций дифференциальной психологии представляет собой триаду: индивид-личность-индивидуальность. Согласно В. С. Мерлину, индивидуальность – это индивид, личность и существующие между ними связи. Индивидный уровень (биологический фундамент – пол, темперамент, задатки способностей). На втором уровне (личность) проявляются предметно-содержательные качества (черты, способности, стилевые характеристики поведения). Третий уровень – духовно-мировоззренческих характеристик (направленность, ценности, установки) (Мерлин, 1986).

Феномен толерантности относится к уровню духовно-мировоззренческих характеристик. Его основу, на наш взгляд, составляют следующие компоненты: когнитивный, реализующий функцию познания; регулятивный, обеспечивающий регуляцию деятельности и поведения; коммуникативный, формирующийся и реализующийся в процессе общения человека с другими людьми. Когнитивный уровень изучался на основе когнитивно-стилевого подхода. Мы рассматриваем когнитивный стиль как интегратор определенной сферы индивидуальности, характеризующий способ когнитивной деятельности. Когнитивные стили как субъектно-стабильные характеристики познавательной активности не могут не влиять на качественное своеобразие и эффективность интеллектуальных процессов, которые являются основой деятельности субъекта. Когнитивные стили определяют качественное своеобразие операционной и регулирующей сторон познавательных способностей.

При формировании толерантности важно учитывать ее взаимосвязь с процессами психической регуляции личности, которая является своего рода «вертикалью», структурирующей различные качества личности. Разделяя точку зрения Г. С. Прыгина (Прыгин, 2009), мы считаем, что самостоятельность – это важное интегративное качество личности, которое отражает высокую степень сформированности системы осознанной регуляции. Регулятивный уровень изучался через типы психической регуляции личности.

Коммуникативный уровень исследовался нами в процессе проведения коррекционной программы «Формирование толерантности у детей, имеющих нормальное развитие к людям с ОВЗ и инвалидностью» (далее коррекционная программа), которую мы разработали, опираясь на подход Г. У. Солдатовой и Л. А. Шайгеровой (Солдатова, Шайгерова, 2004). Главная задача программы – сделать понятие «толерантность» близким и понятным для каждого участника занятий. Для этого, кроме теоретических занятий, нами использовались практические занятия.

Цель работы – исследовать когнитивные и регулятивные основы формирования толерантности школьников в контексте инклюзивного образования.

Гипотезы

1. На изменение уровня толерантности будут влиять:

– тип психической регуляции личности;
– когнитивный стиль «полезависимость»–«поленезависимость».

2. Целенаправленное и систематическое использование занятий коррекционной программы создает условия повышения толерантности у испытуемых к людям с ОВЗ и инвалидностью.
3. Мы ожидаем, что средние значения индекса толерантности, замеренные отсрочено (спустя три месяца), не будут значимо отличаться от результатов, полученных в предыдущем замере.

Выборка. Испытуемые – учащиеся 7–9 классов школ г. Ярославля: 292 чел. (155 девочек и 137 мальчиков).

Методики: опросник «автономности–зависимости» (Прыгин, 2009); экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Солдатова, 2004); тест включенных фигур (Холодная, 2002).

При планировании дизайна эксперимента мы использовали двухфакторную схему планирования. Внутригрупповой фактор «Повторное измерение» – обследование испытуемых до начала занятий по коррекционной программе, после их окончания и спустя 3 месяца. Межгрупповые факторы – принадлежность испытуемых к группам:

а) «Автономных» и «зависимых» по типу психической регуляции оценивалась по опроснику «автономности-зависимости» Г. С. Прыгина.
б) «Полезависимых» и «поленезависимых» по типу восприятия оценивалась по тесту включенных фигур К. Готтшальда.

Обработка данных и статистический анализ результатов проводился в системе IBM SPSS 22.0. Использовались процедуры: корреляционного анализа по Пирсону; процедуры ОЛМ-повторные измерения.

В результате статистической обработки данных были получены следующие результаты.

Результаты дисперсионного анализа обнаружили статистически достоверный эффект фактора «Повторного тестирования» на изменение величины индекса толерантности ($F(2,0)=24,911$; $p=0,000$) в группах «автономных» и «зависимых» субъектов; ($F(2,0)=23,624$; $p=0,000$) в группах «полезависимых» и «поленезависимых» субъектов. Индекс толерантности увеличился после повторного тестирования и после отсроченного замера статистически достоверно не угасает.

Так, занятия, нацеленные на повышение и укрепление толерантности у школьников, имели положительный результат. Через приобретение полезного и жизненно необходимого опыта, который подросток получает в процессе групповой работы, понятие толерантности наполняется не абстрактным, а конкретным личностным смыслом, и только так оно может стать реально действующим

конструктом, определяющим поведение человека. Важной задачей занятий коррекционной программы являлось формирование позитивного отношения к самому себе, в первую очередь, чувства собственного достоинства и способности к самопознанию. Быть толерантным к себе, означает развитие способности не предавать себя и свои интересы. Данный комплекс самоотношения личности – необходимое условие позитивного отношения к другим и доброжелательного отношения к миру.

Обнаружено, что группе «зависимых» субъектов толерантность повышается значимо выше, в сравнении с «автономными». «Зависимым» в силу своих личностных особенностей проще подстроиться под внешние требования. Анализируя субъектную регуляцию данной группы испытуемых можно сказать, что она лишена целостности, что расширяет возможности влияния занятий программы. Деятельность «автономных» основана на доминирующем учете субъективных факторов.

В группе «полезависимых» субъектов толерантность повышается значимо выше, в сравнении с группой «поленезависимых». Полученные результаты подтверждают позицию W. Crozier относительно социальной позиции полезависимых субъектов. Полезависимые испытуемые более внушаемы, чувствительны к социальным воздействиям, больше нуждаются в поддержке окружающих, им свойственна теплота и сердечность; ориентируются на внешние источники информации. Поэтому проведенные занятия имели свой позитивный результат в данной группе испытуемых. Поленезависимость связана с ориентацией человека на внутренние источники информации (ценности, установки, знания, опыт), поэтому испытуемые данной группы в меньшей степени подвержены влиянию внешних ориентиров, они более автономны и не нуждаются в мнении социума; выделяют в ситуации ее существенные, а не более заметные черты; склонны к активному научению. Испытуемые данной группы активно ищут информацию и оказываются более осведомленными.

Выводы

Обоснован общий методологический подход, наиболее релевантный психологической природе толерантности, – системный. В дискурсивном ключе рассмотрена общетеоретическая гипотеза, согласно которой толерантность представляет собой особую систему. Верификация данной гипотезы не являлась самоцелью, хотя и выступала достаточно значимым компонентом общего содержания данной работы. Именно с этих позиций оказалось возможным дать новую

интерпретацию и объяснение ряда традиционных вопросов и трудностей в психологии личности, и дифференциальной психологии, а также, получить совокупность дополнительных, не описанных до настоящего времени закономерностей.

Литература

Карпов А. В. О метасистемном подходе в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Ярославль, 2004.

Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Прыгин Г. С. Психология самостоятельности: Монография. Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009.

Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Разные, но равные: большие психологические игры. М.: Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004.

Холодная М. А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М.: Пэр Сэ, 2002.

Соотношение смысложизненных ориентаций и мотивационно-смысловых образований в процессе адаптации студентов в вузе*

М. М. Кашапов, Р. Т. Фасхутдинов (*Ярославль*)

Проблема адаптации достаточно длительное время находится в фокусе внимания исследователей разных направлений отечественной и зарубежной психологии. Одним из перспективных, по мнению В. В. Знакова, является экзистенциальный подход к проблемам адаптации человека в обществе (Знаков, 2016). В контексте данного подхода осуществляется определение личности через мораль: в чем человек видит смысл своего существования. Адаптация студентов проблема емкая, ибо содержание процесса адаптации включает в себя множество стадий и механизмов, что подчеркивает ее полиструктурность, полифункциональность и позволяет рассматривать вопрос на разных уровнях: начиная с феноменологии вопроса, заканчивая детальным разбором механизмов, способов и стратегий поведения. В литературе можно встретить разную классификацию по видам адаптации и уровням ее анализа (Кашапов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00196а).

2015). При этом подчеркивается, что личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах (Сергиенко и др., 2009; Сергиенко, Виленская, 2010). Эффективность процесса социально-психологической адаптации во многом зависит от смысложизненных ориентации человека и его мотивационно-смысловых образований. При этом особую роль играет жизненный смысл как объективная характеристика места и роли объектов, явлений и событий действительности и действий субъекта в контексте его жизни. Жизненный смысл объективен, подчеркивает Д. А. Леонтьев, ибо не зависит от его осознания, при этом он индивидуален, неповторим. Это не психологическое, а скорее метафизическое понятие (Леонтьев, 2006).

Исследование мотивационной направленности студентов вуза определяется необходимостью обновления не только содержания, но и технологий образования в высшей школе в условиях введения нового федерального государственного образовательного стандарта.

Цель: изучить особенности влияния смысложизненных ориентаций и мотивационно-смысловых образований на процесс социально-психологической адаптации студентов в вузе.

В качестве *гипотез* исследования мы выдвинули предположения о том, что на уровень социально-психологической адаптации будут влиять: наличие в жизни испытуемого целей будущего, которые придают жизни осмысленность; осмысленность жизни в целом; мотивационная направленность личности.

Методики: тест смысложизненных ориентаций «СЖО» (Д. А. Леонтьев), методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджеса и Р. Даймонда), опросник «Мотивация к избеганию неудач» (Т. Элерса), методы статистической обработки.

При планировании структуры эмпирического исследования использовалась однофакторная схема планирования. Межгрупповой фактор – принадлежность испытуемых к группам: а) «Адаптированные»; б) «Дезадаптированные». Принадлежность испытуемых к одной из двух групп оценивалась по методике диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонда).

Процедура исследования. Эмпирическое исследование мы начали с входного тестирования. По результатам предварительного тестирования учащиеся были разделены на группы: «адаптированные» – «дезадаптированные».

Выборка. Исследование проводилось на базе Ярославского филиала, Московского финансово-юридического университета (МФЮА).

В качестве испытуемых приняли участие 74 студента-первокурсника специальности «таможенное дело» (39 девушек и 35 юношей) в возрасте от 17 до 22 лет.

Обработка данных и статистический анализ результатов проводился в системе IBM SPSS 22.0. Использовались процедуры: описательных статистик; корреляционного анализа по Пирсону; однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA); t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты и обсуждение

1. Результаты дисперсионного анализа обнаружили статистически достоверный эффект фактора «Группа испытуемых» на показатели величины мотивационной направленности личности, изучаемой через конструкт мотивации избегания неудач (F(17,499)=125,185, p=0,00). Показатели величины мотивационной направленности личности в группе «адаптированных» субъектов показало преимущество в сравнении с испытуемыми группы «дезадаптированных» субъектов, т. е. студентам, относящимся к группе «адаптированных» субъектов, в качестве мотивационной направленности присуща мотивация избегания неудач.

   Студенты, которым свойственна мотивация избегания неудач концентрируются на возможных сложностях, стараются минимизировать потери в ситуации достижения своих целей. У них повышена тревожность из-за постоянных сомнений и неуверенности в своих силах решить проблемы и достичь успеха. Однако эта мотивационная стратегия заставляет работать больше, чем обычно, появление непредвиденных сложностей может значительно повлиять на эффективность их действий.

   Иначе говоря, для студентов с мотивацией, направленной на избегание неудач, характерна малоинициативность, уклонение от заданий с высокой степенью ответственности, различные способы отказа, ухода от них. Помимо прочего, можно выделить свойственную подобным студентам малую степень настойчивости в достижении цели, преимущественный выбор простых, нетрудоемких заданий, недооценивание своих возможностей и нестабильность самооценки при столкновении с неудачами.
2. Результаты дисперсионного анализа также обнаружили статистически достоверный эффект фактора «Группа испытуемых» на показатели величины по шкале «цели в жизни» (F (60,282)=189,406,

p=0,00). Показатели величины по шкале «цели в жизни» в группе «адаптированных» субъектов показало преимущество в сравнении с испытуемыми группы «дезадаптированных» субъектов, т. е. студенты, входящие в группу «адаптированных» субъектов, имеют больше целей в жизни, в сравнении со студентами, входящих в группу «дезадаптированных» субъектов.

Результаты дисперсионного анализа также обнаружили статистически достоверный эффект фактора «Группа испытуемых» на показатели величины по шкале *«цели в жизни»*. Показатели величины по шкале «цели в жизни» в группе «адаптированных» субъектов показало преимущество в сравнении с испытуемыми группы «дезадаптированных» субъектов.

Студенты, входящие в группу «дезадаптированных» субъектов, зачастую не имеют представления о будущем, живут сегодняшним днем, не уделяя достаточно внимания процессу постановки и планирования целей. Отсутствие представлений о будущем, его целей и смысла создает ситуацию нестабильности и, как результат – трудности, связанные, прежде всего, с усложнением в поиске ответа на проблемные вопросы, касающиеся адаптации.

3. Результаты дисперсионного анализа также обнаружили статистически достоверный эффект фактора «Группа испытуемых» на показатели величины по шкале «осмысленность жизни» (F(11,479)=119,995, p=0,00). Показатели величины по шкале «осмысленность жизни» в группе «адаптированных» субъектов показало преимущество в сравнении с испытуемыми группы «дезадаптированных» субъектов, т. е. студентам, относящимся к группе «адаптированных» субъектов, в большей степени характерна осмысленность жизни, в сравнении с группой «дезадаптированных» субъектов.

Анализ полученных результатов позволяет отметить, что в целом студенты-первокурсники удовлетворены прожитой жизнью. Настоящую жизнь воспринимают интересной и эмоционально насыщенной. Студенты имеют определенные цели на будущую жизнь. Однако они не совсем уверены, что способны контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. На уровень социально-психологической адаптации действительно влияют наличие в жизни испытуемого целей будущего, общий показатель осмысленности жизни и мотивационная направленность личности. Таким образом, наши гипотезы исследования подтвердились.

Выводы

1. Установлены причинно-следственные связи между параметрами осмысленности жизни и социально-психологической адаптацией: чем выше осмысленность жизни, тем выше уровень развития социально-психологической адаптации.
2. Мотивация избегания неудач характерна для студентов, относящихся к группе «адаптированных» субъектов.
3. Студенты с ориентацией на успех способны к быстрой мобилизации внутренних ресурсов при столкновении с неудачами, обладают адекватной оценкой своих возможностей, используют интеллектуальные ресурсы, незамедлительно включая их в поиск и разработку решений возникшей проблемы.

Литература

Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Кашапов А. С. Социально-психологическая адаптированность студентов: проблемы и решения: монография. Ярославль: ИПК «Индиго», 2015.

Леонтьев Д. А. К психологии поступка // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. Ростов-н/Д., 2006. Вып. 2. С. 153–158.

Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Сохранение социально-психологической безопасности семьи как метод повышения адаптационной устойчивости представителей экстремальных профессий

А. Ю. Киворкова (*Кисловодск*)

Социально-экономические и демографические трансформации, происходящие в духовной сфере общества, влекут за собой изменения поведенческих стереотипов, деструктивно воздействующих на сферу взаимоотношений с окружающими и, как следствие, нарушающих целостность психологической безопасности семьи. Семьи представителей экстремальных профессий (спасателей, пожарных, подводников, космонавтов, летчиков, военнослужащих – участни-

ков боевых действий, сотрудников правоохранительной системы) выполняют в основном те же общественные функции, что и любые другие, однако испытывают большое воздействие различных экстремальных ситуаций, связанных со спецификой профессиональной деятельности, нацеленной на поддержание правопорядка, обороноспособности и безопасности государства. Профессиональная деятельность военнослужащих, зачастую связанная с пребыванием в экстремальных условиях, характеризуется перенапряжением психических и физиологических функций, следовательно, диктует высокие требования к психофизиологическому и психологическому состоянию (Соловьев, Киворкова, 2015). Если масштаб экстремальной ситуации таков, что она ставит на грань выживания здоровье, психику и приводит к психологической дезадаптации как каждого члена семьи, так и общества, то речь может идти о нарушении социальной безопасности, определяющей безопасность государства, в целом (Волынец, 2015).

Под психологической безопасностью семьи подразумевается способность ее представителей сохранять устойчивость в психотравмирующей ситуации, в сопротивляемости деструктивным внутренним и внешним воздействиям. Семья играет заметную роль в обеспечении нормального функционирования представителей подразделений силовых структур. Воздействие посттравматического стресса и семейной системы является реципрокным: семейная поддержка помогает справиться с последствиями травмирующих ситуаций, но личность, страдающая от интенсивного воздействия экстремальных факторов, может привносить собственные негативные переживания в межличностное общение, оказывая влияние на семейную систему (Пермогорская, Падун, 2011). Представители экстремальных профессий создают вокруг себя хроническую стрессовую ситуацию, которая вторично оказывает влияние на психическое и психосоматическое здоровье микросоциального окружения, формируя замкнутый круг процесса индуцирования (Киворкова, Соловьев, 2017). Внимание исследователей в основном направлено на разработку новых методик восстановления нарушений психофизиологических функций у специалистов опасных профессий (Старостин и др., 2012). Вместе с тем, учитывая, что семейные отношения могут стабилизировать или дестабилизировать работоспособность и уровень адекватности самосознания военнослужащих, необходимо разрабатывать и внедрять методы психологической коррекции членов их семей, направленные на активизацию внутренних резервов и повышение стрессоустойчивости.

На основании вышеизложенного *целью* настоящего исследования явилось выявление эффективности реабилитационных мероприятий, ориентированных на снижение уровня социальной дезадаптации и восстановление психологической безопасности членов семей представителей экстремального профиля служебной деятельности.

Материалы и методы: нами обследованы 149 чел. в возрасте 22–48 лет (средний возраст – 39,5+5,4 года) – жены военнослужащих, профессиональная деятельность которых связана с командированием в регионы со сложной оперативной обстановкой. Все обследуемые обратились за помощью в кабинет медико-психологической реабилитации в связи с нарушениями семейных отношений; превалировали жалобы на немотивированные колебания настроения, плохой сон с частыми пробуждениями, слезливость, безотчетные опасения, тревожность, вспыльчивость, раздражительность, конфликтность. Для восстановления психофизиологических ресурсов, редукции астенических проявлений, преодоления неосознанных психологических защит, физической переработки негативных эмоций, повышенного психофизиологического напряжения в реабилитационный курс были включены тренинги с биологической обратной связью (БОС) в сочетании с психотерапевтической помощью (рациональная, кататимно-имагинативная психотерапия, сеансы гетеротренинга). Восстановительные мероприятия были направлены на формирование мотивации на изучение собственных психологических особенностей и личностных характеристик и формирование навыков адаптивного поведения в семье. Статистическая обработка производилась с использованием пакета прикладных статистических программ SPSS 16.0.

Результаты исследования показали, что оказание психотерапевтической помощи способствовало преодолению у членов семей военнослужащих коммуникативного барьера, который, как правило, возникал относительно информации, связанной с пережитым ими психотравмирующим опытом. Включение в программу реабилитации биоповеденческой терапии, базирующейся на технологии БОС, способствовало снижению показателей напряжения с усвоением психотерапевтической информации, повышению психологической активности и мотивации к дальнейшей психотерапевтической работе. В процессе сеансов кататимно-имагинативной психотерапии женам военнослужащих удавалось взглянуть на пережитые стрессовые ситуации как бы со стороны, восстановить целостную картину значимых для актуального психологического состояния событий, глубже

осознать и, возможно, переосмыслить то, что они пережили в психотравматизирующий период, и то, как это повлияло на их последующие поступки, жизнедеятельность и здоровье. Наблюдалась положительная динамика психоэмоционального состояния. Позитивные эмоции, вызванные оптимальным решением семейного кризиса, снижение напряжения негативных эмоций свидетельствовали об успехе и завершенности психотерапевтического процесса. Улучшалось самочувствие, настроение, снижалась интенсивность жалоб на повышенную раздражительность и агрессивность супруга. Клинические результаты подтверждались данными психофизиологического обследования, проведенными после окончания реабилитационного курса. Динамическое исследование электроэнцефалографических (ЭЭГ) – ритмов показало значимые изменения изучаемых параметров. У женщин с выработанным в процессе коррекционных сеансов БОС навыком произвольного увеличения альфа-ритма наблюдался положительный терапевтический эффект со снижением частоты депрессивных состояний и уровня тревожности. Отмеченное в процессе восстановительных мероприятий увеличение амплитуды альфа-ритма также свидетельствовало о снижении личностной тревожности. При анализе отфильтрованных ЭЭГ-параметров отмечалось значимое повышение базового уровня амплитуды альфа-ритма с 6,74±3,61 до 11,3±5,99 мкВ и снижение тета-активности с 8,44±3,63 до 5,15±1,98 мкВ, что свидетельствовало о повышении устойчивости к стрессу, развитии навыков глубокой психической релаксации. К окончанию курса показатели интегральной электромиографического напряжения снизились с 9,25±3,39 до 4,95±1,82 мкВ ($p<0,001$).

Выводы: своевременное выявление лиц группы риска из числа членов семей военнослужащих, находящихся в условиях повышенного стрессирования, способствует повышению качества коррекции нарушений в психофизиологическом состоянии и эффективности осуществления индивидуальной психокоррекционной работы, а также улучшению внутрисемейных взаимоотношений лиц, подвергающихся стрессовому воздействию различных экстремальных ситуаций. Восстановление психологического резерва жен комбатантов, повышение их психологической и личностной толерантности, понимания и терпимости к происходящим изменениям в психологическом состоянии супруга оказывают необходимую помощь в купировании проявлений дезадаптации у представителей экстремальных профессий, сохраняя здоровье, и одновременно благоприятствуют сохранению психологической безопасностисемьи.

Литература

Волынец И. В. Психологическая безопасность семьи как способ формирования общества будущего // Живая психология. 2015. Т. 2. № 4. С. 363–366.

Пермогорская Е. М., Падун М. А. Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД – участников контртеррористических операций на Северном Кавказе // Психологические исследования. 2011. Т. 3. № 17. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 26.08.2017).

Киворкова А. Ю., Соловьев А. Г. Социально-психологическая дезадаптация и направления реабилитации членов семей представителей экстремального профиля служебной деятельности // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2017. № 2. С. 3–9.

Соловьев А. Г., Киворкова А. Ю. Психологическое сопровождение жен военнослужащих, находящихся в условиях внутрисемейной стрессовой ситуации: // Современные тенденции в развитии психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлева, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Старостин О. А., Соловьев А. Г., Барачевский Ю. Е., Мусаев Р. Б. Коррекция нарушений психофизиологических функций у специалистов опасных профессий путем сочетанного использования разномодальных физических факторов // Экология человека. 2012. № 5. С. 36–40.

Взаимосвязь локуса контроля и временной перспективы у людей молодого возраста

А. В. Кипнис, Э. Б. Карпова (*Санкт-Петербург*)

Общество ставит перед молодежью (людьми от 20 до 30 лет) ряд важных вопросов, многие из которых связаны с постановкой целей и определением своего жизненного пути. В этот период человек проходит определенные вехи, такие как профессиональное становление, начало карьеры, вступление в брак. В целом, можно сказать, что этот период характеризуется конкретизацией целей, размышлениями над определяющими дальнейшую жизнь выборами. В связи с этим, наряду с общими проблемами личностного развития людей молодого возраста, особое внимание в научной литературе уделяется особенностям их мотивационной сферы (И. А. Бариляк, Е. Л. Виноградова, Е. Б. Гончарова, Е. В. Карпова, A. Gottfried и др.).

Локус контроля и временная перспектива – психологические категории, введенные авторами соответствующих концепций, счита-

ющими эти личностные характеристики определяющими в достижении человеком поставленных целей. При этом количество работ, в которых бы изучались оба эти аспекта, очень мало. Локус контроля – это атрибуция успехов и неудач как результатов собственных действий, своих личных особенностей и компетенций («интерналы») или же как результат случайностей и внешних обстоятельств («экстерналы»). В своих исследованиях Дж. Роттер доказал, что «экстерналы» обладают более слабой мотивацией, в то время как «интерналы» характеризуются стремлением к более высоким достижениям.

Временная перспектива – это отношение к временно́му континууму собственной жизни, ориентация на тот или иной период: на прошлое, настоящее или будущее. Ф. Зимбардо и Дж. Бойд считали, что у каждого человека есть тенденция к определенной временной перспективе – он может ориентироваться больше на прошлое, на будущее или на настоящее (Зимбардо, Бойд, 2010).

Эти и другие авторы говорили также «о влиянии на поведение человека и его жизнь» неосознаваемой изначально временной перспективы (Власенко, 2014, с. 921–924), которая формируется с течением жизни благодаря внешним воздействиям. Осознание временной перспективы в значительной степени связано с произвольной активностью и саморегуляцией человека. Ф. Зимбардо и соавторы рассматривали временную перспективу в период от юности к взрослости как инструмент, который позволяет человеку ставить цели и иметь мотивацию к их достижению. При этом, на наш взгляд, не достаточно только ориентации и постановки целей, необходима еще вера в собственные силы и ощущение контроля над собственной жизнью, подчиненность событий жизни внутренним, а не внешним силам. Дж. Роттер считал, что интернальность и экстернальность локуса контроля имеют большое влияние на решение проблемных ситуаций (Роттер, 1954). Изначально теория локуса контроля появилась из более ранней концепции Роттера – концепции антиципации. Можно сказать, что локус контроля – это антиципация (предвосхищение) награждения и результата за свои действия. Умение предвосхищать должно, по нашим представлениям, быть связанным с ориентацией на будущее.

В последнее время многие отечественные исследователи обращают свое внимание на изучение временной перспективы (Н. Н. Толстых, А. М. Прихожан, А. А. Кроник, К. А. Абульханова-Славская и др.). В основном в фокусе внимания исследователей лежит изучение временной перспективы у детей и подростков. Не менее важным

и перспективным представляется изучение характеристик этой категории у людей молодого возраста.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей временной перспективы и локуса контроля у людей молодого возраста, а также изучение взаимосвязи этих характеристик. *Гипотеза* состояла в том, что у молодых людей, склонных видеть причину своих результатов в собственных действиях (с интернальным локусом контроля), будет выраженная ориентация на будущее, в то время как у тех, кто объясняет происходящее с ними внешними причинами (людей с экстернальным локусом контроля), будет выражена ориентация на фаталистическое настоящее.

Исследование проходило в формате онлайн-опроса. Выборку составили 61 чел.: 21 – юноши и 54 – девушки в возрасте от 20 до 30 лет. Средний возраст респондентов составил 23 года. В исследовании были использованы «Опросник временной перспективы Зимбардо» (Сырцова, Соколова, Митина, 2008) и «Тест локус контроля» (Елисеев, 2003).

В результате исследования по методике временной перспективы были получены следующие средние показатели: 3,093 по шкале негативное прошлое, 3,701 по шкале будущего, 3,388 по шкале гедонистического настоящего, 2,436 по шкале фаталистического будущего и 3,121 по шкале позитивного прошлого. Сопоставление полученных данных со средними оценками, представленными авторами русскоязычной версии, показало, что данная выборка не отличается по этим показателям от среднепопуляционных. Средние показатели по методике локуса контроля Роттера: – 10,74 по шкале интернальности и 11,91 – по шкале экстернальности. При этом «интерналов» и «экстерналов» оказалось приблизительно равное количество (23 и 26). Остальные респонденты получили почти равные показатели по обеим шкалам, т. е. являются «смешанными» типами.

Анализ нормальности распределения был выполнен с помощью критерия Колмогорова–Смирнова. Для изучения взаимосвязи был применен корреляционный анализ (r-Спирмена). Анализ показал, что экстернальность положительно связана с негативным прошлым ($r=0,495$, $p<0,01$) и фаталистическим настоящим ($r=0,316$, $p<0,05$), в то время как интернальность имеет отрицательную связь с негативным прошлым ($r=-0,445$, $p<0,01$) и фаталистическим настоящим ($r=-0,323$, $p<0,05$).

По результатам исследования можно говорить о том, что исследуемая возрастная группа характеризуется равной ориентацией на разные промежутки временной перспективы. Кроме того, среди людей

молодого возраста одинаково распространены как интернальный, так и экстернальный локус контроля. Интересными, по нашему мнению, представляются результаты найденных взаимосвязей. Гипотеза о том, что «интерналы» будут больше ориентированы на будущее, а «экстерналы» больше на фаталистическое настоящее подтвердилась частично. Результаты исследования говорят о том, что «экстерналы» склонны негативно оценивать свое прошлое и воспринимают судьбу, как предопределяющую их жизнь, в то время как «интерналы», наоборот, не склонны рассматривать свое прошлое, как неудачное и не предрасположены доверять судьбе. Другими словами, убежденность в том, что происходящее – успехи и неудачи – обусловлено внешними причинами, связана с негативной оценкой своего прошлого и представлением относительно предопределенности своего настоящего, невозможностью на него повлиять.

Сравнительный анализ показателей обеих психодиагностических методов у молодых людей и девушек, проведенный с помощью критерий t-Стьюдента, не обнаружил значимых различий.

Для изучения различий между выраженными «интерналами» и «экстерналами» испытуемые были разделены на три группы. Выборка была разделена по процентилям, а именно по четвертому и шестому, по шкалам экстернальности и интернальности. Между собой сравнивались группы лиц, получивших высокие показатели по шкалам «экстернальность» или «интернальность»; группа респондентов, получивших средние показатели, в анализе не использовалась.

Полученные данные подтвердили описанные выше результаты. Выраженные «экстерналы» значительно в большей степени ($p<0,001$) подвержены оценивать свое прошлое, как негативное по сравнению с выраженными «интерналами». То же можно сказать об оценках «фатального настоящего»: у выраженных «экстерналов» средний показатель значительно выше ($p<0,05$), чем у выраженных «интерналов».

Полученные данные свидетельствуют о том, что изучение временной перспективы во взаимосвязи с локусом контроля имеет научный потенциал. Более глубокое изучение взаимосвязей этих переменных на разных выборках и сравнительные исследования в разные возрастные периоды могут дать плодотворные результаты для науки и прикладных областей.

Литература

Власенко А. И. Временная перспектива как подструктура самосознания депривированной личности // Молодой ученый. 2014. № 8 (67). С. 921–924.

Елисеев О. П. Локус контроля // Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2003. С. 413–417.
Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.
Rotter J. B. Social learning and clinical psychology. N. Y.: Prentice-Hall, 1954.

Особенности событийной реконструкции временной перспективы личности при состоянии алкогольной зависимости

Д. С. Кириллова (*Курск*)

Ц*елью* исследования является изучение особенностей событийной реконструкции временной перспективы личности при состоянии алкогольной зависимости.

Гипотезы исследования

1. Временная перцепция является сложной системой, осуществляющей образное отражение явлений окружающей действительности, включающих в себя цикличность, длительность, скорость протекания, последовательность на психофизиологическом, нейропсихологическом, общепсихологическом, личностном, социально-психологическом уровнях.
2. Критериями дисфункционального характера временной перцепции при состоянии алкогольной зависимости на нейропсихологическом уровне выступают: сохранность/нарушение хронологии, целостность/дробность перцептивных процессов, интегрированность/дезинтегрированность временной перцептивной системы в целом.

Психодиагностические *методы* исследования:

- метод Событийной реконструкции временной перспективы личности (Никишина и др., 2015);
- «Субъективная оценка длительности времени» (SALT) (И. В. Запесоцкая, Д. С. Селиванова);
- Нейропсихологические пробы (Е. Д. Хомская);
- Ассоциативный эксперимент;
- опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова).

В рамках нейропсихологического подхода понятие временной перцепции можно определить, как образное отражение явлений окружающей действительности, включающих в себя цикличность, длительность, скорость протекания, последовательность (Лурия, 2006).

Субъективное событийное пространство является содержанием семантического пространства личности, которое обозначается в лингвистических формах (существительных, прилагательных, глаголах, местоимениях). Семантическое пространство определенным образом структурировано и представлено во взаимосвязях всех событий и в их опосредствованиях.

Особую роль в событийном пространстве личности играют события с посттравматическими последствиями, так как они аккумулируют в себе систему межсобытийных связей и нарушают временную перспективу личности. Результатом воздействия травматического события является сужение временной перспективы и «замыкание» событийного пространства личности вокруг данного события.

Восприятие временных свойств материального мира возможно только в том случае, если в сознании человека формируется субъективное время, способное отразить в себе временные свойства воспринимаемой объективно-реальной действительности (Хасанов, 2011).

И. А. Хасанов выделяет несколько особенностей восприятия субъективного настоящего времени:

1. Субъективное настоящее время дискретно, что обусловлено тем, что элементарный акт переживаний человека представляет собой результат весьма сложных нейрофизиологических информационных процессов, требующих для своей реализации некоторых предельно малых интервалов длительности.
2. Единомоментное восприятие протекающего в некоторых небольших интервалах объективного времени ряда последовательных событий (например, нескольких ударов метронома, боя часов и т. п.).
3. «Непосредственно текущее мгновение» субъективного настоящего времени может не совпадать с текущим мгновением объективного времени. Подобное наблюдается при состояниях, получивших в психиатрии наименование «возврата прошлого», «двуколейности переживаний», когда человек может заново переживать какие-то моменты своей прошедшей жизни как непосредственно текущее настоящее время.
4. Объективно реальное существование человека как материального тела, живого организма и социального существа протекает как бы в разных временных масштабах и с разными относительно

друг друга скоростями. Это обусловливает способность человека переживать как «непосредственно текущее настоящее время» интервалы времени разной длительности (Хасанов, 2011).

Как и любой другой вид патологии, нарушение временной перцепции реализуется на разных уровнях:

- психофизиологический: ускорение процессов метаболизма и скорость восприятия течения времени – при повышении температуры тела происходит укорочение субъективной минуты (Г. Хогланд). Снижение или утрата непосредственной оценки времени у пациентов с анестезией внутренних органов (Рубинштейн, 2005);
- нейропсихологический: неспособность оперировать временными соотношениями, при сохранности восприятия длительности у пациентов с кортикальными поражениями и нарушениями интеллектуальной деятельности (Рубинштейн, 2005);
- психологический: у пациентов с психогенной депрессией психическая активность сосредоточена на событиях прошлого, при эндогенных депрессиях большему изменению подвергается восприятие будущего (А. Бек);
- личностный: отсутствие смысла, как первичного компонента, по отношению к жизненным целям, событиям жизни индивида, с позиций индивидуальной психологии рассматривается как симптом личностной патологии и дисгармонии жизни (К. В. Карпинский); в ситуации хронического соматического заболевания будущее выступает суженым, неопределенным, нарушаются процессы планирования, построения временной перспективы, структурирования, планирования (Василенко, 2011).

В исследовании приняли участие 52 пациента (мужчины) с диагностированным синдромом зависимости от алкоголя F10.2 (согласно МКБ-10), находящиеся на стационарном лечении в ОБУЗ «Областная наркологическая больница». В контрольную группу вошли 36 мужчин и женщин, проходивших процедуру профосмотра на базе ОБУЗ «Областная наркологическая больница», с заключением «здоров».

Выводы

Дисфункциональный характер временной перцепции при состоянии алкогольной зависимости характеризуется тахихроническим типом восприятия времени. Опосредованный характер носит связь временного гнозиса и временной перцепции (восприятия временных интервалов). Опосредующим звеном в этой связи является хронологическая протяженность временной перспективы. В ситуации ал-

когольной зависимости это является тенденцией к выделению дискретных событий, и в меньшей степени – обобщенного, целостного образа временной перцепции.

Рассогласованность временной перспективы и процессов саморегуляции проявляется в наличии обратной связи между насыщенностью событийного пространства прошлого и процессами планирования: чем выше уровень планирования, тем меньше опознается событий прошлого, что является противоречием, так как процессу планирования соответствует событийного пространство будущего, а событийному пространству прошлого – процесс контроля деятельности.

Важно отметить разбалансированности и дезинтегрированности системы временной перцепции на уровне когнитивной регуляции, так как когнитивные процессы обнаружили исключительно внутренние прямые связи.

Состояние алкогольной зависимости приводит к нарушению плавности и стройности временного переживания, при этом оставляя сохранными значимые точки событийного пространства.

Литература

Василенко Т.Д. Жизненный путь личности: время и смысл человеческого бытия в норме и при соматической патологии. Курск: КГМУ, 2011.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: Учеб. пособие для студентов высших учебных Заведений. 4-е изд. М.: ИЦ «Академия», 2006.

Никишина В.Б., Петраш Е.А., Кузнецова А.А. Апробация методики событийной реконструкции временной перспективы личности // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 140–148.

Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005.

Хасанов И.А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2011.

Ценностные ориентации как фактор совладания взрослых, вовлеченных в воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья

О.В. Кирпичник (*Кострома*)

Одно из перспективных направлений в развитии психологии – психология благополучия (*wellbeing*). Этот интерес возник в ответ на развитие психологии в русле изучения ресурсов и позитивных возможностей человека. Важным контекстом развития темы благопо-

лучия является современная политическая, социальная, природная среда, которая определяет трудные условия жизни человека. В фокусе нашего внимания находятся взрослые, вовлеченные в воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ, конкретнее, с неизлечимыми заболеваниями – генетическими или на терминальной стадии болезни).

В трудных жизненных ситуациях при высоком хроническом стрессе, которым подвергается взрослый, воспитывающий больного ребенка или вовлеченный в помогающую деятельность таким детям, важное значение в исследовании благополучия человека имеет изучение адаптивных возможностей психики. К осознаваемым процессам адаптивного поведения субъекта относят совладающее поведение. Совладание определяется как «целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, через осознанные стратегии действий. Это сознательное поведение, направленное на активное взаимодействие с ситуацией, – изменение ситуации (поддающейся контролю) или приспособление к ней (если ситуация не поддается контролю)» (Крюкова, 2010). Вопросы совладания с трудными жизненными ситуациями, его стратегий, ресурсов, стилей рассматриваются в работах Р. Лазаруса, С. Фолкман, Р. Мусса, С. Хобфолла, Э. Скиннер, Л. И. Анциферовой, В. А. Бодрова, Т. Л. Крюковой, С. К. Нартовой-Бочевер, С. М. Олдвин, Н. А. Сироты, С. А. Хазовой и др. Идея регулирующей роли ценностных ориентаций в поведении и деятельности человека рассматривается в работах Ф. Е. Василюка, Д. А. Леонтьева, М. С. Яницкого, Ш. Шварца. Тем не менее, проблема влияния ценностных ориентаций на способы сознательного адаптивного поведения человека в трудной жизненной ситуации изучена крайне недостаточно. Нами проведено пилотажное исследование, посвященное этой проблеме.

Цель исследования: выявить связь ценностных ориентаций личности и способов совладающего поведения людей, вовлеченных в воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья (генетическими заболеваниями). Под вовлеченными в воспитание взрослыми мы подразумеваем родителей, воспитателей детских домов и волонтеров с длительным стажем добровольческой помощи детям с ОВЗ. Этих людей объединяет глубокая вовлеченность в процесс воспитания и развития детей с ОВЗ. Каждый из них сталкивается с проблемой совладания со стрессом и эмоционального выгорания в условиях необратимых генетических особенностей ребенка (на-

пример, синдром Дауна, мукополисахаридоз и др.), что часто является препятствием субъективного благополучия и взрослого, и ребенка. В рамках пилотажного этапа ставится задача собрать материал для корректировки дальнейшего плана исследования.

Задачи исследования

1. Выявить особенности структуры ценностных ориентаций людей, вовлеченных в воспитание детей с ОВЗ.
2. Выявить особенности совладающего поведения исследуемых взрослых.
3. Определить специфику связей между ценностными ориентациями и способами совладающего поведения взрослых, вовлеченных в воспитание детей с ОВЗ.

Использованы психодиагностические *методы* исследования, а также включенное наблюдение (исследователь был волонтером программы) и интервью:

1. Опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой и др. (ОСС).
2. Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности в адаптации В. Н. Карандашева, (2004).
3. Шкала субъективного счастья С. Любомирски в адаптации Д. А. Леонтьева (сокр. ШСС), 2003.
4. Методы статистического анализа: описательная статистика, корреляционный анализ.

Выборка исследования: 14 чел., 13 женщин, 1 мужчина; из них родители (2), воспитатели и психологи (6), волонтеры (7). Возраст от 22 до 49 лет (ср. возраст 35 лет). Представленные города: Москва, Кострома, Тверь, Галич.

Результаты исследования

Преобладающими ценностями на уровне нормативов и идеалов в исследуемой группе являются «Универсализм» (M=50, SD=8,6), «Доброта» (M=39, SD=4,7), «Самостоятельность» (M=36, SD=5,4). В основе этих типов ценностей, по мнению Ш. Шварца, лежат важность благополучия близких в повседневном общении людей, потребность в позитивном взаимодействии (полезность, лояльность, снисходительность, честность, ответственность, дружба, зрелая любовь), самостоятельность мышления и выбора способов действия, творчество и исследовательская активность. На уровне индивидуальных при-

оритетов – те же ценностные ориентации и «Безопасность». Мотивационная цель этого типа – безопасность для других людей и себя, гармония, стабильность общества и взаимоотношений, которая может включать понятия социальный порядок, безопасность семьи, взаимное расположение, взаимопомощь, чувство принадлежности, здоровье. Таким образом, структура идеалов респондентов согласуется с руководящими принципами их индивидуального поведения и поступками. Возможно, такая однородность выбора обусловлена преобладанием в выборке профессионалов и волонтеров, для которых выбор работы с детьми с ОВЗ предположительно осознан и является реализацией их ценностей. В данном случае необходимо расширить выборку и проанализировать различия между тремя группами взрослых.

В среднем в группе преобладают следующие стратегии совладания (приводятся относительные показатели по шкале): Переоценка (M=74, SD=14,6), Планирование (M=73, SD=10,9) – высокие показатели по нормативам; Поиск социальной поддержки (M=67, SD=19,5), Самоконтроль (M=62, SD=11,3), Ответственность (M=61, SD=16,3) – средние показатели по нормативам для взрослых. Как видим, в целом выбор делается в пользу продуктивных и социально ориентированных стратегий.

Установлено, что в исследуемой группе значимая связь между ценностными ориентациями и стратегиями совладания существует лишь по отдельным показателям. Так стратегия «Самоконтроль» связана с ценностями группы «Традиции» ($r=0,8$, $p<0,01$), стратегия «Поиск социальной поддержки» связана с приоритетом ценностей группы «Безопасность» ($r=0,75$, $p<0,01$). Значимые коэффициенты корреляции также можно наблюдать в парах «Самоконтроль»–«Конформность» ($r=0,65$, $p<0,01$), «Поиск социальной поддержки»–«Конформность» ($r=0,63$, $p<0,01$), «Переоценка»–«Доброта» ($r=0,58$, $p<0,01$). Схожие тенденции наблюдаются в парах указанных стратегий и ценностных ориентаций при анализе ценностей как индивидуальных приоритетов. Интересно, что названные выше преобладающие ценностные ориентации в выборке не имеют значимой связи со стратегиями совладания за исключением пары «Переоценка»–«Доброта» ($r=0,60$, $p<0,01$).

В опрос была включена также методика ШСС С. Любомирски. Средний показатель субъективного благополучия по выборке составил в относительном выражении к максимально возможному уровню 64%. Анализ данных показал наличие связи между уровнем субъективного благополучия и ценностными ориентациями. Наи-

более высокий показатель корреляции выявлен между Субъективным благополучием и ценностями группы «Стимуляция» (r=0,70, p<0,01). Мотивационная цель этого типа ценностей заключается в стремлении к глубоким переживаниям. Данные показатели позволяют сделать предположение о том, что преобладание в группе взрослых профессионалов и волонтеров делает одну из их основных мотиваций – глубокие переживания общения с таким ребенком – важными в этой деятельности. Также значимые показатели имеет связь субъективного благополучия и ценностей группы «Гедонизм» (r=0,58, p<0,01), «Достижения» (r=0,58, p<0,01), «Власть» (r=0,58, p<0,01). В данном случае важно отметить, что все три типа не фигурируют среди приоритетных ценностей исследуемой группы, но по результатам анализа связаны с субъективным благополучием. Ценности этих типов связаны с чувственным удовольствием, социальным статусом, социальным одобрением, авторитетом, признанием и в каком-то смысле вступают в противоречие с выбранными в приоритете идеалами и руководящими принципами. Можно сделать предположение об игнорировании или неудовлетворенности телесных, эмоциональных потребностей и социальной включенности и вследствие этого выраженность уровня субъективного благополучия находится не на самом высоком уровне. Значимых связей между стратегиями копинг-поведения и субъективным благополучием респондентов не выявлена.

Таким образом, особенности личности как механизм психологической адаптации играют важную роль в совладании с трудными жизненными ситуациями. Ценностные ориентации личности имеют связь с выбором стратегий совладающего поведения. Для снижения последствий переживаний и хронических стрессов, повышения уровня субъективного благополучия взрослых, вовлеченных в воспитание детей с ОВЗ, важно прилагать усилия как для расширения знаний о способах совладания, так и о развитии ценностно-смысловой сферы.

Литература

Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Изд. 2-е, испр., доп. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова–Авантитул, 2010.

Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.

Исследование вовлеченности в образовательный процесс у учащихся в колледже

Н. В. Киселева (*Екатеринбург*)

Вовлеченность обучающихся представляет интерес для научных исследований, так как является необходимым условием для того, чтобы достигались результаты образовательных программ.

Вовлеченность обучающихся – многомерный конструкт, включающий в себя совокупность представлений, установок, переживаний, мотивов и смыслов относительно как самого образования, его содержания, формы, качества и эффективности, так и относительно собственного профессионального пути. Вовлеченность обучающихся является неотъемлемой составляющей деятельности, направленной на собственное профессиональное развитие, характеризуется высоким уровнем значимости образования для субъекта и приписыванием ему высокой ценности. Вовлеченность определяется количеством физической и психологической энергии, которую обучающиеся вкладывают в учебную деятельность. Внешним выражением вовлеченности является высокая поведенческая активность. Вовлеченность зарождается в процессе вхождения обучающегося в образовательную деятельность, включена в определенный социальный контекст, сопровождает процесс социальной и профессиональной адаптации и представляет собой социально-психологический феномен.

На основании глубокого и всестороннего изучения феномена вовлеченности обучающихся как неотъемлемой части деятельности, направленной на профессиональное развитие, нами разработана пятикомпонентная структурная модель вовлеченности обучающихся. Объективная составляющая в модели представлена поведенческим компонентом, субъективная – когнитивным, эмоциональным, мотивационным, ценностным компонентами вовлеченности.

Основываясь на разных сочетаниях поведенческого и ценностного компонентов, мы выделили 4 формы вовлеченности:

1. Активная вовлеченность – высокий уровень вовлеченности, проявляющийся в поведении обучающегося и сочетающийся с высокой значимостью образования.
2. Вынужденная псевдововлеченность – высокий уровень вовлеченности, проявляющийся в поведении обучающегося сочетается с отсутствием сформированных личностных смыслов, связанных с образовательным процессом и профессиональным развитием,

с низким уровнем значимости образования и профессионального роста.

3. Пассивная вовлеченность – низкий уровень вовлеченности, проявляющийся в поведении обучающегося и сочетающийся с высокой значимостью образования.
4. Невовлеченность – характеризуется низкой поведенческой вовлеченностью и отсутствием ценностной значимости образования

Цель исследования – выявление структурной модели вовлеченности в непрерывное образование у обучающихся в колледже.

В исследовании приняли участие 256 учащихся в колледже г. Екатеринбурга, возраст респондентов – 17–20 лет (46% учатся на инженерных специальностях, 54% – на экономических специальностях). Каждый респондент индивидуально отвечал на вопросы из комплекса предъявляемых ему методик в письменной форме в течение часа.

Гипотеза исследования. В структурную модель вовлеченности могут входить устойчиво взаимосвязанные между собой компоненты: когнитивный, эмоциональный, поведенческий, мотивационный, ценностный.

В исследовании структуры вовлеченности были использованы следующие методики: анкета (AUSSE_2012_SEQ), опросник UWES, семантический дифференциал, методика М. Р. Гинцбурга (привлекательность профессии), методика «Удовлетворенность избранной профессией» (А. А. Реана; модификация методик В. А. Ядова и Н. В. Кузьминой), МИПИ, «Профиль личности Шварца».

Обработка результатов исследования проводилась с помощью качественного и количественного анализа с использованием статистических подсчетов в программах StatPlus, Excel 2013, IBM SPSS Statistics 23.

Результаты конфирматорного факторного анализа подтверждают пяти компонентную структуру вовлеченности в непрерывное образование у обучающихся (CFI=0,954; TLI=0,930).

Структура вовлеченности учащихся колледжа характеризуется множественными связями между когнитивным, эмоциональным, поведенческим, мотивационным и ценностным компонентами.

Описывая особенности проявления когнитивного и эмоционального компонентов у учащихся в колледже следует заметить следующее: обучающиеся фиксируются на рациональной выгоде образования, не верят в собственную эффективность в образовательном процессе, не уверены в своем профессиональном будущем, им свойственны переживания страха, тревожности и индифферентного отно-

шения, связанного с образовательным процессом, заинтересованность, оптимизм, уверенность – представлены в средней степени, так же им характерна низкая увлеченность и поглощенность; средняя удовлетворенность обучением, высокий уровень истощения. Они испытывают страх и тревогу и при размышлениях о своем будущем в профессии.

Описывая особенности проявления поведенческого компонента вовлеченности у учащихся в колледже следует заметить следующее: стремление проявлять активность выражено в средней степени, имеется высокая склонность к минимизации усилий и нежелание прилагать дополнительные усилия. Что интересно, обучающиеся колледжа затрачивают много времени на образовательную деятельность – практически все свое свободное время они тратят на обучение. Для них в меньшей степени характерна готовность учиться на протяжении всей жизни, т. е. они в меньшей степени ориентированы на обучение в будущем, демонстрируют невысокую готовность взаимодействовать с другими обучающимися и преподавателями, т. е. готовность к социальному взаимодействию в процессе обучения у них низкая.

Особенностями мотивационного и ценностного компонента вовлеченности учащихся в колледже является: доминирование внешней мотивации обучения, внутренняя мотивация у них выражена слабо. В целом, значимость образования – проявлена в среднем уровне, проявлены низкие показатели профессиональной идентичности и слабая устойчивость профессионального выбора.

Для учащихся колледжа наиболее ярко актуализированы такие потребности, как получение диплома, приобретение друзей, получение хорошей работы, качество образования, компетентность. Проявлена фрустрация потребностей в самостоятельности и творчестве, профессиональном статусе. Наиболее актуальными переживаниями для учащихся колледжа являются: ощущение сильной усталости, отсутствие энергии, переживание некомпетентности, нежелание работать по специальности, несовпадение ожиданий видения профессии, трудности с преподавателями, страх выходить на работу.

У большинства обучающихся в колледже проявлена пассивная вовлеченность (39% учащихся), что свидетельствует о том, что у многих учащихся имеется внутренние противоречия и кризисные переживания, связанные с профессиональным развитием. Так же ярко выражены активная вовлеченность (26%) и псевдововлеченность (25% учащихся), невовлеченность представлена более слабо (10%).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для учащихся в колледже в целом характерна невысокая вовлеченность в образовательный процесс. Необходимы мероприятия в учебном заведении способствующие повышению вовлеченности обучающихся, среди которых важны мероприятия направленные на адаптацию учащихся к образовательной среде, направленные на эмоциональную поддержку обучающихся в процессе профессионального развития.

На наш взгляд, важно чтобы в каждом учебном заведении проводился мониторинг вовлеченности обучающихся, это позволит выявлять имеющиеся проблемы и проводить профилактические меры по повышению вовлеченности, что позволит обеспечить достижение образовательных результатов.

Литература

Литвинова Е. Ю. Киселева Н. В. Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 5–17.

Малошонок Н. Г. Студенческая вовлеченность: почему важно изучать процесс обучения, а не только его результат? // Мониторинг университета. 2011. № 6. С. 11–21.

Сафьян Н. В. Вовлеченность обучающегося в непрерывное образование как социально-психологический феномен // Молодые ученые – столичному образованию: тезисы городской научно-практической конференции МГППУ XIV. М: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 160–162.

Факторы эффективного профессионального общения среднего медицинского персонала с пациентами

О. В. Киселева, Е. В. Беловол (*Москва*)

Одно из важных умений, необходимых для качественной деятельности медицинской сестры, – это грамотное общение с пациентом. Значимость навыков в данной области обусловлена тем, что психотерапевтическое воздействие, возможное при эффективном общении с пациентом, как известно, иногда превосходит другие методы лечения.

Общение пациентов с медицинскими работниками представляет собой одну из сложных и напряженных ситуаций взаимодействия. Так, попадая в условия взаимодействия с медицинскими работниками, человек чаще всего находится в состоянии тревоги, зачастую

в стрессовом состоянии. В наши дни увеличивается и без того немаленькая рабочая нагрузка на медицинских сотрудников, в частности медицинских сестер, что оказывает негативное влияние на их психоэмоциональное состояние. В связи с этим важно изучать особенности профессионального общения медицинских сестер, а также факторы, которые влияют на эффективность взаимодействия среднего медицинского персонала с пациентами. При выявлении данных факторов можно будет выяснить, какие особенности и умения необходимо развивать у медицинских сестер, с целью последующего повышения эффективности общения с больными, что благотворно скажется как на процессе выздоровления, так и на психоэмоциональном состоянии медицинских сестер.

Существуют исследования, связанные с профессиональным общением среднего медицинского персонала, примером которых является диссертация о влиянии профессионального общения на удовлетворенность трудом среднего медицинского персонала Л. А. Мурашовой (Мурашова, 2012), исследование специфики реагирования в конфликтных ситуациях среднего медицинского персонала И. В. Тихоновой (Тихонова, 2013). Несмотря на наличие исследований по проблеме общения среднего медицинского персонала, не были найдены исследования, в ходе которых описаны факторы, способствующие эффективному общению среднего медицинского персонала с пациентами.

На основе рассмотренных исследований и изучения специфики общения среднего медицинского персонала с пациентами, предполагаем, что влиять на эффективность общения с пациентами будет *эмоциональный интеллект, а также стаж работы и возраст* представителей среднего медицинского персонала.

Общая гипотеза исследования состоит в предположении о том, что существуют психологические и социально-психологические факторы, обеспечивающие эффективное общение медицинских сестер с пациентами. Общая гипотеза конкретизируется в частных:

1. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта способствует эффективному профессиональному общению медицинских сестер пациентами.
2. Чем больше стаж работы в сфере медицины, тем выше эффективность профессионального общения медицинских сестер пациентами.
3. Чем больше возраст медицинских сестер, тем выше эффективность профессионального общения медицинских сестер пациентами.

Основой исследования стали подход к определению эмоционального интеллекта Д. В. Люсина «эмоциональный интеллект – это способности к пониманию чужих эмоций и управлении ими... и способность к пониманию, и способность к управлению эмоциями может быть направлена и на собственные эмоции, и на эмоции других людей» (Люсин, 2004, с. 30), и положение А. А. Бодалева «общение – это всегда взаимодействие людей, при котором они познают друг друга, вступают в те или иные взаимоотношения и при котором между ними устанавливается определенное взаимообращение» (Бодалев, 2007, с. 15), определение профессионального общения, прежде всего, как степени квалификации владения (Сухов, Деркач, 2001).

В рамках данного исследования под эффективным профессиональным общением среднего медицинского персонала с пациентами понимаем основные принципы общения с пациентом, а также отсутствие эмоциональных барьеров в общении, обуславливающее их реализацию.

Для изучения эмоционального интеллекта использован опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д. В. Люсина. Для диагностики профессионального общения использованы методика диагностики эмоциональных барьеров («помех») в межличностном общении В. В. Бойко и опросник для диагностики эффективности профессионального общения медицинских сестер с пациентами, разработанный и апробированный в ходе данного исследования.

Исследование проводилось на базе ГБПОУ Департамента здравоохранения г. Москвы «Медицинский колледж № 7» Филиал 4. Участие приняли 63 представителя среднего медицинского персонала различных направлений (участковые м/с педиатрии, м/с физиотерапии, м/с офтальмологии и др. направлений). Возрастные границы респондентов от 21 до 60 лет. Средний возраст – 43 года. Стаж медицинских сестер варьировался от 5 до 48 лет.

В результате корреляционного анализа при помощи коэффициента корреляции Спирмена, с использованием статистического пакета, выявлено наличие значимой связи межличностного эмоционального интеллекта с эффективностью профессионального общения среднего медицинского персонала с пациентами (0,4; $p \leqslant 0{,}05$). Данная взаимосвязь позволяет предположить, что чем выше уровень развития эмоционального межличностного эмоционального интеллекта, тем выше эффективность профессионального общения медицинской сестры с пациентом. Это может говорить о том, что именно способность понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций, чуткость к состоянию других и умение

контролировать эмоции другого человека позволяют медицинским сестрам эффективно взаимодействовать с пациентами.

Согласно данным корреляционного анализа эмоциональных барьеров в общении и эмоционального интеллекта, низкий внутриличностный интеллект связан с наличием эмоциональных барьеров (–0,56; $p \leqslant 0,05$). Можно предположить, что слабо развитая способность к пониманию своих эмоций и управлению ими способствует возникновению в межличностном общении таких «помех» как неумение управлять эмоциями неадекватное проявление эмоций, неразвитость эмоций, доминирование негативных эмоций, нежелание сближаться на эмоциональной основе.

Данные корреляционного анализа подтверждает факторный анализ. Согласно данным факторного анализа было выделено 3 фактора, на которые приходится 72% общей дисперсии признаков: развитость эмоциональной сферы, профессиональный опыт, направленность на собеседника.

Развитость эмоциональной сферы отражает взаимосвязь низкого внутриличностного эмоционального интеллекта (–0,67) и таких барьеров в общении, как неумение управлять эмоциями (0,74), неразвитость эмоций (0,7), доминирование негативных эмоций в общении (0,66), нежелание сближаться на эмоциональной основе (0,64). В связи с этим можно сделать вывод о том, что чем выше уровень развития эмоционального интеллекта, тем меньше проявляются барьеры в общении.

Фактор профессионального опыта говорит о том, что на проявление такой помехи в межличностном общении как неадекватное проявление эмоций (–0,59) оказывает влияние стаж работы (0,92) и возраст (0,93) медицинских сестер. А именно: чем больше стаж и возраст медицинских сестер, тем меньше проявляется данный барьер в общении с пациентами.

Направленность на собеседника показывает взаимосвязь межличностного эмоционального интеллекта (0,77) и эффективности профессионального общения (0,79). Так, эффективность профессионального общения определяется межличностным эмоциональным интеллектом.

Таким образом, эмоциональный интеллект является фактором определяющим эффективность профессионального общения медицинских сестер с пациентами. Это может говорить о том, что именно способность понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций, чуткость к состоянию других и умение контролировать эмоции другого человека позволяют медицинским сестрам эффективно взаимодействовать с пациентами.

А также что слабо развитая способность к пониманию своих эмоций и управлению ими способствует возникновению в межличностном общении таких «помех», как неумение управлять эмоциями неадекватное проявление эмоций, неразвитость эмоций, доминирование негативных эмоций, нежелание сближаться на эмоциональной основе. Исходя из этого, можно сказать, что развитие эмоционального интеллекта у медицинских сестер может способствовать более эффективному взаимодействию с пациентом.

Еще одним фактором, обеспечивающим эффективное профессиональное общение среднего медицинского персонала с пациентами является, их стаж и возраст. В связи с этим можно предположить, что значимым является как накопленный профессиональный опыт, так и индивидуальный жизненный опыт медицинских сестер.

Литература

Бодалев А. А. Психология общения. Воронеж–М.: НПО «Модэк»–МПСИ, 2007.

Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. М.: Академия, 2001.

Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Мурашова Л. А. Профессиональное общение медицинского персонала как фактор удовлетворенности трудом социально-психологического климата в коллективе: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.

Тихонова И. В. Опыт модификации методики изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга для изучения специфики реагирования медсестер в профессиональных конфликтных ситуациях // Медицинская психология в России. 2013. № 5 (22). URL: http://mprj.ru (дата обращения: 15.11.2015).

Диагностика личностной беспомощности у подростков*

М. О. Климова, Е. А. Евстафеева (*Челябинск*)

Одним из залогов успешного и качественного психологического исследования является наличие диагностического инструментария, адекватного теоретической модели исследования. История

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-36-01097.

исследования личностной беспомощности насчитывает более десяти лет, тем не менее до недавнего времени инструмент ее непосредственной диагностики отсутствовал. Выявление этой личностной характеристики происходило посредством диагностики ряда таких показателей как пессимистический атрибутивный стиль, склонность к депрессии, повышенная тревожность, экстернальный локус контроля, что обусловлено системным характером личностной беспомощности.

Личностная беспомощность представляет собой системную личностную характеристику, объединяющую в себя ряд особенностей мотивационной, когнитивной, эмоциональной и волевой сфер личности, которые в своей совокупности определяют низкую способность человека справляться с жизненными трудностями, преодолевать внутренние и внешние препятствия на пути достижения цели, быть автором своего жизненного пути (Циринг, 2010).

Отсутствие специального инструмента диагностики личностной беспомощности обусловило актуальность настоящего исследования. Целью исследования было изучение психометрических показателей методики диагностики личностной беспомощности подростков (М. О. Климова, Д. А. Циринг). Гипотезой исследования выступило предположение о том, что данная методика является надежным и валидным инструментом диагностики личностной беспомощности у подростков.

Теоретической основой методики является концепция личностной беспомощности (Циринг, 2010). Четырехкомпонентная структура нашла отражение в структуре разработанного нами опросника – он включает в себя четыре шкалы: когнитивный компонент, мотивационный компонент, эмоциональный компонент, волевой компонент. Методика представляет собой опросник, включающий 98 утверждений. Пункты опросника разрабатывались в соответствии с психологическими особенностями подростка и социальной ситуацией его развития, они отражают особенности самооценки подростка, проявления его личностных характеристик в процессе взаимодействия с друзьями, родителями, в учебной деятельности.

В эмпирической апробации методики диагностики личностной беспомощности приняли участие 296 подростков в возрасте от 13 до 16 лет, учащиеся школ г. Челябинска и г. Копейска Челябинской области.

Проверка внутренней согласованности пунктов методики проводилась при помощи коэффициента α-Кронбаха. В ходе первичного анализа были отсеяны вопросы, снижающие надежность методики

(изначальная форма включала 123 пункта). Значение коэффициента α Кронбаха для окончательной версии опросника составляет 0,918, что говорит о высокой внутренней согласованности. Значение коэффициента было рассчитано также для каждой из шкал в отдельности, для шкалы «когнитивный компонент» оно составило 0,626, «мотивационный компонент» – 0,745, «эмоциональный компонент» – 0,866, «волевой компонент» – 0,804. В целом полученные данные позволяют говорить о высокой внутренней согласованности пунктов методики.

Надежность методики диагностики личностной беспомощности проверялась методами половинного расщепления и ретеста. В первом случае методика была разделена на две части случайным образом, корреляция полученных частей опросника рассчитывалась при помощи коэффициента r Пирсона. Полученное значение коэффициента корреляции (r=0,856, p=0,000) позволяет говорить о высокой надежности опросника. Также было проведено половинное расщепление каждой из шкал методики. Каждая из шкал имеет высокий уровень надежности половинного расщепления: по шкале «когнитивный компонент» получено значение r=0,406 на уровне значимости p=0,000; по шкале «мотивационный компонент» – r= 0,490, p=0,000; по шкале «эмоциональный компонент» – r=0,790, p=0,000; по шкале «волевой компонент» – r=0,590, p=0,000. Полученные данные позволяют говорить о высоком уровне надежности методики.

Ретестовая надежность проверялась посредством повторной диагностики на одной и той же выборке с интервалом в 16 недель. Выборка повторного исследования составила 86 чел. Корреляция показателей, полученных при первичной и вторичной диагностике, рассчитывалась при помощи коэффициента r-Пирсона. Значение коэффициента составило 0,642 при p=0,000, что указывает на высокую ретестовую надежность методики.

Одним из важнейших психометрических показателей диагностической методики является ее валидность (Бурлачук, 2006). В нашем исследовании конкурентная валидность методики изучалась на основе корреляционного анализа ее показателей с данными по тем методикам, которые традиционно применялись для выявления личностной беспомощности у испытуемых подросткового возраста. Такими инструментами являются «Методика определения самооценки» С. А. Будасси; «Личностная шкала проявлений тревоги» в адаптации Т. А. Немчинова, В. Г. Норакидзе; «Шкала депрессии» в адаптации Т И. Балашовой; «Опросник стиля атрибуции подростков ОСТАП» (адаптация Д. А. Циринг).

Значение коэффициента корреляции r Пирсона между показателями разработанной нами методики и данными по опроснику атрибуции составило –0,571, p=0,000; данными по шкале тревожности – 0,789, p=0,000; с показателями по шкале депрессии – 0,689, p=0,000; с показателями методики определения самооценки – –0,086, p=0,208. Таким образом, результаты, полученные в ходе апробации опросника тесно коррелируют с данными по диагностическим показателям личностной беспомощности – депрессией, тревожностью, атрибутивным стилем. Отметим, что не было обнаружено значимой взаимосвязи с показателями самооценки, на наш взгляд, это может быть объяснено нелинейностью связи между личностной беспомощностью и самооценкой подростка. Так, испытуемые с личностной беспомощностью характеризуются неадекватной самооценкой, которая может быть как заниженной, так и завышенной. В целом проведенный анализ позволяет утверждать, что разработанная нами методика является валидным инструментом диагностики личностной беспомощности у подростков.

На завершающем этапе апробации была проведена стандартизация методики. Наличие стандартных показателей в тесте дает возможность применять более точные методы анализа данных, сопоставлять результаты, полученные у разных испытуемых и более точно их интерпретировать (Наследов, 2004). В качестве метода была применена линейная стандартизация, что обосновано наличием нормального распределения признака в выборке (значение критерия Колмогорова–Смирнова составило Z=0,983, p=0,288), исходные данные были переведены в стены.

Таким образом, проведенный анализ показал, что разработанная нами методика диагностики личностной беспомощности является надежным и валидным инструментов исследования. Тем не менее, процесс разработки методики на этом этапе не завершается, в дальнейшем планируется расширение выборки стандартизации, подготовка методического пособия по применению опросника в исследовательских и практических целях.

Литература

Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006.

Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004.

Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия, 2010.

Особенности контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью*

М. О. Климова (*Челябинск*)

Проблема регуляции жизнедеятельности является одной из самых актуальных, самых разработанных, но и самых спорных тем в современной психологии. Существует множество подходов к пониманию механизмов регуляции поведения и деятельности субъекта. Одни авторы акцентируют внимание на отдельных механизмах регуляции поведения (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, А. О. Прохоров, В. А. Иванников и др.), другие же подходят к анализу проблемы более широко, описывая целостную систему саморегуляции, построенную по принципу иерархии (Л. Г. Дикая, Б. Ф. Ломов, Л. М. Веккер и др.). Одной из современных теорий регуляции, в которой сделана попытка интегрировать ресурсы индивидуальности в рамках единого конструкта выступает концепция контроля поведения (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, Ю. В. Ковалева и др.). Контроль поведения понимается как «психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля» (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010, с. 18). Контроль поведения основан на ресурсах когнитивной, эмоциональной и волевой регуляции, которые представляют собой его субсистемы, а уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010).

Целью данного исследования было изучение особенностей контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью. Личностная беспомощность представляет собой системную личностную характеристику, определяющую низкую способность человека справляться с жизненными трудностями, преодолевать внутренние и внешние препятствия на пути достижения цели, быть автором своего жизненного пути, обусловливающую, таким образом, низкий уровень субъектности человека (Циринг, 2010). Существует противоположное личностной беспомощности качество – самостоятельность, она определяет высокий уровень развития человека как субъекта.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что существуют особенности в проявлении контроля поведения у подрост-

* Исследование выполнено при поддержке Фонда поддержки молодых ученых ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет».

ков с личностной беспомощностью по сравнению с самостоятельными. Они проявляются в более низком уровне развития когнитивного, эмоционального и волевого контроля поведения.

Диагностика контроля поведения включала исследование когнитивного контроля (опросник «Стиль саморегуляции поведения – 98, ССП-98» В. И. Моросановой), эмоционального контроля (опросник «Эмоциональный интеллект» (SREIT) Н. Шутте, в переводе А. В. Садоковой), волевого контроля (опросник «Шкала контроля за действием» Ю. Куля). Выявление личностной беспомощности проводились посредством методики диагностики личностной беспомощности (М. О. Климова, Д. А. Циринг). Методом математического анализа выступил сравнительный анализ при помощи U-критерия Манна–Уитни.

В исследовании приняли участие 152 подростка в возрасте от 13 до 16 лет, учащиеся школ г. Челябинска и г. Копейска Челябинской области. По результатам диагностики личностной беспомощности были сформированы контрастные группы – подростки с личностной беспомощностью (N=38) и подростки с самостоятельностью (N=47), на основе которых проводилось сравнение показателей контроля поведения.

Сравнительный анализ показателей когнитивного контроля у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью позволил выявить следующие особенности. Способность к планированию деятельности у подростков с личностной беспомощностью ниже, чем у самостоятельных (U=251,000; p=0,010), их планы отличаются меньшей релистичностью, поставленная цель реже бывает достигнута, а планы чаще могут сменяться. Процессы когнитивного моделирования предстоящей деятельности у подростков с признаками личностной беспомощности сформированы в меньшей степени, чем у самостоятельных (U=97,500; p=0,000). Они менее адекватно оценивают значимость внешних и внутренних условий, более склонны к фантазированию, их отношение к развитию ситуации и ее последствиям переменчиво. Их цели и программы действий могут быть не всегда адекватны сложившейся ситуации, что чаще приводит к неудачам. Показатели по шкале «программирование» у подростков с беспомощностью также значимо ниже, чем у самостоятельных (U=297,000; p=0,015), что проявляется в меньшей способности к сознательному программированию своих действий, потребности продумывать свое поведение и способы действий для достижения цели. Их поведение более импульсивно, они чаще сталкиваются с неудовлетворительными результатами, дейст-

вуют путем проб и ошибок. Что касается оценки результатов своей деятельности, подростки с беспомощностью менее критичны к себе (U=186,500; p=0,000), могут не замечать своих ошибок. Критерии успешности действий у них менее устойчивы, что может приводить к ухудшению результатов в случае увеличения объема работы, изменения состояния и возникновения препятствий. Показатели по шкале «гибкость» также имеют значимые различия у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью (U=173,500; p=0,000). Подростки с беспомощностью чувствуют себя менее уверенно в изменяющихся условиях. Закономерны и различия по шкале «Самостоятельность» (U=327,000; p=0,033). Испытуемые с признаками личностной беспомощности более зависимы от мнения окружающих, чаще некритично следуют чужим советам, менее способны к независимому планированию и программированию своих действий. При отсутствии внешней поддержки у них зачастую возникают сложности в регуляции поведения. В целом, общий уровень когнитивного контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью ниже, чем у подростков с признаками самостоятельности (U=190,000; p=0,000).

Далее были проанализированы особенности эмоционального контроля поведения, характерные для подростков с личностной беспомощностью. По показателю «Оценка и выражение эмоций» значимых различий обнаружено не было (U=396,000; p=0,307). И в той и в другой группе подростки обладают равной способностью распознавать и осознавать свои чувства и чувства других людей, адекватно выражать свои эмоции. Что касается регулирования эмоций, подростки с личностной беспомощностью обладают менее сформированной способностью сознательно контролировать эмоциональные всплески, управлять своими и чужими эмоциями (U=296,500; p=0,015). Использование эмоций при решении проблем подросткам с личностной беспомощностью дается хуже, чем самостоятельным (U=316,500; p=0,032). Они менее способны использовать эмоции для привлечения внимания к приоритетным задачам и создания благоприятного фона реализуемой деятельности, что снижает ее эффективность. В целом эмоциональный контроль поведения у подростков с личностной беспомощностью менее сформирован, чем у самостоятельных.

Сравнительный анализ показателей волевого контроля также позволил установить различия в исследуемых группах. При возможной неудаче, в ситуации, в которой велик риск недостижения цели (при наличии объективных причин, или субъективных – предыду-

щего негативного опыта) контроль за действием у подростков с признаками личностной беспомощности больше характеризуется ориентацией на состояние, чем на действие (U=279,500; p=0,004), равно как и при планировании и принятии решения о действии (U=239,000; p=0,001), а также при реализации (U=297,500; p=0,006). Подростки с личностной беспомощностью более склонны размышлять о возможной неудаче, отвлекаясь от активных действий, связанных с достижением цели и требующих большой концентрации внимания, что негативно сказывается на деятельности. Они дольше раздумывают над планом действий, не знают с чего начать, им сложнее сделать первый шаг в реализации действия. Желаемое целевое состояние приобретает для субъекта слишком большую ценность, внимание оказывается прикованным к нему, в ущерб другим аспектам деятельности. В целом, волевой контроль поведения также оказывается менее сформированным у подростков с признаками личностной беспомощности, чем у самостоятельных.

В целом, результаты сравнительного анализа позволяют утверждать, что контроль поведения в большей степени сформирован у подростков с самостоятельностью, обладающих более высоким уровнем субъектности, чем у испытуемых с личностной беспомощностью, характеризующихся низким уровнем субъектности. Когнитивный контроль у подростков с личностной беспомощностью характеризуется менее сформированной способностью к планированию своих действий, осознанию и моделированию значимых условий реализации деятельности, таким подросткам сложнее разрабатывать программу действий и следовать ей, они менее адекватно оценивают собственные возможности, а в случае неудачи – ошибки, а также внешние условия реализации цели, при изменяющихся условиях они менее гибки, нуждаются во внешней поддержке, менее способны самостоятельно организовать свою деятельность. При эмоциональном контроле подростки с личностной беспомощностью хуже контролируют и регулируют свои эмоции, менее способны к их использованию для достижения цели. Волевой контроль характеризуется ориентацией на состояние.

Литература

Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Циринг Д. А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия, 2010.

Исследование социальных репрезентаций в сфере туризма и гостеприимства

Д. В. Климович (*Минск*)

Стремительные процессы глобализации и интеграции способствуют многократному увеличению количества контактов в системе социальных отношений между представителями различных культур. Для улучшения межкультурного взаимодействия и поиска разрешения межнациональных проблем необходимо исследование механизмов и процессов участвующих в. кросс-культурном социальном, взаимодействии. Особенно актуально это для индустрии туризма и гостеприимства, поскольку это сфера, где межличностное взаимодействие, например, контакты гостей с обслуживающим персоналом являются доминирующим фактором, обеспечивающим уровень сервиса. Высокое качество сервиса, в свою очередь, не может быть достигнуто без учета персоналом особенностей психологии и норм поведения гостей – представителей различных стран и культур. Вместе с тем, вопрос о том, насколько специалисты индустрии туризма и гостеприимства способны к восприятию и оценке иностранных гостей, остается не до конца изученным. Неясно, в какой мере специалисты учитывают объективные характеристики присущие различным национальным культурам, а в какой поступают согласно сложившимся стереотипам. Правильное представление об иностранных гостях является исключительно важным для профессионала в сфере туризма и гостеприимства, поскольку оно является основополагающим при построении качественного взаимодействия и, следовательно, повышении лояльности клиентов.

В познании и восприятии личностью мира социальных отношений, других людей и себя самого, выработке определенной программы действий, кроме того, понимании этих действий важную роль играют социальные репрезентации.

Наиболее общее определение понятия социального представления принадлежит Денизе Жодле: «Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В более широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения. Как таковые они обладают особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных

операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и другими людьми» (Емельянова, 2016, с. 53). Согласно трактовке С. Московичи, социальные репрезентации – это идеи, мысли, знания и образы, которые коллективно разделяются членами общества: согласованный универсум мыслей социально создаваемых и социально коммуницируемых для формирования частей «общего сознания» (Янчук, 2005). С. Московичи подчеркивает, что «...образы и понятия, производимые в каждый момент в ходе более или менее беглых встреч, разговоров, споров, передачи слухов, имеют столь широкий резонанс. Тем более что, создав эти образы и понятия, мы в состоянии их объективировать, давать жизнь во внешнем мире тому, что мы произвели в мире внутреннем. Следовательно, представления – это не столько продукты ума, имеющие социальные последствия, сколько социальные продукты, созданные умом и становящиеся, стало быть, реальными» (Московичи, 1998, с. 359). Б. Гафье определяет социальные репрезентации как совокупность знаний, убеждений, схем восприятия и действия по отношению к социально значимому объекту. Оно составляет особую форму повседневного знания, которое определяет реальность для социальной общности, выработавшей его для целей деятельности и коммуникации (Емельянова, 2016). Конструирование социальных представлений о национальных группах является особым видом репрезентации, отличающимся от представления других социальных феноменов – экономических, политических, касающихся здоровья, благосостояния и др. Разница, прежде всего, состоит в том, что люди, принадлежащие к другой нации, являются объектом сравнения. Социальное сравнение с другим человеком или другой группой людей подчиняется известным закономерностям: в случае дефицита собственного опыта человек склонен доверять референтным источникам информации. Таким образом, представления о зарубежных гостях – это динамичные ментальные образования, конструируемые людьми под воздействием различных факторов (опыта личного общения, путешествий, доверия информации передаваемой СМИ, и др.).

На сегодняшний день вопрос методологических подходов к исследованию проработан довольно хорошо. Для изучения проблемы социальных репрезентаций используется широкий спектр методик, таких как: закрытые и открытые опросники, метод семантическо-

го дифференциала, контент-анализ описаний, техника репертуарных решеток Дж. Келли, метод полярных профилей, ассоциативный эксперимент, метод социально-психологического опроса с использованием шкалы культурных ценностей Г. Хофстеде, фокус группы, метод наблюдения. Для исследования социальных репрезентаций работников гостиничной сферы относительно иностранных гостей, по нашему мнению, более всего подходит разработанный социально-психологической наукой метод личностного семантического дифференциала, содержащий 21 биполярную шкалу. Данный вариант психосемантической методики включает полюса трех классических факторов семантического дифференциала: оценки, силы и активности. Методика позволяет изучить как отношение к другим людям, так и к самому себе.

Кратко изложим наше видение программы исследования социальных репрезентаций работников гостиничной сферы относительно иностранных гостей. На первом этапе с помощью анализа статистических данных въездного туризма будут определены страны – лидеры по поставке туристов в Республику Беларусь. Таким образом, объектами матрицы личностного семантического дифференциала будут представители данных стран. На следующем этапе исследования испытуемым – сотрудникам сферы гостеприимства – будет предложено оценить каждый объект по 7-балльной шкале, заданной биполярными конструктами. Последним этапом исследования будет проведение анализа и обработки данных, в том числе с использованием математико-статистических методов.

Таким образом, исследование социальных репрезентаций о представителях других наций, проведенное в рамках теории социальных представлений, позволит изучить многогранное содержание репрезентаций и проанализировать особенности, детерминанты и механизмы их формирования. Результаты подобного исследования могут стать основой для разработки программ, направленных на улучшение межкультурного взаимодействия, поиск разрешения межнациональных проблем и коррекцию поведения работников сферы гостиничного бизнеса. Теоретические и эмпирические данные, полученные в результате исследования социальных репрезентаций зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса, могут быть использованы в преподавании курсов «Этнопсихология», «Социальная психология», «Менеджмент в туризме и гостеприимстве», «Менеджмент качества и управление процессами в туризме и гостеприимстве».

Литература

Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Московичи С. Машина, творящая богов. М.: КСП+, 1998.

Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005.

Взаимосвязь параметров движений глаз, культурных различий и эстетических предпочтений*

А. И. Ковалев, Г. Д. Ласьков (*Москва*)

Автомобили давно вошли в жизнь людей как одно из основных средств передвижения в современном динамичном мире. Кроме того, автомобиль рассматривается как атрибут статуса и уровня престижности, поэтому выбор покупателем будущего автомобиля зачастую обусловлен эстетическими предпочтениями человека, а не техническими характеристиками машины. Эстетические предпочтения, в свою очередь, зависят от целого ряда качеств самих объектов. Например, было показано, что люди склонны оценивать как более привлекательные те объекты, которые внешне схожи со среднестатистическими объектами этого класса и внешне от них мало отличаются (Winkielman et al., 2006).

Другой характеристикой объекта, влияющей на оценку его эстетической привлекательности наблюдателем, является его зрительная сложность. Зрительная сложность – это степень насыщенности изображения различными отдельными элементами, образующими фигуры и формы, взаимосвязанные между собой. Взаимовлияние зрительной сложности и эстетической привлекательности было изучено на примере восприятия различных объектов – предметов искусства, веб-сайтов, объектов архитектуры (Hekkert et al., 1990; Tinio et al., 2009). В частности, было показано, что зависимость между этими параметрами описывается инвертированной квадратичной функцией (Berlyne, 1971).

В одном из исследований, проведенных на выборке британских испытуемых и посвященных изучению связи зрительной сложности и эстетических предпочтений, в качестве объективного индикатора причин данной связи были использованы параметры движений глаз.

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 15-18-00109.

Используя в качестве стимулов изображения различных автомобилей, авторы обнаружили, что субъективные значения зрительной сложности предъявляемых изображений положительно коррелируют с количеством фиксаций, а субъективные оценки эстетической привлекательности – с общим временем нахождения взгляда в области изображения (Chassy et al., 2015). При этом инвертированная квадратичная функция оказалась наилучшим способом описания связи между зрительной сложностью и эстетической привлекательностью изображений.

Настоящее исследование имеет целью повторить процедуру описанного выше исследования с модификацией в виде добавленного измерения параметра субъективной престижности на выборке российских студентов. Гипотеза заключается в том, что связь между субъективной зрительной сложностью изображений и субъективной эстетической привлекательностью является универсальной для различных типов культур и объясняется особенностями сопоставления воспринимаемых изображений со среднестатистическими представителями того или иного класса объектов. Параметр субъективной престижности должен показать, насколько эстетические предпочтения россиян связаны с воспринимаемой престижностью автомобилей, нечасто встречающихся на дорогах России.

В исследовании приняло участие 46 чел. (37 женского пола и 9 мужского). Все они имели нормальное или скорректированное до нормального зрение. Все испытуемые не были экспертами в области автомобилестроения, являлись студентами различных вузов различных направлений. Средний возраст составил 21 год.

В качестве стимулов были использованы 50 изображений автомобилей. Каждое изображение представляло собой фотографию автомобиля спереди. Разрешение каждого изображения составило 539×369 пикселей. Все изображения предъявлялись в черно-белом виде.

Стимуляция предъявлялась на LCD-мониторе с диагональю 23 дюйма и разрешением 1920 x 1080 пикселей, находившемся на расстоянии 75 см от наблюдателя. Участник эксперимента сидел напротив монитора, голова его была зафиксирована при помощи специального устройства в стойке экспериментальной установки. Регистрация движений глаз осуществлялась в бинокулярном режиме при помощи системы регистрации движений глаз SMI iView XTM Hi-Speed 1250 с частотой 500 Гц и разрешением <0,01°.

Испытуемому предъявлялось изображение автомобиля на 10 с, затем ему необходимо было оценить субъективную зрительную слож-

ность изображения по шкале от 1 («простое») до 9 («сложное»), оценить субъективную эстетическую привлекательность изображения по шкале от –4 («уродливое») до 4 («красивое») и оценить субъективную степень престижности предъявляемого автомобиля по шкале от 1 («непрестижно») до 9 («престижно»).

Таким образом, в качестве зависимых переменных выступили: субъективные оценки зрительной сложности, эстетической привлекательности и престижности, количество фиксаций, общее время нахождения взгляда в области, соответствующей объекту (автомобилю) на изображении.

Было получено, что количество фиксаций положительно коррелирует с переменной «эстетическая привлекательность» ($r=0,376$, $p<0,001$), а общее время нахождения взгляда в области объекта положительно связано с субъективными оценками зрительной сложности ($r=0,425$, $p=0,007$). В этом отношении результаты данного эксперимента согласуются с результатами, полученными на выборке британских испытуемых. Русские студенты также дольше рассматривают более привлекательные для них стимулы. При этом совершают больше фиксаций на зрительно более сложных объектах.

Оценки престижности оказались положительно связанными с параметрами эстетической привлекательности ($r=0,593$, $p<0,001$) и визуальной сложности ($r=0,378$, $p=0,007$).

Также было обнаружено, что связь между переменными «зрительная сложность» (ЗС) и «эстетическая привлекательность» (ЭП) описывается квадратичным уравнением ($R^2=0,135$, $p=0,033$) вида $ЭП=-1,064ЗС^2+10,363ЗС-24,516$.

Таким образом, экспериментальная гипотеза подтвердилась: результаты данного исследования в целом согласуются с результатами исследования взаимосвязи зрительной сложности и эстетических предпочтений, полученных ранее на британской выборке, что позволяет предполагать наличие единых для русской и британской культур механизмов эстетического восприятия автомобилей.

Одним из возможных объяснений полученной квадратичной функциональной зависимости может служить представление о том, что наблюдатели склонны оценивать как наиболее привлекательные те объекты, которые больше всего схожи с некоторым усредненным ментальным прототипом данного класса объектов (Winkielman et al., 2006). Тогда субъективно более сложные и более простые объекты, чем усредненный прототип рассматриваются дольше и оказываются менее привлекательными.

Увеличение количества фиксаций при осматривании более привлекательных объектов может быть связано с влиянием на процесс эстетической оценки такого когнитивного фактора, как знание уровня престижности предъявляемого автомобиля. Ранее было показано, что влияние подобных высокоуровневых факторов может усложнять процесс эстетической оценки изображений, что может проявляться в изменении глазодвигательных параметров, в частности в увеличении количества фиксаций и их продолжительности.

Таким образом, в данном исследовании с участием выборки русских испытуемых был установлен характер взаимосвязи между субъективными оценками зрительной сложности и эстетической привлекательности изображений автомобилей, согласующийся с типом связи между данными переменными, полученными ранее на выборке британских испытуемых. Данный результат подтверждается также схожестью показателей движений глаз, которые могут быть рассмотрены в качестве объективных поведенческих индикаторов процесса оценки исследуемых переменных. Добавление переменной «Уровень престижности» позволило показать влияние дополнительных факторов на процесс эстетической оценки, что также нашло подтверждение в параметрах глазодвигательной активности.

Литература

Berlyne D. E. Aesthetics and psychobiology. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971. V. 36.

Chassy P., Lindell T. A., Jones J. A., Paramei G. V. A relationship between visual complexity and aesthetic appraisal of car front images: an eye-tracker study // Perception. 2015. V. 44. № 8–9. P. 1085–1097.

Hekkert P., Wieringen P. C. W. Complexity and prototypicality as determinants of the appraisal of cubist paintings // British journal of psychology. 1990. V. 81. № 4. P. 483–495.

Tinio P. P. L., Leder H. Just how stable are stable aesthetic features? Symmetry, complexity, and the jaws of massive familiarization // Acta psychologica. 2009. V. 130. № 3. P. 241–250.

Winkielman P., Halberstadt J., Fazendeiro T., Catty S. Prototypes are attractive because they are easy on the mind // Psychological science. 2006. V. 17. № 9. P. 799–806.

Ранний темперамент как предиктор последующих черт личности*

Е. А. Козлова, Е. Р. Слободская (*Новосибирск*)

Среди исследователей неуклонно растет понимание того, что черты темперамента, которые проявляются в первые годы жизни, составляют основу для развития личностных черт (Caspi, Shiner, 2006; Rothbart, 2007). Психобиологическая модель, разработанная Мэри Ротбарт с коллегами (Rothbart, 2007), стала одной из самых влиятельных моделей темперамента. Согласно этой модели, темперамент определяется как конституционные различия в реактивности и саморегуляции, модифицируемые под влиянием наследственности, созревания и опыта.

Исследования темперамента на основе факторного анализа опросников свидетельствуют об иерархической организации индивидуальных различий. Показано, что с младенческого возраста темперамент имеет трехфакторную структуру, включающую положительную и отрицательную эмоциональность и регуляторные способности. В широкомасштабных исследованиях личности, определяемой как индивидуальные различия в мышлении, эмоциях и поведении, продемонстрирована устойчивость пятифакторной модели в разных культурах и возрастных группах от раннего детства до взрослой жизни (Caspi, Shiner, 2006).

В исследованиях последних лет выявлены следующие концептуальные связи между факторами темперамента и личности: Положительная эмоциональность–Экстраверсия, Отрицательная эмоциональность–Нейротизм и Произвольная регуляция–Сознательность. Однако большинство результатов получены в срезовых исследованиях или сосредоточены на прогностической роли нескольких конкретных признаков. Кроме того, методы оценки темперамента в младенчестве и раннем детстве были разработаны сравнительно недавно, поэтому эмпирические данные о связях между ранним темпераментом и последующими чертами личности практически отсутствуют.

Цель настоящей работы – изучение прогностической связи между чертами темперамента в младенчестве и раннем детстве и личностными чертами в дошкольном и школьном возрасте на разных уровнях иерархической структуры индивидуальных различий.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-00003) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00022).

Гипотеза. Черты раннего темперамента среднего и высшего порядка концептуально связаны с личностными чертами в последующем.

Характеристики выборки. Двухэтапное исследование охватило родителей 98 детей (55% девочек). На первом этапе исследования средний возраст детей составил 16.4 месяцев (SD=10,4), на втором этапе – 7,8 лет (SD=2,1). Средний интервал времени между двумя этапами составил 6,9 лет (SD=2,3).

Инструменты. В исследовании применяли международно признанные родительские опросники, адаптированные и валидизированные в России. На первом этапе исследования родители заполняли Модифицированный опросник поведения младенцев (IBQ-R; N=45) или Опросник поведения в раннем детстве (ECBQ; N=53); на втором этапе – краткую версию «Списка индивидуальных особенностей ребенка» (ICID-S; N=98).

Статистический анализ. Для выявления прогностических взаимосвязей между чертами темперамента и личности использовали коэффициент корреляций Пирсона. Вклад раннего темперамента в последующие черты личности с учетом пола и возраста детей, а также интервала времени между этапами исследования изучали с помощью путевого анализа (AMOS 17).

Результаты

Анализ прогностических корреляций показал, что, несмотря на небольшой размер подвыборки младенцев (N=45), темперамент в первый год жизни обладал существенной прогностической значимостью в отношении черт личности в дошкольном и школьном возрасте. Наибольшее значение для последующего Нейротизма имели черты Смех/Улыбки ($r=-0,43$; $p<0,01$) и Вокальная реактивность ($r=-0,42$; $p<0,01$), входящие в состав фактора Положительной эмоциональности; в то время как последующую Сознательность прогнозировала черта Удовольствие низкой интенсивности ($r=0,33$; $p<0,05$), входящая в состав Регуляторной способности.

Темперамент в раннем детстве (N=53) также продемонстрировал высокую информативность в отношении последующих черт личности. Наибольшее прогностическое значение для последующего Нейротизма имела черта Общительность ($r=-0,23$; $p<0,05$), входящая в состав Положительной эмоциональности; в то время как последующую Сознательность прогнозировал фактор Произвольной регуляции ($r=0,33$; $p<0,01$) и входящие в его состав черты Удовольствие низкой интенсивности ($r=0,32$; $p<0,01$), Переключение внима-

ния ($r=0,25$; $p<0,05$) и Тормозный контроль ($r=0,26$; $p<0,05$). Кроме того, последующая Уступчивость была отрицательно связана с чертой Прижимание ($r=0,25$; $p<0,05$).

Путевой анализ позволил определить прогностический вклад раннего темперамента в развитие последующих черт личности с учетом погрешностей измерения, пола и возраста детей, а также интервала времени между этапами исследования. Анализ производили на общей выборке ($N=98$); предикторами выступали три фактора темперамента (Положительная эмоциональность/Экстраверсия, Отрицательная эмоциональность, Регуляторная способность/Произвольная регуляция), результирующими – концептуально связанные с ними четыре личностных фактора (Сознательность, Экстраверсия, Нейротизм, Уступчивость).

Полученная в результате путевого анализа модель отлично соответствовала эмпирическим данным: $\chi^2=3,46$, $df=4$, $p=0,48$; $CFI=1,000$; $RMSEA=0,000$. Установлено, что ранняя Отрицательная эмоциональность была предиктором последующего Нейротизма ($\beta=0,22$, $p<0,05$), в то время как Регуляторная способность/Произвольная регуляция способствовала развитию Сознательности ($\beta=0,27$, $p<0,05$), Экстраверсии ($\beta=0,24$, $p<0,05$) и Эмоциональной стабильности (низкому уровню Нейротизма, $\beta=-0,31$, $p<0,05$). В целом ранний темперамент объяснял от 20 до 30% разнообразия последующих Сознательности, Экстраверсии и Нейротизма.

Обсуждение результатов

Проведенное двухэтапное исследование позволило получить эмпирические данные о значении черт темперамента в младенчестве и раннем детстве для личностных черт детей дошкольного и школьного возраста. Результаты анализа частично подтвердили концептуальные связи между чертами темперамента и личности.

В литературе имеются многочисленные указания на возможность гомотипической связи ранних регуляторных способностей с последующей Сознательностью (например: Eisenberg et al., 2014), однако эмпирические доказательства этого впервые получены в настоящем исследовании. В отношении роли Положительной и Отрицательной эмоциональности в младенчестве и раннем детстве для развития последующих личностных черт картина менее однозначная: черты темперамента прогнозировали как соответствующие личностные черты, так и относящиеся к другим факторам. Выявленная нами гетеротипическая стабильность согласуется с результатами других продолжительных исследований темперамента с младенчества до ранне-

го и среднего детства (например, Carranza et al., 2013; Putnam et al., 2008).

Одним из возможных объяснений преобладающей гетеротипической стабильности индивидуальных различий в первые годы жизни является стремительное развитие детей в этот период. Методологические проблемы также могут играть роль, когда исследователи фактически изучают один и тот же конструкт, называя его по-разному, и наоборот (Caspi, Shiner, 2006).

Будущие исследования могут улучшить наше понимание процессов развития, лежащих в основе стабильности индивидуальных различий с младенчества до зрелого возраста.

Выводы

- Высокий уровень Отрицательной эмоциональности в младенчестве и раннем детстве является предиктором последующего Нейротизма.
- Ранние регуляторные способности играют важнейшую роль в развитии Сознательности и других черт личности.
- Результаты исследования показали гомотипическую и гетеротипическую стабильность индивидуальных различий.

Литература

Carranza J. A., González-Salinas C., Ato E. A longitudinal study of temperament continuity through IBQ, TBAQ and CBQ // Infant Behavior and Development. 2013. V. 36. № 4. P. 749–761.

Caspi A., Shiner R. L. Personality development // Handbook of child psychology. V. 3. Social, emotional, and personality development / Ed. N. Eisenberg. N.Y.: Wiley, 2006. P. 300–365.

Eisenberg N., Duckworth A. L., Spinrad T. L., Valiente C. Conscientiousness: Origins in childhood? // Developmental Psychology. 2014. V. 50. № 5. P. 1331–1349.

Putnam S. P., Rothbart M. K., Gartstein M. A. Homotypic and heterotypic continuity of fine-grained temperament during infancy, toddlerhood and early childhood // Infant and Child Development. 2008. V.17. № 4. P. 387–405.

Rothbart M. K. Temperament, development, and personality // Current directions in psychological science. 2007. V. 16. № 4. P. 207–212.

Динамика идентичности в связи с профессиональным выбором

А. С. Колантаевская (*Санкт-Петербург*)

В настоящее время вместе с усилением субъектного подхода к рассмотрению личности и ее бытия, изменение идентичности все чаще связывается не только с процессами взросления или адаптации, но и с субъектной активностью личности (Леонтьев, 2009) и, в частности, совершаемыми человеком жизненными выборами.

Наше исследование было сосредоточено на изучении идентичности в связи с отдельно взятым выбором, а именно профессиональным: если в отечественной психологии феномен смены профессии чаще рассматривался как негативный, обусловленный безработицей и невозможностью работать по специальности, то сегодня все чаще исследователи исследуют смену профессии как предмет внутреннего выбора личности (Джанерьян, 1996). Мы предполагаем, что идентичность человека меняется в ситуации жизненного выбора: в период выбора человек переживает кризис идентичности, после совершения выбора идентичность меняется и оказывается более сформированной. В качестве примера такого выбора мы рассматривали ситуацию студентов, по окончании бакалавриата имеющих возможность изменения профиля обучения и соответствующей специальности при поступлении в магистратуру. Таким образом, перед бакалаврами-выпускниками стоит выбор: продолжить обучение по выбранной ранее специальности или сменить ее, возможно, на кардинально отличную. Целью исследования было сравнительное изучение особенностей идентичности респондентов, принимающих решение сменить специальность или остаться в своей специальности, а также динамики идентичности в связи с совершаемым выбором.

Выборку исследования составили бакалавры-выпускники различных вузов Санкт-Петербурга: 70 чел. (47 девушек, 23 юноши), 25 из них на момент проведения исследования планировали сменить специальность при поступлении в магистратуру, 12 – на смежную, 13 – на кардинально отличную от изначальной. Для изучения динамики идентичности был выбран лонгитюдный дизайн исследования, проводилось два замера показателей идентичности: первый этап исследования – до момента поступления в магистратуру (май–июнь 2016 г.) и второй этап исследования – через год после (май–июнь 2017 г.). Для изучения идентичности использовалась модифицированная методика «Кто Я?» (Румянцева, 2006) и шкала сформированности профессиональной идентичности «Методики изучения стату-

сов профессиональной идентичности» (Азбель, 2004). Оригинальная методика оценки статусов профессиональной идентичности, изначально ориентированная на выпускников школ, была нами модифицирована для адаптации к группе респондентов – выпускников бакалавриата, планирующих поступление в магистратуру. Для обработки данных использовались качественный и количественный контент-анализ, методы статистического сравнения, критерии сравнений U-Манна–Уитни и t-Стьюдента.

По данным методики «Кто я?» нами было получено от одного до пяти высказываний от каждого респондента, суммарное количество высказываний – 280 на первом этапе и 219 на втором. Для обработки результатов использовался метод контент-анализа, процедура классификации прошла проверку на интерсубъективность двумя психологами. Для классификации полученных высказываний мы опирались на представления Б. Г. Ананьева, выделяющего в системе человекознания четыре основных понятия: индивид, личность, субъект, индивидуальность, вокруг которых строится изучение и понимание человека как целого. Таким образом, мы получили четыре класса: класс индивидных характеристик («человек», «девушка») – 16,8% всех высказываний в первом опросе и 14,1% во втором; высказывания, характеризующие человека как личность в мире отношений с другими («дочь», «друг», «сестра»), – 11,8 и 13,2%; высказывания о проявлении человека в деятельностной сфере – профессиональной, учебной, хобби («программист», «историк», «спортсменка») – 31,8 и 30,1%; индивидуальные характеристики респондентов (часто метафорические, образные – «движение», «сомневающаяся», «ищущий») – 39,7 и 42,4%. Интересующий нас класс высказываний, относящихся к проявлениям человека в *деятельностной сфере,* оказался одним из наиболее объемных и был разделен на несколько подклассов в соответствии с типом деятельности: профессиональной («программист», «историк»), учебной («студент», «бакалавр»), хобби («спортсменка», «танцую»).

На первом этапе исследования респонденты, планирующие сменить специальность реже (23,96% против 35,9% у планирующих оставаться в специальности) говорили о себе, как о субъекте деятельности. Большая часть их высказываний о своей деятельности касалось учебной деятельности или хобби, и только 8,7% – профессиональной деятельности, тогда как остающиеся в своей специальности говорили о профессиональной деятельности в 42% случаев. На втором этапе исследования при сравнении групп различия были не столь заметны: сменившие специальность несколько чаще говорили о се-

бе как субъектах деятельности – 35,2% у сменивших специальность и 26,6% у оставшихся в своей специальности; из них к профессиональной деятельности относились 52,9% у оставшихся в своей специальности и 66,7% у сменивших специальность.

По данным «Методики изучения статусов профессиональной идентичности», на первом этапе исследования нами были получены высокие средние баллы шкал сформированной профессиональной идентичности для группы остающихся в специальности и для меняющих специальность на смежную – средний балл 11,3 и 11,6; и средний балл 6,6 для кардинально меняющих специальность. Отличия групп не меняющих специальность и меняющих на смежную от группы кардинально меняющих специальность значимы (на уровне 0,05). На втором этапе исследования для обеих групп получены высокие показатели сформированности профессиональной идентичности: 11,5 для оставшихся в специальности и 13 для сменивших специальность, различия не значимы. Показатель сформированности профессиональной идентичности значимо меняется при переходе от первого опроса ко второму опросу в группе меняющих специальность: от 11,6 до 16 среди меняющих специальность на смежную, от 6,6 до 10,5 для сменивших специальность кардинально (различия значимы на уровне 0,05).

Итак, если статус сформированности профессиональной идентичности респондентов, остающихся в специальности, в среднем достаточно высок на протяжении всего исследования, то респонденты меняющие специальность (что особенно характерно для подгруппы кардинально меняющих специальность) демонстрируют динамику идентичности – показатели сформированности идентичности растут от первого ко второму этапу. Аналогичные результаты наблюдаются в том, что касается содержательного наполнения профессиональной идентичности. На первом этапе среди респондентов, планирующих сменить специальность, меньше ассоциаций себя с профессиональной деятельность; ко второму этапу исследования различия групп респондентов становятся незначительны.

Таким образом, в результате исследования подтверждены наши основные гипотезы. Респонденты, планирующие сменить специальность, находятся в состоянии кризиса идентичности, их идентичность сформирована недостаточно в сравнении с продолжающими оставаться в своем профессиональном поле. Совершение профессионального выбора и подтверждение его в дальнейшей профессиональной деятельности позволяет в последующем «достроить» идентичность.

Литература

Азбель А. А. Особенности формирования статусов профессиональной идентичности старшеклассников: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004.

Джанерьян С. Т. Потеря работы: жизненное событие и ситуация // Психологический вестник РГУ. 1996. Вып. 1. Ч. 2. С. 272–282.

Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 7–8.

Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2006.

Взаимосвязь психологического благополучия и профессиональной идентичности у студентов-психологов

Т. А. Колас (*Минск*)

Требования к профессиональной подготовке специалистов в высших учебных заведениях с каждым годом становятся все выше. При этом практика показывает, что на формирование человека как профессионала оказывает влияние не только профессиональная подготовка, но и его личностные особенности, позволяющие успешно справляться с поставленными задачами. Одним из интегративных показателей личностной готовности профессионала является уровень его профессиональной идентичности. «Профессиональная идентичность – психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной профессии и определенному профессиональному сообществу» (Шнейдер, 2007, с. 48). Изучению профессиональной идентичности посвящены работы В. С. Агеева, А. Г. Асмолова, И. В. Антонова, Т. С. Барановой, Ю. Л. Качановой, А. Жичкиной, Г. У. Солдатовой, Ю. П. Поваренокова, Л. Б. Шнейдер и др. (Евтешина, 2007).

Специфика деятельности психолога, заключающаяся в опоре на личностные ресурсы в работе с клиентами, указывает на то, что уровень его профессиональной компетентности тесно связан с психологическим благополучием личности. Высокий уровень психологического благополучия обеспечивает не только переживание удовлетворенности собственной жизнью, но и возможность эффективно справляться как с обучением, так и с профессиональной деятельностью. В своем исследовании И. В. Заусенко отмечает,

что такие профессионально-значимые качества личности психолога, как способность к рефлексии, открытость, эмпатийность, саморуководство, психоэнергетический потенциал, вера в собственные силы, являются мотивирующими детерминантами психологического благополучия. Сензитивным периодом для развития данных качеств личности и формирования профессиональной идентичности являются студенческие годы.

Неразрывная связь всех сфер жизни человека с его профессиональной деятельностью приводит к необходимости рассмотрения взаимосвязи уровня профессиональной идентичности с психологическими особенностями личности, субъективной оценкой собственного благополучия. Исходя из этого, *целью* данного исследования стало изучение психологического благополучия студентов-психологов с различным уровнем профессиональной идентичности.

Выборка испытуемых была представлена 40 студентами Института психологии БГПУ им. М. Танка (20 студентов 3 курса и 20 студентов 5 курса). Возраст испытуемых – 19–23 года.

В исследовании были использованы следующие психодиагностические *методики:* «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Н. Н. Лепешинского, «Методика изучения профессиональной идентичности» Л. Б. Шнейдера и «Опросник профессиональной идентичности студентов-будущих психологов» (авторская разработка У. С. Родыгиной).

В результате диагностики профессиональной идентичности студентов по методике Л. Б. Шнейдера было выявлено, что лишь 10% испытуемых обладают достигнутой позитивной профессиональной идентичностью. О том, что профессиональная идентичность человека сформирована, говорят высокая уверенность в себе и результатах своей работы, самоуважение, осознание ценности своей деятельности, принятие положительной оценки других людей, стремление добиться соответствия идеального и реального результатов работы. При этом были обнаружены значимые различия в профессиональной идентичности у студентов 3 и 5 курсов (χ^2 Пирсона = 10,8 при p=0,02). Для студентов 3 курса характерны преждевременная и псевдопозитивная идентичность, среди пятикурсников преобладают учащиеся с диффузной идентичностью и мораторием идентичности.

Результаты исследования профессиональной идентичности студентов по авторской методике У. С. Родыгиной показали, что среднее значение показателя «Эмоциональное отношение» по выборке равно 2,525 (стандарт. отклонение = 8,1), что говорит о том, что, в целом, для выборки на данный момент характерны нейтральные эмоции от-

носительно получаемой профессии. Таким образом, преобладание эмоций по отношению к приобретаемой профессии у испытуемых зависит от различных ситуаций. При этом большинство испытуемых характеризуется активной позицией (среднее значение по шкале «Осознанная активность» = 6,15; стандартное отклонение = 6,13) по отношению к будущей професии, которая может быть обозначена как позиция «субъекта». Студенты с высокими показателями по данной шкале ставят себе цели в профессиональной сфере и стремятся их достичь, знают, как получить интересующую их информацию, дополнительно читают специализированные журналы и книги.

В ходе проведения исследования, было выявлено, что 67,5% испытуемых обладают средним уровнем психологического благополучия, а высокий уровень благополучия характерен лишь для 5% испытуемых. Данный результат согласуется с результатами, полученными Н. Н. Лепешинским при адаптации опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф для его применения в Республике Беларусь. Различия в уровне психологического благополучия между студентами 3 и 5 курса статистически не значимы.

В результате статистической обработки данных были обнаружены значимые различия в психологическом благополучии студентов с различным уровнем профессиональной идентичности (χ^2 Пирсона = 18,09 при p=0,02). Наибольший процент испытуемых с низким уровнем психологического благополучия (54,5%) относится к группе студентов с преждевременной профессиональной идентичностью. Такой результат обусловлен тем, что преждевременная идентичность предполагает отсутствие профессионального выбора как такового. В данном случае профессиональная идентичность навязывается извне и самим человеком не осознается, а значит, получаемая профессия не может удовлетворять потребности человека.

Существует статистически значимая взаимосвязь между эмоциональным отношением к получаемой профессии и психологическим благополучием личности (χ^2 Пирсона = 10,86 при p=0,02). Так, все студенты с высоким уровнем психологического благополучия имеют высокие показатели по шкале «Эмоциональное отношение», а значит, испытывают положительные эмоции по отношению к будущей профессии. При этом среди испытуемых с отрицательным отношением к будущей профессии преобладают студенты с низким уровнем психологического благополучия.

На основе результатов данного исследования можно сделать вывод, взаимосвязь между уровнем психологического благополучия и профессиональной идентичностью личности действительно су-

ществует. А значит, психологическое неблагополучие, проявляющееся в негативной оценке себя и обстоятельств своей жизни, отсутствие веры в возможность что-либо изменить, может стать причиной учебной дезадаптации студентов и личностной неготовности к профессиональной деятельности. При этом важно отметить, что результаты исследования указывают на недостаточный уровень психологического благополучия испытуемых и необходимость целенаправленной работы по его оптимизации.

Литература

Евтешина Н. В. Динамические аспекты профессионального компонента идентичности психолога // Известия УрГУ. 2007. № 52. С. 223–231.

Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.

Образ желаемого будущего у подростков из больших и малых городов

А. А. Колда (*Москва*)

В ситуации современных социальных изменений важным является изучение соотношения индивидуальных особенностей и социальной (в частности, территориальной) идентичности человека. Особенно сильно изменения в социальной и культурной среде затрагивают подростков и молодежь. Изменчивость настоящего тесно связана с неопределенностью будущего, представление о котором является важной составляющей образа Я и образа мира.

В нашем исследовании мы предполагаем, что существуют различия в представлениях о будущем у подростков в зависимости от территориальной идентичности и соотношения социального и личностного пространства (моно- и полиэтничная среда, малый город и мегаполис).

Изучение образа желаемого будущего у подростков не является новым направлением, однако существующие исследования чаще всего затрагивают подростков, находящихся в тяжелых жизненных ситуациях, социально дезадаптированных либо являющихся представителями социально незащищенных слоев общества. Наблюдается повышение исследовательского интереса к социальному пространству подростков и их территориальной идентичности (Хузеева,

2013; Голубева, Кончаловская, 2013). Исследование особенностей временной перспективы подростков находим в работах Н. Н. Толстых.

В исследовании мы стараемся обратить внимание на становление картины мира подростка в современном нестабильном и стремительно изменяющемся мире. Индивидуализация и социализация современных подростков становятся важными объектами современных исследований ввиду качественных изменений глобальной картины мира, появлением нового технологического и информационного пространства и большой значимости социальных изменений именно для молодежи и подростков.

Для обозначения современной социальной ситуации в психологической науке используется понятие транзитивности, включающей в себя изменчивость, неопределенность и множественность социальных представлений, норм и установок. Глобальность понятия предполагает его рассмотрение с точки зрения различных наук. Психологическая транзитивность, в частности, включает трансформации объективных и субъективных представлений о времени и пространстве. Центральную позицию в психологическом понимании транзитивности занимает психологический хронотоп, представляющий собой переживание собственного места в пространстве и времени (Марцинковская, 2015).

Изменение представлений о пространстве и времени приводит к тому, что в настоящие дни люди уже не могут воспринимать мир огромным и непостижимым, а время – бесконечным. Изменение представлений о пространстве стало следствием новых технических возможностей, позволяющих с большой скоростью и за небольшой промежуток времени попасть в другую точку земного шара. В то же время информационное пространство привело к осознанию конечности жизни и необходимости жить «здесь и сейчас».

Изменения восприятия пространства и времени происходят как во внешней (социальной) среде, так и во внутренней. Иными словами, транзитивность представлена и объективно, и субъективно, что неизбежно приводит к появлению гетерохронности субъективного и объективного хронотопов. Это, в частности, касается вариативности и неопределенности будущего, что приводит к сложностям в его субъективном представлении и понимании.

Неопределенность будущего и множественность вариантов настоящего приводят к попыткам, с одной стороны, укрепиться в проверенных временем устоях и традициях, найти своеобразный «якорь», а с другой – к попыткам найти собственный путь, выделить свою индивидуальность, понять себя и свои возможности в быстро ме-

няющемся мире. С этой точки зрения, происходящие в социуме трансформации подобны трансформациям, происходящим в подростке в период его вхождения во взрослую жизнь и становления его образа Я.

Структура мотивов меняется, одни мотивы уходят на задний план, другие становятся превалирующими. Это поиск собственной индивидуальности и попытка выделить себя из мира и составить собственную картину мира. Картина мира тесно связана с иерархией мотивов, личностными установками и целями. Согласно исследованиям Т.Д. Марцинковской, в настоящее время среди подростков наблюдается общая тенденция становления индивидуалистического стиля жизни.

При этом стремление к осознанию целей собственной жизни, обретения смысла конкурирует с закономерным желанием быть причастным к определенной группе. В этом смысле над подростком довлеют основополагающие страхи, описанные в труде Ф. Римана, связанные со страхом остаться одиноким в неопределенном мире и одновременно страх слиться с толпой, потерять свою индивидуальность (Риман, 1999).

Независимо от выбранного варианта развития (стремления к конформности или к индивидуализации), важным остается поддержание конгруэнтности образа Я и картины мира, а также их адекватная соотнесенность с реальностью. Психологическая транзитивность приводит к множественности потенциальных Я-структур. Персональный хронотоп отражается в характере личностной и социальной идентичности. Так, Э. Эриксон определяет подростковый возраст как возраст формирования целостной идентичности, включающей три уровня: индивидный, личностный и социальный.

Исследование картины мира современных подростков представляется актуальным также в связи с тем, что они являются непосредственными носителями нового типа мышления и восприятия, репрезентантами происходящих в социуме изменений. С этой точки зрения можно рассматривать подростковый возраст как индивидуальную онтогенетическую модель транзитивности.

Методологической основой исследования выступают работы Л.С. Выготского, Т.Д. Марцинковской, Н.Н. Толстых, Г.Р. Хузеевой, И.С. Самошкиной и др.

С учетом всего вышесказанного *целью* исследования выступает выявление особенностей образа желаемого будущего в структуре картины мира современных подростков, проживающих в малом городе (Симферополь) и мегаполисе (Москва).

Задачи исследования: разработать методы исследования, выявляющие взаимосвязь индивидуальности и картины мира современных подростков, проживающих в малом городе и мегаполисе, определить особенности этой взаимосвязи, выявить их роль в формировании образа желаемого будущего у подростков с разной территориальной идентичностью.

Гипотеза исследования: объективные особенности социального пространства и субъективные особенности территориальной идентичности определяют особенности образа желаемого будущего в структуре психологического хронотопа современных подростков.

Эмпирическая часть исследования

Испытуемые: Предполагаемое количество респондентов – 150 чел. Возраст исследуемых – от 14 до 16 лет.

Методики исследования направлены на:

1. Исследование представлений об окружающем мире и оценку ценностей: «Социальное пространство» и «Территориальная идентичность» (Г. Р. Хузеева).
2. Выявление отношения к социальному пространству: «Структура социальной идентичности» (Г. Р. Хузеева).
3. Изучение особенностей временной перспективы: «Я был, я есть, я буду» (Т. Д. Марцинковская).
4. Изучение сферы личных ценностей подростка: «Успешный человек» (Г. Р. Хузеева)

Статистические методы исследования будут включать стандартизованные процедуры. Дополнительно будут использованы специфические качественно-количественные способы оценивания сходства – различия в картине мира подростков из разных по масштабам и образу жизни городов.

Предполагаемые результаты исследования должны выявить отношение подростков к различным аспектам социального пространства и представление подростков о ценностях для дальнейшего изучения структуры картины мира. Исследование личностных качеств испытуемых необходимо для определения их места в образе мира.

Литература

Марцинковская Т. Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 15.08.2017).

Риман Ф. Основные формы страха. М.: ИД «Алетейа», 1999.

Хузеева Г. Р. Особенности восприятия субъективного социального пространства у современных подростков, проживающих в различных условиях // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. С. 10. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 14.08.2017).

Взаимосвязь ведущего способа восприятия информации с личностными особенностями в подростковом возрасте

А. Ю. Колесникова (*Мурманск*)

Современный темп жизни невозможно представить без получения каждый день новой информации. Информационно-коммуникационные технологии не только облегчают этот процесс, но и увеличивают время, которое индивид тратит на то, чтобы усвоить полученную информацию. Основными источниками информации выступают телевидение и интернет, которые не только формируют определенное мировоззрение и представления об обществе у индивида, но и его моральные нормы, ценности, стимулируют обогащение словарного запаса, расширяют кругозор, развивают поисковую и ориентировочную деятельность (Кузина, 2007). Но в то же время индивид с их помощью легко может получить информацию о том, как совершить суицид, противоправное деяние, мошенничество, изготовить и употребить наркотики.

В подростковом возрасте происходит активное формирование личностных особенностей, потребностей и интересов, становление чувства взрослости, развитие самосознания, рефлексии, волевых качеств и самосовершенствование личности. Несмотря на признание отдельных существующих для них авторитетов, подростки часто стремятся высказать свое критическое суждение, проявить личное отношение к происходящему. Одним из механизмов формирования этого отношения выступает доступная им информация, которую они не всегда могут дифференцировать на истинную и ложную. Отличительной особенностью этого возрастного периода является понимание усваиваемого материала не только с помощью конкретизации и наглядности, но и через умозаключение, установление логических взаимосвязей.

Таким образом, информационное пространство необходимо рассматривать как неотъемлемый и важнейший компонент в общей структуре социализации и развития личности в целом.

Цель исследования – изучить соотношение ведущего способа получения информации с личностными особенностями у подростков 13–14 лет.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что доминирующим способом получения информации подростка является дигитальный, который определяет особенности личностного развития в этот возрастной период.

Исследование проводилось в 2017 г. на базе МБОУ СОШ № 37 г. Мурманска. В нем приняли участие 34 респондента в возрасте 13–14 лет, обучающихся по программе «Школа России». Психологическая диагностика ведущего способа получения информации проводилась с помощью опросника «Информационные предпочтения и информационная осведомленность» (Марцинковская, 2015), личностных особенностей – с помощью методики диагностики уровня субъективного ощущения одиночества (Марцинковская, Дубровская, 2016) и пятифакторного личностного опросника (Хромов, 2000).

Выбранные методики позволяют проанализировать влияние информации на личностное развитие подростка с позиции культурно-исторического подхода. Статистическая оценка полученных результатов проводилась с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Ведущим способом восприятия информации в подростковом возрасте является дигитальный (46%), который указывает на то, что при обработке информации эти респонденты не опираются на первичное восприятие, а используют информацию, полученную по другим каналам. Эти подростки, прежде всего, ориентированы на логику, смысл и функциональность. Необходимость готовиться к ОГЭ, проходить тестирование стимулируют развитие суждений и умозаключений в этот возрастной период.

Второе место занимает аудиальный способ восприятия информации (20%). Так как ведущая деятельность в подростковом возрасте – общение со сверстниками, то информация, полученная в процессе разговора, спора или обмена мнениями со своими собеседниками, приобретает ценность.

В равной степени подростки воспринимают информацию с помощью визуального и тактильного каналов (7%), поэтому роль наглядного примера, собственной интуиции, активной деятельности в этом возрасте минимальна.

У 20% респондентов не выявлено преобладающего способа получения и обработки информации.

Отличительной особенностью подросткового возраста является низкий уровень субъективного ощущения одиночества (20,6+3,4),

что свидетельствует об экстравертированности, ценности межличностных отношений, адекватной самооценке.

Подросткам характерна амбивертность по шкале «экстраверсия – интроверсия» (47,93+2,3). В большинстве своем они испытывают потребность быть рядом с другими людьми, чувствовать ответственность за общее дело, поддерживать коллективные мероприятия (53,47+2,8). Респонденты предпочитают порядок и комфорт, чувствуют себя раскованными настолько, что позволяют себе дать волю чувствам (50,1+0,9), поэтому не всегда могут контролировать свои эмоции и импульсивные влечения, их поведение во многом обусловлено ситуацией, плохо работают в стрессовых ситуациях, обидчивы и капризны (50,7+1,6). Они производят впечатление беззаботных и безответственных людей, им сложно отличить вымысел от реальной жизни, больше доверяют интуиции, чем здравому смыслу (53,73+3,1).

Итак, основным способом получения информации в подростковом возрасте является абстрактный, смысловой. Восприятие и переработка информации в этот возрастной период происходит в основном за счет рассуждения и обобщения. Подростки при обработке информации не опираются на ее первичное восприятие, а используют информацию, полученную по другим каналам. Основными личностными чертами подростков являются позитивное отношение к окружающим, потребность во взаимодействии с ними, эмоциональность и ориентация на групповые нормы и правила.

Результаты статистического анализа позволяют утверждать, что у подростков с доминирующим визуальным каналом восприятия информации отсутствует уверенность в отношении правильности своего поведения. Они предпочитают абстрактные идеи, сдержанны, планируют свое будущее, умеют сопереживать, социально направлены ($p<0,05$), а также стараются соблюдать общепринятые нормы поведения в обществе, контролировать свое поведение, настойчивы в деятельности ($p<0,01$).

Отличительными особенностями подростков с аудиальным способом восприятия информации выступают погруженность в себя ($p<0,01$), невнимание к происходящим вокруг событиям, сниженный фон настроения, сдержанность, замкнутость, терпимость к недостаткам других людей, сопереживание, зависимость поведения от ситуации, заниженная самооценка ($p<0,05$).

Подростки с дигитальным ведущим способом восприятия информации предпочитают активность, помощь окружающим. Они чувствуют личную ответственность за благополучие близких, тер-

пимо относятся к недостаткам других, стараются избегать разногласий, не любят конкуренции, настойчивы в деятельности, обладают высоким уровнем самоконтроля, легко обучаются, эмоциональны ($p<0,05$).

Резюмируя вышеизложенное, ориентация на взаимодействие с социумом, зависимость и принятие индивида группой в подростковом возрасте не зависит от способа получения информации. Основными личностными чертами, которые определяет информация в этом возрастном периоде, выступают доверчивость, ориентация на сотрудничество, конформность, сопереживание. В большей степени выявленные особенности характерны для подростков с визуальным способом восприятия информации ($p<0,01$).

Литература

Идентичность и социализация в современном мире: сборник методик / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015.

Кузина С. В. Роль СМИ в формировании культурных приоритетов молодежи // Власть. 2007. № 8. С. 53–56.

Марцинковская Т. Д., Дубовская Е. М., Белинская Е. П., Голубева Н. А. Социализация в мультикультурном пространстве: Метод. пособие. М.: МПГУ, 2016.

Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-метод. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000.

Возрастная динамика эскапизма как формы протестной активности личности и его половые различия у подростков

О. В. Колотова (*Краснодар*)

«Уход в себя» (от *англ.* escapism) за последнее десятилетие привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных исследователей в области философии (Е. О. Труфанова, Е. Н. Шапинская, Л. В. Баева), социологии (А. С. Запесоцкий, Н. В. Корытникова), психологии (Д. А. Леонтьев, А. Ш. Гусейнов) и привлекает неслучайно. К одним из современных реалий и тенденций общественного развития относятся усиленное влияние глобализации на общество и ее обезличивающий эффект, виртуальные пространства, информационный стресс. Зачастую человек с низкой ресурсностью в преодолении трудностей вынужден использовать один из сценариев решения проблем – «бегство от реальности».

В данном эмпирическом исследовании эскапизм изучается в контексте психологии личности не только с позиции совладания с неразрешимыми обстоятельствами, как бегство, а как *поступок,* форма протестной активности – человек своим уходом стремится изменить среду, отношение к себе. Анализ основан на субъектно-бытийном подходе в рамках концепции А. Ш. Гусейнова (2015), которая отражает фундаментальное осмысление психологических механизмов эскапизма как формы протестной активности. Автор концепции проводит глубинный философский и психологический анализ феномена бегства, операционализирует понятие, убедительно доказывает существование двух важнейших его источника: внутриличностный и внешний конфликт с микро- и макросоциумом. А. Ш. Гусейнов акцентирует внимание исследователей эскапизма на том, что человек, использующий демонстративный уход от проблем, имеет желание разрешить противоречия, но не имеет ресурсов к решению проблем самостоятельно, пытается «деконструировать среду» (2013).

Целью эмпирического исследования явился анализ особенностей внутриличностного и межличностного конфликтов, описывающих механизмы эскапизма у подростков в аспекте динамической реализации в кризисном периоде развития личности. Исследование является продолжением работы в области изучения индивидуально-психологических различий протестного поведения подростков и характеризуется переходом от рассмотрения общей детерминации протеста (Лавриченко, 2013) к усилению акцента внимания на изучении детерминации форм протеста, в частности – эскапизма.

Для достижения цели эмпирического исследования использовались следующие виды статистического анализа: корреляционный анализ, множественная регрессия (МРА) и многомерный дисперсионный анализ (MANOVA). Выборка включала в себя 227 респондентов (113 юношей и 114 девушек) – учащихся гимназии в возрасте от 12 до 16 лет. Комплекс методического инструментария, направленный на изучение эскапизма: шкала «Эскапизм» из авторской методики «Протестная активность личности» А. Ш. Гусейнова, методика «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI; Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х. Р. Конт), сокращенный многофакторный опросник для исследования личности (Мини-мульт), 16 PF Р. Кеттелла, Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд (методика СПА), социометрия и референтометрия.

Корреляционный анализ позволил выявить 40 статистически значимых положительных и отрицательных взаимосвязей ($p<0,05$ и $p<0,01$) шкалы «Эскапизм» из теста «Протестная активность лич-

ности» и шкал батареи психологических тестов. На основе данных корреляций 40 шкал тестов использовались как маркеры эскапизма и как независимые переменные в модели МРА.

Результаты МРА с помощью метода включения представлены в формуле: *Эскапизм=4,57 + 0,06*C + 0,12*D + 0,05*G +0,04*ДА – 0,34*РС –0,32*MD + 0,07*Ма,* где С – психологическая защита по типу регрессии; D – заостренная личностная черта по типу пессимистичности (применяется интерпретация по Л. Н. Собчик, 2008); G – психологическая защита по типу интеллектуализации; ДА – социально-психологическая характеристика, характеризующая дезадаптивность в межличностном общении; РС – определяет выраженность референометрического статуса в группе; MD – характеризует уровень самооценки испытуемого; Ма – заостренная личностная черта оптимистичности (гипертимный, экзальтированный тип). Статистические критерии, описывающие модель МРА, свидетельствуют о ее высоком уровне значимости (F=20,01; p<0,001), а также о значимости бета-коэффициентов шкал, входящих в уравнение регрессии на уровне p<0,05–0,01; модель описывает 37% дисперсии (R=0,37).

Подростку с выраженным эскапизмом свойственна эмоциональная незрелость в виде перепадов от депрессивных состояний к всплескам жизнерадостности. Также вероятно, что бравада является компенсаторным механизмом – в качестве прикрытия подавленного состояния. Выявленный цикл «депрессия-оптимизм» связан комплексом психологических защит. Они представлены дихотомично: с одной стороны, подросток осознает происходящее, рассуждает «взросло», занимается поиском логичных аргументов и оправданий, а с другой стороны демонстрирует уход в ребячество. Интерпретация сниженной самооценки также не вызывает разночтений – согласно З. И. Рябикиной (2013), данное обстоятельство характерно для кризисного периода, когда происходит свертывание отжившего и формирование новообразований. Появление в уравнении МРА шкал «Референометрия» и «Дезадаптация» позволяет судить о том, что эскапизм связан с трудностями подростка в реализации собственного авторитета в группе: его мнение не значимо, и чем больше оно отвергается, тем больше подросток тяготеет к пассивному протесту – уходу в другую бытийность. Представленная формула подтверждает идеи А. Ш. Гусейнова о механизме двойного конфликта – внутриличностного и межличностного в детерминации эскапизма. Эмоциональная незрелость, детские формы защитных стратегий на фоне развивающейся интеллектуализации в совокупности с низкой самооценкой характеризует внутриличностный конфликт не дают подростку раз-

вивать серьезный личностный ресурс к самореализации. Внешний конфликт проявляется в социальной дезадаптации подростка и отвержении его авторитета группой. В решении двойного конфликта подросток, не имея ресурсов, душевного равновесия для отстаивания своих интересов, не видит иного пути кроме как «ухода в себя».

Половозрастная динамика эскапизма изучались с помощью анализа MANOVA. В комплекс зависимых переменных входили предикторы эскапизма, определенные в результате МРА. Независимыми переменными были порядковые шкалы «Пол» и «Возраст», взвешенная регрессия наименьших квадратов производилась по шкале «Эскапизм» теста «Протестная активность личности». Статистики достоверности модели выявили высокую значимость по многомерному критерию «след Пиллая» ($p<0,05–0,001$; $\acute{\eta}^2=0,05–0,12$), методу контрастов. В обсуждении представлены только статистически значимые различия. Установлено, что по мере перехода от предкризисного (11–12 лет) к посткризисному (15–16 лет) этапу подросткового развития эскапизм развивается в рамках заострения личностной черты «пессимистичность», усиления напряженности психологической защиты «G-интеллектуализация», по мере прогрессирования дезадаптивности. Нюансы половых различий в детерминации эскапизма заключаются в том, какой из двух видов конфликта эскапизма в большей степени эскапируется: у юношей это внутренний конфликт (значимые различия изучены по шкалам «регрессия» и «пессимистичность), в то время как у девушек – внешний конфликт, связанный со значительным снижением референтометрического статуса. Описанные половые различия в эскапизме сообразны тенденциям общей детерминации протестной активности, которые были представлены ранее (Лавриченко, 2013). И наконец, особенности комбинации межгрупповых эффектов пол * возраст выявляют усиление эскапизма у юношей к завершению посткризисного периода вследствие закрепления пессимистичности. У них сценарий бегства детерминируется растущим безразличием к жизни, хронической усталостью, отчужденным отношением к окружающим людям.

Таким образом, у подростка с выраженным эскапизмом наблюдаются явные проблемы развитием образа Я: неудачные поиски себя, искаженное восприятие происходящего, трудности с трансляцией «Я» в группе.

Литература

Гусейнов А. Ш. Искажение субъектности в некоторых видах протестной активности // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию

А. В. Брушлинского): Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции / Ред. З. И. Рябикина, В. В. Знаков. М., 2013. С. 273–275.

Гусейнов А. Ш. Опросник «Протестная активность личности»: разработка и адаптация: Учебное пособие. Краснодар: КГУФКСТ, 2015.

Гусейнов А. Ш., Фоменко Г. Ю., Рябикина З. И. Протестная активность личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16. № 3. С. 6–21.

Лавриченко О. В. Половые различия в проявлениях протестного поведения подростков // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 118–122.

Лавриченко О. В. Личностные детерминанты протестного поведения подростков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Психология». 2013. Т. 6. № 3. С. 35–41.

Классификация представлений подростков и взрослых об уважении к родителям

А. М. Коновалова (*Москва*)

За последние годы практикующие психологи столкнулись с ростом количества запросов, связанных с уважением к родителям в детско-родительских отношениях, при этом само понятие «уважение к родителям» не имеет в науке четкого определения и достаточной операционализации, поэтому в своих исследованиях мы, в первую очередь, обратились к определению семантики данного понятия. Продолжая начатое ранее исследование (Коновалова, 2017), мы увидели возможность для выделения видов уважения.

Цель исследования: выделить виды представлений подростков и взрослых об уважении к родителям.

Гипотеза исследования: в представлении подростков и взрослых существуют виды уважения к родителям, различающиеся своим психологическим содержанием.

Характеристика *выборки:* в данном исследовании приняло участие 384 чел. 164 подростка в возрасте от 14 до 18 лет (67 (41%) мальчиков и 97 девочек (59%), средний возраст – 15,5 лет). 220 взрослых респондентов в возрасте от 22 до 70 лет (94 (43%) мужчины и 126 (57%) женщин, средний возраст – 39 лет, 142 (65%) респондента имеют детей).

Был использован авторский опросник содержания представлений об уважении к родителям, состоящий из 26 высказываний,

отражающих различные понимания того, что же такое уважение, что входит в это понятие, какие причины могут быть у человека, чтобы уважать своих родителей. Опросник конструировался как не имеющий шкал и предполагающий в большей степени качественную оценку результатов, при этом при разработке опросника мы постарались уравновесить количество высказываний, говорящих о причинах уважения, его содержании и его последствиях.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных. Обработка результатов исследования проведена с помощью пакета SPSS Statistics version 20, использованы следующие процедуры: описательные статистики, одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова, корреляция Спирмена, критерий адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина, критерий сферичности Барлетта, факторный анализ (метод – анализ главных компонент, вращение – Варимакс, нормализация Кайзера), кластерный анализ методом k-средних, t-критерий для независимых выборок.

Результаты и их интерпретация

При ответах на все вопросы опросника респонденты использовали весь диапазон возможных оценок. Распределение ответов статистически значимо не отличается от нормального. На основе высказываний, с которыми согласилось/не согласилось более 75% выборки, получено, что в сознании большинства респондентов уважение к родителям представляется следующим образом: уважать родителей следует за поступки и правильное воспитание, а не за высокий статус, уважение к родителям является устойчивым отношением и связано с определенными поведенческими паттернами, например, внимательностью. При этом утверждения о том, что уважение к родителям является обязательным атрибутом детско-родительских отношений, находят как своих сторонников, так и противников, что свидетельствует о различии в представлении респондентов о том, что такое уважение. При более детальном анализе представлений об уважении к родителям удалось показать, что само это понятие представляется респондентам крайне многогранно, поэтому результаты авторского опросника содержания понятия «уважение к родителям» были подвергнуты факторному анализу, в результате которого были выделены шесть содержательно нагруженных факторов, отражающих разные векторы понимания респондентами уважения к родителям, того, что такое социализация в мультикультурном пространстве (Марцинковская, Дубовская и др., 2016), на основе чего возникает уважение и что является его содержанием (см.: Коновалова, 2017).

Полученные факторы

1. «Уважение – послушание». Первый фактор описывает одну из точек зрения на содержание уважительного поведения по отношению к родителям: ребенок должен выполнять все указания и требования, прислушиваться к советам, посвящать в свои дела, уделять много времени, опасаться разгневать и соглашаться во всем.
2. «Предписанность уважения». Второй фактор оценивает степень долженствования уважения и дифференцирует респондентов на тех, кто считает, что уважать родителей обязательно (культурная предписанность) и тех, кто так не считает.
3. «Уважение – согласие». Третий фактор получился несколько противоречивым: он говорит о содержании уважения, но респонденты, получившие высокий балл по данному фактору, так и не могут до конца определиться, требует ли уважение к родителям полного послушания и согласия с ними во всем, или нет.
4. «Уважение – признание достоинств». Четвертый фактор описывает уважение к родителям как результат сознательного оценивания своих родителей как достойных уважения по тем или иным причинам. Уважение к родителям возникает на основе оценки своих родителей как достойных уважения.
5. «Уважение – самостоятельное отношение». Пятый фактор, с одной стороны, разделяет такие понятия как уважение к родителям и любовь к ним, при этом говорит о том, что оценочное уважение не может возникнуть, если родитель не заслуживает его. Респонденты, набирающие высокий балл по данному фактору, под уважением подразумевают именно сознательное оценочное отношение и четко дифференцируют его от чувства любви.
6. «Уважение – общественное явление». Шестой фактор содержит в себе описание одной из возможных причин для становления у ребенка уважения к родителям, а именно – авторитет и статус родителя как основу для такого отношения.

Получив шесть содержательно нагруженных факторов, демонстрирующих различные характеристики уважения к родителям, попытаемся выделить различные представления испытуемых об уважении к родителям. Для этого проведем кластерный анализ наблюдений на основе факторных переменных. Кластерный анализ методом k-средних позволил выделить два кластера респондентов. Сходимость достигнута за 14 итераций по критерию отсутствия изменений в положении центров кластеров. Полученные кластеры зна-

чимо отличаются по всем шести факторным переменным (уровень значимости ⩽ 0,001).

Фактор	**Кластер 1**	**Кластер 2**
Послушание	–0,24070	0,25357
Предписанность	–0,37324	0,39320
Согласие	0,39322	–0,41425
Признание достоинств	0,16821	–0,17720
Самостоятельное отношение	0,17650	–0,18593
Общественное явление	–0,46207	0,48678

Респонденты по данным кластерам разделились практически поровну. Первый кластер составили 197 респондентов, второй – 187 респондентов.

Таким образом, первый кластер испытуемых составили те, кто категорически не согласен с предписанностью уважения, и считают уважение к родителям отношением, возникающим в результате сознательного оценивания своих родителей как достойных уважения по тем или иным причинам, благодаря тем или иным поступкам. Для них уважение к родителям отражает их внутреннюю позицию. Для этих респондентов уважение к родителям не равно любви к ним и не связано с полным согласием с родителями по всем вопросам.

Второй кластер испытуемых составили те, кто воспринимает уважение к родителям в качестве обязательного отношения, предписанного нормами общества. В их представлении уважение к родителям связано с их статусом и авторитетом и должно проявляться в ряде поведенческих паттернов: послушании, внимании к родителям, согласии во всем, боязни разгневать родителей. Уважение к родителям отчасти отождествляется представителями данного кластера испытуемых с любовью к родителям.

Выводы

Было получено, что разные респонденты (подростки и взрослые) характеризуют уважение совершенно по-разному, что хорошо согласуется, например, с результатами J. R. Frei, P. R. Shaver (Frei, Shaver, 2002). Кластерный анализ выборки на основе выделенных факторных переменных показал, что можно выделить две группы испытуемых, отличающихся своими представлениями об уважении к родителям:

1. Предписанное уважение – респонденты, воспринимающие уважение к родителям в качестве обязательного отношения, предписанного нормами общества. В их представлении уважение к родителям связано с их статусом и авторитетом и должно проявляться в ряде поведенческих паттернов: послушании, внимании к родителям, согласии во всем, боязни разгневать родителей. Уважение к родителям отчасти отождествляется представителями данной группы испытуемых с любовью к родителям.
2. Оценочное уважение – респонденты, которые категорически не согласны с предписанностью уважения, и считают уважение к родителям результатом сознательного оценивания своих родителей как достойных уважения по тем или иным причинам, благодаря тем или иным поступкам. Для них уважение к родителям отражает их внутреннюю позицию. Для этих респондентов уважение к родителям не равно любви к ним и не связано с полным согласием с родителями по всем вопросам.

Литература

Коновалова А. М. Семантика понятий «уважение» и «уважение к родителям» у подростков и взрослых // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. С. 8. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1383-konovalova51.html (дата обращения: 28.08.2017).

Frei J. R., Shaver P. R. Respect in close relationships: Prototype definition, self-report assessment and initial correlates // Personal relationships. 2002. V. 9 (2). P. 121–139.

Взаимосвязь ориентированности на социальное сравнение и целеполагания*

А. В. Корбут, Е. С. Самойленко (*Москва*)

Социальное сравнение понимается в широком смысле как процесс «обдумывания» субъектом информации, касающейся одного или нескольких людей, при соотнесении с собственным Я, а также как процесс сравнения человеком себя с самим собой в разные временные моменты.

Этот процесс, являясь ключевым элементом познания и субъективного оценивания индивидом самого себя и взаимодействующих

* Исследование выполнено в рамках госзадания, проект ФАНО № 0159-2017-0004.

с ним людей, реализуется с определенными целями. В наиболее ранних работах, к которым относится классическая теория Л. Фестингера (Festinger, 1954), в качестве основной цели сравнения человеком себя с другими людьми рассматривалась оценка собственных мнений и способностей. Современные исследователи в качестве других целей такого сравнения выделяют самосовершенствование, улучшения представления о себе, установление и поддержание социальных отношений, самовалидизация собственных мнений, формирование когнитивной структуры, т. е. овладение определенным знанием по конкретному вопросу или аналогичная по смыслу цель поиска информации. В наших исследованиях в результате применения процедуры «Незаконченное предложение» с последующим индуктивным контент-анализом вербальных данных выделены 13 целей сравнения человеком себя с другими людьми. Эти цели составили основу сконструированного опросника (Самойленко, 2012).

В отношении конкретных целей сравнения себя с другими людьми представляет интерес изучение проблемы того, насколько выражены эти цели у субъектов, в целом более и менее ориентированных на социальное сравнение.

Известно, что человек, высоко ориентированный на сравнения себя с другими людьми, имеет постоянно высокую активацию собственного Я. Показано, что высокий уровень выраженности сравнения связан с индивидуальным и социальным самосознанием, т. е. высоко ориентированные на сравнение люди осуществляют особенно глубокую рефлексию относительно собственных мыслей и чувств. Такие люди характеризуются также наличием большого интереса к чувствам других людей, обладают выраженной эмпатией и общей чувствительностью к потребностям окружающих, склонны соотносить с собой то, что происходит с другими людьми, и проявлять интерес к мыслям и поведению людей, находящихся в сходных с ними ситуациях. Выраженность сравнения оказалась также положительно коррелирующей с межличностной ориентацией – конструктом, включающим в себя, среди прочих, тенденцию находиться под влиянием настроений и критических оценок других людей, а также стремление к взаимному самораскрытию. Наконец, люди, часто сравнивающие себя с другими людьми, чаще переживают отрицательные эмоции и неуверенность, а также особым образом интерпретируют информацию сравнительного характера. Таким образом, применительно к такого рода людям возникает вопрос об особенностях целеполагания, касающегося осуществляемого ими социального сравнения.

Целью данного исследования явилось изучение взаимосвязи выраженности у человека определенных целей сравнения себя с другими людьми и степени общей ориентированности на такое сравнение.

Процедура и методы исследования

Участникам исследования были предложены два диагностических инструмента: методика определения выраженности целей социального сравнения (Самойленко, 2012) и шкала INCOM (Gibbons, Buunk, 1999).

Методика определения целей социального сравнения содержит 50 утверждений, которые заканчивают предложение «Я сравниваю себя с другими людьми для того, чтобы...». Респонденту необходимо оценить по шкале от 0 до 4 (0 – точно не согласен, 4 – точно согласен), в какой степени он согласен с тем или иным утверждением.

Русскоязычная версия *Шкалы INCOM* включает 11 пунктов, каждый из которых представляет собой утверждение, отражающее сравнение человеком себя с различными группами социальных референтов в разных жизненных аспектах (статья с описанием процедуры адаптации шкалы находится в печати). Респонденты должны указать, насколько они согласны с утверждением по 5-балльной шкале (1 – абсолютно не согласен; 5 – совершенно согласен).

В исследовании приняли участие 244 чел., средний возраст – 27 лет (158 женщин и 86 мужчин), из них 48% имели законченное высшее и 52% – незаконченное высшее образование (студенты и сотрудники Московского государственного университета, Педагогического университета, Гуманитарно-экономического университета, а также сотрудники школ, детских садов и работники других сфер).

Для статистической обработки использовался пакет программ Statistica 7.0: (modelt-test– statistics).

Результаты исследования

Для проведения сравнительного анализа были выбраны две контрастные по общему показателю ориентированности на сравнение группы: в первую группу вошли 25% респондентов, имеющих наиболее низкие показатели от 13 до 30 баллов (средние значения – 1,18–2,72), во вторую группу – 25% с наиболее высокими показателями от 40 до 53 баллов (средние значения – 3,63–4,81). Был проведен сопоставительный анализ групп с высоким и низким уровнем ориентированности на социальное сравнение по параметру выраженности следующих категорий целей сравнения, оцениваемому с помощью опросника Самойленко (2012): 1) поддержание социальных отноше-

ний и связей (налаживание общения); 2) поддержание собственного Я: повышение самооценки, уверенности в себе и эмоциональной стабильности; 3) положительная самопрезентация перед другими людьми; 4) научение: овладение знаниями и опытом, в частности, способами решения проблемных ситуаций; 5) самопознание и самооценивание; 6) самосовершенствование; 7) достижение социальной идентичности и стремление иметь сходство с другими людьми; 8) познание других людей; 9) субъективное позиционирование себя среди других людей, т. е. оценка степени сходства с другими людьми или анализ своих и чужих преимуществ; 10) без определенной цели; 11) повышение мотивации к деятельности и целеполагание; 12) самореализация; 13) стремление иметь индивидуальность, быть непохожим на других.

Согласно результатам исследования, значимые различия между контрастными группами выявлены по большинству целей сравнения (при p=0,0001, t-критерий Стьюдента). Люди с более выраженной тенденцией сравнивать себя с другими людьми значимо чаще сравнивают себя с целью: поддержания социальных отношений и связей; поддержания собственного Я; положительной самопрезентации перед другими людьми; научения; самопознания и самооценивания; самосовершенствования; достижения социальной идентичности и стремления иметь сходство с другими людьми; познания других людей; субъективного позиционирования себя среди других людей; повышения мотивации к деятельности и целеполаганию; самореализации; быть непохожими на других. При этом значимых различий между двумя контрастными группами в частоте сравнения без определенной цели обнаружено не было.

Заключение

В результате проведенного исследования было показано, что люди с более и с менее высоким уровнем ориентированности на сравнение себя с другими людьми, т. е. в большей и меньшей степени склонные к оценке собственной ситуации в соотнесении с аналогичными ситуациями, в которых находятся окружающие, в разной степени склонны преследовать определенные цели такого сравнения.

Перспектива наших дальнейших исследований связана с тем, что понимаемое в широком смысле социальное сравнение предполагает не только сопоставление субъектом специфического содержания своих мнений и способностей с мнениями и способностями других людей, но и сравнение себя в настоящем с собой в прошлом и будущем. В наших исследованиях (Самойленко, 2012) разработан

опросник, позволяющий выявлять выраженность тенденции преследовать те или иные цели сравнения себя с самими собой в разные временные моменты. Представляет интерес изучить аналогичным образом наличие различий между людьми с более и менее выраженной общей ориентированностью на социальное сравнение, диагностируемой с помощью шкалы INCOM, и выраженностью у них определенных целей сравнения себя в разные временные моменты.

Литература

Самойленко Е. С. Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2012.

Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. № 7. P. 117–140.

Gibbons F. X., Buunk A. P. Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 76. № 1. P. 129–142.

Динамика депрессивных проявлений у женщин в послеродовом периоде

М. А. Коргожа (*Санкт-Петербург*)

Многолетняя практика перинатальной психологии показала, что беременность и роды являются критическими ситуациями с высокой стрессовой нагрузкой (Филиппова, 2002). Женщины в период беременности подвержены повышенному риску развития нервно-психических расстройств, 77% из которых остаются нераспознанными (Добряков, 2015). Наиболее часто нарушения в эмоциональной сфере женщин в период гестации имеют выраженную депрессивную направленность (Кулиев, Руженков, 2012). Последние исследования факторов, влияющих на повышение тревоги в третьем триместре беременности, особо выделяют эмоционально негативные переживания будущих матерей в связи с субъективным ощущением потери своей женской привлекательности, изменения формы тела, страхи перед родами, а также опасения за исход беременности (Бронфман и др., 2014). К депрессивным проявлениям этого периода можно отнести переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагополучного разрешения беременности, сильную эмоциональную подавленность, ощущение бессилия и беспомощности, а также неспособность получать положительные

эмоции в ситуации ожидания рождения ребенка. Негативные эмоциональные проявления у женщин во время беременности могут влиять на развитие послеродовой меланхолии (беби-блюза), как нарушения психоэмоционального состояния в раннем послеродовом периоде. На 3–4 сутки после родов беби-блюз чаще всего проявляется в форме эмоциональной лабильности, беспричинной плаксивости, раздражительности, снижения концентрации внимания и страха перед собственной неспособностью обеспечить адекватный уход за новорожденным (Рязанова и др., 2017). Изучение особенностей депрессивных проявлений у женщин в период беременности и анализ динамики их изменений позволит построить адекватную модель психопрофилактической подготовки к родам, включающую в себя психологическую помощь после родоразрешения.

Цель исследования – изучение динамики депрессивных проявлений у женщин в третьем триместре беременности и в послеродовом периоде.

Гипотеза исследования – женщины, имеющие слабовыраженные депрессивные проявления в третьем триместре беременности, в большей степени подвержены увеличению степени выраженности этих проявлений и развитию послеродовой депрессивной симптоматики на третьи сутки после родов, чем женщины, имеющие ярко выраженные депрессивные проявления в третьем триместре беременности.

Методы исследования

Для выявления депрессивных проявлений и степени их выраженности у женщин на третьем триместре беременности, а также изучения динамики изменений этих проявлений на третьи сутки после родов использовался клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний К. К. Яхина и Д. М. Менделевича (Менделевич, 2002). Кроме того, в исследовании применялись методы опроса и анализа медицинской документации. При статистической обработке данных использовался критерий Манна–Уитни (U) для независимых (расчет различий между группами сравнения) и критерий Вилкоксона (T) для зависимых (расчет различий между двумя замерами внутри каждой группы сравнения) выборок, расчет которых производился с помощью пакета прикладных программ «Statistica 12.0».

В исследовании принимали участие 792 женщины. После применения критериев исключения таких как, наличие плановой абдоминальной операции, экстрагенитальной патологии, врожденной патологии развития плода, многоплодной беременности и использо-

вание вспомогательных репродуктивных технологий в достижении беременности, в группу исследования были включены 240 женщин. Из них у 140 испытуемых были выявлены тревожные, депрессивные, астенические, обсессивно-фобические, истерические и психосоматические проявления разной степени выраженности, что позволило разделить на две равные группы по 70 чел. каждая (1-я группа – испытуемые, имеющие ярко выраженные негативные эмоциональные проявления, 2-я группа – испытуемые, имеющие слабовыраженные негативные эмоциональные проявления). Было выявлено, что в первой группе у 30 женщин (42,8% от группы и 12,5% от общей выборки), находящихся в третьем триместре беременности, были выявлены ярко выраженные депрессивные проявления (более –1,28 балла по шкале невротической депрессии). Во второй группе у 41 женщины (58,6% от группы и 29,3% от общей выборки) были выявлены слабовыраженные депрессивные проявления (в диапазоне от –1,28 до 1,28 балла). Во всех случаях родоразрешение происходило при доношенной беременности, ребенок характеризовался как соматически здоровый (7–9 баллов по шкале Апгар на пятой минуте жизни). Средний возраст женщин составил 29,7±4,43 лет, всего 143 женщины (59,6% от общей выборки) перенесли роды через естественные родовые пути.

Результаты исследования

При сравнении характеристик групп исследования значимых различий между группами по возрасту испытуемых (0,19, $p>0,1$) и типу родоразрешения (0,49, $p>0,1$) выявлено не было. Таким образом, способ родоразрешения и возраст не влияют на частоту появления и степень выраженности депрессивных проявлений женщин в период беременности и после родов. В результате анализа данных у 16 испытуемых первой группы (22,9% от группы) и у 10 женщин второй группы (14,3% от группы) были выявлены ярко выраженные депрессивные проявления на третьи сутки после родоразрешения.

По итогам изучения динамики депрессивных проявлений у женщин в первой группе на третьи сутки после родов уровень данных проявлений значимо снизился (4,53, $p>0,001$), по сравнению с уровнем в третьем триместре беременности. У женщин во второй группе уровень депрессивных проявлений на третьи сутки после родов не снизился (1,21, $p>0,1$) в сравнении с третьим триместром беременности. Так как в данной группе исследования на третьи сутки после родов у 10 женщин были выявлены ярко выраженные депрессивные проявления, представляется возможным сделать вывод, что их психоэмоциональное состояние в данный период является менее бла-

гополучным, чем в третьем триместре беременности. В результате сравнения данных между группами испытуемых, было выявлено, что уровень депрессивных проявлений в первой группе на третьи сутки после родов не отличается от данного показателя во второй группе (–0,14, p>0,1). При этом необходимо отметить, что средний уровень депрессивных проявлений в первой группе на третьи сутки после родов (1,3±3,55) стал ниже, чем во второй группе (1,67±2,89), по сравнению с третьим триместром беременности. Таким образом, полученные в ходе исследования результаты дают основание сделать вывод, что женщины, находящиеся в третьем триместре беременности и имеющие слабовыраженные депрессивные проявления, представляют собой группу риска ухудшения психоэмоционального состояния и усугубления негативных эмоциональных проявлений в послеродовом периоде.

Выводы

У женщин с ярко и слабо выраженными депрессивными проявлениями, находящиеся в третьем триместре беременности, в среднем нет различий по возрасту и типу родоразрешения, что указывает на личностные предпосылки переживания ситуации беременности и родов как стрессовой. Женщины, имеющие слабовыраженные депрессивные проявления в третьем триместре беременности, в большей степени подвержены увеличению степени выраженности депрессивных проявлений и риску развития беби-блюза на третьи сутки после родов. Беременные женщины данной категории нуждаются не только в своевременной качественной профессиональной психологической помощи при подготовке к родоразрешению, но психологическом сопровождении в раннем послеродовом периоде с целью психопрофилактики развития послеродовой депрессии.

Литература

Бронфман С. А., Перова Е. И., Кудаева Л. М. Сравнительное исследование клинико-психопатологических особенностей перво- и повторнородящих женщин в третьем триместре беременности // Вестник новых медицинских технологий. Тула. 2014. № 1. С. 1–16.

Добряков И. В. Перинатальная психология. 2-е изд. СПб.: Питер, 2015.

Кулиев Р. Т., Руженков В. А. Клиническая структура психических расстройств при беременности, протекающей без осложнений // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 4. С. 72–75.

Рязанова О. В., Александрович Ю. С., Горьковая И. А., Коргожа М. А., Кошкина Ю. В., Иоскович А. Влияние обезболивания при родоразрешении

на частоту развития послеродовой депрессии у родильниц // Вестник анестизиологии и реаниматологии. 2017. Т. 14. № 1. С. 29–35.
Филиппова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

Синдром профессионального выгорания у работников скорой медицинской помощи

М. В. Корехова (*Архангельск*)

Труд медицинских работников принадлежит к числу наиболее сложных и социально значимых видов деятельности, характеризуется существенной интеллектуальной нагрузкой, а в отдельных случаях требует и больших физических усилий и выносливости, внимания и высокой работоспособности, часто в экстремальных условиях (Пивоваров и соавт., 2006). Работников скорой медицинской помощи (СМП) можно отнести к группе повышенного риска возникновения профессионального стресса и, как следствие, профессионального выгорания. Фельдшера СМП в повседневном труде сопровождают различные стрессоры: постоянный эмоциональный контакт с множеством людей, нуждающихся в помощи, и необходимость учета их психологических особенностей (Новикова, 2004), перегрузки, сменная работа, чувство высокой ответственности за результаты работы и др.

С целью выявления проявлений синдрома профессионального выгорания у работников скорой медицинской помощи было обследовано 44 фельдшера скорой медицинской помощи, работающих в учреждениях Архангельской области. Средний возраст составил 38,1±10,8 лет (M±σ).

Использовались следующие методы исследования: анкетирование, психологическое тестирование, математико-статистическая обработка эмпирических данных. Используемые методики: шкала организационного стресса Мак-Лина, опросник «Отношение к работе и профессиональное выгорание» (ОРПВ) (Винокур, 2009).

В результате проведенного нами обследования было выявлено, что во время выполнения своей профессиональной деятельности почти ½ работников СМП (47,7%) сталкивались с угрозами и словесными оскорблениями, более 1/3 (34,1%) подвергались угрозе жизни, опасности серьезного ранения или травмы, у 6,8% встречались лег-

кие травмы и ушибы. Каждый второй (47,8%) сотрудник оценивал свою работу как тяжелую и напряженную. Более 2/3 обследуемых (75,0%) в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей часто и практически ежедневно сталкивались со стрессовыми ситуациями. Каждый второй сотрудник СПМ отмечал у себя плохое, подавленное настроение, вспыльчивость и раздражительность, а также жалобы на плохое состояние здоровья.

Значения показателя организационного стресса по методике Мак-Лина в группе обследуемых было высоким (49,5±8,2 балла; M±σ), т. е. вероятность развития стресса очень велика. Каждый второй сотрудник (54,4%) был предрасположен к различным стресс-синдромам, риску профессионального выгорания и коронарных заболеваний. У 1/3 фельдшеров (33,3%) отмечался умеренный уровень организационного стресса, а низкий – только у 12,3% респондентов.

По опроснику ОРПВ были обнаружены высокие среднегрупповые значения по шкалам «эмоциональное истощение» (45,6±13,3 балла; M±σ) и «здоровье и общая адаптация» (49,1±17,2 балла; M±σ), указывающие на нарастающую усталость, плохое самочувствие, появление чувства разочарования и неудовлетворенности от своей работы, истощения, как физического, так и эмоционального, проблемы со здоровьем.

Высокий интегративный индекс профессионального выгорания отмечался почти у ½ обследуемых (47,7%), свидетельствующий о его сформированности. Эмоциональное истощение было выявлено более чем у ½ сотрудников (52,4%), а у 40,5% – высокое напряжение, влияющее на качество работы. Более чем у 1/3 работников СМП (35,7%) встречалась низкая удовлетворенность работой и недооценка ее значимости, а каждый третий (38,1%) тяжело переживал ошибки и неудачи в своей профессиональной деятельности, фиксируясь на них, игнорируя или недооценивая свои успехи, и относился чересчур требовательно и ответственно к работе.

Каждый пятый респондент (21,4%) низко оценивал качество своей работы, а почти каждый четвертый (23,8%) не ощущал помощи и поддержки коллег. Более 1/2 работников СМП (52,4%) не видели возможности профессионального развития и самосовершенствования. У почти каждого четвертого обследуемого (23,8%) отмечалась общая низкая самооценка, представленная в мыслях о своей недостаточно высокой профессиональной компетентности, а 59,5% говорили о негативном влиянии профессий на их здоровье и жизнь.

По результатам корреляционного анализа было выявлено, что с увеличением показателя организационного стресса нарастало эмоциональное истощение (r=0,444; p=0,003) и напряженность в работе (r=0,458; p=0,002), снижалась самооценка качества работы (r=0,575; p=0,001), ухудшалось здоровье и адаптация (r=0,547; p=0,000). Следовательно, каждый второй работник СМП имел истощение личностных ресурсов, высокий уровень организационного стресса и профессионального выгорания.

Особая роль в повышении эффективности деятельности работников СМП принадлежит профилактике профессионального выгорания. Профилактика синдрома профессионального выгорания представляет собой совокупность предупредительных мероприятий, ориентированных на снижение вероятности развития предпосылок. Профилактика более эффективна в форме воздействия на условия и причины, вызывающие профессиональное выгорание, на ранних этапах проявления проблемы (Корехова и соавт., 2016) **и** должна включать в себя три основных уровня управления стрессами: на уровне организации (профессионально-организационный), на уровне группы (социальный) и на уровне отдельной личности (индивидуально-психологический) (Евдокимов и соавт., 2009). К организационным профилактическим мерам для работников СМП можно отнести изменение организационного климата и оказание соответствующей помощи персоналу; к социальным – мониторинг социально-психологического климата в коллективе и различные групповые формы работы (балинтовские группы, тренинг уверенности в себе, принятия решений, коммуникативный и т.д.). Индивидуальный уровень включает профилактику воздействия стрессогенных факторов, уменьшение напряжения от неизбежных стрессоров и организацию системы преодоления их негативных последствий (ранняя психодиагностика профессионального стресса, релаксационные занятия, информирование о причинах профессионального стресса и способах оптимизации стрессов, коррекция личностных качеств, обучение эффективным способам должна включать в себя три основных уровня управления стрессами: на уровне организации (профессионально-организационный), на уровне группы (социальный) и на уровне отдельной личности (индивидуально-психологический) (Евдокимов и соавт., 2009). К организационным профилактическим мерам для работников СМП можно отнести изменение организационного климата и оказание соответствующей помощи персоналу; совладания со стрессом, управления временем, стратегиям разрешения конфликтов и др.).

Литература

Винокур В. А. Опросник «ОРПВ». Методика психологической диагностики профессионального «выгорания» в помогающих профессиях (учебное пособие). СПб.: Изд-во СПбМАПО, 2009.

Евдокимов В. И., Губин А. И. Оценка формирования синдрома профессионального выгорания у врачей и его профилактика // Вестник психотерапии. 2009. № 30. С. 106–119.

Корехова М. В., Соловьев А. Г., Киров М. Ю., Малышкин Е. А, Новикова И. А. Синдром профессионального «выгорания» у врачей анестезиологов-реаниматологов // Вестник анестезиологии и реаниматологии. 2016. № 3. С. 19–28.

Новикова И. А., Соловьев А. Г., Сидоров П. И. Психологические особенности больных с сердечно-сосудистой патологией // Российский кардиологический журнал. 2004. № 1 (45). С. 28–32.

Пивоваров Ю. П., Королик В. В., Зинкевич Л. С. Гигиена и основы экологии человека. М.: ИЦ «Академия», 2006.

Сравнительный анализ психологических особенностей несовершеннолетних, подвергшихся и не подвергшихся насилию

Я. А. Корнеева, А. Ю. Бармина (*Архангельск*)

Насилие, как одна из самых глобальных проблем во всем мире, является неотъемлемой частью жизни на протяжении развития человеческого общества. Ежегодно от насилия погибают более 1,6 млн людей. Ежедневно жертвами насилия становятся как взрослые, так и дети, но самой незащищенной, уязвимой и чаще подвергающейся насилию социальной группой являются несовершеннолетние. Часто именно они становятся жертвами насилия и, как следствие, получают психологический, социальный, экономический, сексуальный или физический вред и ущерб (Вишневский, 2015; Савельев, 2012; Клецина, 2009).

Нарушения, возникающие вследствие насилия, затрагивают все уровни жизни несовершеннолетнего: познавательную сферу, физиологические процессы, соматическое здоровье (Новикова, Щеголева, 2015; Даудова, 2013).

Проблемам насилия над несовершеннолетними посвящены работы психологов, социологов, криминологов и других специалистов. Как зарубежные (М. Страус, Л. Лерман, Л. Шерман, Р. Берк, Б. Крэй-

хи), так и отечественные исследователи (Е. П. Агапов, Ю. М. Антонян, Н. А. Асанова, А. С. Синельников и многие др.) внесли свой вклад в изучение и разработку данного феномена. Но на сегодняшний день можно говорить о недостаточной изученности как причин возникновения насилия, так и социальных последствий этого явления, а также способов его преодоления и предотвращения. Поэтому сравнительный анализ личности подростков, столкнувшихся с насилием, поможет выявить факты насилия над несовершеннолетними, определить доминирующие виды насилия и психологические особенности несовершеннолетних, подвергающихся насилию, что позволит разработать адресные мероприятия по реабилитации потерпевших и программы профилактики.

В связи с этим цель нашего исследования заключается в сравнительном анализе психологических особенностей несовершеннолетних, подвергшихся и не подвергшихся насилию. Нами выдвинута следующая гипотеза: несовершеннолетние становятся жертвами насилия в результате наличия психологических факторов виктимности, включающих индивидуально-психологические особенности личности, среди которых: эмоциональная лабильность, высокий уровень тревожности, высокий уровень агрессии к окружающим, низкая самооценка, несостоятельность, замкнутость, социальная робость.

Исследование проводилось в образовательных учреждениях города Архангельск, в нем приняли участие 165 несовершеннолетних человек (94-мужского пола, 71 – женского) в возрасте от 11 до 16 лет, а также их родители (33 чел.).

В качестве методов исследования мы использовали анкетирование и тестирование. Анкетирование направлено на выявление осведомленности и подверженности насилию несовершеннолетних, а также на изучение состава семьи, отношений в семье, уровня материального благосостояния, наличие антисоциальных норм в семье и оценку своего ближайшего окружения. Психологическое тестирование проводилось с помощью психодиагностических методик: «Анализ семейного воспитания» Э. Х. Эйдемиллера, «Опросник подростковой депрессии» А. Бека, «Тест-опросник самоотношения» В. В. Столина, С. Р. Пантелеева, «Склонность к зависимому поведению» В. Д. Менделевича, «Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению» А. Л. Орел, «Опросник суицидального риска» А. Г. Шмелева, «Шкала субъективного благополучия» М. В. Соколовой.

Обработка полученных данных осуществлялась с помощью статистических методов программы IBM SPSS Statistics 22.00.

В результате анкетирования нами выявлено, что опрошенные несовершеннолетние подвергались психологическому (23% опрошенных несовершеннолетних), физическому (18,2%), эмоциональному (14,5%), экономическому (2,4%) и сексуальному (1,2%) насилию.

Для изучения различий в социально-демографических характеристиках групп, подвергающихся и не подвергающихся насилию, использованы таблицы сопряженности с применением X^2 Пирсона, при этом испытуемые, подверженные различным видам насилия, объединены в одну группу, что составило 22,2% всех обследуемых. Получены следующие результаты: молодые люди больше подвержены насилию, чем девушки (X^2=4,155[a], p=0,042); учащиеся 7–8 классов чаще становились жертвой насилия, чем 5–6-классники (X^2=5,356[a], p=0,021); в семьях, где подростки не подвержены насилию, царит любовь и взаимопонимание (X^2=8,966[a], p=0,003), а в тех семьях, где несовершеннолетние выступают в роли жертвы насилия, чаще наблюдаются ссоры и скандалы (X^2=7,088[a], p=0,008); в семьях подростков, подверженных насилию, родители чаще используют ненормативную лексику (X^2=9,965[a], p=0,002).

С целью определения психологических особенностей несовершеннолетних, подвергшихся и не подвергшихся насилию, мы провели пошаговый дискриминантный анализ. В качестве зависимой переменной выступала подверженность/ не подверженность насилию (психологическому, физическому и эмоциональному) несовершеннолетними, независимыми переменными являлись показатели по 7 используемым методикам. Подверженность сексуальному и экономическому насилию нами не изучалась ввиду наличия низкого процента опрошенных, которые стали жертвой данных видов насилия.

Проведенный сравнительный анализ показал, что несовершеннолетние подростки, подвергшиеся психологическому насилию, в отличие от неподвергавшихся, обладают более выраженной несостоятельностью (т. е. испытывают осознание собственной ненужности) (p=0,020), переменчивы в настроении (p=0,000), склонны к депрессивным состояниям и имеют повышенный уровень тревожности (p=0,000). Жертвы, испытавшие на себе физическое насилие, обладают более низким уровнем самопринятия, чем не подвергшиеся насилию, т. е. чувство симпатии к себе у них менее выражено (p=0,000). Кроме этого, они склонны к депрессии, к частой смене настроения (p=0,002), а также обладают повышенным уровнем агрессии и тревожности (p=0,014). Несовершеннолетние, испытавшие на себе эмоциональное насилие, обладают большей внутренней конфликтностью, чем те, кто не подвержен насилию (p=0,013). Кроме этого, у жертв

эмоционального насилия чаще происходит фиксация на неудачах, а конфликтная ситуация может оказывать влияние на все сферы жизни (p=0,006). А также подростки предрасположены к преодолению норм и правил, склонны к отрицанию общепринятых норм и ценностей, образцов поведения (p=0,019).

Таким образом, по результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы. Насилие представляет собой противоправное, умышленное, физическое и психологическое воздействие или угрозу применения такого воздействия, которое направлено на подавление личности человека, а также ограничение свободы действий и волеизъявлений. Несовершеннолетние подвержены всем видам насилия, которые нами изучены: психологическому, физическому, эмоциональному, экономическому, сексуальному.

Выдвинутая нами гипотеза подтвердилась частично. Сравнительный анализ показал, что несовершеннолетние, подвергшиеся насилию, обладают следующими психологическими особенностями: эмоциональной неустойчивостью, выражающейся в частой смене настроения и склонности к депрессивным состояниям, высоким уровнем тревожности, несостоятельностью. У несовершеннолетних, ставших жертвой эмоционального насилия, наблюдается внутренняя конфликтность, склонность к отрицанию норм и ценностей, фиксация на неудачах. Подростки, испытавшие на себе физическое насилие, обладают низким уровнем самопринятия, имеют повышенный уровень агрессии и тревожности, склонны к депрессии и к частой смене настроения. Утверждать, что жертвы насилия избегают социальных контактов, мы не можем, так как нами не получены достоверные статистические данные.

Полученные нами результаты являются подтверждением исследований ученых (Ю. М. Антонян, В. Л. Васильев, С. А. Голубенков, Н. Б. Малахов, И. И. Мамайчук, В. С. Минская, Н. М. Романов, В. А. Урываев и др.), занимающихся проблемой насилия над несовершеннолетними. На основе анализа их работ выяснено, чтодля несовершеннолетних, подвергшихся насилию, характерны следующие особенности: повышенный уровень тревожности и агрессии к окружающим, низкая самооценка, замкнутость и нерешительность, депрессивные симптомы, избегание социальных контактов.

Литература

Вишневский К. В. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних // Теория и практика общественного развития. 2015. Т. 16. № 21. С. 93–95.

Даудова Д. М. О проблеме насилия над детьми в семье в современной отечественной психологии // Армия и общество. 2013. Т. 13. № 3. С. 35–37.
Клецина И. С. Психологическое насилие в гендерных межличностных отношениях: сущность, причины и последствия // Жизнь без насилия: Материалы научно-практического семинара «Домашнему насилию нет» / Под ред. С. Л. Акимовой. СПб.: Островитянин, 2009. С. 7–30.
Новикова Е. П., Щеголева А. Н. Особенности виктимности несовершеннолетних и пути ее снижения // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. Т. 6. № 1. С. 190–196.
Савельев А. И. Несовершеннолетние жертвы преступлений как объект виктимологического исследования // Педагогика в правоохранительных органах. 2012. Т. 48. № 1. С. 61–65.

Сравнительный анализ психологических особенностей кандидатов на должность судьи, успешно и не успешно прошедших процедуру назначения (на примере Архангельской области)

Я. А. Корнеева, М. С. Суворова, Д. С. Стукова (*Архангельск*)

Отбор кандидатов на должность судьи строго регламентируется Федеральным законом (закон РФ, 2016). При этом закон не определяет единого перечня психологических качеств, которыми необходимо обладать кандидату на должность судьи, чтобы успешно пройти профессиональный отбор и быть эффективным при выполнении профессиональной деятельности. Это обусловило актуальность настоящего исследования, целью которого явился сравнительный анализ психологических особенностей кандидатов на должность судьи, успешно и не успешно прошедших процедуру отбора.

В исследовании приняли участие 56 чел., имеющих высшее юридическое образование и претендующих на должность мирового или федерального судьи (г. Архангельск и Архангельская область) в возрасте от 28 до 44 лет (средний возраст – 34,91±3,49).

В качестве методов исследования мы использовали анкетирование и психологическое тестирование. Анкета применялась для получения следующей информации о кандидатах: возраст, семейное положение, место проживания, образование, профессия, опыт работы. Для анализа индивидуальных особенностей кандидатов на должность судьи использовались методики, которые применяются при процедуре психологической диагностики кандидатов на долж-

ность судьи: краткий ориентировочный тест (Э. Ф. Вандерлик), методика «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинда), методика акцентуации характера (Г. Шмишек), тест восьми влечений Л. Сонди (в адаптации Л. Н. Собчик), цветовой тест М. Люшера.

Кандидаты, претендующие на должность судьи, первоначально отбираются Квалификационной Коллегией Судей (ККС), затем документы одобренных претендентов передаются комиссии Президента РФ, где он назначает кандидатов на пост судьи.

По результатам нашего исследования установлено, что среди кандидатов в процессе отбора ККС прошло больше женщин (43,9%), чем мужчин (17,1%). Традиционно в русской культуре считается, что тяжелая нефизическая работа (в основном с документами) – женская, потому, что женщины более усидчивые и старательные. Возможно, поэтому у женщин при подаче документов на должность судьи есть некоторое преимущество.

Среди успешно прошедших ККС больше кандидатов, имеющих опыт работы в судебной системе: помощники судьи, секретари судебного заседания (38,7%) и юристы (22,6%). Безусловно, помощники судьи и секретари судебного заседания наглядно ознакомлены с деятельностью судьи, знают его обязанности и частично их выполняют. Занятие должности судьи в таком случае рассматривается как продвижение по службе.

Наибольшее число кандидатов на должность судьи (33,3%) успешно прошли процедуру отбора ККС Архангельской области, имеют опыт работы 8–9 лет. Опыт работы от 8 до 10 лет соответствует стадии первичной профессионализации по Э. Ф. Зеера, Т. В. Кудрявцеву. На данной стадии реализация деятельности осуществляется относительно устойчивыми и оптимальными для работника способами (Зеер, 2005).

Можно предположить, что кандидаты, имеющие стаж работы менее 8 лет, обладают недостаточными для данной должности профессиональными знаниями и опытом в разрешении сложных профессиональных задач. При этом у кандидатов, имеющих опыт работы более 10 лет, может быть затруднен процесс адаптации к новой должности.

С целью определения различий в акцентуациях характера и свойств личности у кандидатов на должность судьи, успешно и не успешно прошедших процедуру отбора ККС, мы провели пошаговый дискриминантный анализ. В качестве зависимой переменной выступала успешность (не успешность) прохождения Квалификационной Коллегии Судей Архангельской области, независимыми

переменными являлись показатели кандидатов на должность судьи по методике «Акцентуации характера» Г. Шмишека и методике «Тест восьми влечений Л. Сонди».

Применялся пошаговый вариант дискриминантного анализа, поэтому в итоговом варианте остались переменные, достигающие значимых показателей λ Вилкса (для показателей методики Г. Шмишека λ=0,893, при p=0,012; для показателей методики Л. Сонди λ=0,57, при p=0,003).

Нормированные коэффициенты канонических функций: экзальтированный тип акцентуации – 0,981; шкала кататонических проявлений – 0,577; шкала депрессивного состояния – 1,072; шкала маниакальных проявлений – 0,793.

Значение функций в центроидах групп по параметрам методики «Акцентуации характера» Г. Шмишека: 0,243 одобрены ККС; 0,474 отклонены ККС. Значение функций в центроидах групп по параметрам методики «Тест восьми влечений Л. Сонди»: 0,595 одобрены ККС; 1,224 отклонены ККС.

Согласно результатам пошагового дискриминантного анализа, кандидаты, успешно прошедшие процедуру отбора ККС, обладают более высокой выраженностью экзальтированности, что проявляется в способности кандидатов адекватно откликаться эмоциями и чувствами на происходящее, в общении быть конгруэнтными. Данный тип людей обладает лабильностью психики, которая обеспечивает быструю адаптацию человека к новым условиям и требованиям, способствует формированию гибкости поведения.

Кандидаты с данными психологическими характеристиками будут успешны, занимая пост судьи, так как специфика деятельности предполагает многоплановость решения задач, требующих от человека быстрого переключения внимания и реагирования.

Выявлено, что по фактору K – кататонические проявления, кандидаты, успешно прошедшие ККС, имеют более высокие показатели относительно тех, чьи заявления были отклонены, т. е. таких кандидатов отличает рассудочность, склонность к широким обобщениям, оригинальность и независимость суждений, формальность и избирательность в общении, скрытность. Интеллект довлеет над эмоциями, стиль мышления – формально-логический.

Значения фактора D – депрессивное состояние, выше у специалистов, успешно прошедших экзамен ККС Архангельской области. Положительные значения фактора свидетельствуют о реалистичности суждений, коммуникабельности, живости реакций, высокой мотивации достижения, и поиске признания. Наблюдаются лидерские

тенденции. В стрессе кандидаты проявляют активность. При отрицательном значении фактора D (у кандидатов, не прошедших процедуру отбора ККС) защитной реакцией во время стресса может стать отказ от реализации своих потребностей, интропунитивные реакции.

По фактору M – маниакальные проявления, кандидаты, успешно прошедшие ККС Архангельской области, имеют следующие характеристики: поиск признания, впечатлительность, стремление к сотрудничеству, стремление к сопричастности групповым интересам. Кандидаты, не прошедшие процедуру отбора ККС характеризуются как личность, имеет выраженный индивидуализм, настойчивость в достижении цели, импульсивность в высказываниях и поступках.

Также мы выявили, что 51,6% кандидатов на должность судьи успешно прошли процедуру отбора комиссии Президента РФ. Они обладают более высокой демонстративностью, имеют низкий показатель гетерономности (0,461 при среднем показателе 0, т. е. гетерономность почти отсутствует). Для них больше характерна независимость, активность, инициативность, самостоятельность. Кандидаты, успешно прошедшие процедуру отбора на должность судьи, обладают эксцентричностью, что свидетельствует о заинтересованности кандидата окружением как объектом воздействия или источником получения помощи.

Кандидаты, которые не назначены Президентом РФ на должность судьи, обладают более выраженной концентричностью и гетерономностью. Данных специалистов отличают: пассивность, склонность к зависимому положению от окружающих, чувствительность.

Различий по показателям методик «Краткий ориентировочный тест» (Э. Ф. Вандерлик) и «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинда) не было выявлено между кандидатами, которые успешно или не успешно прошли процедуру отбора на должность судьи.

При помощи методики «КОТ» (Э. Ф. Вандерлик) мы выяснили, что большинство кандидатов (62%) имеют уровень развития общих способностей выше среднего, что свидетельствует о всестороннем развитии личности кандидата. У кандидатов на должность судьи наиболее развиты грамотность, гибкость мышления и математические способности.

При помощи методики «Уровня субъективного контроля» (Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинда) мы выяснили, что 48,9% кандидатов на должность судьи имеют высокий уровень общей интернальности, 27,8% кандидатов имеют средний уровень интернальности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кандидаты, успешно прошедшие процедуру отбора на должность судьи, обладают следующими качествами: активность, инициативность, коммуникабельность, независимость и реалистичность суждений, умение контролировать эмоции, преобладание мотивации достижения, высокий уровень развития общих способностей.

Литература

Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 (редакция от 03.07.2016, с изменениями от 19.12.2016) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Российская газета. 1992. № 170. Ст. 135.

Зеер Э.Ф., Поваренков Ю.Л., Кудрявцев Т.В. Кризисы профессионального становления личности. URL: http://www.studfiles.ru/prevew/360346/page:37 (дата обращения: 04.06.17).

Формирование конфликтологической компетентности младших школьников – воспитанников детского клуба по месту жительства

Т.Д. Корнейчук (*Владимир*)

Актуальность исследования формирования конфликтологической компетентности младших школьников обусловлена тем, что при вступлении ребенка в младший школьный возраст происходит смена его образа жизни: появляется новая социальная роль – «ученик», связанные с ней требования, такой вид деятельности как учебная, изменяются отношения ребенка со взрослыми и сверстниками. В начале обучения (1–2 класс) значимыми для младшего школьника являются отношения с учителем. К 3–4 классу важными становятся отношения со сверстниками, которые влияют на социальное и личностное развитие учащихся. Эти отношения сопровождаются конфликтами. В этот период, как и в любом другом возрасте, конфликты носят как позитивный, так и негативный варианты исхода. Положительным исходом конфликтной ситуации будет умение отстаивать и аргументировать свою точку зрения, применять конструктивные стратегии поведения в конфликте. А негативными вариантами могут стать одиночество ребенка, его игнорирование и отчуждение со стороны сверстников. Последствиями этого могут быть чувство дискомфорта, негативные эмоции и переживания, нарушения деятельности, отношений.

Конфликт – это наиболее острый способ разрешения противоречий в интересах, целях, взглядах, возникающих в процессе социального взаимодействия (Анцупов, Шипилов, 2006).

Конфликтологическая компетентность – это способность действующего лица в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм конфликта и перевода социально-негативных конфликтов в социально-позитивное русло (Анцупов, Шипилов, 2006).

На основе анализа литературы были выделены компоненты конфликтологической компетентности: знания (уважительное отношение к иному мнению, истории и культуре других народов), умения (признавать возможности существования различных точек зрения и права каждого иметь свою; излагать свое мнение и аргументировать свою точку зрения и оценку событий; находить выходы из спорных ситуаций), навыки (активно слушать собеседника и вести диалог; конструктивно разрешать конфликты посредством учета интересов сторон и сотрудничества; сотрудничать со взрослыми и сверстниками в разных социальных ситуациях; отвечать за свои поступки; иметь целостный, социально ориентированный взгляд на мир; быть доброжелательным и эмоционально-нравственно отзывчивым, понимать чувства других людей и сопереживать им).

Анализ публикаций результатов психологических исследований показал, что конфликтные взаимоотношения младших школьников, возникающие в процессе обучения, изучают как проявление позитивной активности (Сорокина, 2001), как результат влияния семейных стереотипов поведения (А. Я. Варга, А. И. Ковалева, И. С. Кон, В. Т. Кондрашенко).

А. А. Кузина считает, что формирование конфликтологической компетентности учащихся последовательно проходит три этапа: приобретения знаний в области конфликтологии, формирования готовности к продуктивному поведению в конфликте, принятия личностью конфликтологической компетентности как результата свободного нравственного выбора (Кузина, 2007).

В 2016–2017 гг. нами было проведено исследование, цель которого состояла в разработке и проверке эффективности программы тренинга формирования конфликтологической компетенции младших школьников – воспитанников детского клуба по месту жительства. Гипотеза исследования состояла в предположении, что формирование конфликтологической компетентности младших школьников – воспитанников детского клуба по месту жительства, будет успешным при: выделении компонентов конфликтологической компетентнос-

ти и психологической диагностике их сформированности в младшем школьном возрасте; разработке и организации тренинга конфликтологической компетентности. Для проведения исследования были использованы методы беседы («Конфликтный ли ты человек?»), проективный метод (методика «Как я решаю конфликты с...» Г. Б. Мониной и Е. К. Лютовой-Робертс), тестирование («Рисуночный тест фрустрации» С. Розенцвейга). Исследуемая группа – 15 девочек детского клуба «Белые крылья» г. Ковров в возрасте 8–11 лет.

При проведении беседы «Конфликтный ли ты человек?» было установлено, что испытуемые чаще всего вступают в конфликты со сверстниками – 53%, реже с родителями – 26% и учителями – 20%. При этом 60% воспитанников отметили, что часто конфликты возникают по их вине, а 40% уверены, что конфликты начинают их оппоненты. Очень долго конфликты длятся у 40% младших школьников и лишь у 20% заканчиваются быстро. Большинство младших школьников (53%) считают, что они первыми делают шаг к примирению. При возникновении конфликта дети преимущественно используют такие способы поведения, как: грубят и обзывают оппонента – 46%, перестают общаться – 40%.

Используя методику Г. Б. Мониной «Как я решаю конфликты с...», мы установили, что наиболее часто в конфликтах со сверстниками младшие школьники выбирают соревнование – 40%, избегание – 27%, компромисс 26%. В конфликтах с учителями и родителями они чаще всего используют избегание – 74%. Самым легким способом выхода из конфликта, по мнению 80% испытуемых, является избегание, а как самый сложный способ воспитанники – 74% – называют компромисс.

Согласно результатам «Рисуночного теста фрустрации» С. Розенцвейга, по направленности у 66% младших школьников преобладают экстрапунитивные реакции; а по типу реакций 74% школьников свойственно препятственно-доминантное поведение.

По результатам первичной диагностики нами была разработана программа тренинга со следующими задачами: 1) создать условия для овладения воспитанниками знаниями о сути конфликтов, их причинах, динамике развития и возможных исходах; 2) сформировать представление о способах поведения в конфликтных ситуациях; 3) сформировать у учащихся умение выбирать способы поведения и применять их. Основными методами, используемыми в работе с группой стали беседа, групповая дискуссия, ролевая игра, проективное рисование. Тренинговые занятия проводились 2 раза в неделю по 1 часу на протяжении полутора месяцев; всего 10 заня-

тий. После апробации программы тренинга формирования компонентов конфликтологической компетентности нами было проведена вторичная психологическая диагностика.

При повторном проведении беседы мы установили, что увеличилось количество воспитанников, у которых конфликты длятся недолго – 46% ($p \leqslant 0,05$) и быстро заканчиваются – 34% ($p \leqslant 0,05$); уменьшилось количество воспитанников, у которых конфликты продолжаются долго – 20% ($p \leqslant 0,05$). Количество младших школьников, которые стараются решить конфликт мирным путем, увеличилось – 40% ($p \leqslant 0, 05$), а тех, которые перестают общаться – 34% – уменьшилось ($p \leqslant 0,05$). Используя методику Г. Б. Мониной «Как я решаю конфликты с...», мы выявили, что участники тренинга стали реже избегать конфликтов с родителями – 54% ($p \leqslant 0,05$) и чаще использовать стратегию сотрудничества – 20% ($p \leqslant 0,05$). Таким образом, основными результатами программы тренинга, реализованной в клубе по месту жительства, стали: сокращение продолжительности конфликтов со сверстниками и взрослыми, направленности воспитанников на конструктивное решение конфликта и использование стратегии сотрудничества. Такие результаты были получены за счет создания в тренинге следующих условий.

При проведении тренинга его основными принципами стали: организационные принципы (принцип комплектования группы тренинга, принцип физической закрытости); принцип пространственно-временной организации тренинга; принципы создания среды тренинга (принцип системной детерминации, принцип реалистичности, принцип избыточности); этические принципы (принцип конфиденциальности, принцип ненанесения ущерба, принцип соответствия заявленных целей тренинга его содержанию).

Содержание тренинга включало следующие темы: «Знакомство», «Я в группе», «Что такое конфликт», «Конфликт для меня – это...», «Конфликт – как быть?», «Общение в моей жизни», «Без друзей меня чуть-чуть», «Теперь я другой».

Это содержание было реализовано посредством таких методов как информирования («Конфликт и его виды», «Способы выхода из конфликтной ситуации»), психогимнастики (упражнения «Интервью», «Только вместе», «Я рад, что ты пришел на занятие!»), групповой дискуссии («Мои друзья»), проективного рисования («Образ конфликта», «Рисунок дружбы»).

Литература

Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. СПб.: Питер, 2006.

Кузина А. А. Воспитание конфликтологической компетентности старшеклассников: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007.
Сорокина А. И. Конфликтные проявления как форма позитивной активности в детском возрасте: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Уфа, 2001.

Диадическое совладание у партнеров на начальном этапе становления их близких отношений*

Е. М. Королёва, Т. Л. Крюкова (*Кострома*)

В последние десятилетия брак остается нестабильным институтом. Лишь в исламских государствах семья почти такая же нерушимая структура, как и сотни лет назад: быть может, потому, что право разорвать брачные узы там имеет только мужчина (в исключительных случаях женщина). В России, так же как в Европе и в США, растет число разводов относительно числа заключенных браков. В качестве одной из причин разрыва близких отношений рассматриваются стрессы, которым подвергаются партнеры (2015 United Nations Demographic Yearbook...). Они провоцируют возможные ослабление и разрыв отношений.

Успешность совладания с различными трудностями создает особое качество супружеских отношений, включая стабильность/нестабильность, психологическое здоровье, удовлетворенность браком (Revenson, Kayser, *Bodenmann,* ред., 1995). Ежедневный даже незначительный стресс оказывает влияние на взаимодействие в паре, удовлетворенность отношениями и вероятность развода (Randall, Bodenmann, 2012).

В отечественной психологии наблюдается устойчивый интерес к проблеме семейного и диадического копинга как адаптивного поведения супругов в трудных или стрессовых ситуациях (Калугина, Крюкова, 2013; Крюкова, Екимчик, 2015; Куфтяк, 2011; Сапоровская, 2011). Вклад диадического копинга в динамику близких партнерских отношений пока не достаточно исследован. Под диадическим копингом мы понимаем такие попытки преодоления напряжения в паре, когда происходит активное взаимодействие партнеров и согласование их копинг-стратегий и копинг-усилий каждого из парт-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-10671.

неров, направленных на улучшение и усиление функционирования другого партнера, и их взаимоотношения (Калугина, Крюкова, 2013). Диадический копинг снижает напряжение через решение проблемы, выполняет функции эмоциональной и социальной регуляции, а также способствует возникновению и укреплению чувства «мы», доверия партнеров друг к другу, т.е. играет роль в становлении супружеских отношений.

Анализ публикаций о диадическом совладании обнаруживает минимум два подхода к его изучению: либо стили диадического копинга трактуются как устойчивые личностные характеристики (Bowman, 1990); либо диадический копинг рассматривается как адаптивный процесс, в который включены оба партнера; процесс объединения и распределения совместных усилий и ресурсов обоих супругов в ответ на возникшую проблему или изменившуюся ситуацию (Bodenmann, Randall, 2012). Диадический копинг включает в себя как (а) попытку человека уменьшить стресс своего партнера, так и (б) общие усилия в паре, направленные на преодоление внешнего стресса, влияющего на отношения. Оба подхода имеют свои методы измерения диадического копинга. В данном эмпирическом исследовании мы опирались на работу и диагностический инструментарий M. L. Bowman.

Цель эмпирического исследования – определить, каким образом диадический копинг соотносится с качеством партнерских (супружеских) отношений на этапе их становления. В качестве параметров положительного качества отношений рассматривались: статус брака – зарегистрированный или гражданский, удовлетворенность браком, характеристики эмоциональных отношений. Среди задач: изучение диадического копинга супругов и оценка его роль в стабильности супружеских отношений на их начальном этапе.

Объект – супружеские отношения партнеров среднего возраста (до 40 лет), проживающих совместно более 3 лет, *предмет* – выраженность диадического копинга партеров при различных статусе и качестве отношений.

Метод. В исследовании участвовали респонденты от 21 до 40 лет (средний возраст – 27 лет, SD=3,7) со стажем брака от 3 до 8 лет (средний стаж – 4,7 лет, SD=2,7), всего 102 чел. (34 пары, состоящие в официальном браке, и 17 пар – в гражданском браке).

Методики: Опросник диадического (супружеского) копинга (*MCI*) М.Л. Боуман (адаптация Крюковой, Калугиной, 2010); опросник удовлетворенности браком (Алешина, Гозман, Дубовская, 1987), интервью.

Результаты

Изучение копинг-стратегий, используемых партнерами в трудных жизненных ситуациях, а также статуса отношений (официальный или гражданский брак) показало значимые различия в уровне выраженности *позитивно-направленного* типа диадического копинга у супругов, находящихся в официальном и гражданском браке ($p<0,001$). Парам, состоящим в официальном браке, больше присущи стратегии *планированное решение проблемы* и *уход в собственные переживания,* нежели людям, состоящим в гражданском браке. Считая официальный брак более устойчивым союзом, по сравнению с гражданским, проинтерпретируем значимую выраженность совместной копинг-стратегии *уход в собственные переживания* в официальном браке. Возможно, это проявление желания партнеров не обидеть друг друга, сохранить близкие отношения, поскольку обдумывание проблемы самостоятельно, отвлечение на работу, хобби, друзей (и т. д.) способствует снятию эмоционального напряжения, создавая почву для конструктивного диалога, планированного решения проблемы. Но также это может быть и маркером недостаточного доверия к другому. Данные необходимо проверить.

Различия в выборе такого вида диадического копинга как *планированное решение проблемы,* характеризующегося наибольшей включенностью супругов по сравнению с другими копинг-стратегиями, на наш взгляд, объясняется самой природой межличностных отношений супругов. Исходя их теоретического анализа публикаций, межличностные отношения супругов, состоящих в официальном браке, характеризуются стремлением к взаимопониманию, большей духовной близости между партнерами, стремлением к достижению положительного семейного климата. Супругам, состоящим в гражданском браке, чаще свойственно нежелание изменять себя (Николс, Шварц, 2004). Планирование же решения проблемы требует наибольших затрат со стороны партнеров, поскольку в данном случае они более активны, решают проблему сообща, в поиске конструктивных способов, в том числе, возможно, и ущемление ими собственных интересов.

Контент-анализ высказываний партнеров в интервью показал, что позитивно-направленный копинг супругов положительно влияет на удовлетворенность браком, так как с его помощью уменьшается эмоциональное напряжение, урегулируются конфликты, а трудная жизненная ситуация разрешается конструктивными способами. Пары, у которых диагностирован высокий уровень удовлетворенности

браком, полагали, что не стоит избегать проблем, проблемы должны решаться совместными усилиями супругов. 18 чел. из 20 утверждали, что во время ссоры стараются понять мысли и чувства супруга. 16 респондентов в случае, если супруг находится в плохом настроении, пытаются не начинать с ним разговор на трудные темы, чтобы не допустить конфликта. 16 чел. воздерживаются от оскорблений во время конфликта, проявляют уважение к партнеру и стараются не перебивать друг друга во время монолога. 2 пары утверждали, что «орут друг на друга» (спустя 3 года оказалось, что эти партнеры расстались). Практически все испытуемые не сосредотачиваются на недостатках друг друга и стараются изменить себя, а не партнера. Пары с низкими показателями удовлетворенности браком на вопрос «Хотелось бы вам, чтобы ваш партнер изменился?» отвечали *«Хотелось, чтобы он был более понимающим», «Думаю, что это невозможно, но очень бы хотелось».*

Анализ данных интервью показал дестабилизирующее влияние *конфликтного* и *избегающего* типа диадического копинга на супружеские отношения. На первом этапе исследования мы выявили отрицательную связь *диадического конфликтного* копинга и удовлетворенности супружескими отношениями ($R = -0{,}438$, при $p<0{,}000$). Данный вид совладания также был отрицательно связан с эмоциональным притяжением ($p<0{,}030$). На втором этапе исследования ($n=102$ чел.) установлена тенденция, что совместное использование *конфликтного* копинга отрицательно связано с эмоциональным притяжением супругов ($p<0{,}09$), которое, в свою очередь, сопряжено с удовлетворенностью браком ($R=0{,}75$, $R2=0{,}56$, $\beta=0{,}75$, при $p<0{,}000$). *Диадический конфликтный* стиль совладающего поведения ведет к *эмоциональному дистанцированию* партнеров, тем самым косвенно дестабилизирует супружеские отношения, что согласуется с ответами респондентов, полученными в ходе интервью.

Выводы

В настоящее время диадический центрированный на отношениях копинг оценивается многими авторами как ресурсный и наиболее продуктивный тип совладания с трудностями в парах. Мы придерживаемся мнения о дестабилизирующем влиянии преобладания *конфликтного* и *избегающего* стиля диадического копинга в супружеских отношениях, поскольку проявление партнерами агрессивных усилий по изменению ситуации, активное утверждение своей точки зрения без учета мнения другого партнера ведет к их эмоциональному дистанцированию и отчуждению. Вместе с тем определение выра-

женности стратегий диадического копинга, статуса и эмоциональных характеристик отношений в паре позволяют определить тенденции развития супружеских отношений уже на начальном этапе их становления.

Литература

Калугина Е. Л., Крюкова Т. Л. Соотношение индивидуального и диадического копинга в контексте «малого» семейного кризиса // Психология когнитивных процессов: Сборник статей / Под ред. А. Г. Егорова, В. В. Селиванова. Смоленск: Универсум, 2013. С. 185–191.

Крюкова Т. Л., Екимчик О. А. Совладание со стрессом в контексте близких (партнерских) отношений // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. Кн. 4. С. 203–214. URL: http://kpfu.ru/portal/docs/F_1265047249/157_4_gum_22.pdf.

Bomap M. Coping efforts and marital satisfaction: measuring marital coping and its correlates // J. of Marriage and the Family. 1990. V. 52. № 2. P. 463–474.

Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping / Eds T. A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann. APA: Washington, D. C., 2005. P. 33–50.

2015 United Nations Demographic Yearbook. Sixty-sixth issue. URL: https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dybsets/2015.pdf.

Проблемы дифференциальной диагностики болезни Альцгеймера и сосудистой деменции: клинико-психологической аспект

О. Е. Коростелева (*Курск*)

Наиболее значимой и актуальной проблемой современной геронтопсихиатрии является изучение деменций. По общему мнению исследователей, за последнее время увеличилась численность лиц пожилого возраста, страдающих слабоумием, и случаев более ранней манифестации, что приводит к инвалидизации еще трудоспособного населения. Удельная часть населения пожилого возраста страдает болезнью Альцгеймера. По Курской области в областную психиатрическую больницу обратилось за 2016 г. с дементным синдромом 370 пациентов (из них 324 чел. обратились впервые): диагноз болезнь Альцгеймера выставлен впоследствии 16 пациентам, у остальных диагностирована «сосудистая деменция». По статистическому анализу за предыдущие годы выявлена динамика увеличения обра-

щения пациентов с данной патологией. В связи с тем что болезнь начинается незаметно и на протяжении много времени остается нераспознаваемой, то пациенты не получают вовремя необходимого лечения, что приводит к быстрой инвалидизации, поэтому на данный момент является актуальной проблема диагностики и лечения болезни Альцгеймера и сосудистой деменции.

Своеобразие этого заболевания проявляется в более раннем начале болезни, более тяжелом течении и в наличии в клинической картины симптомов, свидетельствующих об очаговом характере поражения головного мозга. Это подтверждается при анатомо-гистологическом исследовании мозга: на фоне общего поражения атрофическим процессом коры головного мозга при болезни Альцгеймера отмечаются участки, где атрофия особенно сильно выражена, чаще всего это теменно-затылочные, височные и лобные отделы левого полушария. В связи с особенностями данного заболевания необходимо проводить не только инструментальные методы диагностики, которые не только дорогостоящие, но и не всегда имеются в наличии, но и нейро- и патопсихологическое исследования (Гаврилова, Жариков, 2001).

При изучении клинико-психологических характеристик болезни Альцгеймера мы руководствуемся принятым разделением течения заболевания на три стадии. Первая стадия характеризуется изменениями интеллекта, памяти и внимания без выраженных грубоочаговых симптомов, вторая – выраженным слабоумием и фокальными симптомами (афатическими, агностическими, апрактическими), третья – терминальная – глубоким психическим распадом, больные ведут сугубо вегетативное существование. Одной из проблем является первичная диагностика болезни Альцгеймера и быстрое начало лечения. В первой стадии на первый план выступают прогрессирующие расстройства памяти, особенно на события, хронологически близкие к началу заболевания. Могут проявляться конфабуляции, но активно их не продуцируют, обычно при расспросе. Чаще всего конфабуляции отмечаются в более позднем возрасте, после 60–65 лет. То, что атрофические процессы преимущественно локализуются в теменно-затылочной области, имеет важное значение для диагностики болезни Альцгеймера, однако эти симптомы зачастую просматриваются, но именно первая стадия наиболее информативна для решения дифференционально-диагностических вопросов. Основываясь на клинических проявлений болезни Альцгейма и для решения диагностической проблемы, мы выделили особенности проведения патопсихологического и нейропсихологи-

ческого исследования для ранней диагностики болезни Альцгеймера на начальной стадии.

1. Исследование мнестической сферы. Снижение памяти носит неспецифический характер, кривая запоминания в пробе на запоминание 10 слов носит такой же характер, как и при сосудистой деменции, но стоит обратить внимания на затруднение в восприятии и удержании нового материала, особенно абстрактного, в создании новых навыков.
2. Исследование праксиса. Установление конструктивной апраксии в начале болезни имеет большое диагностическое значение.
3. Исследование гнозиса. У большинства больных наблюдается симультананная агнозия, заключающаяся в неспособности рассматривать в целом сюжетную картинку, устанавливать взаимоотношения между ними, а в вычленение отдельных предметов.
4. Исследование речи. Необходимо обратить внимание на мелодию голоса, при болезни Альцгеймера неуверенная, дрожащая, часто ошибки при постановке ударения. Предложения строят грамматически неверно. Предшественником второй стадии является семантическая афазия (неспособность понимания сложнограмматических конструкций). Амнестическая афазия при болезни Альцгеймера наблюдается у 95,4%, возникает нарушение номинативной функции речи, в связи с чем пациенты обнаруживают затруднения в назывании показываемых им предметов при сохранности представлений об их назначении и свойствах.
5. Исследование счета, письма. Уже на начальных стадиях наблюдается утрата представления о разрядности чисел. На второй стадии акалькулия уже более выражена. Происходит изменение почерка, появляются параграфии, возникают трудности при произвольном написании и написании под диктовку, списывании.

Цель – определить клинико-психологические критерии дифференциальной диагностики болезни Альцгеймера и сосудистой деменции.

Гипотеза – течение болезни Альцгеймера на второй стадии будет иметь отличия от сосудистой деменции при клинико-психологическом анализе высших психических функций.

Характеристики *выборки* – на базе ОБУЗ «Курская клиническая психиатрическая больница» было обследовано 10 чел. с диагнозом болезнь Альцгеймера и 10 чел. с сосудистой деменцией в возрасте от 60–70 лет.

Для проверки гипотезы использовались следующие методы:

1) клинико-психологический метод (расспрос и наблюдение);
2) «Шкала оценки состояния когнитивных функций» (MMSE) (24 и ниже);
3) тест «Рисование часов»;
4) тест оценки повседневной активности (для родственников);
5) методы статистической обработки данных (критерий U Манна–Уитни).

Сравнительный анализ больных с болезнью Альцгеймера и сосудистой деменции выявил различия следующих критериев на уровне статистической значимости:

1. «Ориентировка» (p-level – 0,07). При болезни Альцгеймера полная дезориентировать в месте, времени и собственной личности, при сосудистой деменции в большинстве случаев частичная ориентировка.
2. «Внимание» (p-level – 0,06). При болезни Альцгеймера наблюдается выраженное снижение концентрации и переключаемость произвольного внимания, чем у больных с сосудистой деменцией.
3. «Речь» (p-level – 0,06). При болезни Альцгеймера наблюдается нарушение номинативной стороны речи, в 80% была обнаружена амнестическая афазия (которая также была подтверждена врачом-неврологом), напротив, у больных с сосудистой деменцией такого нарушения не обнаружено.
4. «Конструктивный праксис». Наблюдается оптико-пространственная агнозия, которая у больных Альцгеймером встречается чаще, чем у больных с сосудистой деменцией (p-level – 0,07).
5. «Рисование часов» (p-level – 0,06). Данный тест вызвал затруднения в обеих исследованных группах, но пациенты с сосудистой деменцией справлялись с данным заданием несколько лучше, чем пациенты с болезнью Альцгеймером.
6. «Счетные операции» и «письмо» (p-level – 0,06). На второй стадии болезни Альцгеймера акалькулия уже более выражена, также при письме появляются параграфии, возникают трудности при произвольном написании и написании под диктовку, списывании, у больных с сосудистой деменции данные нарушения менее выражены.
7. «Социальная дезадаптация» (p-level – 0,08). До госпитализации родственники пациентов с болезнью Альцгеймера наблюдают более выраженную и длительную по времени социальную дезадаптацию, чем родственники пациентов с сосудистой деменцией.

По остальным критериям, таким как «память на недавние события», «память на отдаленные события», «воспроизведение нового материала», «абстрактное мышление», «восприятие», статистически достоверных различий не обнаружено.

Основываясь на полученных данных, можно сделать выводы о том, что у пациентов с болезнью Альцгеймера (на второй стадии) в большей степени, чем у пациентов с сосудистой деменцией, нарушаются высшие психические функции в виде амнестической афазии, оптико-пространственного гнозиса, акалькулия, нарушения письма, дезориентировка, внимания.

В заключение стоит отметить социальную и терапевтическую значимость важность клинико-психологического анализа дифференциальной диагностики болезни Альцгеймера и сосудистой деменции, особое внимание медицинским психологам, работающим в данной сфере, следует обратить при дифференциальной диагностике на такие высшие психические функции, как речь, оптико-пространственный гнозис, счет, письмо, произвольное внимание.

Литература

Гаврилова С. И., Жариков Г. А. Лечение болезни Альцгеймера // Психиатрия и психофармакология. 2001. № 2. С. 45–48.

Исследование негативных поведенческих реакций у воспитанников дома ребенка

В. И. Космакова (*Екатеринбург*)

В статье описано первичное исследование негативных поведенческих реакций у воспитанников дома ребенка, проведенное посредством видеонаблюдения с фиксацией особенностей поведения в предварительно разработанной «Схеме наблюдения за негативными поведенческими реакциями».

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе отсутствует единый подход к формированию понятия для обозначения особенностей поведения, не выходящих за пределы поведенческой нормы. В целях исследования и посредством анализа понятий «поведение», «норма», «отклоняющееся поведение», «агрессивное поведение», «конфликтное поведение», «негативизм», «упрямство», было введено понятие «негативные поведенческие реакции», под которым, в соответствии с точкой зрения М. Я. Басова (1975), В. П. Зинченко,

Б. Г. Мещерякова, А. И. Сорокиной, А. А. Шавыриной, подразумеваются действия, направленные на причинение вреда себе или объектам окружающей среды (одушевленным или неодушевленным) (Смирнова и др., ред., 2005).

Исследование осуществлялось на базе Государственного казенного учреждения здравоохранения Свердловской области «Специализированный дом ребенка» (отделение № 1 г. Екатеринбург, отделение № 2 п. Вьюхино Сысертский район, филиал № 3 отделение 1 г. Ревда, филиал № 3 отделение 2 г. Первоуральск, филиал № 6 г. Нижний Тагил). В исследовании приняли участие 829 воспитанников дома ребенка. При этом в пилотажном исследовании, целью которого являлось определение актуальности темы исследования, проводимого в период с 2008 по 2016 г. в отделении № 2 ГКУЗ СО «Специализированный дом ребенка», принимали участие 667 воспитанников дома ребенка в возрастном диапазоне от 2 до 3 лет. Воспитателям было предложено заполнить предварительно разработанный опросник для выявления негативных поведенческих реакций для каждого ребенка, прошедшего период адаптации к условиям жизни в доме ребенка и участвующего в исследовании. Анализ результатов пилотажного исследования позволил выявить наличие негативных поведенческих реакций у всех детей, воспитывающихся в доме ребенка. Полученные результаты после проведения пилотажного исследования свидетельствуют о преимущественной направленности негативных поведенческих реакций у воспитанников дома ребенка в различных ежедневных ситуациях. У 240 детей (36,9% от общего числа детей, участвующих в пилотажном исследовании) наблюдаются негативные поведенческие реакции по отношению к себе в 6–9 исследуемых ситуациях; у 253 детей (37,9% от общего числа детей, участвующих в пилотажном исследовании) наблюдаются негативные поведенческие реакции по отношению к окружающим детям в 6–9 исследуемых ситуациях; у 93 детей (13,9% от общего числа детей, участвующих в пилотажном исследовании) наблюдаются негативные поведенческие реакции по отношению к окружающим предметам в 6–9 исследуемых ситуациях; у 80 детей (11,9% от общего числа детей, участвующих в пилотажном исследовании) наблюдаются негативные поведенческие реакции по отношению к взрослым в 6–9 исследуемых ситуациях.

Анализ источников литературы на этапе пилотажного исследования позволил определить, что особенности негативных поведенческих реакций у воспитанников дома ребенка могут быть выявлены с помощью метода наблюдения.

Первичное диагностическое исследование негативных поведенческих реакций у воспитанников дома ребенка осуществлялось с помощью метода наблюдения на базе Государственного казенного учреждения здравоохранения Свердловской области «Специализированный дом ребенка» с участием 6 детей в отделении № 1 г. Екатеринбурга; 36 детей в отделении № 2 п. Вьюхино Сысертский район; 40 детей в филиале № 3 отделения 1 г. Ревда; 38 детей в филиале № 3 отделение 2 г. Первоуральска; 42 детей в филиале № 6 г. Нижний Тагил. Возраст всех детей, участвующих в исследовании, находился в диапазоне от 2 до 3 лет.

Организация наблюдения предполагала фиксацию негативных поведенческих реакций детей с помощью видеонаблюдения и заполнения предварительно составленной *«Схемы наблюдения за негативными поведенческими реакциями ребенка»* для каждого из участвующих в исследовании детей.

«Схема наблюдения за негативными поведенческими реакциями ребенка» была составлена в соответствии с проведенным анализом отечественной и зарубежной литературы, посвященной описанию особенностей негативных поведенческих реакций детей (С. Л. Колосова, Н. М. Платонова, Э. Л. Фрухт, Д. В. Хорсанд, О. В. Хухлаева, Р. Бэрон, Ч. Венар, П. Кериг, Д. Коннор, Д. Ричардсон, А. Фрейд и др.), методов психодиагностического исследования негативных поведенческих реакций (Н. Л. Галигузова, Е. О. Смирнова, Т. В. Ермолова, С. Ю. Мещерякова, Н. М. Платонова, Е. А. Стребелева, Н. Бейли и др.), результатов пилотажного исследования, проведенного с 2008 по 2016 г. Кроме того, при составлении схемы наблюдения был проведен анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной организации и применению метода наблюдения (М. Я. Басов, Е. М. Борисова, Л. Ф. Бурлачук, К. М. Гуревич, В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков, С. М. Морозов, А. Анастази, С. Урбина и др.).

Схема наблюдения за негативными поведенческими реакциями ребенка включает в себя не только точное описание наблюдаемого факта, но и фиксацию окружающей ситуации. Таким образом, данная схема включает следующие ситуации для наблюдения за негативными поведенческими реакциями: ситуация ограничения свободы действий ребенка, прием пищи; процесс одевания и раздевания; ситуация присутствия незнакомых детей в группе; совместная игра с другими; ситуация применения негативных поведенческих реакций со стороны других детей к данному ребенку; ситуация достижения ребенком поставленной цели; ситуация психофизиологической усталости в различных жизненных ситуациях; «ситуация неудачи».

В структуру схемы наблюдения заложена направленность негативных поведенческих реакций ребенка, исходя из ранее проведенного анализа источников литературы и пилотажного исследования: на себя, на других детей, на взрослого, на окружающие предметы. *Описание негативной поведенческой реакции* происходит при одновременном распределении ее к категориям: вербальные негативные поведенческие реакции («В»), невербальные негативные поведенческие реакции. Вышеуказанное способствует качественному анализу негативных поведенческих реакций ребенка. Количественный анализ негативных поведенческих реакций ребенка производится, в том числе, и при помощи учета частоты актов различных видов реакций (менее 2 в течение минуты (<2), более 2 в течение 1 минуты (>2), которая также заложена в структуру «Схемы наблюдения за негативными поведенческими реакциями».

Схема наблюдения за негативными поведенческими реакциями предполагает фиксацию особенностей поведения ребенка в длительный период, в частности в течение 30 дней. Данный период выбран в целях исследования и в связи с особенностями системы работы домов ребенка.

Анализ результатов первичного диагностического исследования негативных поведенческих реакций у 162 воспитанников дома ребенка свидетельствует о наличии у всех детей негативных поведенческих реакций. Данные негативные поведенческие реакции могут быть сгруппированы по направленности (на самого себя, на других детей, на взрослого, на окружающие предметы), по степени проявления в исследуемых ситуациях (высокая (негативные поведенческие реакции проявляются в 6–9 ситуациях их исследуемых), средняя (негативные поведенческие реакции проявляются в 3–6 ситуациях их исследуемых), низкая (негативные поведенческие реакции проявляются в 1–3 ситуациях их исследуемых); по частоте актов различных видов реакций (менее 2 в течение 1 минуты, более 2 в течение 1 минуты). Анализ проведенного исследования позволяет выявить особенности негативных поведенческих реакций вербального и невербального характера у каждого ребенка только посредством качественного анализа. Количественный анализ вышеуказанных особенностей невозможен в силу возрастного диапазона детей, участвующих в исследовании. Таким образом, анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что у 87 воспитанников дома ребенка преобладает направленность негативных поведенческих реакций на других детей (53,7% от общего числа детей участвующих в исследовании и воспитывающихся в доме ребенка), из которых у 49

детей (56,3%) наблюдается высокая степень проявления негативных поведенческих реакций в исследуемых ситуациях; у 48 детей выявлена направленность негативных поведенческих реакция на самого себя (29,6% от общего числа детей участвующих в исследовании и воспитывающихся в доме ребенка)). Необходимо отметить, что негативные поведенческие реакции у детей, направленность негативных поведенческих реакций которых соответствует позиции «на себя», при разной степени проявления в исследуемых ситуациях имеют частоту более 2 актов в минуту.

Литература

Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975.

Диагностика психического развития детей от рождения до 3 лет / Под ред. Е.О. Смирновой, Л.Н. Галигузовой, Т.В. Ермоловой, С.Ю. Мещеряковой. СПб.: Детство-пресс, 2005.

Психологические предикторы оправдания сексуального насилия над мужчинами и над женщинами

В.С. Кривощеков (*Москва*)

Ученые склонны понимать под сексизмом предрассудки именно в отношении женщин, поэтому исследования, посвященные аттитюдам в отношении мужчин редки. Многие исследования аттитюдов к женщинам находятся в плоскости амбивалентного сексизма, согласно которому отношения между мужчинами и женщинами характеризуются глубокой двойственностью: враждебностью и доброжелательностью (Glick, Fiske, 2001).

Чтобы понять, на чем основываются эти аттитюды, была использована модель двойного процесса Даккита (Duckitt, 2001). Исходя из этой модели различные верования могут объяснять различные типы сексистской идеологии. Люди, которые воспринимают мир как «конкурентный», склонны поддерживать доминирование на уровне групп. И наоборот, люди, которые верят в «опасный мир», склонны придерживаться социальной сплоченности, коллективной безопасности и социальных традиций.

Кроме того, последствия сексизма распространяются на многие сферы, среди которых то, как люди воспринимают жертв сексуального насилия. Существует два вида оценки жертвы: прямой и кос-

венный. Ряд исследований (см., например, Yamawaki, 2007) в рамках прямой оценки через приписывание вины жертве продемонстрировал, что контргендерностереотипных женщин-жертв сексуального насилия, доброжелательные сексисты склонны обвинять в большей степени, чем тех, кто ведет себя согласно гендерным стереотипам.

Цель работы – изучение психологических предикторов оценки жертвы сексуального насилия.

Гипотезы данного исследования

1. Правый авторитаризм и ОСД предсказывают уровень доброжелательного и враждебного сексизма в отношении мужчин:

а) чем выше уровень авторитаризма правого толка, тем выше уровень благосклонного и враждебного сексизма в отношении мужчин;
б) чем выше уровень ОСД, тем выше уровень благосклонного и враждебного сексизма в отношении мужчин.

2. Правый авторитаризм и ОСД предсказывают уровень доброжелательного и враждебного сексизма в отношении женщин:

а) чем выше уровень авторитаризма правого толка, тем выше уровень благосклонного и враждебного сексизма в отношении женщин;
б) чем выше уровень ОСД, тем выше уровень враждебного и доброжелательного сексизма в отношении женщин.

3. Сексизм в отношении мужчин и женщин предсказывает восприятие жертвы сексуального насилия:

а) чем выше уровень сексизма в отношении мужчин, тем ниже уровень приписывания жертве-мужчине эмоций страха, гнева и чувства стыда и тем выше уровень восприятия виновности жертвы в происходящем;
б) чем выше уровень сексизма в отношении женщин, тем ниже уровень приписывания жертве-женщине эмоций страха, гнева и чувства стыда и тем выше уровень восприятия виновности жертвы в происходящем.

Выборка. В исследовании приняло участие 302 чел. (57 мужчин, 241 женщина, 4 испытуемых выбрали вариант «другое»). Возраст участников варьировался от 18 до 54 лет (M=22,6; SD=4,8). Каждый из участников исследования был рандомизированным образом отнесен к одной из подвыборок (150 и 152 чел., соответственно).

Методики. Опросник включал в себя методики для измерения аттитюдов по отношению к мужчинам, аттитюдов по отношению к женщинам, правого авторитаризма, ориентации на социальное доминирование, кейс, описывающий ситуацию насилия, а также утверждения для ее оценки.

Для проверки гипотез 1 (а, б) и 3а была создана структурная модель, которая включала в себя восемь переменных: правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование рассматривались как предикторы доброжелательного и враждебного сексизма в отношении мужчин, последние, в свою очередь, рассматривались как предикторы оценки ситуации сексуального насилия – приписываемых жертве эмоций. Результаты показали, что структурная модель соответствует полученным данным (χ^2=31,753; *df*=8; p-value=0,0001; RMSEA=0,099; CFI=0,954; TLI=0,846; SRMR=0,042; AIC=12821,297; BIC=12954,872).

Для проверки гипотез 2 (а, б) и 3б была создана структурная модель, которая включала в себя восемь переменных: правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование рассматривались как предикторы доброжелательного и враждебного сексизма в отношении женщин, последние, в свою очередь, рассматривались как предикторы оценки ситуации сексуального насилия – приписываемых жертве эмоций. Результаты показали, что эта модель соответствует полученным данным (χ^2=32,487; *df*=8; p-value=0,0001; RMSEA=0,096; CFI=0,956; TLI=0,851; SRMR=0,039; AIC=12655,141; BIC=12788,717).

Во-первых, результаты нашего исследования показывают, что правый авторитаризм предсказывает любой тип сексизма как в отношении мужчин, так и женщин, однако интересным является то, что он сильнее связан с доброжелательными аттитюдами к женщинам и мужчинам. Правый авторитаризм прогнозирует гендерную дифференциацию, что отражается в шкалах как благосклонного, так и враждебного сексизма в отношении и мужчин, и женщин (Glick, Fiske, 2001). Более сильная предсказательная сила доброжелательного сексизма может быть объяснена тем, что доброжелательный сексизм в обеих шкалах соотносится с традиционными ролями как для женщин, так и для мужчин.

ОСД, в свою очередь, предсказывает доброжелательный сексизм в отношении мужчин и враждебный в отношении женщин. Люди с высоким ОСД обычно демонстрируют более позитивное отношение к высокостатусным группам, но более негативное отношение к низкостатусным группам, так как доброжелательный сексизм

в отношении мужчин подразумевает восхищение мужскими ролями защитников и кормильцев и признает их, в то время как враждебный сексизм в отношении женщин представляет собой негативную реакцию по отношению к женщинам, которые воспринимаются как «бросающие вызов мужской власти и статусу».

Во-вторых, результаты показали, что разный тип сексизма предсказывает разную оценку жертвы. С одной стороны, сексизм отрицательно предсказывает негативные эмоции, приписываемые жертве (страх, гнев, стыд), с другой – оценку того, что жертва виновата в том, что произошло. Стоит отметить, что сексизм является предиктором как для прямой оценки (приписывание вины), так и для косвенной (приписывание страха, гнева и чувства стыда).

Согласно нашим данным, сексизм положительно предсказывает оценку вины жертвы. Положительная связь уровня сексизма с оценкой вины жертвы может означать, что жертва воспринимается людьми с высоким уровнем сексизма как нарушающая гендерно нормативно приписываемые роли.

В-третьих, было обнаружено, что пол жертвы не оказал значимого влияния в оценке жертвы респондентами. Это может быть связано с тем, что как мужчины, так и женщины, склонны демонстрировать амбивалентные аттитюды не только к другому полу, но и к своему. Другими словами, женщины, склонные поддерживать гендерную иерархию и гендерную дифференциацию, приписывают более негативные эмоции как мужчинам, так и женщинам.

Литература

Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // Advances in experimental social psychology / Ed. M. P. Zanna. N. Y.: Academic Press, 2001. V. 33. P. 41–113.

Glick P., Fiske S. T. An ambivalent alliance. Hostile and benevolent sexism as complementary justifications for gender inequality // American Psychologist. 2001. V. 56. P. 109–118.

Yamawaki N. Rape perception and the function of ambivalent sexism and gender role traditionality // Journal of Interpersonal Violence. 2007. V. 22. P. 406–423.

Чувство собственной недостаточности в стиле жизни современной молодежи

М. А. Крылова (*Кострома*)

Современное общество – общество потребления, мобильное, технологически развитое, в котором преобладают индивидуалистические тенденции – с каждым днем выдвигает все больше требований к человеку. Особенно это сказывается, на наш взгляд, на молодежи, которой нужно устраивать свою жизнь после окончания школы. Поэтому вдвойне актуальной становится тема стиля жизни, напрямую зависящего от реализации поставленных целей, преодоления возникающих трудностей на пути их достижения, материального благополучия, общения, самооценки. Одновременно на него влияют модные тенденции в одежде, общении, манере поведения, времяпрепровождении и местах отдыха, которые активно пропагандируются в средствах массовой информации и сети Интернет. Личный успех зачастую напрямую связывается молодежью с получением высокооплачиваемой работы, отсюда и частая смена деятельности в поисках «лучшего заработка». Все это может сказываться как положительно, так и отрицательно на психическом и физическом состоянии молодых людей и приводить к чувству собственной недостаточности в связи с неудовлетворением потребностей.

Согласно теории А. Адлера, в основе стиля жизни человека лежат усилия по компенсации чувства неполноценности, сформировавшегося еще в детстве, и стремление к превосходству как адаптация индивида в социальной среде. Личность, согласно данной теории, стремится к «совершенству и безупречности», к власти. Однако, стремясь к превосходству, человек зачастую склонен преувеличивать свои реальные способности, что, в свою очередь, еще больше усиливает комплекс неполноценности, так как желаемая успешность в общении, деятельности так и не приходит (Хьелл, Зиглер, 2016). Мы в своем исследовании рассматриваем комплекс неполноценности через один из его компонентов – чувство собственной недостаточности, которое может возникать при неудовлетворении потребностей индивида.

Исходя из этого, целью проведенного исследования было изучение чувства недостаточности молодежи и его места в структуре стиля жизни.

В исследовании использовались методики: Опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман (1988) в адаптации Т.Л. Крюковой и др. (2003); Шкала социального интереса (Шкала личност-

ной значимости черт – Crandall, 1991); Шкала самооценки по А. Адлеру (Manaster, Corsini, 1982); Шкала субъективного благополучия (Perrudent-Badox, Mendelsohn и Chiche, 1988) в адаптации М. В. Соколовой (1996); Ценностный опросник Ш. Шварца (шкала «Профиль личности. Уровень индивидуальных приоритетов»); Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо.

Выборку составили молодые люди (n=26) в возрасте от 16 до 39 лет (M=26,1), 23 женщины и 3 мужчин.

На первом этапе исследования выборка была разделена на две группы согласно интерпретации результатов Шкалы самооценки А. Адлера, в которой чувство недостаточности определяется по величине расхождения между оценками шкалы «оценка себя в настоящем» и шкалы «желаемая успешность». О легкой степени чувства собственной недостаточности свидетельствует разница в 4–12%, при разнице свыше 13% диагностируется сильное ощущение личностной недостаточности. Таким образом, в 1-ю группу вошли респонденты с отсутствием или слабо выраженным чувством собственной недостаточности (n=12) 46,2%; во 2-ю – с ярко выраженным чувством собственной недостаточности (n=14) 53,8%.

Для выявления различий между группами с разной степенью ощущения чувства собственной недостаточности был использован непараметрический критерий U Манна–Уитни.

Были обнаружены различия по таким показателям, как чувство собственной недостаточности (U=0,0; p⩽0,000), признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику (U=41,5; p⩽0,030), стремление к власти (U=42,0; p⩽0,032), общая самооценка в данный момент времени (U=25,0; p⩽0,002), оценка желаемой успешности (U=35,5; p⩽0,013).

Группа с отсутствием или слабым ощущением чувства собственной недостаточности характеризуются достаточно высокой общей оценкой собственной личности в данный момент времени (M=74,58; SD=14,9). Остальные показатели: признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику (M=10,58; SD=1,4), стремление к власти (M=2,41; SD=1,9), оценка желаемой успешности (M=79,66; SD=15,3), оказались ниже, чем во второй группе. Корреляционный анализ выявил связь чувства собственной недостаточности с гедонистическим настоящим во временной перспективе (r=0,680; p⩽0,05) и изменением настроения в субъективном благополучии (r=0,581; p⩽0,05). Возможно, молодые люди данной группы в целом оценивают свою успешность как личности достаточно высоко, поскольку не считают себя в чем-то несостоявшимися. Ин-

тересно, что при возрастании чувства собственной недостаточности возрастает и ориентация на гедонистическое настоящее, т. е. получение удовольствия, наслаждения в настоящем, «здесь и сейчас», а также позитивный взгляд на будущее.

В группе с ярко выраженным чувством собственной недостаточности более выраженными являются признаки, сопровождающие психоэмоциональную симптоматику – беспокойство, рассеянность, чрезмерная эмоциональность (M=12,78; SD=3,8), оценка «желаемой успешности в деятельности», т. е. притязания на высокое место в обществе (M=92,85; SD=7,9), стремление к власти, что отражается в желании достигнуть социального статуса, престижа, контроля или доминирования над людьми и материальными благами (M=3,07; SD=2,4). Общая оценка собственной личности на данный момент времени существенно ниже, нежели в первой группе (M=55,50; SD=12,96). По результатам корреляционного анализа в данной группе чувство собственной недостаточности положительно связано со стремлением к власти ($r=0,630$; $p\leqslant0,05$), безопасности для других людей и себя, стабильности в обществе и в отношениях ($r=0,536$; $p\leqslant0,05$) как ценностями и желаемой успешностью ($r=0,638$; $p\leqslant0,05$); отрицательно связано с конформностью, которая характеризуется сдерживанием каких-либо склонностей или действий, приводящих к причинению вреда людям, негативным социальным последствиям ($r=-0,681$; $p\leqslant0,05$), позитивным прошлым во временной перспективе ($r=-0,585$; $p\leqslant0,05$), общей оценкой себя на данный момент времени ($r=-893$; $p\leqslant0,05$).

Вероятно, чувство собственной недостаточности, с одной стороны, ведет к возникновению негативных эмоциональных состояний, в том числе, неудовлетворенности настоящим; с другой – заставляет молодых людей все больше соответствовать социальным ожиданиям, стремиться занять положение в обществе, получить общественное признание, достичь авторитета у сверстников, но при этом ориентироваться на стабильность и безопасность. Возможно, молодые люди этой группы более ориентированы на влияние внешних факторов, а не на то, чтобы предпринимать личные усилия по изменению той или иной ситуации. Данный феномен подтверждает теорию Адлера. Согласно ей, молодые люди имеют достаточно сильный комплекс неполноценности. В итоге они всячески пытаются изменить ситуацию, стремясь к превосходству. Отсюда желание власти, авторитета, социального статуса. Но, при высоких притязаниях в жизни, общая оценка себя довольно-таки низкая. Как итог, неудовлетворение данных потребностей приводит к возрастанию чувст-

ва собственной недостаточности, потере мотивации в жизни. Это, в свою очередь, сказывается на психоэмоциональном состоянии молодежи.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что присутствие чувства собственной недостаточности может вносить изменения в стиль жизни современной молодежи, сказываясь на общении, трудовой и общественной деятельности, ценностях и мотивации в жизни.

Литература

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2016.

Исследование ролевого поведения между супругами

Е. Д. Кузин (*Москва*)

Неотъемлемой частью любого человеческого бытия выступает необходимость играть определенные роли в социуме, поскольку без этого невозможна самореализация индивида.

В настоящее время в семейных отношениях людей происходят значительные изменения. В моделях семьи отмечаются значительные различия, отсутствует какое-либо свидетельство того, что формируется единая форма семейных отношений. Семейные взаимоотношения, являясь одной из центральных тем изучения социальной психологии, претерпевают глубинные изменения, испытывая влияние различных факторов, обусловленных развитием социума. Одной из причин кризиса современной семьи является насаждение ценностей, несвойственных культурно-духовным традициям России, созданных в иной культурологической среде, несущих нетипичные для русской, украинской ментальности принципы – индивидуализм, приоритет материального над духовным, эгоизм, самоутверждение любой ценой. В таких условиях особое значение для развития и укрепления семьи приобретают культурно-духовные традиции России, имеющие глубокие исторические корни, передающиеся из поколения в поколение, составляющие сакральные основы государства, нации, цивилизации.

Интерес к данной проблеме не случаен, так как социально-психологический анализ социальной роли, а также ее виды и формы реагирования имеют большое значение для понимания социального поведения личности в целом.

Каждая роль имеет определенную структуру, состоящую из следующих компонентов: описание типа поведения для определенной роли; предписания и требования, связанные с соответственным поведением; оценка выполнения предписанной роли; санкции, носящие как негативный, так и позитивный характер (С. В. Ковалев). В то же время П. П. Горностай уточняет, что ролевое поведение представляет собой особую форму социального поведения, которая связана с социально-нормативными функциями личности и закреплена относительно устойчивыми моделями поведения.

Среди социально-психологических объяснений разделения домашнего труда между мужчиной и женщиной, можно выделить следующие: теория половых ролей Т. Парсонса, в которой ролевая дифференциация детерминирована отчетливой ролевой структурой (жена играет в семье экспрессивную роль, муж – инструментальную); теория социализации Э. Берна (опыт первичной социализации не позволяет мальчикам и девочкам овладеть навыками противоположного пола для выполнения домашних обязанностей); ролевая теория С. Ю. Барсуковой и В. В. Радаева (отдают приоритет психологически аранжированным эволюционно и биологически обусловленным различиям между полами и моделями поведения); теория легитимизации поведенческих образцов С. Ю. Барсуковой и В. В. Радаева (общественно закрепленная легитимность лидерства или доминирования мужчин и подчиненности женщин в социальной сфере проецируется на уровень семьи, что дает мужчинам право выбирать степень своего участия в домашнем хозяйстве).

Актуальность. Семья на современном этапе продолжает оставаться объектом пристального внимания со стороны различных отраслей науки (Г. М. Андреева, К. Витек, Л. Я. Гозман, В. Сатир и др.), в связи с возникающими проблемами не только на почве социально-экономической нестабильности в стране, но и неустойчивыми процессами в духовной сфере супругов, преобразованием традиционных ценностных систем.

Учитывая актуальность проблемы, мы поставили перед собой цель – исследовать гендерное и ролевое поведение в семье и разработать программу, направленную на формирование гендерной толерантности у супругов.

Наиболее крупный вклад в исследование психологии семьи внесли отечественные психологи: А. Г. Харчев (теория), М. С. Мацковский, А. Н. Антонов (методология и методика), В. А. Сысенко (устойчивость брака), С. И. Голод (стабильность семьи), В. А. Борисов (потребность в детях), Д. Я. Кутсар (качество брака), Л. А. Гордон,

Э. В. Клопов (жизненные циклы семьи), Н. В. Малярова (типология супружеских конфликтов), Т. Ж. Гурко (молодая семья), Э. К. Васильева (типология видов жизнедеятельности семьи), В. Б. Голофаст (функции семьи) и др.

Необходимо отметить, что ролевое поведение может реализоваться на двух уровнях, а именно на личностном – как стремление принятия или отрицания функций роли и социальном – как соответствие ролевым ожиданиям. Согласно П. П. Горностаю, последние характеризуют отображение личностью определенных требований, которые ей выдвигаются партнерами по ролевому взаимодействию (Горностай, 2012).

Создание семьи предполагает только отношения одного мужчины и одной женщины, а в будущем обязательное рождение и воспитание детей. (Трапезникова, 2010).

Согласно Г. С. Кочаряну, на принятие и исполнение всех ролей значительное влияние оказывают определенные детерминанты, в частности, воспроизведение и распределение ролей в собственной семье по родительской модели или их отвержение (часто не осознается супругами); мотивационно-потребностная и ценностно-смысловая сферы членов семьи; личностные особенности каждого из членов семьи.

Мы выдвинули гипотезу, в которой предполагаем, что ролевое поведение супругов представляет собой сочетание ролевых ожиданий и притязаний каждого из супругов, при выполнении супружеских ролей, которые обеспечивают функционирование семьи.

Исходя из цели нашей работы, нами было подготовлено и проведено эмпирическое исследование, в котором исследование межличностных отношений осуществлялось посредством методики, разработанной Т. Лири, Г. Лефоржем, Р. Сазеком. Выраженность гендерных особенностей мужчин и женщин диагностировалось методикой С. Бэма (модифицированный вариант И. С. Клециной). Семейные роли, их распределение в семье, а также ролевые ожидания и притязания супругов изучались методами, предложенными А. В. Черниковым, Ю. Е. Алешиной, П. Я. Гозманом, Е. М. Дубовской, А. Н. Волковой.

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 160 мужчин и женщин. Так, в первую группу вошли 20 пар, стаж семейной жизни которых составляет 20 лет и выше. Следующие группы составили респонденты в возрасте 18–21 года, отношения которых длятся от одного года до трех лет: вторая группа – 20 пар (законный брак); третья – 20 пар (гражданский брак), четвертая группа – 20 пар (добрачный период).

Результаты и их интерпретация

Анализ полученных результатов проведенного исследования позволил нам обследуемую выборку дифференцировать на тех, кто имеет андрогинные черты личности (71,25%), и на тех, у кого выявлены маскулинные черты личности (35,0%) и фемининные (22,5%).

Также нами выявлено, что в первой группе (зрелая семья) женщины характеризуются отсутствием эгоистичности, агрессивности, ожиданием социальной активности со стороны мужа, его внешней привлекательности, а мужчины – отсутствием подозрительности и ожиданием от жены психологического климата в семье. В молодой семье (вторая группа) женщины большое значение придают своей внешности, пытаются обеспечить семью, тогда как мужчины склонны к отсутствию альтруизма, умеренному эгоизму, ожидают от жены привлекательности, готовы к социальной активности и выполняют роль сексуального партнера. В третьей группе (гражданский брак) женщины более ориентированы на интимную близость и эмоциональную поддержку со стороны партнера, а мужчины ожидают от жены выполнения хозяйственных и родительских функций. В четвертой группе (добрачный период) у девушек прослеживается умеренная авторитарность в отношениях, ожидание выполнения родительских функций со стороны партнера и его социальной активности. А юноши ожидают от девушек личностной идентификации с ними.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных. Исходя из полученных нами результатов корреляционного анализа, видно, что для женщин характерны такие показатели, как «агрессивность», «зависимость», «социальная активность». А мужчины, в свою очередь, отличаются от женщин по показателям «эгоистичность», «личностная идентификация с партнером», «хозяйственно-бытовая и родительская сфера», «фемининность» и «маскулинность».

Определенное подтверждение выявленных корреляционных взаимосвязей на уровнях ($p<0,01$) и ($p<0,05$) обнаружено также и между семейными парами, в зависимости от жизнедеятельности семьи и формы брака.

Опираясь на полученные результаты, нами была разработана программа, направленная на формирования гендерной толерантности супругов в процессе семейного взаимодействия. При ее построении была избрана логика развертывания, позволявшая ее реализовать как в рамках конкретных учебно-ознакомительных, так и в специальных коррекционных занятиях. Предложенная програм-

ма включает в себя четыре ведущих блока: личностный (развитие способности восприятия себя и окружающих людей, преодоление гендерных стереотипов), эмоциональный (развитие способности к эмпатии и умению управлять своим эмоциональным состоянием), коммуникативный (расширение навыков эффективного межличностного взаимодействия) и супружеский (формирование гендерной культуры супругов в процессе ролевого поведения).

В целом, полученные результаты свидетельствуют о перспективе использования предложенной нами программы для психологического сопровождения семейных отношений.

Выводы

Выявлено, что исследование ролевого поведения в семье представляет собой сочетание ролевых ожиданий и притязаний каждого из супругов, при выполнении их ролей, обеспечивающих функционирование семьи.

Показано, что специфика гендерных особенностей супругов представлена в характере распределения ролей и власти в процессе межличностного общения, определяемых различными социокультурными предписаниями к содержанию и исполнению мужчинами и женщинами семейных ролей.

Установлено, что 71,25% участников общей выборки имеют андрогинные, 35,0% маскулинные и 22,5% фемининные черты личности.

По результатам исследования отмечено, что у большинства супружеских пар в системе семейного взаимодействия преобладает партнерская модель гендерных отношений. В таких семьях отсутствует жесткое распределение гендерных ролей, в частности, существует гибкий вариант распределения семейных обязанностей и видов деятельности, решения принимаются коллегиально, а конфликтные ситуации решаются с помощью компромисса.

Разработана психокорекционная программа, ориентированная на формирование гендерной толерантности супругов в процессе семейного взаимодействия. Ее основу составили просветительская работа, а также специально подобранные психологические упражнения, дискуссии и ролевые игры, направленные на развитие эмоциональной, эмпатических, коммуникативной и других сфер жизнедеятельности семьи.

Литература

Андреева Т. В. Психология современной семьи. СПб.: Речь, 2005.

Варга А. Я. Введение в системную семейную психотерапию М.: Когито-Центр, 2009.
Горностай П. П. Психологія рольової самореалізації особистості: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. К., 2009.
Клецина И. С. Психология гендерных отношений. Теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004.
Трапезникова Т. М. Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре: Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. СПб.: Питер, 2010.

Тактики дисциплинарного воздействия агрессивного содержания и их роль в социализации агрессивного поведения детей

Ю. Л. Кузмицкая (*Гродно*)

Процессы социализации, происходящие в семье, могут способствовать проявлению определенных личностных особенностей и устойчивых форм поведения у детей. Стоит отметить тот факт, что, несмотря на регуляцию родителями различных форм поведения детей, в частности агрессивного поведения, различные формы проявления агрессии встречаются достаточно часто. Более того, некоторые формы агрессивного поведения являются неотъемлемой частью процесса социального взаимодействия и в сознании его участников вовсе не квалифицируются как агрессивные. Возможно, проблема агрессивного поведения детей не будет решена, если не изучать особенности процесса социализации, в частности социализации агрессивного поведения детей в процессе дисциплинирования. Так как в последнее время распространенным явлением в родительско-детских отношениях становится проявление агрессии и насилия при дисциплинировании ребенка.

Родители в целях социализации своих детей прибегают к использованию тех или иных тактик дисциплинарного воздействия. Некоторые дисциплинарные тактики носят агрессивный, насильственный характер. Агрессия родителей в процессе дисциплинирования детей выступает как специфическая форма организации социального взаимодействия в ситуации исправления нарушений поведения детей. Прибегая к агрессии, родители, с одной стороны, устраняют собственное состояние фрустрации, быстро достигая желаемых резуль-

татов в изменении поведения детей, но, с другой стороны, демонстрируют детям вербальный, эмоциональный и поведенческий опыт агрессивных действий в схожих ситуациях (Бандура, 2000). В процессе дисциплинирования дети могут усваивать модели агрессивного поведения и в последующем использовать во взаимодействии со сверстниками, например, с одноклассниками.

Целью данного исследования является определение взаимосвязи тактик дисциплинарного воздействия родителей и агрессивного поведения детей в отношении одноклассников. Задачи исследования могут быть определены следующим образом: во-первых, теоретически обосновать взаимосвязь тактик дисциплинарного воздействия и агрессивного поведения школьников в социализации агрессивного поведения в родительско-детских отношениях; во-вторых, выявить взаимосвязь тактик дисциплинарного воздействия родителей и агрессивного поведения школьников в отношении одноклассников.

Гипотеза исследования состоит в том, что тактики дисциплинарного воздействия агрессивного содержания, как агрессивные модели поведения родителей, взаимосвязаны с воспроизведением детьми форм агрессивного поведения в отношении одноклассников.

Был проведен теоретический анализ социально-психологической литературы, математико-статистический анализ данных, анализ и психологическая интерпретация полученных результатов. Опрос основной метод сбора эмпирического материала, метод организации психологического исследования –метод поперечных срезов.

Для обработки данных были использованы следующие статистические методы: описательный, частотный, многомерный ковариационный и корреляционный анализы.

При осуществлении исследования были использованы следующие методики: 1) «Шкала тактики поведения в ситуации дисциплинирования» (M. A. Straus, C. Mebert) в адаптации И. А. Фурманова; 2) «Стратегии поведения школьников в отношении одноклассников» (K. Bjo'rkqvist, K. Osterman) в адаптации И. А. Фурманова (Фурманов, 2007).

Исследование проведено на выборке школьников общеобразовательной школы (г. Гродно, Республика Беларусь) трех возрастных групп: младший школьный (186 чел.: 104 мальчика, 82 девочки, средний возраст – 7,9±1,26), подростковый (189 чел.: 105 мальчиков, 84 девочки, средний возраст – 12,2±1,31), юношеский (140 чел.: 76 мальчиков, 64 девочки, средний возраст – 15,6±0,76). Респонденты данных возрастных групп были разделены на три уровня агрессии

по методу Р. Кеттелла. В данной работе результаты представлены в группе детей юношеского возраста.

Проведенный теоретический анализ позволил выделить ряд тенденций в понимании социализации агрессивного поведения. Основные из них: научение агрессии (А. Бандура, А. Басс, Л. Берковитц, Р. Бэрон, Д. Ричардсон, Р. Уолтерс); инкультурация и выражение в формах, приемлемых для конкретного общества (H. R. Lückert, Е. Е. Маккоби, М. Мид, Р. С. Сирс, А. А. Реан, И. А. Фурманов (Фурманов, 2016); регуляция и саморегуляция агрессивного поведения (Р. С. Сирс, Е. Е. Маккоби, Д. Креч, Р. Кратчфилд, Н. Ливсон, Н. А. Дубинко, В. И. Моросанова); формирование агрессивной готовности (В. И. Моросанова, А. А. Реан). Детальный анализ представленных тенденций, а также методологические основания исследования (теория социального научения А. Бандуры) позволили разработать определение такого понятия как «социализация агрессивного поведения»

Социализация агрессивного поведения – процесс и результат научения специфическим формам агрессивного поведения в ходе его внешней и внутренней регуляции, основанный на ассимиляции наблюдаемого агрессивного опыта в собственный, что определяет готовность к агрессивному взаимодействию и выражению агрессии в формах, нормативных для определенного социального сообщества. Взаимосвязь процессов научения, воспроизведения и регуляции агрессивного поведения определяют социализацию агрессивного поведения.

В результате корреляционного и ковариационного анализа выявлена взаимосвязь тактик дисциплинарного воздействия и агрессивного поведения детей в вербальной или физической форме, прямым или косвенным образом в отношении одноклассников.

В юношеском возрасте вербальные формы агрессивного поведения в отношении одноклассников у мальчиков взаимосвязаны с дисциплинарной моделью отца вербально-символического содержания (психологическая агрессия $r=0,56$, $p=0,009$). Физическая агрессия девочек в отношении одноклассников взаимосвязана с отцовской дисциплинарной тактикой психологической агрессии ($r=0,74$, $p\leqslant0,001$; $F=10,72$, $p=0,014$). В свою очередь, использование отцом психологической агрессии ($r=0,53$, $p=0,021$), материнское проявление жестокости ($r=0,56$, $p=0,016$) и психологическая агрессия ($F=5,35$, $p=0,040$) взаимосвязаны с проявлением агрессии девочками не прямым, а косвенным образом в отношении одноклассников.

Отцовское и материнское дисциплинирование, построенное на аргументации и объяснении неправильности совершенного про-

ступка, отрицательно взаимосвязаны с физическими (соответственно r=–0,31, p=0,007; r=–0,42, p⩽0,001), вербальными (соответственно r=–0,32, p=0,005; r=–0,63, p⩽0,001) и косвенными (соответственно r=–0,30, p=0,008; r=–0,44, p⩽0,001) формами агрессии мальчиков в отношении одноклассников.

Результаты теоретического и эмпирического исследования позволяют заключить, что дисциплинарные тактики родителей взаимосвязаны с агрессивным поведением школьников в отношении одноклассников. Агрессивное поведение детей в отношении одноклассников представляет собой результат научения агрессивному взаимодействию в родительско-детских отношениях в процессе дисциплинирования.

Литература

Бандура А. Теории социального научения. СПб.: Евразия, 2000.

Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб.: Речь, 2007.

Фурманов И. А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция: Учеб. пособие. Минск: Издат. центр БГУ, 2016.

Избегание одиночества и аддиктивное поведение в волонтерской среде

Л. В. Кузнецова, А. Д. Жукова (*Санкт-Петербург*)

Проблема одиночества – одна из важнейших тем экзистенциальной психологии. Без принятия факта собственного одиночества невозможен дальнейший рост и развитие личности (Ялом, 1999). Одиночество, по определению Д. А. Леонтьева, есть «переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми» (Осин, Леонтьев, 2013, с. 55). Позитивное или негативное отношение личности к одиночеству во многом влияет на ее психологическое благополучие. В случае неприятия одиночества человек будет стараться избегать его, воспринимать его как болезненную проблему (Осин, Перлова, 2012).

Одним из способов избегания психологических проблем является аддиктивное поведение. По результатам исследования (Железнякова, 2014), в подростковом возрасте неспособность быть одному вызывает чувство тревоги, а для избегания тревожного состояния используются внешние стимулы, что в свою очередь способствует формированию аддиктивного поведения.

В нашем исследовании было выдвинуто предположение о том, что существует зависимость от волонтерской деятельности по аналогии с трудоголизмом. Как и любое аддиктивное поведение, рассматриваемая нехимическая аддикция служит формой ухода от нерешенных психологических проблем. Вариантом такой проблемы выступает негативное отношение к одиночеству как к одной из экзистенциальных данностей (Ялом, 1999).

Цель исследования. Изучить особенности связи аддиктивного поведения и отношения к одиночеству.

Задачи исследования

1. Изучить особенности переживания одиночества в волонтерской среде.
2. Выработать критерии аддиктивного поведения в волонтерской среде.
3. Сравнить группу с симптомами аддиктивного поведения и группу без данных симптомов по выраженности негативного отношения к одиночеству.

Гипотеза. Неприятие одиночества у группы волонтеров с выраженными симптомами аддиктивного поведения выше, чем у группы волонтеров без данных симптомов.

Описание выборки. В исследовании принял участие 31 чел., занимающийся волонтерской деятельностью различных направлений, в возрасте от 18 до 30 лет (27 женщин и 4 мужчины). Лица мужского пола были исключены из дальнейшего анализа во избежание неоднородности выборки.

Методы. Интервью, Дифференциальный опросник переживания одиночества (в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева).

Интервью включало вопросы о поле и возрасте, о количестве времени, выделяемом на волонтерскую деятельность, о значимости этой деятельности, а также о чувствах и переживаниях респондента, в случае, когда он не может заниматься волонтерской деятельностью и в случае, когда занимается ей.

Процедура проведения исследования

Исследование проводилось онлайн через социальную сеть «ВКонтакте», респонденты набирались случайным образом из групп СНО факультета психологии СПБГУ, волонтерского клуба «Инсайт», волонтерского проекта «Действие», Благотворительного Фонда «Твоя Территория», а также среди учащихся факультета психологии СПбГУ, заявивших об участии в волонтерской деятельности.

Волонтеры были разделены на две группы на основе данных интервью. Критерии симптоматики аддиктивного поведения были выведены из универсальных компонентов аддиктивного поведения (Brown, 1993). К группе с симптомами аддиктивного поведения были отнесены те волонтеры, которые в интервью отметили следующее:

1. Волонтерская деятельность занимает в среднем больше 12 часов в неделю.
2. Значимость волонтерской деятельности по 10-балльной шкале больше либо равна 7.
3. Один и более из следующих пунктов:

- Чувство пустоты и бессмысленности, когда нет возможности заниматься волонтерской деятельностью.
- Чувство тревоги, когда нет возможности заниматься волонтерской деятельностью.
- Связь трудных жизненных ситуаций с началом волонтерской деятельности.
- Волонтерская деятельность способствовала снятию напряжения и появлению ощущения свободы от тягостных воспоминаний и мыслей.

Математические методы: статистическое сравнение выраженности негативного отношения к одиночеству, позитивного отношения к одиночеству и общего переживания одиночества в двух группах было проведено с помощью критерия U Манна–Уитни.

Результаты

Средние значения в выборке были следующими: шкала «Общее переживание одиночества»=25,9 (стандартное отклонение=7,3); шкала «Зависимость от общения»=29,8 (стандартное отклонение=6,1); шкала «Позитивное одиночество»=28,9 (стандартное отклонение=5,7). Нормы значений по шкалам не опубликованы для этого варианта методики, по шкалам «Общее переживание одиночества» и «Зависимость от общения» возможный диапазон баллов от 15 до 60, по шкале «Позитивное одиночество» – от 10 до 40. Для шкалы «Общее переживание одиночества» медиана составила 25 баллов, мода – 26 баллов. Для шкалы «Зависимость от общения» медиана составила 29 баллов, мода – 28 баллов. Для шкалы «Позитивное одиночество» медиана составила 30 баллов, мода – 36 баллов.

Выборка из 27 женщин по результатам интервью была разделена на две группы: 9 женщин с симптомами аддиктивного поведения и 18 женщин без проявлений симптомов аддиктивного поведения.

Статистически значимых различий по шкалам «Зависимость от общения», «Общее переживание одиночества» и «Позитивное одиночество» не выявлено ($p>0,05$). Гипотеза «Неприятие одиночества у группы волонтеров с выраженными симптомами аддиктивного поведения выше, чем у группы волонтеров без данных симптомов», не подтвердилась.

Выводы

Учитывая опыт настоящего исследования, следует проверить гипотезу «Неприятие одиночества у группы волонтеров с выраженными симптомами аддиктивного поведения выше, чем у группы волонтеров без данных симптомов» на большей по численности выборке, включающей достаточное количество мужчин. Следует также рассмотреть феномен отношения к одиночеству не изолированно, а в совокупности с феноменом отчуждения, который в свою очередь связан с особенностями переживания одиночества в экзистенциальной парадигме. Кроме того, необходимо учитывать наличие у респондентов любых других видов аддиктивного поведения помимо аддикции к волонтерской деятельности.

Женщин-волонтеров с симптомами аддиктивного поведения было выявлено 33% из общего числа женщин-волонтеров. Такая доля говорит о достаточно высоком распространении симптомов аддиктивного поведения в волонтерской среде, что делает изучение зависимости от волонтерской деятельности перспективным направлением для дальнейших исследований.

Литература

Железнякова Ю. В. Чувство одиночества как фактор аддиктивного поведения у подростков // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 3–4. С. 142–147.

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. № 1. С. 55–81.

Осин Е. Н., Перлова З. С. Переживание одиночества и отношение к одиночеству как предикторы субъективного благополучия // Личность как предмет классической и неклассической психологии: Материалы XIII Международных чтений памяти Л. С. Выготского / Под общ. ред. В. Кудрявцева. М.: РГГУ, 2012. С. 172–178.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.

Brown R. I. Some contributions of the study of gambling to the study of other addictions // Gambling Behavior and Problem Gambling. Reno: University of Nevada Press, 1993. P. 241–272.

Ценностно-потребностная сфера личности и прогнозирование криминального поведения современного преступника (на материале исследования осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима)

М. А. Кузнецова (*Саратов*)

В сравнении с законопослушными людьми структура ценностных ориентаций заключенных отличается сдвигом иерархии терминальных ценностей в сторону низших потребностей, а также упрощением системы, выражающемся в понижении ценностного отношения к действительности (Истомин, 2010). Исследование, посвященное изучению ценностно-потребностной сферы осужденных, даст возможность, как нам представляется, сделать прогноз криминального поведения в дальнейшем, что эффективно повлияет на процесс исполнения коррекционных, профилактических и воспитательных программ, разрабатываемых для нарушителей закона, а также, в итоге, и на уровень преступности в пенитенциарной системе и в обществе. Это характеризует актуальность данной работы.

Цель эмпирического исследования: выявить взаимосвязь экспертного прогнозирования повторного криминального деликта осужденного на основе анализа ценостно-потребостной сферы его личности (на материале изучения осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима).

Гипотеза: на основе сопоставления ценностно-потребностной сферы личности преступника и данных метода экспертной оценки возможно создать прогностическую модель вероятного криминального поведения осужденного в постпенитенциарный период.

Характеристики *выборки:* в исследовании приняли участие 57 мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы (колонии строгого режима № 10 ФСИН России по Саратовской области) в возрасте 18–56 и более лет.

Методы исследования

1. Метод анкетирования.
2. Метод экспертных оценок.
3. Метод тестирования (Тест «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О. Ф. Потемкина)», Тест «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев).

4. Метод статистического анализа (Кластерный анализ, метод коэффициента конкордации – статистика W Кендалла).

Результаты иерархического кластерного анализа

На основе полученных данных был проведен иерархический кластерный анализ методом межгрупповых связей с использование меры корреляции Пирсона.

В результате была создана типология личности преступников на основе прогностического критерия возможного совершения преступления. Выделены следующие кластеры, соответствующие ведущим мотивам личности.

В первый кластер входят тип преступника, который раскаивается в совершении преступления, понимает свою ответственность. В него вошли такие параметры, как: *«Считает себя виновным в совершении преступления», «Ориентация на власть», «это ваша первая судимость», «Локус контроля Я»*. Для таких случаев отсутствует восприятие экспертами осужденного как потенциального преступника. Таким образом, такой тип личности с меньшей вероятностью совершит преступление в будущем.

Второй кластер – потенциальные латентные преступники, способные на оправдание преступления, готовые утаить его, но способны пойти на преступление в случае восприятия о его безнаказанности, наличия возможности, не думающие о последствиях совершения криминального акта. В них присутствует психологическая готовность совершить преступление, но направленность ярко не выражена. С точки зрения наших экспертов, данная категория лиц подвержена влиянию со стороны других лиц. В данный кластер вошли параметры: «*Найденная вещь или оставленная на улице можно смело взять себе», «Готовы пойти на многое ради друзей, например, совершить преступление», «Считаете ли вы, что многие люди сами в душе преступники», «Совершив преступление, вы н предполагали, что вас поймают».*

В третий кластер входит категория лиц, осознающих ответственность и последствия совершения преступления и движимых материальной выгодой. Эксперты отмечают умеренное наличие возможности совершения ими преступления в будущем. В данный кластер вошли параметры: *«считаете ли вы, что могли контролировать обстоятельства, которые привели вас к совершению преступления», «эксперт 2. Потенциальная готовность к совершению преступления 3», «знали ли вы об уголовной ответственности перед тем как совершили преступление», «локус контроля жизнь», «ориентация на деньги».*

В четвертый кластер входят люди, чей ведущий мотив был альтруистичен. Они оправдывают свое преступление тем, что хотели помочь близким. Они ориентированы на результат своей детальности. С точки зрения экспертов, вероятность совершения повторного преступления мала. В данный кластер вошли такие параметры, как: *«совершив преступление, вы кому-либо облегчили жизнь», «считаете ли вы, что потерпевший сам виноват в преступлении, за которое вы отбываете наказание», «считаете ли вы, что совершенное преступление является помощью», «можно ли оправдать преступление», «можно ли оправдать ваше преступление», «была ли мысль с помощью преступления помочь родным».*

В пятый кластер входят лица, способные совершить преступление под влиянием сильных эмоций. У них может быть снижен самоконтроль, они испытывали интенсивные чувства неприязни к жертве на момент совершения своего проступка. Такие люди, с точки зрения экспертов, вероятно, вновь совершат преступления под влиянием своих чувств, например, в ситуации острого конфликта. В данный кластер вошли параметры: *«ориентация на альтруизм», «ориентация на труд», «ориентация на свободу», «общий показатель ОЖ», «эксперт 1. Совершение преступление возможно в особом эмоциональном состоянии», «эксперт 3. Совершение преступление возможно в особом эмоциональном состоянии».*

Для выявления согласованности данных экспертных оценок был проведен анализ методом коэффициента конкордации (статистика W Кендалла). Было выявлено достоверная согласованность мнений экспертов. Таким образом, эмпирически доказано общая статистическая согласованность данных экспертных оценок при прогнозировании возможного криминального поведения личности.

Выводы

Гипотеза подтвердилась: на основе сопоставления ценностно-потребностной сферы личности и данных метода экспертной оценки, возможно создание прогностической модели вероятного криминального поведения осужденного в будущем.

Согласно цели исследования, выявлено пять социально-психологических типов личности (типов личности преступников), которые способны вновь совершить преступление.

Первый тип – это личности, которые считают себя виновными в преступлении, они раскаиваются и осознают свою вину. Такие люди впервые совершили преступление. Такая группа людей с меньшей вероятностью вновь совершит преступление.

Второй тип – это личности, преступность которых внешне не проявляется, они тщательно скрывают ее. Также такие люди не считают себя виновными в свершении преступления, более того, они готовы пойти на преступление, если будут уверены в своей безнаказанности. Они пойдут на жертвы ради своих друзей и близких, даже если им придется совершить преступление. Эксперты такую группу людей оценивают по 4 баллам (из 7 возможных, средний уровень), эксперты считают, что такие люди в ближайшее время после освобождения вновь совершат преступление под влиянием других людей.

Третий тип – это личности, которые осознавали смысл своего преступления, они знали об уголовной ответственности перед тем, как совершить проступок. Главной ценностью для таких людей являются деньги. Эксперты оценивают их в 3 балла (из 7 возможных, низкий уровень), умеренное наличие возможности совершения ими преступления в будущем.

Четвертый тип – личности, совершившие преступления из альтруистичных побуждений. Они оправдывают свое преступление тем, что хотели помочь своим родным и своим преступлением облегчили жизнь некоторым людям. Они испытывали положительные эмоции в момент совершения преступления, предполагая, что помогут этим своим близким. С точки зрения экспертов вероятность совершения преступления мала.

Пятый тип – это личности, у которых в момент совершения преступления снижен самоконтроль. По мнению экспертов, такие люди способны совершить преступление под влиянием сильных эмоций, например, в ситуации острого конфликта. Эксперты такую группу людей оценивают в 3 балла (из 7 возможных, средний уровень), умеренное наличие возможности совершения ими преступления в будущем.

Была создана прогностическая модель вероятного криминального поведения осужденного, в которой к высокому уровню риска криминализации относятся такие характеристики, как: после освобождения вновь совершат преступление под влиянием других людей или под влиянием сильных эмоций. Такие люди не считают себя виновными в свершении преступления, они готовы пойти на преступление, если будут уверены в своей безнаказанности. Главной ценностью для них являются деньги. К низкому уровню криминализации относятся такие характеристики, как: впервые совершили преступление, совершили преступление из альтруистических побуждений, считают себя виновными в преступлении, раскаиваются и осознают свою вину.

Литература

Истомин А. А. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы. Псков: Наука, 2010.

Влияние эмоциональных барьеров клиентов на процесс психологического консультирования

Д. О. Кулинич (*Санкт-Петербург*)

Психологическое консультирование является одним из наиболее часто применяемых методов оказания психологической помощи. Многообразие научных взглядов на процесс психологического консультирования порождает дискуссию о критериях эффективности психологического консультирования. Сложно выделить общепринятый научно-методологический подход к пониманию эффективности и результативности психологической помощи. Так, К. Роджерс указывает, что процесс консультирования и возможный результат зависит в большей степени от личностных особенностей клиента психологического консультирования (Роджерс, 2006). В то же время Р. Кочюнас утверждает, что эффективность консультирования во многом определяется свойствами личности психолога, профессиональными знаниями и специальными навыками (Кочюнас, 1999).

Таким образом, вопрос эффективности психологического консультирования невозможно рассматривать вне контекста взаимодействия клиента и психолога. Логично предположить, что именно характер данного взаимодействия предопределяет возможный эффект и результат психологического консультирования.

Рассматривая взаимодействие психолога и клиента в рамках психологического консультирования, невозможно не учитывать социально-психологическое понимание общения как вид взаимодействия. Поэтому, говоря об исследовании взаимодействия в психологическом консультировании, невозможно не принимать во внимание наличия социально-психологических особенностей, влияющих как на вербальную сторону данного взаимодействия, так и на невербальную.

Таковыми особенностями, принципиально влияющими на взаимодействие, могут быть эмоциональные барьеры. Под данным термином понимаются интенсивные эмоциональные переживания, мешающие реализации личностной потенции человека в ходе об-

щения (Бойко, 1996). В. Бойко выделяет пять типов эмоциональных барьеров: неумение управлять эмоциями, неадекватное проявление эмоций, неразвитость эмоций, доминирование негативных эмоций, нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе (Бойко, 1996). Поскольку психологическое консультирование предполагает искусственное создание доверительного эмоционального контакта, подобные барьеры могут напрямую влиять на процесс психологического консультирования.

Целью исследования стало определение эмоциональных барьеров среди широкой выборки респондентов, обратившихся за психологической помощью, и выявление степени влияния эмоциональных барьеров на характер, продолжительность и качество контакта в психологическом консультировании.

В исследовании приняли участие 122 чел. (из них 29,5% – мужчины, 70,5% – женщины), жители Санкт-Петербурга, обратившиеся за психологической помощью в СПб ГБУ «Центр социальной помощи семье и детям Московского района». Возраст испытуемых составляет: до 25 лет – 21 чел. (17,2%), от 26 до 50 лет – 85 чел. (69,6%), старше 50–16 чел. (13,2%).

Озвученные в анкете причины обращения за психологической помощью удалось разделить на следующие группы: а) детско-родительские отношения (отношения с детьми, жалобы на проблемного ребенка и др.) – 38,4%; б) семейные и супружеские отношения (отношения супругов, процесс развода) – 18,1%; в) личностный рост и саморазвитие – 12,8%; г) педагогические проблемы детей (адаптация ребенка к детскому саду и школе, утрата учебной мотивации, конфликты в школе, профориентация и поступление и др.) – 10,1%; д) одиночество и утрата близкого – 5,7%; е) другие причины (проблемы здоровья, зависимое поведение, любопытство и др.) – 14,9%.

Испытуемые имеют разный уровень образования: высшее образование – 51,6% респондентов, неоконченное высшее образование или являются студентами вуза – 9,4%, среднее специальное образование – 34,1% и 4% являются учащимися школ.

В исследовании также приняли участие 4 специалиста-психолога СПб ГБУ «Центр социальной помощи семье и детям», непосредственно работающие с вышеуказанной группой респондентов, из них – 1 мужчина, 3 женщины, средний возраст – 39,7 лет. Средний стаж работы по специальности – 8,5 лет, непосредственно на базе исследования – 4,5 года. Два специалиста имеют высшую профессиональную категорию.

В качестве основных методов исследования были использованы: 1) Опросный лист, заполняемый психологом, оказывающим психологические услуги; 2) Методика диагностики «помех» в установлении эмоциональных контактов В. В. Бойко.

Опросный лист психолога включает в себя: указание первичного запроса клиента, количество проведенных консультаций, наличие изменений в запросе, степень эмоциональной вовлеченности клиента в процесс консультирования, степень отреагирования и результативность консультаций, дисциплина клиента во время посещения психолога, методы и направления работы психолога с клиентом, вероятные моменты успеха и инсайта во время консультаций.

Обработка полученных данных производилась вручную, с занесением результатов в электронную базу Excel с дальнейшим статистическим анализом.

Среднее количество оказанных консультаций на каждого респондента – 3,8 консультации, при этом 1–2 консультации посетили 36 чел. (29,5%), 3–5–43 чел. (35,2%), больше 5–41 чел. (33,6%). Изменения в запросе на оказание психологической помощи было отмечено у 62 чел. (50,8%) и запросы 60 чел. (49,2%) не изменились. Высокую эмоциональную вовлеченность клиента в процесс консультирования психологи отмечают в 55 случаях (45,1%), средний уровень эмоциональной вовлеченности отмечают в 9 (7,3%) случаях, невовлеченность в процесс консультирования отмечается в 56 (45,9%) случаях. Высокую степень реагирования и очевидную результативность психологической помощи психологи отмечают в 37 (30,3%) случаях, среднюю степень фиксируют в 30 (24,5%) случаях, низкую или отсутствие результативности психологи отметили в 55 (45,1%) случаях. Психологи зафиксировали определенное наличие инсайта и успехов в консультировании в 38 (31,1%) случаях, вероятное наличие инсайта и успехов – в 20 (16,4%) случаях, определенное отсутствие инсайтов и успехов – в 62 (50,8%) случаях.

Методика диагностики «помех» в установлении эмоциональных контактов показала, что для выборки характерно наличие эмоциональных барьеров, выраженных в разной степени интенсивности (среднее значение по каждому критерию – 1,65). В среднем, у каждого респондента выражено наличие 1–2 барьеров. Для 36,1% от выборки фиксируется отсутствие ярко выраженных эмоциональных барьеров. У 30,3% респондентов преобладает наличие одного эмоционального барьера, и для такого же количества респондентов характерно преобладание 2–3 эмоциональных барьеров. Наличие выраженных 4 эмоциональных барьеров выявлено только у 3,2% испытуемых.

Расшифровывая виды эмоциональных барьеров, можно указать следующие: неумение управлять эмоциями характерно для 19,6% респондентов; неадекватное проявление эмоций свойственно 18,8% респондентов; негибкость, неразвитость эмоций характерна 31,2% респондентам; доминирование негативных эмоций в общении преобладает в 22,9% случаях, а нежелание сближаться с другими людьми проявляется для 27,9%.

Полученные данные позволили классифицировать выборку по количеству выраженных эмоциональных барьеров – отсутствие ЭБ (36,1%), 1 ЭБ (30,3%), 2 ЭБ (16,3%), 3 ЭБ (14,8%), 4 ЭБ (3,2%). Сравнение данных показало, что респонденты с отсутствием выраженных ЭБ посещают большее количество психологических консультаций (65,1%), более эмоционально вовлечены в консультирование (74,4%). У респондентов с 3 и более выраженными ЭБ в среднем отмечается тенденция к меньшему количеству посещений психолога (в среднем от 2 до 4 консультаций), обладают средней степенью эмоционального вовлечения (88,9%), обладают средней степенью отреагирования на процесс консультирования (83,3%).

Выводы

1) Отсутствие выраженных эмоциональных барьеров, в целом, способствует процессу консультирования, позволяет устанавливать более продолжительное и качественное взаимодействие с консультирующим психологом.
2) В среднем большинству респондентов присуще наличие 1–2 эмоциональных барьеров.
3) Наличие 3 и более эмоциональных барьеров усложняют установление контакта, влияют на качество взаимодействия психолога и консультанта.
4) Таким образом, совокупность вышесказанных выводов позволяет заключить, что наличие эмоциональных барьеров влияет на характер взаимодействия с психологом, и, следовательно, по некоторым параметрам определяет эффективность психологического консультирования.

Литература

Роджерс К. Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы. М.: Психотерапия, 2006.

Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999.

Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издат. дом «Филинъ», 1996.

Динамика копинг-стратегий у людей с логоневрозом в процессе реабилитации*

Е. А. Куминская, М. М. Данина (*Москва*)

Стратегии совладания заикающихся являются важной частью «перцептивно-реактивной системы» (Нардонэ, Сальвини, 2014), отражающей способы взаимодействия с проблемной реальностью — для людей, страдающих логоневрозом, как правило, в качестве таковой выступают ситуации речевого общения. Изменение копингов в процессе реабилитации, в свою очередь, отражает сдвиги в решении проблем коммуникации, а специфика этих изменений по конкретным видам способов совладания свидетельствует о «мишенях» воздействия, заложенных в методику реабилитации. Данные мишени не всегда рефлексируются авторами программ реабилитации на этапе их разработки, что ведет к слабой управляемости психологическими эффектами прохождения подобных программ. В рамках стратегического конструктивистского подхода было показано, что использование человеком определенных поведенческих и мыслительных паттернов взаимодействия с реальностью («нефункциональные предпринятые попытки решения») может приводить к усугублению проблемного состояния (Нардонэ, Сальвини, 2014). В силу этого важно отслеживать как интуитивно используемые человеком стратегии совладания, так и транслируемые в процессе реабилитации.

Согласно данным исследований, более эффективными, с точки зрения показателей психического здоровья, являются копинги, которые подразумевают активное когнитивное и поведенческое участие человека в разрешении и/или анализе ситуации. И наоборот, стратегии избегания показывают свою неэффективность (Рассказова и др., 2011).

Целью данного исследования было выявить динамику копинг-стратегий у людей, страдающих логоневрозом, в процессе реабилитации.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение, что после прохождения реабилитации увеличится количество активных видов совладания.

Характеристика *выборки.* В исследовании участвовали испытуемые в возрасте от 14 до 53 лет (M=24,9, SD=8,51). Переменная «возраст» имеет нормальное распределение (p=0,069) с асимметрией 0,92 (SE=0,29) и эксцессом 0,78 (SE=0,56). Объем выборки составил 71 чел., прошедших полный курс реабилитации.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 15-36-01037.

Исследование проводилось с октября 2016 по май 2017 г. на базе Центра патологии речи и нейрореабилитации в отделении логоневроза (ЦПРиН), г. Москва. Курс длится 45 дней, пациенты ежедневно находятся в дневном стационаре с 10 до 16 часов. Реабилитационная программа включает в себя совместную работу логопедов, врачей-психотерапевтов, психологов. Работа логопедов направлена на коррекцию речи на специальных занятиях, ролевых тренингах и в реальных жизненных ситуациях. Психотерапевты помогают нормализовать нервно-психический статус пациентов. Перед психологами стоят задачи работы с самооценкой пациентов, их адаптации к социальной среде, обучения коммуникативным навыкам.

Методы исследования

Для диагностики копинг-стратегий респондентам было предложено до и после прохождения курса реабилитации заполнить краткую версию опросника совладания со стрессом COPE в русскоязычной адаптации Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина и Е. И. Рассказовой (2010, 2013). Опросник включает в себя следующие шкалы: Позитивное переформулирование и личностный рост (F1), Мысленный уход от проблемы (F2), Концентрация на эмоциях и их активное выражение (F3), Использование инструментальной социальной поддержки (F4), Активное совладание (F5), Отрицание (F6), Обращение к религии (F7), Юмор (F8), Поведенческий уход от проблемы (F9), Сдерживание (F10), Использование эмоциональной социальной поддержки (F11), Использование «успокоительных» (F12), Принятие (F13), Подавление конкурирующей деятельности (F14), Планирование (F15).

Для обработки данных, полученных в ходе исследования, использовалось программное обеспечение: Excel, IBM SPSS Statistics 22. Были применены: критерии Колмогорова–Смирнова с целью проверки распределения данных на нормальность, t-критерий Стьюдента для выявления статистически значимых различий по проверяемым признакам.

Результаты исследования и их интерпретация

Проверка распределения данных «до» и «после» по критерию Колмогорова–Смирнова показала его нормальность (p=0,20) с асимметрией –0,53 (SE=0,43) и эксцессом 0,04 (SE=0,83) и (p=0,20) с асимметрией –0,35 (SE=0,42) и эксцессом 0,75 (SE=0,83), соответственно.

В силу этого для определения сдвигов исследуемой переменной было признано целесообразным применение одновыборочного критерия t Стьюдента для зависимых выборок. Нулевая статистическая

гипотеза заключалась в предположении об отсутствии статистически значимых различий между выраженностью отдельных видов копинг-стратегий заикающихся людей до и после курса реабилитации.

Были выявлены различия по фактору F1 (позитивное переформулирование и личностный рост): после прохождения лечения показатель этой копинг-стратегии вырос. Кроме того, отмечаются различия по показателю F6 (отрицание): он снизился после прохождения лечения. Эти различия являются статистически значимыми на уровне p=0,00. Различия по остальным показателям не являются статистически достоверными.

Полученные результаты, в соответствии с данными проведенных ранее исследований, могут быть интерпретированы как улучшение психологического статуса заикающихся после прохождения реабилитации. Объяснение выявленных сдвигов, с одной стороны, возможно за счет программы реабилитации и заложенных в нее саногенных воздействий. С другой стороны, в отсутствии контрольной группы для сравнения, такой вывод однозначно сделать нельзя, поскольку возможно действие третьих переменных и регрессия к среднему состоянию. Сопоставление результатов в динамике с показателями контрольной группы заикающихся, не проходивших реабилитацию, является задачей следующего этапа исследования. В рамках этой работы выдвинутая гипотеза подтвердилась, ожидаемые различия были обнаружены.

Выводы

После прохождения курса реабилитации люди, страдающие логоневрозом, показали более выраженное использование активной стратегии совладания «позитивное переформулирование и личностный рост», и менее выраженное – пассивного вида совладания – «отрицание».

Литература

Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Сычев О.А., Шевяхова В.Ю. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE // Психология стресса и совладающего поведения в современной российском обществе: Материалы II Международной научно-практической конференции. Т. 2. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 195–197.

Нардонэ Дж., Сальвини А. Магическая коммуникация. Стратегический диалог в психотерапии. М.: РИД ГРУПП, 2014.

Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования:

электронный научный журнал. 2011. Т. 17. № 3. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 29.05.2017).

Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.

Разрешение лексической неоднозначности как механизм решения вербальной инсайтной задачи: особенности переноса функционального решения*

А. Б. Кутузова, И. Ю. Владимиров (*Ярославль*)

Для инсайтного решения задачи необходимо изменение изначальной репрезентации условий, мешающей нахождению решения (Андерсон, 2002). Для визуальных задач известны доказательства существования этого процесса, но неизвестно, наблюдаются ли аналогичные эффекты при решении вербальных задач. Если они есть, то они должны подчиняться закономерностям организации языка. Большая группа вербальных инсайтных задач построена на принципе разрешения языковой неоднозначности. Языковая неоднозначность – способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы (Зализняк, 2004). В семантике значение языковых единиц характеризуется как весьма сложная структура: она связана сложным образом с называемыми объектами действительности и имеет специальную организацию в целостной системе языка (Ушакова, Павлова, Зачесова, 1985). В нашем исследовании мы будем работать с задачами, построенными на разрешении лексической неоднозначности. Лексическая неоднозначность – свойство естественного языка иметь два или более значения для одного графического, фонетического или жестового выражения (Фёдорова, 2015). На разрешение лексической неоднозначности влияет контекст и частотность значений слова (Залевская, 1999).

Мы предполагаем, что трудность переключения с одного значения омонима на другое может меняться при использовании омонимов с разной частотой значений, что будет прослеживаться при решении серии задач. Предварительно частотность значений омонимов

* Работа выполнена при поддержке РФФИ проект № 15–06-07899а.

была определена в ходе опроса, в котором приняли участие 12 человек. Были отобраны 3 группы омонимов – равночастотные (50% опрошенных высказались в пользу каждого из значений – омонимы *коса, лук, кран*); омонимы с распределением частот 25 и 75% – *брак, переезд, зарядка, бой, скат;* а также омонимы с распределением частот 0–100% – *барашки, побег, каток, дождевик, ключ.* На основе отобранных омонимов составлено по 3 задачи каждого из 5 типов: 1) условие задачи содержит значение с 0% частотой, а ответ предполагает значение 100% частоты (тип «0–100»); 2) условие – 25% и ответ 75% (тип «25–75»); 3) условие 50% и ответ 50% (тип «50–50»); 4) условие 75% и ответ 25% (тип «75–25»); 5) условие 100% и ответ 0% (тип «100–0»).

Цель исследования: рассмотреть особенности разрешения лексической неоднозначности при решении серии вербальных инсайтных задач.

Общая теоретическая гипотеза: Если для инсайтного решения важна работа с репрезентацией, то при решении задач с лексической неоднозначностью на параметры решения будет влиять языковая особенность условия задачи – частотность употребления значений омонима. Если при решении задачи различная частотность значений будет влиять на трудность переключения с одного значения на другое, это будет отражаться в характере переноса функционального решения в серии задач – во времени решения и степени инсайтности.

Частные гипотезы

1. Перенос функционального решения в серии задач с частым значением омонима в условии и редким в ответе будет затруднен: различия во времени решения и степени инсайтности будут минимальны;
2. Перенос функционального решения в серии задач с редким значением омонима в условии и частым в ответе будет происходить без затруднений: будут наблюдаться изменения во времени решения и в степени инсайтности.

Операционализируя наши гипотезы, получим следующие утверждения:

1. Различия во ВР и степени инсайтности между 1 и 3 задачами в серии типа «частое–редкое» будут минимальны;
2. Будут наблюдаться значимые различия во ВР и степени инсайтности между 1 и 3 задачами в серии типа «редкое–частое».

В исследовании приняли участие 30 человек в возрасте от 17 до 33 лет (M=22,1, SD=3,84). Решение происходило посредством переписки в мессенджере по принципу задачи «да–нет». После решения каждой задачи испытуемый заполнял адаптированный опросник самооценки инсайтности решения (Владимиров, Павлищак, 2015). Регистрировалось время решения с сохранением протоколов.

Анализ и интерпретация результатов

1. Типы задач «редкое–частое» и «частое–редкое».

С помощью t-теста для связных выборок были выявлены значимые различия во ВР между 1 и 3 задачами серии типа «редкое–частое»: третья задача (M=45,5, SD=25,45) решалась быстрее, чем первая (M=641,5, SD=773,8), $t(12)=2,7$, $p=0,02$, $d=1,09$. В типе «частое–редкое» первая (M=303,1, SD=239,83) и третья (M=150,9, SD=165,1) задачи не различаются во времени решения $t(12)=1,5$, $p=0,17$, $d=0,74$. Инсайтность определялась несколькими отдельными параметрами – внезапность решения, ход мыслей при решении, наличие проб и плана при решении. По показателю внезапности решения выявлены значимые различия между 1 и 3 задачами серии типа «редкое–частое»: наблюдается снижение степени внезапности третьей задачи. В типе «частое–редкое» первая и третья задачи не различаются в степени внезапности. По параметрам хода мыслей при решении, наличия проб и плана при решении наблюдаются значимые различия между 1 и 3 задачами серии у обоих типов задач – к третьей задаче ход мыслей при решении не меняется; снижается необходимость проб и появляется план решения.

1) Внезапность: тип «редкое–частое» – первая (M=2,17, SD=1,38), третья (M=3,67, SD=0,89), $t(12)=2,83$, $p=0,016$, $d=1,29$. Тип «частое–редкое» – первая (M=2,75, SD=0,97), третья (M=3,0, SD=1,21), $t(12)=0,67$, $p=0,51$, $d=0,23$.
2) Ход мыслей: тип «редкое–частое» – первая (M=2,58, SD=1,08), третья (M=1,08, SD=0,29), $t(12)=4,78$, $p=0,001$, $d=1,9$. Тип «частое–редкое» – первая (M=2,58, SD=1,16), третья (M=1,5, SD=1,0), $t(12)=2,6$, $p=0,025$, $d=1,0$.
3) Пробы: тип «редкое–частое» – первая (M=1,91, SD=1,08), третья (M=3,41, SD=1,08), $t(12)=3,45$, $p=0,005$, $d=1,39$. Тип «частое–редкое» – первая (M=1,83, SD=0,83), третья (M=3,25, SD=1,22), $t(12)=4,92$, $p<0,001$, $d=1,36$.
4) План решения: тип «редкое–частое» – первая (M=3,38, SD=1,19), третья (M=1,25, SD=0,86), $t(12)=5,45$, $p<0,001$, $d=2,05$. Тип «час-

тое–редкое» – первая (M=2,58, SD=1,0), третья (M=1,25, SD=0,62), t(12)=4,0, p=0,002, d=1,6.

2. Типы задач «0–100», «25–75», «50–50», «75–25», «100–0».

При сравнении 1 и 3 задач с помощью T-критерия Вилкоксона выявлено значимое снижение ВР третьей задачи, по сравнению с первой, у типов «0–100»: первая (Mdn=744), третья (Mdn=38,5), Z=2,2, p=,03, r=0,9; «25–75»: первая (Mdn=167,5), третья (Mdn=49), Z=2,2, p=,03, r=0,9; «50–50»: первая (Mdn=121,5), третья (Mdn=47,5), Z=2,2, p=,03, r=0,9. Не наблюдается различий во ВР в типах «75–25»: первая (Mdn=175,5), третья (Mdn=105), Z=0,7, p=,46, r=0,28, и «100–0»: первая (Mdn=315), третья (Mdn=39), Z=1,1, p=,27, r=0,55. Таким образом, при решении серии задач типа «редкое–частое» наблюдается значимое снижение ВР и степени внезапности решения третьей задачи в сравнении с первой. Не наблюдается значимого снижения ВР и степени внезапности решения третьей задачи у типа «частое–редкое». У обоих типов к третьей задаче значимо меняется самооценка хода мыслей, появляется план решения и снижается необходимость совершать пробы при решении.

Можно сделать следующие *выводы:*

1. При решении задач с лексической неоднозначностью на параметры решения оказывает влияние частотность омонима.
2. Перенос функционального решения в серии задач с частым значением омонима в условии и редким в ответе затруднен, возможно, из-за необходимости подавления частотного значения омонима.
3. Перенос функционального решения в серии задач с редким значением омонима в условии и частым в ответе происходит без затруднений, возможно, из-за отсутствия необходимости подавления частотного значения.

Литература

Андерсон Дж. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.

Владимиров И. Ю., Павлищак О. В. Преодоление фиксированности как возможный механизм инсайтного решения // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 48–64.

Зализняк А. А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. Т. 2. С. 20–45.

Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А. Психологические исследования семантики речи // Психологические и психофизиологические исследования речи / Под ред. Т. Н. Ушаковой. М.: Наука, 1985. С. 45–66.
Федорова О. В. Типология референциальных конфликтов (экспериментальные исследования) // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. 2015. С. 635–675.

Психофизиология творчества и юмора

А. Ю. Лаврешина, Л. А. Дикая (*Ростов-на-Дону*)

Научный интерес к проблеме творчества, а также взаимосвязи его с юмором очень интересен и актуален. Немногочисленными оказываются исследования чувства юмора у творческих людей. В то же время имеется множество данных о том, что юмор и творчество тесно связаны.

Считается, что одним из первых на связь креативности и чувства юмора указал А. Кестлер (Koestler, 1964) Несоответствие, неожиданность, новизна – неотъемлемые составляющие юмора и в то же время являются атрибутами креативности, поэтому юмор часто рассматривается как один из видов креативности. Творчество и юмор основаны на одних и тех же приемах, используют одни и те же способы поиска результата, включают одни и те же этапы. Юмор, как и творчество, связан с нарушением логики на одном смысловом уровне и установлением логических связей на более высоком уровне абстракции, разрушением привычных контекстов и нахождением новых связей между явлениями.

В ЭЭГ-исследованиях, которые на сегодняшний день преобладают при изучении мозговых коррелятов творческой активности человека из-за своего высокого временного разрешения, достаточно часто представлены результаты о доминировании альфа-активности, синхронизации и локализации этих факторов во фронтальных, задних или височных отделах коры полушарий. Связь креативного мышление и альфа-синхронизация может быть объяснена одаренностью, индивидуальными особенностями и полом (Дикая, Дикий, 2015).

Юмор проявляется в творчестве людей с психическими расстройствами. Он получил название «искусство аутсайдеров». Этот термин ввел Р. Кардинал: «Искусство аутсайдеров – это художественное творчество, практикуемое теми, кто по социальным или психо-

логическим причинам отказывается он нормальной коммуникации и дает свободу своим импульсам в ущерб всякому общественному признанию» (Мартин, 2009). Что касается связи разных видов юмора с клиническими проявления, то более тяжелую психическую патологию можно охарактеризовать преобладанием разрушительного, «черного» юмора. Изучение сходства и различий психофизиологических коррелятов творчества и юмора в контексте психических расстройств может иметь диагностические и прогностические цели. Психиатры в своей практике используют способность (или неспособность) больного адекватно реагировать на шутку в качестве диагностического критерия. В психотерапевтической практике также отмечается позитивная роль юмора в процессе терапии и высокая эффективность психотерапевтов, обладающих чувством юмора.

Поиску универсальных для творчества мозговых коррелятов, независимо от сферы деятельности его субъекта, во много может способствовать исследование других сложных форм психической активности, схожих с творческой. На наш взгляд, такой формой психической активности, схожей с творческой и по своим психологическим механизмам близкой инсайту, может выступать юмор.

Целью проведенного исследования стало изучение ЭЭГ-коррелятов юмора и инсайта. В эмпирическом исследовании приняли участие 78 студентов Южного федерального университета, имеющих опыт создания произведений сферы искусства (стихотворений, музыкальных произведений, живописи), средний возраст – 23 года, из них 38 мужчин и 40 женщин. В качестве гипотезы выступило предположение о потенциальном сходстве функциональных систем мозга, обеспечивающих генерирование юмора и инсайта. В исследовании использован метод ЭЭГ, выбор которого определялся его хорошим временны́м разрешением. Регистрация ЭЭГ осуществлялась в 64 отведениях монополярно с двумя референтами при помощи многоканального электроэнцефалографа Нейровизор-136 («МКС», Россия). Сопротивление электродов не превышало 20 кОм.

Для анализа выбирались 5-секундные безартефактные отрезки ЭЭГ, на каждом из которых усреднялись значения коэффициента когерентности (КК) для каждого испытуемого в следующих частотных диапазонах: тета (4–7,5 Гц), альфа (7,5–13,5 Гц), бета (13,5–35 Гц) и гамма (35–70 Гц).

Для статистической обработки данных применялся сравнительный post hoc анализ с использованием критерия Фишера (Fisher LSD). Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 12.0.

Выводы

1. В результате проведенного исследования выделены когерентные связи, наиболее выраженные при нахождении оригинального и смешного решения (на примере друдлов) инсайтным и неинсайтным способами. Это внутри- и межполушарные когерентные связи в передних, преимущественно префронтальных, и в задних, преимущественно окципитальных, отделах коры головного мозга.
2. Во всех исследуемых частотных диапазонах выраженные когерентные связи в префронтальных отделах коры правого полушария отличают не инсайтный способ решения от инсайтного.
3. Инсайтное решение от неинсайтного отличают выраженные когерентные связи в затылочных отделах коры правого полушария во всех исследуемых частотных диапазонах, а также в затылочных отделах коры левого полушария в высокочастотных диапазонах.
4. Когерентные связи в префронтальных отделах коры правого полушария и межполушарные связи в затылочных областях коры мозга в низкочастотных диапазонах, а также в задних отделах коры каждого из полушарий мозга во всех исследуемых диапазонах выражены при инсайтном как оригинальном, так и юмористическом решении. На этом основании можно заключить о сходстве этих ЭЭГ-коррелятов творчества и юмора.
5. Различия этих ЭЭГ-коррелятов проявляются в том, что специфичными для генерирования юмора инсайтным способом оказались затылочные области правого полушария.

Литература

Дикая Л. А., Дикий И. С. Творческий мозг. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015.

Мартин Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009.

Koestler A. The act of creation. London: Hutchinson, 1964.

Защитно-совладающее поведение и личностные особенности курсантов в начале обучения в вузе

Е. В. Лапкина (*Ярославль*)

В последнее время увеличивается количество исследований, посвященных изучению защитной системы личности. Впервые данный термин был введен И. М. Никольской (Никольская, 2000). Автор описывает иерархичную защитную систему, каждый из уров-

ней которой определяет специфику ответа на стресс. Так, соматовегетативный уровень «реагирует» на стресс изменениями в работе систем организма (сердечно-сосудистой, эндокринной, пищеварительной, дыхательной и т. д.). Поведенческий уровень характеризует комплекс двигательных реакций организма (изменение частоты дыхания, моторной активности личности; мимики, пантомимики и т. д.). Психологическая защита, составляющая третий уровень иерархии, осуществляет ответ на стресс при помощи разнообразных интрапсихических механизмов защиты личности от тревоги. Защитные механизмы помогают человеку снизить внутреннее напряжение и эмоциональный комфорт в стрессовой ситуации, действуя в ущерб видения реального положения ситуации. Уровень совладания предполагает полное осознание личностью возникших трудностей, актуализацию опыта по преодолению подобных ситуаций, а также реализацию умений по преодолению. Перечисленные уровни защитной системы последовательно формируются в онтогенезе и одновременно функционируют у взрослой личности (Никольская, 2000, 2007). Описанный подход позволяет целостно объяснять поведение человека. Первая и вторая ступени защитной системы, действуя на уровне физиологических процессов, подготавливают ребенка к формированию психических механизмов преодоления стресса, являются их естественной основой. А поскольку «...в любом психическом явлении бодрствующего человека нет ничего, что было бы целиком и полностью осознанным, поскольку в нем же всегда есть и нечто неосознанное; вместе с тем в нем никогда нет и полностью бессознательного, поскольку хоть какие-то моменты частично всегда осознаются» (Брушлинский, 1994, с. 39), то противоестественным является искусственное разделение психологической защиты и совладания, ведь в реальном поведении человека эти явления слитны.

Предпринято исследование защитно-совладающего поведения курсантов военного вуза, а также связь психологической защиты и совладания с их личностными особенностями. Использованы следующие методики:

1. «Опросник проактивного совладающего поведения» (авторы – Greenglas, Schwarzer и Taubert, адаптирована Е. С. Старченковой в 2009 г.).
2. Опросник «Диагностика механизмов психологической защиты» Л. Ю. Субботиной.
3. Пятифакторный опросник личности (составитель Хийджиро Теуйн) в адаптации А. Б. Хромова.

Проактивное преодоление связано с рационализацией (r=0,35). Поскольку суть проактивного копинга сводится к накоплению общих ресурсов преодоления, активным целеполаганием, то использование защиты, связанной с осознанием и использованием в мышлении только той части информации, в соответствии с которой собственное поведение выглядит логичным, вполне естественно. Курсанты, в процессе постановки важных для себя целей, а также в процессе саморегуляции по достижению этих целей, опираются только на ту часть информации, которая в целом способствует вере в собственные силы, реализации значимых перспектив и т. д.

Формированию проактивного копинга способствует наличие таких личностных особенностей курсантов, как настойчивость (r=0,47), пластичность (r=0,34), контролирование (r=0,31), предусмотрительность (r=0,31), ответственность (r=0,29), теплота (в противовес равнодушию) (r=0,29), любопытство (r=0,29). Перечисленные качества условно можно разделить на две группы, где первая группа, включающая «теплоту» и «любопытство», будет отвечать за целеполагание (постановка эмоционально значимых целей, ценных для курсанта), саморегуляцию поведения. Другие же качества будут способствовать достижению поставленных целей (настойчивость, контролирование, предусмотрительность и т. д.).

Рефлексивное преодоление, включающее в себя оценку возможных стрессоров, анализ проблем и имеющихся ресурсов, генерирование предполагаемого плана действий, прогноз вероятного исхода деятельности и выбор способов ее выполнения достигается за счет подчинения ситуации собственной логике и игнорированию противоречивой части информации – отрицание (r=0,40), рационализация (r=0,34); акцентировании собственных сильных сторон – компенсация (r=0,35) и стремлении реализовывать собственные ресурсы в социально-одобряемом русле – сублимация (r=0,29). Копинг связан с настойчивостью (r=0,47), теплотой (r=0,42), контролированием (r=0,40), неартистичностью (r=0,40), пониманием (r=0,39), уважением других в противовес самоуважению (r=0,38). Имеющиеся корреляции с личностными особенностями указывают на роль социума в процессе рефлексивного преодоления, а точнее – понимания мотивов других людей; наличия близких взаимоотношений.

Стратегическое преодоление имеет ряд значимых корреляций со зрелыми защитами – с рационализацией (r=0,51); сублимацией (r=0,58); компенсацией (r=0,40). Данный вид копинга представляет собой процесс создания четко продуманного плана действий. Суб-

лимация и компенсация обеспечивают «мотивационно-энергетический пласт» планирования, основанный на реализации собственных сильных сторон и возможностей личности, постановке целей, ценных в социальном отношении, имеющих перспективу формирования себя как социальной активной личности. Рационализация способствует упорядочиваю информации при продумывании плана действий. Стратегическое преодоление имеет личностные корреляты – неартистичность (r=0,48), настойчивость (r=0,45), контролирование (r=0,40), практичность (r=0,40), теплота (r=0,39), предусмотрительность (r=0,33), консерватизм (r=0,31). Перечисленные качества помогают курсантам делить масштабные цели на подцели, управление достижением которых в рамках стратегического планирования становится более доступным.

Получение информации, советов и обратной связи от непосредственного социального окружения человека в период совладания со стрессами (поиск инструментальной поддержки) осуществляется путем подчинения субъективно трудной ситуации собственной логике – рационализация (r=0,43); разрешения проблемы социально-одобряемыми способами – сублимация (r=0,37). В целом же получение обратной связи, советов может быть направлено на выяснение собственных сильных сторон, в противовес слабым – компенсация (r=0,32), разрядке негативных эмоций и чувств – смещение (r=0,29).

Регуляция эмоционального дистресса путем разделения чувств с другими, поиск сочувствия и общения с людьми связана с рационализацией (r=0,47), отрицанием (r=0,39), компенсацией (r=0,33). Поиск эмоциональной поддержки связан с привязанностью (r=0,44), теплотой (r=0,43), пониманием (r=0,37), настойчивостью (r=0,36), нечувствительностью (r=0,36), поиском впечатлений (r=0,33), уважением других (r=0,30), ответственностью (r=0,32), контролированием (r=0,31), консерватизмом (r=0,32), неартистичностью (r=0,33). Полученный результат показывает, что, несмотря на потребность в разделенности переживаний с близкими людьми, поиска сочувствия, юноши не склонны окончательно выпускать эмоции из-под контроля. Поиск эмоциональной поддержки может стать основой завязывания близких отношений (привязанность, теплота) и их поддержания (ответственность, уважение других).

Остановимся на выводах.

Во-первых, практически все значимые связи обнаружены между зрелыми защитами (рационализация, компенсация, сублимация) и копингами. Исключение составил лишь незрелый механизм

отрицания, имеющий корреляции с рефлексивным совладанием, поиском эмоциональной поддержки, превентивным преодолением. Предполагаем, что отрицание, стремясь к игнорированию неприятной для личности информации, способствует становлению эмоционального копинга – регуляции эмоций и чувств в стрессе. Другие незрелые защиты (регрессия, формирование реакции, проекция) имеют только тенденции к обратной корреляции с проактивным совладанием.

Во-вторых, механизмы защиты, значимо связанные с проактивным совладанием условно можно отнести к двум группам: а) защиты, преобразующие информацию, подчиняющие ее собственной логике, либо игнорирующие ее (рационализация, компенсация, отрицание); б) защиты, способствующие постановке и реализации задач в социально-одобряемом русле (сублимация).

В-третьих, выявился ряд значимых связей между стратегиями проактивного совладания и личностными особенностями курсантов. Ведущее место в проактивном совладании занимают: настойчивость, неартистичность, контролирование, ответственность, предусмотрительность, теплота, уважение других, консерватизм, нечувствительность (в противовес сензитивности).

Полученные выводы являются промежуточным результатом лонгитюдного исследования защитно-совладающего поведения курсантов военного вуза.

Литература

Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.

Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2000.

Никольская И. М. Психология совладающего поведения в защитной системе человека // Психология совладающего поведения: Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. С. 52–54.

Психологическая коррекция нарушений зрительно-пространственной ориентации у детей с задержкой психического развития старшего дошкольного возраста

Е. В. Латышева (*Санкт-Петербург*)

В массовой школе дети с задержкой психического развития (ЗПР) часто испытывают сложности в овладении письмом, счетом, чтением из-за своих индивидуальных особенностей (эмоциональная лабильность, недостаток регуляции собственной деятельности, несформированность познавательной мотивации), что приводит к снижению эффективности образовательного процесса. Эта проблема делает необходимым раннюю диагностику ЗПР для дальнейшей психологической коррекции (Семаго, Семаго, 1999; Ахутина, Пылаева, 2008; Семенович, 2008).

При диагностике следует обратить особое внимание на сформированность пространственных представлений ребенка, так как они являются базой для формирования других психических функций в процессе онтогенеза (Семенович, 2008). Часто именно из-за нарушений зрительно-пространственного гнозиса у ребенка формируются другие отклонения в развитии. К сожалению, данное нарушение мало исследовано, что ограничивает возможности психологической коррекции высших психических функций (Семенович, 2008).

Т. В. Ахутиной и Н. М. Пылаевой была разработана программа психологической коррекции, направленная на развитие зрительно-пространственной ориентации (Ахутина, Пылаева, 2008). На данный момент еще не были проведены исследования, направленные на оценку эффективности данной программы, а также не составлены сопутствующие рекомендации. В связи с этим *целью* нашего исследования явилось составление рекомендаций по проведению программы психологической коррекции нарушений зрительно-пространственной ориентации Т. В. Ахутиной и Н. М. Пылаевой.

Мы предполагаем, что по окончании коррекционной работы дети будут эффективнее решать задачи, связанные со зрительно-пространственной ориентацией.

Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 103» компенсирующего вида Невского района г. Санкт-Петербурга. Были обследованы 5 детей (1 девочка и 4 мальчика; все правши) старшего дошкольного возраста 6 лет с задержкой психического развития. Помимо психолога, с детьми занимался специальный педагог и логопед.

Исследование проводилось в три этапа на протяжении 5 месяцев. На первом этапе была проведена первичная диагностика высших психических функций. На втором – психологическая коррекция нарушений зрительно-пространственной ориентации, занявшая три месяцев. На заключительном этапе проводилась повторная диагностика. Этапы диагностики в сумме заняли 2 месяца.

Психологическая диагностика проводилась с целью выявления нейропсихологических синдромов с помощью следующих методик:

- *Нейропсихологическая методика экспресс-диагностики «Лурия-90»* (Симерницкая, 1991). Методика предназначена для изучения высших психический функций у детей.
- *Праксис поз по зрительному и кинестетическому образцу* (Семенович, 2008). Методика направлена на изучение кинестетического праксиса у детей.
- *Перенос поз по кинестетическому образцу* (Семенович, 2008). Методика позволяет оценить сформированность межполушарных связей у детей.

Результаты исследования

При диагностике высших психических функций у всех детей была выявлена дефицитарность подкорковых образований и функциональная несформированность правого полушария.

В результате психологической коррекции у всех детей увеличился объем зрительной памяти, улучшились результаты отсроченного воспроизведения зрительных стимулов. Неизменным осталось воспроизведение заданного порядка зрительных стимулов, уменьшилось число побочных ассоциаций и персевераций, что говорит об улучшении функции регуляции и контроля над зрительной памятью. Мы предполагаем, что полученные положительные результаты обусловлены большим количеством заданий в программе Т. В. Ахутиной и Н. М. Пылаевой на зрительную память, например: «Рисунок по памяти», игра «Memory», «Складывание фигур по памяти».

Нами не были выявлены значительные изменения показателей феноменов зеркальных движений и восприятия пространственной конфигурации зрительных стимулов, а также качественной стороны рисунков (уменьшение дизметрий, схожесть с эталоном и т. д.). Мы предполагаем, что полученные результаты обусловлены недостаточным количеством заданий на ориентацию в пространстве, собственном теле и предметах относительно него. Большинство предложенных упражнений в коррекционной программе Т. В. Ахутиной и Н. М. Пылаевой предназначены для коррекции зрительной памяти.

Полученные результаты позволяют составить ряд рекомендаций для повышения эффективности программы психологической коррекции Т. В. Ахутиной и Н. М. Пылаевой.

Длительность занятий. Особенности детей с задержкой психического развития, а также возраст оказывают выраженное влияние на работоспособность ребенка. Поэтому длительность занятий составила 20–25 мин.

Перерывы. В ходе занятия следует делать перерыв и менять вид деятельности. Например, пальчиковая гимнастика или подвижные игры. Перерыв можно делать либо в середине занятия, либо перед выполнением последнего, так как именно на него ребенок затрачивает очень много сил.

Стимулирующие задания. Для увеличения интереса детей следует вводить соревновательные задания. Они стимулируют деятельность ребенка, способствуют лучшему закреплению навыков. Ошибки психолога при выполнении соревновательных заданий также положительно влияют на усвоение изученного, способствуют повышению концентрации внимания, вызывают у ребенка положительные эмоции. Соревновательные задания следует выполнять в конце занятия (желательно каждого занятия), когда у ребенка остается меньше энергии.

Право–левосторонняя ориентация. Если у ребенка возникают сложности в определении правой и левой стороны (руки, фигуры), следует отметить опознавательным знаком (красная ленточка, наклейка) левую или правую руку, что поможет ребенку ориентироваться в пространстве.

Ориентация в фигуре. Также прежде чем переходить к заданиям первого блока, необходимо обучить ребенка ориентации в сторонах и углах квадрата: верх–низ, право–лево, правый нижний угол, левый верхний угол, правый верхний угол и левый нижний угол. Многим детям это задание давалось с большим трудом.

Для *повышения эффективности* коррекционной работы следует дополнить предложенные методики.

1) Упражнения на улучшение ориентации в пространстве: «Что находится слева/справа/спереди/сзади от меня?», «Диспетчер и самолет».
2) Упражнения на ориентацию в собственном теле: «Ориентация в сторонах собственного тела ребенка», «Зеркало» и «Кривое зеркало».
3) Упражнения на ориентацию в предметах относительно своего тела: «Графический диктант», «Копирование фигур по клеткам»,

«Копирование фигур с изменением их размера», «Пространственно ориентированные изображения».

Таким образом, апробация программы психологической коррекции нарушений зрительно-пространственной Т. В. Ахутиной и Н. М. Пылаевой позволила выявить ее ресурсы и ограничения. Так, программа психологической коррекции оказывает положительное влияние на увеличение объема зрительной памяти, развитие регуляции и контроля зрительной памяти. У всех детей была выявлена положительная динамика по данным показателям. Однако на развитие зрительно-пространственной ориентации детей программа не повлияла, что связано, на наш взгляд, с недостаточным количеством заданий на развитие данной функции.

Для повышения эффективности программы психологической коррекции необходимо использование заданий, направленных не только на ориентацию на листе бумаги, но и в собственном теле, в пространстве; применение графических диктантов, а также срисовывание фигур в эталонном, уменьшенном и увеличенном форматах.

Литература

Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер, 2008.

Семаго Н. Я., Семаго М. М. Задержка психического развития: основные современные показатели // Школьный психолог. 1999. № 32. С. 26–31.

Семенович А. В. Введение в нейропсихологию детского возраста: Учеб. пособие. М.: Генезис, 2008.

Симерницкая Э. Г. Нейропсихологическая методика экспресс-диагностики «Лурия-90». М.: Знание, 1991.

Разработка и апробация методики комплексной диагностики психологического здоровья подростков

А. П. Лебедев (*Кострома*)

Всемирная организация здравоохранения в ходе исследования социальных детерминант здоровья и благополучия подростков, охватившего более 200 тысяч детей и подростков в возрасте 11–15 лет в 39 странах и областях мира, в том числе в России (Currie, 2012), пришла к следующим выводам. На данный момент большинство подростков не могут в полной мере развить свой потенциал здоровья,

несмотря на расширяющиеся возможности в этой сфере. С 11 до 15 лет ухудшается состояние физического здоровья, удовлетворенность жизнью и другие показатели психологического и социального благополучия. Доверительные отношения в семье, дружеские отношения со сверстниками и психологически комфортная школьная среда являются защитными факторами для психического и физического здоровья детей и подростков. Это обуславливает необходимость изучения психологического здоровья, как основы для сохранения психического здоровья, его первого периметра.

Психологическое здоровье охватывает область психического здоровья, характеризующуюся позитивным подходом к определению нормы, как максимума возможного благополучия, а также неклинические проявления неблагополучия, носящие не ярко выраженный характер. При изучении психологического здоровья рассматриваются самые разнообразные аспекты социальной, эмоциональной, регулятивной, личностной и др. сфер психического, разнообразные проявления неблагополучия (страхи, тревожность, проблемы с регуляцией поведения, агрессия, трудности социализации и т. д.). Это обеспечивает интеграцию знаний из различных областей, реализуя тенденцию к объединению и синтезу знаний, представлений, как противоположность аналитической модели, разделяющей целое на части, что приводит к утрате взгляда на психику как нечто целое, общее и взаимосвязанное. Однако методик, направленных на комплексное изучение психологического здоровья, и особенно специфики его развития в детском и подростковом возрасте, на данный момент почти нет (Козлов, 2014; Лебедев, 2016).

Цель данной работы – теоретическое обоснование и разработка методики для изучения психологического здоровья подростков.

Гипотеза: разработанная методика комплексной диагностики психологического здоровья подростков обладает согласованностью, надежностью и конвергентной валидностью.

Теоретическим основанием для разработанной нами методики комплексной диагностики психологического здоровья подростков послужила идея Б. С. Братуся об уровнях (этажах) психического здоровья (Братусь, 1988). Кроме указанных Б. С. Братусем психофизиологического, индивидуально-психологического и личностно-смыслового уровня, мы рассматриваем социальный уровень психологического здоровья, который выходит непосредственно за рамки индивида в сферу социальных отношений и является результатом развития трех нижележащих уровней. Нами были выделены показатели и маркеры психологического здоровья подростков для каждо-

го из уровней, с описанием сохранного и нарушенного проявления. В составе индивидуально-психологического уровня были выделены два компонента: регулятивный компонент и эмоциональное благополучие. К ним добавлены личностно-смысловой и социальный компонент, характеризующие одноименные уровни. На основе данных показателей были составлены задания методики, составлена информативная система подсчета баллов, выделены статистические нормы по шкалам и общему показателю методики. Выделены дифференциальные показатели нарушения психологического здоровья.

Организация исследования. В исследовании приняли участие 60 учеников общеобразовательных школ г. Костромы в возрасте от 14 до 16 лет, средний возраст – 15,5 лет, среди них 32 мальчика, 28 девочек.

Методика комплексной диагностики психологического здоровья подростков включает в себя 4 шкалы, по три вопроса в каждой: регулятивный компонент, эмоциональное благополучие, личностно-смысловой компонент, социальное благополучие. В каждой шкале по три утверждения, которые можно оценить от 1 до 7 баллов, т. е. континуум, полюсами которого являлись отклонение (1 балл), и благополучие относительно данного показателя (7 баллов). По каждой шкале высчитывался коэффициент сохранности (благополучия) данного компонента – сумма баллов по данной шкале делится на максимальное количество баллов (т. е. на 21). Например, если испытуемый набирает 15 баллов по шкале эмоционального благополучия, то в соответствии с формулой, его коэффициент эмоционального благополучия – 0,71. Максимально возможный коэффициент равен 1, а минимальный 0,14. Кроме того, в методику входят три вопроса на дифференцировку отклонений, которые представляют не числовой показатель благополучия/неблагополучия, а склонность к тому или иному типу отклонения. Среди них дифференцировка пониженной и повышенной активности, аккомодативного и ассимилятивного стиля поведения в конфликте, а также склонности к заниженной или завышенной самооценке. Данная методика обладает качествами, необходимыми для скрининговой диагностики: быстрота и простота проведения, широта и комплексность диагностики охватываемых явлений, ясность полученных результатов.

Для проверки валидности и эффективности методики в исследовании также использовались: методика «Диагностика интерактивной направленности личности (Н. Е. Щуркова, в модификации

Н. П. Фетискина, 2002); Методика «Сильные стороны и трудности» Р. Гудмана (в адаптации Н. Б. Семеновой, Т. Ф. Мартыновой, 2012); методика «Изучение социально-психологической адаптации ребенка в школе» Э. М. Александровской; Методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева, 2002).

Результаты

Исследование показало очень высокую внутреннюю согласованность шкал методики. Все четыре шкалы положительно коррелируют между собой (в диапазоне от R=0,319, p<0,013 до R=0,428, p<0,001). Коэффициент α Кронбаха равен 0,70, с учетом гетерогенности изучаемого явления и широты входящих в него показателей даже внутри одной шкалы. Показатели нашей методики также коррелируют со шкалами других методик (конвергентная валидность). Так, например, регулятивный компонент отрицательно коррелирует со шкалой проблем с поведением ССТ (R=–0,538, p<0,000), т. е. чем более развита регуляция (регулятивный компонент), тем реже встречаются проблемы с поведением подростков. Также этот компонент положительно коррелирует с усвоением знаний (R=0,293, p<0,033) и поведением на уроке (R=0,290, p<0,035), для которых саморегуляция играет важную роль. Шкала личностно-смыслового компонента отрицательно коррелирует с эгоистическими интересами (R=–0,520, p<0,000), положительно коррелирует с просоциальной шкалой (R=0,291, p<0,033). Шкала социального компонента положительно коррелирует с показателем «Сотрудничество и взаимодействие» (R=0,303, p<0,026), с просоциальной шкалой (R=0,305, p<0,025), с одобряемым поведением на перемене (R=0,355, p<0,009), и отрицательно с «эгоистическими интересами» (R=–0,462, p<0,000).

Шкала эмоционального благополучия отрицательно коррелирует с проблемами поведения (R=–0,385, p<0,004), со шкалой эмоциональных симптомов (R=–0,258, p<0,060), и положительно с правильным поведением на уроке (R=0,289, p<0,036). По дифференциальным показателям методики наблюдается тенденция к адекватной самооценке, средним показателям активности и конструктивного стиля поведения в конфликте.

С помощью факторного анализа выделено 4 фактора (на них приходится 65% доли общей дисперсии; мера Кайзера–Майера = 0,63 при p<0,000), но их содержание не совпадало с выделенными уровнями психологического здоровья. Это связано с тем, что опре-

деленные тенденции пронизывают несколько уровней, что видно на примере фактора, который можно назвать «социальной ориентированностью», его еще можно назвать «внешним» (на этот фактор приходится 16,4% общей дисперсии). В него входит ориентация на общее благо, просоциальность (ЛСК), ориентация на сотрудничество (СК) и эмпатия, эмоциональная поддержка (ЭМБ). Этот фактор проходит сквозь индивидуально-психологический (ЭМБ), личностно-смысловой (ЛСК) и социальный уровень (СК) при этом несет весьма определенную и цельную тенденцию. Та же ситуация с фактором, который можно назвать «внутренней цельностью» (на него приходится 19% общей дисперсии). В него входит настойчивость и способность к мобилизации (РК), самоконтроль и управление своим поведением (РК), адекватная самооценка (ЛСК) и положительный эмоциональный фон (ЭМБ), которые также пронизывают три уровня. Третий фактор (на него приходится 16% общей дисперсии) также связан с социальным благополучием, т. к. в него входят успешность обучения (СК), негативная стереотиризация (ЛСК), взаимодействие с коллективом, и эмпатия (ЭМБ). Четвертый фактор (на него приходится 13,7% общей дисперсии) объединяет в себе два дифференциальных показателя: гипоактивности и гиперактивности (ЭМБ), аккомодативного и ассимилятивного стиля поведения в конфликте (РК).

В итоге гипотеза исследования была подтверждена, полученные данные говорят о надежности, согласованности, конвергентной валидности методики и ее шкал. На следующем этапе исследования планируется более глубокая стандартизация методики, статистическая проверка ретестовой валидности и надежности, что позволит всесторонне изучить проблемы психологического здоровья.

Литература

Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.

Козлов А. В. Методика диагностики психологического здоровья // Перспективы науки и образования. 2014. № 6 (12). С. 110–117.

Лебедев А. П. Адаптивное поведение как показатель психологического здоровья детей дошкольного возраста // Сборник тезисов участников форума «Наука будущего – наука молодых». Казань, 2016. Т. 1. С. 144–147.

Currie C. et al. Social determinants of health and well-being among young people // Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2009/2010 servey. 2012. P. 271.

Нравственная направленность личности студентов с различными типами жизненных ориентаций

Р. В. Лебедева (*Санкт-Петербург*)

В сложившихся социально-экономических условиях становится важным и актуальным изучение особенностей нравственной сферы личности современной молодежи. Важно, чтобы потенциал субъектности молодого человека, его социальная активность реализовывались в социально-позитивном направлении. В связи с этим возникает вопрос о взаимосвязи жизненных ориентаций личности и ее нравственной направленности, который в настоящее время мало изучен.

Нравственная направленность личности проявляется в определенных жизненных ситуациях, требующих актуализации и конкретного внешнего проявления нравственных и моральных качеств в действиях и поступках (Веселова, 2002).

Нравственная направленность проявляется в таких личностных качествах, как осознание моральной необходимости исполнения социальных и личностных норм, а также в способности индивида адекватно воспринимать справедливую оценку другими совершаемых им поступков; в оценивании собственных действий с позиций гуманности и в соответствии с голосом совести (Веселова, 2002).

Морально-этическая ответственность личности в работе Тимощука включает в себя оценку рефлексии на морально-этические ситуации (моральная рефлексия или рефлексия, актуализирующаяся в ситуациях, связанных с морально-этическими коллизиями и конфликтами); оценку выраженности интуиции в морально-этической сфере (моральная интуиция); оценку экзистенциального аспекта ответственности (ответственность человека за моральные поступки и его моральный выбор); оценку альтруистических эмоций в поведении; оценку морально-этических ценностей личности (Тимощук, 2009).

Как показали исследования, наличие эмпатии отражает уровень развития навыков взаимодействия с людьми, которое обязательно включает нравственные аспекты. Методика Меграбяна позволяет проанализировать общие эмпатические тенденции личности, такие как уровень выраженности способности к эмоциональному отклику на переживания другого и степень соответствия/несоответствия знака переживаний объекта и субъекта эмпатии.

Просоциальные тенденции в поведении – это совокупность содержательных и динамических характеристик личности, определя-

ющих склонность к оказанию помощи окружающим и готовность приносить пользу другим людям и обществу в целом (Веселова, 2010). Зарубежные исследователи Gustavo Carlo и Brandy A. Randall (2002) утверждают, что просоциальное поведение – это многогранная, неоднородная структура, которая может быть детализирована в различных просоциальных поступках через разнообразные контексты (чрезвычайная ситуация, эмоциональные, или анонимные ситуации) и мотивы (альтруистический или гедонистический). На этом основании авторы идентифицировали шесть различных типов просоциального поведения: уступчивый тип (оказание помощи, когда просят), публичный тип (оказание помощи, чтобы другие видели), анонимный тип (помогающий анонимно), экстренный тип (помогающий в чрезвычайных ситуациях), эмоциональный тип (помогающий в эмоциональных ситуациях), и альтруистический тип (помогающий без ожидания награды) (Carlo, 2003).

Степень субъектной включенности в жизнедеятельность, понятая посредством анализа взаимодействия человека с жизненными ситуациями, характеризует меру зависимости внутреннего мира личности от внешней жизненной ситуации. Субъект-объектные ориентации личности в жизненных ситуациях являются тем понятием, с помощью которого можно описать направление реализации потенциала субъектности человека (Коржова, 2002).

Цель статьи состоит в изучении нравственной направленности личности студентов с субъектными и объектными типами жизненных ориентаций. В качестве объекта изучения выступили молодые люди в возрасте 18–21 года (133 человек), обучающиеся в вузах Республики Саха (Якутия).

Предметом исследования выступила нравственная направленность личности молодежи с субъектными и объектными типами жизненных ориентаций.

Гипотеза исследования: нравственная направленность личности молодых людей с субъектными и объектными типами жизненных ориентаций будет иметь значимые различия по ряду показателей.

Вся выборка респондентов была разделена на две выборки по показателю типа ориентации в жизненных ситуациях: на субъектно- и объектно-ориентированных (по методике Е. Ю. Коржовой).

Как показали результаты по методике И. Г. Тимощука, рефлексия на морально-этические ситуации, экзистенциальная ответственность и моральные ценности более выражены у субъектно-ориентированных респондентов. Это можно объяснить предрасположенностью субъектно-ориентированных респондентов, которые обладают ин-

териоризованной субъектностью, к проявлению рефлексии, актуализирующуюся в ситуациях, связанных с морально-этическими коллизиями и конфликтами, наличием ценности в морально-этической сфере и ответственности за моральные поступки и моральный выбор.

Объектно-ориентированные респонденты отличаются внешним выражением взаимодействия человека с жизненной ситуацией и ее освоением (экстериоризованной субъектостью), поэтому у них показатели получились ниже. По методике Меграбяна мы получили, что эмпатия более выражена у объектно-ориентированных респондентов. Получается, что респонденты с объектным типом жизненной ориентации чаще проявляют эмоциональное сочувствие и сопереживание к людям, обладают способностями к эмоциональному отклику на переживания другого человека.

В результате исследования по методике Карло и Рендала, просоциальное поведение имеет тенденцию быть выраженным у объектно-ориентированных респондентов. Это можно объяснить детерминацией внешними жизненными событиями и ситуациями у данных типов личности, что предполагает просоциальную направленность поведения. Однако все респонденты чаще оказывают помощь, которая предполагает оказание помощи в экстренных и чрезвычайных ситуациях и тогда, когда люди просят о помощи.

По итогам результатов исследования, выявлены достоверные различия у типов личности в показателе «рефлексия на морально-этические ситуации». Это означает, что у студентов с субъектной жизненной ориентацией личности чаще актуализируется рефлексия в морально-этических ситуациях, которая предполагает наличие общей интернальности.

Так как публичный тип просоциального поведения предполагает оказание помощи при наличии окружающих, то респондентам с объектным типом жизненной ориентации больше необходима оценка действия со стороны других, и им необходимо знать мнение значимых для них лиц или общественного мнения в целом об их поступке, поэтому они чаще проявляют публичный тип просоциального поведения.

Кроме того, оказалось, что у респондентов с субъектным типом жизненных ориентаций альтруистические эмоции положительно коррелируют с моральной интуицией ($r=0,404$, $p\leqslant 0,01$). Это может говорить о наличии альтруистических эмоций при выраженности интуции в морально-этических ситуациях. Также выявлено, что тип альтруистического просоциального поведения у респондентов с субъектным типом жизненной ориентации положительно коррелирует с альтруистическими эмоциями при моральных поступках

(r=0,393, p⩽0,01), что предполагает проявление альтруистических эмоций при оказании бескорыстной помощи. Также тип альтруистического просоциального поведения у респондентов с субъектным типом жизненной ориентации положительно коррелирует с общей морально-этической ответственностью (r=0,433, p⩽ 0,01). Это можно объяснить тем, что респонденты, которые оказывают бескорыстную и благотворительную помощь без личной выгоды склонны обладать более высокой морально-этической ответственностью.

У респондентов с объектным типом жизненной ориентации, эмпатия положительно коррелирует с уступчивостью (r=0,376, p⩽0,01), что объясняет их склонности, когда объектно-ориентированные типы респондентов идут на уступки при оказании помощи, то это чаще происходит в момент эмоциональной отзывчивости и сочувствия нуждающимся.

Таким образом, можно сказать, что нравственная направленность личности студентов вуза с субъектными и объектными типами жизненных ориентаций имеет свои особенности.

Литература

Веселова Е. К. Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.

Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002.

Тимощук И. Г. Семантика понятия ответственность в дискурсах по психоанализу и клиент-центрированной психотерапии // Актуальні проблеми практичної психології. Збірник наукових праць. Ч. 2. Херсон: ПП Вишемирський В. С., 2009. С. 484–498.

Carlo G., Hausmann A., Christiansen S., Randall B. A. Sociocognitive and behavioral correlates of a measure of prosocial tendencies for adolescents // The journal of early adolescence. 2003. V. 23. P. 107–134.

Эмоции предвосхищают сознание в инсайтных задачах*

А. А. Лебедь (*Newark, DE, USA*), *И. Ю. Владимиров* (*Ярославль*)

Ежесекундно каждый человек обрабатывает огромное количество информации, необходимой для выполнения самых различных задач: начиная от тривиального учета баланса и гравитационного воздействия при совершении шагов и заканчивая сложными про-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-06-00954 а.

цессами оценки последствий при совершении важных решений. При этом сознательная обработка всего этого массива данных не всегда возможна, потому что вычислительные мощности сознательной обработки информации весьма ограничены в объеме (Kahneman, 2003). Инсайтные задачи представляют особый интерес в этом контексте, потому что их решение (или инкубация этого решения) сокрыты от сознания и метакогнитивной оценки, потому что, судя по всему, протекают по большей части неосознанно (Metcalfe, Wiebe, 1987). Сам момент инсайта (ага-реакция), однако, характеризуется высокой осознанностью – испытуемые четко и ясно видят перед собой ответ и предполагаемый способ его достижения. Остается вопрос, каким же образом неосознанно перерабатываемая информация переходит в сознание, какие механизмы этому способствуют и это регулируют.

Одна из существующих моделей инкубации инсайта предполагает, что нахождение нужной мысли или идеи, приводящей к решению инсайтной задачи, градуально (Sio, Rudowicz, 2007). Неосознаваемая поисковая активность в семантических сетях выливается в постепенное накопление активации нужных ее участков. Когда достаточно активации было накоплено, мысль естественным образом превышает порог сознания и всплывает в виде ага-эффекта. В данном эксперименте мы проверили, подчиняется ли еще не осознанная идея закономерностям, наблюдаемых в других исследовательских парадигмах неосознаваемых стимулов. Так, эффект простого предъявления характеризуется тем, что ранее предъявленный стимул при повторном предъявлении чаще предпочитается испытуемыми, чем незнакомый новый стимул (Zajonc, 1968). Таким образом, если испытуемые при решении инсайтных задач действительно бессознательно работают с искомым ответом еще до того, как этот ответ активируется достаточно для его осознания, предъявляя ответ, мы можем ожидать, что испытуемые будут проявлять эффект простого предъявления – а именно эмоционально предпочитать ответ контрольному слову.

Метод

Выборку составили 32 испытуемых – учащиеся Университета Западного Иллинойса, получившие бонус к академической успеваемости в качестве вознаграждения. Шесть из них не следовали инструкциям в достаточной мере и/или не решили достаточное количество тестовых заданий и поэтому были исключены из обработки. Таким образом, окончательную выборку составили 26 испытуемых.

Для проверки гипотезы была разработана процедура, в которой испытуемые решали задания, основанные на тесте отдаленных ассоциаций Медника, подобранных из нормативной базы таких заданий по уровню сложности. 30 таких задач было предложено испытуемым для решения. Для того чтобы выяснить, предпочтут ли испытуемые правильный ответ контрольному слову, незадолго до предполагаемого решения, испытуемым предъявлялись два слова (по одному за раз, в случайном порядке) на 16 мс (сублиминально, для того чтобы не дать ответ к задаче и не прекратить его поиск) – одно из которых было ответом, а второе – контрольным словом с равным аффективным рейтингом. Испытуемым предлагалось ответить, нравится ли им или не нравится каждое из предъявленных слов. Разница между предпочтением контрольного слова и ответом была высчитана для каждого испытуемого (усреднено по всем задачам).

Результаты и интерпретация

Различия между эмоциональным предпочтением контрольного слова и решения были подсчитаны с помощью парного t-теста. Результаты показали, что испытуемые отвечали, что им нравится слово-решение куда чаще, чем контрольное слово $t(25)=2{,}55$, $p=0{,}017$, $d=1{,}04$.

Таким образом, мы можем предполагать, что даже до того, как испытуемые осознают ответ и могут его вербализовать, их эмоции уже способны дифференциировать между ответом и случайным словом. В каком-то смысле это показывает, что эмоции опережают сознание при решении инсайтных задач.

Эти результаты заставляют задуматься о роли эмоций при решении инсайтных задач и творчестве в целом. Анализ результатов позволяет выдвинуть две возможные интерпретации. Возможно, эмоции направляют бессознательную обработку в сторону предполагаемого решения. Возможно, эмоции служат своеобразной приманкой для сознания, указывая вниманию, где предположительно находится ответ в семантических сетях и, тем самым, заставляя решателя чутко прислушаться к своей интуиции, которая осуществляла поисковую деятельность. Для проверки достоверности данных предположений и сравнения их объяснительной способности планируется провести дополнительные исследования.

Литература

Kahneman D. Maps of bounded rationality: Psychology for behavioral economics // The American economic review. 2003. V. 93 (5). P. 1449–1475.

Metcalfe J., Wiebe D. Intuition in insight and noninsight problem solving // Memory & cognition. 1987. V. 15 (3). P. 238–246.
Sio U. N., Rudowicz E. The role of an incubation period in creative problem solving // Creativity Research Journal. 2007. V. 19 (2–3). P. 307–318.
Zajonc R. B. Attitudinal effects of mere exposure // Journal of personality and social psychology. 1968. V. 9 (2, part 2). P. 1.

Речевое опосредствование в развитии невербального воображения детей старшего дошкольного и младшего школьного возрастов

А. А. Леонтьева (*Москва*)

Актуальность темы исследования обусловлена неослабевающим интересом научного сообщества к изучению интермодальных механизмов творческого воображения. Обращение к психологии развития в детском возрасте позволяет получить новые факты и обнаружить определенные новообразования в процессе речевого опосредствования, способствующего обобщению на образном уровне и возможности самовыражения в продуктивной деятельности.

В отечественной традиции считается, что механизмы воображения не предопределены, а развиваются постепенно в процессе овладения ребенком различными видами деятельности на основе творческой комбинации образов и многозначности их речевого толкования, реализуемой в рисунках. Так, В. В. Давыдов определяет воображение как образное видение целого раньше частей, перенос функции с одного предмета на другой. Его ученик и последователь – В. Т. Кудрявцев (2001) добавляет к этим характеристикам еще одну – смысловой реализм – умение гибко совмещать реальный и идеальный планы ситуаций. Многие исследователи, уделяя внимание развитию воображения детей 6–7 лет, связывают его с созданием предпосылок для более продуктивной учебной деятельности, снижением эмоционального напряжения, улучшением коммуникативных навыков (Дьяченко, 2008; Doron, 2016).

К особенностям вербального детского воображения дошкольников исследователи относят хаотичность возникающих образов, невозможность подчинить их порядку, словесно заданной теме, реалистичность. У детей развиваются два вида воображения: в большей степени воссоздающее, репродуктивное и в меньшей – творческое

как комбинация новых образов, требующих отбора материала в соответствии с замыслом.

С приходом в школу у ребенка происходит значительное расширение образного и вербального опыта. Основная линия в развитии детского воображения заключается в переходе к более правильному и полному отражению окружающей действительности, при этом произвольное комбинирование образных представлений постепенно сменяется на словесно и логически аргументированное, что в большей мере сказывается на развитии вербального воображения (Кириллова, 1971; Пороцкая, 1992).

Проведенный теоретический анализ исследований позволил обнаружить значительную роль образных и речевых средств в развитии воображения в детском возрасте, его не спонтанный характер, однако, остается недостаточно изученной возрастная специфика становления характерных особенностей воображения и средств его развития в наиболее сензитивных периодах – в дошкольном и в младшем школьном возрастах.

Целью предварительного исследования явилось сравнительное изучение особенностей развития воображения – его структуры – соотношения вербального и невербального компонентов у детей старшего дошкольного и младшего школьного возрастов.

В пилотном исследовании приняли участие 60 детей подготовительных групп детских садов № 345, 437, 470 и 1-х классов школы № 587 г. Москвы: 33 девочки (M=6,4; SD=0,6) и 27 мальчиков (M=6,6; SD=0,7).

В работе использовались следующие методики диагностики развития структуры воображения: 1) образный тест дивергентного мышления – субшкалы: беглость, гибкость, оригинальность, разработанность, название для оценки невербального и вербального воображения (F. Williams, модификация Е. Е. Туник); 2) методика на вербальном материале – «Сочинение сказки» (О. М. Дьяченко); 3) математические методы обработки данных: описательная статистика, применение непараметрических критериев: U-критерий Манна–Уитни для двух независимых выборок; r-критерий ранговой корреляции Спирмена.

В ходе исследования был обнаружен низкий уровень развития вербального воображения в выборке старших дошкольников и младших школьников, а также низкий уровень развития невербального воображения в выборке старших дошкольникови нормативные значения у детей младшего школьного возраста. Для преимущественного количества детей 6–7 лет характерны ригидность и ограниченность образов воображения заданными схемами, предпочтение

банальных идей оригинальным, импульсивность в процессе выполнения заданий, малая информированность.

Сравнительный анализ показателей распределения значений по методикам у дошкольников и младших школьников выявил, что:

- по уровню развития вербального воображения нет достоверных статистических различий в выборке между группой старших дошкольников и младших школьников ($p>0,05$; U-тест Манна–Уитни, $N=60$);
- по уровню развития невербального воображения нет достоверных статистических различий в выборке между группой старших дошкольников и младших школьников ($p>0,05$; U-тест Манна–Уитни, $N=60$).

Между показателями развития вербального и невербального воображения в выборке детей 6–7 лет отсутствует значимая корреляционная взаимосвязь ($p>0,05$; r Спирмана, $N=60$). Данные результаты свидетельствуют о том, что способность детей 6–7 лет к построению словесных образов новых предметов и явлений не связана с их умением создавать невербальные (рисуночные) образы объектов.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что линии развития вербального и невербального воображения идут раздельно, между тем некоторые исследователи (Пороцкая, 1992; Дьяченко, 2008), характеризуя соотношение слова и образа у дошкольников, показывают сформированную систему их связи, поэтому остается пока неясным, при каких условиях речевое и образное опосредствование начинает влиять на творческую активность ребенка.

Серьезное научное и практическое значение имеют малоизученные вопросы о влиянии процесса вербализации и обобщения при создании творческих образов, описании механизмов словесного опосредствования с целью грамотного руководства взрослыми творческими проявлениями детей.

Предполагается, что целью основного исследования может стать изучение типологии возрастных возможностей опосредующей роли слова, вербального обобщения в структуре образного компонента творческого воображения в дошкольном и младшем школьном возрасте в условиях сотрудничества ребенка и взрослого.

Литература

Дьяченко О. М. Воображение дошкольника. М.: Эксмо, 2008.

Кириллова Г. Д. Развитие воображения у детей младшего дошкольного возраста: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1971.

Кудрявцев В. Т. Воображение ребенка: природа и развитие // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 57–68.
Пороцкая Е. Л. Роль вербальных средств в развитии воображения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.
Doron E. Short Term Intervention Model for Enhancing Divergent // Creativity Research Journal. 2016. V. 28. P. 372–378.

Самооценка исполнительского мастерства младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой, с разным уровнем тревожности

А. Р. Линкевич (*Санкт-Петербург*)

Для спортсмена важно уметь адекватно оценивать себя, свои возможности для того, чтобы его ожидания соответствовали результату. Адекватно оценивая себя, спортсмен может грамотно распределить свои силы на соревнованиях, спланировать дальнейший путь развития, осознать, к чему ему стоит стремиться. Для спортсмена важно уметь оценивать как свои личностные качества, так и свои спортивные качества, умения и навыки. Для оценки таких качеств мы используем понятие «исполнительское мастерство». Под исполнительским мастерством Е. А. Поздеева и Г. Н. Пшеничная понимают умение искусно выполнять соревновательные упражнения; умение показать физические, спортивно-технические возможности и передать их в художественном оформлении при выполнении упражнения в целом (Поздеева, Пшеничная, 2013). Под самооценкой исполнительского мастерства, в нашем исследовании, мы понимаем способность человека составить определенное суждение о своем качестве исполнения различных элементов, упражнений, программ, а также об овладении качествами спортсмена, необходимыми для достижения результата, которые характерны для конкретного вида спорта. По нашему мнению, для успехов и результативности в спортивной деятельности индивид должен обладать адекватной или относительно высокой самооценкой исполнительского мастерства.

Также, по нашему мнению, особое место среди важных личностных качеств младшего школьника занимает личностная и ситуативная тревожность, и, к сожалению, в последние время она все чаще выступает в роли устойчивого новообразования и негативно влияет на личностные характеристики и протекание некоторых психических процессов. Изучение тревожности спортсмена довольной

актуальный аспект деятельности тренера и спортивного психолога, так как это напрямую взаимосвязано с достижениями спортсмена.

Таким образом, актуальность нашего исследования связана с изучением самооценки исполнительского мастерства спортсменов и тревожности спортсменов, которые напрямую взаимосвязаны с достижениями спортсмена. Обладая адекватной самооценкой и нормальным уровнем личностной и соревновательной тревожности, спортсмен сумеет достичь более высоких результатов.

Целью исследования являлось изучение особенностей самооценки исполнительского мастерства младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой, с разным уровнем тревожности.

В ходе исследования нами была выдвинута гипотеза о том, что самооценка исполнительского мастерства младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой, взаимосвязана с уровнем их тревожности: чем выше самооценка исполнительского мастерства, тем ниже уровень тревожности.

В исследовании приняли участие спортсмены, занимающиеся спортивной аэробикой в Детско-юношеской спортивной школе № 2 Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга, 26 девочек. Возраст участников группы – 6–10 лет.

Для подтверждения данной гипотезы были использованы следующие методики: методика измерения самооценки (Т. Дембо–С. Я. Рубинштейн, адаптация А. М. Прихожан), методика измерения самооценки исполнительского мастерства (на основе методики измерения самооценки Т. Дембо–С. Я. Рубинштейн), экспертная оценка исполнительского мастерства, оригинальная шкала соревновательной личностной тревожности (СЛТ) (Р. Мартенс), шкала явной тревожности CMAS (адаптация А. М. Прихожан). Для обработки полученных результатов использовались методы математической статистики: методы первичной статистики, сравнительный анализ, корреляционный анализ.

Мы исследовали самооценку и самооценку исполнительского мастерства младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой. Согласно полученным результатам, все показатели самооценки и самооценки исполнительского мастерства младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой, кроме артистизма, находятся в пределах нормы, что является наиболее благоприятным с точки зрения личностного развития.

Также мы провели сравнительный анализ самооценки и экспертной оценки уровня исполнительского мастерства младших

школьников, занимающихся спортивной аэробикой. Средний общегрупповой показатель самооценки исполнительского мастерства спортсменов, занимающихся спортивной аэробикой выше оценки тренера по всем качествам, кроме отжимания. Самую низкую оценку тренера мы обнаружили по шкале «угол», можно предположить, это связано с тем, что угол является самым сложным элементом из представленных для оценивания. Нами были обнаружены достоверно значимые различия между самооценкой и оценкой тренера по таким показателям, как: прыжок группировка, базовые шаги, артистизм, отжимание, удержание упора углом. Это говорит о том, что нужно проводить специальную работу, чтобы сблизить данные оценки, поскольку рассогласование может привести к конфликту во взаимоотношениях между тренером и спортсменом.

Мы исследовали уровень личностной и соревновательной тревожности младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой. Согласно полученным нами результатам средний общегрупповой показатель уровня тревожности и уровня соревновательной тревожности аэробистов находится на нормативном уровне, что свидетельствует о нормальном уровне их тревожности, который является необходимым для их адаптации и продуктивной деятельности. Средний общегрупповой уровень социальной желательности не превышает границы допустимого.

Согласно полученным данным сравнительного анализа, существуют достоверные значимые различия по 7 показателям у детей с разным уровнем личностной тревожности и по 10 показателям у детей с разным уровнем соревновательной тревожности. Исходя из этих различий можно сделать вывод о том, что менее тревожные дети, понимают, что ждет от них взрослый человек, что необходимо сказать ему, чтобы не вызвать неприятностей (выше уровень социальной желательности), а также они высоко оценивают свою доброту, что является подтверждением того, что они умеют ладить с другими людьми. Интересным также является тот факт, что дети с низким уровнем личностной и соревновательной тревожности оценивают себя как более гибких и способных к качественному и длительному удержанию упора углом, что является показателем высокой устойчивости к физическим нагрузкам.

Мы провели анализ корреляционных взаимосвязей, обнаруженных нами в ходе исследования. Нами были обнаружены 25 различных взаимосвязей (16 отрицательных и 9 положительных). Основные выводы, которые можно сделать, – это:

1) чем выше уровень личностной тревожности у младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой, тем выше уровень их соревновательной тревожности;
2) чем выше уровень личностной тревожности у младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой, тем ниже самооценка себя как умелого, умного и доброго;
3) чем выше личностная и соревновательная тревожность у младшего школьника, занимающегося спортивной аэробикой, тем ниже самооценка себя как гибкого и чувствующего ритм;
4) чем выше уровень личностной и соревновательной тревожности младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой, тем выше их предсоревновательный страх неудачного выступления, выше напряжение перед соревнованиями и выше уровень сердцебиения перед соревнованиями;
5) чем более гибким считает себя младший школьник, занимающийся спортивной аэробикой, тем меньше он боится неудачи перед соревнованиями, бывает напряжен перед соревнованиями, и тем в меньших проявлениях он наблюдает у себя учащенное сердцебиение перед соревнованиями;
6) чем выше юный аэробист оценивает свою доброту, тем меньше он боится неудачи перед соревнованиями.

Наша гипотеза о том, что самооценка и самооценка исполнительского мастерства младших школьников, занимающихся спортивной аэробикой, взаимосвязаны с уровнем их тревожности, подтвердилась. Чем выше уровень самооценки исполнительского мастерства, тем ниже уровень тревожности. Мы подтвердили взаимосвязь между уровнем личностной тревожности и самооценкой себя как умелого, умного, доброго. Также мы показали, что существует взаимосвязь между уровнем личностной, соревновательной тревожности и самооценкой своей гибкости и чувства ритма у младших школьников, занимающейся спортивной аэробикой.

Литература

Поздеева Е. А., Пшеничникова Г. Н. Методика совершенствования исполнительского мастерства в спортивной аэробике: Учеб. пособие. Омск: СибГУФК, 2013.

Взаимосвязи социально-психологических потребностей и их совместимости с оценками своего внешнего облика и внешнего облика партнера у молодых женщин, состоящих в браке*

М. А. Ломова (*Ростов-на-Дону*)

На сегодняшний день достаточно высок исследовательский интерес к проблеме факторов, оказывающих влияние на взаимоотношения партнеров в браке. Одним из таких факторов традиционно признаются социально-психологические потребности, совместимость которых может оказывать влияние на взаимодействие партнеров как на этапе выбора, так и на последующих этапах (Шкурко, Ломова, 2016). Так, согласно представлению автора «Теории межличностных отношений» В. Шутца, наиболее гармоничны диады, потребности партнеров в которых комплементарны (Рукавишников, 2002). Как еще один фактор, оказывающий влияние на взаимоотношения, в том числе и брачные, исследователи выделяют отношение к своему внешнему облику и внешнему облику партнера, включающее элемент оценки (Лабунская, 2009; Ильин, 2010). На сегодняшний день показано, что внешняя привлекательность в брачных отношениях является более значимой для женщин, чем для мужчин (Gupta et al., 2015), а также отмечается, что наибольшее значение данный фактор имеет тогда, когда партнеры молоды (Ильин, 2010). Существует ряд исследований влияния этих факторов на брачные отношения, однако не существует данных об особенностях взаимосвязей между ними и не описана гендерная специфика таких взаимосвязей. Таким образом, наше исследование является актуальным.

Целью нашего исследования является определение взаимосвязей между выраженностью социально-психологических потребностей, их совместимостью и оценками своего внешнего облика и внешнего облика партнера у молодых женщин, состоящих в браке.

Предметом исследования являются выраженность социально-психологических потребностей (во включении, в контроле, в аффекте) и их совместимость, оценки своего внешнего облика и внешнего облика партнера молодыми женщинами, состоящими в браке.

Нами было *выдвинуто предположение* о том, что социально-психологические потребности и их совместимость взаимосвязаны с оценками своего внешнего облика и внешнего облика партнера у молодых женщин, состоящих в браке.

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 1718-01260.

В качестве *методического инструментария* мы применили следующие методики: 1. «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В. А. Лабунской; 2. Цветовой тест отношений А. М. Эткинда (краткий вариант); 3. Опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А. А. Рукавишниковым.

Оценки своего внешнего облика и внешнего облика партнера изучались нами на двух уровнях: 1) осознаваемом – субъективные оценки внешнего облика рассматривались с применением методики «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В. А. Лабунской; 2) неосознаваемом – эмоциональное, частично неосознаваемое отношение к своему внешнему облику и внешнему облику партнера рассматривалось с применением Цветового теста отношений А. М. Эткинда.

Эмпирическим объектом выступили 60 женщин, состоящих в браке (зарегистрированном/незарегистрированном), в возрасте от 19 до 30 лет.

Обработка полученных данных осуществлялась с применением корреляционного анализа Спирмена.

Результаты исследования

Нами были выявлены взаимосвязи социально-психологических потребностей и их совместимости с оценками своего внешнего облика и внешнего облика партнера у молодых женщин, состоящих в браке.

Выраженная потребность включаться во взаимодействие с партнером взаимосвязана с высокой оценкой соответствия своего внешнего облика гендерным ролям, таким как женщина-мать, женщина-жена, женщина-любовница ($r=0,379$, $p=0,039$). Выраженная потребность в том, чтобы другие инициировали взаимодействие у таких женщин обусловлена позитивным эмоциональным, частично неосознаваемым отношением к своему внешнему облику ($r=0,423$, $p=0,020$) и низкой оценкой возрастной привлекательности своей внешности ($r=-0,410$, $p=0,025$).

Выраженная потребность контролировать партнера ассоциирована с высокой степенью принятия своего отраженного внешнего облика ($r=0,496$, $p=0,005$). Стремление к зависимости от партнера, в свою очередь, взаимосвязано с высокой степенью позитивности эмоционального, частично неосознаваемого отношения к его внешнему облику ($r=0,431$, $p=0,018$).

Высокая внутренняя конфликтность женщин в сфере включения ассоциирована с высокой оценкой соответствия внешнего облика гендерным ролям (r=0,492, p=0,006) и низкой степенью позитивности эмоционального отношения к своему внешнему облику (r=–0,536, p=0,002). Высокому объему интеракций в сфере контроля (высокому уровню 372–378 интенсивности поведения, направленного на удовлетворение данной потребности) у таких женщин соответствует высокая оценка соответствия внешности гендерным ролям (r=0,372, p=0,043). Высокий уровень внутренней конфликтности в сфере контроля обусловлен высокой самооценкой лица (r=0,416, p=0,022) и высокой степенью принятия своего отраженного внешнего облика (r=,376, p=0,041). Высокому объему интеракций в сфере аффекта соответствуют низкая оценка своей возрастной привлекательности (r=–0,430, p=0,018). Высокая внутренняя конфликтность в сфере аффекта взаимосвязана с высокими оценками соответствия внешности профессиональной роли (r=0,517, p=0,003) и возрастной привлекательности внешнего облика (r=0,372, p=0,043).

Низкая взаимная совместимость с партнером в сфере включения обусловлена высокой позитивностью частично несознаваемого отношения к его внешности (r=0,368, p=0,045). При этом высокая взаимная совместимость с партнером в данной сфере обусловлена наиболее позитивным отношением к своему внешнему облику (r=–0,459, p=0,011). Высокой взаимной совместимости с партнером с сфере контроля соответствует высокая оценка соответствия своего внешнего облика возрасту (r=–0,379, p=0,039). У молодых женщин, состоящих в брачных отношениях, принятие своего отраженного внешнего облика взаимосвязано с низкой степенью совместимости с партнером в сфере контроля с точки зрения гармоничности предпочтений «инициировать» и «принимать» контроль (r=0,367, p=0,046). Высокой совместимости с партнером в сфере аффекта соответствуют высокие самооценки лица (r=–0,441, p=0,015), тела (r=–0,412, p=0,024), оформления своего внешнего облика (r=–0,383, p=0,037), соответствия своей внешности возрасту (r=–0,371, p=0,043), гендеру (r=–0,406, p=0,026), профессиональной роли (r=–0,390, p=0,033), высокие оценки возрастной привлекательности своей внешности (r=–0,476, p=0,008) и привлекательности для партнера противоположного пола (r=–0,427, p=0,018). Гармоничный взаимный обмен с партнером с точки зрения всех потребностей обусловлен у таких женщин высокими самооценками лица (r=–0,440, p=0,015), оформления внешнего облика (r=–0,379, p=0,039), выразительного поведения (r=–0,411, p=0,024), соответствия своего внешнего облика

гендеру (r=–0,486, p=0,006), гендерным ролям (r=–0,438, p=0,015), возрастной привлекательности своей внешности (r=–0,391, p=0,032). Высокой общей совместимости с партнером в сфере аффекта соответствуют высокие оценки соответствия внешнего облика гендеру (r=–0,403, p=0,027) и возрастной привлекательности внешнего облика (r=–0,384, p=0,036). Высокой гармоничности инициации во взаимодействии с партнером с точки зрения всех потребностных сфер соответствует высокая степень позитивности отношения к своей внешности (r=–0,375, p=0,041). Общая взаимная совместимость с партнером у женщин связана с высокой оценкой возрастной привлекательности своего внешнего облика (r=–0,430, p=0,018) и высокой степенью позитивности эмоционального, частично неосознаваемого отношения к своему внешнему облику (r=–0,416, p=0,022).

Выводы

Таким образом, в исследовании было обнаружено, что выраженность социально-психологических потребностей и степень их удовлетворенности во взаимодействии с партнером взаимообусловлены со степенью позитивности самооценок внешнего облика и оценок внешнего облика партнера у молодых женщин, состоящих в браке. Гипотеза исследования была подтверждена.

Литература

Ильин Е. П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010.

Лабунская В. А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального поведения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.

Рукавишников А. А. Диагностика межличностных отношений // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Под ред. Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова. М., 2002. С. 167–171.

Шкурко Т. А., Ломова М. А. Социально-психологические факторы легитимизации партнерских отношений // Психология и Психотехника. 2016. № 10. С. 819–828. URL: http://e-notabene.ru/ppp/article_21791.html (дата обращения: 10.06.2017).

Gupta N., Etcoff N. L., Jaeger M. Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress // Journal of Happiness Studies. 2015. P. 1–13.

Особенности материнского отношения к дошкольникам в период беременности матери

Е. С. Лукьяненко, В. А. Колодько (*Ростов-на-Дону*)

Эмоциональное состояние беременной женщины оказывает значительное влияние на протекание беременности и родов, на последующее отношение к ребенку и к себе, на становление самосознания будущего ребенка, а так же, что немало важно, на отношения с окружающими людьми. Во время беременности у женщины изменяется психика и ее отношение к окружающим. Различные изменения в женском организме, происходящие во время беременности так же оказывают влияние на отношение матери к уже имеющемуся ребенку. Отношение беременной матери к ребенку дошкольнику зависит от типа протекания ее беременности.

Основные категории

Психологический компонент гестационной доминанты (ПКГД) – совокупность механизмов психической саморегуляции, включающихся при возникновении беременности и формирующих у беременной женщины поведенческие стереотипы, направленные на сохранение гестации и на создание условий для развития пренейта (Добряков, 2015).

Стиль родительского отношения – сочетание различных вариантов поведения родителя, которые в разных ситуациях и в разное время будут проявляться в большей или меньшей степени (Смирнова, Быкова, 2000).

Цель исследования: изучение особенностей отношения матерей к дошкольникам в период беременности матери.

Гипотезы исследования

1) существуют различия в стилях родительского отношения беременной матери и небеременной матери к ребенку дошкольного возраста;
2) существуют различия в стилях материнского отношения к ребенку дошкольнику у беременных матерей с различным типом психологического компонента гестационной доминанты.

Участники исследования: 50 беременных женщин в возрасте 30–37 лет, находящихся на втором триместре беременности; 50 небеременных женщин в возрасте 30–37 лет.

Методы исследования

Для изучения материнского отношения к ребенку дошкольного возраста у беременных и небеременных матерей были использованы следующие методы и методики: метод теоретического анализа психолого-педагогической литературы, анкетирование, систематизация и обобщение; скрининг-тест «Тест отношений беременной» (И. В. Добряков); методика «Нормативное и личностное отношение» (Е. О. Смирнова). Для подтверждения достоверности результатов были использованы описательная статистика, критерий U Манна–Уитни.

В связи с поставленными гипотезами в нашей работе было проведено исследование по выявлению материнского отношения к ребенку дошкольного возраста у беременных и небеременных матерей. В результате было выявлено, что больше всего у небеременных матерей выражен содействующий стиль материнского отношения (40%), далее преобладает объяснительный стиль материнского отношения (20%), также 10% небеременных матерей имеют компромиссный стиль материнского отношения, у 10% небеременных матерей присутствует строгий стиль материнского отношения, также 10% небеременных матерей имеют автономный стиль материнского отношения.

У беременных женщин преобладающими являются три стиля материнского отношения: объяснительный стиль материнского отношения (25%), автономный стиль материнского отношения (25%), строгий стиль материнского отношения (25%).

Следовательно, можно предположить, что существуют различия в стилях материнского отношения к детям дошкольникам у беременных и небеременных матерей. С помощью критерия U Манна–Уитни были выявлены значимые различия в автономном стиле ($U=871{,}00$, $p=0{,}02$) и в содействующем стиле ($U=738{,}00$, $p=0{,}01$). Статистически значимых различий не было выявлено в компромиссном, ситуативном и потакающем стилях материнского отношения.

Далее было проведено исследование по выявлению типа психологического компонента гестационной доминанты у беременных женщин. В результате было выявлено, что у 44% беременных женщин преобладает оптимальный тип беременности и это означает адекватное отношение к себе и окружающим. У 20% женщин выражен гипогестогнозический тип беременности, что может означать женщин, которые скрытно и бессознательно не принимают свою беременность. Также 20% беременных матерей имеют эйфорический

тип ПКГД, это может означать об их повышенном эмоциональном состоянии и заботе о себе и ребенке в первую очередь. У 16% беременных матерей выражен тревожный тип ПКГД, это может означать, что беременность характеризуется высоким уровнем тревоги у беременной и это влияет на ее соматическое состояние. Беременные женщины, с тревожным типом ПКГД и депрессивным типом ПКГД в дальнейшем в исследовании участие не принимали, в связи с малочисленностью выборки.

На следующем этапе нашего исследования было выявлено, что существуют различия в стилях материнского отношения к ребенку дошкольного возраста при разном типе ПКГД у беременных женщин. Так, у беременных матерей с оптимальным типом ПКГД преобладающим стилем в данной категории является объяснительный стиль который характеризуется адекватным принятием ребенка и оцениваем его личностных качеств. У беременных матерей с гипогестогнозическим типом ПКГД преобладающим стилем в данной группе является строгий стиль материнского отношения, который характеризуется навязыванием своих методов в воспитании ребенка и блокировкой инициативности ребенка. У беременных матерей с эйфорическим типом ПКГД преобладающим стилем в данной категории является автономный стиль материнского отношения, который характеризуется предоставлением родителями свободы в выборе ребенку и максимум самостоятельности.

Для подтверждения гипотезы, что существуют различия в стилях материнского отношения к ребенку дошкольного возраста при разном типе ПКГД у беременных женщин, нами была проведена статистическая обработка данных.

Данные демонстрируют наличие статистически значимых различий в стилях материнского отношения к детям дошкольникам у беременных при различных типах ПКГД. Таким образом, в результате статистической обработки данных, доказано, что существуют различия в стилях материнского отношения к ребенку дошкольнику с различными типами ПКГД у беременных женщин. У женщин при оптимальном типе ПКГД выражен объяснительный стиль материнского отношения, при эйфорическом типе ПКГД у женщин выражен автономный стиль материнского отношения к ребенку дошкольнику и при гипогестогнозическом ПКГД у беременной присутствует строгий стиль материнского отношения к ребенку дошкольнику. Полученные результаты, на наш взгляд, связаны, в первую очередь, именно с процессом протекания беременности и личностных особенностей матери.

Проведенное эмпирическое исследование особенностей материнского отношения к детям дошкольного возраста у беременных и небеременных матерей позволяет сделать следующие *выводы.*

1. Выявлены статистически значимые различия в стилях материнского отношения у небеременных матерей преобладающим является содействующий и объяснительный стиль. В наименьшей степени выявлены компромиссный, строгий, автономный, потакающий и ситуативный стили материнского отношения. При выявлении материнского отношения к ребенку дошкольного возраста у беременных матерей выявлен объяснительный, автономный и строгий стили. В наименьшей степени представлены компромиссный, содействующий, потакающий стиль и ситуативный стили материнского отношения.
2. При изучении типов ПКГД у матерей, находящихся на втором триместре беременности, были выявлены 3 типа ПКГД: оптимальный тип, эйфорический тип и гипогестогнозический тип. В наименьшей степени был представлен тревожный тип ПКГД и полностью отсутствует депрессивный тип ПКГД.
3. Статистически значимые различия были выявлены в стилях материнского отношения к дошкольнику у матерей с различным типом психологического компонента гестационной доминанты:

– при оптимальном типе ПКГД у матерей проявляется объяснительный стиль материнского отношения к ребенку дошкольнику, в то время как при эйфорическом типе ПКГД проявляется автономный стиль материнского отношения к дошкольнику;
– при гипогестогнозическом типе ПКГД у матерей проявляется строгий стиль материнского отношения к ребенку дошкольнику, в то время как при эйфорическом типе ПКГД проявляется автономный стиль материнского отношения к дошкольнику;
– при оптимальном типе ПКГД у матерей проявляется объяснительный стиль материнского отношения к ребенку дошкольнику;
– при гипогестогнозическом типе ПКГД у матерей проявляется строгий стиль материнского отношения к ребенку дошкольнику.

Литература

Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб.: СпецЛит, 2015.

Смирнова Е. О., Быкова М. В. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 3–13.

Взаимосвязь структурных параметров схемы тела в младшем подростковом возрасте

А. А. Лысых (*Курск*)

Схема тела принимает непосредственное участие в формировании пространственного гнозиса и стратегий оптико-пространственной деятельности (Никишина, 2015). Схема тела как внутренняя модель, выстраиваемая при участии корковых и подкорковых отделов головного мозга, определяет границы тела, формирует представления о нем как о едином целом, данные о текущем и изменяющемся положении его частей, в том числе и в пространстве (Левик, 2012).

На основе проанализированной литературы по проблеме изучения схемы тела нами были выделены структурные уровни и параметры схемы тела (Семенович, 2010): Представления о схеме тела (ощущение относительного положения частей тела и их движения; воспроизведение позы; представления о своем теле; вербализация пространственных представлений); Ориентация в схеме тела (право-левая ориентировка в теле; глубокая чувствительность; ориентировка положения частей тела по отношению к телу; ориентировка положения частей тела по отношению к лицу).

Подростковый возраст является сенситивным для изменения схемы тела, так как в период от 10 до 15 лет заканчивают свое созревание височно-теменно-затылочные области, включенные в формирование и развитие схемы тела. Изменения происходят не только на структурном, но и на нейронном и гормональном уровне, происходит тонкая дифференциация нервных клеток и изменения в балансе корково-подкоркового взаимодействия. Изменения, происходящие на всех уровнях организма, наиболее заметны в росто-весовых показателях, которые происходят не пропорционально, это связанно как с ростом костной и мышечной системы, так и с ростом всех внутренних органов. В связи с чем в возрасте 10–13 лет из-за резкого скачка, по сравнению с предыдущими и последующими годами, показателей в росто-весовых данных может происходить искажение представления о собственном теле. В 10–11 лет может наблюдаться плохая телесная ориентация и координация, дифференцированность движений по отношению к собственному телу, так как в этом возрасте только заканчивается развитие сложных пространственных и квазипространственных функций. В возрасте 12–13 лет в связи с изменением баланса корково-подкоркового взаимодействия могут наблюдаться трудности в телесной координации.

Целью данного работы является изучение взаимосвязи структурных параметров схемы тела у подростков 11–12 лет.

Исследование проводилось на базах МБОУ средних общеобразовательных школ г. Курска. Экспериментальную и контрольную группу составили подростки. Общий объем выборки составил 80 человек. Возраст испытуемых – 11–12 лет.

Психодиагностические методы: клиническая беседа; методика «право-левая ориентировка»; методика «показ предметов правой и левой рукой»; методика «показ частей своего тела и лица»; методика «проба Хеда»; методика «перенос позы с одной руки на другую»; методика «проба на воспроизведение соотносительного положения кистей двух рук»; методика «проба на воспроизведение положения руки по отношению к лицу»; методика «показ пальцев по подражанию»; методика «показ пальцев по вербальной инструкции» (Глозман и др., 2006); методики изучения диссоциации Образа Я (Никишина, 2016).

Статистическая обработка осуществлялась с использованием методов описательной и сравнительной статистики. Оценка взаимосвязи структурных компонентов схемы тела осуществлялась с использованием r-критерия ранговой корреляции Спирмена ($p<0,05$).

Оценка взаимосвязи структурных параметров схемы тела выявила прямо пропорциональные статистически значимые взаимосвязи между: дифференцированностью право-левой ориентировки с показателями дифференцированности воспроизведения соотносительного положения двух рук ($r=0,69$) и дифференцированности показа пальцев по зрительному образцу ($r=0,69$); между точностью показа пальцев по вербальной инструкции с показателями дифференцированности показа пальцев по вербальной инструкции ($r=0,51$), точностью ($r=0,99$) и дифференцированностью ($r=0,51$) переноса позы пальцев с одной руки на другую, точности ($r=0,41$) и дифференцированности ($r=0,41$) соотносительного положения кистей рук, точностью ($r=0,41$) и дифференцированностью ($r=0,41$) показа пальцев по зрительному образцу; между показателем дифференцированности показа пальцев по вербальной инструкции с точностью ($r=0,51$) и дифференцированностью ($r=0,99$) переноса позы пальцев с одной руки на другую, с показателями точности воспроизведения соотносительного положения кистей рук ($r=0,46$) и показа пальцев по зрительному образцу ($r=0,46$); точностью переноса позы с одной руки на другую с показателями дифференцированности переноса позы с одной руки на другую ($r=0,51$), а также с показателями точности ($r=0,41$) и дифференцированности ($r=0,41$) соотносительного положе-

ния кистей рук, точности (r=0,41) и дифференцированности (r=0,41) показа пальцев по зрительному образцу; показателем дифференцированности переноса позы с одной руки на другую с дифференцированностью воспроизведения соотносительного положения кистей рук (r=0,46) и показа пальцев по зрительному образцу (r=0,46); показателя точности воспроизведения положения руки по отношению к лицу с показателями дифференцированности (r=0,45), а также показателями пространственной ориентировки (r=0,89). Прямо пропорциональные значимые взаимосвязи выявлены также между показателями дифференцированности воспроизведения положения руки по отношению к лицу с точностью (r=0,49) и дифференцированностью (r=0,99) пространственной ориентировки; между точностью и дифференцированностью пространственной ориентировки (r=0,49). Обратно пропорциональные статистически значимые взаимосвязи не выявлены.

В результате исследования структурных параметров схемы тела в младшем подростковом возрасте выявлен умеренный уровень статической значимости корреляции. При этом положительная прямо пропорциональная взаимосвязь между параметрами внутри и между структурными уровнями схемы тела говорит о том, что чем лучше подростки ориентируются в положении частей тела относительно друг друга, тем лучше воспроизводят необходимую для него позу; чем лучше ориентируются право-левостороннем положении частей своего тела, тем точнее воспроизводят необходимую позу; чем лучше ориентируются в право-левом положении частей собственного тела, тем лучше ориентируются в пространственных взаимоотношениях; чем лучше ориентируются в положение частей тела по отношению к лицу, тем лучше ориентируются в положение частей тела по отношению друг другу.

Таким образом, в результате проведенного исследования, была выявлена прямо пропорциональная взаимосвязь между параметрами схемы тела в младшем подростковом возрасте, следовательно, чем выше показатели точности и дифференцированности представлений о параметрах частей тела, их расположении относительно друг друга, а также относительно внешних объектов, тем выше точность и дифференцированность пространственной и квазипространственной ориентировки.

Литература

Глозман Ж. М., Потанина А. Ю., Соболева А. Е. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте. СПб.: Питер, 2006.

Левик Ю.С. Нейробиология системы внутреннего представления собственного тела: введение в проблему и прикладные аспекты // Современная зарубежная психология. 2012. № 2. С. 97–110.

Никишина В.Б., Лоппас А., Разуваева Т.Н., Петраш Е.А., Запесоцкая И.В. Диссоциация образа я при алкогольной зависимости // Человек и его здоровье. 2015. № 4. С. 122–127.

Никишина В.Б., Петраш Е.А. Модификация методики «Автопортрет» с целью изучения диссоциации образа Я // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 156–166.

Семенович А.В. В лабиринтах развивающегося мозга. Шифры и коды нейропсихологии. М.: Генезис, 2010.

Субъектность матери в период восстановления родительских прав

Е.О. Мазурчук (*Екатеринбург*)

Научные исследования, исторические факты, а также современная действительность подтверждают, что экономическое, политическое и культурное развитие современного общества повлекли за собой трансформацию ценностно-смысловой сферы личности, а также отразились на семейных и детско-родительских отношениях, что обусловило возросший интерес к изучению материнства, влияния матери на формирование личности ребенка, а также ее субъектных характеристик в воспитании (Мазурчук, Мазурчук, 2017).

Обоснованность исследования субъектности матери в период восстановления родительских прав, с нашей точки зрения, заключается в следующем. Во-первых, субъектность матери в период восстановления родительских прав оказывает влияние на ценностное отношение к материнству. Во-вторых, использование данных о субъектности матери в период восстановления родительских прав, полученных при психологическом обследовании матери, является основанием для надежного прогноза ее актуализации. Под субъектностью матери, в рамках нашего исследования, мы понимаем целостную характеристику личности матери, которая проявляется в ценностном отношении к материнству и обеспечивает достижение целей воспитательной деятельности, основываясь на результатах самосознания.

В-третьих, период восстановления родительских прав является периодом, в котором особую важность приобретает актуализа-

ция субъектности матери, в связи с чем, учет полученных данных может стать основанием для целенаправленной работы с матерями в указанном направлении.

Целью исследования было изучение содержательной наполненности всех аспектов субъектности матери в период восстановления родительских прав.

В исследовании мы придерживаемся позиции (Н. Н. Васягина, Т. В. Леус, В. С. Мухина, Г. Г. Филлипова), согласно которой субъектность матери включает в себя:

- ценностное отношение к материнству (Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ), И. Г. Сенин; тест смысложизненных ориентаций (СЖО), Д. А. Леонтьев);
- сознательность и целенаправленность осуществления воспитательной деятельности (Опросник «Особенности принятия родительской позиции», Е. И. Захарова);
- результаты самосознания (Сочинение «Я – мама» Н. Н. Васягиной) (Васягина, 2013).

Адекватность и возможность использования методик сбора необходимых эмпирических данных обусловлены рядом причин: теоретико-методологической основой исследования, объектом и предметом исследования, спецификой поставленных задач, возможностями и ограничениями методик, объективными условиями и существующими возможностями проведения исследования.

В данном исследовании приняли участие 50 матерей в период восстановления родительских прав. Из генеральной совокупности выборка для нашего исследования формировалась методом случайного выбора респондентов, проживающих в городах Екатеринбург, Березовский, Нижний Тагил, Первоуральск. Выборка является репрезентативной по своему составу.

Так как мы изучаем субъектность матери в период восстановления родительских прав, это обусловило специфику респондентов, входящих в состав выборки: мать была лишена родительских прав, на данный момент восстанавливает их. Средний возраст матерей – 35 лет. Стаж лишения родительских прав – не более 5 лет.

По результатам констатирующего этапа исследования были сформированы контрольная и экспериментальная группы. Экспериментальная и контрольная группы матерей в период восстановления родительских прав подобраны таким образом, чтобы контролируемые параметры несущественно отличались друг от друга.

В настоящее время нами окончательно обработаны и могут быть представлены для обсуждения данные описательной статистики, полученные в ходе пилотного исследования.

Итак, полученные результаты свидетельствуют в целом о том, что у матерей в период восстановления родительских прав преобладают такие терминальные ценности, как высокое материальное положение (43,3%) – они стремятся к более высокому уровню материального благополучия и считают, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия и основанием для развития чувства собственной значимости и повышенной самооценки. Следующей наиболее значимой терминальной ценностью является – сохранение собственной индивидуальности (33,3%), так как мамы стремятся сохранить свою индивидуальность, неповторимость личности, свои взгляды, свой стиль жизни. Возможно, именно материальное благополучие будет определять сохранение собственной индивидуальности.

Значимость жизненных сфер по степени важности для испытуемых выборки распределена следующим образом: для большей части матерей наиболее актуальными являются сфера увлечений (60%), семейной жизни (13,3%) и общественной жизни (12,7%). Таким образом, важную роль для матерей играют их собственные увлечения, которым они стремятся отдавать большую часть своего времени, почти одинаковую степень значимости для них имеет семья и общественная жизнь.

Также следует заметить, что большая часть матерей обладает целью в жизни (40%), заинтересована ее процессом (27%) и результатом (38%). При этом высокий показатель локуса контроля «Я» не зафиксирован, что говорит о слабом внутреннем контроле своей жизни и слабой заинтересованности матерей в период восстановления родительских прав в развитии.

Для матерей в период восстановления родительских прав характерна несформированность заботы, ответственности и эмоционального принятия ребенка (Захарова, 2005) – 57%, что свидетельствует об искаженной внутренней позиции родителя.

Следует заметить, что у матерей в период восстановления родительских прав прослеживается специфичность восприятия и переживания характера взаимоотношений и взаимодействий с ребенком. Так, можно выделить ряд полярных особенностей:

- непринятие задачи («Я не знаю, что писать... Давно ничего не писала... Не хочу писать, могу так рассказать...»); «закрытость» мам

в выражении своих чувств, мыслей; низком уровне саморефлексии – малый объем сочинения «Я – мама» (от 5 строчек – до полстраницы) наиболее характерен для мам в 69% случаев;

- высокая эмоциональная включенность, фиксация на проблеме, имеющейся у матери, либо попытки ее разрешения, используя рефлексивный анализ, – чрезмерно большой объем сочинения «Я – мама» (два листа) встречается у мам в 20% случаев.

Однако следует обратить внимание, что мамы в период восстановления родительских прав часто склонны уходить от заданной темы (описывать события, не имеющие отношения к теме сочинения: «Я люблю своего мужа и хочу для него счастливой семьи... Раньше я хотела быть учителем...»). Описания такого рода указывают на фиксации матери на иной проблеме, например: неразрешенный семейный конфликт или проблемы самой мамы либо о скрытом отвержении ребенка.

Таким образом, акцентируется внимание на следующих проблемах мам в период восстановления родительских прав: низкий уровень развития саморефлексии, «закрытость мам» в выражении своих чувств и переживаний, отсутствия опыта анализа своего материнства, срабатывания защитных механизмов, что не позволяет в полной мере осознание себя в этой роли.

Также анализ полученных данных позволяет нам зафиксировать следующие особенности: матери в период восстановления родительских прав имеют амбивалентное отношение к профессиональному окружению (17%); их отношения с супругом негармоничные, семья воспринимается как конец «хорошей жизни» (20%); они считают себя недостаточно опытными родителями (63%).

Таким образом, проведенное нами пилотажное исследование содержательной наполненности всех аспектов субъектности матери в период восстановления родительских прав свидетельствует о том, что у матерей не сформировано или сформировано фрагментарно ценностное отношение к материнству, отсутствует опыт реализации воспитательной деятельности, они не осознают себя в роли матери. Данное исследование не является исчерпывающим, в дальнейшем планируется осуществить поиск условий актуализации субъектности матери в период восстановления родительских прав.

Литература

Васягина Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве. Екатеринбург: Изд-во «Урал. гос. ун-т», 2013.

Захарова Е. И., Строгалина А. И. Особенности принятия родительской позиции // Психологическая диагностика. 2005. № 4. С. 58–70.
Мазурчук Н. И., Мазурчук Е. О. Современные подходы к трактовке понятий «семья» и «биологическая семья детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Педагогическое образование в России. 2017. № 3. С. 110–115.

Психологическая компетентность подростков в контексте помощи сверстникам в трудной ситуации

М. П. Малыгина (*Москва*)

Как правило, о психическом неблагополучии подростка специалисты узнают от родителей или учителей (Burns, Rapee, 2006). В последнее время исследователи все больше подчеркивают, что сами сверстники могут стать источником достоверной информации о существенных для постановки диагноза чувствах и переживаниях своих друзей, в частности о симптомах депрессии (Byrne, Swords, Nixon, 2015), ведь подростки с их нормативной реакцией эмансипации от родителей и тенденцией группирования со сверстниками находятся в специфическом положении, когда именно сверстники первыми замечают изменения в поведении своих друзей, прежде чем эти изменения могут стать ощутимыми для взрослых (Холмогорова, Гаранян, 1999).

В своей работе мы поставили вопрос о том, могут ли подростки распознать симптомы депрессии, в том числе скрытую суицидальность своих друзей-сверстников, и готовы ли они оказать им помощь, т. е. решить задачу диагностики актуального состояния психологической компетентности подростков в данном вопросе.

В рамках компетентностного подхода (Асмолов, 2009) *психологическая компетентность* в области психического здоровья рассматривается состоящей из а) компетенции – психологической грамотности и грамотности в области психического здоровья, приобретенных благодаря обучению и опыту как источнику имплицитных знаний; б) способности и личностной готовности пользоваться компетенцией – соотнесение выбранного способа действия с собственной личностью и ситуацией, в результате чего он переживается как правильный. Психологическая компетентность в ситуации, когда другу требуется оказать помощь и поддержку, будет выражаться в *хорошей помощи.*

Были выдвинуты следующие гипотезы: 1) подростки обладают таким имплицитным уровнем психологической грамотности, который позволяет распознать симптомы депрессии и отделять их от других состояний эмоционального неблагополучия; 2) подростки выражают готовность оказать помощь сверстникам и обладают определенным набором стратегий оказания помощи и поддержки.

В исследовании приняли участие 134 человека, для анализа были отобраны 123 анкеты. Работа проводилась на базе трех общеобразовательных школ Москвы и Московской области. Респондентами выступали школьники 9–11 классов в возрасте 15–18 лет, средний возраст составляет 16,1 (± 0,96) лет – 71 девушка и 52 юноши. Целевая группа исследования – ученики массовых школ в старшем подростковом возрасте, имеющие частый, возможно ежедневный опыт общения со сверстниками.

Для сбора эмпирических данных использовалась адаптированная методика «Друзья в трудной ситуации» (Byrne, Swords, Nixon, 2015), представляющая собой 5 небольших рассказов о подростках, учениках старших классов школы, которые находятся в трудных ситуациях, двух типов: с депрессивной симптоматикой и без депрессивной симптоматики. Каждый рассказ сопровождает серия из 8 вопросов, направленных на оценивание состояния героя рассказа. В трех рассказах герои находятся в состоянии стресса, грусти или печали (дистресс), поведенчески раскрывающихся в ситуациях, типичных для возраста. В двух историях персонажи обладают характеристиками, являющимися диагностическими критериями для депрессии по DSM-IV. В рассказы включены симптомы большой депрессии, т. е. 5 из 9 маркеров, представлены два из трех основных для клинической депрессии: подавленное настроение, ангедония и утомляемость.

Методы количественного анализа используются по отношению к закрытым вопросам с выбором вариантов ответов методики «Друзья в трудной ситуации», а также для статистической обработки качественно выделенных категорий, и направлены на оценку психологических компетенций как составляющей психологической компетентности.

Анализ различий с использованием критерия Уилкоксона показал, что подростки чувствительны к симптоматике депрессии, они выражают значимо большую обеспокоенность за сверстников, имеющих набор симптомов, достаточный для постановки диагноза большой депрессии. Уровень асимптотической значимости для Z-статистики критерия, равной –4,597, составляет $0{,}00<0{,}05$

в степени обеспокоенности за героев в «депрессии» и без нее. Проверка межгрупповых эффектов показывает статистически значимое различие в оценке депрессивных и недепрессивных рассказов для девушек и юношей (F Уилкса=13,076 при $p=0,00<0,05$) со средним размером эффекта $\eta^2=0,105$, в то время как влияние класса обучения на различия в обеспокоенности за героев рассказа в «депрессии» и без нее незначительно ($F=0,342$, $p=0,711>0,05$).

Изучение частоты выявленных респондентами симптомов депрессии позволяет судить о наиболее распознаваемых симптомах депрессии среди старших подростков: это чувство несостоятельности и чрезмерной и необоснованной вины (31% упоминаний), суицидальные мысли (28%), бессонница (27%), усталость (27%).

Изучение решения респондентов о необходимости помощи другого человека героям рассказов в трудных ситуациях показало высокую оценку значимости для подростков вовлечения окружения для восстановления психического благополучия. Обозначились различия в источниках помощи для друга: для рассказов с депрессивной симптоматикой чаще привлекаются друзья (38%), семья (34%) и психолог, психиатр (24%). Для рассказов, содержащих только признаки эмоционального дистресса, приоритетными источниками поддержки называются друзья (49%) и семья (44%). Подростки для всех типов рассказов указали помощь друзей как наиболее важную.

Более 2/3 респондентов выразили намерение оказать поддержку другу как в состоянии депрессии, так и в состоянии эмоционального дистресса. Анализ отказов подростков оказывать помощь и поддержку сверстникам в трудной ситуации позволил очертить мотивировку отказа, которая в большинстве случаев связана с уверенностью респондентов в несерьезности ситуации, в которой находится герой истории, что имеет свое значение в контексте построения коррекционной программы: реализация помощи связана с возможностью различения проблемной ситуации.

Субъективная оценка возможности и готовности помочь в трудной ситуации – собственной психологической компетентности – в открытом вопросе показала, что субъективной уверенностью в возможности оказать поддержку другу в трудной ситуации обладают 45% респондентов, удельный вес субъективно компетентных детей примерно равен весу сомневающихся (41%).

В качественном анализе психологической компетентности в ответах респондентов о том, как бы они стали помогать героям с симптомами депрессии в ходе аналитических процедур кодирования методом обоснованной теории была выделена центральная категория

хорошей помощи и ее основные субкатегории: переживание оказания помощи и поддержки, условия хорошей помощи и стратегии хорошей помощи. Акцент был сделан на стратегиях, которые могут предложить подростки своим сверстникам: стратегии по снижению интенсивности переживаний; стратегии по социальной интеграции, стратегии по укреплению личностного ресурса, стратегии предупреждения негативного исхода (недопущение асоциальных тенденций и суицида); стратегии поддержания режима активности (в текущих делах, учебе и бытовых вопросах), которые подчинены двум тенденциям: а) уменьшение областей соприкосновения с проблемностью, б) получение позитивного опыта от жизни.

В пользу существования имплицитных знаний в области психического здоровья у российских подростков говорят значимо большая обеспокоенность за состояние героев рассказа с депрессивной симптоматикой, высокая оценка необходимости вовлечения окружения для нормализации психического состояния героев рассказа, сходная с зарубежными выборками, где существуют специальные образовательные программы психологической грамотности, а также чувствительность к необходимости помощи специалиста: психолога, психиатра именно для рассказов, описывающих ситуацию клинической депрессии. Таким образом, мы частично подтвердили гипотезу о достаточном имплицитном уровне знаний для распознавания симптомов депрессии (способность существует в именно имплицитной форме, поскольку умение назвать сумму симптомов «депрессией» и дать приближенное определение депрессии находится на невысоком уровне).

Гипотеза о готовности оказать поддержку и обладанием стратегиями помощи подтвердилась, и на основе предложенных респондентами действий составлена модель хорошей помощи, которая во многом соотносится с рекомендациями психологов и психиатров. При этом готовность помочь превалирует над субъективной оценкой своих средств оказать помощь и поддержку.

Итогом нашей работы стало представление о том, что друзья в старшем подростковом возрасте – важный ресурс помощи и поддержки как в клинических состояниях, так и в ситуации сильного дистресса и что друг, который может предложить хорошую помощь – ресурс психического и психологического благополучия.

Литература

Асмолов А. Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. 2009. № 4. С. 18–19.

Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Эмоциональные расстройства и современная культура на примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 2. С. 61–90.

Burns J. R., Rapee R. M. Adolescent mental health literacy: young people's knowledge of depression and help seeking // Journal of adolescence. 2006. № 29 (2). P. 225–239.

Byrne S., Swords L., Nixon E. Mental health literacy and help-giving responses in Irish adolescents // Journal of Adolescent Research. 2015. № 30 (4). P. 477–500.

Связь качества образовательной среды и особенностей психического развития детей старшего дошкольного возраста*

М. Н. Мартыненко (*Москва*)

Одной из активно развивающихся областей современных исследований в отечественной психологии и педагогике является оценка качества образовательной среды, представленной в дошкольных образовательных учреждениях. Интерес к данному направлению обусловлен целесообразностью изучения и выделения наиболее существенных факторов в дошкольном образовании, оказывающих влияние на психическое развитие детей.

На протяжении периода дошкольного детства в сознании и деятельности ребенка происходят глубокие качественные изменения. Психические функции становятся опосредствованными и произвольными. Дошкольник постепенно преодолевает эгоцентризм мышления. Ключевое значение в осуществлении указанных изменений и благополучного психического развития принадлежит особенностям взаимоотношений ребенка со взрослым и окружающей его социальной действительностью.

В дошкольном детстве ребенок большую часть времени проводит в детском саду. Весь комплекс условий, которые опосредуют процесс взаимодействия дошкольника с воспитателем и другими детьми может быть обобщен понятием образовательной среды. Образовательная среда детского сада охватывает широкий спектр как материальных, так и психолого-педагогических условий, соблюдение которых обеспечивает возможность максимально благополучного развития

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 17-78-20198.

воспитанников по линиям личностного, познавательного и коммуникативного развития.

Цель и гипотеза исследования. Целью данного исследования является изучение связи качества образовательной среды и особенностей психического развития детей старшего дошкольного возраста для определения наиболее значимых детерминант развития.

В исследовании мы исходили из предположения, что показатели психического развития эмоционально-личностной и когнитивной сферы выше у воспитанников группы детского сада с более высокими показателями качества образовательной среды по параметрам, касающимся особенностей детско-взрослой коммуникации и условий развития у детей навыков мышления в процессе общения.

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 250 детей из 8 групп детских садов. Для более подробного анализа и сопоставления показателей психического развития детей было выбрано две наиболее контрастные группы. В первой группе было обследовано 22 ребенка (из них 16 мальчиков и 6 девочек), во второй группе – 21 ребенок (из них 11 мальчиков и 10 девочек). Возраст детей на момент обследования составлял 5–6 лет.

Методы сбора данных. В целях сбора данных о качестве образовательной среды были применены Шкалы комплексной оценки качества образовательной среды в дошкольных образовательных учреждениях ECERS-R (Хармс, 2016). Инструмент действует по принципу экспертного наблюдения.

Большинство из использованных нами методик относятся к комплексу психоневрологических тестов NEPSY-II (Korkman, Kirk, Kemp, 2007).

Методики, направленные на диагностику эмоционального интеллекта и эмоционально-личностной сферы:

1. Субтест «Theory of Mind» (NEPSY-II) показывает, насколько у ребенка развиты представления о том, что думает и чувствует другой человек.
2. Методика «Test of Emotional Comprehension» (Pons, Harris, 2007) применена для оценки способности понимать эмоции и чувства других людей.

Методики, направленные на измерение когнитивного развития:

1. «Цветные прогрессивные матрицы Равена» применены для оценки невербального интеллекта (Raven, Court, 1998).
2. «Memory for Designs» (NEPSY-II) измеряет два аспекта зрительной памяти: память на «образы» и пространственная память.

3. «Sentences Repetition» (NEPSY-II) выявляет уровень развития вербальной памяти ребенка.
4. «Inhibition» (NEPSY-II) – для определения уровня развития процессов переключения и сдерживания.
5. «Dimensional Change Card Sort» (Zelazo, 2006) – для оценки когнитивной гибкости мыслительных процессов.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных: в исследовании были использованы методы статистического анализа данных при помощи компьютерной программы SPSS 18 (выявление значимых различий с помощью критериев Манна–Уитни и χ^2).

Результаты и их интерпретация

Обследование качества образовательной среды в группах детских садов при помощи Шкал ECERS-R, позволило выявить наиболее контрастные группы и построить их «портреты». *Группа № 1* отличается односторонностью детско-взрослой коммуникации, воспитатель не создает условий для того, чтобы дети активно обсуждали волнующие их проблемы и высказывали развернутые суждения. Новые понятия вводятся без опоры на конкретный опыт детей. В среде существуют проблемы с зонированием пространства – отсутствуют места уединения и зона для подвижных игр. *Группа № 2* отличается заинтересованностью педагогов в общении с детьми. Они часто задают детям открытые вопросы. Общение между педагогами и детьми можно охарактеризовать как двустороннее, т. е. взрослые в детских ответах способствуют развитию детских идей. В пространстве группы выделены и обустроены зоны для подвижных и тихих игр, места для уединения.

Сопоставление результатов оценки психического развития воспитанников двух групп позволило установить наличие значимых различий в когнитивном развитии детей из второй группы, по сравнению с воспитанниками первой группы. Они обладают более развитым невербальным интеллектом (соответственно 19,4 и 7,63 балла в среднем; U=30,000, p=0,000). Также у них лучше развит пространственный компонент рабочей зрительной памяти (75,60 и 61,68 балла в среднем; U=101,500, p=0,012), т. е. они лучше запоминают расположение объектов, их конфигурацию. Кроме того, у воспитанников второй группы лучше развита рабочая вербальная память (20,67 и 16,73 балла, U=104,500, p=0,002). При этом дети из первой группы успешнее справляются с задачей переключения между различными заданиями, чем дети из второй группы (соответственно: 5,90 и 4,82 балла в среднем, U=151,500, p=0,012). Что касается развития

эмоционально-личностной сферы, у детей во второй группе уровень развития модели психического выше, чем у детей из первой (12,00 и 14,48 балла в среднем; U=142,000, p=0,03), и вместе с тем они успешнее справляются с задачей понимания эмоций других людей (16,40 и 14,79 балла в среднем; U=1,603, p=0,04).

Более высокие показатели уровня развития когнитивных функций и эмоционально-личностной сферы у воспитанников группы с более качественной образовательной средой, вероятно, связаны с особенностями общения детей с воспитателем и условиями, в которых разворачивается познавательная деятельность. Важно, чтобы общение и освоение образовательного содержания было эмоционально и личностно значимо для детей. Педагог должен использовать речь не только в качестве инструмента для поддержания дисциплины, но также и как средство общения с детьми на протяжении всего дня, стимуляции процессов мышления, игры и воображения. В противном случае, освоение нового материала будет происходить путем его заучивания и воспроизведения, а общение окажется эмоционально обедненным и малосодержательным. В таком случае развитие когнитивных функций и эмоционально-личностной сферы не будет столь эффективным.

Выводы

Результаты исследования показали, что уровень психического развития эмоционально-личностной и когнитивной сферы выше у воспитанников группы детского сада с более высокими показателями качества образовательной среды по параметрам, касающимся особенностей детско-взрослой коммуникации и условий развития у детей навыков мышления в процессе общения.

Мы полагаем, что результаты исследования отражают важные особенности процесса психического развития детей, включенных в ту или иную образовательную среду и в систему существующих в ней социальных взаимоотношений.

Литература

Хармс Т., Клифорд Р. М., Крайер Д. «Шкалы для комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях. ECERS-R». М.: Национальное образование, 2016.

Korkman M., Kirk U., Kemp S. L. NEPSYII. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.

Pons F., Harris P. L. Test of Emotion Comprehension. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Raven J., Raven J.C., Court J.H. Manual for Raven's progressive matrices and vocabulary scales. Section 2: The coloured progressive matrices. Oxford: Oxford Psychologists Press, 1998.
Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // Nature Protocols. 2006. V. 1. P. 297–301.

Динамика личностной рефлексии детей в период перехода из четвертого в пятый класс и возможности ее прогнозирования

Е. Е. Марченко (*Брест*)

Способность к осознанию смысловых оснований деятельности как одна из ипостасей личностной рефлексия выступает необходимым условием собственно человеческогоспособа жизнедеятельности (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, В. И. Слободчиков и др.). В качестве показателя личностной рефлексии можно рассматривать и так называемую «чувствительность» к смысловой стороне деятельности, которая отвечает за предготовность человека осознанно относиться к выполнению деятельности (Д. А. Леонтьев, Э. В. Галажинский и др.).

Исследователи сходятся во мнении, что рефлексия как целостное образование начинает складываться в младшем школьном возрасте (Слободчиков, Цукерман, 1990). В свою очередь, отрочество рассматривается как период активного становления рефлексивного самосознания, обеспечивающего «второе рождение» личности (А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович).

Отмечается, что рефлексивные процессы актуализируются в ситуациях смысловой неопределенности, необходимости свободного принятия решений, совместного выполнения деятельности (Марченко, 2009). Смена социальной ситуации развития детей при переходе с первой на вторую ступень общего среднего образования характеризуется этими особенностями. Однако исследований динамики личностной рефлексии в связи с переходом в пятый класс нам не удалось обнаружить, что и определило цель нашего исследования.

Для изучения личностной рефлексии у детей были разработаны две экспериментальные ситуации, которые моделировали условия, способствующие актуализации рефлексии смысловых оснований целостной деятельности. *Экспериментальная ситуация № 1* была создана

по аналогии с экспериментом К. Левина и А. Карстен «на психическое пресыщение». Детям предлагалось задание, смысл которого был не очевиден (проколоть дырочки на листе в клетку). Ребенок по желанию мог взять домой любое количество листов для себя, а также для сверстников и родителей. В пятом классе проводилась *экспериментальная ситуация № 2,* в которой детям предлагалось принять решение о выполнении задания, суть которого не раскрывалась.

Выборка составила в четвертом классе 74, а в пятом – 69 детей. С каждым ребенком встречи проводились индивидуально (с интервалом от 6 до 9 месяцев).

Рассмотрим феноменологию личностной рефлексии. В *экспериментальной ситуации № 1* особенности рефлексии обнаруживались в суждениях детей о своем решении и решении для других людей и установлении их смысловых оснований; в выдвигаемых версиях о возможных смыслах задания.

О низком уровне рефлексии свидетельствовало спонтанное принятие решения о выполнении задания, когда ребенок не мог внятно пояснить, чем вызвано согласие или отказ проколоть листы. Интересным представляется и тот факт, что некоторые дети искаженно воспринимали инструкцию: не как предложение, а как просьбу или даже указание исследователя.

Когда предлагалось взять задание для выполнения родителями и друзьями, ответ детей с наименьшими проявлениями личностной рефлексии был категоричным при затруднении пояснить оснований своего решения. Типичными оказались и затруднения в конструировании возможных смыслов данной деятельности. Чаще всего респонденты просто соглашались с тем, что предлагаемое им занятие вообще может не иметь смысла, т. е. другие дети прокалывали на листах дырочки «просто так», «ни для чего».

У школьников с наибольшими проявлениями рефлексии в отношении смысловых оснований деятельности в экспериментальной ситуации № 1 принятие решения о выполнении предлагаемого задания предварялось осмыслением, расстановкой приоритетов. Дети просили дать им время «подумать», а планирование осуществлялось с учетом важности предлагаемого задания, которая чаще всего определялась относительно учебы, дополнительных занятий (кружков, секций) и домашних поручений. Принимая решение относительно сверстников, эти дети были осторожны и чаще всего отказывались брать задание «вслепую», ссылаясь на то, что не могут знать, что решат их друзья, или же различали тех, кто вероятнее всего согласится выполнить такое задание, и тех, кто скорее всего откажется.

При обсуждении возможных оснований согласия/отказа о выполнении задания сверстниками о способности к рефлексии свидетельствовали ответы в форме версий-рассуждений, содержащих указание на возможные причины. В отношении выбора задания для родителей дети действовали по-разному: могли выдвигать конкретные версии ответов или выражать сомнения в том, что могут однозначно предвосхитить реакцию взрослых.

Индивидуальные особенности личностной рефлексии обнаруживались и при обсуждении возможных смыслов предлагаемого задания. Наиболее рефлексирующие дети выдвигали разнообразные версии и нередко подчеркивали, что действительный смысл задания известен лишь психологу. Предположение о том, что задание может не иметь смысла, вызывало у них недоумение или даже отрицание. Одним из возможных проявлений рефлексии были и самостоятельные вопросы о смысле предлагаемого задания.

В *экспериментальной ситуации № 2* особенности личностной рефлексии выявлялись по содержанию вопросов, которые задавал ребенок о неизвестном задании, а также аргументации относительно решения выполнить или отказаться от задания самому и взять неизвестное задание для других.

Дети, у которых были зафиксированы лишь отдельные проявления рефлексии в отношении смысловых оснований деятельности, оказавшись перед выбором неизвестного задания, принимали решение спонтанно. Они либо категорично отказывались, либо тут же соглашались взять неизвестное задание, не зависимо от того, каким оно окажется. На предложение придумать вопросы для принятия решения эти дети либо вообще ничего не спрашивали, либо формулировали такие вопросы, которые не позволяли принять действительно взвешенное решение. Это говорит о формальной рефлексии с опорой на внешние, ситуативные основания (Давыдов, 1986, с. 199). Аналогично происходило и принятие решения о выборе задания для других людей – эти дети категорично и односложно аргументировали свое решение.

Ученики с наибольшими проявлениями рефлексии рассуждали о том, что для принятия решения о выполнении неизвестного задания важно знать его суть (что и как надо делать) и смысл (что даст выполнение этого задания). Они четко аргументировали свои решения и при этом сохраняли осторожность.

О чувствительности к смысловой стороне деятельности свидетельствовало, если ребенок сообщал, что, не зная сути задания, он не даст согласия на его выполнение. Респонденты с подобной чувст-

вительностью были осторожны в своем решении относительно других людей и, либо сразу отказывались брать неизвестное задание для родителей или сверстников, либо, уточняли, можно ли будет им сделать это задание, если родные/друзья откажутся.

Они задавали вопросы, которые действительно могли помочь принять решение, что свидетельствует о содержательном уровне рефлексии с опорой на существенные основания деятельности.

Для количественной оценки личностной рефлексии использовалась экспертная система начисления баллов. Каждый ребенок характеризовался индексом, который представлял процент начисленной суммы баллов от возможного максимума (отдельно по каждой из экспериментальных ситуаций).

Описательные статистики, как в четвертом, так и в пятом классе свидетельствуют о том, что, несмотря на широкий спектр индивидуальных различий, в целом преобладают значения индекса, которые можно оценить как низкие и ниже среднего ($Rng_{4\ класс}$=83,9; $Me_{4\ класс}$=35,5; $Rng_{5\ класс}$=91,2; $Me_{5\ класс}$=37,8). У основной части детей (в четвертом классе – 72,2%, в пятом – 71%) величина индекса личностной рефлексии составила менее 50% от возможного числа баллов в каждой из экспериментальных ситуаций. Высокие значения индекса (более 75) в четвертом классе были зафиксированы только у одного ребенка, а после перехода в пятый класс – у 10 детей (13%). Половых различий в уровне личностной рефлексии ни до, ни после перехода в пятый класс не обнаружено ($U_{4\ класс}$=499,5 и $U_{5\ класс}$=528,5 при $p>0,05$).

При сопоставлении данных до и после перехода пятый класс значимых изменений в целом по выборке не произошло ($G_{эмп}$=29, $T_{эмп}$=944 при $p>0,05$).

Расчет бинарной логистической регрессии показал невозможность точного прогнозирования ни позитивной (анализ завершился на начальном блоке), ни негативной динамики личностной рефлексии (нижняя граница доверительного интервала AUC составляла менее 0,600, что не позволяло говорить о достаточном качестве полученной модели). В величинах индекса личностной рефлексии в четвертом классе у школьников, которые при переходе в пятый класс обнаружили позитивную динамику, по сравнению с детьми с другими вариантами динамики различий нет ($U=408,5$ при $p>0,05$). В свою очередь, дети, которые после перехода в пятый класс характеризовались негативной динамикой рефлексии, по сравнению со сверстниками в четвертом классе имели значимо более низкие величины индекса личностной рефлексии ($U=342,5$ при $p=0,003$).

Полученные результаты в целом свидетельствуют о том, что на фоне значительных индивидуальных различий типичными для детей 9–11 лет являются лишь отдельные проявления способности к осознанию смысловых оснований деятельности. При том что смена социальной ситуации развития при переходе в пятый класс не взаимосвязана с кардинальными изменениями рефлексии и для одних детей предстает как латентный период, для других как время позитивных сдвигов, а у третьих является периодом ее снижения, можно говорить о неблагополучной тенденции «застревания» в развитии личностной рефлексии у школьников, которые на этапе обучения в начальной школе уже обнаруживали затруднения в осознании смысловых оснований деятельности.

Литература

Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Генезис рефлексивного сознания в младшем школьном возрасте // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 25–36.

Марченко Е. Е. Психологический анализ условий актуализации рефлексии смысловых оснований деятельности // Вестник Брестского университета. Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология. 2009. № 3. С. 76–83.

Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика, 1986.

Взаимозависимость чувственного восприятия и эмоционально-волевой сферы у школьников предподросткового возраста

Е. С. Масовец (*Иркутск*)

Изучение полимодального восприятия и эмоционально-волевой сферы относится к числу актуальных задач психологии. Эти проблемы требуют более глубокого изучения, в том числе на разных этапах онтогенеза человека.

Анализ работ, касающихся изучения сенсорно-перцептивной системы и эмоционально-волевой сферы, показывает, что эти проблемы широко разрабатывались в отечественной психологии. В структуре личности сенсорно-перцептивная организация является базальной основой (Б. Г. Ананьев). Модальности восприятия рассматриваются

как структурные составляющие сенсорно-перцептивной организации, влияющие на индивидуальное развитие человека (В. А. Барабанщиков, Т. Н. Бандурка). Терпеливость является одним из главных компонентов структуры волевой сферы личности (Е. П. Ильин).

Анализ отечественной и зарубежной литературы (Л. М. Веккер, С. Л. Рубинштейн, В. К. Вилюнас, К. Э. Изард) позволяет определить эмоциональную сферу как свойства человека, характеризующие содержание, качество и динамику его эмоций и чувств. Термин «терпеливость», вслед за А. А. Ухтомским, мы понимаем как отражение специфических проявлений волевых усилий, направленных на преодоление состояний, препятствующих продолжению физической работы. Именно она, по мнению Е. П. Ильина, является основой эмоционально-волевой сферы личности. Полимодальность восприятия, вслед за Т. Н. Бандуркой, мы рассматриваем как «системное свойство, охватывающее и содержание восприятия, и его структуру, и взаимосвязь с другими психическими функциями индивида, личности, субъекта деятельности» (Бандурка, 2005). Основываясь на мнении Б. Г. Ананьева, Т. Н. Бандурка именно сенсорно-перцептивное восприятие полагает основой чувственного восприятия.

На наш взгляд, осознание своих возможностей восприятия особенно важно в сфере учения. Дефицит знаний о полимодальном восприятии затрудняет процесс его развития, препятствуя реализации личностно-деятельностного подхода. Знание особенностей полимодального восприятия позволит активно использовать все модальности перцепции в обучении. Вместе с тем отмечается неразработанность многих вопросов, связанных с проблемой полимодального восприятия и терпеливостью.

Цель исследования – изучить, существует ли взаимосвязь между полимодальным восприятием и терпеливостью как компонентом эмоционально-волевой сферы у школьников предподросткового возраста

Гипотеза исследования. Мы предположили, что у учеников предподросткового возраста существует взаимосвязь между полимодальным восприятием и терпеливостью как компонентом эмоционально-волевой сферы у школьников предподросткового возраста.

Исследование проводилось на базе МБОУ г. Иркутска СОШ № 21. Выборочная совокупность составила 87 человек, ученики 5-х классов в возрасте 11–13 лет (40 девочек и 47 мальчиков).

При обработке данных исследования были использованы методы описательной статистики, критерий U Манна–Уитни, критерий Спирмена.

Для изучения полимодального восприятия и эмоционально-волевой сферы личности нами были использованы следующие методики: Опросник на изучение полимодальности восприятия (ОПМВ) (Т. Н. Бандурка), Методика «Самооценка терпеливости» (Е. П. Ильина и Е. К. Фещенко), Тест-анкета «Эмоциональная направленность» (Б. И. Додонов).

В ходе исследования полимодального восприятия у подростков с помощью опросника на изучение полимодального восприятия (ОПМВ) (Т. Н. Бандурка), были получены следующие результаты.

Наибольшие балльные значения у девочек получила зрительная модальность – 67 баллов. Это наиболее развитый у них канал восприятия. Наименее развита слуховая модальность – 46 баллов. Данный канал восприятия осознается в наименьшей степени, т. е. являются ресурсным и требующим дальнейшего развития.

У мальчиков наибольшие значения также имеет зрительная модальность – 60 баллов, это означает, что данная модальность восприятия развита в наибольшей степени. Наименьшие балльные значения – у слуховой модальности восприятия (45 баллов). Данная модальность восприятия требуют наибольшего внимания в процессе развития.

В исследовательской выборке девочки предпочитают зрительную модальность восприятия (у 38% обучаемых девочек). Наименее предпочитаемая – слуховая (2% от числа всех девочек-подростков). Наиболее предпочитаемая модальность восприятия у мальчиков – зрительная (31%), а наименее – висцеральная (0% от всех числа обучающихся мальчиков).

В нашем исследовании была также использована методика «Самооценка терпеливости» (Е. П. Ильин и Е. К. Фещенко), так как, опираясь на структуру воли, предложенную Е. П. Ильиным, именно терпеливость мы считаем главным компонентом из трех составляющих воли.

По результатам исследования у респондентов-девочек в данной выборке преобладает низкий уровень терпеливости – у 80%, а высокий – у 20% девочек. У респондентов-мальчиков, так же как и у девочек, преобладает низкий уровень терпеливости (у 81%), и лишь у 19% высокий уровень. Полученные данные говорят о том, что у всей выборки респондентов низкий уровень терпеливости и, как следствие, волевой сферы.

С помощью теста-анкеты «Эмоциональная направленность» (Б. И. Додонов) мы смогли определить, на что направлен основной поток эмоций подростка.

Результаты данного исследования показали, что в данной выборке у девочек преобладает пугностическая эмоциональная направленность – у 27,5%, что говорит о том, что основной поток положительных эмоций у девочек проявляется во время сложных ситуаций, когда они преодолевают трудности, которые возникли на их пути в процессе обучения. Наименьшее значение получила акизитивная направленность личности – 0%, что говорит о том, что девочки совершенно не получают положительных эмоций от коллекционирования предметов. У респондентов-мальчиков доминирует гностическая направленность личности – 27,6%, это значит, что они получают положительные эмоции при изучении нового материала. Наименьшее значение получила также акизитивная эмоциональная направленность личности.

По критерию U Манна–Уитни обнаружилось, что профили полимодального восприятия у девочек и мальчиков по значениям модальностей не различаются, так же как в эмоционально-волевой сфере личности не найдено статистически значимых различий. Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что полимодальное восприятие в группах респондентов-девочек и мальчиков статистически не различается по балльным значениям.

С помощью программы Statistica 10.0.228.8 Portable по критерию Спирмена, мы получили следующие результаты. Между эмоциональной направленностью личности и терпеливостью существует отрицательная взаимосвязь (–0,48). Что говорит о том, что если повышать уровень терпеливости у подростков, то эмоциональная направленность личности будет изменяться. Также существует положительная взаимосвязь между зрительной (доминирующей у девочек и мальчиков) модальностью восприятия и эмоциональной направленностью личности (0,29), что говорит о том, что зрительные образы оказывают влияние на проявление эмоций у респондентов в данной выборке. Полученные данные свидетельствуют, что между полимодальным восприятием и терпеливостью как компонентом эмоционально-волевой сферы личности подростка существует взаимосвязь, которая прослеживается через эмоциональную направленность личности.

На основе полученных данных исследования получены следующие *выводы*.

У подростков доминирует зрительная модальность восприятия, они легко воспринимают информацию, которую видят, представляют зрительные образы.

В данной выборке респондентов преобладает низкий уровень терпеливости, но если подобрать правильные методы обучения, с уче-

том особенностей полимодального восприятия учеников, то увеличится их интерес к деятельности, а за счет взаимосвязи между эмоциональной направленностью и модальностями восприятия, а также эмоциональной направленностью и терпеливостью, повысится и уровень терпеливости.

Полимодальность восприятия является важным свойством, которое необходимо развивать. Изучение его особенностей поможет учителю решить одну из современных проблем – построение учебных занятий с учетом индивидуальных особенностей учащихся. Активизация и развитие всех модальностей восприятия способствует более продуктивному развитию личности, что является важным компонентом предподросткового возраста.

Литература

Ананьев Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982.

Бандурка Т. Н. Полимодальность восприятия в обучении. Как раздвинуть границы познания: монография // Иркутск: Оттиск, 2005.

Бандурка Т. Н. Осознание собственного полимодального восприятия у студента как путь развития его субъектности и понимания им своих духовно-нравственных истоков // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 4. С. 59–66.

Барабанщиков В. А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр–Высшая школа психологии, 2006.

Ильин Е. П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000.

Волевой потенциал и креативность как личностные ресурсы субъективного благополучия взрослых с различными формами занятости

М. Г. Матюшина (*Санкт-Петербург*)

Вопросы, касающиеся поиска повышения качества жизни личности, развития навыков конструктивного общения с самим собой и социумом, понимание и применение принципов позитивного функционирования человека и общества в целом являются традиционно актуальными для психологической науки. Проблеме субъективного благополучия личности начиная с 60-х годов XX в. посвящены исследования как западных (Н. Бредбурн, Э. Диннер,

Э. Диси, Р. Райан, К. Рифф, У. Уилсон, R. E. Lucas, М. Селигман и др.; Батурин, 2013; Кужильная, 2015; Селигман, 2013), так и отечественных ученых (Н. А. Батурин, М. В. Григорьева, Л. В. Куликов, Д. А. Леонтьев, Р. М. Шамионов и др. – Батурин, 2013). Зарубежные ученые в качестве субъективного благополучия рассматривают компоненты психического и психологического здоровья человека, которые являются неотъемлемым условием развития психологически здоровой, целостной личности и выступают в качестве компонентов интегративного психического образования, детерминирующего различные аспекты отношения субъекта с миром и успешность его взаимодействия с предметным и социальным окружением (Батурин, 2013; Кужильная, 2015; Селигман, 2013).

В формировании субъективного благополучия личности участвуют как индивидуальный генетический набор, так и условия окружающей среды, ключевой же вклад вносят личностные ресурсы. К личностным ресурсам относят черты личности, развивая которые человек может влиять на свое субъективное благополучие (Леонтьев, 2011).

Целью нашего исследования являлось изучение личностных ресурсов субъективного благополучия взрослых с различными формами занятости. Мы предположили, что существуют различия в личностных ресурсах субъективного благополучия взрослых работающих по найму и самостоятельно занятых; личностные ресурсы отличаются составом и степенью выраженности компонентов, а также спецификой связей между ними. В качестве личностных ресурсов субъективного благополучия нами были рассмотрены такие качества личности как жизнестойкость, креативность, волевой потенциал и субъектность.

С целью выявления компонентов субъективного благополучия использовались следующие методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, Т. П. Фесенко); «Тест смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева; Опросник самоотношения (методика ОСО) В. В. Столина, С. Р. Пантилеева. Для выявления личностных ресурсов использовались методики: «Опросник структуры субъектности» (Е. Н. Волкова, И. А. Серегина), «Тест жизнестойкости» С. Мадди (адаптация Д. А. Леонтьева), «Опросник самооценки волевых качеств» (Н. Б. Стамбулова), «Диагностика личностной креативности» (Е. Е. Туник).

В исследовании приняли участие 84 респондента (мужчины и женщины) в возрасте от 25–35 лет с наличием высшего и неоконченного высшего образования, проживающие на территории РФ,

из которых: 25 – лица с самостоятельной занятостью, 59 – работающие по найму.

Обработка полученных данных осуществлялась с помощью методов математической статистики: для выявления статистически значимых различий – t-критерий Стьюдента для независимых неравномерных выборок; для установления прямых связей между показателями обеих групп – коэффициент корреляции Пирсона; для определения корреляционной связи между признаками внутри одной группы – факторный анализ. Уровни значимости, рассмотренные в исследовании, составили P=0,01; 0,001.

В результате исследования были выявлены различия в системообразующих ресурсах субъективного благополучия у людей с различными формами занятости и дифференциация во взаимосвязях личностных ресурсов с компонентами субъективного благополучия у людей, работающих по найму и личностей с самостоятельной занятостью. Также было установлено, что субъекты с самостоятельной занятостью имеют более высокий уровень субъективного благополучия, чем работающие по найму (Лактионова, 2016).

Для выявления особенностей взаимосвязей личностных ресурсов и субъективного благополучия были проанализированы связи компонентов психологического благополучия с самооценкой волевого потенциала и креативностью. В результате проведенного корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи в обеих группах испытуемых. У *работающих по найму* были обнаружены следующие связи ($p \leqslant 0{,}01$; $p \leqslant 0{,}001$): «самопринятие» (психологическое благополучие) – «настойчивость и упорство», выраженность качества (самооценка волевых качеств); «автономия» (психологическое благополучие) – «сложность», «воображение», общий показатель креативности (креативность); «личностный рост» (психологическое благополучие) – «сложность», общий показатель креативности (креативность); «человек как открытая система» – «сложность», общий показатель креативности (креативность); общий показатель психологического благополучия – «сложность», общий показатель креативности (креативность).

Таким образом, у работающих по найму активизация внутренних сил для длительного преодоления трудностей при достижении поставленной цели и убежденность в правильности своего жизненного пути связны с позитивным отношением личности к себе, пониманием субъективных особенностей и положительной оценкой предыдущего опыта. Также можно говорить о том, что от степени совладания со сложными ситуациями и совершения активных дейст-

вий для получения желаемого результата зависит то, как личность будет воспринимать свой предыдущий опыт и относиться к себе.

Способность противостоять обществу и самостоятельно регулировать свое поведение, связаны с ориентацией личности на познание сложных явлений и проявление настойчивости в достижении своей цели. Выражение самостоятельности и независимости в построении своего жизненного пути соотносятся с получением удовольствия от решения сложных задач и ментальным конструированием альтернативных сценариев и возможностей. Верно и то, что чем больше личность открыта новому опыту, способна рождать новые идеи, придерживается оригинального видения мира, любит ставить перед собой трудные задачи и испытывает положительные эмоции от самостоятельного изучения нового, тем сильнее она может противостоять обществу и действовать определенным образом, оценивая себя в соотношения с персональными критериями.

Способность и интерес к решению сложных задач связаны со склонностью к выстраиванию сложного, а от того более длительного маршрута к достижению цели, связаны с чувством постоянного развития и самореализации. Чем более замысловатой и интересней является решаемая задача, тем ярче, по ощущению личности, раскрывается ее потенциал и формируется целостный, реалистичный взгляд на мир, наполненный событиями, расширяющими субъективный опыт.

Для лиц с *самостоятельной занятостью* характерна только одна связь психологического благополучия с волевым компонентом: «цели в жизни» – «смелость и решительность», выраженность качества ($p \leqslant 0{,}01$). Не было выявлено ни одной значимой связи с элементами креативности.

Наличие целей жизни и чувства направленности связаны со способностью личности принимать своевременные, обоснованные и твердые решения в различных условиях своей жизнедеятельности. Ориентация только на свои силы, уверенность в положительном исходе дела, соотносятся с приверженностью личности к своим убеждениям, которые являются источниками цели в жизни. Чем большим смыслом человек наделяет свою жизнь, ставит перед собой цели на длительную перспективу, тем смелее и решительнее становятся его действия для достижения желаемого.

Таким образом, у *работающих по найму* в качестве личностных ресурсов субъективного благополучия выступают волевой потенциал и «сложность» как основной компонент креативности. Настойчивость и упорство в достижении поставленной цели связаны с са-

мооценкой личности, ее восприятием пережитого опыта. Познание сложных явлений, решение трудных задач соотносятся с самостоятельностью и независимостью личности, ее саморазвитием и открытостью новому опыту. У *самостоятельно занятых* способность принимать твердые решения и проявлять смелость в их исполнении, связны с наличием долгосрочных целей, основанных на глубоких внутренних убеждениях.

Литература

Батурин Н. А., Башкатов С. А., Гафарова Н. В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2013. Т. 6. № 4. С. 4–14.

Кужильная А. В. О подходах к изучению субъективного благополучия личности в зарубежных исследованиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 83–86.

Лактионова Е. Б., Матюшина М. Г. Дифференциация компонентов субъективного благополучия у взрослых с различными формами занятости // Молодежь – будущее России: Материалы VIII Международной научно-практической конференции с участием студентов и аспирантов. 2016. С. 244–249.

Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Селигман М. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Креативные дети: социально-психологическая адаптация в младшем школьном возрасте

М. И. Матюшичева (*Санкт-Петербург*)

В инновационной стратегии развития общества определены признаки, такие как опора на талант, креативность и инициативность человека, в качестве важнейших ресурсов экономического и социального развития.

Успешное формирование знаний, компетенций, навыков и моделей поведения уже в младшем школьном возрасте непосредственно связано с понятием адаптации.

Существующие представления о различных возрастных этапах, новообразованиях, в частности в младшем школьном возрасте, как наиболее сензитивном периоде, в котором происходят измене-

ния (Эльконин, 1989), связаны с развивающей ролью обучения, способностям к ярко выраженным, креативным проявлениям, указывают на необходимость создания тех условий социально значимой среды, в которых возможны проявления творческого потенциала.

Развитие креативности формируется на основе общей одаренности под влиянием микросреды и подражания, где система мотивов и личностных свойств позволяет из общей одаренности перерасти в актуальную креативность (Дружинин, 1999).

Потребности ребенка в креативном поведении сталкиваются с противоречиями в школе, чему способствуют усредненные походы и что тесно связано с личностными особенностями, социальными и психологическими факторами.

В образовательной среде это выражается в недостаточной разработанности креативных и социально-проектных технологий.

Проведенный анализ источников литературы, актуальность поставленной проблемы позволили сформировать цель научной работы: выявить взаимосвязи креативности и социально-психологической адаптации в младшем школьном возрасте, где объект исследования – соотношение креативности и социально-психологической адаптации, а предмет – особенности развития креативности и специфика социально-психологической адаптации в младшем школьном возрасте.

Гипотезы исследования

1. Проявление креативности может как способствовать, так и препятствовать социально-психологической адаптации младших школьников.
2. Эффективная социально-психологическая адаптация младших школьников с различным уровнем развития креативности возможна посредством реализации экспериментальной программы с акцентированием аспектов развития креативности и технологий социального проектирования.

Исследование проводилось в 2015–2016 гг. на базе начальной общеобразовательной школы № 300 Центрального района Санкт-Петербурга с углубленным изучением дисциплин эстетического цикла. В выборку вошли 52 человека – ученики двух 4-х классов в возрасте от 10 до 11 лет.

Комплекс реализованных методов исследования включал: методы математической обработки данных, метод качественного анализа, метод описательной статистики и статистической проверки гипотез (t-критерий Стьюдента), метод корреляционного анализа.

Диагностические методики:

– для изучения креативности: тесты творческого мышления Е. П. Торранса (вербальный, изобразительный, словесно-звуковой блоки), опросник креативности Дж. Рензулли;
– для исследования социально-психологической адаптации: модифицированная методика Дж. Морено (социометрия: исследование межличностных отношений в группе), исследование самооценки по методике Дембо–Рубинштейн (в модификации А. М. Прихожан), модифицированный тест школьной тревожности Филлипса, социально-психологическая адаптация детей к школе по Э. М. Александровской.

Основные результаты исследования (научные, практические)

Разработана теоретическая модель исследования. Под креативностью понимается сложное многомерное психическое образование, система индивидуальных особенностей и способностей личности, способствующих генерированию и реализации социально значимых инновационных идей и стратегий. Креативность проявляется в трансформации информационных процессов и конструктивных преобразованиях во всех сферах жизни (познании, мышлении, общении, самосовершенствовании, саморазвитии) (Барышева, 2016).

В результате соотношения двух методик – экспертной (мотивационно-личностные компоненты креативности) и классической творческой (результативные показатели креативности: беглость, гибкость, оригинальность, разработанность) – были выявлены особенности развития креативности в младшем школьном возрасте, отраженные в очень высококреативной группе (4%), высококреативной (15%), среднекреативной (62%), низкокреативной (15%), очень низкокреативной (4%).

Актуальным динамическим показателем креативности в младшем школьном возрасте является беглость, отражающая способности к порождению большого количества идей. Выявлена «проблемная зона» по показателю гибкость, отражающему мобильность интеллекта и «диапазон категоризации», что непосредственно указывает на недостаточные ресурсы ассоциативного опыта и дивергентных функций креативности в данном возрасте. В «зоне потенциального развития» креативности показатель оригинальность – неповторимость способов получения принципиально «нового» и разработанность.

Социально-психологическая адаптация представляет сложное явление, связанное как с индивидуальными особенностями человека,

так и с позицией личности в обществе. Учитываются такие факторы, как уровень самооценки и притязаний, эмоциональный фон, тревожность, страхи (самовыражения и несоответствия окружающим), социальные переживания, сопротивляемость стрессу.

Исследование взаимосвязей показателей креативности и параметров социально-психологической адаптации на эмпирическом уровне показало, что высококреативная группа самая социально адаптированная по параметрам приспособленности, тревожности и межличностных отношений; самая социально не адаптированная – очень высококреативная группа по параметрам приспособленности, самооценки, тревожности; «проблемная зона» в группе низкой и очень низкой креативности – межличностные отношения, связанные со сложностями социальных контактов.

Выявлено эмпирически, что креативность и приспособленность на высшем уровне имеют отрицательные корреляции, т. е. чем выше оригинальность, способность к выдвижению идей, отличных от очевидных, у очень высококреативных детей, тем ниже их приспособленность в школе. Чем выше беглость и гибкость, тем ниже самооценка, но в то же время наличие адаптационного потенциала по параметру тревожности. Межличностные отношения в группе младших школьников детерминированы результативными параметрами креативности.

Разработана и апробирована авторская экспериментальная программа «Путь к себе – другим навстречу», направленная на развитие социальной креативности детей младшего школьного возраста, гармонизацию процессов творческого потенциала и социально-психологическую адаптации детей в практике воспитательной деятельности педагога. Составляющие модули программы: «Я в этом мире», «Навстречу другим», «Тропинка к своему Я» направлены на формирование адаптационного потенциала и социально-ценностных ориентаций средствами рефлексивных и социально-проектных технологий.

По результатам преобразующего эксперимента выявлена положительная динамика (на уровне тенденции) креативности детей, в основном за счет гибкости – многообразия картины мира, категоризации, и оригинальности – неповторимости, нестандартности решений. Динамика показателей социально-психологической адаптации наблюдалась по параметрам самооценки и межличностных отношений очень высококреативных и очень низкокреативных детей, а снижение тревожности, в основном, за счет уменьшения страхов ситуации проверки знаний и повышения физиологической сопротивляемости стрессу.

Анализ эмпирически полученных данных показал, что процесс развития креативности в младшем школьном возрасте – нелинейный, обусловлен неравномерностью развития отдельных способностей и личностных свойств на психологическом и социальных уровнях.

Современные дети, в своем большинстве, обладают высокой степенью развития креативности. Но в зоне «риска» – младшие школьники с очень высоким и, наоборот, с очень низким уровнем развития креативности.

Неоднозначность полученных результатов в группе очень высококреативных детей заключается в следующем: зачастую заниженная самооценка блокирует возможности адаптационного потенциала, но в то же время понижение общей тревожности в школе может быть связано с абстрагированием от внешних факторов воздействия при решении поставленных задач, посредством вариативности идей.

Подтвердилось предположение о возможностях развития креативности детей с низким уровнем и социальной адаптации очень высококреативных детей, по которым выявлены сложности в социальном и психологическом аспекте.

Литература

Барышева Т.А. Психология развития креативности: теория, диагностика, технологии. СПб.: ВВМ, 2016.

Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Связь интернет-зависимости молодых супругов с онтологической уверенностью и семейной тревогой

Н.С. Мельчакова (*Пермь*)

На сегодняшний день, психологи выделяют актуальную угрозу для института семьи не только в экономических трудностях или моральном распаде, но и в интернет-зависимости. Конфликты, возникающие на этой почве, негативно влияют на развитие семьи в целом.

Термин «интернет-зависимость» еще в 1996 г. предложил доктор Айвен Голдберг для описания неоправданно долгого, возможно патологического, пребывания в Интернете. Родоначальниками психологического изучения феноменов зависимости от Интернета могут

считаться два американца: клинический психолог К. Янг и психиатр А. Голдберг. Голдберг в 1995 г. предложил набор диагностических критериев для определения зависимости от Интернета. К концу 1998 г. интернет-аддикция оказалась фактически легализована – не как клиническое направление в узком смысле слова, но как отрасль исследований и сфера оказания людям практической психологической помощи (Войкунский, 2004).

В настоящее время активно рассматриваются современные проблемы психологии зависимости (или аддиктологии), связанные с попытками выделения так называемых поведенческих форм зависимостей (аддикций). Фактически ставится вопрос о многообразии способов «ухода» из реальной жизни путем изменения состояния сознания.

Проблема аддикций начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности (Войкунский, 2004)

В самом общем виде интернет-зависимость определяется как «нехимическая зависимость от пользования Интернетом» (Войкунский, 2004, с. 92). До сих пор, однако, вопрос о самом существовании заболевания, именуемого зависимостью от Интернета, и его природе, остается нерешенным и нуждается в дальнейшем изучении. Значительное место в исследовательской практике специалистов, разрабатывающих проблематику зависимости от Интернета, занимают качественные методы.

Вплоть до настоящего времени большая часть исследований методически построена как интервью, массовых сетевых опросов и групповых обсуждений с участием испытуемых, которые ощутили психологический дискомфорт. Контрольные группы, как правило, не формируются, клинические интервью не практикуется. Методические погрешности проведенных в этой области исследований неоднократно критиковались. Лишь в последнее время появились немногочисленные лабораторные и клинические исследования, которым, разумеется, недостает присущей сетевым опросам массовости. Практикуется также публикация материалов, содержащих анализ случаев.

Могут быть выделены следующие направления исследований зависимости от Интернета: анализ проявлений феноменов зависимости в конкретных видах, опосредствованной применением Интернета, деятельности, стадии развития и модели интернет-аддикции;

выявление возможных корреляций и/или каузальных связей данного феномена с другими психологическими параметрами или симптомами заболеваний. Обращение к конкретному вопросу в границах любого из этих направлений предполагает самоопределение исследователя по обозначенному кругу нерешенных проблем, относящихся к чрезмерному использованию интернета и способам его изучения.

Объектом нашего исследования является интернет-зависимость в семье как проблема, практически остающаяся вне поля зрения психологов, особенно если сравнивать ее с другими зависимостями (алкогольной, наркотической), для которых семейный аспект проблемы давно стал традиционным.

В каждой из выделяемых К. Янг пяти основных категорий интернет-зависимости есть стороны, важные с точки зрения интересующего нас объекта.

1. Киберсексуальная. Зависимость от интерактивных комнат общения для «взрослых» или от киберпорнографии.
2. Киберотношения. Зависимость от дружеских отношений, завязанных в комнатах общения, интерактивных играх и конференциях, которая заменяет реальных друзей и семью.
3. Чрезмерная сетевая вовлеченность – включает в себя вовлечение в азартные сетевые игры, зависимость от интерактивных аукционов.
4. Информационная перегрузка – чрезмерная вовлеченность в посещение вебсайтов и поиск по базам данных.
5. Компьютерная зависимость – навязчивые состояния в компьютерных играх или в программировании, в основном среди детей и подростков (Янг, 2000).

Два основных типа дезориентации – социальная и сексуальная – статистически выявленные по отношению к кибер-зависимости (Янг, 2000, с. 24–26), далеко небезразличны для семьи, в которой никто не страдает в одиночку.

Социальная дезориентация выражается в низкой самооценке, в избегании проблем и ответственности, в попытках отвлечься от какой-либо другой зависимости. Также социальная дезадаптация характеризуется узким кругом общения, неумением высказать, поделиться своими переживаниями, недостатком близких отношений, импульсивностью, неумением спланировать свое время, добиваться поставленных целей и хорошо планировать свою деятельность. Эти люди часто отказываются от ранее намеченных целей и, как следст-

вие, пребывают в состоянии депрессии. Кроме того, для зависимого типа личности свойственны страх одиночества.

Сексуально дезориентированные интернет-зависимые – это новый тип человека, достойный отдельного описания. По статистике, каждый пятый пользователь так или иначе вовлечен в сексуальную онлайновую деятельность (Янг, 2000, с. 26–29).

Предмет нашего исследования определен с позиций экзистенциальной психологии: связь интернет-зависимости с онтологической уверенностью и семейной тревогой. Онтологическая уверенность, в отличие от более узкого понятия личностной уверенности, означает уверенность человека в своем существовании, бытии-в-мире. Это, применяемое к человеку в экзистенциальной психологии понятие, имеет ряд преимуществ по сравнению с крайне расплывчатым, по мнению Л. Бинсвангера, понятием «жизнь» (Власова, 2010, с. 358). Аналогичным образом общепсихологический экзистенциальный конструкт уверенности – неуверенности, конкретизированный Н. В. Коптевой на основании подхода Р. Лэнга и соответствующие диагностические методики (Лэнг, 1995; Коптева, 2013), вероятно, позволят выявить особенности жизни семьи на границе обычной и виртуальной реальности, обычного и техногенного, компьютерного способов бытия в мире. Онтологическую неуверенность Р. Лэнг связывал с экзистенциальной тревогой в трех формах (поглощения, деперсонализации и разрывания). Соответственно мы рассчитываем, что изучение связи интернет-зависимости членов семьи с онтологической уверенностью/неуверенностью и семейной тревогой поможет прояснить экзистенциальные характеристики последней.

Мы рассчитываем, что результаты станут ценной информацией в практике семейного психологического консультирования.

Литература

Власова О. А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М.: ИД «Территория будущего», 2010.

Войскунский А. Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90–100.

Лэнг Р. Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995.

Коптева Н. В. Онтологическая уверенность: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Екатеринбург, 2014.

Янг К. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.

Эмоциональные и поведенческие реакции сотрудников как прогностические показатели зависти в служебных отношениях

Е. Б. Микелевич (*Пинск*)

Социально-экономические особенности развития современного общества таковы, что труд на рабочем месте все чаще сопряжен с нестабильностью, напряженностью, жесткой конкуренцией, враждебностью, агрессией, завистью в служебных отношениях. Особенно уязвимыми и неподготовленными перед такими проблемами оказываются молодые специалисты на этапе начала профессиональной карьеры. Очевидно, что деятельность учреждений высшего образования должна быть направлена не только на формирование профессиональных компетенций, важно формировать такие социально-психологические компетенции, которые будут способствовать успешной социально-психологической адаптации на рабочем месте и умению грамотно строить взаимодействие с коллегами. Эти обстоятельства актуализируют изучение социально-негативных чувств в профессиональных отношениях, наиболее распространенным из которых считают зависть в служебных отношениях. Данный феномен характеризуется универсальностью (свойственен почти всем людям) и является мощным регулятором отношений. Отметим, что любые проявления зависти человек склонен скрывать.

Поведение субъекта зависти чаще деструктивно. Завистливый человек способен на безнравственные, асоциальные поступки, однако зависть не ко всем предметным сферам коррелирует с негативной этической составляющей. Т. В. Бескова установила связь приемлемости асоциального поведения и зависти к похвале значимого человека, наградам, популярности; карьере; материальному достатку, профессиональным (учебным) успехам, дорогим (модным) вещам и интеллекту (Бескова, 2012). Наличие зависти к параметрам профессиональной сферы в списке причин асоциального поведения позволяет объяснить деструктивную стратегию совладания с завистью, проявляющуюся в причинении ущерба превосходящему коллеге или организации, стремлении любыми способами компенсировать субъективную несправедливость, саботаже, снижении продуктивности работы, контрпродуктивном поведении. Конструктивная стратегия направлена на улучшение показателей собственной результативности для избегания дискомфорта от неблагоприятного сравнения.

С целью выявления прогностических показателей зависти в служебных отношениях было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 271 человек, являющиеся представителями различных социально-демографических групп и соответствующие главному требованию: они все являются субъектами трудовых отношений. Из них 113 мужчин, 158 женщин в возрасте от 18 до 70 лет. Для обработки данных использовалась программа SPSS. Применялся метод корреляционного и регрессионного анализа. Для достижения целей исследования использовались следующие методики:

1. Методика «Совладание с завистью в служебных отношениях» (Coping with Occupational and Professional Envy – COPE), разработанная A. L. Boone (Boone, 2005) и адаптированная И. А. Фурмановым и Е. Б. Микелевич (Фурманов, Микелевич, 2016). Данная методика позволяет измерить значимость (ЗН) и силу (ЗАВ) зависти в служебных отношениях, стратегии совладания с завистью в служебных отношениях: конструктивная причастность (КП), конструктивная непричастность (КНП), деструктивная причастность (ДП), деструктивная непричастность (ДНП).
2. Шкала провокации агрессии И. А. Фурманова, которая предполагает выявление:

- интенсивности эмоционального реагирования по следующим эмоциям: злость/гнев (ГН); радость (РД); печаль/горе (ГОР); страх (СТР).
- формы поведенческого реагирования: активная агрессия – АА; пассивная агрессия – ПА; подавленная агрессия – ПДА; ассертивная реакция – АР; бегство, уход из ситуации – БУ (Фурманов, 2007).

В результате анализа корреляционных связей выявлено, что *значимость зависти* имеет положительные корреляционные связи с переживанием гнева ($r=0,14$; $p\leqslant0,05$), горя ($r=0,18$; $p\leqslant0,01$), ассертивной реакции ($r=0,22$; $p\leqslant0,01$), а также отрицательные корреляционные связи с переживанием радости ($r=-0,15$; $p\leqslant0,05$), подавленной агрессии ($r=-0,16$; $p\leqslant0,01$). Регрессионный анализ позволил установить, что значимость зависти в служебных отношениях (ЗН) характерна сотрудникам с высокой ассертивностью реагирования, не подавляющим агрессию, склонным к переживанию горя и не склонным к переживанию радости, уравнение регрессии: ЗН=25,538+0,267АР–0,223ПДА+0,167ГОР–0,328РД.

Сотрудники, склонные к переживанию гнева ($r=0,22$; $p\leqslant0,01$), горя ($r=0,18$; $p\leqslant0,01$), страха ($r=0,23$; $p\leqslant0,01$), и не склонные к пережи-

ванию радости (r=–0,12; p⩽0,05), проявляющие активную агрессию (r=0,20; p⩽0,01), ассертивную реакцию (r=0,13; p⩽0,05), подавленную агрессию (r=–0,17; p⩽0,01), оценивают ситуацию, активирующую зависть, как *сильную.* Высокий уровень силы зависти (ЗАВ) свойственен сотрудникам, склонным к проявлению активной агрессии и не подавляющим агрессию, к переживанию страха и гнева, не склонным к переживанию радости, что отражено в уравнении регрессии: ЗАВ=22,516+0,282СТР–0,227ПДА+0,058ГН–0,282РД+0,211АА.

Конструктивность совладания с завистью в служебных отношениях детерминирована ассертивностью реагирования, переживанием горя, отсутствием активной агрессии, о чем свидетельствует уравнение регрессии: К =25,768+0,287АР+0,085ГОР–0,186АА.

Корреляционный анализ позволил установить, что сотрудники, склонные к переживанию горя (r=0,13; p⩽0,05) и проявлению ассертивной реакции (r=0,18; p⩽0,01), используют в ситуации, активирующей зависть, *конструктивную причастность.* По результатам регрессионного анализа конструктивная причастность определена ассертивностью реагирования, уравнение регрессии: КП= 23,750+0,266АР.

Сотрудники, склонные к переживанию горя (r=0,14; p⩽0,05), проявляющие ассертивную реакцию (r=0,16; p⩽0,01) и бегство/уход (r=0,14; p⩽0,05), используют в ситуации, активирующей зависть, *конструктивную непричастность.* По результатам регрессионного анализа конструктивная непричастность определяется сочетанием ассертивности реагирования, страха, отсутствия активной агрессии, что отражено в уравнении агрессии: КНП =27,882+0,288АР–0,305АА+0,155СТР.

Деструктивность совладания с завистью в служебных отношениях обобщенно определяется активной агрессией, страхом, отсутствием подавленной агрессии, пассивной агрессией, уравнение регрессии: Д =18,452+0,236АА+0,108СТР–0,296ПДА+0,273ПА.

По результатам корреляционного анализа сотрудники, склонные к переживанию горя (r=0,13; p⩽0,05) и страха (r=0,20; p⩽0,01), проявляющие активную (r=0,21; p⩽0,01) и пассивную агрессию (r=0,17; p⩽0,01), прибегают в ситуации, активирующей зависть, к *деструктивной причастности.* Регрессионный анализ позволил установить, что деструктивная причастность определяется активной агрессией, страхом, неподавленной агрессией, пассивной агрессией, уравнение регрессии: ДП=18,688+0,214АА+0,129СТР–0,267ПДА+0,256ПА.

Установлены корреляционные связи между *деструктивной непричастностью* и переживанием гнева (r=0,14; p⩽0,05), страха (r=0,15; p⩽0,05), проявлением активной агрессии (r=0,21; p⩽0,01), пассивной

агрессии (r=0,15; p⩽0,05), и подавленной агрессии (r=0,13; p⩽0,05). По результатам регрессионного анализа деструктивная непричастность детерминирована активной агрессией, неподавленной агрессией, пассивной агрессией, что отражено в уравнении регрессии ДНП=17,774+0,274АА–0,328ПДА+0,330ПА.

Таким образом, значимость зависти в служебных отношениях связана с гневом, горем, ассертивной реакцией. Сила зависти определена переживанием горя, страха, проявлением активной агрессии. Конструктивность совладания с завистью в служебных отношениях связана с переживанием горя, ассертивностью реагирования и низким уровнем активной агрессии, деструктивность – активной агрессией, пассивной агрессией, низким уровнем подавленной агрессии и страхом.

Литература

Бескова Т. В. Приемлемость асоциального поведения субъектом зависти // Развитие человека в современном мире: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Новосибирск, 17–19 апреля 2012 г. / Под ред. Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. С. 295–299.

Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция. СПб.: Речь, 2007.

Фурманов И. А., Микелевич Е. Б. Адаптация методики «Совладание с завистью в служебных отношениях» // Философия и социальные науки. 2016. № 2. С. 82–87.

Boone A. L. The Green-Eyed Monster at Work: An Investigation of How Envy Relates to Behavior In the Workplace // A dissertation submitted for requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Virginia, George Mason University, 2005.

Особенности полимодального восприятия у подростков с различным уровнем тревожности

Е. А. Милюхина (*Иркутск*)

Актуальность данного исследования определяется необходимостью более полного изучения особенностей восприятия, а также состояния тревожности у подростков. Выявление особенностей чувственной перцепции у подростков, диктуется потребностью управлять полимодальным восприятием в процессе обучения в школе.

Состояние тревожности личности является центральной проблемой современной цивилизации и рассматривается, как характерная особенность внутреннего мира человека нашего времени (Егорова, 2007).

К тому же 9-е классы традиционно считаются «проблемными» в силу нестабильности социально-педагогической ситуации и возрастных особенностей развития.

Целью данного исследования является выявление особенностей полимодального восприятия и состояния тревожности у подростков.

Гипотеза исследования. Мы предположили, что у подростков с различным уровнем тревожности есть свои особенности полимодального восприятия.

Методы исследования. Для изучения тревожности у подростков, была взята методика Анны Михайловны Прихожан «Шкала личностной тревожности для учащихся 10–16 лет». Методика предназначена для определения уровня личностной тревожности (Прихожан, 2000).

В настоящей методике рассматривается пять шкал (общая тревожность, школьная тревожность, самооценочная тревожность, межличностная тревожность, магическая тревожность).

Для исследования полимодального восприятия у подростков, мы применили психодиагностическую методику (ОПМВ) выявления особенностей полимодального восприятия Т. Н. Бандурка, которая разработана на основе теоретической модели чувственного восприятия.

Опросник позволяет получить значения по 8 шкалам-модальностям восприятия (1 – кинестетическая, 2 – гаптическая, 3 – висцеральная, 4 – вкусовая, 5 – обонятельная, 6 – слуховая, 7 – зрительная, восприятие энергий 8 – восприятие людей (себя и других) и природы) на основании которых могут быть выявлены наиболее предпочитаемые и наименее предпочитаемые («ресурсные») модальности восприятия у подростков.

Также применялись методы описательной (дескриптивной) статистики и критерий U Манна–Уитни.

База исследования. Практическая часть исследования проводилась в ноябре – декабре 2016 г. на базе муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения г. Иркутска средней общеобразовательной школы № 21 (МБОУ г. Иркутска СОШ № 21). В исследовании приняли участие обучающиеся 9-х классов в количестве 64 человек. Возраст респондентов – 14–15 лет.

Для начала раскроем основные понятия. Полимодальность восприятия рассматривается нами как «системное свойство, охваты-

вающее и содержание восприятия, и его структуру, и взаимосвязь с другими психическими функциями индивида, личности, субъекта деятельности», которое «представляет собой интегративное качество восприятия, сформированное на основании сочетания сенсорных модальностей при ситуативном доминировании одной или нескольких из них, обеспечивающее целостность образа предмета или явления, отличающееся комплексностью и многофункциональностью и включенное в виде полноценного компонента в психику человека» (Бандурка, 2013, с. 60).

«Тревожность» обозначает состояние человека, характеризующееся повышенной склонностью к переживаниям, опасениям и беспокойству, и имеет отрицательную эмоциональную окраску.

Для наиболее лучшего описания результатов, мы посмотрели школьную успеваемость респондентов и разделили их на 3 группы: 1 группа, учащиеся которые учатся отлично в количестве одного человека; 2 группа, учащиеся, которые учатся хорошо, в количестве 20 человек, из них 6 мальчиков, и 14 девочек; 3 группа, учащиеся, которые учатся удовлетворительно, в количестве 43 человек, их них 18 девочек и 25 мальчиков. Так как в первой группе оказался всего один респондент, мы рассматривать эту группу не будем.

Как показывает наблюдение, подростки, которые имеют различную учебную успеваемость в школе на первый взгляд не отличаются в поведенческих реакциях: расширение связей с окружающим миром, широкое всепоглощающее общение со сверстниками, при этом собираясь в группы по интересам, личные пристрастия и увлечения (Крутецкий, 1980, с. 201), желание свою слабость и неудачливость в одной области восполнить успехами в другой, стремлении освободиться из-под опеки родителей, учителей, наставников, старшего поколения (Юсупов, 2008), переменчивое настроение.

У учеников, которые учатся хорошо, полимодальное восприятие у юношей и девушек, практически не отличается (статистически значимых отличий нет). На последнем месте бальных значений у юношей восприятие людей и природы и висцеральная модальность. Из чего можно предположить, что юноши, которые имеют хорошие оценки в школе, плохо чувствуют себя, а также других людей и природу, их восприятие больше направлено на зрительную и обонятельную модальность. У девушек также наиболее развиты зрительная и обонятельные модальности, когда как на последних позициях стоят слуховая и кинестетическая модальности. Можно предположить, что учащиеся мужского пола, которые учатся хорошо, используют слуховую модальность наиболее активно, чем респонденты-девушки.

Что касается тревожности, то в этой группе респондентов по всем шкалам в основном нормальный уровень тревожности. Те же респонденты, у которых повышенная тревожность по всем шкалам, имеют бальные значения полимодального восприятия на среднем уровне.

В группе респондентов, которые учатся удовлетворительно у юношей слуховая и висцеральная модальности находятся на низком уровне, у девушек кинестетическая и слуховая. Ни у одного из респондентов слуховая модальность не находится по бальным показателям на первом месте. Можно сказать, что данная модальность является ресурсной и требует развития, для повышения успеваемости. Так же как и группа респондентов, которые учатся хорошо, данная группа имеет наибольшие показатели по зрительной модальности восприятия, что можно интерпретировать как тот факт, что данные респонденты в образовательном процессе опираются на данную модальность.

Школьная тревожность почти у каждого из данной группы респондентов имеет повышенные результаты, можно предположить, что ученики испытывают чувство беспокойства в учебном процессе. Также выявились завышенные результаты по межличностной шкале тревожности у девушек, это можно объяснить их возрастными особенностями. Все остальные показатели тревожности в норме.

Так же была исследована мощность полимодального восприятия. Мощность – это среднее арифметическое всех модальностей. Мы увидели, что не зависимо от школьной успеваемости, мощность полимодального восприятия во всех группах почти равна. Мы можем предположить, что на школьную успеваемость влияют лишь отдельные модальности чувственного восприятия. Например, учащиеся, которые учатся удовлетворительно, почти не задействуют слух, но у них хорошо развита зрительная модальность. Данная модальность также находится на первом месте и у подростков, обучающихся хорошо, зато они плохо воспринимают себя (висцеральная модальность).

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить особенности полимодального восприятия и состояния тревожности у подростков 9-х классов.

Сравнительный анализ модальностей в полимодальном восприятии показал, что наша гипотеза (мы предположили, что у подростков с различным уровнем тревожности, есть свои особенности полимодального восприятия) не подтвердилась. Во всех уровнях тревожности (школьная, самооценочная, межличностная, магическая)

у респондентов, наиболее развиты такие модальности, как зрительная, вкусовая и обонятельная. Наименее развита кинестетическая.

Что касается тревожности, то различна только школьная тревожность и чем она выше, тем хуже учится ребенок.

Зная особенности полимодального восприятия у обучающихся 9-х классов, можно активизировать, развить каждую из модальностей восприятия, что позволит гармонизировать полимодальное восприятие у респондентов, что, как нам думается, будет способствовать развитию учебной деятельности.

Литература

Бандурка Т. Н. Осознание собственного полимодального восприятия у студента как путь развития его субъектности и понимания им своих духовно-нравственных истоков // Экспериментальная психология. 2013. Т/ 6. № 4. С. 59–66.

Егорова Т. Е. Психологическая культура и саморегуляция состояний тревожности // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 68–76.

Крутецкий В. А. Психология: Учебник для учащихся пед. училищ. М.: Просвещение, 1980.

Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 2000.

Юсупов И. М. Психологический дизонтогенез и психогенные расстройства (детско-подросткового возраста): Научно-справочное издание / Под науч. ред. В. Д. Менделевича. 2-е изд., стер. Казань: Отечество, 2008.

Влияние самооценки супругов на их удовлетворенность браком

Е. А. Миронова, Л. А. Пузырёва (*Ярославль*)

Семья является важнейшей социальной средой формирования личности и основным институтом психологической поддержки и воспитания, отвечающим не только за социальное воспроизводство, но и за воссоздание определенного образа жизни, образа мыслей и отношений.

В последние годы, как отмечают многие советские социологи и демографы, в развитии института семьи в нашей стране и за рубе-

жом наблюдается ряд негативных явлений: все больше людей предпочитает не вступать в брак, увеличивается число одиноких мужчин и женщин, увеличивается количество альтернативных форм устройства собственной жизни, растет количество разводов, снижается уровень рождаемости, становится больше «неполных» семей, нарастает количество «повторных» браков, интенсифицируются сексуальные отношения вне института брака и т. п. Все это требует более глубокого понимания процессов, происходящих в современной семье, с целью использования этих знаний как для оптимизации межличностных отношений при оказании консультативной помощи, так и при подготовке молодежи к браку.

Цель нашей работы: исследовать взаимосвязь удовлетворенности браком и уровня самооценки супругов.

Анализ литературных источников показал, что вопросы, имеющие отношение к качеству брака, удовлетворенности супругов семейными отношениями, как и само понятие качества брака, исследованы недостаточно.

В классификации факторов, влияющих на качество семейно-брачных отношений, на удовлетворенность браком супругов, в недостаточной степени уделено внимание таким показателям, как темперамент супругов, самооценка, взаимооценка, уровень интеллектуального развития и пр.

В то же время известно, что низкая самооценка сопровождается сильным чувством тревоги и неуверенностью в себе, отсутствием адекватных представлений о достоинствах и недостатках (как своих, так и чужих). Человек с низкой самооценкой возлагает большие надежды на других, требует излишнего внимания, но вместе с тем он полон страха, он готовится к разочарованиям и не доверяет людям. Все это, безусловно, будет сказываться на отношениях между супругами и их удовлетворенности браком.

Гипотезы

1. Существует связь между самооценкой супругов и их удовлетворенностью браком.
2. При сравнении студенческих семей и семей «специалистов» связи между самооценкой супругов и удовлетворенностью браком будут различны.

Для реализации поставленной цели и проверки гипотез нами был подобран комплекс методов и методик: опросник удовлетворенности браком (В. В. Столин, Т. Л. Романова и Г. П. Бутенко), методика

исследования самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантилеев), математические методы статистической обработки полученных данных. Результаты обрабатывались с помощью статистического пакета Statistica 10.

Объект исследования: семья. *Предмет исследования:* характер взаимосвязи между удовлетворенностью браком и самооценкой супругов.

В исследовании приняли участие 75 человек. 33 мужчины и 42 женщины, из которых 19 мужчин и 21 женщина – студенты; 14 мужчин и 21 женщина – «специалисты» – работают по специальности.

Исследование проходило в несколько этапов.

На *первом этапе* мы оценивали удовлетворенность браком наших респондентов. Результаты исследования выявили высокий уровень удовлетворенности браком у большинства респондентов. 53% пар имеют рассогласованность в субъективной оценке удовлетворенности браком (по-разному оценивают свой брак). При сравнении студенческих семей и семей из группы «специалисты» было обнаружено, что наиболее удовлетворены браком мужчины в студенческой семье, наименее – женщины специалисты. Средний показатель удовлетворенности браком выше в студенческой семье.

На втором этапе мы исследовали уровень самоотношения мужчин и женщин. Сравнительный анализ по U-критерию Манна–Уитни в общей выборке значимых различий не выявил. При обработке данных полученных в выборке студенческих семей, в структуре самоотношения у мужчин-студентов были выявлены высокие показатели по шкалам «самоуверенность», «саморуководство» и «самоценность», что характеризует их как уважающих себя, довольных собой и своими достижениями, ощущающих свою компетентность и способность решать многие жизненные вопросы, а любые проблемы воспринимать как преодолимые. Были выявлены значимые различия мужчин и женщин студентов по шкалам: самоуверенность и самопривязанность (данные показатели выше у мужчин). При обработке результатов методики среди семей «специалистов» были выявлены значимые различия мужчин и женщин по шкале «отраженное самоотношение». Данный показатель выше у женщин. Таким образом, женщины-специалисты *убеждены в том, что их личность, характер и деятельность способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение и* склонны ожидать положительного отношения к себе. Однако женщины-студентки таких тенденций не обнаруживают (их показатели, наоборот, приближены к границе низких значений). Объясняется это, скорее всего, наличием опыта. Именно богатый жизненный опыт позволяет женщине-специалисту чувствовать свою

компетентность и способность решать многие жизненные вопросы, а как следствие, ощущать свою цену и чувствовать свою значимость. Среди мужчин специалистов и мужчин студентов значимых различий обнаружено не было. Стоит отметить, что большинство шкал самоотношения в мужской и женской выборках меняют свою полярность. Если у мужчин с изменением статуса показатели самоотношения из высоких переходят к умеренным, то в женской выборке наблюдается противоположная ситуация.

На третьем этапе исследовался характер взаимосвязи между удовлетворенностью браком и шкалами самоотношения. Для этого мы использовали корреляционный анализ, а именно коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Было обнаружено, что показатель «удовлетворенность браком» имеет положительную корреляционную связь с параметрами: «самоуверенность», «отраженное самоотношение» и «самоценность», и отрицательную корреляционную связь с параметрами: «внутренняя конфликтность» и «самообвинение». При рассмотрении результатов отдельно на мужской и женской выборке мы выяснили, что шкалы «самоуверенность» и «самоценность» статистически достоверно влияют на удовлетворенность браком за счет женщин.

Полученные результаты и выводы

Шкала «самоуверенность» имеет положительную корреляционную связь с удовлетворенностью браком за счет женщин. Если женщина относится к себе как к уверенному, самостоятельному, волевому человеку, который знает за что себя уважать – она удовлетворена браком.

Показатель «удовлетворенность браком» имеет положительную корреляционную связь с параметром «отраженное самоотношение» за счет женщин студенток, т. е. удовлетворенность браком у женщин-студенток находится в прямой зависимости от их представлений о способности вызвать у других людей уважение, симпатию, одобрение, а также ощущение ценности собственной личности и предполагаемую ценность собственного «Я» для других.

В свою очередь, для женщин-специалистов значимым критерием удовлетворенности является внутренняя конфликтность.

Какой бы ни была классификация групп, наиболее значимое влияние на удовлетворенность браком оказывает именно показатель внутренней конфликтности, как среди мужчин, так и среди женщин. Чем сильнее у партнеров выражено негативное самоотношение, преобладание внутренних конфликтов, сомнений и несогласия с собой, тем меньше они удовлетворены браком.

Таким образом, чем больше партнер, а в особенности девушка-специалист склонна к контролю над своим «Я», чрезмерной требовательности к себе, глубокой оценке всего, что происходит в ее внутреннем мире (рефлексии), тем более у нее выражено самокопание, приводящее к нахождению в себе осуждаемых качеств и свойств, самообвинениям, что нередко приводит к конфликту между «Я» реальным и «Я» идеальным, между уровнем притязаний и фактическими достижениями, к признанию своей малоценности и как следствие – преобладанию субъективного ощущения неудовлетворенности и наименьшей удовлетворенности браком.

В группе мужчин-студентов связи удовлетворенности браком с шкалами самоотношения обнаружено не было.

Существует статистически значимая обратно пропорциональная корреляционная взаимосвязь между удовлетворенностью браком партнеров и самообвинением. Чем сильнее у партнеров проявляется выраженность отрицательных эмоций в адрес своего «Я», тем меньше они удовлетворены браком. Наибольшее влияние на удовлетворенность браком оказывает самообвинение мужчин-специалистов.

Обнаруженные статистически значимые взаимосвязи между удовлетворенностью браком и шкалами самоотношения позволяют нам сделать вывод о взаимосвязи удовлетворенности браком и самооценки супругов. В студенческих семьях и семьях «специалистов» данные связи различны.

В будущем мы планируем более глубокое изучение данной темы.

Литература

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.

Мюллер-Лиэр Ф. Формы брака, семьи и родства. М.: П. Г. Дауге, 1913.

Измерение понимания подростками поэтического текста

К. В. Миронова (*Москва*)

Поэтический текст является объектом пристального внимания исследователей из разных областей знания: не только филологии, но и философии, психологии, культурологии. Д. А. Леонтьев, называя поэзию «уникальным психологическим феноменом», подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода к ее изучению (Леонтьев, 2010, с. 20). В лирике заложены огромные возможности

для развития психоэмоциональной сферы подростков, их творческих и познавательных способностей. Однако, как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, этот потенциал зачастую остается нереализованным в связи со сложностью поэзии для восприятия и оценивания уровня ее понимания.

Мы считаем, что важную роль в решении этой проблемы мог бы сыграть научно обоснованный формирующий тест, позволяющий не только выявить, но и повысить уровень понимания лирики подростками. Отметим, что в настоящее время такой инструментарий отсутствует. Таким образом, *цель* нашего исследования заключается в операционализации понятия «понимание поэтического текста», разработке пробной версии методики, выполняющей как диагностическую функцию измерения, так и обучающую функцию повышения уровня понимания поэзии школьниками 6—8-х классов.

Гипотезы исследования. Понимание поэзии может быть представлено моделью, содержащей последовательные этапы взаимодействия читателя с поэтическим текстом, в котором, в свою очередь, выделяются несколько планов, различаемых по степени эксплицитности и смысловой наполненности. Возможна практическая реализация этой модели в проверочно-обучающем тесте для подростков.

Методология исследования. Операционализация представляет собой «перевод теоретического конструкта в наблюдаемые переменные путем выделения эмпирических индикаторов» (Hox, 1997, с. 53). Результатом операционализации, основанной на теоретико-методологическом анализе, явилось создание нами собственной модели понимания поэтического текста и выделение индикаторов понимания. Таким образом, изучаемое понятие было определено в терминах операций (методов), используемых для его измерения. Получившаяся модель легла в основу пробной версии теста, при разработке которой мы опирались на предложенную Н. А. Батуриным и Н. Н. Мельниковой схему процесса создания психодиагностических методик (Батурин, Мельникова, 2009). В ходе этой работы были учтены итоги качественного и количественного анализа данных проведенного нами разведывательного эмпирического исследования понимания подростками лирики. В исследовании приняли участие 132 учащихся 6-х (n=28), 7-х (n=55) и 8-х (n=49) классов трех московских общеобразовательных школ.

Основные этапы и результаты

Во-первых, был осуществлен анализ релевантных литературных источников и разработаны концептуальные основы инструмента. В своей

работе мы придерживаемся точки зрения научной школы Г. Г. Граник, согласно которой в процессе, направленном на понимание, слиты мышление, память, внимание, воображение и другие познавательные, эмоциональные и волевые процессы, а также свойства и способности личности (Граник, Бондаренко, Концевая, 2007). Чтение художественного произведения должно быть основано на интеракции между читателем, самим текстом, имеющимися у читателя знаниями о читательском процессе и различными контекстами – психологическим, социальным, культурным и др.

Во-вторых, была разработана модель понимания поэтического текста и выделены индикаторы понимания. Модель включает в себя три этапа взаимодействия читателя с произведением:

- *синкретический:* эмпатический отклик, целостное «схватывание» произведения (в том числе его общего смысла);
- *аналитический:* анализ произведения (образной системы, лирического сюжета, композиции и др.);
- *синтетический:* интерпретация произведения («интерпретационный синтез»).

В поэтическом тексте мы выделяем четыре тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных плана, различаемых по степени эксплицитности и смысловой наполненности:

- *внешний* (*эксплицитный*) *план:* лирический герой, персонажи, действие и его развитие (лирический сюжет); рифмо-ритмическая организация стихотворения, его композиционное устройство, в том числе строфика;
- *средний* (*эксплицитно-имплицитный*) *план:* эмоционально-образное, психологическое содержание; средства художественной выразительности (звукопись, тропы); жанр; декларируемое идейно-философское содержание;
- *внутренний* (*имплицитный*) *план:* глубинное, непосредственно не выраженное содержание, заложенное автором; подтекст;
- *контекстуальный* (*фоновый*) *план:* различные контексты стихотворения, в том числе историко-художественный, философский, культурный, контекст собственного творчества автора.

Для выполнения тестовых заданий необходимо сознательное выявление заложенных в стихотворении планов, т. е. переход на второй – аналитический – этап взаимодействия с текстом, а затем и на этап синтеза.

В-третьих, было проведено разведывательное эмпирическое исследование, направленное на решение следующих задач: 1) выяснить,

как учащиеся справляются с вопросами на понимание пройденных стихотворений; 2) выявить основные трудности и проблемы в понимании подростками поэзии.

В ходе данной работы школьники 6–8-х классов (n=132) письменно отвечали на уроке на вопросы по одному-двум стихотворениям. Проведенное исследование показало, что учащиеся испытывают трудности в понимании не только эксплицитно-имплицитного плана, но и более очевидного эксплицитного плана стихотворения. Так, 69,7% подростков привели ошибочные трактовки значений ряда слов, образных выражений. 65,9% учащихся допустили ошибки в использовании литературоведческих терминов, которые, в соответствии с программой, должны уже быть им известны. При ответе на вопрос, касавшийся мыслей и чувств, вызванных стихотворением, большинство школьников ограничились общими словами, которые были скорее отпиской, а не результатом «встречи» с текстом. Только в 13,6% ответов были выражены более глубокие чувства и мысли, имевшие непосредственное отношение к рассматриваемому произведению и содержавшие соотнесение поднимаемых в нем вопросов со своим жизненным опытом. Сравнение средних значений между классами по критерию Краскела–Уоллиса показало отсутствие значимых различий.

На основе полученных данных мы пришли к выводу, что традиционный тест достижений не подходит для измерения уровня понимания лирики подростками: низкий уровень имеющихся у них знаний и навыков может сделать такую проверку источником негативных эмоций и еще больше дистанцировать учащихся от поэзии. В качестве наиболее адекватной формы мы выбрали формирующий тест с обучающими модулями, который содержит открытые задания, требующие краткого или развернутого ответа (Миронова, 2017).

В-четвертых, на основе всех предыдущих этапов исследования были разработаны спецификация, два пробных варианта теста, а также ключи с рубриками оценивания. Поскольку в основу теста мы закладываем технологию «медленного чтения» (М. О. Гершензон, Л. В. Щерба, А. А. Леонтьев, М. Л. Гаспаров, Д. С. Лихачев, А. Б. Есин и др.), в каждом варианте представлены задания не более чем по одному–двум стихотворениям.

В-пятых, были проведены индивидуальные и коллективные экспертные обсуждения созданной модели, индикаторов понимания, спецификации, тестовых заданий и рубрик оценивания. На основе полученных замечаний были осуществлены необходимые корректировка и доработка.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования подтвердилась первая выдвинутая нами гипотеза о возможности представления понимания поэтического текста в виде модели. Также мы можем говорить о подтверждении второй гипотезы, касающейся практической реализации этой модели в проверочно-обучающем тесте для подростков, хотя о полном подтверждении говорить пока рано, что обусловлено ограничениями исследования. Данные ограничения связаны, прежде всего, с отсутствием эмпирической апробации в целевой аудитории разработанной пробной версии теста, что не позволяет нам сделать каких-либо выводов, относящихся к его психометрическим характеристикам. Это ограничение является предпосылкой для формулирования новых исследовательских вопросов и продолжения работы над созданием теста, в том числе проведения пилотажа, анализа психометрических свойств, отбора и корректировки заданий, уточнения критериев оценки и т. д.

Литература

Батурин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов. Ч. I // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2009. Вып. 6. № 30. С. 4–14.

Граник Г. Г., Бондаренко С. М., Концевая Л. А. Как учить работать с книгой. М.: Мой учебник, 2007.

Леонтьев Д. А. Поэтическое творчество: от литературного и культурного контекста к жизненному // Библиотечное дело. 2010. № 10. С. 20–25.

Миронова К. В. Формирующее оценивание понимания подростками поэтического текста // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: Материалы II-й Международной научно-практической конференции. Калуга, 2017. С. 543–548.

Hox J. J. From Theoretical Concept to Survey Question // L. Lyberg, P. Biemer, M. Collins, E. DeLeeuw, C. Dippo, N. Schwarz, D. Trewin (Eds). Survey Measurement and Process. N. Y.: Wiley, 1997. P. 47–69.

Сравнение реальной и сетевой идентичности пользователей социальных сетей (на примере социальной сети «ВКонтакте»)

А. В. Митрофанова (*Санкт-Петербург*)

В настоящее время Интернет прочно вошел в повседневную жизнь значительного числа людей, а сетевые структуры получили широкое распространение в культуре. Интернет как новая коммуникатив-

ная среда становится сферой самопрезентации и самоутверждения индивида, расширяя при этом как коммуникативные возможности человека, так и границы его личностной идентичности (Войскунский, 2013; Веселова, 2014). В связи с этим проблематика, связанная с сетевой идентичностью, уже прочно заняла свое место среди наиболее актуальных на сегодня тем для изучения.

Исследователи наблюдают взаимопроникновение реальной и сетевой идентичности, позволяющее утверждать, что реальная идентичность включает элементы сетевой, а сетевая идентичность в определенной степени соответствует реальной. Но по каким именно параметрам идентичностей происходит взаимопроникновение? Является ли сетевая идентичность самостоятельным личностным конструктом, или все же опосредована биографическим опытом и самоотношением пользователя? Эти вопросы подтолкнули нас к проведению настоящего исследования.

Предметом данного исследования является соотношение сетевой и реальной идентичности пользователей «ВКонтакте».

Цель исследования – выявить особенности соотношения сетевой и реальной идентичности пользователей сети Интернет (на примере социальной сети «ВКонтакте»).

Задачей данного исследования является выявление особенностей сетевой и реальной идентичности с учетом личностных характеристик и биографического опыт пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Гипотезы исследования

1. Переживание пользователями высокой эмоциональной вовлеченности в жизнь интернет-сообщества снижает значимость основных компонентов их реальной идентичности.
2. Сетевая и реальная идентичность являются сходными по компонентам, отражающим потребность в кооперации с другими людьми.
3. Сетевая идентичность опосредована биографическим опытом и самоотношением пользователей.

Исследование проводилось с помощью интернет-сервиса Google-формы: сформированный нами текст опроса был загружен в Google-формы, ссылка на опрос была закреплена на странице ВКонтакте, принадлежащей исследователю, приветствовалось максимальное распространение данного опроса.

В исследовании на основном этапе приняли участие 110 пользователей сети ВКонтакте (65% женщин, 35% мужчин), преимуществен-

но студенты и выпускники вузов России городов Санкт-Петербург, Новосибирск, Москва, Курск, Орел, Брянск. Возраст респондентов варьировался от 17 до 28 лет.

При обработке результатов применялись методы описательной статистики: вычисление средних показателей, t-критерий Стьюдента для сравнения независимых выборок, корреляционный анализ.

В данном исследовании использовались следующие методики: опросник «Аспекты идентичности» Дж. Чика, анкета «Аспекты сетевой идентичности» И. М. Богдановской, Т. А. Флениной, опросник самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантилеева, методика изучения личностной идентичности (МИЛИ) Л. Б. Шнейдер, опросник М. Куна «Кто Я?».

На основании данных, полученных с помощью методики «Аспекты сетевой идентичности» (И. М. Богдановская, Т. А. Фленина), респонденты были разделены нами на две подгруппы – пользователи с высокой и низкой степенью выраженности сетевой идентичности. Степень выраженности сетевой идентичности мы рассматривали и как степень эмоциональной вовлеченности в сетевую активность. В первой группе оказалось 57 пользователей, во второй группе – 63.

Мы установили, что переживание пользователями высокой эмоциональной вовлеченности в жизнь интернет-сообщества (высокая степень выраженности сетевой идентичности) снижает значимость основных компонентов их реальной идентичности. Такой компонент реальной идентичности, как *личностная идентичность,* понимаемая в нашем исследовании как общая оценка своей личности с точки зрения ее непрерывности, самотождественности, отличия от других, образует в группе с высокой степенью выраженности сетевой идентичности *отрицательные корреляции* с ценностью свободы и контроля в ходе онлайн общения, преобладанием виртуального общения в ущерб реальной жизнедеятельности, ощущением самоценности, значимости и принятия в онлайн-сообществе.

Реляционная идентичность, направленная на оценку значимости межличностных отношений, например, «Мои отношения с близкими мне людьми», *отрицательно коррелирует* с удовлетворенностью при использовании социальной сети, ощущением самоценности и значимости в онлайн-сообществе у пользователей с высокой степенью выраженности сетевой идентичности

Также мы выяснили, что сетевая и реальная идентичность являются сходными по компонентам, отражающим потребность в кооперации с другими людьми, а сетевая идентичность опосредована биографическим опытом и самоотношением пользователей. Испытуемые

с высокой степенью выраженности сетевой идентичности достоверно склонны негативно оценивать свою семейную ситуацию, также на уровне тенденции у них проявлен синдром семейного дефицита. Таким образом, мы можем сделать вывод, что проблемы в семейной сфере побуждают пользователей проводить больше времени в Сети, увлекаясь процессом создания собственной сетевой личности, не имеющей ничего общего с проблемной средой в реальной жизни.

Сетевая идентичность у пользователей с ее высокой степенью выраженности перестает быть полной проекцией личностной идентичности; она обретает самостоятельные характеристики, которые пользователь не проявляет в своей реальной жизни – зачастую они являются латентными, привлекательными, желаемыми к реализации, но недостижимыми в обычной среде. Также при наличии у человека нескольких профилей в социальных сетях одновременно они могут обладать взаимоисключающими характеристиками по любым аспектам идентичности – вплоть до гендерных и биометрических. Как отмечает А. Е. Войскунский: «...в сетевой идентичности становятся вполне наглядными некоторые аспекты идентичности, которые не всегда акцентируются в традиционных ситуациях <...> Более того, среди наиболее наглядных характеристик сетевой идентичности – легкости видоизменения вплоть до полной замены на нечто в каком-то смысле противоположное, а также сравнительно не часто встречающиеся в обыденной жизни феномены не просто множественной, а в полном смысле этого слова альтернативной идентичности» (Войскунский и др., 2013).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что сетевая идентичность имеет под собой в качестве фундамента реальную идентичность человека, однако в случае высокой степени выраженности сетевой идентичности она входит в область сознательного контроля человека и может быть преобразована по собственному усмотрению, вплоть до прямой противоположности. У пользователей с низким и средним уровнем выраженности сетевой идентичности она, как правило, в значительной степени дублирует реальную идентичность по ключевым компонентам, а онлайн-активность группы по интересам практически полностью соответствуют увлечениям человека в реальной жизни.

Литература

Богдановская И. М., Фленина Т. А. Роль социальных сетей в конструировании сетевой идентичности // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском универ-

ситете: Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. Т. 3 / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 346–350.
Веселова Е. К. Личность в виртуальном мире и нравственная регуляция поведения // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2014. № 1 (23). С. 9–14.
Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
Фленина Т. А. Сравнительный анализ содержания сетевой идентичности: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2016.

Когнитивно-личностные особенности студентов в сетевой активности

Д. А. Михайлова (*Москва*)

Потребность сетевого взаимодействия выдвигает особые требования современной молодежи. Поэтому помимо знаний об информационных процессах, операциональных навыков, умений, знаний о специальных программных продуктах пользователя, нужно развивать когнитивно-личностные характеристики, раскрывающиеся в предпочитаемом стиле мышлении и выработанном учебном стиле деятельности, которые позволяют выделить ценностные аспекты информации; самостоятельно критически оценивать информационные ресурсы, сохранять контролируемую открытость при сетевом и информационном взаимодействии.

Исследования Б. М. Величковского и А. Е. Войскунского подтверждают, что когнитивные стили связаны с эффективностью и активностью сетевого взаимодействия человека (с Интернетом и компьютерными системами, виртуальной реальностью) (Величковский, 2011; Войскунский, 2014).

Возможности использования сетевых ресурсов с целью реализации коммуникативной, учебной, познавательной, профессиональной деятельности делают сетевое взаимодействие определенным пространством, где реализуются разные стратегии поведения пользователей, проявляются индивидуально-личностные особенности (Сунгурова, 2014). Поэтому организация информационного пространства должна способствовать не только актуализации познавательной потребности и поисковой активности, но и обеспечивать психологическую безопасность личности, реализовывать

индивидуальные траектории развития и обучения, учитывать когнитивно-личностные особенности студента в информационно-сетевом взаимодействии.

Проблема исследования состоит в важности и необходимости изучения когнитивно-личностных характеристик, учебных стилей и стилей мышления в сетевом взаимодействии, так как в последнее время среди молодого поколения резко возросла потребность в информационном обмене. В свою очередь, информационная среда имеет свои закономерности развития и существования, отличается чрезвычайной насыщенностью и самым разнообразным содержанием.

Целью нашего исследования является выявление когнитивно-личностных особенностей студентов с разными стратегиями сетевого взаимодействия.

В ходе работы были выдвинуты следующие *гипотезы исследования.*

1. Существуют доминирующие тенденции в стратегиях сетевой активности, учебных стилях и стилях мышления студентов. Для студенческой аудитории характерно преобладание «Активности в восприятии альтернатив», использование аудиального учебного стиля, а также предпочтение аналитического и реалистического стилей мышления.
2. Стратегии сетевого поведения студентов связаны с доминирующими стилевыми особенностями обработки информации и мышления и личностными характеристиками.

Психодиагностический комплекс составили следующие методики: Опросник «Стили мышления» (в адаптации А. А. Алексеева), Опросник поведения в Интернете (А. Е. Жичкиной), Методика «Диагностика учебных стилей» (Флеминг и Миллс, VARK), Пятифакторный личностный опросник МакКрае-Коста «Большая пятерка» (в интерпретации А. Б. Хромова).

В исследовании применялись методы математической статистики, такие как коэффициент корреляции Спирмена, критерии Фридмана и Манна-Уитни. Математическая обработка проведена в статистической программе SPSS 13.00.

Исследование проводилось на филологическом факультете (40 человек) и физико-математический факультете (40 человек) Российского университета дружбы народов. Всего в исследовании приняли участие 80 человек в возрасте от 17 до 23 лет, из них 26 – юноши, 54 – девушки. Средний стаж пользования компьютером – 9 лет.

В ходе проведенного нами эмпирического исследования были получены следующие результаты.

В целом, в поведении обучающихся преобладает стратегия «Активность в восприятии альтернатив». Соотношение шкал по средним показателям распределилось следующим образом: «активность в восприятии альтернатив» (2,43) преобладает в поведении над «активностью в действии» (1,58) и «интернет-зависимостью» (1,99). Математическая обработка данных в SPSS с помощью критерия Фридмана выявила статистически значимые различия (χ_{r2}=32,205; p<0,01). Таким образом, студенты ориентированы на получение информации из интернет-среды, проявляют к ней осознанный интерес, что позволяет удовлетворять ряд потребностей – поиск информации, способ времяпрепровождения, а также общение и уход от одиночества.

У респондентов наиболее выражен аудиальный тип восприятия новой информации (3,12), что говорит о предпочтении получения информации посредством лекций, семинаров и групповых дискуссий. Соотношение шкал по средним показателям распределилось следующим образом: аудиальный стиль (3,12) преобладает над кинестетическим (2,58), вербальным (2,39) и визуальным (1,91) учебными стилями. Математическая обработка данных в SPSS с помощью критерия Фридмана выявила статистически значимые различия (χ_{r2}= 38,311; p<0,01). Доминирование аудиального и кинестетического стилей мышления может быть связано с современным увлечением молодежи музыкальной культурой, играми и разнообразными приложениями, что позволяет совмещать различные виды деятельности с прослушиванием музыки, а также производить различные манипуляции с техническими устройствами.

Для студентов характерно доминирование аналитического (3,74) и реалистического (3,25) стилей мышления, поэтому студенты склонны к методичной, логической и тщательной манере решения проблем, а также ориентированы на признание достоверных фактов. Статистическая обработка данных с помощью критерия Фридмана выявила значимые различия (χ_{r2}= 36,907; p<0,01).

В ходе нашего исследования был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Шкала «Интернет-зависимость» отрицательно коррелирует с шкалой «Реалистический стиль мышления» (r=–0,290; p=0,01). Студенты, склонные к интернет-зависимости, в меньшей мере испытывают желание непосредственно участвовать в чем-то, также студенты менее ориентированы на исправление, коррекцию ситуаций в целях достижения определенного результата, реже «подключены к реальности» через практику. Шкала «Интернет-зависимость» отрицательно коррелирует с «Кинестетическим учебным стилем»

(r=–0,0348; p=0,01). Студенты, склонные к интернет-зависимости реже «подключены к реальности» через практику. Вероятно, виртуальный мир вызывает у студентов больший интерес, чем практическая реальность. Шкала «Интернет-зависимость» положительно коррелирует с шкалой «Прагматический стиль мышления» (r=0,250; p=0,05). Важным является то, что студентов привлекает быстрота и легкодоступность получения информации посредством Интернета независимо от ее качества.

Таким образом, гипотезы нашего исследования подтвердились. Полученные нами результаты требуют дальнейшего осмысления, многие аспекты требует более глубокого изучения и интерпретации, в ходе которого могут возникнуть новые области в изучении данной проблематики.

Литература

Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии и познания: том 2. М.: Смысл; Академия, 2011.

Войскунский А. Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. 2014. Т. 2 (14). С. 90–103.

Сунгурова Н. Л. Индивидуально-личностные особенности студентов в информационно-психологическом пространстве. М.: РУДН, 2014.

Сунгурова Н. Л. Личностные детерминанты взаимодействия студенческой молодежи с информационно-компьютерными технологиями. М.: РУДН, 2017.

Sungurova N. L, Karabuschenko N. B., Mikhailova D. Individually-stylistic peculiarities of students with different types of network activity // European humanities studies: State and Society / Europejskie studia humanistyczne: Państwo i Społeczeństwo. Poland, Slupsk, AcademiaPomorskaw. Slupsku, 2017. № 1. P. 154–166.

Исследование доминирующих копинг-стратегий и механизмов психологической защиты у будущих педагогов, склонных к виктимному поведению

А. А. Мишин (*Севастополь*)

Актуальность исследуемой проблемы. В современных условиях нестабильности и неопределенности, стрессов и потенциальных опасностей, все большее количество людей испытывает трудности в преодолении кризисных ситуаций, что приводит к нарушениям

социальной адаптации, ориентировки людей в окружающей действительности, невозможности осуществления точного прогноза своего будущего, трудностям осознанного совладания с критическими, конфликтными, стрессовыми и трудными жизненными ситуациями и, как следствие, к социальной виктимизации.

Сегодня все чаще к психологам обращаются люди с вопросами выбора рациональных и эффективных стратегий преодоления последствий конфликтов, стрессов, насилия. В этой связи актуальность приобретают социально-психолого-виктимологические исследования особенностей копинг-поведения и механизмов психологической защиты, особенно у людей, склонных к самопожертвованию и виктимному поведению, например педагогов.

Особенности и проявления совладающего поведения освещены в трудах многих отечественных (Р. М. Грановская, Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, И. П. Стрельцова и др.) и зарубежных ученых (R. S. Lazarus, S. Folkman, R. McCrae, P. Costa, L. Murphy, A. Moriarity и др.). При этом результаты анализа научной литературы свидетельствуют о том, что недостаточно изученной остается проблема выбора и применения эффективных копинг-стратегий представителями студенческой молодежи. Так, согласно данным наших исследований, студенты-педагоги испытывают затруднения в выборе адаптивных стратегий совладающего поведения как альтернативы действию психологических защит, что детерминирует и усиливает их виктимизацию.

Недостаточная изученность генезиса виктимного поведения, его взаимосвязи с защитными механизмами, особенностями совладающего поведения и некоторыми другими личностными особенностями, с одной стороны, и актуальная потребность практиков в знаниях причин, способов профилактики и коррекции виктимного поведения студентов-педагогов, с другой стороны, обусловили выбор темы исследования и контингента испытуемых.

Цель исследования: анализ взаимосвязи особенностей выбора копинг-стратегий и доминирующих механизмов психологической защиты у студентов-педагогов, склонных к разным типам виктимного поведения.

Гипотеза: склонность будущих педагогов к разным типам виктимного поведения связана с выработанными у них защитными механизмами и доминирующими копинг-стратегиями.

Характеристики *выборки.* С целью проверки выдвинутой гипотезы и выявления особенностей и характера взаимосвязи исследуемых параметров нами было проведено пилотное исследование на выбор-

ке студентов-педагогов; направление подготовки 44.03.01 – педагогическое образование. В исследовании приняли участие 25 студентов третьего, первого курса, в возрасте от 18–20 лет; все испытуемые женского пола.

Использованные психодиагностические методики

1. Методика исследования склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова).
2. Методика определения защитных механизмов (Р. Плутчик).
3. Методика определения копинг-стратегий (Р. Лазарус, С. Фолкман; адаптация: Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляева).

Математические методы, применявшиеся при анализе данных. Наличие и характер корреляционных связей между исследуемыми показателями определялись с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их интерпретация

Методика «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андрониковой (Андронникова, 2004) позволила выявить следующие тенденции:

– у всех испытуемых выявлена склонность к тому или иному типу виктимного поведения, а 76% склонны одновременно к нескольким типам;
– 40% испытуемых склонны к пассивным формам виктимного поведения: зависимому, беспомощному и некритичному;
– выше нормы показатели склонности к гиперсоциальному поведению у 24% студентов.

С помощью «Методики определения защитных механизмов» Р. Плутчика (Райгородский, 2000) выявлены ниже нормативных показатели таких защитных механизмов как гиперкомпенсация (64%), вытеснение и замещение (52%). Выше нормы у испытуемых выборки показатели защитных механизмов: отрицание (44%) и рационализация (40%).

При определении наличия и характера корреляционных связей между виктимным поведением и механизмами психологической защиты удалось выявить сильные корреляции между: а) агрессивным виктимным поведением и механизмами замещение (0,63) и проекция (0,65); б) зависимым виктимным поведением и защитными механизмами вытеснение (0,63), регрессия (0,63) и отрицание (0,61); в) некритичным виктимным поведением и отрицанием (0,65); г) реализованным виктимным поведением и защитными механизмами регрессия (0,53) и отрицание (0,54).

Изучение степени владения испытуемыми различными стратегиями совладания с использованием методики Р. Лазаруса–С. Фолкмана (Крюкова, Куфтяк, 2007) позволило выявить:

– у испытуемых выборки преобладают: принятие ответственности (40%), планирование решения проблем (40%) и самоконтроль (24%);
– имеются сильные корреляционные связи между: а) агрессивным виктимным поведением и конфронтационным копингом (0,64); агрессивным виктимным поведением и самоконтролем (–0,54); б) саморазрушающим виктимным поведением и конфронтационным копингом (0,67); в) зависимым виктимным поведением и стратегиями дистанцирования (0,56), поиска социальной поддержки (0,53), бегством–избеганием (0,52).

Анализ, интерпретация и обобщение результатов проведенного нами исследования позволили наметить направления психопрофилактической и психокоррекционной работы с будущими педагогами, среди которых в качестве приоритетных можно выделить:

– развитие умений применять адаптивные, конструктивные копинг-стратегии, адекватные ситуации;
– развитие навыков адекватного осознания, оценивания и принятия ситуации;
– развитие умений адекватно оценивать ситуацию, без тенденций к замещению и проекции;
– коррекция тенденций к бегству–избеганию, вытеснению, отрицанию;
– повышение самоценности, самоуважения и самооценки;
– развитие адекватных самоотношения, самооценивания, любви к себе;
– развитие самоценности и навыков саморуководства, умения брать на себя ответственность;
– развитие самостоятельности, независимости от действий и поступков других людей, снижение тенденций к подчинению;
– развитие способности к самостоятельному поиску и нахождению конструктивных решений ситуации, независимо от мнения других;
– развитие способности разумно регулировать уверенность в себе адекватно ситуации, бережно относиться к себе, своим здоровью и жизни;
– снижение уровня конфронтации, агрессивности (в том числе аутоагрессии), внутренней конфликтности, тенденций к самообвинению, самобичеванию;

– развитие умения применять конфронтационный копинг;
– развитие навыков самоконтроля своих эмоций, состояний и поведения;
– снижение уровня агрессивности, подозрительности, внутренней конфликтности и др.

Выводы

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о наличии тесных взаимосвязей между склонностью будущих педагогов к разным типам виктимного поведения и выработанными у них защитными механизмами и доминирующими копинг-стратегиями, выбираемыми ими в трудных жизненных ситуациях, полностью подтвердилась. Выявленные корреляционные связи и тенденции позволяют разработать комплекс мер, направленных на гармонизацию индивидуально-личностных качеств и оптимизацию межличностных отношений, минимизацию действия механизмов психологической защиты и овладение конструктивными копинг-стратегиями, что позволит снизить риск их виктимизации. Реализация комплекса психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий позволит не только сформировать навыки применения студентами-педагогами адаптивных стратегий совладания в трудных ситуациях своей жизни, но также будет способствовать формированию и развитию у них соответствующих профессиональных и общекультурных компетенций, которые они смогут применить в своей будущей профессиональной деятельности по обучению и воспитанию детей.

Литература

Андронникова О.О. Тест склонности к виктимному поведению // Развитие гуманитарного образования в Сибири: Сборник научных трудов. Новосибирск: НГИ, 2004. С. 76–82.

Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.

Самосознание и защитные механизмы личности: Хрестоматия / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах-М», 2000.

Домашняя среда как источник превенции неблагоприятных качеств личности (на примере Темной триады)*

Е. Н. Московченко (*Москва*)

В связи с возрастанием интереса к психологии индивидуальных различий появилось множество исследований, посвященных разработке моделей, способных описать человеческую личность. После долгих исследований возникла 5-факторная диспозициональная модель личности, под названием «Большая Пятерка». В результате критики усилилось внимание к негативным чертам личности, и постепенно фокус внимания исследователей переместился на три черты, близкие по содержанию и пересекающиеся, которые воспринимаются как однозначно неблагоприятные: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, так называемая Темная Триада. Эта методика начала изучать негативные личностные черты, которые ставились в ряд относительно нормальных, но не патологичных черт.

На самом деле противостояния между «Большой Пятеркой» и «Темной Триадой» отсылает нас к извечному философскому вопросу – существуют ли изначально хорошие, позитивные или врожденные негативные личностные черты у людей? Данное исследование положит начало для практического ответа на вопрос: как человек становится хорошим или как человек становится плохим? Например, в своей книге Филипп Зимбардо, отвечая на данный вечный вопрос, пишет про «эффект Люцифера», говоря о том, что человек хороший на время может превратиться «в исчадье ада». Хоть автор и аккуратно обходит тему предопределенности негативных личностных черт, объясняя жестокие поступки студентов в его знаменитом тюремном эксперименте, в основном, внешней атрибуцией, но данная проблема все равно остается актуальной даже на уровне разработки опросников личностных черт.

Другой вопрос, возникающий в связи с изучением черт Темной Триады, – в чем состоит их адаптивный смысл? Если черта существует, значит, она поддерживается средой и сообществом, значит, она не может быть абсолютно вредоносной.

На данный момент имеются данные о том, что Домашняя Среда – предиктор благополучия и позитивного функционирования, а также фактор превенции депрессивных симптомов (Нартова-Бочавер, 2016). Наша цель – изучить, будет ли проявляться превентивная функция ДС по отношению к неклиническим чертам Темной Три-

* Исследование проведено при поддержке РНФ, проект № 14-18-02163.

ады: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия. Гипотезы нашего исследования связаны с предпосылками предыдущих исследований. Мы предполагали, что Домашняя среда будет являться антипредиктором негативных черт Темной Триады. И вторая гипотеза состояла в том, что данная связь будет модерирована полом респондентов.

Объем выборки составил 54 человека, которые были отобраны случайным образом на территории Российской Федерации в возрасте от 15 до 36 лет (M=19, SD=1,85), среди которых 32 женщины и 22 мужчины. Все испытуемые проходили исследование добровольно. Ограничения данной выборки остаются очевидными, но для первого исследования в рамках изучения негативных личностных черт с факторами благополучия домашней среды она достаточна.

Для измерения характеристик домашней среды были использованы опросники Релеватность Домашней среды (РДС), Функциональность Домашней среды (ФДС), Привязанность к дому (ПД) (Нартова-Бочавер, 2016). Для измерения негативных черт был использован Краткий опросник негативных личностных черт Темной Триады (SD3) (Егорова и др., 2015).

Для подсчета результатов были использованы методы статистического анализа данных. Для выявления предикторов нами был выбран статистический метод анализа линейной регрессии, где предсказывающими переменными для «Модели 1» выступили все шкальные значения домашней среды: 7 аспектов РДС (Управляемость, Ресурсность, Самопрезентация, Эргономичность, Отчужденность, Пластичность, Историчность), 4 аспекта ФДС (Прагматичность, Развитие, Стабильность, Защищенность), включая средний показатель ПД. Таким образом, удалось с достаточной вероятностью объяснить лишь Нарциссическую модель. Существует множество предикторов на уровне тенденций, и невозможно однозначно утверждать о данных предсказаниях, поскольку подобные данные нельзя распространить на генеральную совокупность, а много вероятностных догадок не означают их реальную приложимость. Мы обсудим лишь те результаты, которые оказались действительно значимыми как для всех выборок, так и для частных, где удалось подобрать удачную модель. Значимые результаты показала лишь модель, объясняющая переменную Нарциссизм. В случае с переменными Макиавеллизма и Психопатии были показаны результаты лишь на уровне тенденций к предикции, что говорит о том, что необходима большая выборка для прояснения размера эффекта.

Построение регрессионной «Модели 1» для всей выборки показало, что Нарциссизмпредсказывается Ресурсностью (B=5,348; p=0,025),

Прагматичностью (B=–7,098; p=0,006) и Привязанностью к Дому (B=–4,047; p=0,029) при R^2=0,44, (F=2,7; p=0,009).

Проверяя вторую гипотезу, были построены две модели для женской группы (N=32) и мужской (N=22) на основе «Модели 1». В женской группе Нарциссизм предсказывался Эргономичностью (B=7,962; p=0,044), Защищенностью (B=6,043; p=0,024) и Привязанностью к Дому (B= – 4,873; p=0,039), при R^2=0,580 (F=2,182; p=0,062). В мужской группе были выявлены тенденции для предсказывания Нарциссизма Прагматичностью (B= – 9,342; p=0,107) и Стабильностью (B=6,256; p=0,117), при R_2=0,731, где F-критерий оказался не значим (p=0,134).

Мы получили неожиданные результаты, отличные от наших первоначальных гипотез. Нам известно, что нарциссизм – адаптивная черта, поддерживающаяся в обществе, например, в бизнесе. Даже люди с высокой неклинической психопатией хорошо реализуют себя в сфере бизнеса, хоть и работать с ними оказывается не совсем приятно (Babiak, Hare, 2006). И пока мы имеем неоднозначные данные с точки зрения позитивного и негативного влияния домашней среды. Есть данные о том, что переизбыток пространства в доме вызывает хаотичность и беспорядочность ее обстановки, в свою очередь беспорядочность оказывала влияние на благополучие людей, вызывала напряжение между членами семьи, способствовала социальной изоляции, положительно была связана с депрессией (Roster, Ferrari, Jurkat, 2016). И все же в остальном дом остается фактором укрепления душевного здоровья и благополучия. Из исследований предыдущего года стало известно, что низкая привязанность к дому может влиять на мотивацию человека отправиться в путешествие (Московченко, 2016). Так или иначе, мы имеем данные, что дом «психопатизирует» его обитателей по-разному: например, девушкам дом дает безопасность для бытовой деятельности. Привязанность к дому выражается в том, что дом для девушек родной очаг, который они берегут. Эргономичность дома, т. е. уют домашней обстановки, оживляет человека, который желает вступить во взаимные отношения со своей домашней средой. Уют дает девушке понять, что она такая же красивая, как и ее интерьер и такая же уютная для общения, как общение с книгой на утепленном балконе. Если продолжать рассуждение об адаптивности черт, то в случае мужчины с нарциссической чертой, можно предположить, что его дом обладал всем функционалом, «подпитывал», давал ему поддержку и всевозможные поддерживающие ресурсы (удобная кровать, хорошая связь с внешним миром через Интернет). Дом его удовлетворял и оказывал нарциссическую

поддержку, как мать, которая отвечает на все сигналы ребенка в его раннем возрасте, а стабильность дома давала мужчине базовую безопасность и уверенность в окружающей среде, себе и своих силах.

Нам бы не хотелось останавливаться на достигнутом и наметить дальнейший путь развития наших исследований – расширить данные и дополнить выборку, чтобы распространить данные на генеральную совокупность, изучить в дальнейшем свойства адаптивности негативных черт, что помогло бы нам дать ответ об их генезисе.

Литература

Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2015. Т. 8. № 43. С. 1.

Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И. Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2016.

Московченко Е. Н. Дом и путешествия как формы персонального опыта // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. С. 279–281.

Babiak P., Hare R. D. Snakesinsuits: When psychopaths go to work. N. Y.: Regan Books, 2006.

Roster C. A., Ferrari J. R., Jurkat M. P. The dark side of home: Assessing possession 'clutter'on subjective well-being // Journal of Environmental Psychology. 2016. Т. 46. С. 32–41.

Влияние ретроспективных оценок стилей родительского воспитания на межличностные отношения молодых женщин с нарушениями пищевого поведения

Ю. И. Моталова (*Ростов-на-Дону*)

По меньшей мере, частично паттерны поведения, характерные для нарушений пищевого поведения, являются побочными продуктами особенностей межличностных отношений. Эти особенности, в свою очередь, формируются в процессе взросления в определенной семейной среде. Более подробное изучение того, как стили родительского воспитания воздействуют на формирование тех или иных особенностей межличностных отношений, может предоставить нам

информацию, которая сделает профилактику нарушений пищевого поведения более эффективной.

Целью описываемого исследования было оценить влияние ретроспективных оценок стилей родительского поведения на межличностные отношения молодых женщин с нарушениями пищевого поведения. Метод ретроспективных оценок стилей родительского воспитания уже был успешно использован для исследования воздействия стиля материнского воспитания на эмоциональную саморегуляцию аддиктов (Воробьева и др., 2015).

Наша *гипотеза* состояла в том, что определенные характеристики стиля воспитания родителей оказывают значимое влияние на формирование некоторых особенностей межличностных отношений молодых женщин с нарушениями пищевого поведения.

В исследовании приняли участие 100 женщин в возрасте от 20 до 30 лет, проживающие в Ростове-на-Дону, Ростовской области и Краснодарском крае. Все участницы имели высшее образование и дали информированное согласие на участие в исследовании.

Для выявления симптомов нарушенного пищевого поведения была использована Шкала оценки пищевого поведения Гарнера в русскоязычной адаптации. Оценка особенностей межличностных отношений была проведена при помощи Опросника межличностных отношений Шутца. Диагностика ретроспективных оценок родительского поведения была проведена при использовании адаптированной методики Шафера «Подростки о родителях». Для проведения *корреляционного* и *дисперсионного* анализа полученных данных мы обратились к компьютерной программе IBM SPSS Statistics 23.0.

Результаты и интерпретация

При анализе показателей семи компонентов Шкалы оценки пищевого поведения, были получены следующие результаты: среднее значение по шкале стремления к худобе в нашей выборке составляло 7,15±3,64; булимии – 6,36±1,67; неудовлетворенности телом – 6,64±3,61; неэффективности – 6,49±2,84; перфекционизма – 6,16±4; недоверия – 6,93±2,82; интероцептивной некомпетентности – 5,64±1,99. Можно заметить, что уровень стремления к худобе, перфекционизма, неудовлетворенности телом и недоверия в нашей выборке довольно высок. Показатели интероцептивной некомпетентности и неэффективности имеют немного более низкие значения.

Среднее значение ретроспективно оцененного позитивного интереса как характеристики воспитательного стиля матери в нашей выборке составляет 12,39±4,99; автономии – 10,74±3,98; директив-

ности – 8,75±4,88; враждебности – 5,25±4,13. Среднее значение ретроспективных оценок различных компонентов воспитательного стиля отца составляет: позитивный интерес – 7,04±6; директивность – 5,18±3,46; непоследовательность – 4,84±4,16; автономия – 7,34±5,64; враждебность – 3,77±2,56. Стоит отметить, что средние значения ретроспективных оценок тех или иных характеристик воспитательных стилей родителей в целом выше для матерей, чем для отцов. Женщины с нарушениями пищевого поведения поставили более высокие оценки своим отцам по шкалам автономии, непоследовательности и враждебности и низкие – по шкалам позитивного интереса и контроля.

Диагностика межличностных отношений молодых женщин с применением опросника межличностных отношений Шутца показала, что среднее значение показателей шкалы выраженного включения составило 4,60±1,37; требуемого включения – 3±1,81; выраженного контроля – 3,73±2,47; требуемого контроля – 4,95±2,18; выраженного аффекта – 3±1,59; требуемого аффекта 3,39±1,72.

Было обнаружено, что высокая ретроспективная оценка уровня автономии матери влияет на потребность женщин контролировать межличностные отношения, в то время как высокая ретроспективная оценка уровня автономии в воспитательном стиле отца влияет на потребность молодых женщин с нарушениями пищевого поведения выражать аффект и включать других в свои отношения и деятельность. В годы детства и следующего за ним подросткового периода мать является для ребенка фундаментально важным человеком, обеспечивающим его физическими и эмоциональными ресурсами, необходимыми для выживания. Поэтому в случае, когда мать демонстрирует высокую степень автономии от потребности ребенка, у него может развиться интенсивная потребность контролировать других людей, чтобы не утратить предоставляемые блага. Высокие показатели ретроспективных оценок автономии отца также имеют некоторые последствия для формирования межличностной сферы ребенка. Девочка учится выражать свои эмоции более интенсивным образом для того, чтобы привлечь внимание дистанцирующегося родителя. Автономия отца и низкий уровень его участия в делах дочери может усилить ее потребность включать его в свои действия или переживания и позже эта тенденция может распространиться на все отношения в ее взрослой жизни. Помимо этого, ретроспективная оценка уровня отцовского позитивного интереса влияет на потребность женщин вовлекаться в отношения с другими людьми. Отец, который часто демонстрирует своей дочери призна-

ние и принятие, оставляет у дочери представления об отношениях как источнике приятных эмоций.

Результаты данного исследования не противоречат данным, предоставленным Купер и Янг (Cooper, Young, 2016), которые также задокументировали влияние убеждений на возникновение нарушений пищевого поведения. Данные, полученные в ходе нашего исследования, согласуются с рядом недавних работ, посвященных влиянию окружения в детстве на вероятность возникновения нарушений пищевого поведения (Abebe et al., 2014; Francis, 2015) и исследованию связи между воспринимаемым качеством детско-родительских взаимоотношений и нарушений пищевого поведения (Wheeler, 2003).

В последние годы исследователи достигли более полного понимания психологических факторов риска, влияющих на возникновение расстройств пищевого поведения у детей и подростков. Полученные данные могут успешно использоваться при создании профилактических программ и учебных курсов, однако, требуется дальнейшее изучение психофизиологических механизмов описанных воздействий.

Литература

Воробьева Е. В., Шульгина И. П., Ермаков П. Н. Влияние ретроспективной оценки материнского стиля воспитания, реализуемого в детстве, на проявления алекситимии и эмпатии у молодежи с полинаркоманией // Российский психологический журнал. 2015. № 12 (3). С. 114–133.

Abebe D. S., Torgersen L., Lien L., Hafstad G. S., von Soest T. Predictors of disordered eating in adolescence and young adulthood: a population-based, longitudinal study of females and males in Norway // International journal of females and males in Norway. 2014. № 38 (2) P. 128–138.

Cooper M. J., Young E. Parental bonding and body mass index in a female community sample: the mediating role of eating disorder thoughts and core beliefs // Behavioral and Cognitive Psychotherapy. 2016. № 44. P. 123–127.

Francis M. M., Nikulina V., Widom C. S. A prospective examination of the mechanisms linking childhood physical abuse to body mass index in adulthood // Child Maltreatment. 2015. P. 1–11.

Wheeler H. A., Wintre M. G., Polivy J. The association of low parent-adolescent reciprocity, a sense of Incompetence, and identity confusion with disordered eating // Journal of Adolescent Research. 2003. № 18 (4). P. 405–429.

Современные психологические особенности создания молодой семьи

О. С. Мошкович (*Иркутск*)

В современных условиях расслоения общества семья претерпевает определенные изменения, отражающиеся на структуре и характере супружеских отношений. Возникают нарушения во внутрисемейном общении, учащаются кризисы семьи, растет неудовлетворенность браком, что обусловлено психологической неготовностью к браку.

В литературе можно выделить два подхода к определению сущности понятия готовность к браку и семейной жизни. Представители первого подхода (Зритнева, 2000; Ковалева, 2007; Питилин, 2005) настаивают на определении готовности молодых людей к семейной жизни до их вступления в брак, что является педагогически целесообразным. Представители второго подхода (Решетов, 2004) ориентируются только по установлению конечного результата – успешности брака, гармонии межличностных отношений в семье, но при таком подходе отсутствует возможность оценить результаты подготовки, так как они отодвинуты во времени.

Цель исследования – выявление особенностей психологической готовности к браку у девушек и молодых людей из полных и неполных семей.

Теоретическое изучение проблемы и анализ практического опыта позволил сформулировать гипотезу, согласно которой можно предположить, что существуют психологические особенности готовности к браку у девушек и молодых людей из полных и неполных семей.

База и методы исследования. Нами было проведено исследование, направленное на выявление особенностей психологической готовности к браку у девушек и молодых людей из полных и неполных семей. В исследовании приняли участие 312 девушек и молодых людей из полных и неполных семей в возрасте от 17 до 25 лет. При анализе данных использовались следующие методы: кластерный анализ, корреляция по Пирсону, критерий t Стьюдента.

При помощи методики 16 PF было выявлено, что девушки из полных семей обладают такими качествами, как: чувствительность, импульсивность, эмоциональность, доверчивость, высокая групповая зависимость, женственность. У девушек из неполных семей лучше выражены такие качества, как: мужественность, жесткость, эмоциональная зрелость, осторожность. Им характерно присутствие чувства вины, депрессивность, обеспокоенность, склонность принимать собственное решение. Молодые люди из полных семей более

эмоционально стабильные, спокойные, доверчивые. Молодые люди из неполных семей тревожные, обеспокоенные, эмоционально менее устойчивые, неторопливые и сдержанные.

Полученные результаты по Висбаденскому опроснику к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии выявили особенности межличностных и семейных отношений. При вступлении в брак девушкам из полных семей присуще дружелюбие, неспособность отказать, поиск общения, стремление к близости с другими людьми, привязанности к ним. Могут отказаться от требуемых достижений. Семья, для них, – целостная структура, а отношения между супругами – терпимые, открытые, внимательные. Девушкам из неполных семей характерна недоверчивость, подозрительность. Они считают, что время – деньги, поэтому для них характерны стрессы и перегрузки. Отношения с родителями видят холодными, отверженными, индифферентными, а семья воспринимается отчужденной. Молодые люди из полных семей зависимы, любят принимать и дарить физические контакты. Для них характерно бегство в бездеятельность, отказ от требуемых достижений. Отношения с родителями воспринимают более теплыми, позитивными, а взаимоотношения родителей – внимательными, преодолевающими проблемы. Семья, для них, является целостной единой структурой. Молодым людям из неполных семей присуще стремление решать проблемы при помощи активной деятельности. Семья воспринимается отчужденной, а отношения родителей – негативными и отчужденными.

По результатам опросника «Ролевые ожидания и притязания в браке» мы выявили особенности представлений девушек о значимости в семейной жизни родительских обязанностей, моральной и эмоциональной поддержки. Для девушек из полных семей характерна общность интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения от своих супругов. Считают родительство основной ценностью, концентрирующей вокруг себя жизнь семьи. Девушки из неполных семей стремятся к большей личной автономии, не считают родительство главной ценностью. Молодые люди из неполных семей считают, что брак способствует психологической разрядке и стабилизации в отличие от испытуемых из полных семей.

В ходе анкетирования мы выявили характеристики отца и избранника/ избранницы для создания семьи, представления об идеальном браке у испытуемых из полных и неполных семей. Девушки из полных семей отметили, что отец сформировал идеал мужчины. В воспитании девушек из неполных семей отец не принимал учас-

тия. Мнения молодых людей из полных семей разделились: одна половина испытуемых считает, что отец принимал активное участие – помогал в решении проблем, поддерживал, старался воспитать «мужика», а часть молодых людей отметили, что отец принимал пассивное участие, так как часто был в командировках, воспитывал, когда считал нужным. В жизни молодых людей из неполных семей отец участия не принимал.

При характеристике взаимоотношений родителей мнения разделились, и большинство девушек из полных семей отметили взаимопонимание между родителями и видят отношения между ними теплыми и уважительными. Молодые люди из полных семей отметили отношения между родителями взаимопонимающими, стабильными и уважительными. Испытуемые из неполных семей затруднились ответить на этот вопрос.

Своего будущего избранника для создания семьи девушки из полных семей хотели бы видеть любящим свою семью, мужественным, похожим на отца, ответственным, заботливым, надежным, целеустремленным. Девушки из неполных семей своего избранника видят заботливым, любящим, ответственным, сообразительным, мудрым, надежным и взрослым. Молодые люди из полных семей свою будущую избранницу видят любящей матерью. Для молодых людей из неполных семей также важно, чтобы будущая избранница была любящей матерью.

Девушки из полных семей считают, что отношения между супругами должны быть доверительными, взаимопонимающими, уважительными, дружескими, теплыми. Для девушек из неполных семей в семейных отношениях важно доверие, взаимная любовь, понимание потребности в уединении, дружба, уважение, забота. В отношениях между супругами молодые люди из полных и неполных семей считают важным доверие и взаимопонимание.

Идеальный брак девушки из полных семей представляют как гармоничные отношения, в которых присутствует любовь, доверие, уважение, поддержка, понимание. Также в идеальном браке важны дети, уют и тепло. Для девушек из неполных семей идеальный брак заключается в понимании, доверии, теплом отношении друг к другу, нежности. Формула идеального брака для молодых людей из полных семей состоит из верности и любви. Часть молодых людей из неполных семей не верят в его существование, и считают, что между супругами должна быть дружба и взаимопонимание.

Подавляющее большинство девушек из полных и неполных семей стремится к полной семье, зарегистрированному браку и де-

тям, но при этом не принципиален вопрос о полноте и зарегистрированности их будущей семьи. Половина молодых людей из полных и неполных семей планируют полную семью, зарегистрированный брак.

По мнению многих девушек в семье супруги все должны делать вместе, некоторые считают, что жена занимается домом, мужем, детьми, а муж занимается обеспечением семьи и мужскими делами. Большинство молодых людей из полных семей считают, что в семье все делают вместе, а испытуемые из неполных семей, считают, что обязанности должны быть распределены по гендерным признакам.

Результаты исследования показали, что воспитание девушек и молодых людей в полной и неполной семье приводит к формированию у них как сильных, так и слабых личностных качеств. Слабые личностные качества можно скорректировать путем разработки и реализации групповых или индивидуальных тренингов по следующим направлениям: девушкам из полных семей необходимо повысить самоконтроль, эмоциональную стабильность. Девушкам из неполных семей – снизить уровень тревожности, сформировать более позитивный образ семьи и семейных взаимоотношений. Молодым людям из полных семей, также, необходимо сформировать самоконтроль, навыки самостоятельности, независимости от окружающих. Молодым людям из неполных семей снизить уровень тревожности, сформировать позитивный образ семьи и семейных взаимоотношений, эмоциональную стабильность.

Литература

Зритнева Е. И. Формирование готовности старшеклассников к браку и семейной жизни: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2000.

Ковалева О. Ф. К вопросу о готовности студенческой молодежи к семейной жизни и родительству: Материалы Третьей Международной конференции «Психологические проблемы современной семьи». В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. канд. псих. наук А. Г. Лидерса. М., 2007.

Питилин С. М. Формирование готовности студентов к созданию семьи: Дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2005.

Решетов П. А. Педагогические условия совершенствования подготовки студентов вузов к семейной жизни: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2004.

Влияние контекстов на угашение реакции страха у людей с арахнофобией

В. В. Муравьев (*Москва*)

Актуальность данного исследования обусловлена широким распространением специфических фобий. Распространенность заболеваний данного типа в среднем оценивается на уровне 4,9%, но различные исследования предполагают разные оценки (Somers et al., 2006). Многие наиболее популярные фобии носят биологический характер: они связаны с животными. Одна из них – арханофобия, или фобия перед пауками.

Арханофобия могла быть эволюционным преимуществом, поскольку предотвращала контакт людей с пауками, которые потенциально могли бы быть ядовитыми. Этот страх, по мнению исследователей, является врожденным – в том смысле, что люди обучаются ему намного быстрее и легче, чем другим страхам, согласно многочисленным исследованиям. Например, было показано, что трехлетние дети обнаруживают пауков намного быстрее, чем нейтральные стимулы (LoBue, 2010). С точки зрения эволюционной теории, становится более очевидным, почему арханофобия распространена даже в нордических странах, где все местные пауки неядовиты и абсолютно безопасны для людей. В Стокгольме и его окрестностях, например, около 1,2% всех мужчин и 5,6% женщин страдают от арахнофобии (Fredrikson et al., 1995).

Согласно метаанализу 33 рандомизированных исследований по лечению людей от фобий (Wolitzky-Taylor et al., 2008), наиболее эффективный метод – это экспозиционная терапия. Данный метод терапии по сравнению с неэкспозиционными подходами показал наилучшие результаты. В основе экспозиционной терапии лежат принципы классического обусловливания – а именно, процесс угашения реакции страха (fear extinction). Угашение страха – это разновидность обусловливания. Угашение происходит при многократном предъявлении пугающего стимула, в результате которого данный стимул со временем перестает вызывать тревожную реакцию. Таким образом, возможно уменьшение и практически полное исчезновение защитной реакции на тот стимул, который раннее ассоциировался с угрозой. В ходе терапии пациенты взаимодействуют с пугающим стимулом (реальным объектом или изображением на экране компьютера) в безопасной обстановке лаборатории, в ходе чего происходит постепенное уменьшение эмоционального отклика на сти-

мул. Тем не менее, у экспозиционной терапии есть свои ограничения. Во-первых, ее эффективность зависит от количества предъявлений стимула – поэтому в большинстве случаев невозможно достичь даже небольшого эффекта лишь за одно посещение лаборатории. Одной из проблем метода является то, что в перерывах между сессиями пациенты могут испытывать тревогу, связанную с ожиданием столкновения с пугающими их стимулами. Во-вторых, обучение угашению страха сильно привязано к контекстам – и зачастую пациент действительно избавляется от фобии, но только в лабораторных условиях, а при столкновении с пугающим стимулом за ее пределами он испытывает возвращение страха. Поэтому исследовательские группы по всему миру ищут способы повысить эффективность данного метода. Например, была показана эффективность генерализации обучения за счет использования множественных контекстов в ходе экспозиционной терапии (Vansteenwegen et al., 2007).

Цель текущего исследования – повысить эффективность генерализации обучения за счет использования множественных контекстов у демонстрируемых изображений в ходе экспозиционной терапии для испытуемых с арханофобией.

Наша гипотеза состоит в том, что при использовании разнообразных контекстов на фоне пугающих стимулов мы повысим надежность угашения страха перед пауками у испытуемых.

Характеристика выборки испытуемых

Мы приглашаем в лабораторию испытуемых без истории неврологических или психологических расстройств, не принимающих специальные медикаменты, с ведущей правой рукой, которые в предварительном онлайн-тестировании продемонстрировали, что они боятся пауков (5 и 6 по шкале Ликерта от 0 до 6), а также не боятся бабочек (0 или 1 балл по шкале Ликерта). Участники также заполняют опросник по выявлению страха перед пауками (Fear of Spiders Questionnaire), адаптированный и переведенный на русский язык, и допускаются к участию только в том случае, если результаты заполнения опросника соответствуют критериям наличия фобии. В данный момент у нас есть 143 потенциально подходящих участников, мы протестировали первых 6 из 60. Остальных мы рассчитываем протестировать до конца года.

Методология исследования

На первом этапе нашего исследования мы решили сфокусироваться исключительно на изучении поведенческих методов, с помощью ко-

торых можно было бы снизить зависимость угашения страха от контекста. Нашей основной задачей было разработать и протестировать экспериментальную процедуру, которую в дальнейшем можно было бы комбинировать с фармакологическими методами и неинвазивными методами стимулирования мозга (транскраниальная магнитная стимуляция).

На первичном этапе исследования мы перевели и адаптировали на русский язык опросник по выявлению страха перед пауками (Fear of Spiders Questionnaire), состоящий из 18 вопросов. Перевод и адаптация данного опросника для русскоязычных испытуемых были проведены в соответствии с рекомендациями из литературы. После перевода мы провели процедуру обратного перевода, чтобы убедиться в корректности перевода отдельных вопросов. Далее протестировали русскоязычную и англоязычные версии на билингвальных испытуемых (N=40), затем переформулировали те вопросы, по которым была низкая корреляция между ответами на русскую и английскую версии. Далее мы снова протестировали версии опросников на билингвальных испытуемых (N=42), удалили аномалии, которые были явно связаны с невнимательным заполнением опросника, и далее рассчитали корреляции между вопросами и коэффициент α Кронбаха для обеих версий, который демонстрирует надежность психологического теста.

Мы также использовали опросник о страхе перед бабочками (Butterfly Anxiety Screening questionnaire), состоящий из четырех вопросов, чтобы оценить страх перед бабочками, которые использовались как контрольные стимулы. Этот опросник был также адаптирован в ходе процедуры обратного перевода.

Следующим шагом мы подготовили набор стимулов (картинки с разными пауками в различных контекстах, а также картинки с бабочками как контрольные стимулы).

Дизайн эксперимента

Всего есть три группы участников по 20 человек, у которых была выявлена фобия перед пауками и отсутствие страха перед бабочками. Эксперимент длится два дня, и каждая сессия составляет 40–60 мин.

В первый день для первых двух групп мы проводим процедуру по угашению страха за счет многократного предъявления стимулов, на второй день – проверяем, сохраняется ли эффект угашения страха перед пауками при изменении контекста.

В первый день этим группам демонстрируются два блока в случайном порядке – один с изображениями пауков, другой – с бабоч-

ками. Третья контрольная группа видит только два блока с бабочками. Каждое изображение показывается 5 с, и между ними также демонстрируется черный экран длиной 6–8 с.

Разница между первой и второй группой состоит в том, в каких контекстах демонстрируются изображения. У изображений пауков и бабочек для первой группы есть несколько фонов (ванная комната, спальня, улица, и т.д.) – а участники второй группы видят стимулы только в одном контексте. Таким образом, мы можем понять, какую роль играет разнообразие фонов для надежности процедуры угашения страха.

Надежность угашения страха проверяется на второй день, когда всем трем группам демонстрируются новые стимулы пауков в совершенно новых контекстах. Это проверяет эффект «восстановления страха», который как раз-таки и понижает эффективность экспозиционной терапии в клинической практике.

Таким образом, независимые переменные в данном исследовании – это наличие пауков (влияет на разницу в динамике угашения страха первой и второй группы, по сравнению с контрольной, третьей группой) и разнообразие контекстов (влияет на разницу между первой и второй экспериментальной группой).

Измерение реакции страха и соответственно степени угашения страха происходит за счет замера кожно-гальванической реакции испытуемых (skin galvanic response) в оба дня эксперимента. Мы устанавливаем два электрода на недоминатную руку, на крайние фаланги безымянного пальца и мизинца. Перед закреплением электродов пальцы обрабатываются теплой водой без мыла, и на них наносится специальная изотоническая паста для электродов.

В начале каждой экспериментальной сессии и в ее конце мы также записываем базовую кожно-гальваническую реакцию – на экране отображается черный экран, и перед этим в инструкциях участников просят расслабиться, и смотреть на него, ни на что не отвлекаясь.

Для анализа результатов эксперимента будет использован метод ANOVA, чтобы оценить влияние независимых переменных (наличие пауков и наличие разнообразия в контекстах) на реакцию страха у испытуемых на второй день, измеренную с помощью записи кожно-гальванической реакции.

Литература

Fredrikson M., Annas P., Fisher H., Wik G. Gender and age differences in the prevalence of specific fears and phobias // Behavior Research and Therapy. 1995. V. 34. № 1. P. 33–39.

LoBue V. And along came a spider: An attentional bias for the detection of spiders in young children and adults // Journal of experimental child psychology. 2010. V. 107. P. 59–66.

Somers J. M., Goldner E. M., Waraich P., Hsu L. Prevalence and incidence studies of anxiety disorders: a systematic review of the literature // Canadian journal of psychiatry. 2006. V. 2. P. 100–113.

Vansteenwegen D., Vervliet B., Iberico C., Baeyens F., Van den Bergh O., Hermans D. The repeated confrontation with videotapes of spiders in multiple contexts attenuates renewal of fear in spider-anxious students // Behaviour Research and Therapy. 2007. V. 45. P. 1169–1179.

Wolitzky-Taylor K. B, Horowitz J. D., Powers M. B, Telch M. J. Psychological approaches in the treatment of specific phobias: a meta-analysis // Clinical Psychology Review. 2008. V. 6. P. 1021–1037.

Исследование личности с диссоциальным расстройством в парадигме глубинной психологии

Я. В. Муравьёва (*Симферополь*)

Диссоциальное личностное расстройство представляет собой структуру личностной организации, характеризующуюся отсутствием морального измерения, пренебрежением к социальным нормам, импульсивностью, отсутствием осознаваемых чувств вины и страха, а также неспособностью к построению взаимных не эксплуатационных отношений и формированию привязанностей. Основными глубинными психологическими особенностями лиц с данной личностной организацией являются открытое выражение инстинктов Ид, патология Супер-Эго, дефекты Эго, следование принципу сиюминутного удовольствия, стремление проявлять всемогущество и др. (Мак-Вильямс, 2007; Akhtar, 2000). Существенным фактором формирования диссоциальной структуры личности являются особенности ранних объектных отношений. Объектные отношения представляют собой систему компонентов личности, проявляющуюся во взаимоотношениях индивида с окружающими и способную к изменениям под воздействием нового опыта взаимодействия (Кляйн, 2008; Шарфф, Шарфф, 2009). Ранние объектные отношения диссоциальных личностей характеризуются непостоянством среды, отсутствием чувства безопасности и эмоционального комфорта, нарушением процессов холдинга и контейнирования, непоследовательными и неадекватными реакциями взрослых на инстинктивную

жизнь ребенка, что приводит к интернализации дефектных объектных отношений (Мак-Вильямс, 2007; Meloy, 1988). Интернализованная схема объектных отношений определяет особенности восприятия реальности, других людей и взаимодействия с ними.

Цель и гипотеза исследования. Целью нашего исследования являлось изучение психологических механизмов и детерминант диссоциального личностного расстройства в психоаналитической парадигме.

В основу исследования была положена следующая гипотеза – содержание и структура интернализованных объектных отношений личности с диссоциальным расстройством, а именно, Я-репрезентации, объект-репрезентации, паттерны и аффекты объектных взаимодействий, а также основные защитные механизмы, имеют специфические особенности.

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 2 группы: экспериментальная, состоящая из 30 заключенных Симферопольской исправительной колонии № 1 и лиц, состоящих на учете в Уголовно-исполнительной инспекции РК, у которых посредством экспертного метода был выявлен высокий уровень диссоциального личностного расстройства, и контрольная, включающая в себя 30 сотрудников пожарной охраны РК.

Методы и методики исследования. Были использованы следующие методики: «Полный контрольный список психопатии» Хаэра, опросник для выявления психопатии Хаэра, Ньюманна и Полхуса, опросник «Темная дюжина» Корниловой, «Тест объектных отношений» Филлипсона, метод ранних воспоминаний Адлера, и специально разработанная анкета. Обработка статистических данных производилась в программах Statistica 8 и Microsoft Excel 2010 посредством применения метода ранговой корреляции Спирмена, U-критерия Манна–Уитни и Т-критерия Вилкоксона.

Результаты исследования. Я-репрезентации испытуемых с диссоциальным расстройством в основном расщепленные, т. е. хорошие и плохие репрезентации не интегрированы в целостный реалистичный образ. В большинстве своем они нейтрально-индифферентны, представлены персонажами, переживания которых формальны, либо отсутствуют вовсе («человек задумался, что-то думает...», «спал... вышел на балкон, смотрит в окно»). Распространены сверхграндиозные («мужчина безразлично смотрит вдаль... в будущем, возможно, поможет утопающим», «я был маленьким, ходили с отцом в цирк... я прыгнул на медвежонка и мы подрались... все люди смотрели...подрались и разошлись, я победил») и плохие («дальше пойдут в ресторан... может он ее убьет, изнасилует...», «ждет кого-то... преступник... может

ждать предполагаемую жертву») репрезентации. Встречается сочетание в одном персонаже плохого и сверхграндиозного образов («человек – тень – летучая мышь, стоит, руки держит за спиной... совершил убийство... наблюдает за тем, как следователь собирает улики», «двое стоят под деревом... ждут змея-искусителя или исцелителя...»).

Объект-репрезентации диссоциальных индивидов в диадных, триадных и групповых взаимодействиях расщепленные, часто представлены нейтрально – индифферентными образами неопределенного пола («мужчина и девушка гуляют... пойдут гулять дальше», «вечер... два человека проводят время вместе» и т. д.). Преобладают временные объект-репрезентации, объекты влечений, к которым индивид обращается лишь с целью удовлетворения потребности («до этого – познакомились, пришли в номер отеля... он предложит заняться сексом... приятно проведут время», «группа людей на площади... не знакомы... каждый занимался своими делами... разойдутся»). Реже, чем в контрольной группе, встречаются репрезентации интегрированных, постоянных и хороших объектов, а также образ пары как целого.

Во всех видах объект-взаимодействий диссоциальных индивидов преобладают формальные взаимодействия, общение и отношения героев лишены естественности и непосредственности, характеризуются отсутствием эмоциональной близости и разобщенностью («отец, мать, ребенок... до этого был уход в школу... теперь встретились», «трое мужчин созвонились, договорились о встрече»). Представлены паттерны нападения или разрушения объекта («стоят под деревом общаются... настроение безразличное... мужчина ударит женщину»), соперничества, дистанцирования, отвержения объекта, проявления контроля над ним и всемогущества. Менее выражены паттерны слияния, эмоциональной близости, зависимости и фрустрации.

Объектные взаимодействия диссоциальных испытуемых характеризуются меньшим разнообразием аффектов. Преобладает аффективная пустота – чувства и переживания героев не описаны в рассказе, либо их описание формально («беседуют, обсуждают, хотят прийти к единому решению», «два человека проводят время вместе», «двое ждут третьего... на работу ехать... настроение нормальное»). Часто встречается агрессия, которая выражается в рассказах нападением персонажей друг на друга, ссорами, причинением вреда («муж, жена, сын... он что-то испортил их вещь... хотят отдать его учиться, чтобы был далеко», «драка... сражаются, кто-то кого-то бьет, держит», «преступники ждут предполагаемую жертву», «мужчина замахива-

ется, хочет ударить кого-то»). Чувство грандиозности проявляется в образах персонажей, испытывающих удовольствие от способности управлять другими и контролировать их («безразличен... возможно, поможет утопающим», «девушка понравилась... может, он ее убьет, изнасилует», «откололась льдина... помогает им выбраться... неуспешно»). У диссоциальных индивидов менее выражены печаль, радость, тревога, чувство беспомощности и смирение.

Защитные механизмы диссоциальных индивидов характеризуются меньшим разнообразием. Основной защитный механизм – диссоциация. Она проявляется в форме предложения нескольких альтернативных вариантов рассказа, второй из которых часто является более социально приемлемым и скрывает определенные интенции, проявленные в первом; кроме того, возможно резкое изменение курса повествования («может гулять пойдут, пригласит уединиться, может, заняться любовью, может поговорить», «грабитель проникает в квартиру... может, он передумал, поднимается по лестнице», «пригласит в ресторан... может он ее убьет или изнасилует... их ждет счастливое будущее – семья, дети»). Встречается избегание в форме отказа от составления рассказа, либо описания формальных, шаблонных и поверхностных взаимодействий («остаточное изображение, людей нет», «хит сезона, не знаю, затрудняюсь») и аннулирование, которое проявляется в прерывании рассказа и составлении нового, как бы «отменяющего» действия героев, описанные ранее («два преступника ждут предполагаемую жертву... родители пришли ребенка из школы забрать...», «один кого-то бьет... спасает, раненного держит»).

Выводы. В результате проведенного исследования установлено, что Я-репрезентации диссоциальных индивидов расщепленные, представлены нейтрально-индифферентными, сверхграндиозными или плохими репрезентациями. Объект-репрезентации также характеризуются расщепленностью, представлены нейтрально-индифферентными образами, чаще временными. Редко встречаются интегрированные, постоянные и хорошие объект-репрезентации, а также образ пары как целого, что может быть связано с неспособностью диссоциальных индивидов к построению близких взаимных объектных отношений. Во всех видах объект-взаимодействий преобладают формальные взаимодействия, характеризующиеся отсутствием эмоциональной близости и разобщенностью, представлены паттерны разрушения и отвержения объекта, проявления контроля и всемогущества. Наблюдается узкий аффективный диапазон, преобладают аффективная пустота, агрессия, чувство грандиоз-

ности. У диссоциальных испытуемых преобладает защитный механизм диссоциации, также встречаются избегание и аннулирование, в то время как в контрольной группе диапазон защитных механизмов шире и преобладает защитный механизм рационализации. Таким образом, в результате проведенного исследования выдвинутая нами гипотеза нашла свое подтверждение.

Литература

Кляйн М. Психоаналитические труды. В 7 т. Т. I. Развитие одного ребенка и другие работы 1920–1928. Ижевск: ИД «ERGO», 2008.

Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2007.

Шарфф Дж. С., Шарфф Д. Э. Основы теории объектных отношений. М.: Когито-Центр, 2009.

Akhtar S. Broken Structures: Severe Personality Disorders and Their Treatment. Maryland: Jason Aronson, 2000.

Meloy J. R. The Psychopathic Mind: Origins, Dynamics and Treatment. Northvale, N. J.: Jason Aronson, 1988.

Миграционные ожидания соотечественников в условиях социально-психологической адаптации в России*

Н. В. Муращенкова (*Смоленск*)

В статье представлена часть результатов комплексного эмпирического исследования социально-психологической адаптации соотечественников в России, а именно – анализ миграционных ожиданий. Число мигрантов-соотечественников, переселяющихся в Россию, растет год от года, анализ миграционных ожиданий помогает прогнозировать вероятные риски адаптационного процесса переселенцев и выстраивать эффективную траекторию социально-психологического сопровождения (Гриценко, Муращенкова, Бражник, 2016).

Сравнительному анализу подверглись миграционные ожидания соотечественников, переселяющихся в Россию из Украины и других стран. В исследовании приняли участие 228 человек (107 мужчин

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 15-06-10188 «Свои или чужие: особенности социально-психологической адаптации соотечественников в России».

и 121 женщина в возрасте от 17 до 63 лет (M=29,59, SD=9,54)). Выборку соотечественников из Украины (Донецкая и Луганская области) составили 112 человек (51 мужчина и 61 женщина). Группа соотечественников из других стран (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) состояла из 116 человек (56 мужчин и 60 женщин). Предполагалось, что существуют различия в миграционных ожиданиях соотечественников из Украины и других стран, обусловленные объективной вынужденностью и скоропалительностью переселения в условиях военного конфликта внутри Украины. Миграционные ожидания выявлялись с помощью ряда открытых и закрытых вопросов (Гриценко, 2002), предъявляемых респондентам в составе авторской исследовательской анкеты. При обработке данных использовались методы описательной статистики, частотный и контент-анализ, угловое преобразование Фишера (φ*-критерий).

Обратимся к анализу результатов. Выбирая варианты ответов на вопрос «Кто, на ваш взгляд, должен решать проблемы возвращающихся в Россию соотечественников?», 37,72% респондентов предпочли разделить ответственность между властями покидаемой и принимающей стран, выбрав вариант «эти проблемы должны решаться совместно Россией и теми странами, из которых уезжают соотечественники». 29,82% опрошенных сочли, что «решение этой проблемы – дело самих соотечественников, им не стоит рассчитывать на чью-либо помощь». 25,88 и 17,54% опрашиваемых соответственно выбрали варианты «решение этих вопросов – дело парламента и правительства России» и «эти проблемы должны решить власти тех стран, из которых уезжают соотечественники». Четверо респондентов (1,74%) затруднились с ответом. Таким образом, ориентация на самостоятельность, готовность рассчитывать только на себя при решении возникающих проблем характерна менее чем для трети мигрантов. Большая же часть опрошенных склонна ждать помощи от руководства покидаемой и/или принимающей страны. Статистически значимых различий в описываемых ожиданиях у представителей Украины и соотечественников из других стран выявлено не было.

Относительно форм помощи от принимающей стороны («Как вы считаете, чем может помочь Россия возвращающимся соотечественникам?») мнения респондентов разделились следующим образом. Большее число выборов характерно для вариантов «наладить информацию о возможности трудоустройства, получения или покупки жилья в России» (39,04% опрошенных, причем соотечественники из Украины чаще выбирали данный вариант в сравнении

с соотечественниками из других стран ($\varphi^*_{эмп}$=1,97, p<0,05)) и «оказать материальную помощь переселенцам с тем, чтобы они сами обустраивались на новом месте» (37,28% респондентов). Менее популярными, но также значимыми, по мнению мигрантов, являются следующие формы ожидаемой помощи: «осуществить строительство в России небольших городских поселений для переселенцев, используя средства государственного бюджета, российских предпринимателей и самих переселенцев» (14,04%) и «добиться на законодательном уровне от правительств тех стран, из которых уезжают русские, компенсационных выплат» (13,60%). Причем зафиксированы различия в частоте выбора мигрантами последнего варианта ответа: соотечественники из Украины чаще указывают на необходимость добиваться компенсационных выплат от правительств покидаемых стран ($\varphi^*_{эмп}$=1,963, p<0,05). 10,96% респондентов затруднились с выбором предлагаемых вариантов и не указали свои, причем среди соотечественников из Украины таких респондентов значительно меньше, нежели среди мигрантов из других стран ($\varphi^*_{эмп}$=3,223, p<0,01). Восемь соотечественников из Украины самостоятельно конкретизировали желаемые и ожидаемые формы помощи, отразив их в предлагаемом в анкете пункте «другое», это: «упрощение процедуры получения гражданства» (2 выбора), «помощь в оформлении документов» (2 выбора), «устранение коррупции при приеме соотечественников» (1 выбор), «налаживание человеческого, а не бюрократического отношения к беженцам» (1 выбор), «получение возможности учиться с последующим трудоустройством» (1 выбор), «уменьшение стоимости оформления документов» (1 выбор).

Контент-анализ ответов респондентов на открытый вопрос анкеты «Что, по вашему мнению, будет облегчать процесс адаптации соотечественников в РФ?» позволил объединить полученные ответы в две группы (некоторые респонденты предлагали несколько вариантов): «помощь, получаемая извне» (91 вариант ответа) и «помощь себе самому» (33 варианта). При этом соотечественники из Украины значительно чаще, нежели соотечественники из других стран, указывали на желательность помощи и поддержки «извне» ($\varphi^*_{эмп}$=3,646, p<0,01). Ниже представлены формы желаемой внешней помощи, указанные в ответах респондентов (в скобках – число выборов): помощь в приобретении/аренде жилья (16), помощь в трудоустройстве (15), помощь в оформлении документов (13), уважение, терпение и сочувствие к приезжим со стороны местного населения (9), продуманная государственная миграционная политика (8), искоренение бюрократии (8), материальная поддержка (7), информационная

поддержка (6), организованная психологическая помощь (5), обеспечение безопасности и защиты (2), индивидуальный подход к каждому мигранту (2). В качестве вариантов самопомощи респондентами указывались следующие: установление контактов и общение с местным населением (14), наличие желания адаптироваться (6), знание и принятие языка и культуры России (4), выраженность таких качеств, как трудолюбие (2), открытость (2), дружелюбность (2), гибкость (2), уверенность в себе (1). Стоит отметить следующее: на вопрос «Что, по вашему мнению, будет облегчать процесс адаптации соотечественников в РФ?» ответило лишь 46,93% респондентов, что может свидетельствовать о недостаточной рефлексии и внутренней проработке большей частью опрошенных мигрантов (53,07%) наличной ситуации и происходящих с ними событий.

Рассмотрим распределение ответов респондентов на предложение оценить, в какой степени оправдались их ожидания в связи с переездом в Россию. «Ожидания оправдались полностью» у 21,05% респондентов, «скорее оправдались» у 44,30%, «частично оправдались» у 28,51%, «не оправдались» у 1,75%, «ожидания не оправдались совсем» у 1,32% респондентов. 3,07% опрошенных не ответили на данный вопрос, т. е. в целом большинство соотечественников в той или иной степени реалистично представляли и оценивали условия, преимущества и ограничения предстоящей миграции, что, вероятно, и послужило одним из факторов успешности адаптации большинства соотечественников, принявших участие в исследовании, о чем свидетельствует распределение ответов на вопрос «Можно ли сказать, что вы адаптировались к жизни в России?». Полностью адаптировались к жизни в России 47,80% респондентов, 48,25% опрошенных выбрали вариант «скорее да, чем нет». Ответ «скорее нет, чем да» указан в анкетах 1,32% респондентов, «нет» выбрал 1 человек (0,44%), пятеро (2,19%) затруднились ответить.

Таким образом, в результате исследования выявлены различия в миграционных ожиданиях переселенцев-соотечественников из Украины и соотечественников из других стран. Мигранты из Украины в большей степени склонны ориентироваться и надеяться на получение помощи и поддержки извне, нежели на собственные силы и ресурсы, в большей степени нуждаются в информировании, помощи в трудоустройстве и приобретении жилья, считают необходимым добиваться компенсационных выплат от правительства покидаемой страны, более четко представляют, какие виды помощи и поддержки от принимающего государства были бы им полезны в процессе адаптации в России.

Литература

Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Гриценко В. В., Муращенкова Н. В., Бражник Ю. В. Изучение социально-психологической адаптации соотечественников, переселяющихся из ближнего зарубежья в Россию: научно-методический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 1. С. 39–46.

«Хотят ли русские войны»? Психологические предикторы отношения к Сирийскому конфликту у граждан России*

А. Н. Неврюев (*Москва*)

Конфликты, которые происходят между несколькими странами, имеют довольно долгую историю. В последние несколько десятков лет они только усиливаются. В связи с довольно интенсивным ростом различных связей между континентами и странами, некоторых из них стали вступать в общие союзы, цель которых заключается в защите интересов стран-участниц такого союза. Если происходит нападение на страну-участницу, то другие страны также вступают в данный конфликт. При этом для разрешения этого конфликта могут быть использованы различные меры: от помощи до прямой интервенции.

Какие способы разрешения международных конфликтов можно считать мирными? К ним, к примеру, относятся гуманитарная, дипломатическая, экономическая, техническая помощь. Как эти способы разрешения международных конфликтов могут быть связаны с общими социальными установками к войне? Исследователи, которые занимались изучением отношения людей к войне и миру приходят к следующим выводам: социальные установки к войне и миру находятся в противоположных отношениях: чем более позитивно люди относятся к идее поддержание мира, тем более негативно их отношение к идее разрешения конфликта военным путем. Соответственно, основываясь на результатах, полученных в данном исследовании,

* Данные тезисы описывают результаты, полученные в ходе исследования О. А. Гулевич, А. Н. Неврюева, Е. А. Некрасовой «Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и отношение к войне (на примере Сирийского конфликта)» (статья принята к печати в «Психологическом журнале»).

мы предположили, что чем более позитивным являются социальные установки человека к войне, тем более негативно он относится к идее мирного участия России в Сирийском конфликте. Кроме того, в данном исследовании мы изучали, как национализм и патриотизм могут быть связаны с этими установками. Наконец, в качестве гипотезы также выступило предположение о том, что вера в справедливый мир может быть предиктором гражданской идентичности, таким образом, что вера в справедливый мир повышает уровень патриотизма и национализма.

В нашем исследовании участвовало 595 человек, которые обозначили себя как граждане России. Среди них 340 мужчин и 255 женщин, возраст – от 18 до 69 лет (M=29,7; SD=10,5; Me=26). Данные собирались с помощью электронного опросника в декабре 2015 г. Опросник был размещен на сайте https://docs.google.com. Участники рекрутировались из социальной сети «ВКонтакте». При обработке данных не до конца заполненные опросники были удалены.

Вера в справедливый мир была измерена с помощью опросника, созданного К. Далберт и адаптированного на русский язык С. К. Нартовой-Бочавер и коллегами. Эта шкала состоит из двух субшкал: веры в справедливость мира вообще и веры в справедливость мира по отношению к себе. В данном исследовании была использована субшкала общей веры в справедливый мир. Она состоит из 6 прямых утверждений, например, «Я верю, что в целом мир справедлив». Респонденты должны оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 6-балльной шкале: от 1 – совершенно не согласен – до 6 – совершенно согласен.

Патриотизм. Для измерения патриотизма было использовано четыре идентичных утверждения, отражающих различные параметры гордости за Россию: «Я горжусь военными победами России», «Я горжусь спортивными достижениями России», «Я горжусь научными и техническими открытиями России» «Я горжусь произведениями литературы и искусства России». Эти вопросы были заимствованы из Международного социального опроса (ISSP). Респонденты должны оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 5-балльной шкале: от 1 – совершенно не согласен – до 5 – совершенно согласен. Эти утверждения отражают так называемый «культурный патриотизм». По данным опроса* Левада-центра, достижения в этих сферах вызывают у российских граждан наибольшую гордость.

Национализм. Для измерения национализма было использовано три утверждения: «Для меня лучше быть гражданином России,

* http://www.levada.ru/2015/12/07/gordost-patriotizm-i-otvetstvennost.

чем любой другой страны мира», «Мир был бы намного лучше, если бы люди в других странах были больше похожи на россиян», «Говоря в целом, Россия лучше, чем большинство других стран». Респонденты должны оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 5-балльной шкале: от 1 – совершенно не согласен – до 5 – совершенно согласен. Эти вопросы были заимствованы из Международного социального опроса (ISSP).

Общие социальные установки к войне. Для измерения социальных установок к войне как к способу разрешения международных конфликтов был использован опросник, созданный О. А. Гулевич и А. Н. Неврюевым (Гулевич, Неврюев, 2016). Он включает в себя 16 утверждений, касающихся эффективности, моральной оправданности, а также экономических, социальных и гуманитарных последствий войны. Респонденты должны оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале: от 1 – совершенно не согласен – до 7 – совершенно согласен.

Отношение к формам участия России в Сирийском конфликте. Для измерения отношения к участию России в Сирийском конфликте было использовано пять параметров. Респонденты должны были оценить, в какой степени Россия должна оказывать руководству Сирии (а) гуманитарную, б) политическую и дипломатическую, (в) экономическую, (г) военно-техническую (консультации и вооружение) и д) прямую военную (введение войск) помощь. Эти параметры были заимствованы из опроса*, проведенного негосударственной социологической организацией «Левада-центр». При оценке была использована 5-балльная шкала: от 1 – абсолютно точно не должна – до 5 – абсолютно точно должна.

Для проверки выдвинутых нами гипотез мы использовали метод моделирования структурными уравнениями. Модель, которую мы тестировали, включала в себя девять переменных: вера в справедливый мир (выступала в качестве независимой переменной), национализм, патриотизм и общие социальные установки к войне рассматривали нами как потенциальные медиаторы, отношение к различным способам участия России в сирийском конфликте мы оценивали как зависимые переменные. Мы добавили в описанную модель корреляцию между национализмом и патриотизмом и между зависимыми переменными. Полученные после тестирования модели показатели хорошо соответствовали первоначально предложенной нами модели.

---

* http://www.levada.ru/2015/09/28/vojna-v-sirii-vnimanie-otsenki-igil.

В соответствии с первой гипотезой общие социальные установки к войне оказались позитивно связаны с поддержкой идеи ввода войск России в Сирию. В соответствии со второй гипотезой, патриотизм действительно предсказывал общие социальные установки к войне. Однако национализм оказался не связан с ними. И наконец, в соответствии с третьей гипотезой вера в справедливый мир выступала в качестве предиктора гражданской идентичности. Полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу.

Таким образом, результаты проведенного исследования продемонстрировали, что гражданская идентичность оказалось действительно связана с общими социальными установками к войне, т. е. чем более позитивно респонденты относятся к идее войне вообще, тем больше они высказываются за введение войск России в Сирию. В тоже время, они меньше поддерживают гуманитарную и дипломатическую помощь Сирии. Данное исследование также продемонстрировало, что общие социальные установки к войне связаны с различными способами участия России в Сирийском конфликте.

Литература

Гулевич О. А., *Неврюев А. Н.* Личностные детерминанты отношения к войне как к способу решения международных конфликтов // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 58–68.

Bizumic B., *Stubager R.*, *Mellon S.*, *Van der Linden N.*, *Iyer R.*, *Jones B. M.* On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war // Political Psychology. 2013. № 34. P. 673–693.

Исследование психологического благополучия у людей с разным уровнем игровой зависимости

В. А. Негрий (*Москва*)

Данная работа посвящена проблеме изучения психологического благополучия у людей с игровой зависимостью. Главной особенностью игровой компьютерной зависимости является то, что люди, страдающие этой формой аддикции, не осознают своей проблемы. На сегодняшний день, множество раз поднимались вопросы различных форм зависимости, таких как алкоголизм или наркомания – в обществе данные проблемы вызывают сожаление или же порицание. Тем не менее, проблема игровой компьютерной зависимости не считается проблемой. Напротив, существует тенденция

считать это не просто нормой, но и в некоторых странах модным спортом. Именно поэтому актуальность темы курсовой сомнению не подлежит.

Цель исследования – выделить и изучить взаимосвязи в различиях психологического и субъективного благополучия у людей с аддиктивным поведением и проанализировать полученные результаты с показателями субъективного и психологического благополучия у людей, без игровой компьютерной зависимости.

Объект исследования – психологическое и субъективное благополучие у людей с игровой зависимостью и без нее.

Предмет исследования – сравнительный анализ психологического и субъективного благополучия у людей с аддиктивным поведением и без него.

Всего в исследовании приняло участие 30 человек: из них 11 девушек и 19 юношей – в возрасте от 16 до 24 лет. Отбирались они с помощью различных игровых форумов и социальных сетей.

Процедура исследования проводилась батареей опросников в двух частях. Часть первая: опросник, разработанный и валидизированный А. В. Гришиной для определения уровня игровой зависимости, Шкала субъективного счастья С. Любомирски. Часть вторая – опросник психологического благополучия К. Рифф. Использовался U-критерий Вилкоксона–Манна–Уитни для определения значимых различий между группами

Опросник, разработанный и валидизированный А. В. Гришиной для определения уровня игровой зависимости. Содержит в себе 22 вопроса и заключает в себе 5 шкал:

- Шкала уровня эмоционального отношения к компьютерной игре;
- Шкала уровня самоконтроля в компьютерной игре;
- Шкала уровня целевой направленности на компьютерную игру;
- Шкала уровня окружающего отношения к тому, что респонденты играют в компьютерные игры;
- Шкала уровня предпочтения общения с героями компьютерных игр реальному общению.
- Шкала субъективного счастья С. Любомирски. Используется для диагностики субъективного счастья и благополучия.

Опросник психологического благополучия К. Рифф. Автор выделила основные составляющие изучаемого феномена, а также создала инструмент его измерения. Ею были выделены критерии психологического благополучия:

- Самопринятие – принятие себя и всех сторон своей личности, позитивная оценка себя и своего жизненного пути;
- Личностный рост – стремление к самосовершенствованию, прогрессу, изучению нового;
- Автономия – умение противостоять окружающему давлению, непредвзятость в самооценке и оценке собственного поведения;
- Компетентность – умение добиваться собственных целей, способность справляться с проблемами;
- Отношения с окружающими – способность устанавливать длительные доверительные взаимоотношения, способность понимать окружающих,
- Жизненные цели – осмысление значимости собственной жизни, как настоящего, так прошлого и будущего.

По результатам первой методики, направленной на выявление игровой зависимости, респонденты были разделены на 3 группы:

- 8 человек – с естественным уровнем увлеченности компьютерными играми;
- 7 человек – со средним уровнем увлеченности компьютерными играми;
- 15 человек – люди, страдающие зависимостью от компьютерных игр.

Так как данное исследование посвящено исследованию людей с игровой зависимостью, было принято решение объединить первые две группы в одну и считать ее контрольной. Третью группу, составляющую людей с игровой зависимостью, приняли за экспериментальную.

Следующим этапом стал подсчет данных полученных по методике «Шкала субъективного счастья С. Любомирски». После применения математического анализа было выявлено, что показатели субъективного благополучия в обеих группах находится примерно на одинаковом уровне, т. е. у людей, страдающих игровой зависимостью, уровень субъективного благополучия сопоставим со средними показателями уровня субъективного благополучия или выше чем у людей, у которых отсутствует пристрастие к играм.

Следующим этапом работы стал подсчет результатов по данным, полученным с помощью опросника К. Рифф. Было принято решение рассматривать отдельно каждую шкалу данного опросника, как самостоятельную для более глубокого понимания особенностей психологического благополучия респондентов.

У людей, подверженных игровой зависимости, в отличие от людей, не страдающих зависимостями, нарушены коммуникативные на-

выки, что мешает налаживать отношения с окружающими и устанавливать доверительные отношения. Это доказано полученным низким баллом по шкале «Положительные отношения с другими людьми».

Люди, склонные к аддитивному поведению, выбирают уход от проблем, как универсальный и самый простой способ выживания. Они находятся в зависимости от мнения окружающего их социума, испытывают трудности в принятии жизненно важных вещей. В то время как люди, не подверженные зависимостям, склоны к самостоятельности в принятии собственных решений (шкала «Автономия»).

В отличие от людей, не страдающих игровой зависимостью, у исследуемой группы предположительно возникают сложности в организации повседневной жизни, они не чувствуют, что способны каким-либо образом изменить совою жизнь, улучшить сложившуюся ситуацию (шкала «Управление средой»).

Гармонично развивающаяся личность склона к постоянному саморазвитию, она открыта новому опыту, в то время как у зависимых людей присутствует понимание того, что они останавливаются в развитии, отсутствует интерес к новым открытиям, отношениям с другими людьми (шкала «Личностный рост»).

Для людей с аддиктивным поведением смысл жизни и цели постепенно заменяются предметом аддикции. Соответственно человек с зависимостями, по сравнению с людьми без нее, имеет меньше количество жизненных целей и планов, не имеет ценностей ни настоящего, ни прошлого (шкала «Цель в жизни»).

В сравнении с людьми, не имеющими зависимости, аддиктивные люди склонны испытывать разочарование в себе и своих достижениях (шкала «Самопринятие»).

Исходя из анализа полученных данных, сделаны выводы о различиях между людьми с компьютерной игровой зависимостью и без нее:

- Люди с игровой зависимостью и без нее одинаково чувствуют себя субъективно счастливыми;
- Однако, уровень психологического благополучия находится на более низком уровне у людей с аддиктивным поведением, чем у людей без аддиктивного поведения;
- Люди, страдающие игровой компьютерной зависимостью, субъективно чувствуют себя счастливыми, что разнится с общим уровнем психологического благополучия.

Полученные данные представляют для нас интерес и требуют дальнейшего осмысления. Планируется расширить выборку респонден-

тов для осуществления более качественного анализа и дополнить проведенное исследование другими методиками.

Литература

Гришина А. В. Тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2014. № 4. С. 131–141.

Елшанский С. П., Ануфриев А. Ф., Камалетдинова З. Ф., Сапарин О. Е., Семенов Д. В. Некоторые психометрические показатели русскоязычного варианта Шкалы субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппер // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 7.

Лепешинский Н. Н. Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 24–37.

Организованность группы как социально-психологическое условие эффективности совместной деятельности в экстремальной ситуации

Е. В. Непомилуева (*Курск*)

В настоящее время характерной особенностью становится учащение экстремальных ситуаций, изменение их характера, возрастание числа и видов, масштабности и тяжести потерь от них. В связи с этим в настоящее время изучение экстремальных ситуаций считается одной из актуальных проблем социальной психологии.

Однозначной точки зрения в трактовке «экстремальная ситуация» нет, довольно часто этот заменяют термином «чрезвычайная ситуация» (например, в Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Острые, жизненно опасные ситуации характеризуются внезапностью и кратковременностью психогенного воздействия. Экстремальные ситуации, по мнению В. Д. Небылицына, не просто чрезвычайные, но исключительно опасные для жизни и здоровья ситуации (Небылицын, 1976).

Экстремальные ситуации оказывают на психику человека сильное воздействие. В экстремальной ситуации условием ее преодоления может стать решение возникших проблем группой. Следовательно, исследование надежности и организованности групп является современной и актуальной научной проблемой для социальной психологии.

Организованность групп как социально-психологическое условие эффективности совместной деятельности в экстремальной ситуации детерминирована организованностью группы. Данные группы различного уровня организованности характеризуются различной динамикой основных показателей надежности в экстремальных ситуациях совместной деятельности. Так, их принято разделять на надежные и ненадежные.

Надежные группы характеризуются, как правило, высокой эффективностью совместной деятельности (не только по психологическому результату деятельности, но и по воспитательному воздействию на членов группы), достигаемых изменениями в широких пределах форм поведения и совместной деятельности; способностью наметить и осуществлять план совместной деятельности, поддерживать эффективное взаимодействие (Сарычев, Котик, 2016). Соответственно в ненадежных группах прослеживаются противоположная тенденция. Итак, объективные условия совместной деятельности в экстремальных условиях предполагают оптимизацию форм организационного взаимодействия.

Согласно данным, полученным в экспериментальном исследовании надежности и организованности групп, эффективность действий в высокоорганизованных группах повышается вследствие того, что они готовы к ним не только операционально, «технически», но и психологически, стремятся к совершенной форме совместной деятельности. Такая мотивация встречи с ситуацией организационной неопределенности обеспечивает высокую эффективность деятельности и безболезненную, адекватную перестройку взаимодействия в группах. Низкоорганизованные группы не только не имеют операциональной, «технической» основы для освоения оптимальных форм взаимодействия, но и не осознают их преимуществ, а иногда просто боятся их. Они могут формально принять новые формы, не поняв их сущности и не желая их осваивать (Сарычев, Мирошниченко, 2013).

Так, в надежных и организованных «группах» наблюдается отчетливо выраженная социальная установка на поиск оптимальной организации совместной деятельности, настойчивый поиск «лучшего алгоритма» и вовлечения в процесс поиска других участников, включая установление организационного порядка, т. е. такого уровня деловых отношений и взаимодействия, при котором за счет нахождения рациональных, скупых, «отшлифованных» алгоритмов значительно экономятся психологические затраты и обеспечивается надежность группы как субъекта совместной деятельности в обычных, и особенно в напряженных и экстремальных, условиях.

Особая роль в функционировании группы в экстремальных ситуациях совместной деятельности принадлежит лидерству (Демин, 2017). В экстремальной ситуации, именно лидеру необходимо оптимизировать деятельность группы, так как совместная деятельность в экстремальных условиях требует особых усилий, оптимальной и гибкой организации, наибольшей точности и оперативности взаимодействия, согласованности действий членов группы.

Актуальность изучения организованности группы в экстремальных условиях, для высокой эффективности ее совместной деятельности, связаны с решением сложных задач, которые ставит перед нами общество. Быстрый рост технической вооруженности, неимоверная техническая мощь, все это доверено не одному человеку, а целым группам людей, которые несут колоссальную ответственность и цена такой ошибки слишком высока. Все это ведет к психологической неподготовленности и напряженности, а также к малоизученному поведению групп, коллективов в той или иной ситуации. Их сплоченности, организованности. Следовательно, именно организованность группы, ее поведение, становится важным условием эффективности и требуют тщательного исследования.

Теоретическая актуальность моей работы обусловлена недостаточной организованностью группы и ее эффективностью совместной деятельности в экстремальной ситуации. Практическая актуальность связана с тем, что в деятельности различных групп, актуализируется необходимость принятия оптимального, продуманного, грамотного решения о планировании и исполнении совместной деятельности, особенно в экстремальной ситуации.

В работе будет максимально раскрыт, каждый из показателей, который может влиять на эффективность совместной деятельности в условиях экстремальной ситуации (безотказность, активность, взаимодействие и др.).

Для решения совокупности теоретических и прикладных задач, связанных с исследованием организованности группы и реализации в совместной деятельности эффективного группового решения в экстремальной ситуации адекватным методом исследования будет социально-психологический эксперимент, в процессе которого, мы создадим экстремальные условия и проверим уровень эффективности совместной деятельности, организованность группы. Мы полагаем, что эксперимент в психологии должен давать объяснительную характеристику, объяснять причины, детерминацию человеческого поведения, а не ограничиваться только установлением факта (Сарычев, Мирошниченко, 2013).

Формой организации исследования организованности группы, как условие эффективности совместной деятельности в экстремальных условиях нами избрано сочетание лабораторного и естественного эксперимента, в рамках которого, мы сможем изучить поведение, реакцию, реальной группы в реальной экстремальной ситуации.

Мы предполагаем реализовать это на базе санатория «Соловьиные зори». Процесс принятия групповых решений планируем изучать на естественной модели (сработала пожарная сигнализация), в рамках которой будет оповещена по громкой связи просьба об эвакуации из помещения в течение определенного времени. Естественный эксперимент необходимо дополнить лабораторным, что позволит выделить изучаемые психологические явления в «чистом виде» и уточнить данные, полученные в естественном эксперименте (Сарычев, Котик, 2016). Также мы проверим жизненно важные показатели здоровья членов группы. Для лабораторного эксперимента мы считаем возможным использование прибора измерения артериального давления, пульса.

Перед тем как приступить к изучению организованности группы и понимать эффективность совместной деятельности в экстремальных условиях, необходимо исследовать группу 1 планового заезда отдыхающих в санаторий.

Анализ публикаций по проблеме исследования позволяет предположить, что существенным условием принятия решения группой, является лидерство, как воздействие наиболее влиятельных членов группы, на совместную деятельность общения и взаимоотношения (Демин, 2017).

В заключение отметим, что более тщательное, углубленное изучение организованности группы как социально-психологическое условие эффективности совместной деятельности в экстремальных условиях может быть использовано в научных и практических целях, например при организации, эвакуации людей, попавших в беду, для обучающих тренингов спасателей, сотрудников МЧС, администраторов учреждений, для обучения педагогов и психологов, а также существенно снизить риски пострадавших.

Литература

Демин И. В. Результативность малых групп в напряженных условиях совместной спортивной деятельности // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 1 (41). С. 230–236.

Небылицын В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976.

Сарычев С. В., Котик І. О. Експериментальне дослідження надійності особистості й групи в напружених і екстремальних умовах життєдіяльності // Проблеми сучасної психології: Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. Вип. 33. Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2016. С. 291–313.

Сарычев С. В., Мирошниченко О. А. динамическом подходе к исследованию многоуровневого группового субъекта // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы международной научно-практической конференции (Пенза, 14–15 марта 2013 г.). Пенза, 2013. С. 181–186.

Сарычев С. В., Бабкина Н. Г. Социально-психологические аспекты принятия группового решения // Пензенский психологический вестник. 2015. Вып. 2 (5). С. 2–13.

Психологические причины, влияющие на способность выбора профессии в подростковом возрасте

А. П. Николаева (*Санкт-Петербург*)

Профессиональное самоопределение в подростковом возрасте является одной из самых актуальных проблем в современном обществе, так как от правильного выбора профессии зависит не только дальнейшая профессиональная деятельность ученика, но и его место в обществе. Данная тематика освещена в современных психологических исследованиях достаточно широко и с разных точек зрения (Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, С. Н. Чистякова, Е. И. Головаха и др.). Однако проблема психологических затруднений в ситуации выбора является весьма размытой, не имеющей общей структуры и определенных понятий.

Психолого-педагогическая поддержка в нынешних школах направлена лишь на сопровождение учащихся в выборе профессии, но при этом практически не уделяется внимания коррекции внутренних причин затруднений и развитию соответствующих личностных ресурсов. С возрастанием важности получения качественного профессионального образования и хорошей работы на подростков начинают оказывать давление, как родители, так и окружение в целом, что часто приводит к поспешному выбору, что в свою очередь

влечет за собой трудности и проблемы, как в настоящем, так и в будущем. Многие подростки, находясь в ситуации выбора, принимают решение относительно будущей профессии спонтанно, часто несамостоятельно, с опорой на чужое мнение, тем самым перекладывая ответственность за выбор на других. В связи с чем необходимым условием профессионального самоопределения личности является понимание, своевременное выявление и предотвращение затруднений, возникающих в процессе профессионального выбора подростков, с учетом внешних и внутренних условий и личностной предрасположенности самого субъекта выбора.

Нами было проведено исследование учащихся 10–11-х профильных классов (физико-математический и химико-биологический профиль) общеобразовательных школ Санкт-Петербурга, возраст учащихся составляет от 16 до 18 лет (средний возраст – 17 лет). Выбор в пользу профильных классов был сделан вследствие того, что учащиеся уже были в ситуации актуального выбора, хотя, конечно, его можно назвать лишь «предварительно профессиональным». Это позволило обратиться к их опыту осуществления выбора.

Целью исследования являлось выявление психологических причин затруднений подростков в ситуации выбора. Были сформулированы основная и частные гипотезы.

Основная гипотеза исследования: существуют внутренние затруднения и их личностные предикторы, влияющие на способность к выбору.

Частные гипотезы:

1. Сформированность определенной профессиональной идентичности зависит от личностных предикторов способности к выбору – уровня жизнестойкости, субъективного качества предварительного профессионального выбора.
2. Существует взаимосвязь между выбором профессии и субъективным качеством выбора профиля обучения.

В качестве методик исследования были выбраны: методика «Субъективное качество выбора» (Леонтьев, Мадрикова, Фам, 2015); «Тест жизнестойкости» – разработана С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева (Леонтьев, Рассказова, 2006); «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (Азбель, Грецов, 2006), а также разработана авторская анкета для выявления психологических затруднений, их причин и ресурсов в ситуации выбора. Для статистической обработки полученных данных были использованы: методы первичной статистики, сравнительный, корреляционный анализ.

На вопрос «Выбрали ли вы уже профессию?» 58% респондентов ответили – да, 42% – нет. И так как в данном случае нас интересуют затруднения в выборе, на основании полученных результатов нами был проведен сравнительный анализ (с использованием t-критерия Стьюдента) и анализ корреляционных взаимосвязей (коэффициент корреляции Пирсона) показателей подростков, сделавших выбор профессии и затрудняющихся.

Из результатов исследования статистически значимые различия между группами ($p<0,001$) наблюдаются по показателям «неопределенная идентичность», «мораторий» и «сформированная идентичность». Более высокий показатель «неопределенной идентичности» у подростков, не сделавших выбор, из чего следует, что данная часть учеников пока что даже не задумывается о выборе профессии и их профессиональные планы и интересы весьма туманны. Результаты по показателю «мораторий» также выше у тех, кто еще не выбрал профессию, что может свидетельствовать о сомнениях в выборе профессии либо о существующих затруднениях, препятствующих осуществлению выбора.

Значение по показателю «сформированная идентичность» значительно выше у подростков, сделавших выбор профессии, это подтверждает, что данная часть подростков уже имеет свое представление относительно собственных профессиональных перспектив. Однако разница между результатами сформированной идентичности и моратория, у тех, кто сделал выбор, не очень большая, из чего можно предположить, что, несмотря на сформированность профессиональных взглядов, подростки все-таки испытывают затруднения, мешающие принять окончательное решение.

Также была выявлена разница (на уровне тенденций) по показателям «продуманность выбора» и «эмоциональная окрашенность выбора», которые значительно ниже у подростков, затрудняющихся в выборе. И поскольку речь шла о ретроспективе – особенностях выбора профиля обучения, можно сделать вывод, что многие подростки сделали выбор профильного класса неосознанно, без учета возможных последствий, возможно, под влиянием извне и, как следствие, имеют затруднения и сомнения на следующем этапе выбора.

По результатам корреляционного анализ данных учеников, находящихся в ситуации дилеммы было выявлено, что показатель «мораторий» связан с субъективными характеристиками выбора, а сформированная идентичность с жизнестойкостью и ее компонентами. Таким образом, можно сказать, что находясь в стадии кризиса выбора, подростки тем самым переосмысливают уже сделанные ими шаги и чем более они признают их удовлетворительными, тем выше

вероятность преодоления кризиса. А способность к сформированности профессионального выбора в большей степени зависит от развитости уровня и характеристик жизнестойкости.

По результатам корреляционного анализа данных, в группе определившихся было выявлено, что активизация процесса самоопределения запускается в связи с размышлениями подростка и взвешенностью альтернатив. А несамостоятельность с определенной долей вероятности приводит к некритичному принятию чужого жизненного сценария. И так как характеристики субъективного качества выбора имеют взаимосвязи с показателями жизнестойкости, мы можем говорить о том, что подростки, которые осознают и принимают сделанное ими решение, имеют высокий уровень способности к преодолению стрессовых ситуаций.

Таким образом, в ходе сравнения показателей подростков, сделавших выбор и не определившихся, было выявлено, что большая часть подростков, не принявших окончательное решение, находятся в стадии кризиса выбора, так как испытывают затруднения в выборе. Подростки, определившиеся с выбором, имеют практически равнозначные результаты по показателям «мораторий» и «сформированная идентичность», что также говорит об имеющихся затруднениях.

В ходе исследования мы смогли выявить, что большинство подростков рассматривают выбор профессии с позиции ранее сделанного выбора профильного обучения, тем самым совершая выбор «прошлого», это может быть следствием низкого уровня сформированности жизнестойкости. Также нами было установлено, что от уровня сформированности жизнестойкости и ее компонентов напрямую зависит статус профессиональной идентичности подростка, находящегося в ситуации выбора.

Таким образом, мы установили, что качественные характеристики выбора профильного обучения имеют взаимосвязь с последующим выбором профессии, сформированность определенной профессиональной идентичности зависит от личностных предикторов способности к выбору – уровня жизнестойкости и субъективного качества предварительного профессионального выбора.

Литература

Азбель А. А., Грецов А. Г. Узнай себя. Психологические тесты для подростков. СПб.: Питер, 2006.

Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Из опыта психокоррекционной работы с агрессивными школьниками

Л. И. Нифонтова (*Севастополь*)

Проблемы агрессии и насилия были и остаются одними из наиболее актуальных в обществе. Многими исследователями изучались особенности агрессивного поведения лиц разных возрастных групп (Н. В. Аликина, А. Бандура, О. Б. Бовть, К. Бютнер, Р. Бэрон, А. Ю. Дроздов, С. Л. Колосова, Д. Ричардсон, М. А. Скок, Р. Уолтерс и др.), проблемы агрессивности в связи с разрешением конфликтов (Г. С. Васильева, С. М. Ениколопов, В. В. Ковалев, В. С. Мерлин, М. С. Неймарк и др.), в связи с эмоциями (В. К. Вилюнас, Т. Дембо, Д. Зилман, К. Изард, Я. Рейковский и др.), в связи с фрустрацией (А. Бандура, Д. Доллард, М. Мауер, И. Миллер, Р. Сиере и др.). Некоторые исследования были посвящены изучению взаимосвязи агрессивности с тревожностью, невротизмом, отдельными свойствами нервной системы человека.

Вместе с тем проблемы выявления механизмов детерминации агрессивных поведенческих проявлений и наиглавнейший для педагогической практики аспект – психологическая коррекция агрессивных проявлений в поведении детей и подростков – все еще остаются недостаточно разработанными. При этом обращать внимание на агрессивные реакции детей и осуществлять работу по их дифференцированной коррекции необходимо, на наш взгляд, уже в младшем школьном и в подростковом возрасте, в которых эти реакции еще не приобрели характер закрепленных и устойчивых.

Анализ и обобщение результатов многолетнего опыта работы с агрессивными школьниками позволили нам прийти к выводу о необходимости использования дифференцированного подхода в психокоррекционной работе с ними.

Цель исследования: анализ и оценка эффективности применения дифференцированных методов коррекции агрессивного поведения школьников.

Гипотеза исследования. Мы предположили, что использование в рамках социально-психологического тренинга системы когнитивных способов коррекции позволяет снизить уровень вербальной агрессии, а использование активных способов коррекции – соответственно, физической агрессии у подростков.

Характеристики *выборки.* В констатирующем психодиагностическом исследовании приняли участие 57 школьников в возрасте 14–15 лет, среди которых 41 мальчик и 16 девочек.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных. Сравнительный анализ исследуемых показателей, а также оценка выявленных тенденций осуществлялись с помощью определения процентного соотношения между эмпирическими данными.

Результаты и их интерпретация. На основании анализа и оценки результатов констатирующего психодиагностического исследования нами было отобрано 30 подростков с высоким уровнем агрессивности хотя бы по одной из шкал методики Басса–Дарки. При этом 26,7% испытуемых имели высокий уровень агрессивности одновременно по всем трем шкалам, 36,7% – по двум и 53,3% – по одной. Данные, полученные с помощью методики С. Розенцвейга, свидетельствовали о преобладании у подростков экстрапунитивных реакций «с фиксацией на самозащите» (у 56,7% испытуемых).

По результатам констатирующего исследования, выборка подростков с высоким уровнем агрессивности (30 чел.) была разделена на две экспериментальные и контрольную группы (по 10 человек в каждой). В экспериментальную группу № 1 вошли подростки с преобладанием высокого уровня вербальной агрессии, № 2 – физической агрессии. Показатели агрессии в контрольной группе были в среднем такими же, как в группах 1 и 2. В связи с тем что преобладающими типами агрессивного реагирования у подростков были вербальная и физическая агрессия, нами были разработаны два тренинга, предусматривавшие использование соответствующих способов коррекции агрессивного поведения. Первый тренинг был основан на использовании когнитивных, а второй – активных способов психологической коррекции.

Сравнительный анализ результатов, полученных в ходе психодиагностических обследований, проводившихся до начала тренинга и через месяц после его окончания, свидетельствовал о наличии выраженной позитивной динамики в экспериментальных группах, в то время как в контрольной группе существенных изменений зафиксировано не было.

Наиболее существенно (на 40%) снизились показатели вербальной агрессии у участников экспериментальной группы № 1, что подтверждает целесообразность обучения подростков когнитивным способам самоконтроля и самокоррекции поведения. При этом в группе № 1 отмечается также снижение уровня косвенной (на 20%) и физической (на 10%) агрессии.

В экспериментальной группе № 2 зафиксировано снижение уровня физической агрессии (на 30%), а также вербальной и косвенной агрессии (на 20% по каждому показателю).

По результатам, полученным с помощью методики С. Розенцвейга, отмечается изменение направленности и преобладающего

типа реакций подростков в фрустрационных ситуациях. Так, количество экстрапунитивных реакций снизилось на 30% в каждой экспериментальной группе. При этом отмечается снижение числа реакций «с фиксацией на самозащите» (их стало на 40% меньше в группе № 1 и на 20% – в группе № 2). В то же время в группе № 1 существенно увеличилось количество импунитивных реакций «с фиксацией на препятствии», что свидетельствует о развитии способности подростков переосмысливать значение фрустрирующей ситуации и изменять свое отношение к ней.

Выводы

Таким образом, выдвинутое нами предположение о том, что когнитивные способы коррекции будут способствовать снижению уровня вербальной, а активные – уровня физической агрессии, подтвердилось. В то же время, наряду с предполагаемыми нами изменениями, была зафиксирована позитивная динамика показателей других видов агрессии, что свидетельствует о необходимости систематического использования как дифференцированного, так и комплексного подхода в коррекции агрессивного поведения школьников.

Литература

Бовть О. Б. Психокоррекционная работа по предупреждению агрессивности у детей младшего школьного возраста // Практична психологія та соціальна робота. 1998. № 1, 3, 4, 5, 6,7, 8, 9, 10.

Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 2001.

Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / Пер. с англ. Ю. Брянцевой, Б. Красовского. М.: Апрель-Пресс–Эксмо, 2000.

Бютнер К. Жить с агрессивными детьми. Пер. с нем. М.: Педагогика, 1991.

Колосова С. Л. Детская агрессия. СПб.: Питер, 2004.

Личностные и средовые детерминанты профессиональной направленности студентов

Е. Ф. Новгородова (*Калининград*)

Ценностные ориентиры преобразования отечественной высшей школы и практика его функционирования определяются доминированием идей *гуманизации* образования (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, В. И. Вернадский, В. П. Зинченко, В. И. Слободчиков

и др.). Однако последние изменения российской системы образования, связанные с ориентацией на мировые стандарты качества предоставляемых услуг, проходят под эгидой болонского процесса, сконцентрированного на *стандартизации* образования, что вступает в противостояние с наметившейся гуманистической тенденцией к *индивидуализации* профессионального обучения. В итоге в современной практике высшего образования России сложилась устойчивая *кризисная ситуация* (А. Ф. Зотов, В. Е. Каган, И. Ю. Махова, В. М. Розин, Н. А. Шлемова и д.р.) характеризующаяся тем, что во время обучения у большинства студентов снижается учебно-профессиональная мотивация (А. А. Вербицкий, А. А. Волочков, О. В. Гаврилова, Г. А. Журавлева, Н. И. Мешков, В. А. Якунин и др.), типичным стало трудоустройство не по специальности значительной части выпускников (Ю. А. Демин, Е. Н. Каткова, М. А. Стрельцова и др.), ярко выражены коррупционные установки обучающихся (Е. А. Борисова, К. С. Кузина, С. Е. Метелев, Д. В. Пшеничук, В. Л. Римский, В. А. Шмакова и др.). Все это демонстрирует проблемы как общего обесценивания образования среди молодежи, так и доминантного значения для учащихся формальных образовательных документов вопреки важности профессиональных знаний, умений и навыков.

К тому же не нашел достаточного отражения в современных исследованиях функционирования отечественной системы высшего профессионального образования РФ вопрос *о роли профессионального образования в обеспечении качества жизни личности* (Новгородова и др., 2017). Научная литература содержит противоречивые сведения по этому поводу: были найдены свидетельства изменения как силы, так и направления влияния образовательного уровня на степень удовлетворенности жизнью (Н. В. Андреенкова, И. Ю. Махова, В. А. Шмакова, H. Daniels, E. Diener, A. Michalos, N. Noddings, S. Schwartz, R. Witteri др.). Существует несколько версий, объясняющих связь между образованностью и удовлетворенностью реализуемой жизнедеятельностью, а именно: *ожидания* будущих специалистов от материального дохода и социального статуса (E. Diener, E. Suh, R. Lucas, H. Smith и др.), *социокультурный контекст* профессионального становления (В. А. Шмакова, H. Daniels, H. Lauder, A. Lessa, A. Margolis, J. Hardman и др.) и *особенности организации* образовательной системы (И. Ю. Махова, E. Diener, R. Lucas, S. Oishi, E. Suh и др.). Традиционно в качестве приоритетного источника субъективного благополучия учащихся выделяется такая характеристика образовательной среды как *психологическая безопасность* (Г. М. Андреева, И. А. Баева, Л. Ф. Бурлачук, В. А. Дмитриевский, И. В. Дубровина,

Б. Ф. Ломов, Е. В. Опевалова, А. А. Реан, Л. А. Регуш, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин и др.). Однако учитывая массовость размытой учебно-профессиональной принадлежности и негативную динамику профессионального самосознания современных студентов (Махова, 2011), целесообразен единовременный учет характеристик образовательного пространства и их влияния на развитие личности обучающихся, а также экзистенциальных представлений и ожиданий будущих специалистов для построения научно-обоснованных программ, способствующих как оптимизации учебно-воспитательного процесса, так и благополучному протеканию индивидуальной жизненной траектории учащихся.

Предполагаемая научно-исследовательская работа ориентирована на раскрытие *психологических механизмов, детерминирующих изменения в профессиональной направленности студентов высших учебных заведений.* Данная проблема обусловлена не только недостаточной научной разработкой, но и рядом *противоречий,* сложившихся в функционировании современной российской системы высшего образования: а) между декларациями о личностно-ориентированном образовании и реальными результатами воздействия системы высшего образования на личность студентов (преобладает негативный сценарий личностного развития с социально-психологическим инфантилизмом, деструктивным перфекционизмом и диффузией идентичности); б) между результатами, получаемыми при изучении роли образования в регуляции жизнедеятельности его субъектов, в зарубежных и отечественных исследованиях.

Для выявления психологических механизмов регуляции профессиональной направленности студентов в работе будет использоваться следующий комплекс взаимосвязанных и дополняющих друг друга *методов* исследования: *теоретические* (обзор научной литературы относительно исследуемой проблематики, системный анализ и синтез, моделирование), *эмпирические* (анкетирование, анализ продуктов деятельности, тестирование (*Личностные особенности студентов* – «Дифференцированный тест перфекционизма» А. А. Золотаревой, «Диагностика социально-психологического инфантилизма личности» А. В. Микляевой, «Кто я?» А. М. Прихожан, «Индикатор копинг-стратегий» Н. А. Сирота и В. М. Ялтонского; *Характеристики образовательной среды* – модификация «Психологической диагностики образовательной среды» И. А. Баевой; *Субъективное благополучие личности* – «Шкала удовлетворенности жизнью» Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина; *Профессиональная направленность личности* – установки на смену профессии, «Незаконченные предложения») и методы *ма-*

тематической обработки данных (корреляционный, факторный и регрессионный анализы, определение центральных тенденций и достоверности сдвигов с учетом объема выборки, а также контент-анализ).

Данный проект предполагает комплексный подход к решению заявленной научной проблемы, сочетающий: а) теоретический, эмпирический и экспериментальный способы проверки гипотез, б) анализ личностных и средовых характеристик, в) количественную и качественную обработку данных. Это позволит получить более целостный, детализированный и одновременно репрезентативный результат.

Теоретико-методологическую базу исследования составят: психологические исследования *жизненного пути личности* (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Б. Г. Ананьев, Н. В. Гришина, Н. В. Логинова, С. Л. Рубинштейн, Н. А. Рыбников и др.), *психосоциальный подход* к развитию личности (E. Ericson) и его конкретизация в противопоставлении «*зрелость—инфантильность*» (O. A. Barbarin, D. F. Bjorklund, E. Cauffman, K. A. Kemp, K. C. Monahan, L. Steinberg, С. А. Безгодова, Л. А. Головей, А. В. Микляева, А. А. Серегина, А. В. Утенков и др.), дуалистическое понимание феномена *перфекционизма,* зафиксированное в дихотомии «*конструктивность—деструктивность*» (M. Antony, E. C. Chang, R. Frost, Hamachek, J. Klibert, K. Rice, R. Slaney, J. Stöber, L. Terry-Short, Т. В. Груби, А. А. Золотарева, М. В. Ларских и др.), концепция *субъективного благополучия* личности (R. A. Cummins, A. C. Michalos, E. Diener, S. Oishi, M. Seligman, E. M. Suh, Р. М. Шамионов и др.) и его *оптимального* уровня (E. Diener, R. Lucas, S. Oishi, Л. И. Галиахметова, С. В. Яремчук и др.), *личностно-деятельностный подход* к образованию (Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, А. Л. Вербицкий, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, И. А. Зимняя, В. Я. Ляудис, А. Н. Леонтьев, А. К. Маркова, А. Б. Орлов, С. Л. Рубинштейн, Д. Б. Эльконин, И. С. Якиманская и др.), исследования, посвященные изучению *психологической безопасности образовательной среды* (И. А. Баева, В. А. Дмитриевский, И. В. Дубровина, Е. В. Опевалова, Л. А. Регуш, В. В. Рубцова и др.).

Эмпирическую базу исследования составят учреждения высшего профессионального образования г. Калининграда. В ходе реализации проекта предполагается опрос около 500 респондентов. В выборку войдут субъекты образовательного процесса, получающие профессиональное образование гуманитарного и технического профилей подготовки, составив контрастные группы сравнения. Кроме того, будет проверена частная гипотеза об отличиях в соотношении средовых и личностных предикторов профессиональной направленности среди образовательных мигрантов и автохтонов.

В ходе исследования ожидается не только проверка теоретической модели регуляции профессиональной направленности студентов вузов, но и получить следующие научные *результаты:* теоретико-аналитический обзор факторов преобразования жизненного пути студенческой молодежи, обнаружение детерминированности намерений по изменению жизнедеятельности в процессе профессионализации, выявление закономерностей и механизмов регуляции жизненного пути субъектов профессионального образования, создание оригинальных моделей детерминации качества жизни, включающих опосредующие элементы (переменные-медиаторы и переменные-модераторы), разработка научно обоснованных рекомендаций по оптимизации качества жизни будущих профессионалов.

Литература

Новгородова Е. Ф., Бакина А. В., Махова И. Ю., Шмакова В. А., Яремчук С. В. Социально-психологические факторы удовлетворенности жизнью молодежи: региональный аспект проблемы // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 102–117.

Махова И. Ю. Психологические основание моделирования систем высшего образования: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2011.

Об исследовании исторической картины мира школьников

Т. Н. Осинина (*Орехово-Зуево*)

Для обеспечения высокого качества усвоения знаний необходимо установить закономерности организации информации в памяти и ее воспроизведения, изучить каким образом эта организация функционирует и как влияет на результативность мнемических процессов.

Понятие «репрезентация информации» означает «представленность», «изображение», «отображение одного в другом или на другое», т. е. речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя (Брушлинский, Сергиенко, 1998, с. 8). В когнитивной психологии представление о ментальных репрезентациях занимает одно из центральных мест (Найссер, 1988; Солсо, 2002; Ушакова, 2004; Холодная, 1997, 2004; Paivio, 1989; и др.). Репрезентация, согласно М. А. Холодной, – это особая форма организации ментального опыта в виде индивидуального умозрения (Холодная, 2002, с. 101).

Л. В. Черемошкина отмечает, что термином «репрезентация информации в памяти человека» обозначают три проблемы: во-первых, то, как структурированы знания, представления, домыслы и т. д. человека (картина мира, по А. Н. Леонтьеву); во-вторых, как происходит процесс представления (репрезентации) вновь поступающей информации, для того чтобы ее запомнить и воспроизвести; в-третьих, каковы закономерности взаимоотношений имеющейся и вновь поступающей информации (Черемошкина, 2009, с. 43).

Целью лонгитюдного эксперимента является изучение объема и качественной специфики воспроизведенного учебного текста школьниками с различным уровнем развития мнемических способностей. Настоящая статья имеет целью охарактеризовать объективные и собственно-психологические закономерности актуализации исторических знаний, картину репрезентаций учебного материала исторического содержания в памяти школьников.

Эксперимент продолжается более 7 лет, включает две серии и стимульный материал двух видов. В первой серии стимульный материал представляет отрывок из учебника по биологии для 6-х классов (Пасечник, 2005). Результаты, полученные в первой серии экспериментов, подробно изложены в ряде работ (Черемошкина, Осинина, 2012). Во второй серии экспериментов используется стимульный материал из учебника по истории для 6-х классов (Данилов, 2014). Текст «Куликовская битва» включает 16 смысловых единиц, 34 предложения, 435 слов.

Этапы второй серии экспериментов: 1. Запоминание и непосредственное воспроизведение; 2. Воспроизведение через сутки после запоминания; 3. Воспроизведение через неделю после запоминания; 4. Воспроизведение через год после запоминания; 5. Воспроизведение через 1,5 года после запоминания.

Обработка результатов. Под эффективностью воспроизведения понимается количество правильно воспроизведенных смысловых единиц. В качестве дополнительной информации подсчитывается количество правильно воспроизведенных предложений и слов. Для изучения качественной специфики воспроизведения учитывается количество искажений (ошибочных воспроизведений) и привнесений (дополнений, добавлений).

В исследовании приняли участие 48 школьников МОУ СОШ № 20 и МОУ СОШ № 2 г. Орехово-Зуево, Московской области. Спустя год объем выборки составил 47 испытуемых, спустя 1,5 года – 46 испытуемых.

Результаты и их обсуждение

Среднее значение по количеству воспроизведенных смысловых единиц постепенно уменьшается от непосредственного воспроизведения (3,6) к воспроизведению спустя год (2,3), незначительно увеличиваясь на этапе воспроизведения спустя 1,5 года (2,5). Выявлены статистически значимые различия по количеству воспроизведенных смысловых единиц на первых трех этапах эксперимента (непосредственно, спустя сутки, спустя неделю) и количеству смысловых единиц, воспроизведенных спустя год ($T=69$, $p<0,01$; $T=85$, $p<0,01$; $T=132,5$, $p<0,01$) и спустя 1,5 года ($T=120$, $p<0,01$; $T=135$, $p<0,01$; $T=165$, $p<0,01$). Нормальность распределения результатов по показателям методики диагностики процесса воспроизведения была проверена путем расчета параметров распределения (асимметрии и эксцесса) и применения критерия нормальности Колмогорова–Смирнова. Результаты свидетельствуют о соответствии эмпирического распределения нормальному по количеству воспроизведенных предложений, слов, искажений. Исключение составляет распределение по количеству воспроизведенных смысловых единиц и количеству допущенных привнесений, которое не соответствует нормальному. Поэтому для оценки достоверности сдвига по показателям воспроизведения мы использовали t-критерий Стьюдента и T-критерий Вилкоксона.

Среднее значение по количеству воспроизведенных предложений возрастает от непосредственного воспроизведения (7,2) к воспроизведению спустя сутки (8,1), затем постепенно уменьшается (5,6). Выявлены статистически значимые различия по количеству предложений, воспроизведенных непосредственно и спустя год, 1,5 года ($t=2,6$, $p<0,02$; $t=2,7$, $p<0,01$); спустя сутки и спустя неделю, год, 1,5 года ($t=2,9$, $p<0,01$; $t=3,4$, $p<0,01$; $t=3,1$, $p<0,01$).

Среднее значение по количеству искажений спустя сутки не изменяется (2), уменьшаясь спустя неделю (1,9) и год (1,2). Многие школьники искажают даты, числа, имена собственные, встречающиеся в тексте-оригинале: «Чужаки не были готовы к зиме, поэтому и проиграли битву», «Первыми в бой двинулись три богатыря», «В Куликовской битве никто не выиграл», «Сражение с Мамаем было под Петербургом» и др. Выявлены статистически значимые различия по количеству искажений, допущенных при непосредственном воспроизведении и спустя год, 1,5 года ($t=3,1$, $p<0,01$; $t=2,6$, $p<0,02$), спустя сутки и спустя год, 1.5 года ($t=2,8$, $p<0,01$; $t=2,7$, $p<0,01$), спустя неделю и спустя год, 1,5 года ($t=2,6$, $p<0,02$; $t=2,7$, $p<0,01$).

Среднее значение по количеству привнесений изменяется неравномерно: увеличиваясь спустя сутки (0,8), уменьшаясь спустя неделю (0,5), год (0,4) и вновь возрастая через 1,5 года (0,6). Примеры привнесений в учебный текст: «Благодаря патриотизму русское войско разгромило врага», «Поле Куликово было около реки Дон», «Дмитрий Донской шел на честное сражение», «Ярослава прозвали Мудрым», «Наш полк был очень сильным и смелым», «Много лет Орда держала в страхе Русь», «Наши предки упорно не сдавались, хотели отвоевать свои земли и стать независимыми», «Наш народ боролся за справедливость» и др. Выявлены статистически значимые различия по количеству привнесений, допущенных при непосредственном воспроизведении и спустя сутки ($T=63$, $p<0,03$); спустя сутки и спустя неделю ($T=24$, $p<0,01$).

Картина репрезентаций испытуемых, успешно актуализирующих учебный текст исторического содержания, характеризуется наилучшими способами организации запоминаемого материала, при которых он укладывается в систему связей, естественным образом направляющую извлечение его из памяти и гарантирующую успешное применение. Это требует глубины понимания материала, активной мыслительной деятельности, требует такого уровня овладения материалом, при котором он легко находил себе место в существующей системе знаний, был присвоен субъектом. «Вплетение» новой информации в систему репрезентаций обусловлено именно пониманием смысла запоминаемого материала. Школьниками, успешно воспроизводящими учебный текст, новый материал понят, присвоен, поставлен на место, им нетрудно его актуализировать.

Картина репрезентаций испытуемых, испытывающих трудности при актуализации учебного текста исторического содержания, характеризуется отсутствием эффективных способов организации запоминаемого. Школьники испытывают трудности при воспроизведении информации, ее извлечении из памяти, что может быть связано с поверхностной обработкой информации, несформированностью регулирующих механизмов памяти. Можем предположить, что знания испытуемых четко не структурированы, и поэтому процесс репрезентации вновь поступающей информации не всегда характеризуется ее успешным запоминанием, извлечением и последующим применением. Испытуемые продемонстрировали уровень понимания учебного текста ниже среднего, отсутствие активной мыслительной деятельности при взаимодействии с экспериментатором, что свидетельствует о невозможности «вплетения» новой

информации в систему имеющихся знаний для ее последующего успешного применения.

Таким образом, индивидуальный ментальный опыт испытуемых относительно событий Куликовской битвы не имеет четкой организации. Результаты воспроизведения показывают, что определенная часть учебного текста присвоена школьниками, а другая часть репрезентируется в памяти с искажениями, ошибками. Полученные данные свидетельствуют о том, что воспроизведение подчиняется функционированию как объективных, так и собственно-психологических закономерностей.

Литература

Брушлинский А. В., Сергиенко Е. А. Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 5–22.

Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

Черемошкина Л. В. Психология памяти. М.: Аспект-Пресс, 2009.

Черемошкина Л. В., Осинина Т. Н. Память: закономерности воспроизведения учебного материала: Монография. М.: Прометей, 2012.

Интеллектуальные предикторы профессиональной эффективности специалистов IT-сферы

Р. С. Панащик (*Минск*)

Проблема эффективности труда специалистов различных профилей рассматривалась в трудах Б. Ф. Ломова, А. К. Марковой, В. Д. Шадрикова, Р. С. Немова и др. В то время как само понятие «эффективности профессиональной деятельности», согласно Н. С. Пряжникову и Е. А. Климову различается в зависимотси от профессии и предмета труда. И как следствие, эффективность профессиональной деятельности специалистов той или иной сферы определяется комплексом факторов, которые выражаются в количественно – качественных показателях (Назаренко, 2009). Отсюда наблюдается рост количества критериев профессиональной эффективности или же успешности специалиста. Мы же остановимся на 2 основных аспектах: процессуальном и результативном.

1. К процессуальному (субъективному) аспекту относят:

- Субъективную оценку человеком реализованности собственного профессионального потенциала;
- Субъективную оценку человеком психологической удовлетворенности процессом труда. Психологическая удовлетворенность выполняет важную функцию в процессе внутренней регуляции поведения (Шмыков, 2008). В свою очередь, удовлетворенность потребностей напрямую зависит от «удовлетворенности профессиональной деятельности» (Коноплева, 2015, с. 64). Данный аспект весьма важен, поскольку при низкой психологической удовлетворенности трудом у специалиста наблюдается развитие профессиональных кризисов и деформаций, а в некоторых случаях таких психических заболеваний, как депрессия.

2. К результативному (объективному) аспекту относят: производительность, уровень социальных достижений, степень достижения поставленных целей, которые позволяют достигнуть человеку определенных социальных благ, в плане:

- Карьерного роста;
- Количественного роста заработной платы.

Цель исследования: Выявить интеллектуальный предикторы профессиональной эффективности специалистов IT-сферы.

Гипотеза исследования: Комплекс факторов эффективности профессиональной деятельности значимо коррелирует с интеллектуальными способностями специалистов IT-сферы.

В качестве данного комплекса выступили такие факторы, как:

- Рост субъективно оцениваемой психологической удовлетворенности трудом (за последние 3 года);
- Самооценка уровня успешности (за последние 3 года);
- Самооценка реализованности профессиональных целей и намерений (за последние 3 года);
- Количественный рост средней заработной платы (за последние 3 года).

В исследовании приняло участие 48 человек. Возраст испытуемых варьируется от 23 до 39 лет. Среди них оказались такие специалисты как: программисты, тестировщики ПО, операторы ПК, веб-дизайнеры. Все испытуемые имеют высшее образование (в некоторых случаях 2 высших), а также специальную подготовку от Парка высоких технологий г. Минска. Исследование проходило на базе

научно-образовательной лаборатории психологии познавательных процессов Института психологии БГПУ.

Основными методами нашего исследования являлись:

1. Анкетирование. Авторская анкета, направленная на выявление уровня профессиональной успешности, методом собственной оценки успешности испытуемым. В ней мы постарались отразить 2 вышеупомянутых аспекта.
2. Тестирование. По следующим методикам:

- Тест Гилфорда, направленный на диагностику социального интеллекта;
- Тест Амтхауэра, направленный на диагностику психометрического (академического) интеллекта;
- Тест Холла, направленный на диагностику эмоционального интеллекта.

В качестве основного математического и статистического метода был использован корреляционный анализ.

В ходе проведения исследования были получены следующие результаты:

- Средний и высокий уровень самомотивации (управление своим поведением, за счет управления своими эмоциями) значимо коррелирует с комплексом показателей профессиональной эффективности. Коэффициент корреляции составил 0,34, при p=0,05. Поскольку коэффициент оказался на уровне ниже среднего, соответственно мы можем говорить лишь о тенденции к линейной корреляции.
- Низкий уровень умения управлять эмоциями других людей, также значимо коррелирует с показателями профессиональной эффективности. Коэффициент корреляции составил 0,39 при p=0,05.
- Отмечается корреляция среднего уровня интегративного показателя эмоционального интеллекта и комплекса показателей профессиональной эффективности (коэффициент 0,38 при p=0,05).
- По остальным показателям интеллекта взаимосвязи с критериями профессиональной эффективности найти не удалось. Однако отметим, что было выявлена взаимосвязь между показателями эмоционального интеллекта. А именно между низким показателем самомотивации и низким общим эмоциональным интеллектом (коэффициент корреляции 0,56, при p=0,05). А также низким уровнем интегративного показателя эмоционального интеллекта и умением управлять своими эмоциями (коэффициент корреляции 0,50 при p=0,05).

- Отметим также, что 28% испытуемых из нашей выборки являются математически одаренными (уровень IQ превышает порог 150 пунктов). Для них свойственно наличие уровня ниже среднего эмпатии, среднего уровня социального интеллекта, развитых практических плановых способностей.

Таким образом, для успешных специалистов IT-сферы, способных осуществлять эффективно свою профессиональную деятельность, свойственны следующие особенности эмоционального интеллекта: самомотивация выше среднего уровня, средний уровень развития эмоционального интеллекта, низкий уровень умения управлять эмоциями других людей. В свою очередь, высокий академический интеллект и средний уровень социального интеллекта позволяют сохранить уровень развитости эмоционального интеллекта на оптимальном уровне.

Полученные результаты могут быть использованы при составлении психограммы специалиста IT-сферы, а также при составлении соответствующего бизнес-тренинга, направленного на развитие тех или иных интеллектуальных способностей, которые позволят специалисту осуществлять профессиональную деятельность достаточно эффективно.

Литература

Коноплева И. Н., Коноплева И. Н. Взаимосвязь личностных качеств и эффективность профессиональной деятельности работников налоговых органов // Психология и право. 2015. Т. 5. № 3. С. 61–74.

Назаренко В. В. Психологические детерминанты эффективности профессиональной деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.

Шмыков В. И. Профессиональная эффективность и удовлетворенность трудом юристов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2 (33). С. 27–30.

Татуировка и принятие себя у современных подростков

Д. С. Панкова, А. Р. Кирпиков (*Ижевск*)

Подростковый возраст – время напряженной внутренней жизни ребенка. Вступив в этот период, подросток сталкивается с многочисленными внутренними и внешними изменениями себя. Ему предстоит приспособиться к своему телесному, физическому облику. В этом возрасте подростка особо волнует его тело, лицо, имя.

Идентификация со своим новым обликом – трудный для ребенка процесс, когда ему необходимо «принять себя таким, какой я есть», несмотря на превосходящих его во многом сверстников.

Объектом нашего исследования стали современные подростки, имеющие татуировку или желающие ее сделать.

Предметом исследования стало наличие татуировки у подростка и такая личностная характеристика человека, как принятие себя.

Современные подростки ориентированы на самоутверждение и всячески стараются выделиться из толпы. В этот период жизни для человека имеет большое значение то, как его воспринимают другие люди и как они к нему относятся. Одной из популярных и распространенных тенденций нашего времени является татуировка. На наш взгляд, это соответствует желанию подростка казаться взрослым и принять самостоятельное решение: пойти и сделать себе татуировку.

Личность подростка находится в постоянном развитии и главной особенностью подростка является своеобразная личностная нестабильность. Именно в этом возрасте начинает происходить временное отдаление от семьи с ориентацией на группу сверстников, в которой он чувствует себя комфортно и где относятся к нему с уважением. У подростка начинает формироваться чувство взрослости, оно проявляется через стремление к независимости и самостоятельности, возникает протест против взрослых. Именно чувство взрослости, по мнению Д. Б. Эльконина, является основным новообразованием данного возраста.

Подросток в этом возрасте нередко выбирает для себя кумира, которому он пытается подражать: его внешнему облику, манере поведения. Внешность для подростка имеет очень большое значение. Необычная прическа, серьга в ухе, рваные джинсы, яркая косметика и другие атрибуты дают подростку возможность отделить себя от других и утвердиться в своей группе. Таким образом, у подростков выражается потребность в безопасности. У подростка появляется своя позиция. Он считает себя уже достаточно взрослым и относится к себе как к взрослому. Это проявляется в следующем:

- в желании, чтобы все взрослые (учителя, родители) относились к нему, как к равному себе. Но его не смущает то, что прав для себя он требует больше, чем берет на себя обязанностей. И отвечать за что-то он вовсе не желает;
- в стремлении к самостоятельности: любой контроль и помощь со стороны взрослых им отвергаются. К сожалению, подобная «самостоятельность» подростков – еще один из поводов для появления конфликтов между ними и их родителями;

– в появлении и выражении собственных вкусов и взглядов, оценок, линии поведения. Подростки очень хотят быстро повзрослеть, и к тому же максимально отличаться от своих родителей. Они хотят иметь «свои» ошибки и свой собственный жизненный опыт.

Существуют различные подходы к периодизации подросткового возраста. На наш взгляд, достаточно удачный вариант предлагает А. Е. Личко (1983). Он выделяет младший подростковый возраст 12–13 лет, средний – 14–15 лет, старший – 16–17 лет.

Очень важной характеристикой личности человека является принятие себя. Принятие себя – это некая любовь к себе, способность воспринимать себя таким, какой ты есть. Это не означает остановку в развитии и отсутствие самосовершенствования, а наоборот связано с личностным ростом и развитием их личности. Что касается подростков, то им нужна помощь в принятии себя со стороны взрослых: не высмеивать, не критиковать, не выискивать ошибок и не запрещать чего-либо (если только это не несет прямого ущерба здоровью).

В нашем исследовании мы предположили, что одной из возможных причин появления желания у подростков сделать татуировку – является неприятие себя.

Мы предположили, что желание сделать татуировку у подростка является следствием его стремления к самостоятельности, с одной стороны, и является компенсацией такой личностной характеристики, как неприятие себя – с другой стороны. Именно принятие себя имеет огромное значение для подростка и оказывает существенное влияние на личностное развитие человека, способствуя его социально-психологической адаптации к новым жизненным условиям. Наше исследование включало в себя следующие этапы:

1. Подготовительный этап – изучались возрастные особенности подростков, формулировалась гипотеза, подбирались адекватные предмету исследования методики;
2. Исследовательский этап – проводились выбранные методики, фиксировались результаты и разрабатывались специальные занятия для подростков;
3. Заключительный этап – обрабатывались результаты исследования и на их основе вырабатывались соответствующие рекомендации.

Опираясь на анализ литературы по проблеме исследования, можно сделать вывод о том, что проблема принятия себя является актуальной для подростков.

Проведя анализ психолого-педагогической литературы, мы выяснили, что подростковый возраст является одним из самых важных этапов формирования личности. Этот период характеризуется переходом к взрослости, это очень сложный период в семье особенно для родителей, так как неадекватные выходки своих детей они будут видеть все чаще и чаще. В старшем школьном возрасте главной проблемой, определяющей интерес человека, является он сам. От самопринятия зависят взаимоотношения человека с самим собой, его критичность, требовательность к себе, отношение к своим успехам и неудачам. Тем самым самопринятие влияет не только на эффективность деятельности человека, но и определяет во многом дальнейшее развитие его личности.

На эмпирическом этапе исследования осуществлялся подбор необходимых методов и методик. Для опытно-экспериментального исследования нами взяты методы наблюдения, тестирования и беседы, а в качестве конкретных методик исследования выступали: Методика диагностик социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонд), анкета «Метаморфозы тела: татуировка» для сбора дополнительной информации. После проведения первичной диагностики, мы обнаружили, что большинство детей мало осведомлены о татуировках и не имеют представления об опасности их последствий. Они полагают, что если сделать татуировку, то ее наличие может им помочь принять себя.

Этап обработки и анализа данных завершался сравнением показателей двух групп исследуемых подростков. По результатам диагностики, мы видим незначительные различия в показателях. Для поиска статистически значимых различий в нашем исследовании мы воспользовались критерием Р. Фишера. После расчета результатов по данному критерию мы можем отметить, что между группами подростков, желающих сделать (или уже имеющих) татуировку и подростками, не стремящимися ее сделать, статистически значимых различий не обнаружено. Статистически значимые различия ($p=0,05$) обнаружены по показателям «принятие других» и «зависимость от других». Подростки, стремящиеся сделать татуировки, отличаются наибольшей степенью принятия других людей и достаточно высокой степенью зависимости от них. Вероятнее всего, что стремление к наличию татуировки у подростков определяется их ориентацией на других (значимых) для них людей и не связано с принятием себя, а более определяется их зависимостью от своего окружения (референтной для них группы). Эти подростки наиболее подвержены влиянию извне, часто не высказывают открыто своего

мнения в группе и не умеют отстаивать свою позицию. Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что наличие татуировки у подростка или желание ее сделать связаны в большей степени не с принятием себя, а с принятием других. Причем у изучаемых нами подростков принятие других плавно переходит в зависимость от них, что, впрочем, соответствует психологическим особенностям подросткового возраста.

Литература

Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Изд. 2-е, доп. и перераб. Л.: Медицина, 1983.

Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

Сравнительный анализ виртуального и реального образа «Я» студентов с разным уровнем самооценки

С. Е. Паньшина (*Москва*)

Сегодня исследования, посвященные вопросам изучения интернет-пространства, все больше центрируются на аспектах самовыражения личности в виртуальной среде. Данный вектор интересов обусловлен как расширением возможностей для экспериментов со своим образом в сети, так и запросом общества на осознание природы личностных трансформаций, происходящих в интернет-пространстве, что уже охватывает вопросы личностной регуляции сетевой активности.

Виртуальная реальность в отличие от подлинной дает колоссальные возможности контроля над событиями – возможность генерирования информации, ее комбинирования, изменения. Рассматривая виртуальность в сравнении с реальным социальным окружением, выделяют следующие специфические черты интернет-пространства: мультипредставленность источников информации, социальных групп; возможность и безопасность экспериментов с ролями, подбора привлекательных паттернов поведения без особых последствий; возможность создания любой самопрезентации.

Особенности интернет-пространства могут быть поняты как позитивные и негативные для развития личности в процессе общения. К позитивным аспектам можно причислить возможности увеличения масштаба круга общения, преодоления коммуникативного де-

фицита, повышения информированности в интересующих вопросах, ощущение безопасности и защищенности от манипулятивных воздействий, как следствие анонимности, компактность коммуникативного хронотопа, предполагающая единство пространственно – временных характеристик, возможность демонстрации характерных личностных черт и своих эмоциональных состояний, поле для экспериментов с собственной идентичностью. Негативная сторона интернет-коммуникации представлена в случаях интернет-аддикции (Войскунский, 2000). Подобный спектр возможных вариантов последствий презентации в виртуальном пространстве требует поиска путей контроля над изменениями в личностных особенностях субъекта, что делает исследование виртуального образа одной из актуальных и важных тем изучения интернет-пространства.

В статье представлены результаты исследования виртуального и реального образа «Я» студентов с разным уровнем самооценки. Основной целью работы было выявление особенностей виртуального и реального образа «Я» студентов с разным уровнем самооценки с учетом данных качественного и сравнительного анализа по результатам методики (СД) Ч. Осгуда. Была выдвинута гипотеза о существовании различий между составляющими образа «Я» (Я-реальное, Я-идеальное, Я-виртуальное) по факторам «силы», «активности», «оценки» у студентов с разными уровнями самооценки.

Участие в исследовании принимали студенты высших учебных заведений Москвы и Московской области (РУДН, ИПГ им. Фёдорова, МАРХИ, РТА, МФЮА). Объем выборки составил 60 человек. В психодиагностический комплекс вошли следующие методиками: методика семантического дифференциала (СД) Ч. Осгуда; методика исследования самооценки личности С. А. Будасси. Статистически значимые различия определялись с помощью метода статистического вывода на основе критерия Фридмана и Краскела–Уоллиса.

Сравнение «реального Я», «идеального Я» и «виртуального Я» обнаружило значимые различия по факторам «оценки», «силы» и «активности». Также была отмечена некоторая логика в возрастании показателей параметров от «реального Я» к «идеальному Я» через «виртуальное Я». Полученные результаты могут быть следствием того, что образ виртуальной личности выражается как реализация «идеального Я», на основе того факта, что в виртуальности самопрезентация поддается контролю и управлению, как следствие делая мечты о себе, недосягаемые в реальности, достижимыми (Паньшина, 2016).

В рамках исследования нами было выявлено своеобразие виртуального и реального «Я» студентов с разным уровнем самооценки.

Респонденты с заниженной по невротическому типу самооценкой, оценивая «виртуальное Я», особенно выделили в себе такие качества, как красивое (5,81), чистое (5,44), сильное (5,19), сладкое (5,13), приятное (5,06). Те же респонденты, анализируя свой реальный образ, поставили высокие баллы таким качествам, как чистое (5,44), красивое (5,31), приятное (5,13), глубокое, активное (5,06), хорошее (5,00). Сравнивая «виртуальное Я» и «реальное Я» респондентов с заниженной по невротическому типу самооценкой, необходимо обратить внимание на появление в пятерке высоко оцененных характеристик качества «сильное». Можно предположить, что виртуальное пространство дает респондентам ощущение некоторой уверенности-силы, что может быть следствием специфики виртуального пространства-возможности анонимности. В пятерке качеств, характеризующих «виртуальное Я» студентов с заниженной по невротическому типу самооценкой нет качества «глубокое», что может говорить о поверхностном общении и представлении себя в сети.

Респонденты с заниженной самооценкой дали следующие оценки качествам реального и «виртуального Я». В пятерку значимых качеств виртуального образа студенты с данным уровнем самооценки включили такие характеристики, как хорошее (5,22), красивое (5,06), сильное (4,89), чистое (4,78), радостное, глубокое (4,67). «Реальное Я» респонденты представили как чистое (5,61), глубокое (5,5), хорошее (5,39), сладкое (5,22), приятное (5,17). Перечисляя приоритетные качества «виртуального Я» и «реального Я» респондентов, нельзя не отметить появление в пятерке характеристик виртуального образа качества «красивое». Отсутствие данного качества в пятерке значимых характеристик «реального Я» дает основание сделать предположение о том, что желаемое ощущение красоты становится для респондентов с заниженной самооценкой возможным благодаря виртуальной среде. Так же, как и студенты с заниженной по невротическому типу самооценкой, респонденты с заниженной самооценкой примеряют на себя ощущение силы. Помимо этого виртуальное пространство приносит респондентам радость.

Студенты с адекватной самооценкой оценивали виртуальный и реальный образ практически одинаково. В пятерку качеств «виртуального Я» данных респондентов попали качества хорошее (6,08), красивое (5,92), приятное (5,85), глубокое (5,69), сильное (5,62). «Реальное Я» студенты с адекватной самооценкой охарактеризовали как глубокое (5,92), сладкое (5,46), приятное (5,38), быстрое, приятное, красивое (5,15), чистое (5,08). Реальный и виртуальный образы у респондентов с адекватной самооценкой имеют много общего в со-

держании пятерок, так 4 качества из 5 в виртуальном образе совпадают с характеристиками пятерки «реального Я». Как и студенты с заниженной самооценкой, респонденты с адекватной самооценкой видят себя сильными в виртуальном пространстве.

Картины виртуального и реального образов респондентов с завышенной самооценкой получились следующими. В виртуальной среде студенты данной группы характеризуют себя как быстрое (5,89), красивое (5,56), сильное (5,44), чистое, бодрое (5,33), приятное (5,22). «Реальное Я» респонденты описывают как приятное (5,89), хорошее (5,44), быстрое (5,33), сладкое (5,22), радостное (5,11). Виртуальное пространство предоставляет студентам с завышенной самооценкой ощущение силы и быстроты.

Респонденты с завышенной по невротическому типу самооценкой обозначили «виртуальное Я» в первую очередь как глубокое (6,5), радостное, активное (6,25), горячее, чистое (5,75), быстрое, хорошее (5,5), красивое (5,25). В своем реальном образе студенты с данным уровнем самооценки более высоко оценивают следующие качества: хорошее (6,75), чистое, радостное (6,5), активное (6,51), приятное (6,00), глубокое (5,75). Виртуальный мир открывает возможность студентам с завышенной по невротическому типу самооценкой проявлять некоторую несдержанность, быстроту и показывать красоту своего образа.

Сравнительный анализ виртуального и реального образа «Я» с позиции оценки самооценки как одного из факторов личностной регуляции позволил выделить несколько интересных фактов. Если сравнивать между собой пятерки качеств реального и виртуального образа по группам, становится явно видно, что к качествам параметра «оценки» прибавляются в виртуальном образе качества параметров «силы» («сильное») и «активности» («быстрое», «бодрое», «горячее»). Важным для анализа является появление практически во всех группах, кроме респондентов с завышенной по невротическому типу самооценкой, качества «сильное» в виртуальном образе в отличие от реального. Можно предположить, что виртуальное пространство в силу своих характеристик (ощущение безопасности, возможность экспериментирования с образом, анонимность) дает респондентам ощущение силы, восприятие себя с позиции силы в образе (Panshina, Sungurova, Karabuschenko, 2016).

В заключение стоит отметить, что исследование специфики виртуального образа «Я» может быть ценным для понимания изменений в личностных особенностях субъекта, находящегося в условиях глобализации и информатизации общества.

Литература

Войскунский А. Е. Гуманитарный интернет // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М.: Можайск–Терра, 2000. С. 3–10.

Паньшина С. Е. Специфика виртуального и реального образа «Я» студентов с разным уровнем самооценки. Научноеиздание «Развитие профессионализма» // Научно-практический журнал «Акмеология». 2016. № 1 (1). С. 91–92.

Panshina S., Sungurova N. L., Karabuschenko N. B. Self-concept between students with different level of self-appraisal in the computer mediated communication // European Humanities Studies: State and Society / Europejskie Studia Humanistyczne: Państwo Społeczeństwo. Poland, Slupsk, Academia Pomorska w. Slupsku. 2016. № 4. P. 270–284.

Личностный смысл как фактор трансформации образа значимого общественно-исторического события (на материале террористического акта в минском метро)

Т. В. Парфенова (*Минск*)

Исторический контекст жизни является значимым фактором в развитии личности. По выражению Б. Г. Ананьева, «сама история – основной партнер в жизненной драме человека, а общественные события становятся вехами его биографии» (Ананьев, 1980, с. 125). В этой связи для психологии является актуальным изучение условий и закономерностей, при которых общественные события становятся значимыми для человека и стимулируют его развитие, т. е. являются персоногенными (Коломинский, Жеребцов, 2001). Поскольку ключевым условием персоногенности выступает осмысленность события можно полагать, что индикатором значимости любого события для человека является наличие его личностного смысла. Личностный смысл – это общепсихологический термин, обозначающий пристрастное, избирательное отношение личности к разнообразным событиям, объектам и явлениям действительности.

Предметом особого интереса в рамках настоящего исследования выступает изучение личностного смысла для косвенных свидетелей такого общественно-исторического события как террористический акт в минском метро. Косвенный свидетель – это человек, который лично не присутствовал при совершении какого-нибудь события,

но узнал о нем косвенно. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что террористический акт в минском метро имеет для косвенных свидетелей личностный смысл, в силу чего воспроизводится в памяти человека, приводит к искажению временных параметров субъективного образа события. В целях проверки выдвинутой гипотезы в 2017 г. было проведено эмпирическое исследование. Отбор испытуемых для участия в исследовании производился с учетом нескольких ограничений: 1) все респонденты являются косвенными свидетелями террористического акта в минском метро; 2) все респонденты – граждане Белоруссии, которые проживали на территории Белоруссии в момент обретения ею статуса независимого государства и по настоящее время; 3) нижний возрастной порог респондентов составляет 42 года. Необходимость введения последних двух ограничений вызвана спецификой задания исследования: требовалось вспомнить и проанализировать события новейшей истории Беларуси, начиная с 1991 г. по настоящее время.

Выборочную совокупность исследования составили 102 респондента в возрасте от 42 до 77 лет (средний возраст – 50 лет), в том числе 79 женщин и 23 мужчины. В выборке были представлены респонденты с разным уровнем образования, семейным положением, родительским статусом, разной степенью религиозности. Сбор эмпирических данных осуществлялся в форме индивидуального опроса, с помощью специально разработанной анкеты для оценки личностного смысла общественно-исторических событий с акцентом, в частности, на событие террористического акта в минском метро. Анкетирование проводилось в две серии. В первой серии респондентам предлагалось вспомнить и определить девять самых важных, по их мнению, событий новейшей истории Беларуси. Изначально было оговорено, что необходимо учесть события из самых разных сфер жизни, имеющие как положительное, так и отрицательное значение в жизни страны и ее граждан. Далее испытуемые описывали каждое событие по ряду заданных инструкцией вопросов, касающихся даты настоящего события; интенсивности и направленности личностного смысла и общественного значения события; эмоций, пережитых в момент получения информации о событии и испытываемых в настоящее время при отсроченном воспроизведении. Для обеспечения унифицированного описания эмоциональных реакций респондентам была предложена шкала базовых эмоций К. Изарда. Если респондент вспоминал о террористическом акте в минском метро в первой серии, то основная часть исследования для него была завершена. В случае если респондент не вспомнил о теракте, он перехо-

дил к выполнению второй серии исследования, где ему предъявлялась инструкция с упоминанием террористического акта в минском метро и, также как в первой серии исследования, требовалось провести оценку события по заданным параметрам.

При обработке и интерпретации результатов исследования, прежде всего, нас интересовала частота упоминания данного события при непосредственном воспроизведении репертуара важных событий новейшей истории Беларуси. Говоря о непосредственном воспроизведении, мы имеем в виду «спонтанную» актуализацию в памяти косвенных свидетелей, т.е. без специального напоминания о событии, воспоминания о террористическом акте в минском метро. Полученные данные подтверждают факт присутствия в памяти косвенных свидетелей воспоминаний о террористическом акте в минском метро, несмотря на временную удаленность события. Все респонденты вспомнили, либо узнали во второй серии исследования террористический акт в минском метро. При непосредственном воспроизведении 38% респондентов назвали данное событие в ряду важных событий новейшей истории Беларуси. Остальные 62% респондентов узнавали событие при предъявлении инструкции с упоминанием террористического акта в минском метро. Далее сопоставлялись доля респондентов непосредственно воспроизводивших событие (38%) и доля респондентов узнавших событие при его упоминании (62%) с помощью χ^2 критерия Пирсона. Расчет статистического критерия указывает на не случайность распределения факта непосредственного воспроизведения события ($\chi^2=3{,}84$ при $p\leqslant 0{,}05$). Традиционное объяснение воспроизведения события прошлого в ряду важных событий истории заключается в избирательности памяти: непроизвольно запоминается лучше то, что более важно, более значимо, более интересно для человека (Зинченко, 1996, с. 237), Из этого следует, что террористический акт в Минском метро имеет разную степень осмысленности, что и предопределяет степень трудности и легкости его воспроизведения косвенными свидетелями. На основе полученных результатов можно предполагать, что террористический акт в Минском метро является для косвенных свидетелей субъективно значимым, окрашенным личностным смыслом. Обоснованность выдвинутого предположения косвенно подтверждается результатом изучения воспоминаний москвичей о террористических актах, выполненного группой исследователей: В. В. Нурковой, Д. М. Бернштейн, Э. Ф. Лофтусом. Ученые установили, что в отсутствии социально санкционированных процедур по «восстановлению» исторической информации наблюдается тенденция к первоочередному

воспроизведению личностно релевантных, а не недавних по времени общественно-исторических событий (Нуркова и др., 2003).

Помимо запечатления события в памяти и его последующего воспроизведения, личностный смысл также реализуется в виде эффектов трансформации психического образа, по отношению к которым он выступает в роли причины их проявления. К одной из таких трансформаций относится искажение временных параметров действительности (Леонтьев, 2003, с. 173). С учетом данного обстоятельства в ходе настоящего исследования анализировалась частота приближения и удаления события к реальной дате происшествия, т. е. ошибки в датировке события и его точное воспроизведение во времени. На основе теоретического анализа можно предположить, что точное воспроизведение даты события связано с нейтральным отношением к изучаемому событию, а факт ошибочной датировки – с личностным смыслом террористического акта в минском метро для косвенных свидетелей. Полученные результаты показали, что доля точного воспроизведения даты события во всей выборке равна 43%, а среди респондентов, непосредственно воспроизводящих событие – 46%, доля ошибок датировки террористического акта в минском метро во всей выборке равна 57%, а в случае его непосредственного воспроизведения участниками исследования – 54%. Таким образом, результаты исследования указывают на трансформацию психического образа события, в частности на искажение его временных параметров, что свидетельствует о наличии личностного смысла террористического акта в минском метро у косвенных свидетелей. В качестве следствия проведенного теоретического анализа литературы и результатов эмпирических исследований можно вывести следующую закономерность: чем больше искажений в датировке событий, тем более оно нагружено личностным смыслом. Данный вывод подтверждают расчеты однофакторного дисперсионного анализа влияния факта переосмысления террористического акта в минском метро на его датировку ($df=2$, $F=3{,}29$ при $p=0{,}04$). Факт переосмысления эмпирически фиксировался как различие между первичной и вторичной эмоциональной реакцией, выражающей личностный смысл события для респондента на момент, когда ему впервые стало известно об этом событии и во время участия в анкетировании.

В целом результаты исследования показывают, что событие террористического акта в минском метро присутствует в памяти косвенных свидетелей, нагружено личностным смыслом, однако, на разном уровне осмыслено, что и предопределяет степень сложности воспроизведения и ошибки его датировки косвенными свидетелями спустя почти 6 лет (на момент проведения исследования).

Литература

Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. В 2 т. / Под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. М.: Педагогика, 1980.

Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

Коломинский Я. Л., Жеребцов С. Н. Персоногенность как форма личностного развития // Псіхалогія. 2001. № 2. С. 49–64.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

Нуркова В. В., *Бернштеён Д. М., Лофтус Э. Ф.* Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 64–71.

Особенности становления субъекта исследовательской деятельности: биографический подход

М. А. Пахмутова (*Йошкар-Ола*)

Актуальность проблемы субъекта деятельности в отечественной психологии сохраняется на протяжении нескольких десятилетий (Ломов, 1984). При этом тематика исследований варьируется от поиска методологических подходов к изучению субъекта до проектирования психологических условий развития субъекта познания и труда (Лежнина, 2015).

Понимание психологии субъекта познания особенно важно для педагогической психологии, так как изменения в образовательной системе требуют своевременной реакции педагогов и психологов. Разнообразие психологических подходов к проблеме профессионального становления не всегда способствует качественному изучению динамики и особенностей развития субъекта деятельности. Поэтому поиск новых способов исследования субъекта познавательной деятельности становится одним из важнейших вопросов современной психологии образования.

Сегодня учебная деятельность студентов интегрирована с исследовательской работой. Успешность исследовательской деятельности студента становится условием его профессионального развития, поэтому проблемой исследования стало изучение особенностей ста-

новления субъекта исследовательской деятельности. Поскольку психологическая диагностика не раскрывает специфику условий, в которых проходило развитие субъекта исследовательской деятельности, то перспективным видится применение биографического подхода, позволяющего описать отдельные аспекты жизненного пути личности (Логинова, 2001).

Целью исследование было изучение особенностей развития личности студента как субъекта исследовательской деятельности. *Гипотеза* заключалась в том, что отдельные биографические данные раскрывают специфику становления субъекта исследовательской деятельности лучше, чем психологическая диагностика.

В исследовании принимали участие студенты 4 курсов Поволжского государственного технологического университета (101 чел.). Выборка состояла из 29 юношей и 72 девушек, представителей различных специальностей (технические специальности – 41 чел., гуманитарные специальности – 60 чел.). Средний возраст испытуемых – 20,5±1,4 лет. В качестве инструментария были использованы авторская анкета (Пахмутова, 2015) и методика «Пятифакторный личностный опросник» (Р. Маккрэ, П. Коста) (Хромов, 2000).

На первом этапе методом кластерного анализа были выделены две подгруппы испытуемых, различающиеся по шкалам «Пятифакторного личностного опросника». Испытуемые, составившие первый кластер (группа № 1, n=53), характеризовались высоким уровнем экстраверсии (52,5±8,9), склонностью к сотрудничеству (56,4±7), открытостью к новым знаниям (58,6±6,6) и высоким уровнем самоконтроля (58,5±7,1). Во второй кластер (группа № 2, n=48) вошли испытуемые со средним уровнем экстраверсии (49±9,7), склонностью к соперничеству (44,3±8,2), средним уровнем открытости к новому (53,3±8,8) и невысоким уровнем самоконтроля (46,2±8,5). Можно сказать, что испытуемые первой группы являются активными субъектами деятельности, ориентированными на сотрудничество и ответственное отношение к деятельности. Испытуемых второй группы можно описать как субъектов деятельности, склонных к пассивному поведению, соперничеству, ориентированных на практическую деятельность с избеганием ответственности.

Сравнительный анализ с помощью t-критерия позволил выявить дополнительные характеристики групп испытуемых. Испытуемые группы № 1 способны в большей степени проявлять дружелюбие ($mean_1$=12,1; $mean_2$=8,7; p=0,0000), понимание ($mean_1$=11,7; $mean_2$=9; p=0,0000, и проявляют уважение к другим людям ($mean_1$=12;

$mean_2$=10,1; p=0,0000). При этом они отличаются настойчивостью ($mean_1$=12,3; $mean_2$=8,6; p=0,0000), ответственностью ($mean_1$=12,5; $mean_2$=9,9; p=0,0000) и предусмотрительностью ($mean_1$=10,9; $mean_2$= 8,8; p=0,0001). Испытуемые группы № 2 в меньшей степени обладают сенситивностью ($mean_1$=12,3; $mean_2$=10,1; p=0,0001) и восприимчивостью к творчеству ($mean_1$=11,9; $mean_2$=10,4; p=0,0022).

На втором этапе были проанализированы частоты ответов испытуемых на вопросы авторской анкеты, связанные с их текущей учебно-исследовательской деятельностью. На вопрос «Участвуете ли вы в научно-исследовательской деятельности?» испытуемые обеих групп чаще выбирали ответ «Я занимаюсь только исследованиями в рамках учебной программы (курсовые работы, диплом и т. д.)». Вопрос «Выполняете ли вы самостоятельную исследовательскую деятельность?» также не выявил значимых различий. Испытуемые чаще выбирали ответ «Я занимаюсь самостоятельными исследованиями, только если это предусмотрено учебной программой». Отсутствовали различия в ответах на вопрос «Какова роль руководителя (преподавателя) в выполнении вами вашей исследовательской деятельности?». Испытуемые в равной степени предпочитают как самостоятельную работу над исследованием, так и взаимодействие с преподавателем. Можно сделать вывод о том, что распределение групп испытуемых на основе личностных характеристик не позволило установить специфику их активности в исследовательской деятельности и приблизиться к пониманию их психологии как субъектов исследовательской деятельности.

На третьем этапе был проведен анализ ответов на вопросы, касающиеся их биографии. Анализ частот выборов ответов позволил также выделить две группы испытуемых. Испытуемые первой группы (n=42) отметили, что в детстве они самостоятельно стремились узнать что-то новое. В средней школе они участвовали в школьных мероприятиях исследовательского характера и самостоятельно изучали то, что их интересовало. Будучи старшеклассниками, они участвовали в исследованиях, организуемых вне школы, и продолжали самостоятельно изучать интересующие их области знаний.

Во вторую группу (n=59) вошли испытуемые, которые не испытывали интереса к новым знаниям в детстве, не интересовались какими-либо исследованиями или экспериментами в средней школе и предпочитали избегать исследовательской деятельности в старшей школе.

На заключительном этапе с помощью критерия χ^2 был проведен сравнительный анализ ответов испытуемых на вопросы, связанные

с их текущей исследовательской деятельностью. Испытуемые первой группы проводят исследования в лабораториях университета или на базе сторонних организаций, участвуют в научных мероприятиях, организуемых университетом, занимаются самостоятельным изучением интересующих их областей. Они предпочитают выполнять исследования под руководством преподавателя, либо консультироваться на начальных этапах исследования. Испытуемые второй группы занимаются только исследованиями в рамках учебной программы, по возможности избегают исследовательской деятельности, взаимодействуют с преподавателем в случае возникновения трудностей в проведении исследований.

Таким образом, распределение испытуемых по группам на основе биографических вопросов позволило выявить различия в осуществлении ими исследовательской деятельности. Описанные особенности становления субъекта деятельности сказываются на текущей учебно-исследовательской деятельности студентов.

Проведенное исследование позволило сделать следующие *выводы:*

1) особенности личностных характеристик не всегда соотносится с уровнем активности субъекта исследовательской деятельности;
2) использование вопросов биографического характера раскрывает специфику социального контекста становления субъекта исследовательской деятельности;
3) различия в осуществлении исследовательской деятельности на текущем этапе развития объясняются, в первую очередь, накопленным опытом осуществления деятельности и сформировавшимся отношением к ней.

Таким образом, применение биографических анкет открывает возможность для получения дополнительной информации о жизненном пути субъекта исследовательской деятельности. Полученная информация позволяет установить социально-психологические предпосылки формирования отношения к деятельности и ее активности в ее реализации. Разработка биографических анкет с более детализированными вопросами позволит выявить индивидуальные особенности становления субъекта исследовательской деятельности, а также понять причины негативного отношения к деятельности. Видится перспективным проектирование специальных занятий для студентов с элементами тренинга, направленных на уточнение биографических условий становления субъекта исследовательской деятельности.

Литература

Лежнина Л. В. Результат современного профессионального обучения: компетентность, компетенции или готовность к деятельности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 33–36.

Логинова Н. А. Психобиографический метод исследований и коррекции личности: Учебное пособие. Алматы: Казак университетi, 2001.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Пахмутова М. А. Индивидуальные стили исследовательской деятельности современных студентов // Психология обучения. 2015. № 7. С. 72–81.

Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: Учеб.-метод. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000.

Произвольная регуляция в дошкольном возрасте: связь с чертами личности и благополучием*

Е. Н. Петренко, Е. А. Козлова, Е. Р. Слободская (*Новосибирск*)

На сегодняшний день наиболее авторитетной моделью детского темперамента является психобиологическая модель, разработанная М. Ротбарт с коллегами (Rothbart, 2007). В этой модели темперамент определяется как биологически обусловленные индивидуальные различия в реактивности и саморегуляции. Реактивность относится к возбудимости аффекта, двигательной активности и сопутствующим реакциям. Саморегуляция относится к процессам внимания и успокоения, и выполняет функции модулирования реактивности. В исследованиях на основе родительских опросников установлена трехфакторная структура темперамента, включающая положительную эмоциональность, отрицательную эмоциональность и произвольную регуляцию (Rothbart, 2007).

В последние годы накапливаются данные о значении произвольной регуляции в первые годы жизни для благополучия и оптимального развития: дефицит регуляции связан с большей частотой и тяжестью поведенческих проблем и их последствий во взрослом возрасте (Eisenberg, 2012). Уровень регуляторных способностей в дет-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-00003) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00022).

ском возрасте позволяет прогнозировать такие важные показатели как физическое здоровье, финансовое благополучие, зависимость от психоактивных веществ и преступность (Moffitt et al., 2011). Однако имеющиеся в мире данные получены в западных странах и возможность их распространения на другие культуры требует дополнительного изучения.

Цель настоящей работы – изучение произвольной регуляции в дошкольном возрасте и ее связей с особенностями личности и благополучием российских детей.

Гипотеза. Ожидается, что произвольная регуляция в дошкольном возрасте будет коррелировать с личностными чертами и показателями благополучия дошкольников.

Характеристики *выборки.* В исследовании приняли участие родители и воспитатели детей в возрасте от двух до восьми лет (M=5,1 SD=1,3). Размер выборки составил 365 человек (46% девочек). Выборка была разделена на две возрастные подгруппы: 2–4 года (n=163) и 5–8 лет (n=202).

Инструменты. В исследовании применяли международно признанные родительские опросники, адаптированные и валидизированные в России. Для оценки произвольной регуляции использовали русскую версию шкалы наиболее краткой формы Опросника поведения в детстве (CBQ-VSF); для оценки черт личности – краткую форму «Списка индивидуальных особенностей ребенка» (ICID-S), для оценки благополучия – опросник «Сильные стороны и трудности» (SDQ).

Статистический анализ. Для выявления взаимосвязей между произвольной регуляцией, личностными чертами и показателями благополучия использовали коэффициент корреляций Пирсона. Для изучения структуры произвольной регуляции применяли конфирматорный факторный анализ (AMOS 17.0). Значение пола и возраста оценивали с помощь двухфакторного дисперсионного анализа ANOVA.

Результаты

Конфирматорный факторный анализ позволил оценить соответствие теоретической четырехфакторной модели эмпирическим данным. Модель включала четыре латентные переменные: тормозной контроль, устойчивость внимания, удовольствие низкой интенсивности и сенсорную чувствительность. Анализ показал, что четырехфакторная модель отлично соответствует эмпирическим данным: χ^2=53,56; df=48; p= 0,27; CFI=0,992; RMSEA=0,018.

Гендерные и возрастные различия в уровне произвольной регуляции. Дисперсионный анализ позволил выявить значительные гендерные различия: родители оценили уровень Произвольной регуляции и ее компонентов – Сенсорной чувствительности, Тормозного контроля и Удовольствия низкой интенсивности – у девочек выше, у чем мальчиков. Пол объяснял около 3% дисперсии оценок Произвольной регуляции, Сенсорной чувствительности и Удовольствия низкой интенсивности, и менее 1,5% дисперсии оценок Тормозного контроля.

Несмотря на то, что в обеих возрастных группах (2–4 и 5–8 лет) показатели Произвольной регуляции не различались, имелись достоверные различия в уровне Сенсорной чувствительности, Тормозного контроля и Удовольствия низкой интенсивности. Родительские оценки Сенсорной чувствительности и Тормозного контроля у детей старшего возраста были выше, а Удовольствия низкой интенсивности – ниже, чем у детей младшего возраста. Корреляции с возрастом составили $r=0,13$, $p<0,05$; $r=0,17$, $p=0,001$ и $r=-0,15$; $p<0,01$ соответственно. Возраст объяснял около 2–2,5% дисперсии показателей произвольной регуляции.

Взаимосвязь произвольной регуляции с личностными чертами. Корреляционный анализ показал, что Произвольная регуляция была положительно связана с Сознательностью ($r=0,35$, $p<0,01$), Уступчивостью ($r=0,25$, $p<0,01$), Открытостью ($r=0,20$, $p<0,01$) и всеми чертами, входящими в состав данных факторов. Значимых корреляций между Произвольной регуляцией и Нейротизмом выявлено не было, за исключением входящей в данный фактор черты Отрицательной эмоциональности ($r=-0,19$, $p<0,01$). Произвольная регуляция была также связана с двумя чертами Экстраверсии – Общительностью ($r=0,11$, $p<0,05$) и Положительной эмоциональностью ($r=0,12$, $p<0,05$).

Взаимосвязь произвольной регуляции с благополучием. Корреляционный анализ показал, что Произвольная регуляция была положительно связана с Просоциальным поведением ($r=0,34$, $p<0,01$) и отрицательно – с Проблемами с поведением ($r=-0,20$, $p<0,01$) и Гиперактивностью/невнимательностью ($r=-0,35$, $p<0,01$). Кроме того, Произвольная регуляция была связана с итоговыми шкалами SDQ: Экстернализацей ($r=-0,35$, $p<0,01$), Интернализацией ($r=-0,12$, $p<0,05$) и Общим числом проблем ($r=-0,31$, $p<0,01$).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило получить эмпирические данные о связи произвольной регуляции как черты темперамента с чер-

тами личности и благополучием дошкольников. Выявленная нами связь уровня Произвольной регуляции и ее компонентов с полом и возрастом ребенка согласуется с данными других исследований (Else-Quest et al., 2006; Rothbart, 2007).

Наиболее сильная связь Произвольной регуляции с личностными чертами выявлена в отношении Сознательности: дети с высоким уровнем регуляторных способностей отличались большей ответственностью, дисциплинированностью и организованностью. Эти результаты подтвердили концептуальную связь между Произвольной регуляцией и Сознательностью (Eisenberg et al., 2014).

В отношении благополучия российских дошкольников показано, что уровень Произвольной регуляции положительно связан с уровнем Просоциального поведения и отрицательно – с уровнями интернализации и экстернализации. Полученные нами результаты подтверждают данные исследований в других странах (например, Rothbart, 2007).

Произвольная регуляция в настоящем исследовании была больше связана с поведением (как просоциальным, так и проблемным), чем с эмоциональными проблемами, что может говорить о том, что данный конструкт преимущественно отражает процессы регулирования поведения и в меньшей степени – регулирование эмоций. Будущие исследования с использованием методы нейровизуализации могут прояснить, как индивидуальные различия в активности областей мозга, вовлеченных в регулирование эмоций и поведения, связаны с индивидуальными различиями Произвольной регуляции, измеряемой с помощью родительских опросников.

Выводы

- Русская версия шкалы Произвольная регуляция обладает четырехфакторной структурой и характеризуется адекватной надежностью и валидностью.
- Произвольная регуляция связана с личностными чертами, особенно с Сознательностью. Высокий уровень Произвольной регуляции связан с высоким уровнем Просоциального поведения и низким уровнем интернальных и экстернальных проблем у дошкольников.

Литература

Eisenberg N. Temperamental effortful control (self-regulation) // Encyclopedia on early childhood development / R. E. Tremblay, M. Boivin, R. de V. Peters (Eds). 2012.

Eisenberg N., Duckworth A. L., Spinrad T. L., Valiente C. Conscientiousness: Origins in childhood? // Developmental Psychology. 2014. V. 50. № 5. P. 1331–1349.

Else-Quest N. M., Hyde J. S., Goldsmith H. H., Van Hull C. A. Gender differences in temperament: a meta-analysis // Psychological bulletin. 2006. V. 132. № 1. P. 33–72.

Moffitt T. E., Arseneaultb L., Belskya D., Dicksonc N., Hancoxc R. J., Harringtona H. et al. A gradient of childhood self-control predicts health, wealth, and public safety // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. V. 108. № 7. P. 2693–2698.

Rothbart M. K. Temperament, development and personality // Current directions in psychological science. 2007. V. 16. № 4. P. 207–212.

Особенности вариаций описаний образа будущего старших подростков с различными типами профессионального самоопределения

Н. В. Петрикова (*Москва*)

Будущее волнует людей на протяжении многих столетий. Будущее придает жизни человека смысл, способствует его самореализации, регулирует его поведение и т. д. Образ будущего формируется посредством становления самосознания личности и под влиянием субъективного восприятия личностью происходящих в ее жизни значимых событий. Выбор профессии – это значимое событие в жизни человека, оказывающее влияние на весь его дальнейший жизненный путь и его самосознание. Выбор профессии – одна из главных задач старшего подросткового возраста, воспринимаемое старшим подростком как значимое событие его жизни. На основании вышеизложенного, мы решили провести исследование.

Цель исследования: изучение различий в особенностях строения образа будущего у старших подростков с различными типами профессионального самоопределения.

Гипотеза исследования: существуют различия в особенностях строения образа будущего у старших подростков с различными показателями профессионального самоопределения.

Характеристика *выборки.* Для проверки нашей гипотезы было проведено исследование, в котором приняли участие 254 учащихся 9–11-х классов средней общеобразовательной школы в возрасте 15–17 лет (Мо=16 лет).

Методы исследования

Для решения задач данного исследования были использованы следующие методики: «Вербальный вариант методики Тест «Я в прошлом. Я в настоящем. Я в будущем» М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т. В. Костяк. (Марцинковская и др., 2009). Проективная методика «Сочинение о будущем» (Марцинковская и др., 2009). (Для решения задач данного исследования участники исследования писали сочинение о своем будущем через 10 лет).

Математические методы исследования. Анализ полученных результатов проводился посредством статистической компьютерной программы IBM SPSS Statistics 22 и метода математической статистики «Критерий углового преобразования Фишера».

Данное исследование является частью другого исследования, целью которого является изучение взаимосвязей особенностей образа будущего с показателями личностного и профессионального самоопределения у старших подростков.

Анализ результатов исследования

В результате анализа данных, полученных из проективной методики «Сочинение о будущем» и Тест «Я в прошлом. Я в настоящем. Я в будущем», были выделены 3 группы старших подростков. В одну группу (диффузное самоопределение) были отобраны старшие подростки, у которых в образе профессионального будущего и в образе профессионального Я нет представлений о профессии. В другую группу (частичное самоопределение) были отнесены старшие подростки, которые имеют либо абстрактное представление о будущей профессии (хорошая работа) или конкретное представление о профессии в образе профессионального Я или в образе профессионального будущего. В следующую группу (конкретное самоопределение) были выделены старшие подростки, которые имеют конкретное указание на будущую профессию, как в образе профессионального будущего, так и в образе профессионального Я.

В качестве особенностей строения образа будущего было рассмотрено количество тем, раскрытых в образе будущего каждого участника исследования. Темы выделялись посредством метода качественной обработки данных – контент-анализа, в соответствии с критериями, изложенными в методике «Сочинение о будущем» (Марцинковская и др., 2009)

В результате проведенного анализа полученных данных, в сочинениях о будущем участников исследования были выделены такие

темы, как личностные достижения, сфера общения, семья, профессия, материальная обеспеченность.

При помощи статистической компьютерной программы IBM SPSS Statistics 22 было построено процентное распределение участников исследования с различными типами профессионального самоопределения и количеством тем, раскрывающихся ими в описании образа будущего.

Результаты исследования

Проведенный анализ данных посредством метода математической статистики – критерия углового преобразования Фишера (φ^*) – показал следующие результаты.

Существуют статистически значимые различия между долями групп старших подростков с частичным типом профессионального самоопределения, описываемых в своем образе будущего от 0 до 5 тем и долями групп старших подростков с диффузным и конкретным типами профессионального самоопределения. $\varphi^*=5{,}20$, $p<0{,}00$ и $\varphi^*=4{,}35$, $p<0{,}00$ соответственно.

В образе будущего старших подростков с диффузным типом профессионального самоопределения статистически значимо чаще темы отсутствуют, чем присутствуют 1 тема ($\varphi^*=1{,}95$, $p<0{,}02$), 2 темы ($\varphi^*=1{,}81$, $p<0{,}03$), 3 темы ($\varphi^*=1{,}95$, $p<0{,}02$), 4 темы ($\varphi^*=1{,}68$, $p<0{,}04$).

В образе будущего старших подростков с частичным типом профессионального самоопределения статистически значимо чаще раскрываются 3 темы, чем 0 тем ($\varphi^*= 1{,}88$, $p<0{,}03$), присутствуют 1 тема ($\varphi^*= 1{,}61$, $p<0{,}05$) и 4 темы ($\varphi^*= 1{,}96$, $p<0{,}02$).

В образе будущего старших подростков с конкретным типом профессионального самоопределения статистически значимых различий в количестве раскрытых ими тем не обнаружено $\varphi^*=1{,}29$, $p<0{,}10$.

В образе будущего старших подростков с частичным типом профессионального самоопределения статистически значимо чаще раскрываются от 2 до 4 тем по сравнению со старшими подростками с диффузным и конкретным типами профессионального самоопределения. 2 темы ($\varphi^*=2{,}36$, $p<0{,}00$ и $\varphi^*=2{,}60$, $p<0{,}00$ соответственно), 3 темы ($\varphi^*=2{,}96$, $p<0{,}00$ и $\varphi^*=2{,}89$, $p<0{,}00$ соответственно), 4 темы, чем у старших подростков с диффузным типом профессионального самоопределения. ($\varphi^*= 1{,}60$, $p<0{,}05$).

Интерпретация результатов

Полученные нами результаты, могут говорить о роли особенностей профессионального самоопределения в формировании образа буду-

щего старших подростков. Для интерпретации полученных выводов обратимся к теории психосоциального развития личности Э. Эриксона. По мнению Эриксона, формирование самосознания личности происходит в результате процесса осмысленного объединения ею всех знаний о различных частях своего Я с ее прошлым опытом и дальнейшим проецированием полученной интеграции в образ будущего (Эриксон, 1996). Исследователи феномена образ будущего отводят одну из важных ролей в его формировании процессам самосознания и самоопределения личности. Профессиональное самоопределение – это часть жизненного, требующее от личности также осмысленного объединения ею всех знаний о себе в совокупности с прошлым опытом. Таким образом, процесс профессионального самоопределения способствует формированию самосознания старшего подростка. В результате профессионального самоопределения происходит формирование профессионального самосознания в виде сформированного профессионального Я и профессионального будущего.

Частичному типу профессионального самоопределения соответствует определенность в указаниях на будущую профессию старшим подростком либо в образе профессионального Я, либо в образе собственного профессионального будущего. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что самосознание личности с таким типом профессионального самоопределения находится в более активном процессе своего формирования, чем у личности с диффузным типом профессионального самоопределения, что, возможно, и детерминирует различия в количестве раскрываемых тем в образе будущего старшими подростками.

Выводы

Таким образом, существуют различия в количестве раскрытых тем в образе будущего у старших подростков с различными типами профессионального самоопределения. Сформулированная нами гипотеза доказана.

Литература

Марцинковская Т. Д., Авдулова Т. П., Изотова Е. И., Костяк Т. В., Хузеева Г. Р. Социализация детей и подростков: Метод. комплекс. М.: МПГУ, 2009.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издат. группа «Прогресс», 1996.

Проявления оппозиционного поведения в подростковом и юношеском возрасте

А. А. Победоносцева (*Кострома*)

Проблема отклоняющегося и оппозиционного поведения, несмотря на накопленный опыт изучения «трудных», «педагогически запущенных», «дезадаптивных» и других «проблемных» детей остается до сих пор одной из актуальных и малоизученных. Изменения, происходящие сегодня в нашем обществе, выдвинули целый ряд проблем, одной из которых является проблема воспитания трудного ребенка (Фетискин, 2016). С каждым годом увеличивается число детей с признаками оппозиционного поведения. Осуществляя индивидуальный и дифференцированный подход в обучении и воспитании детей, развивая его творческие способности, педагогам общеобразовательных учреждений бывает очень трудно ладить с такими детьми. Если ближайшее окружение ребенка не будет бороться с его девиациями, данные формы поведения трансформируются в черты характера человека и это приведет к дезадаптации личности в обществе и криминальной деятельности.

Для преодоления и коррекции оппозиционного поведения необходимо знать феноменологию его проявления.

Целью данной работы является рассмотрение разнообразных форм оппозиционного поведения детей и подростков, также специфических особенностей и критериев отклоняющегося поведения.

Гипотеза исследования: разнообразные формы оппозиционного поведения формируются под влиянием семейных отношений, школьного коллектива или референтной группы.

По мнению А. Коэна (2001), оппозиционное поведение – это такое поведение, которое идет вразрез с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы.

Субъекты девиантного поведения отличаются поверхностью эмоций, импульсивностью, агрессией, слабым поведенческим контролем, безответственностью (Хаэр, 2007).

Выборка. Проведено обследование российских школьников в возрасте 14–15 лет, восьмого класса, школы № 28 и студентов педагогического вуза Костромского государственного университета, Института гуманитарных наук и социальных технологий, кафедры романо-германских языков в возрасте 19–20 лет.

Нашими испытуемыми стали две группы подростков. Первая группа состояла из 15 человек, в возрасте 14–15 лет. Вторая группа состояла из 10 человек, в возрасте 19–20 лет. Всего в опросе приня-

ли участие 25 человек. В нашем исследовании источником был сам интервьюируемый подросток.

Использование опросника под названием «Тест по выявлению оппозиционного поведения», состоящего из 15 вопросов с выбором подходящего ответа, предполагало выявление девиантного поведения у обеих групп, а также сходства и различия в видах проявления.

При обследовании двух групп нами была применена количественная шкала, позволяющая увидеть психические явления в числовых показателях.

Результаты

1) Оппозиционное поведение у студенческой группы проявились и у мальчиков и у девочек. У девочек данный вид поведения проявляется в большей мере в обидчивости (71%), тогда как у мальчиков оппозиция чаще всего заключается в неприятии достижений других людей (66%). Было выявлено, мальчики испытывают недовольство и некоторую зависть к успехам своих ровесников. Проблема сосредоточения внимания в большей степени актуальна для мужского пола (100% / 42%). Трудности вызывают долгое сосредоточение на одном предмете в течение урока или написание контрольных работ при отсутствии полной тишины в классе. Нам удалось выявить сходства оппозиционности и у мальчиков и у девочек. Оно заключается в достаточно трудной и длительной адаптации к новому коллективу. Это явление порождает некий внутренний психологический страх у ребят. Мера конформности проявляется в равной мере у обоих полов.
2) Оппозиционное поведение у школьной группы проявилось: у девочек в форме конформизма (66%), так же в повышенной обидчивости и ранимости (77%), тревожности на контрольных работах и во время тестов (55%). Так же была отмечена повышенная ответственность к различного рода поручениям и легкость в адаптации к новому коллективу. У мальчиков наблюдается страх перед новым коллективом (66%) и проявления нонконформизма в отношения с ровесниками и родителями (50%).

Проанализировав результаты обеих групп можно заметить сходства. Мальчики и в подростковом и в юношеском возрасте испытывают трудности в адаптации к новому коллективу. Девочки не перестают испытывать чувство обиды и частой тревожности. Различия следующие: проблемы сосредоточения внимания характерны для мальчиков в юношеском возрасте, тогда как в подростковом возрасте данная проблема отсутствует. Девочки не испытывают трудностей

в адаптации к новому коллективу в подростковом возрасте, но данная проблема проявляется в юношеском периоде.

Выводы

Формы оппозиционного поведения проявляются не только в школьном возрасте, но имеют тенденцию к закреплению и проявлению в студенческие годы. Данная анкета помогла выявить оппозиционное поведение в форме неусидчивости, повышенной активности, агрессии, обидчивости.

Незначительные отклонения в поведении могут быть обусловлены социальным окружением или внутренними переживаниями личности, которые со временем могут исчезнуть. Когда отклонения приобретают более тяжелую форму, изменяя нормальные формы поведения и причиняя трудности ребенку в социальной адаптации, психологическая помощь может стать решающим фактором в излечении девиаций. Лучше предупредить болезнь, чем бороться с последствиями.

Литература

Захаров А. И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 1997.

Рудакова И. А., Ситникова О. С., Фальчевская Н. Ю. Девиантное поведение: Учеб. пособие. М.: Феникс, 2005.

Фетискин Н. П. Деструктивные новообразования в структуре личностной направленности у девиантов // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». № 3. 2016. С. 86–89.

Коррекция девиантного поведения. URL: http://studbooks.net/694354/psihologiya/korrektsiya_deviantnogo_povedeniya (дата обращения: 02.09.2017).

Изучение развития межличностных отношений старших дошкольников с задержкой психического развития

О. А. Поленова, Н. А. Пешкова (*Тула*)

Актуальность изучения особенностей межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития обусловлена тем, что у детей данной категории отсутствует осознание себя в системе отношений с другими детьми, это приводит

к формированию ряда негативных качеств, значительно осложняющих вхождение ребенка в нормальную социальную жизнь.

Цель исследования: изучение развития межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития в группе детского сада.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что межличностные отношения старших дошкольников с задержкой психического развития характеризуются недостаточным уровнем развития социального интеллекта, межличностных симпатий в группе, коммуникативных качеств, диалогического общения.

Задачи

1) на основе анализа психолого-педагогической литературе по проблеме изучения межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития разработать критерии и показатели, а также определить методы и методики для изучения межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития;
2) апробировать диагностическую программу в ходе работы с детьми старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития;
3) проанализировать полученные результаты, сделать выводы.

Теоретическое обоснование разработанной критериальной базы и диагностической программы**.** В психологической науке ученые выделяют разные аспекты, подходы и уровни изучения межличностных отношений. Рассмотрим несколько из них:

1. Т.А. Репина (Репина, 1988) выделяет следующие аспекты межличностных отношений: эмоциональный, поведенческий (актометрический), когнитивный.
2. Е.О. Смирнова и В.М. Холмогорова (Смирнова, Холмогорова, 2005) выделяют три подхода к пониманию межличностных отношений: социометрический (избирательные предпочтения детей); социокогнитивный (познание и оценка другого и решение социальных задач); деятельностный (отношения как результат общения и совместной деятельности детей).
3. Многие авторы (А.А. Бодалев, Я.Л. Коломинский, Б.Ф. Ломов, Б.Д. Парыгин) в структуре межличностных процессов закономерно выделяют три составляющих и взаимосвязанных компонента: поведенческий, или праксический, аффективный, или эмоциональный, гностический (Лисина, 1974).

За основу нами приняты три подхода к пониманию межличностных отношений, разработанные Е. О. Смирновой и В. М. Холмогоровой. В соответствии с ними мы выделили следующие критерии межличностных отношений:

- Избирательные предпочтения между детьми – положение индивида в социальной группе;
- Межличностные симпатии в группе – определяют формирование дружеских отношений в группе;
- Социальный интеллект – определяет способность индивида решать социальные проблемы;
- Характер восприятия и видения – адекватное восприятие партнера служит важным аспектом нормального развития межличностных отношений.
- Коммуникативные качества:
  - инициативность – способность личности, выраженная в стремлении к самостоятельным общественным начинаниям, инициативе, активности;
  - чувствительность к воздействиям сверстника – характерологическая особенность индивида, способность его ощущать, различать и реагировать на воздействие сверстников;
  - преобладающий эмоциональный фон – эмоциональная черта, тесно связанная с чувствами и поведением и являющаяся базовой функцией общих условий жизни индивида.
- Диалогическое общение – определяет контактность индивида, понимание им речи, способности построения вопросов и формирования развернутых ответов на них.

Данные критерии мы использовали для разработки диагностической программы изучения межличностных отношений, в которую вошли следующие методы и методики:

1. Метод социометрии, который позволяет выявить социометрический статус ребенка в группе: методика «Капитан корабля» (Е. О. Смирнова); методика «Два дома» (Т. Д. Марцинковская).
2. Метод проблемных ситуаций, который позволяет определить способность ребенка решать социальные проблемы (поделиться или не поделиться со сверстником, оценить его действия, разрешить конфликт и пр.): диагностика социального интеллекта «Картинки» (Дж. Гилфорд).

3. Проективные методики, предназначенные для диагностики личности и межличностных отношений, для которых характерен в большей мере целостный, глобальный подход: методика «Рассказ о друге» (О. Е. Смирнова).
4. Метод наблюдения, который позволяет увидеть конкретную картину взаимодействия детей, дает много живых, интересных фактов, отражающих жизнь ребенка в естественных для него условиях. В данный метод входит методика «Наблюдение за межличностными отношениями дошкольников», позволяющая определить инициативность, чувствительность взаимодействия со сверстниками и преобладающий эмоциональный фон ребенка.
5. Беседа, которая позволяет изучить особенности диалогического общения в специально организованных разговорах с детьми. В данный метод входит методика «Выявление уровня развития диалогического общения детей: Беседа по предложенной ситуации» (Е. И. Радина).

Наше исследование проходило в муниципальном бюджетном учреждении города Тулы. В исследовании приняли участие 8 детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития: пять мальчиков и три девочки.

Методы обработки результатов: количественный и качественный анализ.

Результаты исследования

Методика «Капитан корабля» (Е. О. Смирнова). Социометрический статус «звезды» не получил ни один ребенок из группы. Социометрический статус «лидеры» получили пять детей. Социометрический статус «незамеченные» получил один ребенок. И социометрический статус «отверженные» получили два ребенка.

Методика «Два дома» (Т. Д. Марцинковская). Социометрический статус «звезды» не получил ни один ребенок из группы. Социометрический статус «предпочитаемые» (среднее и выше среднего значения положительных выборов) получили пять детей. В числе «пренебрегаемых» оказался один ребенок, получивший меньше среднего значения положительного выбора. И социометрический статус «изолированные» (только отрицательные выборы) получили два ребенка, им даны только отрицательные выборы со стороны детей.

Методика диагностика социального интеллекта «Картинки» (Дж. Гилфорд). Продуктивное решение конфликтных ситуаций

выявлено у пяти детей, уход от решения конфликтных ситуаций – у двух детей. Агрессивное решение конфликтных ситуаций выявлено у одного ребенка.

«Рассказ о друге» (О. Е. Смирнова). По результатам исследования, восприятие другого, как самоценной, независимой личности наблюдается у четырех детей. Восприятие другого, как носителя определенного оценочного отношения к себе. Отсутствие восприятия сверстника не наблюдается ни у одного ребенка из группы.

Методика «Наблюдение за межличностными отношениями дошкольников» (сб. В. М. Холмогорова). Низкий уровень развития коммуникативных качеств наблюдается у двух детей, средний – у трех детей. Высокий уровень развития коммуникативных навыков наблюдается у трех детей.

«Выявление уровня развития диалогического общения детей: Беседа по предложенной ситуации» (Е. И. Радина). По результатам исследования, низкий уровень диалогического общения наблюдается у двух детей, средний – так же у двух детей. Высокий уровень диалогического общения наблюдается у трех детей.

Выводы

По итогам проведенного диагностического обследования нами было выявлено, что межличностные отношения старших дошкольников с задержкой психического развития характеризуются недостаточным уровнем развития всех критериев (избирательных предпочтений между детьми; межличностных симпатий в группе; социального интеллекта; характера восприятия и видения сверстника; коммуникативных качеств: инициативности; чувствительности к воздействиям сверстника; преобладающего эмоционального фона; диалогического общения). В дальнейшем нами планируется разработка и реализация коррекционно-развивающей программы, направленной на оптимизацию межличностных отношений у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития.

Литература

Лисина М. И. Возрастные и индивидуальные особенности общения со взрослыми у детей от рождения до 7 лет. М.: Просвещение, 1974.

Репина Т. А. Социально-психологическая характеристика группы детского сада. М.: Педагогика, 1988.

Смирнова Е. О., Холмогорова В. М. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. М.: Владос, 2005.

Способы преодоления негативных ситуаций у субъектов с личностной беспомощностью*

И. В. Пономарева, Я. Н. Сизова (*Челябинск*)

Демографические, культурные, социальные, экономические изменения современного общества, характеризующиеся многочисленными кризисными и негативными ситуациями, обращают интерес ученых к проблемам поведения человека в таких условиях. Природа и характер ситуации (объективные обстоятельства) в сочетании с личностными особенностями (субъективный аспект) определяют стратегии поведения субъекта: активное взаимодействие с ситуацией с целью ее изменения или приспособления к ней, уход из поля проблемной ситуации путем переключения внимания на что-то другое, отказ от попыток исправить ситуацию и другие. Личность, сталкиваясь с негативной ситуацией, обладающей повышенной неопределенностью последствий и воспринимаемой как трудно контролируемая, не находит достаточно адаптационных ресурсов для того, чтобы справится с ней и предсказать дальнейший ход развития. В совокупности с другими факторами неподконтрольные, травмирующие ситуации способствуют формированию такой системной характеристики, как личностная беспомощность.

Субъект с личностной беспомощностью в своей деятельности и поведении проявляет более низкую способность преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, преодолевать различного рода трудности. Беспомощные подростки имеют более ограниченный репертуар копинг-стратегий, чем их самостоятельные сверстники (Циринг, 2010). В настоящей статье анализируются результаты исследования способов преодоления негативных ситуаций подростками с личностной беспомощностью. Способ преодоления мы определяем как сознательно регулируемое действие личности, которое разворачивается в когнитивной, поведенческой или эмоциональной сфере (Гончарова, 2005). Копинг-стратегия (стратегия преодоления) включает ряд способов преодоления, разворачивающихся в одной или нескольких сферах жизнедеятельности. Под копинг-стратегией понимается определенный репертуар способов преодоления, которые объединены общим смыслом, логикой и отношением человека к миру (Гончарова, 2005). Важным критерием сложности ситуации, инициирующей выбор копинг-стратегии,

* Статья публикуется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований на 2017–2018 гг. (проект № 17-36-01097).

является ее субъективное восприятие человеком. Трудные ситуации также рассматриваются по объективной шкале – от ежедневных жизненных трудностей до травмирующих (Крюкова, 2008).

Для выявления личностной беспомощности у подростков применялась методика диагностики личностной беспомощности (Д. А. Циринг, М. О. Крылова), для исследования способов преодоления негативных ситуаций использовался опросник «Способы преодоления негативных ситуаций» (С. С. Гончарова). В качестве статистического метода сравнения способов преодоления негативных ситуаций у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью использовался однофакторный дисперсионный анализ (критерий Фишера). На данном этапе в исследовании участвовали 21 подросток с личностной беспомощностью и 14 подростков с самостоятельностью.

По результатам сравнения показателей способов преодоления негативных ситуаций у беспомощных и самостоятельных подростков были обнаружены значимые различия между этими группами по шкале «Самообвинение» ($F=27,485$ при $p=0,000$). Высокие показатели по данной шкале свидетельствуют о том, что человек, находящийся в условиях стресса, склонен к поискам причины случившегося в себе, отказывается от попыток исправить ситуацию, субъект испытывает эмоциональный дискомфорт, который характеризуется непринятием себя. Основная активность проявляется в мыслях о случившемся, сочетающихся с пессимистическим отношением к происходящему. Данная стратегия относится к дезадаптивным (Гончарова, 2005).

Подростки с личностной беспомощностью чаще, чем самостоятельные подростки, в сложных ситуациях критикуют и обвиняют себя, испытывают жалость к себе, беспокоятся о происходящем, оказываются неспособными проявлять активность с целью совладания с ситуацией. Это согласуется с данными проведенных ранее исследований личностных особенностей беспомощных подростков, которые характеризуются повышенной тревожностью, пессимистическим атрибутивным стилем, склонностью к чувству вины, пониженной самооценкой (Циринг, 2010).

Были также обнаружены значимые различия между беспомощными и самостоятельными подростками по шкале «Поиск виновных» ($F=8,858$ при $p=0,005$). Респонденты, у которых превалируют показатели по данной шкале, характеризуются снятием с себя ответственности за происходящее, перекладыванием ее на других или на ситуацию в целом, склонны к выражению раздражения

и злости, направленных на других. Самостоятельные подростки реже, чем их беспомощные сверстники, прибегают к использованию данной копинг-стратегии. Подростки с личностной беспомощностью характеризуются более выраженной враждебностью, связанной с внутренними эмоциональными переживаниями, недоверием и осторожным отношением к людям, мыслями о несправедливости окружающей действительности. Это подтверждается данными исследования эмоциональных особенностей беспомощных испытуемых, для которых характерны низкий контроль эмоций, импульсивность, аффективность, зависимость от настроений, обидчивость (Циринг, 2010).

Обращает на себя внимание тот факт, что шкалы «Самообвинение» и «Поиск виновных», характеризуя эмоциональные стратегии преодоления, имеют разную направленность: на себя и на других. Так, подростки с личностной беспомощностью в зависимости от ситуации отдают предпочтение одной из двух стратегий преодоления, связывают обвинение себя в случившемся с обвинением в адрес других и, тем самым, отличаются от самостоятельных подростков, значимо реже использующих данные копинги.

Таким образом, субъект с личностной беспомощностью в условиях совладания со стрессом и негативной ситуацией, испытывая эмоциональный дискомфорт, прибегает к стратегиям преодоления «Самообвинение» и «Поиск виновных», избегая активного воздействия на ситуацию. Высокие показатели исследования указанных копинг-стратегий говорят о слабости эмоционально-волевого контроля у подростков с личностной беспомощностью, о неспособности управлять событиями собственной жизни, преодолевать различные жизненные трудности, о непринятии себя и других.

Литература

Гончарова С.С. Процедура создания опросника «Способы преодоления негативных ситуаций»: психометрическая оценка и стандартизация // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 56–67.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 5. С. 147–153.

Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Томск, 2010.

Образ дома как фактор психологического благополучия у дизайнеров среды*

Д. А. Пустозерова (*Москва*)

Дом – это особая полифункциональная среда, восходящая к «чувству гнезда», которая сопровождает человека на протяжении всей жизни, выполняет множество жизненно важных функций, обеспечивающих стабильность жизни и в то же время стимулирующих людей к развитию (Пустозерова, 2016). Ресурсная функция дома в психологии среды описывается такой его категорией, как дружественность, в самом общем виде означающая количество возможностей, которые предоставляет дом, и меру их доступности (Нартова-Бочавер, Дмитриева и др., 2015).

В современном мире человек часто прибегает к помощи дизайнера при проектировании своего жилища. Однако дизайнеры лишены психологических инструментов изучения дома у его будущих обитателей, и их неосознаваемой установкой является профессиональное видение пространства как эстетического образа, поэтому иногда индивидуальная совместимость потребностей человека и пространства игнорируется. Дизайнер же обустраивает свое жилище самостоятельно. И хотя он имеет профессиональный опыт, неизвестно насколько он соотносит эстетический и психологический образ дома, что и определяет уровень позитивного функционирования своего обитателя. Заполнение этого пробела в междисциплинарном исследовании домашней среды и обусловило актуальность нашего исследования.

Цель исследования: изучить связь образа дома и психологического благополучия у дизайнеров в сопоставлении с представителями других профессий.

Объект исследования – образ дома.

Предмет исследования: связь образа дома с психологическим благополучием ее обитателя.

Гипотезы исследования

- Уровень дружественности домашней среды выше у дизайнеров, по сравнению с представителями других профессий.
- Уровень привязанности к дому выше у дизайнеров, по сравнению с представителями других профессий.

* Исследование проведено при поддержке Российского научного Фонда (проект № 14-18-02163).

- Уровень дружественности домашней среды является предиктором психологического благополучия обитателя.
- Взаимосвязь образа дома и психологического благополучия сильнее у дизайнеров среды, чем у представителей других специальностей.

Эмпирическая база исследования включала в себя 92 респондента ($M_{возраст}$=18,9, SD=2,3). Из них 48 студентов, обучающихся по направлению «Дизайн среды» (44 женского пола и 4 мужского пола) и 44 студента с разных факультетов (40 женского пола и 4 мужского пола). Обе группы (основная и контрольная) заполняли батарею методик:

Опросник «Функциональность домашней среды» (ФДС) отражает объективно существующие возможности, которые предоставляет домашняя среда обитателям; они образуют следующие качества: Прагматичность, Развитие, Стабильность, Защищенность.

Опросник «Релевантность домашней среды» (РДС) (степень ее соответствия потребностям обитателей) включает следующие характеристики: Управление, Ресурсность, Самопрезентация, Эргономичность, Отчужденность, Пластичность, Историчность.

Опросник «Привязанности к дому» включает 14 прямых вопросов и описывается одной шкалой, которая отражает общий уровень привязанности человека к его дому.

Также участники исследования выполняли творческое задание: выполнить эскиз личного пространства человека.

Шкала психологического благополучия Варвик–Эдинбург (The Warwick–Edinburgh Mental Well-being Scale, WEMWBS), разработанная Р. Теннант с коллегами (Tennant, Hiller, 2007). Шкала из 14 пунктов диагностирует психологическое благополучие в широком смысле слова, включающее переживание удовольствия и счастья, оптимизм, удовлетворение отношениями с людьми и позитивное функционирование.

Результаты обрабатывались при помощи статистической программы Statistica 10; использовались непараметрические критерии.

Результаты

При сравнении средних показателей измеряемых параметров при помощи критерия U Манна–Уитни оказалось, что почти все дизайнеры воспринимают свой дом как более дружественный (все показатели выше, за исключением общего РДС (p=0,059), Самопрезентации (p=0,399), Отчужденности (p=0,126), Историчности (p=0,836)). Привязанность к дому у них тоже выше (U=747,5, p=0,016). Показатели

психологического благополучия не различаются, что, вероятно, объяснимо равным возрастом и схожей социальной и жизненной ситуацией (студенты).

Следующий шаг нашего исследования состоял в проверке связи между характеристиками домашней среды и показателями психологического благополучия личности. Подсчеты показали, что у недизайнеров вообще нет связей их личного пространства с психологическим благополучием

У дизайнеров, в отличие от других студентов, не коррелируют с благополучием лишь Управляемость ДС, Историчность и Защищенность, даже Отчужденность положительно связана с психологическим благополучием дизайнера (rs=0,30, p=0,037).

Далее был применен парный регрессионный анализ, в котором зависимой переменной было психологическое благополучие, независимыми переменными выступили показатели домашней среды и привязанность. У дизайнеров получена очень сильная модель (R^2>0,50, следовательно, модель убедительная). Предикторами психологического благополучия выступили Самопрезентация (β=0,473 при p=0,012) и Развитие (β=0,449 при p=0,024).

Показатель шкалы Историчность (beta=–0,280 при p=0,034) оказался антипредиктором благополучия; чем больше событий связывает их с семьей, биографией и родительским домом, тем ниже уровень психологического благополучия.

Также регрессионный анализ был посчитан и в обратном направлении. В данном случае психологическое благополучие – независимая переменная, а показатели домашней среды и привязанность к дому выступили зависимыми переменными.

Ничего не вносит вклад в Защищенность и Историчность.

У недизайнеров нет ни одной убедительной связи. Для них домашняя среда и психологическое благополучие – отдельные явления.

Таким образом, первая гипотеза (Уровень дружественности домашней среды выше у дизайнеров по сравнению с представителями других профессий) подтвердилась полностью. Вторая гипотеза (Уровень привязанности к дому выше у дизайнеров по сравнению с представителями других профессий) подтвердилась полностью. Третья гипотеза (Уровень дружественности домашней среды является предиктором психологического благополучия обитателя), подтвердилась частично, т. е. не все шкалы стали предикторами (только Самопрезентация и Развитие), а Историчность выступила антипредиктором. Также получилась и обратная модель: психологическое благополучие является предиктором почти всех характеристик

дома (за исключением Защищенности и Историчности). Четвертая гипотеза (Взаимосвязь образа дома и психологического благополучия сильнее у дизайнеров среды, чем у представителей других специальностей) подтвердилась; у недизайнеров вообще не было выявлено связей.

Литература

Нартова-Бочавер С. К., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И. Метод оценки дружественности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71–83.

Пустозерова Д. А. Дружественность домашней среды в представлении различных поколений: взгляд дизайнеров. Молодые ученые – столичному образованию: Материалы XV Городской научно-практической конференции с международным участием. Т. I. М.: ГБОУВПО МГППУ, 2016.

Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J., Stewart-Brown S. The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation // Health and Quality of Life Outcomes. 2007. V. 5 (63). URL: http://www.hqlo.com/content/5/1/63.

Социально-психологические аспекты антиципации

А. А. Пылаев (*Воронеж*)

Под антиципацией понимается способность действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении будущих событий. Проблема антиципации может рассматриваться как со стороны отдельной личности, так и в социально-психологическом аспекте – в плане включенности человека в определенную социальную группу.

В основном антиципация изучалась в индивидуально-личностном аспекте. Раскрыты ее проявления в деятельности оператора инженерных систем (Ломов, Сурков, 1980), при неврозах (Менделевич, 1996), шизофрении (Фейгенберг, 1977), химической зависимости (Менделевич, 2005). Исследован онтогенетический план антиципации, выявлено, что она начинает формироваться с раннего возраста (Сергиенко, 1992).

Вместе с тем социально-психологические составляющие антиципации нельзя признать изученными в полной мере. Считаем

важным комплексное понимание антиципации, предполагающее учет не только индивидуально-личностных характеристик человека, но и его социальные взаимосвязи с другими людьми и группами.

Ставя основной целью исследования выявление особенностей антиципации личности, обусловленных ее включенностью в определенную социальную группу, мы провели предварительное изучение связи антиципации с эгоцентризмом, полагая, что это позволит раскрыть социальные проявления антиципации. Эгоцентризм был выбран на основе того, что в нем можно выделить познавательный, регулятивный и коммуникативный компоненты. Специфика проявления антиципации крайне центрированной на себе личности дает возможность лучше понять социально-психологическую специфику антиципационных способностей человека.

Была выдвинута гипотеза: чем ниже уровень антиципационных способностей личности, тем выше уровень эгоцентризма. Она основывалась на том, что если человек центрирован на себе и своих особенностях, то при прогнозировании будущих событий и последствий он будет исходить только из своего опыта и поведения в аналогичных ситуациях, что может приводить к неверным прогнозам. Таким образом, высокий уровень эгоцентризма ограничивает вариабельность и гибкость прогностических схем, что может привести к антиципационной несостоятельности. При дефиците времени, информации, социальных контактов эгоцентризм может мешать адекватному приспособлению человека к окружающей реальности, актуализации совладающего поведения.

Объектом эмпирического исследования являлись 194 человека (от 21 до 65 лет) – 111 мужчин и 83 женщины.

В нашем исследовании использовались следующие методики.

1. Методика «Личный миф» Д. Лэпслей (адаптирована Т. В. Рябовой). Служила для определения уровня эгоцентризма и его особенностей. Включает три шкалы: уникальность, неуязвимость, всемогущество. Уникальность – переживание своих чувств, мыслей, поступков, жизненной ситуации как уникальной, неповторимой, а потому недоступной другим для понимания. Неуязвимость – ощущение себя неуязвимым для всевозможных опасностей, уверенность в том, что разнообразные неприятности могут случиться только с другими. Всемогущество – восприятие себя способным преодолеть все трудности на пути к цели, нежелание признавать и учитывать препятствия. Поскольку изначально методика определяет лишь особенности эгоцентризма,

нами была проведена нормализация и были выделены уровни эгоцентризма.

2. Шкала эгоцентризма «Воображаемая аудитория» (Л. Уолтерс). Предназначена для определения особенности эгоцентризма «воображаемая аудитория». Чем выше показатель, полученный по методике, тем сильнее выражен данный параметр эгоцентризма.
3. Опросник «Антиципационная состоятельность» (В. Д. Менделевич). Позволяет определить уровень антиципации и его особенностей, а именно изучить три составляющие антиципационной состоятельности: 1) личностно-ситуативную – способность прогнозировать поведение окружающих, предугадывать их поступки и высказывания, а также планировать собственное поведение; 2) пространственную – способность координировать собственные движения, адекватно воспринимать пространство; 3) временну́ю – способность адекватно воспринимать, планировать и структурировать время.

Для определения связи между особенностями антиципации и эгоцентризма применялся коэффициент корреляции Пирсона с предварительной нормализацией «сырых» баллов по всем методикам.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что гипотеза подтвердилась частично. Так, значимо с прогностическими способностями общий уровень эгоцентризма не связан: коэффициент корреляции Пирсона составляет –0,19, что не достигает уровня статистической значимости при $p \leqslant 0{,}05$.

Статистически значимая обратная связь выявлена между таким компонентом эгоцентризма, как «воображаемая аудитория» и общим уровнем антиципации (коэффициент корреляции равен –0,55 при $p \leqslant 0{,}01$). Данную особенность можно описать как то, что человек постоянно чувствует себя в центре внимание воображаемой аудитории, причем это может происходить и неосознанно. Мы предполагаем, что этот компонент эгоцентризма связан с личностными особенностями человека. В зависимости от его кругозора, норм, ценностей будет происходить и оценивание «воображаемой аудитории». Соответственно, если они отличаются от тех норм и ценностей, которые приняты в группе членства, индивид будет хуже предсказывать поведение ее членов, поскольку может наделять их не свойственными им характеристиками. Данные нашего исследования подтверждают это предположение. Это дает основание считать, что антиципационные способности не фиксированы, их уровень может зависеть

как от личностных характеристик, так и, вероятно, от особенностей той группы, в которую включен человек. Соответственно, антиципация может быть детерминирована социальной средой, в которой она формируется и проявляется.

Социальную природу антиципации также подтверждает выявленная нами статистически значимая обратная связь между таким компонентом эгоцентризма, как «воображаемая аудитория» и личностно-ситуативным компонентом антиципации (коэффициента корреляции составляет –0,58 при $p \leqslant 0{,}01$). Оказалось, что чем больше человек уверен в том, что внимание окружающих приковано к нему, тем хуже он прогнозирует действительные межличностные взаимоотношения. Ему трудно абстрагироваться от особенностей своего «я» и учитывать реальные различия между людьми. Полученные нами данные показывают, что в условиях ограниченных социальных контактов, а также дефицита информации человек заменяет реальных людей собственными представлениями о себе и воображаемой аудитории, что мешает эффективному межличностному взаимодействию, требующему развитых антиципационных способностей. Человек искусственно выделяет себя из социума, тем самым действительно отдаляясь от него и это приводит его к антиципационной несостоятельности.

Компоненты эгоцентризма «уникальность» и «всемогущество» значимо связаны с личностно-ситуативным аспектом антиципационной состоятельности (коэффициенты корреляции равны –0,28 и –0,23, соответственно, при $p \leqslant 0{,}05$), т. е. чем выше их уровень, тем слабее у человека развиты личностно-ситуативные прогностические способности, чем больше он центрирован на себе, тем хуже он понимает других людей и может правильно предсказать их поступки.

Связь эгоцентризма, в первую очередь, с социально-психологическими составляющими антиципации подтверждает и то, что статистически значимой связи между эгоцентризмом в целом и его отдельными компонентами с пространственным и временным компонентами антиципации не было обнаружено.

Таким образом, можно сделать вывод: общий уровень эгоцентризма и его компоненты связаны обратной зависимостью с личностно-ситуативными антиципационными способностями. Пространственные и временные прогностические способности личности не связаны как с общим уровнем эгоцентризма, так и с его компонентами.

В качестве перспектив исследования можно выделить социально-психологический вектор изучения антиципации. Представляет-

ся важным с теоретической и практической точки зрения уточнить влияние на антиципацию включенности в определенную социальную группу, выяснить, является ли личностно-ситуативный компонент антиципации стабильным для разных ситуаций взаимодействия личности с социальным окружением, в том числе виртуальным. Так, многие специалисты отмечают, что интернет-пространство становится сегодня второй реальностью для человека, поэтому можно полагать, что антиципационные способности, связанные с межличностным общением в интернете, будут обладать своими особенностями по сравнению с их проявлением в традиционном общении «лицом к лицу».

Литература

Вероятностное прогнозирование в деятельности человека: Сборник статей / Под ред. И. М. Фейгенберга. М.: Наука, 1977.

Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.

Менделевич В. Д. Антиципационные механизмы неврогенеза // Психологический журнал. 1996. № 4. С. 107–116.

Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005.

Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе. М.: Наука, 1992.

Доверие и недоверие водителей автомобилям с разными характеристиками в зависимости от стажа вождения*

В. В. Разина, А. И. Акимова (*Нижний Новгород*)

Результаты имеющихся исследований свидетельствуют о том, что доверие и недоверие технике оказывают влияние на эффективность профессиональной деятельности, удовлетворенность трудом, принятие решений по управлению техникой в сложных ситуациях (Акимова, 2013, Шатунова, 2016; Lee, See, 2004; и др.). Изучение факторов, влияющих на формирование и динамику изменения доверия и недоверия технике, имеет важное значение для оптимизации взаимодействия человека с техникой.

Были определены факторы повышения доверия и снижения недоверия технике, различное сочетание которых позволяет достичь разных уровней доверия и недоверия технике, и дает возможность

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 15-06-10296а).

их управляемого изменения (Акимова, Обознов, 2017). Дальнейшее изучение изменений доверия и недоверия технике под влиянием различных факторов у субъектов в зависимости от возраста, пола, сферы эксплуатации техники, опыта взаимодействия с ней представляется актуальным в связи с практической потребностью целенаправленного формирования отношения к технике (в том числе доверия и недоверия ей) для повышения эффективности человеко-машинного взаимодействия.

Цель нашего исследования заключалась в изучении доверия и недоверия автомобилям водителями с разным стажем.

В исследовании приняли участие 100 автолюбителей со стажем вождения от 0 до 44 лет. Участники были объединены в три группы. В первую группу вошли 30 водителей со стажем управления автомобилем до 3-х лет, во вторую – 40 водителей со стажем от 3 до 9 лет, в третью – 30 водителей со стажем свыше 10 лет. Разделение по таким группам обусловлено данными ранее проведенных исследований, в соответствии с которыми в группах работников, управляющих разными видами техники, выявлены особенности проявлений доверия и недоверия технике в зависимости от стажа работы (Куприйченко, 2012; Акимова, 2013).

Для проведения исследования совместно с А. Ю. Акимовой была разработана анкета, направленная на оценку доверия и недоверия автомобилей, имевших различные характеристики. Анкета содержала описание автомобилей, различавшихся по следующим характеристикам: техническое состояние, надежность автомобиля, предсказуемость их управления в критических ситуациях. Кроме того, предлагалось оценить роль опыта водителей для доверия и недоверия автомобилям. Указанные характеристики были определены в исследованиях, проведенных ранее, как наиболее значимые для изменения уровня доверия и недоверия автомобилю (Акимова, Обознов, 2017).

Описание автомобилей включало сочетание содержательно противоположных полюсов этих четырех характеристик (технически исправный/технически неисправный, надежный/ненадежный, управляемый опытным водителем/управляемый неопытным водителем, предсказуемый в критической ситуации/непредсказуемый в критической ситуации). Всего было предложено 16 описаний автомобилей с различными сочетаниями характеристик.

Пример описания автомобиля, обладающего характеристиками технической исправности, высокой надежности, управляемого опытным водителем, предсказуемого в критической ситуации:

«Форд-фокус, 1,6 л, 125 л/с, АКП. В эксплуатации 3 года, в аварии не попадал, не ломался. Регулярно проходит ТО, технических неисправностей не выявлено. Уверенно управляется в резких поворотах, на скользкой дороге устойчив. Водитель опытный, без нарушений ПДД».

Участникам исследования было предложено выразить свое отношение доверия или недоверия каждому их описанных автомобилей, выбрав один из 6 предложенных вариантов ответов: «Полностью доверяю», «В целом доверяю», «Не совсем доверяю», «Немного не доверяю», «В целом не доверяю», «Совсем не доверяю». Первые три из предложенных ответов отражали разную степень доверия автомобилю, остальные три – разную степень недоверия автомобилю.

Обработка результатов проводилась с использованием методов частотного анализа, оценки различий значений в исследуемых группах по критерию согласия Пирсона. Для статистической обработки результатов использовалась программа IBM SPSS Statistics 22.0.

В результате исследования были получены следующие данные:

1. Во всех группах водителей с разным стажем управления автомобилем подавляющее большинство (81÷95%):

– доверяют («полностью» или «в целом») автомобилю с характеристиками технической исправности, высокой надежности, предсказуемому в критической ситуации, управляемому опытным водителем;
– не доверяют («совсем» или «в целом») автомобилю с характеристиками технической неисправности, низкой надежности, непредсказуемому в критической ситуации, управляемому неопытным водителем.

2. Количество водителей, доверяющих автомобилю, уменьшается, а не доверяющих – увеличивается, если автомобиль технически неисправен при высокой надежности, опытном водителе и предсказуемости в критических ситуациях. Вместе с тем значительно большее количество водителей со стажем вождения более 10 лет (17%), по сравнению с остальными (0% и 8% соответственно), выразили полное недоверие такому автомобилю. Указанные различия статистически достоверны по критерию Пирсона, p=0,000, p=0,034 соответственно.
3. При технической исправности автомобиля, высокой надежности и предсказуемости в критических ситуациях, неопытный во-

дитель вызывает полное недоверие у 21% водителей со стажем вождения более 10 лет, что значительно больше, чем у водителей со стажем до 3 лет (9%) и водителей со стажем 3÷10 лет (12%). Указанные различия статистически достоверны по критерию Пирсона, p=0,022 и p=0,028 соответственно.

4. Автомобиль предсказуемый в критических ситуациях и управляемый опытным водителем, но технически неисправный и ненадежный вызывает выраженное недоверие («полное недоверие», «недоверие в целом») у 65% водителей со стажем вождения более 10 лет, что значительно больше, чем у водителей со стажем до 3 лет (41%) и водителей со стажем 3÷10 лет (42%). Указанные различия статистически достоверны по критерию Пирсона, p=0,012 и p=0,013, соответственно.
5. Надежный автомобиль, предсказуемый в критической ситуации, но технически неисправный и управляемый неопытным водителем, вызывает выраженное недоверие у 79% водителей со стажем вождения более 10 лет, что значительно больше, чем у водителей со стажем до 3 лет (51%) и водителей со стажем 3÷10 лет (54%). Указанные различия статистически достоверны по критерию Пирсона, p=0,008 и p=0,010, соответственно.
6. Надежный автомобиль, управляемый опытным водителем, но технически неисправный и непредсказуемый в критической ситуации, вызывает недоверие в разной степени у значительно большего количества водителей со стажем более 10 лет (83%), по сравнению с водителями со стажем вождения менее 3 лет (69%) и со стажем 3–9 лет (65%). Различия статистически достоверны по критерию Пирсона, p=0,021 и p=0,019, соответственно.

Согласно данным, полученным в исследовании, различное сочетание характеристик технического состояния, надежности и предсказуемости поведения автомобиля в критических ситуациях, а также опыта водителя приводит к разной степени доверия и недоверия автомобилю. Как правило, вызывает доверие автомобиль с характеристиками технической исправности, высокой надежности, предсказуемый в критической ситуации и управляемый опытным водителем. В то же время у большинства водителей вызывает недоверие автомобиль, обладающий характеристиками технической неисправности, низкой надежности, непредсказуемый в критической ситуации и управляемый неопытным водителем. Водители со стажем более 10 лет чаще, чем водители с меньшим стажем, проявляют недоверие автомобилям, имеющим технические неисправности и управляемым

неопытным водителем. Сочетание определенных характеристик (например, техническая неисправность и ненадежность, техническая неисправность и непредсказуемость в критических ситуациях и др.) усиливает выраженность недоверия к автомобилю обследованных водителей, особенно со стажем вождения более 10 лет.

Полученные данные могут иметь практическую значимость при подборе лиц водительской группы для деятельности, связанной с управлением автомобилями, а также для оптимизации эксплуатации автотранспорта путем целенаправленного управления факторами, влияющими на отношения доверия и недоверия автомобилю.

Литература

Акимова А. Ю. Эффективность профессиональной деятельности работников с разными типами доверия технике (на примере работников локомотивных бригад): Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.

Акимова А. Ю., Обознов А. А. Факторы повышения доверия и снижения недоверия человека технике// Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 53. С. 8. URL: http://psystudy.ru.

Купрейченко А. Б. Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: обоснование методического подхода // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 331–350.

Шатунова Е. А. Доверие работников к технике как фактор их отношения к труду: Дис. ... канд. психол. наук. Тверь. 2015.

Lee J., See K. Trust in technology: Designing for appropriate reliance // Human Factors. 2004. V. 46 (1). P. 50–58.

Эмпирическое исследование субъективных представлений об искусственном билингвизме*

А. С. Рафикова (*Москва*)

Билингвизм становится одним из наиболее актуальных и широко исследуемых феноменов современности. Билингвизм представляет интерес с точки зрения лингвистики, философии, психологии, этнопсихологии, социологии и физиологии. Психологическое по-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00433.

нятие «билингвизма» сводится к «коммуникативной компетенции, достаточной для эффективного общения на более чем одном языке, что предполагает способность понимать смысл иноязычных сообщений и составлять высказывания на более чем одном языке» (Titone, 2000).

По способу овладения иностранным языком выделяют естественный и искусственный типы билингвизма. Естественный билингвизм возникает в иноязычной языковой среде при спонтанной речевой практике. Характерными признаками искусственного билингвизма являются: 1) асимметричная коммуникативная компетенция в отношении двух языковых кодов; 2) управляемый характер становления искусственного билингвизма; 3) специфическая коммуникативная траектория становления искусственного билингва (Черничкина, 2007).

Данное исследование является одним из немногих, посвященных выявлению субъективных представлений об искусственном билингвизме. В большинстве случаев изучение феномена искусственного билингвизма представляет собой теоретические рассуждения представителей различных наук о билингвизме, большинство их которых эмпирически не верифицированы. В психологии же существуют способы эмпирического изучения разнообразных феноменов.

К наиболее часто используемым методам сбора качественных данных в психологии относится метод интервью. Для исследования феномена искусственного билингвизма нами был использован метод свободного интервью, который предполагает, что изначально исследователь продумывает лишь самые общие вопросы, которые будет обсуждать с респондентом, а в ситуации интервью ведет свободную беседу.

В нашем исследовании в качестве респондентов были выбраны люди в возрасте от 23 до 55 лет, владеющие несколькими иностранными языками, в том числе переводчики. В настоящем исследовании нас интересовал процесс изучения иностранного языка, главным образом причины, побуждающие людей к изучению иностранных языков, и следствия владения иностранным языком.

Резюмируя данные, полученные в результате неструктурированного интервью с людьми, владеющими иностранным языком, можно отметить превалирование идеи коммуникации. По их мнению, знание иностранного языка позволяет посмотреть на мир глазами носителей другой культуры, тем самым делая свое мировоззрение более многогранным. Знание языка позволяет налажи-

вать профессиональные контакты с иностранцами, лучше понимать их.

Результаты интервью подтвердили существование теоретически предложенного концепта вторичной языковой личности, которая является показателем способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации (Халеева, 1995).

Кроме метода свободного интервью для выявления непосредственных субъективных представлений о феномене искусственного билингвизма и билингвах был использован метод фокус-группы (Бусыгина, 2016). Преимущества этого метода заключается в том, что он позволяет в «довольно короткое время собрать богатые данные и, моделируя интерактивный процесс, отследить социальную динамику смыслов» (Бусыгина, 2016).

В нашем случае в фокус-группе участвовали студенты психологического факультета. В результате анализа данных, полученные в ходе фокус-группы, можно сделать следующие выводы. По мнению опрашиваемых, общительность является одним из качеств, способствующих успешному процессу изучения иностранного языка, а желание расширить круг своего общения мотивирует к изучению иностранных языков. Стремлению к общению с представителями других стран и культур сопутствует также желание познать чужое мировоззрение и культуру, таким образом, стремление к участию в межкультурной коммуникации оказывается важным мотивирующим фактором в процессе изучения иностранного языка. Кроме этого, обращает внимание взаимосвязь изучения иностранного языка с интеллектуальным развитием. На многих рисунках, сделанных участниками фокус-группы, присутствовали изображения учебников, что говорит об осознании процесса изучения иностранного языка как поэтапного, требующего умственных усилий.

Феномен искусственного билингвизма не представляется полным без рассмотрения различных аспектов межличностного восприятия людей, владеющих иностранным языком. Предполагается, что различное сочетание психологических аспектов феномена искусственного билингвизма на разных этапах его становления приводит к тому, что личность билингва определенным образом меняется, «усложняется» по сравнению с человеком, который не владеет иностранным языком, что должно приводить к различиям в межличностном восприятии и представлениях о себе. Однако данные об особенностях восприятия людей, владеющих иностранным языком, практически отсутствуют. Так, была предпринята попытка психосемантического изучения межличностного восприятия людей, владеющих

иностранным языком (Воронин, Рафикова, 2016). В исследовании изучались субъективные представления о людях, владеющих иностранным языком, и наиболее правильными для их определения нам кажутся понятия сукцессивных и искусственных билингвов, так как именно таких людей имели ввиду испытуемые. Кроме того, билингвами в сознании опрашиваемых были те, кто владеют кроме русского «престижным» иностранным языком (английским, немецким и т. п.), трудовые мигранты из стран СНГ не рассматривались нашими испытуемыми как полноценные билингвы в силу низкого уровня владения русским языком и низкой социальной престижностью родного языка.

По результатам исследования было выявлено 4 фактора, максимально схожих для всех испытуемых: «Открытость общению», «Чувство собственного превосходства» или «Покровительственное отношение», «Необычная активность», «Перфекционизм». При этом была выявлена специфика структуры субъективных представлений, характерная как для билингвов, так и для монолингвов. Семантическое пространство билингвов характеризуется преобладанием показателей, связанных с уровнем интеллектуального развития («интеллектуалы», «эрудированные», «сообразительные») и описывающих отношение к труду («ответственные», «организованные», «дисциплинированные»). У монолингвов конструкты «веселые», «жизнерадостные» и «простые» получили более высокую факторную нагрузку в выделенных общих факторах семантического пространства восприятия искусственного билингвизма. Билингвы при «восприятии» билингвов дают более контрастные характеристики, нежели чем при «восприятии» монолингвов. Среди монолингвов подобная характеристика сдвига оценок не была отмечена, т. е. они оценивают примерно одинаково как монолингвов, так и билингвов.

Выводы

Подтверждена возможность эмпирической верификации психологических аспектов искусственного билингвизма качественными методами: свободное интервью, фокус-группы, реп-тест. Использование метода свободного интервью с людьми, владеющими иностранными языками, подтвердило существование теоретически предложенного концепта вторичной языковой личности. В представлениях об искусственном билингвизме превалирует тема коммуникации и формирования поликультурного пространства, дополненная представлениями о различных причинах, побудивших к изучению иностранного языка, и бонусах владения им.

Данные, полученные в результате проведения фокус-группы, позволили выявить причины изучения второго языка; качества людей, владеющих иностранным языком; значимость билингвизма для конкретного человека; следствия знания второго языка; бонусы и негативные последствия искусственного билингвизма; популярность различных языков.

Показано, что межличностное восприятие людей, владеющих иностранным языком, базируется на 4 факторах, обобщающих инвариантные смысловые категории: «Открытость общению», «Чувство собственного превосходства» или «Покровительственное отношение», «Необычная активность» и «Перфекционизм». Искусственный билингвизм позволяет более контрастно дифференцировать людей, владеющих иностранным языком.

Литература

Бусыгина Н. П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2016.

Воронин А. Н., Рафикова А. С. Исследование структуры представлений об искусственном билингвизме методом репертуарных решеток // В сборнике: Педагогика и психология: от вопросов к решениям: Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. Томск, 2016. С. 65–68.

Черничкина Е. К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007. 31 с. URL: http://dlib.rsl.ru/01003061861 (дата обращения: 24.08.2017).

Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста//Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: Сборник статей. Институт русского языка РАН. М., 1995. С. 280–287.

Titone R. On the Psychological Meaning of Bilinguality: Psychological Mechanisms of the Bilingual Person // Actas do 5° Congresso Internacional da Sociedade Internacional de Psicolinguística Aplicada. Porto: Faculdadede Letrasde Universidadedo Porto, 2000. P. 17–34.

Влияние социокультурных стандартов на представление о собственном теле и эмоциональное благополучие у молодежи*

А. А. Рахманина, А. Б. Холмогорова (*Москва*)

Современная культура предъявляет высокие требования к внешнему виду людей, что, в свою очередь, приводит к стремлению постоянно совершенствовать свое тело. Большое количество исследований показывает, что именно масс-медиа оказывает большое влияние на рост неудовлетворенности своим телом (Achtenberg, 2006; Sepulveda, Calado, 2012). В свою очередь, неудовлетворенность своей внешностью является мощным предиктором для расстройств пищевого поведения, распространенность которых также возрастает. В подростковом и юношеском возрасте внешняя привлекательность рассматривается как один из главных факторов успешности в социальном взаимодействии, поэтому в этом возрасте социокультурное давление, оказываемое на отношение к своему телу, может восприниматься особенно остро. По вышеуказанным причинам данное исследование также проводилось на студенческой выборке.

В зарубежных исследованиях имеются некоторые данные о том, что неудовлетворенность своей внешностью повышает страх негативной оценки, а так же может вносить вклад в хронификацию симптомов депрессии (Rosentrom, Jokela, Hintsanen, 2013) в студенческой популяции.

В последнее время авторы работ, посвященных данной тематике, начали интересоваться, по каким механизмам происходит влияние «картинки» на психологическое благополучие человека. В данной работе мы бы хотели рассмотреть физический перфекционизм, как один из факторов, который опосредует взаимосвязь между воспринимаемым социокультурным давлением и неудовлетворенностью собственным телом, симптомами тревоги и депрессии. Физический перфекционизм – это специфический вид перфекционизма, который связан с высокими требованиями относительно собственной внешности, а в некоторых случаях и внешности других людей. Одно из последних и наиболее масштабных исследований, посвященных изучению физического перфекционизма, было проведено П. М. Тархановой и А. Б. Холмогоровой (Холмогорова, Тарханова,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03461) на базе ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России.

2014). В рамках данной работы были получены результаты, которые демонстрируют связь физического перфекционизма с неудовлетворенностью собственной внешностью и влияние этих феноменов на эмоциональную дезадаптацию у молодых людей. Авторы не только установили наличие данных связей, но и показали, что более высокие показатели по данным параметрам демонстрируют респонденты из мегаполиса в отличие от своих сверстников из менее населенных регионов. Также было показано, что респонденты, вовлеченные в активное совершенствование своего тела, независимо от пола демонстрируют более неблагополучные показатели по изученным параметрам в отличие от контрольной группы.

Целью настоящего исследования было изучение связи между представлением об идеальном теле, факторами, влияющими на него, и эмоциональным состоянием молодежи. Гипотеза исследования состоит в том, что воспринимаемые социокультурные стандарты и неудовлетворенность собственным телом связаны не напрямую, и их взаимосвязь зависит от уровня физического перфекционизма. В исследовании приняли участие юноши (n=33) и девушки (n=117), проживающие в Москве (n=100) и Астрахани (n=50). Все респонденты являлись студентами высших учебных заведений, средний возраст респондентов составляет 19 лет. Обработка полученных результатов проводилась с помощью пакета статистических программ SPSS for Windows, Standard version 23.0, Copyright © SPSS Inc., 2015. Для изучения различий в группах использовался непараметрический критерий Манна–Уитни, для изучения взаимосвязей между параметрами были использованы коэффициент корреляции Спирмена и исследование частных корреляций. Для изучения влияния одной переменной на другую был использован множественный регрессионный анализ с пошаговым отбором.

В исследовании были использованы следующие опросники: Опросник «Ситуативной неудовлетворенности образом тела» (SIBID, Cash, 1994; адаптация Баранская, Ткаченко, Татаурова, 2008); Шкала «физического перфекционизма» (разработана А. Б. Холмогоровой, А. А. Дадеко); Шкала «представлений об идеальном теле» (Ideal body stereotype scale, Stice, 2001); Шкала «воспринимаемого социокультурного давления» (Perceived sociocultural pressure scale, Stice, 2001); Шкала «Страх негативной оценки» (Fear of Negative Evaluation, FNE Watson and Friend, 1969); Шкала депрессии Бека (Бек, 1961).

Перейдем к результатам исследования. Изучение различий в группах, проживающих в разных городах, показывает, что социокультурное давление, влияющее на отношение респондентов к свое-

му телу, и общее эмоциональное неблагополучие сильнее выражены у молодежи, проживающей в мегаполисе. Среди факторов, влияющих на представление о теле (друзья, семья, масс-медиа, партнер), как наиболее влиятельный респондентами был выбран масс-медиа. Стоит отметить, что респонденты из Москвы значимо чаще отмечают влияние масс-медиа на их отношение к своему телу в отличие от респондентов из Астрахани. При этом влияние других факторов (окружение, семья) оценивается представителями обоих городов примерно одинаково.

Результаты, полученные в ходе корреляционного анализа, подтверждают, что социокультурное давление связано с физическим перфекционизмом ($r=0,342$, $p<0,01$), неудовлетворенностью своей внешностью ($r=0,360$, $p<0,01$) и эмоциональным неблагополучием (со страхом негативной оценки: $r=0,180$, $p<0,05$; уровнем депрессии: $r=0,360$, $p<0,01$). В свою очередь, исследование частных корреляций показало, что связь между социокультурным давлением и остальными параметрами исчезает при исключении переменной – физический перфекционизм, что говорит о ее опосредованном влиянии на данные исследуемые взаимосвязи.

Согласно данным множественного регрессионного анализа социокультурное давление оказывает влияние только на уровень физического перфекционизма у студентов, но не оказывает прямого влияния на другие изучаемые параметры. Это позволяет нам сделать вывод о том, что физический перфекционизм является чертой личности, которая опосредует влияние социокультурного давления на неудовлетворенность своим телом, страх негативной оценки и уровень депрессии.

Исследование связи физического перфекционизма с остальными параметрами показало, что неудовлетворенность своей внешностью является переменной, без включения которой корреляция между физическим перфекционизмом и эмоциональным неблагополучием отсутствует.

Данные множественного регрессионного анализа подтверждают влияние физического перфекционизма на неудовлетворенность своей внешностью. В свою очередь неудовлетворенность своей внешностью оказывает влияние на страх негативной оценки и уровень депрессии.

Полученные результаты можно представить в виде следующей модели: Социокультурное давление → Физический перфекционизм → Неудовлетворенность собственной внешностью → Эмоциональное неблагополучие.

Исследование частных корреляций и проведение нескольких серий множественного регрессионного анализа с пошаговым отбором показало, что влияние социокультурного давления на отношение человека к своему телу и эмоциональное неблагополучие происходит не напрямую, а опосредованно. По результатам данного исследования можно говорить о наличии следующей схемы: социокультурное давление влияет на повышение уровня физического перефекционизма; рост физического перфекционизма повышает неудовлетворенность собственной внешностью, которая, в свою очередь влияет на рост эмоционального неблагополучия.

Несмотря на то, что в данной работе была подробно изучена связь социокультурного давления относительно фигуры и эмоционального неблагополучия, нам представляется любопытным изучение различных личностных факторов, помимо физического перфекционизма, которые могут влиять на качество этой связи.

Литература

Холмогорова А. Б., Тарханова П. М. Стандарты внешности и культура: роль физического перфекционизма и его последствия для здоровья подростков и молодежи // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 52–65.

Achtenberg B. Mass media and It's influence on the adolescent mind: A study of student perceptions of body image and magazine advertisements // Macalester college. 2006. P. 15.

Groesz L. M., Levine M. P., Murnen S. K. The effect of experimental presentation of thin media images on body satisfaction: a meta-analytic review // The international journal of eating disorders. 2002. P. 1–16.

Rosentrom T., Jokela M., Hintsanen M. Body-image dissatisfaction is strongly associated with chronic dysphoria // Journal of affective disorders. 2013. № 150. P. 253–260.

Sepulveda Ana R., Calado M. Westernization: The role of mass media on body image and eating disorders // Intech. 2012. URL: http://www.intechopen.com/books/relevant-topics-in-eating-disorders/westernization-the-role-of-mass-media-on-body-image-and-eating-disorders (дата обращения: 08.02.2015).

Результаты исследования типов психологического отношения к табакокурению среди некурящих представителей молодежи*

С. А. Решетко (*Москва*)

Проблема табакокурения в последнее время не теряет своей актуальности. В рамках Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака проводятся встречи и активно обсуждаются дальнейшие меры по предотвращения распространения табакокурения. До настоящего времени в современных исследованиях сохраняется тенденция изучения причин курения и личностных особенностях курильщиков, никогда не курившие люди в данных исследованиях чаще выступают не объектом изучения, а объектом сравнения (Позняков, Хромова, 2010). Изучение же группы некурящих людей и их отношение к курению во многом позволит использовать данную информацию при построении профилактических программ при работе с молодежью.

Научный интерес к изучению психологического отношения некурящих людей к табакокурению обусловлен наличием ряда нерешенных в социально-психологической науке проблем, а именно отсутствием исследований, где объектом изучения выступают некурящие люди. Поскольку на данный момент практически нет исследований, где объектом изучения выступают некурящие люди и их отношение к табакокурению, нам представляется важным изучение психологических особенностей некурящих представителей молодежи, в частности, особенностей их психологического отношения к табакокурению.

В структуре психологического отношения выделяют такие компоненты как: когнитивный (знание об объекте отношения), эмоциональный (эмоции человека в отношении объекта отношения), поведенческий (готовность человека действовать определенным образом по отношению к объекту), ценностный (место объекта отношения в системе ценностей субъекта) (Позняков, 2012).

Поскольку психологические отношения близки к понятию «аттитюд», где в определении понятия акцент делается на «переживании социальной ценности объекта», то ведущим компонентом для выделения типов психологического отношения можно выделить ценностный компонент. В работе А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова «Человек и его работа в СССР и после» при рассмотрении вопроса отношения к труду рассматривались такие стороны отношения как обществен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. проект «Социально-психологические факторы успешного отказа от курения» № 15-06-10231.

ная значимость труда и способ самоутверждения, которые относились к ценностному компоненту психологического отношения (Здравомыслов, Ядов, 2003). Таким образом, построение теоретических типов психологического отношения к табакокурению в исследовании взаимосвязано с ценностным компонентом.

Для сбора эмпирических данных были использованы методики: авторский опросник «Исследование психологического отношения к табакокурению», методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова), цветовой тест отношений применительно к табакокурению, семантический дифференциал, внешнегрупповая референтометрия, шкала семейного окружения (ШСО) (Р. Х. Мус, адаптация С. Ю. Куприянова) (Позняков, Решетко, 2015).

Основное эмпирическое исследование проводилось на базе таких вузов, как МАИ, МПГУ, РУДН, МосГУ.

Общая выборка некурящих составила 99 человек. Стоит отметить, что группа некурящих разделилась на две подгруппы: никогда не курившие (74 человека) и бросившие курить (25 человек). Для выделения типов психологического отношения к табакокурению были использованы данные никогда не куривших.

Для выделения группы испытуемых со значимо схожими результатами бы использован кластерный анализ K-means. В результате проведенного анализа были получены 4 группы испытуемых. В первой группе оказалось 20 человек. Представители данной группы статистически значимо отличаются по важности таких ценностей как активная, деятельная жизнь, интересная работа, любовь. Для них важен сам факт отказа от курения. Испытуемые, входящие в данный кластер, в ситуации нахождения в накуренной комнате, вне зависимости от того, находится ли в комнате кто-то еще, высказывают готовность проветрить комнату. Вредное влияние последствий курения на организм оценивается достаточно высоко.

Второй кластер – 10 человек. Для испытуемых данной группы значимы ценности познание и творчество, менее значимы – любовь и факт отказа от курения. Респонденты данного кластера реже представителей других групп склонны связывать снижение сопротивляемости организма инфекционным заболеваниям с курением человека. Представители второй группы поддерживают закон о запрете табакокурения в общественных местах, поскольку считают это заботой о правах некурящих. При этом соблюдение законов не является значимой для них ценностью. Респонденты других групп единогласно поддерживают закон, однако, с точки зрения его полезности

для здоровья. В ситуации нахождения в накуренной комнате респонденты данной группы предпочтут проветрить комнату.

Третий кластер составляют 32 человека. Для представителей данной группы наиболее значимыми оказываются такие ценности как здоровье, счастливая семейная жизнь и любовь. При этом для данной группы ценность отказа от курения можно определить как составляющую ценности здоровья. В ситуации нахождения в накуренной комнате среди незнакомых людей предпочтут выйти из комнаты. Если же комната пуста или в ней знакомые люди высказывают готовность проветрить комнату.

Четвертая группа включает в себя 12 человек. Данная группа в отличие от трех других групп не высказывает никакого отрицательного отношения к табакокурению: ни в когнитивном, ни в ценностном, ни в эмоциональном, ни в поведенческом компонентах отношения. Представителей данного кластера чаще других в ответ на вопрос: «Почему вы не курите?» – отвечают: «Так получилось». Представители данной группы выше других оценивают значимость соблюдения законов, что можно принимать как фактор, удерживающий от начала курения. На основании полученных результатов респондентов можно отнести к «группе риска», кто в будущем может начать курить.

Если суммировать полученные данные, то можно описать *социально-психологический портрет некурящего человека.* Некурящие молодые люди более высоко оценивают вред курения для организма, описывают табакокурение как что-то «темное» и «грязное», при этом они склонны выбирать стратегию ухода от взаимодействия с незнакомыми курящими людьми. Как мы полагаем, поддержка закона о запрете табакокурения во многом обусловлена пассивной позицией некурящих людей, когда защита их интересов перекладывается на государство. Друзей некурящие респонденты склонны выбирать среди некурящего окружения. У некурящих представителей молодежи в отличие от курящих не наблюдается значимого расхождения между значимостью и доступностью ценностей. Данное состояние характеризуется как «нейтральная зона», гармоничное состояние человека. Это позволяет говорить, что некурящие люди не испытывают внутреннего конфликта.

Сравнивая некурящих мужчин и женщин, статистически значимым оказалось различие в показателе «независимость» (как поощрение к самостоятельности в принятии решений), полученном по методике «Шкала семейного окружения». У некурящих женщин данный показатель оказался выше, чем у мужчин. Можно предположить, что это связано с желанием родителей воспитать у дочери

самостоятельность при принятии решения в отношении ПАВ, когда отказ, например, от курения будет самостоятельным решением человека, а не следствием запрета со стороны родителей.

Психологическое отношение к табакокурению некурящих представителей молодежи характеризуется как общими свойствами, отличающими их от психологических отношений курящих людей, так и специфическими особенностями, характерными для различных групп некурящих, которые можно квалифицировать как типы психологического отношения, что подтверждает наше предположение о существовании различных типов психологического отношения некурящих представителей молодежи к табакокурению, обусловленные различной выраженностью ценностного компонента психологического отношения.

Некурящие представители молодежи выше оценивают вредное влияние табака на организм, в отличие от курящих сверстников. Для некурящих более значим сам факт отказа от курения. Курящие в отличие от некурящих респондентов более высоко оценивают привлекательность запаха сигарет.

Литература

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М., 2003.

Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. Т.. 33. 2012. № 5. С. 5–15.

Позняков В. П., Решетко С. А. Анализ социально-психологических исследований по проблеме табакокурения // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 236–243.

Позняков В. П., Хромова В. Л. Социально-психологическое исследование отношения к табакокурению. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Роль семейных факторов и социального окружения в формировании сексуальной ориентации

П. Д. Ризова (*Пермь*)

Вопрос влияния семьи и социального окружения на формирование сексуальности ребенка является важным, но, к сожалению, в данном направлении в России представлено не так много исследований. В связи с этим анализ литературы в данном направлении

может помочь в работе не только с детьми, у которых проблемы с психосексуальностью, но, и к примеру, с проблемами восприятия себя.

Наиболее влиятельной средой для развития личности ребенка и формирования его психосексуальности является семья. Она считается самым важным и влиятельным фактором социализации. И. С. Кон говорит о том, что усвоение ребенком женских или мужских моделей поведения происходит под влиянием родителей. Взрослые сознательно или бессознательно обучают ребенка его половой роли, способствуют развитию сексуальности. В соответствии с общественными традициями ориентируют его в том, что значит быть мальчиком или девочкой. Родители мальчикам чаще, чем девочкам, прощают проявление агрессивности и поощряют их активность, инициативность. От девочек ждут душевности, чувствительности и эмоциональности. Под руководством взрослых, через подражание, ребенок начинает учиться быть мальчиком или девочкой (Кон, 2014).

Копируя своих родных, ребенок особенно старается во всем походить на родителя своего пола. Осознание ребенком своей половой принадлежности имеет определяющее значение для развития его сексуальности. У ребенка формируется чувство тождественности с другими представителями своего пола и стремление поддержать «престиж» своего пола, подчеркивание мужской и женской своей сущности. Это чувство следует поддерживать, так как оно определяет полноценность развития его личности. Ребенок рано начинает брать на себя роль своего пола. Это сказывается на его отношении с представителями противоположного пола (Арчер, 2011).

Так же стоит сказать о том, что нужно избегать всего того, что способствует возникновению и закреплению негативизма по отношению к другому полу. Например, мальчик может оказаться единственным «светом в окне» для одинокой матери, отдающей ему всю свою любовь. Она старается, чтобы он как можно меньше общался с девочками, так как уверена, что для воспитания у сына мужественности он должен все время общаться с мужчинами, которые и мужественности научат, и в какой-то мере заменят отца, и к дурному не подтолкнут. Итогом может стать «замыкание» сексуальных чувств на образе человека своего пола, т. е. сексуальная переориентация.

Помимо родителей, еще одним важным источником социального влияния на нормативные представления подростка, в том числе касающиеся секса, являются сверстники. В своих играх дети бессознательно копируют стереотип поведения родителей — муж читает газету или смотрит телевизор, жена готовит обед, если так ведут себя

дома их родители. Возможна и имитация полового акта, если дети его где-то подсмотрели или слышали о нем от сверстников. При этом мальчики с правильным полоролевым поведением играют роль мужчины, а девочки женщины (Алексеев, 2015).

Оценивая телосложение и поведение ребенка в свете своих, гораздо более жестких, чем у взрослых, критериев маскулинности/фемининности, сверстники тем самым подтверждают, укрепляют или, наоборот, ставят под вопрос его половую идентичность и полоролевые ориентации. Особенно велика роль сверстников для мальчиков, у которых полоролевые нормативы и представления обычно более жестки и завышены, чем у девочек. Сверстники также являются главным посредником в приобщении ребенка к принятой в обществе, но скрываемой от детей системе сексуального символизма. Отсутствие общения со сверстниками, особенно в предподростковом и подростковом возрасте, может существенно затормозить психосексуальное развитие ребенка, оставив его неподготовленным к сложным переживаниям пубертата.

Т. В. Драгунова говорит о том, что формирование сексуальности происходит благодаря подражанию подростков психосексуальным образцам своего пола, сверстникам. Также можно сказать о том, что подростки из рабочей среды имеют более ранний, частый и разнообразный опыт гетеросексуальных отношений; на практику сексуальных отношений во многом влияют семья, религиозные установки подростка и социально-экономический статус. В психологическом плане сексуально опытные подростки «жестче» включены в подростковую субкультуру и имеют более интенсивные отношения со сверстниками. Ничто не указывает на наличие у них особых психологических трудностей; скорее, они имеют высокую самооценку и ряд личных достижений, таких как высокая степень личностной автономии, чувство ответственности за интимную близость, утверждение собственной половой идентичности, уважение сверстников (Драгунова, 2014).

Мнения детей о сверстниках противоположного пола отражают традиционные установки взрослых о сексуальности. Подкрепление сверстников напоминает детям о стереотипных предписаниях, о которых они уже имеют представления. Дети подтверждают, укрепляют или, наоборот, ставят под сомнение половую идентичность ребенка, оценивая его поведение по гораздо более жестким, чем в семье критериям маскулинности и феминности. Дети, которые им не соответствуют, воспринимаются с подозрением и даже с некоторым непониманием.

Литература

Алексеев Б. Е. Полоролевое поведение и его акцентуации. СПб.: Речь, 2015.
Арчер П. Половые роли в детстве: структура и развитие. Новосибирск, 2011.
Драгунова Т. В. Подросток. М.: Знание, 2014.
Кон И. С. Сексология. М.: Академия, 2014.

Семейные и интерперсональные факторы социальной тревожности у лиц с гомосексуальными предпочтениями

А. П. Рой, А. Б. Холмогорова (*Москва*)

Актуальность. Необходимость изучения факторов социальной тревожности у лиц с гомосексуальными предпочтениями (ГП) обусловлена, с одной стороны, малой изученностью этого вопроса отечественным научным сообществом, с другой стороны, высоким риском эмоциональной дезадаптации у данной группы. Так, согласно устоявшимся взглядам на эту проблему, предиктором манифестации социальной тревожности выступает отвержение человека обществом. Вместе с тем, по последним срезовым исследованиям, около 76% россиян так или иначе негативно относятся к лицам с ГП (Левада, 2015). В последнее время психическое здоровье лиц с ГП все чаще связывается с понятием социальной тревожности. Данный фокус связан, в первую очередь, с результатами, свидетельствующими о том, что наибольший уровень стресса лица с ГП отмечают в социуме. Данные результаты позволили нам выдвинуть гипотезу о том, что лица с ГП будут не только испытывать социальную тревожность, но и также она будет преимущественно высокой и средней степени выраженности.

Одним из значимых факторов манифестации социальной тревожности у лиц с ГП, согласно зарубежным исследованиям, является дисфункциональность семейной среды, в первую очередь, непринятие семьей гомосексуальных предпочтений (McDavitt et al., 2008). Также предиктором выступает гиперопека со стороны обоих родителей и недостаток заботы и теплоты в детско-родительских отношениях. Данные характеристики семейной среды играют роль поддерживающего фактора в том числе. Подобные результаты позволили нам выдвинуть гипотезу о том, что существует связь между типом родительской связи и выраженностью социальной тревожности.

Другим важным фактором социальной тревожности у лиц с ГП выступает опыт агрессии со стороны общества по отношению к ним, получивший название «опыт гомонасилия». По результатам зарубежных исследований, подобный опыт значимо повышает риск эмоциональной дезадаптации лиц с ГП, являясь существенным травматическим опытом (Herek, 2009). По результатам опросов разных стран, было выявлено, что, в среднем, около 50% лиц с ГП оскорблялись в обществе, а 30% испытывали на себе физическую агрессию (Katz-Wise, Hyde, 2012). По результатам же национального опроса центра Левада, почти 50% респондентов заключили, что отнеслись бы негативно к появлению лиц с ГП в качестве друзей, коллег по работе или соседей (Левада, 2015). Подобные результаты позволили нам выдвинуть гипотезу о том, что фактор гомонасилия будет связан с выраженностью социальной тревожности и в отечественном исследовании.

Основная гипотеза исследования. Существует связь между типом родительской связи, опытом гомонасилия и уровнем социальной тревожности и/или страхом негативной оценки окружающими.

Дизайн и процедура исследования. Исследование проводилось в 2016–2017 гг., дистанционно, с помощью Google-форм для сохранения анонимности респондентов.

Описание выборки. В исследовании принимали участие 120 человек, в возрасте от 18 до 26 лет, из них 60 мужчин и 60 женщин. На момент проведения исследования все респонденты характеризовали себя, как имеющих преимущественно гомосексуальные предпочтения.

Методы. Для исследования использовался следующий пакет методик.

1) Направленные на исследование социальной тревожности: шкала социального избегания и дистресса (Watson D., Friend R. Social Avoidance and Distress Scale, SADS) и краткая шкала страха негативной оценки (Leary M., Fear of Negative Evaluation, FNE).
2) Направленные на исследование факторов социальной тревожности: для исследования типа родительской связи (забота/гиперпротекция) – опросник родительской связи Паркера (G. Parker, Parental Bonding Instrument, PBI). Для исследования опыта гомонасилия использовалась специально разработанная анкета гомонасилия, созданная на базе анкеты школьного буллинга А. Б. Холмогоровой и С. В. Воликовой. В данной анкете, в первую очередь, фиксировались интенсивность испытываемого самим человеком гомонасилия и интенсивность подобного насилия, наблюдаемого в среде.

Математические методы. Анализ полученных данных производился при помощи пакета статистических программ SPSS Statistics 23. Для математической обработки данных применялся метод корреляционного анализа r-Пирсона, статистическая достоверность результатов определена на уровне $p<0,05$ и $p<0,01$. Также применялся метод процентилей, с последующим построением таблиц сопряженности и применением критерия согласия хи-квадрат Пирсона.

Результаты и их обсуждение. Для проверки основной гипотезы исследования применялся, в первую очередь, метод корреляционного анализа. Были выявлены множественные связи:

1) Так, была получена обратная связь между таким типом родительской связи, как гиперопека со стороны отца и таким параметром социальной тревожности, как дистресс ($R=-0,26$, $p<0,05$).
2) Была выявлена прямая связь между выраженностью личного опыта гомонасилия и всеми компонентами феномена социальной тревожности (с выраженностью дистресса $R=0,34$, $p<0,01$; с выраженностью избегания $R=0,31$, $p<0,05$; с общей выраженностью социальной тревожности $R=0,36$, $p<0,01$; с выраженностью страха негативной оценки окружающими $R=0,26$, $p<0,05$). Подобные результаты подтвердили данные, полученные в схожих зарубежных исследованиях. Согласно им, опыт лично пережитого гомонасилия зачастую выступает триггером манифестации социальной тревожности и является значимым фактором в картине возникновения и поддержания данного феномена (Herek, 2009).
3) Была получена прямая связь между опытом наблюдаемого гомонасилия и такими компонентами социальной тревожности, как дистресс ($R=0,33$, $p<0,01$), избегание ($R=0,36$, $p<0,01$). А также с общей выраженностью социальной тревожности ($R=0,39$, $p<0,01$). Полученные результаты соответствуют схожим данным зарубежных исследований, так, было выявлено, что опыт наблюдаемого гомонасилия приводит к росту подозрительности, замкнутости, что может привести к появлению социальной тревожности в будущем (Herek, 2009).

Для анализа связи между различными уровнями выраженности социальной тревожности и типом родительской связи применялся метод построения таблиц сопряженности. Для определения выраженности социальной тревожности были взяты табличные значения (0–6 баллов по шкале SADS-низкий уровень выраженности, 7–13 и более 14, средний и высокий, соответственно). Для каждого типа родительской связи (забота/гиперопека со стороны матери/со сто-

роны отца), примерные баллы определялись методом процентилей. По результатам построения таблиц сопряженности и последующей проверки полученного распределения критерием согласия χ^2, было выявлено, что для лиц с ГП, имеющих низкий уровень выраженности социальной тревожности, характерен высокий уровень гиперопеки со стороны отца и наоборот (p=0,015). Данный результат весьма интересен и требует дальнейшего исследования.

Также по результатам проведенного исследования было выявлено, что 72% выборки (86 человек), испытывают «средний» и «высокий» уровень выраженности социальной тревожности (7–13 и от 14 баллов, соответственно, по методике SADS). Столь высокие показатели позволяют заключить актуальность проблемы выраженности социальной тревожности у лиц с ГП.

Выводы

Общая гипотеза исследования была частично подтверждена, так, были выявлены связи между выраженностью социальной тревожности, типом родительской связи и опытом гомонасилия. Полученные результаты подтвердили актуальность рассматриваемой проблемы, так, для лиц с ГП характерен преимущественно высокий и средний уровень выраженности социальной тревожности (72%). Высокий уровень социальной тревожности у мужчин с ГП связан с низким уровнем гиперопеки со стороны отца. Опыт гомонасилия является значимым фактором для всех составляющих компонента социальной тревожности. Однако была получена всего одна связь между выраженностью типа родительской связи и одним из компонентов социальной тревожности. Таким образом, требуются дальнейшие исследования данной проблемы.

Литература

Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности: Практикум по психотерапии. СПб.: Питер, 2002.

Пипия К. «Невидимое меньшинство»: К проблеме гомофобии в России. URL: https://www.levada.ru/2015/05/05/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii/ (дата обращения: 15.07.2017).

Herek G. M. Sexual stigma and sexual prejudice in the United States: A conceptual framework // Contemporary perspectives on lesbian, gay & bisexual identities: The 54th Nebraska Symposium on Motivation / Ed. D. A. Hope. N. Y., 2009. P. 65–111.

Katz-Wise S., Hyde J. Victimization experiences of lesbian, gay and bisexual individuals: a meta-analysis // Journal of Sex Research. 2012. № 49 (2-3). P. 142–167.

McDavitt B., Iverson E., Kubicek K., Weiss G., Wong C., Kipke M. Strategies used by gay and bisexual young men to cope with heterosexism // Journal of Gay & Lesbian Social Services. 2008. № 20 (4). P. 354–380.

Социально-психологический портрет осужденных в контексте прогноза криминального поведения

Н. М. Романова, В. А. Богданова, К. А. Киселев (*Саратов*)

Актуальность исследования. Уголовно-исполнительная политика направляет деятельность сотрудников пенитенциарных учреждений на социально-психологический вектор воспитательной работы с заключенными. Основной целью такой деятельности является социально-психологическая коррекция личности, исправление и предупреждение совершения осужденными новых преступлений. Понимание свойств и характерных социально-психологических особенностей личности осужденного необходимо для выявления причин и условий совершения им преступлений и, соответственно, социально-психологических методов предупреждении рецидива криминальных деликтов, результативного позитивного влияния на личность преступника.

Теоретико-методологической основой исследования являются принципы системного и комплексного подходов в отечественной психологии, личностный и деятельностный подходы, а также работы специалистов в области социально-психологического портрета личности преступника (Дебольский и др., 2016; Деев и др., 2000; Ковалев, 1998; Наприс, 1997).

Новизна и теоретическая значимость исследования: научная новизна исследования заключается в создании социально-психологического портрета осужденных на основании исследования мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы (строгий режим) с учетом экспертного прогноза возможной дальнейшей криминализации либо исправления личности.

Цель исследования: изучение социально-психологического портрета личности осужденного в контексте прогноза криминального поведения.

Объект исследования: социально-психологические характеристики личности осужденных к лишению свободы в контексте прогноза криминального поведения.

Предмет исследования: взаимосвязь социально-психологических характеристик осужденного к лишению свободы в постпенитенциарный период.

Гипотеза 1. Существуют взаимосвязь между особенностями социально-психологического портрета личности осужденного и экспертным прогнозом дальнейшей возможной криминализации осужденных.

Гипотеза 2. Существуют взаимосвязь между особенностями социально-психологического портрета личности осужденного и экспертным прогнозом исправления осужденных.

Методы исследования. В исследовании применялись следующие методы и методики:

1. Анализ научной литературы психологического и междисциплинарного плана по проблеме.
2. Метод Анкетирования.
3. Метод Экспертных оценок.
4. Метод Тестирования (Тест «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолл», Тест «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев)).
5. Методы математико-статистического анализа (корреляционный анализ, кластерный анализ).

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 57 мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы (колония строгого режима № 10 ФСИН России по Саратовской области) в возрасте 18–56 лет.

Результаты анализа полученных данных и их интерпретация

Осужденным молодого возраста при оценке ими совершения преступления свойственен экстернальный локус контроля ($r=-0{,}266$; значимо при $p\leqslant 0{,}05$; $r_{крит}=0{,}263$). В то же время осужденные более старшего возраста не склонны винить в своих деяниях факторы внешней среды и в большей степени переключаются на анализ своих действий, что может служить позитивным прогнозом в плане их исправления.

Параметр «Избегание» методики SACS положительно коррелирует с уровнем тяжести совершенного преступления ($r=0{,}298$; значимо при $p\leqslant 0{,}05$; $r_{крит}=0{,}288$). Таким образом, индивиды, предпочитающие стратегию ухода от решительных действий, требующих определенной ответственности, совершают более тяжкие преступления.

Выявлен ряд показателей, статистически достоверно связанных с возможным прогнозом дальнейшей преступной деятельности (метод экспертных оценок): наличие референтной группы в лице криминально-зараженных лиц ($r=0,562$; значимо при $p\leqslant 0,01$; $r_{крит}=0,413$), отсутствие семьи ($r=-0,281$; значимо при $p\leqslant 0,05$; $r_{крит}=0,261$), склонность к самооправданию ($r=0,343$; значимо при $p\leqslant 0,05$; $r_{крит}=0,320$), безразличие к совершенному преступлению ($r=0,368$; значимо при $p\leqslant 0,05$; $r_{крит}=0,320$), выраженность параметров СЖО «Цели в жизни» ($r=-0,355$; значимо при $p\leqslant 0,05$; $r_{крит}=0,320$).

Выявлен ряд показателей, статистически достоверно связанных с возможным прогностическим удержанием от криминальной деятельности: пребывание в законопослушной референтной группе ($r=0,413$; значимо при $p\leqslant 0,01$; $r_{крит}=0,408$), старший возраст ($r=0,46$; значимо при $p\leqslant 0,01$; $r_{крит}=0,408$), ориентация на трудоустройство после освобождения ($r= 0,389$; значимо при $p\leqslant 0,05$; $r_{крит}=0,32$), негативное отношение к своему образу Я и неудовлетворенность собой – своим ярлыком преступника ($r= 0,327$; значимо при $p\leqslant 0,05$; $r_{крит}=0,320$), ассертивность ($r=0,378$; значимо при $p\leqslant 0,05$; $r_{крит}=0,344$), наличие семьи.

На основе применения метода кластерного анализа была создана система классификации социально-психологических портретов осужденных на основе двух дихотомических шкал: «активность–пассивность» и «ситуативность–продуманность». Таким образом, выделено четыре прогностических социально-психологических портрета личности осужденных.

Сконструированы следующие прогностические типичные социально-психологический портреты преступников:

а) первый тип социально-психологический личности связан с умеренным прогнозом повторного совершения преступления, который можно характеризовать как «Ситуативно-пассивный тип», вовлекаемый внешним влиянием в преступность и имеющий психологическую готовность к совершению преступления;
б) второй тип социально-психологический личности связан с умеренным прогнозом повторного совершения преступления, который можно охарактеризовать как «Продуманный активный тип», осознающий характер и последствия совершаемых действий на момент их совершения и контролирующий себя;
в) третий социально-психологический тип личности связан с повышенным прогнозом повторного совершения преступления, который можно охарактеризовать как «Продуманный пассивный

тип, которому свойственна агрессивность, принятие криминального образа жизни как нормы и следование ему;

г) четвертый социально-психологический тип личности связан с пониженным прогнозом повторного совершения преступления, который можно охарактеризовать как «Ситуативно-активный тип», избегающий конфликтной ситуации, осознающий свою вину в случае совершения преступления, однако в случае необходимости помочь близкому человеку либо «восстановить справедливость» активно начинающий действовать преступным способом.

Выводы

Гипотеза 1 о существовании связи между особенностями социально-психологического портрета личности и экспертным прогнозом дальнейшей возможной криминализации осужденных нашла свое эмпирическое подтверждение.

Гипотеза 2 о существовании связи между особенностями социально-психологического портрета личности и экспертным прогнозом исправления осужденных нашла свое эмпирическое подтверждение.

Таким образом, создана система классификации социально-психологических портретов испытуемых-заключенных на основе двух дихотомических шкал «активность—пассивность» и «ситуативность—продуманность». Выявлен ряд показателей, статистически достоверно связанных как с возможным прогнозом дальнейшей преступной деятельности, так с прогностическим удержанием от преступления (качество референтной группы, возраст, выраженность параметров «Цели в жизни» (исходя из нашей интерпретации в случае с потенциальной преступностью цели и смыслы жизни связаны с криминальными ценностями), наличие семьи, принятие ответственности и своего образа Я).

Литература

Дебольский М. Г., Левин Л. М., Бокова Н. В. Сравнительный анализ субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно- исполнительной инспекции // Психология и право. 2016. № 4. С. 186–193.

Деев В. Г., Ушатиков А. И., Ковалев О. Г., Казакова Е. Н. Психодиагностика осужденных. Рязань, 2000.

Ковалев О. Г., Тимонин Н. П., Суслов Э. А. Психологический проблемы суицидального поведения осужденных в пенитенциарных учреждениях России // Психологический журнал. 1998. № 5. С. 30–37.

Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодого возраста: на материалах ИК строгого режима. Рязань, 1997.

Феномен «нянечные дети»: социально-психологический эффект социализации в семье с наемным работником

М. А. Романовская (*Москва*)

Феномен «нянечные дети» представлен нами в качестве некоторого результата социализации ребенка раннего возраста в семье с наемным работником. Сложившаяся система взаимодействия личности с окружающими, включающая в себя: профессиональные стратегии наемного работника; готовность мамы передать ему свои функции; социально-психологические свойства ребенка, приводит к низкому уровню развития социально-психологической зрелости детей (Дробышева, 2016, и др.). Эти факторы и условия развития противостоят воздействию других, что изменяет темп и/или направление развития личности и отражается на его результате. По мнению Б. Ф. Ломова (Ломов, 1996) процесс развития человека и его психики, детерминируется многими причинами, факторами и условиями, комбинация которых образует сложную систему.

Формирование социально-психологических свойств личности ребенка начинается с раннего возраста. Роли матери и значимых чужих взрослых в данном случае имеют первостепенное значение. Очевидно, что отношения матери и няни отличаются по удаленности психологической и социальной дистанции, по функциям, которые выполняют мать и наемный работник по уходу за ребенком раннего возраста в семье и т. п. Однако, приглашая наемного работника, мать часто переносит на няню не только обязанности по уходу, но и свои функции, связанные с формированием материнской привязанности. В частности, выделенные нами типы нянь на стадии пилотного исследования включали тип наемных работников, склонных к сокращению психологической дистанции с воспитанником, что, по нашему мнению, усиливает эффект материнской привязанности с чужим взрослым (Дробышева, Романовская, 2015).

Программа эмпирического исследования включала два блока методов и методик, отвечающих основным задачам и цели исследования – выявление связи между социально-психологическими

свойствами личности в группе детей из семей с наемным работником и социально-психологическими характеристиками их нянь. В связи с ограниченностью объема публикации далее будут представлены только некоторые результаты исследований.

Выборка исследования включала 82 ребенка старшего дошкольного возраста, из них 41 чел. из семей с наемным работником (няней) (экспериментальная группа) и 41 чел. – дети из семей без наемного работника (контрольная группа). Выборка была выровнена по полу и по возрасту. Также в исследовании принимали участие 41 няня данных детей. У всех детей няня присутствовала в семье с рождения и до 3х лет.

В результате корреляционного анализа выраженности социально-психологических свойств детей и предпочитаемых нянями стратегий профессионального взаимодействия с воспитанником выявили следующее. Существует связь между предпочитаемыми детьми *стратегиями взаимодействия со сверстниками* в конфликтных ситуациях («подавление», «избегание») и такими характеристиками нянь, как отсутствие у нее профессионального опыта; убежденность ее в том, что воспитание эмпатии у ребенка – задача родителей, а не няни; чрезмерное использование няней запретов в процессе воспитания и действия няни, направляющие ребенка на общение не с другими детьми, а с ней. Также обнаружена связь стратегий взаимодействия воспитанника со сверстниками и установок няни на: «абстрактное воспитание» (отсроченное по времени, не привязанное к конкретной ситуации взаимодействия ребенка со сверстниками, информирование воспитанника о нормах социального поведения); ее «активное вмешательство» в отношения воспитанника со сверстниками на детской площадке; «уход» (уводит ребенка от конфликта с другими детьми без объяснения); «поиск причины конфликта» (выяснение мотивов поведения как своего, так и чужого ребенка.

Следующая зависимая от профессиональных стратегий взаимодействия няни характеристика ребенка – *направленностьво взаимодействии со сверстниками* (*на себя, а не на партнера*). Она обусловлена следующими стратегиями профессионального взаимодействия нянь: стремление няни знакомить ребенка с правилами поведения в обществе; профессиональная позиция няни в отношении наказаний ребенка за непослушание. Кроме того, данная характеристика детей связана с установками нянь, которые они проявляют в ситуациях межличностного общения с воспитанником («успокоить» и «пожалеть»), а также в ситуациях его взаимодействия со сверстниками («активное вмешательство»). Эгоистичная направленность воспи-

танника связана и с теми профессиональными стратегиями няни, которые она предпочитает в ситуациях общения с его родителями: беспрекословное «выполнение необходимого функционала» и «снижение значимости ситуации, тревожащей ребенка или маму» (информация либо не доносится до мамы в полном объеме, либо смягчается образ самой ситуации.

Стратегии профессионального взаимодействия нянь связаны и с *инициативностью* ребенка в общении со сверстниками, точнее низким ее уровнем или полным отсутствием инициативы). Речь идет о нежелании няни развивать у воспитанника эмпатию, а также предпочитаемых ею стратегиях вмешательства в отношения ребенка со сверстниками: «успокоить, пожалеть», если обидели воспитанника и «активное вмешательство» в ситуации конфликтных отношений с другими детьми. Также инициативность нянечных детей связана с предпочитаемыми нянями стратегиями общения в семье: беспрекословное «выполнение необходимого функционала», «снижение значимости ситуации, тревожащей ребенка или маму».

Наконец, выраженность *эмпатии у воспитанников* (предпочтение прагматичной помощи сверстнику, неадекватность поведения ситуации взаимодействия) также связана с предпочитаемыми нянями стратегиями: в ситуациях взаимодействия ребенка с другими детьми – «абстрактное воспитание»; в процессе общения в семье воспитанником или его родителями (в первую очередь, мамой) – «самоконтроль» и «осознание статуса».

Сопоставляя полученные результаты с ранее выявленными данными о взаимосвязи социально-психологических свойств детей и характеристик их мам, заметим следующее. Некоторые из вышеперечисленных свойств детей, а именно: *эмпатия* (неадекватность восприятия эмоций сверстника, отсутствие проявления чувствительности в игровом взаимодействии), *стратегии взаимодействия со сверстниками* («отказ от сотрудничества»), *проявление инициативности ребенком* в отношениях со сверстниками (избирательное участие в совместной деятельности), *направленность на себя, а не на партнера* связаны с представлениями мам об их детях, а также предпочитаемыми мамами стратегиями воспитания, их высокой мотивацией достижения (Романовская, 2016), т.е. те свойства личности, которые отличают поведение детей из семей с наемным работником и указывают на низкий уровень их социально-психологической зрелости (уровень эмпатии, эгоистичная направленность во взаимодействии со сверстниками, зависимость от взрослого как посредника взаимодействия со сверстниками, предпочтение взаимодействия с взрос-

лыми, общению со сверстниками) обусловлены не только влиянием нянь, но и мам данных детей. Можно сказать, что взаимосвязь двух причин (действия, отношение к ребенку мамы и няни) в триаде «мама–няня–ребенок» носит как взаимодополняющий характер, так и усиливающий проявление выявленного эффекта-специфики социально-психологических свойств детей.

Исследование показало, что вариативность профессионального взаимодействия нянь проявляется в наиболее предпочитаемых ими стратегиях в ситуациях установления воспитанником контакта со сверстниками. Няни ограничивают социальный опыт ребенка, влияя на характер его взаимодействия с ближайшим социальным окружением, в первую очередь, со сверстниками. Ребенок раннего возраста усваивает определенные стратегии поведения, демонстрируемые нянями, и таким образом учится взаимодействовать с другими людьми. Так, наибольшее воздействие на формирование социально-психологических свойств нянечных детей, отличающих их от сверстников, оказывают следующие характеристики нянь: отсутствие профессионального опыта, либо небольшой опыт (до 5 лет); установка на перенос функции по формированию у ребенка способности к эмпатии на родителей; устойчивое использование одних и тех же стратегий вмешательства в случае конфликтного взаимодействия воспитанника с другими детьми и в ситуациях общения с его родителями.

В завершении следует отметить, что присутствие няни в семье с рождения до 3 лет связано с психологической готовностью матери перенести часть своих функций на няню. Эта готовность матерей проявляется в представлениях о своем ребенке, их нежелании принять его таким, какой он есть. Данный факт может быть рассмотрен в качестве предпосылки или одной из причин низкого уровня социально-психологической зрелости «нянечных детей».

Литература

Дробышева Т. В., Романовская М. А. Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 81–97.

Дробышева Т. В. Взаимодействие исследовательской и практической психологии в изучении конкретного социально-психологического феномена// Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 538–555.

Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Системность в психологии. Избранные психологические труды / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.–Воронеж, 1996.

Романовская М. А. Социально-психологические типы мам детей, воспитывающихся в семье с наемным работником (няней) // Вестник Московского областного университета. Сер. «Психологические науки». 2016. № 1. С. 44–53.

К вопросу о типологических особенностях проявления субъектности

О. В. Рудыхина (*Санкт-Петербург*)

Проблема субъектной активности человека является одной из наиболее широко исследуемых в современной психологии (Коржова, 2015; Сергиенко, Павлова, 2016; и др.). Данная ситуация обусловлена интегративностью категории «субъект», объединяющей в себе идеи междисциплинарности и системности при рассмотрении психической организации человека. Особую актуальность данная проблема приобретает в контексте изучения субъектов образовательного процесса, в частности в системе высшего образования. Анализ субъектности является востребованным с целью продуктивной самореализации студентов на протяжении всего периода обучения в вузе и в дальнейшей профессиональной деятельности.

В настоящее время наряду с вопросами о соотношении категорий личности и субъекта, о месте категории субъекта в структуре индивидуальности актуальным является вопрос о проявлении субъектности в контексте индивидуально-типологических различий. Знаковой в этом плане является работа Е. А. Сергиенко и Н. С. Павловой, в которой предпринята попытка рассмотреть особенности субъектной регуляции поведения у представителей регламентированных и нерегламентированных профессий. В связи с обнаруженной авторами вариативностью паттернов поведения у представителей разных профессиональных групп (Павлова, Сергиенко, 2016), представляет интерес определение специфики проявления субъектности у студентов вуза, обучающихся в группах разной профессиональной направленности, в частности, у представителей гуманитарного и естественнонаучного профиля.

В связи с тем, что в ранее проведенном нами исследовании были обнаружены существенные различия в индивидуально-типологических особенностях, выделенных в теории К. Г. Юнга, у представителей субъектной и объектной ориентаций (Рудыхина, 2016), можно предположить существование специфики типологического профи-

ля у лиц разной профессиональной направленности и в контексте их субъектной позиции. Изучение психологических типов, выделенных на основе теории К. Г. Юнга, отличающихся разнонаправленными мотивами и ценностями, позволит расширить представления о типологических формах проявления субъектности.

Итак, *цель* данного исследования: определить особенности психологических типов, выделенных на основе теории К. Г. Юнга, у студентов с разными показателями субъектности, обучающихся в группах гуманитарного и естественнонаучного профилей.

Гипотеза исследования: существует индивидуальное своеобразие в особенностях психологических типов, выделенных на основе теории К. Г. Юнга, у представителей объектной и субъектной ориентаций, принадлежащих к группам разной профессиональной направленности.

В исследовании приняли участие студенты РГПУ им. А. И. Герцена факультетов философии, социальных наук, филологии, коррекционной педагогики (n=71) и факультетов физики, безопасности жизнедеятельности (n= 48), в возрасте от 17 до 22 лет.

Для реализации поставленных задач были использованы следующие *методики:*

– Опросник жизненных ориентаций Е. Ю. Коржовой для выявления показателей и типов субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях (Коржова, 2015). Данный опросник позволяет определить показатели и типы субъект-объектных ориентаций в зависимости от активности жизненной позиции.

  В подходе Е. Ю. Коржовой понятие *«субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях»* характеризует базовые жизненные ориентации человека относительно жизненных ситуаций, в которых протекает его бытие (Коржова, 2015).
– Опросник «Психологический портрет» (Д. Кейрси, в адаптации Б. В. Овчинникова, И. М. Владимировой, К. В. Павлова) для определения индивидуально-типологических характеристик, выделенных на основе теории К. Г. Юнга, а также психологических типов, имеющих различия в ценностно-мотивационных особенностях: SP (сенсорно-спонтанный тип); SJ (сенсорно-планирующий тип); NF (интуитивно-чувствующий тип); NT (интуитивно-логический тип) (Овчинников, Владимирова, Павлов, 2003; Keirsey, Bates, 1984).

Для обработки эмпирических данных были использованы программы Statistica 8.0 и MS Exel и реализован сравнительный анализ с помощью критерия φ – углового преобразования Фишера.

Рассмотрим полученные в ходе исследования результаты.

Были обнаружены особенности количественной представленности разных психологических типов *в группах студентов с высокой степенью субъектности* разного профиля обучения: в группе гуманитарного профиля (n=61: SP– 0%; SJ – 22%; NF – 64%; NT – 14%) и естественнонаучного профиля (n=36: SP– 12%; SJ – 37%; NF – 42%; NT – 9%). Установлено, что представителей интуитивно-чувствующего типа (NF) значимо больше в группе *высоко субъектных студентов гуманитарного профиля* по сравнению с группой естественнонаучного профиля ($\varphi_{эмп}$=2,12; p⩽0,02). Возможно, данный факт обусловлен тем, что представители NF-типа стремятся к гармоничным межличностным отношениям, поиску способов самореализации, творческому самовыражению (Овчинников, Владимирова, Павлов, 2003), что согласуется со спецификой гуманитарной направленности и позволяет в данных условиях наиболее полно проявиться активной жизненной позиции у студентов данного психологического типа.

Также были выявлены особенности количественной представленности разных психологических типов *в группах студентов с низкой степенью* субъектности разного профиля обучения: в группе гуманитарного профиля (n=10: SP– 10%; SJ – 60%; NF – 30%; NT – 0%) и естественнонаучного профиля (n=12: SP– 0%; SJ – 33%; NF – 67%; NT – 0%). Установлено, что представителей интуитивно-чувствующего типа (NF) значимо больше в группе *низкосубъектных студентов естественнонаучного профиля* по сравнению с группой гуманитарного профиля ($\varphi_{эмп}$=1,78; p⩽0,04). Данный результат представляет интерес с учетом выявленной обратной закономерности у студентов с высокими показателями субъектности. Вероятно, этот факт вызван тем, что обучение в области естественнонаучных дисциплин не позволяет студентам NF-типа в полной мере проявить свой потенциал, в том числе в процессе творческого самовыражения, что отражается у них в низкой субъектной активности в данной области обучения.

Стоит отметить еще один результат: представителей сенсорно-планирующего типа (SJ) достоверно больше среди низкосубъектных студентов гуманитарного профиля (60%) по сравнению с высокосубъектными студентами гуманитарного профиля (22%): $\varphi_{эмп}$=2,33; p⩽0,01. Можно предположить, что студентам SJ-типа, отличающимся реалистичным подходом к жизнедеятельности и стремлением к практическим достижениям (Овчинников, Владимирова, Павлов, 2003), область гуманитарной направленности не позволяет полноценно проявить свой потенциал, и, как следствие, выраженность субъектности находится у них на низком уровне.

Анализ количественной представленности психологических типов у студентов разного профиля обучения и разного уровня субъектности также показывает, что представители интуитивно-логического типа (NT) присутствуют в группах высокосубъектных студентов и отсутствуют среди низкосубъектных студентов как гуманитарного, так и естественнонаучного профилей. Это можно объяснить стремлением субъектов NT-типа к познанию окружающей действительности, самосовершенствованию, достижению компетентности (Овчинников, Владимирова, Павлов, 2003), что, как можно полагать, создает благоприятную основу для проявления активной жизненной позиции и творческой активности.

На основе представленных результатов можно сделать *вывод* о том, что у высокосубъектных студентов разных профилей обучения имеется специфика распределения психологических типов, выделенных на основе теории К. Г. Юнга. В частности, студенты гуманитарной направленности, имеющие активную жизненную позицию, отличаются преобладанием интуитивно-чувствующего типа (64%), для которого характерно стремление к самовыражению, особенно в сфере межличностных отношений. У студентов естественнонаучной направленности представлены все исследуемые типы, но в большей степени интуитивно-чувствующий (42%) и сенсорно-планирующий (37%).

Полученные в нашей работе результаты позволяют расширить данные о связи типологических особенностей с показателями субъектности и указывают специфику представленности психологических типов у студентов разных профилей обучения с разной степенью субъектности. Эти результаты требуют дальнейшего продолжения исследования с целью определения типологических форм проявления субъектности и разработки оптимальных программ по формированию активной жизненной позиции у субъектов образовательного процесса.

Литература

Коржова Е. Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015.

Овчинников Б. В., Владимирова И. М., Павлов К. В. Типы темперамента в практической психологии. СПб.: Речь, 2003.

Павлова Н. С., *Сергиенко Е. А.* Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 43–56.

Рудыхина О. В. Субъект-объектные ориентации и индивидуально-типологические особенности: субъектный подход // Интегративная пси-

хология жизненного пути: Е. Ю. Коржова, Т. Д. Василенко, Е. К. Веселова и др. / Под ред. Е. Ю. Коржовой. СПб.: ООО «Фирма „Стикс“», 2016. С. 172–185.
Keirsey D., Bates M. Please Understand Me. Character & Temperament Types. Prometheus Nemesis Book Company, 1984.

Поведенческие параметры актуализации ранее сформированного опыта при научении в ситуации стресса у крыс*

И. И. Русак (*Москва*)

Ранее было показано, что при последовательном обучении двум инструментальным навыкам наблюдается генетическая активация нейронов, реализующих первый навык, во время обучения второму навыку (Сварник, 2014), т. е. можно предполагать вовлечение ранее специализированных нейронов в формирование нового опыта. В пользу чего говорят данные, полученные при регистрации нейронной активности (Александров и др., 2015). В то же время реализация ранее сформированного навыка в последующем научении на уровне поведенческой активности может наблюдаться в ситуации острого стресса (Александров и др., 2017).

В связи с тем что экспериментальные исследования формирования индивидуального опыта при остром стрессе чаще всего включают в себя обучение не более чем двум инструментальным навыкам, в настоящий момент остается неясным, каким образом в поведении будет проявляться история формирования большего числа последовательно приобретенных навыков.

В данной работе изучалось обусловленное острым стрессом изменение поведенческих показателей реализации ранее сформированного навыка в зависимости от порядка его формирования. С точки зрения системно-эволюционного подхода, в основе данного явления может лежать снижение активности нейронов, специализированных относительно боле поздних систем (Александров и др., 2017). Предполагалось, что при обучении трем последовательным инструментальным навыкам в реализации последнего при остром стрессе будет в большей степени проявляться поведение, обеспечивающее первый навык, в отличие от ситуации обучения третьему навыку без стресса.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00229), Институт психологии РАН.

Самки крыс серии Long–Evans (n=12) в возрасте 7–11 мес. обучались трем последовательным инструментальным навыкам. Сначала животные обучались в специальной клетке с двумя педалями на одной стороне и двумя поилками на противоположной стороне касанию вибриссами одной педали, вследствие чего получали воду в поилке, расположенной диагонально относительно активной педали. После пятидневной эффективной реализации первого навыка животные в течение пяти дней переучивались получению воды касанием вибриссами другой педали, расположенной напротив той же поилки, что и при первом этапе обучения. Далее животные помещались в аналогичную клетку для научения пищевому инструментальному навыку в течение одной получасовой сессии путем нажатия лапой на педаль для получения сыра в кормушке, расположенной напротив педали. Одна группа животных (n=6) обучалась третьему (пищевому) навыку при постоянном акустическом воздействии в 90 Дб с частотой 800 Гц, что, как мы предполагаем, должно вызвать у животных определенный уровень стресса (Campeau, 2002; Бережной, 2015). Другая группа животных (n=6) выполняла аналогичную задачу без специального акустического воздействия (уровень шума не превышал 40 Дб).

Последняя получасовая сессия регистрировалась на видео для обработки поведенческих показателей. Анализ видеозаписи поведения животных осуществлялся путем подсчета количества «прямых» и «диагональных» побежек между педалью и кормушкой при помощи программы Real Timer 1.21. Также производился подсчет полученных животным порций воды, т. е. удачных реализаций пищевого навыка.

Таким образом, на основании поведенческих данных (предпочтение диагонально расположенной неэффективной педали при обучении третьему навыку), предполагалось сделать вывод об актуализации элементов наиболее раннего опыта, связанного с первым инструментальным питьевым навыком, при формировании пищевого навыка.

Оценка различий в поведенческих показателях между двумя группами животных производилась в программе Statistica 8.0 с помощью непараметрического критерия U Манна–Уитни.

В ходе исследования было выявлено, что животные группы с акустическим стрессом чаше совершают диагональные побежки между рабочей кормушкой и неэффективной педалью по сравнению с животными группы без стресса (U=5; p=0,037). Также были обнаружены тенденции животных группы без стресса к более частой реализации эффективного поведения, а именно побежек между

эффективными педалью и кормушкой (U=6; p=0,055) и количеству удачных реализаций (U=6; p=0,055). Для более детального анализа данные последней получасовой сессии были разбиты на три десятиминутных интервала (начало, середина и конец сессии). Значимых различий в поведении животных двух групп в начале и середине сессии выявлено не было. Однако обнаружено, что животные группы со стрессом осуществляют большее количество диагональных побежек к неэффективной педали именно на протяжении последних десяти минут экспериментальной сессии (U=5; p=0,037). Аналогично в этом интервале времени выявлены и тенденции животных группы без стресса к большему количеству побежек между эффективными педалью и кормушкой (U=6; p=0,055) и удачных реализаций (U=6,5; p=0,066).

Большее количество побежек к педали эффективной в первом обучении, но неэффективной во втором и третьем может свидетельствовать о том, что в реализации последнего навыка при остром стрессе поведение, обеспечивающее первый навык, проявляться в большей мере, чем у животных в группе без стресса. Таким образом, можно предположить, что в ситуации обучения без стресса происходит реактивация в большей мере последнего приобретенного опыта. Острый стресс же приводит, вероятно, к актуализации не только систем, обеспечивающих последний приобретенный навык, но и других ранее сформированных систем. В пользу данного предположение говорит и тенденция к более эффективному поведению животных группы без стресса.

Интересно, что основные различия обнаружены только на последнем десятиминутном интервале. Таким образом, вместе с количеством эффективных побежек в группе со стрессом увеличивалось и количество реализаций первого инструментального навыка. В группе без стресса, вероятно за счет меньшего количества неэффективных реализаций, количество эффективных побежек возросло в большей степени. На основе этих данных можно предположить, что процесс актуализации ранее сформированных систем происходит нелинейно. Данный вопрос требует дополнительных исследований.

Полученные предварительные результаты показывают, что при формировании нового навыка в ситуации острого стресса происходит реорганизация всех ранее сформированных систем, обеспечивающих аналогичное поведение, а не только наиболее поздно сформированных. Данный вопрос требует дальнейших исследований. В будущем нами планируется дополнительно изучить нейронные механизмы вовлечения ранее сформированных систем в реали-

зацию нового навыка при стрессе. В совокупности с полученными поведенческими данными это позволит получить более целостное представление о динамике индивидуального опыта.

Литература

Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Александров Ю. И., Горкин А. Г., Созинов А. А., Сварник О. Е, Кузина Е. А., Гаврилов В. В. Консолидация и реконсолидация памяти: психофизиологический анализ // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 133–144.

Бережной Д. С., Киселев Н. А., Новоселецкая А. В., Киселева Н. М., Иноземцев А. Н. Влияние акустических воздействий высокой интенсивности на поведение крыс // Вестник Московского университета. Сер. 16. «Биология». 2015. № 2. С. 3–7.

Сварник О. Е., Анохин К. В., Александров Ю. И. Опыт первого, «вибриссного», навыка влияет на индукцию экспрессии c-fos в нейронах бочонкового поля соматосенсорной коры крыс при обучении второму, «невибриссному», навыку // Журнал высшей нервной деятельности. 2014. Т. 64. № 1. С. 77–81.

Campeau S., Dolan D., Akil H., Watson S. C-fos mRNA induction in acute and chronic audiogenic stress: possible role of the orbitofrontal cortex in habituation // Stress. 2002. V. 5 (2). P. 121–130.

Оценка точности формирования аллоцентрических и эгоцентрически пространственных представлений*

О. А. Савельева (*Москва*)

Эффективность ориентации человека в окружающей среде зависит от точности оценки основных пространственных параметров: *топологии, метрики* и *глубины.* Можно выделить три уровня обработки трехмерной зрительной информации наблюдаемой сцены в пространственной памяти:

1. *Топология сцены* содержит информацию о взаимном расположении объектов, однако не учитывает метрические отношения между объектами.

* Исследование выполнено по гранту РНФ № 15-18-00109.

2. *Глубина сцены* содержит информацию о ранговом порядке расположения объектов по глубине, однако не учитывает точные метрические отношения между объектами.
3. *Метрика сцены* содержит метрические характеристики трехмерной сцены – воспринимаемые расстояния между объектами.

Выделяют два типа хранения и воспроизведения пространственной информации: в виде данных об а) относительном расположении между объектами и б) их расположении относительно наблюдателя. Первый тип называется аллоцентрическими репрезентациями (АР), тогда как второй – эгоцентрическими (ЭР). Предполагается, что оба типа одновременно задействованы при пространственной ориентации и навигации человека. В одних задачах вклад ЭР важнее (достать рукой, присесть на стул). В других – более важными являются АР (дойти из пункта А в пункт Б). По отношению к ЭР, АР являются обобщенными, не зависящими от точки наблюдения. Их формирование зависит от многих факторов, воздействие которых может приводить к искажениям их кодирования.

В одних моделях долговременной пространственной памяти предполагалось, что локализация и взаимная ориентация объектов кодируется сначала в ЭР, а затем пересчитывается в АР с учетом текущего пространственного положения наблюдателя (Wang, 2002). В других высказывались гипотезы о приоритете АР. Существует модель параллельной обработки пространственной информации, причем соотношение вкладов АР и ЭР не одинаково и зависит от решаемой задачи (Burgess, 2006). Так, в экспериментах по изучению процессов формирования когнитивных карт пространства было показано, что при выполнении задачи «запомнить размеры объектов и структуру их взаимного расположения», большинство участников отображали воспринимаемое пространство в виде карт-обозрений, что подтверждает гипотезу о более значимом вкладе АР (Меньшикова и др., 2014). Но, в целом, взаимосвязь АР и ЭР остается недостаточно исследованной.

Полагаем, что для оценки пространственных характеристик воспринимаемой среды необходимы оба типа репрезентаций, и процесс их формирования может начинаться на этапе обработки актуальной информации, необходимой для реализации действий субъекта. Условие лимитированного времени на обработку пространственной информации ставит вопрос о точности кодирования ЭР и АР.

Целью работы являлось изучение процессов запоминания и воспроизведения аллоцентрических и эгоцентрических ментальных репрезентаций в пространственной памяти.

Гипотеза. В пространственной памяти успешность формирования аллоцентрических и эгоцентрических ментальных репрезентаций различается: более точно кодируются эгоцентрические ментальные репрезентации. Это проявляется в различиях по точности воспринимаемой локализации объектов по параметрам метрики, топологии и глубины.

Для изучения процессов формирования пространственных репрезентаций использовалась система виртуальной реальности CAVE, которая позволяет с высокой пространственной и временной точностью создавать виртуальные пространства. CAVE эффективна при изучении многих когнитивных процессов (Зинченко и др., 2010). Разработанная виртуальная среда представляла библиотеку 3-D объектов, пространство для их расстановки и возможность манипулировать с ними с помощью флайстика. Программа позволяет менять условия предъявления (динамичный или статичный фон), количество объектов для запоминания, и ракурсы воспроизведения ментальной репрезентации запомненной сцены (спереди, слева, сверху).

Выборка: 36 человек (18 мужчин и 18 женщин) в возрасте 18–46 лет.

Процедура исследования. Участник выполнял тренировочное задание на запоминание 4 предметов и их локализации, и затем воспроизводил ментальный образ сцены в трех ракурсах (спереди, слева, сверху). Затем в контрольной серии на 23 с предъявлялись 3 сцены из 7 объектов при статичном окружении, состоящем из неподвижных белых шариков на черном фоне (300 шт., 0,5°×0,5°). Участник воспроизводил запомненную сцену, выбирая флайстиком предметы из библиотеки и расставляя их в пространстве в соответствии с запомненным образом. В экспериментальной серии сценарий повторялся при динамичном фоне – вся масса белых шариков приходила в движение, чтобы создать иллюзию векции (Menshikova, 2014). Предполагалось, что иллюзия векции может снизить точность формирования как ЭР, так и АР. Регистрировалась точность идентификации и локализации воспроизведения ментальной репрезентации.

Обработка результатов производилась в SPSS Statistics 22. Точное воспроизведение пространственных параметров сцены (топологии, метрики или глубины) принималось за единицу. Рассчитывалась точность воспроизведения ЭР и АР для контрольной и экспериментальной серии по всей выборке и сравнивались средние по Т-критерию Стьюдента.

Результаты исследования *объема пространственной памяти* показали, что при оценке точности *идентификации объектов* испытуемые успешно запоминают и воспроизводят 7 объектов. Точность опозна-

ния статических сцен Рс=0,93±0,06 и динамических Рд=0,92±0,07 не имеет статистических различий (t=0,58; df=35; p=0,57). Показатели опознания сцен в группах мужчин и женщин: Рс (муж) =0,93±0,05, Рс (жен) =0,92±0,07, Рд (муж) =0,93±0,07, Рд (жен) =0,91±0,08 статистически не различаются как при статическом фоне (t=–0,27; df=31; p=0,79), так и при динамическом (t=–0,61; df=33; p=0,54).

При оценке точности воспроизведения *локализации объектов* установлены значимые различия в точности кодирования пространственных параметров ментальной репрезентации среды:

- *Топология сцены* воспроизводится достаточно успешно. Для ракурса «спереди»: Рс=0,99±0,03 и Рд=0,97±0,07. «Слева»: Рс=0,94±0,11 и Рд=0,96±0,07. «Сверху»: Рс=0,99±0,02 и Рд=0,98±0,05. Однако, есть различия в успешности кодирования АР. При статическом фоне топология в ракурсе «слева» воспроизводится лучше, чем «спереди» (t=2,33; df=35; p=0,03). А при динамическом фоне «слева» – лучше, чем «сверху» (t=–1,44; df=35; p=0,16).
- *Глубина сцены* в ЭР лучше сохраняется при статическом фоне, а в АР – при динамическом. В ракурсе «спереди»: Рс=0,52±0,21 и Рд=0,44±0,21, (t=1,70; df=35; p=0,10). «Слева»: Рс=0,42±0,17 и Рд=0,50±0,23, (t=–2,01; df=35; p=0,05). «Сверху»: Рс=0,30±0,12 и Рд=0,39±0,09, (t=–3,91; df=35; p=0,01). Проявился эффект снижения точности воспроизведения глубины сцены «сверху» по сравнению с ракурсом «слева» как при статическом (t=3,43; df=35; p=0,01), так и при динамическом фоне (t=2,81; df=35; p=0,01).
- *Метрика сцены* в ЭР сохраняется лучше, чем в АР. При статическом фоне лучше всего воспроизводилась метрика в ракурсе «спереди» Рс=0,48±0,25, хуже – «слева» Рс=0,44±0,23, и на уровне, близком случайному угадыванию, – «сверху» Рс=0,40±0,21. При динамическом фоне наиболее успешно воспроизводилась метрика в ракурсе «спереди» Рд=0,51±0,22, менее успешно – «сверху» 0,42±0,21 и наиболее искаженно – «слева» Рд=0,31±0,18. При этом воспроизведение в ракурсе «сверху» точнее, чем «слева» (t= – 2,92; df=35; p=0,01).

Выводы

Показано, что успешность формирования аллоцентрических и эгоцентрических ментальных репрезентаций в пространственной памяти различается: более точно кодируются эгоцентрические ментальные репрезентации. Точность воспринимаемой локализации объектов по параметрам метрики, топологии и глубины не одинакова:

- в эгоцентрическом ракурсе «спереди» точность оказалась самой высокой;
- в аллоцентрическом ракурсе «сверху» – хуже;
- в аллоцентрическом ракурсе «слева» точность оказалась наихудшей.

Объем пространственной памяти не зависит от условий наблюдения (статический или динамический фон) или гендерной принадлежности участников: испытуемые успешно запоминают и воспроизводят 7 объектов.

Литература

Зинченко Ю. П., Меньшикова Г. Я., Баяковский Ю. М., Черноризов А. М., Войскунский А. Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). P. 54–62.

Меньшикова Г. Я., Тетерева А. О., Пестун М. В. Влияние аффективных факторов на формирование когнитивных карт пространства / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 542–548.

Burgess N. Spatial memory: how egocentric and allocentric combine // Trends in cognitive sciences. 2006. V. 10. № 12. P. 551–557.

Menshikova G. et al. Testing the vestibular function development in junior figure skaters using the eye tracking technique // Procedia-Social and behavioral sciences. 2014. V. 146. P. 252–258.

Wang R. F., Spelke E. S. Human spatial representation: Insights from animals // Trends in cognitive sciences. 2002. V. 6. № 9. P. 376–382.

Взаимосвязь когнитивных стилей «полезависимость/поленезависимость», «адаптор/инноватор» у студентов педагогического профиля

И. В. Савко (*Минск*)

Изучению когнитивных стилей посвящено большое количество исследований. Различные авторы, применяя широкий спектр методик, изучали когнитивные стили и рассматривали их с различных позиций. Благодаря обширному спектру исследований выявлено влияние когнитивных стилей на общение, процессы восприятия, обучения, творчества, принятия решения и т. д. (Холодная, 2004).

Широта исследований данной категории свидетельствует о наличии позитивной и негативной тенденцию. Позитивной тенденцией является тот факт, что исследования в данном направлении остаются значимыми и актуальными. Отрицательная тенденция состоит в наличии большого многообразия литературы при отсутствии единого подхода к пониманию когнитивного стиля и отсутствии единого конструкта.

Даже само понятие «когнитивный стиль» имеет множество трактовок. В нашем исследовании мы будем использовать определение М. А. Холодной: «Когнитивные стили – индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» (Холодная, 2004, с. 38).

В настоящее время установлено наличие около сорока когнитивных стилей. Их изучение и рассмотрение происходит в так называемых диадах. Список когнитивных стилей пополняется, однако его расширение происходит за счет выделения новых форм стилевого поведения, а не за счет углубленного рассмотрения и понимания их механизмов (Холодная, 2004).

В. М. Русалов отмечает необходимость разграничения изучаемого нами понятия от таких близких понятий, как «стиль обучения», «стиль мышления», «интеллектуальный стиль», «индивидуальный стиль деятельности», «стиль общения», «стиль саморегуляции» и др. Подобное многообразие трактовок и близких понятий дезориентирует и запутывает исследователей, а попытки создания единой теории когнитивных стилей на данный момент безуспешны. Вектор исследований когнитивных стилей, как отмечалось ранее, направлен в сторону их влияния на различные процессы (обучение, общение, принятия решений и т. д.) или индивидуально-типологические свойства человека. При этом нет исследований по взаимодействию когнитивных стилей между собой (Русалов, 2015).

При всех вышеперечисленных трудностях существует острая необходимость изучения когнитивных стилей. Особенно ярко это проявляется при организации подготовки будущих специалистов. Одним из аспектов повышения качества подготовки будущих кадров является учет когнитивных стилей студентов во время их обучения. Благодаря выявлению преобладающего когнитивного стиля у студентов и соответствующей организации процесса обучения (т. е. использованию форм и методов работы, которые наиболее подходят для выявленного когнитивного стиля) можно повысить эффективность подготовки специалистов. Данная необходимость продикто-

вана запросами общества, государства и самой личностью будущего специалиста.

Одним из наиболее разработанных и изучаемых когнитивных стилей является диада «полезависимость/поленезависимость». Особенностями ее является то, что люди, относящиеся к полюсу поленезависимости включаются в процесс обучения быстрее, имеют внутреннюю мотивацию обучения и более развитые когнитивно-структурирующие способности, а люди, относящиеся к полюсу полезависимости, имеют более развитые межличностные способности, и эффективность их обучения зависит от внешнего подкрепления (Холодная, 2004, с. 54–55).

Еще одним запросом общества и государства являются инновации, так как именно благодаря внедрению инноваций общество развивается, улучшается качество жизни и решаются разнообразные вопросы науки. Именно поэтому мы обратили внимание на диаду когнитивных стилей «адаптор/инноватор». Необходимо признать, что динамично развивающееся общество остро нуждается в инновациях. При этом не стоит принижать когнитивный стиль «адаптор». Соотношение и значимость данной диады наиболее полно можно проиллюстрировать следующим образом: если инноватор придумает самолет, то адаптор придумает шасси к этому самолету и парашют для пассажиров.

В ходе изучения особенностей данных диад нами была выдвинута гипотеза о взаимосвязи когнитивных стилей «полезависимость/поленезависимость» и «адаптор/инноватор»: чем выше полюс поленезависимости (т. е. более развитые когнитивно-структурирующие способности, более активное обучение в роли активного участника), тем выше полюс инноваторства (т. е. наблюдаются решения проблем и задач неконвенциальными способами, которые требуют открытия новых подходов).

Цель данного исследования состоит в выявлении взаимосвязи между когнитивными стилями «полезависимость/поленезависимость» и «адаптор/инноватор».

В исследовании приняли участие студенты 1–5 курсов педагогического университета. Выборка испытуемых составила n=117 человек в возрасте от 17 до 23 лет.

Для диагностики когнитивных стилей «полезависимость/поленезависимость», «адаптор/инноватор» были использованы следующие методики:

Тест «ТСОВ-4» (В. В. Селиванов, К. А. Осокина) – для выявления когнитивного стиля «полезависимость/поленезависимость». Показатель: сумма баллов по тесту (Селиванов, Осокина, 2015).

Тест «KAIMA» (М. В. Прохорова) – для выявления когнитивного стиля «адаптор/инноватор». Показатель: сумма баллов по тесту, переведенных в стены (Прохорова, 2013).

Для определения взаимосвязи между переменными применен коэффициент линейной корреляции Пирсона (R), для оценки достоверности полученных в результате диагностики показателей применен метод математической обработки данных коэффициент Стьюдента (t-критерий).

После обработки данных методики «ТСОВ-4» получены следующие результаты: 10 человек, что составляет 9% от всего числа выборки, набрали до 90 баллов, что свидетельствует о преобладании полюса «поленезависимости», 100 человек, что составляет 85% от всего числа выборки, набрали свыше 100 баллов, что свидетельствует о преобладании полюса «полезависимости»; 7 человек, что составляет 6% от общего числа выборки набрали от 90 до 100 баллов, что свидетельствует о «поленейтральности».

После обработки данных теста «KAIMA» получены следующие результаты: 52 человека, что составляет 45% от всей выборки, набрали 1–3 стена, что показывает доминирование полюса «адаптор»; 9 человек, что составляет 8% от всей выборки, набрали 8–9 стен, что показывает доминирование полюса «инноватор»; 56 человек, что составляет 47% от всей выборки, набрали 4–7 стена, что показывает нейтральность между когнитивными стилями «адаптор/инноватор».

При анализе данных получены следующие показатели: коэффициент корреляции Пирсона: $r=-0{,}17$, $p=0{,}01$. Связь обратная, слабая. Значение коэффициента Стьюдента $t=4{,}3$, $p=0{,}01$. Значение t-критерия больше 2, следовательно, полученные данные являются достоверными.

Для подтверждения выдвигаемой нами гипотезы необходима обратная корреляция. Это связано с тем, что при обработке данных методики «ТСОВ-4», чем выше сумма баллов, тем сильнее проявляется когнитивный стиль «полезависимость», и наоборот, чем выше сумма баллов теста «KAIMA», тем выше количество стенов, а соответственно больше проявление когнитивного стиля «инноватор». Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод об отсутствии корреляционной зависимости между изучаемыми переменными. Таким образом выдвигаемая нами гипотеза не подтверждена. Это позволяет сделать заключение о том, что испытуемым с преобладанием полюса когнитивного стиля «поленезависимость» могут быть присущи черты когнитивного стиля «адаптор», а также испытуемым с преобладанием полюса когнитивного стиля «полезависимость» могут быть присущи черты когнитивного стиля «иннова-

тор». Данные материалы могут быть использованы в дальнейших исследованиях, так как дают возможность совершенствования поиска и применения различных форм и методов обучения в педагогическом процессе, а также расширяют понимание о взаимосвязи различных полюсов когнитивных стилей «полезависимость/поленезависимость», «адаптор/инноватор».

Литература

Прохорова М. В. Бизнес-планирование деятельности психолога. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013.

Русалов В. М., Волкова Е. В. Личностно-когнитивные стили и их связь с темпераментом и характером человека в период ранней юности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 32–41.

Селиванов В. В., Осокина К. А. Новая версия вербального теста на полезависимость–поленезависимость // Психология когнитивных процессов. 2015. № 2. С. 100–107.

Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.

Характеристика особенностей амплитуды альфа-ритма в зависимости от оказываемого воздействия

Е. Н. Савостикова (*Курск*)

Современные методы позволяют регистрировать различные параметры альфа-ритма (α-ритм) с помощью электроэнцефалограммы (ЭЭГ) и использовать их для выявления факторов, влияющих на изменение функционального состояния. Альфа-пик увеличивается с детства до пубертата, установлена стойкая тенденция к уменьшению α-ритма у взрослых людей. С 20 лет его частота падает с 10,89 до 8,24 Гц. Максимальная амплитуда спектра по α-ритму с возрастом снижается в левой и центральной теменных областях, средняя амплитуда спектра α-ритма уменьшается в центральной и правой центральной области, также во всех, центральном и правом затылочном отведениях. В пространственном отношении, связь амплитуды α-волн с возрастом, наблюдавшаяся в центральных, височных и затылочных отведениях, «смещается» от центра вправо и влево с появлением симметрии (Базанова, 2011). Источником генерации α-ритма явля-

ются ядра таламуса, которые формируют через таламокортикальные волокна ритмическую активность соответствующих зон коры головного мозга, а также контролируют ее. Таламические клетки характеризуются повышенной плотностью кальциевых Т-каналов на мембранах поверхности клетки, эндоплазматической сети. Кальциевые каналы Т-типа могут тормозить передачу сигнала активации через таламус, регулируя концентрацию кальция, что поддерживает и стабилизирует состояние покоя. Именно частота изменения концентрации кальция в цитоплазме нейрона является ключевым звеном изменения частоты α-активности мозга. На данный момент, лидирующее положение занимают исследования взаимосвязи α-ритма и когнитивных процессов: внимания, памяти, мышления. Одними авторами отмечается, что при выполнении когнитивных заданий имеет место снижение индивидуальной частоты α-ритма (Angelakis, 2004), некоторые отмечают уменьшение мощности α-ритма при длительной когнитивной нагрузке (Cheng, 2011). Кроме того, отмечается увеличение мощности α-ритма при умственном утомлении (Trejo, 2008). Другое направление исследований связано с регистрацией α-ритма при воздействии на анализаторные системы стимулов соответствующей модальности. Отмечено увеличение мощности α-активности под влиянием зрительных, тактильных стимулов в 2 раза и в 3–4 раза под воздействием зрительной стимуляции. Частота индивидуального α-ритма возрастает больше в правом полушарии при выполнении зрительных заданий и в левом – при выполнении арифметических заданий.

Цель: изучение динамики амплитуды α-ритма у студентов Курского государственного медицинского университета, в зависимости от силы и категории сенсорной нагрузки.

Объект исследования: амплитуда α-ритма.

Исследование выполнено с участием 16 студентов Курского государственного медицинского университета, возраст: 19–21 год.

Методы: ФБУ БОС, основной показатель: электроэнцефалограмма (ЭЭГ), окципитальное отведение (Oz-A1). Дополнительные показатели: электрокардиограмма (ЭКГ), фотоплетизмограмма (ФПГ). Контролируемые параметры: индекс мощности α-активности (АИ), частота сердечных сокращений (ЧСС), дыхательная аритмия сердца по ЧСС (ДАС ЧСС), амплитуда систолической волны (АСВ).

При статистической обработке эмпирических результатов использовались методы описательной статистики (показатели средних значений, среднеквадратическое отклонение). В качестве единицы измерения была взята выраженность амплитуды α-ритма в процентах.

Исследование включало в себя три этапа. На первом этапе исследования решалась задача оценки показателей амплитуды α-ритма при сенсорной депривации. Поочередно производилась депривация анализаторных систем: зрительная, слуховая, зрительная + слуховая. Второй этап включал в себя оценку показателей амплитуды α-ритма при сенсорной активации. Поочередно производилось воздействие на слуховой и зрительный анализатор. Третий этап исследования заключался в оценке показателей амплитуды α-ритма во время предъявления видеозаписей. Кроме того, было произведено исследование амплитуды α-ритма у испытуемых, при отсутствии воздействия на анализаторные системы.

В результате оценки динамики α-ритма у студентов в ситуации отсутствия воздействия, с открытыми глазами у женщин наблюдалась большая выраженность амплитуды α-ритма, по сравнению с мужчинами (Ж: 49,1%; М: 43,2%). На первом этапе исследования, в ситуации зрительной депривации у мужчин наблюдается большая выраженность амплитуды α-ритма, по сравнению с женщинами (М: 64,25±9,6%; Ж: 58,1±10,1%). Пиковые показатели выросли в среднем на 36,7% у мужчин и на 26,9% у женщин. Для гистограмм распределения частот у мужчин характерно унимодальное распределение с отрицательной асимметрией, а для женщин распределение без асимметрии. Данные результаты свидетельствуют о состоянии спокойного бодрствования в котором находились испытуемые. При депривации слухового анализатора наблюдается угнетение амплитуды α-ритма у большинства испытуемых. Так как информации от слухового анализатора не поступало, испытуемые были вынуждены больше полагаться на зрение, концентрируя свое внимание на объектах в поле зрения. Депрессия α-ритма более выражена у женщин (М: 18,1±3,9%; Ж: 9,8±2,7%), пиковые показатели изменились с 46,55 до 56,4% у мужчин и с 35 до 23,9% у женщин. При депривации обеих анализаторных систем наблюдалось возрастание выраженности амплитуды α-ритма у всех испытуемых. Средняя выраженность амплитуды α-ритма незначительно выше у мужчин (М: 56,6±9,6%; Ж: 51,1±8,1%). На втором этапе исследования происходила регистрация амплитуды α-ритма при сенсорной активации. При активной стимуляции слухового анализатора наблюдалось угнетение α-ритма у большинства испытуемых, наименьший показатель амплитуды α-ритма был зарегистрирован у женщин (Ж: 15,1±4,7%; М: 18,75±8,2%). У мужчин, при стимуляции слухового анализатора, регистрируется снижение пиковых показателей α-ритма на 8,1%, у женщин на 12,3%. При зрительной стимуляции наблю-

даются снижение α-ритма у 9 испытуемых мужского и женского пола. (М: 24,35±4,5%; Ж: 15,9±5,3%). Третий этап представляет собой исследование динамики амплитуды α-ритма в ситуации предъявления видеозаписей с различной цветовой интенсивностью и детализацией. Было предъявлено два видеоматериала: видеоматериал № 1 из мультфильма «Бременские музыканты» характеризующийся умеренной яркостью и насыщенностью, а также средней динамикой сюжета. Видеоматериал № 2 из мультфильма «Гравити фолз» характеризующийся яркой и насыщенной цветовой схемой, высокой динамикой сюжета, длительностью 273 с. Длительность видеоматериала № 1 – 302 с. У женщин при просмотре видеозаписи № 1 регистрируется однородное распределение α-ритма без выраженной асимметрии. У большинства испытуемых вне зависимости от пола наблюдалось снижение α-ритма, что является маркером произвольного внимания (М: 12,25±6%; Ж: 15,95±5,4%). При просмотре видеоматериала № 2, наблюдается более выраженное снижение α-ритма (М: 10,4±7%; Ж: 9,7±4,6%). Таким образом, на видеозаписи № 2 испытуемые больше концентрировали свое внимание.

В ходе проведенного исследования были обнаружены следующие особенности: увеличение α-ритма у мужчин и женщин в ситуации зрительной депривации, а также в ситуации зрительной + слуховой депривации, что соответствует состоянию покоя и расслабления. В ситуации депривации слуха наблюдалось уменьшение амплитуды α-ритма, что свидетельствует о повышении зрительного произвольного внимания. В ситуации зрительной и слуховой стимуляции наблюдалось резкое снижение амплитуды α-ритма. Раздражители действовали на анализаторные системы, нарушая состояние спокойного бодрствования. В ситуации предъявления двух видеофрагментов наибольшее уменьшение α-ритма регистрировалось при просмотре второй видеозаписи, следовательно, видео с яркой цветовой схемой и высокой динамикой вызвало более интенсивное внимание у испытуемых.

Полученные данные о изменении динамики амплитуды α-активности свидетельствуют о том, что на уменьшение амплитуды α-ритма оказывают влияние функциональные состояния, которые запускают нейрофизиологические механизмы произвольного внимания.

Литература

Базанова О. М. Современная интерпретация альфа-активности электроэнцефалограммы // Международный неврологический журнал. 2011. № 8. С. 96–104.

Поликанова И. С., Сергеев А. В. Влияние длительной когнитивной нагрузки на параметры ЭЭГ // Национальный психологический журнал. 2014. № 1. С. 84–92.

Angelakis E., Lubar J. F., Stathopoulou S., Kounios J. Peak alpha frequency: an electroencephalographic measure of cognitive preparedness // Clinical Neurophysiology. 2004. № 115. P. 887–897.

Cheng Shyh-Yueh, Hsu Hong-Te Mental fatigue measurement using EEG // Risk Management Trends / Ed. G. Nota. InTech, 2011.

Trejo L. J., Knuth K., Prado R., Rosipal R., Kubitz K., Kochavi R, Matthews B., Zhang Yu. EEG-Based estimation of mental fatigue: convergent evidence for a three-state model // International Conference on Foundations of Augmented Cognition. Springer, Berlin, Heidelberg, 2007. P. 201–211.

Психологическое здоровье личности и его роль в развитии способностей

Н. Г. Самойлов, А. В. Алёшичева (*Рязань*)

Настоящее исследование посвящено решению проблемы взаимоотношения двух частей в системе «психологическое здоровье–способности» у спортсменов. Рабочая *гипотеза* сводится к представлению о том, что психологическое здоровье, как детерминанта структуры личности должна оказывать существенное влияние на ее структурно-функциональные компоненты и играть определенную роль в развитии индивидуальных способностей человека. Исходя из этих представлений, в данной работе была поставлена *цель* – установить особенности влияния психологического здоровья личности спортсмена на развитие его профессиональных способностей.

Прежде всего, необходимо отметить представление авторов о двух частях системы «психологическое здоровье–способности». Первая – психологическое здоровье личности представляет собой сложный, многокомпонентный конструкт, имеющий трехуровневую вертикальную иерархию. Его уровни определены Б. С. Братусь и названы: психофизиологический, индивидуально-психологический и личностно-смысловой.

Вторая – способности, по представлению Б. М. Теплова, это индивидуальные психологические различия, имеющие отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности и предусматривающие определенный генетический момент (Теплов, 1961).

По мнению Б. М. Теплова, способности неразрывно связаны с процессом индивидуального и общественно-исторического труда. Психологическое здоровье личности также общественно-личностный продукт, причиной развития которого является противоречие между потребностями личности (в частности, спортсмена) и требованиями общества к ней.

Другими словами, анализ взаимосвязей в системе «психологическое здоровье – способности» должен иметь единый эквивалент рассмотрения: психологическое здоровье представляет собой развитие индивидуальных качеств и свойств индивида в конкретном обществе, т. е. в процессе его социализации и индивидуализации; способности личности также могут развиваться только в социокультурной деятельности субъекта в определенном обществе.

В связи с этим встает ряд вопросов:

1) Правомочно ли выделение системы «психологическое здоровье – способности» или эта система умозрительна?
2) Каковы особенности взаимодействия уровней психологического здоровья личности и способностей?

Отвечая на первый вопрос можно отметить, что, исходя из системного анализа, системой следует считать такое образование, которое имеет связи между его частями и взаимодействие их в выполнении определенной функции.

Поскольку способности представляют собой психофизиологические свойства человека, базирующиеся на его врожденных особенностях, называемых задатками, то понятно, что для их развития необходим определенный уровень нормального развития психики и, безусловно, психологического здоровья как части личности.

Причем на развитие способностей влияют не только биологические задатки, но и условия жизни, воспитания, деятельности, а также направленность, активность, интересы личности. Однако как перечисленные, так и многие другие свойства личности формируются под влиянием психологического здоровья, как ее детерминанта.

Вместе с тем активность, интерес, любовь, например, к занятиям теннисом, усиливаются и обогащаются, также развиваясь под влиянием развивающейся способности к конкретному виду деятельности. Следовательно, обозначенные части анализируемой системы имеют связи, взаимодействуя в единой системе, т. е. она не умозрительна.

Второй вопрос следует освещать, учитывая функции каждого из уровней психологического здоровья. Так, его психофизиологический уровень служит биологической основой, материальной ба-

зой для образования задатков и создания, за счет них, предпосылок развития способностей, например, к совершенной координации движений, к ловкости, ускорениям и др.

Второй индивидуально-психологической уровень – здоровье обеспечивает (в частности, для спортсменов) способности быстро и эффективно усваивать способы работы на спортивных снарядах, технику и тактику спортивной деятельности и пр., т. е. опредмечивание, освоение значения и функций спортивной деятельности или адекватность реализации своих способностей, умений и навыков.

Третий, высший или личностно-смысловой уровень здоровья определяет смысложизненные ориентации, способности постижения своего внутреннего мира, которые позволяют не только преломлять внешние воздействия, но и отражать их соответственно своей внутренней логике развития, собственного видения. Здесь уместно подчеркнуть, что на высоких уровнях развития способностей к поиску смысла, например, многолетней спортивной изнуряющей психику и ведущей к психическому утомлению, деятельности, у спортсменов-профессионалов развиваются предпатологические и патологические изменения психологического здоровья. Иначе говоря, способности по принципу обратной связи влияют на личностно-смысловой уровень здоровья, т. е. чем интенсивнее воздействие внешних факторов, тем менее адекватно они отражаются внутренним миром, собственным Я. При очень высоком уровне внутренней активности в смысловой сфере возникают вопросы о смысле самопожертвования здоровьем, ставится вопрос – ради чего все это. Другими словами, позитивно направленный процесс развития способностей к смыслообразованию, как функции одного из уровней психологического здоровья, переходит в свою противоположность: в негативно направленный процесс ухудшения его у спортсменов высокого класса. Эта же мысль подтверждается при анализе проблемы смысла жизни В. Э. Чудновским, который пишет: «При этом следует иметь в виду направленность внутренней активности, ибо с переходом на более высокую ступень организации возрастают не только предпосылки позитивного развития, но и опасность деформации данного процесса» (Чудновский, 2015).

Полученные нами данные путем применения более 20 общепринятых психологических методов и исследования 820 спортсменов (Алёшичева, 2016), свидетельствуют об ухудшении психологического здоровья у спортсменов высокой квалификации.

Развитие как процесс (и способностей в том числе), очевидно, имеет определенные количественные пределы, ограничения, вызван-

ные возникновением противоречий между действием внешних факторов и способностью внутреннего мира личности на все более высоком уровне их отражать, беспредельно повышая свою внутреннюю активность. Это ведет к повороту вектора развития в противоположную сторону и переходу количественных изменений в качественные.

Таким образом, в связи с высказанным предположением, возникает новая проблема, которую можно сформулировать в вопросительной форме: какие факторы и условия необходимо учитывать и целенаправленно применять для управления полноценным формированием как психологического здоровья личности спортсмена, так и развития его индивидуальных спортивных способностей?

Литература

Алёшичева А. В. Влияние специфики и экстремальности спортивной деятельности на психологическое здоровье спортсменов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2016. № 4. С. 6–15.

Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М.: АПН РСФСР, 1961.

Чудновский В. Э. Смысл жизни: некоторые итоги и перспективы исследования // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 5–19.

Особенности временной перспективы студентов с разным уровнем адаптации к обучению в колледже

С. Л. Свешникова (*Вологда*)

Проблема адаптации представляет собой одну из важных общетеоретических проблем социальной психологии. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные изучению социально-психологической адаптации, существует необходимость обратить внимание на влияние фактора временной перспективы на успешность прохождения адаптации студентов к обучению в колледже (Реан, 2008).

Очевидно, что при благоприятных психологических, социальных условиях, хорошей подготовки к поступлению в колледж адаптация студентов будет происходить более успешно. Однако, несмотря на благоприятные факторы адаптации, часть студентов испытывают трудности адаптации к обучению в колледже.

Возникает противоречие между наличием благоприятных социальных условий и показателями адаптации студентов к обуче-

нию в колледже. В связи с этим, актуальным становится выявление и определение факторов, которые будут повышать уровень адаптации к обучению в колледже даже при возникновении трудностей в жизни студентов. Среди множества факторов, которые определяют уровень адаптации к обучению, мы выделили временную перспективу, так как вопрос структуры, показателей временной перспективы, способствующей успешной адаптации, остается малоизученным (Абульханова, Березина, 2001).

В нашем исследовании мы предположили, что особенности структуры и показателей временной перспективы будет определять успешность адаптации к обучению, как при благоприятных условиях обучения, так и при возникновении трудностей в жизни студентов.

В целях доказательства гипотезы, нами было проведено экспериментальное исследование с целью изучения взаимосвязи показателей временной перспективы и уровня адаптации студентов к обучению в колледже.

В исследовании приняли участие студенты БПОУ ВО «Вологодский педагогический колледж, в количестве 86 человек. В ходе исследования были использованы методики: анкета «Адаптированность студентов в вузе» (Т. Д. Дубовицкая, А. В. Крылова), адаптированная для изучения уровня адаптации к обучению в колледже, а также опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, метод мотивационной индукции Ж. Нюттена. Для обработки результатов исследования были использованы метод ранговой корреляции Спирмена, однофакторный дисперсионный анализ, программа Statistica 6.0.

По итогам обработки данных мы получили следующие результаты. 69% студентов колледжа имеют хороший и высокий уровень адаптации к обучению, 31% – низкий. На основе этих данных были образованы две подгруппы студентов: 1 – адаптировались к обучению, 2 – имеют трудности адаптации.

Далее мы сравнили показатели и взаимосвязи временной перспективы и уровней адаптации. Анализ полученных результатов однофакторного дисперсионного анализа показал, что при низком уровне адаптации у студентов выше показатели по шкале «будущее». Возможно, неустроенность настоящего вызывает тревогу относительно будущего. При хорошем уровне адаптации студенты ориентированы на «гедонистическое настоящее», они уверены в настоящем и не стремятся думать о будущем, настоящее их устраивает. Данные результаты указывают на возможный риск в процессе дальнейшего обучения для данной группы студентов: при возникновении трудностей, без ориентации на будущее, они могут потерять цель, смысл

обучения, что снизит уровень мотивации и успешности обучения в целом. У группы студентов с хорошим уровнем адаптации также ниже показатели по шкале «негативное прошлое», они эмоционально положительно воспринимают настоящее.

Что касается длительности временной перспективы, то студенты с хорошим уровнем адаптации ориентированы на конкретные дни и недели ближайшего периода (от 1 дня до месяца), а у студентов с низким уровнем адаптации выше показатели по шкале «открытое будущее», т. е. будущее для них размыто, неопределенно, а значит, и настоящее не имеет четкой согласованной связи с событиями будущего. По показателю «содержательность временной перспективы» характеристики в обеих группах схожи. В обоих случаях преобладающая мотивационная направленность в период адаптации на отдых. Важно обратить внимание, что, несмотря на потребность в отдыхе, чувство усталости есть в обеих группах, одни хорошо адаптируются, а другие нет.

По данным корреляционного анализа обнаружена обратная взаимосвязь между шкалами «уровень адаптации» и «негативное прошлое». Чем выше уровень адаптации, тем менее обращенность к «негативному прошлому» (–0,228) и к будущему (–0,304).

Таким образом, полученные результаты указывают, что чем выше уровень адаптации, тем студенты ориентированы более на конкретный настоящий период, события настоящего. Чем ниже уровень адаптации, тем студенты более обеспокоены будущим, оно вызывает опасения тревогу и испытывают негативное отношение относительно прошлого.

Проанализировав результаты можно сделать вывод о том, что существует взаимосвязь между уровнем адаптации и временной перспективой. Можно отметить, что студенты с разными уровнями адаптации не обладают показателями сбалансированной, сформированной временной перспективой, что может в дальнейшем снизить их адаптационные возможности. Очевидно, что осознание значимости будущего для постановки целей и деятельности в настоящем, изменения отношения к прошлому и конкретизация «образа будущего» у студентов позволит усилить процесс адаптации.

Литература

Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.

Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. Ярославль, 2007.

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
Реан А. А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.
Смирнов А. А., Живаев Н. Г. Психология вузовской адаптации. Ярославль: ЯрГУ, 2009.

Особенности мотивации к профессиональной деятельности у будущих психологов и ее развитие средствами Форум-театра

А. И. Свиягина (*Нижний Новгород*)

Одной из актуальных проблем современного образования студентов является недостаточная мотивация к профессиональной деятельности. Для студентов психологических специальностей данная проблема связана, в частности, с тем, что многие абитуриенты рассматривают психологию зачастую в контексте «повседневной жизни», плохо представляя себе трудности освоения науки для профессиональной самореализации. По данным исследований отношения к профессии студентов некоторых российских вузов (Акбаева, 2004; Вербицкий, Бакшаева, 2006; Кунц, 2005), можно заключить, что основная тенденция следующая: с первого курса ко второму–третьему идет снижение количества студентов, считающих, что профессии психолого-педагогических профилей дают возможность удовлетворить потребность в общении, социальном признании, самореализации и познании. Отношение к профессии характеризуется отрицательной динамикой развития в процессе обучения в вузе: от преобладания позитивного отношения на начальном этапе обучения; через четкую дифференциацию на позитивное и негативное на втором–третьем курсе; и затем к стабилизации преимущественно негативного или нейтрального отношения к будущей профессии у выпускников (Акбаева, 2004). Если добавить к этому, что из выпускников психологических профилей, как показывают исследования (Яковлева, Калинина, 2010), только пятая часть собирается работать по специальности, треть дает отрицательный ответ, а остальные на этот вопрос не отвечают, то здесь видится уже не одна проблема, требующая активных преобразований.

Уже к началу 3-го курса студенты все глубже ощущают сложность науки, понимают, что «примерами из личного опыта» не обойтись, необходимо изучать научную литературу, в совершенстве знать тру-

ды многих ученых, углублять свои знания по анатомии, английскому, математике.

Поэтому мотивация на быстрое и легкое овладение психологией скоро исчезает. Возникает необходимость поиска методов, стимулирующих развитие содержательной мотивации к занятию наукой, потребности в получении глубоких профессиональных знаний и умений.

На наш взгляд, одним из таких методов может стать «Форум-театр». Форум-театр – это особая психологическая технология, которая в интерактивной форме позволяет проигрывать («проживать») и осмысливать многие трудные или конфликтные жизненные ситуации с последующим их анализом. Автором этой идеи является Ж.-П. Беснард, руководитель французской ассоциации «Караван-Театр». За достаточно короткое время (с 2000 г.) этот метод успел себя зарекомендовать и используется в различных психологических сообществах.

Спецификой данной технологии является то, что после завершения психологического инсценирования, зрители предлагают свой вариант разрешения увиденной ситуации. Обмен опытом студентов и педагогов в этом случае является интерактивным способом поиска эффективного профессионального решения, что погружает студентов в квазипрофессиональную деятельность уже на младших курсах, формируя у них содержательную мотивацию эмоционально-познавательного характера.

Исходя из выше сказанного, мы выдвинули *гипотезу,* что использование Форум-театра может быть эффективным в качестве метода повышения профессиональной мотивации студентов младших курсов.

Для проверки гипотезы были отобраны (в произвольном порядке) две выборки испытуемых: студенты 1 курса, обучающиеся по направлению «Психология», – 15 человек; и абитуриенты, желающие поступить на данное направление, – 15 человек.

Целью проводимого исследования было изучение динамики мотивационной направленности на профессию у студентов 1 курса и абитуриентов до и после использования метода Форум-театр на специальных факультативных занятиях, проводимых со студентами в вузе, а с абитуриентами – и в школе. Всего было проведено 10 занятий, каждое занятие проводилось от 1,5 до 2 часов.

В качестве квазипрофессионального анализа ситуаций были использованы конфликтные ситуации взаимоотношений *«учитель–ученик», «сверстник–сверстник», «родитель–ребенок», «подросток–девиантная группа».*

До и после проведения Форум-театра, т. е. просмотра и анализа ситуации, участникам (студентам и абитуриентам) были предложены анкеты, содержащие вопросы, связанные с отношением к профессии психолога, желанием работать по специальности, личными переживаниями по поводу реализации своих возможностей в этой профессии и самооценкой в вопросах разрешения сложных и конфликтных ситуаций.

Все вопросы были сгруппированы в 4 блока, по которым фиксировалась динамика ответов испытуемых до и после проведения занятий с использованием метода «Форум-театр».

По результатам анкетирования до и после использования метода *у студентов,* было выявлено, что:

1. 46,66% студентов мотивированы и интересуются освоением методов разрешения конфликтных ситуаций как в личном, так и в профессиональном плане. После серии специальных занятий 80% испытуемых заявили об интересе к профессиональным методам разрешения социально-личностных конфликтов.
2. О своем желании работать по профессии психолога (после окончания вуза) до начала исследования заявляли 53,53%; после серии занятий – 86,67% испытуемых-студентов выразили уверенность в том, что будут работать (будут стараться найти работу) по специальности.
3. До начала занятий положительно оценивали свою способность по конструктивному разрешению конфликтных ситуаций 33,33%; после реализации занятий с использованием метода Форум-театр позитивно оценили свои возможности уже 80% испытуемых.
4. Повышенную тревожность при необходимости разрешения конфликтной ситуации, по признанию самих студентов, не испытывали только 37,07% (до начала наших занятий), после использования метода Форум-театр уже 60% отметили явное снижение собственной тревожности.

По результатам анкетирования *абитуриентов* мы получили следующие результаты:

1. До начала исследования только 12% школьников подтвердили свой активный интерес к различным методам разрешения конфликтных ситуаций. После участия в занятиях 50% школьников выразили желание узнать и о других психологических методах разрешения конфликтов.

2. Перспективу работать по профессии психолога до начала исследования положительно оценили 25,62%. После проведения занятий 62,25% назвали свое желание работать психологом «сильным».
3. При самооценке умения конструктивно разрешать конфликтные ситуации до начала занятий положительно себя оценивали 38%; после реализации занятий такую способность у себя отметили 65,35%. Вероятно, и до и после занятия мы имеем данные по завышенной самооценке этой способности школьников (и, возможно, студентов), однако, на наш взгляд, этот результат свидетельствует также и об укреплении позитивного отношения к значимости этой способности.
4. Об отсутствии повышенной тревожности в конфликтной ситуации до начала занятия высказались 38% школьников, после специальных занятий боле уверенно при разрешении конфликта себя стали ощущать 56,25% испытуемых.

Таким образом, при различных количественных данных у выборки студентов и выборки школьников мы наблюдали, тем не менее, общую тенденцию позитивной динамики качественных характеристик отношения участников к методам конструктивного разрешения конфликтных ситуаций, к значимости профессиональных знаний, а также к психологии как будущей профессиональной в целом. Такая динамика, по нашему мнению, несомненно, связана с использованием метода Форум-театра для повышения познавательной мотивации к психологической профессии, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу и побуждает к продолжению экспериментальной работы по выявлению потенциала данного метода в развитии углубленных психологических знаний и профессиональной мотивации.

Литература

Акбаева А. М. Развитие позитивного отношения к профессии у студентов педагогического вуза: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Карачаевск, 2004.

Вербицкий А. А., Бакшаева Н. А. Психология мотивации студентов: Учеб. пособие. М.: Логос, 2006.

Кунц Л. И. Профессиональная направленность как фактор формирования образа будущей профессиональной деятельности личности (на материале студентов-психологов): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск: НГПУ, 2005.

Яковлева И. В., Калинина Е. А. Развитие профессиональных интересов студентов-психологов в процессе вузовского обучения // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2010. Вып. № 2 (14). С. 92–98.

Структура ригидности при паническом расстройстве

И. А. Селина (*Курск*)

Одной из наиболее распространенных форм пограничной психической патологии в настоящее время являются тревожно-фобические расстройства. Ими страдает до 6–8% взрослого трудоспособного населения. В последнее время в клинической психологии возрос интерес исследователей к данным состояниям, среди которых особое место занимают панические расстройства. Главная их особенность в том, что они проявляются комплексом телесно-вегетативных и психологических симптомов, отягощенных тяжелыми приступами – паническими атаками.

В общем виде паническое расстройство определяется как широко распространенное, склонное к хронизации заболевание, манифестирующее в молодом, социально активном возрасте (Юров, 2000). Паническое расстройство наиболее часто встречается в возрасте от 25 до 64 лет, при этом частота встречаемости патологии у женщин превышает таковую у мужчин в 3–4 раза (Полторак, 2005).

Паническая атака представляет собой необъяснимый мучительный для больного приступ страха или тревоги в сочетании с различными вегетативными симптомами. Диагностика панической атаки основывается на определенных критериях, к которым относятся: неожиданно возникающее сердцебиение, боли в груди, ощущение удушья, головокружение, потливость, озноб, страх смерти, потери самоконтроля или сумасшествия, волны жара и холода.

Приступы паники обладают своими специфическими характеристиками: не связаны с проявлениями опасности; возникают без обстоятельств, провоцирующих тревогу; определяются наличием свободных от тревоги между атаками промежутков времени; не являются следствием прямых физиологических эффектов.

Ввиду того, что физиологические основы заболевания остаются не выясненными и определенная роль принадлежит психологическим факторам, а проявления заболевания носят соматический ха-

рактер, нам представляется необходимым изучение структуры телесного опыта данного расстройства.

На основании анализа психологической литературы можно говорить, что ситуация панического расстройства и личность взаимно влияют друг на друга посредством различных аспектов, среди которых можно выделить: ограничения в социальных контактах, невозможность выполнения ранее доступной деятельности, разрушение ранее привычных стереотипов поведения и прочие ограничивающие факторы. Эти факторы воспринимаются как травмирующие и влияют на жизнь больного в целом. Изменения физического состояния больных влекут за собой изменения личности в целом.

Присутствие угрозы панической атаки воспринимается как внутренняя, постоянная угроза, которая затрагивает практически все стороны их жизни. Происходит застревание на конкретной причине происходящего. Больные склоняются к варианту того, что в возникновении неудач виноваты именно они, поскольку у них присутствует данная внутренняя характеристика.

Все это формирует специфическую личностную черту – психическую ригидность, что сопровождается закреплением соматической реакции на стрессовые ситуации. Г. В. Залевский рассматривал ригидность как одну из форм фиксированного поведения. Он выделил: общую, сенситивную, установочную ригидность, ригидность как состояние и преморбидную ригидность (Залевский, 2007).

С точки зрения различных исследователей, гибкость в оценке самого себя и реагировании на окружающий мир является показателем психического здоровья, вплоть до мнения, что психическое расстройство – проявление крайне ригидного восприятия мира и реагирования на него.

Как указывает Г. В. Залевский, в целом ряде отечественных и зарубежных исследований подчеркивается значение проблемы психической ригидности для психиатрической практики. Так, встречаются указания на то, что психическая ригидность оказывается преимущественно неблагоприятным фактором, лежащим в основе этиологии и патогенеза нервно-психических расстройств, а также осложняющим прогноз и затрудняющим терапию пограничных состояний.

В данном исследовании мы изучали структуру психической ригидности у больных с паническими расстройствами.

Исследование проводилось в 2017 г. на базах: ОБУЗ «Областная наркологическая больница» (в психосоматическом отделении), ОБУЗ «Курский клинический психоневрологический диспансер», Психологический центр КГМУ.

В исследовании принимали участие 14 человек в возрасте от 30 до 50 лет мужского и женского пола, из которых у 7 отмечалось наличие панического расстройства (пр), у 7 здоровых испытуемых, у которых не имелось психических заболеваний в анамнезе (зд). В качестве метода исследования был применен «Томский опросник ригидности» Г. В. Залевского. Статистический анализ проведен с использованием статистического пакета Statistica 8.0. Для статистического анализа использовался критерий U Манна–Уитни и анализ мер средней тенденции (М-среднее).

В результате статистического анализа сравнения групп мы обнаруживаем значимые различия в общей и преморбидной ригидности. Рассмотрим полученные результаты подробно.

Получены различия по показателю «общая ригидность» (p=0,014). Отметим, что у больных паническим расстройством общий уровень ригидности выше, чем у здоровых испытуемых (Мпр=157,25, Мзд=126,14). Это свидетельствует о том, что больным паническим расстройством может быть присуща склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения, персеверациям, навязчивостям, стереотипиям, упрямству, педантизму и собственно ригидности, неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания и т. п.

Получены различия по показателю «преморбидная ригидность» (p=0,038). Отметим, что у больных паническим расстройством уровень преморбидной ригидности выше, чем у здоровых испытуемых (Мпр=20,750, Мзд=17,571). Таким образом, испытуемые с паническим расстройством ретроспективно оценивали то, как они себя обычно вели, переживали и решали те или иные проблемы в соответствующих ситуациях в школьном возрасте, из чего следует, что они уже в подростковом или школьном возрасте испытывали трудности в ситуациях каких-либо перемен, т. е. для них характерна высокая преморбидная ригидность.

Паническое расстройство является распространенным заболеванием. Оно оказывает влияние как на поведение больных, так и на всю их личность в целом. На настоящий момент феномен панического расстройства изучен недостаточно, что затрудняет проведение комплекса диагностических, лечебных и реабилитационных мероприятий. Важным аспектом является эмоциональное состояние больных, которое характеризуется повышенным уровнем тревоги. Выраженная тревога возникает в отсутствии реальной опасности и представляет собой расплывчатый, длительный и смутный страх по поводу будущих событий, не имеющий предметной направлен-

ности. Нами были выявлены высокие показатели в группе больных по параметрам общей и преморбидной ригидности, что свидетельствует о наличии у больных паническим расстройством фиксированных форм поведения, невозможности при необходимости изменить свое мнение, свое отношение к стрессовым ситуациям, изменить свои переживания. Выявленные особенности ригидности, характерные для больных паническими расстройствами, можно использовать в проведении дифференциальной диагностики, осуществлении прогностической оценки данного заболевания, составлении реабилитационных и коррекционных программ. Использование выделенных нами «мишеней» позволит повысить эффективность лечения больных паническими расстройствами и улучшить их социальную адаптацию.

Литература

Залевский Г. В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Полторак С. В., Фурсова М. В. Дифференциальная диагностика и комплексная терапия панических расстройств // Вестник психотерапии. 2005. № 13. С. 35–44.

Юров И. Е. Панические расстройства у лиц молодого возраста (Клинико-психологические, гемодинамичекие и патобиохимические аспекты): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2000.

Успешность в научно-исследовательской деятельности студентов и их жизнестойкость*

М. М. Семенова (*Санкт-Петербург*)

На сегодняшний день в постоянно изменяющихся политических, экономических и социальных условиях обучающиеся в высших учебных заведениях испытывают на себе серьезное воздействие множества факторов окружающей среды, что зачастую может влиять на эффективность их учебной, научно-исследовательской и в дальнейшем профессиональной деятельности, порождает кризисную, экстремальную ситуацию существования. При этом возникает и острая потребность в личности, способной к самореализации в различных

* Выполнено в рамках гранта РФФИ № 16-06-00914 «Роль научных студенческих объединений в развитии психолого-педагогической науки в первой половине XX века».

областях научной жизни: исследовательской, управленческой, творческой, образовательной и других (Фленина, Семенова, 2016). Таким образом, сегодня активно предпринимаются попытки детально раскрыть и целостно осмыслить личностные характеристики, отвечающие за совладание с жизненными трудностями молодого человека, изучить характеристики способствующие становлению молодого профессионала, будущего ученого и исследователя.

В данной ситуации можно с уверенностью говорить о росте значимости роли молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, в развитии научной и образовательной деятельности, вследствие чего основной задачей в приращении научно-исследовательского потенциала студентов является поиск оптимальных и необходимых психолого-педагогических условий для развития определенных личностных качеств, которые бы повлияли на эффективность будущих профессионалов и ученых, способствовали их профессиональной самореализации (актуализировали гуманистические идеалы образования, развивали творческое отношение к собственной личности, развивали способность к взаимодействию и сотрудничеству) в условиях решения основных проблем современного развития науки и образования.

Мы полагаем, что среди основных таких условий для успешной научно-исследовательской деятельности обучающихся может выступать развитие жизнестойкости как важной психологической характеристики, которая может не только помочь человеку благополучно разрешать жизненные ситуации, справляться со стрессогенами, но и быть необходимой для успешной деятельности, поскольку жизнестойкость позволяет человеку адекватно реагировать на происходящие изменения и развиваться, т. е. быть более эффективным в современных условиях (Долженко, 2011).

Однако проблема успешности в научно-исследовательской деятельности обучающихся и ее связи с жизнестойкостью как личностным ресурсом, обеспечивающим состояние психологической защищенности, а следовательно, и психологической безопасности личности в образовательной среде: студентов, аспирантов, магистрантов, – является мало изученной, но представляющей значимый научный и практический интерес.

Успех, который сопровождает исследования профессионального, эффективно осуществляющего свою работу ученого, зачастую рассматривается с различных позиций. Проблему научно-исследовательской деятельности и показатели ее успешности изучали М. П. Завьялова, В. И. Вернадский, С. Р. Микулинский и М. Г. Ярошевский,

И. А. Зимняя, М. Вебер, А. В. Юревич, Е. Ю. Гирфанова, Ш. И. Ганелин, И. А. Ильин, Н. И. Кареев, Б. М. Кедров, Т. Кун, Г. Ю. Мошкова и др. Среди зарубежных ученых, изучающих данную проблематику, следует выделить Дж. Лонга, Х. Закермана, Д. Саймонтона, Дж. Холтон и др.

Критериями успешности научно-исследовательской деятельности обучающихся в вузе, на основе проведенного нами теоретического анализа, а также исследования по определению особенностей ценностно-смысловых ориентаций студентов, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, могут выступать качества, обеспечивающие формирование личности будущего ученого-исследователя, а именно: осознание прошлого как важной составляющей новаций (самосознание, личностная составляющая); содержание научной деятельности, мотивация к ней и в ее схожести с теми же параметрами научного коллектива и научного наставника (поведенческая составляющая) (Гордеева, 2015); ценность образования, успеваемости, престижа профессии ученого (ценностно-смысловая картина мира): исследовательская работа по данному показателю позволила сделать вывод о том, что обучающиеся которые занимаются научно-исследовательской деятельностью, характеризуются высоким уровнем собранности, целеустремленности, любознательности, самоорганизованности, самопонимания (Семикин и др., 2016). В этом возрасте для обучающихся большое значение имеет система ценностей, которой придерживается человек. Для успешной работы по раскрытию научно-исследовательского потенциала студента важно совпадение морально-ценностных ориентаций наставника и обучающегося, стремление к творческим преобразованиям (когнитивная составляющая: уровень креативности).

В то же время интересно и то, каким образом такой жизненный ресурс, как жизнестойкость, взаимосвязан с успешностью в научно-исследовательской деятельности в образовательной среде вуза. Среди исследований, посвященных жизнестойкости в контексте психологической защищенности и психологической безопасности личности, следует отметить работы С. Р. Маади, С. Кобаз, И. А. Баевой, Е. Б. Лактионовой, И. В. Кондаковой, И. П. Стрельцовой, Н. В. Юдина, Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой и др. Особенность определения жизнестойкости в рамках психологии безопасности связана, в первую очередь, с успешным преодолением трудностей, а также во многих трудах описывается как личностный ресурс психологической защищенности в контексте психологической безопасности личности (Ионеску, 2006). Следовательно, настоящая проблема требует даль-

нейшего исследования, основными направлениями которого может стать исследование проблемы актуализации жизнестойких качеств у обучающихся в вузах.

Таким образом, целью нашего исследования будет выступать выявление взаимосвязи между успешностью научно-исследовательской деятельности обучающихся и их жизнестойкостью в условиях высшего образования.

Объектом выступают студенты, обучающиеся в вузах по психологическому, психолого-педагогическому и другим гуманитарным направлениям. Предмет: психологические ресурсы личности (компоненты жизнестойкости), взаимосвязанные с успешностью в научно-исследовательской деятельностью обучающихся. Мы предполагаем, что жизнестойкость как важный компонент психологической безопасности личности взаимосвязан с успешностью в научно-исследовательской деятельности обучающихся в вузах (среди прочих личностных качеств, с которыми может быть связана успешность в научно-исследовательской деятельности студентов).

Проведенный теоретический анализ феномена жизнестойкости, взгляды зарубежных и отечественных исследователей по проблеме жизнестойкости как психологической характеристики, указывает на то, что сделана попытка определить место феномена психологической жизнестойкости среди прочих, выделить основные компоненты жизнестойкости, определяющие меру противостояния в стрессовых, кризисных ситуациях. Полученные нами результаты исследования позволят положить начало разработке практических рекомендаций по работе со студентами в научно-исследовательской и научно-образовательной среде в новых, изменяющихся, нестабильных условиях становления молодого исследователя, а также стать стартом для дальнейшего определения взаимосвязей иных личностных характеристик с процессами роста молодого исследователя, ученого для составления модели его личностного и профессионального становления.

Литература

Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Смысл, 2015.

Долженко Я.А. Некоторые аспекты изучения проблемы жизнестойкости // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 15–18.

Ионеску Ш. Сопротивляемость и родственные понятия // Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: сборник науч-

ных статей Первого международного форума / Под ред. И. А. Баевой, Ш. Ионеску, Л. А. Регуш. СПб., 2006. С. 17–20.

Семикин В. В., Фленина Т. А., Семенова М. М. Анализ результатов исследования личностных качеств и факторов становления молодого исследователя // Актуальные проблемы человека в инновационных условиях современного образования и науки: Сборник материалов V Всероссийской студенческой научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 61–69.

Фленина Т. А., Семенова М. М. Научная деятельность обучающейся молодежи как ценность общественного развития // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Вып. 181. 2016. С. 71–76.

Перфекционизм в контексте личностных свойств

Е. С. Сибиряков (*Пермь*)

Феномен перфекционизма в последние десятилетия находится в фокусе внимания многочисленных исследователей (Frost et al., 1993; Гаранян, Холмогорова, Юдеева, 2001) Особую актуальность изучение феномена перфекционизма приобретает в связи с тем, что мы живем в эпоху постмодернизма со свойственным ей культом совершенства, успеха, силы и эмоциональной сдержанности (Гаранян, 2009).

Хотя изучение структуры и функций перфекционизма имеет многолетнюю историю и существует несколько теоретических моделей данного феномена, многие теоретические аспекты проблемы остаются малоизученными. В отечественной клинической психологии отмечается малочисленность эмпирических исследований данной черты личности (Гаранян, 2009).

Согласно определению создателей шкалы MPS Хьюитта и Флетта перфекционизм – это стремление быть совершенным, безупречным во всем (Flett, 2002).

Мы понимаем перфекционизм как многомерное свойство личности, характеризующееся установлением высоких стандартов собственной деятельности, ориентацией на мнение окружающих, и обеспокоенностью ошибками.

С. С. Степанов отмечает, что главным провоцирующим фактором перфекционизма становится авторитарный стиль воспитания, сочетающий в себе высокие требования, жесткий дисциплинарный режим и недостаточные эмоциональную поддержку и участие. В та-

ких условиях на ребенка возлагаются большие надежды – ему надлежит оправдать родительские чаяния, преумножить родительские достижения и избежать их промахов (Ильин, 2011).

Общепсихологический аспект актуальности исследования связан с дальнейшей разработкой проблемы структурно-функциональных характеристик перфекционизма.

Целью нашего исследования стали: описание характеристик личностного перфекционизма, выявление взаимосвязей параметров перфекционизма с другими личностными свойствами. Наличие авторитарного стиля воспитания родителей объединяется с обеспокоенностью ошибками, доброжелательностью окружающего мира и ориентацией на мнение окружающих.

В ходе исследования было выдвинуто несколько гипотез о связи параметров перфекционизма с другими некоторыми личностными свойствами:

1) Личностный перфекционизм включает в себя несколько компонентов: ориентация на мнение окружающих, родительские ожидания, высокие притязания, обеспокоенность ошибками.
2) Существует связь между компонентами перфекционизма и такими свойствами личности, как самоактуализация, тревожность, смысложизненная ориентация, базисные убеждения жизни, переживание одиночества и жизнестойкость.

Эмпирическая часть работы включала 2 этапа:

1. Создание и психометрическую проверку методики перфекционизма.
2. Установление личностных коррелятов параметров перфекционизма.

Для создания опросника «Личностный Перфекционизм» на основе анализа литературы был составлен список вопросов, касающихся проявлений параметров перфекционизма. Этот список вопросов был откалиброван с участием 3 экспертов и представлен выборке юношей и девушек в возрасте от 16 до 25 лет в количестве 185 человек. Предъявляемый респондентам вариант опросника включал 101 вопрос, предположительно распределяемых по четырем шкалам.

Психометрическая проверка теста проводилась при помощи следующих математических процедур:

- эксплораторный факторный анализ (для установления структуры феномена перфекционизма и проверки валидности опросника);

- конфирматорный факторный анализ (вычисление индексов x^2/df RMSEA);
- метод «расщепления» с вычислением показателя α Кронбаха (для определения надежности шкал опросника).

В дальнейшем изучении феномена перфекционизма приняли участие юноши и девушки в возрасте от 17 до 24 лет в количестве 145 человек. Тестирование проводилось в индивидуальном режиме. Все испытуемые проживают в г. Перми. Сфера деятельности респондентов – образование, по различным специальностям (Психология, Лингвистика, Экономика, Математика, Инженерия, Юриспруденция, Медицина).

В результате кластерного анализа «k-средних арифметических» по параметрам перфекционизма было выделено 2 кластера, которые объединили респондентов с разным уровнем выраженности перфекционизма. Условно они были названы:

Группа 1 – высокий уровень выраженности перфекционизма (67 человек).

Группа 2 – низкий уровень выраженности перфекционизма (78 человек).

В дальнейшем анализ проводился в 2 группах респондентов: с высоким и низким уровнем перфекционизма.

Далее мы сравнивали респондентов по t-критерию Стьюдента.

Проанализировав полученные данные, были выявлены значимые различия между показателями двух групп по 3 из 4 шкал: «Родительские ожидания», «Высокие притязаний», «Обеспокоенность ошибками».

Значимые различия между показателями двух групп по шкалам «Высокие притязания» и «Обеспокоенность ошибками» свидетельствуют о том, что для перфекционистов характерно ставить для себя высокие эталоны и в процессе выбора действий в качестве главного мотивирующего фактора рассматривать «мотив избегания неудач». Поведение выбирается таким образом, чтобы совершить как можно меньше ошибок, а не достичь больше целей.

Кроме того, значимые различия по параметрам «Родительские ожидания» свидетельствуют о том, что перфекционисты воспринимали семейное воспитание, как авторитарное, которое сочетало в себе высокие требования, жесткий дисциплинарный режим и недостаточные эмоциональные поддержку и участие.

Не менее интересен тот факт, что значимых различий в проявлении такого параметра, как «Ориентация на мнение окружающих»,

получено не было, что несколько расходится с нашей теоретической моделью, но, тем не менее, говорит о том, что субъективное убеждение в нереалистичности ожиданий других людей, строгой оценки и оказания давление на индивида, не отличается от людей с низким уровнем выраженности перфекционизма.

Проведенное эмпирическое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Личностный перфекционизм включает в себя 4 компонента: «Родительские ожидания», «Ориентация на мнение окружающих», «Высокие притязания», «Обеспокоенность ошибками».
2. Наличие авторитарного стиля воспитания родителей объединяется с «Обеспокоенностью ошибками», «Доброжелательностью окружающего мира» и «Ориентацией на мнение окружающих».
3. Высокий уровень перфекционизма будет наблюдаться при высоком уровне таких показателей как: «Ориентация на мнение окружающих», «Обеспокоенность ошибками», «Высокие притязания» и «Родительские ожидания», и при низких значения по шкале гибкости и принятию себя.
4. Перфекционисты, склонные предъявлять себе высокие требования, обладающие высокими стандартами действия, так же убеждены, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Они свободно принимают решения и воплощают их в жизнь.
5. Перфекционисты, склонные в процессе выбора действий в качестве главного мотивирующего фактора рассматривать «мотив избегания неудач», не демонстрируют гибкость в реализации своих ценностей, боятся вести себя раскованно, демонстрировать окружающим свои эмоции. Не ценят собственных достоинств, не способны устанавливать глубокие и тесные эмоционально-насыщенные контакты с людьми.
6. Перфекционисты, воспитанные авторитарным стилем воспитания, способны принимать свое раздражение, гнев и агрессивность. Кроме того, переживают изоляцию, нехватку эмоциональной близости или контактов с людьми.

Литература

Гаранян Н. Г. Типологический подход к изучению перфекционизма // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 52–61.

Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Т. Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Консультативная психология и психотерапия. 2001. № 4. С. 18–48.

Ильин Е. П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011.
Flett G. L., Hewitt R. L. Perfectionism and maladjustmen: An overview of theoretical, definitional and treatment issues // Perfectionism: Theory, research and treatment. Washington: Amer. Psychol. Assoc., 2002. P. 5–31.
Frost R., Heinberg R., Holt C., Mattia J., Neubauer A. A comparison of two measures of perfectionism // Personality and Individual Differences. 1993. V. 14. P. 119–126.

Восприятие времени у подростков в полной и неполной семье

А. И. Сидорова (*Ярославль*)

Одной из важнейших ценностей человеческой жизни является ее насыщенность событиями. В. Нуркова отмечает, что именно события придают жизни смысл и представляют собой основной ресурс человека в трудных жизненных ситуациях. Именно память на события отражает нашу способность к рефлексии (Нуркова, 2000). Вопрос, насколько события могут быть значимы для подростка, на настоящий момент остается открытым в современной психологии. Еще И. Кант писал, что при достижении человеком полноты переживаний времени появляется удовлетворенность жизнью.

Актуальность проблемы исследования заключается в том, что количество разводов в России растет с каждым годом, поэтому очень важно знать, могут ли дети, растущие в неполной семье, оптимистично оценивать свое будущее. Статистика разводов в России неутешительная: в 2000 г. на сто браков приходилось 69 разводов, в 2007 – 54%, в 2016 (по данным Росстата) – 57%. Проблема развода относится не только к России. Португалия – лидер по количеству разводов в мире. В ней на 100 браков приходится 67 разводов. В США ситуация аналогична российской: чуть больше половины браков распадается. Чуть лучше обстоят дела в Норвегии, Германии, Австралии и Канаде, где количество разводов чуть более 40%. В Ирландии только 15% браков заканчиваются разводами.

В последнее время возросло количество подростковых самоубийств, что говорит о низком уровне субъективного благополучия и низкой значимостью для них событий собственной жизни. Следовательно, необходимо изучить вопрос о том, насколько подростки могут воспринимать значимость их жизни и осмысливать свое время.

Цель исследования – сравнить уровень субъективного благополучия у подростков из полных семей; выявить, существует ли связь между событийной насыщенностью и оптимизмом.

Гипотеза – уровень оптимизма у подростков в полной семье, выше, чем у подростков из неполной семьи; существует связь между событийной насыщенностью и оптимизмом.

Методическое обеспечение исследования: тест на оптимизм Л. М. Рудиной, методика ИЖУ (адаптация Н. В. Паниной) и качественная методика «Линия жизни». Выборку составили 30 подростков из полных семей и 30 подростков из неполных семей. По тесту на оптимизм Л. М. Рудиной мы выяснили, что подростки, воспитывающиеся в полных семьях, воспринимают хорошие события более постоянными, и степень широты в объяснении хороших событий у подростков из полных семей намного выше ($p<0,001$). Это может быть объяснено тем, что в полной семье у ребенка больше возможностей для планирования своего будущего, так как его мнение учитывается при принятии решений относительно проведения досуга и некоторых покупок.

Индекс жизненной удовлетворенности оказался значимо выше у подростков из полных семей. По трем из пяти шкал у подростков из полных семей оказались более высокие показатели, чем у подростков из неполных семей. Это можно объяснить тем, что в полной семье психологический климат комфортнее, поскольку подросток общается с обоими родителями, и они оба включены в повседневную жизнь подростка. У подростков из неполных семей часто возникает чувство вины за развод родителей и нарушается эмоциональная связь с родителем, покинувшим семью. В неполной семье подростку сложнее ощутить себя хозяином своей жизни, поэтому он порой примиряется со своими неудачами и пассивно принимает то, что приносит ему жизнь. Однако согласованность между поставленными и достигнутыми целями оказалась выше у подростков из неполных семей. Мы считаем, что родитель (в большинстве случаев мать), воспитывающий ребенка в неполной семье, контролирует цели и их достижение, но при этом порой не учитываются желание и потребности ребенка.

По методике «Линия жизни», где испытуемыми были 3 подростка из полных семей и 3 подростка из неполных семей, мы обнаружили феномен: подростки выделяют события, связанные с взаимоотношениями с противоположным полом, что не является характерной особенностью подросткового возраста. Мы считаем, что это связано с акселерацией и влиянием СМИ, которые формируют у подростков представление о любовных отношениях как наиболее значимой час-

ти жизни. Количество событий у подростков из полных и неполных семей не различается и составляет 9–10 значимых событий. Для подросткового возраста это нормальный показатель. Из этого мы можем сделать вывод о том, что у современных подростков ценность времени неоспоримо признается. Однако у подростков из полных и неполных семей различается содержание событий. В неполной семье выделяются ссоры с проживающим с подростком родителем, развод родителей. Даже рождение сестры или брата может восприниматься негативно. В полной семье события связаны с покупками вещей, о которых подросток мечтал, или домашних животных, поездками, рождением братьев и сестер и общением с друзьями. В полной семье положительных событий выделяется больше, так как восприятие себя и своей жизни имеет положительную окраску. Однако подростки мало задумываются о будущем, что можно объяснить влиянием СМИ, школы, родителей и друзей, которые внушают подростку идею о непредсказуемости будущего.

Материалы данного исследования могут быть полезны практическим психологам, которые помогают подросткам из неполных семей обрести позитивные ожидания по поводу будущего; для педагогов – при работе с подростками из неполной семьи, поскольку крайне важно учитывать индивидуальные особенности учеников; для родителей – для выработки навыков эффективного взаимодействия со своими детьми-подростками.

Литература

Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Николаева Е. И. Психология семьи: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2013.

Нуркова В. В. Свершённое продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.

Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006.

Шнейдер Л. Б. Семейная психология: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006.

Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учеб. пособие для студентов вузов // Под общ. ред. Н. Н. Посысоева. М.: Владос-Пресс, 2004.

Когнитивные стили у пациентов с шизотипическим расстройством

Ю. А. Симон (*Санкт-Петербург*)

Актуальность работы. Распространенность шизофрении, по данным разных исследований, колеблется от 0,19 до 1,1% и в основном приходится на возраст от 18 до 44 лет (Дроздов, Дроздова, 2005). Современная парадигма психиатрии и медицинской психологии основывается на системном подходе в рамках биопсихосоциальной, мультифакторной модели психических болезней (Кабанов, 2000; Вид, 2001; Коцюбинский, 2006; и др.). Данный подход предполагает соотношение биологических (фармакологических), социальных и психологических (в том числе когнитивных) факторов в рассмотрение вопроса лечения и реабилитации пациентов.

Пациентов с расстройствами шизофренического спектра характеризует особый познавательный стиль. Когнитивный стиль – индивидуальные различия в восприятии, категоризации и воспроизведения информации, в способах интерпретации окружающего мира (Критская, Мелешко, 2015). М. А. Холодная (1997) рассматривает когнитивные стили как метакогнитивные способности, отвечающие за регуляцию интеллектуальной деятельности. Когнитивные стили репрезентируют проявления механизма непроизвольного интеллектуального контроля, обеспечивающего непроизвольную регуляцию процесса переработки информации и контроль хода интеллектуальной деятельности, и в этом качестве являются важной составляющей частью системы психической адаптации пациентов с шизофренией. Применительно к психическим заболеваниям изучение когнитивных стилей пациентов с шизофренией раскрывается в единичных работах (Яничев, Богданова, 1986; Taifel et al., 1964). В этой связи представляется своевременным экспериментальное изучение проблемы регуляции интеллектуальной активности у пациентов шизофренией, взаимовлияния метакогнитивных структур, личностных характеристик и уровня социальной адаптации больного.

Целью исследования явилось изучение когнитивных стилей (непроизвольный контроль интеллектуальной деятельности) у пациентов с шизотипическим расстройством.

В исследовании на добровольной основе приняли участие пациенты ФГБУ СПб НИПНИ им. В. М. Бехтерева 19 человек (14 мужчин и 5 женщин) в возрасте от 18 до 47 лет (M=25,8±6,9). В качестве контрольной группы приняли участие 19 студентов (10 девушек и 9 юно-

шей) в возрасте от 20 до 25 лет (M=21,9±1,64). Психодиагностическое исследование проводилось с помощью программы «Практикум МГУ: Рабочее место психолога (РМП) Практика» в два этапа. Первый этап включал проведение тестирования по методикам: (GISH) Тест Готтшальдта, (STRP) Тест Струпа, (KGN) Методика Кагана «Тест схожих фигур». Второй этап включал в себя подсчет результатов методик, их обработка в программе «Практикум МГУ: Рабочее место психолога (РМП). Практика».

Сравнение между группами проводилось с помощью U-теста Манна–Уитни. Данные представлены как среднее арифметическое и стандартное отклонение.

Результаты исследования

1. По результатам (GISH) Теста Готтшальдта у пациентов с шизотипическим расстройством преобладает полезависимый когнитивный стиль – опора на внешние обстоятельства, пациенты больше доверяют наглядным зрительным впечатлениям при оценке происходящего и с трудом преодолевают видимое поле при необходимости детализации и структурирования ситуации. В контрольной группе преобладает поленезависимый когнитивный стиль – опора на внутреннюю составляющую, собственный опыт, легко отстраиваются от влияния поля, быстро и точно выделяя деталь из целостной пространственной ситуации. Показатели полезависимости пациентов (M=0,99±0,51 балла) ниже, чем в контрольной группе (M=4,2±2,2 балла) на уровне, достигающим статистической значимости ($p \leqslant 0,01$);
2. По результатам (STRP) Теста Струпа, по показателю ригидности/гибкости познавательного контроля пациенты с шизотипическим расстройством и контрольная группа демонстрируют результаты на уровне, не достигающем статистической значимости ($p \leqslant 0,01$). Пациенты с шизотипическим расстройством демонстрируют ригидность познавательного контроля, т. е. трудности в переходе от вербальных функций к сенсорно-перцептивным в силу низкой степени их автоматизации.

   По показателю вербальности Б. Бровермана пациенты с шизотипическим расстройством (M=0,87±0,15 балла) и контрольная группа (M=0,7±0,29 балла) демонстрируют результаты на уровне не достигающем статистической значимости ($p \leqslant 0,01$). Показатель вербальности пациентов с шизотипическим расстройством (первичный эпизод) свидетельствует о преобладании словесного способа переработки информации. Таким образом, пациенты

с шизотипическим расстройством демонстрируют ригидный (жесткий) познавательный контроль и умеренную автоматизацию познавательных функций.

3. Обработка методики (KGN) Кагана осуществлялась методом формирования крайних групп (квантильным способом), где в группу «импульсивных» входят показатели ниже медианы времени ответа и выше медианы количества ошибок. По результатам методики показатели медианы времени ответа (Me=32,5) и показатели медианы количества ошибок (Me=6,5) в обеих группах одинаковы.

   Однако, по показателю латентного времени ответа, результаты пациентов (M=65,14±41,0 баллов) выше, чем в контрольной группе (M=22,9±14,97 балла) на уровне, достигающим статистической значимости ($p \leqslant 0,01$); по показателю, количества допущенных ошибок, показатели пациентов (M=12,78±9,31 балла) выше, чем в контрольной группе (M=6,21±4,18 балла) на уровне, достигающим статистической значимости ($p \leqslant 0,01$). Данный факт свидетельствует о выраженном снижении концентрации внимания у пациентов с шизотипическим расстройством.

Выводы

Когнитивный стиль пациентов с шизотипическим расстройством характеризуется: полезависимостью – опорой на внешние обстоятельства (пациенты больше доверяют наглядным зрительным впечатлениям при оценке происходящего и с трудом преодолевают видимое поле при необходимости детализации и структурирования ситуации); преобладанием ригидности, жесткостью познавательного контроля и умеренной автоматизацией познавательных функций (словесный способ переработки информации). Также в ходе исследования была обнаружена низкая концентрация внимания у пациентов с шизотипическим расстройством. Полученные данные могут свидетельствовать о своеобразии познавательной деятельности пациентов, что откладывается на понимании ими социального опыта.

Расширение знаний о познавательных процессах, обуславливающих психическую и социальную активность пациентов, позволит сформировать грамотную стратегию реабилитации в отношении каждого пациента.

Литература

Александровский Ю. А. Пограничные нервно-психические расстройства: Руководство для врачей. М.: Медицина, 1993.

Критская В. П., Мелешко Т. К. Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд., перераб. СПб.: Питер, 2004.
Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Барс, 1997.
Witkin H. A. Individual differences in ease of perception of embedded figures// Journal of Personality. 1950. V. 19. № 1. P. 1–15.

Исследование соответствия выбранной студентами профессии их профессиональному типу личности

А. С. Симоненкова (*Курск*)

Пилотажное исследование является неотъемлемым этапом проведения исследования, пропуская который, исследователь может поставить под угрозу полученные результаты. Поэтому перед началом сбора фактического материала необходимо провести пилотное исследование.

Целью пилотажного исследования, представленного в данной статье, является апробации методик исследования карьерных и профессиональных ориентаций. При организации проведения пилотного исследования мы учитывали ряд его особенностей, выделяемых учеными.

Пилотажное исследование проводится так же, как и основное, но внимание исследователя акцентировано не на результатах исследования, а на самой процедуре проведения. Для проведения пилотажного исследования требуется меньшее количество испытуемых. Следует отметить, что пилотажное исследование проводится не на основном объекте исследования, а на объекте, близком своими характеристиками к основному. В ходе пилотажного исследования совершенствуется методика, уточняется время ее проведения, определяются объективные показатели проявления психологических или педагогических феноменов, определяются вопросы, вызванные методикой у испытуемых, отрабатывается технология фиксации полученных результатов, подбирается удобное оборудование и т. д. Здесь же делается анализ первых полученных фактов на предмет их адекватности реальности. После такой доработки методического инструментария можно приступить к систематическому сбору фактов (Тютюнник, 2002).

Пилотажное исследование было проведено на выборке студентов ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» специальности «Профессиональное обучение (по отраслям)» очной формы обучения. Исследование проводилось в два этапа, в феврале и мае 2017 г., общее число испытуемых – 17, из которых 5 юношей и 12 девушек в возрасте от 19 до 23 лет.

Успех будущей профессиональной деятельности в значительной степени зависит от соответствия типа личности и типа профессиональной среды. Исходя из этого, для проведения исследования были выбраны методика Дж. Холланда на определение профессионального типа личности, методика Э. Шейна «Якоря карьеры», а также испытуемым предложили написать мини-сочинение на тему «Как я решаю жизненную задачу принятия решения о карьере».

Американский ученый Дж. Холланд, изучая индивидуальные особенности людей, пришел к выводу, что существует шесть типов личности, которые характеризуются определенными особенностями, такими как содержание увлечений, способности к определенным видам деятельности, профессиональными возможностями. Если человек выбирает профессию в соответствии с типом его личности, то в ней он может достичь наибольших успехов и получить наибольшее удовлетворение от работы.

Результаты, полученные по методике Дж. Холланда на определение профессионального типа личности: социальный тип – 47%; предприимчивый тип – 29%; реалистический тип – 23%; конвенциальный тип – 17%; артистический тип – 17%; интеллектуальный тип – 11%.

Профессия педагога соответствует социономическому типу. Большинство испытуемых относятся именно к социальному типу личности, что дает им возможность достижения успеха в профессии за счет сознательного планирования карьеры. Это наиболее важный критерий профессионального развития личности и ее самореализации в будущем.

Профессиональная Я-концепция, т. е. представление о своей личности, является главным фактором, определяющим профессиональный путь студента. Зачастую человек реализует свои карьерные ориентации неосознанно. Поэтому так важно уже в студенческие годы знать о них.

У каждого человека своя личностная концепция, таланты, побуждения, мотивы и ценности, которыми он руководствуется при выборе карьеры. Имеющийся жизненный опыт формирует особую систе-

му ценностных ориентаций, социальных установок по отношению к карьере и работе вообще. В американской социальной психологии данному понятию соответствуют такие понятия, как «карьерные ориентации» или «якоря карьеры». Карьерные ориентации возникают в процессе социализации, в начальные годы развития карьеры, они устойчивы и могут оставаться стабильными длительное время (Спивак, 2000).

Анализ результатов, полученных по методике Э. Шейна «Якоря карьеры», показал, что испытуемые имеют несколько карьерных ориентаций, а один человек получил наибольшие баллы по пяти шкалам. Значимые результаты получили следующие карьерные ориентации: служение – 50%; менеджмент – 37%; предпринимательство – 37%; стабильность места работы – 37%; вызов – 12%; автономия – 12%. Такая карьерная ориентация, как «профессиональная компетентность» не является ведущей ни у одного из испытуемых, ее среднее значение составляет 5,1 балла.

При использовании архивного метода или анализа продуктов деятельности исследователь не измеряет и не наблюдает актуальное поведение испытуемого, а анализирует дневниковые записи, архивные материалы, продукты трудовой, творческой или учебной деятельности и т. п. Анализ мини-сочинений является одним из проявлений данного метода. В зависимости от темы он позволяет найти ответы на вопросы, касающиеся характеристик личности (Дружинин, 2000).

Анализ мини-сочинений студентов показал, что всего 35% испытуемых видят себя в профессии преподавателя, считают данную профессию творческой, в которой можно полностью раскрыться. Для наглядности приведем пример из конкретного мини-сочинения: «Я вижу себя в роли преподавателя, ведь я хотела им стать ранее. Мне нравится творчество в целом, поэтому я учусь на преподавателя декоративно-прикладного искусства. Позже хочу пойти работать в школу, но для этого придется пройти дополнительные курсы». Автор другого мини-сочинения пишет: «Я хочу работать с людьми, а работа с подростками очень интересна. Я хочу стать высококвалифицированным специалистом».

Основанием выбора профессии у данных испытуемых служили желание работать с детьми и подростками, династия педагогов в семье, привлекательность профессии. И в других мини-сочинениях: «В моей семье много преподавателей, и я захотела пойти по их стопам»; «...я могу передавать свои знания обучающимся, а также получать новые знания от них».

Оставшиеся 65% студентов не видят себя в выбранной профессии, так как их целью является получение диплома о высшем образовании. Данные испытуемые были разделены на две группы: те, кто не знает, что хочет от будущего, и те, которые по ряду причин не смогли учиться по желанной специальности, поэтому откладывают ее изучение на потом или параллельно проходят курсы. Испытуемые писали: «С детства являюсь творческим человеком, поэтому, когда задумалась о выборе профессии, зашла в тупик из-за большого разброса увлечений. Самостоятельно сделать выбор так и не смогла.... Не знаю, в чем мое призвание, во всем или ни в чем»; «Я хочу открыть бизнес, но после школы не поступила, куда хотела, поэтому учусь здесь, чтобы было высшее образование»; «Я не хочу быть преподавателем, это ад! С детства я хочу быть художником, поэтому я прилагаю много усилий и дополнительно занимаюсь».

Большинство испытуемых выбрали профессии в соответствии со своим типом личности. Кроме того, ведущей их карьерной ориентацией является служение, т. е. стремление приносить пользу людям. Наряду с этим профессиональная компетентность не является значимой для испытуемых. Несмотря на это, выбранная испытуемыми профессия не привлекает большинство из них, и связывать свою жизнь с ней они не планируют.

В ходе проведения пилотажного исследования дополнительно было определено время, затрачиваемое на проведение методик в группе; выявлены и решены вопросы, возникшие при заполнении бланков ответов; а также выявлена необходимость разработки дополнительного раздаточного материала, поясняющего суть профессий.

Полученные в пилотажном исследовании результаты планируется использовать при проведении основного исследования по теме магистерской выпускной квалификационной работы: «Принятие решения о карьере как жизненная задача профессионала».

Литература

Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.

Спивак В. А. Организационное поведение и управление персоналом. СПб.: Питер, 2000.

Тютюнник В. И. Основы психологических исследований: Учеб. пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений по направлению 521000 – «Психология». М.: УМК «Психология», 2002.

Эпоха 90-х в представлениях современных студентов

Е.С. Синельникова, Е.В. Зиновьева (*Санкт-Петербург*)

Коллективная память о значимых событиях и эпохах, определяющих ход истории наряду с языком, культурой, социальными нормами и ценностными ориентациями является одним из факторов поддержания культурной и общегражданской идентичности людей.

В наибольшей степени в памяти людей остаются драматические, переломные периоды истории страны. Историческая память отличается следующими характеристиками: образность, упрощенность, статичность образов и нравственная оценка событий, эмоциональность, тесная связь с настоящим и будущим (Положенцева, Кащенко, 2014; Репинецкая, 2017)

Эпоха 90-х – один из наиболее тяжелых периодов в новой и новейшей отечественной истории. Россия переживала серьезные трудности в самых разных сферах: экономической, политической, правовой, социальной. Переход к рыночной экономике сопровождался резким снижением уровня жизни большинства граждан страны. Одновременно происходила быстрая трансформация социальных норм и ценностных ориентаций: рост индивидуалистических ценностей, снижение значимости коллективистических ценностей, рост толерантности к неопределенности (Лебедева, Татарко, 2007).

В то же время гражданам были разрешены новые формы экономической деятельности – предпринимательство. Изменение государственного устройства (распад СССР), незаконная приватизация, отсутствие контроля за деятельностью государственных служащих, быстрое формирование крупного бизнеса в сочетании с низким уровнем юридической и экономической грамотности (Плехова, 2012), способствовали быстрому росту коррупции, появлению новой формы коррупции – коррупционных связей и их срастание с организованной преступностью. Изменялось субъективное отношение людей к коррупции – она стала восприниматься как часть повседневной жизни (Плехова, 2012).

В последнее время интерес людей к историческому прошлому снижается (Воробьева, 2015), при этом наибольший интерес к истории проявляют представители старшего поколения, жители крупных городов и люди с высоким уровнем дохода. Наряду с экономическими и социальными причинами (материальные трудности, напряженный ритм жизни), исследователи выделяют и такую причину, как увеличение числа информационных источников, их противоре-

чивость и, как следствие, разрушение целостной картины событий (Положенцева, Кащенко, 2014). Исследователи полагают, что консолидации исторической памяти народа способствует актуализация личной исторической памяти (Положенцева, Кащенко, 2014).

Цель и гипотезы исследования. Целью исследования является изучение представлений студентов об эпохе 90-х. В исследовании были выдвинуты следующие гипотезы: 1) представления студентов об эпохе 90-х включают различные сферы жизни общества (экономическую, политическую, правовую, культурную, морально-нравственные отношения); 2) современная эпоха субъективно воспринимается студентами как более безопасная, чем эпоха 90-х.

Характеристики выборки исследования. В исследовании приняли участие 64 студента психологической и технических специальностей ПГУПС (из них 36 юношей) в возрасте от 18 до 21 года (средний возраст – 19,38 года).

Методы исследования и анализа данных. В исследовании применялась авторская анкета Е. С. Синельниковой «Коллективная память 90-х», апробированная в 2016 г. Анкета включает в себя вопросы об ассоциациях респондентов, связанных с эпохой 90-х, об их представлениях о роли эпохи в судьбе страны, об отличиях эпохи 90-х и современности. Для математико-статистического анализа данных применялся Т-критерий Стьюдента.

Результаты исследования

На основе содержательного анализа ассоциаций, связанных с эпохой 90-х, были выделены следующие категории: государство (перестройка, разруха, распад СССР), экономическая сфера (дефолт, безработица, нищета, дефицит), правовая сфера (бандитизм, криминал, беззаконие), обобщенная оценка (нестабильность, упадок, «самые интересные годы», переломный момент), моральная оценка (разврат, пьянство, безнравственность), культурные ассоциации (рейв навсегда, кожаная куртка, отличные фильмы «Брат», «Бригада», классная музыка), ассоциации, связанные с эмиграцией граждан (эмиграция). У юношей, по сравнению с девушками, статистически достоверно больше представлена категория «правовые ассоциации» ($t=2,463$; $p<0,01$). Это может быть связано с тем, что юношей больше интересует криминальная тематика того времени. Ответы респондентов подтверждают первую гипотезу исследования о разносторонности представлений респондентов об эпохе 90-х. При этом некоторые проблемы эпохи 90-х (сепаратизм, коррупция) не представлены в ответах респондентов.

Если среди ассоциаций, связанных с ролью эпохи в жизни страны и состоянием общества («государство», «правовая сфера», «экономическая сфера», «моральная оценка эпохи»), преобладают негативные ассоциации, то культурная жизнь того времени вызывает у многих студентов положительные ассоциации, а обобщенная оценка эпохи является неоднозначной.

Также мы рассмотрели и проанализировали, из каких источников респонденты получали информацию об эпохе 90-х. Респондентам был предложен следующий список источников: Интернет (специализированные группы в соцсетях, лента новостей, сайты), телевидение (новостные передачи), фильмы, книги, квесты, от родителей, от сверстников (друзей, приятелей, знакомых), в школе, в университете. Результаты опроса показали, что студенты узнавали об эпохе больше от родителей (91%), это говорит о том, что личная историческая память закладывается под влиянием семьи, рассказов о прошлом. На втором месте – фильмы (78%), которые помогают лучше познакомиться с тем временем, его событиями, они создают обобщенный эмоциональный образ. Равное значение имеют такие источники, как Интернет (55%) и телевидение (55%), что свидетельствует как о представленности в Интернете и на телевидении информации об эпохе, так и об интересе респондентов к этому историческому периоду: респонденты интересовались 90-ми, посещали специализированные сайты или просматривали новостные передачи. Около 30% узнавали информацию из книг и в школе, также от сверстников (23%), немногие указали университет (9%), и совсем никто не указал квесты, посвященные 90-м, как источник информации об эпохе.

На основе содержательного анализа ответов респондентов на вопросы анкеты: «Чем, на ваш взгляд, эпоха 90-х отличается от нашего времени? С какими вызовами сталкивалась наша страна тогда и сейчас?» – были выделены следующие категории: технологии (новые технологии, век информационных технологий); обобщенная оценка (менее стабильное время, раньше было лучше); ошибка (в СССР все народы дружили); правовая (бандитизм, все происходит более законным путем); свобода (ощущение свободы, нет ущемления прав граждан); государство (страна прогнила, распалась, давление Европы и США); экономика (коррупция, на рынке появилось больше выбора); безопасность (в наше время спокойнее); качество жизни (уровень жизни, средства развлечения, несколько стабильнее); социальная (меньше связей между людьми). Студенты статистически достоверно выше оценивают уровень безопасности в наше

время, чем в эпоху 90-х (t= – 6,33; p<0,001). Средний уровень оценки безопасности в эпоху 90-х – 2,66, в наши дни – 4,41 по 7-балльной шкале, таким образом, уровень безопасности в эпоху 90-х оценивается респондентами достаточно низко.

Выводы

Проведенное исследование позволило подтвердить выдвинутые гипотезы. Представления студентов об эпохе 90-х включают различные сферы жизни общества: от роли эпохи в жизни государства, экономической, правовой сфер до культурной жизни и морального состояния общества. Обобщенная оценка эпохи отражает драматичность данного исторического периода, резкие изменения, происходившие в стране. Основными источниками информации об эпохе 90-х для респондентов являются рассказы родителей и фильмы, что подтверждает выводы исследователей о непосредственности и эмоциональности личной исторической памяти. Сравнивая современную эпоху и эпоху 90-х, студенты отмечают технический прогресс последних десятилетий, повышение уровня безопасности и уровня жизни в обществе и в то же время – снижение качества отношений между людьми в наше время.

Литература

Воробьева И. В. Историческая память и историческое сознание россиян: современное состояние и тенденции // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 208. С. 16–21.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развития общества. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Плехова О. А. Формирование «новой» бюрократии и состояние коррупции в России в период реформ 90-х гг. XX века // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 1. С. 79–85.

Положенцева И. В., Кащенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42–46.

Репинецкая Ю. С. К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память» // Самарский научный Вестник. 2017. № 1 (18). С. 147–151.

Исследование взаимосвязи толерантности к неопределенности и ценностей личности

М. В. Сиротюк (*Омск*)

В условиях современного общества, которому свойственны быстрые темпы развития и роста количества новой информации, а также расширение возможностей, открывающихся перед каждой конкретной личностью, важной когнитивной и поведенческой характеристикой становится толерантность личности к неопределенности.

Существует ряд работ, в которых исследуется концепт толерантности к неопределенности, как в зарубежной (Э. Френкель-Брунсвик, С. Баднер, С. Райделл и Е. Розен, Э. Макдоналд, Р. Нортон, Д. МакЛейн, У. Вольфрадт, П. Радемахер, Дж. Претц, Ф. Зенасни, М. Бесанкон, Т. Лубарт, Н. Хардинг, М. Рен и др.), так и в отечественной психологии (Е. Г. Луковицкая, Е. Н. Осин, Г. У. Солдатова, Н. В. Шалаев А. Г. Матушанская, Б. С. Алишев, О. А. Кондрашихина, Т. В. Корнилова и др.) (Корнилова, 2010). В аспекте проблематики данного исследования привлекают внимание работы, в которых отражены представления о ценностях личности (А. Маслоу, В. Франкл, Р. Мэй, М. Рокич, Ш. Шварц, Д. А. Леонтьев, Б. С. Братусь, А. Г. Асмолов, М. С. Яницкий, Г. Е. Залесский, Л. И. Анцыферова и др.).

Целью исследования является определение взаимосвязи толерантности к неопределенности и ценностей личности, а также построение на основе полученных данных моделей толерантной и интолерантной к неопределенности личности. Согласно выдвигаемой гипотезе, существует некий набор личностных ценностей и определенная структура ценностно-смысловой сферы личности, которые определяют и формируют толерантное отношение к неопределенности.

В качестве одной из задач исследования стоит определение того, насколько концепт «толерантность к неопределенности» доступен для понимания русскоязычному населению, в частности испытуемым, на основе сведений, на которых построено исследование. Зачастую возникает сложность в интерпретации данного понятия ввиду того, что слово «толерантность» является заимствованным. Отсюда возникают противоречия, например, в том, понимать ли толерантность как добровольное принятие и одобрение какого-либо явления или же как вынужденное принятие и терпимость по отношению к нему. Помимо этого, первые ассоциации, возникающие в связи с термином «толерантность», касаются этнического, межличностного аспекта данного понятия. Именно эти аспекты являются

центральными в понимании толерантности как феномена современной культуры и более обширно исследованными в отечественной психологической науке. Понятие же толерантности к неопределенности является относительно новым.

Для решения данной задачи была сформирована анкета, включающая в себя ряд вопросов, направленных на выявление особенностей понимания толерантности к неопределенности. Респонденты имели как возможность выбора одного или нескольких готовых вариантов, сформулированных на основе уже существующих представлений о толерантности к неопределенности с позиций различных ученых, так и возможность указать свой собственный ответ. В анкетировании приняли участие 163 человека.

Согласно результатам анкетирования, респонденты под неопределенностью понимают недостаток необходимой информации (62% опрошенных), невозможность оценить потенциальный результат каких-либо действий (43%), а также неоднозначность, альтернативность понимания какой-либо ситуации или события (43%). В качестве основных атрибутов неопределенной ситуации респонденты отмечают невозможность прогнозирования ее исхода (51% респондентов), сложность оценки данной ситуации (40%), сложность выбора в контексте данной ситуации (45%). Наиболее соответствующими термину «толерантность» русскоязычными синонимами являются «терпимость» (78%) и «принятие» (38%).

Собственно понятие «толерантность к неопределенности» определяется в большинстве случаев как терпимость личности, вынужденное принятие разнообразия жизненных ситуаций и разнообразия других людей, их поведения и предпочтений (48%). Также респонденты интерпретируют толерантность к неопределенности как способность человека принимать конфликт и не чувствовать себя напряженно в ситуации неопределенности (33%), как способность человека чувствовать себя комфортно в ситуациях недостатка или противоречивости информации (27%). Интолерантность к неопределенности, по мнению респондентов, являет собой неприятие и нетерпимость к двусмысленным, неоднозначным и сложным для восприятия ситуациям (58%). Помимо этого, для интолерантности к неопределенности характерны наличие стресса и ощущения тревоги (31% опрошенных), неспособность действовать в ситуации неопределенности (25%), неприятие разнообразия и оригинальности ситуаций (21%). Респонденты отмечают толерантность – интолерантность к неопределенности как эмоциональное состояние (49%), поведение в отношении решения проблем (49%), а также стиль мыш-

ления (40%), что позволяет выделить эмоциональный, поведенческий и когнитивный аспекты в данном концепте.

В анкете респондентам предлагалось также выбрать черты, которые, по их мнению, характерны для личностей с разным отношением к неопределенности. По результатам анкетирования личность, толерантная к неопределенности, способна эффективно действовать в ситуациях неопределенности (45%), видит множество перспектив выбора и решения (26%), воспринимает ситуации неопределенности как желаемые, побуждающие к действию и интересные (22%), приемлет новизну и неопределенность ситуаций (21%). Личность, интолерантная к неопределенности, испытывает стресс при наличии множества вариантов понимания ситуации (51%), не приемлет новизну ситуаций и многообразие мира (40%), имеет взгляд на жизнь по типу «черное—белое» и не способна воспринимать человека как наделенного одновременно и хорошими и плохими чертами (23%), отрицает необычное, «иное», не вписывающееся в ее систему взглядов и ценностей (19%) (Frenkel-Brunswick, 1948).

С целью выявления взаимосвязи толерантности к неопределенности и ценностей личности испытуемым была предложена батарея методик, измеряющих толерантность к неопределенности (Т. В. Корнилова, Г. У. Солдатова) и методик, определяющих ценности (М. Рокич, Ш. Шварц, С. С. Бубнов, И. Г. Сенин, Н. Я. Большунова), смысложизненные ориентации (Д. А. Леонтьев) и убеждения личности (Р. Янофф-Бульман, О. А. Кравцова). В исследовании приняли участие 163 человека, 100 испытуемых возрасте от 18 до 22 лет, 63 — в возрасте от 35 до 55. В качестве математического метода обработки полученных данных использовался коэффициент корреляции Пирсона. При этом учитывалась только сильная взаимосвязь (статистическая значимость $p \leqslant 0{,}01$) между шкалами методик.

Были выявлены прямые корреляционные взаимосвязи толерантности к неопределенности с убеждениями о контроле ($p=0{,}007$), общим отношением к осмысленности мира ($p=0{,}005$), целями жизни ($p=0{,}008$), процессом жизни ($p=0{,}002$), локусом контроля Я ($p=0{,}001$), общим показателем осмысленности жизни ($p=0{,}002$). Толерантность к неопределенности положительно коррелирует со следующим рядом ценностей: развитие себя ($p=0{,}002$), стремление к достижениям ($p=0{,}002$), сохранение индивидуальности ($p=0{,}010$), обучение и образование ($p=0{,}005$), профессиональная самореализация ($p=0{,}001$), а также эстетическими ценностями ($p=0{,}008$). Обратная корреляционная взаимосвязь возникает между интолерантностью к неопределенности и ценностями самоутверждения ($p=0{,}007$), целями жизни

(p=0,05) и осмысленностью жизни (p=0,06). Интолерантность к неопределенности обнаруживает прямые корреляционные взаимосвязи с такими ценностями, как конформность (p=0,002), безопасность (p=0,001), материальное положение (p=0,001), семейная жизнь (p=0,009), взаимопомощь (p=0,003), любовь (p=0,007).

В ходе интерпретации полученных результатов были сделаны выводы о том, что ценности конформности, взаимопомощи, безопасности, а также материальное и семейное благополучие соответствуют стремлению личности к стабильности и покою. Ситуации, происходящие в границах этих сфер жизни, теоретически являются более прогнозируемыми и определенными. Ценности индивидуализма, включающие в себя развитие, обучение и образование, стремление к достижению и профессиональной и творческой самореализации предполагают высокую степень решительности и готовности к риску, постоянной встрече с новым и неопределенным. Помимо этого, толерантная к неопределенности личность имеет убеждение о том, что может в той или иной степени осуществлять контроль за происходящими с ней событиями и делать свободный выбор. Ценности же конформности, безопасности и материальной стабильности предполагают меньшую свободу выбора, что может являться препятствием для соответствующего личностной идентичности целеполагания и поиска смысла жизни.

Литература

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.

Frenkel-Brunswick E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable // The American Psychologist. 1948. № 3. С. 268–269.

Влияние загрузки блоков рабочей памяти на преодоление фиксированности в задачах инсайтного типа*

А. В. Смирницкая, И. Ю. Владимиров (*Ярославль*)

В исследовании о влиянии вербализации на процесс решения задач (Schooler, Ohlsson, Brooks, 1993) получены результаты, которые демонстрируют, что вербализация ухудшает решение инсайтных задач. Предполагается, что это происходит вследствие того, что вер-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00672а.

бализуемые компоненты задачи превалируют над другими, менее вербализуемыми. Общим выводом, который делают авторы работы, является предположение о том, что вербализация может сужать фокус внимания (увеличить яркость внимания) и тем самым затмевать автоматические процессы, необходимые для решения задач данного типа. Первичное восприятие условий задачи создает у человека набор внутренних программ, которые впоследствии контролируют решение. Работа Дж. Дункана и коллег (Duncan et al., 1996) демонстрирует, что испытуемые склонны придерживаться программ, сформированных в начале выполнения задания, что связывают с трудностью переключения. На данную работу ссылаются А. Бэддели и коллеги (Baddeley, Chincotta, Adlam, 2001) при анализе результатов серии экспериментов, направленных на выявлении роли фонологической петли в процессах контроля. В их исследовании проведена серия экспериментов, в которой демонстрируется, что фонологическая петля исполняет роль не только «контейнера» для хранения речевой информации, но, по всей видимости, связана с поддержанием и управлением контроля действий. Даже простое артикуляционное подавление в виде повторения «the» ухудшает задачу подсчета и переключения внимания. Роль такого подавления состоит в том, чтобы контролировать словесную выходную составляющую основной задачи. Если мы обратимся к исследованиям, направленным на изучение внутренней речи, то обнаружим, что как внешняя, так и внутренняя речь, по всей видимости, позволяет поддерживать идеи в рабочей памяти, делая их доступными для сознательного контроля. В исследовании о роли речи в пространственных задачах (Hermer-Vazquez, Spelke, Katsnelson, 1996) было обнаружено, что словесное затенение не позволило участникам успешно выполнять задачи пространственной локализации. Из чего они делают вывод о том, что язык поддерживает и невербальное познание. Следовательно, при решении любого типа задачи, по всей видимости, происходит активация семантических единиц. Активированные элементы, хранящиеся в рабочей памяти, могут поддерживать неверную репрезентацию задачи, а следовательно, неверные действия по достижению решения. Активированные элементы сужают фокус внимания, делая иную информацию сложно доступной для сознания.

Мы предполагаем, что подобный вывод элементов задачи на вербализируемый уровень может являться одной из причин фиксированности. Следовательно, загружая фонологическую петлю, мы снижаем фиксированность вне зависимости от того, является ли задача вербальной или невербальной.

Гипотезы

Сильная активация элементов репрезентации задачи в фонологической петле затрудняет переключение внимания: загрузка артикуляционной системы будет положительно сказываться на решении инсайтной задачи (время решения задач в условии загрузки артикуляционной системы будет меньше, чем в других условиях).

Процедура

Для проведения экспериментальной серии был использован ПК, программное обеспечение было написано на языке Python. Процедура выглядела следующим образом.

1. На мониторе ПК предъявляется общая инструкция: «В данном эксперименте ваша основная цель – решить задачу. В некоторых задачах вам будет необходимо выполнять дополнительное задание. Одним из таких заданий является проговаривание слога „ла“ в течение непродолжительного интервала времени. Давайте попробуем вместе. Второе задание – рисование знака „+“, вот так. Давайте попробуем. Перед каждой из задач будет сообщено, какое из заданий необходимо выполнить. Нажмите кнопку далее, если инструкция вам понятна».
2. Предъявляется инструкция, в зависимости от того, какое из условий будет представлено в задаче (задача и условия предъявляются в случайном порядке, на каждую двух типов задач по три условия ее решения).
3. Решение задачи:

- Предъявляется одна из шести задач и обозначается условие ее выполнения, о котором было сообщено в предварительной инструкции;
- Через 90 с от начала предъявления задачи включается метроном с частотой 104 такта/минута. Через 150 с от начала решения метроном выключается.
- Через 480 с от начала предъявления задачи предъявляется одна из подсказок, в зависимости от задачи.

4. По завершении решения задачи испытуемым нажимает кнопку «Решил», в файл записываются время решения, задача и условие.
5. По завершении решения задачи испытуемый переходит к пункту 2 до тех пор, пока все задачи не будут решены.

Выборка. В выборку вошли 6 женщин и 4 мужчины в возрасте от 20 до 26 лет (женщины M=22,5, SD=1,7; мужчины M=24,5, SD=1,3).

Результаты

При проверке основной гипотезы, о влиянии условия на время решения задачи (ANOVA с повторными измерениями) было выявлено, что условие действительно оказывает влияние $F(2, 18)=3,64$, $p<0,05$, $\eta p^2=0,29$. С помощью t-теста для связных выборок были выявлены значимые различия во времени между условиями с проговариванием слога «ЛА» и рисованием знака «+»: в первом условии ($M=334,9$, $SD=177,9$) время решения меньше, чем во втором ($M=462,05$, $SD=147,4$), $t(9)=2,54$, $p=0,032$, $d=0,78$. Различий по времени решения вербальных и невербальных инсайтных задач выявлено не было.

Выводы

Загрузка фонологической петли снижает зацикленность на неверной идее вне зависимости от типа задачи: в условии с проговариванием слога «ЛА» время решения меньше, чем в других условиях. Это согласуется с нашей гипотезой о том, что сильная активация элементов репрезентации задачи в фонологической петле затрудняет переключение внимания. Предполагалось, что при решении задач именно инсайтного типа мы сможем пронаблюдать эффект влияния фонологической петли на поддержание активации неверной репрезентации. В инсайтных задачах, как предполагается, основные процессы реализуются на неосознаваемом уровне и в последующем переходят на уровень сознания (Валуева, 2015). Следовательно, если на уровне осознаваемых процессов присутствует сильная активация, то неосознаваемая информация будет находиться на втором плане. Снижая уровень активности элементов репрезентации представленных в блоке фонологической петли, мы повышаем вероятность нахождения менее активированных элементов, тем самым снижая время, потраченное на поиск правильного решения. Однако остается вопрос, не раскрытый в данном исследовании: будут ли задачи с таким типом дистрактора решаться как инсайтные?

Литература

Валуева Е. А. Сигнальная модель инсайта: основные положения и соотношение с научными взглядами Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 35–44.

Baddeley A., Chincotta D., Adlam A. Working memory and the control of action: evidence from task switching // Journal of Experimental Psychology: General. 2001. Т. 130. № 4. С. 641.

Duncan J. et al. Intelligence and the frontal lobe: The organization of goal-directed behavior // Cognitive psychology. 1996. Т. 30. № 3. С. 257–303.
Hermer-Vazquez L., Spelke E. S., Katsnelson A. S. Sources of flexibility in human cognition: Dual-task studies of space and language // Cognitive psychology. 1999. Т. 39. № 1. С. 3–36.
Schooler J. W., Ohlsson S., Brooks K. Thoughts beyond words: When language overshadows insight // Journal of experimental psychology: General. 1993. Т. 122. № 2. С. 166.

Особенности психоэмоционального состояния подростков с ограниченными возможностями здоровья*

А. А. Смирнова (*Кострома*)

Подростковый возраст – очень важный период в жизни каждого человека, поскольку именно в этот период закладывается направление, некий вектор на дальнейшую взрослую жизнь. Как пишут многие авторы (Т. В. Розанова, О. С. Никольская, В. И. Лубовский, Л. И. Солнцева и др.), подростковый возраст является крайне сложным, а психоэмоциональное состояние подростков отличается нестабильностью. Неравномерность, противоречивость психического развития в подростковом возрасте не случайны, так как в данный период происходят важные процессы как биологические – половое созревание, так и психические – развитие самосознания и рефлексии, особое развитие волевых качеств, потребность в самоутверждении. По словам Л. И. Божович, в течение подростничества ломаются и перестраиваются все прежние отношения к миру и к самому себе, развиваются процессы самосознания и самоопределения, формируется жизненная позиция, с которой школьник начинает свою самостоятельную жизнь (Божович, 2008).

Даже при нормативном развитии подростковый возраст – критический период онтогенеза, характеризующийся значительной амбивалентностью переживаний, демонстративностью, постоянной сменой состояний, ярким протеканием эмоций, резким переходом от веселости и энтузиазма к унынию и пассивности, от уверенности в себе и общительности – к неудовлетворенности собой, застенчивости и замкнутости, что может приводить к негативным прояв-

* Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-06-00812.

лениям: депрессии, чувству одиночества, незначимости (С. Холл, И. В. Запесоцкая, Л. Ф. Обухова). Так, например, соотнося динамику тревоги с динамикой самооценки, можно заметить тесную их взаимозависимость, особенно в старших классах. Чем выше и адекватнее самооценка, тем меньше тревожность и больше уверенность в себе и своих возможностях (Прихожан, 2000). Ряд ученых (Д. А. Коул, Ю. Ф. Антропов, А. И. Подольский) отмечают, что депрессия как психоэмоциональное состояние возникает у подростков в большинстве случаев вследствие внешних факторов. Поэтому особую остроту приобретает изучение психоэмоционального состояния подростков в осложненных условиях развития хронического стресса, связанных с наличием ограниченных возможностей здоровья.

Таким образом, нами была сформулирована цель исследования – изучить особенности психоэмоционального состояния подростков с ограниченными возможностями здоровья в отличие от подростков с нормальным развитием.

Вслед за А. В. Левченко, Л. П. Банниковой, Н. С. Кузнецовой, И. Н. Усмановой мы понимаем психоэмоциональные состояния как сложные целостные динамические образования, во многом определяющие своеобразие всей психической деятельности (протекание процессов, проявление свойств) личности на данном отрезке времени. Иными словами, психоэмоциональное состояние представляет собой общность нескольких составляющих: эмоциональная составляющая (вся совокупность эмоций и переживаний, что испытывает человек, эмоциональное напряжение, наличие страхов); психическое состояние человека, а также такие явления, как тревожность, депрессия, фрустрация, стресс.

Мы предположили, что психоэмоциональное состояние подростков с сенсорными нарушениями отличается от психоэмоционального состояния подростков с нормальным развитием.

Исследование проводилось на базе учреждений для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья г. Костромы. Выборку составили 18 подростков (8 мальчиков, 10 девочек), в возрасте 15–18 лет, из них 9 учащихся с нарушением слуха (слабослышащие) и 9 учащихся с нарушением зрения (8 слабовидящих, 1 слепой). Контрольную группу составили 18 учащихся МОУ лицей № 41 г. Костромы в возрасте 15–18 лет, 11 мальчиков, 7 девочек.

Для оценки психоэмоционального состояния подростков использовались следующие методики: методика «Самочувствие. Активность. Настроение. (САН)» В. А Доскина, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай, М. П. Мирошникова (1973); методика «Самооценка психических со-

стояний» Г. Айзенка (1947), методика «Шкала субъективного благополучия» А. Перуэ-Баду (1988) в адаптации М. В. Соколовой. Статистический анализ выполнялся с помощью пакета прикладных программ Statistica 6.0, использовался непараметрический критерий Манна–Уитни (U), метод ранговой корреляции Спирмена.

По результатам исследования были выявлены различия по показателям: активность, понимаемая как физическая активность, скорость мыслительных реакций, включенность в деятельность ($U=73$, $p\leqslant0{,}005$); настроение, определяемое как совокупность отдельных эмоций и чувств, таких как радость, оптимизм, печаль, разочарование, счастье и др. ($U=89$, $p\leqslant0{,}020$); напряженность, т. е. чувствительность, утомляемость ($U=89$, $p\leqslant0{,}008$); признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику, такие как рассеянность, сонливость, депрессия, тревожность ($U=27$, $p\leqslant0{,}00002$); степень удовлетворенности повседневной деятельностью ($U=89$, $p\leqslant0{,}02$); значимость социального окружения, включающая в себя отношения с семьей, воспринимаемое одиночество, возможность получения социальной поддержки ($U=90$, $p\leqslant0{,}02$). При этом параметры активность и настроение у подростков экспериментальной группы ниже, чем у подростков контрольной группы, а параметры, как напряженность, признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику, значимость социального окружения, степень удовлетворенности повседневной деятельностью, напротив, в группе подростков с сенсорными нарушениями выше, чем у подростков с нормальным развитием, из чего следует, что подростки с ОВЗ оценивают свое благополучие как среднее комфортное состояние, тогда как подростки с нормальным развитием демонстрируют более высокий уровень эмоционального комфорта. Наличие в психоэмоциональном состоянии подростков с нарушением зрения и слуха таких проявлений, как рассеянность, тревожность, депрессия, сонливость, а также напряженность, снижают эмоциональный фон и собственную активность подростка, вследствие чего возникает ощущение одиночества и снижается его социальная активность. Стоит отметить, что по параметрам «самочувствие», «агрессивность», «ригидность», «изменения настроения», «самооценка здоровья» значимых различий не было выявлено. Вероятно, это можно объяснить тем, что данные проявления имеют место в период подросткового возраста у всех подростков, независимо от варианта развития.

По результатам корреляционного анализа (все корреляции при $p\leqslant0{,}05$) в группе подростков с ОВЗ наибольшее количество связей демонстрируют признаки «изменение настроения» (4 связи)

и «фрустрация» (2). У подростков с ОВЗ показатель параметра «изменение настроения» указывает на изменение настроения с преобладанием негативных проявлений, соответственно ухудшается самочувствие (r=–0,604), превалируют негативные проявления в настроении (r=–0,552), снижается уровень агрессии (r=–0,535), но при этом активизируется состояние фрустрации. Это еще один из важных компонентов психоэмоционального состояния, которое, в свою очередь, тоже оказывает значительное влияние на общее состояние подростка. Уровень фрустрации у подростков с сенсорными нарушениями заметно выше, чем у подростков группы нормы, наличие состояния фрустрации увеличивает уровень тревожности (r=0,509), и при этом самочувствие имеет тенденцию к снижению. В таком случае стоит отметить, что характерные для подросткового возраста изменения настроения, отсутствие оптимизма, негативные мысли, несоответствие желаний действительности, чувство «обманутости» снижают уровень психоэмоционального состояния и его качественные характеристики.

Таким образом, по результатам исследования, можно сделать вывод, что психоэмоциональное состояние подростков с ОВЗ имеет особенности в сравнении группой нормально развивающихся подростков. Психоэмоциональное состояние подростков с нарушениями зрения и слуха характеризуется наиболее высоким уровнем напряженности, тревожности, невнимательности, быстрой утомляемостью, снижением активности и настроения, наличием депрессивных черт, что, в свою очередь, свидетельствует о невысокой выраженности эмоционального комфорта. Поскольку в период подросткового возраста происходит важный процесс самоопределения и определения дальнейшего жизненного пути подростка, становление его как самостоятельного члена социума, возникает необходимость коррекции психоэмоционального состояния подростков с ОВЗ для их успешной социализации и дальнейшего развития.

Литература

Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.

Запесоцкая И. В. Особенности конфликтных ситуаций и стратегия их преодоления в подростковом возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 2000.

К вопросу о взаимосвязи толерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта*

С. В. Смирнова, А. Е. Федоровский (*Томск*)

Актуальность предпринятого исследования продиктована спецификой подготовки студентов лингвистического профиля в высшей школе на современном этапе. Введение уровневой системы высшего образования привело к сокращению количества академических часов, в том числе и отводимых на языковую практику, что требует интенсификации образовательного процесса и разработки соответствующих образовательных технологий и методик (Поспелов, Комиссарова, 2014). Глубокое понимание психологической составляющей процесса овладения иностранным языком будет способствовать оптимизации личностно-профессионального становления студентов-лингвистов в условиях вуза. Теория психологических систем (Клочко, 2005) позволяет представить процесс овладения иностранным языком как трансформацию культуры изучаемого иностранного языка в измерения жизненного мира человека посредством его взаимодействия с этой культурой (Атаманова, 2009).

Далее, поиск оптимальных путей личностно-профессионального становления студентов лингвистического профиля в условиях высшей школы приводит к необходимости анализа их профессионально значимых личностных качеств во взаимосвязи со спецификой изучаемых языков и культур. К таким личностным характеристикам, по мнению исследователей, можно отнести толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект (Атаманова, 2014; Корнилова, 2016). Однако специфика их взаимосвязи в контексте личностно-профессионального становления студентов-лингвистов остается малоизученной.

Цель данного исследования – изучение взаимосвязи толерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта на примере студентов-лингвистов, изучающих языки разных языковых групп, а именно: группа германских языков (английский и немецкий), группа романских языков (французский, итальянский, испанский и португальский) и группа сино-тибетских языков (китайский).

Гипотезой исследования было предположение, что характер взаимосвязи толерантности к неопределенности и параметров эмоцио-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 8.1.24.2017, финансируемого по Программе повышения конкурентоспособности ТГУ.

нального интеллекта студентов лингвистического профиля будет обусловлен спецификой изучаемых языков и культур.

Характеристика выборки. В исследовании приняло участие 140 студентов второго курса (28 юношей и 112 девушек), обучающихся на факультете иностранных языков в Национальном исследовательском Томском государственном университете (НИ ТГУ, г. Томск), в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст респондентов составил 19,11±0,76). В зависимости от основного изучаемого иностранного языка, участники исследования были разделены на три группы: группа 1 – студенты, изучающие языки германской группы (69 человек), группа 2 – студенты, изучающие китайский язык (40 человек), и группа 3 – студенты, изучающие языки романской группы (31 человек).

Методическую базу исследования составили опросниковые методы: Шкала толерантности к неопределенности (D. McLain), адаптированная Е. Г. Луковицкой для российской выборки, и Опросник эмоционального интеллекта ЭмИн Д. В. Люсина. Статистическая обработка собранного эмпирического материала была осуществлена с помощью пакета Statistica 10.0, включая описательную статистику, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) и анализ межгрупповых различий (t-критерий Стьюдента для независимых выборок).

Результаты и их интерпретация

Сравнительный анализ степени выраженности параметров эмоционального интеллекта в каждой из указанных групп показал следующее. Студенты, изучающие языки германской группы (группа 1) и языки романской группы (группа 3), статистически достоверно различались между собой по отдельным показателям эмоционального интеллекта: «контроль экспрессии» (t-value=–2,643, p=0,009); «внутриличностный эмоциональный интеллект» (t-value=–2,259, p=0,026); «управление эмоциями» (t-value=–2,554, p=0,012). Отметим, что студенты, изучающие языки романской группы в качестве основного, показали более высокие значения по трем указанным параметрам эмоционального интеллекта.

Дальнейший анализ межгрупповых различий (группа 2 и группа 3) показал, что студенты, изучающие языки романской группы, также статистически достоверно превосходят и студентов, изучающих китайский язык в качестве основного, по степени выраженности у них контроля экспрессии (t-value=–2,547, p=0,013) и внутриличностного интеллекта (t-value=–2,105, p=0,039).

Сравнение степени выраженности параметров эмоционального интеллекта у студентов группы 1 (английский и немецкий языки) и группы 2 (китайский язык) обнаружило большую степень выраженности такого параметра эмоционального интеллекта, как «управление чужими эмоциями» (t-value=–2,165, p=0,033), который характеризует способность человека управлять эмоциями других людей.

В соответствии с целью данного исследования был проведен корреляционный анализ между степенью выраженности толерантности к неопределенности и параметров эмоционального интеллекта у студентов-лингвистов в выделенных для анализа группах. В каждой из этих групп были обнаружены статистически значимые ($p<0,05$) положительные взаимосвязи между интересующими нас параметрами, но характер этих взаимосвязей оказался различным.

Так, в группе 1 (студенты-лингвисты, изучающие английский и немецкий языки) были выявлены корреляции между толерантностью к неопределенности и параметрами эмоционального интеллекта, отвечающими как за распознавание эмоций, так и за управление ими: «понимание своих эмоций» (r=0,329), «управление чужими эмоциями» (r=0,454) и «управление своими эмоциями» (r=0,300). Соответственно, обобщенные шкалы эмоционального интеллекта также обнаружили наличие статистически значимых корреляционных связей с толерантностью к неопределенности: «понимание эмоций» (r=0,301), «управление эмоциями» (r=0,447), «внутриличностный эмоциональный интеллект» (r=0,349) и «межличностный эмоциональный интеллект» (r=0,346).

Группа 2 (студенты лингвистического профиля, изучающие китайский язык) показала достаточно сильную степень взаимосвязи между толерантностью к неопределенности и параметрами эмоционального интеллекта, отвечающими за распознавание эмоций других людей и управление ими: «понимание чужих эмоций» (r=0,410) и «управление чужими эмоциями» (r=0,442). В обобщенных шкалах также наблюдались достаточно сильные корреляции: «понимание эмоций» (r=0,425), «управление эмоциями» (r=0,402) и «межличностный эмоциональный интеллект» (r=0,517).

В группе 3 (студенты-лингвисты, изучающие языки романской группы) выявленные взаимосвязи касались практически всех субшкал и обобщенных шкал эмоционального интеллекта, за исключением параметра «понимание своих эмоций». Обращает на себя внимание и то, что самые сильные корреляции касаются показателей эмоционального интеллекта, связанных с управлением эмоциями как своими собственными, так и эмоциями других людей: «управ-

ление чужими эмоциями» (r=0,506), «управление своими эмоциями» (r=0,575), «контроль экспрессии» (r=0,681). Обобщенные показатели эмоционального интеллекта также демонстрируют высокий ранг корреляционных связей с толерантностью к неопределенности: «понимание эмоций» (r=0,443), «управление эмоциями» (r=0,718), «внутриличностный эмоциональный интеллект» (r=0,607) и «межличностный эмоциональный интеллект» (r=0,496).

Выводы

Таким образом, сравнительный анализ степени выраженности толерантности к неопределенности и параметров эмоционального интеллекта у студентов-лингвистов, изучающих иностранные языки, принадлежащие разным языковым группам, позволил обнаружить определенные различия в выделенных для анализа группах. Характер корреляционных связей между толерантностью к неопределенности и параметрами эмоционального интеллекта также различается в исследуемых группах и по силе корреляционной связи, и с точки зрения выявленных паттернов.

Литература

Поспелов В. К., Комиссарова Н. Н. Проблемы перехода к уровневой системе подготовки // Экономика образования. 2014. № 1. С. 54–59.

Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский гос. университет, 2005.

Атаманова И. В. Теоретические и методологические основания исследования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 55–57.

Атаманова И. В. Динамика становления профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности студентов технических специальностей // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 194–204.

Корнилова Т. В. Креативность и эмоциональный интеллект у лиц творческих профессий // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 3–4 (84–85). С. 141–154.

Личностные детерминанты состояния субъективной безопасности

Т. Л. Смирнова, Л. Ю. Субботина (*Ярославль*)

В связи с усложнением социально-экономических условий исследование состояния безопасности и технологий обеспечения субъективной безопасности становятся все более актуальными. Состояние безопасности отвечает глубинным потребностям личности, играет регулятивную и детерминирующую роль в ее поведении и развитии. Однако подобных исследований насчитывается немного, несмотря на их теоретическую и практическую значимость.

Цель работы состоит в исследовании личностных качеств как детерминант состояния безопасности.

Для реализации поставленной цели был введен конструкт «склонность к переживанию состояния безопасности». Мы считаем, что состояние субъективной безопасности может быть более или менее типичным для разных людей в силу влияния, прежде всего, «внутренних условий» (личностных качеств и др.), через которые преломляется восприятие ситуации и ее оценка как опасной или безопасной, т. е. можно говорить о субъективном предпочтении человеком состояния безопасности, или о «склонности к переживанию состояния безопасности». Склонность к переживанию состояния безопасности – устойчивая личностная характеристика, определяющая способность человека к частому и длительному переживанию данного состояния в результате оценки большинства ситуаций как безопасных и обладания определенными личностными свойствами (Субботина, Смирнова, 2016).

В работе были выдвинуты 2 гипотезы.

1. Существует значимая взаимосвязь между некоторыми личностными качествами и уровнем субъективного предпочтения состояния безопасности.
2. Структурная организация личностных качеств на разных уровнях субъективного предпочтения состояния безопасности различна.

Методы исследования: авторская методика диагностики субъективного предпочтения состояния безопасности (предварительно прошедшая психометрическую проверку); личностный опросник Р. Кеттелла 16 PF (форма А). Методы обработки результатов: сравнительный и структурный анализ; корреляционный анализ по Ч. Спирмену и К. Пирсону; экспресс-метод χ^2.

Характеристика выборки. Общая выборка составила 114 испытуемых (53 мужчины, 61 женщина, 17–25 лет). Из них: в группе с низким уровнем субъективного предпочтения состояния безопасности – 15 испытуемых (5 мужчин, 10 женщин, 17–24 года); со средним уровнем – 81 испытуемый (37 мужчин, 44 женщины, 17–25 лет); с высоким уровнем – 18 испытуемых (11 мужчин, 7 женщин, 18–23 года).

Результаты и их интерпретация

В результате проведения корреляционного анализа по К. Пирсону между склонностью к переживанию состояния безопасности и личностными факторами по Р. Кеттеллу было выявлено, что склонность к переживанию состояния безопасности положительно связана с такими личностными качествами, как эмоциональная стабильность, доминантность, импульсивность, смелость, гибкость, и отрицательно – с фактором «групповой конформности», эмоциональной сензитивностью, проницательностью, склонностью к чувству вины, внутренней напряженностью.

Для выявления особенностей структурной организации личностных качеств на каждом уровне субъективного предпочтения состояния безопасности использовался метод структурного анализа. Было сформировано 3 группы испытуемых: «полярные группы» – с высоким (8–10 стенов по авторской методике) и низким (1–3 стена) уровнем предпочтения состояния безопасности, и средним уровнем. Внутри каждой группы проводился корреляционный анализ (в «полярных» группах по Ч. Спирмену, на среднем уровне – по К. Пирсону) между личностными качествами, осуществлялось построение матриц интеркорреляций, структурограмм. Анализ структурограмм включал следующие этапы: подсчет весовых коэффициентов каждого качества в структуре, подсчет индексов когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности структуры (ИОС), выделение базовых и ведущих качеств на каждом уровне субъективного предпочтения состояния безопасности, анализ гомогенности/гетерогенности структур с помощью экспресс-метода χ^2.

В связи с различием объемов сравниваемых выборок, основное внимание уделялось анализу ИОС. Отмечается тенденция повышения ИОС от группы с низким уровнем субъективного предпочтения состояния безопасности (наименее интегрированная, неустойчивая структура) – к высокому уровню – к среднему уровню (наиболее организованная структура). А. В. Карпов (Карпов, Солондаев, 2012) говорит о зависимости эффективности любого «внешнего критерия» от меры организованности соответствующей структуры. Можно

предположить, что и степень адаптивности, личностного благополучия человека также возрастает при увеличении ИОС. Поэтому объяснимо наличие более организованной структуры личностных качеств при средней степени субъективного предпочтения состояния безопасности, которая предполагает более успешную социальную адаптацию, достижение личностного благополучия. Тем не менее, организованность структур на всех уровнях предпочтения состояния безопасности низка (ИОС от –5 до 2). Это говорит об отсутствии целостной системы личностных качеств как детерминанты субъективной безопасности.

Интерпретация результатов может строиться следующим образом. Субъективная безопасность как психическое состояние временна и, вероятно, ситуационно зависима. Можно предположить, что в различных ситуациях при оценке их как субъективно опасных или безопасных человек базируется на разных личностных основаниях. Выбор личностных оснований зависит от ситуации. Таким образом, в основе переживания состояния безопасности лежат личностные компоненты, но не тип структурной организации. Полученные результаты соотносятся с концепцией психических состояний А. О. Прохорова. Он говорит о том, что психическое состояние выступает как проявление свойств личности, развернутое во времени. Психическое состояние выступает как временно образовавшаяся сложная система, как единое целое по отношению к входящим в нее частям – компонентам психики. Любой элемент психики при его достаточной интенсивности может характеризовать определенное временное состояние в целом. Состояние определяется доминантой определенного психического компонента. Возникновение доминанты обусловлено ходом взаимодействия личности с ситуациями жизнедеятельности. Смена ситуации, ее значимых сторон приводит к смене внутренней доминанты состояния и к смене его самого (Прохоров, 1994).

Таким образом, доминирующие компоненты состояния безопасности действительно изменяются в зависимости от ситуации. В каждой ситуации в реализации состояния безопасности принимают участие различные личностные качества, которые отличны на разных уровнях предпочтения состояния безопасности. Наиболее значимые качества на каждом уровне – базовые и ведущие.

Базовые качества (качества, обладающие наибольшим структурным весом) играют наибольшую роль в структурировании всей системы качеств. Такими качествами для группы с низким уровнем предпочтения состояния безопасности являются импульсивность,

самоконтроль, внутренняя напряженность; со средним уровнем – смелость, общительность, внутренняя напряженность; с высоким уровнем – общительность и склонность к чувству вины.

Ведущие качества – это личностные качества, коррелирующие на более высоком уровне значимости со склонностью к переживанию состояния безопасности. Такими качествами для группы с низким уровнем предпочтения состояния безопасности являются эмоциональная стабильность и склонность к чувству вины; со средним уровнем – эмоциональная стабильность, склонность к чувству вины, внутренняя напряженность; с высоким уровнем – эмоциональная сензитивность.

На этапе сравнения полученных структурограмм по их гомогенности/гетерогенности была выявлена разнородность структур личностных характеристик у людей с разным уровнем субъективного предпочтения состояния безопасности. Таким образом, структуры личностных качеств, детерминирующих состояние безопасности, являются качественно гетерогенными, а не одной и той же структурой, но представленной с разной степенью организованности.

Итак, в результате исследования выявлены личностные основания переживания состояния безопасности. Полученные результаты могут использоваться при проведении профотбора, профориентации, для определения профессиональной пригодности работников особо опасных профессий, а также для осуществления психологической помощи лицам в состоянии стресса.

Выводы

Обе выдвинутые гипотезы в ходе исследования были подтверждены. Склонность к переживанию состояния безопасности значимо коррелирует с большим количеством личностных качеств, которые выступают личностной детерминантой данного состояния. Структуры личностных качеств на разных уровнях субъективного предпочтения состояния безопасности различны, качественно гетерогенны, но обладают низкой степенью организованности, что подчеркивает специфику состояния субъективной безопасности. Она выражается в доминировании различных личностных качеств (ведущих, базовых) в зависимости от ситуации и уровня его субъективного предпочтения.

Литература

Карпов А. В., Солондаев В. К. Возможности использования индексов конвергенции и дивергенции системы // Ярославский психологический вестник. 2012. № 27. С. 67–79.

Прохоров А. О. Психические состояния и их функции. Казань: Изд-во Казанского педагогического института, 1994.
Субботина Л. Ю., Смирнова Т. Л. Разработка методики на диагностику субъективного восприятия безопасности личности // Ярославский психологический вестник. 2016. № 35. С. 41–46.

Преобладание типа гестационной доминанты в различных возрастных группах

Ж. Б. Смирнова (*Ярославль*)

Материнство – это одна из социальных женских ролей, поэтому, даже если потребность быть матерью и заложена в женской природе, общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на проявления материнского отношения.

Гестационная доминанта, как один из видов доминанты, предрасполагает определенное отношение женщины к беременности, а также дальнейшему воспитанию ребенка. В перинатальной психологии выделяется 5 видов ПКГД*:* оптимальный, эйфорический, гипонозогнозический, тревожный и депрессивный.

Актуальность изучения психологической готовности к материнству продиктована противоречием между остротой демографических проблем, связанных с падением рождаемости, огромным числом распадающихся семей, лавинообразным увеличением числа сиротеющих детей при живых родителях, с ростом числа случаев жестокого обращения с ребенком и не разработанностью программ социальной и психологической помощи семье, и в первую очередь женщине.

Цель нашей работы: углубленный анализ психологического компонента гестационной доминанты в зависимости от возраста будущей матери.

В качестве *гипотезы* мы использовали предположение о том, что женщины различных возрастных категорий демонстрируют различный тип гестационной доминанты.

База исследования, выборка и методы: исследование проводилось на базе ГБУЗ ЯО КБ № 10 в женской консультации. Выборка составила 267 человек, из которых 11 человек – беременные женщины в возрасте до 18 лет; 218 человек – беременные женщины от 19 до 26 лет; 38 человек – беременные женщины от 36 лет и старше. Мы использовали такие методики, как: Тест Отношений беременной – тоб (И. В. Добряков), проективная методика «Моя мама, я и мой ре-

бенок» (И.А. Золотова), анкета, учитывающая социально-демографические параметры. Для обработки полученных результатов мы использовали программу Statistica 10.

Результаты и их обсуждение

Мы провели статистический анализ каждого типа гестационной доминанты по каждому типу отношений с помощью критерия Фишера. С его помощью мы выявили достоверные различия по каждому из типов отношений, что позволило более точно изучить преобладающий тип гестационной доминанты у женщин разных возрастных групп.

В ходе исследования нами были получены достоверные различия по типу отношения к беременности у беременных женщин возрастной категории до 18 лет, и у беременных женщин возрастной категории от 19 до 26 лет. У беременных женщин до 18 лет более выражен оптимальный тип гестационной доминанты (65%), в то время как у женщин группы 19–26 лет этот тип выражен лишь в 32% случаев. В то же время у женщин 19–26 лет сильнее выражен эйфорический тип гестационной доминанты по отношению к беременности (61%). Таким образом, женщины, входящие в группу 19–26 лет, склонны отражать беременность в лучшем свете, порой реагировать излишне эмоционально, что может приводить к иррациональному поведению, ошибкам в оценке реальных рисков, а также фокусированию исключительно на внешней, социально одобряемой роли матери. Схожие различия, но наименее выраженные, наблюдаются и между группами женщин до 18 лет и группой женщин старше 36 лет.

По отношению к образу жизни найдены достоверные различия среди групп испытуемых в возрасте от 19 до 26 лет и старше 36 лет. 16% беременных женщин, входящих в группу 19–26 лет, демонстрируют тревожный тип гестационной доминанты по отношению к образу жизни. Тогда как, всего 5% женщин старше 36 лет демонстрируют такие же показатели.

Достоверные различия типов гестационной доминанты по отношению к родам проявляются у категорий беременных женщин до 18 лет и старше 36 лет. У беременных женщин старше 36 лет более выражен оптимальный тип гестационной доминанты по отношению к родам, его демонстрируют 77% женщин. Тогда как у беременных женщин до 18 лет этот тип выражен на 63%. Женщины, демонстрирующие оптимальный тип гестационной доминанты по отношению к родам. В то же время беременные женщины, не достигшие 18 лет, в 28% случаев демонстрируют повышенную тревогу перед родами.

При дальнейшем сравнении нами были выявлены различия по гипогестогнозическому типу гестационной доминанты по отношению к себе-матери между группами беременных женщин до 18 лет и старше 36 лет. Этот компонент выражен у 7% женщин возраста старше 36 лет. В то время как у женщин до 18 лет он не выражен вовсе. Это свидетельствует о том, что 7% женщин в возрасте старше 36 лет не задумываются о предстоящем материнстве.

По критерию «Отношение к ребенку» наблюдаются достоверные различия между всеми группами беременных женщин по типам гестационных доминант: оптимальному и эйфорическому (между группами беременных женщин в возрасте до 18 и 19–26; 19–26 и старше 36 лет); а также по оптимальному и гипогестогнозическому (между группами женщин от 18 лет и старше 36 лет). У беременных женщин до 18 лет более выражен эйфорический тип гестационной доминанты. В 63% случаев они демонстрируют восторженное представление о своем будущем ребенке. В то же время этот показатель у женщин 19–26 лет, так же как и у женщин старше 36 лет, выражен лишь в 18% случаев. Женщины этих возрастных групп (19–26 лет и старше 36 лет) чаще демонстрируют оптимальный тип гестационной доминанты по отношению к ребенку. В 45% случаев женщины этих возрастных категорий утверждают, что они часто и с удовольствием представляют себе ребенка, которого вынашивают. В то же время есть случаи, когда женщины старше 36 лет демонстрируют гипогестогнозический тип гестационной доминанты по отношению к ребенку (5% случаев). Женщины же несовершеннолетнего возраста данный тип гестационной доминанты не демонстрируют.

При проведении анализа мы выявили достоверные различия по оптимальному типу гестационной доминанты по отношению к грудному вскармливанию между категориями беременных женщин в возрасте до 18 лет и от 19 до 26 лет, а также между категориями женщин от 19 до 26 лет и от 36 лет и старше. Женщины в возрасте старше 36 лет в 63% случаев демонстрируют оптимальный тип гестационной доминанты по отношению к грудному вскармливанию. Женщины же возрастной группы 19–26 лет демонстрируют такой показатель в 56% случаев. Это говорит о том, что женщины данных возрастных настроены кормить ребенка грудью. Женщины же до 18 лет демонстрируют данный показатель лишь в 27% случаев.

Согласно полученным результатам исследования, наблюдаются достоверные различия по типу отношения к близким у беременных женщин возраста 19–26 лет и беременных женщин до 18 лет; а также у женщин 19–26 лет и женщин старше 36 лет. У женщин до 18 лет аб-

солютно не выражен (0%) гипогестогнозический тип гестационной доминанты, в то время как у женщин 19–26 лет этот тип по отношению к близким выражен на 3%. Женщин до 18 лет намного больше интересует отношение к их беременности близких.

Различия по оптимальному типу гестационной доминанты по отношению к близким наблюдаются между возрастными группами 19–26 лет и 36 лет старше. В этом случае оптимальный тип по отношению к близким наиболее выражен у беременных женщин до 26 лет (91%). У женщин возрастной группы старше 36 лет этот критерий выражен у 65% женщин.

В большинстве выборок (до 18 лет; от 19 до 26 лет) присутствует преобладание эйфорического компонента гестационной доминанты по отношению к посторонним.

Вывод

Выдвинутая нами гипотеза частично подтвердилась. Мы пришли к выводу, что у беременных женщин разных возрастных категорий одинаковый преобладающий тип гестационной доминанты, но при более полном статистическом анализе по критерию Фишера выявляются значимые различия по всем типам отношений. Это можно объяснить тем, что женщины различных возрастных категорий находятся в разных социальных условиях, что и влияет на отношение женщины к беременности, образу жизни, родам, будущему ребенку, грудному вскармливанию, к себе как к матери, к мужу, к близким и посторонним.

Литература

Добряков И. В., Юрьева Р. Г. Перинатальная психология и психоанализ // Ежегодник Российского психологического общества. Специальный выпуск. 2005. Т. 1. С. 136–138.

Золотова И. А. Отношение к новорожденному у женщин группы риска: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2013.

Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учеб. пособие. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

Системная дифференциация и дедифференциация при решении детьми моральных дилемм «свой—чужой» при наличии и отсутствии внешнего контроля*

И. М. Созинова (*Москва*)

Нравственность является характеристикой индивидуального опыта, сопоставимой с оценкой индивидом своего поведения с точки зрения достижения коллективных целей (Александров, Александрова, 2009). На сегодняшний день достаточно большая доля взаимодействий между индивидами опосредована использованием компьютера. Недостаток способов «трансляции» своего эмоционального состояния другому, анонимность и практически безнаказанность вредоносных действий являются характерными особенностями опосредованного взаимодействия (Harrison, 2015). Эти особенности современной социокультурной среды могут вести к изменениям в формировании нравственности, в том числе и в формировании нравственного отношения к членам «своей» и «чужой» групп, что, в свою очередь, может привести к усугублению таких проблем, как ксенофобия, этноцентризм и т. д.

Целью планируемого исследования является сопоставление характеристик нравственного отношения к «своему»—«чужому» в условиях опосредованного (планшетным устройством) и непосредственного предъявления (экспериментатором) моральных дилемм. С позиций системно-эволюционного подхода (Швырков, 2006) любой поведенческий акт является результатом актуализации систем, сформированных на разных этапах онтогенеза. Индивидуальное развитие происходит путем дифференциации систем, причем ранние, сравнительно низкодифференцированные системы не исчезают в процессе дальнейшего развития, а лежат в основе любого поведенческого акта (Александров и др., 2017).

Можно предположить, что у детей на более поздних этапах развития существует б*ол*ьшая дифференцированность систем, связанных с разнообразным репертуаром поведений в отношении «чужого», тогда как у младших детей образ «чужого» низкодифференцирован, а взаимодействие с «чужим», скорее всего, сводится к стратегии «в конфликте свой—чужой — выбирай своего». Это согласуется с полученными нами ранее данными о том, что дети на более поздних этапах онтогенеза чаще выбирают «чужого», нежели младшие дети

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00229), Институт психологии РАН.

в условиях, когда ограниченный ресурс необходим «своему», чтобы получить необязательную выгоду, а «чужому» – чтобы выжить (Созинова, Александров, 2015).

Мы предполагаем, что решение моральных дилемм при отсутствии внешнего «вовлеченного» наблюдателя может сопровождаться процессами дедифференциации – снижения доли актуализированных вновь сформированных систем, связанных со сравнительно более поздно сформированными стратегиями поведения по отношению к членам «своей» и «чужой» групп, что может привести к снижению роли оценки своих действий с точки зрения общепринятых норм. В таком случае моральная оценка собственного поведения сузится до допустимости реализации только более ранних форм взаимодействия со «своим»–«чужим», а именно стратегии «помогать своему в любом случае». Процессы дедиффернциации обнаруживаются при различных состояниях, (например, острое воздействие алкоголя) для которых характерно избирательное временное подавление активности сравнительно более поздно сформированных систем (Александров и др., 2017), и сопровождаются «сужением» восприятия окружающей среды, в том числе социальной, и последствий своего поведения. В случае приема алкоголя такие изменения называются «алкогольной миопией» (Александров и др., 2017). Кроме того, прием алкоголя ведет к повышению утилитарности моральных оценок (допустимость причинения вреда одному для спасения пятерых людей). Такое же повышение утилитарности было обнаружено и при решении моральных дилемм в виртуальной реальности по сравнению с решением текстового варианта тех же заданий (Navarrete et al., 2012).

Таким образом, гипотезой планируемого исследования является предположение о смещении ответов на моральные дилеммы «свой»–«чужой» в сторону более рано сформированной стратегии поддержки «своего» в условиях отсутствия видимого внешнего контроля по сравнению с наличием такового контроля в лице экспериментатора. Для проверки этой гипотезы планируется проведение исследования, в ходе которого будут получены данные о решении моральных дилемм «свой»–«чужой» на планшетном устройстве (без участия экспериментатора) детьми на последовательных стадиях онтогенеза. Полученные данные будут сопоставлены с данными, полученными ранее при непосредственном опросе детей экспериментатором (см.: Созинова, Александров, 2015).

Для проведения исследования с помощью планшетного устройства на базе OS Android нами была разработана программа «Моральные дилеммы „свой“–„чужой“». Программа включает четыре блока:

заполнение социодемографической анкеты (ФИО, дата рождения); обучение участника исследования работе с программой; блок с моральными дилеммами «свой»—«чужой»; блок тестов, предполагающих ситуацию выбора между альтернативами недилеммного типа. Так как последний блок программы необходим для достижения целей, не представленных в рамках планируемого исследования, то в дальнейшем в рамках данной статьи особенности его работы описываться не будут.

В процессе реализации блока «обучение» ребенку предлагается самостоятельно разобраться с работой кнопок «повтор истории» и «переход на страницу с новой историей». В начале этого блока звучит инструкция: «Чтобы повторить историю, нажимай на «рот». Попробуй, нажми на «рот»». В случае если ребенок совершил нажатие на кнопку «рот», начинает звучать следующая инструкция: «Чтобы листать страницы с заданиями, нажимай на стрелочку. Попробуй, нажми на стрелочку». При нажатии на кнопку со стрелкой запускается следующий блок с предъявлением дилемм или тестов (в зависимости от установленных в начале программы настроек).

После успешного прохождения «тренировки» начинается блок заданий с дилеммами. Программа позволяет экспериментатору составлять дилеммы из аудио и картинок самостоятельно. Для реализации цели предполагаемого исследования будут использованы картинки и озвученные тексты, идентичные предъявленным в рамках непосредственного опроса экспериментатором (Созинова, Александров, 2015). При реализации блока с дилеммами картинки предъявляются одновременно с воспроизведением аудиофрагмента текста, соответствующего картинке. После воспроизведения вопроса «Кому бы ты отдал ресурс?» ребенку необходимо нажать на выбранного им персонажа, после чего воспроизводится аудио с похвалой за совершенный выбор и инструкция: «Листай дальше!» – активируется кнопка со стрелкой. До совершения выбора кнопка перехода к следующей дилемме неактивна. Время на принятие решения не ограничено. После решения всех дилемм звучит заключительное аудио с благодарностью и прощанием.

После завершения тестирования сохраняется файл с социодемографическими данными, выбором ребенка того или иного персонажа в дилемме; порядок предъявления дилемм; время ответа.

Планируется реализовать следующий дизайн эксперимента. Каждый участник будет приглашен в отдельный кабинет для работы с экспериментатором. Вначале экспериментатор будет произносить устную инструкцию: «Сейчас тебе предстоит прослушать

несколько историй. Внимательно слушай, что тебе будет говорить голос и следуй советам. Здесь нет правильных и неправильных ответов, мне важно твое личное мнение. Я не смогу помочь тебе с выбором героя, я буду занята своими делами, но если ты не сможешь понять, как нажимать на кнопки, можешь спросить у меня». После данной инструкции, когда участник сядет за стол перед планшетным устройством, включается программа, а экспериментатор садится в стороне от ребенка так, чтобы ребенок мог понять, что за ним не следят, экспериментатор занят своими делами.

После тестирования экспериментатор будет проводить беседу с ребенком для контроля понимания ребенком дилемм. Смысл контрольных вопросов будет сводиться к следующему: «Что не поделили герои истории?», «Зачем ресурс был нужен одному и другому герою?», «Кому ты помог? Почему?». Полученные ответы будут записаны на диктофон.

Полученные результаты внесут вклад в понимание роли внешнего контроля в процессах дифференциации систем, характеризующихся разным нравственным отношением к «чужому» разных этнических групп, проживающих в России и за ее пределами.

Литература

Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, *культура* и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Созинова И. М., Александров Ю. И. Системная дифференциация в контексте становления нравственного отношения к членам разных социальных групп // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. Т. 1. С. 213–214.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Harrison T. Virtuous reality: moral the oryandre searchin to cyber-bullying // Ethics and Information Technology. 2015. V. 17. № 4. P. 275–283.

Navarrete C. D., McDonald M. M., Mott M. L., Asher B. Virtual morality: Emotion and action in a simulated three-dimensional “trolley problem” // Emotion. 2012. V. 12. № 2. P. 364–370.

Связь склонности к саморазрушающему поведению с ценностными ориентирами в подростковом возрасте

О. К. Соколовская (*Вологда*)

Сохранение и укрепление здоровья подрастающего поколения, определяющего здоровье нации, уровень благосостояния и стабильности общества, его будущее – один из главных приоритетов современной государственной социальной политики в России. Наряду с этим отмечается рост такого социального явления в молодежной среде, как саморазрушающее поведение. Саморазрушение рассматриваем как интегративное понятие, характеризующее осознанную или неосознанную направленность личности к собственной деградации, к самоповреждению или даже к самоуничтожению: не просто как угрозу физическому здоровью человека, но и как тенденцию к регрессу личности. Можно выделить четыре типа саморазрушающего поведения: 1) представляющее угрозу для жизни; 2) представляющее угрозу для физического здоровья; 3) представляющее ущерб для духовного и нравственного развития; 4) представляющее ущерб для будущего социального статуса (Змановская, 2006). Общество решение проблемы саморазрушения молодежи видит в серьезных изменениях на государственном уровне, изменениях политики в сфере семьи и детства. Эффективные меры профилактики негативных способов самореализации подрастающего поколения предполагают осознание и учет внутренних, личностно-мотивационных детерминант саморазрушения в молодежной среде (Соколовская, 2015).

Цель и гипотеза исследования. Цель нашего исследования: выявление связи склонности к различным формам саморазрушающего поведения с ценностями в подростковом возрасте. Мы предположили, что различные формы саморазрушения в подростковом возрасте имеют общее ценностное основание – гедонизм. В рамках нашего исследования мы затронули следующие формы саморазрушения: аддикции, самоповреждения (суицидальное поведение), нарушение норм и правил, агрессивное и делинквентное поведение.

Характеристики выборки. Эмпирическое исследование проведено на базе МОУ «СОШ № 9» г. Вологды. Общий объем выборки составил 76 человек в возрасте 14–15 лет.

Методы исследования. Были использованы психодиагностические методики: опросник Ш. Шварца, адаптированный и стандартизированный В. Н. Карандашевым (Карандашев, 2004); опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» («СОП», автор А. Н. Орёл).

Для статистической обработки данных применили ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования. Рассмотрим выявленные закономерности. Склонность к нарушению норм и правил связана с такими ценностями, как самостоятельность (rs=0,349**), стимуляция (rs=0,42**), гедонизм (rs=0,476**), достижение (rs=0,317**), и власть (rs=0,381**). Можем предположить, что подростками в момент нарушения общепринятых норм движет желание получить удовольствие, испытать новые ощущения, почувствовать собственную значимость и самостоятельность, самоутвердиться в глазах окружающих и занять доминирующую позицию в обществе, или кругу сверстников, что характерно для данного возраста. Например, реакция эмансипации, которая отражает стремление подростка к самостоятельности, нередко лежит в основе асоциальных поступков.

Склонность подростков к аддиктивному поведению также связана с ценностями стимуляции (rs=0,342**) и гедонизма (rs=0,372**). Аддикции – это один из распространенных вариантов саморазрушающего поведения, который выражается в стремлении подростка уйти от реальности посредством изменения своего психического состояния с помощью приема некоторых веществ (алкоголь, курение, наркотики и другие) или постоянной фиксации внимания на определенных предметах. При употреблении психоактивных веществ подросток стремится испытать новые ощущения, исказить реальность в желаемую сторону, иначе увидеть окружающую действительность.

Склонность к самоповреждающему поведению в подростковом возрасте в большей степени определяется ценностями стимуляции (rs=0,515**), т. е. суицидальные попытки могут стать деструктивной реализацией потребности в изменениях и глубоких переживаниях. Склонность к агрессии и насилию связана с ценностями стимуляции (rs=0,479**), гедонизма (rs=0,413**), достижения (rs=0,512**) и власти (rs=0,411**). Подростки допускают проявление агрессии по отношению к другим людям, как наиболее простой способ воздействия на окружающих, достижения желаемого. Например, та же реакция эмансипации может стать причиной аффективных вспышек подростка. Склонность к насилию и ее связь с ценностями гедонизма и стимуляции может быть обусловлена формирующимся сексуальным влечением в подростковом возрасте. Проявления агрессии могут являться неконструктивными способами выхода негативной энергии.

Склонность подростков к делинквентному поведению связана с ценностями стимуляции (rs=0,323**) и гедонизма (rs=0,371**),

что подтверждается и другими исследованиями (Фокина, 2010). Делинквентное поведение – действия, отклоняющиеся от установленных в обществе в данное время законов, угрожающие благополучию других людей или социальному порядку и уголовно наказуемые в крайних своих проявлениях. Совершение противоправных действий является источником чрезмерной стимуляции подростка, получения новых «острых» ощущений, быстрого обретения желаемых благ.

Обобщая результаты нашего исследования, можем заключить, что одна из приоритетных ценностей для исследуемой выборки – гедонизм – является и определяющей склонность к следующим формам саморазрушения: аддикции, самоповреждающее поведение, агрессивное поведение, делинквентное поведение. Это связано с социально-психологическими особенностями подросткового возраста и уровнем развития общества. Для современной молодежи важными ориентирами являются получение удовольствия, развлечения, ориентация на беззаботную и «красивую» жизнь по принципу «как нравится».

Выводы

В ходе эмпирического исследования нами была подтверждена гипотеза о связи склонности к саморазрушающему поведению и ценностей у подростков. Определяющими оказались ценности стимуляции и гедонизма. Данные ценностные типы, согласно теории Ш. Шварца, в системе ценностей отражают открытость изменениям в противоположность конформизму. Гедонизм также включает элементы самовозвышения, противостоящего самотрансцендентности. Можем предположить, что открытость новому опыту, обусловленная возрастными особенностями, в сочетании с культивируемыми в обществе ценностями конкуренции, соперничества, успеха, доминирования создают личностно-мотивационную основу склонности к различным формам саморазрушения в подростковом возрасте.

Работа по профилактике саморазрушающего поведения в подростковом возрасте предполагает комплексный и системный характер. Одним из целевых ориентиров мы рассматриваем создание условий для формирования у подрастающего поколения конструктивных способов реализации потребностей в новизне, глубоких переживаниях, в чувственном удовольствии. Значимую роль в становлении здоровой личности подростка играют такие просоциальные ценности, как универсализм, доброта и уважение традиций.

Литература

Змановская Е. В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2006.

Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.

Соколовская О. К. Просоциальные ценности как фактор психологической устойчивости подростков к негативному влиянию интернет-технологий // Психология человека в условиях здоровья и болезни / Отв. ред. М. Г. Рябова. Тамбов: ТРОО «Общество содействия образованию и просвещению «Бизнес–Наука–Общество», 2015. С. 283–288.

Фокина И. В. Специфика ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением // Вестник института. Научно-практический журнал ВИПЭ ФСИН России: Преступление. Наказание. Исправление. 2010. № 9. С. 61–63.

Особенности взаимосвязей родительских наставлений с аспектами отношений в паре

М. В. Соловьева, Е. А. Юмкина (*Санкт-Петербург*)

В настоящее время все большую актуальность представляют собой вопросы семейного воспитания и последующего его влияния на дальнейшую жизнь человека, поскольку растет осознание того, что именно семья закладывает фундаментальные и основополагающие жизненные принципы, а вместе с тем передает нравственные нормы, правила и традиции, ценности. Родительская семья, будучи прообразом семейных отношений для ребенка, влияет на создание его собственной семьи, выбор супруга и, как следствие, – на супружескую совместимость.

Целью настоящего исследования стало изучение связи между полученными в детстве наставлениями от родителей и психологической совместимостью с партнером в семейной жизни.

Выборку составили 20 пар, стаж совместной жизни которых от 1 года до 7 лет (средний возраст мужчин – 26,4 года, женщин – 25 лет).

В качестве *гипотез* выдвигались следующие предположения.

- Партнеры, получившие схожее количество смысловых единиц от родителей, имеют высокие показатели психологической совместимости.

- Смысловой аспект совместимости партнеров, представленный в родительских наставлениях, включает в себя: сходство в параметрах, направленных на объединение семьи, и различие в том, что связано с особенностями выполнения мужской и женской ролей в семье.

Исследование базируется на опросном методе, конкретизирующем изучаемые аспекты отношений в паре (совместимость в паре) и смысловые единицы (родительские наставления).

Под *родительскими наставлениями* подразумеваются смысловые единицы, полученные путем систематической, целенаправленной односторонней передачи нравственных норм поведения, принятых в семье.

Психологическая совместимость рассматривается как комплексное явление межличностного взаимодействия, основанное на ценностях и мировоззрении партнеров, ситуации взаимодействия в паре и раннего опыта детско-родительских отношений каждого из партнеров. Перечисленным уровням соответствовали диагностические методы.

Ценностно-мировоззренческие особенности каждого из партнеров:

1. Опрос на основе авторских анкет «Родительские наставления».
2. Методика изучения ценностей и ценностных ориентаций современной семьи «ЦО-36» В. Н. Куницыной (модификация методики С. Шварца).

Ситуационные особенности взаимодействия в паре:

3. Опросник ПЭА (понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность) А. Н. Волковой.
4. Опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3/Тест Олсона).

Особенности ситуации взаимодействия каждого из партнеров в родительской семье:

1. Опросник «Семейные отношения и дом» В. Н. Куницыной, Е. А. Юмкиной.

Использовались следующие методы статистической обработки данных (с помощью программы SPSS Statistics 22):

1. Корреляционный анализ (r Пирсона, ρ Спирмана).
2. Оценка значимости различий средних (критерий t Стьюдента для зависимых выборок).

Результаты исследования

Гипотеза № 1. Подтвердилась частично.

По данным корреляционного анализа сходство партнеров в полученных родительских наставлениях в большей степени взаимосвязано с ценностным уровнем (методика ЦО-36) и ранним опытом жизни в родительской семье (методика СОД), тогда как корреляции с ситуативным взаимодействием партнеров (ПЭА, FACES-3) единичны.

Во-первых, это свидетельствует о том, что родительские наставления – это глубинные смыслы, транслируемые детям регулярно и задающие основной вектор личностного развития. Впоследствии сформированная структура из усвоенных смыслов обусловливает состояние взаимоотношений с партнером.

Во-вторых, ситуативный уровень взаимодействия в паре включает в себя множество факторов, помимо транслируемого детского опыта. Поскольку данный уровень учитывает степень эмоциональной привлекательности партнеров друг для друга, уважения, понимания он в большей степени зависит от темпераментных, природных особенностей обоих партнеров.

Таким образом, данная гипотеза получает косвенное подтверждение ввиду единичности связей количественных показателей родительских наставлений с параметрами совместимости.

Гипотеза № 2. Подтвердилась полностью.

Совместимость пары, помимо самоочевидного сходства, включает в себя и статистически значимые различия между мужчинами и женщинами, связанными с исторически сложившимися представлениями об их семейных и, шире, социальных функциях (женщина проявляет гибкость в общении и сохраняет семейные границы; мужчина проявляет мотивацию достижений во внешний мир).

Наиболее интересными и в некотором роде неожиданными результатами оказались следующие взаимосвязи.

Положительная взаимосвязь индивидуальных наставлений и ценности доверия и понимания в семье ($r=0,49$, $p<0,05$). Подразумевается, что чем больше сходство партнеров в получаемых индивидуалистических наставлениях (ориентация на удовольствия, авторитет, достижение), тем более они схожи в оценке значимости доверительности отношений в семье. Одним из объяснений может быть предположение о действии компенсаторного механизма – желанием поступать от обратного, т. е., находясь в рамках индивидуалистического воспитания, человек начинает больше желать противоположного, а именно тесных, надежных отношений с домочадцами и реализации себя в семье.

Отрицательная корреляция ценностей индивидуалистического характера с семейными установками (*r=–0,52, p<0,01*). Чем больше партнеры различаются в полученных родительских наставлениях индивидуалистического характера, тем в большей степени они схожи в позициях относительно брака и семьи, воспитания детей, ведения совместного быта. Вероятно, это связано с тем, что в процессе совместной жизни партнеры, объединяя свой прошлый опыт, вырабатывают собственную единую систему установок, которая не содержит в себе противоречий. Это достигается благодаря более четкой дифференциации обязанностей между мужчиной и женщиной, взаимодополнением и взаимной компенсацией.

Отрицательная взаимосвязь индивидуалистических наставлений и нравственных качеств (r=–0,63, p<0,01). Чем больше партнеры различаются по полученным наставлениям индивидуалистического характера, тем в меньшей степени они различны по взглядам на нравственность, воспитание определенных личностных качеств. Этот эмпирический факт может указывать на то, что разным образом ориентированные люди могут сосуществовать вместе при условии, если их взгляды на фундаментальные принципы жизни семьи и общества, почерпнутые из наблюдений за собственными родителями, схожи. Напротив, два индивидуалистически ориентированных человека, вероятно, будут испытывать трудности в совместной жизни, если усвоенные ими непосредственно модели устройства семьи отличались. Они будут стремиться утверждать одни ценности, но принципиально различными способами, и каждому его способ будет казаться единственно верным. Здесь, на наш взгляд, кроется тот тонкий момент, в котором совместимость на ценностном уровне, относящаяся к глубинным пластам человеческих отношений, находит свое новое качество. Сходство ценностей супругов утверждается в психологии семейных отношений как аксиома, но, вероятно, в этом сходстве существуют свои уровни, в разной степени обуславливающие целостность семьи. Выявление таких уровней было бы интересной задачей для будущих исследований.

Компромиссы в области нравственных нормативов, вероятно, наиболее важны для гармонии и совместимости. Адекватная трансляция нравственных нормативов проявляется в воспитании стремления к достижениям и здоровой мотивации, не акцентируя внимание на возможность использования других людей и интриг в своих целях.

В результате проведенного теоретического и эмпирического исследования было выяснено, что сплоченность пары и гармонизация ее единства в фундаментальных вещах определяются: смыслом

жизни, материальным благосостоянием, здоровьем, пониманием и доверием в семье и др. Схожее их понимание и оценка значимости позволяют партнерам смотреть в одном направлении, иметь общие цели, планы и ценности. Различия же с точки зрения полоролевого функционирования семейной системы также обеспечивают совместимость в паре. Четкая дифференциация семейных ролей помогает партнерам находиться на своем месте – быть нужным, значимым, дополнять друг друга. И как следствие – конструктивно разрешать конфликты.

Литература

Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005.

Куницына В. Н., Васина Е. А., Казанцева Т. В., Кузнецова И. В. Трансляция ценностей в современной семье: концепция, методы исследования, некоторые результаты и перспективы изучения // Семья в современном мире / Сост. и науч. ред. В. Н. Куницына. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 7–16.

Куницына В. Н., Юмкина Е. А. Психологический статус понятия «Семейные наставления» // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А. В. Махнача, К. Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 368–375.

Взаимосвязь самостигматизации с уровнем самоотношения и убеждением о враждебности мира у людей, живущих с ВИЧ

А. П. Степанчук (*Санкт-Петербург*)

С первых вспышек заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), в 1980-х годах прошло уже более 30 лет. Если в то время данная болезнь считалась присущей лишь определенным слоям населения, так называемым группам риска, то в настоящее время, как отмечает А. В. Шаболтас, она превратилась в пандемию и является одной из наиболее серьезных проблем, угрожающих здоровью и социальному развитию человечества (Шаболтас, 2015).

Изначально ВИЧ считался болезнью определенных слоев населения. Когда инфекция стала распространяться за пределы этих «групп риска» стигма стала приписываться ВИЧ-положительным людям, которые могли к таким группам не относиться. Первые случаи заболевания были зарегистрированы среди гомосексуалов, затем

все большее распространение болезнь получала среди потребителей инъекционных наркотиков, использующих нестерильные инструменты. Таким образом, болезнь стала приписываться гомосексуалам, потребителям наркотиков, работникам секс-бизнеса, т. е. людям, уже стигматизированным по определенному признаку. Это привело к тому, что люди, живущие с ВИЧ, стигматизируются в настоящее время как из-за ВИЧ-положительного статуса, так и из-за предрассудков и стереотипов в отношении людей, впервые столкнувшихся с ней (Ware et al., 2006).

Внешняя стигма постепенно трансформировалась во внутреннюю. Самостигматизация и стигматизация ВИЧ-положительных людей со стороны окружающих становятся основой для различного рода дискриминации (Ware et al., 2006).

Современные исследования подтверждают, что явления самостигматизации являются актуальными и в настоящее время.

В связи с этим целью проведения исследования являлось выявление самостигматизации у людей, живущих с ВИЧ (ЛЖВ), наличия взаимосвязи самостигматизации с уровнем самоотношения и убеждением о враждебности мира у людей, живущих с ВИЧ.

Гипотеза исследования: предполагается наличие взаимосвязи самостигматизации с уровнем самоотношения и убеждением о враждебности мира у людей, живущих с ВИЧ.

В исследовании приняли участие 22 человека (20 женщин и 2 мужчин), все с положительным ВИЧ-статусом. В возрасте от 23 до 44 лет, средний возраст – 33,3 года. Средняя продолжительность заболевания – 6,5 лет. Среди участников исследования 11 человек не состоят в каких-либо организациях, деятельность которых связана с ВИЧ (помощь, информирование населения, тестирование и т. д.), остальные либо активные участники таких организаций, оказывающие помощь (6 человек), либо участники, получающие помощь (5 человек).

Методы: анкета социально-демографических и клинических данных, HIV-related stigma scale (Berger, Ferrans, Lashley, 2001), Методика исследования самоотношения Пантилеева–Столина (Пантилеев, 1993), Методика исследования базисных убеждений личности в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2008).

Математическими методами, применявшимися при анализе данных, выступили: описательная статистика, критерий проверки нормальности распределения Колмогорова–Смирнова, корреляционный анализ, однофакторный дисперсионный анализ, Н-критерий Краскела–Уоллиса.

В ходе проведения исследования были получены следующие результаты.

1. Выявлено наличие самостигматизации среди людей, живущих с ВИЧ, проявляющейся в оценках, находящихся в основном в диапазоне средних по методике значениях. У более половины респондентов обнаружены сожаления, связанные с раскрытием своего ВИЧ-статуса, присутствует обеспокоенность реакцией на заболевание со стороны окружающих.
2. Около половины участников показали наличие чувства вины и стыда (самообвинение), однако по остальным показателям самоотношения были получены в основном результаты в пределах «нормативных». Также около половины респондентов ощущают окружающую их реальность как враждебную.
3. Обнаружена отрицательная связь доверия к окружающему миру, ощущения его безопасности с уровнем самостигматизации ($r=-0,557$; $p=0,007$). Таким образом, чем выше уровень самостигматизации, тем меньше доверие к окружающему миру (он ощущается как враждебный).
4. Выявлена положительная связь самостигматизациис показателями самообвинения ($r=0,507$; $p=0,016$) и отрицательная связь самоотношения с уровнем самостигматизации в показателях самоуверенности ($r=-0,461$; $p=0,031$), ощущения собственной значимости ($r=-0,491$; $p=0,020$) и того, что собственная личность может вызывать симпатию у окружающих ($r=-0,431$; $p=0,045$). Можно сделать вывод, что чем выше уровень самостигматизации, тем меньше уверенность в себе, ощущение собственной ценности и значимости и выше уровень самообвинения у ЛЖВ.
5. Обнаружены статистически значимые различия в уровне убеждения о доброжелательности окружающего мира в зависимости от участия ЛЖВ в деятельности организаций, связанных с помощью ВИЧ-положительным людям. В сравнении с активными участниками (организаторы, равные консультанты и волонтеры) те из ЛЖВ, кто участником таких организаций не является, значительно чаще убеждены во враждебности и небезопасности мира.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы в России. В данном исследовании были описаны взаимосвязи самостигматизации с самоотношением и убеждением о враждебности мира. Проведенное исследование не исчерпывает вопрос о проблеме самостигматизации, уровня самоотношения

и убеждения о враждебности окружающего мира у людей, живущих с ВИЧ, в силу небольшого числа участников исследования. Полученные результаты могут стать основанием для дальнейшего изучения представленной проблематики.

Литература

Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.

Пантилеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993.

Шаболтас А. В. Психологические основы превенции ВИЧ-инфекции. СПб.: Скифия-Принт, 2015.

Berger B. E., Ferrans C. E., Lashley F. R. Measuring Stigmain People With HIV: Psychometric Assessment of the HIV Stigma Scale // Research in Nursing & Health. 2001. V. 24. № 6. P. 518–529.

Ware N. C., Wyatt M. A., Tugenberg T. Social relationships, stigma and adherence toantiretroviral therapy for HIV/AIDS // AIDS Care – Psychological and Socio-Medical Aspects of AIDS/HIV. 2006. V. 18. № 8. P. 904–910.

Влияние уровня самооценок внешнего облика и представлений о романтических отношениях на выбор стратегий поведения в близких отношениях у юношей и девушек*

К. Н. Стефурак (*Ростов-на-Дону*)

Изучение проблемы самооценки занимает центральное место в психологии самосознания личности. Л. В. Бороздина трактует самооценку как эмоционально-ценностную оценку субъектом себя по каким-либо характеристикам, свойствам или же оценку себя в целом. Самооценка, как автономный элемент, определяет принятие индивидом самого себя (Бороздина, 1992). Самооценка своих качеств, умений, навыков и возможностей не может быть полной без такого компонента, как самооценка внешности. Самооценка внешней аттрактивности является составной частью в общей структуре самооценки личности (Bale, 2010). Выступая разновидностью индивидуально-психологических факторов, оценка своей внешности

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260.

оказывает существенное влияние на выбор стратегий поведения в близких отношениях. Люди с более низкой самооценкой реагируют на неудачи негативнее других, являются более тревожными и предпочитают стратегию избегания (Зинько, 2006). Менее привлекательные юноши и девушки имеют тревожную стратегию поведения во взаимоотношениях со сверстниками (Blöte, Miers, Westenberg, 2015).

Еще одним важным социально-психологическим фактором, детерминирующим выбор стратегий, может выступать сформированное представление человека о любви и близких отношениях. В современной психологии существует утверждение, что чем реалистичнее характер любви у молодежи, тем стабильнее будет их союз и увереннее стратегии поведения в отношениях (Цветкова, Макарова, 2014).

Таким образом, учитывая выводы вышеперечисленных работ, мы считаем наше исследование актуальным.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы определить влияние уровня самооценок внешнего облика и представлений о реальных и идеальных романтических отношениях у юношей и девушек на выбор стратегий поведения в близких отношениях. Отталкиваясь от описанного выше, *можно предположить,* что уровень самооценок внешнего облика, а также степень позитивности представлений у юношей и девушек о реальных и идеальных романтических отношениях оказывают значимое влияние на выбор стратегий поведения в близких отношениях.

В качестве *методического инструментария* мы применили следующие методики: 1. «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам», созданная В. А. Лабунской; 2. «Семантический дифференциал», разработанный Н. С. Шиповой; 3. Опросник «Опыт близких отношений» («ECR-R») K. Brennan и R. K. Fraley в адаптации Т. В. Казанцевой, В. Н. Куниционой.

Объект исследования: 120 старшеклассников в возрасте от 15 до 18 лет, 66 девушек и 54 юноши. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью описательных статистик и дисперсионного анализ Фишера – ANOVA.

Основные результаты исследования

На первом этапе мы определяли уровень самооценок различных компонентов и характеристик внешнего облика у участников исследования. Опираясь на результаты описательной статистики, можно утверждать, что уровень интегральных самооценок внешности (лица, тела, оформления своего физического облика) в группе респон-

дентов выше среднего (6,694). Наиболее высоко участники оценивают компонент – оформление внешнего облика (7,177). Самооценка лица имеет самый низкий уровень (6,374). Среди характеристик внешности участники исследования наиболее высоко оценивают феминность–маскулинность своего внешнего облика (7,446). Наиболее низкую оценку в группе юношей и девушек имеет такая характеристика внешнего облика, как аттрактивность для противоположного пола (6,615).

На втором этапе мы, проверяя гипотезу, определяли интенсивность влияния уровня самооценок внешнего облика на выбор стратегий поведения в близких отношениях при помощи метода математической статистики – *дисперсионного анализа Фишера* (ANOVA). Полученные данные свидетельствуют, что уровень интегральной самооценки внешнего облика у старшеклассников оказывает значимое влияние на выбор тревожной стратегии поведения в близких отношениях с партнером (F=1,519), но не значимое на выбор стратегии избегания близости (F=0,824).

При этом уровень самооценок компонентов внешнего облика (лица, тела и его оформление) влияет с различной интенсивностью. Наиболее сильное, значимое влияние на выбор ненадежных стратегий поведения в близких отношениях оказывает уровень оценки компонента оформления своего внешнего облика (F=1,978; F =1,564), затем идут уровни самооценок лица и телосложения. Не значимо, но достаточно интенсивно уровень оценки лица оказывает влияние на выбор стратегии тревожного поведения в близких отношениях (F=1,282), а уровень самооценки телосложения оказывает влияние на выбор стратегии избегания близости (F=1,428).

Затем мы определяли влияние уровня самооценок различных характеристик своего внешнего облика на выбор стратегий поведения в близких отношениях. Среди выявленных нами характеристик значимое влияние на выбор стратегий поведения в отношениях оказывает только оценка аттрактивности своего внешнего облика для противоположного пола, на проявление тревожности и избегание близости в отношениях (F=1,793; F=1,573).

На третьем этапе мы определяли меру позитивности представлений у юношей и девушек о реальных и идеальных романтических отношениях. Используя методы описательной статистики, мы выявили, что участники исследования обладают высоко позитивными представлениями о реальных (6,082) и идеальных (6,755) романтических отношениях. При этом мера позитивности идеальных романтических отношений по группе абсолютно завышенная.

На следующем этапе проверки гипотезы, мы определили интенсивность влияния меры позитивности представлений о реальных и идеальных романтических отношениях у юношей и девушек на выбор ими стратегий поведения в близких отношениях. Наблюдается значимое интенсивное влияние меры позитивности реальных представлений респондентов на выбор тревожной стратегии поведения (F=4,094) и стратегию избегания (F=7,913) в близких отношениях.

Также наблюдается интенсивное и значимое влияние мерыпозитивности представлений об идеальных романтических отношениях на стратегию избегания в близких отношениях (F=2,034), при этом влияние на тревожную стратегию поведения близко к значимому (F=1,561).

Выводы

Подводя итоги нашему исследованию, мы можем утверждать, что юноши и девушки оценивают свой внешний облик высоко/выше среднего. Также уровень самооценок различных компонентов и характеристик внешнего облика у юношей и девушек оказывает влияние на выбор стратегий поведения в близких отношениях. При этом уровень интегральной самооценки компонентов внешности оказывает значимое влияние на выбор тревожной стратегии поведения в близких отношениях, а оценка компонента оформления своего внешнего облика оказывает значимое влияние на проявление обеих ненадежных стратегий. Обнаружено значимое влияние такой характеристики внешнего облика, как его привлекательность для противоположного пола на проявление тревожности в близких отношениях, также наблюдается близко к значимому влияние на стратегию избегания близости в отношениях.

Мера позитивности представлений у юношей и девушек достаточно высокая, при этом представления об идеальных отношениях абсолютно завышены. Степень позитивности представлений о реальных и идеальных романтических отношениях оказывает значимое влияние на выбор стратегии избегания близости в отношениях с партнером. На выбор стратегии тревожного поведения значимое влияние оказывают представления о реальных отношениях и близкое к значимому представления об идеальных.

Выдвинутая нами гипотеза доказана.

Литература

Бороздина Л. В. Что такое самооценка // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 99–101.

Зинько Е. В. Соотношение характеристик самооценки и уровня притязаний. Часть 1. Самооценка и ее параметры // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 3. С. 18–30.
Цветкова Н. А., Макарова Е. Ю. Гендерные особенности представлений о любви в юношеском возрасте // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 318–322.
Blöte A. W., Miers A. C., Westenberg P. M. The role of social performance and physical attractiveness in peer rejection of socially anxious adolescents // Journal of Research on Adolescence. 2015. V. 25 (1). P. 189–200.
Bale C. Attractiveness and self-esteem: A test of sociometer theory: Doctoral thesis. Lancashire: University of Central Lancashire, 2010.

Семейная идентичность подростков из семей различного типа

С. С. Строкова (*Москва*)

Исследование посвящено изучению особенностей семейной идентичности у подростков. *Семейная идентичность* – это переживание своей принадлежности к семейной группе, содержащее четыре компонента: когнитивный, эмоциональный, ценностный и поведенческий, и формирующееся в онтогенезе. Мы рассматривали основные факторы, которые могут быть связаны с формированием семейной идентичности у подростка: характеристики семьи и индивидные характеристики самого подростка (пол и возраст). В своем исследовании мы разводим социально-демографические характеристики и структурно-функциональные характеристики семьи, оценивая вклад каждого фактора в специфику семейной идентичности у подростка.

Целью исследования было изучение семейной идентичности подростков, воспитывающихся в семьях различных типов.

Гипотезы исследования

1. Семейная идентичность различается у подростков из семей с различными социально-демографическими характеристиками (ролевой состав): из полных, неполных, бинуклеарных и замещающих семей.
2. Оценка подростками структурно-функциональных характеристик семьи является определяющей показатели их семейной идентичности.

3. Семейная идентичность различается у старших и младших подростков, у мальчиков и девочек.

Характеристика выборки. В исследовании приняло участие 519 подростков, учащихся в МОУ Дергаевская СОШ № 23 Раменского района Московской области, в возрасте от 10 до 17 лет (ср. знач.=13,62 лет, ст. откл.=1,81), 52% девочек и 48% мальчиков.

Математические методы. Демографические и социально-психологические характеристики подростков и их семей были изучены с помощью анкетирования и интервью с классными руководителями подростков. Для исследования семейной идентичности применялись следующие методики: специально разработанный для целей исследования опросник семейной идентичности, ориентированный на подростков; тест «Анализ семейной адаптации и сплоченности FACES-III» в апробации Е. Н. Спиревой и А. Г. Лидерса, направленный на изучение оценки подростком сплоченности и гибкости как интегративных параметров семейной системы; проективные методики: модифицированный тест М. Куна «Моя семья – это...» для анализа таких параметров семейной идентичности, как эмоциональный, когнитивный, ценностный и поведенческий; тест «Семейная социограмма» Э. Г. Эйдемиллера, О. В. Черемисина направлен на исследование положения испытуемого в семейной системе, характера его коммуникаций с членами семьи: прямого или опосредованного; методика «Синквейн» А. М. Щербаковой, использовалась для исследования эмоционального компонента образа семьи.

Для исследования эмоционального и социально-психологического благополучия испытуемых использовались следующие методики: Гиссентский личностный опросник (Д. Бэкман, И. Брахлер, Г. И. Рихтер), адаптированный в России в Психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева А. А. Бодалевым и В. В. Столиным в 1987 г.; шкала социально психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда, адаптированная Т. В. Снегиревой для изучения особенностей социально-психологической адаптации и связанных с этим черт личности; шкала депрессии А. Т. Бека (Beck Depression Inventory), разработанная в 1961 г., использовалась для оценки эмоционального благополучия испытуемых.

Результаты

Значимые различия были выявлены между подростками из семей *с различным ролевым составом* (социально-демографические характеристики семьи) только в показателях образа семьи (когнитивный аспект семейной идентичности). Подростки *из полных семей* наибо-

лее позитивно оценивают свою семью, когнитивная составляющая образа семьи у них оказывается более дифференцированной, они чаще считают свою семью более сплоченной, чаще могут говорить о неудовлетворенности семьей. Подростки *из неполных семей,* по сравнению с подростками из полных семей, реже дают позитивные и чаще негативные и нейтральные характеристики своей семье, считают свою семью менее сплоченной. По сравнению со своими сверстниками, наиболее негативно свою семью оценивают подростки *из бинуклераных семей,* считая ее зачастую менее сплоченной, чем другие испытуемые. У подростков, воспитывающихся *в замещающих семьях,* образ семьи наименее дифференцирован, по сравнению с их сверстниками, особенно это касается когнитивной составляющей образа. Однако, в целом, подростки склонны оценивать свою семью скорее позитивно, чем негативно, вне зависимости от ролевого состава их семьи. Данные анализировались с помощью U-критерия Манна–Уитни, метода «растущих деревьев», «нейронных сетей», критерия НЗР, дисперсионного однофакторного анализа, коэффициентов Пирсона и Чупрова, метода кросстабуляции, $p<0,05$.

Группы подростков *с различными оценками структурно-функциональных характеристик семьи* (сплоченности, гибкости семьи, удовлетворенности ею) имеют множество значимых различий между собой по всем изучавшимся параметрам семейной идентичности. Чем ниже оценивают подростки *сплоченность* и *гибкость* своей семьи, чем менее они *ими удовлетворены,* тем реже они переживают ценность семьи и ее принятие, реже готовы активно участвовать в ее жизни. Образ семьи у них менее дифференцирован и чаще негативно эмоционально окрашен, при описании семьи реже встречаются эмоциональные и ценностные характеристики. Наиболее значимые и многочисленные различия образа семьи и семейной идентичности были обнаружены у подростков с различными оценками сплоченности своей семьи. Данные анализировались с помощью корреляционного анализа Спирмена, U-критерия Манна–Уитни, дискриминантного анализа, коэффициентов Пирсона и Чупрова, $p<0,05$.

Значимых различий между показателями семейной идентичности между группами *мальчиков и девочек* было обнаружено мало. Девочки демонстрируют более сформированный образ семьи за счет большего количества эмоционально-оценочных характеристик, которые они дают своей семье. Они чаще оценивают свою семью как более сплоченную и адаптивную, при этом они чаще выражают свою неудовлетворенность степенью сплоченности и гибкости семьи, что может быть связано с тем, что девочки больше могут размыш-

лять о своем отношении к семье. Данные анализировались спомощью U-критерия Манна–Уитни, метода логистической регрессии, коэффициентов Пирсона и Чупрова, $p<0,05$.

При анализе семейной идентичности *у старших и младших подростков* было выявлено достаточно много значимых различий. Младшие подростки переживают больше принятия со стороны семьи, высоко позиционируют субъективную ценность семьи, с большей готовностью, чем старшие подростки, участвуют в делах семьи, выше оценивают ее сплоченность. Младшие подростки дают больше характеристик при описании своей семьи, прежде всего, позитивных или нейтральных. Эти характеристики, в основном, содержат в себе эмоционально-оценочный и поведенческий аспекты образа семьи. У старших подростков когнитивный аспект образа семьи является более дифференцированным. Эмоциональная оценка образа семьи у подростков старшего и младшего возраста не отличается: нельзя сказать, что у старших подростков появляется негативная оценка семьи с возрастом. Скорее, можно предположить, что они начинают воспринимать семью более умозрительно, выделяя себя из семьи, несколько дистанцируясь от нее. У них появляется рассудительность в оценке семьи, элемент критичности, поэтому чаще могут встречаться негативные характеристики при описании семьи. Данные анализировались с помощью корреляционного анализа Спирмена, U-критерия Манна–Уитни, метода множественной регрессии, коэффициентов Пирсона и Чупрова, $p<0,05$.

Выводы

1. Семейная идентичность подростков связана с тремя группами факторов: социально-демографическими характеристиками семьи (ролевой состав), ее структурно-функциональными характеристиками (оценка сплоченности, гибкости, уровень неудовлетворенности семьей), а также индивидными характеристиками самого подростка и показателями его эмоционального и социально-психологического благополучия. Эти факторы вносят различный вклад в показатели семейной идентичности подростков.
2. *Социально-демографические характеристики* семьи (ее ролевой состав) в наибольшей степени связаны с показателями образа семьи у подростков как когнитивной составляющей семейной идентичности, являющейся более динамичной и подверженной изменениям в зависимости от внешних условий, чем с семейной идентичностью в целом.

3. Семейная идентичность имеет множество достоверных связей со *структурно-функциональными характеристиками* семьи у подростков (их оценками сплоченности, гибкости и неудовлетворенности семьей).
4. У подростков с различными *индивидными характеристиками* несколько различаются показатели семейной идентичности.

Литература

Строкова С. С. Семейная идентичность подростков из семей различного типа // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 34–52.

Строкова С. С. Связь образа семьи и семейной идентичности с эмоциональным благополучием подростков // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 1 (21). С. 119–137.

Психолого-педагогическая коррекция образной памяти

А. А. Сугутина (*Челябинск*)

Среди основных долговременных вызовов, отражающих как общемировые тенденции, так и внутренние барьеры развития России, ключевое значение имеет ускоряющееся возрастание роли интеллектуального капитала, становящегося важнейшим фактором общественного прогресса (Дмитриева, Демцура, 2017). На сегодняшний день интеллектуальное развитие граждан определяется в качестве национального приоритета и признается важнейшим фактором социально-экономического развития общества и государства (Загребин, 2015). В связи с этим актуальность приобретают психолого-педагогические проблемы развития и коррекции памяти.

Обратимся к психолого-педагогическим проблемам, которые связаны с обучением младших школьников с задержкой психического развития (ЗПР). Отметим, что основной причиной трудностей, которые возникают у младших школьников с ЗПР при обучении, является недостаточная сформированность познавательных процессов. Опираясь на клинические и психолого-педагогические исследования, можно утверждать, что данные трудности также тесно связаны с нарушениями памяти (Косенко, 2006). Проанализировав литературу, мы определили, что на протяжении многих лет идет поиск разнообразного содержания, форм и методов коррекции памяти (Саламатов, Косенко, 2006). Актуальность выявленной проблемы, ее социальная значимость обусловили цель исследования: теорети-

ческое обоснование и экспериментальная проверка возможности психолого-педагогической коррекции образной памяти у младших школьников с ЗПР. Объектом исследования выступает образная память младших школьников с ЗПР.

Гипотеза исследования: психолого-педагогическая коррекция образной памяти у младших школьников с ЗПР возможна при разработке и реализации модели психолого-педагогической коррекции образной памяти у младших школьников с ЗПР. В качестве базы исследования нами было выбрано Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат для обучающихся и воспитанников с ограниченными возможностями здоровья (нарушение опорно-двигательного аппарата) № 4 г. Челябинска» (МБОУ Школа-интернат № 4 г. Челябинска). В учреждении существуют следующие уровни образования: начальное общее образование (1–4 классы); основное общее образование (5–10 классы); среднее общее образование (11–12 классы). При этом *дифференцированная система обучения предполагает:* классы для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата; классы для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и задержку психического развития; классы для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и умственную отсталость; классы для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и умеренную умственную отсталость. В контексте нашего исследования нас интересуют младшие школьники с ЗПР, т. е. начальное общее образование (2 классы), II вариант обучения (для детей с НОДА и задержкой психического развития), на котором реализуется адаптированная общеобразовательная программа учреждения VII вида. Концепция основной деятельности учреждения заключается в создании адаптивной образовательной среды с представленным комплексом психолого-педагогических и медико-социальных услуг, в целях дальнейшей социализации, либо социально-средовой адаптации учащихся и воспитанников МБОУ.

Согласно анализу контингента обучающихся в 2016–2017 учебном году, в учреждении обучаются 402 учащихся. 332 обучающихся (83%) имеют сложный сочетанный дефект, из них 198 (60%) с задержкой психического развития, у 134 (40%) детей наблюдается нарушение интеллектуальной деятельности. У 25 обучающихся диагностировано РАС. Из общего количества обучающихся у 241 учащихся (60%) диагностировано нарушение речи, 77% обучающихся испытывают психологические проблемы: коммуникативные, эмоционально-волевые нарушения, девиантное поведение, сниженная учебная мо-

тивация. Из 402 обучающихся начальное общее образование (1–4 классы) получают 198 человек. Из них 41 человек обучаются по I варианту, 90 – по II варианту, 46 – по III варианту, 21 – по IV варианту. Что же касается коррекционно-развивающих занятий (в том числе по коррекции образной памяти у младших школьников с ЗПР), то они проводятся с обучающимися по мере выявления педагогом, психологом, дефектологом индивидуальных пробелов в их развитии и обучении. При изучении индивидуальных особенностей младшего школьника с ЗПР принимаются во внимание следующие показатели: психофизическое состояние и развитие ребенка, особенности и уровень развития познавательной сферы, особенности усвоения знаний, умений, навыков. При подготовке и проведении коррекционно-развивающих занятий учитываются индивидуальные особенности каждого учащегося.

В экспериментальной работе приняли участие 2 педагога, 1 психолог, 12 младших школьников с ЗПР, а также 12 родителей (законных представителей). При этом 6 младших школьников с ЗПР, обучающихся во 2 «В» классе, сформировали экспериментальную группу настоящего исследования, а 6 младших школьников с ЗПР из 2 «Г» класса – контрольную группу. В экспериментальной группе нами реализовывалась разработанная модель психолого-педагогической коррекции образной памяти у младших школьников с ЗПР. В качестве основных уровней сформированности образной памяти у младших школьников с ЗПР нами были приняты следующие: низкий, средний, высокий.

Среди методов, применяемых нами в исследовании, можно выделить следующие: наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, анализ. Помимо перечисленных методов мы также применяли опрос, собеседование, тесты и т.д. Исследование образной памяти у младших школьников с ЗПР проходило на основе методик «Изучение типа памяти» О. Н. Истратовой, «Запомни образы» (из сборника «Психологические тесты» под ред. А. А. Карелина), «Запомни рисунки» (Р. С. Немов). Констатирующий этап подтвердил, что для сформированности образной памяти у младших школьников с ЗПР требуются специальные действия по ее коррекции.

Программа психолого-педагогической коррекции включает в себя индивидуальную и групповую работу педагогов и психолога с младшими школьниками с ЗПР, с использованием следующих занятий, игр и упражнений на развитие образной памяти: занятия психолога на темы: «Что такое память?», «Виды памяти», «Какая у меня память?», «Эмоциональная память», «Как лучше запомнить?»,

«Я умею запоминать!», «Что я знаю о памяти?» и др.; упражнения «оживление» буквы, цифры, «оживление» слова, «оживление» предложения, «найди слово в слове»; упражнение «Зоопарк»; *упражнения: «Прозвище»*, *«Цепь образов»*, *«Придуманная история»; игру «Детектив»;* flash-игры «Следуй за музыкальной черепахой», «Развиваем память с животными» и др.

Результаты формирующего эксперимента оказались следующими. В контрольной группе число человек с высоким уровнем сформированности образной памяти не изменилось. В экспериментальной группе число младших школьников с ЗПР, которые находятся на высоком уровне сформированности образной памяти, увеличилось до 17%. С целью оценивания сформулированной гипотезы нами был выбран U-критерий Манна–Уитни. В результате расчетов получилось значение $U_{Эмп}$=3, которое находится в зоне значимости, т.е. мы можем констатировать тот факт, что гипотеза является достоверной. Уровень сформированности образной памяти у младших школьников с ЗПР значительно повышается, если реализована модель психолого-педагогической коррекции образной памяти у младших школьников с ЗПР.

Мы разработали рекомендации воспитателям и родителям по коррекции образной памяти у младших школьников с ЗПР. Рекомендуем использовать специальные приемы, которые облегчают процесс запоминания, укрепляют память. Рекомендуем для психолого-педагогической коррекции образной памяти на занятиях выполнять упражнения: «Прозвище», «Цепь образов», «Придуманная история» (Косенко, 2006). Эта деятельность очень нравится младшим школьникам с ЗПР, так как является эмоциональной и способствует развитию творчества и воображения. Мы рекомендуем в образовательный процесс включать игры «Следуй за музыкальной черепахой» и «Развиваем память с животными», которые способствуют коррекции и развитию образной памяти.

На основе проведенного эксперимента мы разработали технологическую карту, которая включила в себя семь этапов с подробным указанием целей, методов, форм, содержания мероприятий и т.д. Данная технологическая карта содержит поэтапное описание внедрения результатов исследования в практику.

Литература

Дмитриева Е. Ю., Демцура С. С. Сущность и роль человеческого капитала в экономике знаний // Генезис, формирование, развитие и прогнозирование экономических систем в России и за рубежом: сборник

научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции / Под ред. Н. А. Красновой. Екатеринбург: НОО «Профессиональная наука», 2017. С. 135–152.

Загребин С. С. Культурная политика как индикатор поиска стратегии общественного развития в современной России // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 126–131.

Косенко С. С. Современное экономическое образование школьников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 31–40.

Косенко С. С. Формирование нравственно-экономической ответственности старшеклассников: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2006.

Саламатов А. А., Косенко С. С. К проблеме содержания школьного экономического образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 195–200.

Жизненные ценности студентов разной культурной принадлежности

А. В. Сысоева (*Могилев*)

В современных условиях интенсификации межкультурных контактов, в том числе студенческих обменов, возникает необходимость изучения факторов, определяющих как благополучие межличностного взаимодействия представителей различных культур, так и успешность организации образовательного процесса в вузе. Одним из факторов, определяющих успешность контактов представителей разных культур, являются их жизненные ценности, которые формируются внутри культуры. Под жизненными ценностями мы понимаем «совокупность социальных установок человека относительно наиболее важных, значимых для него предметов и явлений действительности, образующих смысл жизни» (Черкасова, 2011, с. 3).

С целью выявления особенностей структуры жизненных ценностей студентов разной культурной принадлежности, нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 151 испытуемый, в том числе 53 студента из Беларуси, 53 туркменских студента и 45 студентов из России. Гипотезой исследования послужило предположение о том, что фактор культурной принадлежности, наряду с факторами пола и состава семьи студентов (нуклеарная,

пополненная, смешанная, родителя-одиночки), определяет различия в структуре их жизненных ценностей.

В качестве одной из диагностических методик нами был использован тест «Ранжирование системы ценностей», разработанный С. Шварцем и У. Билски (Почебут, 2012). Методика содержит 57 утверждений, распределенных по 13 шкалам (конформизм, традиционализм, аскетизм, власть, самостоятельность, альтруизм, самодостаточность, гедонизм, радикализм, духовная гармония, природная гармония, мастерство, достижения) и позволяет определить структуру ценностей индивидов, значимые и отвергаемые группы их жизненных ценностей.

Статистический анализ результатов исследования, проведенный с помощью двухфакторного дисперсионного анализа и апостериорного критерия Тьюки, позволил установить особенности жизненных ценностей студентов, принадлежащих к различным культурам, с учетом их полаи характеристик семьи, выходцами из которой они являются (город, поселок городского типа, село). В результате анализа были выявлены следующие различия по ряду шкал жизненных ценностей студентов и фактору «культурная принадлежность»:

1) туркменские студенты, независимо от пола, имеют достоверно более высокие показатели по шкале «традиционализм», чем российские и белорусские студенты ($F(2,145)=16,938$, $p=0,00000$). Мы полагаем, что туркменская культура является более традиционной, и поэтому у молодых людей формируется уважительное отношение к обычаям и идеям своей культуры и религии, смиренное отношение к собственной жизни;
2) девушки из Туркменистана имеют достоверно более высокие показатели по шкале «власть», чем студенты из Белоруссии и России, независимо от их пола ($F(2,145) =9,0840$, $p=0,00019$). Можно предположить, что туркменская культура относится к традиционному обществу консервативного типа с фиксированными гендерными ролями, и поэтому для туркменских девушек характерно более уважительное отношение к власти и соблюдение иерархических отношений в обществе, чем для белорусских и российских юношей и девушек. В связи с этим для них значимым является получение определенного социального статуса, который позволит осуществлять контроль и доминировать над людьми и ресурсами;
3) белорусские и российские студенты, независимо от их пола, имеют достоверно более низкие показатели по шкале «гедо-

низм», чем туркменские студенты (F(2,145)=10,346, p=0,00006). Мы полагаем, что для туркменской культуры более значимым является превознесение себя и все то, что облегчает и эстетизирует их жизнь на земле, устремление к максимальному комфорту, возвеличение людей, достигших успехов, поэтому молодые люди стремятся к получению удовольствий от жизни в целом, в том числе и от хорошо выполненной работы;

4) российские студенты имеют достоверно более низкие показатели по шкале «достижения», чем студенты из Туркменистана и Белоруссии, независимо от их пола (F(2,145)=23,105, p=0,00000). Можно предположить, что белорусам и туркменам традиционно присущи такие черты характера как дисциплинированность, трудолюбие, честность. Благодаря этому у молодых людей формируется стремление к личному успеху посредством демонстрации компетентности в соответствии с социальными стандартами, успешностью, способностью, честолюбием;

5) туркменские студенты, независимо от их пола, имеют достоверно более высокие показатели по шкале «природная гармония», чем белорусские и российские студенты (F(2,145)=10,652, p=0,00005). Мы полагаем, что восточная культура в своих отношениях с природной средой создала представление о нерушимости гомеостаза Вселенной. В результате у представителей этой культуры формируется мировоззрение, позволяющее, не вмешиваясь активно в природную среду, наслаждаться жизнью, стремиться к созиданию и чистоте;

6) студенты из Туркменистана, независимо от их пола, имеют достоверно более высокие показатели по шкале «мастерство», чем белорусские и российские студенты (F(2,145)=6,7984, p=0,00151). В туркменской культуре исторически сложилась иерархичность в обществе, как по возрасту, так и по социальному статусу. Это понуждает представителей данной культуры хорошо знать свое место в системе общественных отношений, формирует у них стремление к признанию, добросовестное отношение к своим профессиональным обязанностям и склонность добиваться особого к себе отношения со стороны руководителей;

7) студенты из Белоруссии и студенты из России, независимо от их пола, имеют достоверно более высокие показатели по шкале «самостоятельность», чем туркменские студенты (F(2,145)=6,4981, p=0,00198). Мы полагаем, что для белорусской и российской культуры в большей мере характерно преобладание самостоятельности в различных сферах жизни, так как в процессе исто-

рических преобразований уклада жизни людей и нарастания процессов урбанизации белорусского и российского общества возрос удельный вес индивидуалистического начала. Поэтому выходцы из этих культур стремятся к достижению поставленных целей без посторонней помощи.

Методом двухфакторного дисперсионного анализа были выявлены различия по взаимодействию факторов «культурная принадлежность» и «пол», «культурная принадлежность» и «состав семьи» и ряду шкал жизненных ценностей студентов:

а) установлены достоверные различия по взаимодействию факторов «культурная принадлежность» и «пол» по шкале жизненных ценностей «достижения». Российские студенты имеют достоверно более низкие показатели по данной шкале, чем студенты из Белоруссии и Туркменистана, независимо от их пола ($F(2,145)=3,4912$, $p=0,03305$): студенты-россияне в меньшей степени стремятся к достижению глобальных и объемных целей, у них менее выражено стремление к дисциплинированности, трудолюбию, получению новых знаний, так как для них актуальнее другие сферы жизни, они существуют «здесь и сейчас». Это может быть обусловлено как территориальным положением страны, так и большой численностью населения;

б) установлены достоверные различия по взаимодействию факторов «культурная принадлежность» и «состав семьи» по шкале жизненных ценностей «самодостаточность». Белорусские студенты из пополненных семей имеют достоверно более низкие показатели по шкале «самодостаточность», в отличие от других групп испытуемых ($F(6,139)=2,3366$, $p=0,03514$). Это может быть обусловлено тем, что в белорусской семье традиционно в воспитании детей участвуют представители нескольких поколений с разными взглядами и жизненными позициями, что способствует формированию у ребенка чувства уверенности в защищенности и целостности семьи. Тем самым обеспечивает незначительное наличие внутренних ресурсов индивида, которые бы позволили ему развиваться независимо от внешних факторов, полагаться на собственные силы и возможности.

Таким образом, культурная принадлежность студентов является важнейшим фактором, определяющим их жизненные ценности. Эффективная организация учебно-воспитательного процесса в вузе в условиях экспорта образовательных услуг невозможна без учета особенностей культуры, выходцами из которой являются обучающиеся.

Литература

Почебут Л. Г. Методика ранжирования системы ценностей // Кросскультурная и этническая психология: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2012. Модуль 6. Подраздел 6.7.

Черкасова А. А. Жизненные ценности в представлениях студенческой молодежи России и США: социологический анализ // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Т. 1. № 1. С. 3.

Исследование проблемы и факторов, детерминирующих саморазрушающее поведение человека

Н. Б. Сычева (*Екатеринбург*)

Вопросы, связанные с различными формами отклоняющегося поведения, стоят в психологической науке больше столетия. Данную проблему изучали выдающиеся деятели как отечественной, так и зарубежной психологии. Среди современных ученых, исследующих различные формы отклонений в поведении, а также факторы, способствующие его формированию, можно выделить ряд известных исследователей. Это – А. Г. Амбрумова, О. О. Андронникова, В. С. Афанасьев, Я. И. Гилинский, Т. А. Донских, Е. А. Змановская, А. В. Ипатов, Ю. А. Клейберг, Ц. П. Короленко, А. А. Крылов, А. Е. Личко, В. Д. Менделевич, Р. О'Коннор, Ю. В. Попов, Г. В. Старшенбаум, Л. Б. Шнейдер, В. М. Ялтонский и др.

В результате изучения данной проблемы были выделены и частично описаны различные формы поведенческих отклонений. На данный момент в литературе встречаются следующие понятия, характеризующие поведенческие отклонения: девиантное, отклоняющееся, делинквентное, аутодеструктивное, аддиктивное, аутоагрессивное, саморазрушающее (Змановская, 2003, с. 54) Данные понятия могут выступать как синонимы, подменять друг друга, а под саморазрушающим поведением большинство авторов понимают суицидальное, самоповреждающее поведение. Вопрос о том, что саморазрушающее поведение – это не только нанесение физического ущерба организму, а в большей степени нарушение развития личности, приводящее, в конечном счете, к ее дисфункции и социальной дезадаптации различной степени, поднимает отечественный ученый Ю. В. Попов (Попов, 1991). В данном аспекте проблема саморазрушающего поведения изучена недостаточно, не существует четкого определения данного понятия, не сформулированы ме-

ханизмы его возникновения и развития, не выяснены факторы его детерминирующие. Остается непонятным, как возникают такие формы поведения, как интернет-зависимость, социальная изоляция, патологическая ложь, малоподвижность и халатное отношение к собственному здоровью, неспособность расставлять приоритеты, прокарстинация (постоянное откладывание дел на потом) и многие другие, которые невозможно отнести к защитным и созидательным формам активности. Причислить их к известным формам отклоняющего поведения также нельзя. По нашему мнению, данная проблема в современном обществе стоит очень остро, так как таким образом огромное количество людей направляют свою жизнь по неблагоприятному для них пути, разрушают свое психическое и физическое здоровье (О'Коннор, 2015).

Опираясь на труды А. А. Крылова, Г. В. Старшенбаума, Ю. В. Попова, мы определили суть феномена саморазрушающего поведения (СРП) и выражаем ее в следующем определении (Крылов, 2005; Стершенбаум, 2006). СРП – деструктивные привычки, действия и состояния человека, возникающие как ответ на воздействия физической и социальной среды, сопровождающиеся негативными эмоциональными реакциями: тревоги, агрессии (направленной вовне или аутоагрессии), вины, страха, стыда, чувством неполноценности, приводящие к разрушению собственной личностной структуры, обесцениванию собственной личности, деформации ключевых компонентов личности, таких как самоуважение, самопонимание, самоинтерес, деградации личности, деформации сформировавшихся в онтогенезе психических образов, искажению реальности, а также разрушению психического и физического здоровья, продвижению человека к более ранней физической смерти в сравнении с заданным генетически сроком. Суицид является крайней формой СРП.

Изучая работы Е. В. Змановской, В. Д. Менделевич, И. А. Баевой, мы также пришли к пониманию, что саморазрушающее поведение – сложное интегрированное образование, которое обуславливается двоякой дететерминацией: личностными характеристиками и особенностями социальной и физической среды, в которой находится человек.

Особенностью СРП является то, что оно может быть представлено внутренними формами, такими как негативные мысли, представления и переживания о себе и окружающем мире, и внешне может быть незаметно другим людям.

Поэтому раннее исследование, диагностика, профилактика и коррекция саморазрушающих форм поведения, особенно, в под-

ростковом возрасте являются на наш взгляд очень актуальными, так как могут позволить личности избежать неблагоприятного развития.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что СРП определяется двоякой детрминацией: личностными особенностями индивида, а также той социальной средой, в которой он находится.

Целью нашей работы было исследование обеих групп факторов, вызывающих СРП.

Констатирующий эксперимент состоял из двух этапов.

На первом этапе нами диагностировались социальные предпосылки, вызывающие СРП. Исследование научных трудов показало, что к основным социальным факторам, детерминирующим СРП школьника, относятся: 1) образовательная среда, в которой подросток проводит более 60% своего времени, 2) семья подростка, которая формирует установки и закладывает определенные модели поведения.

На данном этапе нами были исследованы и проанализированы психологические характеристики параметров образовательной среды и диагностированы осведомленность педагогов и родителей о СРП и направлениях его профилактики.

Итогом данного этапа стало выявление типа образовательной среды, в которой находится подросток, осведомленность окружающих его взрослых (педагогов, родителей) о проблемах СРП и методах его профилактики.

На втором этапе нами были продиагностированы личностные детерминанты СРП. Анализ литературы показал, что основными личностными факторами, вызывающими СРП являются: повышенная тревожность, повышенная агрессия, склонность к аддикциям, низкая жизнестойкость, акцентуации характера, непродуктивные копинг-стратегии, неадаптивные мыслительные схемы, запускающие неадекватные чувства и действия, основанные на представлениях человека о самом себе.

Исследование проводилось на базе МАОУ «СОШ № 113», МАОУ «СОШ № 32» Медицинский колледж УрГУПС, г. Екатеринбурга, МБОУ «СОШ № 3», г. Артемовский. В исследовании приняли участие 312 человек, из них 192 человека – учащиеся в возрасте от 13 до 17 лет, 81 человек – родители учащихся в возрасте от 40 до 56 лет, 39 человек – педагоги в возрасте от 40 до 55 лет.

В данной статье мы хотим представить некоторые результаты исследования личностных факторов, детерминирующих СРП. В качестве математических методов на данном этапе нами применялись: количественная шкала, позволяющая измерить степень выражен-

ности изучаемых свойств у испытуемых, а также метод ранжирования данных, позволяющий распределить полученные данные в порядке убывания или возрастания изучаемого свойства.

В качестве методов диагностики личностных предикторов СРП нами были использованы: тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой), определение акцентуаций характера по методике Леонгарда–Шмишека, методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению А. Н. Орел, методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма, методика «Q-сортировка» В. Стефансона, или ваше мнение о себе самом, интегрированный тест на выявление приверженности аддикции и аддиктивному поведению (М. Н. Телепов, Н. Н. Телепова), методика диагностики показателей и форм агрессии Басса–Дарки (адаптация А. К. Осницкого), шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор (адаптирована В. Г. Норакидзе).

В результате исследования были получены следующие данные.

1. Высокий уровень жизнестойкости преобладал у 16,003% испытуемых, средний – у 62,31%, низкий – у 21,68%.
2. Среди выборки акцентуации в тех или иных сочетаниях преобладают у 72,91% испытуемых, отсутствуют – у 27,09%
3. Продуктивные когнитивные копинг-стратегии используют только 19,14%, эмоциональные – 55,77%, поведенческие – 2,51%. Относительно продуктивные когнитивные копинг-стратегии преобладают у 64,58% испытуемых, эмоциональные – у 12,83%, поведенческие – у 67,57%. Непродуктивные когнитивные копинг-стратегии выявились у 16,27% учащихся, эмоциональные – у 31,98%, поведенческие – у 29,93%.
4. Низкий уровень агрессии выявился у 30,16%, средняя норма преобладает у 38,77%, высокий уровень – у 31,09%. Низкий уровень враждебности присутствует у 19,72%, средняя норма – у 44,56%, высокий уровень – у 34,38%.
5. Очень высокий уровень тревоги определяется у 1,23%, высокий уровень – у 32,47%, средний уровень с тенденцией к высокому – у 50,33%, средний уровень с тенденцией к низкому – у 13,93%, низкий уровень – у 2,57%.
6. Количественный анализ данных показал, что аддиктивное поведение не прослеживается у 33,32% испытуемых, начальная стадия аддиктивного поведения присутствует у 42,24%, стадия развития аддиктивного поведения преобладает у 23,87%, стадия интенсивного развития и деградации личности – у 1,22%.

Данные результаты подтверждают наше предположение о том, что факторы, детерминирующие СРП, выражены в значительной степени у более чем половины испытуемых и требуют дальнейшего исследования и изучения.

Литература

Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ИЦ «Академия», 2003.

Крылов А. А. Психология. М.: Проспект, 2005.

О'Коннор Р. Психология вредных привычек. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.

Попов Ю. В. Границы и типы саморазрушающего поведения у детей и подростков // Саморазрушающее поведение у подростков / Под ред. М. М. Кабанова. Л.: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 1991. С. 5–9.

Старшенбаум Г. В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: Когито-Центр, 2006.

Информационная и энергетическая основа задатков когнитивных способностей как концепта когнитивных способностей

Д. А. Талантов (*Москва*)

Задатки когнитивных способностей являются природными, генетически детерминированными факторами, на основе которых в процессе обучения и воспитания формируются интеллектуальные способности. С точки зрения структурно-интегративной методологии (Холодная, 2010), задатки имеют специфические структурные основания и закономерности своего функционирования, по характеристикам которых их можно отнести к концепту способностей. Эти структурные основания и закономерности функционирования следующие.

1. *Задатки когнитивных способностей являются обобщением, которое включает в себя множество составляющих, находящихся в определенных отношениях между собой.* В качестве структурных частей (элементов) задатков можно назвать свойства нервной системы, уровень активации мозга, экспрессию генов развития, активность

системы эндогенного поощрения (награды), скорость обработки информации, эффективность дифференцировки сигналов и др.

2. *Задатки являются «накопленной» (интегрированной) формой психической организации.* В этом аспекте можно отметить, что множество вышеперечисленных элементов задатков являются задатками второго порядка.
3. *Особенности пространственной организации задатков как психической структуры связаны с ее динамической (временной) разверткой и ее энергетическим ресурсом.* Многочисленные данные показывают, что психические функции и их нарушения связаны с амплитудно-временными характеристиками импульсной активности и зонами коры головного мозга, в которых она зарегистрирована.

Рассмотрение информационных и энергетических процессов задатков способностей является целью данного сообщения.

Уровень активации мозга определяется системами неспецифической и специфической активации мозга.

Системой неспецифической активации мозга является ретикулярная формация (РФ) ствола мозга, которая возбуждается от сенсорных систем. Кроме того, в ней имеется механизм авторитмической активности – пейсмекерные нейроны, обладающие спонтанной импульсной активностью. Нейроны РФ имеют выходы на кору больших полушарий через неспецифические ядра таламуса и оказывает неспецифическое активирующее воздействие на все зоны коры.

Система специфической активации мозга представлена стволово-таламо-кортикальной, базальной холинергической и стриопаллидарной активирующими субсистемами. Эти субсистемы обеспечивают специфическую активацию коры в условиях целесообразной деятельности.

Наряду с нейронными активирующими субсистемами в мозге функционирует система активации иного рода – система кровообращения. Доставляя питательные вещества и кислород, система кровообращения создает условия для соответствующего уровня метаболизма в нейронах, ведущих активную обработку информации. Только при высоком уровне обменных и энергетических процессов возможна высокая активность нейронов, участвующих в информационных процессах.

Уровень активации мозга является базисным механизмом, который во многом определяет систему внимания, подвижность нервных процессов, динамику мышления, формирование и извлечение памяти, эмоциональность, в целом общую активность и функцио-

нальное состояние человека. Так, еще в 1976 году Одёрышевым было установлено, что показатели активированности центральной нервной системы положительно коррелируют с показателями интеллектуальной продуктивности по методике Д. Векслера: чем выше активированность, тем выше интеллект. Вместе с тем, наряду с приведенными линейно-положительными и линейно-отрицательными отношениями между продуктивностью познавательной деятельности и уровнем активации, существует инвертированная *U*-образная зависимость. Согласно этой зависимости, высокая продуктивность познавательных функций наблюдается при средних уровнях активации, тогда как крайне низкие и крайне высокие уровни активации соотносятся с низкой продуктивностью когнитивных функций. Возможным является и обратное соотношение, когда минимальным и максимальным показателям интеллектуальной продуктивности соответствуют в равной мере низкие уровни активации.

Свойства нервной системы (сила, подвижность и уравновешенность нервных процессов) также являются генетически детерминированными факторами задатков. Из всех трех составляющих элементов свойств нервной системы рассмотрим подвижность нервных процессов (ПНП). Подвижность нервных процессов связана с уровнем интеллекта. В экспериментах по изучению дискриминативной способности мозга учащихся с разным профилем обучения установлено, что гимназисты, обучающиеся по более сложным учебным программам, дифференцируют сигналы значительно лучше, чем учащиеся образовательной школы с трудовым профилем обучения (Лукьянов, 2017). Это значит, что дискриминативная способность мозга учащихся, несущих повышенные информационные нагрузки, выше, чем у школьников, таковых нагрузок не испытывающих. Этот феномен можно объяснить тем, что способность дифференцировать сигналы связана с уровнем интеллекта. Это было доказано в экспериментальном исследовании, в котором школьники г. Орска, обучающиеся по системе развивающегося обучения и обладающие более высоким интеллектом, по сравнению со школьниками, обучающимися по обычным программам, показали более быстрые реакции в простых и сложных дифференцировках (Чуприкова, Ратанова, 1995). На основе этих экспериментальных результатов и данных своих более ранних исследований Н. И. Чуприкова обосновала положение, согласно которому способность к разграничению и дифференцировке сенсорных, перцептивных и концептуальных содержаний является ядром интеллекта (Чуприкова, 2015).

Экспрессия генов развития. В когнитивных способностях играют огромную роль и информационные процессы, которые происходят во время экспрессии генов развития и образовании энграмм памяти. Энграммы памяти строятся на основе структурных белков, синтез которых находится под контролем ДНК и информационной РНК. Информация в них заложена в триплетах и их последовательности. В процессе умственной деятельности эта информация считывается на последовательность аминокислот синтезируемых белков памяти. Оказалось, что транскрибируемость генов у быстро обучаемых и медленно обучающихся индивидов различна. Отсюда различные способности, в частности, к запоминанию информации, т.е. образованию энграмм. Таким образом, способность к обучению зависит от набора генов, опосредующих образование долговременной памяти и механизмы интегративных процессов в мозге. Характерно, что в процессе обучения используются те же гены, что и в процессе индивидуального роста и развития, например, гены c-fos и c-jun (Анохин, 2009). В связи с этим рост, развитие (первичный системогенез) и обучение (вторичный системогенез) имеют сходные молекулярные механизмы и представляют собой единый континуум. Важно не разрывать эти два взаимосвязанных процесса, особенно в сенситивный период онтогенеза.

Система эндогенного поощрения. Когнитивная деятельность порождает эмоции, которые по обратной связи влияют на эту деятельность. При этом эмоции влияют на селективность внимания, формируют эмоциональную память. Эта память формируется при участии дофаминергической системы мозга. Любой успех приводит к выделению повышенного количества дофамина, в результате чего возникает положительная эмоция и даже эйфория. В последующем человек стремится совершить те же действия и испытать еще раз положительную эмоцию. В этом случае эмоциональная память активирует все системы мозга, ориентируя их на достижение ранее испытанных эмоциональных переживаний. Таким образом, эмоциональная память проявляет себя как система эндогенного поощрения. Эта система является главной движущей силой познания и творчества.

Изучение информационно-энергетических характеристик задатков когнитивных способностей может дать ключ к пониманию механизмов интеллекта, его ресурсов и созданию эффективной методологии обучения. Без познания механизмов задатков невозможно выстроить стратегию индивидуального подхода к обучению, невозможно прогнозировать успешность деятельности и определить приоритетную область деятельности человека.

Литература

Анохин К. В. Молекулярные основы обучения и развития мозга: на пути к синтезу // Когнитивные исследования: Проблема развития. Сборник научных трудов. Вып. 3 / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Лукьянов А. Н. Психофизиологические факторы функционального состояния человека в мыслительной и психомоторной деятельности. Обнинск: ФГБУ «ВНИИГМИ-МЦД», 2017.

Чуприкова Н. И. Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры, 2015.

Чуприкова Н. И., Ратанова Т. А. Связь показателей интеллекта и когнитивной дифференцированности у младших школьников // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 104–114.

Холодная М. А. Концептуальные структуры как единица анализа интеллекта: онтологический подход // Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Взаимосвязь стрессоустойчивости с ценностными ориентациями и маскулинностью–феминностью у медицинских сестер

К. В. Тащи (*Москва*)

Современная социальная и профессиональная активность человека в условиях постоянной глобализации становится все более активной и насыщенной. В связи с этим в последние десятилетия все больше внимания уделяется исследованиям стресса и его связи с профессиональной деятельностью человека, отдельную категорию внутри которой занимают так называемые социономические профессии, куда традиционно причисляют педагогов, психологов, социальных и медицинских работников.

Анализируя существующие исследования относительно медицинских работников, можно заметить, что врачи, как специфическая профессиональная группа, интересуют психологов уже достаточно давно (Maslach, 1982; Dinsdale, 1995; Rathod и др., 2000; Коротич и др., 1988; Козина, 1998; Трунов, 1998; Винокур, 2001; Водопьянова, 2005; Ларенцова, 2002; Ясько, 2003; и др.). При этом довольно мало

внимания уделяется изучению влияния профессионального стресса на личность работников среднего медицинского звена (Бойко, Наумова, Герасимова, 1998; Максимова, 2000; Калининская и др., 2000; и др.), занимающего специфическое промежуточное положение между врачами и пациентами. Последние исследования говорят о том, что развитие синдрома эмоционального выгорания у медицинских сестер начинается еще в период обучения в ССУЗе (Таткина, 2010), однако специфика развития синдрома эмоционального выгорания, стресс-факторы, характерные именно для среднего медицинского персонала, связи данных стресс-факторов с личностными характеристиками работников и другие важные аспекты данной области исследования описаны и изучены еще достаточно слабо.

В связи с этим целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи стрессоустойчивости с личностными особенностями медицинских сестер в условиях профессиональной деятельности.

Общая гипотеза исследования: существует взаимосвязь личностных особенностей и уровня стрессоустойчивости у медицинских сестер.

Частные гипотезы исследования

1) Существует взаимосвязь уровня стрессоустойчивости и профиля ценностных ориентаций у медицинских сестер.
2) Профессия медицинской сестры, относясь к категории «помогающих», будет предполагать тот факт, что выраженность феминной гендерной идентичности связана с более высоким уровнем стрессоустойчивости и более низким уровнем эмоционального выгорания в данной профессии.

В исследовании приняли участие медицинские сестры в общем количестве 65 человек. Базой исследования стали различные медицинские учреждения на территории Российской Федерации, такие как ГБУЗ ЯНАО «Мужевская ЦРБ», ГБУЗ МО «Луховицкая ЦРБ», НЦПЗ РАМН и др. Отсутствие единой базы исследования было компенсировано однородностью выборки по полу: все испытуемые являются женщинами. Средний возраст выборки – 42,5 года.

На 1-м этапе исследования была проведена диагностика изучаемых психологических характеристик на основе использования ряда методик: опросника «Инвентаризация симптомов стресса» (Иванченко и др.), шкалы психологического стресса «RSM-25» Лемира–Тесье–Фийона, опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса–С. Фолкмана (в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк и М. С. Замышляевой), опросника на эмоциональное выгорание (MBI) К. Маслач–С. Джексон (в адаптации Н. Е. Водо-

пьяновой), опросника терминальных ценностей И. Г. Сенина, полоролевого опросника С. Бем, теста диспозиционного оптимизма (LOT) М. Шейера–Ч. Карвера (в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина) и методики на определение мотивационного профиля работника (в разработке А. А. Грачева).

На 2-м этапе исследования эмпирические данные были подвергнуты статистической обработке. Обработка полученных эмпирических данных была проведена при помощи методов первичной описательной статистики, а также метода корреляционного анализа Спирмена.

В результате проведенного исследования нами был получен ряд важных выводов как общего, так и более частного характера. Во-первых, подводя итоги общего статистического анализа данных, мы можем охарактеризовать выборку медицинских сестер в целом как: в средней степени подверженную стрессу (69% медсестер оценивают собственный уровень развития стресса как средний, 25% – как высокий, 0% – как очень высокий и 6% – как низкий); со средним уровнем эмоционального выгорания (66% опрошенных демонстрируют средний уровень выраженности синдрома эмоционального выгорания, 29% опрошенных – низкий и 5% – высокий уровни соответственно); высокооптимистичную (60% опрошенных медсестер имеют высокий уровень оптимистической направленности личности, 26% – повышенный, 12,5% – средний и 1,5% – пониженный уровни оптимизма); андрогинную (80% опрошенных демонстрируют андрогинный тип гендерной идентичности, 16% – феминный и 3% – маскулинный типы); в трудных ситуациях предпочитающую стратегию разрешения проблемы (используется в среднем в 72% случаев) и отвергающую стратегию конфронтационного копинга (в среднем по выборке ее используют в 38% случаев из ста); со средним уровнем значимости всех ценностных ориентаций (собственный престиж, высокое материальное положение, креативность, активные социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение и сохранение собственной индивидуальности) во всех жизненных сферах (профессиональная жизнь, обучение и образование, семейная жизнь, общественная жизнь и увлечения); представляющую типичную медсестру как работника с преобладающей дефицитарной ориентацией и идеальную медсестру как работника с преобладающей ориентацией на самореализацию.

Основная гипотеза исследования о существовании взаимосвязи ценностных ориентаций со стрессоустойчивостью у медицинских сестер была подтверждена частично. Так, более высокий уровень

развития профессионального стресса оказался связан с ценностью собственного престижа; ценностью сохранения собственной индивидуальности; а также преимущественной ориентацией на сферу увлечений. Ценность собственного престижа, в первую очередь ассоциированная для человека с высоким статусом в обществе и признанием со стороны общества значимости данного человека как специалиста, действительно ставит медицинских сестер в положение значительного воздействия стресс-факторов. В основном это связано с низкой оплатой труда среднего медицинского персонала и с менее уважительным отношением к нему по сравнению с персоналом более высокого уровня. Ценность сохранения собственной индивидуальности в данной профессии также может являться значительным стресс-фактором, поскольку деятельность медсестры, связанная с жизнью и здоровьем большого количества людей, строго регламентирована во всех планах, начиная от внешнего вида и заканчивая технологией выполнения работы. Сотрудникам, значительно ориентированным на развитие собственных творческих способностей, зачастую приходится довольно трудно приспособиться к работе в такой регламентированной и иерархично выстроенной системе. Значительную выраженность организационного стресса у медсестер, в наибольшей степени ориентированных на сферу хобби и увлечений, можно объяснить предположением о том, что профессиональная жизнь для них важна по большей части лишь как средство зарабатывания денег, а истинное удовольствие они получают, занимаясь любимым делом. И чем больше им приходится работать, тем меньше времени остается на увлечения, что порождает дополнительную фрустрацию и стресс.

Вторая гипотеза исследования о существовании взаимосвязи стрессоустойчивости с маскулинностью—феминностью у медицинских сестер также была подтверждена. Маскулинность медицинских сестер оказалась положительно связана со стратегиями: дистанцирования (уходят от эмоционального контакта с пациентами); а также стратегиями принятия ответственности и решения проблемы (четко ставят себе план действий и следуют ему, преимущественно опираясь на профессиональный опыт и знания, а не на эмоции). Феминность же медицинских сестер положительно связана с: более высоким уровнем эмоционального выгорания и более высоким уровнем развития деперсонализации в структуре эмоционального выгорания, что можно объяснить значительными эмоциональными затратами с врачами, коллегами и пациентами, характерными для чисто женского типа взаимодействия.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило нам охарактеризовать и описать особенности организационного стресса и его взаимосвязи с личностными характеристиками у такой специфической профессиональной группы, как медицинские сестры. Однако оно является лишь началом перспективной линии исследований, посвященной изучению специфики организационного стресса у среднего медицинского персонала.

Литература

Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Питер, 1999.

Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер. 2009.

Грачев А. А. Мотивационный профиль российского работника в психологическом проектировании организации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 10 (59).

Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.

Харди И. Врач, сестра, больной / Пер. с венгер. М. Алекса; под ред. М. В. Коркиной. 3-е изд. стереотип. Будапешт: Типография Академии наук Венгрии, 1974.

Метод виньеток в исследовании межкультурных установок среди молодежи*

С. Я. Телегина (*Москва*)

В условиях массовой глобализации, урбанизации, усиления межкультурного взаимодействия и развития интернациональных взаимоотношений важным является вопрос миграции и эмиграции как фактора, влияющего на развитие и самоощущение личности в современном мире в связи с возрастающей тенденцией к социальной мобильности, развитием культурных взаимодействий и повышенному межкультурному взаимоотношению, а также вопрос об этнической самоидентичности, разделение на «своих» и «чужих» (Телегина, 2016). Целью данной работы является описание такой важной структуры человеческого бытия, как психологическое пространство личности, которое отражает содержание человеческого бытия и понимается как субъективно значимый фрагмент бытия

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00239.

для человека, включающий в себя комплекс физических, социальных и психологических явлений, а точнее, его этнопсихологический аспект, изучить процессы стериотипизации и приспособления к меняющимся социокультурным условиям жизни, сформированные установки и найти взаимосвязь этих процессов с депривацией уровня психологической суверенности. Проблема суверенности психологического пространства в рамках разных этнических групп, и влияние суверенности психологического пространства на межэтнические установки личности мало изучена в отечественной психологии, в этом заключается научная новизна нашей исследовательской работы. В проводившихся ранее исследованиях была выявлена значимая зависимость уровня суверенности от этнической идентичности респондента, в данном исследовании проводятся аналогии, насколько суверенность психологического пространства взаимосвязана с межэтническими установками личности.

В рамках данного исследования был выбран метод виньеток, как способ, подталкивающий респондентов, на основе собственного опыта, представлений и установок давать оценочные суждения на стимульный материал. В социологии метод виньеток применяется как специфический и узкий метод сбора информации об окружающем мире. Метод виньеток применялся как в качественной, так и в количественной парадигме. Истоки использования виньеток уходят в работы Ж. Пиаже, который в своей практике использовал сюжетные ситуации для исследования оценочных моральных суждений у детей (Пиаже, 1965). Подобный метод социологического изучения установок и убеждений открывает возможность к получению новых эмпирических знаний о социальных факторах, влияющих на становление личности, несмотря на некоторые ограничения в использовании данного метода. Пионером развития данного метода также можно назвать Ширли А. Стар, использовавшую этот метод как стимульный материал для получения оценочных высказываний респондентов о психиатрии (Ширли А. Стар, 1957).

Виньетки – это мини-описания, которые могут основываться на жизненных ситуациях, они описывают гипотетические события, на которые респондент должен выразить свою реакцию. Поскольку ситуации являются гипотетическими, то с большей вероятностью возможно обойти психологические защиты и изучать сенситивные темы (Тертышникова, 2015).

Наше исследование направлено на изучение сформированных этнических установок и оценочных суждений людей разных национальностей, живущих на одной территории, зависимость этих суж-

дений от депривации уровня суверенности психологического пространства. Выбор определенных этнических групп (русские, армяне, татары) обусловлен уникальной ситуацией постсоветского исторического развития, представленностью национальностей на постсоветстком пространстве и владением русским языком, однако, как мы предполагаем, установки и профиль суверенности психологического пространства формируется во многом под влиянием традиционной культуры определенной национальности, а также от внутренней идентичности и ее совпадением с внешней.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей содержания психологического пространства личности, его зависимость от межэтнических установок, сложившихся под влиянием социокультурных факторов.

Исследовательские гипотезы

1. Уровень диспозиционной суверенности сопряжен с межэтническими установками.
2. При умеренном уровне суверенности личности планируется найти высокий уровень межэтнических установок, слабой стериотипизацией и слабыми предрассудками.
3. Депривация суверенности или сверхсуверенность личного пространства коррелирует с высоким уровнем предрассудков и стереотипов, низким уровнем толерантности.

Пилотажное исследование было проведено среди молодежи ($M_{возраст}$= 20, $SD_{возраст}$=5), при помощи метода виньеток и опросника СПП С. К. Нартовой-Бочавер. Выборка на предварительном этапе исследования составила 34 человека (24 девушки и 10 юношей). Виньетки составлялись на основе жизненных ситуаций, различающихся по степени приближенности человека из другой культуры: работа, семья, друзья.

В результате качественного анализа виньеток были получены результаты о степени лояльности к представителям иной культуры, степени стереотипизации и толерантности. Была обнаружена статистически значимая зависимость уровня депривации суверенности психологического пространства от межкультурных установок личности. Так, респонденты с умеренным уровнем суверенности психологического пространства в большинстве подчеркивали заинтересованность в представителях других культур и в большинстве своем описывали положительные эмоции от встречи с человеком иной национальности или же рационализировали предложенную ситуацию.

В то время как респонденты с депривацией высказывали агрессивные тенденции, свои опасения, имели склонность к отстранению или же нивелированию различий между представителями разных культур. Также респонденты с низким уровнем суверенности продемонстрировали наличие этнических стереотипов, в их ответах встречались негативные штампы, направленные на представителей иной культуры. Особую негативную оценку получали ситуации, связанные с работой или семьей, где человек другой культуры часто имеет доступ к личному пространству человека, менее негативно описывались реакции на дружбу с человеком из другой культуры, однако в ряде случаев были высказаны опасения и настороженность.

В интерпретации полученных данных также было замечено, что ситуациям предавалось больше негативной окраски со стороны респондентов, этническая идентичность которых не совпадает с внешней культурой, в этих случаях при умеренной суверенности наблюдалось описание дистанцирования общества от человека другой национальности или же негативные эмоции, в том числе безразличие. Также на представленной выборке отмечается гендерный диморфизм, выборка юношей высказывала более нейтральные или негативные суждения, чем выборка девушек, которые показывали заинтересованность и эмоциональную включенность.

На основе предварительных результатов можно выдвинуть предположения о наличии социокультурных факторов, влияющих на формирование межкультурных установок при депривации суверенности. Можно предположить, что культурный опыт человека, зависящий от среды, в которой он находится влияет как на суверенность психологического пространства, так и на формирование установок. При сформированной суверенности, человек чувствует свою автономность, защищенность, вследствие чего можно ожидать высокий уровень межэтнических установок, слабую стереотипизацию и слабые предрассудки. В то время как при депривации выявляются тенденции к негативизации, отстранению, нежеланию вступать в контакт или нигилированию различий. Также можно предположить, на основании предварительных данных, что на данные процессы, наравне с личностными особенностями, влияют внешние факторы, такие как конфликт внутренней и внешней культуры, социокультурные установки, принятые в обществе, половой диморфизм.

Литература

Белинская Е. П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2006.

Мартиросян К. В. Этноспецифичность суверенности психологического пространства личности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1530.

Нартова-Бочавер С. К. Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. 2002. № 1. С. 35–41.

Пузанова Ж. В., Тертышникова А. Г. Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Социология». 2015. № 4. С. 44–57.

Телегина С. Я. Психологическая суверенность подростков, проживающихв родной и неродной культуре // Вестник СПбГУ. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2016. № 4. С. 146–157.

О соотношении понятий «девиантное поведение», «аддиктивное поведение» и «аддиктивная личность»

М. М. Темиргалиева (*Ярославль*)

В современном обществе достаточно остро стоит вопрос отклоняющегося поведения. Границы нормы в разные временные эпохи и в разных социальных группах отличаются друг от друга. Соответственно, является актуальным вопрос о том, чем именно отличается отклоняющееся поведение от гармоничного.

Гармоничным поведением может считаться сочетание индивидуально-психологических стереотипов поведения, способствующих самоактуализации, гармонизации обыденных межличностных взаимоотношений и избеганию межличностных и внутриличностных конфликтов (Менделевич, 2005). Данное поведение приводит человека к адаптации в обществе и принятию себя. Противоположностью гармоничного поведения является девиантное поведение. Одним из наиболее ярких проявлений девиантного поведения является аддиктивное поведение, осуществляемое аддиктивной личностью, и в этой статье мы рассмотрим соотношение этих понятий.

Само понятие «девиантное поведение» впервые возникает в социальных науках, ибо вопрос о норме и отклонении от нее рассматривается в контексте социальной группы. В этом контексте акцент в понимании девиантного поведения делается на отклонении поведения субъекта от каких-либо групповых норм (Фролов, 1999). Девиантное поведение оказывается связано с несоответствием человеческих

поступков и действий распространенным в обществе или социальных группах нормам, правилам поведения, стереотипам, ожиданиям, установкам, ценностям.

Мы считаем, что интерес в этом случае представляет результат девиантного поведения. С точки зрения П. Б. Ганнушкина, поведенческая патология подразумевает наличие в поведении человека таких признаков, как склонность к дезадаптации, тотальность и стабильность поведенческих проявлений в широком спектре ситуаций (Менделевич, 2005), т. е. результатом отклонения является дезадаптация – снижение качества жизни и нарушение социальных связей. При этом в общем смысле вопрос отклонения от нормы можно рассматривать как с отрицательной, так и с положительной стороны. В качестве иллюстрации второго варианта можно привести различные виды научного, технического и художественного творчества, которые, по своей сущности, так же являются отклоняющимися от среднестатистической нормы. В. Д. Менделевич приводит следующее определение отклоняющегося поведения: «Девиантным поведением человека можно обозначить систему поступков, противоречащих принятым в обществе нормам и проявляющихся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде уклонения от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением» (Менделевич, 2005, с. 70). Нам кажется важным, что в процессе анализа такого явления, как девиантное поведения, акцент делает не на феномене отклонения как таковом, а на его сущности и механизмах, в результате актуализации которых наступает социальная дезадаптация.

Многие ученые рассматривают аддиктивное поведение как один из вариантов девиантного поведения (Четвериков, 2002; Менделевич, 2005). «Аддиктивное поведение – форма девиантного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), что сопровождается развитием интенсивных эмоций» (Короленко, 1991, с. 8–15). Этот процесс настолько захватывает человека, что начинает управлять его жизнью. Человек становится беспомощным перед своим пристрастием, волевые усилия ослабевают и не дают возможности противостоять аддикции. Все это приводит к нарушению социальных связей и социального функционирования, что в дальнейшем приводит к усилению аддиктивного поведения.

Существует множество концепций формирования аддиктивного поведения. Одни ученые делают акцент на биологических факторах и наследственности (Короленко, 1991), другие – на социальных (Фролов, 1999), связанных с воздействием микрогруппы и социальных тенденций, третьи – на психологических и ценностно-мировоззренческих факторах (Менделевич, 2005). Мы придерживаемся мнения, что биологические и социальные факторы связаны с непосредственным выбором формы девиантного поведения, но в основе формирования отклоняющегося и деструктивного радикала лежат психологические и ценностно-мировоззренческие факторы, которые тесно связаны с личностной структурой индивида.

Именно поэтому в психологии вводится такое понятие, как аддиктивная личность. Под аддиктивной личностью понимается набор определенных личностных качеств, из-за которых у предрасположенных к этому людей развивается зависимость от употребления психоактивных веществ. В научной литературе встречаются списки данных качеств (Даулинг, 2000), однако они сводятся к простому перечислению и описанию, при этом наблюдается недостаток системного анализа подобных списков качеств. На основании теоретического анализа литературных источников мы выделяем следующие особенности: высокий базовый уровень эмотивности, уход от реальности как способ взаимодействия с действительностью, сниженная переносимость трудностей повседневной жизни, наряду с хорошей переносимостью кризисных ситуаций, скрытый комплекс неполноценности, сочетающийся с внешней проявляемым превосходством, внешняя социабельность, сочетающаяся со страхом перед стойкими эмоциональными контактами, инфантилизм, тревожность, прогностическая некомпетентность, несформированная личностная идентичность, присутствие феномена диссоциации, склонность к формированию сверхценных увлечений. Мы предполагаем, что данные качества могут быть описаны с точки зрения системного подхода, т. е. необходимо проведение анализа уровня взаимосвязанности отдельных личностных факторов и выраженности зависимости от употребления ПАВ, анализа связи этих факторов между собой и их структурирование, а также поиск и выделение возможного системообразующего фактора возникновения психологической зависимости от употребления ПАВ.

Таким образом, можно говорить о том, что аддиктивное поведение является видом девиантного поведения, т. е. ему свойственны отклонение от социальных норм, несбалансированность, дезадаптация, нарушение процесса самоактуализации и снижение контроля

за своими действиями. В то же время оно имеет свои специфические признаки и проявления, центральным из которых является тенденция к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния через употребление ПАВ. Актуализация именно данной формы девиантного поведения связана с влиянием на конкретного индивида биологических, социальных и психологических факторов. К последним относятся когнитивные, эмоциональные, поведенческие, характерологические и ценностно-мировоззренческие аспекты индивидуальности, обобщенные понятием «аддиктивная личность» и, вероятно, являющихся системой. Соответствующие теоретические выводы будут полезны для проведения дальнейших исследований психологических детерминант динамики аддиктивного поведения.

Литература

Даулинг С. Психология и лечение зависимого поведения. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.

Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1991. № 1. С. 8–15.

Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2005.

Фролов С. С. Социология: Учебник. М.: Гардарики, 1999.

Четвериков Д. В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Новосибирск, 2002.

Вера во врожденность и неизменность членства в группе и предубеждения по отношению к людям, выполняющим «грязную работу»

М. А. Терскова (*Москва*)

«Психологический эссенциализм» – это убеждение в том, что члены группы имеют определенные врожденные черты, которые определяют их членство в этой группе. Такое восприятие очерчивает четкие границы для различных групп, а также позволяет оценить отдельных членов данных групп. Исследования показывают, что эссенциалистские верования предсказывают предубеждения по отношению к аутгруппам (Hodson, Skorska, 2015). Однако большая часть исследований, посвященных этой теме, рассматривает психологический эссенциализм на примере гендерных, расовых и этнических

групп, имеющих явные физиологические внешние отличия, которые имеют за собой биологическое основание. Мы считаем, что проблему связи психологического эссенциализма и предубеждений по отношению к группам можно рассматривать на примере групп, не имеющих явных биологических признаков, относящих их к этой группе. Способности и талант могут рассматриваться как сферы, на которые могут распространяться эссенциалистские верования, так как многие люди могут считать их врожденными качествами. Людям с высокими способностями и талантом приписываются различные позитивные качества, ожидается, что такие люди занимают престижную и высокооплачиваемую работу. В противоположность этому, от людей с низкими способностями ожидается, что они будут выполнять низкоквалифицированную или «грязную» работу. «Грязной» считается работа, которую люди воспринимают как отвратительную, безнравственную, унижающую человеческое достоинство (Hughes, 1951). Определение «грязная работа» имеет три формы: социальную, физическую и моральную (Ashforth, Kreiner, 1999). К физической форме «грязной работы» авторы отнесли сборщиков мусора, проктологов, гробовщиков, уборщиц – профессии, непосредственно связанные с грязью или смертью. Социальная форма «грязной работы» подразумевает работу со стигматизированными группами людей (например, больными СПИДом, наркотически зависимыми) или обслуживающую других, «рабскую» работу (например, дворецкий, чистильщик обуви). К исполнителям моральной формы «грязной работы» можно отнести нарушающих принятые этические, моральные нормы и ценности: менеджеры казино, адвокаты, защищающие убийц.

Целью исследования является выявление связи между психологическим эссенциализмом и предубеждениями по отношению людям, выполняющим «грязную работу».

Гипотеза: представления о врожденности и неизменности членства в группе (психологический эссенциализм) связаны с предубеждениями по отношению к людям, выполняющим «грязную работу».

Выборка. В исследовании приняло участие 416 человек, из которых 366 женщин и 50 мужчин. Средний возраст испытуемых составил 19,28 (*SD*=5,366). 176 участников проживают в Москве, остальные испытуемые являются жителями других городов Российской Федерации и стран СНГ.

Процедура. Испытуемые проходили онлайн-исследование, созданное на базе сервера виртуальных исследований Virtual ExS. В данном исследовании были использованы две шкалы для измерения необходимых нам переменных: шкала оценки психологического эссен-

циализма (Агадуллина, Чумакова, 2017), шкала оценки социальной дистанции. Шкала оценки психологического эссенциализма (α=0,713) представляет собой ряд из 7 суждений, которые необходимо оценить по шкале от 1 до 7, где 1 – абсолютно не согласен, а 7 – абсолютно согласен. В шкале использованы такие суждения, как, например: «Характер и способности людей, выполняющих грязную работу, у них в крови». Для измерения степени предубеждений мы использовали шкалу оценки социальной дистанции. Данная шкала требует оценить отношение к различным вариантам социального взаимодействиями с людьми, выполняющими разные виды грязной работы. А именно к уборщикам и работникам кладбищ (физическая форма «грязной работы»), продавцам в сексшопах и людям, работающим с ВИЧ-инфицированными (социальная форма «грязной работы»), танцовщицам стриптиза и адвокатам, защищающим убийц (моральная форма «грязной работы). В шкалу включено 7 степеней социальной дистанции, одну из которых испытуемым необходимо выбрать, также данная шкала является обратной.

Результаты и обсуждение

Для проверки гипотезы о связи эссенциализма и социальной дистанции был проведен корреляционный анализ. Результаты корреляционного анализа показали, что эссенциализм связан с предубеждениями к людям, выполняющим физическую «грязную работу» (r=–0,304, p<0,01), социальную «грязную работу» (r=–0,301, p<0,01) и моральную «грязную работу» (r=–0,228, p<0,01).

В целом, выдвинутая нами гипотеза о связи представлений о врожденности и неизменности членства в группе с предубеждениями к этим группам подтвердилась на примере людей, выполняющих «грязную» работу. Этот результат крайне важен, так как позволяет посмотреть на вопрос о связи психологического эссенциализма и предубеждений более широко, а не только с позиции изучения гендерных и этнических групп. Представленное исследование делает первый шаг в изучение данной связи, так как на данный момент не позволяет однозначно сказать, что именно психологический эссенциализм является предиктором проявления предубеждений. Проведение в будущем экспериментальных исследований может помочь лучше понять отношения между данными переменными.

Исследование имеет ряд проблем, например, соотношение мужчин и женщин в выборке, участвующей в исследовании. Это могло исказить какие-то данные, и в будущем стоит собрать более равномерную выборку для проведения подобного исследования.

Литература

Агадуллина Е. Р., Чумакова М. А. Психологический эссенциализм: разработка и апробация шкалы // Социальная психология и общество. 2017. № 3. С. 147–162.

Ashforth B. E., Kreiner G. E. "How can you do it?": Dirty work and the challenge of constructing apositive identity // Academy of Management Review. 1999. V. 24. № 3. P. 413–434.

Hodson G., Skorska M. N. Tapping generalized essentialism to predict outgroup prejudices // British Journal of Social Psychology. 2015. № 54. P. 371–382.

Hughes E. C. Work and the self // Social psychology at the crossroads / Ed. by J. H. Rohrer, M. Sherif. N. Y.: Harper&Brothers, 1951.

Особенности развития самооценки как когнитивной подструктуры самосознания у подростков-сирот*

О. Ю. Тимур (*Москва*)

Проводя анализ существующих исследований, направленных на изучение проблемы самосознания, можно выделить два наиболее крупных блока вопросов. В одном из них исследования касаются процесса становления самосознания, который в свою очередь включается в контекст более общей проблемы развития личности как таковой (Богатырева, 2007). Во втором блоке рассматриваются и исследуются более частные или специальные вопросы, которые нацелены на работу с особенностями самооценки и ее взаимосвязью с оценками окружающих. Ученые и практики сходятся во мнении, что принцип развития самосознания состоит в принятии положения о непрерывности его изменения в течение всей жизни человека. Подростковый возраст признается наиболее значимым периодом жизни человека в контексте становления самосознания.

Анализ источников дает возможность рассмотреть фундаментальную роль детско-родительских отношений в развитии самосознания ребенка (Трухманова, 2011). Влияние, которое оказывает на ребенка поведение его родителей, а также их отношение к личности ребенка выделяются как ключевые в данном аспекте. Лишение любви или ее потеря со стороны родителей осознается ребенком как акт насилия или утраты. Таким образом, в подобной ситуации

* Подготовлено при поддержке межрегиональной общественной организации «Игры будущего».

формирование когнитивной структуры самосознания оказывается затруднено (Шерешкова, 2010).

В связи с этим пристального внимания заслуживает проблема становления самосознания у подростков, лишенных родительского воспитания, т. е. детей, находящихся на воспитании и содержании в интернатных учреждениях различного типа.

Обращает на себя внимание проблема формирования и развития самооценки у детей, воспитывающихся в институциональных заведениях. Как показано в исследованиях, эта структура личности может занимать у таких детей два совершенно противоположных уровня: в одном случае она будет чрезвычайно низкой, в другом – очень высокой. Во втором случае вступает в силу компенсаторный защитный механизм когнитивной подструктуры самосознания (Трухманова, 2011).

Данная работа является фрагментом исследования, нацеленного на изучение актуального уровня подструктур самосознания (когнитивной, аффективной и поведенческой), соотношение их с компонентами социализации и подготовку на базе полученных данных психокоррекционной программы для развития самосознания у детей-сирот.

Объектом исследования в данной работе выступило самосознание подростков, воспитанников интернатных учреждений. *Предметом исследования* явилась когнитивная подструктура самосознания подростков-сирот в возрасте 12–17 лет. *Цель исследования* заключалась в изучении и анализе когнитивной подструктуры самосознания (в частности, самооценки) подростков-сирот.

Выборка респондентов (на основе полной информированности и добровольности участия) была представлена 606 подростками-сиротами из 22 регионов России. В процессе дифференцирования группы по уровню интеллектуального развития (без интеллектуальных отклонений), стажу сиротства (в выборке средний стаж не превышал 4,9 года) и симптомов ПТСР (без выраженных симптомов), причин, по которым дети были изъяты из семьи (в 87% случаях – асоциальное поведение родителей или опекунов) число респондентов составило 411 человек ($M_{возр}$= 15,4).

Диагностика проводилась по методике Дембо–Рубинштейн (в модификации А. М. Прихожан). Статистическая обработка данных была проведена с использованием описательной статистики в программе SPSS.

Участники исследования в подавляющем большинстве показали средние значения в представлениях о себе реальном (от $M_{реал}$=56,6

до $М_{реал}$=62,9). Исключение составил только показатель по шкале Уверенность в себе, по которому у большего числа респондентов наблюдаются очень высокие значения (Мреал=66,7).

Также любопытные результаты получены при оценке респондентами себя как идеальной личности, где по всем шкалам абсолютное большинство подростков имеют очень высокие показатели (от $М_{идеал}$=81,9 до $М_{идеал}$=86,5).

Схожим образом показатели сохраняются и по шкале Ум, который занимает третье место в репрезентации себя реального ($М_{реал}$=61,4) и второе место среди показателей представлений о себе идеальном ($М_{идеал}$=86,2). Показатель шкалы Умение многое делать своими руками имеет зеркальное положение относительно показателя шкалы Ум и занимает второе место в системе представлений о себе реальном ($М_{реал}$=62,9) и третье место среди идеальных представлений о себе ($М_{идеал}$=86,4). Полученные результаты дают возможность предположить, что различия в системах представлений респондентов о себе как о реальных, так и об идеальных личностях носят скорее количественный характер, чем качественный.

Опираясь на полученные результаты, мы можем высказать гипотезу об эмоциональной неустойчивости испытуемых. В пользу этого предположения свидетельствуют колебания актуальной самооценки в пределах трех и более интервалов.

Особым образом выделяется нереалистичность самооценки. Можно проследить устойчивое повышение показателей самооценки системы Я-идеальное, которые достигают максимальных значений по шкалам Характер (60,2±23,8), Внешность (61,5±22,2), Умение многое делать своими руками (62,7±20,8) и Уверенность в себе (66,8±23,8).

Также можно отметить и незрелость в отношении к ценностям, это прослеживается по показателям Я-идеальное, значения которого совпадают с верхней границей по шкалам: Уверенность в себе (83,5±17,2), Ум (85,5±17,6), Умение многое делать своими руками (86,2±17,5) и Внешность (84,3±19,7).

Можно отметить и противоречия в показателях актуального уровня самооценки Я-реальное, судить о которых можно по имеющемуся разбросу в баллах у сходных по своим значениям шкалах Авторитет среди сверстников (56,7±22,8) и Уверенность в себе (66,8±23,8).

При анализе отличий показателей системы Я-реальное от системы Я-идеальное было выявлено завышение респондентами показателей второй системы. Для определения общего уровня самооценки наиболее значимы результаты системы Я-реальное, чем высота самооценки Я-идеальное.

Результаты показателей подростков, воспитывающихся в интернатных учреждениях, иллюстрируют тенденцию пока еще незрелого отношения к ценностям и понимания того, что абсолют просто не достижим и не нужен, а предъявление шкал с максимальными показателями выступает в данной методике в качестве условного ограничения, а не идеальной оценки успешного человека.

Подросткам-сиротам присущи недостаточная проработанность информации и ее заимствование при отсутствии сознательного присвоения. Естественно, что на этой почве зарождается стремление быть самым лучшим всегда и во всем. У детей из семей (без девиаций) отмечается тенденция к естественности, желанию быть самим собой, это в свою очередь подтверждает зрелое, осознанное отношение к ценностям (Новгородцева, 2006). Незрелое отношение к ценностям со стороны детей-сирот демонстрирует отсутствие четкого осознанного представления о своих возможностях и своих ограничениях. Данная тенденция как раз и может выявляться в нереалистичных оценках показателей Я-идеальное.

Переходя к корреляционному анализу можно отметить умеренные положительные взаимосвязи (от r=0,33 до r=0,47) между параметрами представлений о себе реальном и идеальном.

Любопытно, что средняя сила связи была выявлена между следующими показателями: Авторитет среди сверстников и Внешность (r=0,54), Внешность и Умение многое делать своими руками (r=0,53), Авторитет среди сверстников и Умение многое делать своими руками (r=0,51). Мы можем предположить, что выявленные связи уместно интерпретировать исходя из организации жизнеустройства и психологического портрета ребенка-сироты. В данной среде на первый план выходит привлекательность подростка как способного, достигшего определенных успехов в обучении или иных видах деятельности. Предположительно прокомментировать это можно анализируя общий низкий фон успеваемости среди подростков-сирот, проживающих в институциональных заведениях (Новгородцева, 2006).

Подводя итоги данной части исследования можно констатировать, что самооценка детей-сирот имеет отличительный ряд характеристик. Среди них можно особо выделить нестабильность и неоднородность структур самооценки, нереалистичность представлений о себе в аспекте уровня притязаний. Большой разрыв между представлениями о себе сегодняшнем и желаемом может выступать в качестве показателя низкой удовлетворенности собой. Рассмотренный в данном контексте вопрос требует дальнейшего исследования.

Литература

Богатырева М. Б. Психологические особенности «образа Я» подростков, проживающих вне семьи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.

Новгородцева А. П. Переживание подростками «чувства взрослости» // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 39–54.

Трухманова Е. Н. Особенности личности подростков-воспитанников детских домов как фактор их дезадаптации // Специальная психология. 2011. № 2. С.71–76.

Шерешкова Е. А. Образ Я как результат самопознания младших подростков, воспитывающихся в условиях интерната // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 4. С. 149–153.

Особенности переживания одиночества у старшеклассников в городской и сельской местности

И. А. Титова (*Иркутск*)

Проблема ощущения одиночества является актуальной в настоящее время. Одиночество в последнее время стало привлекать особое внимание в связи с усложнением мироощущения человека в условиях быстро меняющегося мироустройства. Ощущение одиночества в юношеском возрасте является нормой. Это связано с повышением внимания молодых людей к своему внутреннему миру и стремлением к уединению; у них развивается рефлексия, появляются новые переживания, ценности взаимоотношений. Для психологии актуально понимать условия возникновения и переживания одиночества. Одним из многих условий является социум, ведь именно в нем человек обучается правилам и нормам поведения, развивается в интересной для него сфере, и именно социум формирует отношение личности к одиночеству, которое может быть позитивным или негативным. Существенно отличаются взаимоотношения в селе и городе, так как в селе все друг друга знают, иногда до нескольких поколений. Формируется определенное общественное мнение по отношению к действиям, делам – хорошим или плохим. Поведение строится с оглядкой на мнение односельчан; принято выручать друг друга и помогать безвозмездно. В городе преобладает своего рода анонимность, безымянность. Отношения строятся на основе рациональности.

Цель исследования – изучить особенности переживания одиночества у старшеклассников, проживающих в сельской и городской местности.

Объект исследования: одиночество как психологический феномен.

Предмет исследования: особенности переживания одиночества у старшеклассников, проживающих в сельской и городской местности.

На основе изучения литературы по проблеме исследования, поставленной цели, выделенного объекта и предмета нами была сформулирована следующая гипотеза: переживание одиночества имеет содержательные различия у старшеклассников, проживающих в сельской и городской местности.

Данное исследование проведено в рамках экзистенциального подхода. Согласно этому подходу, принятие одиночества как экзистенциального факта открывает человеку возможность ценить ситуации уединения и использовать их как ресурс для аутокоммуникации и личностного роста. Неприятие или страх одиночества, напротив, приводят к избеганию уединения, постоянному поиску социальных контактов, что связано с избеганием встречи человека с самим собой и препятствием для личностного роста.

Отечественные психологи Е. Н. Осин и Д. А. Леонтьев определяют одиночество как переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми. «Это переживание может иметь место как в состоянии физической изоляции (сочетание этих двух факторов задает состояние, которое традиционно обозначается словом «одиночество»), так и в присутствии других людей, но без психологического контакта с ними (отчуждение). В обоих случаях одиночество может быть либо добровольным, выбранным, принятым (уединение), либо вынужденным; в последнем случае оно может служить источником серьезных психологических проблем и нарушений» (Осин, Леонтьев, 2013, с. 56).

Исследование проводилось на базе трех школ: МКОУ Атагайская СОШ, МКУ СОШ № 2 г. Нижнеудинска и МБОУ г. Иркутска СОШ № 24. Объем выборки составили старшеклассники юношеского возраста в возрасте от 16 до 18 лет, в количестве 120 человек. Количество респондентов мужского пола 60 человек, количество респондентов женского пола 60 человек. Выборка каждой школы составила 40 человек.

Для изучения уровня и вида одиночества у старшеклассников городской и сельской местности был использован дифференци-

альный опросник переживания одиночества Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева и анкета, которая содержит в себе вопросы о семье, возрасте респондента, о его друзьях, складе ума и состоит ли респондент в романтических отношениях и неформальной группе. Данная анкета определяет социально-психологические факторы, которые могут повлиять на уровень и вид одиночества в юношеском возрасте.

В ходе проведенного исследования особенностей переживания одиночества у старшеклассников, проживающих в городской и сельской местности, мы получили следующее результаты.

При анализе особенностей переживания одиночества у старшеклассников МКУ Атагайской СОШ выявлено, что большая часть респондентов – с высоким уровнем по субшкале «Изоляция», что говорит об отсутствии у старшеклассников близких, с которыми возможен доверительный контакт. Девушки из неполных семей переживают одиночество. Наше предположение о том, что респонденты, которые указывали, что у них два и более друзей, могут зависеть от общения – не подтвердилось на данной выборке. Это можно объяснить тем, что они много общаются и стараются держаться все вместе, взаимодействовать со всеми одинаково, равноправно, не выделять какого-то особенно.

При изучении особенностей переживания одиночества у старшеклассников МКУ СОШ № 2 г. Нижнеудинска оказалось, что в таком маленьком городе больше респондентов, у которых, по сравнению с большим городом и селом, высокий уровень по субшкале «Отчуждение». Этот результат указывает на отсутствие значимых связей с окружающими людьми. В выборке девушек половина отметила, что зависит от общения, а половина, что не зависит от общения. В группе юношей выявлены средние показатели. Можно, по-видимому, говорить о том, что девушки, которые не зависят от общения и не избегают одиночества, просто очень общительные люди, либо у них на самом деле нет настоящих друзей.

Анализ особенностей переживания одиночества у старшеклассников МБОУ г. Иркутска СОШ № 24 выявил, что большая часть респондентов – с низким уровнем по субшкале «Изоляция», что говорит, что у них есть человек, с которым возможен близкий контакт. Большая часть респондентов – с высоким уровнем по субшкале «Ресурс уединения», т. е. они принимают одиночество и уединение. Респонденты, которые отвечали, что у них два друга или больше, зависят от общения и стараются избегать одиночества, но их количество равно количеству респондентов, у которых привязанность к общению остается в силу возрастных особенностей. Скорее всего, можно

говорить о том, что у респондентов, имеющих средний балл по шкале, страх перед одиночеством проявляется неосознанно.

При изучении особенностей переживания одиночества старшеклассников, проживающих в городской и сельской местности оказалось, что все три выборки объединяет то, что у них по субшкалам «Одиночество как проблема», «Потребность в компании», «Радость уединения», «Ресурс уединения» и шкале «Позитивное одиночество» показатели высокие, что говорит о том, что у старшеклассников еще не сложилась четкая картина об одиночестве. С одной стороны, они думают, что одиночество – это отрешенность, с другой стороны, одиночество – это условия для самопознания и самораскрытия. Респонденты, которые не состоят в романтических отношениях, максимально используют ситуацию уединения, познают свой внутренний мир, саморазвиваются.

В ходе исследования гипотеза о том, что переживание одиночества имеет содержательные различия у старшеклассников, проживающих в сельской и городской местности, подтвердилась.

Для выявления достоверности различий использовался статистический критерий Манна–Уитни, который показал, что значимые различия существуют по шкале «Общее одиночество» между результатами старшеклассников всей выборки (МБОУ г. Иркутска СОШ № 24 и МКОУ Атагайская СОШ: U=489, p=0,0028; МБОУ г. Иркутска СОШ № 24 и МКУ СОШ № 2 г. Нижнеудинска: U=508, p=0,005; МКУ СОШ № 2 г. Нижнеудинска и МКОУ Атагайская СОШ: U= 601, p=0,05). Это говорит о том, что юноши и девушки городов в меньшей степени считают себя одинокими людьми, они не испытывают болезненного переживания одиночества. По-видимому, это связано с тем, что в городах одиночество носит позитивный характер: взрослые люди познают себя, посещают различные тренинги, а молодежь перенимает этот опыт у взрослых. В малонаселенных пунктах люди, наоборот, считают, что одиночество носит негативный аспект, так как происходит эмоциональный разрыв между людьми. Некоторые из них по разным причинам могут быть изолированы от общества, например, люди пожилого возраста часто испытывают болезненное переживание одиночества. Молодые люди при этом видят в одиночестве только отрицательные стороны и тем самым не получают информации о том, что одиночество можно применить для того, чтобы раскрыть себя.

Статистический критерий Манна–Уитни показал, что значимые различия существуют по субшкале «Изоляция» (МБОУ г. Иркутска СОШ № 24 и МКОУ Атагайская СОШ: U=504, p=0,004) и субшка-

ле «Переживание» (МБОУ г. Иркутска СОШ № 24 и МКОУ Атагайская СОШ: U=577, p=0,03) между результатами старшеклассников села и большого города. Старшеклассники села ощущают себя одинокими: у них отсутствуют близкие, с которыми возможен был бы доверительный контакт. Данные подтверждают положение о том, что в селах люди не умеют использовать ситуацию уединения в нужном русле и из-за этого ощущают себя одинокими и никому не нужными людьми.

Проведенное исследование раскрывает лишь определенную часть особенностей переживания одиночества в разных местностях. Его перспективы видятся в дальнейшем обогащении исследования в данном направлении и более подробном изучении социально-психологических факторов.

Литература

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.

Эффективная психологическая саморегуляция функционального состояния как одна из ключевых компетенций в профессиях инновационного типа

М. А. Титова (*Москва*)

В настоящее время пристальное внимание уделяется базовым для психологии труда и инженерной психологии проблемам безопасности труда и роли человеческого фактора в обеспечении эффективной работы современных высокотехнологичных организаций. Наиболее актуальным является рассмотрение данных вопросов относительно группы профессий инновационной сферы, которые характеризуются индивидуализацией профессиональной ответственности, применением в профессиональной деятельности компьютерных и телекоммуникационных технологий, высокой мобильностью профессионалов (Барабанщикова, 2016). К таким профессиям можно отнести профессию оператора энергосистем.

Условия работы в инновационной сфере энергокомплекса предъявляют особые требования к ресурсам профессионалов по преодолению стресса и профессиональных деформаций (Титова, 2016). При этом известно, что высоко развитые навыки саморегуляции

обеспечивают надежное функционирование адаптационных процессов, поддержку работоспособности, развитие стрессоустойчивости, жизнестойкости и сохранение профессионального здоровья (Леонова, Кузнецова, 2009; Моросанова, 2012; Кузнецова, Титова, 2016).

Целью представленного исследования стало выявление особенностей психологической саморегуляции функционального состояния операторов энергосистем в ходе сеанса психологической саморегуляции состояния.

Объект исследования – функциональное состояние операторов энергосистем. В качестве предмета исследования выступают особенности ресурсов психологической саморегуляции функционального состояния операторов энергосистем.

Гипотеза исследования: для операторов энергосистем как профессионалов инновационной сферы характерна высокая эффективность саморегуляции функционального состояния.

Выборку исследования составили 15 операторов энергосистем и 15 представителей других профессий (инженеры по охране труда, менеджеры по персоналу), мужчины и женщины в возрасте от 24 до 57 лет, с опытом работы от 2 до 35 лет.

Операторам энергосистем и профессионалам других сфер было предложено впервые пройти однократный сеанс психологической саморегуляции функционального состояния. Сеанс психологической саморегуляции функционального состояния был организован как комбинация приемов сенсорной репродукции образов и аутогенной тренировки. Для анализа эффективности саморегуляции функционального состояния в виде оценки динамики состояния по схеме повторного измерения до (фоновый замер) и после сеанса (итоговый замер) саморегуляции обследуемые заполняли бланки методик самооценки конкретных признаков состояния.

Данные для исследования собраны при помощи пакета диагностических методик: «Шкала реактивной тревожности» Ч. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина, «Шкала дифференциальных эмоций К. Изарда в адаптации А. Б. Леоновой, «Шкала состояния» Е. Гролля и М. Хайдера в адаптации А. Б. Леоновой (Леонова, Кузнецова, 2009). Для сравнения показателей самооценки состояния до и после сеанса использовались статистические методы анализаданных: для сравнения данных фонового и итогового замера – Z-критерий Вилкоксона, для межгруппового сравнения данных – U-критерий Манна–Уитни.

В результате исследования выявлены возможности системы средств саморегуляции функционального состояния операторов энергосистем и представителей других профессий. В целом по вы-

борке наблюдается позитивный эффект сеанса психологической саморегуляции состояния по всем исследованным показателям самооценки состояния, кроме исходно средне выраженных позитивных эмоций, где изменения оказались статистически незначимыми (индекс субъективного комфорта: Z=–4,149, p=0,000; индекс реактивной тревожности: Z=–3,693, p=0,000; уровень позитивных эмоций: Z=–1,834, p=0,06; уровень негативных эмоций: Z=–2,896, p=0,004; уровень тревожно-депрессивных эмоций: Z=–2,239, p=0,025).

Сравнение данных разных групп профессионалов показало, что в группе операторов эффект сеанса выше, чем у обследованных представителей других профессий. Значимый положительный эффект сеанса в группе операторов был обнаружен по всем показателям, кроме исходно низких значений негативных и тревожно-депрессивных эмоций: после сеанса увеличился уровень субъективного комфорта (Z=–2,515, p=0,012), снизилась степень реактивной тревожности (Z=–3,214, p=0,001), повысился уровень положительных эмоций (Z=–2,405, p=0,016), остались низкими уровни негативных (Z=–1,414, p=0,157) и тревожно-депрессивных эмоций (Z=–1,732, p=0,083).

При этом произошли следующие положительные изменения показателей у представителей других профессий: повысился индекс субъективного комфорта (Z=–3,298, p=0,001) и снизился уровень негативных эмоций (Z=–2,669, p=0,008). По остальным изучаемым показателям в группе профессионалов других сфер значимых изменений после однократного первичного сеанса саморегуляции не обнаружено (индекс реактивной тревожности: Z=–1,575, p=0,115; уровень позитивных эмоций: Z=–0,314, p=0,753; уровень тревожно-депрессивных эмоций: Z=–1,832, p=0,067).

По результатам межгруппового сравнения выявлено, что самооценки состояния операторов энергосистем и обследованных представителей других профессиональных групп значимо различаются по показателям индекса субъективного комфорта (U=41, p=0,001) и индекса реактивной тревожности (U=42,5, p=0,004). Операторам удалось более значимо изменить свое состояние в ходе сеанса саморегуляции по этим показателям. Более позитивные итоговые значения выявлены в группе операторов энергосистем по показателям индекса субъективного комфорта (у операторов энергосистем среднее – 58, стандартное отклонение – 7,309; у представителей других профессий среднее – 48,8, стандартное отклонение – 8,5) и индекса реактивной тревожности (у операторов энергосистем среднее – 28, стандартное отклонение – 5,806; у представителей других профессий среднее – 37,07, стандартное отклонение – 8,795).

Таким образом, можно подтвердить, что операторы, принимавшие участие в исследовании, более успешно регулируют свое состояние, даже используя новые для себя приемы и технологии саморегуляции, чем обследованные представители других профессий. Необходимо отметить, что в исследовании принимали участие высокопрофессионально успешные операторы энергосистем, условиях труда которых предъявляют повышенные требования к ресурсам профессионалов по саморегуляции состояния в связи с возможности возникновением внештатных режимов работы оборудования и повышенного уровня индивидуальной ответственности и предполагают постоянную поддержку оптимальности собственного функционального состояния.

Полученные результаты позволяют говорить не только о том, что операторы лучше регулируют свое состояние, чем представители других профессий в обследованной выборке, но и подтверждают предположение о том, что эффективная психологическая саморегуляция функционального состояния является ключевой компетенцией в трудовой деятельности операторов энергосистем, позволяющей наиболее успешно преодолевать стрессовые ситуации, связанные с предаварийными и аварийными режимами труда, и формировать целевое состояние полной мобилизации для поиска и реализации решения в проблемной ситуации. Данная работа только намечает перспективу линии исследования и предполагает дальнейшую разработку проблематики, связанной с изучением эффективной саморегуляции функционального состояния как одной из ключевых компетенций в профессиях инновационного типа.

Литература

Барабанщикова В. В. Профессиональные деформации в профессиях инновационной сферы: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2016.

Кузнецова А. С., Титова М. А. Эффективная саморегуляция состояния в напряженных условиях как дифференцирующая компетенция // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 84–109.

Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2009.

Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2012.

Титова М. А. Эффективность психологической саморгуляции функционального состояния как фактор профессиональной успешности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2016.

Особенности психоэмоционального состояния у больных с нарушением двигательных функций

А. С. Тихонова, А. В. Котельникова, А. А. Кукшина (*Москва*)

В рамках психосоматического подхода к взаимодействию личности и болезни в настоящий момент накоплены многочисленные данные междисциплинарных исследований, свидетельствующие о существенной роли психоэмоционального состояния, прежде всего, расстройств тревожно-депрессивного спектра, в развитии и течении соматических заболеваний (Пакриев, Ковалев, 2011; Соколов, Чернобавская, 2013). Известно, что клиническая обоснованность и релевантность назначений осложняется необходимостью дифференциальной диагностики тревожно-депрессивных расстройств, имеющих под собой органический субстрат в виде дисбаланса в дофаминовых и серотонинергических структурах (Смулевич, 2001), нуждающегося в психофармакотерапии от соответствующего симптомокомплекса, психогенного по происхождению, поддающегося немедикаментозной психотерапевтической коррекции.

Целью настоящей работы стало исследование особенностей психоэмоционального состояния больных с нарушением двигательных функций, полиморфность патогенеза которых, а также распространенность в популяции и высокая инвалидизация трудоспособного населения, делают актуальным изучение заявленной проблемы именно на этом контингенте.

Материал и методы. В исследование было включено 336 пациентов, находившихся на лечении в Клинике восстановительного лечения (филиал № 3 ГАУЗ МНПЦ МРВ и СМ ДЗ г. Москвы): 178 больных с двигательными нарушениями в результате острого нарушения мозгового кровообращения (возраст: med=58,0, range=65,0), среди них 102 (57,3%) женщины, 76 (42,7%) мужчин; 105 больных с дегенеративно-дистрофическими заболеваниями опорно-двигательного аппарата (возраст: med=56,0, range=60,0), среди них 59 (56,1%) женщин, 46 (43,9%) мужчин; 53 больных с ревматоидными поражениями суставов (возраст: med=58,0, range=48,0), среди них 38 (71,7%) женщин, 15 (28,3%) мужчин. Использованием статистических критериев равнозначности была достигнута сопоставимость групп с точки зрения возрастного (H(2, N=336)=2,93; p=0,23) и гендерного состава (p=0,08 – по двустороннему критерию Фишера).

Текущее психоэмоциональное состояние больных измерялось опросником оценки выраженности психопатологической симптома-

тики – SCL-90-R, включающий в себя следующие субшкалы: соматизация, обсессивность–компульсивность, межличностная сензитивность, депрессивность, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность, психотизм (Тарабрина и др., 2007). В качестве интегрального показателя рассматривался общий индекс тяжести текущего дистресса.

Математико-статистическая обработка данных производилась в программном пакете Statistica 10.0 и включала проверку соответствия распределения полученных данных нормальному, анализ значимости различий в уровне выраженности исследуемого признака для несвязанных выборок по критериям Манна–Уитни и Краскела–Уоллиса, корреляционный анализ по Спирмену. Обнаруженные связи и различия считались достоверными при достижении $p \leqslant 0{,}05$.

Результаты и их обсуждение. При сравнении данных, характеризующих текущее психоэмоциональное состояние больных с двигательными нарушениями различной этиологии (острое нарушение мозгового кровообращения, дегенеративно-дистрофические заболевания опорно-двигательного аппарата, ревматоидные поражения суставов), по результатам применения опросника SCL-90-R, с использованием критерия Краскела–Уоллиса, статистически достоверных различий обнаружено не было ($p>0{,}05$). Таким образом, выявлено, что нозология двигательных нарушений не соотносится с текущим психоэмоциональным состоянием больных. При этом сопоставление средних значений степени выраженности отдельных психопатологических симптомов с условно-нормативными данными (Тарабрина и др., 2007) позволяет заключить, что текущее психоэмоциональное состояние больных с нарушением двигательных функций при поступлении в стационар восстановительного лечения характеризуется рядом особенностей, а именно: достоверно отличается от нормы превышением показателей по субшкалам «соматизация» (1,14±0,74 по сравнению с 0,69±0,65) и «обсессивность–компульсивность» (0,86±0,65 по сравнению с 0,76±0,6) опросника SCL-90-R, что позволяет рассуждать о специфическом влиянии болезни на психоэмоциональное состояние. Страдание больных в данном случае обусловлено невозможностью полноценно реализовать одну из основных потребностей живого организма – потребность в движении, а следовательно, невозможностью осознавать себя полноценным и благополучным членом социума. Болезнь нарушает трудоспособность, значительно снижает общий уровень функционирования, лишает индивида возможности справляться с привычными повседневными задачами, сопровождается чувствами бессилия и беспомощности. Ограниче-

ния одной из основных жизненных функций, двигательной, вне зависимости от нозологии сопровождается дистрессом, вытекающим, прежде всего, из ощущения телесной дисфункции, потери контроля, ощущения беспомощности и бессилия. Полученные результаты не расходятся с имеющимися в настоящий момент в литературе: к психологическим последствиям нарушения двигательных функций исследователи относят также потерю ощущения собственной независимости и неуязвимости, утрату человеческого достоинства, контроля над ситуацией, эмоционального равновесия, высокий риск развития депрессии и суицида, связанный с отчаянием, чувствами стыда, вины и безнадежности (Булюбаш и др., 2011).

Кроме того, при сопоставлении эмпирических данных с нормативными у обследованной выборки больных с нарушением двигательных функций было обнаружено достоверное снижение показателей субшкал «межличностная сензитивность» (0,64±0,59, по сравнению с 0,83±0,63), «враждебность» (0,44±0,48, по сравнению с 0,71±0,65), «паранойяльность» (0,50±0,56, по сравнению с 0,67±0,58) и «психотизм» (0,34±0,41, по сравнению с 0,42±0,48), что может быть истолковано как положительный эмоциональный настрой больных на лечение, стремление сотрудничать и доверять профессионализму врачей.

Заключение

В процессе исследования текущего психоэмоционального состояния больных с нарушением двигательных функций нозологических различий выявлено не было, показано, что психоэмоциональное состояние обследованных больных характеризуется повышенными значениями по шкалам «соматизация» и «обсессивность–компульсивность», а также снижением показателей по шкалам «межличностной сензитивности», «враждебности», «паранойяльности» и «психотизма» опросника SCL-90-R. Учет полученных данных при составлении программ сопровождения больных в соматической клинике позволяют организовать дифференцированный подход к выбору психокоррекционных и психотерапевтических мишеней.

Литература

Булюбаш И. Д., Морозов И. Н., Приходько М. С. Психологическая реабилитация пациентов с последствиями спинальной травмы. Самара: ИД «Бахрах-М», 2011.

Пакриев С. Г., Ковалев Ю. В. Экспресс-диагностика депрессий // Медицинская психология в России. 2011. № 3. URL: http://medpsy.ru (дата обращения: 03.02.2015).

Соколов В. А., Чернобавская М. Н. Психосоматический компонент в патогенезе первичной открытоугольной глаукомы // Глаукома. Журнал НИИ глазных болезней РАМН. 2013. Ч. 2. № 3. С. 132–139.

Смулевич А. Б. Депрессии в общей медицине: руководство для врачей. М.: МИЛ, 2001.

Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макарчук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1: Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.

Конструирование блоков аналитических и холистических задач и эмпирическая проверка их валидности*

А. Г. Тищенко, В. В. Апанович, К. Р. Арутюнова (*Москва*)

Существуют различия между типами мышления людей в разных культурах, в первую очередь в западных и восточных. Для западных культур характерна аналитичность, а для восточных – холистичность. Аналитическому типу свойственно выделять части из целого объекта, понимать динамику процессов линейной и строго детерминированной и руководствоваться формальной логикой при вынесении суждений. Холистическому типу свойственно воспринимать объект целостным и принципиально неделимым, динамику нелинейной, нестабильной, циклической и обладать высокой толерантностью к противоречиям. Мы понимаем аналитичность–холистичность как тип мышления в широком смысле, как мировоззренческую категорию, рассматривая также аналитичность и холистичность как типы ментальности, присущие западным и не-западным культурам соответственно (Апанович и др., 2017). При этом аналитичность–холистичность понимается нами не как дихотомия, а как континуум значений.

Было показано, что различия в аналитичности–холистичности проявляются не только между культурами, но и внутри одной культуры. Есть данные о том, что эти различия определяются преобладающим типом экономических отношений, социальным классом и др.

Исходя из присущих субъектам с аналитическим и холистическим мышлением особенностей когнитивных процессов, нами было предположено, что существуют такие задачи, одни из которых успеш-

* Исследование поддержано РНФ, проект № 14-28-00229.

нее решаются аналитиками, а другие холистами. Мы определяем аналитические задачи как те, решение которых является строго последовательным, линейным и алгоритмизированным, развернутым во времени. Решение аналитических задач основано на применении формальной логики (оперирование категориями «истина» и «ложь», определяющимися в соответствии с заданными правилами) и применении анализа (необходимость разложения объекта на части и выявление ключевых его свойств вместо целостного восприятия). Холистические задачи мы определяем как такие, для решения которых требуется целостное восприятие задачи, учет контекста (в том числе социального), в который погружено ее содержание. Решение холистических задач возможно эвристическим методом, процесс решения является менее эксплицированным и менее осознанным и более ассоциативным.

Для успешного решения аналитических задач предполагается использование парадигматического способа понимания и мышления, а для успешного решения холистических – нарративного и тезаурусного.

Нами были отобраны 7 типов задач, которые мы характеризовали как аналитические или холистические. В блок аналитических задач вошли задачи, взятые из сборников математических и логических задач и методик на изучение мышления. К аналитическим задачам были отнесены «Задачи про рыцарей и лжецов», задачи на соответствие (Смаллиан, 1981), решение силлогизмов и методика «Выделение существенных признаков» (Маленов, Маленова, 2005). В блок холистических задач вошли решение анаграмм, решение моральных дилемм (Arutyunova et al., 2013) и тест «Многозначные слова» (Кашапов, 2009). Кроме предложенных задач испытуемые заполняли опросник AHS, предназначенный для измерения аналитичности – холистичности на внутрикультурном уровне (Апанович и др., 2017).

Для каждой из задач брались свои показатели успешности для статистической обработки: время решения и/или правильность, а также беглость и оригинальность ассоциаций для теста «Многозначные слова» и качественный анализ аргументации при решении моральных дилемм (см., например, Брушлинский, Темнова, 1993).

Апробация была проведена на выборке в 24 человека (14 испытуемых женского пола и 10 – мужского). Средний возраст равен 21,1 лет, медиана – 19 лет.

На первом этапе обработки необходимо было среди исходно подобранного набора задач выбрать только те, которые а) согласованны друг с другом; б) выровнены по сложности (отсутствуют статис-

тически значимо более сложные или более простые по сравнению с остальными задачами данного набора). Согласованность задач проверялась по показателям α Кронбаха – α_{cr} (для количественных переменных) и α Кьюдера–Ричардсона – α_{kr20} (для дихотомических шкал). Анализ более легких и более сложных задач проводился с помощью критериев Фридмана и Q Кохрена (для количественных и дихотомических переменных соответственно). В случае если эти критерии показывали, что уровень трудности заданий неодинаков, проводились попарные сравнения по критерию Вилкоксона (для количественных показателей) или МакНемара (для дихотомических показателей). Для каждого из блоков задач были отобраны только наиболее согласованные задания.

Затем был проведен второй этап обработки. После удаления задач, которые являлись несогласованными с другими задачами блока или были статистически труднее или легче остальных задач блока, были посчитаны интегративные показатели правильности и времени решения внутри блока – шкалы, связанные с успешностью решения. Для каждой задачи анализировались регистрируемые показатели, и был сделан вывод о том, какой из показателей репрезентативнее отражает успешность решения. Основным критерием для этого была вариативность переменных. Если переменная не обеспечивала достаточного разброса данных (например, правильность решения задач на соответствие у всех испытуемых практически одинакова, а время ответа сильно варьирует), то предпочтение отдавалось другой характеристике (т. е. для силлогизмов в качестве основной переменной было отобрано время решения).

После этого отобранные переменные, обладающие достаточной вариативностью переменные (10 шт.) были преобразованы в Z-шкалу для их нормировки. Это дает основания для допущения о том, что все шкалы измерены в одних единицах измерения (Z-координатах), и к ним можно применять линейные операции (сложения и вычитания). Было проанализировано, каким образом переменные связаны с баллами по AHS. Использовался коэффициент корреляции Спирмена.

В силу малого количества N практически не было найдено значимых коэффициентов корреляции между показателями успешности отдельных задач. На основании этого можно предполагать, что отдельные задачи не являются критическими для разделения респондентов на холистов и аналитиков, и важно обращать внимание на весь блок задач. Для этого Z-координаты показателей, сильнее всего связанных с показателями аналитичности–холис-

тичности (по коэффициенту детерминации) были просуммированы с соответствующим знаком (правильность бралась со знаком «+», а время ответа – со знаком «–»), отдельно для аналитических и отдельно для холистических задач. Таким образом, было получено две интегративные шкалы успешности решения аналитических и холистических задач. Из блока аналитических задач было исключено решение силлогизмов, показатели которого не были связаны с AHS.

Таким образом, в качестве маркеров успешности для аналитических задач использовались время решения и правильность (в задаче «Про рыцарей и лжецов»), время решения (задачи «На соответствие»), правильность («Выделение существенных признаков»). Для холистических задач, соответственно, использовались показатели: время решения («Анаграммы»), беглость и оригинальность («Многозначные слова») и аргументация, содержательно соответствующая холистическому мышлению («Моральные дилеммы»).

После этого был получен коэффициент корреляции между показателем аналитичности–холистичности и интегративным критерием успешности (рассчитываемый как разница между показателями успешности холистических и аналитических задач), равный 0,696 (при p=0,008). Таким образом, можно говорить о том, что чем ниже показатель холистичности (т. е. чем выше аналитичность субъекта), тем успешнее он решает аналитические задачи. Чем выше холистичность субъекта, тем успешнее он решает холистические задачи.

Таким образом, нами была сконструирована батарея методик, включающая в себя задачи, успешность решения которых предполагает выраженность аналитического или холистического мышления. Валидность задач была проверена эмпирически: показано, что успешность решения аналитических и холистических задач прямо связана с аналитичностью–холистичностью субъектов.

Литература

Апанович В. В., Знаков В. В., Александров Ю. И. Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.

Брушлинский А. В., Темнова Л. В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений / Отв. ред.: К. А. Абульханова-Славская, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.

Кашапов М. М. Стадии творческого мышления профессионала: Монография. Ярославль: Ремдер, 2009.

Психологический практикум «Мышление и речь»: Учеб.-метод. пособие / Сост. А. А. Маленов, А. Ю. Маленова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
Смаллиан Р. М. Как же называется эта книга? М.: Мир, 1981.
Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I., Hauser M. D., Znakov V. V. Moral Judgments in Russian Culture: Universality and Cultural Specificity // Journal of Cognition and Culture. 2013. V. 13. № 3–4. P. 255–285.

Локус контроля и направленность личности как значимые характеристики личности спортсмена

В. Б. Токарева (*Ярославль*)

С развитием спорта в нашей стране и за рубежом практически все те, кто добивается права участия в соревнованиях высшего ранга, и талантливы, и трудолюбивы. Потенциальные возможности добиться успеха у них подчас приблизительно равны. В таких условиях уровень психологической подготовки спортсменов, умение в нужный момент преодолеть волнение и настроиться на победу приобретают особое значение.

Спорт, по сути своей, хорошее средство для воспитания личностных качеств. Роль спортивной деятельности в формировании характера заключается в том, что она образует те своеобразные потенциальные основы действий, в которых выражается характер человека, его индивидуальные особенности, воля (Гогунов, Мартьянов, 2000).

Занятия спортом служат причиной заметных изменений в личности человека. В свою очередь, от формирования и развития целого ряда свойств личности зависит успешность спортивной деятельности. Разумеется, это не означает, что эти свойства могут быть сформированы только в спорте, однако спортивная деятельность представляет широкое поле для воспитания самых разнообразных сторон личности.

Одной из сторон личности, по нашему мнению, является локус контроля. Локус контроля – это не только принятие ответственности за свои действия, но и уверенность в себе и самоанализ, без которого деятельность спортсмена, результат спортсмена не будет иметь значение.

Также одной из сторон личности является ее направленность. Направленность личности – это то, что человеку внутренне, действительно дорого, к чему он на самом деле стремится. Направленность – сложное свойство личности, которое включает систему по-

буждений, определяющую активность человека, избирательность его отношений. Совершая действия и поступки, люди исходят из разных побуждений. Так и в процессе своей деятельности спортсмены выдвигают перед собой разные цели и перспективы, избирательно относятся к окружающим и социальным ценностям (образованию, общественной деятельности, требованиям дисциплины, коллективным обязанностям и т.д.). Сознание и чувство долга, потребности и убеждения, установки и привычки, цели и перспективы – все это разные элементы направленности.

Целью нашей работы было изучение локуса контроля у спортсменов и его взаимосвязи с направленностью личности. Знания психологических особенностей спортсмена, в частности локуса контроля и направленности личности, дает возможность тренеру эффективно организовать индивидуальную работу, а также помогает скорректировать не только личность спортсмена, но и отношение самого спортсмена к жизни, к той ситуации, которая складывается в отношениях между игроками команды, между членами его семьи и его окружением.

Эмпирическое исследование было построено на основе методики «Уровень субъективного контроля» Роттера и опросника «Определение направленности личности» Б. Басса. В исследовании участвовали хоккеисты и баскетболисты от 14 до 15 лет, в количестве 35 человек. Определение достоверности различий выборочных средних проводилось по U-критерию Манна–Уитни для независимых выборок; взаимосвязи между факторами устанавливались при помощи коэффициента корреляции Ч. Спирмена.

Интересной, на наш взгляд, является взаимосвязь локуса контроля и направленности личности на общение. Результаты показали, что хоккеисты 1997 года рождения не только считают свои действия важным фактором в организации игры, но и то, что общение является неотъемлемой частью их деятельности. Это свидетельствует о том, что спортсмен готов принимать те оценки, которые им дают, неважно, что они отрицательные. Их адекватность, принятие критики со стороны не только своих сверстников, но и тренера свидетельствует об их открытости новому опыту и уверенности в собственных возможностях. Возможно, это объясняется тем, что команда «Локомотив – 97» проводит большое количество времени вместе. Знание своего партнера не только в игре и на тренировках, но и в неформальной обстановке, как друга дает спортсмену основание доверять ему, а значит, и дает уверенность в себе и своих силах. Такие игроки более сыгранны.

Взаимосвязь показателя экстернального локуса контроля в сфере деятельности и показателя направленности личности на себя, говорит о том, что более важное влияние на деятельность баскетболистов оказывает окружение и случай. Полученные результаты говорят о том, что такие спортсмены будут ориентированы на вознаграждение, и неважно, связано это с их усилиями или с ошибкой соперника. Неумение правильно оценивать свои достоинства и недостатки говорит о неспособности личности к самоанализу, такой спортсмен не может правильно относиться к ситуации и сложившимся условиям. Л. С. Выготский также подчеркивал важность самоанализа в произвольной регуляции поведения (Выготский, 1960). Возможно, это объясняется тем, что баскетболисты данной команды, по сравнению с хоккеистами, меньше времени проводят друг с другом, учатся в разных школах и встречаются только на тренировках. Как таковой сыгранности не происходит, из-за этого каждый игрок работает только в пользу себя.

В результате анализа показателей уровня субъективного контроля у хоккеистов и баскетболистов выявлены значимые различия по пяти показателям из шести: интернальность в области достижении успеха, в области неудач и производственных отношений, в сфере межличностных отношений, в сфере здоровья, в области достижения успеха и в области неудач. Сравнивая обе команды по показателям интернальности, мы видим, что внутренний локус контроля у хоккейной команды гораздо выше, чем у баскетбольной. Следовательно, хоккейная команда отличается тем, что приписывает причины большинства жизненных событий собственной личности. Они считают себя ответственным за происходящее с ними, устанавливают связь между собственными качествами и проявленными усилиями с результатами деятельности. Хоккеисты более уверены в себе, последовательны и настойчивы в достижении поставленной цели. Возможно, высокая интернальность у хоккеистов объясняется стажем и большим опытом тренера, нежели тренером баскетбольной команды. Тренер команды «Локомотива» более опытен, он не только тренирует выносливость и физическую силу ребят, но и помогает им советами как наставник. Тренер команды баскетболистов имеет небольшой стаж и еще только начинает карьеру тренера. Поскольку контакт с ребятами у него налажен не настолько хорошо, как у другой команды, то могут возникать некие трудности в воспитании.

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что тренерам необходимо готовить спортсменов не только в физическом

и тактическом плане, но и в личностном, нравственном и духовном, а также добиваться у них противостояния многим соревновательным факторам, оказывающим негативное влияние и вызывающим рассогласование функций, добиваться проявления высокой надежности в соревновательной деятельности.

Литература

Гогунов Е. Н., Мартьянов Б. И. Психология физического воспитания и спорта: Учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: ИЦ «Академия», 2000.

Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1960.

Взаимосвязь особенностей пищевого поведения подростков и их представлений о родителях

И. В. Толмачева (*Новосибирск*)

Актуальность проблемы влияния стилей семейного воспитания на пищевое поведение подростков определяется тем, что межличностные отношения в семье и, прежде всего – детско-родительские оказывают решающее влияние на формирование личности и поведения детей. Таким образом, сложившиеся представления о своих родителях влияют на способы эмоционального реагирования детей и их самооценку. Последние явления связаны с пищевым поведением: еда зачастую используется как «утешитель», источник позитивных эмоций, некоторым людям свойственно «заедать» стресс.

Самооценка же формируется, в том числе из преставления о телесном Я, которое может формироваться по примеру отношения к своему телу наших родителей, а также как отражение степени принятия и любви нас нашими родителями. Помимо этого, тревожность как результат деструктивных стилей воспитания может опредмечиваться в нашем отношении к еде. Приобретенный опыт опредмечивания пищевой потребности проявляется в специфическом межличностном контексте и определяет связь пищевого поведения и значимых отношений (Лобин, 2006).

Пищевое поведение можно представить, как образ жизни и действий в различных условиях, включающий в себя поиск, выбор, поглощение пищи, а также оценку этих процессов в соответствии с потребностями, режимом питания, вкусовыми, диетическими,

культурными, социальными, семейными, биологическими и иными предпочтениями.

По теме исследования, целью которого явилось изучение влияния стилей семейного воспитания на пищевое поведение подростков, было проведено расширенное пилотажное исследование, включающее в себя следующие исследовательские методики:

1. «Мысли и паттерны поведения» (М. Купер, Г. Тодд, Р. Вулрич).
2. «Родителей оценивают дети» (И. А. Фурманов, А. А. Аладьин).
3. «Подростки о родителях» (Л. И. Вассерман, И. А. Горькова).

Выборка составила 35 человек 10–11 классов. Экспериментальной базой явилась МБОУ СОШ № 206 г. Новосибирска.

В результате статистической обработки в программе SPSS 17.0 методом корреляционного анализа (по критерию Спирмена) были обнаружены следующие значимые корреляции между шкалами опросников:

1. Опросник «Родителей оценивают дети» и опросник «Мысли и паттерны поведения» имеют следующие значимые взаимосвязи:

– Шкала «Вытеснение конфликта между супругами в сферу воспитания» опросника «Родителей оценивают дети» показала значимые различия со следующими шкалами опросника «Мысли и паттерны поведения» о пищевом поведении: «Негативные мысли» (rs=0,547, p=0,01) и «Вес и форма» (rs=0,466, p=0,01). Это говорит о том, что при выраженной конфликтности в семьях дети достоверно чаще наделяют пищу негативным значением, а так же тревожатся по поводу своего веса.
– Шкала «Недоразвитость родительских чувств» опросника «Родителей оценивают дети» показала значимые взаимосвязи со следующими шкалами опросника «Мысли и паттерны поведения» о пищевом поведении: «Негативные мысли» (rs=0,454, p=0,05) и «Вес и форма» (rs=0,399, p=0,05). При эмоциональной холодности и отстраненности родителей по отношению к детям, последние достоверно чаще наделяют пищу негативным аспектом, свое пищевое поведение – самообвинением, а также больше, чем сверстники, встревожены формой и весом своего тела.
– Шкала «Фобия утраты ребенка» опросника «Родителей оценивают дети» показала значимые взаимосвязи со шкалой «Процесс употребления пищи» методики «Мысли и паттерны поведения» (rs=0,475, p=0,01). Отсюда, при страхе родителя утраты своего ребенка, у последнего появляется повышенное внимание к приему

пищи, что может быть объяснено жизненным значением приема пищи, а также тем, что в том числе через кормление родители выражают свою заботу о ребенке.

– Шкала «Воспитательная неуверенность родителя» опросника «Родителей оценивают дети» показала значимые взаимосвязи со шкалами «Негативные мысли» (rs=0,373, p=0,05) и «Вес и форма» (rs=0,438, p=0,05) методики «Мысли и паттерны поведения». При неуверенности родителя в воспитании ребенка у него появляются осуждающие прием пищи мысли, а также осуждение по отношению к своему телу.
– Шкала «Предпочтение в подростке детских качеств» опросника «Родителей оценивают дети» показала значимые взаимосвязи со шкалой «Негативные мысли» (rs=0,402, при p=0,05) методики «Мысли и паттерны поведения». При поощрении инфантильности в подростке родителем у ребенка появляются осуждающие прием пищи мысли.
– Шкала «Расширение сферы родительских чувств» опросника «Родителей оценивают дети» показала значимые взаимосвязи со следующими шкалами: «Негативные мысли» (rs=0,386, p=0,05), «Диета» (rs=0,418, p=0,05), «Переедание» (rs=0,410, p=0,05), «Одежда» (rs=0,376, p=0,05) методики «Мысли и паттерны поведения». При склонности родителя замещать эмоциональный дефицит в отношениях с супругом через отношения с ребенком, у подростка появляются осуждающие прием пищи мысли, стремление к ограничению себя в пище, склонность к перееданию и повышенное внимание к скрывающей тело одежде.
– Шкала «Неустойчивость стиля воспитания» опросника «Родителей оценивают дети» показала значимую связь с методикой «Образ своего тела», шкалой «Недовольство своим телом» (rs=0,365, p=0,05). Это говорит о том, что при наличии постоянной резкой смены стилей воспитания наблюдается появление у подростка недовольства своим телом.
– Шкала «Гипопротекция» опросника «Родителей оценивают дети» показала значимую связь с методикой «Образ своего тела», шкалой «Недовольство своим телом» (rs=0,438, p=0,05). Это говорит о том, что у подростков, у которых наблюдается недостаточное внимание со стороны родителей, присутствует недовольство своим телом.

2. Между шкалами опросника «Подростки о родителях» и опросника «Мысли и паттерны» были выявлены следующие значимые корреляции:

– Шкала «Позитивные мысли» (опросника «Мысли и паттерны») имеет обратную взаимосвязь со шкалой «Позитивный интерес» (опросника «Подростки о родителях») в части высказываний о матери (rs=–0,356, p=0,05). Таким образом, отмечается, что выраженный позитивный интерес матери имеет обратную взаимосвязь с появлением у подростка субъективно «привносящего» значения еды для его психологического комфорта.

А – Шкала «Враждебность» матери (опросника «Подростки о родителях») имеет прямую взаимосвязь со следующими шкалами опросника «Мысли и паттерны»: «Позитивные мысли» (rs=0,450, p=0,01) и «Вес и форма» (rs=0,386, p=0,05).

Б – Шкала «Директивность» матери (опросника «Подростки о родителях») имеет прямую взаимосвязь со следующими шкалами опросника «Мысли и паттерны»: «Диета» (rs=0,488, p=0,01), «Переедание» (rs=0,490, p=0,01), «Одежда» (rs=0,481, p=0,01), «Поведение, связанное с пищей» (rs=0,354, p=0,05) и «Процесс употребления пищи» (rs= 0,452, p=0,01).

В – Шкала «Непоследовательность» матери (опросника «Подростки о родителях») имеет прямую взаимосвязь со следующими шкалами опросника «Мысли и паттерны»: «Диета» (rs=0,381, p=0,05), «Переедание» (rs=0,350, p=0,05), «Одежда» (rs=0,391, p=0,05) и «Вес и форма» (rs=0,347, p=0,05).

Г – Шкала «Враждебность» отца (опросника «Подростки о родителях») имеет прямую взаимосвязь со следующими шкалами опросника «Мысли и паттерны»: «Одежда» (rs=0,508, p=0,01) и «Диета» (rs=0,417, p=0,05).

Д – Шкала «Директивность» отца (опросника «Подростки о родителях») имеет прямую взаимосвязь со следующими шкалами опросника «Мысли и паттерны»: «Одежда» (rs=0,445, p=0,05).

Е – Шкала «Непоследовательность» отца (опросника «Подростки о родителях») имеет прямую взаимосвязь со следующими шкалами опросника «Мысли и паттерны»: «Позитивные мысли» (rs=0,512, p=0,01), «Одежда» (rs=0,406, p=0,05) и «Переедание» (rs=0,508, p=0,01).

В то же время имеется обратная зависимость паттерна «Одежда» и «Позитивного интереса» (rs=–0,413, p=0,05) отца, что говорит о благотворном влиянии этого стиля воспитания на спокойное отношение ребенка к одежде.

Можно заключить, что наибольшее деструктивное влияние на формирование пищевого поведения подростка оказывают такие

черты родителей в восприятии подростка, как директивность, непоследовательность и враждебность. Позитивный интерес обоих родителей, выраженный по отношению к детям, препятствует формированию негативных явлений в сфере их пищевого поведения.

Таким образом, полученные данные говорят нам о наличии взаимосвязи представлений подростков о родителях и особенностей пищевого поведения подростка.

Литература

Аныкина А. В., Ребеко Т. А. Адаптация русскоязычной версии опросника «Мысли и паттерны поведения» для лиц, страдающих ожирением // Психологический журн. 2009. Т. 30. № 1. С. 106–118.

Лобин К. В. Структура личности женщин, страдающих алиментарным ожирением (в связи с задачами психотерапии): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.

Социально-психологическая надежностьрабочих групп АЭС как важнейшая предпосылка их безаварийности

В. В. Толстиков (*Воронеж*)

26 апреля 1986 г. произошло событие, оставившее неизгладимый след в истории мировой атомной энергетики и всего человечества: взрыв на четвертом блоке Чернобыльской атомной станции стал крупнейшей ядерной аварией как по количеству погибших и пострадавших людей, так и по масштабу экономического и экологического ущерба. До сих пор продолжаются дискуссии о причинах этой катастрофы: с одной стороны, указываются технические несовершенства реактора, с другой – ошибки оперативного персонала ЧАЭС (Машин, 2011).

Проблема важности психофизиологического профессионального отбора на АЭС впервые была поставлена еще в 1979 г. после аварии на АЭС Три-Майл-Айленд в США, которая стала следствием ошибок оператора (Асмолов и др., 2010). Но именно Чернобыльская авария явилась тем событием, после которого особое внимание начали уделять проблеме надежности человека-оператора, действующего в напряженных условиях. Она стала активно разрабатываться в психологии труда, инженерной психологии, психологии безопасности и т. д.

Много времени и усилий было приложено к тому, чтобы получить те инженерно-технические знания, которых не хватало ученым

на момент Чернобыльской аварии, колоссальные денежные средства были потрачены на проведение экспериментальных исследований, обоснование расчетов, средств ядерной и радиационной защиты. Тем не менее, в 2011 г. в Японии, после мощнейшего землетрясения и последовавшего за ним цунами, на АЭС Фукусима произошла авария, которую считали невозможной (Асмолов и др., 2010). Ее последствием, помимо человеческих жертв, экологического и экономического ущерба, стал очередной всплеск недоверия и страха человечества к атомной энергетике.

Тем не менее позиция многих ученых-атомщиков остается неизменной: атомная энергетика необходима человечеству и, по сути, является на сегодня единственным реальным источником получения электрической энергии. При этом главным приоритетом должно стать обеспечение безопасной эксплуатации АЭС на всех этапах, начиная от проектирования и заканчивая выводом из эксплуатации.

В последнее время к разработке проблемы безопасности эксплуатации АЭС все активнее подключаются психологи. По результатам уже проведенных психологических исследований сформулировано важнейшее положение: «Попытки свести к нулю вероятность появления ошибок человека путем внедрения новейших достижений психологии, эргономики и других наук при проектировании и изготовлении отдельных компонентов систем управления обречены на неудачу» (Бодров, Орлов, 1998, с. 11). Эргономичность и «удобность» для оператора отдельных систем и компонентов оборудования не является залогом того, что он не совершит ошибку. Эффективность и надежность системы «человек—машина» зависят не только от степени совершенства технического оборудования и особенностей психических и физических свойств человека, но и от качества взаимодействия человека с управляемой им машиной.

Надежность как системное свойство индивида «характеризуется специфической совокупностью профессиональных, психологических (личностных, когнитивных и др.) и физиологических качеств и функций на различных уровнях регуляции трудовой активности» (Сарычев, Чернышев, 2000, с. 7). Под надежностью человека-оператора чаще всего понимается «безотказность, безошибочность и своевременность действий, направленных на достижение конкретных профессиональных целей в процессе взаимодействия с техникой или с другими специалистами» (Бодров, Орлов, 1998, с. 4). В качестве внешнего (объективного) показателя надежности выступает, таким образом, количество отказов техники и ошибочных действий: чем ниже этот показатель, тем выше надежность оператора.

Учитывая тот факт, что работа оперативного персонала АЭС проходит посменно в небольших группах (в среднем по 5–7 человек), целесообразно рассматривать надежность как групповой процесс, как результат совместной деятельности операторов – членов рабочей группы. Тогда показатель надежности группы (оперативной смены) будет определяться количеством отказов/ошибок, произошедших в течение смены. Групповая надежность становится в этом случае, с одной стороны, кореллятом надежности каждого отдельного оператора – члена рабочей группы, а с другой стороны, результатом специфического внутригруппового взаимодействия всех членов смены.

Надежность группы – системное социально-психологическое качество, актуализирующееся в напряженных и экстремальных условиях совместной деятельности. В литературе отмечается, что «проблема совместной деятельности группы в напряженных и экстремальных условиях исследована недостаточно, а основные усилия направлены на изучение индивида, осуществляющего операторскую деятельность», что «отсутствуют приемлемые теоретические объяснения фактов неоднозначности групповой динамики и эффективности совместной деятельности в напряженных и экстремальных условиях» (Сарычев, Чернышев, 2000, с. 15).

Следует согласиться с тем, что надежность группы, действующей в напряженных и экстремальных условиях совместной деятельности, нуждается в дальнейшем изучении. Однако вряд ли обоснованно проводить оценку надежности группы лишь по результатам ее совместной работы в экстремальных, внештатных ситуациях. Не менее значимым представляется исследовать особенности надежности группы в нормальных, привычных условиях совместного функционирования. Если рабочая группа будет надежна в так называемых обычных, штатных ситуациях, то больше вероятности, что и в случае развития аварийной ситуации на АЭС каждая из оперативных смен продемонстрирует высокую надежность, сможет безошибочно и своевременно выполнить необходимые действия. Возможно, между групповой надежностью в экстремальных и обычных условиях нет прямой зависимости, тем не менее, надежность группы, работающей в штатном режиме, служит предпосылкой для ее безотказного функционирования в экстремальных условиях.

Одним из вариантов решения проблемы групповой надежности рабочих смен АЭС нам видится разработка и внедрение системы мероприятий в рамках деятельности психологической службы АЭС, направленных на формирование и развитие именно надежности группы (оперативной смены). На данный момент можно го-

ворить о том, что апробированных, экспериментально обоснованных и доказанных программ формирования групповой надежности на отечественных АЭС не существует. Как уже было сказано, повышенное внимание уделяется надежности человека-оператора. В качестве же инструментов и методов развития групповой надежности используются не всегда эффективные, а подчас и вовсе парапсихологические манипуляции.

Полагаем, что требуется провести тщательный анализ разработанных в отечественной и зарубежной социальной психологии концепций групповой надежности, выделить основные социально-психологические факторы, механизмы и компоненты групповой надежности в различных условиях совместной деятельности и разработать на их основе комплексную программу ее формирования и поддержания у персонала АЭС.

Таким образом, целью планируемого нами исследования выступает разработка специальной программы психологического сопровождения оперативного персонала АЭС в малых рабочих группах (сменах), направленной на формирование и поддержание высокого уровня их социально-психологической надежности.

Гипотезой исследования является предположение о том, что данная программа психологического сопровождения повысит надежность оперативного персонала не только на индивидуальном, но и групповом уровне, что выразится в снижении числа нарушений и отклонений в работе АЭС, связанных с человеческим фактором.

В качестве выборки исследования планируется задействовать 50 оперативных смен Нововоронежской АЭС. Дизайн исследования предполагает проведение первичной диагностики с использованием специально разработанного методического блока, формирующего эксперимента по программе психологического обеспечения надежности оперативного персонала АЭС в малых рабочих группах (сменах), постэкспериментальную диагностику с целью выявления эффективности реализованной программы.

В заключение еще раз подчеркнем, что для достижения цели безаварийной работы АЭС важно постоянно совершенствовать не только инженерно-технические решения, но и проводить качественное социально-психологическое сопровождение персонала АЭС. Надежность группового взаимодействия операторов является одной из наиболее значимых проблем, от которой зависит безопасная работа АЭС. Она требует тщательной теоретико-эмпирической разработки и последующей практической реализации в деятельности АЭС.

Литература

Асмолов В. Г., Блинков В. Н., Ковалевич О. М. Основы обеспечения безопасности АЭС. М.: Изд-во МЭИ, 2010.

Бодров В. А., *Орлов В. Я.* Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Машин В. А. Современные основы концепции культуры безопасности // Атомные электростанции. 2011. № 4. С. 5–11.

Сарычев С. В., Чернышев А. С. Социально-психологические аспекты надежности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности. Курск: Изд-во КГПУ, 2000.

Вторичная факторизация методики диагностики копинг-стратегий COPE

Е. А. Троицкая (*Москва*)

В современном мире человек все чаще сталкивается со стрессовыми ситуациями, которые могут приводить к развитию хронического стресса, наиболее опасного для физического и психологического благополучия человека. В связи с этим особо актуальным становится исследование особенностей совладающего поведения.

Совладающее поведение, с точки зрения Т. Л. Крюковой, – это целенаправленное поведение, позволяющее человеку справляться со стрессом (трудной жизненной ситуацией) способами, адекватными личностным особенностям и ситуации (Крюкова, 2005). Несмотря на то, что совладающее поведение интенсивно исследуется как в зарубежной, так и в отечественной психологии (Журавлев, 2008), одним из недостаточно изученных вопросов остается проблема диагностики копинг-стратегий. Целью нашего исследования стало выявление вторичной факторной структуры методики диагностики копинг-стратегий COPE. Оригинальная методика COPE была разработана в 1989 г. К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом (Carver, Scheier, Weintraub, 1989). В нашем исследовании применялась русскоязычная адаптация, выполненная Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осиным (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013). Данная методика состоит из 60 пунктов, которые в результате первичной факторизации были объединены в 15 шкал, позволяющих исследовать 15 копинг-стратегий: 1) позитивное переформулиро-

вание и личностный рост, 2) мысленный уход от проблемы, 3) концентрация на эмоциях и их активное выражение, 4) использование инструментальной социальной поддержки, 5) активное совладание, 6) отрицание, 7) обращение к религии, 8) юмор, 9) поведенческий уход от проблемы, 10) сдерживание совладания, 11) использование эмоциональной социальной поддержки, 12) использование «успокоительных», 13) принятие, 14) подавление конкурирующей деятельности, 15) планирование.

Вторичная факторизация шкал методики COPE проводилась несколькими учеными, в том числе, и самими разработчиками оригинальной англоязычной методики COPE К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом, которые выделили четыре вторичных фактора: первый включает активное совладание, планирование и подавление конкурирующей деятельности; второй – поиск инструментальной и эмоциональной социальной поддержки, концентрация на эмоциях; третий – мысленный и поведенческий уход от проблемы, отрицание; четвертый – позитивное переформулирование и личностный рост, принятие, сдерживание совладания (Carver, Scheier, Weintraub, 1989). При этом шкала «обращение к религии» не вошла ни в один из вторичных факторов. В 1996 г. в результате еще одного факторного исследования было получена трехфакторная модель, включающая проблемно-ориентированное совладание, эмоционально-ориентированное совладание и избегание (Ingledew, Hardy, Cooper, Jemal, 1996). Таким образом, можно заключить, что имеются основания для выделения вторичной факторной структуры, но данная структура остается малоизученной. Особенно это касается русскоязычной адаптации методики COPE.

В проведенном нами исследовании в качестве испытуемых выступали 106 учащихся школ и вузов г. Москвы в возрасте от 15 до 23 лет (M=18,05; SD=2,19), включая 75 девушек и 31 юношу. Часть данных (38 испытуемых 15–17 лет) были собраны учащейся 10 класса Предуниверситария ФГБОУ ВО МГЛУ Т. Н. Ламакиной в процессе подготовки исследовательской работы «Особенности копинг-стратегий у мальчиков и девочек в подростковом возрасте», выполненной под нашим руководством. Статистическая обработка полученных данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics 20.

Шкалы методики COPE были подвергнуты эксплораторному факторному анализу по методу анализа главных компонент с косоугольным вращением (прямой облимин с нормализацией Кайзера). Было выявлено 5 факторов с собственным значением больше 1,0, в сумме объясняющих 71,92% дисперсии. Выделенные факто-

ры также подвергались вращению по методу варимакс, в результате чего была получена сходная факторная структура. Для подтверждения внутренней согласованности первичных факторов, включенных по результатам эксплораторного факторного анализа во вторичные факторы, были вычислены коэффициенты альфа Кронбаха для каждого вторичного фактора. Для этого предварительно значения первичных факторов 1, 7, 8, вошедших в факторную модель с отрицательным знаком, были изменены на противоположные, путем вычитания значения из 20 (поскольку значения каждого из первичных факторов может варьироваться от 4 до 16). Для большинства вторичных факторов получены хорошие показатели внутренней согласованности, кроме вторичного фактора 4: для вторичного фактора 1 значение показателя альфа Кронбаха составляет 0,78; для вторичного фактора 2—0,81; для вторичного фактора 3—0,86; для вторичного фактора 4—0,27; для вторичного фактора 5—0,67.

Далее был проведен качественный анализ полученных вторичных факторов. Вторичный фактор 1 можно условно назвать «избегание проблемы», поскольку он включает копинг-стратегии «мысленный уход от проблемы», «отрицание», «поведенческий уход от проблемы», «использование „успокоительных“», «концентрация на эмоциях и их активное выражение», «сдерживание совладания». Все указанные копинг-стратеги объединяет то, что человек стремится «забыть» о проблеме любыми способами, либо даже отрицает наличие проблемы.

Вторичный фактор 2, напротив, включает такие копинг-стратегии как «активное совладание», «планирование», «подавление конкурирующей деятельности», а, следовательно, может быть назван «решение проблемы», т. к. этот вторичный фактор содержит копинг-стратегии, нацеленные на разрешение имеющейся проблемы.

Вторичный фактор 3, названный нами «поиск поддержки», объединяет первичные факторы «использование эмоциональной социальной поддержки» и «использование инструментальной социальной поддержки», т. е. подразумевает поиск человеком поддержки со стороны окружающих людей.

Вторичный фактор 4 включает первичные факторы «принятие» и «обращение к религии», причем последний с отрицательным знаком, т. е. отсутствие обращения к религии. Проанализировав утверждения из опросника COPE, можно объяснить объединение этих двух первичных факторов в один вторичный тем, что принятие ситуации связано с приспособлением к сложившимся условиям, с готовностью свыкнуться с трудностями, а «обращение к религии» в данной

методике подразумевает стремление изменить ситуацию с помощью обращения к высшим силам. Таким образом, вторичный фактор 4 можно обозначить как «приспособление к проблеме». Однако, исходя из значения показателя альфа Кронбаха, можно говорить о необходимости дополнительного исследования для подтверждения данного фактора.

Вторичный фактор 5 можно назвать «негативное оценивание», поскольку он включает в себя шкалы методики COPE «юмор» и «позитивное переформулирование и личностный рост», причем обе шкалы входят во вторичный фактор с отрицательным знаком, т. е. отражают серьезное отношение к проблеме и даже немного пессимистичный настрой.

Полученная нами факторная структура частично согласуется с факторной структурой, выделенной К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом в 1989 г. (Carver, Scheier, Weintraub, 1989).

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что было выделено пять вторичных факторов в методике диагностики копинг-стратегий COPE: 1) избегание проблемы, 2) решение проблемы, 3) поиск поддержки, 4) приспособление к проблеме, 5) негативное оценивание. Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность. Они уточняют представления современной психологической науки о совладающем поведении в целом и о связи отдельных копинг-стратегий в частности. На практике результаты исследования могут применяться психологами в процессе диагностической и коррекционной работы с учащимися юношеского возраста, находящимися в стрессовой ситуации. Перспективой нашего исследования является подтверждение выделенных вторичных факторов на других выборках, а также более глубокое исследование взаимосвязи различных копинг-стратегий, что позволяет говорить о выделении стилей совладающего поведения.

Литература

Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Дис. ... докт. психол. наук. Кострома, 2005.

Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.

Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. J. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. V. 56. № 2. P. 267–283.
Ingledew D. K., Hardy L., Cooper C. L., Jemal H. Health behaviours reported as coping strategies: a factor analytical study // British Journal of Health Psychology. 1996. № 1. P. 263–281.

Особенности рефлексии студентов, обучающихся по психологическим направлениям профессиональной подготовки

А. И. Троянская (*Ижевск*)

Актуальность исследования специфических способов рефлексии личности в условиях профилизации обучения сложно переоценить, учитывая значение образования в формировании этого инструмента самоорганизации личности. Рефлексия личности – уникальная человеческая способность, обеспечивающая возможность самообразования, выстраивания жизненного пути по самостоятельно выбранной траектории за счет выработки определенной внутренней позиции в жизненных ситуациях. Но и сама эта способность формируется в условиях профильного обучения, акцентирующего определенные объекты рефлексии. Направление подготовки накладывает определенный «отпечаток» на протекание мыслительных процессов, формируя профессиональный стиль мышления и рефлексии. К «экватору» обучения студенты второго, третьего курсов, как правило, демонстрируют особенности рефлексии, которые можно назвать профессиональным стилем рефлексии.

Рефлексия личности есть полипроцессуальное образование, ядром которого является иерархия основных когнитивных процессов, но обращенных к внутреннему миру (Карпов, 2011). Она является процессом, свойством и состоянием одновременно, и заключается в познании, переосмыслении и проектировании личностью собственной деятельности, своей позиции в ней и образа себя как субъекта этой деятельности (Троянская, 2011).

Было предпринято исследование с *целью* изучения особенностей рефлексии молодых людей, обучающихся по различным направлениям профессиональной подготовки. В качестве *гипотезы* исследования было выдвинуто предположение, что рефлексия студентов второго, третьего годов обучения будет обнаруживать специфические

особенности, характеризующие так называемый профессиональный стиль ее осуществления.

Выборка исследования составила 80 студентов вузов (МПГУ, Иж ГТУ им. М. Т. Калашникова) различных профилей подготовки (психология развития, социальная работа с молодежью, менеджмент, управление персоналом), из них 21 человек – мужчины, 59 – женщины. В данной статье рассмотрены результаты, полученные в подгруппе студентов психологических направлений подготовки (41 чел.).

Для изучения особенностей рефлексии молодых людей применялся следующий *инструментарий* (Троянская, 2014): рефлексивный тест-самоотчет «Кто Я» (В. С. Мухина); анализ жизненных целей Л. Д. Столяренко; методика предельных смыслов Д. А. Леонтьев.

Обработка вербального материала производилась *методами* контент-анализа и смыслового анализа. Подсчитывалась частота встречаемости следующих смысловых категорий.

Цели-ценности, отражающие самоотношение личности, классифицированные по звеньям самосознания (Мухина, 2010): имя (свойства), притязания на признание, половая идентификация, психологическое время личности, социальное пространство личности. Подсчитывались следующие индексы, отражающие способы формулирования целей. Продуктивность – количество целей, их развернутость, проработанность. Индекс децентрации – количество категорий, субъектом действия в которых выступают другие люди. Индекс рефлексивности – количество категорий, описывающих не практическое действие, а психическое отражение. Индекс негативности – количество категорий, выражающих прямое отрицание, противоречие, столкновение целей.

Результаты исследования показали, что особенности рефлексии образуют несколько слоев – уровней: общие для молодежи возрастные особенности; особенности, отражающие специфику направления профессиональной подготовки; индивидуальные особенности.

Общие характеристики рефлексии, обнаруженные по студенческой выборке различных специальностей, созвучны ключевым задачам возрастного периода молодости: направленность на поиск себя, стремление к открытию своей личности, присутствие поверхностных позитивных самоописаний-комплиментов, амбивалентность рефлексий вплоть до прямых указаний на противоречия, подчеркнутое значение половой идентификации, дружеских связей, высокое значение выбора профессии, достигнутой самостоятельности или притязании на нее.

Обратимся к особенностям рефлексии, специфическим для личности молодых людей, обучающихся по психологическим направлениям подготовки.

1. Интенсивной рефлексии подвергается реальность внутреннего пространства личности, преимущественно применяется интрапсихическая рефлексия, направленная на исследование внутреннего мира, осознание и характеристику собственных эмоций и психических процессов («*Я человек довольно сдержанный и терпеливый*», «*Я стараюсь быть ответственной и серьезной*»).
2. В вербальном текстовом материале преобладают описательные категории, посвященные характеристике собственных психических процессов.
3. Внутренний мир осознается довольно глубоко. Психологические качества и процессы описываются четко, называются корректными научными терминами («*Я довольно искренний человек, могу быть полностью открытой со своими близкими друзьями*», «*Я экстраверт*», «*У меня развита эмпатия*»).
4. Нередко встречаются и абстрактные описания («*Я – буря, пламя, космос*», «*Я – вся вселенная*», «*Я есть свобода*»).
5. Ярко выражено идеалистическое самолюбование («*Я экзотический цветок*», «*Я праздник*»).
6. Осознание своей уникальности и придание ей особого значения («*Я уникальна*», «*Таких, как я, больше нет*»).
7. Рефлексии социального пространства характеризуются желанием сделать свой вклад в общественную жизнь, но в то же время отсутствует понимание, какой конкретно вклад можно реализовать. Обозначаемые «высокие» намерения выражаются в абстрактных категориях («*Я хочу внести свой вклад в общество, но пока не знаю какой*», «*Я готова быть социально полезной, но только в том социуме, который я буду считать стоящим*», «*Я хочу заниматься благотворительностью*»).
8. Рефлексии подвергаются нереализованные возможности («*Я нереализованная певица*», «*Я всегда мечтала танцевать*»).
9. В невербальном рисуночном материале преобладают символические изображения: наполовину наполненная ваза, радуга, планета.
10. Преобладающие категории действия (глаголы) – любить и понимать.

Интерпретация результатов позволяет отметить характеристики рефлексии «психологов», имеющие значение в плане суждения о психологическом благополучии личности. Направленность на осозна-

ние собственных эмоций и психических процессов может помочь в решении значимых задач возраста, саморазвитии личности. Позитивную роль в реальном взрослении играет желание внести свой вклад в общественную жизнь, хотя это желание и недостаточно конкретизировано. Отмеченная большая устремленность к своему внутреннему миру, чем к внешнему предметному, и даже большая, чем к социальному, может приводить к увлечению самолюбованием.

Можно видеть, что общие для молодежи направления рефлексии, связанные с возрастными задачами развития, реализуются в условиях по-разному организованного учебного процесса. Обучение по разным специальностям делает акцент на разных объектах рефлексии, предлагает разные приемы мыслительной деятельности, различные ценности в качестве жизненных приоритетов. Так, устремленность к анализу психологической реальности нашла логичное выражение в преобладании интрапсихической рефлексии, преимущественном оперировании абстрактными категориями, характерном для молодых людей, обучающихся по психологическим направлениям подготовки. В то же время прослеживается интерес к тем сферам жизни, на которые уделяется меньше внимания в рамках учебного процесса. Они вызывают некоторые затруднения, сопровождаются соответствующими эмоциями.

Выводы. Универсальным для молодых людей является переживание непознанности своего внутреннего мира и стремление познать себя, что специфически выражается в направленности на углубленное самоисследование, иногда вплоть до ухода в самолюбование «психологов». В ходе реализации воспитательный функции образования необходимо создать соответствующие условия для самоисследования, возможности общественной реализации, конкретного планирования карьеры, соотнесения своих возможностей с требованиями общества, ориентировки в реальной социальной ситуации.

Практическая значимость проведенного исследования обнаруживается в плане сохранения психологического здоровья и благополучия. Заинтересованным в развитии личности, педагогам, психологам, административному персоналу учебных заведений важно обратить внимание и учесть возрастные особенности, задачи, специфические потребности молодых людей, связанные с их рефлексивным поиском себя, вплоть до обогащения программ профессиональной подготовки, широкого привлечения молодых людей в предоставляемые вузами факультативные возможности самореализации в реальном мире, такие как волонтерские отряды, программы стажировок.

Литература

Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: Изд-во РАО, 2011.

Мухина В. С. Личность. Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 2-е изд., испр. и доп. М.: Прометей, 2010.

Троянская А. И. Профессиональная рефлексия личности в мире этнической культуры. Ижевск: УдГУ, 2011.

Троянская А. И. Методика исследования целей личности во взаимосвязи с психологическим благополучием // Научно-практический журнал «Социально-экономическое управление: теория и практика». 2014. № 2 (26). С. 21–25.

Характеристики взаимодействия матерей с детьми раннего возраста в замещающих семьях*

К. Г. Туманян, Д. И. Чернего, Р. Ж. Мухамедрахимов (*Санкт-Петербург*)

В настоящее время все чаще интерес ученых сосредотачивается на исследованиях развития детей с ранним опытом пребывания в сиротских учреждениях и впоследствии помещенных в замещающие семьи. Проведенные исследования показали, что дети, в раннем возрасте воспитывающиеся в учреждениях, отличаются от сверстников из биологических семей по показателям физического и психического развития. Несмотря на то, что смена условий проживания детей, воспитывающихся в учреждениях, – перевод из учреждения в семью на усыновление или под опеку в раннем возрасте благоприятно влияет на их показатели развития, тем не менее, наблюдаются существенные нарушения взаимодействия ребенка с матерью и другими взрослыми, такие как нарушение поведения привязанности, неразборчивое дружелюбие, дефицит внимания и гиперактивность (Плетенева, Мухамедрахимов, 2013).

Известно, что ключевую роль в развитии ребенка в раннем возрасте как в биологической, так и в замещающей семье играют такие характеристики взаимодействия со стороны матери, как чувствитель-

* Исследование проводится при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук и докторов наук «Изучение нейрогуморальных показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации в раннем возрасте»; грант № 14.W01.17.460-МК.

ность, отзывчивость и следование инициативам и сигналам ребенка. Согласно теории привязанности, чувствительность со стороны матери, следование за инициативой ребенка и синхронность поведения способствуют формированию отношения безопасной привязанности (Bowlby, 1991).

В последние годы было проведено множество исследований, направленных на изучение взаимоотношений между матерью и ребенком раннего возраста в замещающих семьях. Основные сложности, выявленные во взаимоотношениях между ребенком и близким взрослым, которые возникают после приема ребенка в замещающую семью, включают в себя: нечувствительность матери, проявляющуюся в отсутствии синхронности во взаимодействии с ребенком, и ее чрезмерную навязчивость по отношению к нему, например, в процессе игры (Dozier et al., 2005). Можно отметить, что для детей, воспитывавшихся в раннем возрасте в учреждении, является сложным выражение и демонстрация своей потребности в заботе со стороны близкого взрослого в замещающей семье, что может быть связано в том числе с качеством взаимодействия сотрудниц учреждения с детьми. Результаты исследований показали, что, в отличие от матерей в биологических семьях, они склонны проявлять нечувствительность к потребностям и интересам детей, вмешиваться в их деятельность (Мухамедрахимов, Иванова, Вершинина, 2008). С увеличением возраста детей они становятся менее вовлеченными во взаимодействие как по поведенческим, так и по эмоциональным показателям, при этом дети испытывают социально-эмоциональную депривацию, результаты которой могут проявляться во взаимодействии с родителями в замещающих семьях.

В связи с явными сложностями взаимодействия родителей с детьми раннего возраста в замещающих семьях исследователи разрабатывают и внедряют в практику программы сопровождения таких семей. Одной из наиболее успешных и показавших свою научную обоснованность программ психологического сопровождения детей в родителей в замещающих семьях является программа раннего вмешательства, разработанная в рамках теории привязанности («ABC intervention program»; Dozier, 2005). Данная программа направлена на повышение чувствительности матери к сигналам ребенка, в результате использования которой по данным исследований наблюдается значительное повышение качества отношений матери с ребенком в замещающей семье.

Анализ научной литературы, касающейся изучения детей раннего возраста, перешедших из учреждений в замещающие семьи и их вза-

имодействия с матерями, показал, что существует недостаток работ, посвященных изучению особенностей поведения матерей и их взаимодействия с детьми в российских замещающих семьях.

Целью настоящего исследования является изучение характеристик взаимодействия матерей с детьми раннего возраста в замещающих семьях, по сравнению с биологическими семьями.

Основная *гипотеза* исследования состоит в том, что значение характеристик взаимодействия матерей с детьми в замещающих семьях отличается от таковых в биологических семьях, и в меньшей степени отвечает потребностям взаимодействия со стороны детей.

Метод исследования. Для оценки характеристик взаимодействия между матерью и ребенком используется методика ORCE (ORCE: NICHD Early Child Care Research Network, 1996). Данная методика позволяет оценить качество взаимодействия близкого взрослого с ребенком в ситуации пятиминутной свободной игры, записываемой на видеопленку. Анализ видеоматериала проводится по 4-балльной шкале по следующим показателям взаимодействия со стороны матери: чувствительность к стрессу (sensitivity to distress), чувствительность к нестрессовым проявлениям (sensitivity to nondistress), вмешательство (intrusiveness) и отстраненность (disengagement).

Характеристики выборки. В исследовании участвуют биологические и замещающие семьи (приемные семьи и семьи усыновителей) с детьми в возрасте от 8 до 36 месяцев. Выборку составляют условно здоровые дети, не имеющие неврологических диагнозов, диагностированных генетических заболеваний или тяжелых сенсорных нарушений. Обследование детей из замещающих и биологических семей проводится на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета сотрудниками, аспирантами и студентами кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей. Исследование выполняется в рамках пилотного проекта «Изучение биоповеденческих показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации, участвующих в программе раннего вмешательства» (руководители Р. Ж. Мухамедрахимов и Д. И. Чернего), в том числе при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук и докторов наук «Изучение нейрогуморальных показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации в раннем возрасте» (руководитель Д. И. Чернего, (грант № 14. W01.17.460-МК). На данный момент проводится обследование участников исследования и математическая обработка эмпирических дан-

ных; результаты исследования будут представлены в рамках устного сообщения на конференции.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты проекта позволят выявить особенности взаимодействия матерей с детьми младенческого и раннего возраста с опытом институционализации, воспитывающихся в российских замещающих семьях, выявить сложности и нарушения во взаимодействии матери и ребенка. Полученные результаты исследования позволят эффективно выстроить работу по психологическому сопровождению замещающих семей с учетом возраста детей – младенческий и ранний возраст, а также с учетом особенностей взаимодействия матерей и детей в семьях.

Литература

Плетенева М. В., Мухамедрахимов Р. Ж. Особенности взаимодействия детей раннего возраста с родителями в замещающих семьях // Вестник СПбГУ. Сер. 12. «Социология». 2013. № 3. С. 22–31.

Мухамедрахимов Р. Ж., Иванова В. Ю., Вершинина Е. А. Сравнительный анализ психологического взаимодействия близких взрослых и детей раннего возраста, проживающих в домах ребенка и семьях // Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития / Под ред. Р. Ж. Мухамедрахимова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 100–124.

Ainsworth M. D. S., Bowlby J. An ethological approach to personality development // American Psychologist. 1991. V. 46. P. 333–341.

Dozier M., Lindhiem O., Ackerman J. Attachment and biobehavioral catch-up // Enhancing Early Attachments / Ed. by L. Berlin, Y. Ziv, L. Amaya-Jackson, M. T. Greenberg. N. Y.: Guilford, 2005. P. 178–194.

NICHD Early Child Care Research Network. Characteristics of infant child care: Factors contributing to positive caregiving // Early Childhood Research Quarterly. 1996. V. 11. № 3. P. 269–306.

Компоненты психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний с разным стажем работы вахтовым методом в условиях Арктики*

Т. О. Тюлюбаева, Я. А. Корнеева, Н. Н. Симонова (*Архангельск*)

Анализ литературы показал, что основными причинами аварий и травматизма на объектах нефтяной и газовой промышленности являются следующие факторы. Первый фактор связан с неудовлетворительной организацией работы по охране труда, с низким уровнем производственной дисциплины и профессиональной подготовки персонала. Второй фактор заключается в устаревшем оборудовании, а также не всегда надежным оснащением производства системами автоматики и телемеханики. Низкий уровень производственной и технологической дисциплины, халатность, ошибочные действия специалистов относят в научных трудах к «человеческому фактору» в травматизме. Личный фактор в аварийности определяется как совокупность всех психических и физических свойств личности, которые могут быть взаимосвязаны с происшествием (Котик, Емельянов, 1993). Поэтому изучение безопасного поведения работника необходимо с учетом его психологической безопасности как потенциальной возможности избежать допущения ошибок.

В исследовании под психологической безопасностью мы понимаем психическое состояние подконтрольности субъекту комплекса внешних и внутренних факторов эргатической системы, обеспечивающее актуализацию внутренних средств личности для эффективности профессиональной деятельности на психофизиологическом и психологическом уровне.

Теоретическое изучение психологической безопасности дает основание говорить о связи травматизма со стажем профессиональной деятельности (Л. Н. Тарасова, А. Анастази, И. Балинт, М. Мурани и др.). Статистика свидетельствует, что среди пострадавших от несчастных случаев на производстве преобладают молодые люди в возрасте до 25 лет (первый пик травматизма). Однако анализ конкретных несчастных случаев показывает, что целесообразно соотносить травматизм и ощущение безопасности не столько с возрастом, сколько со стажем работы (Котик, Емельянов, 1993).

С одной стороны, отсутствие опыта, необходимых знаний, умений и навыков может вызывать ощущение опасности у молодых со-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (МК-7500.2016.6).

трудников и чаще приводить к травмам. С другой стороны, при профессиональном стаже более 5 лет в литературе отмечается второй скачок несчастных случаев, причиной которых может являться неосмотрительность. Развитие профессиональных навыков, опыт работы могут создавать ощущение уверенности, что приводит к снижению осмотрительности, ослабляет профессиональную бдительность.

Таким образом, целью исследования является изучение компонентов психологической безопасности работников нефтегазодобывающих компаний при вахтовой организации труда в условиях Арктики с разным стажем работы.

Гипотезы исследования

1) выбор адаптивной стратегии, а следовательно, один из параметров компонента психологической безопасности, может отличаться в зависимости от стажа. Такое предположение связано с экспериментальными исследованиями, где установлено, что для адаптантов (работают вахтовым методом до 3 лет) характерен выбор авральной адаптивной стратегии, а для стажистов (работают вахтовым методом более 3 лет) – выбор экономной адаптивной стратегии (Симонова и др., 2013);
2) после 5 лет стажа профессиональной деятельности адаптация к экстремальным условиям труда и физиологическая адаптация к условиям Арктики, как правило, заканчивается. И как следствие, специалист переходит на другую ступень профессионализации, которая включает в себя период оптимального функционирования и работоспособности. В связи с чем можно предположить, что данные изменения выявляются и в содержании психической структуры регуляции.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотез проведено исследование на нефтегазодобывающем производстве с вахтовой организацией труда на территории Ненецкого автономного округа (длительность вахтового заезда 30 дней). В исследовании приняли участие 70 работников в возрасте от 24 до 60 лет (средний возраст – 38,7±1,3). Стаж работы вахтовым методом обследованных варьируется от 0,5 до 31 года (9,53±1,2).

С целью изучения качественной характеристики компонентов психологической безопасности были применены следующие методы и методики: сложная зрительно-моторная реакция (СЗРМ) и вариационная кардиоинтервалометрия (ВКМ), выполненные с помощью устройства психофизиологического тестирования УПФТ-1/30 «Психофизиолог»; методика измерения активациометрии полушарий го-

ловного мозга с помощью аппаратно-программного комплекса «Активациометр»; опросник «Самочувствие. Активность. Настроение», разработанный В. А. Доскиным, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шараем и М. П. Мирошниковым; тест цветовых предпочтений (М. Люшер, в адаптации Л. Н. Собчик) с применением интерпретационных коэффициентов, разработанных Г. А. Аминевым; экспресс-методика по изучению социально-психологического климата в трудовом коллективе О. С. Михалюк и А. Ю. Шалыто.

Статистические методы анализа: описательные статистики; таблицы сопряженности с расчетом критерия χ^2 Пирсона; двухэтапный кластерный анализ.

На основе концепций А. Б. Леоновой, В. И. Медведева (Леонова, 1984), Е. А. Климова (Климов, 2004) нами разработана теоретическая модель психологической безопасности, которая включает в себя пять компонентов: функциональные состояния на психофизиологическом и психологическом уровне, «образ объекта», «образ субъекта» и «образ субъектно-субъектныхи субъектно-объектных» отношений, рассматриваемые через психическую структуру регуляции.

С целью изучения компонентов психологической безопасности был проведен двухэтапный кластерный анализ переменных, отнесенных к психофизиологическим и психологическим параметрам функциональных состояний, образа объекта и субъекта труда, а также образа субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений. В результате мы получили 2 кластера, соответствующих группам специалистов, статистически достоверно отличающихся по совокупности параметров психологической безопасности. Качественная характеристика компонентов психологической безопасности включает: психофизиологический уровень функционального состояния (сниженный/оптимальный); психологический уровень функционального состояния (авральный/экономный); образ объекта труда (низкие недифференцированные оценки опасности/высокие дифференцированные оценки опасности); образ субъекта труда (высокая недифференцированная/умеренно высокая дифференцированная оценка себя); образ субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений (нейтральный/отрицательный/положительный).

Для проверки гипотез был применен анализ таблицы сопряженности, по выделенным компонентам психологической безопасности в зависимости от стажа профессиональной деятельности с границей деления 3 и 5 лет.

Анализ результатов таблицы сопряженности компонентов психологической безопасности в зависимости от стажа профессиональ-

ной деятельности показал статистически значимые результаты только по двум компонентам психологической безопасности. К ним относятся психологический и психофизиологический уровень функционального состояния. В случае разделения выборки работников до 3 и после 3 лет стажа профессиональной деятельности наблюдаются различия в психофизиологическом уровне функционального состояния. Преобладающее число работников с более высокими показателями по выделенной характеристике относятся к группе специалистов более 3 лет.

При границе разделения 5 лет выявлены различия количества работников по психологическому уровню функционального состояния. Экономная адаптивная стратегия, с постепенным расходованием своих ресурсов в течение вахтового заезда, в большей степени представлена в период интернальной стадии профессионального развития, что подтверждает результаты исследований о выборе адаптационной стратегии в зависимости от стажа профессиональной деятельности.

Различий между кластерами по параметрам оценки психической структуры регуляции, как компонентам психологической безопасности не выявлено, что говорит об опровержении второй гипотезы. Это может быть связано с тем, что психические регуляторы труда, выступающие в данном исследовании в качестве оценки психической структуры регуляции, носят устойчивый характер. В связи с чем формирование адекватных образов субъекта, объекта труда, а также субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений необходимо уже на этапе профессиональной подготовки специалистов с целью развития психологической готовности к профессиональной деятельности.

Литература

Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Котик М. А., Емельянов А. М. Природа ошибок человека-оператора (на примерах управления транспортными средствами). М.: Транспорт, 1993.

Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Симонова Н. Н., Корнеева Я. А., Дегтева Г. Н., Дубинина Н. И. Стратегии адаптации вахтовых работников на Крайнем Севере // Экология человека. 2013. № 9. С. 9–16.

Черты личности и копинг-стратегии подростков с разным уровнем жизнестойкости

О. М. Уварова (*Кострома*)

Мы живем в быстроменяющемся мире, где стресс стал частью нашей жизни. Однако это не значит, что все научились конструктивно совладать с ним. Как часто мы попадаем в трудные жизненные ситуации, которые требуют от человека не только умения выстоять, но и способность максимально реализовать свои возможности в сложившихся обстоятельствах, проявлять жизнестойкость? С учетом того, что в последние годы активно исследуется проблема преодоления сложных жизненных ситуаций в самых разных видах деятельности и на разных этапах онтогенеза, то ответ на данный вопрос напрашивается сам, а феномен жизнестойкости, который напрямую связан с совладающим поведением в трудной жизненной ситуации, выходит на передний план, как весьма актуальный для нашей действительности.

Все это обусловливает необходимость изучения феномена жизнестойкости (hardiness), которое предложил американский психолог Сальвадоре Мадди, с точки зрения которого, понятие жизнестойкость отражает психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, связанную с его мотивацией преобразовывать стрессогенные жизненные события (Леонтьев, 2011). Это способность личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности (Леонтьев, Рассказова, 2006). В структуру жизнестойкости входят три компонента, которые в совокупности препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях, воспринимая их как менее значимые:

1. «Включенность» характеризуется тем, как человек взаимодействует с миром, насколько он включается в решение жизненных задач, а не отгораживается от них.
2. Компонент жизнестойкости «контроль» мотивирует человека к поиску путей активного влияния на стрессогенную проблему, в противовес впадению в состояние беспомощности и пассивности, посредством контроля над своими личностными ресурсами и ресурсами жизненной ситуации.
3. Третий составной компонент жизнестойкости, «принятие риска», помогает человеку быть открытым окружающему миру и обществу. Это готовность человека действовать, даже когда результат

действия заведомо неизвестен. Это как испытание лично для себя, позволяющее самораскрыться и узнать о себе нечто большее. Ведь даже негативный опыт – это все равно опыт (Богомаз, 2008).

Проведенные исследования показывают значимость феномена жизнестойкости в разные возрастные периоды, однако компоненты жизнестойкости уже начинают формироваться в школьном и подростковом возрасте (Крючкова, 2013). Именно в пубертатный период подростки сталкиваются с различными трудными жизненными ситуациями: проблемы, связанные со здоровьем, финансовые проблемы, межличностные проблемы, проблемы, связанные с обучением в школе и т. д. (Гуцунаева, 2015), преодоление которых, несомненно, связано с личностными особенностями.

В связи с этим целью нашего исследования стало выявить различия в стратегиях преодоления трудных ситуаций и личностных особенностях подростков с высоким и низким уровнем жизнестойкости.

Гипотеза: более и менее жизнестойкие подростки по-разному совладают с жизненными трудностями и обладают разным комплексом личностных черт, относящихся к эмоциональной, коммуникативной и мотивационной сферам личности.

Выборку составили подростки (n=152) 14–16 лет школ г. Костромы. В ходе исследования, опираясь на нормативные показатели жизнестойкости, полученные на данной выборке с помощью Теста жизнестойкости С. Мадди, были выделены две полярные исследовательские группы: жизнестойких (высокий уровень жизнестойкости, n=18) и менее жизнестойких (низкий уровень жизнестойкости, n=23) подростков.

Методики

- Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Леонтьева, Рассказовой;
- Юношеская копинг-шкала (Adolescent Coping Scale), адаптированная Т. Л. Крюковой;
- 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (HSPQ –Подростковый вариант).

При обработке данных использовалась программа Statistica 6.0. В результате сравнения выше указанных групп подростков с помощью U-критерия Манна–Уитни были выявлены значимые различия.

В группе жизнестойких подростков в большей степени выражены показатели по таким шкалам как: эмоциональная устойчивость (U=4,50, p=0,000), смелость (U=94,50, p=0,003), степень самоконтро-

ля (U=125,50, p=0,032). Они отличаются по следующим копинг-стратегиям: решение проблемы (U=65,50, p=0,000), работа, достижения (U=99,00, p=0,004), друзья (U=109,00, p=0,010), позитивный фокус (U=95,50, p=0,003), активный отдых (U=125,00, p=0,031).

Полученные данные говорят о том, что жизнестойкие подростки отличаются эмоциональной устойчивостью и реалистичным отношением к жизни, социально смелы, не заторможены, с высоким контролем поведения, соответствующим образу своего Я. Волевые, уверены в себе, хорошо работают в группе. В стрессовых ситуациях такие подростки склонны использовать продуктивные копинг-стратегии: ориентация на решение проблемы, добросовестное отношение к учебе, работе и высокие достижения, оптимистический взгляд на вещи, поддержание бодрости духа, а также общение с близкими и друзьями и активный отдых (что свойственно данному возрасту).

У менее жизнестойких подростков в большей степени выражены различия по следующим параметрам: общительность (U=69,50, p=0,000), флегматичность (U=80,00, p=0,001), степень принятия моральных норм (U=69,00, p=0,000), сензитивность (U=128,00, p=0,037), самоуверенность (U=40,50, p=0,000), степень групповой зависимости (U=95,00, p=0,003), степень внутреннего напряжения (U=89,50, p=0,002). Они отличаются по следующим копинг-стратегиям: чудо (U=100,00, p=0,005), несовладание (U=79,00, p=0,01), разрядка (U=81,50, p=0,001), самообвинение (U=63,00, p=0,000), уход в себя (U=86,00, p=0,001).

Данный результат говорит о том, что подростки с низким уровнем жизнестойкости склонны к критичности, обособленности, очень эмоционально чувствительны, тревожны, возбудимы, с выраженной тенденцией к избеганию ответственности в работе и личных отношениях, недостаточно самостоятельны и нетерпеливы, депрессивны. Склонны делать все по-своему, не считаются с мнением окружающих, плохо работают в группе. В стрессовых ситуациях менее жизнестойкие подростки склонны использовать не продуктивные копинг-стратегии: надеются, что все само по себе уладиться, отказ от каких-либо действий по решению проблемы, улучшение самочувствия за счет «выпускания пара» (слезы, крики и т. д.), самообвинение и замкнутость, уход в себя.

Таким образом, полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что более и менее жизнестойкие подростки совершенно по-разному справляются со стрессовыми ситуациями, а также обладают разным комплексом личностных черт, относящихся к эмоциональной, коммуникативной и мотивационной сферам личнос-

ти. Жизнестойкие подростки более общительные, эмоционально устойчивые, смелые, с высокой степенью самоконтроля и используют продуктивные стратегии совладания со стрессовыми ситуациями. В то время как менее жизнестойкие подростки более эмоционально чувствительны, избегают ответственности, самоуверенны, с высокой степенью внутреннего напряжения, а в стрессовых ситуациях используют не продуктивные копинг-стратегии.

Литература

Богомаз С. А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья // Материалы научно-практических конгрессов IV Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». 2008. Т. 2. С. 24–27.

Гуцунаева С. В. Копинг-стратегии подростков с различным уровнем жизнестойкости // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3–1. С. 92–95.

Крючкова Л. Л. Жизнестойкость выпускников детских домов // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательныетехнологии профилактики, реабилитации, сопровождения. Сборник научныхстатейI Международной научно-практической конференции / Ред. В. Н. Ослон, Е. В. Селенина. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013 С. 149–154.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Особенности психологической составляющей беременности у женщин с алкогольным поведением в период гестации

Т. Н. Ульяновская, А. Г. Соловьев (*Архангельск*)

Неадекватное поведение матери во время беременности, ее эмоциональные реакции, личностные особенности, которыми насыщена жизнь, служат причиной различных патологических состояний у ребенка как соматических, так и поведенческо-психологических (Бочарова и др., 2003).

Отмечено, что в алкогольном поведении женщин наблюдаются нарушения формирования материнской функции, восприятия будущего ребенка, жестокое обращение с ним (Ульяновская, Соловьев,

2010). У матерей, психологически и физически отвергающих своего ребенка, искажения в восприятии младенца прослеживаются уже во время вынашивания беременности, однако характер этих изменений при алкоголизации будущей матери мало изучен.

В связи с вышеизложенным, целью исследования явилось изучение психологических аспектов беременности у женщин, употребляющих алкоголь в гестационный период.

В пилотном исследовании приняли участие 152 женщин, средний возраст 24,2±4,4 года. Тестирование проводилось на добровольной основе среди беременных женщин г. Архангельска. Построение выборки основывалось на донозологических критериях употребления спиртного, теста AUDIT (Babor, 1994). Экспериментальную (I, 108 чел.) и контрольную группы (II, 44 чел.) составили респонденты, подтверждающие и отрицающие употребление спиртного в первом триместре беременности, соответственно. Из исследования были исключены представители с сформировавшимся синдромом зависимости.

Диагностический комплекс представлен доминирующим инстинктом Гарбузова и тестом «Фигура» (Брутман, 2002). Методика позволяет определить ведущий тип инстинктивного поведения и определить согласно ему психологические склонности человека. Второй тест диагностирует психологическую готовность к материнству по параметрам материнское отношение (МО) к будущему ребенку и его ценность (ЦР). Статистическая обработка проводилась с использованием критерия χ^2 Пирсона.

В результате исследования установлено, что в обеих группах ведущим является инстинкт продолжения рода (I – 72%, II – 56%), свидетельствующий о готовности подчинять свои интересы потребностям семьи и детей. Между тем у женщин I гр. инстинкт свободы встречается чаще (48%), чем II (14%, $p \leqslant 0{,}05$). Беременные II группы хуже переносят «обыденность и будничность», сравнительно рано начинают проявлять свою самостоятельность, независимость, непостоянство, что проявляется в склонности к уходу из семьи.

Особенности материнского отношения в I группе характеризуются тенденцией к игнорирующему типу (44%), что значимо выше ($p<0{,}05$), чем во II группе (15%). Известие о беременности у женщин I группы встречается без эмоциональной реакции, больше проявляют безразличие к будущему ребенку, как бы забывая о его существовании, они чаще прерывают беременность. Адекватный тип МО отмечается у 32 и 71% респондентов I и II групп соответственно ($p<0{,}05$).

Факт беременности сопровождается положительными эмоциями и приятно по соматическому ощущению. Будущие матери ориентированы на потребности развивающегося малыша при данном типе материнского отношения к гестации.

Повышенный тип МО отношения распределен на третьей позиции в обеих группах и значимо не имел различий (I – 24%, II – 15%), и определяется тревожным отношением к своей беременности.

Тенденция нарушенного восприятия факта беременности прослеживается и в отношении будущего ребенка. Так, адекватный тип ЦР в 2,2 раза реже наблюдается у женщин I группы (32%), чем среди представителей II группы. Недостаточный тип ЦР отмечается у 50% женщин I и 15% – II групп соответственно. Матери I группы в 3,3 раза реже ($p<0,05$) заинтересованы развитием и здоровьем своего малыша, большую часть времени склонны уделять другим заботам, внимание, в основном, сконцентрировано на себе.

Распределение повышенного типа ЦР значимо не отличалось среди беременных в выборке. Для 18% I и 15% респондентов II групп диагностируется фанатичное отношение к будущему ребенку и чрезмерная тревога о состоянии его здоровья. Все внимание сконцентрировано на развитии будущего малыша.

Полученные результаты подтверждают данные о нарушениях психологической составляющей беременности у женщин с девиантным поведением. У женщин, употребляющих алкоголь, отмечается снижение эмоциональной реакции на факт беременности, ее игнорирование и попытки прерывания, что свидетельствует о психологической неготовности женщин к гестации.

Литература

Бочарова Е. А., Корытова Н. Г., Труфанова Л. В., Сидоров П. И., Соловьев А. Г. Проблемы ранней диагностики и профилактики отдаленных последствий перинатального поражения центральной нервной системы // Российский педиатрический журнал. 2003. № 3. С. 52–54.

Брутман В. И. Методика изучения психологических состояний женщин во время беременности // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 110–118.

Ульяновская Т. Н., Соловьев А. Г. Социально-психологические особенности беременных женщин, употребляющих алкоголь // Экология человека. 2010. № 4. С. 42–45.

Lexicon of Alcoholand Drug Terms / Ed. by T. Babor, R. Campbell, R. Room, J. Saunders. World Health Organization, 1994.

Эмоциональный интеллект как фактор успешной социальной адаптации в старшем подростковом и раннем юношеском возрасте

А. Б. Усенко, Д. П. Ткаченко (*Москва*)

В подростковом возрасте процессы социальной адаптации знаменуются переходом к новому формату социального становления: выбору подходящих референтных групп и поиску своего места в них, утверждению в новых социальных ролях и обретению устойчивой личностной идентичности и самотождественности. Эти процессы обусловливаются комплексом факторов разной природы, предопределяющих специфику приспособительных реакций и создающих индивидуальный стиль поведения, эффективность которых обеспечивается благодаря интеграции различных адаптационных механизмов в многоуровневую многокомпонентную гетерархически организованную систему саморегуляции, (Березин, 1988; Моросанова, 2002). Подростковый возраст, в связи с неоднозначностью и интенсивностью происходящих перестроек как на нейрофизиологическом, так и на психическом уровнях, является критическим периодом для становления системы саморегуляции в целом. В качестве одного из значимых регуляторных механизмов, позволяющих выстраивать эффективное социальное взаимодействие выступают эмоции, являясь, с одной стороны, механизмом обратной связи, позволяющим быстро оценить ситуацию. С другой стороны, они опосредуют процессы социальной адаптации, являясь универсальным врожденным невербальным средством коммуникации, отражающим индивидуальную реакцию на ситуацию взаимодействия, позволяющим воспринимать эмоциональные переживания других людей и вызывать определенную реакцию или действия со стороны окружающих (Lopes et al., 2012).

Показано, что одним из важнейших факторов, определяющих формирование и развитие эмоционального интеллекта, является семейная ситуация и условия воспитания (Елшанский, Мешалевская, 2009). При этом эмоциональный интеллект связан с успешностью социальной и академической приспособленности старшеклассников к условиям обучения в школе (Lopes et al., 2012). Также он может, по-видимому, рассматриваться как один из регуляторных механизмов создающих основу для выработки навыков и стратегий, необходимых для развития устойчивости к различным формам отклоняющегося поведения (Rivers et al., 2013). Таким образом, изучение места

эмоционального интеллекта в структуре системы саморегуляции и исследование его взаимосвязей с другими регуляторными компонентами позволяет получить более полную картину особенностей подросткового кризиса и создавать условия для успешной социальной интеграции и личностного становления подростков.

К нашему исследованию были привлечены учащиеся гуманитарного колледжа РГГУ (285 чел., 15–17 лет). В работе были использованы следующие методики: методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонда, опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д. В. Люсина (опросник) и видеотест эмоционального интеллекта Д. В. Люсин, В. В. Овсянникова (основан на сравнении ответов респондентов с экспертными оценками).

Полученные данные позволяют нам судить о том, что для подростков, высоко оценивающих свой эмоциональный интеллект, характерен и высокий уровень оценки своей социальной адаптированности. Это выражается в том, что:

- у подростков, оценивающих себя как людей с выраженными лидерскими качествами, способных влиять на других людей, также наблюдаются более высокие оценки способности к пониманию и управлению эмоциями окружающих людей;
- для подростков, воспринимающих и принимающих себя и других людей в позитивном контексте, характерны высокие оценки своих способностей к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями. При этом дружелюбное и позитивное отношение к другим тем более выражено, чем ниже чувствительность к проявлению окружающими эмоций отрицательной валентности (гнев, страдание, отвращение и т. д.);
- подростки с высокой интернальностью в принятии решений и осмыслении происходящего также высоко оценивают свою способность к пониманию и управлению собственными и чужими эмоциями, в то время, как подростки с высокой экстернальностью демонстрируют низкую точность распознавания эмоций окружающих.

Согласно данным, полученным при сопоставлении результатов двух методик на эмоциональный интеллект, подростки, уверенные в своей способности как к пониманию, так и к и управлению собственными переживаниями, недооценивают выраженность эмоциональных состояний окружающих, особенно положительной валентности и низкой активации (спокойствие, расслабленность, радость). При этом

подростки, высоко оценившие лишь свою способность понимать собственные эмоции, склонны недооценивать интенсивность чужих эмоций отрицательной валентности (гнев, страдание, отвращение и т. д.). В то же время те, кто высоко оценивает свою способность управлять собственными эмоциями, более чувствительны к эмоциям других людей, имеющим ориентировочный характер (возбуждение, тревога, интерес, страх).

Таким образом, в подростковом возрасте уверенность в своей способности к пониманию и контролю над эмоциями тесно взаимосвязана с уверенностью в своем социальном и личностном благополучии. В то же время ориентация на процессы понимания и произвольного контроля собственных эмоциональных состояний сочетается с некоторым снижением чувствительности к эмоциональным переживаниям других людей, при этом сохраняется высокая чувствительность в отношении состояний «ориентировки». Это говорит о том, уверенность подростков в собственной социальной успешности и компетентности в области понимания и контроля эмоций не подкрепляется реальными способностями к распознаванию и оценке эмоциональных состояний окружающих людей.

Вероятно, этот результат объясняется тем, что в ходе взросления подростки начинают все больше брать под произвольный контроль процессы саморегуляции, в частности регуляции эмоциональной сферы. Их завышенная оценка успешности своей социальной адаптации и эмоционального интеллекта является, своего рода, вспомогательным регуляторным механизмом, позволяющим более уверенно взаимодействовать с окружающими и добиваться желаемого результата в социальной сфере. При этом распознавание значимых (витальных) эмоциональных реакций страха, возбуждения, тревоги, интереса, позволяет подросткам в критических и требующих быстрой оценки и принятия решений ситуациях руководствоваться врожденными автоматизированными реакциями, не расходуя ресурс на произвольный контроль.

Литература

Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.

Елшанский С. П., Мешалевская С. В. Исследование социального и эмоционального интеллектов у старших подростков, обучающихся в школах-интернатах // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология». 2009. № 3. С. 22–26.

Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 5–17.

Lopes P. N., Mestre J. M., Guil R., Kremenitzer J. P., Salovey P. The role of knowledge and skills for managing emotions in adaptation to school: Social behavior and misconduct in the classroom // American Educational Research Journ. 2012. V. 49. № 4. P. 710–742.

Rivers S. E., Brackett M. A., Omori M., Sickler C., Bertoli M. C., Salovey P. Emotion skills as a protective factor for risky behaviors among college students // Journ. of College Student Development. 2013. V. 54. № 2. P. 172–183.

Исследование ситуативной неудовлетворенности телом и нарушений пищевого поведения у девушек с разным индексом массы тела*

А. Г. Фаустова (*Рязань*)

Цель и гипотеза исследования. Выраженное недовольство собственным телом и его внешним обликом распространилось в современном обществе настолько, что уже воспринимается в качестве «нормального», обыденного проявления отношения к себе. Термин «нормативная неудовлетворенность внешностью» был введен в научный оборот для описания субъективных переживаний, связанных с обеспокоенностью «лишним» весом и физическим обликом у людей без видимых отличий (Rodin et al., 1984). Неудовлетворенность телом и внешностью оказывается наиболее выраженной в личностно значимых ситуациях, что учитывается при разработке специализированных психодиагностических инструментов (Cash, 2002).

При нарушениях пищевого поведения под угрозой оказывается не только состояние физического здоровья, но также эмоциональная сфера, самоуважение и чувство собственной компетентности субъекта (Каменецкая, Ребеко, 2015). Нарушения пищевого поведения сопровождаются искажением восприятия собственного тела, страхом потери контроля над весом, использованием неадаптивных поведенческих паттернов. Риск развития нарушений пищевого поведения принято связывать как с генетическими и социокультурными факторами, так и с наличием чувства обеспокоенности или неудовлетворенности внешним обликом собственного тела (Келина и др., 2011).

* Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта, предоставленного ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России на 2017 год.

По рекомендации Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) индекс массы тела (ИМТ) используется для оценки недостаточности/избыточности массы тела. Данный показатель подвергается критике в связи с тем, что в расчет не принимаются возраст, пол, расовая и этнокультурная принадлежность индивида. Однако индекс массы тела остается наиболее удобным и информативным индикатором физического здоровья. В исследованиях красоты и физической привлекательности женщин расчет индекса массы тела является более предпочтительным действием по сравнению с подсчетом соотношения «талия–бедра» (Tassinary, Hansen, 1998).

Цель данного эмпирического исследования заключается в изучении влияния показателя индекса массы тела на проявления ситуативной неудовлетворенности телом и внешностью и нарушений пищевого поведения у девушек.

В качестве гипотезы выступает предположение о том, что группы девушек, сформированные в соответствии с показателями индекса массы тела, различаются по проявлениям ситуативной неудовлетворенности телом и внешностью и нарушений пищевого поведения.

Характеристики выборки. В эмпирическом исследовании приняли участие 235 девушек (средний возраст 18,403±0,874 лет), из которых 39 респондентов с индексом массы тела от 15,431 до 18,496; 176 респондентов с индексом массы тела от 18,556 до 24,489; 20 респондентов с индексом массы тела от 25,344 до 29,340.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. Все респонденты подписали информированное согласие на участие в научно-исследовательском проекте.

Методы и методики исследования. В качестве основного метода для данного эмпирического исследования был выбран метод стандартизированного самоотчета испытуемых. Для сбора эмпирических данных применялись следующие стандартизированные методики: 1) опросник «Ситуативная неудовлетворенность образом тела» (адаптация Л. Т. Баранской, С. С. Татауровой); 2) «Шкала оценки пищевого поведения» (адаптация О. А. Скугаревского); 3) расчет индекса массы тела.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных. Для проверки гипотезы о наличии межгрупповых различий применялся непараметрический Н-критерий Краскела–Уоллиса. Методы корреляционного анализа использовались для выявления взаимосвязей между ситуативной неудовлетворенностью телом и симптомами нарушений пищевого поведения.

Математико-статистический анализ проводился с использованием специализированного программного пакета Statistica 6.0, программы Excel из стандартного пакета Microsoft Office.

Результаты и их интерпретация

Между группами девушек с разными показателями индекса массы тела выявлены статистически значимые различия в уровне выраженности ситуативной неудовлетворенности образом тела ($H_{эмп.}$=13,468, p=0,0012); стремления к худобе ($H_{эмп.}$=27,046, p=0,0000); признаков булимии ($H_{эмп.}$=8,098, p=0,0174). При этом к негативным проявлениям ситуативной неудовлетворенности телом, булимии и стремления к худобе оказались склонны девушки с избыточной массой тела (ИМТ>25). Статистически значимые различия в уровне выраженности интероцептивной некомпетентности (трудности в распознавании голода и насыщения) не обнаружены.

Полученные закономерности подтверждаются корреляционными связями, выявленными между показателями индекса массы тела и ситуативной неудовлетворенностью образом тела (r_s=0,335), стремлением к худобе (r_s=0,270), признаками булимии (r_s=0,172). Следовательно, увеличение показателей индекса массы тела сопровождается проявлением или усугублением признаков ситуативной неудовлетворенности телом и внешностью, а также симптомов нарушений пищевого поведения в виде навязчивого стремления к худобе и булимии.

Обнаружены значимые корреляционные связи между показателями ситуативной неудовлетворенности образом тела и стремлением к худобе (r_s=0,464), симптомами булимии (r_s=0,342) и интероцептивной некомпетентностью (r_s=0,236). Ситуативная неудовлетворенность телом и внешностью, часто обусловленная негативными изменениями в структуре образа тела субъекта, сопровождается выраженным стремлением к худобе, симптомами булимии, проявлениями интероцептивной некомпетентности.

Данное эмпирическое исследование имеет несколько ограничений: 1) выборку исследования составили только девушки; 2) ограниченный возрастной диапазон респондентов; 3) неравное количество респондентов в группах, сформированных в зависимости от показателей индекса массы тела.

Выводы

Согласно полученным в данном эмпирическом исследовании результатам, индекс массы тела может рассматриваться в качестве

предиктора ситуативной неудовлетворенности телом и внешностью при предварительной оценке риска развития нарушений пищевого поведения.

Согласованные и однонаправленные изменения показателей индекса массы тела, ситуативной неудовлетворенности образом тела и признаков нарушений пищевого поведения свидетельствуют о том, что девушки со сверхнормативным ИМТ чаще демонстрируют неудовлетворенность собственным телом и склонны к проявлению стремления к худобе и булимии.

Перспективы данного эмпирического исследования заключаются в следующем: 1) подтверждение или опровержение выявленных закономерностей среди женщин разных возрастных групп; 2) разработка, апробация и использование различных методических приемов для изучения и оценки неудовлетворенности телом, нарушений пищевого поведения.

Литература

Каменецкая Е. В., Ребеко Т. А. Репрезентация телесного Я и защита Эго при нарушениях пищевого поведения // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 118–128.

Келина М. Ю., Маренова Е. В., Мешкова Т. А. Неудовлетворенность телом и влияние родителей и сверстников как факторы риска развития нарушений пищевого поведения среди девушек подросткового и юношеского возраста // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 44–51.

Cash T. F. The situational inventory of body-image dysphoria: psychometric evidence and development of a short form // International Journal of Eating Disorders. 2002. № 32. P. 362–366.

Rodin J., Silberstein L. R., Streigel-Moore R. H. Women and Weight: A normative discontent // Nebraska symposium on motivation: Psychology and gender / Ed. by T. B. Sonderegger. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1984. P. 267–307.

Tassinary L. G., Hansen K. A. A critical test of the waist-to-hip ratio hypothesis of female physical attractiveness // Psychological Science. 1998. № 9. P. 150–155.

Разработка и психометрическая проверка авторского проективного теста «Сказка» для диагностики страхов у детей старшего дошкольного возраста

А. И. Федотова (*Ярославль*)

Детские страхи, как и многие другие переживания, не являются однозначно негативными или разрушительными эмоциями. Страх – это чувство беспокойства в ответ на настоящую или воображаемую угрозу. Страхи выполняют защитную функцию – выступают как средство самоконтроля и саморегуляции (Зубкова, Зубанова, 2007). Страхи начинают действовать разрушительно на детскую психику только в том случае, если они болезненно заострены и продолжаются длительное время. В таком случае их необходимо вовремя диагностировать и оказать психологическую помощь ребенку. В данной статье мы раскроем проблему диагностики детских страхов, предложим свой вариант ее решения в виде разработки авторского проективного теста и опишем основные этапы психометрической проверки разрабатываемой методики.

Проблему диагностики и коррекции детских страхов исследуют многие авторы, такие как А. И. Захаров (1995, 2000), А. С. Зубкова, С. Г. Зубанова (2007) и многие другие.

Актуальность выбранной нами темы связана не только с необходимостью оперативной диагностики страхов и своевременным оказанием помощи ребенку, имеющему эмоциональные нарушения, но также и с недостаточностью теоретических разработок в данной сфере психологической науки.

На данный момент существует методика выявления детских страхов «Страхи в домиках» А. И Захарова и М. А. Панфилова (Панфилова, 2000), проективные рисунки, арт-терапевтические техники (лепка, коллажи, песочная терапия) и другие. По нашему мнению, большинство уже существующих методик диагностики страхов у детей способствуют их актуализации и могут спровоцировать эмоциональные нарушения у ребенка. Перед нами же стоит еще одна задача – расширение спектра диагностических методик, обеспечивающих работу детского психолога.

Разрабатываемая методика представлена в виде проективного теста с набором незаконченных сказок. При проведении диагностического исследования психолог, вступив с ребенком в контакт, предлагает ему следующую инструкцию: «Помоги мне, пожалуйста, досочинить сказки. У меня есть начало, а ты поможешь сочинить ее окончание». Ответы испытуемого определяются особенностями лич-

ности ребенка, которые «проецируются» в его вариантах окончания сказки. Психолог отслеживает вербальные, невербальные, а также паравербальные признаки проявления страха и заносит их в протокол.

Данная методика создана в форме сказок, ведь именно дошкольный возраст, на который рассчитана разрабатываемая нами методика, является возрастом сказок. Сказки – это наиболее предпочитаемый ребенком жанр литературы, который оказывает большое влияние на развитие ребенка. В сказках для дошкольников часто ограниченное количество героев, сюжет динамичен, черты героев однозначны.

При разработке методики мы также опираемся на механизм идентификации ребенка с главным персонажем и проявление эмоциональных реакций в связи с сюжетом сказки.

Целью методики является выявление детских страхов с минимальным риском их актуализации и внушения.

Изначально было разработано 15 сказок, которые позволяют диагностировать различные виды страхов.

Ниже представлен пример авторской сказки под названием «Один дома». Целью данной сказки является выявление наличия страха остаться одному: «Однажды маме и папе срочно пришлось уйти на работу, а их ребенка не с кем было оставить, поэтому ребенку пришлось остаться дома одному. Что случилось дальше?»

Ответы детей классифицируются на две категории: ответы, свидетельствующие о наличии страха и ответы, свидетельствующие об отсутствии страха. В вышеприведенном примере к ответам, указывающим на наличие страха, будут относиться такие ответы, как: «Ребенка похитили», «Он играл со спичками и начался пожар», «В квартиру ворвались воры», «Ребенку было страшно» и т. д. К ответам, указывающим же на отсутствие страха, будут отнесены такие ответы, как: «Ребенок играл», «Ему было скучно», «Он пошел гулять», «Позвал в гости друзей, чтобы было веселее» и т. д.

Процедура психометрической проверки авторского проективного теста «Сказка» проводилась при объеме выборки 50 человек, среди которых 20 девочек и 30 мальчиков старшего дошкольного возраста, и заключалась в анализе пунктов теста, проверке надежности и оценке валидности.

Анализ пунктов теста необходим для «определения диагностической пригодности каждого из заданий методики» (Орёл, Сенин, 2007, с. 71). Каждое задание теста было проверено с учетом двух психометрических показателей: индекса трудности и коэффициента дискриминативности. В результате проведенного анализа в итоговой форме теста осталось 10 заданий.

На этой же выборке проверялись также два вида надежности теста: надежность по однородности и надежность как устойчивость результатов или ретестовая надежность.

Надежность по однородности подразумевает под собой, что «задания теста должны быть однородны по содержанию и трудности» (Орёл, Сенин, 2007, с. 82). Коэффициент Спирмена–Брауна, который используется для оценки данного вида надежности, равен 0,568, показатели по методу Кьюдера–Ричардсона, используемому при дихотомической шкале оценки результатов, составили 0,639. Данные значения являются приемлемыми для того, чтобы утверждать, что наш тест прошел надежность по однородности.

«Надежность как устойчивость результатов во времени представляет собой согласованность результатов теста, получаемых при первичном и вторичном его применении по отношению к одним и тем же испытуемым в разные моменты времени» (Орёл, Сенин, 2007, с. 77). Интервал между первичным и повторным тестированием в нашем случае составил 3 недели. Для оценки ретестовой надежности использовался коэффициент корреляции К. Пирсона между результатами тестирований. Задания теста обладают приемлемыми характеристиками надежности (0,808 при $p<0,01$).

Также была оценена конструктная валидность теста. Данный вид валидности теста «показывает, насколько его результаты могут рассматриваться в качестве меры некоего теоретического конструкта или свойства» (Орёл, Сенин, 2007, с. 99). Конструктная валидность оценивалась с применением метода сопоставления результатов исследуемого теста с методикой, конструктное содержание которой известно, а именно с методикой выявления детских страхов «Страхи в домиках» А. И. Захарова и М. А. Панфиловой (Панфилова, 2000). Процедура оценки заключается в подсчете коэффициента корреляции между баллами по двум тестам. Коэффициент линейной корреляции К. Пирсона составил 0,496 при $p<0,01$.

Таким образом, разрабатываемая авторская методика успешно прошла четыре этапа психометрической проверки. Проективный тест «Сказка» может быть использован в научно-исследовательских целях, а также в работе практического психолога образовательного учреждения для диагностики общей чувствительности к страхам и определения направлений коррекционной работы с дошкольником.

Литература

Захаров А. И. Как помочь нашим детям избавиться от страха. СПб.: Гиппократ, 1995.

Захаров А. И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: Союз, 2000.
Зубкова А. С., Зубанова С. Г. Детские страхи. Книга для родителей и педагогов. Ярославль: Академия развития, 2007.
Орёл В. Е., Сенин И. Г. Основы психодиагностики: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2007.
Панфилова М. А. Игротерапия общения: тесты и коррекционные игры. М.: ГНОМ и Д, 2000.

Неопределенность и дефицит времени: особенности взаимодействия оппонентов

Ж. Э. Федотова (*Москва*)

Межличностное взаимодействие является ключевым звеном в достижении желаемого результата. Качество межличностного взаимодействия зависит от самих оппонентов, а также от того, насколько четко они представляют образ будущего результата и перспектив решения вопроса. Многие исследователи, а именно Л. Росс, Л. Томпсон, Дж. Ванг, считают, что именно процесс выбора стратегий взаимодействия оппонентов друг с другом во многом определяет результаты. Согласно классификации К. Томас, выделяют такие ведущие стратегии взаимодействия, как сотрудничество и конфронтация. При этом исследователи имеют диаметрально противоположные взгляды на выбор этих стратегий относительно оптимальности результатов. Л. Росс считает, что выбор стратегии сотрудничества является наиболее оптимальным при межличностном взаимодействии. Его позицию поддерживали такие исследователи как Л. Дугаткин, Д. Боучер, которые так же рассматривали сотрудничество как оптимальную стратегию при межличностном взаимодействии в организационном контексте (Dugatkin, 1997; Boucher, 1985; Herre, Knowlton 1999).

В противовес их мнению Л. Томсон рассматривал стратегию конфронтации как наиболее оптимальную при межличностном взаимодействии (Thompson, Wang, Gunia, 2010). Таким образом, *проблемой* исследования является изучение выбора наиболее оптимальной стратегии взаимодействия в условиях неопределенности.

Неопределенность рассматривается как один из параметров ситуации, при котором происходят изменения в информационном поле, а именно недостаточность информации для принятия решения, в том числе выбора стратегии взаимодействия.

Важно отметить, что изучение выбора стратегий взаимодействия в условиях неопределенности планируется с помощью моделирования, используя задачу из теории игр «дилемма узника».

Следует отметить тот факт, что в условиях неопределенности критичным является дефицит времени при выборе стратегий взаимодействия. Ряд исследователей, например, Диана Янг и Даниэль Халл, отмечали, что «при дефиците времени увеличивается вероятность выбора стратегии конфронтации». При этом «в процессе принятия решения при ограниченном времени не следует ожидать успешного результата» (Young, Hallb, Goodieb, 2012, с. 180). Кроме того, Дж. Пэйн, Дж. Бэтмен и Е. Джонсон проводили исследования на определение качества принятого решения при дефиците времени. Было обнаружено, что «при индивидуальном принятии решения ограничение времени оказывает разрушающее и негативное воздействие на качество решения» (Payne, Bettman, Johnson, 1988, с. 534).

Таким образом, *целью* является изучить влияние дефицита времени на выбор стратегий взаимодействия в условиях неопределенности.

В связи с заданной целью перед нами поставлена следующая гипотеза, что при дефиците времени увеличивается вероятность выбора стратегии конфронтации, чем сотрудничество или приспособление.

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведен эксперимент, в котором принимали участие 60 испытуемых, где 30 их них участники контрольной группы, а другие 30 – экспериментальной группы при влиянии фактора в виде дефицита времени.

Важно отметить, что всем испытуемым было предложено одинаковое условие модифицированной игры по типу «дилемма узника»: *«Вы и ваш партнер по бизнесу являетесь владельцами уникальных компаний по производству канцтоваров. На рынке товаров только ваши компании занимаются производством этих товаров. Для производства вам необходим уникальный материал – высокоэкологичный пластик. Для закупок этого пластика вы договариваетесь друг с другом о том, что покупать будете равное количество этого материала каждый месяц, чтобы обеспечить одинаковый выпуск продукции и тем самым создать здоровую конкуренцию среди ваших товаров на рынке. Но вдруг ваши договоренности нарушаются, и вы заподозрили вашего конкурента в мошенничестве. Он, в свою очередь, также обвиняет вас. Тогда вы решили поступить следующим образом. Если вы говорите оба говорите правду, то вы получаете по 3000 единиц выручки. Если вы врете, а он говорит правду, то вы получаете максимальную часть от выручки, а именно 10000 единиц. Если вы говорите правду, а он врет, то он получает максимальную часть – 10000 единиц. Но если вы оба врете, то каждый из вас получит по 6000 единиц*

от общей выручки за месяц другой компании. Учтите, что во время игры вы не можете переговариваться. Как вы поступите?»

В экспериментальной группе при дефиците времени ограничивалось время выбора стратегии взаимодействия в предложенной задаче до двух минут (минимальное время выбора стратегий взаимодействия, которое было определено в пилотажном эксперименте).

Были получены следующие результаты, что в контрольной группе стратегию конфронтации выбрали 12 испытуемых, а стратегию сотрудничества – 15. Ситуация меняется при дефиците времени, где стратегию конфронтации выбирают 19 испытуемых, а стратегию сотрудничества – 6. Таким образом, гипотеза о том, что при дефиците времени увеличивается вероятность выбора стратегии конфронтации подтверждается (при p=0,02, критерий).

Анализируя полученные результаты, можно предположить, что категория времени является одним из решающим факторов выбора стратегии взаимодействия в условиях неопределенности. Так, Д. Друкман, И. Мостеред, Дж. Роут отмечали, что дефицит времени один из решающих факторов, который создает атмосферу и фон для принятия решения о взаимодействии (Druckman, 1994; Mosterd, Rutte, 2000). Другими словами, если человек обладает недостаточной информацией об исходе ситуации, то при ограничении времени высока вероятность, что он выберет стратегию конфронтации, чем пойдет на сотрудничество со своим оппонентом.

При анализе ситуации «дилемма узника» для каждого участника необходимо достаточное количество времени, чтобы взвесить все параметры в контексте предложенной задачи, но так как времени не хватает на анализ каждого из исхода, оппоненты выбирают ту, которая на первый взгляд является наиболее выигрышной для них, а именно стратегия конфронтация, когда выигрыш предполагается максимальный.

Интересное объяснение предложили Т. Фреунд и А. Круглански, что при дефиците времени наблюдается такой феномен, как «закрытие ума», когда оппоненты избегают тщательного анализа полученной информации, так как у них снижается уровень критичности: нехватку времени они воспринимают в качестве стрессора (Freund, Kruglanski, 1985).

Можно сделать вывод, что задача из теории игр «дилемма узника» является подходящим вариантом для проверки влияния дефицита времени на выбор стратегий взаимодействия в условиях неопределенности, так как отсутствует непосредственное влияние оппонентов друг на друга, во-вторых, механика задачи позволяет нивелировать

побочные переменные с экспериментальной точки зрения. Важно отметить, что действительно при дефиците времени изменяется тенденция в выборе стратегий взаимодействия в сторону конфронтации.

Что касается перспектив будущих исследований, то важно обратить внимание на личностные особенности каждого из оппонентов, а именно уровень притязаний, который также оказывает влияние на выбор стратегий взаимодействия в условиях неопределенности.

В заключение работы важно подчеркнуть, что изучение факторов, оказывающих влияние на выбор стратегий взаимодействия, является весьма актуальным с практической точи зрения, с целью создания методических рекомендаций для проведения переговоров.

Литература

Busemeyer J. R. Decision making under uncertainty: a comparison of simple scalability, fixed-sample and sequential-sampling models // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1985. V. 11. P. 538–564.

Payne J. W., Bettman J. R., Johnson E. J. Adaptive strategy selection in decision making // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 1988. V. 14. P. 534–552.

Ross L. Situationist perspectives on the obedience experiments. Review of A. G. Miller's The obedience experiments // Contemporary Psychology. 1988. V. 33. P. 101–104.

Thompson L. L., Wang J., Gunia B. C. Negotiation. Northwestern University, Evanston, Illinois: Psychol, 2010.

Young D. L., Goodieb A. S., Hallb D. B. Decision making under time pressure, modeled in a prospect theory framework // Journal of organizational behavior and human decision process. 2012. V. 118. P. 180–188.

Влияние общего недоразвития речи на развитие внимания старших дошкольников

К. Д. Феофилатова (*Москва*)

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление особенностей внимания у старших дошкольников с общим недоразвитием речи в сравнении с детьми с нормальным психическим развитием. Описаны результаты экспериментального изучения таких свойств внимания как продуктивность, устойчивость, объем и переключаемость.

В настоящее время дети с речевой патологией составляют самую многочисленную группу среди детей с различными нарушениями развития в связи с влиянием множества пагубных биологических и социальных факторов (Левина, 1968). Всесторонний анализ речевых нарушений у этих детей представлен в трудах Л. С. Волковой, Р. Е. Левиной, Т. Б. Филичевой, Г. В. Чиркиной и др. (Жукова, Мастюкова, Филичева, 1998). Распространенным речевым расстройством среди детей дошкольного возраста является общее недоразвитие речи (ОНР), под которым понимают нарушенное формирование всех компонентов речевой системы в их единстве (звуковой структуры, фонематических процессов, лексики, грамматического строя речи) у детей с нормальным слухом и первично сохранным интеллектом (Жукова, Мастюкова, Филичева, 1998). В работах таких авторов, как А. В. Запорожец, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия и др., отмечается, что все психические процессы у ребенка – память, внимание, воображение, мышление, целенаправленное поведение – развиваются при непосредственном участии речи. Следовательно, у детей данной категории наблюдаются особенности в развитии психических процессов.

Нами было проведено исследование целью, которого являлось выявление влияния общего недоразвития речи на развитие внимания у детей старшего дошкольного возраста.

Гипотеза исследования: у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи имеются особенности внимания.

Для проверки гипотезы нами был проведен эксперимент, в котором приняли участие 27 дошкольников в возрасте 5–6 лет: 10 детей с нормальным психическим развитием (НПР), 17 дошкольников с ОНР. Для изучения особенностей внимания мы использовали три методики (Стребелева и др., 2004), направленные на изучение разных свойств внимания: «Найди и вычеркни» (П. Я. Кеэса) – позволяет определить уровень продуктивности и устойчивости внимания; «Запомни и расставь точки» (модифицированная методика К. Йерасека) – направлена на изучение объема внимания; «Треугольники» – позволяет получить данные о переключаемости внимания. Все методики проводились индивидуально.

Исследование по данной теме мы разделили на три этапа. Первый этап исследования включал методику «Найди и вычеркни». Ребенку предлагался лист со стимульным материалом, на котором были изображены разные фигуры и карандаш. Согласно инструкции, дошкольнику необходимо было зачеркивать определенные фигуры разными способами (круг горизонтальной линей, прямоугольник –

вертикальной). Время работы – 2,5 мин (пять раз по 30 с). По ходу работы экспериментатором делались пометки на бланке на каждом интервале (через 30 с) в том месте, где ребенок останавливался. Затем он продолжал выполнение задания до окончания времени.

Второй этап исследования включал методику «Запомни и расставь точки». Перед ребенком располагался лист с изображенными квадратами и карандаш. Дошкольник работал по инструкции с восьмью малыми квадратами, на которых изображены точки. Квадраты предлагались стопкой в порядке возрастания точек (от 2 до 9). После каждой демонстрации (1–2 с) ребенку необходимо было воспроизвести по памяти увиденные точки – нанести их на пустую карточку за 15 с.

Третий этап исследования включал методику «Треугольники». Перед ребенком располагался чистый лист и карандаш. Необходимо было выполнить два задания. Первое – рисовать треугольники уголком вверх. Через 2–2,5 строки рисунка предлагалось второе задание – продолжать рисовать треугольники, но уголком вниз. Второе задание выполнялось также 2–3 строки. Варианты рисования треугольников перед началом работы ребенка показывались исследователем. По ходу работы фиксировались ошибки ребенка.

Следовательно, с помощью данных методик можно выявить особенности у детей с ОНР таких свойствах внимания как продуктивность, устойчивость, объем и переключаемость.

В ходе исследования были выделены специфические особенности внимания старших дошкольников с ОНР. Проанализировав методику «Найди и вычеркни», мы сделали вывод: внимание у детей с ОНР в основном среднепродуктивное, но неустойчивое. Выполняя задание, дети часто отвлекались, делали много ошибок (пропускали фигуры, которые нужно было зачеркнуть, зачеркивали ненужные фигуры). Было замечено, что в конце выполнения задания (4, 5 интервалы) количество просмотренных фигур значительно уменьшалось. Так, высокий уровень такого свойства внимания как продуктивность не имеет не один ребенок из группы дошкольников с ОНР, очень низкий – 10%, в то время как из группы с НПР высокий уровень наблюдается у 30% детей, дошкольников с очень низким уровнем из контрольной группы выявлено не было.

На основании методики «Найди и вычеркни» мы отметили, что у детей дошкольного возраста с ОНР продуктивность и устойчивость внимания несколько ниже, чем у нормально развивающихся детей. Высокий уровень устойчивости внимания у дошкольников не наблюдался ни в одной группе. Из группы детей с ОНР очень

низкий уровень имеют 20% детей, низкий – 50%, средний – 30%. Из группы детей с НПР очень низкий уровень наблюдается у 12%, низкий – 30%, средний – 58%.

Обработка и анализ второй методики «Расставь точки» дали следующие результаты. При анализе полученных результатов мы выявили, что дети с ОНР имеют низкий и средний уровень развития, так как в большинстве карточек количество правильно воспроизведенных точек составило от 2 до 3. На основании этой методики мы сделали вывод, что объем внимания у детей с ОНР несколько ниже, чем у детей с НПР. У дошкольников с ОНР наблюдался лишь низкий и средний уровни объема внимания, в группе среди детей с НПР 12% имеют высокий уровень.

Обработка и анализ третьей методики «Треугольники» дал следующие результаты. Выполнение предложенного задания детям с ОНР давалось сложнее, они дольше переключались на выполнение второго задания, где нужно было рисовать треугольники уголками вниз. Многие испытывали нервное напряжение. Один ребенок с ОНР отказался выполнять второе задание. Дети с НПР справились с этим заданием легче. Для его выполнения у дошкольников ушло меньше времени. Большинство детей в обеих группах имеют средний уровень переключаемости внимания. Высокий уровень в группе детей с ОНР выявлен не был, тогда, как в группе с НПР наблюдался у 12% испытуемых. По результатам данной методики у детей с ОНР уровень переключаемости внимания ниже, чем у детей с НПР.

Результаты исследования

На основании полученных результатов, можно сказать, что гипотеза, поставленная перед началом работы, подтверждена. Действительно, общее недоразвитие речи приводит к отклонениям внимания, что проявляется в более низком уровне продуктивности, устойчивости, объеме и переключаемости внимания в сравнении со сверстниками с НПР.

Проведенное исследование позволило констатировать, что у детей с ОНР возникли определенные трудности в выполнении заданий, дети с НРП справились с ними легче. В ходе проведения исследования было замечено, что дети с ОНР хуже понимают инструкцию задания, что требовало повторного пояснения. Также наблюдались особенности в характере ошибок: у детей с ОНР ошибки возникали в начале выполнения задания, у детей с НПР – к концу. На выполнение задания детям с ОНР требовалось больше времени, чем детям с НПР. Полученные данные свидетельствуют о необхо-

димости проведения специальных мероприятий с детьми старшего дошкольного возраста с ОНР для повышения уровня развития их внимания.

Литература

Жукова Н. С., Мастюкова Е. М., Филичева Т. Б. Логопедия. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников: Учеб. пособие для студентов высших пед. учебных заведений. Екатеринбург: АРД ЛТД, 1998.

Левина Р. Е. Основы теории и практики логопедии: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. Л. С. Волковой. М.: Просвещение, 1968.

Стребелева Е. А., *Мишина Г. А., Разенкова Ю. А., Орлова А. Н., Шматко Н. Д.* Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего и дошкольного возраста: Методическое пособие / Под ред. Е. А. Стребелевой. М.: Просвещение, 2004.

Потребность к аффилиации как фактор, способствующий развитию состояния уверенности у спортсменов в командных видах спорта

Р. Н. Хакимзянов, И. С. Ведерникова, А. А. Ухаткина (*Казань*)

Реалии современного спорта таковы, что для достижения успеха в спортивной деятельности на одном уровне по значимости находятся как физиологическое, так и психическое состояние спортсмена. Психические состояния спортсмена определяют его настрой на состязание, мотивацию на достижение успеха, готовность постоянно совершенствоваться (Попов, 1998). Решение проблемы психологической подготовки спортсменов для современного российского спорта определяется тем, что на сегодняшний день в нашей стране для мотивации спортсменов в первую очередь используют инструменты финансового стимулирования и как мы видим, это не приводит к желаемым результатам. Таким образом, плохая психологическая подготовленность спортсмена, за которой следует, состояние неуверенности в своих силах приводит к неудовлетворительным результатам. А если этот спортсмен выступает в командных видах спорта, то состояние неуверенности может повлиять на результат всей команды, что чревато крахом на спортивной площадке. Социальные функции состояния уверенности отражаются в самооценке личности, которая меняет отношение к миру, группе людей и смыслу всей

спортивной деятельности (Смаглий, 2009). В связи с этим актуальной становится проблема выявления способов развития состояния уверенности у спортсменов в командных видах спорта посредством актуализации социальных потребностей личности спортсмена, а именно потребности к аффилиации. Аффилиация, на наш взгляд, особенно важна для спортсменов в командных видах спорта, так как тесные взаимоотношения членов команды способствуют улучшению внутреннего климата, что позволяет партнерам по команде лучше понимать друг друга, действовать сообща, и в конечном итоге приводит к достижению успеха в деятельности.

Целью исследования является эмпирическое изучение взаимосвязи потребности к аффилиации и состояния уверенности спортсменов в командных видах спорта.

Гипотеза исследования – развивать состояние уверенности у спортсменов в командных видах спорта можно через потребность к аффилиации.

Материалом для исследования послужили результаты психологической диагностики 73 членов сборных команд Казанского федерального университета по футболу, хоккею в возрасте 18–25 лет.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы использовались следующие методы исследования: теоретические – анализ научной литературы по проблеме исследования; эмпирические: метод опроса, психодиагностика; методы статистического анализа эмпирических данных (коэффициент корреляции Пирсона и U-критерий Манна–Уитни).

При проведении психодиагностической процедуры использовались методики: 1. Состояние уверенности-неуверенности (Обозов, 1997); 2. Диагностика мотиваторов социально-психологической активности личности (Фетискин и др., 2002).

Результаты и интерпретация

Для подтверждения гипотезы испытуемые были разбиты на две группы. Первую группу составили респонденты, входящие в футбольную команду, а вторую – хоккеисты. Статистическое сравнение показателей по U-критерию Манна–Уитни не выявило различий в выраженности показателя «состояние уверенности–неуверенности» и показателя «потребность к аффилиации» у респондентов обеих групп.

Далее нами был применен корреляционный анализ для общей группы испытуемых, так как различий по исследуемым показателям в группах футболистов и хоккеистов не обнаружено. Корреляцион-

ный анализ показал нам наличие прямой связи между показателем «уверенность» и «мотивация достижения успеха» ($p \leqslant 0{,}01$; $r=0{,}50$). Данная связь свидетельствует о том, что развитие мотивации на достижение успеха будет способствовать становлению уверенности у спортсменов. Также нами выявлена обратная связь между показателями «стремление к власти» и «уверенность» ($p \leqslant 0{,}05$; $r=-0{,}33$). Данная связь указывает нам на то, что если у спортсмена доминирует потребность к власти, то это следствие неуверенности в своих силах. Следовательно, в процессе психологической работы со спортсменами в командных видах спорта надо уделять особое внимание лицам, которые стремятся к доминированию в группе, так как это может привести к разладу во взаимоотношениях внутри команды. В ходе корреляционного анализа обнаружена прямая связь между показателями «потребность к аффилиации» и «уверенность» ($p \leqslant 0{,}01$; $r=0{,}52$). Это позволяет говорить о том, что формирование доверительных, теплых, эмоционально значимых отношений внутри команды приведет к развитию состояния уверенности у спортсменов. А это, в свою очередь, может оказывать положительное влияние на результаты спортивной команды во время спортивных соревнований.

Полученные в ходе исследования результаты являются основанием для пересмотра типового набора программ по психологической подготовке спортсменов в командных видах спорта. Предметом дальнейшего исследования может стать разработка и апробация новых способов психологического сопровождения спортсменов.

Литература

Попов А. Л. Спортивная психология: Учеб. пособие для спортивных вузов. М.: Флинта, 1998.

Смаглий Е. И. Проблема формирования психического состояния уверенности в действиях спортсменов // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. Харьков: Харьковское областное отделение Национального олимпийского комитета Украины, 2009. № 10. С. 208–213.

Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

Особенности нравственного развития подростков

А. В. Хасиева (*Владикавказ*)

Нравственное воспитание – одна из важнейших сторон многогранного процесса становления личности. Проблема нравственного развития и воспитания была актуальна всегда. Особенно сейчас, когда все чаще можно встретить жестокость и насилие, проблема нравственного воспитания становится все более актуальной (Гогицаева, 2013; Гуриева, Михалюк, 2014; Кочисов, Гогицаева, 2014). Нравственные нормы общественной жизни должны найти свое воплощение в опыте растущего человека уже с ранних лет. Анализ психолого-педагогической литературы свидетельствует о том, что данная проблема рассматривалась многими зарубежными и российскими учеными, методистами, педагогами и психологами (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Ж. Пиаже, Л. Колберг, Э. Эриксон, С. А. Козлова, В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник, Н. Ковалев и др.).

Создавая условия для нравственного развития, следует помнить, что в этом процессе на каждом возрастном этапе особое значение приобретают свои механизмы, которые позволяют решать актуальные проблемы личностного развития. Знание и учет особенностей нравственного развития на каждом возрастном этапе и специфики уровней нравственного развития позволят организовывать систему целенаправленного воздействия таким образом, чтобы обеспечить достижение высокого уровня нравственного развития личности, что является особенно важным в кризисный период развития общества (Овчарова, 2013).

Цель нашего исследования: изучение психологических особенностей нравственного развития в подростковом возрасте. Методики: методика диагностики уровня эмпатических способностей; методика диагностики уровня нравственной самооценки; методика «Пословицы»; методика «Отношение к нравственным нормам поведения». Эмпирическое исследование было проведено на базе СОШ №, г. Владикавказа. Выборку составили учащиеся 10-х классов (n=40), из которых 15 мальчиков и 25 девочек. Средний возраст испытуемых составляет 15 лет. Анализ данных показал, что большинство подростков характеризуются заниженным уровнем эмпатии (60%), при этом значимые различия в выборе доминирующего канала эмпатии отсутствуют. Вместе с тем наблюдается тенденция роста проникающей способности (30%). Можно предположить, что эмоцио-

нальная отзывчивость и эмпатическое восприятие подростка будет ярче проявляться в атмосфере открытости, доверительности и задушевности. Подавляющее число подростков изучаемой выборки имеют средний уровень нравственной самооценки (90%), т. е. учащиеся считают себя способными осознавать социально одобряемые нормы поведения, что, в свою очередь, может способствовать дальнейшему развитию моральных суждений и оценок. У 70% подростков доминируют устойчивые ценностные отношения к жизни, к людям и к самим себе; это говорит о стремлении подростков к самоопределению, достижениям и расширению социальных контактов, их способности к пониманию ценности дружбы, труда и обучения. Оценка типов отношений к нравственным нормам поведения показала выраженность сразу двух категорий: 1) активное, устойчивое, положительное (30%) и 2) активное, недостаточно устойчивое (30%). Данный факт может свидетельствовать о неопределенности поведения подростков в тех или иных ситуациях несформированности мировоззрения, нечеткости собственного мнения, возможности компромиссов в вопросах морали и ситуациях нравственного выбора. Кажущая противоречивость результатов напрямую связана с особенностями развития в подростковом возрасте: отношение к себе как нравственной личности амбивалентно. Чувства «за» и «против» в адрес своего «Я» часто меняются, идет активное противоборство представлений и знаний о себе, наблюдается разрыв между сферами «знаю» и «делаю». Для изучения связи эмоционального и поведенческого компонентов нравственного развития подростков мы использовали метод кросс-табуляции. Установлена связь между уровнем эмпатии и уровнем нравственной воспитанности, а также между уровнем эмпатии и отношением к нравственным нормам поведения, т. е. общий уровень воспитанности, в том числе и нравственной, напрямую согласуется с развитостью эмпатических способностей и отношением подростков к принятым в обществе нравственным нормам поведения. Это говорит о том, что развитие и воспитание эмпатических способностей, общая просвещенность и образованность, в том числе и нравственная, проявляется в поступках и поведении. Однако, в силу специфики подросткового возраста, ребятам характерно не показывать свою образованность и воспитанность. Таким образом, наблюдается противоречие между знаниями, чувствами и поведением. Связь между уровнем нравственной самооценки и уровнем нравственной воспитанности, а также между уровнем нравственной самооценки и отношением к нравственным нормам поведения говорит о согласованности самооценки и нравственности поведения. Можно пред-

положить, что если подросток оценивает себя как нравственного и воспитанного человека, вне зависимости от уровня его общей самооценки, то и поступки его будут соответствовать нравственным нормам. Подводя итоги, отметим, что эмоции и чувства, испытываемые подростками при столкновении с вопросами морали и нравственного выбора, напрямую связаны с поступками и нравственностью поведения, определяют его. Проникающая способность к эмпатии при среднем уровне нравственной самооценки позволяет подросткам успешно решать трудные проблемы нравственности. Однако знания правил и норм они не всегда применяют на практике, а подстраивают под ситуацию. Нравственность в подростковом возрасте носит избирательный характер.

Исходя из содержания нравственных отношений, необходимо включать учащихся в следующие виды деятельности: общественную, патриотическую, учебную, трудовую, в деятельность по сбережению материальных ценностей и охраны природы, общение с другими людьми и т. д. Без хорошо организованной практической деятельности и ее умелого педагогического стимулирования нельзя эффективно формировать нравственные отношения. Не менее существенным является и другое положение, что если те или иные отношения закрепляются в сознании и поведении личности, становятся привычными и определяют устойчивость ее поведения в любых изменяющихся условиях, они превращаются в личностные качества.

Литература

Гогицаева О. У. Проблема толерантных взаимоотношений в школе // Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию профессора К. Е. Гагкаева / Под ред. Р. П. Бибиловой. 2013. С. 279–282.

Гуриева С. Д., Михалюк О. С. Проблема личностной и социальной идентификациив «Я – образе» // International scientific-practical congress of pedagogues and psychologists «The Generation Of Scientific Ideas». European Association of pedagogues and psychologists «Science». Одесса: Европейская ассоциация педагогов и психологов «Science», 2014. Т. 3. С. 113–122.

Кочисов В. К., Гогицаева О. У. Толерантность и межэтническое поликультурное пространство // Бъдещето въпроси от света на науката-2013: Материалы IX Международной научно-практической конференции. София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2013. Т. 24. Педагогические науки. С. 51–55.

Кочисов В. К., Гогицаева О. У. Стереотипность восприятия этнических групп в процессе этнокультурного взаимодействия // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы Четвертой Международной научной конференции. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2014. Т. 2. С. 33–37.
Овчарова Р. В. Нравственное развитие личности: от детства к отрочеству // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 106–108.

Учет естественных границ собственного тела саламандрами *Salamandra salamandra*[*]

И. А. Хватов (*Москва*)

При ориентации в окружающем пространстве для осуществления локомоции и манипуляции животным необходимо учитывать физические характеристики собственного тела (границы, объем, массу) и соотносить их с физическими характеристиками внешних объектов. Иначе говоря, животным необходима схема собственного тела. Схема тела – это совокупность двигательных навыков и способностей, позволяющих осуществлять различные движения, а также представление о физических характеристиках собственного тела (его границах, весе, взаиморасположении отдельных членов). Схема тела тесно связана с восприятием размерности окружающих объектов. В отличие от образа тела, схема тела является неосознаваемым феноменом (Хватов и др., 2015). Существует точка зрения, что схема тела («принятие себя в расчет») является филогенетически наиболее ранней ступенью развития всех прочих представлений о себе, включая самосознание (Столин, 1983).

В современной науке существует множество концепций, объясняющих происхождение самосознания человека в ходе эволюции психики. Большая часть этих концепций описывает развитие психики в ходе антропогенеза, а также осуществляет сравнительный анализ психики человека и приматов (подробнее см.: Хватов и др., 2015). Однако данные о более глубоких эволюционных корнях этого феномена крайне скудны – в науке отсутствуют специальные исследования, посвященные их получению и анализу.

Целью настоящего исследования являлось изучение восприятия границ собственного тела, как одного из ключевых аспектов схемы

* Исследование проводится при финансовой поддержке гранта Президента Российской федерации № МК-2766.2017.6.

тела, огненными саламандрами, а также влияния на данное восприятие изменений характеристик окружающей среды.

Гипотеза исследования: огненные саламандры способны учитывать естественные границы собственного тела при взаимодействии с окружающими объектами.

Испытуемые животные: 6 особей огненной саламандры *Salamandra salamandra.*

Оборудование. Экспериментальная установка представляет собой стеклянный ящик с двумя отсеками. Отсек 1 – пусковая камера 310×390 мм. Пол покрыт шпатовой и мраморной окатанной галькой белого цвета. Отсек 2 – «влажная» камера (укрытие) 250×390 мм. В качестве субстрата использовалась сосновая кора-мульча, сфагнум, крошка кокосовой коры. Субстрат увлажнялся исходно и затем дополнительно каждые 2 дня. В этом отсеке располагалась поилка. Стены и потолок отсека с внешней стороны были окрашены черной светонепроницаемой краской, благодаря чему в нем постоянно поддерживался низкий уровень освещенности. Камеры разделены между собой стеклянной перегородкой, также окрашенной в черный цвет. В перегородке имеются три круглых отверстия, диаметр которых можно варьировать с помощью дополнительных вставок.

В эксперименте использовалось два типа круглых отверстий в перегородке между отсеками:

1. Большое отверстие диаметром 30 мм – достаточно крупное для проникновения через него тела саламандры.
2. Малое отверстие диаметром 10 мм – в такое отверстие могла проникнуть лапа саламандры или кончик ее морды, но не все животное целиком.

Процедура эксперимента

В начале экспериментальной пробы саламандра помещалась в центр отсека № 1. Она направлялась в отсек № 2 через одно из отверстий, покидая ярко освещенное помещение, чтобы попасть в затемненную влажную область экспериментальной установки. Проба считалась завершенной, когда животное полностью покидало отсек № 1 через одно из отверстий. Если животное 240 с не совершало попыток проникновения ни в одно отверстие, то его осторожно подносили к большому отверстию и погружали в отсек № 2.

Эксперимент состоял из 3 серий. Каждая серия проводилось с интервалом в 24 часа, временной интервал между пробами внутри серии составлял 10 мин.

Серия 1. Схема расположения отверстий в перегородке: № 1 – большое, № 2 – малое, № 3 – малое. Задачей первой экспериментальной серии являлось формирование у животного навыка наиболее быстрого проникновения во второй отсек. За попытку проникновения в малое отверстие считалось поведение, при котором саламандра тыкалась кончиком морды в малое отверстие, совершая передними лапами роющие движения. Серия состояла из 30 проб. Критерии формирования навыка: снижение количества неуспешных попыток проникновения в малые отверстия.

Серия 2. Схема расположения отверстий: № 1 – малое, № 2 – малое, № 3 – большое. В данном случае ставилась задача сформировать у животного новый навык попадания во второй отсек через отверстие, располагающееся в другой части экспериментальной установки. Серия состояла из 30 проб. Критерии формирования навыка были прежними.

Серия 3. Схема расположения отверстий: № 1 – малое, № 2 – большое, № 3 – малое. Остальные параметры аналогичны серии 2.

Мы считали, что у животного сформировался навык учета естественных границ собственного тела в том случае, если во второй и третьей сериях оно совершало достоверно меньше попыток проникновения в малые отверстия, нежели в первой серии. Это означало бы, что животное не просто выучило тот факт, что проникать во второй отсек нужно через отверстие, располагающееся в определенной части экспериментальной установки, но и научилось распознавать малое отверстие как непроницаемое для естественных границ своего тела.

Для математической обработки данных использовался критерий χ^2 и Т-критерий Вилкоксона.

Результаты. К концу серии 1 у всех испытуемых сократилось время решения экспериментальной задачи. В первой пробе среднее время решения задачи составило 285 с (SD=77), в последней – 33 с (SD=18). Снижение времени достоверно (тест Вилкоксона T=0; Z=2,20; n=6; $p<0,05$) При этом в первых пяти пробах количество попыток проникновения в большие отверстия составило 30, в малые отверстия – 51; в последних пяти пробах: большие – 30, малые – 2. Распределения достоверно отличаются ($\chi^2=29,62$; df=1; $p<0,01$). К концу серии 2 у всех испытуемых сократилось время решения экспериментальной задачи. В первой пробе среднее время решения задачи составило 898 с (SD=234), в последней – 31 с (SD=15). Снижение времени достоверно (тест Вилкоксона T=0; Z=2,20; n=6; $p<0,05$). При этом в первых пяти пробах количество попыток проникновения в большие отверстия составило 30, в малые отверстия – 75;

в последних пяти пробах: большие – 30, малые – 3. Распределения достоверно отличаются (χ^2=39,70; df=1; p<0,01). Распределение количества попыток проникновения в малые и большие отверстия в первых 5 пробах серии № 2 не имеет достоверных отличий от данного распределения в последних 5 пробах серии № 1 (χ^2=1,50; df=1; p>0,05). К концу серии 3 у всех испытуемых сократилось время решения экспериментальной задачи. В первой пробе среднее время решения задачи составило 165 с (SD=46), в последней – 32 с (SD=16). Снижение времени достоверно (Тест Вилкоксона T=0; Z=2,20; n=6; p<0,05) При этом в первых пяти пробах количество попыток проникновения в большие отверстия составило 30, в малые отверстия – 4; в последних пяти пробах: большие – 30, малые – 2. Распределения не имеют достоверных отличий (χ^2=0,61; df=1; p>0,05). Распределение количества попыток проникновения в малые и большие отверстия в первых 5 пробах серии № 3 достоверно отличается от данного распределения в последних 5 пробах серии № 1 (χ^2=25,16; df=1; p<0,01).

Интерпретация результатов. Данные по времени решения задачи указывают на то, у саламандр происходило научение в каждой серии. Однако вначале серии 2 они тратили на решение задачи значительно больше времени, нежели в начале серии 1. Мы полагаем, это связано с тем, что задача реорганизации ранее приобретенного навыка для этих животных является более сложной, нежели формирование полностью нового навыка.

Данные по количеству проникновений в различные отверстия указывают, что к концу 1 и 2 серии у саламандр также формировался навык решения задачи, в 3 серии навык уже был сформирован. В начале третьей серии животные совершали достоверно меньше попыток проникновения в малые отверстия, нежели в начале первой, что свидетельствует о том, что они научились распознавать данные отверстия как непроницаемые – научились учитывать естественные границы тела. Ранее аналогичные данные были получены нами на сцинках и змеях (Хватов и др., 2015, 2016).

Выводы. Гипотеза исследования была подтверждена. В перспективе мы планируем изучить учет саламандрами измененных границ собственного тела.

Литература

Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н. Схема собственного тела у змей *Lampropeltis triangulum campbelli* // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 119–138.

Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н. Учет границ собственного тела сцинками *Tiliqua gigas* // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 54–71.

Взаимосвязь застенчивости и понимания психических состояний у детей дошкольного возраста*

В. Д. Хлюстова, А. Ю. Уланова (*Москва*)

Феномен застенчивости и его психологическая сущность является не только житейской проблемой отдельного человека, затрудняющей его социальную жизнь, но и областью научных исследований. Особое внимание данной теме уделяется в психолого-педагогической литературе: описаны формы проявления застенчивости у детей, особенности взаимодействия застенчивых детей с окружающими, разработаны методы коррекции и преодоления возможных негативных последствий. Однако психологические основы застенчивости и причины ее развития изучены недостаточно. Нехватка разработанных методик не позволяет накопить необходимый эмпирический материал для изучения феномена застенчивости (Краснова, Торохина, 2005).

Существуют различные подходы к описанию и пониманию застенчивости. Как состояние, она выражена в нарушениях вегетативной и психомоторной сферы, которые вызывают состояние нервно-психической напряженности. Как свойство личности застенчивость «возникает у человека, постоянно испытывающего трудности в определенных ситуациях межличностного неформального общения» (Куницына, 2003). Л. Н. Галигузова, изучавшая проявления робости и стеснительности у детей среднего и старшего дошкольного возраста, рассматривает застенчивость «как один из видов амбивалентного (противоречивого) отношения ребенка к другим людям и к самому себе, которое проявляется в общении и в межличностных отношениях» (Галигузова, 2000, с. 28). Исходя из разнообразия определений, следует, что застенчивость может быть как временным явлением (ситуативной, возрастной), так и постоянной личностной чертой.

Также разнообразны подходы к пониманию причин застенчивости. Большая часть авторов сходятся во мнении, что застенчивость определяется как наследственностью, так и условиями воспитания. Биологическими предпосылками могут являться слабость нервной системы, генетическая предрасположенность, задержка физичес-

* Работа выполнена по Госзаданию ФАНО № 0159-2016-0004.

кого развития и другие (Д. Дэниэлс, Р. Пломин, Р. Кеттел и др.). Социально застенчивость может быть обусловлена рядом факторов: предпочтение родителями одного ребенка по сравнению с другим, нежелательностью ребенка для родителей, отсутствие навыков общения и др. (Зимбардо, 1991).

Застенчивость проявляется у ребенка с самого раннего возраста. Данные Л. Н. Галигузовой дают основание говорить о сензитивном периоде в проявлении застенчивости, а также некоторой возрастной динамике (Галигузова, 2000). В результате лонгитюдного исследования данным автором было выявлено, что застенчивость слабее всего проявлялась у четырехлетних детей, резко возрастала на пятом году жизни, несколько снижалась к шести и значительно сокращалась к семи годам. По мнению автора, отношение ребенка к оценке взрослых (как реальной, так и ожидаемой), его деятельности в целом и отдельных действий является наиболее распространенной причиной застенчивого поведения детей. При этом наблюдается некоторая амбивалентность в отношении к окружающим: ребенок доброжелательно относится к другим людям, стремится к общению с ними, но не решается проявить свои коммуникативные потребности (Галигузова, 2000).

Изучение когнитивного развития ребенка, в частности различных форм социального познания, в соотношении с проявлениями застенчивости может дать новые факты природы этого феномена. Так, возраст, описанный в литературе как сензитивный для появления застенчивости, совпадает со скачком в развитии понимания психических состояний, описанных в подходе «модель психического» (Дж. Флавел, Дж. Пернер, С. Барон-Коен, Е. А. Сергиенко и др.)

В данной работе представлены план и процедура проведения исследования, целью которого является изучение взаимосвязи застенчивости и понимания психических состояний других людей (на примере понимания эмоций и ложных убеждений) у детей 4–5 лет.

Участники исследования. Исследование проводилось на базе ГБОУ детского сада № 1539 в группе № 3 среднего дошкольного возраста (4–5 лет). Была сформирована группа в составе 14 детей, из них 6 мальчиков и 8 девочек. Общее время работы с одним ребенком составило около 20 минут.

Методы исследования. Процедура проведения работы состояла из двух этапов и предполагала последовательное решение нескольких исследовательских задач.

На первом этапе с помощью метода экспертных оценок (воспитателя и экспериментатора) были выделены контрольная и экспе-

риментальная группы. Составление комплекса методов и критериев отбора испытуемых было проведено с опорой на процедуру эксперимента, описанного в работе Л. Н. Галигузовой (2000).

Для оценки воспитателем была составлена анкета, содержащая 8 пунктов, направленных на изучение меры и характера проявления застенчивости в поведении ребенка. Вопросы анкеты были составлены на основании выделенных в литературных источниках показателей, характеризующих застенчивых детей: избирательность в общении, высокое значение оценки взрослого, затруднение участия в коллективных играх, боязнь публичных выступлений и повышенного внимания. Кроме того, анкета включала вопросы на целостную оценку воспитателем выраженности черт застенчивости, общительности и тревожности у ребенка, а также описание конкретных форм проявления застенчивости.

Оценка экспериментатора формировалась на основании наблюдения и экспериментальных проб:

Наблюдение за поведением ребенка в свободной игре и на занятии. Фиксировались следующие показатели: активность в общении, проявленность эмоций, предпочтения в одиночной или коллективной игре и др.

Проба «Подзывание» по Л. Н. Галигузовой. Организовывалась ситуация «подзывания», в которой незнакомый взрослый просил ребенка подойти к нему. Проба проводилась во время свободной игры детей в группе детского сада. В этой ситуации фиксировались выделенные выше особенности поведения и результат «подзывания» – отклик ребенка.

Проба «Совместная деятельность» (модификация пробы Л. Н. Галигузовой). Экспериментатор предлагал ребенку выполнить рисунок на свободную тему, в определенных моментах участвовал в деятельности – предлагал элементы рисунка, задавал вопросы о содержании, давал оценку и прочее. Поведение ребенка регистрировалось по двенадцати параметрам (инициативность, чувствительность к воздействиям взрослого, умение развить ситуацию общения и пр.).

По результатам проведения анкетирования родителей, наблюдения и проведения проб экспериментатором из общей выборки были выделены две группы испытуемых – «застенчивые» и «незастенчивые».

На втором этапе исследования для решения детям из групп сравнения были предложены следующие задачи:

Методическая задача *«Салли–Энн»* («Sally & Ann task») направлена на изучение способности ребенка к репрезентации внутренних

представлений другого человека (Wimmer, Perner, 1983). В ходе эксперимента ребенку показывают двух кукол, одна из которых кладет в корзинку мячик и уходит, а другая перекладывает его в свою коробку. Ребенок должен ответить на вопрос, где будет искать мяч кукла, когда вернется: в корзинке или коробке?

Методическая задача *«Понимание эмоций по лицевой экспрессии на фотографиях»* была использована для оценки распознавания эмоций детьми. В наборе фотографий были использованы лицевые экспрессии шести базовых эмоций: радость, грусть, страх, гнев, удивление, отвращение.

Тест детской тревожности (Р. Тэммпл, В. Амен, М. Дорки). Ребенку последовательно предъявляются 14 рисунков типичных для жизни ребенка ситуаций и варианты реакции изображенного ребенка на ситуацию: улыбающееся или печальное лицо.

Данные, полученные в результате проведения исследования, помогут оценить взаимосвязь таких показателей как застенчивость детей и понимание психических состояний другого человека. Согласно нашим предположениям, повышенный интерес и значимость оценки собственного поведения окружающими людьми, характерные для застенчивых детей, требуют разделения точек зрения у себя и другого и постоянного внимания к состоянию и мнению окружающих, что может выражаться в более точной оценке эмоций и убеждений. Кроме того, применение теста детской тревожности, который зачастую используется для оценки застенчивости, позволит соотнести результаты с проведенными экспериментальными пробами и сделать вывод о правомерности их совместного или изолированного использования в исследовательских целях.

Литература

Галигузова Л. Н. Психологический анализ феноменологии детской застенчивости // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 28–38.

Зимбардо Ф. Застенчивость. М.: Педагогика, 1991.

Краснова Л. В., Торохина Л. А. Психологический анализ феномена застенчивости // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 1. С. 122–124.

Куницина В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Застенчивость как специфическая трудность межличностного общения // Межличностное общение: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003.

Wimmer H., Perner J. Beliefs about beliefs: representations and constraining functions of wrong beliefs in young children's understanding of deception // Cognition. 1983. V. 13. № 1. P. 103–128.

Особенности отношений матерей и детей раннего возраста в замещающих семьях и их психологическое сопровождение

А. В. Часовских, М. Ю. Солодунова, Д. И. Чернего (*Санкт-Петербург*)

В последние десятилетия многочисленными зарубежными и отечественными исследованиями было убедительно доказано исключительное влияние раннего опыта человека на его последующую жизнь. Без взаимодействия с близким взрослым ребенок неизбежно попадает в ситуацию беспомощности, а удовлетворение его базовых потребностей оказывается под угрозой.

Научные данные последних лет показывают, что сразу после рождения ребенок может активно участвовать в образовании своих первых и главных взаимоотношений (как правило, с матерью), он проявляет различные эмоции уже при первых контактах с ней. Через взаимоотношения с близким взрослым происходит развитие способностей ребенка и установление социально-эмоциональных связей, определяющих его дальнейшую жизнь. Тип отношений привязанности, формирующихся у ребенка в течение первого года жизни, определяет как наиболее адаптивные стратегии поведения и эмоционального реагирования ребенка, так и качественные особенности понимания себя. Исследования привязанности демонстрируют связь между типом привязанности и последующим развитием ребенка: она прослеживается в проявлении эмоций, торможении поведения и робости, в знаниях о себе и о матери, в упорстве и энтузиазме при выполнении ребенком задания, в качестве игры, в решении проблем. Систематическое эмоциональное общение с близким взрослым приводит к изменениям в эмоциональной сфере у детей раннего возраста, что способствует их познавательному развитию (Мухамедрахимов, 2001).

Психологический комфорт и сформированная безопасная привязанность к близкому взрослому являются фундаментальными для нормального развития ребенка, что распространяется на его дальнейшую жизнь. Опыт адекватных детско-родительских отношений является определяющим для личностного и социального развития взрослого, что в дальнейшем закрепится в базовом доверии к миру, открытости новому опыту и навыке решения сложных жизненных задач.

Отрицательный опыт взаимодействия с близким взрослым находит свое отражение в сформированном небезопасном типе привя-

занности. При привязанности избегающего типа дети испытывают трудности в осознавании и проявлении своих эмоций. Небезопасная привязанность амбивалентного типа проявляется в двойном отношении («привязанность–отвержение») к близкому взрослому – такие перепады в общении формируют устойчивые эмоционально-амбивалентные паттерны поведения. Небезопасная привязанность дезорганизованного типа является крайне патологичной – дети в данном случае не имеют опыта безопасной привязанности, ведут себя хаотично и непредсказуемо.

Современные исследования в области детской клинической психологии демонстрируют пагубное влияние раннего опыта разлучения с близким взрослым и воспитания в условиях массовых учреждений на последующее развитие ребенка. А работы в области раннего вмешательства говорят о необходимости поиска новых программ сопровождения детей раннего возраста, оставшихся без попечения родителей, которые отвечали бы потребностям развития ребенка во взаимоотношении с близким взрослым (Мухамедрахимов, 2001).

В настоящее время в Российской Федерации происходит активное развитие института замещающей семьи и увеличение количества семей, принявших на воспитание ребенка, оставшегося без попечения родителей. В связи с этим область исследований взаимодействия детей и матерей в замещающих семьях становится особенно актуальной. Прежде чем попасть в замещающую семью и обрести близкого взрослого, ребенок раннего возраста чаще всего имеет опыт жизни в депривационных условиях асоциальной биологической семьи, больницы или дома ребенка. Результаты многочисленных научных исследований свидетельствуют о негативном влиянии подобных учреждений на соматическое состояние и психологическое развитие детей. Исследователи отмечают отставание в антропометрических показателях, нарушения в когнитивном и социально-эмоциональном развитии. Вне семьи у ребенка формируются специфические черты характера, поведения, личности. Они также указывают на зависимость степени нарушений у ребенка от времени его нахождения в депривационных условиях (Мухамедрахимов, Плетнева, 2013).

Переход в замещающую семью и изменение условий проживания детей раннего возраста положительно сказывается на их познавательных функциях, наблюдается мощный скачок в улучшении показателей роста и веса. Однако даже при таких положительных изменениях сохраняется отставание в когнитивном развитии, отмечаются

серьезные нарушения поведения: неразборчивое дружелюбие, дефицит внимания и гиперактивность, псевдоаутистические признаки. У детей школьного возраста наблюдаются трудности в понимании границ одобряемого обществом поведения, нарушение этики в общении (Осипова, 2006).

Психологами отмечаются психологические проблемы, возникающие в процессе усыновления у родителей, такие как недоверие к себе как родителю, гиперпротекция, доминирование, подозрительность и неполное принятия ребенка (Ослон, 2006). Неготовность замещающих родителей к подобным проблемам является одной из причин вторичного сиротства – социального феномена в современной России, вызываемого отказом опекунов, приемных родителей, патронатных воспитателей или усыновителей от своих приемных детей.

В России замещающие семьи могут пройти специальную подготовку на курсах «Школы приемных родителей». Такое обучение является необходимым для всех лиц, желающих принять в свою семью ребенка, за исключением близких родственников и тех, кто уже являлся или является усыновителем, опекуном или приемным родителем. Кандидаты в приемные родители получают информацию об особенностях здоровья детей-сирот, эмоциональных, поведенческих трудностях, а также о правовых вопросах, связанных с устройством ребенка в семью и последующим его пребыванием в ней. В течение обучения некоторая часть родителей, чаще всего, оценив свои возможности, отказывается от идеи принять ребенка в семью.

Зарубежные программы сопровождения замещающих семей, такие как программы университета города Лейден (Голландия) и «Attachment and Bio-Behavioral Catch-Up» (ABC) вмешательство (США), основаны на теории привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт. Сопровождение происходит не до принятия ребенка в семью, как в России, а в течение первого времени совместной жизни матери и ребенка. В голландской программе в задачи специалиста по вмешательству делается акцент на наблюдении взрослого за поведением ребенка, расширение знаний о воспитании и развитии детей, повышение способности сопереживания у родителей, обучение чувствительной реакции родителей. Психологическая программа вмешательства ABC ставит во главу угла развитие материнской чувствительности, неназойливого поведения матери и синхронного взаимодействия матери и ребенка. Программа доказала свою высо-

кую эффективность – стойкие положительные изменения в эмоциональном, когнитивном, поведенческом и нейрогуморальном регулировании у детей показаны в многочисленных экспериментальных исследованиях (Bernard et al., 2015).

В настоящее время кафедрой психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей факультета психологии СПбГУ реализуется пилотный исследовательский проект «Изучение биоповеденческих показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации, участвующих в программе раннего вмешательства», в том числе при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых «Изучение нейрогуморальных показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации в раннем возрасте» (грант № 14.W01.17.460-МК). Целью проекта является апробация зарубежного опыта сопровождения в российских замещающих семьях, а также изучение развития детей раннего возраста с опытом социально-эмоциональной депривации после перевода в замещающие семьи, в том числе до и после проведения программы сопровожденияABC. Мы ожидаем, что результаты проекта позволят доказать эффективность программы ABC через улучшение показателей социально-эмоционального развития детей, характеристик отношений и взаимодействия детей и матерей в замещающих семьях, снижении уровня материнского стресса, нормализации стратегий эмоциональной регуляции у детей.

Литература

Мухамедрахимов Р. Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

Осипова И. И. Замещающая семья в России // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 70–81.

Ослон В. Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.

Плетенёва М. В., Мухамедрахимов Р. Ж. Влияние длительности проживания в учреждении на характеристики взаимодействия ребенка с матерью после перевода в семью // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2013. Сер. 12. Вып. 4. С. 109–117.

Bernard K., Hostinar C. E., Dozier M. Intervention effects on diurnal cortisol rhythms of CPS-referred in fants persist into early childhood: Preschool follow-up results of a randomized clinical trial // JAMA-Pediatrics. 2015. № 169. P. 112–119.

Этнокультурная специфика отношения к собственной и чужой лжи через призму эмоциональной направленности личности

А. С. Чахоян (*Иваново*)

Проблема морального отношения ко лжи носит прагматический характер, обусловленный нацеленностью на достижение некоторого блага, при этом «экспериментирование» с собственной моралью ограничено родовыми устоям и соответствующими законами, предписанными социальными рамками (Мясников, 2009, с. 15). Отношение ко лжи как инструментальному феномену общения во многом зависит от личностных особенностей и специфики направленности личности, в том числе эмоциональной. При этом, значимую роль играет понимание лжи, которое зачастую связно с личным опытом и социокультурным контекстом, в котором развивается личность.

Ряд зарубежных исследователей рассуждают о феномене «международного обмана» и кросс-культурной детекции лжи в своих работах (Bond, Atoum, 2000; Bond et al., 1990). Культурные различия в оценке правдивых и ложных сообщений, демонстрируются исследованием Х. С. Пак и Дж. Ю. Ан (Park, Ahn, 2007), проведенном на выборке, состоящей их жителей двух стран США и Кореи. Однако, несмотря на многочисленные исследования, вопрос переживания лжи остается недостаточно разработанным ввиду наличия фокуса на детекцию лжи.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи особенностей эмоциональной направленности личности с отношением к чужой и собственной лжи на примере армянской, русской, азербайджанской и чеченской этнических групп.

Гипотеза исследования. Специфика отношения к собственной и чужой лжи связана с эмоциональной направленностью личности и ее этнокультурной принадлежностью.

Характеристики *выборки.* В эмпирическом исследовании приняли участие 278 человек в возрасте от 16 до 56 лет. Были образованы 4 группы по признаку этнической (национальной) самокатегоризации: 25,9% – русские, 25,2% – армяне, 25,2% – азербайджанцы и 23,7% – чеченцы.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных. Результаты исследования были проанализированы с использованием инструментов статистического анализа эмпирических данных в программе SPSS 15.0. Для анализа результатов были использова-

ны методы аналитической статистики: сравнение средних по нескольким независимым группам (Однофакторный дисперсионный анализ – One way ANOVA) и корреляционный анализ (коэффициент линейной корреляции по К. Пирсону). Указанные в таблицах средние значения имеют двухстороннюю значимость sig. (2-tailed)<0,05. Данные в таблице указаны по мере возрастания.

Для анализа были отобраны только особенности личности, имеющие корреляцию с национальностью при уровне значимости $p \leqslant 0,05$.

Результаты исследования

В рамках исследования проанализированы взаимосвязи общей эмоциональной направленности личности с отношением к различным видам собственной и чужой лжи.

Лица с акизитивной направленностью личности более негативно относятся к этикетной лжи (–0,534, $p \leqslant 0,05$) и сплетням (–0,315, $p \leqslant 0,05$), исходящим от других людей. Лица с альтруистической (0,357, $p \leqslant 0,05$) и коммуникативной (0,363, $p \leqslant 0,05$) направленностью, т. е. ориентированные на других, положительно относятся ко лжи во благо. В отношении собственной лжи во благо положительное отношение наблюдается у людей с глорической (0,376, $p \leqslant 0,05$) и пугнической (0,307, $p \leqslant 0,05$) направленностью личности. Кроме того, для людей с потребностью в признании более характерно использовать ложь-фантазию (0,301, $p \leqslant 0,05$) и умолчание (0,356, $p \leqslant 0,05$). Люди с эстетической направленностью личности склонны использовать ложь-сплетню (0,337, $p \leqslant 0,05$), а с гедонистической – умолчание (0,362, $p \leqslant 0,05$).

Сравнение средних по четырем группам выборки показывает ряд значимых различий в отношении особенностей эмоциональной направленности личности. Так, армянам в большей мере присущи альтруистическая и эстетическая направленность, а русские обладают более выраженной потребностью в общении, что проявляется в коммуникативной направленности. Глорическая и пугническая направленность более характерна для чеченцев, т. е. они имеют более выраженную потребность в славе, переживании успеха на виду у других людей и склонность к риску. Азербайджанцам, в свою очередь, более присущи эмоции, возникающие при наличии потребности в накоплении (коллекционировании) вещей, выходящей за пределы практической нужды в них, т. е. акизитивная направленность личности.

Каждый из видов эмоциональной направленности имеет специфику взаимосвязей с отношением к различным видам чужой лжи. Люди с альтруистической направленностью личности лояльны

в отношении этикетной лжи и самопрезентации, приукрашивания своего образа другими людьми, а вот ложь во благо и фантазии воспринимаются ими более негативно. Для людей коммуникативной и глорической направленности характерно негативное отношение к различным видам чужой лжи. Пугническая направленность связана с лояльным отношением ко лжи во благо и фантазии, исходящей от других людей, однако чужая этикетная ложь и ложь самопрезентация воспринимается более негативно. В противовес, люди с эстетической, гедонистической или акизитивной направленностью благосклонно относятся ко лжи, осуществляемой на основе всеобщего договора о соблюдении этикета, а также ко лжи-самопрезентации со стороны других людей. Эстетическая направленность связана с негативным восприятием таких видов лжи как ложь во благо, умолчание и ложь-сплетня. Негативное отношение ко лжи во благо и лжи-фантазии присуще людям с гедонистической направленностью личности. А люди с акизитивной направленностью в целом более лояльно относится к различным видам чужой лжи.

Отношение к собственной лжи также имеет свои особенности. Людям с выраженной альтруистической направленностью и потребностью отдавать, делиться, содействовать и помогать, присущи этикетная ложь, умолчание и, как ни странно, ложь-сплетня как процесс передачи плохо проверенной информации о своих знакомых или известных личностях. Данные виды лжи также характерны для людей с глорической, эстетической и гедонистической направленностью личности. Стоит отметить, что для людей с акизитивной направленностью, ложь-сплетня – единственный вид лжи, имеющий значимость. Ложь во благо и ложь с целью оправдаться и смягчить последствия своих поступков отметили как присущие им люди с глорической, пугнической и гедонистической направленностью, при этом они склонны приписывать себе больше мотивов лжи. Глорическая и пугническая направленность также связаны с ложью-фантазией и самопрезентацией. А для людей с выраженной коммуникативной направленностью ложь фантазия не характерна, т. е. они не стремятся с помощью лжи придать своему образу черты незаурядной личности.

Таким образом, общая эмоциональная направленность личности связана с отношением к собственной и чужой лжи множеством различных связей. Люди, обладающие видами эмоциональной направленности, связанными с ориентированностью на других людей (альтруистическая, коммуникативная, глорическая), в целом более негативно относятся к чужой лжи, отчасти делая исключе-

ния для этикетной лжи, которая являясь самым распространенным и безобидным видом лжи, осуществляется на основе всеобщего договора и связана с нормами вежливости. При этом для себя они, наряду с людьми эстетической, гедонистической и акизитивной направленности, считают более характерными этикетную ложь, фантазию, умолчание и ложь-сплетню. Стоит отметить, что люди с эстетической, гедонистической и акизитивной направленностью лояльно относятся к этикетной лжи и самопрезентаци других, в отличие от людей с пугнической направленностью личности, склонных к риску и стремящихся получить яркие эмоции, преодолевая опасности. Пугническая, глорическая и гедонистическая направленность связаны с использованием лжи во благо и оправдательной лжи, причем для таких людей спектр мотивов лжи больше.

Литература

Мясников А. Г. Античная философия о целесообразности и вынужденном характере лжи // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 12–16.

Bond C. F., Atoum, A. O. International deception // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. V. 26. № 3. P. 385–395.

Bond C. F., Omar A., Mahmoud A., Bonser R. N. Liedetection across cultures // Journal of Nonverbal Behavior. 1990. V. 14. P.189–204.

Park H. S., Ahn J. Y. Cultural differences in judgment of truthful and deceptive messages // Western Journal of Communication. 2007. V. 71. P. 294–315.

Особенности детско-родительских отношений в семьях, имеющих детей с избыточной массой тела

В. А. Чемеревская (*Брест*)

В современном обществе мы все чаще сталкиваемся с проблемами питания и пищевого поведения, в том числе избыточного веса у детей. За последние 20 лет в мире число детей с избыточным весом увеличилось на 60%. В Республике Беларусь от 15 до 20% детей и подростков излишне упитаны, а еще 5–10% страдают от ожирения. В группе риска по ожирению находятся ученики начальной школы, которые, предоставленные сами себе и имеющие карманные деньги, зачастую переходят на нездоровую пищу. Но и доля дошкольников с признаками ожирения также возрастает. Как известно из литературы (Исаев, 2005; Менделевич, 2005), у детей с избыточной массой

тела часто наблюдается очень тесная привязанность к матери, боязнь разлуки с ней, доминирование матери в семье, в которой отец играет лишь подчиненную роль. Из внешних факторов имеют значение чрезмерная тревожность родителей в отношении состояния питания ребенка и процесса его кормления, применение уговоров, рассказов и других, отвлекающих от еды моментов, а также неправильное воспитание с удовлетворением всех прихотей и капризов ребенка, ведущее к его чрезмерной избалованности. Поэтому целью нашего исследования мы поставили: выявить особенности внутрисемейных отношений, способствующих формированию склонности к ожирению (избыточному весу) у детей. В соответствие с целью, мы выдвинули следующую гипотезу: избыточная масса тела у детей связана с особенностями детско-родительских отношений. В исследовании приняли участие 120 людей, т. е. 60 пар родитель–ребенок. Возраст детей: 5–10 лет (старший дошкольный и младший школьный возраст). Кроме того было отобрано 30 детей, имеющих избыточную массу тела. Для оценки значимости полученных результатов мы использовали критерий χ Пирсона, t Стьюдента и r коэффициент корреляции Пирсона.

В ходе исследования нами использовались такие методы и методики, как изучение, анализ и обобщение психологической литературы по исследуемой проблеме; проективная методика «Семейная социограмма» (Э. Г. Эйдемиллер, О. В. Черемисин), опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (методика АСВ) Э. Г. Эйдемиллера; методика «Личностный дифференциал», а также разработанная нами анкета по изучению нарушений питания у детей «Психологические проблемы питания глазами родителей». С детьми, в свою очередь, проводились следующие методики: проективная методика «Рисунок семьи», а также модифицированная нами методика САТ для изучения отношения ребенка к процессу питания.

С помощью методики «Семейная социограмма» эмпирически установлено, что в семьях, имеющих детей с избыточной массой тела, взаимоотношения между членами семьи характеризуются как очень тесные и близкие, границы между ними размыты, доминирующая роль принадлежит матери. Отсутствие границ между членами семьи, тесные связи и, как следствие, недостаточная автономия, в сочетании с напряженной атмосферой в семье могут приводить к повышенной тревожности, напряженности и подавленности. Для семей, воспитывающих ребенка с избыточной массой тела, характерны воспитательная неуверенность родителей, чрезмерная привязанность матери к ребенку, в таких детях родители предпочитают детские и женские

качества, поддерживая их зависимость от матери. Различия между группами родителей являются статистически значимыми по критерию Стьюдента ($t_{эмп}$=3,9, $t_{крит}$=3,36, $p \leqslant 0,01$).

Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (методика АСВ) Э. Г. Эйдемиллера показал, что для большинства семей, имеющих детей с избыточной массой тела, характерны негармоничные отношения, а преобладающим типом воспитания является доминирующая гиперпротекция – родители чрезмерно опекают таких детей, вмешиваются в их личное пространство, лишают их самостоятельности и активности, не учитывают потребностей и желаний ребенка. Ребенок становится центром внимания, матери эмоционально привязываются к ребенку, используя еду и процесс питания как удобный способ выражения своих чувств любви, заботы, так как для матерей хорошо накормленный ребенок является показателем материнской эффективности. Различия между двумя группами являются статистически значимыми по критерию χ^2 Пирсона (χ^2эмп=20,32; χ^2крит=17,64, $p < 0,05$).

Данные, полученные с помощью методики «Личностный дифференциал», демонстрируют то, что образы худого и полного ребенка в сознании родителей имеют существенные различия: худой ребенок представляется как более привлекательный, уверенный и общительный, чем полный. Родители ребенка с избыточной массой тела оценивают полного ребенка выше, считая его более привлекательным и испытывая к нему большую симпатию, чем родители ребенка с нормальной массой тела. Родители детей, имеющих избыточную массу тела, дают худому ребенку более низкие оценки, чем родители, имеющие ребенка с нормальной массой тела. Родители ребенка с избыточной массой тела представляют себе полного ребенка как более симпатичного и привлекательного, чем худого ребенка, однако при этом они соглашаются с тем, что полный ребенок менее активный, менее общительный и меньше уверен в себе. Образ полного ребенка выглядит как образ привлекательной жертвы, неспособной быть самостоятельной, активной и инициативной. Разное содержание образов худого и полного ребенка может порождать реализацию разных моделей пищевого поведения, так как родители стремятся к соответствию веса и внешнего вида своего ребенка привлекательному детскому образу.

С помощью проективной методики «Рисунок семьи» мы получили данные, которые говорят о том, что дети, имеющие избыточную массу тела, рассматривают внутрисемейные отношения как менее благоприятные и более конфликтные, у них выше уровень тре-

вожности, и они чаще чувствуют себя некомфортно в своей семье, по сравнению с детьми с нормальной массой тела. В таких семьях ребенок испытывает положительные эмоции, симпатию, потребность в эмоционально комфортных отношениях, он идентифицирует себя с матерью, а с отцом у него отношения менее близкие. Отношения с сиблингами для ребенка субъективно менее значимы, а себя и мать ребенок считает наиболее важными членами семьи. Чрезмерная опека, контроль над всеми сферами жизни ребенка, ограничение его свободы и лишение инициативы могут привести к протесту со стороны ребенка. Нереализованные потребности и желания, чувство неудовлетворенности и внутреннего дискомфорта ребенок может пытаться уменьшить, используя пищу и процесс питания, так как пища является средством получения положительных эмоций, способом ухода от своих проблем и избегания стресса.

Кроме того, разработанные нами анкета для родителей и модифицированная методика САТ для детей, показали отличительные особенности в отношение к еде и приему пищи в семьях, имеющих детей с нормальной массой тела и с избыточной. Для детей, имеющих проблемы с избыточным весом, еда является субъективно более значимой, чем для детей с нормальной массой тела, еда входит в перечень желаний ребенка. У детей, вне зависимости от их веса, наблюдаются психологические проблемы питания. Однако у детей, имеющих избыточную массу тела, эти проблемы прослеживаются чаще и по нескольким критериям. У них значимо чаще встречаются негативное отношение к пище, избегание процесса принятия пищи с помощью обмана, нежелание есть дома, применение родителями санкций и негативная реакция ребенка на их применение, избыточный контроль взрослых за процессом питания ребенка. Поведение родителей в отношении процесса питания способствует возникновению у детей проблем питания. При этом проблемы нарушений питания у детей оцениваются родителями достаточно реалистично.

Кроме привычного для семьи стиля детско-родительских отношений, когда ребенка закармливают, убеждая тем самым себя в соответствии идеалу родителя при своей воспитательной неуверенности, ребенок сам испытывает потребность в использовании пищи и питания для решения возникающих у него психологических проблем, в том числе во взаимоотношениях с родителями.

Таким образом, детско-родительские отношения, в семьях, имеющих детей с избыточной массой тела, существенно отличаются по сравнению с семьями, имеющими детей с нормальной массой тела. В свою очередь, существенно различается количество и характер

проблем нарушений питания в семьях двух типов. Дети с избыточной массой тела испытывают больше проблем питания по сравнению с детьми с нормальной массой тела. Кроме привычного для семьи стиля детско-родительских отношений, когда ребенка закармливают, убеждая тем самым себя в соответствии идеалу родителя при своей воспитательной неуверенности, ребенок сам испытывает потребность в использовании пищи и питания для решения возникающих у него психологических проблем, в том числе во взаимоотношениях с родителями.

Литература

Исаев Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб.: Речь, 2005.

Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология: Учеб. пособие. 5-е изд. М.: МЕДпресс-информ, 2005.

Ценностно-смысловая регуляция познавательных психических состояний студентов*

А. В. Чернов (*Казань*)

В Казанской школе психологии на протяжении долгих лет активно разрабатывается проблема психических состояний человека. Среди них немаловажное значение отводится познавательным психическим состояниям, возникающим в ходе учебной, научной и творческой деятельности студентов, аспирантов, преподавателей и др. Несмотря на то, что познавательные состояния типичны для учебной, научно-исследовательской, творческой и др. видов деятельности, на сегодняшний день практически отсутствуют четкие теоретические представления о познавательных состояниях и психологических механизмах их регуляции (Прохоров, 2014). По всей видимости, познавательные состояния выступают в качестве психологического фактора развития интеллектуальной сферы субъекта и, прежде всего, мыслительных процессов.

В наших более ранних работах были обнаружены некоторые закономерности проявления познавательных состояний, связанные как с внешними, так и внутренними факторами: описана феноме-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а.

нология познавательных состояний преподавателей и научных работников (Чернов, Юсупов, 2016), раскрыты познавательные состояния в контексте интеллектуальной активности студентов (Прохоров, Чернов, Юсупов, 2011). Однако на сегодняшний день остаются неизученными механизмы взаимосвязи познавательных психических состояний, возникающих в ходе учебной деятельности, с доминирующими смысло-жизненными установками и ценностными ориентациями студентов. Решению данной *проблемы* и посвящена данная работа.

В данном исследовании приняло участие 88 студентов Казанского федерального университета обоего пола в возрасте 18–22 лет. Изучение познавательных состояний проводилось в ходе учебной деятельности студентов, на время проведения исследования занятие прерывалось. Из предлагаемого перечня познавательных психических состояний, включающего в себя 24 наименования, студентам предлагалось выбрать то состояние, которое они переживают в данный момент (если оно имеется в списке). После этого необходимо было описать данное состояние с помощью опросника «Рельеф психического состояния» (краткий вариант). В исследовании также использовались методики: 1. Методика «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев). 2. Методика «Система жизненных смыслов» (В. Ю. Котляков). 3. Методика «Ценностные ориентации М. Рокича». 4. Ориентировочная анкета Б. Басса (Карелин, 2007). Для анализа полученных данных использовался стандартный пакет программ SPSS 16.0. Применялся корреляционный анализ (метод Пирсона), однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), анализ средних значений и короткие статистики.

В результате исследования было выявлено, что в ходе учебной деятельности у студентов доминируют позитивные познавательные состояния (задумчивость, заинтересованность, размышление), в то время как негативные (тупость, озадаченность, скука, когнитивный диссонанс) представлены значительно реже.

Обнаружено, что студенты с преобладанием установки на достижение высокого статуса переживают более интенсивные познавательные состояния ($p<0,025$). Среди характеристик состояний отмечается повышение задорности, бодрости и бойкости поведения. У студентов с высокими коммуникативными установками доминируют позитивные познавательные состояния, увеличивается их двигательная активность. Отметим тот факт, что установка на самореализацию влияет на состояние студентов не прямолинейно: наиболее интенсивные познавательные состояния переживают-

ся при наиболее высокой и низкой установке на самореализацию, о чем свидетельствуют результаты однофакторного дисперсионного анализа.

Немаловажное значение для переживаемых состояний имеют и смысложизненные ориентации студентов. Установлено, что наиболее значимым показателем во взаимосвязи с познавательными состояниями выступает локус контроля Я: у студентов с интернальным локусом контроля все характеристики познавательных состояний (переживания, физиологические реакции, поведение и когнитивные процессы) выражены более интенсивно. Наличие осознанных целей в жизни делают переживания познавательных состояний более задорными ($p<0,009$) и бойкими ($p<0,002$); происходит возрастание мыслительной ($p<0,011$) и двигательной активностей ($p<0,001$).

Кроме того, удовлетворенность самореализацией у студентов влияет на когнитивные процессы и мышление, в частности ($p<0,040$), сопровождается увеличением физиологических реакций ($p<0,007$) и двигательной активности при переживании познавательных состояний. Убежденность в управляемости жизни (высокий локус контроля – жизнь) характерна для лиц, переживающих более позитивные познавательные состояния ($p<0,015$). В целом, высокий уровень смысложизненных ориентаций свидетельствует о повышенной активности ($p<0,01$) при переживании познавательных психических состояний.

Далее, было выявлено, что существуют познавательные состояния, типичные для студентов с преобладанием различных смысловых установок. Так, у студентов с преобладанием альтруистических установок доминирует состояние озадаченности, не характерное для других жизненных смыслов. Студентам с высокими статусными жизненными смыслами, в отличие от всех остальных, свойственно испытывать состояние мечтательности, в то время как для лиц с доминированием семейных установок характерно переживание состояния рефлексирования и задумчивости, а когнитивных – умственного напряжения. Общими для всех типов установок выступают состояния заинтересованности, сосредоточенности и вдохновения (8 и более выборов).

В результате исследований было выявлено, что наиболее значимыми инструментальными ценностями для студентов выступают «честность», «независимость», «широта взглядов», «жизнерадостность», «воспитанность» и «чуткость». Среди терминальных ценностей следует выделить преобладание таких ценностей как: «здоровье», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «развитие» и «материаль-

но обеспеченная жизнь». Выделим наиболее распространенные познавательные состояния для каждой из доминирующих ценностей в ходе учебной деятельности.

Студентам с преобладанием инструментальной ценности «честность» наиболее типичны такие познавательные состояния, как «заинтересованность», «скука» и «тупость». Высокая ценность независимости сочетается с частым переживанием размышления и вдумчивости, тогда как широта взглядов сопровождается еще и состоянием задумчивости. Студенты, наиболее ценящие жизнерадостность, чаще испытывают любознательность, заинтересованность и озадаченность. Высокий ранг ценности «воспитанность» сопровождается более частым переживанием состояний заинтересованности и невосприимчивости, в то время как «чуткость» характерна для студентов, переживающих мечтательность и умственное напряжение.

Обратимся к терминальным ценностям. Студентам с ведущими ценностями «здоровье» и «любовь» наиболее типичны состояния скуки, сосредоточенности и размышления. Высоко ценящим материально обеспеченную жизнь свойственно переживать любознательность и мечтательность. Отметим, что студенты, выбравшие в качестве ведущей ценность «развития», чаще испытывают состояния размышления, сосредоточенности и умственного напряжения, тогда как ценность «счастливая семейная жизнь» свойственна тем, кто чаще пребывает в состояниях мечтательности, невосприимчивости и рассеянности.

Отметим также, что, в зависимости от типа направленности личности, у студентов в ходе учебной деятельности доминируют различные познавательные состояния. Так, студентам, чаще других переживающим состояния размышления и вдумчивости, свойственно преобладание направленности на задачу, тогда как те, кто чаще испытывает заинтересованность и задумчивость, в большей степени ориентирован на себя и на личные достижения. Общим для всех, кто часто переживает познавательные психические состояния, является их более низкая коллективистская направленность.

Таким образом, установлено, что переживаемые в ходе учебной деятельности познавательные состояния в немалой степени зависят от ценностно-смысловых ориентаций студентов. Полученные результаты могут иметь большую практическую значимость в процессе формирования устойчивой мотивации к обучению через переживание студентами познавательных состояний в ходе учебной деятельности.

Литература

Карелин А. А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007.

Прохоров А. О. Познавательные психические состояния: концептуальные основания, феноменология и структурно-функциональная организация // Образование и саморазвитие. 2014. № 3 (41). С. 54–59.

Прохоров А. О., Чернов А. В., Юсупов М. Г. Структурно-функциональная организация интеллектуальных состояний // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 5. С. 51–62.

Чернов А. В., Юсупов М. Г. Феноменология познавательных состояний преподавателей и научных работников // Психология психических состояний: юбилейный сборник международной школы / Под ред. А. О. Прохорова, А. В. Чернова, М. Г. Юсупова. Казань: Казанский университет, 2016. Вып. 10. С. 91–96.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и профиля латеральной организации у подростков

Ж. В. Чуйкова (*Курск*)

Подростковый возраст является кризисным периодом в развитии индивида. В этом возрасте особенности психофизиологических функций обусловлены гормональными изменениями, которые в свою очередь, связаны с половым созреванием. Характерными психологическими особенностями подростков являются эмоциональная неустойчивость, колебания настроения, проявления агрессивности и тревожности (Строчкова, 2014). Указанные эмоциональные особенности могут стать причиной школьной неуспеваемости, препятствием к установлению стабильных отношений с окружающей средой, что в результате приводит к постоянному напряжению адаптационных процессов. Трудности адаптации к образовательному процессу требуют системы учета функциональной асимметрии мозга учащихся при организации учебного процесса и являются основой создания здоровье сберегающих образовательных технологий и программ. Таким образом, проведение нашего исследования является актуальным, поскольку результаты его помогут в прогнозировании успешности обучения, оказании психологической помощи в условиях дезадаптации и ее профилактики не только в образовательной сфере, но и в других сферах жизни учащихся.

Помимо большой эмоциональной возбудимости, противоречивости чувств, для эмоциональной сферы также характерно возникновение переживаний, связанных не только по поводу самооценки, но и того, как оценивают подростка другие. Все дело в том, что взаимоотношения со сверстниками играют в этом возрасте ключевую роль. В связи с этим у подростков начинает естественно развиваться способность к правильному восприятию и оцениваю эмоционального состояния собеседника, способность к эмпатии и к сопереживанию. Названные выше качества относятся к такому образованию, как эмоциональный интеллект. Под данным термином в самом общем значении представляет совокупность способностей индивида, обеспечивающих успешное функционирование в обществе за счет понимания эмоций и настроений других людей, а также включающий способность контролировать свои аффективные реакции (Гоулман, 2009). Формирование эмоционального интеллекта начинается еще в раннем детстве и к подростковому возрасту приобретает особое значение.

Однако основная часть психологических исследований, посвященных эмоциональным процессам, оценивает или измеряет эмоции в их психологическом компоненте, не затрагивая психофизиологическую часть. Между тем, имея в виду естественно-системный подход, требуется связать основные компоненты эмоционального переживания с их физиологическими и нейрофизиологическими коррелятами. Но помимо поиска конкретных нейрональных структур, обеспечивающих отдельные модально-специфичные эмоции и уровни их организации, есть и проблема более общего фундаментального характера – связь эмоций с большими полушариями головного мозга в их функциональной асимметрии (Беломестнова, 2014). Поэтому гипотезой нашего исследования будет являться предположение о наличии связи между профилем латеральной организации и эмоциональным. Целью нашего исследования является выявление данной взаимосвязи между индивидуальным профилем и эмоциональным интеллектом у подростков.

Под латеральным фенотипом принято понимать сочетание моторных, сенсорных и психических асимметрий, присущих данному субъекту. Основой функциональных различий между двумя полушариями служит морфологическая асимметрия, отражающая различие в распределении нервно-психических функций между двумя полушариями. Формирование и развитие этого распределения происходит в раннем возрасте под влиянием биологических и социокультурных факторов (Брагина, 1981). Функциональная асимметрия полушарий

является одной из причин существования у человека определенной структуры психики. На данный момент существует множество классификаций латеральных организаций, исходя из различного сочетания асимметрий. В общем виде можно выделить три основных профиля: правого – сочетание правых асимметрий, левого – сочетание левых асимметрий – и смешанного – совокупность первых двух.

Для проверки гипотезы нами было проведено исследование, в котором приняли участие 31 учащийся 7 и 8 классов 44 гимназии города Курска в возрасте 13–14 лет. В экспериментальную выборку вошли 6 левшей (3 девочки и 3 мальчика) и 25 правшей (6 мальчиков и 19 девочек).

Методы исследования. Сначала нами проводилась оценка профиля функциональной сенсомоторной асимметрии, которая складывалась из выявления ведущей руки, ноги, глаза и уха (пробы по А. Р. Лурии). На втором этапе оценивался уровень эмоционального интеллекта методикой Н. Холла.

Результаты исследования. На первом этапе после предъявления проб по оценки латеральной организации, были отобраны только подростки по правополушарному и левополушарному типу. После предъявления теста на эмоциональный интеллект, нами вычислялся непараметрический критерий (U-критерий Манна–Уитни). В результате исследования были выявлены различия по всем 5 шкалам эмоционального интеллекта. В среднем у правшей «эмоциональная осведомленность», «управление эмоциями» и «самомотивация» выше, чем у левшей. Однако значимые отличия (при $p<0,01$) были обнаружены по шкалам «эмпатия» и «распознавание эмоций», где показатели правшей значительно выше, нежели у левшей.

Так как в нашей выборке были испытуемые разного пола, то было выяснено влияние переменной «пол» на формирование эмоционального интеллекта у индивидов с разным латеральным профилем. Такие показатели, как «эмпатия» и «распознавание эмоций», в большей степени чувствительны к полу и ярко выражены и в правополушарной группе, и в левополушарной. Однако в группе левшей гендерные различия выделены наиболее ярко (при $p<0,01$). По итогам анализа по вышеперечисленным шкалам было выявлено, что у мальчиков-подростков данные показатели значительно ниже, чем у девочек (при $p<0,01$). Полученные результаты о влиянии гендерных различий на эмоциональный интеллект у индивидов с разной латеральной организацией дополняют уже имеющиеся исследовании по данной проблеме (Александрова, 2009).

Таким образом, в ходе исследования была установлена взаимосвязь латеральной организации и эмоционального интеллекта у подростков, а также выявлено влияние гендерных различий.

Литература

Александрова Н. П. К вопросу о сущности понятия «Эмоциональный интеллект» // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2009. № 1. С. 71–75.

Беломестнова Н. В. Эмоциональность в свете теории функциональной асимметрии полушарий головного мозга // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3–2. С.307–311.

Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1981.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2009.

Строчкова В. В. Особенности проявления эмоционального состояния мальчиков и девочек в подростковом периоде // VI Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» (15 февраля–31 марта 2014 г., г. Москва). М., 2014. С. 114–118.

Особенности отношения молодежи к ролевым обязанностям в семье

Г. Д. Чураева, Н. М. Романова (*Саратов*)

Проблема ролевого взаимодействия в семейных отношениях является актуальной в современном мире. На это указывают следующие объективные факты: рост числа неполных семей, в которых ребенок воспитывается только одним родителем, диффузия гендерных ролей (когда отец может находиться дома с детьми и выполнять домашние дела, в то время как мать может заниматься работой, карьерой, материальным обеспечением семьи), увеличение числа лиц, не желающих узаконивать брачные отношения. Данные обстоятельства указывают на расширение представлений современных людей о семье и изменение содержания семейных ценностей. В связи с этим значимой является проблема изучения отношения современной молодежи к ролевым обязанностям в семье.

Цель исследования: выявить особенности отношения представителей студенческой молодежи к ролевым обязанностям в семье.

Гипотезы исследования

H0: Различия между мужской и женской группой в области отношения студентов к ролевым обязанностям семьи отсутствуют.

H1: Имеются существенные различия между мужской и женской выборками в области отношения студентов к ролевым обязанностям в семье.

Эмпирическая выборка: в исследовании приняли участие студенты в количестве 44 человек (19 женщин и 25 мужчин в возрасте от 21 до 24 лет).

Методы исследования

1) авторская анкета «Идеальные семейные отношения», направленная на изучение мнений испытуемых о семейных проблемах;
2) методика С. Бэм (выявление параметров фемининности, маскулинности, андрогинности);
3) опросник распределения ролей в семье (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская).

Результаты анализа данных и обсуждение

На основе анализа анкетных данных были получены следующие результаты.

1. Девушки ориентированы на создание и поддержание социальных эмоционально насыщенных отношений. У них выражена потребность в эмпатийном контакте с партнером, наличии поддержки со стороны молодого человека, равных партнерских отношениях в режиме диалога (когда они могут делиться друг с другом проблемами и не «копить агрессии в себе»). Девушки предпочитают доверительные, честные, открытые и не ограничивающие свободу отношения.
2. Большая часть юношей ориентирована на формирование традиционных патриархальных отношений. Они желают доминирования в отношениях с девушками, выбирают ведущую роль в принятии решений. В то же время они хотят, чтобы девушка оставляла им «свободное поле действий» и возможность самореализоваться. Для таких молодых людей неприемлемо доминирование девушки в отношениях, они требуют строгого разделения социальных ролей, когда девушка занимается «домом», а мужчина является «добытчиком». Они придерживаются консервативного традиционного понимания норм поведения по принципу «мужчина должен быть мужчиной, а женщина – женщиной».

3. Ряд юношей выделяют такие субъективно значимые факторы социального взаимодействия в отношениях, как равенство, поддержка и взаимопонимание, доверие со стороны партнерши, ее умение входить в положение своего избранника, доверительные отношения с ней.
4. Типичными представителями нашего исследования являются испытуемые, родившиеся и выросшие в городе (72,7%), воспитанные в полной семье (87,2%). У них доминирует карьерная, а не семейная ориентация (72,7%).

В результате статистического анализа анкетных данных выявлено значимое различие между испытуемыми мужского и женского пола по параметру «Планы на будущее: завести семью» ($U_{эмпир}$=107,5, при $U_{крит}$⩽167). Получено, что девушки в большей степени ориентированы на создание семьи в ближайшем будущем, чем юноши.

В результате изучения установок относительно распределения ролей в семье выявлено значимое различие между испытуемыми мужского и женского пола (опросник «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская)) по параметру «Распределение роли материальное обеспечение семьи ($U_{эмпир}$=131,5, при $U_{крит}$⩽167). Согласно подтвержденным статистическим данным, мужчины в большей степени, чем женщины, полагают необходимость равного участия партнеров в экономическом воспроизводстве семьи (25,5%, 12 человек). В то же время 72,7% участников (и юношей, и девушек) все же придерживаются традиционной модели «мужчина – добытчик».

Необходимо отметить, что не было выявлено статистически достоверных различий между испытуемыми женского и мужского пола по параметрам «Воспитание детей», «Эмоциональный климат в семье», «Организация развлечения», «Роль хозяина/хозяйки», «Сексуальный партнер (инициатор)», «Организация семейной субкультуры». Данный факт может быть объяснен тем, что 88,6% (39 человек) характеризуются высоким уровнем по шкале «Андрогинность» (опросник С. Бем), что означает равное наличие как традиционно маскулинных, так и феминных черт у обеих групп испытуемых.

Выводы

Гипотеза о наличии различий между мужской и женской группами в области отношения к ролевым обязанностям в семье подтвердилась частично. Мужчины в большей степени ориентированы на требование относительно равного вклада супругов в экономический базис семьи, чем девушки. При этом, однако, численность испытуемых,

имеющих такую установку, незначительна. Большая часть испытуемых считает, что главным добытчиком в семье должен быть мужчина.

Женщины в большей степени ориентированы на создание семьи в ближайшее время, чем мужчины. Данный факт объясняется традиционно более ранним психосексуальным созреванием женщин и стремлением мужчин вначале создать экономическую базу для будущей семейной системы.

Мы склоняемся к подтверждению нулевой гипотезы, согласно которой значимые различия между мужской и женской выборками в области отношений к ролевым обязанностям в семье отсутствуют. Данный феномен объясняется тем, что современное общество имеет тенденцию к феминизации мужчин и маскулинизации женщин, формированию андрогинной модели как нормы общественного поведения.

Литература

Алешина Ю. Е., Волович А. С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С.48–52.

Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. Д. Викторовой. М.: РОССПЭН, 2014.

Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2016.

Психофизиологические особенности движений глаз в экспериментальной парадигме «Go/No Go delay»*

М. А. Чурикова, А. А. Федотова, М. В. Славуцкая (*Москва*)

Латерализация функций, наиболее выраженная у человека, является одним из важных свойств головного мозга (Симерницкая, 1978). В связи с этим в последние годы многие психофизиологические исследования направлены на изучение проблемы межполушарной асимметрии. Когнитивным функциям, таким как внимание, восприятие, торможение и принятие решения, также свойственна латерализация в коре полушарий головного мозга. Перспективной моделью для изучения механизмов когнитивного контроля произвольных движений являются саккады – быстрые баллистические движения глаз. Механизмы программирования саккадических движений глаз тесно взаимосвязаны с базовыми когнитивными функциями, что подтверждается многочисленными клиническими и нейрофи-

* Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (проекты № 14-04-01634 и № 16-04-01079).

зиологическими работами. Детальное исследование психофизиологических особенностей саккадических движений глаз имеет ряд преимуществ, связанных с баллистическим характером движения, точностью и простотой измерения латентного периода. Изучение функциональной асимметрии мозга, особенно на такой удобной модели, как саккады, способствует не только лучшему пониманию работы мозга как целого, но и подтверждает объективность представлений о неразрывной связи человеческой психики с мозговыми механизмами (Сергиенко, Дозорцева, 2004). Таким образом, расширение знаний об асимметрии психических функций необходимо для развития психологии как фундаментальной и прикладной науки.

Гипотеза исследования: введение длительного межстимульного интервала может способствовать усилению моторного внимания, что будет отражаться в параметрах двигательных ответов: величине латентного периода (ЛП) и количестве ошибочных реакций.

Цель: оценить влияние особенностей парадигмы «Go/No go delay» (увеличенная межстимульная пауза, ситуация конфликта стимулов) на величину ЛП саккад и антисаккад.

Методика

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 15 здоровых испытуемых мужского пола в возрасте 18–26 лет с нормальным или скорректированным зрением. Все испытуемые имели преимущественно правый профиль функциональной межполушарной асимметрии, который определяли с помощью опросника Аннет и батареи тестов для определения ведущего глаза (тест Розенбаха, тест «дырка в карте», некоторые тесты из нейропсихологической батареи тестов А. Р. Лурии).

Дизайн эксперимента. В качестве схемы эксперимента была выбрана парадигма «Go/No go», дополненная длительной межстимульной паузой, что способствовало усилению процессов пространственного внимания, моторной подготовки и произвольного торможения. Для регистрации горизонтальных движений глаз использовали электроокулографическую методику (ЭОГ). Для электрофизиологической записи устанавливали частоту оцифровки равной 512 Гц; фильтр верхних частот 0,05 Гц и фильтр нижних частот 70 Гц.

Параметры зрительной стимуляции. Схема «Go/No go delay» содержала три типа зрительных стимулов с линейными размерами 7 мм: центральный фиксационный стимул (ЦФС), периферический сигнальный стимул (ПС), предупреждающий о локализации целевого сигнала, а также целевой стимул (ЦС). Целевые и сигнальные сти-

мулы предъявлялись на расстоянии 7 угловых градусов от ЦФС. Целевые стимулы были двух типов – разрешающий (крестик), в ответ на предъявление которого следовало совершить саккаду или антисаккаду, и тормозный (кружок), на который взгляд переводить не следовало. Парадигма содержала следующую временную последовательность предъявления зрительных стимулов: сначала в центре экрана на 800–1000 мс загорался ЦФС, затем, одновременно с его выключением, справа или слева от ЦФС предъявлялся ПС длительностью 150 мс. После выключения ПС следовала длительная межстимульная пауза (delay период, 2800–3000 мс). Далее в случайном порядке загорался разрешающий («Go») или тормозный («No go») целевой стимул (150 мс). Равновероятностное предъявление «Go» и «No go» стимулов (с 50% вероятностью) позволило минимизировать роль пространственного внимания и способствовало ослаблению формирования в ходе эксперимента тормозной или моторной установки.

Каждый испытуемый принимал участие в двух вариантах схемы – саккадическом и антисаккадическом. В саккадическом варианте испытуемым давалась инструкция: «Фиксируйте взор на ЦФС. При включении ПС продолжайте удерживать взор в центре экрана. При появлении на периферии второго стимула с крестиком Вы должны как можно быстрее перевести на него взор. Если второй стимул будет кружком, Вам следует продолжать удерживать взор в центре экрана». В антисаккадической схеме испытуемому необходимо при появлении на экране крестика переместить взор в симметричную точку противоположного зрительного полуполя. Особенность парадигмы антисаккад – усиление пространственного внимания и произвольного торможения рефлекторной саккады на зрительный стимул.

Статистические методы. Стандартную статистическую обработку данных производили с помощью статистического пакета STADIA 7.0. Достоверность различий средних значений ЛП вычисляли с помощью непараметрического двухвыборочного критерия Вилкоксона. Критерий Вилкоксона был выбран из-за небольшого числа испытуемых и возможности отличия индивидуальных значений от нормального распределения.

Результаты и обсуждение

И в саккадическом, и в антисаккадическом экспериментальных вариантах схемы «Go/No go delay» установлены однонаправленные латеральные различия – уменьшение среднего значения ЛП движений глаз вправо на 7±3 мс ($p<0.05$). Данный факт может быть обусловлен,

во-первых, доминированием левого полушария в моторном контроле у правшей, а во-вторых, в моторном внимании, которое в ситуации конфликта стимулов и при введении длительного delay периода усиливается (Брагина, Доброхотова, 1988).

При сравнении данных вариантов парадигмы «Go/No go delay» выявлено уменьшение средней величины ЛП саккады, по сравнению с антисаккадой на 46±3 мс ($p<0,05$), независимо от пространственного расположения стимулов. Обнаруженная зависимость отражает увеличение сложности программирования произвольной антисаккады в условиях конфликта стимулов (Ettinger et al., 2007), которое включает усиление пространственного внимания, торможение непроизвольной саккады на стимул и перекартирование моторного вектора саккады в симметричную точку пространства (Brown et al., 2006).

Зарегистрировано несколько типов ошибочных ответов: 1) в саккадической схеме – саккады на тормозный стимул «No go» (10%), 2) в антисаккадической схеме – саккады на разрешающий «Go» (12%) и тормозный «No go» стимулы (11%), а также антисаккады на «No go» стимулы (10%). ЛП ошибочных ответов был меньше, чем правильных, в обоих условиях эксперимента: на 116±5 мс для саккад и на 139±5 мс для антисаккад ($p<0.05$). В антисаккадической схеме показана противоположная латерализация ЛП ошибочных саккад по отношению к правильным ответам: ЛП левосторонних саккад был меньше на 65±12 мс ($p<0.05$).

Выявленная закономерность отражает ослабление процессов торможения непроизвольных ответов, что позволяет рассматривать ошибочные саккады как рефлекторные движения, вызванные автоматическим «захватом» внимания периферическим стимулом (Ettinger et al., 2007).

Таким образом, в ходе анализа психофизиологических особенностей движений глаз выявлена зависимость величины ЛП саккадических реакций от типа ответа и пространственного расположения целевых стимулов, что отражает асимметрию когнитивных функций.

Выводы

Латеральные различия величины латентного периода саккад и антисаккад в парадигме «Go/No go delay» указывают на усиление моторного внимания и доминирование левого полушария в организации двигательного ответа.

Непроизвольное внимание к периферическому зрительному стимулу, отражающееся в величине ЛП ошибочных ответов, способствует ослаблению торможения рефлекторного ответа.

Литература

Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1988.

Сергиенко Е. А., Дозорцева А. В. Функциональная асимметрия мозга // Функциональная межполушарная асимметрия: Хрестоматия. М.: Научный мир, 2004. С. 219–257.

Симерницкая Э. Г. Доминантность полушарий. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

Brown M. R., Goltz H. C., Vilis T., Ford K. A., Everling S. Inhibition and generation of saccades: Rapid event-related fMRI of prosaccades, antisaccades and nogo trials // NeuroImage. 2006. V. 33. № 2. P. 644–659.

Ettinger U., Ffytche D. H., Kumari V., Kathmann N., Reuter B., Zelaya F., Williams S. R. Decomposing the neural correlates of antisaccade eye movements using event-related fMRI // Cerebral Cortex. 2007. V. 18. № 5. P. 1148–1159.

Связь коммуникативных умений и творческих способностей у подростков*

К. А. Шавалева, М. В. Башкин (*Ярославль*)

Под творчеством мы будем понимать деятельность человека, целью которой является создание в соответствии с потребностями человека и человечества материальных и духовных объектов, обладающих новизной и полезностью (Меерович, Шрагина, 2003).

Коммуникационный процесс – это процесс обмена информацией между двумя или более людьми. Целью коммуникационного процесса является обеспечение понимания информации, которую можно называть сообщением. Знание роли и содержания каждого из этапов позволяет более эффективно управлять процессом в целом (Оспищева, 2010).

Д. Б. Эльконин и Т. В. Драгунова предложили придать общению статус ведущей деятельности подросткового периода, так как этот процесс очень значим и важен на данном возрастном этапе (Обухова, 2011).

Цель нашего исследования состоит в выявлении зависимости коммуникативных умений подростков от уровня развития у них творческих способностей.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00196а.

Гипотезы исследования

1) Подростки с низким уровнем развития творческих способностей проявляют «агрессивный тип реагирования» в коммуникативной сфере.
2) Подростки с высоким уровнем развития творческих способностей склонны к проявлению «компетентного типа реагирования» в коммуникативной сфере.

Методики исследования

1) Тест Гилфорда (модифицированный), направленный на выявление творческих способностей и таких переменных, как гибкость, оригинальность, беглость.
2) Коммуникативный тест в разработке Михельсона, направленный на выявление различных типов реагирования (агрессивный, зависимый, компетентный) в коммуникативной сфере.

Исследование проводилось на базе средней общеобразовательной школы № 23 города Рыбинска Ярославской области. Выборку составили 35 подростков в возрасте 14–15 лет.

В качестве инструмента математической обработки для анализа достоверных различий использовался непараметрический критерий r Спирмена.

Результаты и интерпретация исследования. Нами выявлена связь между переменными «коммуникативные умения» и «творческие способности» у подростков ($r=0,68$; $p<0,05$). Полученный результат свидетельствует о том, что подросток с более развитыми творческими способностями склонен проявлять компетентный тип реагирования в коммуникативной сфере. Мы считаем, что творческий человек, в первую очередь, гибкая личность, которая в состоянии подстраиваться под любую ситуацию, включать фантазию, тщательно анализировать всю суть ситуации и не делать поспешных выводов. Это касается и коммуникативной сферы, в которой каждый подросток с разным уровнем развития творческих способностей проявляет себя по-разному.

Нами установлена также обратная связь между переменными «агрессивный тип реагирования в коммуникативной сфере» и «творческие способности» у подростков ($r=-0,37$; $p<0,05$). Мы считаем, что такие подростки действуют, в основном опираясь на свои эмоции, предпочтения, т. е. оперируют чувствами, а не разумом. Они склонны к импульсивным реакциям на ситуации, готовы отвечать грубо и не анализируя свою линию поведения. Они редко призна-

ют свои ошибки и промахи. Также мы считаем, что у таких подростков есть некий «шаблон» поведения, которого они придерживаются и который не хотят менять, так как у них гибкость проявляется на низком уровне.

Важным аспектом нашего исследования является вопрос о взаимосвязи составляющих переменной «творческие способности» (гибкость, беглость, оригинальность) и типов реагирования в коммуникативной сфере (агрессивный, зависимый, компетентный).

Выводы

Результаты нашего исследования показали, что для подростков, которые имеют низкий уровень развития творческих способностей, характерны «агрессивный» и «зависимый» типы реагирования в коммуникативной сфере. Для подростков с высоким уровнем развития творческих способностей свойственен «компетентный» тип реагирования в коммуникативной сфере.

Таким образом, изучив психолого-педагогические особенности развития творческих способностей и коммуникативных умений у подростков, можно сделать вывод о том, что для их лучшего развития в школе необходимо разрабатывать дополнительные образовательные программы, отбирать эффективные методы педагогической и психологической работы с учетом индивидуальной специфики каждого ученика. В результате проведенного исследования мы можем сказать о том, что процесс развития творческих способностей и коммуникативных умений подростков нуждается в психолого-педагогической поддержке всегда, так как данные умения необходимо поддерживать на всех уровнях развития, а дополнительные секции вполне могут стать базой для педагогического сопровождения саморазвития личности подростка.

В перспективе нами планируется проведение лонгитюдного исследования для выявления динамики развития творческих способностей и коммуникативных умений у подростков.

Литература

Меерович М. И., Шрагина Л. И. Технология творческого мышления: Практическое пособие. Минск: Харвест, 2003.

Обухова Л. Ф. Возрастная психология: Учебник. М.: Юрайт–МГППУ, 2011.

Оспищева Л. Е. Актуальные вопросы коммуникативистики // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 1. С. 122–126.

Семья как субъект образования

К. А. Шакирова (*Екатеринбург*)

Вопрос характера и особенностей взаимодействия образовательного учреждения и семьи актуален на протяжении нескольких десятков лет. С появлением Федерального государственного образовательного стандарта, стало совершенно очевидным, что семья приобрела новый статус и новое значение в образовательном процессе. В психолого-педагогической литературе этот статус носит название «субъект образовательного процесса». Тем не менее, на сегодняшний день не сформировано даже концептуально-теоретического основания, раскрывающего аспекты субъектной позиции семьи в образовательном процессе.

Истоки изучения субъекта в психологии лежат в субъектном подходе, разработанном С. Л. Рубинштейном. Его идеи позднее развивали А. В. Брушлинский, А. Н. Леонтьев, В. В. Знаков, определив субъект как ступень развития личности на высшем уровне деятельности, автономности, общения и целостности, уделяя особое внимание его активности.

Вопросами изучения субъекта активно занимается научная школа «Субъектное становление личности в современном социокультурном пространстве». Обобщая исследования отечественных и зарубежных исследователей, Н. Н. Васягина приходит к выводу, что «особая значимость в субъектном становлении личности принадлежит самосознанию, а также сопряженным с ним самостным процессам....» (Васягина, 2013). Идею взаимосвязи самоотношения и субъектности также разделяют А. В. Петровский и Н. И. Сарджвеладзе.

Также сегодня внимание к исследованию субъекта приковано внимание таких ученых, как К. А. Абульханова-Славская, Н. М. Борытко, И. В. Вачков, С. Д. Дерябо и др.

Тем не менее, перенимать на семью все характеристики индивидуального субъекта является не совсем точным, учитывая современные исследования в данной области. Начиная с исследований А. В. Брушлинского, принято выделять не только индивидуальный, но и групповой субъект (или коллективный субъект). Данную идею развивали К. А. Абульханова, А. Л. Журавлев, Б. Ф. Ломов и др.

Наличие дифференциации субъекта детерминировано имеющимися отличительными свойствами каждого. Групповой субъект характеризуется:

- взаимосвязью и взаимозависимостью субъектов как предпосылкой к совместной активности, включающими в себя динамические и содержательные признаки;
- способностью группы проявлять совместные формы активности;
- способностью группы к саморефлексии, в результате которой формируется образ «Мы».

Отличительные особенности субъекта разворачиваются и в совместной активности. Таким образом, любая совместная активность группового субъекта должна обладать рядом качеств: целенаправленностью, мотивированностью, целостностью, структурированностью, согласованностью, организованностью и результативностью.

Также следует упомянуть, что активность, по мнению К. А. Абульхановой, является общим критерием для индивидуального и группового субъекта.

Рассматривая свойства группового субъекта через призму изучаемого вопроса, семья как групповой субъект имеет следующие характеристики совместной активности: наличие объединяющей высшей цели семьи, мотивированность на совместную деятельность всех членов семьи, совместные усилия и действия членов семьи, система распределения обязанностей и задач, гармоничное взаимодействие, наличие четких правил, стремление к достижению результатов и реализация этих стремлений.

В рамках изучения группового субъекта Е. А. Сергиенко предложила не останавливаться исключительно на субъектном подходе, предложенном С. Л. Рубинштейном. В качестве нового подхода он предложил системно-субъектный подход. Опираясь на труды А. В. Брушлинского, впервые предложившего объединить системный и субъектный подходы, он выделили ряд их общих признаков:

1) способность к развитию как неотъемлемое качество субъекта;
2) разный темп и скорость элементов системы субъекта;
3) целостность образующих его элементов;
4) иерархическая выстроенность субъекта;
5) способность к самоорганизации.

Семья свою субъектную позицию может проявлять в системе различных социальных ролей и отношений. Особый интерес для нашего исследования представляет проявление семьей субъектной позиции в образовательном процессе.

Современный образовательный процесс характеризуется субъект-субъектными отношениями, что определяет взаимную актив-

ность со стороны всех субъектов и признание права самореализации и разработки стратегии собственного развития (Вачков, 2014).

Развивая тему субъект-субъектных отношений, И. В. Вачков разрабатывает концепцию полисубъектного образования. С точки зрения данной концепции, полисубъект – это развивающаяся общность, в которой развитие каждого субъекта опосредствовано совместной творческой деятельностью и общением с другими субъектами и включено в единый целостный процесс. Стоит отметить, что среди полисубъектов рассматриваются только диады «учитель–обучающийся», «ученик–ученик».

Несколько иной взгляд на семью как субъекта образования представлен в работах Т. П. Лобзиной, Л. Я. Никитиной, Е. А. Носовой, Т. П. Симаковой, Т. Ю. Швецовой, учитывающий все ее компоненты и важность их психолого-педагогического сопровождения. Важнейшей связующей нитью всех работах является и то, что субъектную позицию семьи можно развивать.

Как можно увидеть, на сегодняшний день нет единого подхода к содержательным характеристикам семьи как субъекта образования. Тем не менее, на формирование именно этой позиции должна быть направлена подготовка семьи к обучению ребенка в школе.

Проанализировав множество подходов, раскрывающих понятие индивидуального, группового субъекта, субъектной позиции и ее проявления и опираясь на изученный материал, мы сформулировали свою модель семьи как субъекта образования, которая имеет следующее содержание.

1. Ценностное отношение к образованию ребенка.
2. Принятие ответственности за результаты образовательного и воспитательного процессов.
3. Активность во взаимодействии семьи с образовательным учреждением, проявление инициативы.
4. Умение четко ставить цели относительно образовательного процесса, проявлять рефлексию, оценивать успешность их достижения и корректировать их.

Резюмируя, семья как субъект образовательного процесса может быть охарактеризована следующим образом: это активный участник образовательного процесса, представленный детско-родительской общностью, объединенной ценностью образования ребенка, способный ставить образовательные цели, корректировать их, оценивать эффективность собственной деятельности, проявлять инициативу

и принимать ответственность за собственное участие в образовательном процессе.

Обобщая все вышеизложенное, хочется отметить, что отведение семье новой роли в структуре образования является важным шагом в решении вопроса взаимодействия семьи и образовательного учреждения. Роль субъекта является не просто новым статусом, но и долей ответственности, которую родители обязаны принять на себя. Субъектную позицию семьи полноправно можно считать тем образованием, которое определяет успешность интеграции и адаптации семьи к новым условиям образовательного учреждения.

Литература

Абульханова-Славская, К. А. Способность сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. № 2. С. 43–49.

Васягина Н. Н. Человек как субъект социокультурного пространства // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 7–14.

Вачков И. В. Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 2. С. 36–50.

Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 75–80.

Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

Психологическая готовность к управлению: личностный аспект в профориентации школьников*

М. Н. Шарафутдинова (*Киров*)

В мире стремительно развивающихся технологий и интеграции различных сфер деятельности профориентация имеет свои особенности: сегодня недостаточно ориентировать школьников на конкретные профессии и специальности, необходимо направить будущих специалистов на повышение своей личностной и профессиональной конкурентоспособности.

В. И. Андреев определяет конкурентоспособную личность как «личность, для которой характерно стремление и способность

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Российского фонда фундаментальных исследований) – проект № 16-36-00021 «Диагностика потенциальной конкурентоспособности старшеклассников в рамках профориентационного консультирования».

к высокому качеству и эффективности своей деятельности, а также к лидерству в условиях состязательности, соперничества и напряженной борьбы со своими конкурентами» (Андреев, 2013, с. 26). Однако А. Л. Журавлев и Д. В. Ушаков предлагают рассматривать два вида конкурентоспособности: актуальную конкурентоспособность – уже имеющиеся способности, знания и умения, необходимые для эффективной деятельности; и потенциальную конкурентоспособность как совокупность индивидуально-психологических свойств, способствующих выработке актуальной конкурентоспособности личности (Журавлев, Ушаков, 2008).

Согласно «Атласу новых профессий» (Атлас новых профессий, 2015), среди надпрофессиональных навыков, отмеченных работодателями в качестве наиболее важных для работников будущего, можно выделить: клиентоориентированность (умение работать с запросами человека), умение управлять проектами и процессами, умение распределять ресурсы и управлять своим временем, умение работать с коллективами, группами и отдельными людьми, системное мышление (умение определять сложные системы и работать с ними) и др.

В настоящее время появляется множество новых профессий, в особенности на стыке разных профессиональных отраслей, поэтому современному выпускнику школы необходимо быть достаточно мобильным, гибким в личностном и профессиональном плане, постигать основы тайм-менеджмента, управления собой и другими людьми, чтобы обладать потенциальной, а затем и актуальной конкурентоспособностью. Мы хотим подчеркнуть важность личностного аспекта в рамках профориентации школьников, в частности, выделяем в данном аспекте феномен психологической готовности к управлению (ПГУ) как необходимый элемент диагностики потенциальной конкурентоспособности при выборе будущей профессии. ПГУ не является набором уже сформированных «управленческих» знаний, умений, навыков, но представляет собой общую предрасположенность человека к руководству собой и другими, выраженную в его ценностных ориентациях (управленческих ценностях). Для диагностики данного конструкта был разработан специальный опросник – Тест ПГУ (Низовских, Митина, Тюлькин, Дровосеков, 2012), который прошел процедуру модификации для старшеклассников (Шарафутдинова, 2017). Тест содержит 15 шкал в соответствии с «моделью максимальной эффективности работы для рабочей позиции менеджера» Л. и С. Спенсеров: «Воздействие и оказание влияния», «Ориентация на достижение», «Командная работа и Сотрудничество» и др.

Можно отметить, что многие свойства конкурентоспособной личности (по В. А. Андрееву) и надпрофессиональные навыки, выделенные в «Атласе новых профессий», соотносятся с компонентами психологической готовности к управлению (Низовских, Митина, Тюлькин, Дровосеков, 2012). Данное обстоятельство позволяет утверждать, что ПГУ может рассматриваться как важная составляющая потенциальной конкурентоспособности будущих специалистов. Хотя мы рассматриваем данный феномен в рамках профориентации, ПГУ является личностным образованием, которое связано с другими личностными особенностями и структурами.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами мы можем обозначить следующую *цель* нашего исследования: выявить взаимосвязи между компонентами ПГУ и другими личностными характеристиками.

Гипотеза исследования: существуют значимые корреляции между составляющими ПГУ и такими характеристиками, как личностный тип школьника и стиль саморегуляции личности.

Исследование проводилось в несколько этапов, включающих применение как личностных тестов, так и профориентационных методик. В ходе анализа было обнаружено множество значимых корреляций, однако мы сосредоточимся на взаимосвязях между компонентами ПГУ и личностным типом, а также стилем саморегуляции поведения.

1 и 2 этап исследования – применение Теста ПГУ с методикой «Чертова дюжина» А. С. Прутченкова, А. А. Сиялова; 3 этап – применение Теста ПГУ с опросником «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой (данный этап исследования еще продолжается).

Характеристика выборки

На данный момент в исследовании приняли участие 253 учащихся школ, из них 162 девушки и 91 юноша в возрасте от 14 до 18 лет (средний возраст – 16 лет). Выборка не сбалансирована по полу, поскольку исследование проводилось по запросу образовательных организаций в уже сформированных классах (9-м, 10-м и 11-м) и уравнивание числа юношей и девушек в данном случае не представлялось возможным.

Проводилась статистическая обработка полученных данных при помощи *следующих математических методов:* анализ средних значений, критерий проверки нормальности распределения Колмогорова–Смирнова, коэффициент линейной корреляции Пирсона.

Результаты исследования и их интерпретация

Обнаружены корреляции между составляющими ПГУ и стилями саморегуляции личности (планированием, моделированием, программированием, оцениванием результатов, гибкостью, самостоятельностью). Данный этап исследования еще не завершен – выборка постоянно пополняется, производится статистическая обработка результатов. Также в общей выборке выявлено большое количество значимых прямых связей компонентов ПГУ с параноидальным, гипертимным и истероидным типом личности старшеклассника, а множество обратных связей – с гипотимным типом. Это говорит о том, что целеустремленные, энергичные, активные, предпочитающие находиться в центре внимания школьники в большей степени ориентированы на управленческую деятельность, работу в коллективе, организацию деятельности других людей, а не очень уверенные в себе, чувствительные натуры стараются избегать ответственности перед коллективом. Например, параноидальные черты личности связаны со следующими ориентациями ПГУ: с «Ориентацией на достижение» (0,457**), «Аналитическим мышлением» (0,358**), «Инициативой» (0,329**), «Развитием других» (0,291**), «Уверенностью в себе» (0,414**), «Межличностным пониманием» (0,198*), «Директивностью/Настойчивостью» (0,444**), «Поиском информации» (0,405**), «Командным лидерством» (0,309**), «Концептуальным мышлением» (0,385**), «Технической экспертизой» (0,350**). Данные связи могут свидетельствовать о том, что для целеустремленного человека более интересен результат деятельности, завоевание авторитета, совершенствование собственных знаний и умений, а понимание и развитие других людей хоть и представляется в какой-то мере важным аспектом (например, в плане карьерного роста), но уходит на второй план. Таким образом, мы можем сделать примерный прогноз становления такого будущего специалиста: он будет добиваться высоких результатов, но коллектив станет для него лишь средством самоутверждения. Данные результаты могут помочь психологу-консультанту составить программу развития и коррекции некоторых ориентаций (например, обратить внимание на «Межличностное понимание» и немного уменьшить значимость «Директивности/Настойчивости»). Подобный анализ взаимосвязей личностных особенностей и компонентов ПГУ может дать хорошую основу для построения личностно-профессиональных перспектив каждого отдельного выпускника школы.

Выводы

На основе анализа взаимосвязи компонентов ПГУ с другими характеристиками личности можно сделать вывод о развитии некоторых личностных ориентаций и потенциальной конкурентоспособности старшеклассника в различных профессиональных областях. Для большей эффективности применение теста ПГУ должно сочетаться с использованием других профессиональных и личностных методик, а также проведением постдиагностической консультации профессиональным психологом. Результаты данного теста могут служить ориентиром для психолога-профконсультанта в плане разработки рекомендаций для старшеклассника по построению жизненной перспективы и программы развития личности.

Литература

Андреев В. И. Конкурентология: Учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. Казань: Центр инновационных технологий, 2013.

Атлас новых профессий. URL: http://atlas100.ru (дата обращения: 27.08. 2017).

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Наука. Культура. Общество. 2008. № 3. С. 99–108.

Низовских Н. А., Митина О. В., Тюлькин М. С., Дровосеков С. Э. Психологическая готовность к управлению: методика исследования // Вестник ВятГГУ. 2012. № 4. С. 102–109.

Шарафутдинова М. Н. Тест психологической готовности к управлению для старшеклассников (Тест ПГУ-С): методическое руководство. Киров: Радуга-Пресс, 2017.

Сравнение проявлений состояния «инфертильности» и «фертильности» на объективно-психологическом уровне у женщин репродуктивного возраста

Т. В. Шахворостова (*Владимир*)

Возрастающий интерес к психологическим особенностям личности женщин с диагнозом «бесплодие» способствовал необходимости проведения исследования, в котором мы смогли бы выявить психологическое состояние женщин в процессе медицинского лечения причин, препятствующих зачатию.

Целью данного исследования было эмпирически проверить совокупность концептуальных положений объективно-психологических детерминант восстановления репродуктивной функции женщин.

Нами была выдвинута гипотеза: инфертильные женщины подвержены требованиям объективной ситуации, субъективно оцениваемой как невозможная и неосуществимая, проявления которой могут проявляться на объективно-психологическом уровне психологического состояния женщины и выражаться в состоянии хронического стресса и умеренном проявлении депрессии, усугубляющих их медицинский диагноз.

В исследовании приняли участие 286 женщин: 86 женщин с диагнозом «бесплодие», проходящих лечение от полугода до трех лет, 100 женщин, беременных впервые и 100 женщин, имеющих вторую и последующие беременности и одного или нескольких детей. Возраст испытуемых от 18 до 43 лет. Женщины различного семейного, материального и социального положения, проживающие в городе и на селе. Базой исследования стали женская консультация г. Гусь-Хрустальный Владимирской области, Областной перинатальный центр г. Владимир и ООО «Центр развития личности и психологической помощи «Сильная Личность Основа Нации».

В процессе бесед, диагностической работы с использованием авторской анкетной методики и использования корреляционного метода главных компонентов по Л. К. Выханду и метода Пирсона были выявлены шесть компонентов личности женщин: компонент материнской деятельности, интеллектуально-волевой, коммуникативный, волевой, мотивационно-организационный и эмоциональный компоненты (Зобков, 2013; Зобков, 2013).

Проведя корреляционный анализ данных исследования, мы выявили, что женщины с нарушениями репродуктивной функции на объективно-психологическом уровне находятся в особенном психологическом состоянии, которое проявилось как феномен и привело к кардинальному изменению системы личности женщин с диагнозом «бесплодие». Мы определили это состояние как состояние «инфертильности», т. е. состояние психологической неготовности к материнству и провели сравнительное исследование объективно-психологического уровня систем личности женщин в состоянии «инфертильности» и в состоянии «фертильности», или состоянии психологической направленности на материнскую деятельность и готовности к ней.

Сравнивая показатели проявления объективно-психологического уровня у групп фертильных и инфертильных женщин, мы при-

шли к выводу о том, что столкнулись с системами, выстроенными противоположным образом.

В состоянии «инфертильности» структура компонентов личности женщины схожа по своему внешнему виду с «воронкой», в которую она попадает, будучи эмоционально неготовой к материнству.

Нами были обнаружены тесные корреляционные связи между всеми компонентами личности инфертильных женщин: эмоционального и волевого компонентов (r=0,78; p=0,01), эмоционального и интеллектуально-волевого компонентов (r=0,3; p=0,01). Обнаружена тесная корреляционная связь между изменением эмоционального и мотивационно-организационного (r=0,44; p=0,01), эмоционального и коммуникативного компонентов (r=0,42; p=0,01). В ходе исследования также была выявлена взаимосвязь между эмоциональным и компонентом материнской деятельности (r=0,51; p=0,01), что говорит о доминантности эмоционального компонента личности инфертильной женщины.

Нарушение эмоционального компонента приводит к нарушению всей системы личности женщины, в том числе и компонента материнской деятельности. На психологическом уровне это ведет к активации внутреннего конфликта, амбивалентных установок, связанных с продолжением рода и отношению к детям и состоянию хронического стресса.

Факт нарушения материнского компонента проявляется в отсутствии любви к будущему ребенку (r=0,87), увеличению агрессивного поведения по отношению к детям (r=0,94), отсутствию видения себя в роли матери (r=0,84), редукции уверенности в реализации своей материнской роли (r=0,89), отсутствию уверенности в рождении ребенка (r=0,89).

Увеличение эмоциональной возбудимости женщины, ее частые резкие неконтролируемые смены настроения (r=0,83), приводят к дальнейшему ухудшению показателей материнской деятельности, женщину все больше затягивает в воронку состояния «инфертильности». Учащаются аффективные всплески от детского плача (r=0,56), становится ниже показатель страха родов как физиологического процесса (r=0,80), женщина не размышляет о процессе родоразрешения, потому что ее цель – это состояние беременности, а не рождение потомства. Неуверенность в себе (r=0,59), не желание что-либо делать (r=0,81) и нести за это ответственность (r=0,89) подтачивает волевые усилия женщины, которые она прилагает для медицинского решения проблемы «бесплодия». Уменьшение критичности, ухудшение эмоционального состояния приводят к снижению уровня ответственности за будущего ребенка (r=0,84), и ввергают ее в состояние по-

рочного круга, с каждым витком которого женщина еще больше отдаляется от реализации своей материнской роли, психологическое состояние «инфертильности» усугубляется, а на физиологическом плане у женщины проявляются новые факторы диагноза «бесплодие».

Таким образом, нами установлено, что доминирующим компонентом системы личности женщин в состоянии «инфертильности» выступает эмоциональный компонент, который находится в тесной корреляционной связи ($p \leqslant 0{,}01$ при $r=0{,}21$) со всеми компонентами личности инфертильных женщин.

Состояние психологической готовности к материнству (состояние «фертильности») у беременных женщин выражено доминантностью компонента материнской деятельности в системе их личности. Эмоционально-психологический настрой женщины ($r=0{,}81$; $p \leqslant 0{,}01$) на рождение ребенка находит свою волевую ($r=0{,}54$; $p \leqslant 0{,}01$) и интеллектуально-волевую ($r=0{,}43$; $p \leqslant 0{,}01$) поддержку в личности перворождящей фертильной женщины и позволяет ей отстоять в семье ($r=0{,}35$; $p \leqslant 0{,}01$) ее желание родить ребенка. Реализуя свое эмоциональное желание родить ребенка, женщина мотивирует и организует себя и свою семью на достижение цели ($r=0{,}76$; $p \leqslant 0{,}01$). В ее личности происходит подчинение всех компонентов компоненту материнской деятельности.

Для более полного описания объективно-психологического уровня жизнедеятельности инфертильных женщин нами было предпринято исследование методом процентного выбора, также был произведен сравнительный анализ процентных величин, для выявления значимости различия средних показателей групп был применен корреляционный анализ с использованием критерия Фишера.

Результаты исследования подтверждают данные, что доминантой в парадигме подчиненности компонентов личности женщин в состоянии «инфертильности» является эмоциональный компонент, нарушение которого ведет к нарушению всех компонентов и возникновению состояния «инфертильности».

Бесплодные женщины выделяют в момент лечения и подготовки к возможной беременности у себя такие, важные, по их мнению, для материнской роли показатели, как: воспитанность ($r=81\%$, $p \leqslant 0{,}01$) организованность ($r=65\%$, $p \leqslant 0{,}01$), доброта ($r=65\%$, $p \leqslant 0{,}01$), честность ($r=81\%$, $p \leqslant 0{,}01$), создание семейного очага ($r=65\%$, $p \leqslant 0{,}01$). Стоит отметить, что наряду с вышеперечисленными показателями, женщинами одним из наиболее часто выделяемых и важных черт для подготовки к материнству была названа – профессиональная компетентность ($r=81\%$, $p \leqslant 0{,}01$). Однако черты, относящиеся к профессиональной деятельности, такие как: социальная адаптация, предприимчивость,

озабоченность материальным успехом, инициативность, активность, увлечение самим процессом профессиональной деятельности либо совсем не были названы, либо были выбраны малым количеством испытуемых (r=16% p⩽0,01). Данный факт свидетельствует о компенсации репродуктивной дисфункции путем ухода в работу, а также подтверждает наличие амбивалентного отношения бесплодных женщин к своей профессиональной и материнской деятельности.

Данные других двух групп: первородящие и повторнородящие женщины говорят о подготовке и нацеленности женщины на материнскую роль, либо уже включенности в нее. Доброта (r=74%, p⩽0,01), нежность (r=55%, p⩽0,01), ласка (r=81%, p⩽0,01), ответственность (r=57%, p⩽0,01), справедливость (r=68%, p⩽0,01), переживание о рождении ребенка (r=46%, p⩽0,01).

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что женщины с диагнозом «бесплодие» находятся в психологическом состоянии, «инфертильности», которое проявляется как феномен изменения в системе компонентов личности женщины на объективно-психологическом уровне и наличии внутриличностного конфликта, влияющего на амбивалентное отношение инфертильных женщин к их материнской и профессиональной деятельности.

Литература

Зобков А. В. Акмеология саморегуляции учебной деятельности: Монография / Под науч. ред. проф. Н. П. Фетискина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013.

Зобков В. А. Личность и деятельность в теории отношения В. Н. Мясищева // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 16–29.

Кросс-культурное исследование субъективного возраста младших подростков*

Т. А. Швец (*Москва*)

Исследования подростничества особенно актуальны сегодня, поскольку современная ситуация развития подростков характеризуется такими сложными трансформациями, как слияние детства и взрослости в массовой культуре, усложнение семьи как института

* Исследование выполнено в рамках госзадания МОН РФ № 25.3916.2017/ИП «Кросс-культурные детерминанты когнитивно-коммуникативных процессов».

взросления, повышение требований в школьной сфере на фоне сниженной мотивации и дистанцирования участников образовательного процесса друг от друга, включение информационной составляющей в социализацию современных детей, а также изменение роли взрослого в этом процессе (Гурко, Петрова 2012; Поливанова, 2016; Солдатова, Рассказова, 2014). Все это приводит к диверсификации и индивидуализации траекторий взросления, ставя перед исследователями новые задачи изучения «лабиринта развития» современного ребенка.

В соответствие с идеей Л. С. Выготского о том, что социальная ситуация развития определяет психическое развитие ребенка, наше исследование было реализовано в трех регионах РФ, различающихся социоэкономическими и культурными условиями проживания. Его целью стало сравнение возрастной идентификации младших подростков, проживающих на разных территориях РФ, а также поиск связей между возрастной идентификацией в разных сферах отношений и оценкой этих сфер самими подростками.

Нас интересовало, в каких сферах дети, проживающие в разных условиях, чувствуют себя взрослее, от каких особенностей социальной ситуации развития это зависит и связано ли восприятие себя как более взрослых в разных сферах отношений с оценкой этих отношений как «свободных». Гипотезой исследования выступили предположения о том, что подростки, проживающие в социально-трудных условиях, чувствуют себя взрослее в других сферах, по сравнению с городскими подростками, а также что в наиболее «свободных» (по субъективной оценке) сферах подростки чувствуют себя взрослее.

В исследовании была использована методика когнитивной оценки возраста Б. Барака в модифицированном варианте: оценочные шкалы представлены графическим способом, также был расширен список сфер, в которых необходимо оценить свой возраст (Сергиенко, 2013; Barak, 2009). Мы предложили подросткам оценить свой возраст по двум параметрам: на сколько лет ребенок себя ощущает («feel-age») и на сколько лет, по его мнению, он выглядит в глазах другого человека («look-age») в разных сферах отношений: с родителями, с сиблингами, с бабушками/дедушками, с учителем, с девочками и с мальчиками в классе, а также с близким другом. По каждому подростку анализировалось соотношение субъективного и хронологического возраста по каждой из предложенных сфер. Анализ данных проводился как отдельно для каждой из групп учащихся, так и в сравнении между ними. Статистическая обработка данных

проводилась с использованием программ MS Excel 2013 и IBM SPSS Statistics 22. Для выявления связи между показателями оценки возраста в разных отношениях и оценкой их как «свободных» корреляционный анализ проводился с использованием коэффициента ранговой корреляции r-Спирмена.

Всего в исследовании приняло участие 269 учащихся средних школ в возрасте от 9 до 14 лет. Из них 137 учатся в средней школе г. Лобни Московской области (72 мальчикаи 65 девочек, средний возраст – 11,8 года), 98 – в средней школе села Чернуха Нижегородской области (48 мальчиков и 50 девочек, средний возраст – 11,9 года) и 34 в средней школе села Кунгуртуг республики Тува (19 мальчиков и 15 девочек, средний возраст – 12,1 года). Таким образом, в исследовании приняли участие представители малого города центральной России и двух сельских поселений – Поволжья и Республики Тува.

При анализе оценки возраста, выявлено, что в целом большинство подростков (56% – малый город Центральной России, 53% – село Поволжья и 41% – село Республики Тува) чаще воспринимают себя старше по всем оцениваемым сферам.

Подростки, независимо от места проживания, чаще всего в отношениях с близким другом оценивают себя на более старший возраст и считают, что выглядят в глазах друга взрослее; кроме того, все подростки в отношениях с учителем оценивают себя на свой возраст. Наибольшее количество подростков оценивают отношения с близким другом как свободные. Все подростки чаще оценивают отношения с учителем как несвободные (это единственная из предложенных подросткам сфер, получившая такую оценку).

Тувинские подростки обнаруживают ряд особенностей по сравнению с детьми из Центральной России и Поволжья: они реже воспринимают себя старше и чаще занижают свой возраст в отношениях с братьями и сестрами; они чаще считают, что выглядят в глазах учителя взрослее.

Подростки, проживающие в городе Лобня, реже воспринимают себя на свой возраст в отношениях с братьями и сестрами и чаще чувствуют себя младше в отношениях с бабушками/дедушками.

В ходе корреляционного анализа было выявлено, что для подростков из Центральной России и Поволжья оценка отношений как «свободных» положительно связана с оценкой себя в этих отношениях на более старший возраст. Это касается таких сфер, как общения с братьями/сестрами (для Лобни $r=0,442$ при $p\leqslant0,01$; для Чернухи $r=0,406$ при $p\leqslant0,01$), отцом (для Лобни $r=0,378$ при $p\leqslant0,01$; для Чернухи $r=0,362$ при $p\leqslant0,01$), с бабушками/дедушками (для Лобни $r=0,215$

при p⩽0,05; для Чернухи r=0,234 прир⩽0,05) и учителем (для Лобни r=0,214 при p⩽0,05; для Чернухи r=0,229 прир⩽0,05). При этом оценка отношений с матерью, а также с близким другом и одноклассниками не связана с тем, что подростки оценивают себя старше.

Для подростков из Тувы оценка отношений с близким другом как «свободных» связана с восприятием себя на более младший возраст (r=–0,520 при p⩽0,01).

По результатам проведенного исследования можно заключить, что в целом подростки воспринимают себя как более взрослых. Однако для детей, проживающих в разных социокультурных и экономических регионах РФ характерны определенные особенности их возрастной идентичности. Можно предположить, что разные факторы социальной ситуации развития в каждом регионе определили эту специфику.

Так, выявленные отличия городской выборки от сельской в отношениях с братьями и сестрами можно объяснить тем, что в городе отношения в семьях, чаще всего, не связаны с трудовыми и учебными обязанностями, а основаны на игровой деятельности, причем игра не имеет сложных правил, сюжета и часто опосредована гаджетами. Поэтому у городских подростков восприятие своего возраста в отношениях с сиблингами более отличается от хронологического (и в сторону завышения, и в сторону занижения) по сравнению с сельскими подростками.

Тувинские дети реже считают, что бабушки и дедушки относятся к ним как к маленьким, по сравнению с русскими подростками. С одной стороны, это объясняется почтительным и уважительным отношением к старшему поколению в Туве, характерным для культур Востока и Азии. С другой, тем фактом, что во многих семьях бабушки и дедушки выполняют родительские функции, поскольку сами родители работают вдалеке от дома – на чабанских стоянках либо в городах.

Для подростков из Центральной России и Поволжья корреляционный анализ показал, что восприятие отношений как свободных связано с восприятием себя на более старший возраст только в тех отношениях, которые носят менее интимный характер (в отношениях с матерью, близким другом и одноклассниками таких связей не выявлено). А в тувинской выборке обнаружена обратная связь – восприятие отношений с близким другом как свободных связано с оценкой себя на более младший возраст в этих отношениях.

Таким образом, подростки из всех исследуемых регионов чаще воспринимают себя старше своего возраста. Однако возрастная

идентичность в этом возрасте носит дифференцированный характер. Так, если подросткам предлагают оценить свой возраст в разных сферах отношений, то оказывается, что есть ряд отношений, в которых они в основном оценивают себя на свой возраст либо младше. Кроме того, различные особенности социальной ситуации развития накладывают свой отпечаток на возрастную идентичность подростков. Первоначальное предположение о том, что дети чувствуют себя взрослее в тех сферах, которые воспринимаются ими как свободные, подтвердилось лишь отчасти: это характерно для некоторых сфер отношений подростков, проживающих в центральной части России.

Литература

Гурко Т. А., Петрова О. Ю. Трансформация института брака в России // Проблемы брака и супружества в условиях полиэтничного общества: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 15 мая 2012 г.) / Сост. и науч. ред. Л. В. Карцева. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2012. С. 248–252.

Поливанова К. Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 5–10.

Сергиенко Е. А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 10.

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 27–35.

Barak B. Ageidentity: Across-cultural global approach // International journal of behavioral development.2009. V. 33. № 1. P. 2–11.

Жизненные траектории людей с ограниченными возможностями здоровья: перспектива исследований*

Н. С. Шипова (*Кострома*)

Несмотря на транслируемую обществом до недавнего времени стратегию изоляции людей с ОВЗ, их жизнь наполнена событиями, переживаниями. Выяснение особенностей их жизненной траектории мы и поставили перед собой как цель. Отличаются ли жизненные вехи у людей, имеющих инвалидность, и людей с нормативным развитием?

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00812.

Сам термин «траектория» – это в большей степени социологическое понятие. Именно в русле социологии его впервые определили как последовательность позиций, которые индивид занимает в течение своей жизни, действуя в различных социальных полях (Бурдье, 1994). Изначально это понятие объединяло образовательную, профессиональную и социальную траектории. Однако автор использовал его и в более узком смысле, различая разные траектории. Также были выделены индивидуальные и коллективные или модальные для любых слоев или классов траектории (Бурдье, 1994). Жизненный путь рассматривается И. Потемкиной не только как личная, но и общественная проблема и имеет синонимичное название «*социализационная траектория*». Автор в основном анализирует данное понятие в контексте будущего профессионального самоопределения личности, который тесно связан с решением вопроса о человеческих ресурсах, перспективе кадрового обеспечения профессиональных сфер (Потемкина, 2007). Жизненные траектории в социологии рассматриваются как последовательность позиций, которые индивид занимает в течение своей жизни в различных социальных полях, используя социоструктурный, субъектно-деятельностный и институциональный подходы (Гордиенко, 2016).

Готовность личности к успешному построению и реализации собственной жизненной траектории описывается в терминах компетентностей (приобретенных в процессе обучения интегрированных способностей ученика, которые состоят из знаний, умений, опыта, ценностей и отношений и могут целостно реализовываться на практике) и компетенций (общественно признанных уровней знаний, умений, навыков, отношений в определенной сфере деятельности человека). Н. Н. Гордиенко (Гордиенко, 2016) к существующему набору компетенций (коммуникативных, информационных, самообразовательных, экологических и т. д.) добавляет компетенции жизнетворческие. Они представляют собой способность и готовность личности самостоятельно, сознательно и творчески определять (проектировать) и осуществлять собственную жизнь. Автором выделяются следующие параметры эффективных жизнетворческих компетенций: активная, конструктивная жизненная позиция, самостоятельное и сознательное определение, осуществление и совершенствование собственной жизни; владение индивидуально-личностными технологиями жизнетворчества, навыками жизненного проектирования, принятия решений и решения проблем; представление о сущности процесса жизнетворчества, жизненной траектории и стратегии, жизненного проекта, жизненной программы,

жизненных планов и целей личности; содержательная жизненная концепция, устойчивое жизненное кредо и жизненная позиция. В жизненных траекториях С. Хоружий различает характеристики внешне-фактографические (демографические, социокультурные, экономические и т. п. данные) и внутренне-смысловые (убеждения и идеи, этические и эстетические установки, эмоционально-психологические особенности, вкусы, реакции, ориентации и т. д.).

В психологии, в частности, в возрастной психологии и психологии развития, траектория рассматривается как путь, некая предопределенность развития (Бочавер, 2016).

Таким образом, «жизненные траектории» это в большей степени социологическое понятие, но мы вводим его в психологическое исследование с целью изучения процессов и явлений, присущих данной категории в современном обществе применительно к лицам с ограниченными возможностями здоровья.

Методологическую основу нашего исследования составили фундаментальные положения субъектно-деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко, З. И. Рябикина), системного и комплексного подхода (Б. Г. Ананьев, В. Г. Асеев, Б. Ф. Ломов, В. А. Барабанщиков), социально-психологического подхода (Э. Бадинтер, Г. М. Андреева, Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая и др.). Важное значение для нашего исследования имеют научные взгляды на жизненные траектории К. А. Абульхановой-Славской, Ю. Д. Красовского, Ю. М. Резник, Е. А. Смирнова, В. В. Щербиной и др.

В фокусе нашего внимания находится значимость субъективного аспекта качества жизни, который касается внутреннего содержания человеческой жизни – вопросов счастья, субъективного благополучия личности в условиях тех или иных жизненных обстоятельств.

Гипотезой исследования является предположение о качественном своеобразии жизненных траекторий лиц с ограниченными возможностями здоровья по сравнению с лицами с нормативным развитием. Также планируется выявление факторов, детерминирующих выбор жизненных траекторий, и рассмотрение понятия «качество жизни» в контексте выбранной группы респондентов.

Эмпирическая база исследования состоит из двух групп: в одну входят лица зрелого возраста с ограниченными возможностями здоровья (имеющие статус «инвалид»), в контрольную группу входят лица зрелого возраста с нормативным развитием.

Научная значимость предполагаемых результатов исследования заключается в разработке теоретических положений и методическо-

го инструментария, позволяющих изучить, смоделировать и описать типологию жизненных стратегий лиц с ОВЗ (позитивных, негативных, адаптивных и других) с учетом актуального качества жизни, а также личностных и социокультурных факторов, их детерминирующих.

Одна из основных задач нам видится в выделении, моделировании и анализе наиболее типичных вариантов жизненных стратегий (позитивных, продуктивных, адаптивных и других) взрослых лиц с ограниченными возможностями здоровья, описании их сложных взаимосвязей с качеством жизни и анализе их многофакторной детерминации.

Методический комплекс исследования состоит из методов качественного и количественного анализа:

- Шкала субъективного благополучия (адаптация М. В. Соколовой, 1996);
- Опросник общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В. Г. Ромека (Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996);
- Опросник качества жизни и удовлетворенности (Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire) (Ritsner et al., 2005; Рассказова, 2012);
- Краткий опросник ВОЗ для оценки качества жизни (Quality of Life (WHOQOL) – BREF);
- Опросник способов совладания (ОСС) (Ways of Coping Questionnaire – WCQ) S. Folkman и R. Lazarus (1988), адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой, 2004).
- Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Дж. Крамбо, Л. Махолика, в адаптации Д. А. Леонтьева (1992).
- Методика «Социальный атом» Я. Л. Морено (1951).
- Опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР) (Водопьянова, Штейн, 2003).

Статистическая обработка данных проводится с помощью пакета Statistica 6.1. с применением корреляционного, сравнительного и регрессионного анализа.

Реализация обозначенного исследования расширит представления о психологии взрослых людей с ОВЗ, позволит нам выделить некоторые типологии жизненных траекторий и раскроет закономерности жизненной траектории лиц с ОВЗ с учетом оценки их качества жизни. Практическая значимость исследования обеспечивается возможностью использования полученных результатов для разработки программ психологической помощи и сопровождения лиц

с ОВЗ на разных этапах онтогенеза, в частности, в процессе проживания экзистенциальных кризисов. Также мы рассматриваем жизненные траектории как модель совладания, следовательно, можем использовать полученные данные для психологических консультаций с целью повышения стрессоустойчивости и резистентности лиц с ограниченными возможностями здоровья различным трудным жизненным ситуациям.

На данный момент предварительные результаты исследования таковы:

– жизненные траектории лиц с ОВЗ отличаются меньшей наполненностью субъективно значимыми событиями, чем у контрольной группы;
– в большинстве случаев события, отраженные в жизненных траекториях лиц с ОВЗ, менее нормативны (реже встречаются типичные вехи развития: создание семьи, поступление в школу, иное учебное заведение и т. п.);
– респондентами с ОВЗ признается меньшая роль семьи в определении собственных жизненных траекторий, чем лицами с типичным развитием.

Тематика, заявленная нами, является актуальной и имеет перед собой огромные перспективы дальнейшего изучения. Наше исследование находится в активной фазе проведения, собран большой эмпирический материал, на данный момент осуществляется его обработка и систематизация.

Литература

Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.

Гордиенко Н. Н. Формирование жизненных траекторий учеников интернатных заведений: социологический аспект // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Философия. Социология. Право». 2016. Т. 36. № 10 (231). С. 36–40.

Потемкина И. А. Изменение социализационных траекторий современного российского студенчества: региональный аспект: Автореф. дис.... канд. соц. наук. Иркутск, 2007.

Особенности невербального поведения допрашиваемых на разных стадиях допроса

Д. В. Шкаева, Н. М. Романова (*Саратов*)

Ц*елью* работы является: выявление достоверных различий в области невербальных реакций подозреваемых на разных стадиях допроса.

Гипотеза исследования: имеются различия в невербальном поведении допрашиваемых (обвиняемых, подозреваемых) на разных этапах допроса.

Гипотеза h1: существует связь невербальных внешних реакций вегетативного генеза (движение глаз, частота морганий) индивида с мимическими и пантомимическими проявлениями.

Гипотеза h2: существуют значимые различия между индивидами, признающими свою вину и не признающими ее в области невербальных реакций на разных стадиях допроса.

Гипотеза h3: существуют значимые отличия между невербальными проявлениями индивида на различных стадиях допроса.

Методы исследования: метод анализа документальных источников (изучение видеозаписей допроса), методы статистического анализа (метод ранговой корреляции Кендала, Т-критерий Стьюдента для парных выборок, U-критерий Манна–Уитни), кластерный анализ, процентарный анализ.

Исследование направлено на изучение особенностей выражения невербального поведения допрашиваемого, в частности, тем невербальным проявлениям, которые, зачастую не берет во внимание следователь. Изучение особенностей невербального поведения у подозреваемого является важным для следователя, судьи и психолога.

Данное исследование проводилось на основе видеозаписей допросов по следующим уголовным делам: убийство (ст. 105 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних (ст. 132 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ). Приговоры по данным уголовным делам вступили в законную силу. Фиксирование невербального поведения допрашиваемых производилось на основе запатентованной Н. М. Романовой методике. На основе представленных видеозаписей допроса, нам необходимо было выявить изменения невербального поведения допрашиваемых на разных стадиях предъявления нейтральных и конкретных вопросов, задаваемых во время допроса. Для анализа невербального поведения использовались следующие показатели.

1. Вегетативные реакции, включающие следующие параметры невербального поведения: 1) облизывание губ; 2) количество глотательных движений; 3) частота морганий.
2. Мимические реакции: 1) количество улыбок; 2) количество движений губами.
3. Пантомимические реакции: 1) количество движений головой; 2) количество движений плечами; 3) количество движений туловища; 4) количество жестов-иллюстраций; 5) количество жестов-манипуляций; 6) количество движений кистями; 7) количество движений ногами и стопами; 8) частота смены позы.

С целью корректной интерпретации невербальных реакций индивида было решено разделить ситуацию взаимодействия допрашиваемого со следователем на значимые этапы.

I этап. Предварительный. Следователь удостоверяется в личности допрашиваемого, разъясняет допрашиваемому его права и обязанности.

II этап. Допрос по существу дела, в связи с которыми подозреваемый был вызван для дачи показаний.

В результате статистического анализа стало возможно выявить систему реагирования, входящую в координатную плоскость невербальных реакций индивида, связанную с вегетативной деятельностью индивида. Реакции могут быть разделены по шкале когнитивные – эмоциональные и статически протекающие в виде общего фона – динамические реакции на непосредственно воздействующий стимул, как, например, вопрос следователя.

На основе созданной системы оценки по принципу: эмоциональное – когнитивное и статическое – динамическое впервые были выделены четыре базовых кластера невербальных реакций:

а) кластер, связанный с попыткой логической обработкой информации, интеллектуальной работой индивида, когнитивной реакцией индивида на активно действующий стимул;
б) кластер, связанный с статическим эмоциональным состоянием индивида в текущей ситуации;
в) кластер, связанный с статической когнитивной деятельности индивида;
г) кластер, связанный с динамическим эмоциональным реагирования на активно действующий стимул.

На основе выделенных четырех классов вегетативных реакций мы нашли возможность найти соответствие каждому типу в области

мимических и пантомимических проявлений: а) динамика кластера когнитивных реакций индивида на активно действующий стимул связана с динамикой таких мимических и пантомимических проявлений индивида, как улыбка, касание лба, сжатие рук в замок, касание и потирание носа рукой; б) динамика кластера статических когнитивных реакций соотносится с изменениями таких параметров, как приподнимание головы, движение правым плечом; в) динамика кластера эмоционального реагирования на стимул, связана с переменами в таких параметров мимических и пантомимических проявлений, как количество положительных движений головой, закидывание левой ноги на правую, касание щеки; г) динамика кластера статического эмоционального реагирования комплементарна таким показателям мимической и пантомимической активности, как почесывание головы и движение торсом.

Между индивидами, признающими и не признающими свою вину, на допросе существуют достоверные различия в области невербальных реакций вегетативного и мимического характера, которые особенно сильно проявляется на второй стадии допроса при ответе на вопросы по существу инкриминируемых им деяний: повышение количества движений правой ногой (топтания), сжимание пальцев руки в замок, касание руками затылка, а также снижение количества движений глаз влево, движение глаз вниз, частоты морганий, количества положительно движения головой.

Между основными невербальными параметрами поведения личности не было выявлено достоверных различий на обеих диагностируемых стадиях допроса – при ответах на вопросы по существу и нейтральные вопросы, за исключением динамики движения туловищем. Отсутствие достоверных различий между реакциями индивида на разные стадии допроса может объясняться высокой стрессогенностью ситуации допроса обвиняемого, его измененным психическим состоянием, который проявляется в когнитивных процессах и эмоциональных реакциях, а также в общей адаптации к ситуации следствия и признанием своей вины.

Литература

Еникеев М. И. «Юридическая психология». С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005.

Лабунская В. А. Невербальное поведение: структура и функции (социально-перцептивный подход). Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1986.

Меграбян А. Психодиагностика невербального поведения. СПб.: Речь, 2001.

Романова Н. М., Самохина М. А. Изменение параметров невербального поведения при сообщении истинной и ложной информации // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2008. Т. 1. № 13. С. 18–27.
Слива М. Е. К вопросу о невербальных средствах передачи информации // Вестник КрасГау. 2013. № 11. С. 311–314.

Представления о будущем партнере и браке, транслируемые в социальной сети «ВКонтакте»

Д. А. Шмидт (*Москва*)

Цель и гипотеза исследования

Актуальность исследования состояния обыденного сознания российской молодежи обусловлена рядом общественных тенденций, таких как снижение значимости ценностей брака и деторождения в молодежной среде, увеличение возраста вступления в брак, низкая устойчивость брачно-семейных отношений, рост уровня разводов и внебрачной рождаемости. Рост интереса к тематике обусловлен трансформационными процессами в современном обществе, в частности, переменами в морально-нравственных отношениях, падением авторитета родителей, по сравнению со сверстниками, возникновением новых ролевых и статусных позиций мужчины и женщины (Емельянова, 2014).

Среди работ, посвященных молодежи и браку, можно отметить как исследования общего характера (Гурко, 2006; Лисовский, 2004), направленные на семейную проблематику, анализ типов семьи и брака, так и работы по изучению социальных изменений и отношению молодежи к новым формам брака, в частности, консенсуального (Ахмазова, 2002; Беляева, 2008). Большинство исследований проводится на студенческих выборках, между тем как с увеличением возраста вступления в брак растет актуальность изучения представлений не студенческой молодежи (причем не только с высшим образованием).

Анализ литературы по тематике поведения молодежи в сети Интернет и социальным представлениям о различных аспектах жизни, отраженным в сети, позволяет сделать вывод о том, что представлениям о браке и будущем партнере в этих работах практически не уделяется внимания, что обусловливает актуальность данного исследования. Гипотеза исследования состоит в том, что публикации в популярных у молодежи социальных сетях способствуют форми-

рованию противоречивых представлений о будущем браке и партнере и могут препятствовать выстраиванию эффективных взаимоотношений.

Методы, применявшиеся при анализе данных

Исследование проведено методом контент-анализа содержания публикаций в четырех группах популярной среди молодежи социальной сети «ВКонтакте» («Отношения и любовь», «ЛЮБОВЬ», «Практическая психология», «Психология о жизни»). Все группы позиционируются как источники информации по вопросам взаимоотношений мужчин и женщин.

Характеристики выборки

Объем анализируемого контента составил 100000 печатных знаков и 287 иллюстраций. Отбор групп проводился на основании следующих критериев: 1) релевантная тематика, 2) число подписчиков, 3) возраст и семейный статус подписчиков.

Результаты и их интерпретация

Все единицы анализа, касающиеся взаимоотношений мужчин и женщин, были закодированы в несколько категорий, наиболее многочисленными из которых оказались наименование субъектов взаимоотношений (28%), название чувств и ощущений (22%), а также виды действий в паре или по отношению к партнеру (17%). Количественная наполняемость категорий позволяет говорить о том, что публикации в изучаемых группах формируют у читателей некий усредненный образ субъектов гендерных взаимоотношений, о чем свидетельствует тот факт, что только 5% единиц анализа посвящено качествам субъектов. Не слишком много внимания уделяется и ценностным ориентациям (7%).

Среди наименований субъектов взаимоотношений на первое место выходят единицы анализа, которые определяют субъектов как участников социальных отношений в целом («девушка», «мужчина»), не указывая на характер взаимодействия. В целом 73% единиц анализа не указывают на наличие у субъекта взаимоотношений постоянной связи с партнером, что, возможно, свидетельствует о наличии у современной молодежи ориентации на индивидуалистические ценности. 16% единиц анализа указывают на наличие постоянной связи, но ничего не говорят читателям о ее характере (заключен ли официальный брак). В сумме же 89% единиц анализа не несут интенции к созданию семьи.

Анализ качеств субъектов взаимоотношений между полами указывает на то, что в представлениях присутствует запрос на силу и истинность партнера, необходимость возвращения утраченных «истинных» мужчин и женщин, «истинной» мужественности и женственности.

Существенное место в публикациях изучаемых групп отводится чувствам и эмоциям (позитивные 63%, нейтральные или без опознавательных 20%, негативные 17%). Среди позитивных чувств и эмоций преобладает «любовь» (56%), реже – «счастье» (13%). Среди негативных на первое место выходит «одиночество» (28%). Это довольно интересная категория, которая встречается также в нейтральном контексте, а порой имеет и положительный оттенок значения, причем доля негативных трактовок «одиночества» примерно равняется доле нейтрально-положительных. Из контекста следует, что одиночество может, во-первых, очищать, приводить в порядок мысли и упорядочивать образ жизни, а, во-вторых, подчеркивать уникальность личности (если человек один, без пары, это свидетельствует о наличии у него особых ожиданий, что затрудняет поиск подходящего партнера). Вторая трактовка несет в себе угрозу отношениям, так как делает излишний акцент на индивидуалистичность.

В наименованиях отношений также господствует неопределенность – 84% единиц анализа не конкретизируют ни статус партнеров, ни частоту их встреч, ни характер взаимодействия («отношения» и «близость»). Категория «близость» может трактоваться и как физическое нахождение рядом с партнером, и как платоническая близость, мысленное нахождение рядом. Незначительная доля единиц анализа и картинок посвящена браку (12%), в целом в изучаемых публикациях авторы стараются избегать данного понятия, около половины информации о браке несут в себе картинки, а не текст (как правило, это пара, где девушка облачена в свадебное платье).

Процесс отношений в половине случаев характеризуется позитивно или нейтрально («рост/развитие» и «отпускать»). Более половины негативных единиц анализа приходится на «расставание». Виды действий в паре или по отношению к партнеру оказались преимущественно позитивны или нейтральны (88%). На первое место выходят «объятья» (21%), «секс/интимные ласки» (14%) и «поцелуи» (13%). Все они транслируются, прежде всего, картинками. Среди негатива половина приходится на «ссоры, разногласия, истерики, обиды, упреки» (47%). Если рассматривать исключительно текстовые сообщения, то доля позитива снижается до 79%. Оценивая разницу между информацией, передаваемой по текстовому и визуаль-

ному каналу (т. е. сознательный и бессознательный пласты), можно сделать вывод о наличии двойственных посылов, которые могут вводить в заблуждение читателей, формируя у них противоречивые и неустойчивые представления о будущем партнере.

В категории ценностей первое место делят между собой «доверие», «взаимопонимание/совместимость с партнером» и «душа», каждый из которых набирают по 10%. Высоко упоминание «идеальности» (9%), «верности», «честности» и «прощения» (по 8%). Далее в рейтинге ценностей следуют «деньги/материальное обеспечение» (6%), «свобода», «уважение» и «благодарность» (по 5%). «Ответственности» отводится всего 4%, что еще раз подтверждает гипотезу об инфантильности молодых людей.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, у современной молодежи присутствует ориентация на индивидуалистические ценности, на что указывает как низкая доля упоминаний пар и людей, состоящих в браке или продолжительных отношениях, так и существенная доля изображений одиноких людей, а также контекст представления понятия «одиночество». Кроме того, мы полагаем, что современная молодежь демонстрирует инфантильный подход к жизни, на наличие чего указывает преобладание позитивных наименований в описании процесса взаимоотношений, примат чувственных ощущений над действиями, а также невысокая доля упоминаний таких категорий как «ответственность», «работа над отношениями».

Также мы считаем, что в представлениях о будущем партнере и браке присутствуют противоречия, которые передаются разными информационными каналами: зачастую текст транслирует одни понятия (например, необходимость ориентации на чувства партнера), а иллюстрации к нему – противоположные (романтизация одиночества). Таким образом, публикации в изучаемых группах могут препятствовать выстраиванию эффективных взаимоотношений с партнером.

Литература

Ахмазова О. А. Консенсуальный брак в молодежной среде: проблемы и мотивы // II Всероссийские Сорокинские чтения. МГУ, 2002.

Беляева Я. В. Состояние и динамика отношения молодежи к незарегистрированному браку: Дис. ... канд. соц. наук. М., 2008.

Гурко Е. М. Представления студенческой молодежи о браке // Актуальные проблемы семей в России / Под ред. Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 200–210.

Емельянова Т. П. Будущий брак в социальных представлениях юношей и девушек студенческого возраста. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/emelianova_marriage-students (дата обращения: 04.01. 2017).
Лисовский В. Т. Молодежь: любовь, брак, семья. СПб.: Наука, 2004.

Особенности механизма извлечения памяти у детей младшего и старшего дошкольного возраста

А. В. Шустова (*Курск*)

Современные теоретические и экспериментальные исследования памяти в детском дошкольном возрасте посвящены проблеме механизма формирования следов памяти, тогда как изучение механизма извлечения вербальной и невербальной информации из памяти у детей дошкольного возраста составляет незначительную долю исследований.

Процесс извлечения информации из памяти в работах К. В. Анохина рассматривается как воспоминание и воспроизведение информации с последующей модернизацией информации при каждом воспоминании (Анохин, 2010).

Экспериментальное исследование механизма извлечения памяти представил F. Bartlett. В результате им были получены выводы о том, что информация, которая формируется воспоминаниями, отличается от исходной: фиксируемые воспоминания короче исходной информации (при сокращении сохраняется глубинная структура и смысл информации) (Bartlett, 1932). Учитывая, что F. Bartlett проводил эксперимент в группе юношей он установил, что преобразование исходного материала состоит из приведения относительно неизвестного (незнакомого) материала к относительно известному. При извлечении информации из памяти имеет значение субъективное отношение к этой информации, на основе которой субъект способен воспроизводить более частные детали образа. Схожее мнение высказывается и другими авторами – при извлечении из памяти различают восстановление по контекстным деталям, а в их отсутствии – по старым или новым объектам, причем за каждый из таких процессов ответственны разные структуры головного мозга (Daselaar et al., 2006; Han et al., 2005).

Дошкольный возраст представлен как сенситивный для формирования наглядно-образной памяти (Лурия, 2003), образов-представ-

лений, поэтому наряду с изучением формирования следов памяти, актуальным являетсяисследование особенностей механизма извлечения вербальной и невербальной информации из памяти.

Цель данной работы состоит в изучении механизма извлечения вербальной и невербальной памяти у детей дошкольного возраста.

Гипотеза: преобладающим видом запоминания в дошкольном возрасте является запоминание зрительно-образной информации, тогда как вербально-логическая информация претерпевает выраженные изменения не только на уровне формирования следов, но и на момент извлечения, чем зрительно-образная информация.

Характеристика выборки. Исследование проводилось на базе МБДОУ «Детский сад комбинированного вида» г. Курска. Исследование проводилась в индивидуальной форме, на условиях информированного согласия. Продолжительность работы с каждым ребенком не превышала 40 мин.

Общий объем выборки составил 60 человек. Экспериментальную группу составили дети раннего дошкольного возраста (4–5 лет) – 30 человек. Контрольную группу составили дети старшего дошкольного возраста (6–7 лет) – 30 человек.

Организация исследования. Организация исследования осуществлялась последовательно в два этапа. В результате предварительного этапа была дана сравнительная оценка объема кратковременной слухоречевой и зрительно-образной памяти у детей младшего и старшего дошкольного возраста.

Оценка объема кратковременной слухоречевой памяти осуществлялась с использованием методики «10 слов» А. Р. Лурии. Оценка объема кратковременной зрительно-образной памяти осуществлялась с использованием методики А. Р. Лурии «Зрительная память».

На втором этапе осуществлялась оценка темпа и точности извлечения памяти у младших и старших дошкольников. За основу организации экспериментального этапа исследования была взята работа F. Bartlett по реконструкции памяти при ее активном извлечении. В начале эксперимента испытуемым предъявлялся вербальный и образный материал, который необходимо было воспроизвести устно. Вербальный стимульный материал представлял собой незнакомый текст – притчу североамериканских индейцев «Эльфы и гномы». Объем текста включал 175 слов.

В качестве зрительного образного стимульного материала испытуемым предъявлялась буква «кси» древнегреческого алфавита.

После однократного предъявления инструкции ребенку предоставлялась возможность пересказать текст и срисовывать изображе-

ние. Далее испытуемым необходимо было воспроизводить эталонный материал (вербальный и образный) по памяти без возможности срисовывать или списывать через каждые 24 часа (на следующий день). Фиксировались два показателя темпа извлечения: первичный темп извлечения – время от окончания предъявления инструкции до начала процесса извлечения памяти (в секундах); общий показатель темпа извлечения – время от окончания предъявления инструкции до потери (утраты) извлекаемой информации (в часах). Показателем точности извлечения памяти вербальной информации выступали: общее количество лингвосемантических единиц в воспроизводимом тексте; количество лингвосемантических единиц, совпадающих с эталонным текстом. В качестве показателя точности извлечения памяти образной информации выступало сохранение схематического изображения буквы «кси» древнегреческого алфавита.

Количественная обработка полученных данных проводилась методами описательной и сравнительной статистики (U-критерий Манна–Уитни) с использованием пакетов прикладных программ Excel 2010.

Результаты

В результате сравнительной оценки слухоречевой и зрительно-образной памяти у младших и старших дошкольников, было выявлено, что уровень продуктивности слухоречевой памяти в младшем дошкольном возрасте ниже, чем в старшем ($U_{эпм}$=43, p=0,0001). Различия проявляются в наличии семантических замен (пальто–куртка) при непосредственном воспроизведении ряда слов-стимулов младшими дошкольниками. При исследовании продуктивности зрительно-образной памяти статически выявлены различия в ($U_{эпм}$=239, p=0,001) количественном соотношении воспроизведенных образов – к 3-му предъявлению дети старшего дошкольного возраста воспроизводили 100% зрительных стимулов, тогда как дети младшего возраста воспроизводили 50%, а к 4–5 воспроизведению 80% от общего количества зрительных стимулов.

При оценке точности извлечения вербальной информации установлено, что при первом воспроизведении вербальная информация потеряна у 71% испытуемых, к 2–3 воспроизведению доля испытуемых, которые не смогли воспроизвести информацию, достигает 83%. Полученные результаты свидетельствуют о преобразовании и значительной утере вербальной информации у детей младшего и старшего дошкольного возраста.

В результате оценки темпа извлечения вербальной информации достоверно установлено, что детей младшего дошкольного возраста снижен как первичный темп извлечения (среднее время извлечения вербальной информации составляет 18,29±3,26 с), так и показатели общего темпа извлечения вербальной информации (среднее время извлечения невербальной информации с сохранением лингвосемантическго содержания составило 76,12±8,82 часа).

Исследование извлечения невербальной (образной) информации у детей младшего и старшего дошкольного возраста, указывает на сохранение невербальной информации в течение всего эксперимента.

Невербальная информация сохранилась в течение эксперимента у 97% испытуемых. При втором воспроизведении возникли искажения информации у 42% испытуемых, на 2–3 воспроизведении у 46% испытуемых.

Вывод

Особенности памяти у детей дошкольного возраста проявляются в том, что процесс извлечения памяти характеризуется сокращением объема вербальной информации (сокращение воспроизводимого рассказа с искажением и упрощением смыслового содержания) при трансформации невербальной информации в более упрощенную, понятную и значимую по смысловому содержанию.

Полученные результаты свидетельствуют о преобладании образной памяти в дошкольном возрасте, это соответствует положению о сенситивности формирования образной памяти у дошкольников, при этом увеличивается объем и качество извлекаемой образной информации из памяти.

Практическая значимость исследования состоит в рассмотрении возможности включения в систему организации образовательного процесса наглядного, невербального материала при разработке оценочных заданий.

Литература

Анохин К. В. Мозг и память: биология следов прошедшего времени // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 5–6. С. 455–461.

Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М.: ИЦ «Академия», 2003.

Bartlett F. C. Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.

Daselaar S. M., Fleck M. S., Cabeza R. Triple dissociation in the medial temporal lobes: recollection, familiarity and novelty // Journal of neurophysiology. 2006. V. 96. № 4. P. 1902–1911.

Han J., Ngan K. N., Li M., Zhang H. J. A memory learning framework for effective image retrieval // IEEE Trans. Image Process. 2005. V. 14. № 4. P. 511–524.

Субъективный возраст как ресурс психологического здоровья человека*

А. Б. Эйдельман (*Москва*)

В настоящее время достижение и сохранение психологического здоровья ограничены такими социально-культурными условиями как нестабильная экономическая и политическая обстановка, демографическая конкуренция, высокий ритм жизни. В современном обществе растет агрессивность людей, увеличивается количество психических и физических заболеваний, неврологических расстройств, что снижает эффективность функционирования субъекта. Это требует активного поиска ресурсов повышения психологического здоровья и становится перспективной задачей в рамках психологии субъекта.

Рассматривая удовлетворенность собственной жизнью (психологическое благополучие) как предиктор психологического здоровья и изучая факторы его роста, мы приближаемся не только к пониманию особенностей психологического здоровья, но и к пониманию механизма формирования психологического здоровья в онтогенезе, а также возможности его поддержания и укрепления в рамках того или иного возраста.

В связи с этим особенно важно изучение психологического благополучия и его субъективных факторов в кризисные периоды онтогенеза человека (период самоопределения, становления в профессии, период перехода из одного статуса в другой, кризис среднего возраста, старение). В настоящее время подобных исследований недостаточно.

Началом изучения психологического благополучия стали исследования таких зарубежных ученых как Н. Брэдберн, К. Рифф, М. Аргайл, Р. Райан и Э. Деси. Однако большинство зарубежных исследований направлены на изучение психологического благополучия как феномена, изучение его структуры, а также личностных качеств и внешних факторов, повышающих его. В отечественной психологии продолжается поиск ресурсов психологического благополучия. Например, Д. С. Корниенко выделяет в качестве личностных предикторов, снижающих психологическое благополучие, депрессивность, нейротизм и ситуативную тревожность (Корниенко, 2014). В. А. Хащенко в своих исследованиях рассматривает экономическую составляющую удовлетворенности жизнью (Хащенко, 2012).

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 17-29-02155.

Однако изучению субъективных факторов уделено меньше внимания, несмотря на достаточно высокую долю влияния данных факторов на уровень психологического благополучия (Эйдельман, Сергиенко, 2016).

На основании исследования, проводимого на молодом возрасте в период самоопределения, которое выявило существенные различия биологического субъективного возраста и желаемого возраста при различных уровнях психологического благополучия (Эйдельман, Сергиенко, 2016), мы предполагаем, что субъективный возраст, являясь частью внутренней субъективной картины мира индивида, вносит вклад в регуляцию жизнедеятельности человека.

Исследование субъективного возраста у пожилых людей также показало его связь с качеством жизни, состоянием здоровья и удовлетворенностью старостью (Мелехин, Сергиенко, 2015). И в более ранних исследованиях других авторов, таких как А. В. Воронина, Э. Деси, Р. Райан, отмечается связь состояния здоровья с уровнем психологического благополучия. Исходя из этого, мы предполагаем, что субъективный возраст связан с психологическим благополучием и может рассматриваться в качестве одного из его ресурсов.

Под субъективным возрастом в настоящее время понимается репрезентация человеком собственного возраста, формирующаяся под влиянием раннего опыта, глубинных убеждений и ожиданий, условий жизни. Субъективный возраст включает в себя: биологический, эмоциональный, социальный и интеллектуальный субъективные возраста (Сергиенко, 2013).

В зарубежных исследованиях показано, что субъективные оценки возраста основаны на временных и социальных сравнениях. Оценивая свой возраст, человек или сравнивает свои собственные изменения во времени (временные оценки) либо сравнивает себя с другими людьми (социальные сравнения). Существует лишь несколько работ по данному аспекту. Так, К. Брэмен, показала преимущество временных сравнений, и ведущую роль биологического субъективного возраста, но на ограниченной выборке и возрастном диапазоне.

Е. А. Сергиенко выдвинуто предположение, что темпоральные (временные) сравнения играют ведущую роль в феномене субъективного возраста. Однако социальные сравнения и учет социальных маркеров возраста также играют важное значение, о чем свидетельствуют данные о связи субъективного возраста с важными событиями в жизни, социальным статусом работающего или пенсионера, наличием семьи, детей, внуков, уровнем образования.

Следовательно, механизмами субъективного возраста могут быть якорные (или временные) и/или социальные (проксимальные) сравнения, что обеспечивает гибкость возрастной идентичности не только в разные возрастные периоды, но и индивидуальные варианты, и лабильность на протяжении и более коротких жизненных интервалов.

Несмотря на то, что исследований субъективного восприятия собственного возраста в мировой науке становится все большее (R. Kastenbaum, B. Barak, U. Teuschler), ранее субъективный возраст не рассматривался в его воздействии на психологическое благополучие. Изучение взаимосвязи субъективного возраста и психологического благополучия восполнит этот пробел, а также углубит представление о психологических механизмах адаптации к реальности.

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи субъективного возраста и психологического благополучия в возрастные периоды, соответствующе кризисным периодам (20–30 лет – период самоопределения; 40–50 лет – кризис среднего возраста, 60–70 лет – изменение статуса и образа жизни).

Основная теоретическая гипотеза исследования состоит в том, что субъективное восприятие собственного возраста, как феномен возрастной идентичности, взаимосвязано с психологическим благополучием (является одним из факторов психологического благополучия), опосредуя лабильность адаптации к реальности, и специфично в разные возрастные этапы жизни человека.

В качестве респондентов выступают психически здоровые мужчины и женщины, проживающие в Москве и Московской области (ближайшее Подмосковье) в возрасте 20–70 лет (3 группы респондентов – 20–30 лет, 40–50 лет, 60–70 лет). Предполагаемый объем выборки – 150 человек.

Для сбора основных социодемографических данных, таких как образование, род занятий, семейное положение, наличие детей, профессиональная занятость, вредные привычки, наличие заболеваний и т. д. разработана авторская анкета.

С целью изучения психологического здоровья и субъективного возраста, используются следующие методики.

1. Шкала психологического благополучия (ШПБ) К. Рифф в модификации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко для выявления уровня и структуры психологического благополучия.
2. Опросник SF-36 (Health Status Survey – Short Form) (русскоязычная версия, созданная и рекомендованная МЦИКЖ – Межна-

циональный центр исследования качества жизни) для оценки собственного психологического здоровья.

3. Методика временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) в адаптации А. Сырцовой и др. для измерения ориентации индивида на прошлое, настоящее и будущее.
4. Опросник «Age-of-me» Б. Барака для выявления субъективного возраста и его составляющих.
5. Проективная методика для определения субъективного возраста и его составляющих, временных и социальных сравнений на 4 фотографиях серии «Зеркало помнит», созданных фотографом Томом Хасси.
6. 30 фотографий современников разных возрастов для выявления якорных и проксимальных оснований субъективного возраста.

Исходя из теоретического анализа предыдущих исследований субъективного возраста и психологического благополучия, мы предполагаем, что когнитивная иллюзия, т. е. различия в хронологическом и субъективном возрастах, с возрастом будет увеличиваться. Также мы предполагаем, что будут наблюдаться значимые различия в субъективном возрасте при различных уровнях психологического благополучия.

Выявленные связи между субъективным восприятием собственного возраста и психологическим благополучием восполнят пробел в изучении субъективных факторов психологического благополучия и позволят расширить модель личностных ресурсов психологического здоровья в разные возрастные периоды.

Литература

Корниенко Д. С. Личностные предикторы психологического благополучия // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–2. С. 429–432.

Мелёхин А. И., Сергиенко Е. А. Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 6–14.

Сергиенко Е. А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 10.

Хащенко В. А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Эйдельман Г. Н., Сергиенко Е. А. Роль субъективных факторов в психологическом благополучии молодежи в ситуации профессионального самоопределения // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 8.

Программа исследования психологических условий включения детей с синдромом Дауна в общеобразовательные классы начальной школы

Т. А. Юдина (*Москва*)

В последние годы все больше родителей детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью выбирают инклюзивные образовательные организации. По данным Министерства образования и науки Российской Федерации, в 2013/2014 учебном году инклюзивно обучалось 146729 детей с ОВЗ и инвалидностью, а в 2015/2016 учебном году – 173568 детей с ОВЗ и инвалидностью, т. е. на 18,3% больше.

Возможность общения и взаимодействия детей с ОВЗ с типично развивающимися сверстниками является одним из основных мотивов родителей при выборе инклюзивных школ. Некоторые родители также полагают, что обучение в инклюзивных школах будет иметь позитивный эффект для социальной инклюзии детей с ОВЗ в долгосрочной перспективе.

Высокую активность в отношении инклюзивного образования проявляют родители детей с синдромом Дауна. На сегодняшний день это одна из самых распространенных генетических аномалий среди новорожденных. Согласно мировой статистике, частота рождений детей с синдромом Дауна составляет в среднем 1 на 1000 (Weijerman, De Winter, 2010). По данным фонда «Даунсайд Ап», в России ежегодно рождается около 2500 детей с синдромом Дауна.

Дети с синдромом Дауна обладают рядом особенностей в своем физическом, когнитивном и эмоциональном развитии. Как правило, они позже своих сверстников проходят общие этапы развития. Несмотря на то, что в наши дни дети с синдромом Дауна официально уже не считаются необучаемыми, по-прежнему существуют проблемы с их включением в общее образование.

Как показывают результаты опросов педагогов, их готовность к образовательной и социальной инклюзии детей с ОВЗ связана с тяжестью нарушений: чем легче нарушения у детей, тем выше готовность педагогов работать с ними. При этом наиболее трудными для включения учителям представляются дети с интеллектуальными и эмоциональными нарушениями (Юдина, Алехина, 2015). Таким образом, существует противоречие между возрастающим спросом на инклюзивное образование со стороны родителей и неготовностью педагогов к включению детей с ОВЗ в общеобразовательные классы,

а значит, необходимы программы сопровождения педагогов при работе с разными категориями детей с ОВЗ.

Психологической наукой накоплено множество фактов, доказывающих важность для психического развития детей общения не только со взрослыми, но и с равными им сверстниками. Результаты современных эмпирических исследований показывают, что обучающиеся с ОВЗ меньше взаимодействуют со своими сверстниками, чем их типично развивающиеся одноклассники. В особенности это касается обучающихся с интеллектуальными нарушениями, в том числе с синдромом Дауна. Поскольку отсутствие опыта взаимодействия со сверстниками может привести к неспособности этих детей создавать стабильные социальные и дружеские отношения, важно чтобы педагоги и специалисты сопровождения создавали ситуации и поддерживали взаимодействие между одноклассниками (Garrote et al., 2017).

Целью является исследование психологических условий включения детей с синдромом Дауна в коллектив сверстников при совместном обучении в начальной школе.

Гипотезы. Основная гипотеза исследования состоит в том, что социально-психологический статус включаемых детей с синдромом Дауна в классе связан с отношением к ним педагогов.

Результаты теоретического анализа дают основания предполагать, что психологическим условием включения детей с синдромом Дауна в коллектив сверстников в младшем школьном возрасте является сотрудничество, проходящее в следующих формах: 1) непосредственно-эмоциональное общение; 2) предметно-действенное сотрудничество; 3) игровое сотрудничество; 4) учебное сотрудничество. Данная модель была предложена Г. А. Цукерман для описания общих форм сотрудничества детей и взрослых (Цукерман, 1993). Нам представляется возможным использовать эту модель также для анализа сотрудничества между одноклассниками. Кроме того, предполагается, что существует возрастная динамика в отношении одноклассников к включаемым детям с синдромом Дауна.

Методы исследования социально-психологического статуса включаемых младших школьников с синдромом Дауна в классе и отношения к ним педагогов: 1) социометрия, 2) цветовой тест отношений, 3) проективный рисуночный метод, 4) интервью, 5) критериально-ориентированное наблюдение (психологический анализ урока).

Математический анализ данных исследования предполагает использование коэффициента ранговой корреляции Спирмена для анализа связей между переменными, а также критерия Краскела–Уоллиса и критерия Манна–Уитни для анализа различий между классами.

Характеристика *выборки*. Для участия в эмпирическом исследовании будут приглашены младшие школьники, обучающиеся в инклюзивных классах общеобразовательных школ г. Москвы, а также педагоги, работающие в этих классах.

Выборку пилотажного исследования составили 117 учащихся шести инклюзивных классов в возрасте от 7 до 11 лет и учителя этих классов с педагогическим стажем от 1 до 25 лет. Во всех обследованных классах обучались дети с синдромом Дауна. Экспериментальной базой исследования стала средняя общеобразовательная школа г. Москвы, в которой более 10 лет организуется инклюзивная практика для детей с ОВЗ, в том числе для детей с синдромом Дауна.

Результаты

В ходе пилотного исследования (Юдина, Алехина, 2016) получены количественные и качественные данные, характеризующие особенности образовательных отношений в инклюзивных классах начальной школы. Корреляционный анализ данных показал, что чем шире репертуар профессиональных действий педагогов по включению детей с синдромом Дауна в общеобразовательный процесс, тем больше одноклассников принимают этих детей. Данный вывод поддерживает основную гипотезу исследования.

Итоги эмпирического исследования позволят создать психологическую модель динамики образовательных отношений в инклюзивных классах начальной школы. Выявленные закономерности могут стать основой для разработки способов психологической оценки и программы психологического сопровождения включения младших школьников с синдромом Дауна в коллектив сверстников.

Литература

Цукерман Г. А. Виды общения в обучении. Томск: Пеленг, 1993.

Юдина Т. А., Алехина С. В. Исследования по проблемам социальной и образовательной инклюзии лиц с интеллектуальными нарушениями // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 2. С. 40–46.

Юдина Т. А., Алехина С. В. Психолого-педагогические условия включения детей с синдромом Дауна в инклюзивные классы начальной школы // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 1. С. 94–102.

Garrote A., Dessemontet R. S., Opitz E. M. Facilitating the social participation of pupils with special educational needs in mainstream schools: A review of school-based interventions // Educational Research Review. 2017. T. 20. P. 12–23.

Weijerman M. E., De Winter J. P. Clinical practice // European journal of pediatrics. 2010. V. 169. № 12. P. 1445–1452.

Методика оценки эффективности волевых усилий при решении разноуровневых задач на внимание

А. В. Юртаев (*Ижевск*)

Воля есть способность человека преодолевать трудности, возникающие на пути достижения цели. Для преодоления трудностей субъект генерирует волевые усилия, направленные на урегулирование их нежелательного влияния. Воля необходима индивиду для закрепления в сознании нужного объекта, с целью концентрации и удержания на нем внимания. Внимание, как избирательная направленность восприятия, имеет тенденцию к рассеянию и истощению, поскольку его ресурсы не безграничны. Волевое усилие позволяет в определенной мере компенсировать эффекты рассеяния и истощения (Глазунов, Сидоров, 2016).

В современной психологической литературе делаются попытки объяснить природу волевых усилий, а также предлагаются экспериментальные методы их изучения. Однако арсенал таких средств немногочислен, и объективность исследования с их помощью не всегда обоснована. Поэтому остается актуальной задача разработки новых и психометрически корректных экспериментальных методов оценки волевых усилий. Недостаток нового исследовательского инструментария и побудил нас к созданию техники измерения волевого усилия (Сидоров, Юртаев, 2017).

Цель исследования: создание методики измерения волевого усилия, направленного на решение задач на внимание различной сложности.

Гипотеза исследования: объем волевого усилия и уровень вовлекаемых с его помощью аттенционных ресурсов зависит от сложности задачи, имеет индивидуальные пороговые значения и может быть измерен.

В 1935 г. Дж. Р. Струп опубликовал исследование, посвященное эффекту интерференции в том, что он назвал заданием на серийную вариабельную реакцию. Методика, используемая в исследовании, оценивает процесс, проходящий против нашей воли. Она основана на предъявлении стимулов, содержащих в себе конкурирующую (интерферирующую) информацию. Обнаруженный эффект интерференции является доказательством того, что субъект не может избежать обработки тех свойств входящей информации, которые он хотел бы проигнорировать. В тесте Струпа проводится измерение времени, затраченного на чтение бессмысленного набора букв (Список «А») и слов, значение которых не совпадает с цветом их изобра-

жения (Список «В»). Возникающая интерференция в списке «В» требует большего времени на выполнение задания.

После того как методика Струпа стала известна широкому кругу исследователей, ее использование возросло. Тест стал полезным инструментом изучения внимания и сопряженных с ним функций как в когнитивной психологии, так и в прикладных областях (Сидоров, 2017).

Поскольку организация заданий в методике связана с устранением возникающих препятствий при чтении слов, значения которых не совпадают с используемым цветом, необходимо волевое усилие. Если усложнить задачи по 12-ранговой шкале и подобрать на каждый ранг параллельные (эквивалентные) задачи, то само исследование можно использовать не только для оценки волевых усилий, благодаря которым происходит вовлечение дополнительного ресурса внимания для устранения возникающей интерференции, но и для изучения выдвижения и достижения целей.

Для уровня 1 используется тест Струпа (серия В), который состоит из 20 слов, напечатанных в пяти цветах (черном, красном, зеленом, синем и желтом). При этом значение слова не совпадает с цветом его изображения (Глейтман, Фридлунд, Райсберг, 2001). Каждый последующий уровень (по аналогии с уровнем 1) также состоит из слов, значение которых не совпадает с цветом их отображения, заданных в случайном порядке из тех же пяти цветов, используемых в тесте Струпа.

Задачи располагаются в порядке возрастания от 1-го к 12-му уровню. Переход от одного уровня к другому включает увеличение числа слов на 3. Указанный шаг увеличения выбран вследствие того, что при повышении числа слов менее чем на 3 испытуемые не ощущают значительного роста сложности, увеличение более чем на 3 приводит к невозможности выполнения заданий высоких рангов большинством испытуемых. Таким образом, уровень 1 состоит из 20 элементов, 2 – из 23; 3 – из 26; 4 – из 29; 5 – из 32; 6 – из 35; 7 – из 38; 8 – из 41; 9 – из 44; 10 – из 47; 11 – из 50; 12 – из 53. Каждое задание располагается на отдельном листе бумаги формата А4 и имеет стандартный размер.

В инструкции делается пояснение, что методика оценивает способность быть внимательным. Задание предлагается как тест на внимание: «Перед вами карточки с номерами задач. Номера обозначают степень сложности заданий. От 1 к 12 номеру трудность задач возрастает. На решение каждой задачи отведено определенное время. Если вы не успеете выполнить задачу за это время, она будет считать-

ся нерешенной. Задания вам необходимо выбирать самостоятельно. Укажите, пожалуйста, номер задачи, выбираемой для решения». После того как испытуемый назовет первый номер, ему предъявляется соответствующая задача и на ней осуществляется пояснение сути предлагаемой задачи: назовите вслух цвет, которым напечатано каждое из слов списка, двигаясь сверху вниз (Сидоров, Юртаев, 2017).

Исследование выдвижения и достижения целей предполагает наличие жестких временных нормативов для заданий каждого ранга, так как успех либо неудача в решении предыдущей задачи влияют на выбор сложности следующей. Нормативы составляют (в секундах): уровень 1–13; 2–15; 3–17; 4–19; 5–23; 6–26; 7–27; 8–29; 9–33; 10–35; 11–37; 12–39. Указанные значения были получены после ряда пилотных исследований. Их цель – сделать задания максимально сложными, но потенциально выполнимыми.

Поскольку феномен Струпа проявляется в том, что выполнение задания замедляется из-за конкуренции между прочтением напечатанного слова, непроизвольно активирующимся напечатанным названием цвета и оценкой цвета чернил. Возникающие препятствия удлиняют время прочтения слов, и чтобы сделать это быстрее (а этого требует инструкция), необходимо преодоление возникающего рассогласования с помощью волевого усилия. Чем меньше субъект допускает ошибок и тратит времени на выполнение задания, тем выше продуктивность функционирования внимания, привлекаемого с помощью волевого усилия (Сидоров, 2017).

Для корректного проведения исследования должно присутствовать нормальное освещение, так как учитываются все ошибки при назывании цветов испытуемыми. Цветовая схема составлена на основе оригинального теста Струпа и не подходит для людей, имеющих отклонения в зрительном восприятии цвета.

Нами предлагаются количественные показатели, направленные на оценку эффективности волевого усилия и вовлекаемого с его помощью аттенционного ресурса.

Индекс эффективности волевых усилий при решении задач на внимание:

$D1=(S1+...+Sn)/12$, где D1 – показатель эффективности 1; S – ранг сложности решенных задач.

$D2=(S1+...+Sn)/M$, где D – показатель эффективности 2; S – ранг сложности решенных задач; M – количество решенных задач.

Мощность аттенционного ресурса, привлекаемого с помощью волевого усилия, может быть рассчитана по решенным задачам отдельно:

M=A/t, где M – мощность аттенционного ресурса; A – ранг сложности решенной задачи; t – время, затраченное испытуемым для решения задачи (в секундах).

Мощность аттенционного ресурса, привлекаемого с помощью волевого усилия, может быть рассчитана и по всему эксперименту как сумма отдельных M:

M общ.=∑Mj, где: M общ. – суммарная мощность по всему эксперименту; Mj – мощность по отдельным задачам.

Введенные показатели можно считать предварительными. В процессе дальнейшей работы не исключается их корректировка, расширение (Сидоров, Юртаев, 2017).

Дальнейшее исследование предполагает проведение валидизации. Для этого планируется применить корректурную пробу Бурдона, поскольку там может быть использован показатель мощность внимания (Сидоров, 2012) и ряд аппаратурных техник (регистрирующих ЧСС и др. показатели, отражающие напряжение, т. е. волевое усилие при выполнении задач).

Литература

Глазунов Ю. Т., Сидоров К. Р. Степень проявления волевых качеств как мера способности преодоления препятствия на пути достижения цели // Сибирский психологический журнал. 2016. № 61. С. 20–33.

Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб.: Речь, 2001.

Сидоров К. Р. Количественная оценка продуктивности внимания в методике «Корректурная проба» Б. Бурдона // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 4. С. 50–57.

Сидоров К. Р. Психодиагностика внимания: учебно-методическое пособие (доработанное и расширенное). Ижевск: ИЦ «Удмуртский университет», 2017.

Сидоров К. Р., Юртаев А. В. Основания создания методики оценки эффективности волевых усилий при решении разноуровневых задач на внимание // Вестник Удмуртского университета. 2017. № 3 (в печати).

Психологическое сопровождение профессионального самоопределения учеников 8–9 классов

А. С. Юрьева, Я. А. Корнеева (*Архангельск*)

В настоящее время повышается роль профессиональной подготовки компетентных специалистов. Успешное профессиональное развитие личности возможно лишь в случае адекватного представления о мире профессий и сформированного профессионального самоопределения.

Но, как показывают многочисленные исследования, большинство старшеклассников не могут осуществить сознательный выбор профессии, или делают это спонтанно. Среди школьников наблюдается тенденция откладывания профессионального самоопределения. Отношение школьников к выбору будущей профессиональной деятельности достаточно поверхностное (Ильина, 2014). Старший подростковый возраст является наиболее значимым для формирования профессионального самоопределения и подготовки к осознанному выбору профессии (Зеер, Рудей, 2008).

Сопровождение профессионального самоопределения учеников 8–9 классов является необходимым. Актуально проанализировать характеристики профессионального самоопределения и разработать программу по развитию профессионального самоопределения учащихся 8–9 классов.

Цель исследования: разработать и апробировать программу психологического сопровождения профессионального самоопределения учеников 8–9 классов.

Гипотеза: в программе психологического сопровождения профессионального самоопределения учеников 8–9 классов необходимо использовать активизирующие методики, направленные на развитие всех компонентов профессионального самоопределения: профессиональную психологическую диагностику, профориентационные игры с классом, анализ ситуаций профессионального самоопределения, профориентационные упражнения в микрогруппах.

Выборка: исследование проводилось на базе МБОУ СШ № 33 г. Архангельска в течение апреля–мая 2017 г. В эксперименте приняло участие 40 учеников 8-х классов, разделенные пропорционально на две группы: контрольную и экспериментальную.

Математическая обработка данных производилась с применением статистического пакета IBM SPSS Statistics. Для статистической обработки данных были использованы описательные характе-

ристики, таблицы сопряженности с использованием χ^2 Пирсона, дисперсионный анализ ANOVA и ANOVA с повторными измерениями.

Под профессиональным самоопределением в нашем исследовании мы понимаем процесс самостоятельного осознания своих профессионально-психологических возможностей в соответствии с содержанием и требованиями профессиональной деятельности, а также нахождение смысла труда в конкретной социально-экономической ситуации (Зеер, Рудей, 2008).

Рассмотрев подходы к профессиональному самоопределению, мы определили его компоненты с опорой на анализ исследований Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова и на содержательно-процессуальную модель профессионального самоопределения Н. С. Пряжникова: готовность к выбору профессии; согласованность интересов и способностей личности с требованиями к выбранной профессии; сформированный профессиональный план, включающий осознание ценности труда, общую ориентировку в профессиональном мире, выделение профессиональной цели, знание о путях получения выбранной профессии и возможных препятствиях (Климов, 2010; Пряжников, 2008).

Для изучения каждого компонента профессионального самоопределения учеников 8-х классов нами были выбраны соответствующие им методы диагностики: анкета оптанта; опросник по схеме личной профессиональной перспективы, предложенной Е. А. Климовым; опросник «Готовность подростков к выбору профессии» В. Б. Успенского; опросник профессиональных предпочтений Д. Голланда; опросник профессиональных склонностей Л. А. Йовайши.

Результаты и их интерпретация. По результатам первичной диагностики, до формирующего эксперимента у школьников контрольной и экспериментальной групп не выявлено значимых различий в компонентах профессионального самоопределения.

Большинство восьмиклассников обеих групп характеризуются низким уровнем готовности к выбору профессии (χ^2=1,037 при p=0,595). У большей части школьников выбранная профессия не соответствует их профессиональным интересам (χ^2 =1,739 при p=0,187) и способностям (χ^2=3,800 при p=0,051). Большинство школьников характеризуются низким уровнем ориентировки в профессиональном мире (χ^2 =2,926 при p=0,232). У многих нет знаний о путях получения выбранной профессии (χ^2=1,012 при p=0,603). Кроме этого, восьмиклассники плохо знают о возможных препятствиях на пути к овладению профессии (χ^2 =3,636 при p=0,057).

Эти результаты были учтены при разработке программы психологического сопровождения профессионального самоопределения учеников 8–9 классов. Акцент был сделан на те компоненты, которые выражены на низком уровне.

Программа психологического сопровождения состоит из 8 занятий и рассчитана на 14 часов. Каждое занятие данной программы направлено на развитие определенного компонента профессионального самоопределения.

Целью программы является развитие профессионального самоопределения и формирование осознанного выбора профессии.

В качестве основных методов работы программа предусматривает групповые занятия с преобладанием таких форм работы, как профориентационная игра, карточная игра, групповая дискуссия, работа в микрогруппах, анализ ситуаций профессионального самоопределения.

Первое занятие программы направлено на ориентировку в мире профессий. Второе занятие развивает осознание ценности труда с помощью выяснения отношения к профессиям и к труду в целом. Третье занятие «Факторы выбора профессии» предполагает повышение уровня готовности учеников к выбору профессии посредством расширения знаний о факторах выбора профессии, осознания своих профессиональных желаний и мотивации. Занятие «Выбор профессии» помогает осознать возможные препятствия на пути к получению профессии. Пятое занятие направлено на определение соответствия интересов и способностей с выбранной профессией. Занятие «Профессиональное образование» содержит знания о путях получения профессий и о требованиях при приеме в учебные заведения. На седьмом занятии школьники формировали личный профессиональный план. Последнее занятие проходило как защита проектов «Моя будущая профессия», которое помогло школьникам в выделении профессиональной цели.

Для того чтобы проверить эффективность программы, со школьниками обеих групп была проведена повторная диагностика с применением тех же методик, что и при первичной диагностике. Для обработки данных использовался дисперсионный анализ ANOVA с повторными измерениями. По критерию Ливиня проверки равенства дисперсий $p>0,05$, следовательно, эффект межгруппового фактора может быть принят во внимание. По многомерному критерию уровень значимости $p<0,05$, т. е. между контрольной и экспериментальной группами значимые различия в результатах методик.

Для определения различий в уровнях выраженности всех компонентов профессионального самоопределения у восьмиклассни-

ков контрольной и экспериментальной групп после эксперимента использовались таблицы сопряженности с применением χ^2 Пирсона.

Нами были выявлены значимые различия по всем компонентам профессионального самоопределения, кроме уровня готовности к выбору профессии (χ^2=2,133 при p=0,144). Но сравнение средних уровня готовности у экспериментальной группы указывает, что количество школьников с низким уровнем готовности все же уменьшилось.

Также после проведения программы у экспериментальной группы увеличилось количество школьников, у которых выбранная профессия соответствовала бы их профессиональным интересам (χ^2=6,923 при p=0,009) и способностям (χ^2=5,757 при p=0,016). Уменьшилось количество учеников с низким уровнем осознания ценности труда (χ^2=6,633 при p=0,036). Значительно снизилось количество школьников с низким уровнем ориентировки в профессиональном мире (χ^2=6,450 при p=0,040). Большинство учеников смогли выделить профессиональную цель (χ^2=6,667 при p=0,036). У многих повысился уровень знаний о возможных препятствиях на пути к получению профессии (χ^2=7,037 при p=0,030).

Выводы. В проведенном исследовании были изучены характеристики профессионального самоопределения учеников 8-х классов.

Результаты первичной диагностики послужили основанием для разработки и применения программы психологического сопровождения профессионального самоопределения учеников 8–9 классов. Программа была успешно нами апробирована.

Так как общая динамика в изменении уровней выраженности компонентов профессионального самоопределения указывает на положительное влияние разработанной программы, мы можем считать, что цель нашего исследования достигнута и выдвинутая гипотеза подтвердилась.

Литература

Зеер Э.Ф., Рудей О.А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности: Учебное пособие. М.: МПСИ, 2008.

Ильина О.Б. Профессиональное самоопределение современных подростков: проблемы и пути их решения // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 3. С. 255–263.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010.

Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2008.

Влияние синемалогии на развитие психологического благополучия личности

Л. В. Юшкова, Р. Н. Хакимзянов (*Казань*)

Взгляд на происходящие события в современном мире показывает нам, что человеческая среда охвачена жестокостью, конфликтностью, агрессией. Ритм жизни в современном обществе очень стремителен, это приводит к тому, что человек вынужден постоянно перестраиваться под современные реалии. Жизнь с раннего детства расписана под социально-нормативные стандарты: «окончи школу», «получи высшее образование», «устройся на хорошую работу»». Во всех социальных институтах, в которые человек переходит с возрастом, ритм жизни и загруженность только нарастают. И даже если удается найти свободное время, человек не тратит его на то, чтобы прислушаться к себе, своим чувствам, эмоциям и желаниям. Иногда людям даже просто не хватает навыков для того, чтобы разобраться в своих эмоциях, дифференцировать их от своих действий, мыслей, понять, что с ним происходит. А ведь это очень важно для психологического здоровья личности. Большинство жителей больших городов страдают изолированностью друг от друга, от самих себя: в частности своих эмоций, тела и творчества. Жизнь становится серой, однообразной, и бессмысленной. Трансформация такой направленности наталкивает человека на переосмысление объективной действительности, общечеловеческих ценностей и норм поведения, что в первую очередь понижает уровень психологического благополучия личности.

Психологическое благополучие личности с 1990-х годов активно изучается в рамках специальной отрасли психологического знания – позитивной психологии, созданной американским ученым Мартином Селигманом. Психологическое благополучие эмпирическому анализу практически не поддается, но ученые не оставляют попыток придвинуться к пониманию механизмов развития и сущности данного феномена. На сегодняшний день наука располагает такими данными о психологическом благополучии, как его структура (Ryff, 1995) и знание о внешних и внутренних факторах, влияющих на данный феномен Бредберн (Bradburn, 1969; Diener, 2011; Seligman, 2012). Но вне сферы научного анализа находится изучение влияния синемалогии на психологическое благополучие личности. Термин «синемалогия» происходит от слова «Cine», которое восходит к греческому корню и означает действие, образ в движении и «логия» от латинского «logos» – наука, познание, рассуждение, способ анализа. По своей сути, синемалогия позволяет воспользоваться логикой человека

с целью выявления позитивного или негативного влияния фильма на сознание людей в его современном социальном контексте. Иными словами, синемалогия выясняет, побуждает ли данный фильм человека к большему развитию или, наоборот, тормозит его, ограничивает, провоцирует регресс, в котором человеческое сообщество отнюдь не испытывает недостатка (Менегетти, 2001). Следовательно, мы можем подойти к решению проблемы развития психологического благополучия личности средствами киноиндустрии, ведь мир телевидения – новости, реклама, фильмы, ток-шоу – постоянно оказывает массовое влияние на современного человека. «Правильно» подобранный фильм способен влиять на мировоззрение людей, на его эмоции, мышление и поведение в целом.

Таким образом, *цель* настоящего исследования – установить влияние синемалогии на психологическое благополучие личности, агрессивность и напряженность.

Гипотеза исследования – синемалогия влияет на развитие психологического благополучия личности и снижает уровень агрессивности и напряженности.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы использовались следующие *методы исследования:* теоретические – анализ научной литературы по проблеме исследования; формирующий эксперимент – выделение экспериментальной и контрольной групп, показ анимационного фильма «Воспоминания Марни»; эмпирические: метод опроса, психодиагностика; методы статистического анализа эмпирических данных (коэффициент корреляции Пирсона и t-критерий Стьюдента).

В исследовании использованы следующие *методики:* тест «Степень напряженности» (Н. А. Литвинова); опросник Басса–Дарки (А. Басс, А. Дарки); Оксфордский опросник счастья (М. Аргайл); шкала психологического благополучия Рифф (Н. Н. Лепешинский).

В эксперименте приняло участие 70 респондентов, которые являются студентами Казанского федерального университета.

Экспериментальное исследование было построено по следующему плану: «тест–воздействие–ретест». Нами в случайном порядке было выделены две группы: 1 группа – экспериментальная (35 человек); 2 группа – контрольная (35 человек). Экспериментальный план выглядит следующим образом:

Тест O1 X Тест O2
Тест O3 Тест O4,

где X – воздействие; O1 – экспериментальная группа до воздействия; O2 – экспериментальная группа после воздействия; O3 – контроль-

ная группа до воздействия на экспериментальную группу; О4 – контрольная группа после воздействия на экспериментальную группу.

В процессе экспериментального исследования было доказано следующее.

Между экспериментальной и контрольной группами до экспериментального воздействия не было выявлено статистически достоверных различий по t-критерию Стьюдента.

В экспериментальной группе до и после воздействия есть статистически достоверные различия по t-критерию Стьюдента в выраженности следующих показателей: «напряженность» ($t=3,38$, $p\leqslant 0,01$), «физическая агрессия» ($t=2,46$, $p\leqslant 0,05$), «косвенная агрессия» ($t=2,17$, $p\leqslant 0,05$), «негативизм» ($t=2,99$, $p\leqslant 0,01$), «вербальная агрессия» ($t=3,29$, $p\leqslant 0,01$), «счастье» ($t=-2,14$, $p\leqslant 0,05$), «психологическое благополучие» ($t=-2,24$, $p\leqslant 0,05$). Следовательно, после эксперимента в экспериментальной группе произошло снижение напряженности, физической агрессии, косвенной агрессии, негативизма, вербальной агрессии и повышение по показателям «счастье» и «психологическое благополучие».

В контрольной группе до и после воздействия на экспериментальную группу не выявлено статистически достоверных различий по t-критерию Стьюдента.

Между экспериментальной и контрольной группами после воздействия есть достоверные различия по t-критерию Стьюдента в выраженности следующих показателей: «счастье» ($t=2,16$, $p\leqslant 0,05$), «психологическое благополучие» ($t=2,28$, $p\leqslant 0,05$), «напряженность» ($t=-2,37$, $p\leqslant 0,05$), «физическая агрессия» ($t=-2,62$, $p\leqslant 0,05$), «косвенная агрессия» ($t=-3,51$, $p\leqslant 0,001$), «вербальная агрессия» ($t=-2,57$, $p\leqslant 0,01$).

Опираясь на результаты статистического анализа данных экспериментального исследования, можно заключить, что сеанс синемалогии (просмотр анимационного фильма «Воспоминания Марни») оказывает влияние на развитие уровня «счастья»; на развитие уровня «психологического благополучия»; на понижение уровня «агрессии» и «напряженности».

Корреляционный анализ результатов исследования экспериментальной и контрольной групп позволил установить следующее: через развитие «позитивного отношения с другими» мы можем снижать «чувство вины» у человека ($r=-0,35$, $p<0,05$) и повышать «автономию» ($r=0,47$, $p\leqslant 0,01$); через развитие «самопринятия» мы можем снижать «физическую агрессию» ($r=-0,38$, $p\leqslant 0,05$), а также развить «управление средой» ($r=0,46$, $p\leqslant 0,01$), «психологическое благополучие» ($r=0,36$, $p\leqslant 0,05$) и «осмысленность жизни» ($r=0,41$, $p\leqslant 0,05$); через развитие «автономии» мы можем снижать уровень «чувства вины»

(r=–0,45, p⩽0,01), а также повышать «позитивное отношение с другими» (r=0,47, p⩽0,01) и «психологическое благополучие» (r=–0,44, p⩽0,01); через развитие способности «управлять средой» мы можем снижать «подозрительность» (r=–0,44, p<0,01) и повышать уровень «самопринятия» (r=0,46, p⩽0,01).

Результаты экспериментального исследования подтвердили первоначальную гипотезу и позволили сформулировать следующие научно-практические рекомендации: 1) полученные в результате исследования выводы следует использовать в рамках психологической консультации, психологической коррекции и психотерапии для углубления и развития знания в области психологического благополучия; 2) практические психологи имеют возможность использовать предложенную батарею методик и фильм «Воспоминания Марни» для проведения диагностики и развития психологического благополучия личности; 3) проведенное исследование расширяет существующие средства оказания психологической помощи населению.

Литература

Менегетти А. Кино, театр, бессознательное. Пер. с итал. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001. Т. 1.

Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969.

Diener E., Chan M. Y. Happy people live longer: Subjective well-being contributes to health and longevity // Applied Psychology: Health and Well-Being. 2011. № 3 (1). P. 1–43.

Ryff C. D. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 69. P. 719–727.

Seligman M. Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being. N. Y.: Freepress, 2012.

Психофизиологические характеристики людей с психосоматической патологией

К. А. Яковенко, А. И. Кривоконева (*Санкт-Петербург*)

В современном мире огромное значение имеет возможность усвоения, распределения и отторжения поступающей информации. Ее большое количество ухудшает способность студентов к ее принятию, переработке и сохранению в процессе учебной деятельности. Также в последнее десятилетие увеличилось количество студен-

тов, страдающих разными формами психосоматических патологий. При нахождении организма в длительном информационном стрессе страдает способность перевода информации из кратковременной памяти в долговременную. Это опосредовано хроническим утомлением и нарушением таких функций внимания как концентрация, распределение и переключение. Помимо большой информационной нагрузки большое значение имеет уменьшение двигательной активности. Как следствие, ухудшается адаптация и появляются различные психофизиологические дисфункции.

Целью данного исследования было выявить студентов с наличием и со склонностью к психофизиологическим заболеваниям с помощью тестовых опросников, а также провести их дальнейший анализ.

В ходе исследования приняло участие 20 студентов 4 курса лечебного факультета СЗГМУ им. И. И. Мечникова, разного пола, средний возраст – 20 лет. Использовались следующие тесты-опросники: 1) Торонтская алекситимическая шкала; 2) Вопросник для выявления признаков вегетативных изменений; 3) Опросник Бека, предназначенный для диагностики депрессивных состояний; 4) Гиссенский опросник соматических жалоб; 5) Шкала реактивной и личной тревожности Спилберга–Ханина.

Статистическая обработка результатов проводилась с использованием программы Microsoft Excel.

При интерпретации результатов Торонтской алекситимической шкалы уровень алекситимии у всех студентов оказался до 62 баллов, что соответствует норме. Для количественной оценки имеющихся признаков была проведена экспертная оценка вегетативных симптомов СВД (синдрома вегетососудистой дистонии). На этом основании было придано соответствующее количество баллов каждому симптому от 1 до 10 в случае положительного ответа на соответствующий вопрос. Общая сумма баллов, полученная при изучении признаков по вопроснику, у здоровых лиц не должна превышать 15, в случае же превышения можно говорить о наличии СВД. Таким образом, оказалось, что в группе студентов из 20 человек 5 – здоровы, 15 – имеют СВД. По опроснику Бека, считается, что испытуемый страдает депрессией, если он набрал более 25 баллов. Результат менее 10 баллов говорит об отсутствии депрессивных тенденций и хорошем эмоциональном состоянии испытуемого. Промежуточную группу составляют испытуемые с легким уровнем депрессии ситуативного или невротического генеза. В группе студентов выявлен 1 человек с легким уровнем депрессии, у остальных наблюдалось хорошее эмоциональное состояние. Оценивая Гиссенский опросник соматических жалоб,

были выявлены отклонения среди испытуемой группы: 20% имели менее 14 баллов, 60% – менее 20, 90% – менее 40 баллов. Среди исследуемой группы низкий уровень реактивной тревожности выявляется у 2 человек, умеренной реактивной тревожности – у 15 человек, высокой реактивной тревожности – у 3 человек. При интерпретации данных низкий уровень личностной тревожности – 10, высокой личностной тревожности – 6.

Проведенные исследования по поводу психофизиологического здоровья студентов в современном мегаполисе, с точки зрения психосоматической патологии, вносят определенный вклад в понимание важности профилактики и коррекции здоровья человека в современном мире. Влияние стрессовых факторов, психоэмоционального перенапряжения, конфликтных ситуаций и в целом влияние окружающего мира отражается на здоровье студента. При нарушениях адаптации и отсутствии понимания того, как необходимо справляться с поступающей информацией возникают состояния, влияющие на психоэмоциональный фон, который отражается на физическом здоровье студентов.

При соматизации переживаний необходимо проводить коррекцию не только физических нарушений, но и нормирование психоэмоционального фона. При психогенных дисфункциях широко применяются различные релаксационные практики, массаж, мануальная терапия, фармакологические средства, фитотерапия, консультации психотерапевта. Также каждому студенту необходимо поддерживать здоровый образ жизни: соблюдать сбалансированное питание, режим дня, заниматься спортом, отказаться от вредных привычек.

Литература

Булгакова О. С. Психофизиологические функциональные системы и стресс. СПб.: НПЦ ПСН, 2012.

Инновационный подход в изучении феномена эмоционального выгорания пенитенциарных служащих

Е. И. Ярошенко (*Саратов*)

Актуальность изучения феномена эмоционального выгорания обусловлена тем, что в современной действительности произошли глобальные изменения экономической системы, в связи с этим возросли требования к профессиональному уровню и производитель-

ности труда в организационной сфере. Большое количество научных работ по данной проблематике свидетельствует о распространенности данного феномена в повседневной жизни. Напряженный рабочий график, неблагоприятный организационный климат, ненадежность работы выступают факторами, влияющими на повышение уровня эмоционального выгорания специалиста (Водопьянова, Старченкова, 2005). Серьезной задачей для руководителей компаний и специалистов-психологов выступает разработка профилактических и коррекционных мероприятий для предотвращения феномена эмоционального выгорания сотрудников организации. Внедрение инновационных технологий в исследования эмоционального выгорания позволит изучить особенности проявления феномена у каждого респондента и разработать соответствующий спектр мероприятий по его предупреждению.

Новизна нашего исследования состоит в изучении эмоциональных реакций сотрудников на объекты профессиональной деятельности с учетом их глазодвигательных характеристик, отслеживаемых с помощью метода айтрекинга. Валидизация данных проводится путем сопоставления полученных результатов с показателями тестовых методик, метода экспертных оценок, интервью и статистического анализа.

Цель исследования заключается в разработке нового диагностического метода и выявлении связи между особенностями эмоционального выгорания и характеристиками реакций глазодвигательной системы сотрудников пенитенциарных учреждений при предъявлении стимулов, связанных с профессиональной деятельностью.

Гипотеза исследования: существует связь между выраженностью показателей эмоционального выгорания и характеристиками реакций глазодвигательной системы сотрудников пенитенциарных учреждений при предъявлении стимулов, связанных с профессиональной деятельностью.

В исследовании применялись следующие *методы:* интервью; эксперимент (с помощью технологии айтрекинга); тестирование с применением методики диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко (Бойко, 2008) и опросника «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Маслач и С. Джексон (Maslach, Jacson, 1985), а также статистическим анализом с помощью программы SPSS, с использованием средних значений, U-критерия Манна–Уитни, корреляции Пирсона.

В исследовании приняли участие сотрудники уголовно-исполнительной системы, чья деятельность осложнена негативными фак-

торами, влияющими на повышение уровня выгорания. В процессе исследования было выявлено, что высокие показатели уровня эмоционального выгорания характерны для всех респондентов. Это связано с тем, что ролевые, определенные уставом отношения с коллегами у сотрудников пенитенциарных учреждений не позволяют удовлетворить потребность личности в самораскрытии (Дебольский, 2000), не предполагают эмоционально открытое, доверительное общение. Анализ полученных данных позволил проследить закономерность феномена выгорания относительно стажа работы сотрудников. В результате этого нами было проведено деление сотрудников на группы, стаж работы которых менее 3 лет; от 3 до 6 лет; от 6 лет и более.

При исследовании двух групп – эмоционально выгоревших (выражены 3 стадии) и невыгоревших сотрудников (1 или 2 стадии) выявлялся достоверный уровень различия по U-критерию Манна–Уитни. Критические значения U-критерия Манна–Уитни для уровня статистической значимости $\rho \leqslant 0{,}05$ для исследуемой выборки $U_{крит} \leqslant 127$ и при $\rho \leqslant 0{,}01$ $U_{крит} \leqslant 105$.

Выявлены достоверные различия между исследуемыми группами по фазам эмоционального выгорания «Напряжение» $U_{эмпир}=69$ при $\rho \leqslant 0{,}01$ и «Истощение» $U_{эмпир}=39$ при $\rho \leqslant 0{,}01$, а также стадиям «Переживание психотравмирующих обстоятельств» $U_{эмпир}=48{,}5$ при $\rho \leqslant 0{,}01$, «Тревога и депрессия» $U_{эмпир}=117$ при $\rho \leqslant 0{,}05$ и «Эмоционально-нравственная дезориентация» $U_{эмпир}=46{,}5$ при $\rho \leqslant 0{,}01$.

Результаты нашего исследования позволили прийти к *выводам.*

Специфической особенностью эмоционального выгорания является наличие определенного периода, в котором достигается его пик – максимальное значение показателей проявления симптомов эмоционального выгорания.

Эмоциональное выгорание оказывает влияние на особенности глазодвигательной системы человека при восприятии эмоционально-значимых стимулов, связанных с профессиональной деятельностью.

При экспонировании на айтрекере визуальных стимулов испытуемым с высокими показателями эмоционального выгорания взгляд испытуемых непроизвольно более длительное время фиксируется на негативно нагруженных изображениях. Также нами была обнаружена взаимосвязь фиксаций на негативных стимулах, связанных с профессиональной деятельностью и стадиями эмоционального выгорания: «Напряжение» ($r=0{,}64639$; $p \leqslant 0{,}05$); переживание психотравмирующих обстоятельств ($r=0{,}65564$; $p \leqslant 0{,}05$); неудовлетворенность собой ($r=0{,}47923$; $p \leqslant 0{,}10$); «загнанность в клетку» ($r=0{,}5411$; $p \leqslant 0{,}10$);

тревога и депрессия ($r=0,52495$; $p\leqslant0,10$); личностная отстраненность (деперсонализация) ($r=0,4989$; $p\leqslant0,05$).

Проведенный анализ данных эксперимента и беседы с респондентами показал, что у испытуемых с высоким показателем уровня эмоционального выгорания фиксации на изображениях с негативными стимулами, относящимися к профессиональной деятельности, связаны с возникающими в момент просмотра отрицательными воспоминаниями из прошлого опыта. Нейтральные стимулы вызывали ассоциации, связанные с профессиональной деятельностью. Таким образом, использование технологии отслеживания глазодвигательных реакций позволит значительно ускорить процесс диагностики эмоционального выгорания у работников.

Результаты исследования могут быть использованы в научных и образовательных целях, а также для совершенствования технологий профессиональной подготовки кадров, при отборе персонала.

Литература

Бойко В. В. Психоэнергетика. СПб.: Питер, 2008.

Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. Т. 1. М.: Смысл–ИЦ «Академия», 2006.

Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005.

Дебольский М. Г. Человеческий фактор в ОВД: сущность, психологические резервы активизации. М., 2000.

Maslach C., Jacson S. E. The role of sex and family variables in burnout // Sex Roles. 1985. V. 12. № 7–8. P. 41–48.

Наши авторы

Абакумова С. Ю. – магистрант АНО ВО «Гуманитарный университет»; e-mail: svetik642@mail.ru; с. 10–13

Абдулганиева Сижарат Абдулганиевна – студент (5 курс) ФГБОУ ВО ЯГМУ Минздрава России; e-mail: sizharat_abdulganieva@mail.ru; с. 14–16

Абросимов Илья Николаевич – к. психол. н., старший преподаватель кафедры клинической психологии МГМСУ им. А. И. Евдокимова; e-mail: i.abrosimov@bk.ru; с. 16–20

Агаркова Варвара Владимировна – аспирант (3 курс) ФГБУ ВО СПбГУ; e-mail: varvara-averchenko@yandex.ru; с. 20–24

Адамян Анна Андреевна – аспирант НИУ ВШЭ; e-mail: adamyan.anya@gmail.com; с. 24–27

Адмакина Татьяна Анатольевна – к. психол. н., доцент СПбГУП; e-mail: admakina.ta@gmail.com; с. 28–31

Акбирова Резеда Раисовна – магистрант (1 курс) ФГАОУ ВО К(П)ФУ; e-mail: akbrezeda@yandex.ru; с. 31–35,; с. 35–39

Акимова Александра Игоревна – инженер АО ИК «АСЭ»; e-mail: sashaaki@mail.ru; с. 655–659

Александрова Надежда Александровна – студент (4 курс) ФГБОУ ВО МАГУ; e-mail: 96nadin19@mail.ru; с. 39–43

Алёшичева Анна Васильевна, к. психол. н., доцент кафедры психологии, педагогики и ИКТ ФДПО ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России; e-mail: annamona@yandex.ru; с. 705–708

Алексеева Екатерина Михайловна – к. психол. н., доцент КФУ; e-mail: ealekseeva@list.ru; с. 43–46

Аллахвердов Михаил Викторович – к. психол. н., старший преподаватель СПбГУ; e-mail: m.allakhverdov@smolny.org; с. 46–50

Андреева Юлия Валерьевна – студент (5 курс) ЯГМУ; e-mail: uysha.95@mail.ru; с. 50–54
Андреева-Ко-Сен-Дин Малика Александровна – магистрант (2 курс) РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: kosendin@gmail.com; с. 54–58
Антонова Татьяна Дмитриевна – аспирант (2 курс) РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: tane4ka_ne@inbox.ru; с. 58–60
Антропова Маргарита Юрьевна – магистрант (1 курс) ФГБОУ ВО МГППУ; e-mail: gossipgirlmargo@mail.ru; с. 60–64
Артемьева Елена Николаевна – студент (3 курс) СГМУ; e-mail: ele31397883@yandex.ru; с. 68–71
Арутюнова Карина Роландовна – аспирант ИП РАН; e-mail: wolf1276@yandex.ru; с. 830–834
Апанович Владимир Викторович – аспирант ИП РАН; e-mail: wolf1276@yandex.ru; с. 830–834
Астрейко Наталья Сергеевна – аспирант (1 курс) ФФСН БГУ; e-mail: astra_tasha@mail.ru; с. 71–73
Афонина Алина Викторовна – магистрант (1 курс) ФГБОУ АлтГУ; e-mail: aav.afonina@mail.ru; с. 73–76
Ахтямова Гульназ Сайдашевна – студент (3 курс) ФГАОУ ВО КФУ; e-mail: gulnaz.akhtyamova.97@mail.ru; с. 76–78
Балина Ольга Владимировна – аспирант (1 курс) НИ ТГУ; e-mail: panferova.ov@yandex.ru; с. 78–82
Барканова Анастасия Викторовна – магистрант (1 курс) НИ ТГУ; e-mail: anastassiya.barkanova@gmail.com; с. 78–82
Бармина Арина Юрьевна – студент (4 курс) САФУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: barmina.arina@mail.ru; с. 407–411
Батхина Анастасия Александровна – аспирант (1 курс) НИУ ВШЭ; e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com; с. 82–86
Бахчина Анастасия Владимировна – к. психол. н., научный сотрудник ИП РАН; e-mail: nastya18-90@mail.ru; с. 86–89
Бедарева Кристина Анатольевна – магистрант (2 курс) АлтГУ; e-mail: kristinathesun93@gmail.com; с. 90–92
Белановская Марина Леонидовна – к. психол. н., преподаватель кафедры клинической и консультативной психологии БГПУ им. М. Танка; e-mail: belanovskaya.marina@gmail.com; с. 93–96
Бециашвили Валерия Владленовна – магистрант (2 курс) ФГБОУ ВПО РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: valeria_pv@mail.ru; с. 97–100
Бобылев Евгений Леонидович – к. психол. н., доцент Арзамасский филиал ННГУ; e-mail: arzjen@mail.ru; с. 101–103
Богданова Виктория Александровна – магистрант СГУ им. Н. Г. Чернышевского; e-mail: bogdanowa.victoria2013@yandex.ru; с. 678–682

Богуславская Дарья Геннадьевна – магистрант (2 курс) РУДН; e-mail: Daria.bogus@mail.ru; с. 103–107

Боровик Вероника Юрьевна – студент (4 курс) ПГУ; e-mail: ms.ronny21@mail.ru; с. 107–111

Бочек Юлия Васильевна – магистрант (1 курс) ЯрГУ; e-mail: yuliya-bochek@yandex.ru; с. 111–113

Бражников Павел Петрович – директор по научной работе АНО «НАИСиПС», e-mail: pavel@psy.academy; с. 114–117

Будрина Екатерина Генриховна – к. психол. н., научный сотрудник ИП РАН; e-mail: bydrina@yandex.ru; с. 118–122

Бурина Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ; e-mail: katerina_burina@yahoo.co.uk; с. 122–126

Бурова Мария Евгеньевна – студент (5 курс) СПбГУ; e-mail: marya1994@mail.ru; с. 126–130

Бутолина Евгения Андреевна – студент (4 курс) ГАУГН; e-mail: butolina-e@mail.ru; с. 130–134

Бухаленкова Дарья Алексеевна – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru; с. 134–137

Быховец Юлия Васильевна – к. психол. н., ст. научный сотрудник ИП РАН; e-mail: bykhovets@yandex.ru; с. 314–317

Варнавский Александр Николаевич – к. т. н., доцент ФГБОУ ВО «РГРТУ»; e-mail: varnavsky_alex@rambler.ru; с. 137–141

Варфоломеева Елена Алексеевна – к. психол. н., педагог-психолог СПб ГБУ СО соц. приют для детей «Транзит»; e-mail: velena_ea@mail.ru; с. 141–145

Ведерникова Ирина Сергеевна – студент (3 курс) КФУ; e-mail: r.khakimzyanov@gmail.com; с. 884–886

Видинеева Мария Александровна – студент (4 курс) ГАУГН; e-mail: mariavidineeva@yandex.ru; с. 145–149

Виленская Галина Альфредовна – к. психол. н., ст. научный сотрудник ИП РАН; e-mail: vga2001@mail.ru; с. 149–153; с. 262–266

Владимиров Илья Юрьевич – к. психол. н., доцент ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: kein17@mail.ru; с. 461–465; с. 483–486; с. 743–747

Волкова Ирина Владимировна – научный сотрудник РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: atrila@mail.ru; с. 158–161

Волкова Мария Германовна – магистрант (2 курс) ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, e- mail: mariya-garina@yandex.ru; с. 161–165

Волкова Наталья Эдуардовна – аспирант (3 курс) ГАУГН; e-mail: nats29@mail.ru (nats29.2@mail.ru); с. 165–169

Волченкова Анастасия Александровна – магистрант (1 курс) ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: 24crocus95@gmail.com; с. 325–329

Воронина Мария Евгеньевна – педагог-психолог КГУ; e-mail: mariaantonvoron@mail.ru; с. 169–173

Ворошилина Ирина Васильевна – преподаватель кафедры социальной и семейной психологии ИП БГПУ; e-mail: voirva@mail.ru; с. 173–177

Высоцкая Елена Александровна – студент (4 курс) ПИ ИГУ; e-mail: elena.v.9696@mail.ru; с. 177–181

Гиголаева Дзерасса Владимировна – студент (4 курс) ФГБОУ ВО СОГУ; e-mail: gogitsaeva@yandex.ru; с. 181–184

Гижук Татьяна Васильевна – к. психол. н., старший преподаватель кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им. Я. Купалы; e-mail: gizhuk_tv@grsu.by; с. 184–188

Гильмутдинова Людмила Рифнуровна – магистрант (2 курс) ФГБОУ ВО МарГУ; e-mail: gilmutdinovaludmila@yandex.ru; с. 188–192

Годунов Михаил Викторович – к. психол. н., преподаватель кафедры экспериментальной и прикладной психологии ЧОУДПО Школа Сотворчества; e-mail: godunmv997@gmail.com; с. 6–10

Григорова Татьяна Петровна – к. психол. н., доцент кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО КГУ; e-mail: grigorova.t90@mail.ru; с. 193–196

Григорьев Дмитрий Сергеевич – младший научный сотрудник НИУ ВШЭ; e-mail: dgrigoryev@hse.ru; с. 197–200

Грязнова Анастасия Андреевна – магистрант (2 курс) СПБГУ; e-mail: gr.nastya123@gmail.com; с. 201–204

Грязнова Екатерина Александровна – магистрант (1 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: gryaz.ekaterina@gmail.com; с. 205–208

Даначева Мария Николаевна – соискатель РУДН; e-mail: vg44@mail.ru; с. 209–212

Даниелян Ани Араиковна – аспирант (2 курс) СПбГУ; e-mail: ani90danielyan@mail.ru; с. 212–216

Данина Мария Михайловна – старший научный сотрудник ФГБНУ «ПИ РАО»; e-mail: mdanina@yandex.ru; с. 458–461

Демарева Валерия Алексеевна – младший научный сотрудник кафедры психофизиологии ННГУ им. Н. И. Лобачевского; e-mail: Kaleria.naz@gmail.com; с. 216–221

Демцура Светлана Сергеевна – к. психол. н., доцент кафедры экономики, управления и права ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ; e-mail: akademppi@mail.ru; с. 222–225

Дикий Игорь Сергеевич – к. психол. н., старший преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики ЮФУ; e-mail: isdikiy@sfedu.ru; с. 225–229
Дихорь Виктория Александровна – преподаватель кафедры сервиса и оздоровительных технологий ИФКСиМП УрФУ, кафедра СиОТ; e-mail: dikhviktoriya@mail.ru; с. 229–233
Доронина Вера Феликсовна – магистрант (1 курс) ПГНИУ; e-mail: vf_doronina8@mail.ru; с. 233–236
Дробышева Мария Михайловна – аспирант (3 курс) ГАУГН; e-mail: mmdrob@mail.ru; с. 236–240
Дубров Дмитрий Игоревич – младший научный сотрудник НИУ ВШЭ; e-mail: ddubrov@hse.ru; с. 197–200
Дудникова Татьяна Александровна – магистрант ГАУГН; e-mail: keeperrain@yandex.ru; с. 245–248
Дымова Екатерина Николаевна – младший научный сотрудник ИП РАН; e-mail: grebennikovakaty@mail.ru; с. 248–251
Евстафеева Евгения Александровна – к. психол. н., доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО ЧелГУ; e-mail: evgeniy-eg@mail.ru; с. 356–359
Екимчик Ольга Александровна – к. психол. н., доцент кафедры социальной психологии КГУ; e-mail: olga-ekimchik@rambler.ru; с. 251–255
Желанкин Роман Викторович – младший научный сотрудник МИП, аспирант ГАУГН; e-mail: littletick@yandex.ru; с. 255–258
Жигалина Наталия Викторовна – студент (3 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: zhigalinatasha@gmail.com; с. 259–261
Жиркова Анжелика Васильевна – педагог-психолог ДОУ № 100; e-mail: ang.lika.v@mail.ru; с. 262–266
Жукова Алла Дмитриевна – старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных состояний СПбГУ; e-mail: zhukova.a.d@gmail.com; с. 446–449; с. 266–270
Жукова Дарья Ильинична – соискатель СПбГУ; e-mail: zhukova.daria.linda@gmail.com
Жукова Ольга Викторовна – научный сотрудник Институт физиологии им И. П. Павлова РАН; e-mail: volgazhukova@gmail.com; с. 270–273
Загирова Анастасия Аркадьевна – студент (4 курс) НОЧУ ВО МИП; e-mail: anastasiyazagirova@mail.ru; с. 273–277
Задорова Юлия Александровна – преподаватель кафедры специальной педагогики и психологии КГУ; e-mail: julia.zadorova@yandex.ru; с. 277–281

Заикин Виктор Александрович – к. психол. н., старший преподаватель Первого МГМУ им. И. М. Сеченова; e-mail: zaipsy@ya.ru; с. 281–285
Зайцева Анастасия Эдуардовна – аспирант ТГУ; e-mail: zayceva_asja@mail.ru; с. 285–289
Зиннатуллина Резеда Ринатовна – студент (3 курс) КФУ ИПО; e-mail: rezedusha120@mail.ru; с. 289–293
Зиновьева Елена Владимировна – студент (4 курс) ПГУПС; e-mail: lenazinvlad@yandex.ru; с. 736–739
Знаменская Ирина Игоревна – ассоциированный научный сотрудник ИП РАН; e-mail: znamenirina@gmail.com; с. 293–296
Зубкова Каролина Владимировна – студент (5 курс) ФГБОУ ВО КГМУ; e-mail: Zubkova-karolina@mail.ru; с. 296–299
Ильиных Анна Васильевна – магистрант (2 курс) ПГГПУ; e-mail: anutka_43.92@mail.ru; с. 299–302
Ипполитова Елена Александровна – к. психол. н., доцент кафедры социальной психологии ФГБОУ АлтГУ; e-mail: ippolitovae@bk.ru; с. 73–76
Исмаилова Аян Мобиль – магистрант Center for Political Psychology CPP; e-mail: aismayilova@gmail.com; с. 302–305
Ишмуратова Юлия Алексеевна – аспирант (3 курс) МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: ishmuratova08@gmail.com; с. 305–309
Казакова Кристина Андреевна – аспирант (2 курс) ЮФУ; e-mail: christan999@mail.ru; с. 310–313
Казымова Надежда Наильевна – младший научный сотрудник ИП РАН; e-mail: bakusevan@mail.ru; с. 314–321
Карабанов Артем Петрович – аспирант (3 курс) ИП РГГУ; e-mail: pacaraban01@gmail.com; с. 321–325
Карпова Эльвира Борисовна – к. психол. н., доцент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций СПбГУ; e-mail: karpova05@inbox.ru; с. 126–130; с. 337–341
Кашапов Мергаляс Мергалимович – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и педагогической психологии ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: smk007@bk.ru; с. 325–333
Киворкова Александра Юрьевна – к. биол. н., медицинский психолог ФГКУ санаторий «Жемчужина Кавказа»; e-mail: sandra077@yandex.ru; с. 333–337
Кипнис Анна Валерьевна – студент (5 курс) СПбГУ; e-mail: anya.kipnis@gmail.com; с. 337–341
Кириллова Дарья Сергеевна – аспирант (3 курс) ФГБОУ ВО КГМУ МЗ РФ; e-mail: selivanova-darya@mail.ru; с. 341–344

Кирпичник Ольга Владимировна – аспирант КГУ; e-mail: kirpichnik@yandex.ru; с. 344–348
Киселева Надежда Владимировна – аспирант (3 курс); e-mail: МГППУ2133940@mail.ru; с. 349–352
Киселева Олеся Владиславовна – магистрант (2 курс) МПГУ; e-mail: lkpin@mail.ru; с. 352–356
Киселев Константин Анатольевич – инженер лаборатории юридической психологии факультета психологии СГУ имени Н. Г. Чернышевского; e-mail: saratovian@gmail.com; с. 678–682
Климова Марина Олеговна – старший преподаватель кафедры психологии ФГБОУ ВО ЧелГУ; e-mail: klimova.marina@list.ru; с. 356–363
Климович Дарья Викторовна – аспирант (2 курс) УО БГУ; e-mail: dasha_by@mail.ru; с. 364–367
Ковалёв Артём Иванович – аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: artem.kovalev.msu@mail.ru; с. 367–370
Козлова Елена Александровна – младший научный сотрудник НИИФФМ; e-mail: kozlova_ea@physiol.ru; с. 371–374; с. 630–634
Колантаевская Анна Сергеевна – аспирант (3 курс) СПбГУ; e-mail: a.kolantaevskaya@gmail.com; с. 375–378
Колас Татьяна Андреевна – магистрант БГПУ им. М. Танка; e-mail: piratka1001@mail.ru; с. 378–381
Колда Анастасия Александровна – магистрант (2 курс) РГГУ; e-mail: dalokanastasia@gmail.com; с. 381–385
Колесникова Анастасия Юрьевна – студент (4 курс) ФГБОУ ВО МАГУ; e-mail: simvia@yandex.ru; с. 385–388
Колодько Виктория Александровна – магистрант ЮФ; e-mail: viktori4kaa@mail.ru; с. 497–500
Колотова Ольга Валерьевна – специалист научно – организационного отдела, преподаватель кафедры психологии КГУФКСТ; e-mail: olga.lavrichenko@mail.ru; с. 388–392
Коновалова Александра Михайловна – к. психол. н., специалист по учебно-методической работе 1-й категории факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова; ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии факультета высшего сестринского образования и психолого-социальной работы Первого МГМУ им. И. М. Сеченова; e-mail: konovalovaam@gmail.com; с. 392–396
Корбут Анна Вадимовна – соискатель, преподаватель МГЭУ; e-mail: korbut.anna@rambler.ru; с. 396–400
Коргожа Мария Александровна – аспирант, ассистент кафедры клинической психологии ФГБОУ ВО СПбГПМУ; e-mail: korgozha_m.a@mail.ru; с. 400–404

Корехова Мария Владимировна – к. психол. н, доцент ГБОУ ВО САФУ; e-mail: mkorexova@mail.ru; с. 404–407

Корнеева Яна Александровна – к. психол. н., доцент, и. о. заведующего кафедрой психологии САФУ; e-mail: amazonkca@mail.ru; с. 407–415; с. 857–860; с. 968–971

Корнейчук Татьяна Дмитриевна – магистрант (1курс) ФГБОУ ВО ВГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых; e-mail: divercantka_ya@mail.ru; с. 415–419

Королева Екатерина Михайловна – аспирант ФГБОУ ВО КГУ; e-mail: katerina_shutova@bk.ru; с. 419–423

Коростелева Олеся Евгеньевна – медицинский психолог ОБУЗ ККПБ; e-mail: korostelevaolesia-1311@yandex.ru; с. 423–427

Космакова Вера Игоревна – специальный психолог УрГПУ; e-mail: vera_sweety@mail.ru; с. 427–431

Кривощеков Владислав Сергеевич – студент (4 курс) НИУ ВШЭ; e-mail: vlkrivoschekov@gmail.com; с. 431–434

Крылова Марина Александровна – аспирант (2 курс) ФГБОУ ВО КГУ; e-mail: marinakrilova82@gmail.com; с. 435–438

Кузин Евгений Дмитриевич – научный корреспондент ИП им. Г. С. Костюка НАПН Украины, ассоциативный сотрудник ИП РАН; e-mail: gkuzin@ukr.net; с. 438–443

Кузмицкая Юлия Леонидовна – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики УО ГрГМУ; e-mail: bulavotschka@mail.ru; с. 443–446

Кузнецова Любовь Валерьевна – студент (5 курс) СПбГУ; e-mail: soldluba@yandex.ru; с. 446–449

Кузнецова Марина Анатольевна – магистрант (2 курс) ГАУГН; e-mail: mariisha.ku@mail.ru; с. 118–122

Кузнецова Мария Александровна – магистрант НИУ СГУ им. Н. Г. Чернышевского; e-mail: mariyalemza@yandex.ru; с. 450–454

Кулинич Даниил Олегович – аспирант РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail:kulinichdo@gmail.com; с. 454–457

Куминская Евгения Андреевна – научный сотрудник ФГБНУ «ПИ РАО»; e-mail: j-aquarius@bk.ru; с. 458–461

Кутузова Анастасия Борисовна – аспирант (1 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: kutuzova-anastasiia@mail.ru; с. 461–465

Кушина Надежда Васильевна – магистрант НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; e-mail: nkushina25@gmail.com; с. 216–221

Лаврешина Анастасия Юрьевна – аспирант Академии психологии и педагогики ЮФУ; e-mail: nat-lavreshina@yandex.ru; с. 225–229; с. 465–467

Лапкина Елена Валерьевна – к. психол. н., старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны; e-mail: elena-lapkina@inbox.ru; с. 467–471
Ласьков Глеб Дмитриевич – студент МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: laskov.msu@yandex.ru; с. 367–370
Латышева Екатерина Вячеславовна – студент (5 курс) ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: latysheva.e.v@mail.ru; с. 472–475
Лебедев Александр Петрович – магистрант (2 курс) КГУ; e-mail: mr.alexandrlebedev@mail.ru; с. 475–479
Лебедева Евгения Игоревна – к. психол. н., старший научный сотрудник ИП РАН; e-mail: evlebedeva@yandex.ru; с. 130–134; с. 149–153
Лебедева Раиса Витальевна – аспирант (2 курс) ИП РГПУ им.А. И. Герцена; e-mail: raisalebedeva@mail.ru; с. 480–483
Лебедь Антон Александрович – аспирант (1 курс) University of Delaware, Newark, DE; e-mail: coglebed@gmail.com; с. 483–486
Леонтьева Александра Александровна – аспирант (2 курс) МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: bogdan.a@rggu.ru; с. 486–489
Линкевич Анастасия Романовна – магистрант (2 курс) РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: nastlinkevich@gmail.com; с. 489–492
Ломова Мария Анатольевна – магистр (2 курс) АПП ЮФУ; e-mail: ladysinger@mail.ru; с. 493–496
Лукьяненко Екатерина Станиславовна – к. психол. н., доцент Академии психологии и педагогики ЮФУ; e-mail: eslukyanenko@sfedu.ru; с. 497–500
Лысых Анастасия Александровна – аспирант (1 курс) КГМУ; e-mail: asay_1993@mail.ru; с. 501–504
Лыткина Анастасия Олеговна – бакалавр (4 курс) ИФКСиМП УрФУ, кафедра СиОТ; с. 229–233
Мазурчук Екатерина Олеговна – ассистент кафедры психологии образования ФГБОУ ВО УрГПУ; e-mail: mazurchuke@yandex.ru; с. 504–508
Малыгина Мария Павловна – студент (6 курс) МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: mashamalugina@gmail.com; с. 508–512
Мартыненко Маргарита Николаевна – аспирант (1 курс) МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: margaret.martynenko@gmail.com; с. 512–516
Марченко Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры психологии развития социально-педагогического факультета, магистр психологических наук БрГУ им. А. С. Пушкина; e-mail: elena_mar@mail.ru; с. 516–520

Масовец Екатерина Сергеевна – студент (4 курс) ПИ ИГУ; e-mail: vsokaterina@mail.ru; с. 520–524
Матюшина Марина Геннадьевна – аспирант (1 курс) ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: mg.matyushina@gmail.com; с. 524–528
Матюшичева Мария Ильинична – аспирант (2 курс) ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: maria.matyushicheva@gmail.com; с. 528–532
Мельчакова Наталья Сергеевна – магистрант (2 год обучения) Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет ПГГПУ; e-mail: drnatalya@mail.ru; с. 532–535
Мешкова Наталья Владимировна – к. психол. н., доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ; e-mail: nmeshkova@yandex.ru; с. 60–64
Микелевич Елена Болеславовна – ассистент кафедры гуманитарных наук, философии и права УО ПолесГУ; e-mail: mikelena06@mail.ru; с. 536–539
Милюхина Екатерина Алексеевна – студент (4 курс) ПИ ИГУ; e-mail: ekaterina_milyuxina@mail.ru; с. 539–543
Мирзабеков Мамед Чахангирович – студент (3 курс) ФГБОУ ВО ЯГМУ Минздрава России; e-mail: muhammadmirzabekov@mail.ru; с. 14–16
Миронова Елена Александровна – студент (5 курс) ФГБОУ ВО ЯГМУ Минздрава России; e-mail: Belushka_mironova@mail.ru; с. 543–547
Миронова Ксения Вадимовна – научный сотрудник ФГБНУ ПИ РАО; e-mail: kseniamir@inbox.ru; с. 547–551
Митрофанова Анастасия Вячеславовна – магистрант РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: Lightandsound@yandex.ru; с. 551–555
Михайлова Дарья Александровна студент (3 курс) ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: mihaylovadar@mail.ru; с. 555–558
Мишин Антон Александрович – преподаватель ГБОУ ПО СПК, соискатель Академии педагогики и психологии ЮФУ; e-mail: anton.voron@mail.ru; с. 558–562
Московченко Елизавета Николаевна – студент (4 курс) НИУ ВШЭ; e-mail: Homestuck@bk.ru; с. 563–566
Моталова Юлия Игоревна – аспирант (2 курс) ЮФУ; e-mail: yuliya.motalova@gmail.com; с. 566–569
Мошкович Олеся Сергеевна – аспирант (3 курс) ФГБОУ ВО ПИ ИГУ; e-mail: osm91@mail.ru; с. 570–573
Муравьев Владислав Вадимович – аспирант (1 курс) НИУ ВШЭ; e-mail: muravyev.vlad@gmail.com; с. 574–578

Муравьёва Яна Валерьевна – магистрант (2 курс) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского; e-mail: yanamuravova@gmail.com; с. 578–582
Муращенкова Надежда Викторовна – к. психол. н., доцент кафедры общей и социальной психологии АНО ВО СГУ; e-mail: muraschenkova.n@yandex.ru; с. 582–586
Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович – д. психол. н., профессор кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, профессор СПбГУ; e-mail: rjm@list.ru; с. 20–24; с. 853–856
Неврюев Андрей Николаевич – старший преподаватель кафедры «Управление персоналом и психология» ФУ при правительстве РФ; e-mail: a.n.nevruev@mail.ru; с. 586–589
Негрий Варвара Александровна – младший научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: v.negrii@gmail.com; с. 589–593
Непомилуева Елена Викторовна – магистрант (2 курс) ФГБОУ ВО КГУ; e-mail: elenanepomilueva@yandex.ru; с. 593–597
Никитина Дарья Алексеевна – лаборант ФГБОУ ВО ГАУГН; e-mail: d.a.nikitina@yandex.ru; с. 317–321
Николаева Анна Петровна – магистрант (1 курс) ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: anna06.93@bk.ru; с. 597–600
Нифонтова Лариса Ивановна – психолог-педагог ГБОУ «СОШ № 35 им. Г. А. Абызова, соискатель Академия педагогики и психологии ЮФУ; e-mail: obovt@mail.ru; с. 601–603
Новгородова Екатерина Федоровна – аспирант (2 курс) ФГАОУ ВО «БФУ им. И. Канта»; e-mail: 39psych@gmail.com; с. 603–607
Осинина Татьяна Николаевна – к. психол. н., доцент кафедры педагогики ГОУ ВО МО; e-mail: tatyanaosinina@mail.ru; с. 607–611
Панащик Роман Сергеевич – магистр БГПУ им. М. Танка; e-mail: heavenrisk@mail.ru; с. 611–614
Панкова Дарья Сергеевна – магистр (1курс) ФГБОУ ВО УдГУ; e-mail: pankova.d@gmail.com; с. 614–618
Паньшина Светлана Евгеньевна – аспирант (2 курс) ФГБОУ ВО РУДН; e-mail: svetlana120891@yandex.ru; с. 618–622
Парфёнова Татьяна Вячеславовна – соискатель (2 год обучения) НИО МО РБ; e-mail: pa.tanya@mail.ru; с. 622–626
Пахмутова Марина Анатольевна – аспирант (3 курс) ФГБОУ ВО МарГУ; e-mail: marbry@mail.ru; с. 626–630
Перевизник Ольга Сергеевна – преподаватель французского языка «Альянс Франсез – Нижний Новгород»; e-mail: olgav00@mail.ru; с. 216–221

Петренко Евгения Николаевна – аспирант (3 курс), медицинский психолог НИИФФМ; e-mail: petrenkoen@physiol.ru; с. 630–634
Петрикова Наталья Валерьевна – аспирант (3 курс) НОЧУ ВО МИП; e-mail: pve04021961@yandex.ru; с. 634–637
Пешкова Наталья Александровна – к. психол. н., доцент ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого; e-mail: na_peshkova@mail.ru; с. 640–644
Победоносцева Анна Андреевна – магистрант (1 курс) КГУ, ИПП; e-mail: anya.pobedonosceva@mail.ru; с. 638–640
Полевая Анна Валерьевна – аспирант ННГУ им. Н. И. Лобачевского; e-mail: a.dostoevskaya@gmail.com; с. 216–221
Поленова Ольга Анатольевна – студент (4 курс) ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого; e-mail: olechka.polenova.96@mail.ru. 640–644
Пономарева Ирина Владимировна – к. психол. н., доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО ЧелГУ; e-mail: Ivp_csu@yandex.ru; с. 645–647
Пустозёрова Дарья Андреевна – студент (4 курс) НИУ ВШЭ; e-mail: darya_pustozerova@list.ru; с. 648–651
Пылаев Александр Александрович – аспирант (1 курс) ФГБОУ ВО ВГУ; e-mail: krapinsky@bk.ru; с. 651–655
Разина Валентина Васильевна – инженер ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород» (ООО «ГтНН»); e-mail: val1610@mail.ru; с. 655–659
Рафикова Антонина Семеновна – аспирант (2 курс) ГАУГН; e-mail: antoninaraf@yandex.ru; с. 659–663
Рахманина Анастасия Алексеевна – студент (6 курс) ГБОУ ВПО МГППУ; e-mail: rakhmanina.a@mail.ru; с. 664–667
Решетко Светлана Альбертовна – аспирант (4 курс) ИП РАН; e-mail: swetlana.reshetko@yandex.ru; с. 668–671
Ризова Полина Дмитриевна – магистрант (2 курс) ПГГПУ; e-mail: maffiazlo@gmail.com; с. 671–674
Рой Анита Пранабовна – студент (6 курс) ФГБОУ ВО МГППУ; e-mail: anita010101@yandex.ru; с. 674–678
Романова Наталья Михайловна к. соц. н., доцент кафедры общей и социальной психологии, доцент СГУ имени Н. Г. Чернышевского; e-mail: romanova_nm@inbox.ru; с. 678–682; с. 941–945
Романовская Мария Александровна – соискатель ИП РАН; e-mail: m.a.romanovskaya@yandex.ru; с. 682–686
Рудыхина Ольга Валерьевна – к. психол. н., старший преподаватель кафедры психологии человека института психологии РГПУ им. А. Г. Герцена; e-mail: olga.rudykhina@yandex.ru; с. 686–690

Русак Иван Иванович – аспирант (1 курс) ФГБОУ ВО ГАУГН; e-mail: ivanrezancev@gmail.com; с. 690–693
Савельева Ольга Александровна – аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: savelevapsy@gmail.com; с. 693–697
Савко Инна Владимировна – аспирант БГПУ им. М. Танка; e-mail: inna.savko@gmail.com; с. 697–701
Савостикова Екатерина Николаевна студент (5 курс) ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России; e-mail: k.subbota2012@yandex.ru; с. 701–705
Самойлов Николай Григорьевич – д. биол. н., зав. кафедрой психологии, педагогики и ИКТ ФДПО профессор ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России; e-mail: annamona@yandex.ru; с. 705–708
Свешникова Светлана Леонидовна – педагог-психолог МОУ «Начальная школа – детский сад № 109 «Букваренок»; e-mail: svetlaniy@mail.ru; с. 708–711
Свиягина Алла Игоревна – студент (2 курс) ФГБОУ ВО НГПУ им. К. Минина; e-mail: alla.sviyaqina@mail.ru; с. 711–715
Селина Ирина Алексеевна аспирант (2 курс) ГБОУ ВПО КГМУ Минздрава России; e-mail: irinaselina86@gmail.com; с. 715–718
Семёнова Мария Маратовна магистрант (2 курс) РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: star_and_sun@mail.ru; с. 718–722
Сибгатуллина Лейсан Рифатовна – психолог ФГАОУ ВО КВТККУ; e-mail: l-S95@mail.ru; с. 35–39
Сибиряков Евгений Сергеевич – ассистент кафедры Теоретической и Прикладной психологии ПГГПУ; e-mail: sibiryakov_e@pspu.ru; с. 722–726
Сидорова Александра Ивановна студент ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: sidorowa.alia2014@yandex.ru; с. 726–728
Сизова Яна Николаевна – аспирант (2 курс) ФГБОУ ВО ЧелГУ; e-mail: sizova159@yandex.ru; с. 645–647
Симон Юлия Александровна – студент (6 курс) ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова; e-mail:Ysimon1357@gmail.com; с. 729–732
Симоненкова Анна Сергеевна – магистрант (2 курс) ФГБОУ ВО КГУ; e-mail: a.simonenkowa@yandex.ru; с. 732–735
Сингатуллова Алия Амировна – преподаватель КФУ; e-mail: aliya.singatullova92@gmail.com; с. 43–46
Синельникова Елена Семеновна – к. психол. н., доцент ПГУПС; e-mail: elena.sinelni@yandex.ru; с. 736–739
Сиротюк Марта Викторовна – аспирант (3 курс) Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: marthakyutoris@yandex.ru; с. 740–743

Смирницкая Анастасия Витальевна – магистрант (2 курс) ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П. Г. Демидова обучения; e-mail: a9159793033@gmail.com; с. 743–747
Смирнова Александра Александровна – магистрант (2 курс) ФГБОУ ВО КГУ; e-mail: aleksa_smirnova45@mail.ru; с. 747–750
Смирнова Татьяна Леонидовна – бакалавр ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: Tatiana19952211@yandex.ru; с. 755–759
Смирнова Жанна Борисовна – студент (5 курс) ФГБОУ ВО ЯГМУ; e-mail: noir789@mail.ru; с. 759–762
Смирнова Светлана Васильевна – старший лаборант НИ ТГУ; e-mail: miasvetlanka@mail.ru; с. 751–754
Созинова Ирина Михайловна – аспирант (3 курс) ИП РАН; e-mail: eiole@yandex.ru; с. 145–149; с. 763–766
Соколовская Ольга Константиновна – к. психол. н., доцент психологии и педагогики ВоГУ; e-mail: oli6nya@mail.ru; с. 767–770
Соловьева Мария Вячеславовна – студент (4 курс) СПбГУ; e-mail: masha-0812@bk.ru; с. 770–774
Солодунова Мария Юрьевна – к. психол. н., доцент СПбГУ; e-mail: m.solodunova@spbu.ru; с. 898–901
Степанчук Анастасия Павловна – студент (4 курс) СПбГУ; e-mail: stepanchuk.psy@gmail.com; с. 774–777
Стефурак Кристина Никитовна – магистр ЮФУ; e-mail: christi.93.93@mail.ru; с. 777–781
Строкова Светлана Сергеевна – аспирант МГППУ; e-mail: strokovass@gmail.com; с. 781–785
Стукова Дарья Сергеевна – студент (4 курс) САФУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: d.stukova@mail.ru; с. 411–415
Суворова Мария Сергеевна – студент (4 курса) САФУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: suvorova.manya95@yandex.ru; с. 411–415
Сугутина Анастасия Анатольевна студент (3 курс) ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ; e-mail: sugutina@yandex.ru; с. 785–789
Сысоева Алёна Владимировна – магистрант ГУО МГУ им. А. А. Кулешова; e-mail: alyona.sysoeva10@gmail.com; с. 789–793
Сычёва Наталия Борисовна – аспирант УрГПУ; e-mail: energi81@list.ru; с. 793–797
Талантов Дмитрий Александрович – магистрант (1 курс) ГАУГН; e-mail: dtalant@yandex.ru; с. 797–801
Тащи Карина Валерьевна – магистрант (3 курс) АНО ВО МосГУ; e-mail: karisha93t@mail.ru; с. 801–805
Телегина Станислава Ярославовна – аспирант (2 курс) МГППУ; e-mail: Ignas-fatui@rambler.ru; с. 805–809

Темиргалиева Майя Михайловна – аспирант (1 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: mayamatveeva@mail.ru; с. 809–812
Тен Елена Аркадьевна – студент (3 курс) ГАУГН; e-mail: winter_melody@inbox.ru; с. 154–157
Терскова Мария Александровна – студент (4 курс) НИУ ВШЭ; e-mail: m_terskova@mail.ru; с. 812–815
Тимур Ольга Юрьевна – аспирант (3 курс) Психологический центр «Белый аист»; e-mail: helgatimur@gmail.com; с. 815–819
Титова Ирина Алексеевна – студент (4 курс) ФГБОУ ВПО ПИ ИГУ; e-mail: irishka.titova.2012@mail.ru; с. 819–823
Титова Мария Александровна – к. психол. н., старший преподаватель-начальник курса МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: mariatitova@mail.ru; с. 823–826
Тихонова Анастасия Сергеевна – медицинский психолог ГАУЗ МНПЦ МРВСМ ДЗМ Филиал № 3; e-mail: seyli1992@list.ru; с. 827–830
Тищенко Антон Григорьевич – студент (3 курс) ГАУГН; e-mail: wolf1276@yandex.ru; с. 830–834
Ткаченко Дарья Павловна – аспирант (2 курс), преподаватель кафедры психологии личности ФГБОУ ВО им. Л. С. Выготского; e-mail: dashgreat@gmail.com; с. 867–870
Токарева Валентина Борисовна – ассистент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, соискатель ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; e-mail: valya.tokareva@ bk.ru; с. 834–837
Толмачева Ирина Валерьевна – магистрант ФГБОУ ВО НГПУ, педагог-психолог МБОУ СОШ № 206; e-mail: ponurowska@mail.ru; с. 837–841
Толстиков Виталий Владимирович – аспирант (1 курс) ВГУ; e-mail: Tomsoyer1993@mail.ru; с. 841–845
Троицкая Елена Авенировна – к. психол. н., доцент кафедры психологии и педагогической антропологии ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: ea.troitskaya@mail.ru; с. 845–849
Троянская Анна Игоревна – к. психол. н., доцент кафедры «Экономика предприятия» ИжГТУ им. М. Т. Калашникова; e-mail: atroyanskaya@mail.ru; с. 849–853
Туманьян Карина Георгиевна – аспирант (2 курс) СПбГУ; e-mail: karinatumanyan@gmail.com; с. 853–856
Тюлюбаева Тамара Олеговна – ассистент кафедры психологии ИПиП САФУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: musya1991@bk.ru; с. 857–860
Уварова Ольга Михайловна – магистрант (3 курс) ФГБОУ ВО КГУ; e-mail: olgauvarova777@yandex.ru; с. 861–864

Уланова Анна Юрьевна – к. психол. н., научный сотрудник ИП РАН; e-mail: rachugina@gmail.com; с. 894–897
Ульяновская Татьяна Николаевна – студент ФГБОУ ВО СГМУ; e-mail: ulyanovskayatn@yandex.ru; с. 864–866
Ухаткина Алина Айратовна – студент (3 курс) КФУ; e-mail: r.khakimzyanov@gmail.com; с. 884–886
Фасхутдинов Ринат Тахирович – магистрант (1 курс) ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: hitman939@yandex.ru; с. 329–333
Фаустова Анна Геннадьевна – преподаватель кафедра общей и специальной психологии с курсом педагогики ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России; e-mail: lakoniya@yandex.ru; с. 870–873
Федоровский Александр Евгеньевич – магистрант (2 курс) НИ ТГУ; e-mail: alexandr_fed@mail.ru; с. 751–754
Федотова Анна Игоревна – магистрант (1 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: fedotova-1996@yandex.ru; с. 874–877
Федотова Жанна Эдуардовна – аспирант ВШЭ; e-mail: zhanna-fedotova007@gmail.ru; с. 877–880
Феофилатова Ксения Дмитриевна – магистрант (2 курс); e-mail: feofilatova.xiusha@yandex.ru; с. 880–884
Хакимзянов Руслан Наильевич – к. психол. н., ст. преподаватель КФУ; e-mail: xakim@mail.ru; с. 884–886;; с. 972–975
Хасиева Алина Витальевна – студент (4 курс) ФГБОУ ВО СОГУ им. Коста Левановича Хетагурова; e-mail: gogitsaeva@yandex.ru; с. 887–890
Хватов Иван Александрович – к. психол. н., зав. кафедрой общей психологии МГППУ, зав. научно-образовательным центром биопсихологических исследований МИП; e-mail: ittkrot@gmail.com; с. 890–894
Хлюстова Виктория Дмитриевна – студент (4 курс) ИП РАН; e-mail: v.velesova@yandex.ru; с. 894–897
Часовских Анастасия Витальевна – магистрант (2 курс) СПбГУ; e-mail: st014153@student.spbu.ru; с. 898–901
Чахоян Алина Самвеловна – педагог-психолог, преподаватель ФГБОУ ВО ИвГУ; e-mail: chakhoyan.a.s@yandex.ru; с. 902–905
Чемеревская Виктория Александровна – преподаватель, магистр психологии БрГУ им. А. С. Пушкина; e-mail: viktoriya_2209@mail.ru; с. 905–909
Чернов Альберт Валентинович – к. психол. н., доцент каф. общей психологии КФУ; e-mail: albertprofit@mail.ru; с. 909–913
Чуйкова Жанна Владимировна – студент (3 курс) ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России; e-mail: zhanna7496@mail.ru; с. 913–916

Чураева Галина Дмитриевна – магистрант (1 курс) СГУ им. Н. Г. Чернышевского; e-mail: tchuraewa2014@yandex.ru; с. 916–919
Чурикова Марина Александровна магистрат (2 курс) МГУ университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: m.a.churikova@gmail.com; с. 919–923
Шавалева Ксения Андреевна – студент (3 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова; e-mail: shavalyova.97@mail.ru; с. 923–925
Шакирова Ксения Альбертовна – аспирант; e-mail: shakirra@yandex.ru; с. 926–929
Шараев Максим Геннадьевич – к. ф.-м. н., научный сотрудник НИЦ «Курчатовский институт»; e-mail: msharaev@mail.ru; с. 64–68
Шарафутдинова Марина Николаевна – профконсультант отдела организации приёма и профориентации, магистрант кафедры практической психологии ФГБОУ ВО ВятГУ; e-mail: marina-sharafutdinova@mail.ru; с. 929–933
Шахворостова Татьяна Владимировна – аспирант (3 курс), ООО «ЦРЛ и ПП „Слон“»; e-mail: eugenij96@rambler.ru; с. 933–937
Швец Татьяна Александровна – аспирант (4 курс) ФГБОУ ВО МГППУ; e-mail: schwetcs@gmail.com; с. 937–941
Шипова Наталья Сергеевна – к. психол. н., старший преподаватель кафедры специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО КГУ; e-mail: ronia_777@mail.ru; с. 941–945
Шкаева Дарья Владимировна – магистрант (1 курс) НИУ СГУ им. Н. Г. Чернышевского; с. 946–949
Шмидт Дарья Александровна – аспирант (3 курс) МосГУ; e-mail: dariashmidt@mail.ru; с. 949–953
Шустова Антонина Вячеславовна – аспирант (1 курс) ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России; e-mail: tonya_shustov@mail.ru; с. 953–956
Эйдельман Александра Борисовна – аспирант (2 курс) ИП РАН; e-mail: eydelman94@gmail.com; с. 957–960
Юдина Татьяна Алексеевна – аспирант (2 года обучения), научный сотрудник Института проблем инклюзивного образования ФГБОУ ВО МГППУ; e-mail: ta.yudina@gmail.com; с. 961–963
Юмкина Екатерина Анатольевна – к. психол. н., старший преподаватель СПбГУ; e-mail: ekaterinayum@gmail.com; с. 770–774
Юртаев Андрей Владимирович – магистрант (2 курс) УдГУ; e-mail: yurtaev.andrey93@mail.ru; с. 964–967
Юрьева Анна Сергеевна – магистрант (1 курс) С (А) ФУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: nura-holm@yandex.ru; с. 968–971
Юшкова Любовь Владимировна – магистр (1 курс) КФУ; e-mail: xakim@mail.ru; с. 972–975

Яковенко Ксения Александровна – студент (5 курс) ФГБОУ ВО «СЗГМУ им. И. И. Мечникова»; e-mail: ksenia1996smile@mail.ru; с. 975–977
Ярошенко Елена Игоревна – аспирант (2 курс) СГУ им. Н. Г. Чернышевского; e-mail: yarosh667@gmail.com; с. 977–980

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО
Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего»
14–15 ноября 2017 года, Москва

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*
Корректор – *Л. В. Бармина*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: (495) 682-51-29
E-mail: rio@psychol.ras.ru
www.ipras.ru

Сдано в набор 01.11.17. Подписано в печать 07.11.17
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 55,5. Уч.-изд. л. 55
Тираж 50 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6